

Александр ШОХИН

**ДИАЛОГ
С ЧЕТВЕРТОЙ
ВЛАСТЬЮ**

МОСКВА • 1999

Шохин А.Н.

УДК 323/324 (470+571)

ББК 66,3 (2Рос) III 82

—

Диалог с четвертой властью. Москва. 1999 г.— 640 с.

В книге собраны тексты интервью и стенограммы пресс-конференций депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, доктора экономических наук, профессора А.Н. Шохина за 1996—1999 годы. В этот период автор занимал посты первого заместителя председателя нижней палаты парламента, лидера второй по величине фракции Думы, входил в состав российского правительства.

The book contains stenographic reports of press-conferences and interviews given by Alexander Shokhin, the deputy of the State Duma (the lower Chamber of Russian Parliament), professor of economics, from the beginning of 1996 to the fall of 1999. Author occupied in this period posts of the first deputy Chairman of the State Duma, the leader of the second biggest faction in the House and also worked as deputy Primeminister of the Russian Government.

ISBN 5-900053-017-X

Александр Шохин, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	5
КАКОЙ ПОРТФЕЛЬ ТЯЖЕЛЕЕ?.....	8
ГЛАВНОЕ МЫ СДЕЛАЛИ.....	15
НЕ ДОПУСТИТЬ ВОЗВРАТА К ТОТАЛИТАРИЗМУ.....	20
ПОЙДУТ ЛИ ЗАКОНЫ В НОГУ С РЕФОРМАМИ?.....	22
РЕГЛАМЕНТ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	24
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ.....	31
ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО РЕШИТЬСЯ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ.....	42
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ РЕГИОНОВ ЕВРОПЫ.....	44
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО И ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.....	51
ДУМА - КОНГРЕСС.....	59
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ.....	70
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТЕЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	81
СЕКВЕСТР.....	87
ПРЕСТИЖ ФРАКЦИИ -В ЭФФЕКТИВНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ.....	93
ФРАКЦИЯ ОБРЕТАЕТ ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ.....	103
ЛИЦОМ К ЛИЦУ. ЛИДЕР ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛИСТАМ.....	107
ВИЗАВИ С МИРОМ.....	117
ЧТО НАС ЖДЕТ ЗА УГЛОМ?.....	124
ПОПЫТКА ОБНОВЛЕНИЯ.....	130
КАК ПОДДЕРЖАТЬ АРМИЮ?.....	136
РАБОТАТЬ НАДО В СВЯЗКЕ.....	139
ВОТ УМ НЕДОВЕРИЯ И БЮДЖЕТ.....	141
РЕШИТСЯ ЛИ ДУМА НА САМОРОСПУСК?.....	143
НОВАЯ ФОРМУЛА ПРЕЗИДЕНТСТВА?.....	148
СУДЬБА НАЛОГОВОГО КОДЕКСА.....	154
ПОВЛИЯЕТ ЛИ МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС НА РОССИЮ?.....	158
СОБИРАТЬ СТОРОННИКОВ РЕФОРМ БЕЗ ПОТряСЕНИЙ.....	162
КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ.....	165
СУДЬБА ПАКЕТНОГО СОГЛАШЕНИЯ.....	167
ПРАВИТЕЛЬСТВО ПАРЛАМЕНТСКОГО БОЛЬШИНСТВА.....	171
ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ?.....	175
ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАКОНЫ.....	180
МОЖНО ЛИ СФОРМИРОВАТЬ КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?.....	184
ПОЧЕМУ ДЕПУТАТЫ "ЗАБЫЛИ" О ФИНАНСОВОМ КРИЗИСЕ?.....	192
НУЖЕН ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ БЮДЖЕТ?.....	197
КОМПРОМИСС ДОСТИГНУТ, ЧТО ДАЛЬШЕ?.....	202
ОТЧЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ДУМЕ -.....	205
НАЧАЛО НОВОГО ВИТКА КОНФРОНТАЦИИ.....	205
СОВЕТ ЕВРОПЫ И РОССИЯ.....	210
ПРАВО СТАТЬ КАНДИДАТОМ.....	217
В ПРЕЗИДЕНТЫ НАДО ЗАРАБОТАТЬ.....	217
НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ.....	217
УСЛОВИЯ ПОДДЕРЖКИ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.....	223
ЛОББИЗМ ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ И НЕ ОЧЕНЬ.....	227
ПОРА ЗАДУМАТЬСЯ О ВЫБОРАХ.....	231
ПРИШЕЛЕЦ С РАБОЧЕЙ ОКРАИНЫ.....	240
ОСНОВАНИЕ ДЛЯ УМЕРЕННОГО ОПТИМИЗМА.....	245
ДОЛЖЕН ЛИ ЧЕРНОМЫРДИН ИДТИ В ДУМУ?.....	250
ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	255
АНТИКРИЗИСНАЯ ПРОГРАММА.....	260
НУЖЕН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ.....	265
КРУГЛЫЙ СТОЛ "БЕЗ ГАЛСТУКОВ".....	276
"КОГДА НА ЧЕЛОВЕКА.....	283
НЕТ КОМПРОМАТА, С НИМ НЕВОЗМОЖНО РАБОТАТЬ".....	283
ПРАВИТЕЛЬСТВО КОНСТИТУЦИОННОГО МЕНЬШИНСТВА.....	286
ПРЕЗИДЕНТ ДОЛЖЕН.....	290
ВОЗГЛАВИТЬ ПРОЦЕСС.....	290
КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ.....	290
ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС -ПРОВЕРКА ДЕЛОВОЙ ПРОЧНОСТИ.....	294

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА	296
КАК ФОРМИРОВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА?	301
КТО БУДЕТ ПРЕМЬЕРОМ?	308
МЕЖДУ ДУМОЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.....	313
В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ЕВГЕНИЯ ПРИМАКОВА	318
КАК ФОРМИРОВАТЬ	327
ПРЕДВЫБОРНЫЕ КОАЛИЦИИ?	327
ПОБЕДИТЬ НА ВЫБОРАХ МОЖЕТ ТОЛЬКО КОАЛИЦИЯ.....	338
БЕГ ПО ГРАБЛЯМ -ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ	348
ПРОГРАММА, КОТОРАЯ НИКОМУ НЕ НУЖНА	352
ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ.....	360
ВСЕХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ -	360
РАЗДЕЛЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	360
ЗА ПРОШЛОЕ, НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ.....	360
"НАШ ДОМ - ОТЕЧЕСТВО"?	365
РОССИИ УГРОЖАЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕФОЛТ	374
ЦИНИЗМ ПРИСУТСТВУЕТ	379
В БОЛЬШИНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ.....	379
НАКАЗАНИЕ ЗА ИНАКОМЫСЛИЕ	389
В "НАШЕМ ДОМЕ" БОЛЬШЕ ВСЕГО БОЯТСЯ СКВОЗНЯКОВ	396
РОССИИ НУЖЕН СВОЙ ДЭН СЯОПИН.....	398
ВЫБОРЫ В ДУМУ НА ФОНЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ГОНКИ.....	403
ОТ ДЕФОЛТА ДО ДЕФОЛТА.....	410
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ -ПОХОД НА МОСКВУ	412
КАК СПРАВИТЬСЯ С ЛАВИНОЙ ДОЛГОВ	423
ОХОТА НА ПРОВИНЦИАЛОВ	426
КОНСОЛИДИРУЕТСЯ ЛИ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА?.....	428
БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС И КРИЗИС В РОССИИ.....	438
ПРАВИТЕЛЬСТВО УЙДЕТ В ОТСТАВКУ 13 МАЯ	446
СТАРЫЕ ДОЛГИ НОВОГО КАБИНЕТА	455
ЧЕРНОМЫРДИН ДОЛЖЕН.....	467
ТЕХНИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ МОЖЕТ СТАБИЛИЗИРОВАТЬ СИТУАЦИЮ	469
ФИНАНСОВЫЙ СКАНДАЛ	475
КАК ПРИНУЖДЕНИЕ ВЛАСТИ.....	475
К ОЧИЩЕНИЮ	475
ПОЧЕМУ БОРИС ЕЛЬЦИН НЕ УШЕЛ В ОТСТАВКУ 19 СЕНТЯБРЯ.....	485

К ЧИТАТЕЛЮ

*Каждый пишет, что он слышит,
каждый слышит, что он дышит,
как он дышит, так и пишет,
не старайся угодить.*

Булат Окуджава.

Исторический роман

В 1995 году, накануне выборов в Государственную Думу второго созыва, у меня вышла книга "Мой голос будет все-таки услышан", в которой были собраны интервью, стенограммы пресс-конференций, выступления в печати за предшествующие четыре года. Уже тогда я твердо решил — мемуаров не писать, а воспроизводить живую ткань событий в том свете, в котором они виделись мне в момент их свершения. Отсюда и второй заголовок вышеупомянутой книги — "Стенограмма эпохи перемен".

Предлагаемая вниманию читателя книга продолжает эту традицию. Новейшая история России в ней не переписывается заново, исходя из текущих оценок чужих поражений и собственных побед.

По сути, новая книга — это архив действующего политика, по форме — разговор с журналистами о наиболее злободневных проблемах, волновавших и продолжающих волновать российских граждан. Были, разумеется, у меня за последние годы программные статьи и важные выступления на экономические и политические темы. Их вы не найдете в этой книге, потому что главная ее цель — диалог с читателем, интересы которого здесь представляет четвертая власть — средства массовой информации, задавая сложные, порой неприятные вопросы, которые заставляют в ходе интервью или пресс-конференции формулировать такие идеи, давать такие интерпретации, делать такие прогнозы, которые не всегда могли бы прийти в голову в тиши кабинета, на политических сходках или в результате работы различных экспертных групп.

Мне довольно часто приходилось выходить к журналистам, особенно после того, как я был избран лидером фракции в Государственной Думе — с сентября 1997 года. Пресс-конференции нередко проходили с регулярностью раз в неделю. Я выходил к журналистам не для того, чтобы делать политические заявления или озвучивать пресс-релизы фракции и "решения партии" (хотя и такое бывало), а прежде всего для того, чтобы в ходе живого общения с самой любопытной частью общества (не считая детей) формулировать позицию по всему спектру проблем, стоящих перед страной. Иногда приходилось перед телекамерами и на глазах журналистов формулировать линию политического поведения, а динамичная политическая жизнь не позволяла все согласовывать "с руководством" перед выходом к прессе.

Материал, включенный в книгу, охватывает период с начала 1996 года по осень 1999 года. Если не считать двух недель в сентябре 1998 года, которые я провел в качестве вице-премьера в правительстве Примакова, все это время я посвятил службе Отечеству в Государственной Думе.

Можно выделить три периода моей работы в Думе.

Первый — "бюрократический". В Думу я был избран по спискам всероссийского общественно-политического движения "Наш дом — Россия". В результате тайного голосования, в котором участвовало с полдюжины кандидатов, фракция выдвинула меня на пост первого заместителя председателя нижней палаты парламента.

Я надеюсь, что не просто просидел полтора года в кресле первого

вице-спикера, занимая место в Президиуме Думы. Удалось активизировать очень многие механизмы — планирования и координации законодательной деятельности, парламентских правил и процедур. Как первому вице-спикеру мне приходилось возглавлять многочисленные комиссии и парламентские делегации — объединенную комиссию всех ветвей власти по координации законодательной деятельности, делегации Федерального Собрания по связям с Европейским парламентом, Североатлантической ассамблеей, рабочую группу "Дума—Конгресс" и другие. Так или иначе, все эти функции и обязанности нашли свое отражение в темах пресс-конференций и интервью.

Осенью 1997 года состоялся мой переход на работу во фракцию "Наш дом — Россия". Дался он мне нелегко. Я считал, что занимаюсь своим делом на посту одного из руководителей парламента. Поэтому "отбивался" в течение нескольких месяцев от предложения лидера НДР и тогдашнего премьера В.С. Черномырдина занять пост лидера фракции. Дело в том, что устройство НДР, при котором лидер находится вне Думы, будучи вторым человеком в государстве, превращало лидера фракции фактически в политического чиновника, руководителя политдепартамента аппарата правительства (тем более что руководитель аппарата правительства был одновременно и руководителем исполкома движения). Как первый заместитель Председателя Думы я рассматривал себя не только как представитель НДР, но и всей правоцентристской части Думы. "Поводок" здесь был длиннее, я мог высказывать свою собственную точку зрения, не боясь того, что она на 100 процентов не совпадает с партийной директивой. Согласился я по двум причинам. Первая — в руководстве Думы я был по квоте НДР и идти наперекор мнению вождя означало бы в любом случае уход с поста первого заместителя председателя палаты. Но главное было в другом — была надежда на обновление НДР, на ее трансформацию из номенклатурной партии власти в парламентскую открытую политическую структуру. Соответствующий мандат был мне дан лидером движения (вплоть до свободы маневра в кадровых решениях), правда, выполнять обещанное намерений не было. Но это случилось потом, а тогда, в сентябре 1997 года, начался второй этап моей карьеры в шестой Государственной Думе — политический, этап деятельности как публичного политика. В этот период взаимоотношения парламента, исполнительной власти и президента складывались непросто. Президент начал активно пользоваться своим правом отправлять правительство в отставку, Государственная Дума чуть не довела дело до вотума недоверия правительству осенью 1997 года и импичмента весной 1999 года. Противостояние властей, конечно, было менее острым, нежели осенью 1993 года, но, тем не менее, не позволяло Думе сосредоточиться на законодательной деятельности.

Моя новая позиция в Думе вкупе с этим обстоятельством предопределила содержание и характер моих выступлений в печати, пресс-конференций.

Многие из них связаны с отставками правительственных кабинетов, позицией по отношению к новым кандидатам в премьеры, с разрешением кризисных политических ситуаций. Но, несмотря на неизбежную политизированность тем, вопросов журналистов и ответов на них, мне не хотелось отрываться от профессиональной почвы. Поэтому так много внимания в книге уделено экономическим и правовым сюжетам, будь то налоги или бюджет, финансовые рынки или отношения с МВФ, конституционная реформа или выборное законодательство.

В декабре 1998 года я был наказан за инакомыслие и диссидентство и изгнан с постов лидера фракции и первого заместителя председателя движения.

Суть моих предложений сводилась к тому, чтобы трансформировать НДР в партию российских регионов и начать переговоры по созданию предвыборной коалиции. Я допускал, что ради интересов дела и победы на выборах в коалиции НДР не обязательно будет главенствовать, а ее лидер — занимать первое место в федеральном избирательном списке. В последующие месяцы вокруг этих проблем шла не только общественная дискуссия, но и предпринимались серьезные действия. Но не НДР и не его вождями, а другими политиками и другими политическими силами. Очевидно, идеи были правильные.

Приятно сознавать, что, выступая в качестве независимого политического эксперта, я сохранил возможности общения с прессой, не прибегая к услугам PR-технологов. Видимо, моя точка зрения на события в стране и в мире представляет интерес сама по себе, невзирая на должность и статус. Этот (третий) этап работы в Думе дает возможность осмотреться, оценить происходящее, сделать прогнозы на будущее. Его итогом могут быть и выбор пути, вернее корректировка маршрута, и новые формы общения с читателем.

Александр Шохин

Москва, сентябрь 1999 года.

КАКОЙ ПОРТФЕЛЬ ТЯЖЕЛЕЕ?

("МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ",
24 ФЕВРАЛЯ 1996 ГОДА, Я. ЮРОВА, А. ЛАПИК)

Вы побывали в должности вице-преьера. Теперь стали первым вице-спикером в Госдуме. Какое кресло показалось вам мягче, а портфель — тяжелее?

Вице-премьером я был несколько раз. Первое вице-премьерство — в период либерализации цен и либеральных экономических реформ — было самым тяжелым. Я отвечал за социальную политику. Считалось, что ответственные за это направление долго не живут. Я сам считал, что больше полугода не протяну и придется уходить в отставку, оттягивая на себя недовольство населения. В апреле 92-го на шестом съезде, действительно, был сильный "накат" на правительство. В результате оно в полном составе подало в отставку. Но отставка не состоялась. Одновременно президент, видимо, помня, что я четыре года проработал в МИДе, предложил мне перейти на другую работу — стать вице-премьером по внешнеэкономическим связям.

Когда я в ноябре 94-го уходил из правительства, на мое место пришло четыре человека: Чубайс, Большаков, Давыдов и Ясин. А я, будучи рядовым вице-премьером, тянул все эти повозки сам. Но обид у меня никаких нет. Даже приятно сознавать, что так высоко была оценена моя деятельность на посту вице-преьера, что на замену пришли такие выдающиеся деятели экономической политики.

Вице-спикерство — это совсем другая работа. Можно так устроить свою жизнь, что она будет достаточно легкой. Если особенно не высовываться, можно просто ездить в командировки, возглавлять делегации, "надувать щеки" в президиуме. Этого вполне достаточно, чтобы считалось, что ты исполняешь свои обязанности. Правда, на вице-спикера возложены организация и планирование законодательной работы. Так что не приходится придумывать себе работу. Поэтому этот портфель, с одной стороны, легче — можно отсидеться. С другой — тяжелее, потому что приходится иметь дело не с подчиненными, а с равными депутатами, давая понять, что мои функции им нужны.

Поскольку вы уже не член правительства, попробуйте беспристрастно оценить его политику.

Я не завидую сейчас своим бывшим коллегам. Много изменилось. Сейчас, накануне президентских выборов, им придется сталкиваться с тяжелым прессом со стороны президентской администрации по выполнению поручений, указов, законов, обязательств бюджета, по выплате заработной платы, оборонного заказа. Не все поручения можно выполнить. И не только из-за нерасторопности чиновников. Не хватает денег. Бюджет, утвержденный президентом в последний день прошлого года, по доходам пока не исполняется.

Строго говоря, спрос с правительства должен быть не за то, что зарплата не выплачивается, а за то, что доходы не собираются. Январь 96-го года "провалился" по сравнению с январем 95-го. Ссылки на то, что у нас в январе полмесяца никто не работает, неубедительны. Ведь в прошлом году также две недели все гуляли от зари до зари: отмечали католическое Рождество, Новый год, православное Рождество, Старый Новый год. Однако в 96-м денег собрали гораздо меньше.

Нужно повышать собираемость налогов, ужесточить требования к расходам. В частности, можно согласиться с некоторыми экономическими предложениями министра внутренних дел Анатолия Куликова: некоторые расходы бюджета не оправданы. К примеру, празднование 250-летия тульского самовара. Так можно по сусалам наскрести сотню-другую миллиардов рублей и пустить их на более неотложные нужды.

Но в то же время, если некоторые экономические проблемы не удавалось решать в течение последних трех-четырех лет, трудно ожидать их немедленного решения. Так что, какими бы исполнительными ни были исполнители, не все в их руках. Не меняя экономической финансово-монетарной политики, скажем, не прибегая к эмиссионному кредитованию дефицита бюджета, не заставляя ЦБ покупать государственные казначейские обязательства в большем объеме, очень трудно добиться резких изменений в финансировании госнужд. А делать такие резкие коррективы не резон — это пошло бы не на пользу президенту.

Политические оппоненты Ельцина скажут, мол, четыре года он ошибался, а теперь наконец-то признал нашу правоту. Поскольку по политическим и экономическим соображениям идти на это не стоит, то и возможности для маневров у правительства здесь явно ограничены.

Так что если бы меня позвали обратно в правительство, я бы очень и очень подумал, стоит ли это делать сейчас.

Что вы думаете о деятельности Чубайса на посту главы ГКИ?

Чубайс добился таких темпов приватизации, которых не смогли достичь даже более продвинутые по пути рыночных реформ страны: Чехия, Венгрия, Польша. Когда разрабатывалась программа приватизации, на моих глазах происходил поворот от соответствующих закону персонифицированных приватизационных чеков к обезличенным ваучерам. В результате начал быстро развиваться фондовый рынок, а чеки стали той ценной бумагой, которая и раскрутила этот рынок. Правильен был этот путь или нет? Можно было бы придумать более эффективные с социальной и экономической точек зрения варианты. С точки зрения развития фондового рынка этот путь оказался самым коротким. С точки зрения доходности приватизации — не самый эффективный. С социальной точки зрения — мог бы быть и более удачный. Можно было бы, в частности, увязать приватизацию с компенсацией утерянных вкладов в Сбербанке.

Одного нельзя отрицать — Чубайс сдвинул приватизацию очень сильно. Никто и не думал, что она так далеко может зайти. Через год-другой после начала приватизации все спорили уже о технологии — какой вариант лучше, но никто не сомневался, что она вообще нужна. Даже коммунисты, ставя вопрос о национализации, не говорят, по крайней мере публично, об экспроприации, склоняясь к выкупу тех или иных долей предприятий ключевых отраслей. Кстати, положение об общественной собственности до последнего времени входило в программные документы английских лейбористов, наши же даже большевистско настроенные коммунисты сегодня вряд ли осмелятся говорить об обобществлении — будут использовать термин "многоукладность".

Чем особенным отличился последователь Чубайса по ГКИ Сергей Беляев, что именно ему доверено было возглавить фракцию НДР в парламенте?

Сергей Беляев... Видимо, главным его достоинством в момент приглашения на пост руководителя избирательного штаба НДР был, с одной стороны, опыт работы на разных уровнях власти: райисполкома, Ленсовета, Федеральной службы по банкротству. С другой стороны, никто не мог его упрекнуть, что за ним стоят негативные процессы типа недостатков приватизации по Чубайсу и так далее. Его трудно было отнести к тому или другому лагерю. Он не был ни чрезмерным радикалом либерального толка, ни консерватором. Он включился в кампанию, когда к нему еще не пристрелялись. Представьте, если бы кто-то более известный руководил кампанией. Знакомая мишень сразу подверглась бы обстрелу.

А что касается фракции НДР, тут нужно помнить о ее специфичности. Лидер движения, Виктор Черномырдин, — вне Думы.

Почему, на ваш взгляд, итоги выборов в Госдуму для НДР оказались столь грустными?

Если смотреть по процентам, то НДР как движение мог получить больше голосов. Но не намного. Скажем, 12 процентов. А что касается депутатов одномандатных округов — здесь кампания прошла не самым лучшим образом. Не совсем правильно была выбрана стратегия. Уже в первый месяц после формирования списков почти половина входящих туда кандидатов исчезла. Коммунисты, к примеру, действовали иначе: выдвигая список, они одновременно ведущих лиц пустили и по одно мандатным округам. В результате им удалось гораздо ярче выступить. Да и вообще, вряд ли можно было надеяться, что такая пристрелянная мишень, как партия власти, не будет подвергнута нападкам всех ветвей оппозиции.

Не спроецируется ли это на президентских выборах, если НДР будет поддерживать Ельцина?

Помните, президент сказал: "Если бы не Чубайс, то НДР получил бы не 10, а 20 процентов". С одной стороны, ситуация может повториться.

Но с другой стороны, если обратить внимание на те кадровые корректировки,

которые уже произошли, и предположить, что кое-что еще будет сделано, становится понятно — это извлечение уроков из парламентской предвыборной кампании. Сейчас начинают разыгрываться те карты, которые в наибольшей степени привлекали внимание оппонентов: Чубайс, Козырев, другие политические деятели. Они сходят с политической арены. Расчет идет на то, что оппоненты вдруг не обнаружат в критический для кампании момент знакомые мишени. И им придется менять тактику.

Не могу на 100 процентов сказать, что эта стратегия выигрышная. Если президент принимает решения в русле предпочтений фракции КПРФ и ряда других критиков, то вряд ли сторонники коммунистов от этого перейдут в его лагерь. В то же время те, кто мог считаться относительно неустойчивым электоратом Ельцина, и вовсе могут отвернуться от него.

Кому все-таки, на ваш взгляд, повезет на президентских выборах?

Здесь многое зависит не только от объективной ситуации в экономической, общественной жизни, но и от поведения оппонентов. Коммунисты заявили, что надо действовать растопыренной пятерней, а в мае ее собирать в кулак. То есть выдвигать не одного, а нескольких претендентов, чтобы те потом убедили своих избирателей отдать голоса за единого кандидата. Демократам нужно действовать так же. Поддержать в последний момент того, кого они сочтут наименьшим злом из существующих. Здесь следует учитывать, что демократы большей частью молоды, большинству чуть за 40. Поэтому им довольно трудно решиться поддержать кого-то из себе подобных 40-летних. В этом смысле наиболее проходимыми кандидатурами могут стать претенденты не моложе 60 лет. Став сейчас президентом, через 5 лет он бы освободил площадку молодым.

Многие обозреватели считают вас человеком честолюбивым. Почему вы, несмотря на отставку, не порвали связи с правительством?

На самом деле меня никто в ноябре 94-го года из правительства не увольнял. Я написал заявление по собственной инициативе. Мне не нравилась ситуация, в которой я оказался: мне дали понять, что основные вопросы, входящие в круг моего ведения, будут решаться без меня. А мне предоставляется блестящая возможность артикулировать некоторые решения. Обиды у меня не было. Моя просьба об отставке была рассчитана на два варианта: либо я получу подтверждение, что могу действовать от своего имени и по крайней мере со мной будут считаться при принятии решений, либо, действительно, уйду. Второй вариант состоялся.

Поскольку состоялся этот вариант не по инициативе Черномырдина, я счел возможным откликнуться на его предложение вступить в НДР, хотя и обдумывал его целый месяц. Когда вступал, выдвинул условия: если идти в такого рода политическую организацию, то только на роли, позволяющие влиять на события. Такой ролью оказалась позиция председателя программной комиссии. Сейчас хороший канал влияния на правительство — фракция НДР.

Почему фракция НДР практически не получила руководящих постов в Госдуме?

Во-первых, это не так. Посты первого вице-спикера и председателей четырех комитетов — тому подтверждение. Во-вторых, достаточно грамотно провели работу по распределению постов другие фракции. Это результат не только достоинств или недостатков переговоров НДР. Как ни выступает с антикоммунистических позиций Григорий Явлинский, но распределение постов произошло таким образом, что многие наблюдатели заподозрили его в закулисной игре: пропустив Селезнева в спикеры, он получил в обмен ключевые посты. Поэтому фракция НДР, имея 67 депутатов, имеет те же 4 комитета, что и "ЯБЛОКО", где 46 депутатов. При чем качество комитетов у фракции Явлинского заметно выше. Один бюджетный комитет дорогого стоит, потому что в нем в несколько раз больше депутатов, чем в других. Я далек от мысли, что здесь имел место сговор. Возможно, это было поведение, направленное на достижение корпоративных интересов, которое только по результатам можно интерпретировать.

Сможет ли новая Дума в таком сплось и рядом коммунистическом составе результативно работать?

Сможет... если захочет. Коммунисты достаточно грамотно готовятся

к баталиям. Им не нужно, чтобы их подозревали, что они превратили Думу в предвыборный штаб своего кандидата в президенты. И они вынуждены будут демонстрировать конструктивную работу: мол, мы пришли сюда, чтобы писать законы. Другое дело — они будут стараться повлиять соответствующим образом на содержание этих законов. Но то, что политических заявлений не будет больше, чем работы по обсуждению и принятию законов, — это факт.

После вашего ухода из правительства затихли разговоры о российских внешних долгах. Эта тема стала неактуальной?

Ну почему же? Правительство продолжает работать в этом направлении. Вопрос о многолетней долгосрочной реструктуризации долгов не снят с повестки дня, идут переговоры с Лондонским и Парижским клубами. Мой уход не сильно повлиял. А это значит — я сумел хорошо "раскрутить" эти переговоры. И это не шутка. Перед моим уходом из правительства министр МВЭС Давыдов излагал свою линию. А когда он стал вице-премьером, курирующим внешние долги, то начал реализовывать мою схему.

Вы часто бываете за рубежом. Не появлялось ли желание остаться жить в одной из стран?

Никогда. Более того, я с трудом выдерживаю за рубежом больше трех дней. Скучно там. У нас гораздо интереснее. И, несмотря на мрачные прогнозы, желания заказать себе билет в одну сторону на самолет, отбывающий в западном направлении 16 июня, у меня не возникало.

Есть ли люди, перед которыми вы готовы "снять шляпу", даже если в обычной жизни вы ее и не носите?

Шляпу? Так я же ее съел! Ваша газета два года назад такое написала. А дело было так. Я очень сильно поссорился со своим коллегой по правительству Михаилом Полтораниным по поводу Российского дома дружбы в Берлине. Я никак не давал одной странной немецкой фирме с ограниченной ответственностью приватизировать этот дом. А Полторанин всячески пытался соблюсти интересы немцев. В то время в вашей газете работал корреспондент Михаил Гуревич. Он-то и написал: мол, пусть Шохин съест свою шляпу, поскольку все наезды на Полторанина несправедливы. В Берлине наконец-то состоялся суд по этому делу, который полностью подтвердил мою правоту и неправоту Полторанина. Так что если "Московский комсомолец" признает, что шляпу я все-таки не съел, тогда я отвечу, перед кем могу ее снять.

Высокие должности обеспечили вашу семью предметами жизненного комфорта? Если нет — не считаете ли вы себя неудачником?

Самый высокий комфорт, который я получил благодаря моей должности, — это дача. Казенная. Вот уже пятый год я не живу в Москве. Благодаря этому я так хорошо сохранился, хожу такой румяный, здоровый. Гуляю по вечерам с собаками. Думаю, если бы я все это время жил в центре города, где у меня квартира, был бы зеленый, мрачный и раздражительный. Конечно, казенная дача оставляет ощущение недолговечности. Даже когда гвоздь вбиваешь в стену, то думаешь, что скоро картинку придется снимать: кто-то другой повесит сюда свою.

Перевесить же эту картинку пока некуда: собственной дачи нет. Что я считаю неправильным. Хотя и неудачником себя не считаю. Я легко адаптируюсь к любым условиям. Мои первые воспоминания связаны с жизнью в бараке, где я жил в детстве. Потом переехали в подвал, затем — в коммуналку. Не хотелось бы только к лагерным условиям привыкать. Поэтому будем делать все возможное, чтобы цивилизовать большевиков.

Насколько нам известно, вы родились не в Москве, ощущаете ли вы себя настоящим москвичом? Приходилось ли делать для нее что-нибудь полезное, будучи вице-премьером?

Родился я в тех местах, откуда вышел Ломоносов. Но в московские края я гораздо раньше Ломоносова перебрался — в младенческом возрасте. До 1961 года мы жили не в Москве, а в Московской области. Когда столичные границы расширились, я стал настоящим москвичом.

Жил в самом экологически неблагоприятном районе Москвы — Капотне. Здорово ощущалась близость нефтеперерабатывающего завода. После купания в Москве-реке приходилось счищать мазут с ног да и с других частей тела.

А по "лисьему хвосту" — горящему факелу — уже тогда почувствовал, что такое экология. Потом жил в Кузьминках, Чертанове. Вот уже четвертый год живу в центре.

Когда я был вице-премьером, то считал, что у меня достаточно напряженные отношения с московским правительством. Нам приходилось буквально до копейки доходить в обсуждении инвестиционной программы Москвы, субвенций, но когда я ушел из правительства, вдруг неожиданно для себя услышал из уст и мэра, и первого вице-преьера по строительству, что они как бы с грустью вспоминают те времена. Выяснял я отношения сугубо на деловой, неполитизированной основе. И нам всегда удавалось в итоге договариваться, хотя переговоры всегда были тяжелыми. Юрий Михайлович Лужков сам не только не чурался общения с вице-премьером, а еще и приводил в полном составе свою команду. Надо отдать должное: мэр Москвы знал "до копейки" каждый свой объект, каждый проект.

Как мальчику из простой семьи удалось не только выйти в люди, но и занять высокие посты? Может быть, дело в особом воспитании? Вас били ремнем или, наоборот, поощряли ваши капризы?

Я никогда не был капризным мальчиком. Жили мы достаточно тяжело, вместе с народом переживали все этапы большого пути. И я пре

красно помню, что такое несколько дней до зарплаты, когда приходилось считать каждую копейку.

Что касается моего воспитания, скажу честно — ремнем мне доставалось от отца. Хотя и нечасто. Но в основном нас с братом воспитывала мама. По образованию она учительница, так что использовала другие технологии.

А к своим детям вы "ременный" способ воспитания применяете?

Нет. Хотя и не считаю, что голосовая технология дает большие результаты. Последнее время я стал видеть своих детей чаще, нежели во времена моей работы в правительстве. Тогда, кроме воскресенья, не было возможности общаться. Сожалею об этом. Сейчас стараюсь воспринимать общение с детьми как одну из главных своих задач. Дети похожи на меня безусловно, и внешне видно, что мои. Высокие, красивые. И характеры у них не проще, чем у меня. Сын на третьем курсе Московского университета. Учится и работает на фирме, причем ему делались предложения куда-нибудь за рубеж на практику поехать. Он считает, что лучшая практика в Москве, нежели за границей. Там ты будешь мальчиком на побегушках, а здесь можно работать более содержательно. Вообще, мои дети талантливее меня. Я, например» j+икак не могу удерживать на высоком уровне свой английский язык. Сын прекрасно знает английский и французский, дочь учит немецкий и английский.

Правда, у меня такое ощущение, что я в детстве мог больше работать руками, чем мой сын сейчас. Мы с мамой и братом и стены в квартире двигали, и ремонты делали.

Если взять все ваши плохие и хорошие поступки, то по совокупности куда вы рассчитываете попасть — в ад или в рай?

Я в этой связи анекдот расскажу. Мне его рассказал один из польских премьеров, когда был у нас с визитом. Попадает ксендз на небо, и его определяют в ад. Он сначала расстроился — ведь всю жизнь служил Богу. Но потом вспомнил некоторые грехи и успокоился. Вдруг видит через забор — в раю разгуливает его сосед, водитель автобуса, бывший в жизни развратником, алкоголиком. Ксендз решил написать жалобу Всевышнему: мол, произошла ошибка — я должен был быть на его месте, наверное, нас перепутали, я уж знаю точно, что он грешил гораздо больше. Передал через архангела Гавриила, прошел месяц, другой. Наконец архангел Гавриил приносит ответ Всевышнего: да, действительно, мы вначале думали, что произошла ошибка, но потом разобрались и решили, что все правильно: когда ты служил в костеле службу, все прихожане спали, а когда водитель вел свой автобус, все пассажиры молились Богу.

Трудно самому оценить баланс поступков. Но, даже не будучи истово верующим человеком, я уверен, что в ад не попаду.

Ваша жена, имея высшее экономическое образование, сидит дома, занимается хозяйством. Ваш идеал — домашняя женщина?

У меня жена не сидит дома. Она кандидат экономических наук и является старшим научным сотрудником одного из академических институтов. Другое дело,

что зарплату там платят редко. Она в некотором смысле вынуждена не ходить на работу часто. Хотя я не буду скрывать — мне нравятся домашние женщины, которые в семейном кругу очень естественны. Мне не очень нравится такой тип женщины, которая дома себя ведет, как на производстве. Если она начальник, то дома помыкает мужем, командует детьми. У меня жена — домашняя.

Делитесь ли вы с ней своими рабочими проблемами и следуете ли потом ее советам?

— Я не все проблемы обсуждаю с женой, но многие. Порой бывало некогда советоваться. Во время работы в правительстве приезжал домой в 12 вечера. Максимум, что в это время жена могла, — это дождаться

меня. Какие уж тут обсуждения! Глядя ночную передачу новостей, я ей рассказывал интересные случаи на работе, конечно, не из разряда государственных секретов. А утром, часов в 8, я уже уезжал на работу. Но тем не менее я всегда считал жену другом. Кстати, многие сложные ситуации она оценивала быстрее и правильнее меня благодаря женскому чутью.

Ваше хобби?

У меня не было никогда постоянного хобби. Так... меняющиеся увлечения. В детстве я увлекался велосипедом, причем никогда в секцию не ходил, но накачал мышцы так, что любой определит, что я занимался каким-то спортом. Сначала у меня был 3-скоростной велосипед "Спутник", потом я завел 10-скоростной шоссейный гоночный велосипед. В 8-м классе освоил автомобиль и мотоцикл. С тех пор, правда, ни разу не сел ни за руль, ни за баранку. Из-за зрения права мне не дают.

Когда вошел в правительство, меня завлекли в футбол, правда, это игра контактная, и мне не всегда сподручно было играть — очки слетали. А на матче с ветеранами "Динамо" мне так вlepили по очкам, что они треснули, стекло вылетело. Поэтому перешел на теннис. Мяч тут явно меньше, и всегда можно регулировать самому нагрузку. А в прошлом году в Давосе первый раз встал на горные лыжи.

Вы кошатник или собачник?

У меня дома живут и собаки, и кошки, до недавнего времени было два скотч-терьера, мама и дочка. Так уж получилось, что в 91-м году наша собака разродилась как раз в тот момент, когда мы были в отпуске. За ней знакомые присматривали. Роды прошли неудачно. Все щенки погибли, кроме одного. Было жалко его отдавать, выкармливали из пипетки. Так и оставили у себя. К сожалению, старшая собака два месяца назад умерла. А кошку дочка привела, когда мы жили на правительственной даче в Архангельском. Там прибывалось довольно много бездомных кошек. Мы их подкармливали. А одну пришлось пустить — сначала в коридор, потом в комнату. Вот скоро уже два года, как у нас живет. Мышей до недавнего времени ловила активно: приносила домой и клала на самое видное место. Это была жуткая картина, когда у нас по углам лежали придушенные мыши. Сейчас перестала: то ли мыши разбежались, то ли ленивая стала.

Какие фильмы любите, как относитесь к порнофильмам?

По вечерам разные сериалы идут... Глупые фильмы, но сядешь за ужином смотреть, пытаешься вспомнить, кто есть кто, и получаешь минимальную разрядку. Не буду скрывать, я видел порнофильмы, но они быстро наскучивают. Это рассчитано как бы на новенького. Как жанр — это занятие утомительное.

Кто подбирает вам костюмы, рубашки, галстуки? Вы следите за модой, легко ли перестраиваетесь или отличаетесь консерватизмом?

Галстуки мне дарят. Рубашки жена покупает. Не могу сказать, что слежу за модой и перестраиваюсь. У меня есть несколько костюмов. Какой жена погладит — тот и надеваю. Иногда меня спрашивают, почему я надел тот или иной пиджак — что, на телевидение иду? Да нет, просто его очередь подошла.

Смокинг я не люблю — всего раза два или три надел. В 92-м году я первый раз во главе российской делегации поехал на годовое собрание Валютного фонда. И там в программе было написано: прием в смокингах. И мне велено было в мидовском ателье сшить. Смушался тогда страшно: уж чересчур буржуазная одежда — так и не решился надеть. Вторая возможность его использовать была на встрече "семерки" в

Неаполе. Но и там он, увы, не пригодился. Вся делегация в смокингах пошла на официальный обед. А я должен был к возвращению президента подготовить документы, в том числе внести поправки в текст его выступления на следующий день. У меня даже есть фотография, где он возвращается в смокинге, а я стою в рубашке и спортивных штанах, с бумажками в руках докладываю ему.

А второй смокинг у меня появился в 94-м году накануне отставки, когда приехала английская королева. Нас, членов правительства, помню, погнали в какую-то секцию ГУМа.

За модой я не слежу. Впервые в жизни меня вытянули на показ мод "от кутюр" месяца три назад. Тогда же научился различать два слова — "от кутюр" и "претапорте". Женился я в кримпленовом костюмчике. И понимаю, что сейчас это не то что не модно, а если наденешь — все подумают, что ты хочешь эпатировать публику. На уровне этих понятий я в моде и соображаю.

Я помню казусный случай в Давосе в прошлом году, когда внизу в гостинице, где жили российские представители, оказалось несколько человек в абсолютно одинаковых пиджаках. Это были мэр Санкт-Петербурга Собчак, президент Инкомбанка Виноградов, я и Бурбулис. Пришлось нам срочно разойтись — переодеться.

После этого случая я стараюсь одеваться попроще, чтобы быть менее заметным.

Как часто вы влюбляетесь?

Мне очень повезло: я люблю свою жену. Это одно из самых главных в этом направлении достижений. Все остальное как бы менее заметно.

Какие напитки вы предпочитаете и как часто приходится выпивать?

Выпивать не очень люблю, но иногда приходится. Но только по по воду. Выпить могу любой напиток: водку, виски, коньяк, пиво, вино. Умею отличать плохой от хорошего. Люблю хорошее пиво, бочковое.

Когда первый раз попал в Прагу — выпил три литра за вечер. В последнее время предпочитаю хорошее красное вино.

Вы ощущаете себя человеком молодым или уже умудренным годами?

Одновременно и тем, и другим. Не могу сказать, что я ощущаю себя юношей и по темпераменту, и по отсутствию болячек. Вот мебель вчера двигал — сегодня чувствую тяжесть в спине. И "дыхалки" иногда при спортивных занятиях не хватает. Но, с другой стороны, у меня не было поводов считать себя пожилым человеком. В то же время много уже прожито в этой жизни — и в науке, и в административно-бюрократическом аппарате: МИД, правительство, Дума. Считаю себя одним из самых опытных.

Это помогает в различных ситуациях вести себя адекватно.

ГЛАВНОЕ МЫ СДЕЛАЛИ...

("ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЬ", 9 МАРТА 1996 ГОДА, № 10, Л. ВАГРАМЕНКО)

Александр Николаевич, совсем недавно Президент РФ выступил с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию. В нем ненавязчиво проводится мысль, что осуществление реформ таким образом, что они вызвали негативные социальные последствия, было нашей ошибкой. Вы были одним из тех, кто проводил эти реформы. Вы согласны с президентом?

Давайте задумаемся: а можно ли было вообще провести реформы без негативных социальных последствий? Очевидно, нет. Речь может идти о цене, остроте и длительности этих последствий. Знаете, в экономике существует принцип "двух эскалаторов": представьте, что в метро вы поднимаетесь на эскалаторе и вдруг он ломается. А соседний эскалатор едет по-прежнему. И сначала вы злитесь на сломанный эскалатор, затем на тех, кому удалось на нормальном эскалаторе подняться наверх. Но если ваш эскалатор просто движется медленнее соседнего, степень раздражения у вас меньше, поскольку вы знаете, что рано или поздно окажетесь наверху. То же самое с социальным расслоением. Когда оно есть, но динамика позитивна и вы знаете, что пусть кто-то богатеет быстрее вас, но завтра хуже жить не будете, социальное расслоение вас волнует уже меньше. А вот если ваш эскалатор вдруг поехал в обратную сторону... Эта ситуация — самое тяжелое последствие социальных реформ.

В течение нескольких лет вы стояли у кормила нашей экономики и поэтому можете оценить нашу экономическую ситуацию со знанием всех происходящих в ней подводных процессов. Что вы скажете об экономическом положении России за три месяца до президентских выборов?

Прежде чем говорить о ситуации нынешней, начнем с 1995 года. В прошлом году многие экономические показатели "хорошо себя вели", но в то же время рост реальных доходов прекратился. В прошлые же годы ситуация была парадоксальной: производство падало, а доходы росли. Впрочем, здесь можно сказать о некоторых особенностях нашей статистики.

Лет 15 назад производство в стране падало, а Госкомстат докладывал, что все "о'кей": статистические данные усиленно приписывали, чтобы получить премии, продвинуться по службе, выбить какие-то фонды. Задачей же экономистов было рассчитать истинные объемы спада. Сейчас темпы официально низки, но реально они выше: идет процесс, обратный тому, что был. Ведь чем больше прибыли покажешь, тем больше надо платить налогов...

Надо сказать, что налогообложение для нас сейчас — один из наиболее болезненных вопросов. Даже официально мы собираем не более 60 процентов от налоговой базы, а ведь здесь считается только официально зарегистрированная деятельность (немалая часть доходов просто нигде не регистрируется, у нас существует и прекрасно себя чувствует теневая экономика, порожденная неэффективностью контроля за доходами). В результате реальная экономическая активность у нас выше, чем показывает статистика. Кстати, из-за этого же сложно определить и истинную степень безработицы. Через так называемую вторую (а то и третью) занятость, не регистрируемую в полном объеме отчислений в Пенсионный фонд и фонды соцстраха, работник может пополнять свой семейный бюджет, официально числясь безработным, а работодатель при этом платит меньше налогов. Так что с безработицей также далеко не все так плохо, как показывает статистика. Хотя, надо сказать, в некоторых регионах ситуация с занятостью, действительно, критическая — скажем, в текстильных районах Ивановской области, в местах концентрации оборонных предприятий. Но среднестатистически эти цифры могут скрывать и теневую часть экономики.

Тем не менее именно из-за социальных проблем правительство подвергается сегодня наиболее жесткой критике, в том числе и со стороны многих депутатов Государственной Думы, первым вице-спикером которой вы являетесь. Какие с вашей точки зрения у правительства есть возможности для улучшения ситуации?

Многие думские политики сейчас прекрасно понимают, что резервов и возможностей для маневра у правительства не так много в связи с тем, что начиная с 1995 года мы перешли на новый механизм финансовой политики. С прошлого года правительству законодательно запрещено использовать эмиссионные механизмы для финансирования расходов и брать кредиты у Центрального банка. Это значит, что правительство имеет возможность финансировать свои расходы за счет двух устойчивых источников доходов — налогов и размещения государственных ценных бумаг и третьего, временного источника — доходов от приватизации. Последние сейчас благодаря деятельности, в том числе правительственных, оппонентов резко сократились, поскольку приватизация остановилась в ожидании выборов. Налоги же собираются плохо. Особенно тяжела ситуация сейчас, в начале марта. Ведь январь у нас традиционно "провальный" месяц: до Старого Нового года вся страна почти не работает, и плюс к этому с первого января вступили в силу изменения, внесенные в налоговую систему, которые автоматически снизили поступающие доходы. В частности, был отменен налог на сверхнормативный фонд оплаты труда, автоматический доход от которого составлял порядка 25 триллионов рублей в год. Сейчас, если будут отменены экспортные пошлины на нефть и газ, автоматически поступающий в бюджет доход от них будет заменен акцизом, который собирается в два раза хуже. Но не идти на эти меры нам очень трудно, поскольку это будет признанием бессилия властей увеличить собираемость налогов. Поэтому нам пришлось найти согласие с требовавшим отмены этих пошлин Международным валютным фондом и пообещать постепенно, в течение полугода, отменить эти пошлины. Ведь контраргумент здесь мог быть лишь один: мы не можем отменить пошлины, поскольку не умеем собирать налоги...

В итоге ситуация сейчас складывается таким образом, что в казну поступило меньше 40 процентов доходов, которые должны были бы в ней быть в течение этих двух месяцев. Так что профинансировать многие социальные расходы очень трудно. И не от нерадивости чиновников на местах или Минфина зависят невыплата зарплат бюджетникам, недостаточное финансирование армии, оборонного заказа, правоохранительных органов и так далее, а от объективной ситуации. И за один месяц — март — компенсировать недостающие доходы очень трудно.

Может ли помочь правительству принять "пожарные" меры кредит МВФ?

Дело в том, что он уже посчитан в бюджете; это фактически плановый доход. Так что никаких неожиданных источников доходов быть не может. Нам остается лишь два выхода. Первый — научиться собирать налоги. Причем речь идет не о глобальном переустройстве всей системы сбора налогов, здесь могут использоваться и простые методы, в частности взаимозачеты. Допустим, если федеральный бюджет должен профинансировать определенную федеральную программу в отрасли или регионе, которые не платят налоги, то возможно в случае отказа этих субъектов Федерации или отраслей от бюджетных ассигнований "простить" им налоговые поступления. Сейчас идет активная проработка, в том числе законодательная, этих вопросов.

Второй выход — размещение государственных ценных бумаг. Внутренний рынок сегодня ограничен спросом, и поэтому нужно подумать о размещении государственных ценных бумаг за пределами России. В этом направлении уже проведена определенная работа, и на мировые финансовые рынки могут быть направлены российские облигации на общую сумму до 2 миллиардов долларов, что немало. Сейчас у нас некий переходный момент, ведь на мировом рынке наши ценные бумаги были: облигации размещал еще Внешэкономбанк СССР. Сейчас они постепенно погашаются, и мы уходим с этого рынка (кстати, по союзным бумагам мы платили справно; они не подпадали ни под какие соглашения об отсрочке долгов). Так что размещение на мировых и европейских рынках новых облигаций несет в себе как конъюнктурную задачу — сбор средств, так и стратегическую — сохранение присутствия России.

Здесь же необходимо рассмотреть вопрос и о выводе на западные рынки корпоративных ценных бумаг с целью поисков источников инвестиций. В частности, схема залоговых аукционов может быть трансформирована в более эффективную схему. Речь идет о выпуске так называемых конвертируемых

облигаций. Ведь можно продавать акции сегодня по низким ценам, а можно размещать облигации фактически под залог своих акций и обменивать их на акции не сейчас, а через два-три года, в момент, когда их котировка вырастет. И если сейчас пакет из 38 процентов акций крупного предприятия может стоить, скажем, 150 миллионов долларов, то, выпустив облигации и разместив их на мировых рынках или обменяв на акции через три года, можно выручить и 500 миллионов долларов. Пока что, впрочем, у нас есть всего два-три примера реализации этих облигаций.

Мы будем пытаться размещать на западных рынках также муниципальные и корпоративные облигационные займы. Это очень эффективный источник инвестиций. Сейчас реализуются два крупных проекта муниципальных займов в Санкт-Петербурге и Москве с участием Европейского банка реконструкции и развития.

Насколько верно утверждение оппозиции, что правительство жертвует социальной защитой в угоду "монетаристским интересам МВФ"?

Как ни странно, но у МВФ очень высоки социальные требования. При выдаче кредита они в некотором смысле требуют, чтобы в стране был обеспечен рост жизненного уровня и происходил экономический подъем. И трехлетняя программа финансирования нашей экономики имеет эти параметры в качестве основных. Хотя, надо сказать, когда еще пару лет назад, принимая представителей МВФ в Министерстве экономики, я предлагал рассматривать в качестве параметров состояние реального сектора экономики и темпы роста, это казалось им экзотикой, главными же, действительно, были финансовые показатели. Но сегодня программа МВФ похожа на ту, что президент изложил в своем Послании: она жестко требует продолжать реформы и финансовую стабилизацию, стимулировать экономический рост, оживить инвестиции, но одновременно увеличить социальную направленность экономики. Надо сказать, что это очень сложная технология.

Поэтому в нынешней ситуации мы просто обязаны сделать эффективной налоговую систему. Я надеялся, что это удастся в 1995 году, но увы. И если мы сейчас вместо этого перейдем к кредитованию правительства Центробанком, удавка останется, лишь приобретя другую форму.

Мы живем пока "на игле", за счет временных доходов — внешних заимствований и доходов от приватизации. Жить нормально мы сможем лишь когда у нас будут регулярные размещения государственных ценных бумаг и нормальная налоговая система. Вот задача следующего этапа экономической политики. А вторая задача — создание предпосылок для устойчивого экономического роста и для инвестиционного оживления.

Можете ли вы прокомментировать решение Думы о пересмотре результатов приватизации концерна "Норильский никель"? Банкирам брошено обвинение в попытке задешево купить стратегические предприятия...

Сейчас оппоненты правительства пытаются возбудить ненависть против банкиров, которые предоставили кредит правительству, взяв в залог (не купив!) пакет акций. Правда, по схеме этого аукциона государство должно вернуть кредит и забрать акции. Все почему-то исходит из того, что денег на это у государства не будет. Но при необходимости, скажем, если будет возможность продать комбинат еще дороже, мы всегда сможем найти эти 150 миллионов долларов, и ОНЭКСИМбанк обязан будет продать эти акции другому покупателю. Странная ситуация: собственником концерна этот банк не является, но в то же время крупнейшим собственником этого предприятия являются его менеджмент и генеральный директор, он же председатель правления, он же председатель наблюдательного совета, Филатов.

Достаточно странная возникает ситуация: руководители многих приватизированных предприятий, где рабочие месяцами не получают зарплату, имеют грандиозные доходы. В то же время директорский корпус традиционно считается опорой оппозиции...

Да, директорский корпус получил от приватизации очень много. По схеме приватизации руководство предприятий должно было получить существенный пакет акций, с тем чтобы не препятствовать приватизации. "Красные" директора очень быстро стали "красными" капиталистами, получив достаточные пакеты акций, чтобы быть просто рантье. Но сейчас

эти директора борются уже за контрольные пакеты! И в то же время директорский корпус считается оплотом коммунистов, а образ врага сейчас предстает в виде банкира, скупающего контрольные пакеты предприятий. Но банки к этому только подступаются, а менеджмент предприятий их уже имеет и, более того, на многих предприятиях пытается использовать ситуацию, чтобы выступить против властей. Сам факт возникновения в ходе выборов союза профсоюзов и работодателей символизирует этот странный симбиоз. Вместо расслоения на работодателей и наемный труд у нас произошло иное деление; оно выглядит как противопоставление трудовых коллективов и директоров властям.

То есть вы не считаете криминалом стремление финансовых групп взять под контроль, скажем, тяжелую промышленность?

Дело в том, что у нас сегодня нет расслоения на финансовую олигархию, разбогатевшую за счет торговых спекуляций, и "здоровый" производственный капитал. Сегодня нам нужен финансово-промышленный капитал. Необходимо капитал, возникший на основе финансовых, экспортно-импортных спекуляций, обращать в производственную сферу. Но в то же время надо понимать, что и в производственной сфере тоже не ангелы. С промышленниками нужно обращаться по государственному и требовать от них строгого отчета, главным образом в виде налогов. Когда "красные" директора проводят советы директоров на Багамских островах, а рабочие не получают зарплату, это, действительно, порождает ненависть, которая обращается в сторону властей. И это правильно, поскольку власть не может методами административного и законодательного воздействия минимизировать эти разрывы.

Месяц назад в интервью нашей газете секретарь Совета безопасности РФ Олег Лобов, рассказывая о событиях 1991 — 1992 годов, сказал: "Гайдар, Чубайс, Шохин — молодые талантливые ребята, которые понимали, что должно получиться в итоге, но не знали, как этого добиться..." Как вы можете прокомментировать это утверждение?

— Вы знаете, я приведу пример из собственной работы. В сентябре-октябре 1991 года я вдруг понял, что российское правительство, которое, по сути, возглавлял тогда О.И. Лобов (И.С. Силаев в то время перешел в союзное правительство — так называемый Комитет по оперативному управлению народным хозяйством), действительно, не знало, что делать. Когда правительство должно было заслушиваться на Верховном Совете, был подготовлен стандартный доклад, и мои намеки на то, что нужно в него внести что-то более радикальное, нежели традиционный отчет, отвергались. А ведь страна была в кризисе, необходимо было что-то определять в области политики цен, либерализации, приватизации... В октябре, когда правительство переехало на Старую площадь, первое же заседание повергло меня в шок: в повестке дня стоял вопрос о заготовке веточного корма для скота. Кризис был налицо, а правительство не знало, что делать! Знали только, как заготавливать веточный корм...

Реформы 1992 года, как подчеркнул Президент в Послании к Федеральному Собранию, были вынужденными. Затянувшийся кризис к концу 1991 года оказался очевидным всем. Рынок исчез как таковой; происходил чудовищный спад производства. Было ясно, что для преодоления системного кризиса надо было действовать гораздо решительнее, чем если бы эти реформы начались в 1987 году. Поэтому мы не только знали, что надо делать, но и очень быстро переводили эти общие идеи на язык указов президента, постановлений правительства. Шла очень интенсивная работа с привлечением старого бюрократического аппарата.

Мне кажется, что встряска, полученная экономикой в начале 1992 года, была необходима ей — это был один из способов уйти от системного кризиса и начать в целях экономии времени переход к рыночным регуляторам. Другое дело, что в течение нескольких лет мы развивались волнами. Шла постоянная борьба со Съездом народных депутатов и Верховным Советом, в апреле 1992 года правительству даже пришлось подавать в отставку. Постоянное давление на нас, сам факт, что у нас не было премьера, привели к тому, что с середины 1992 года в экономической политике начались изменения. Может быть, с высоты пяти прошедших лет это уже трудно вспомнить, но, если посмотреть финансовые показатели, будет видно, как произведенные летом 1992 года взаимозачеты долгов предприятиям, ослабление эмиссионной политики привели к всплеску инфляции в

августе—сентябре. Вторая половина 1992 года явно тянула на термин "мягкая финансовая политика". В таком цикле "жесткая политика в начале года — ослабление осенью" мы продержались несколько лет, выйдя из него только в 1995 году. Так что "шоковой терапии", в которой нас обвиняют, в сущности, и не было. И это в некотором смысле плохо. Если бы мы, резко начав проведение этой линии зимой 1992 года, довели ее до конца, можно было добиться более быстрых сдвигов. Но мы постоянно "давали задний ход", и позитивные результаты жесткой политики не сказывались, поскольку ее и не было как таковой. Был утерян элемент системности. Я уверен, что это была одна из главных ошибок реформаторов. Ведь тогда у населения был определенный запас прочности в области занятости и безработицы, в домашних хозяйствах были накопления товаров длительного пользования. Если бы нам удалось полностью выдержать эту жесткость и за год-два завершить "шоковые" реформы, не появилось бы то, то социологи характеризуют термином "социальная усталость", проще говоря, недовольство властями. А оно стало проявляться именно сейчас, когда после пяти лет реформ мы стали наконец ощущать, что позитивные сдвиги вот-вот появятся, показатели экономического роста от минуса через ноль в этом году переходят к плюсу. Но для налогоплательщиков это настолько неосвязаемо, что они готовы голосовать за возврат к старым технологиям социально-экономической жизни. И все же, вы знаете, в 1991 году мы не надеялись просидеть в правительстве более полугода и уже рассчитывали, кто же придет после нас: Сабуров, Явлинский?.. Мы опасались, что они могут не пойти на жесткую либерализацию экономики, и считали необходимым продержаться, сделать изменения необратимыми. Нам удалось дойти до уровня, когда сама целесообразность либерализации, приватизации и так далее уже давно не обсуждается, дискутируются лишь варианты их проведения. И наверное, это главное.

НЕ ДОПУСТИТЬ ВОЗВРАТА К ТОТАЛИТАРИЗМУ

("МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 30 МАРТА 1996 ГОДА)

Каких изменений в экономике можно ожидать, если в результате июньских выборов президентское кресло займет Геннадий Зюганов?

Существует свежая программа КПРФ. Там есть программа-минимум. Сейчас дискуссии идут: существует ли программа-максимум. Активный член КПРФ и ее фракции в Думе генерал Варенников заявил, что таковая существует. Правда, его сотоварищи, старшие по должности, опровергли это утверждение.

И тем не менее попытаемся предположить, среди возможных негативных перспектив в экономической политике — пересмотр результатов приватизации. Здесь несколько вариантов развития событий. Скажем, возможно, единовременная отмена результатов приватизации, которые базировались не на законах, а на разных решениях, указах президента. Я напому, что несколько программ приватизации и ряд указов регулировали существенные приватизационные процессы. Эти-то нормативные акты будут признаны недействительными. Как это будет сделано? Можно единовременно издать закон, что все эти нормативные акты недействительны и имеют обратную силу.

Возможны и более мягкие варианты, о которых чаще говорят коммунисты. К примеру, судебная процедура отмены результатов приватизации на основе многочисленных исков прокуратуры о незаконности мало-мальски крупных сделок в этом направлении. При желании, то есть при контроле над прокуратурой, этот процесс можно сделать достаточно быстрым.

Не исключено, что легитимность действий коммунистических правителей может быть выражена в многочисленных просьбах трудовых коллективов национализировать их. Причем долго таковые искать не придется. Скажем, ЗИЛ давно уже просится в лоно государственной собственности. Многие банки готовы огосударствиться на какой-то пакет акций. В частности, "Менатеп" год назад ставил вопрос о продаже 15 процентов. В итоге сейчас продал государству 2 процента. "Национальный кредит", безвременно ушедший от нас, сумел оформить 15 процентов в собственность государства. Подобные желания банков и предприятий понятны — они считают, что доля государства гарантирует им пристальное внимание с точки зрения бюджетных вливаний или использования этих банков в качестве уполномоченных. То есть их интересы очень прагматичны.

Самый мягкий вариант деприватизации, на мой взгляд, связан с остановкой приватизации и с точечным исправлением наиболее резонирующих ошибок. Чтобы приостановить приватизацию, особые усилия не нужны — достаточно просто ничего не делать в этой области. И каждое новое решение делать эксклюзивным.

Думаю, что в любом случае этот вопрос будет подниматься. И Борис Ельцин, видимо, тоже будет вынужден заняться допущенными нарушениями действующего законодательства в процессе приватизации. Но это будет исключительно судебная процедура, в результате которой реализуются права собственности в тех случаях, когда они нарушаются. Это нормальная, принятая во многих государствах технология.

Второе возможное негативное последствие прихода к власти коммунистов — установление госконтроля над финансовыми и денежными потоками, то есть увеличение расходы бюджета. Отсюда — начнут расти налоги, дабы профинансировать эти расходы. Произойдет и огосударствление кредитной политики. Ведь какова у нас раньше была классическая схема? Денег в казне не хватало — включался печатный станок, который, правда, назывался "предоставлением кредита Центрального банка правительству" под низкие проценты, отличающиеся от рыночных в десять и более раз. Ну и, конечно, с далекими сроками погашения. Но в те времена увеличение внутреннего государственного долга особенно никого не волновало. К такому положению мы запросто можем вернуться.

Кроме того, установится финансовый контроль над предприятиями. Сейчас это тоже есть — в форме представительства государства в тех акционерных обществах, где есть государственная доля, правда, к сожалению, пока этот контроль не очень эффективно осуществляется.

При коммунистах же это будет происходить более простым способом: через контроль над ценами, доходами, введение различных лимитов, порогов.

Изменение финансовой доктрины приведет к изменению бюджетных установок. Реализация социальных и других государственных программ неизбежно должна привести к росту бюджетных расходов. А это — прямой путь к росту инфляции и к появлению инфляционного налога в первоизданном его виде. На первых порах этот всплеск инфляции, возможно, будет незаметен, поскольку вначале мы будем пожинать плоды предыдущей политики. Но месяцев через 4—6 все вернется на естественные рельсы, когда высокая инфляция будет тормозить начавшееся было оживление производства.

Не приведут ли неудачи в экономике к каким-то радикальным действиям, как это принято у коммунистов, например к поиску виновных?

Конечно, отсутствие зримых положительных результатов в экономике заставит коммунистов искать виноватых. Естественно, начнутся раз личного рода активные процессы по поиску не только коррупционеров, как это делается сейчас, но и лиц, "нанесших сокрушительный урон российской экономике за счет либерализации цен, неправильной приватизации и так далее". Государственными преступниками будут объявлены идеологические противники. Не знаю, будут ли образцово-показательные процессы, но в действующем законодательстве и Уголовном кодексе всегда можно найти какие-то подходящие статьи типа "преступная халатность". Они позволят дать народу если не хлеба, то зрелищ, дабы показать, что "трудности возрождения российской экономики связаны с происками конкретных лиц, которые к тому же продались еще в 91-м году Западу и разрушали экономику целенаправленно и планомерно".

Кстати, в последней фразе я цитирую не Жириновского, а высказывания ряда коммунистов, с которыми мне приходилось общаться в Думе. Так что не исключено, что наручники, которыми потрясал Жириновский с трибуны, вполне могут обрести хозяев. Причем в достаточно большом количестве. Я не хочу сказать, что начнутся массовые репрессии. Но охота на ведьм" — безусловно.

ПОЙДУТ ЛИ ЗАКОНЫ В НОГУ С РЕФОРМАМИ?

("ЧЕЛОВЕК & КАРЬЕРА", АПРЕЛЬ 1996 ГОДА, М. МАХЛИН)

Александр Николаевич, название нашей газеты "Человек & карьера" обязывает поинтересоваться вашими ощущениями от перемены места работы: после исполнительной власти — законодательная, от вице-премьерства — к вице-спикерству. Как чувствуете себя в новом качестве?

Не такое уж оно для меня и новое. Два года я совмещал работу в правительстве с депутатскими обязанностями. Правда, в Думе старался бывать пореже, в основном представляя законопроекты или отвечая на вопросы как вице-премьер. Больше двух часов сидения в зале не выдерживал. Уж очень специфической выглядела деятельность депутатов. Даже формирование повестки дня, "разминка" утомляли беспредметностью дискуссий настолько, что я скорее стремился попасть в Белый дом для решения конкретных насущных вопросов жизни страны. С 1995 года я, как известно, работал только в Думе, а последнее время являюсь первым заместителем председателя. Это, конечно же, дополнительные ощущения. В мои обязанности входят планирование и организация законодательной деятельности, составление графика рассмотрения вопросов, подготовка сессионной программы. Поэтому у меня теперь больше возможностей оценивать работу Государственной Думы в целом.

Даже будучи на руководящей работе в Думе, я продолжаю чувствовать разницу не только в процессе, но и в существе той и другой деятельности. В правительстве, коли ты председательствуешь на заседании, какой бы ни была дискуссия, то формирование решения, ответственность за него ложатся на твои плечи. Ответственность перед председателем правительства, перед президентом. И как бы тяжело это ни было, механизм понятен и нравился мне, честно говоря, больше, чем нынешняя моя роль. Здесь не так просто повлиять на процесс принятия решений в силу обилия различных точек зрения, расходящихся позиций депутатских фракций. Кроме того, у ведущего собрания оказывается даже меньше возможностей, чем у обыкновенного депутата: надо, не вмешиваясь в ход обсуждения, не оказывая давления, организовывать законодательный процесс, используя исключительно процедурные и регламентные приемы. Проще говоря, осуществлять диспетчерские функции.

Разумеется, владея нормами того же Регламента, можно, например, прекратить обсуждение, если оно избыточно, или, напротив, продолжить дебаты, можно кому-то дать слово, а с кем-то повременить. Виртуозно владел этими технологиями Иван Петрович Рыбкин, предыдущий Председатель Госдумы. Однако тогда и состав Думы был более разрозненным. Сейчас мы имеем крупные монолитные фракции. Скажем, коммунисты и их союзники могут заранее предопределить судьбу того или иного законопроекта. Поэтому несколько "скучнее" видеть невозможность принятия решения, которое ты считал бы нужным.

Но одновременно возрастает значение так называемых закулисных форм деятельности, убеждения в своей правоте, создания коалиционных групп. К сожалению, официального оформления демократической коалиции между фракциями "Наш дом — Россия", "Российские регионы", "ЯБЛОКО", независимыми демократическими депутатами не произошло. Думается, что перед осенней сессией все же будут подписаны мягкие формы соглашений, хотя бы о необходимости консультаций и солидарном голосовании по ключевым вопросам.

Первая проба пера состоится при утверждении главы правительства. Хотелось бы обеспечить назначение В.С. Черномырдина именно демократическими голосами, продемонстрировать сплоченность фракций демократической ориентации, кстати, это отвечало бы и интересам коммунистов. Тогда у них будет больше оснований уже с осени метать критические стрелы по адресу правительства.

Так что думская жизнь весьма отличается от правительственной. Досадно, что принятие необходимых стране законов занимает лишь сорок процентов повестки дня. Остальное же время уходит на обсуждение политических вопросов, составление деклараций. С одной стороны, это в порядке вещей, поскольку Дума является властью и законодательной, и представительной. Но с другой стороны, не до такой же степени! Да и принимаемые законы под воздействием лоббирующих

групп подчас носят частный характер, как правило, "О государственной поддержке...". Хорошо еще если речь идет о крупной отрасли или регионе.

Бывает, что доходим до уровня предприятия. Все это в ущерб законотворчеству, которого, действительно, ждут избиратели.

Нам предстоит вырастить законодательное дерево, в основе которого были бы базовые законы, затем уже разветвленные частными. Пока Дума грешит обратным.

И все же, Александр Николаевич, что вы приобрели и что потеряли с переменной места работы?

Менше занимаюсь моей любимой наукой — экономикой. Это минус. Больше вникаю в юриспруденцию, чтобы на равных дискутировать с опытными правоведами. Это плюс.

Можно сказать, что здесь у меня больше возможностей проявить себя в области публичной политики и публичной дипломатии. Ну и, честно говоря, в правительстве рабочий день длился с девяти до девяти, а иногда и дольше. Субботы, как правило, были заняты. Здесь режим намного более щадящий. Удастся даже выкраивать "библиотечный день" в неделю.

Вы болезненно пережили свою отставку с поста вице-премьера?

Нет. Ведь это было не наказание, чтобы говорить о заслуженное™ или незаслуженности. Все намного и проще, и сложнее. Тогда после "черного вторника" мне требовалось подтверждение реальных полномочий для продолжения курса реформ таким, как я его видел. Процедура может быть только одной: подать заявление об отставке, что я и сделал. Отклонят его — подтверждены, подчеркиваю, реальные полномочия, примут — значит нечего держаться за кресло без эффективной отдачи. Случилось второе.

Считаю, что поступил правильно. Долгая жизнь в большой политике сопряжена с выстраиванием собственной поведенческой линии. Отставка в таком контексте выглядит не катастрофой, а всего лишь крохотным полустанком на магистрали. И то, что моя кандидатура рассматривается в числе четырех претендентов на пост первого вице-премьера по блоку экономических вопросов, — наглядное тому подтверждение. Но в Думе, как представляется, моя деятельность сейчас необходимее для демократических сил.

Что год грядущий нам готовит? Каких базовых законов можно ожидать от Госдумы в ближайшее время?

Налоговый кодекс. К сожалению, его принятие затянулось. Все хотят рассматривать общую часть вместе со специальными, где определены конкретные ставки, пока же нам предстоит упорядочить налоговую систему локальными решениями. Речь идет о снижении налоговых ставок, уменьшении НДС и налога на прибыль. Сделать это можно, ликвидировав льготы для отдельных "фаворитов". Уже ясно, что только семь видов налога обеспечивают 85 процентов всех поступлений. Следовательно, остальные десятки и сотни налоговых разновидностей, как правило, на местном уровне лишь запутывают и налогоплательщиков, и налоговые службы. Нуждается в упорядочении система санкций. Сейчас размер штрафа может в шесть раз превышать размер недоимки. Мыслимое ли это дело! Суровые меры воздействия на тех, кто уклоняется от уплаты налогов, вплоть до уголовного преследования, должны быть, однако, реально осуществимыми и адекватными. Крупные преобразования затронут судебную систему. У нас до сих пор нет федеральных законов об исполнительном производстве, о судебных приставах, отсутствует механизм исполнения судебных решений. А как без этого защитить контракты, защитить предпринимателей! Именно судебная реформа призвана усилить роль государства в рыночной экономике и выбить почву из-под ног криминально-мафиозных структур, зачастую берущих на себя функции рыночных "регуляторов".

Нет нужды говорить об актуальности Земельного кодекса. Наконец, нуждается в насыщении предусмотренными в нем законами Гражданский кодекс.

Если нам удастся продвинуться хотя бы по этим четырем направлениям законотворчества, то появится реальная возможность осуществления реформ на законном основании, что само по себе гарантирует от произвола, создаст стабильность в обществе. Верю, что так и будет.

РЕГЛАМЕНТ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 24 МАЯ 1996 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Я хотел бы два слова сказать о вчерашнем внеочередном заседании Государственной Думы, которое, как известно, не приняло никаких решений по поводу улучшения организации законодательного процесса, законодательной работы Государственной Думы.

Не буду повторять основных тезисов своего вчерашнего выступления. Я просил своего пресс-секретаря раздать тезисы моего выступления. И наверняка они у вас есть.

Хотел бы лишь дать некие комментарии по поводу того, как я оцениваю это событие.

Во-первых, в преддверии президентских выборов большинство депутатов, во фракциях которых есть свои кандидаты в президенты (это прежде всего фракция коммунистическая и два союзника фракции КПрФ — аграрии и "Народовластие", фракция ЛДПР и фракция "ЯБЛОКО"), видимо, не считают повышенное внимание к законодательной деятельности, к процедурам и технологиям законодательного процесса главным вопросом сегодняшней жизни. У этих депутатов, у этих фракций, их лидеров нет желания уменьшить время для политических дебатов во время пленарных заседаний Государственной Думы, поскольку одно из предложений — поправки к Регламенту, которые прямо были направлены на резкое сокращение времени для политических дебатов и соответственное увеличение времени для законодательной работы, — не прошло.

В частности, депутатские запросы предлагалось обсуждать лишь раз в неделю во время политических дебатов в пятницу вечером с 17 до 18 часов. Но это предложение не прошло. И в частности, в выступлениях представителя КПрФ и Николая Ивановича Рыжкова указывалось, что Дума — это не только законодательный орган, но и представительный, поэтому депутаты обязаны говорить о проблемах страны, посвящая этому существенную часть времени.

Действительно, Дума — представительный орган власти, но представлять интересы народа надо прежде всего через подготовку законов и внедрение этих законов в жизнь.

Во-вторых, выявилось и нежелание закрепить внутренним законом — Регламентом увеличение продолжительности рабочего времени на пленарных заседаниях.

У нас в программе приоритетных законопроектов на этот год около трехсот позиций. Кроме того, много вносится помимо программы законопроектов. И в день нам нужно принимать более 15 законов. Если вы сегодняшнюю повестку дня посмотрите, то увидите, что на многие законы в первом и втором чтениях по пять минут отводится. Понятно, что это довольно незначительное время для дискуссии и здесь многое будет зависеть от настроения депутатов. Если будет настрой принять побольше законов (такой настрой был, кстати, и в прошлой Думе в декабре накануне выборов, и сейчас накануне президентских выборов он просматривается), то многие законы без обсуждения будут приниматься, что, конечно, навредит качеству законопроектов.

В-третьих, не появилось желание дать возможность депутатам больше времени вникнуть в содержание законопроектов. Мы предлагали развести дискуссию по законопроектам и голосование по ним.

Вам, наверное, приходилось наблюдать из журналистской ложи, как происходит у нас голосование.

После небольшой дискуссии включается режим голосования, и члены фракций либо внимательно смотрят на тех, кто сидит впереди, как они команду отдадут поднятием руки, либо представители фракций обегают свои ряды, нажимая кнопки за коллег.

И не случайно вчера Геннадий Николаевич Селезнев при одном из голосований даже такую фразу обронил в адрес представителей фракции ЛДПР, у которых всего два человека сидело: "Не сломайте ноги, голоса".

Хотелось бы, чтобы ноги, руки не страдали, но главное, чтобы голова была

напряжена во время законодательной работы.

Поэтому было предложение о разведении дискуссии и голосования.

В чем здесь преимущество? После реальных дебатов по законопроекту у любого депутата появляется возможность спросить у своих лидеров фракций и у коллег по комитету их позицию, уточнить какие-то особенности законопроекта в спокойной обстановке, после живой дискуссии, и к моменту голосования самому нажимать кнопку (физически).

Кроме того, мы могли бы избавиться от такого позорного явления, которое сверху, наверное, виднее, чем из зала, когда более чем в полупустом зале мечутся представители фракций, нажимающие кнопки. Если бы у нас был час голосования (мы хотели в пятницу в первой половине дня этот механизм голосования запускать), то обязательным условием можно было бы сделать и обязательное нажатие кнопки самим депутатом, а не его соратниками. Можно было бы придумать и другую технологию, в том числе даже ручную, а не электронную технологию голосования.

Кстати, этот порядок существует практически в абсолютном большинстве парламентов мира, когда голосование производится отдельно от дебатов. А в дебатах могут участвовать лишь те депутаты, которые представляют фракцию по конкретному вопросу, представляют соответствующий комитет или интересующиеся этим вопросом; в этих условиях, кстати, можно было бы совмещать и дискуссию по закону с парламентскими слушаниями.

Эта вроде разумная мера тоже не нашла поддержки, что я воспринимаю как нежелание лидеров ряда фракций дать возможность депутатам более внимательно и проникновенно, если можно так сказать, заниматься законодательной деятельностью, без команд вождей.

В-четвертых. Не обнаружилось желания наладить нормальные отношения с Советом Федерации. Было предложено очень простое средство упорядочить наши отношения: ввести правило, согласно которому законы в третьем чтении направляются в Совет Федерации, как правило, не более чем за две недели до пленарного заседания Совета Федерации.

Известно, что в Конституции записано, что Совет Федерации должен в течение 14 дней рассмотреть законопроект, принятый в третьем чтении Думой и направленный ему Думой. Но в то же время, после декабря 1995 года, когда Совет Федерации у нас оказался органом, формируемым из лидеров регионов, и, стало быть, органом, который не может работать на постоянной основе, возникла чисто техническая коллизия, связанная с тем, что Дума представляет законы, скажем, почти за месяц до очередного заседания, а иногда — на следующий день после очередного заседания Совета Федерации. В результате Совет Федерации выключается из законодательной деятельности, что не означает, что он не хочет и не готов рассмотреть тот или иной законопроект, который часто его касается. Конечно, некоторые вопросы, поименованные в Конституции, не могут решаться без Совета Федерации (в основном это бюджетные законы, вопросы войны и мира и так далее). Но в то же время большая часть законопроектов напрямую не связана с этими конституционными ограничениями. И при желании можно выключить Совет Федерации из законодательной деятельности.

Правда, Конституционный Суд истолковал эту ситуацию таким образом, что только Совет Федерации имеет право направлять законы на подпись президенту. Это означает, что при желании уже Совет Федерации может остановить законодательный процесс. Если Дума направляет в Совет Федерации закон, скажем, за три недели до очередного заседания, то формально этот закон, в соответствии с Конституцией, считается одобренным Советом Федерации, если он не входит в тот перечень законов, которые обязательно должны быть рассмотрены Советом Федерации.

Но с другой стороны, Совет Федерации может не направлять этот закон президенту. И Дума имеет всего лишь одну возможность при этом раскладе, а именно: преодолеть вето Совета Федерации. Только в этом случае она может послать закон напрямую президенту. Но если Совет Федерации не рассматривал — значит и вето нет. То есть если две палаты не договорятся, как на техническом уровне обойти этот, действительно, возникший после декабря 1995 года вопрос, то законодательный процесс может зайти в тупик.

В этой связи было предложено очень простое средство. Дума, согласно этой рекомендации, должна была взять на себя добровольные обязательства — посылать законы в Совет Федерации за 14 дней до очередного заседания.

Вчера депутат Илюхин высказал такое предположение, что это нарушение Конституции. Я, честно говоря, не вижу здесь никакого нарушения Конституции. Если мы в график своих заседаний голосование в третьем чтении по законопроектам будем ставить с учетом графика заседания Совета Федерации, то все проблемы решаются автоматически, то есть чисто техническим средством. Государственная Дума может обойти все эти препятствия на пути нормального законодательного процесса. Но почему-то не захотела откликнуться и на призыв Совета Федерации — вчера первый заместитель председателя верхней палаты Олег Петрович Королев призывал к этому. Депутаты не захотели.

А кроме того, не было выражено желания ввести промежуточный технический механизм контроля за качеством подготавливаемых законопроектов.

Что предлагалось? У нас по Регламенту каждый субъект права законодательной инициативы, будь то комитет, группа депутатов, субъекты Федерации, должен вносить законопроекты вместе с пакетом сопровождающих документов. В частности, делать анализ той или иной области законодательства и объяснять, почему нужен новый законопроект. Субъекты права законодательной инициативы должны также дать предложения по изменению законодательства, которое необходимо будет произвести в случае принятия того или иного законопроекта, то есть по всем смежным законам надо пройтись и найти последствия принимаемого закона для других законов. Нужно представить заключение правительства, развернутое финансово-экономическое обоснование и так далее.

К сожалению, у нас технология работы построена таким образом, что часто на Совет Государственной Думы вносится закон без всего этого пакета сопровождающих документов, и Совет Думы принимает легкое, на его взгляд, решение — направить этот законопроект в депутатские объединения, в комитеты и так далее. Но согласно Регламенту такое направление законопроекта является официальным внесением законов в Государственную Думу. Возникает чисто технико-правовое противоречие. Закон не готов с точки зрения требований Регламента, но мы его принимаем к рассмотрению, считаем внесенным. Из-за этого наша повестка дня засоряется некачественными или чересчур частными законопроектами, и механизма технического, я подчеркну, контроля нет.

Мы пытались этот механизм контроля возложить на комитеты Государственной Думы: Комитет по законодательству должен был отслеживать те законопроекты, которые связаны с изменениями кодексов, основных наших базовых законопроектов, Комитет по бюджету должен оценивать финансово-налоговые последствия тех или иных законопроектов, а Комитет по Регламенту должен был смотреть, весь ли пакет в наборе существует при представлении законопроекта.

Это было воспринято как чрезмерная бюрократизация на предварительной стадии рассмотрения законопроектов, хотя я считаю, что это необходимое условие решения другой, более важной задачи, а именно повышения качества всей законодательной деятельности. Если у нас нет механизма технического контроля за соблюдением регламентных требований к вносимым законопроектам, то мы не можем реализовывать те или иные приоритеты. Например, сначала принимать базовые законы, затем частные законы, сначала кодексы, потом поправки к кодексам.

Вот конкретный пример. У нас существует множество поправок к действующему Уголовному кодексу, и лишь сегодня мы рассматриваем сам новый Уголовный кодекс. Представьте себе, если мы будем идти по воле волн, то, значит, мы примем десятки поправок к Уголовному кодексу, а этот кодекс, который мы существенно обновим, с первого января следующего года прекратит свое существование, поскольку вступит в действие новый Уголовный кодекс. Стало быть, нужны методы, если хотите, воздействия на инициативы депутатов и выстраивания их в какую-то очередность. Не имея технических инструментов в руках, очень трудно выстраивать эту цепочку — от приоритетных законов к менее приоритетным, от базовых к частным и так далее.

В целом получается так, что политическая жизнь июня 1996 года помешала нам даже за основу взять эти предложения, с тем чтобы можно было бы их дополнительно обсудить в комитетах и во фракциях (не случайно многие депутаты прямо говорили, что это может быть и нужно, но после выборов президента).

Я считаю, что, наоборот, Дума продемонстрировала бы свою неполитизированность и заинтересованность именно в законодательной деятельности, если бы сделала, хотя бы внесла часть этих поправок в Регламент, в механизм своей деятельности

именно до 16-го числа. Но коль этого не случилось, стало быть, ряд обвинений со стороны, в том числе прессы, в чрезмерной политизации Думы имеет под собой основания.

Это не значит, что все это время, скажем до осени, мы будем сидеть сложа руки. Есть у нас и механизмы чисто организационного упорядочения законодательной деятельности. В частности, на это будет направлена деятельность объединенной комиссии. Вы знаете, что 22-го числа президент подписал распоряжение о новом составе объединенной комиссии по координации законодательной деятельности. Я назначен председателем этой комиссии. У вас на руках состав. Вы видите, что туда входят представители всех ветвей власти - от президента, от правительства, от обеих палат, председатели Судов — Конституционного, Верховного, Арбитражного.

И главная задача этой комиссии прежде всего будет состоять в том, чтобы согласовывать законодательные инициативы, рассматривать альтернативные законопроекты, с тем чтобы попытаться на ранних стадиях законодательного процесса упорядочить его, согласовать таким образом, чтобы не возникало затем поводов для вето верхней палаты, или вето президента, или отрицательных заключений правительства.

В июне мы, я думаю, до 16-го проведем первое заседание этой комиссии, ее называют четырехсторонней, имея в виду президента, правительство, Совет Федерации и Думу. Но поскольку там еще представители наших судов, можно ее даже и пятисторонней называть. Попытаемся на ней решить прежде всего те вопросы, которые мы обсуждали вчера на палате. В частности, хотелось по каналам этой комиссии через согласительные механизмы, которые в ее рамках можно отработать, внести в ближайшее время на рассмотрение Государственной Думы закон "О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов", закон "О механизме реализации права законодательной инициативы" и закон "О нормативных актах".

Все эти законопроекты вносились в Думу. Первый из них вносился два года назад президентом. Видимо, сейчас настало время обобщить эти законопроекты и внести в Государственную Думу те предложения, которые не удалось провести через регламентные нормы, провести через закон.

Не все, конечно, можно сделать через Регламент. В частности, вопросы взаимоотношений ветвей власти, участвующих в законодательном процессе, лучше регулировать законом. Это направление, связанное с деятельностью объединенной комиссии, в некоем смысле должно заменить промедление с корректировками правил нашей внутренней жизни в Государственной Думе.

На этом я закончу, поскольку у вас на вопросы совсем мало времени остается.

ФИЛИПОВА. РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, прежде всего позвольте поздравить вас с назначением председателем объединенной комиссии. И уже с точки зрения этой должности, с точки зрения законности, на ваш взгляд, будут ли результативными переговоры Ельцина и Яндарбиева? Ведь федеральная власть никогда не признавала законность президентства Дудаева.

И второй вопрос. Какова судьба проекта закона "О разграничении полномочий между федеральными органами власти России и Чечни", о котором Борис Николаевич говорил в своем плане об урегулировании кризиса? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Что касается законности переговоров между Ельциным и Яндарбиевым, я думаю, что коль скоро глава государства начнет вести эти переговоры, то мы должны признать и легитимность той стороны. Государственная Дума и многие другие политические силы готовы добиваться мирного урегулирования вопроса в ближайшее время и готовы пойти здесь на любые корректировки ранее принятых решений. Был бы результат.

Что касается договора, то, как известно, из последних высказываний, в том числе и главы государства, базой для такого рода договора является так называемый татарстанский вариант, то есть схема асимметричной федерации, а именно предоставление одному из субъектов Федерации больших прав, большей самостоятельности, нежели в среднем предусмотрено существующим законодательством. Как вы знаете, у нас сейчас вообще идет ускоренный процесс заключения соглашений о разграничении полномочий, сфер ведения между федеральным центром и субъектами Федерации. В частности, в этом месяце подписано около пяти. В оставшиеся дни этого месяца еще как минимум одно

соглашение такого рода будет подписано. В рамках этой технологии более продвинутые в сторону автономии Чечни соглашения, договоры и разграничения полномочий вполне могли бы иметь место. Здесь было бы соблюдено, во-первых, требование целостности территории Российской Федерации, а с другой стороны, важно прекратить войну на территории России, которая является, безусловно, конфликтом с элементами гражданской войны. И ради этой цели можно идти на асимметрию, даже, может быть, большую, чем это предусмотрено в ныне действующих договорах.

ФЕДОТОВ. ЖУРНАЛ "САМОУПРАВЛЕНИЕ".

Вопрос об экспертизе концепции законопроектов, повторяю, концепции. Это может быть экспертиза концепции на соответствие конституционным нормам и правам человека. Как вы рассматриваете эту постановку? И может ли она быть еще одной проблемой, требующей безотлагательного решения, в дополнение к названным вами?

ШОХИН А.Н. Безусловно, проблема экспертизы вносимых законопроектов является одной из ключевых для качества законодательной деятельности. И одна из функций объединенной комиссии, которая сформирована распоряжением президента, заключается в предварительной экспертизе законопроектов. Другое дело, что у комиссии нет особых прав, она свои решения оформляет в виде рекомендаций. Будут ли эти рекомендации учтены или нет, это уже дело законодателей, дело Государственной Думы. Может быть, объединенной комиссии надо поручить те функции, которые возлагаются на ряд конституционных органов в некоторых государствах. Скажем, в королевстве Нидерландов при королеве в соответствии с Конституцией существует государственный совет, основная функция которого — предварительное рассмотрение законопроектов, которые только из этого госсвета поступают во вторую палату генеральных штатов парламента Нидерландов. И вот эта предварительная экспертиза позволяет расставить по местам очередность принятия законов, с тем чтобы действительно базовые законопроекты первого уровня принимались раньше законов второго и тем более третьего уровня, чтобы обеспечить непротиворечивые законодательные процессы.

У нас таких механизмов пока нет. Мы пытались в начале года, предлагая новую конструкцию программы законопроектной деятельности Думы на 1996 год, выстроить эти приоритеты, в частности, было введено много новых разделов в эту программу. Если раньше приоритеты выстраивались по комитетам (что комитеты предлагали, то мы и фиксировали в прошлой Государственной Думе), то сейчас выделено несколько новых разделов, в частности законы, вытекающие из Конституции Российской Федерации. Отсутствие этих законов, мы их почти 30 насчитали, свидетельствует о том, что Конституция не имеет механизмов своей реализации.

Кроме того, федеральные конституционные законы, среди которых федеральный закон "О правительстве", федеральный закон "О разграничении полномочий между федеральными органами и субъектами Федерации", закон "О судебной системе", еще не приняты. Отсутствие этих законов также свидетельствует о незавершенности формирования государственного устройства России, о незавершенности конституционного процесса в России. Мы считали, что это приоритеты номер один.

Считаю, что среди главных приоритетов Государственной Думы — активизация работы по кодексам: по Гражданскому кодексу, по Земельному кодексу, по Воздушному кодексу и так далее. Но здесь кроме активизации работы нужно и содержание. Мы приняли позавчера Земельный кодекс в третьем чтении, то есть как бы выполнили эту задачу, но при этом все голосовавшие "за" прекрасно понимают, что этот кодекс натолкнется на вето либо Совета Федерации, либо президента. Это неработающий кодекс с точки зрения интересов многих участников законодательного процесса. И я даже прямо сразу после принятия кодекса спросил Николая Харитонов, лидера аграрной фракции: "Когда приступим снова к рассмотрению Земельного кодекса?" Он, не уточняя, что я имею в виду, ответил: "Наверное, в октябре". То есть он тоже прекрасно понимает, что этот кодекс будет возвращен в Государственную Думу и делается это лишь из популистских намерений и, может быть, в надежде, что это поможет кандидату в президенты, общему кандидату аграриев и коммунистов заработать дополнительное очко.

То есть нам нужен не только перечень этих документов, но и увязка их с другими документами. Нынешний, например, Земельный кодекс явно оторван от Гражданского кодекса. Но если мы Гражданский кодекс приняли, значит, частные кодексы: Земельный, Воздушный и так далее - должны привязываться к базовому, к экономической конституции страны, к Гражданскому кодексу.

Поэтому Гражданский кодекс мы видели тоже в качестве ключевого блока законов, вернее, не сам кодекс, а законы, которые упомянуты в Гражданском кодексе и которые создают механизм реализации Гражданского кодекса. То есть в программе законопроектной деятельности была выстроена некоторая система, дерево целей, если хотите, по которому нужно было двигаться, с тем чтобы законодательный процесс был непротиворечивым. Но в то же время в этой программе есть вторая часть, и это приоритеты комитетов. Комитеты ориентируются несколько на другие критерии, а именно на готовность, например, тех или иных законопроектов, на активность конкретных депутатов, членов комитета. И поэтому у нас не получается выстраивать свою законодательную деятельность в соответствии с теми приоритетами, которые отвечают выстроенным критериям. Собственно, некоторые предложения по изменению Регламента работы и технологии законодательного процесса были направлены на то, чтобы попытаться приводить нашу текущую деятельность в соответствие с теми критериями, которые нами же были зафиксированы в примерной программе работы.

Некоторые коллеги из левой части Думы вчера, воспользовавшись дискуссией, пеняли конкретно в мой адрес и говорили, что есть первый вице-спикер, пусть он отвечает за то, чтобы наша повестка была качественной, соответствующей этим критериям. У меня абсолютно нет никаких рычагов. Я не имею никаких технических или правовых способов приводить повестку дня текущих заседаний в соответствие с нашей же программой. И во вчерашнем проекте решения было предложение обеспечить приоритетность законопроектов, включенных в программу. Но даже это, видите, не было принято. Если бы депутаты хотя бы за основу вчера эти решения приняли, а потом даже затянули на два-три месяца конкретное их обсуждение, то это демонстрировало бы готовность идти в направлении упорядочения законодательной деятельности. К сожалению, этого не произошло.

КОЛТУНОВ.

Александр Николаевич, как вы смотрите на то, чтобы в Государственной Думе проводилась только законотворческая работа, была исключена фракционная партийная деятельность и тем более превращение Думы в штабы нескольких блоков. Ведь сейчас большое количество помещений Думы, и средств, и множительной техники, и средств обеспечения расходуются на фракционную деятельность. Можно ли сделать так, чтобы работали только комитеты основные, и депутаты занимались только законотворческой деятельностью?

ШОХИН А.Н. Запретить фракционную деятельность в Думе нельзя. Это вряд ли было бы целесообразно. Наша избирательная система построена на 50 процентов на пропорциональной основе, на партийных списках, а не только на мажоритарных округах, и поэтому формирование фракций, депутатских объединений естественно в этих условиях, тем более что, только зарегистрировавшись, те или иные группы, депутаты получают доступ к техническим, финансовым и организационным привилегиям, таким, как офисы, кабинеты, машины и так далее. На пленарных заседаниях это тоже проявляется — слово легче получить представителю фракции, чем независимому депутату. Но тем не менее я бы частично согласился с вашей постановкой вопроса, а именно: уменьшить роль фракционной деятельности в Государственной Думе. В частности, Совет Государственной Думы является органом политическим: полноправными членами Совета Государственной Думы являются Председатель Государственной Думы и лидеры фракций и депутатских объединений. Заместители председателя, председатели комитетов участвуют в заседаниях Совета Государственной Думы с совещательным голосом. Они не голосуют в случае возникновения соответствующих вопросов. Я считаю, что этот механизм пока что не доказал свою эффективность. В чем смысл, скажем, того, что Совет Государственной Думы является политическим органом, органом руководителей фракций? Если бы по тем или иным вопросам мы устанавливали, сколько времени на дискуссии нужно определить, есть ли согласие между фракциями по ключевым вопросам и в связи с этим ставили какой-то вопрос на голосование либо отправляли его на дополнительные консультации, то это имело бы

смысл. Но Совет Государственной Думы выполняет производственную функцию, формирует повестку дня. Это должны делать, на мой взгляд, председатели комитетов и председатель со своими заместителями, которые к этим предложениям комитетов должны предъявлять какие-то мерки, о которых мы, собственно, и говорим: соответствие Регламенту, наличие полного пакета документов, соответствие приоритетам, которые Дума сама устанавливает, и так далее. Сейчас же этот производственный механизм на уровне Совета Государственной Думы отсутствует. Если хотя бы уравнивать политическую часть руководящего органа Думы с производственной, то это уже бы способствовало улучшению законодательной деятельности. Кроме того, действительно нельзя превращать Думу в совокупность штабов избирательных кампаний в президенты или в новую Государственную Думу. Для этого, действительно, нужно больше определять времени и места работы комитетов и депутатов как законодателей, нежели как членов фракций. Фракции могут работать и в своих штабах в свободное от законодательной деятельности время.

Я считаю, что мы прежде всего должны обеспечить деятельность пленарных заседаний Думы и деятельность комитетов, а фракции хоть в субботу, воскресенье могут заседать. Это уже политическая часть деятельности Думы. Депутаты вообще обязаны, наверное, работать сверх КЗоТа. Во многих парламентах мира работают, кстати, и до полуночи и проводят продленные заседания и так далее. Ничего страшного в этом нет, ненормируемый рабочий день. Для политика это естественное понятие. Мы, к сожалению, сейчас пытаемся уложиться в кодекс законодательных актов о труде и приравнять себя к обычным гражданам.

ВОПРОС.

А возможно ли включение именно такого закона, который ограничивает фракционную деятельность?

ШОХИН А.Н. Все возможно. Для этого нужно, чтобы субъект права законодательной инициативы, тот или иной депутат внес соответствующее предложение. Но я не думаю, что оно сейчас будет поддержано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста, последний вопрос.

"МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ".

Александр Николаевич! Не могли бы вы поподробнее рассказать о судьбе законов, необходимых для регламентации законотворческой деятельности. Один из них, по вашим словам, был внесен президентом два года назад, куда он делся? И кто сейчас работает над этими законами?

Когда они будут внесены?

ШОХИН А.Н. Во-первых, эти законы вносились разными субъектами права законодательной инициативы — и президентом, и депутатами Государственной Думы. Мы хотели бы, чтобы Комитет по законодательству и Комитет по Регламенту уже в июне внесли эти законопроекты на рассмотрение пленарного заседания Государственной Думы. В частности, было прямое указание в проекте решения вчерашнего заседания Комитету по законодательству внести в июне закон "О порядке принятия законов" на рассмотрение Государственной Думы. Я знаю, что этот закон там "варится", обсуждается, но хотелось бы ускорить этот процесс, тем более что есть еще, действительно, как минимум два законопроекта, непосредственно связанных с этим законом. И важно было бы уже сейчас определить, будем ли мы сводный закон делать, либо все три закона, в том числе закон "О механизме реализации права законодательной инициативы" и закон "О нормативных актах", то есть об актах не только законодательного уровня, но и подзаконных, принимать либо ограничимся, скажем, неким сводным законом на эту тему.

Кроме того, есть настоятельная необходимость в законах, которые будут рассматриваться в ближайшее время, например в закон "О правительстве" включить статьи, которые бы отражали механизм взаимоотношений правительства и Государственной Думы, например, в части предоставления заключения правительства на законы, которые носят финансовый характер, то есть заключения, которые обязательны в соответствии с требованиями Конституции.

Я хочу надеяться, что еще до каникул эти законы покинут вышеназванные комитеты, и мы их начнем обсуждать, с тем чтобы по итогам нынешней сессии Государственной Думы принять ряд решений, которые позволят следующей Государственной Думе работать более эффективно и плодотворно.

Спасибо.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

(СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТКЛУБА РИА "НОВОСТИ". 30 МАЯ 1996 ГОДА)

МАРКОВ В.Н. (председательствующий).

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги!

Приветствуем вас в РИА "Новости" и нашего гостя — Александра Николаевича Шохина, первого заместителя Председателя Государственной Думы.

Мы обозначили тему разговора как "Парламент и выборы", и я хотел бы, по сложившейся традиции, предоставить сразу слово вам, Александр Николаевич, для того, чтобы вы в своем кратком вступлении коснулись прежде всего тех вопросов, которые, с вашей точки зрения, являются сегодня самыми главными. А потом приглашаю всех коллег к активному диалогу — задавайте конкретные вопросы, а Александр Николаевич будет отвечать.

ШОХИН А.Н. В рамках заявленной темы я хотел бы затронуть несколько вопросов. Первый — как парламент в своей законодательной деятельности реагирует на президентские выборы. И второй — как вообще парламент в преддверии президентских выборов выглядит как институт власти.

Если отвечать на первый вопрос, то вы сами можете убедиться в том, что в программе законопроектной деятельности было не так много документов, которые непосредственно направлены на выборы. Но они есть. Среди них — закон об общественном контроле за результатами выборов. История у этого закона большая. В прошлом году, в последние месяцы работы пятой Государственной Думы, он несколько раз вносился депутатами, в частности депутатом Шейнисом. Я два раза вносил законопроект на эту тему в повестку дня, правда, мой вариант был связан не с общественным контролем за выборами, а акцентировал внимание на необходимости изменения механизма использования пятипроцентного барьера. Напомню свою идею — вместо жесткого пятипроцентного барьера нужно вводить гибкий барьер, и в случае, если партии, преодолевшие пятипроцентный барьер, в совокупности не будут представлять квалифицированного большинства голосов избирателей, то нужно пятипроцентную планку понижать до того уровня, который позволит попасть в парламент тем партиям, которые в совокупности будут отражать предпочтения двух третей избирателей. Тогда моя поправка не прошла — считалось, что нельзя менять правила игры в условиях объявленных выборов. Но по итогам декабрьских 1995 года выборов в Думе оказались четыре избирательных объединения, которые "на круг" собрали чуть больше половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Только случайность не поставила под вопрос легитимность партийной части нижней палаты, это случилось бы, если бы пятипроцентный барьер преодолели партии и движения, получившие менее половины голосов избирателей.

Поэтому считаю, что при соответствующих изменениях избирательного законодательства эту мою поправку 1995 года все-таки нужно внести. Иначе мы будем иметь то, что имеем, а именно: большие премии будут получать партии-победители, и премировать их будут партии из другого лагеря, как это случилось в декабре 1995 года, когда Коммунистическая партия, получив 22 процента, имеет 44 процента в пропорциональной, в партийной части парламента. А премировали ее такие движения, как "Выбор России", "Женщины России" и ряд других демократических движений.

Сейчас избирательный закон опять принимается в урезанном виде, в основном он под президентские выборы готовился. Основная его задача заключалась в усилении общественного контроля. Конкретная технология менялась: вначале каждые пять избирателей могли направлять своего наблюдателя на выборы — сейчас пятьдесят. Финансовые и организационные аспекты в этом законе оказались не ясны, в том числе и сенаторам, поэтому он не получил поддержки в Совете Федерации, а также желаемых двух третей голосов нижней палаты, которые были необходимы для преодоления вето Совета Федерации.

Я думаю, этот закон мы рассмотрим в рамках согласительной комиссии с Советом Федерации, которая была создана по моему предложению, но уже к следующим

парламентским выборам. Даже если они будут в срок, через четыре года, то закон вряд ли устареет.

Кроме законов, находившихся в плане работы Думы, очень много законопроектов, которые готовились специально к выборам. Это и законы, и постановления. В частности, постановление, которое было принято недавно, о необходимости проведения выборов в конституционные сроки, закон о недопустимости захвата власти и узурпации власти. Эти законы и постановления носят в основном пропагандистский характер и призваны посеять в общественном мнении сомнения по поводу намерений властей, Президента Ельцина. Сами названия этих документов должны дать основание полагать сторонникам коммунистов, что нынешняя власть только и думает о том, чтобы перенести выборы или неконституционным образом захватить власть. Я думаю, что другой нагрузки у этих законов нет.

Есть закон о порядке передачи власти вновь избранному президенту. В нем, в частности, говорится о том, что вновь избранный президент должен слагать или приостанавливать свое пребывание в той или иной партии или политическом движении. Коммунисты не поддержали эту инициативу, но было ясно, что без этой записи закон не увидит свет, хотя в нем многие очень полезные конкретизации конституционных статей прописаны, и мы считали с самого начала, что этот закон нужен. Тем более что в нем есть статьи о том, как реализуется механизм передачи власти в случае, если действующий президент избирается на второй срок.

В Государственной Думе, конечно, идет чересчур активная политическая жизнь. Начиная с мартовского постановления о воссоздании СССР и до последнего времени мы существенную часть — до 60 процентов времени — тратим на вопросы, не связанные прямо с законодательством.

К сожалению, неделю назад не удалось убедить — в частности, мне — коллег-депутатов в необходимости существенных изменений Регламента и порядка работы Государственной Думы, с тем чтобы резко сократить политическую часть деятельности. Основной аргумент: лучше это делать после выборов. Из этого можно сделать такой вывод, что сейчас те фракции и те депутатские группы, которые имеют своих кандидатов в президенты, очень активно используют думскую трибуну. Наиболее эффективно использует возможности Думы Владимир Жириновский — я имею в виду публичные выступления и в зале заседаний палаты, и многочисленные пресс-конференции. Геннадий Зюганов и Григорий Явлинский в основном ездят по стране и иногда лишь устраивают в стенах Думы пресс-конференции, не посещая зал заседаний. Но тем не менее есть основания считать, что аппараты фракций, многочисленные помощники (и штатные, и общественные) этих лидеров активно работают на предвыборную кампанию, используя думские возможности.

Поэтому, видимо, в ближайший месяц Дума будет достаточно политизирована, хотя мой прогноз такой: после президентских выборов (после победы Б.Н. Ельцина) вполне вероятно, что Дума качнется в более конструктивную сторону и начнет выстраивать механизмы законодательной деятельности как основные механизмы своей работы. Я думаю, что Президент Ельцин вряд ли, став президентом на второй срок, захочет распускать досрочно Государственную Думу. Дело в том, что для того, чтобы подвинуть Государственную Думу к центру, сделав ее более центристской, нужно добиться значимых, заметных для людей изменений в экономической и социальной жизни. А для этого потребуется еще какое-то время, поэтому, даже при самых откровенных желаниях Ельцина иметь более конструктивного партнера в лице новой Думы, вряд ли раньше лета следующего года досрочные выборы могут состояться.

Чего не скажешь о Геннадии Зюганове. Мой анализ показывает, что президент Зюганов может досрочные выборы организовать уже в этом году, попытавшись на волне своей победы сдвинуть Думу дальше влево.

Но, поскольку мой прогноз таков, что президентом будет избран Ельцин, то роспуска Думы ожидать сразу, после истечения годового конституционного моратория на ее роспуск после выборов, не следует. Когда говорят о схеме роспуска Думы, то имеют в виду возможность ее досрочного роспуска по основаниям не вотума доверия или недоверия правительству, а по мотивам, связанным с утверждением нового кабинета. После трехкратного отклонения кандидатуры на пост премьера президент обязан распустить Думу.

Мне трудно прогнозировать конкретную тактику будущего президента. Будет ли он предлагать кандидатуру премьера одну и ту же трижды, с тем чтобы на третий раз

Дума, не захотев самораспуститься, утвердила эту кандидатуру, либо будет последовательно предлагать разных кандидатов, опять-таки ориентируясь, что основной кандидат должен быть третьим, здесь может быть сложная тактическая игра. Как будет эта "карта" разыграна сейчас, я думаю, вряд ли уместно говорить. Пока очевиден факт, что все кандидаты в президенты, с которыми шли переговоры и которые ходили на прием к Президенту Ельцину в мае (я имею в виду и Явлинского, и Федорова, и Лебеда), решили идти на выборы самостоятельно, а значит, никаких коалиционных комбинаций, видимо, не будет. Кроме того, оба основных кандидата намерены победить в первом туре (об этом заявлял и Зюганов, об этом заявляет и Президент Ельцин). Учитывая те подвижки в общественном мнении, которые произошли в последнее время, и, более того, подвижки в реальной политике (прежде всего на чеченском направлении — это был главный "камень на шее" Президента Ельцина, который сейчас ему удалось скинуть), можно делать вывод о более предпочтительных шансах Бориса Николаевича Ельцина победить уже в первом туре. Фактическая однотуровость президентских выборов на пользу экономике.

Те показатели доходности, утечки капитала, притока капитала в Россию, которые мы можем наблюдать, по статистике свидетельствуют о том, что финансовый рынок, экономика замерли в преддверии выборов. И месяц промедления здесь может быть чреват финансово-экономическими потрясениями. В частности, связанными с ухудшением возможностей мобилизации финансовых ресурсов через рынок ГКО, с изменением ситуации на валютном рынке и так далее. Поэтому было бы желательно, если бы мы эту определенность с президентом имели бы уже в июне, то есть после первого тура выборов 16 июня. Ситуация неопределенности будет затянута на месяц в случае второго тура и, более того, в случае избрания президентом Геннадия Зюганова. Тогда, я думаю, неопределенность будет продлена по крайней мере на несколько месяцев — до конца года.

Дело в том, что существует абсолютная неясность, а что же будет экономической политикой президента Зюганова? Те документы, которые появляются в последнее время, свидетельствуют о достаточно широком разбросе точек зрения внутри народно-патриотического блока.

Я думаю, что вы согласитесь со мной: в этом случае неопределенность будет очень большая, и не дай Бог столкнуться нам с этим вариантом. Поэтому, с экономической точки зрения, лучше выборы проводить в один тур, и Президенту Ельцину лучше победить в первом туре, и тогда мы сможем, "засучив рукава", исправлять ошибки, которые, безусловно, были в экономической политике в прошлые годы, и выправлять ситуацию, которая сейчас складывается в результате этой политической напряженности. На этом я завершу свое вступительное слово и дам вам возможность задать вопросы.

Прошу.

БОНДАРЕНКО. РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, на днях отмечается пятилетие российской государственности, в таких случаях принято подводить итоги. Я хотел бы вас попросить как члена президентской команды попытаться это сделать.

ШОХИН А.Н. Я бы хотел поправить вас. Дело в том, что пять лет назад мы избрали первого Президента России, а выборы первого Президента России были приурочены к годовщине Декларации о суверенитете. В этой связи есть разные толкования: когда пятилетие праздновать. Сейчас или оно состоялось год назад. Но тем не менее, действительно, как минимум пять лет у нас новая государственность, особенно если иметь в виду, что в конце 1991 года Россия стала независимым государством (не в рамках Советского Союза — тогда был провозглашен ее суверенитет, а как государства, признанного по международному праву). Пять лет идут реформы в России, переход от административно-командной экономики к рыночной экономике. Пять лет идет трансформация политической системы. Может быть, даже больше. Реальная трансформация политической системы началась, безусловно, при Горбачеве, когда появились такие понятия, как гласность, когда были проведены альтернативные выборы, основанные на выдвижении альтернативных кандидатов, в Верховный Совет СССР народных депутатов. Но тем не менее порядок цифр — пять лет, здесь и в области экономического измерения, и политического, и государственного строительства.

Этот период реформирования нужно брать за основу. Поэтому выводы, безусловно, нужно и можно делать, тем более что сейчас президентские выборы требуют от

кандидатов в президенты формулировать: а в чем заключается следующий этап развития России? Если большинство кандидатов в президенты формулируют динамику последних пяти лет в основном как динамику разрушения государственности, разрушения экономики, разрушения социальной сферы, формулируют цели и задачи на четырехлетку нового президентства в основном как задачу устранения тех недостатков, которые были допущены в предшествующие пять лет Президентом Ельциным, то о конструктивной части программ нам ничего не известно.

Достаточно включить телевизор: сегодня я имел возможность посмотреть в этой роли Горбачева — он ровно в этом ключе выстраивает свою президентскую предвыборную программу.

Большинство кандидатов рассуждают не только на языке устранения недостатков, но часто заходят на площадку прошлого — возврата к светлому прошлому как способу устранения тех недостатков, которые были допущены властями за последние пять лет. Отсюда и государственное регулирование, отсюда и марксистско-ленинские термины многоукладноеTM экономики и так далее.

Я думаю, что программа президента, которая будет оглашена завтра в Перми (я сегодня тоже поеду в Пермь, хочу послушать, как президент будет представлять свою программу, а кроме того, я член делегации по подписанию договора с Пермской областью и Коми-Пермяцким автономным округом), будет в основном посвящена формулировке задач следующего этапа, через призму которой можно будет давать оценку предшествующему этапу.

Предшествующий этап — это этап демонтажа тоталитарной политической системы, демонтажа административно-командной системы. Но в то же время этот демонтаж, который иногда оппоненты называют развалом, разрушением, сопровождался закладкой краеугольных камней в каждую из систем жизни общества и государства. Хотя рыночная экономика еще не процветает у нас (более того, я соглашусь со многими критиками, что много появилось достаточно уродливых, нецивилизованных проявлений рыночной экономики), но тем не менее основы рынка, безусловно, заложены. Это выражается и в том, что частная собственность у нас стала, даже со статистической точки зрения, основной формой собственности. Это выражается и в том, что институты рынка, такие, как свободное ценообразование, демонополизация и конкуренция, тоже являются фактом нашей жизни. При этом можно и нужно критиковать нашу экономическую систему за недостаточную рыночность и цивилизованность.

Главная задача государства на ближайшие четыре года заключается в том, чтобы цивилизовать рынок, провести подлинные либеральные реформы. Без усиления роли государства, безусловно, не обойтись, но это не то усиление роли государства, о котором говорят Зюганов и Маслюков, связанное с увеличением загрузки производственных мощностей через систему госзаказа, через замораживание цен и заработных плат, через закрытие экономики от внешнего мира на 10—15 лет. Вы видели, наверное, конкретные предложения: скажем, в проектах Ю.Д. Маслюкова нам до 2010 года придется жить в закрытой экономике, опять с затянутыми поясами.

Усиление роли государства должно быть направлено на поддержание рыночных либеральных институтов. Без внедрения, если хотите, даже насильственного внедрения, судебных механизмов разрешения споров между субъектами рынка, без защиты контрактов (а это главная функция государства — защищать контракты), без защиты собственников и предпринимателей, в том числе защиты от произвола чиновников и от мафиозных структур, без такой сильной роли государства в рыночной экономике, конечно, нам не обойтись, и это нормальная функция государства в любой развитой рыночной экономике.

В области политической, безусловно, мы выстроили основы демократического общества, но в то же время выборы 1996 года показывают, что демократия еще хрупкая. Если у многих граждан России возникают вопросы: не будет ли поворота назад? Не будут ли эти выборы последними после прихода к власти коммунистов? Могут ли быть отложены выборы, невзирая на то, что Конституция не дает таких оснований? И так далее — это все означает, что демократия у России еще хрупкая.

И я думаю, что одна из главных задач всех сторонников демократического устройства российского общества заключается в том, чтобы, опираясь на нынешнюю Конституцию, выбрать нового президента, а затем, опираясь на записанные в Конституции возможности, скорректировать эту Конституцию, более

точно перераспределить власть в обществе. А сам факт, что мы связываем с президентом судьбы строя, общественно-политического и экономического строя, означает, что у нас система противовесов в обществе не развита, и нам нужны какие-то балансирующие политические структуры, которые бы не давали в результате одних выборов возможность изменить общественно-политический строй в стране.

Поэтому, безусловно, предстоит в ближайшие годы заниматься конституционным государственным строительством, но в рамках, которые прописаны в действующей Конституции.

Безусловно, достижения в строительстве новой экономики и общества сопряжены с проблемами, которые связаны с тем, что страна находится в переходном периоде. Это не обязательно переход от административной экономики к рынку. Я думаю, что по всем направлениям мы являемся пока еще, к сожалению, переходной страной, несмотря на то, что мне очень хочется, чтобы и в экономике мы могли иметь статус рыночной державы — я сам приложил немало сил в переговорах с Европейским Союзом, с Соединенными Штатами, чтобы в законодательстве соответствующих стран было внесено изменение, в соответствии с которым Россия бы считалась страной с рыночной экономикой. Действительно, мы заслужили, чтобы нас не именовали страной с государственной системой торговли и экономики. А эти реликты старого отношения к России остались в законодательстве многих стран. Хотелось бы, чтобы мы считались действительно развитой демократической державой. Но поскольку мы сами боимся сейчас итогов выборов, то, значит, не все в порядке в нашем демократическом устройстве и не все в порядке в ментальное™ российских граждан, если они мечтают между авторитаризмом, тоталитаризмом и демократией. Поэтому нам этот переходный период нужно завершить, и хотелось бы надеяться, что период до 2000 года будет периодом завершения строительства демократического общества, нормальной, цивилизованной рыночной экономики, воссоздания нормальных отношений с государствами на пространстве бывшего СССР, в том числе достижение такого уровня объединения — экономического, гуманитарного, политического, — который будет адекватен на новой политической базе тем реальным связям, экономическим и человеческим, которые сложились на этом пространстве и пока еще не разрушились.

РАДИО "СВОБОДА".

Александр Николаевич, у меня два вопроса. Первый вопрос связан с возникшими сейчас версиями о том, что президент предложит между первым и вторым турами нового главу правительства Юрия Лужкова, который, видимо, победит на выборах в Москве и будет совмещать два поста, а экономическими вопросами в таком правительстве будет заниматься Григорий Явлинский. Как вы расцениваете вероятность реализации такого плана?

И второй вопрос. Зачем президенту сохранять, если он победит, Государственную Думу, в которой не только коммунистическое левое большинство, но и его сторонников представляет такая размытая фракция, как "Наш дом — Россия"? Не лучше ли провести новые выборы "под президента"?

ШОХИН А.Н. Григорий Явлинский уже свою линию определил. Здесь неожиданностей никаких не может быть, он твердо решил идти на выборы, на первый тур самостоятельно. Но в то же время, поскольку не состоялся альянс (а я считаю, альянс мог бы состояться, если бы Явлинский не выдвигал бы никаких кадровых требований, если бы этот раздел его письма отсутствовал и он бы в нем писал только о политике, которую Президент Ельцин должен реализовывать как некое условие их дальнейших коалиционных переговоров), сейчас ему очень трудно эту линию на коалицию возобновлять. Тем более у Президента Ельцина есть несомненные удаchi, например чеченские переговоры и поездка в Чечню.

И если даже такие союзники Явлинского, как Борис Немцов, поддержали Ельцина "двумя руками" (намекая и на свой вклад в решение этой проблемы), то трудно Явлинскому доказывать, что его программа, которая изложена в первой части его письма президенту, в случае, если Ельцин ее реализует без консультаций с Явлинским, — это и есть его, Явлинского, политика. Некоторые конкретные предложения Явлинского в экономической области надо обсуждать, они не столь очевидны, как, например, его предложение решить чеченский кризис мирным путем. Очевидность этого предложения, правда, не сопровождается у большинства политиков, выдвигающих этот тезис, конкретными механизмами. Сейчас мы видим, что только Президент Ельцин обладает конкретной технологией решения этого

вопроса. И то, что он пошел на неожиданные шаги, провел переговоры с Яндарбиевым, сев с ним за один стол, и поехал в Чечню, подписал перемирие, обнаружил договор о некоей асимметричной Федерации, где один из субъектов имеет большие права, нежели другие субъекты (я думаю, другие субъекты в обиду не будут здесь), показывает, что и политическую часть своей программы Григорию Алексеевичу очень трудно "отбить" у Ельцина, доказывая избирателям, что Ельцин реализует его политику. Ведь он не обставил этот вопрос "намеком" о том, что консультации продолжаются. После первого тура выборов Явлинскому будет трудно вскочить на подножку уходящего поезда возможной коалиции с победителем. Всех своих избирателей он не приведет к урнам, многие, не увидев своего кумира, не примут участия в выборах. Кроме того, избиратели сами могут сделать выбор между Зюгановым и Ельциным. И главная задача будет убеждать не в том, голосовать за Ельцина или за Зюганова, а голосовать "за" кого-то из двух претендентов, то есть не голосовать "против" двух кандидатов и не уклоняться от участия в выборах. Вы знаете, что по закону любая явка избирателей во втором туре достаточна для того, чтобы выборы считались состоявшимися. И единственное основание, чтобы выборы считать не состоявшимися, — это когда в строчке "против обоих" должно быть голосов больше, чем подано за кого-нибудь из кандидатов. Я считаю, что это невероятный вариант, чтобы "против обоих" было подано голосов больше, чем за одного из конкурентов. Невероятный с точки зрения ментальности российского общества: бабушка будет выбирать из двух более симпатичного — "против обоих" как-то не принято в российском обществе голосовать. Это во-первых.

Во-вторых, с финансово-экономической позиции вторых выборов (осенью) мы уже не выдержим. Ситуация ожидания, затянувшаяся еще на четыре месяца, может разрушить российский финансовый рынок, полностью исключить Россию из числа стран, привлекательных для инвестирования, и так далее, так что вариант роспуска Думы и досрочных выборов плох. Подытоживая, скажу еще раз, не думаю, что Григорий Алексеевич после первого тура может сильно вмешаться в развитие событий, с тем чтобы получить портфель экономического "царя" в правительстве, сформированном по итогам президентских выборов. Решаться на коалицию нужно сейчас.

Что касается возможности стать премьером Лужкову — эти слухи ходили и до завершения консультации Ельцина и Григория Явлинского. Юрий Лужков входит в число людей, которых Явлинский никогда не критиковал. После того, когда Явлинский заявил, что он сам не претендует на "портфель" премьера, политики сразу составили список, где первым номером был Лужков, вторым — Немцов и так далее. Но это схема базируется на некоей коалиции между "ЯБЛОКОМ" и Ельциным. Но поскольку коалиция не состоялась, первый тур выборов, конечно, может создать новую политическую ситуацию, и в рамках новой политической ситуации разные версии возможны, в том числе и переформирование кабинета. Но моя личная точка зрения состоит в том, что новый кабинет, если он будет сформирован перед вторым туром, не повлияет на результаты второго тура. А если кабинет обновлять, то надо было это сделать в мае, с тем чтобы некоторые "грехи" и недостатки экономической политики предшествующего кабинета списать на конкретных лиц и дать возможность президенту в выборную кампанию войти без этого груза. Он не выбрал эту линию. И я считаю, что совершенно правильно не выбрал, потому что уход Черномырдина с поста премьера не прибавил бы голосов Ельцину. Он мог бы при этом заручиться сторонниками Явлинского — и то не факт, потому что среди сторонников Явлинского много профессиональных диссидентов, которые против власти как таковой. Эта позиция заслуживает внимания — власть надо всегда критиковать ("слева" ли, "справа"), и хорошо, если есть достаточное число критиков государства "справа", с либерально-демократических позиций, это уместно. Но вхождение их лидера во власть может оттолкнуть этих диссидентствующих демократов от своего кумира. Этим силам нужен постоянный оппонент власти в качестве лидера. И, может, они делают ставку на Явлинского как, допустим, на будущего лидера демократической оппозиции в нижней палате парламента, или в обществе в целом и так далее. Здесь есть очень много аспектов у этой проблемы. Но я еще раз подчеркну: я считаю, что Президент Ельцин сделал правильный выбор, идя на выборы с Черномырдиным. И мне кажется, что если он до второго тура с ним пойдет, то не потеряет как минимум голоса своих сторонников. Если произойдет смена правительства, можно новых сторонников

приобрести, но растерять старых.

Что касается вашего второго вопроса: зачем Ельцину нужен этот парламент? Ну, хотя бы потому, что очень трудно в течение, скажем, трех-четырёх месяцев обеспечить реальное улучшение жизни. Вспомните: в декабре прошлого года тоже погашались долги — бюджетным отраслям, по зарплате, по пенсиям и так далее. А в феврале ситуация резко обострилась. И связано это было с недобором налогов и так далее. В результате рейтинг Ельцина очень резко снизился, ему пришлось с 8 до 28 процентов поддержки четыре месяца идти. Поэтому не факт, что сразу после выборов будет волна подъёма энтузиазма и люди готовы будут проголосовать за те партии и движения, которые поддерживали Ельцина.

Тем более, я думаю, что понадобится какое-то время для политического реструктурирования демократических сил, а для этого нужно иметь, кроме летних каникул (июля—августа), по крайней мере ещё осень для различного рода конференций, встреч, "круглых столов" — реального политического структурирования — с учётом новых реальностей, связанных с предшествующим развитием, и новых горизонтов, которые должны открыться после президентских выборов.

Поэтому я считаю, что при любом, самом неблагоприятном для нынешнего состава Думы раскладе событий парламентские выборы раньше осени следующего года не состоятся: ни один из вновь избранных президентов, видимо, не захочет идти на досрочный роспуск Думы, за одним исключением — если Дума начнет, скажем, после победы Ельцина резко выступать с чисто политических позиций в качестве оппозиционной силы, если коммунистическая часть Думы сплотится и начнет, как у нас принято говорить, раскачивать лодку. Но при этом я ещё раз хочу напомнить свою позицию, что коммунистический президент может распустить её гораздо быстрее, для этого у него больше оснований — на волне президентских выборов сдвинуть Думу ещё дальше влево.

Что касается аморфности и расплывчатости фракции "Наш дом — Россия". Должен вам сказать: если смотреть по голосованиям, "ЯБЛОКО" — такая же аморфная фракция и голосует не всегда так, как лидер определяет, то же самое — у "Регионов России". Даже "Народовластие" и то лишь в 55 процентах случаев голосует солидарно с коммунистами. Кстати, фракция "Наш дом — Россия" специфическая: во-первых, её реальный лидер находится за пределами Думы и не всегда в оперативном режиме можно согласовывать позиции, хотя регулярные контакты, безусловно, есть; во-вторых, члены фракции — это люди, которые узнали друг друга, только придя в Думу, поскольку основная часть фракции — лица из региональной части федерального списка НДР. Естественно, какое-то время на притирку было необходимо, оно сейчас завершается, безусловно.

После президентских выборов, я уверен, произойдет какая-то реакция в форме перераспределения политического влияния и в форме создания новых коалиционных механизмов в Государственной Думе. Я ожидаю, что центристская коалиция вполне может возникнуть. Она не должна быть пропрезидентской, проправительственной партией. У нас нет механизма формирования правительства на основе партии большинства. Хотя исключать нельзя, что, скажем, формирование парламентской центристской коалиции будет как-то связано и с формированием кабинета, то есть консультации с этой коалицией вполне возможны при формировании кабинета. Но эта коалиция может быть и оппонентом властей — президента и правительства, но не с точки зрения общего курса, а с точки зрения конкретных решений. Это тоже было бы правительству полезно — иметь, с одной стороны, лояльную, а с другой стороны, оппонирующую по конкретным вопросам коалицию.

Многое будет зависеть от реальной работы лидеров парламентских фракций и депутатских групп и от того, сумеют они договориться или не сумеют договориться. В октябре, не раньше, будет видно, каковы же перспективы у нынешней Государственной Думы.

АМБ.

Александр Николаевич, в рамках Конституции осталась за Думой функция контроля бюджета. Предвыборная кампания президента обещает достаточно много расходов. И как потом будет с бюджетом и какой скачок инфляции вы, как экономист, ожидаете после выборов?

ШОХИН А.Н. Президент Ельцин пока что не пообещал ничего такого, что бы выходило за пределы расходных статей бюджета. К сожалению, доходные статьи

бюджета ниже тех прогнозных, плановых проработок, которые зафиксированы. В ситуации неопределенности все труднее и труднее мобилизовать доходы. Например, многие экспортные ориентированные предприятия, заключая контракты на экспорт продукции, включают туда пункт о 180-дневной отсрочке платежа, с тем чтобы иметь возможность оставить валютную выручку за границей. Для чего? Для того, чтобы определиться после президентских выборов — а надо ли ее возвращать, или лучше вслед за этой валютной выручкой последовать за пределы Отечества, за пределы России.

В равной степени это связано и с непоступлением налогов в бюджет. Один пример: Красноярский край. В этом году Красноярский край (это регион-донор, который никогда из федерального бюджета никаких трансфертов не получал) оказался в сложной ситуации, когда у него задолженность по зарплате учителям и врачам больше, чем в дотационной Кемеровской области. Почему? Потому что в этом году "Норильский никель" фактически ни копейки в бюджет края не перевел, не перечислил, хотя доля "Норильского никеля" в краевом бюджете 25 процентов всегда была. То есть платежи из федерального бюджета на социальные выплаты исходили из сложившейся динамики. Директор комбината Филатов, перед тем как его сняли, сумел заключить несколько таких контрактов, в результате которых ни копейки по экспортным поставкам конца прошлого года не пришло еще в Норильск, и, стало быть, в краевом бюджете денег нет.

То есть, кроме общих проблем, связанных с собираемостью налогов, связанных с кризисом неплатежей, с бартеризацией экономики, которые мешают нормально функционировать налоговой системе, бюджетной системе, есть и чисто конъюнктурные, политически конъюнктурные причины, которые сейчас снижают поступление налогов в бюджет. В этой связи: чем быстрее политическая неопределенность исчезнет, тем больше оснований считать, что пополнение казны начнет более быстрыми темпами осуществляться, и можно частично рассчитаться как бы с теми обязательствами, которые сейчас возникают из-за перераспределения доходных статей. Сейчас в основном финансируются текущие расходы, пенсии, заработная плата учителей, врачей, дотации угольной промышленности и выплаты в рамках государственного заказа оборонным предприятиям. Вот четыре, по сути, статьи, на которые сейчас идут все поступления бюджета, как бы в тот же день, в ту же минуту, как только поступают деньги в бюджет, они идут в основном на эти статьи. Это значит, что другие статьи бюджета очень сильно урезаются, в том числе инвестиции и так далее.

Именно здесь основное нарушение закона о бюджете, нарушения соотношений между отдельными статьями бюджета. У нас нет поквартальной разбивки бюджета, вернее, закон о поквартальной разбивке бюджета не принят. И формально это дает основание считать, что и закон о бюджете не сильно нарушается. То есть сейчас теоретически еще есть возможность в рамках годового бюджета выправить положение. Во-первых, в расчете на новые поступления после июля, когда нормализуется ситуация, в том числе политико-психологическая, на основных рынках, когда появится у нового правительства, сформированного новым президентом, возможность проявить реальную власть и не опасаться того, что чрезмерная жесткость обернется негативным голосованием и так далее. Кроме того, появляется возможность те, недофинансированные статьи, за счет которых сейчас социальные выплаты в основном финансируются, их профинансировать, и если не на 100-процентном уровне, то в каком-то минимально необходимом объеме. Так что ситуация имеет возможность выправиться, хотя у Государственной Думы нет рычагов контроля. В частности, когда вызывался премьер-министр для отчета по исполнению бюджета, выяснилось, что мы не можем вызвать для отчета: у нас нет закона о поквартальной разбивке бюджета. Если был бы, тогда бы отчет правительства значился, а коль нет — в повестке дня соответствующего заседания значилось выступление с информацией правительства о ходе исполнения бюджета. Это, конечно, и вина правительства, что оно не вносит этот законопроект, но и недостаточная настойчивость Государственной Думы, у которой много других приоритетных законопроектов, которые связаны с выборами, о чем я уже говорил в самом начале.

А что касается инфляции, возможных всплесков инфляции — по моим оценкам, если в один тур выборы провести, то можно почти не заметить на инфляционной кривой в период президентских выборов, во всяком случае закрыть глаза можно. Если выборы будут в два тура и тем более если некоторые демократы убедят своих

сторонников голосовать против обоих кандидатов, с тем чтобы осенью еще одни выборы организовать, тогда можно смело прогнозировать реальное ухудшение финансово-экономической ситуации.

ГАЙМАКОВ. РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, у меня к вам два вопроса. Первый касается нынешней ситуации по выборам. Скажите, пожалуйста, в какой мере вы удовлетворены той работой, которую проводят штаб и общественное движение в поддержку кандидатуры Бориса Николаевича Ельцина? И что все-таки в этой кампании вызывает у вас наибольшую тревогу? Это первый вопрос.

И второй вопрос касается вчерашнего предложения Жириновского. Предположим, что в первом туре такой коалиции, как Зюганов, Жириновский и Лебедь, не состоится. А какова вероятность такой коалиции, с вашей точки зрения, во втором туре и какую опасность это может представлять для нынешнего президента? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Если говорить о работе штаба, мне кажется, что в последнее время штаб президентской избирательной кампании (я имею в виду Президента Ельцина) функционирует в стационарном режиме. Сейчас эта работа идет вполне эффективно. Основная проблема, конечно, не работа федерального штаба, а работа на местах. И здесь, конечно, возможности у коммунистов ничуть не меньше и даже больше. Я согласен с Сергеем Шахраем, который на прошлой неделе заявил, что коммунисты могут контролировать 45 процентов участковых избирательных комиссий, поскольку люди туда набираются "от сохи" и "от станка" по советской традиции. Добровольцев не так много — их, как правило, больше у коммунистов. На уровне участковых комиссий и на уровне работы "от двери до двери" у коммунистов возможности очень большие, поскольку они восстановили все первичные организации и в регионах, и на крупных предприятиях. Возможности же работы президентского штаба на местах, конечно, ограничены уровнем администрации субъектов Федерации и так далее. С одной стороны, здесь есть законодательное ограничение: нельзя властям вмешиваться в избирательную кампанию, с другой стороны, многие команды сверху могут не проходить (как это было в декабре прошлого года, когда в некоторых субъектах Федерации люди не знали об окончательной позиции Президента Ельцина по поводу того, надо ли за "Наш дом — Россия" голосовать или нет, поскольку на самом высоком политическом уровне были разные комментарии того, кто победит). Поэтому работа на местах — это самая сложная часть работы, потому что здесь невозможно работать административными методами, командными методами, здесь нужны методы убеждения и так далее. Основная тревога как раз с этим и связана, что у коммунистов есть гораздо больше возможностей работать непосредственно с избирателем, у штаба Ельцина меньше таких возможностей. Но сейчас задействованы такие механизмы, как подключение работников искусства, сам жанр избирательной кампании (косвенная реклама и пропаганда), например, реклама на 1-м канале телевидения, когда люди высказываются, почему они будут голосовать за Ельцина. Здесь нет призыва, здесь нет мелькания кандидата и так далее, но в то же время здесь есть большой срез российского общества, когда люди перед телекамерой выбирают своего президента, высказывая плюсы и минусы, высказывая своего рода наказ президенту в случае его избрания и склоняясь в итоге к тому, что надо голосовать за Президента Ельцина. Я считаю, что это одна из лучших рекламных кампаний. Есть таким образом позитивные подвижки.

По второму туру — если Жириновский и Лебедь объединяются с коммунистами. Я убежден, что Лебедь не объединится с коммунистами — все-таки он человек упрямый, твердый, и если сказал, что он членов ЦК ненавидит, то будет до конца этого придерживаться, что, конечно, не значит, что он отдаст свои голоса Президенту Ельцину во втором туре, хотя не исключено. Этого можно ожидать в большей мере, чем призыва голосовать против обоих кандидатов.

Что касается возможного альянса Жириновского и Зюганова, то я думаю, что Зюганов отмежуется от него, потому что иначе лозунг "красно-коричневый" станет официальным лозунгом этого альянса. И безусловно, Зюганов может ничего от этого не выиграть, а только дать возможность Президенту Ельцину провести свою кампанию под лозунгом "красно-коричневой опасности", что, безусловно, ему поможет победить.

Еще раз подчеркну, второй тур — это очень большая неопределенность. Здесь несколько факторов: не ясно, как поведут себя лидеры — они сейчас пока не

заявляют о своих предпочтениях. Тот же Явлинский сказал, что после первого тура он определится: скорее всего он будет выбирать из двух позиций свою линию. Первая — голосовать за Ельцина. Вторая — против обоих кандидатов. Его сторонники скорее проголосуют против обоих, если он их призовет к этому в надежде, что новые выборы дадут возможность Явлинскому на этой политической площадке лучше развернуться. Если он будет голосовать за Ельцина — это треть голосов Явлинского. Поэтому многое зависит от того, чего больше хочет Явлинский: сохранить свой имидж как политика, не причастного к каким-то сговорам, чистого, честного и так далее, и тем самым сохранить себя для будущих выборов в этой политической "невинности", либо он, будучи встревоженным за судьбы Отечества, будет готов пожертвовать своим имиджем (а это, действительно, определенная жертва).

Я не могу сказать, какой вариант изберет Григорий Алексеевич. Возможны ли здесь коалиционные переговоры, нужно ли Явлинского завлекать, скажем, на пост первого вице-преьера в правительстве Лужкова.

С точки зрения того, что лучше: сохранить себя для следующих выборов или ввязаться в реальную политику, — тоже неоднозначный вопрос. Все-таки идти первым вице-премьером даже к такому уважаемому человеку, как Юрий Михайлович Лужков, Явлинский может не захотеть. Тем более, естественно, он не захочет к Виктору Степановичу идти, поскольку три года его критиковал, для него это унижительно получится. Поэтому я прогнозирую, что Григорий Алексеевич захочет остаться политически чистым и будет себя готовить к следующей выборной кампании и к роли лидера демократической конструктивной оппозиции в парламенте.

Тревог довольно много и с другими кандидатами. Скажем, Святослав Федоров: его программа близка коммунистам, и, честно говоря, Федоров объективно выполняет ту же функцию, что Тулеев для Зюганова. Психологически образ Федорова очень похож на образ Черномырдина, кстати сказать. Его раскручивают как человека дела, который все сделал своими руками — сделал карьеру, сделал корпорацию и может, стало быть, сделать то же самое в рамках России.

Я лично хорошо отношусь к Святославу Николаевичу, но тем не менее в его концепциях так много реального социализма и коммунизма, что я с ним на политические и экономические темы больше пяти минут разговаривать не могу, честно говоря. Поэтому, желая ему успехов, в том числе в финансировании из бюджета МНТК "Микрохирургия глаза", поскольку, как выяснилось, без бюджета это предприятие выжить не может, должен признать, что объективно он действительно оттягивает голоса у Ельцина: в глазах электората он не ярко выраженный коммунист, а человек дела, и его вроде пугаться не надо — на деле его программа в части самоуправления чисто социалистическая и коммунистическая и даже иногда более пугающая, чем тексты за подписью Зюганова.

Анализ кандидатов в президенты показывает, что второй тур будет очень сложным, и элемент неопределенности — очень большим, несмотря на то что у Президента Ельцина сейчас уже прогнозируется вариант прохода во второй тур с небольшим перевесом над Зюгановым. Этот вариант является основным в прогнозах, тем не менее все-таки три недели до второго тура были бы нежелательны для экономики. Поэтому я бы пожелал победы Борису Николаевичу в первом туре.

МАРКОВ В.Н. Пожалуйста, коллеги, уже больше часа прошло — давайте последний вопрос, и на этом будем завершать. У кого есть последний вопрос? ВОПРОС.

Ваша точка зрения по поводу парламента в России как такового. Вот, к примеру, Индия: прошли парламентские выборы — проиграла одна партия, в парламенте нет большинства ни у одной партии и коалиции.

Старое правительство ушло, пришел лидер якобы большинства, парламент его не принял. Судьбу правительства решает парламент. Президент предложил одного, парламент не согласился, президент предложил следующего кандидата, то есть решает действительно парламент. Вы несколько раз упомянули президента и правительство, то есть о том, что у нас якобы президентское правительство. А будет ли у нас когда-нибудь, или вы не видите этой перспективы — партийного правительства? Вообще, видите вы такую перспективу, по аналогии, допустим, с величайшей демократией мира, как величают Индию?

ШОХИН А.Н. Поскольку Индия — сложное полиэтничное государство, с большой дифференциацией между Севером и Югом, между Центром и Севером,

Центром и Югом и так далее, — мы видим, что классическая демократия в Индии дает иногда сбои. В частности, не всякий политический аналитик возьмется предсказать судьбу парламента. В частности, Индийский национальный конгресс может, грамотно проведя все процедуры, связанные с утверждением премьера и правительства, привести к роспуску этого парламента и досрочным выборам. И ситуация безвластия, неопределенности может в этом сложном государстве затянуться. И это будет чревато многими экономическими, политическими проблемами и так далее.

У нас, как известно, по Конституции, Российская Федерация является президентским государством, президентской республикой. Парламент на основе большинства не имеет возможности формировать правительство, но он имеет возможность утверждать кандидатуру премьер-министра. Хотя здесь, как я уже напоминал вам, есть и защитные механизмы - трехкратное отклонение кандидатуры премьера может привести к роспуску Государственной Думы, тем не менее это косвенное влияние на назначение премьера через необходимость наличия большинства в 226 голосов для утверждения кандидатуры премьера, это первый шаг к формированию правительства большинства. Но сейчас это пока единственное свидетельство того, что у нас парламент участвует в формировании кабинета.

Будет ли классическая схема парламентской республики?

Я считаю, что в ближайшие четыре года об этом говорить рано. Почему? Сейчас у нас почти парламентское большинство у коммунистов. Если избирается коммунистический президент, то, даже при отсутствии парламентской республики, у нас может быть сформировано коммунистическое правительство и появится коммунистическое парламентское большинство, поскольку, имея 220 голосов, в совокупности три фракции — КПРФ, "Народовластие" и аграрии — могут еще десяток голосов "прикупить" в результате победы своего кандидата на президентских выборах (я имею в виду в кавычках "прикупить" — найти им какие-то посты, пообещать что-то и так далее).

В этой связи мы будем иметь полностью парламентскую республику. Парламентское большинство может сформировать правительство по согласованию с президентом. И можно, не имея соответствующих конституционных записей, реализовать процедуру формирования правительства парламентским большинством. И в итоге у нас произойдет быстрая смена общественного и политического строя.

Я считаю, что основная опасность-то вот в этом и заключается. Нам сейчас еще очень нужна система противовесов. Президентская республика и "красный" парламент могут сосуществовать и довести реформы до конца — противоречия здесь не антагонистические и не обязательно разрешаются горячими способами, по примеру октября 1993 года — худо-бедно, но можно выходить на какие-то компромиссы.

Ежели действует схема парламентская классическая — мы что, раз в пять лет будем менять общественно-политический строй? Поэтому я думаю, что нынешняя конституционная система пока еще годится для того, чтобы двигаться по пути демократии, рыночных реформ и так далее, даже при наличии сильной оппозиции в лице прокоммунистических фракций в парламенте.

Через четыре года, вероятно, можно вводить и парламентский механизм формирования правительства. Но для этого нужно, чтобы наши коммунисты стали социалистами европейского типа, чтобы Зюганов стал Квасньевским. Для этого нужно, чтобы националпатриоты не были заметной силой российского общества и не было возможности для реализации веймарского сценария образца 1933 года и так далее. То есть нужно обществу чуть продвинуться по пути к демократии, нужно обществу продвинуться по пути осознания того, что нынешний строй, исправив некоторые свои недостатки, является единственно возможным и необходимым и так далее, и что по итогам выборов речь не должна идти об изменении общественно-политического строя. Тогда выборы будут проходить по схеме разрешения противоречия между "хорошим" и "отличным". А у нас сейчас знаковые отличия: плюс или минус. Вот когда мы войдем в эту технологию (видимо, в начале следующего тысячелетия), встанет вопрос о большем парламентаризме Российской Федерации. Так что надо дожить до этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Спасибо большое, Александр Николаевич, большое спасибо, уважаемые коллеги. На этом заканчиваем. До следующего раза.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ДОЛЖНО РЕШИТЬСЯ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ

("ИНТЕРФАКС — АИФ", 29 ИЮЛЯ — 4 АВГУСТА 1996 ГОДА, № 31, Н. ПУСТЫРНИКОВА, В. ШУЙСКИЙ)

—Вы — профессиональный экономист, и у вас есть опыт общения с Международным валютным фондом. Хотелось бы узнать о ваших оценках экономического состояния России. Но для начала — в чем все же причина отсрочки предоставления Международным валютным фондом очередной порции кредита?

—Официальную версию о том, что это техническая отсрочка, а не приостановка кредита, можно принять. Тем более что, действительно, до середины августа совет директоров МВФ не соберется. С другой стороны, большое количество вопросов, которые возникли у представителей МВФ к российскому правительству, и, наверное, недостаточность ответов и дали возможность использовать эту техническую причину для отсрочки предоставления очередного транша.

Если говорить о моей позиции, я бы воспользовался этой отсрочкой, чтобы выработать краткосрочную программу правительства и достаточно жестко предъявить свои требования МВФ, объяснив реальную политическую, экономическую, бюджетную ситуацию. И доказать, что выполнение этих требований является, единственно возможным выходом из ситуации.

—То есть?

—Поскольку традиционными способами быстро добиться увеличения собираемости налогов почти невозможно, я бы поставил вопрос о восстановлении некоторых отмененных налогов, таких, как экспортные пошлины. Сейчас бюджетная налоговая ситуация настолько сложна, что можно было бы ввести этот простой налог — экспортные пошлины — как минимум до конца года. Ведь все мы видим, что заменяющие их акцизы собираются достаточно плохо.

С финансовой точки зрения доходы, от восстановления пошлин сопоставимы с объемом оставшихся траншей МВФ. Если мы сумеем увязать введение легко собираемых простых налогов с программой мер по увеличению собираемости налогов и реформированию налоговой системы, то можно провести достаточно изящную операцию, которая не будет воспринята как отказ МВФ поддерживать реформы в России и не приведет к изменению рейтинга России на финансовых рынках.

—Другими словами, речь идет о чрезвычайных мерах?

—Да, это программа временных чрезвычайных мер. Я считаю, что и внутри страны можно говорить о системе временных чрезвычайных мер.

С учетом того, что парламент сейчас на каникулах, неизбежно принятие каких-то решений и указов президента с последующим их подтверждением парламентом. Это необходимо. Могу по секрету сказать, что, например, государственная монополия на алкоголь, наверное, в той или иной форме будет усилена. Эти и другие меры, действительно, носят характер чрезвычайный.

—Все это, по-вашему, необходимо, но насколько вероятно?

—Я думаю, что это необходимо, а коль скоро это необходимо, наверное, это будет принято. В основном это вещи, которые связаны с компетенцией исполнительной власти по ужесточению налоговой дисциплины.

—Как долго по такому сценарию будет продолжаться чрезвычайщина?

— Я думаю, до конца года. Тогда мы можем рассчитывать на стабилизацию ситуации, причем без инфляционных вливаний, потому что альтернативы здесь гораздо более мрачные. Если эти временные меры с одновременным продавливанием МВФ не реализовать, то мы станем свидетелями очень жесткого давления сторонников воскрешения эмиссионных технологий.

Ситуация в экономике очень тяжелая. Сильные кризисные явления налицо, и не так просто их преодолеть. Мы стоим на пороге использования чрезвычайных мер, которые будут направлены на нормализацию регулярных поступлений в бюджет. Нельзя забывать, что гораздо более чрезвычайным станет отказ от финансовой политики, основанной на неиспользовании прямых кредитов ЦБ.

—Вы не исключаете возвращения к прямому кредитованию Центробанком экономики?

—Я считаю, что мы подошли вплотную к прямому кредитованию.

—Когда время "Ч" может наступить?

—В середине сентября. Я имею в виду, что если нормализации собираемости налогов за счет введения временных и легко собираемых не произойдет, то к середине сентября начнется активное обсуждение совсем других чрезвычайных мер, тем более что депутаты, вернувшиеся из своих избирательных округов после каникул, подогреют ситуацию.

—В Думе и средствах массовой информации активно обсуждают состав будущего правительства. Говорят, что вы знаете больше других. Депутаты фракции НДР будут привлечены к работе в правительстве?

—Да, я знаю несколько конкретных претендентов, но фамилии называть не буду.

—А что касается вице-премьеров?

—Разговоры по поводу формирования правительства — это некоторое забегание вперед. Тем не менее понятно, что председатель правительства, ориентируясь на прохождение через Думу с первой попытки, должен проводить консультации. И он их проводит.

Во-первых, окончательно неизвестно общее число первых вице-премьеров. Правда, последние назначения, в частности назначение Юрия Ярова заместителем руководителя администрации президента, расчищают площадку для появления Виктора Илюшина в качестве первого вице-преьера по социальному блоку.

Сложное обстоит дело с первым вице-премьером по вопросам экономики и финансов. Все меньше и меньше шансов у Г. Явлинского. Причина — чрезмерная политизация условий его вхождения в правительство. Более того, сам факт выдвижения этих условий затрудняет и личный диалог с президентом и премьером.

—Но это не исключает приглашение в правительство представителей этой фракции?

—Нет, конечно. Михаила Задорнова называют в качестве возможного министра финансов. Это естественно, поскольку он является одним из самых квалифицированных финансистов, причем не бухгалтерского типа, а с политическим опытом, опытом согласования бюджета в двух Госдумах.

По поводу других кандидатов от фракции "ЯБЛОКО" — сложнее. Владимир Лукин — подходящий человек, но место, на которое он мог бы претендовать, занято. А лучшего министра иностранных дел, чем Евгений

Примаков, сегодня не найти.

Так что варианты, скорее всего, будут базироваться на том, что Григорий Алексеевич, не входя в правительство, выставит своих "меньших братьев и сестер" для работы в команде Черномырдина.

Что касается Александра Лившица, то это человек, вполне созревший для того, чтобы поработать в правительстве, у него ясное стратегическое и экономическое мышление, достаточно экономической и профессионально-политической гибкости, и он может работать на одном из ключевых постов.

—Многие говорят, что президент ОНЭКСИМ банка Владимир Потанин войдет в правительство.

—Если Владимир Олегович придет в правительство, то неизбежно на ключевых позициях в кабинете министров должны остаться многие более опытные люди, чтобы пересменки не получилось. Я могу предположить, что в этом случае Олег Давыдов может продолжать заниматься внешними долгами и министром финансов в этом случае не должен быть абсолютно новый человек.

—А нет опасности, что Потанин будет заниматься в правительстве лоббированием?

—Так ведь и сейчас в кабинете есть несколько представителей коммерческих структур. АвтоВАЗ — это акционерное общество и президент АвтоВАЗа, вообще-то говоря, коммерсант. И это никого не смутило. Вице-премьер Алексей Большаков до вхождения в правительство был президентом акционерного общества "Высокоскоростные магистрали". Просто у нас особое отношение к банковскому сегменту экономики. Если предприниматели из реального сектора воспринимаются еще по инерции как наследники "красных" директоров, несмотря на то, что многие из них обладают огромными личными состояниями или большими пакетами акций своих предприятий, то банкиры — как акулы империализма.

Что касается лоббизма, то контроль за такими назначенцами будет очень пристальный, в том числе и со стороны четвертой власти. И вряд ли ему удастся заниматься лоббированием в пользу конкретных коммерческих банковских структур.

"МАЛЬЧИКОМ ДЛЯ БИТЬЯ НЕ БУДУ"

—Если вам все же предложат вице-премьерство, вы какие-то условия будете выдвигать?

—Я в правительстве работал с 1991 по 1994 год. Мои базовые требования известны еще со времен моей отставки. И если соответствующее предложение будет сделано, мотивы мои останутся прежними: я должен четко понимать свои полномочия и распределение обязанностей внутри правительства. Если этого нет, то нет. Мальчиком для битвы быть не хочется. Но в любом случае обсуждать все это можно лишь после того, как от первых лиц поступит предложение. Все остальные вопросы я оставляю без внимания.

—Но у вас-то были конкретные переговоры?

—Моя фамилия в списке была. Официальное предложение со стороны президента или премьера мне не делали. На прямой вопрос премьеру, нужно ли мне публично снимать свою кандидатуру, он ответил: "Пока не надо".

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ РЕГИОНОВ ЕВРОПЫ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 13 НОЯБРЯ 1996 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья!

Сегодняшняя пресс-конференция не связана с событиями, происходящими в Государственной Думе. В ближайшее время, через две недели, будет проводиться Международная общеевропейская конференция в Москве на тему: "Экономический форум регионов Европы за экономическое сотрудничество, безопасность и стабильное устойчивое развитие".

Инициатива проведения этой международной конференции принадлежит Совету Европы (как известно, в рамках Совета Европы функционирует Конгресс региональных и местных органов власти, включающий две палаты: палату местных властей и палату региональных властей) и российским федеральным властям: Федеральному Собранию, Совету Федерации и Государственной Думе и правительству города Москвы.

Кроме того, есть два общественных фонда: Московский фонд, сопредседателем которого я являюсь вместе с Валерием Зубовым, вице-спикером Совета Федерации, министром финансов Лившицем и министром экономики Ясиным. Называется эта организация "Экономический форум регионов за устойчивое развитие". У наших европейских партнеров есть также общественная организация, которая называется почти так же, а именно "Экономический форум регионов Европы за экономику и устойчивое развитие".

Наши европейские партнеры уже провели две конференции: одну в Женеве, где учреждалось их движение, в начале года, в январе, и в июне в городе Дортмунде проводилась вторая конференция.

У нас также ведется работа по проведению региональных форумов. В частности, мы кроме московского форума в ноябре, 25—26 ноября, собираемся под эгидой Межпарламентской ассамблеи СНГ под патронатом Егора Семеновича Строева и губернатора Санкт-Петербурга Владимира Яковлева провести в период "белых ночей" экономический форум СНГ. То есть идет параллельное движение в Западной Европе и в России, в СНГ по проведению конференций, форумов регионального взаимодействия и сотрудничества.

Поэтому мы решили объединить усилия российских и европейских инициаторов такого рода конференций. И московская конференция будет первым мероприятием такого рода.

Надо сказать, что, с политической точки зрения, основная задача, которую мы преследуем проведением московской конференции, — подтверждение того факта, что Европа — это не пространство от Атлантики до Урала, Европа включает все регионы России. То есть мы должны толковать уже о пространстве от Атлантики до Владивостока, говоря об общеевропейском сотрудничестве, экономическом сотрудничестве, говоря об общеевропейской безопасности.

И второе, более прагматическое содержание нашей конференции — это попытка наладить механизмы представления проектов регионов, механизмы поиска потенциальных инвесторов. Поэтому, кроме собственно конференционной деятельности, мы предполагаем наладить механизм анализа региональных проектов

и выведение этих проектов как на страховые, финансовые и кредитные институты, так и на международные. В частности, речь идет о подключении к реализации проектов регионов таких структур, как Европейский банк реконструкции и развития, Европейская комиссия в Брюсселе, Европейский инвестиционный банк.

Председателем оргкомитета конференции является мэр города Москвы Юрий Михайлович Лужков. Проводить мы будем конференцию на Новом Арбате, 36, в здании мэрии. Мы надеемся, что по итогам этой конференции будет принята Московская декларация регионов Европы, которая разовьет принципы предшествующих деклараций, в частности Дортмундской декларации, и будет она не только политической, но и будет намечать механизмы взаимодействия по крупнейшим проектам трансъвропейского характера.

Нам приходится испытывать большие трудности. Например, по вовлечению такого института, как Европейский инвестиционный банк, в трансъвропейские проекты с участием России. До сих пор официальные обращения правительства России в этот банк о распространении операций на Россию не возымели результата.

Мы будем продолжать активность в этом направлении, в частности по линии наших переговоров с Европейским парламентом. Но если рано говорить о том, чтобы Европейский инвестиционный банк вел операции на территории России, то уже назрел вопрос о том, чтобы подключить Россию к реализации общеевропейских проектов. Здесь достаточно назвать транспортные и телекоммуникационные проекты.

Транспортные проекты — это дороги типа Москва — Берлин — Париж -Мадрид. Далее, дорога Виа — Балтия, вокруг Балтийского моря. Ясно, что без Калининградской области, без Петербурга эта дорога не замыкается. Телекоммуникационные проекты, естественно, тоже должны проходить через территорию России, будь то оптоволоконные системы связи либо другие системы коммуникаций из Европы в Юго-Восточную Азию, в Японию и так далее. Поэтому мы считаем, что есть аргументы подключения России к такого рода трансъвропейским проектам.

Говоря о политическом аспекте этой конференции, хотел бы отметить, что мы будем пытаться общеевропейское измерение, общеевропейские механизмы "приподнимать" в условиях, когда в конце этого года состоятся еще два мероприятия. На следующей неделе сессия Североатлантической ассамблеи в Париже, а в декабре состоится лиссабонская встреча Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Очень важно включить каждый голос в пользу расширения общеевропейских институтов и механизмов, тем более тех, где Россия имеет право голоса, в процесс принятия решений на общеевропейском уровне. На этом я закончу свое вступительное слово. Учтывая, что у нас время для пресс-конференции ограничивается коротким получасовым перерывом, даю вам возможность задать вопросы, причем самые разные, не обязательно связанные с моим вступительным словом и пресс-релизами, распространенными в зале.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста, вопросы.
"ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич! Фракция "ЯБЛОКО" и незарегистрированная депутатская группа "Демвыбор России" обозначили свою позицию по выступлению Президента Беларуси. Фракция НДР этого не сделала. Ваша личная позиция полностью совпадает с фракцией НДР?

ШОХИН А.Н. Во-первых, я хотел бы напомнить, что Президент Беларуси не только выступил в Государственной Думе, но у него назначены встречи с председателем правительства, с руководителем президентской администрации, с президентом РАО "Газпром" и на этих встречах должны обсуждаться сугубо конкретные практические вопросы - не только интеграции, не только функционирования союза двух государств, но и практические вопросы, которые волнуют оба государства. В частности, вопросы, на мой взгляд, недопустимого поведения белорусских властей по введению в одностороннем порядке таких таможенных и транзитных режимов, которые противоречат понятию "таможенный союз". Вы знаете, что Беларусь ввела в одностороннем порядке плату за транзит по автомобильным дорогам с любых транспортных средств, в том числе с транспортных средств России. Это противоречит ранее достигнутым соглашениям и противоречит понятию "Таможенный союз между двумя государствами", тем более продвинутый межгосударственный союз.

Кроме того, опять начался приток через Беларусь беспошлинной алкогольной

продукции. Здесь тоже требуется ряд решений. Ряд указов Президента Беларуси должен был быть принят в развитие достигнутых ранее договоренностей. Они еще не приняты.

Поэтому эти встречи будут иметь рабочий характер. Я думаю, что у Президента Беларуси будут встречные вопросы. Но тем не менее у нас пробуксовывает пока экономический союз и не только по той причине, что есть политические противники объединения, но и потому, что в практическом плане возникает очень много вопросов и несогласованных действий.

Я думаю, что запланированное на конец этой недели заседание таможенных органов союза (выездное заседание Российского таможенного комитета вместе с заседанием таможенных органов Беларуси) позволит многие вопросы снять.

То есть нам приходится решать не только вопросы движения вперед, но и, по сути, устранять те проблемы, которые не должны были бы возникать после подписания известных большого договора и соглашений.

Если говорить о выступлении Александра Лукашенко в парламенте, то мы договаривались таким образом, что это выступление будет посвящено вопросам интеграции России и Беларуси. Но, к сожалению, Александр Григорьевич вышел за рамки этой темы и погрузился в анализ внутривнутриполитической ситуации, в том числе в анализ своих расхождений с Верховным Советом, с Конституционным Судом и так далее.

Я думаю, что в некотором смысле выступление Президента Лукашенко имеет и положительный результат, а именно то, что сейчас мы сможем убедиться, что "водораздел" между сторонниками президента и противниками не лежит и не должен лежать вокруг вопросов интеграции России и Беларуси. И даже тот факт, что он цитировал сегодня заявление Станислава Богданкевича о том, что возглавляемое им движение выступает за тесную интеграцию России и Беларуси, показывает, что "водораздел" скорее идет вокруг методов решения вопросов внутривнутриполитической жизни и методов интеграции.

В свое время я был первым российским политиком, который объяснял Александру Григорьевичу Лукашенко в Минске в день инаугурации, что к союзу лучше идти не через объединение денежных систем и политическую унию, а через таможенный союз. Идти поэтапно, устраняя проблемы, решаемые сначала в рамках таможенного союза, затем переходить к более "продвинутым" ступеням интеграции. Он согласился тогда с этим подходом, и сейчас очень важно нам не забегая вперед решать те проблемы, которые могут быть решены на предшествующем уровне, в частности на уровне таможенного союза.

Здесь мы, все фракции, все движения в Государственной Думе, будем "подталкивать" и Государственную Думу, и в целом нашу власть к тому, чтобы те возможности, которые уже сейчас существуют, были использованы.

Но если говорить о внутривнутриполитической жизни, то наша фракция тоже была против того, чтобы выступление Президента Лукашенко могло быть истолковано как вмешательство Государственной Думы во внутренние дела Беларуси, и против того, чтобы оно влияло на результаты волеизъявления белорусского народа во время референдума.

Были и другие точки зрения. Вчера, например, на Совете Государственной Думы представитель ЛДПР, это был Алексей Митрофанов, заявил, что надо обязательно приглашать Президента Лукашенко, пусть он рассказывает в основном о внутривнутриполитических конфликтах в Беларуси.

Это должно ему помочь получить большинство и мирным путем разогнать парламент. Потому что он в любом случае будет его разгонять, а если он проиграет референдум, то ему придется разгонять силой. Поэтому надо Думе помочь мирным путем это сделать.

Это крайние точки зрения, и нам не хотелось бы, чтобы готовность фракции НДР выслушать выступление Президента Беларуси рассматривалась как солидарность с такого рода заявлениями.

Выслушав выступление, мы вправе высказывать свое суждение. Я лично не считаю, что все во внутривнутриполитической части выступления Президента Лукашенко — это истина, которую надо воспринимать и которой нужно аплодировать. Здесь требуется взвешенный подход и в оценке тех конкретных способов интеграции, которые были предложены Александром Лукашенко.

Я считаю, например, что прав Президент Беларуси, предлагая на двусторонней основе вырабатывать законодательство вместо того, чтобы использовать, скажем,

модельное законодательство СНГ (моделирование законодательства — это одна из основных функций Межпарламентской ассамблеи). В случае более продвинутого союза двух государств мы могли бы, наверное, найти и более динамичные формы выработки совместного законодательства, но для этого два парламента должны меньше внимания уделять политическим разборкам и больше внимания уделять унификации законодательства и формированию единого законодательного поля.

"НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА".
Насколько известно, согласительная комиссия по бюджету зашла в тупик. Ваше мнение, как будут развиваться дальше события и к какому окончательному решению придет комиссия?

ШОХИН А.Н. Согласительная комиссия, как известно, возобновит свою работу через два часа, в 14.30, и лишь после этого можно будет говорить, "зашла она окончательно в тупик" либо нашла "свет в конце туннеля".

Те разногласия, которые сейчас существуют между правительством, Государственной Думой и Советом Федерации, на мой взгляд, частично разрешимы. В частности, можно найти способ формирования так называемого бюджета развития за счет гарантий по инвестициям, которые правительство готово предоставлять в объеме около 80 триллионов рублей, но при том условии, что Дума поддержит эту идеологию бюджета развития, если не все эти гарантии уже распределены между конкретными объектами, а если в процессе второго чтения будут обсуждаться конкретные программы и инвестиционные проекты, под которые правительство должно предоставлять гарантию в этом объеме.

Здесь есть и чисто лоббистско-политический момент. Естественно, депутатам не хочется потерять возможность полоббировать свои регионы, свои отрасли, а если правительство лишит их такого удовольствия, то бюджет не будет иметь шансов на принятие.

И второе. Это существующее расхождение между расходами и доходами. Правительство стойко держится на цифре бюджетного дефицита 3,5 процента, увеличив его на две десятых процентных пункта, а коммунистическая фракция и аграрная группа предлагают увеличить расходы примерно на 15, как минимум, триллионов рублей дополнительно к согласованным цифрам. Это требует поиска новых источников доходов. Я думаю, правительство не возражало бы, если бы ряд налоговых предложений был принят. Но такие предложения, как начисление налогов по счетам-фактурам, вряд ли будут приняты, хотя принятие только этого предложения закрыло бы проблему и можно было бы записать в столбце "доходы" дополнительные 20 триллионов рублей.

Проблема именно в этом состоит, будут ли найдены дополнительные доходы, то есть будут ли приняты какие-то дополнительные налоговые предложения правительства, либо правительство пойдет на увеличение бюджетного дефицита.

Уже гуляет шутка, что предельный размер бюджетного дефицита, на который правительство могло бы пойти, — это 3,62. БЕЛЬГИЙСКАЯ ГАЗЕТА "ЛЯ БЕЛЬЖИК".

Скажите, пожалуйста, не видите ли вы определенного противоречия между целями предстоящего форума и позитивными результатами, которые он будет наверняка иметь, и теми постоянными напоминаниями о новых разделительных линиях в Европе, о которых говорят в военно-дипломатических кругах России по поводу расширения НАТО?

ШОХИН А.Н. Основная задача этого форума — попытаться не допустить формирования экономических разделительных линий. Я привел конкретный пример о Европейском инвестиционном банке, который не хочет распространять свои операции на Россию даже в рамках трансъевропейских телекоммуникационных или транспортных проектов.

Нам хотелось, прежде всего через налаживание межрегионального сотрудничества, не допустить создания новых политических границ. Нам хотелось бы работать на уровне, если угодно, среднем: не лидеров государств и правительств, а на уровне региональных лидеров, лидеров местных органов власти, чтобы формировать соответствующее отношение к сотрудничеству и формировать чувство доверия в рамках Европейского континента, включая и азиатскую часть России.

И именно из-за того, что названное вами противоречие реально существует, мы будем использовать все доступные способы для того, чтобы не допустить реализации потенциального противоречия. Мы будем использовать и другие каналы. Мы, российская делегация, будем участвовать в заседании

Североатлантической ассамблеи в Париже на следующей неделе. И мы, естественно, будем пытаться убедить наших партнеров по Североатлантической ассамблее из парламентов стран — членов НАТО в том, что при ускоренном процессе принятия новых членов НАТО без гарантий размещения ядерного оружия на их территории и без четкой программы, которая бы формировала окончательные контуры НАТО, очень трудно рассчитывать на формирование климата доверия.

Мы понимаем прекрасно обеспокоенность центральноевропейских государств, которые подают заявки в НАТО (кроме центральноевропейских и балтийских государств, такую готовность могут высказать и некоторые балканские государства). Но мы не один раз заявляли и я лично об этом говорил генеральному секретарю НАТО, что это только одна сторона вопроса: удовлетворение запросов, связанных с беспокойством о безопасности новых европейских государств.

Вторая часть вопроса — это та тревога, которая возникает в российском обществе, воспринимающем расширение НАТО через призму угрозы национальной безопасности. Предположим, что все страны Европейского союза станут членами НАТО. Это значит, что исчезнет нейтральная Австрия, исчезнет относительный нейтралитет наших северных соседей, Финляндии например. И тогда по-другому будет выглядеть проблема фланговых ограничений, и Московский округ будет приграничным военным округом. Если в мирное время ядерное оружие будет размещено на территории новых членов НАТО, то беспокойство будет расти.

Кстати, в проекте резолюции Североатлантической ассамблеи есть два пункта относительно сотрудничества с Россией и с Украиной. Что касается России, там предлагается расширять все формы взаимодействия на уровне военного командования, политических структур. А что касается Украины, там прямо намечается цель — постепенная интеграция Украины в евроатлантические структуры. Нам не хотелось бы, чтобы процесс расширения НАТО был бесконечным и чтобы он охватил наших ближайших соседей — Украину и Беларусь. Кстати, в этой связи я не могу не согласиться с рядом тезисов Президента Лукашенко, касающихся вопросов вывода ядерного оружия с территории Беларуси. Нужно синхронизировать этот процесс с процессом расширения НАТО, с окончательным ответом на наш постоянный вопрос: будет ли размещаться в мирное время ядерное оружие на территории новых членов?

"ПОДМОСКОВНЫЕ ИЗВЕСТИЯ".

Александр Николаевич, если можно два вопроса. 7 ноября президент подписал два указа. Один из них касается дня примирения и согласия. А, похоже, у фракции нет согласия с исполкомом движения "Наш дом -Россия". Несколько слов. Что происходит между исполкомом и фракцией? И второй вопрос — он тоже касается указа президента. Повышается контроль за выполнением решений. Как вы считаете, не усилится ли роль администрации? И в этом плане не будет ли правительство выполнять второстепенные роли, а Чубайс и его команда усилятся? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Что касается согласия внутри движения. На мой взгляд, вопрос на данный момент закрыт, по крайней мере публичные заявления и публичные действия руководителя фракции "Наш дом — Россия" и председателя исполкома движения показывают, что поводов для утверждения, что есть раскол, нет. Да, есть некоторые объективные, я бы сказал, разночтения и подходы к решению тех или иных проблем. Это связано со спецификой устройства движения "Наш дом — Россия". Во всех других фракциях лидер одновременно является и лидером движения, и лидером фракции, и в некотором смысле здесь как бы единоличное руководство, единоначалие есть. В нашем же движении возникает потребность апелляции к лидеру, который в основном занят другими делами и в каждодневном режиме не всегда возможно согласовать с ним конкретный вопрос. И поэтому неизбежно появляются разночтения в высказываниях различных политических лидеров. Видимо, есть потребность в том, чтобы Виктор Степанович Черномырдин как лидер движения активнее участвовал в процессе принятия решений не только от съезда к съезду или от заседания совета до другого заседания совета, но и в рамках рабочих механизмов взаимодействия. Не имея возможности в сложный период политической жизни страны, когда Виктору Степановичу приходится исполнять часть функций президента по его поручению, мы вынуждены искать другие способы согласования позиции. А именно: постоянное участие председателя и заместителей председателя исполкома в заседаниях фракции и участие представителей фракции, совета фракции в заседаниях исполкома, с тем чтобы не

объясняться через прессу, а решать проблемы, как говорится, по мере их возникновения.

Может быть, есть нужда и в формировании новых органов. Я не исключаю, что нужно сформировать постоянно действующее политическое совещание в составе руководителей исполкома и руководства фракции (председатель фракции, его заместители), которое будет раз в неделю обсуждать текущие проблемы политической, экономической жизни, с тем чтобы каждый из этих лидеров мог высказывать общую позицию, а не только свою собственную.

Что касается второго вашего вопроса, то, честно говоря, ничего плохого в том, что указы президента будут контролироваться с точки зрения их исполнений, я не вижу. Дело в том, что в последние годы у нас сложился определенный жанр неисполнения законов, указов президента и постановлений правительства. В рамках своей компетенции президент должен; не только издавать указы, демонстрирующие его внимание к той или иной проблеме, но через эти указы проблемы должны решаться. И основная задача администрации президента не только в том, чтобы готовить проекты указов, но и в том, чтобы следить за тем, как эти указы исполняются. И если не исполняются, то анализировать причины неисполнения: не все учтено при подготовке указов или нерадивые руководители тормозят их исполнение. Жесткость власти по исполнению решений — это главный признак того, что она существует. Это нормальное,, на мой взгляд, явление. В равной степени это касается и правительства. Я думаю, что и внутри правительства должна быть такая же жесткость контроля за исполнением собственных решений. В английском языке есть такое слово "enforcement" — это исполнение законов. У нас эта проблема стоит и применительно к законам, и к указам, и к постановлениям правительства. Я думаю, что и нам, депутатам Государственной Думы, вместе с коллегами из Совета Федерации нужно подумать о том, чтобы принимать работающие законы.

Классический пример — сегодняшнее обсуждение об индексации пенсий. Вопрос обсуждается таким образом: на 37 процентов повысить пенсии или в соответствии с официальным индексом цен. Депутаты доказывали, что по их собственному ощущению в их регионах истинная инфляция в два раза выше или даже в несколько раз выше, чем публикует Госкомстат. И поэтому нужно индексировать не на 6 процентов за квартал, а, скажем, на 35 процентов. В итоге Совет Федерации не принимает этот закон. Возвращает его. Почему? Потому что большая часть средств должна при таком роде законов изыскиваться в региональных бюджетах, а губернаторы прекрасно знают, что этих денег нет.

То есть очень часто Дума, прекрасно зная, что принимается закон финансово необеспеченный, идет на принятие этого закона. И закон не работает. Но, если он принят, это дает основание делать заявление о заботе о народе. Хотя все понимают, что такого рода законы лишь увеличивают невыплаты зарплаты, невыплаты пенсий и так далее и ни на гран не продвигают нас в деле улучшения положения наших соотечественников.

Я считаю, хорошо, что президент озаботился этими вопросами именно сейчас, в первые дни начала своего президентства. Я согласен с выводами ряда аналитиков, что лишь после операции на сердце президента мы можем говорить о начале второго президентского срока, поскольку сразу после июльских выборов президент отошел от дел и сейчас ему явно нужно выйти на второй президентский срок с четкой концепцией того, как он собирается строить свою политику в рамках второго президентства. И тот факт, что он готов ужесточить ответственность за исполнение законов "внутри" президентской власти, то, что он предлагает другим ветвям власти сотрудничество на основе согласия и примирения, — это означает, что президент уже сформулировал основополагающие принципы второго своего президентства, которые будет реализовывать в 1997 году. Поживем — увидим, как эти принципы будут реализовываться. Спасибо.

ИЗ ЗАЛА. Об усилении полномочий Чубайса...

ШОХИН А.Н. Вы знаете, на протяжении последних пяти лет, с августа 1991 года (первый руководитель администрации у президента появился 19 августа), на мой взгляд, не хватало руководителям администрации вот этой главной функции — жесткости в контроле за исполнением решений. И если Анатолий Чубайс в основном свои полномочия будет рассматривать через призму эффективного функционирования президентского аппарата и исполнения решений президента, то это не только не превышение власти, но и, наоборот, приведение в полное соответствие с канонами правового демократического государства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Александр Николаевич, последний вопрос. АГЕНТСТВО "ПРАЙМ-ТАСС".

Небольшой вопрос. Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, если проект бюджета в первом чтении будет отклонен, каково дальнейшее развитие событий, по вашему мнению? И определила уже фракция НДР, как она будет голосовать? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Фракция НДР считает, что действующий Закон "О бюджете" лучше отсутствия Закона "О бюджете". Учитывая, что по ряду параметров удалось договориться в рамках согласительной комиссии, мы считаем, что разногласия и противоречия, которые остались, в принципе могут быть сняты при условии, что лидеры политических фракций подключатся к процессу окончательного согласования бюджетных параметров.

К сожалению, лидеры политических фракций не ходят на заседания согласительной комиссии, тем самым резервируя свою точку зрения до окончательного пленарного заседания.

Я считаю, что дело чести лидеров фракций принять участие в заключительном заседании согласительной комиссии и сделать так, чтобы итоги голосования согласительной комиссии предвосхитили мнение Государственной Думы.

Если согласительная комиссия сегодня договорится (где-то на уступки пойдет правительство, где-то Государственная Дума и Совет Федерации), то мы будем иметь решение согласительной комиссии: рекомендовать обновленные, уточненные параметры к принятию в первом чтении, а затем лидеры фракций выйдут на трибуну и скажут, что нет, мы с этим никак не согласны, так как мы дезавуируем мнение своих представителей в согласительной комиссии.

Я считаю, что этот вариант развития событий худший, он дискредитирует саму идею создания согласительной комиссии, которую возглавляет у нас спикер Государственной Думы и в состав которой формально входят руководители фракций.

Если пойдет по этому неблагоприятному варианту развитие событий (или согласительная комиссия не примет позитивного решения), то по закону мы должны вынести на пленарное голосование также и несогласованные параметры. Там могут быть приняты те или иные варианты. Но надо иметь в виду, что в любом случае по Конституции Закон "О бюджете" вносит правительство. Государственная Дума не имеет возможности принять тот бюджет, который ей нравится. С ним должно согласиться правительство.

Если бюджет не будет принят, то дальше вступает в действие правило, в соответствии с которым мы должны начать финансирование января на уровне одной двенадцатой годовых расходов 1996 года либо принимать Закон "О бюджете" на первый квартал.

И в том, и в другом случае Дума получит худший вариант бюджета, потому что опыт предшествующих лет показывает, что когда принимается бюджет на первый квартал, он принимается в версии правительства - другой возможности нет. Это как бы короткая версия годового проекта бюджета, который предлагает правительство.

Напомню 1994 год, когда в течение двух кварталов Дума отказывалась принимать годовой бюджет, но принимала квартальные бюджеты, и, наконец, к июню Дума обнаружила, что уже полгода прожито по бюджету правительства и нет никакого смысла голосовать "против" годового бюджета, поскольку в оставшиеся полгода уже ничего сделать нельзя. В результате бюджет 1994 года был принят в конце июня, хотя уже жизнь, так сказать, отошла от этого бюджета. Мотивировка у депутатов была такая: пусть правительство отвечает за этот бюджет, мы туда не лезем, а в конце года мы спросим с него. Не исключаю, что одним из мотивов голосования при принятии бюджета будет именно этот — бюджет плохой, но отсутствие бюджета еще хуже и через три месяца мы лучше заслушаем правительство о ходе исполнения бюджета и выразим ему недоверие в случае, если оно не исполнит даже этот плохой бюджет. Вполне возможно, что эта логика возобладает и бюджет будет принят, но с дополнительными статьями, касающимися, например, квартальной разбивки и возможности вызова "на ковер" правительства по истечении первого квартала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Все.

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО И ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 15 ЯНВАРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Я созвал эту пресс-конференцию, надеясь вас порадовать тем, что Государственная Дума сегодня примет два важных документа.

Во-первых, программу законопроектной деятельности на 1997 год. Есть традиция — в первый день очередной сессии Государственная Дума должна принимать план своей работы либо на год, либо на одну из сессий. Сегодня этого не случилось, поскольку фракция КПРФ запросила тайм-аут для дополнительного изучения проекта документа и для внесения в него дополнений.

Пользуясь случаем, хотел бы рассказать о том, что нового в программе законопроектной деятельности по сравнению с тем, что вы видели в такого рода документах ранее.

Первое. В эту программу включены только официально внесенные законопроекты. То есть те, которые существуют как текст законопроекта и прошли Совет Государственной Думы, который в свою очередь уже назначил профильный комитет и разослал этот текст законопроекта по депутатским объединениям и комитетам.

Таких законопроектов набралось 484. Они в разной стадии продвинутости (первое чтение, второе чтение, третье чтение, законы, возвращенные президентом и Советом Федерации).

Второе. Мы решили сформировать небольшой — из 50—70 пунктов -раздел приоритетных законопроектов, которые могут и не существовать в качестве текстов, уже разработанных Государственной Думой или другими субъектами права законодательной инициативы.

Речь идет о тех направлениях законопроектной деятельности, которые жизненно необходимы для обновления российского законодательства, для реализации, в частности, положений Конституции. Это прежде всего федеральные конституционные законы. Речь идет о принятии целого ряда кодексов как универсальных базовых законодательных актов. Речь идет также о ратификации важнейших международных соглашений.

Таких законопроектов оказалось 57. Это своего рода индикативная программа деятельности Государственной Думы. Но такая программа, за которой Совет Государственной Думы, руководство Думы должны, что называется, присматривать, пытаясь создать необходимые организационные и иные механизмы продвижения этих законопроектов, доведение их хотя бы до стадии выработки концепции и внесение в первое чтение.

Но даже после того, как мы выбрали из массива в 484 законопроекта самые важные с точки зрения развития российского законодательства, оказалось, что некоторые жизненно важные для законодательства и для социально-экономической жизни общества позиции никем не заявлены — ни президентом, ни правительством, ни депутатами Государственной Думы, ни Советом Федерации, ни его членами, ни субъектами Федерации. Это привело нас к мысли о формировании специального раздела программы законопроектной работы, в котором сосредоточены не заявленные никем законопроекты, жизненно необходимые, с нашей точки зрения, для развития российского законодательства.

В частности, оказалось, что никем не заявлены три федеральных конституционных закона. А их хорошо было бы уже сейчас принимать. Оказалось, что 5 кодексов никем не заявлены. А их, безусловно, нужно принимать, потому что поправки в действующие кодексы часто и частично меняют концепцию кодексов и делают законодательство "рваным", и становится непонятно, на что ориентироваться, когда старые положения кодекса начинают противоречить вновь внесенным поправкам и корректировкам.

Четыре документа предстоит ратифицировать Государственной Думе в связи со вступлением в Совет Европы. Они не заявлены правительством к внесению. И нам казалось бы необходимым их рассмотреть.

Мы решили обратиться к субъектам права законодательной инициативы, в

основном к президенту, поскольку по логике законодательного процесса именно он должен такие приоритетные законы, как кодексы и федеральные конституционные законы, вносить, с предложением внести их в течение весенней сессии.

Здесь надо иметь в виду, что, кроме наших собственных соображений о том, что важно для законодательства, существуют и приоритеты, заявленные и другими субъектами права законодательной инициативы. В частности, президент внес совсем немного предложений, в том числе два федеральных конституционных закона "О чрезвычайном положении" и "О военном положении". Но одновременно он напомнил Государственной Думе, что в предшествующие два с половиной года внес около 50 законопроектов, которые не рассмотрены Государственной Думой. То есть президент нам намекает на то, что хорошо было бы определиться по этим законопроектам. И, к сожалению, надо признать, что у нас нет механизма приоритетного рассмотрения, если соответствующие комитеты не желают рассматривать в приоритетном порядке или Дума любой законопроект может "утопить".

Решение не принято. Почему это произошло?

Произошло это, как я уже говорил, по предложению фракции КПрФ. Фракция КПрФ, увидев, что можно заявлять особо важные законы, которые никем не заявлены и не существуют в виде текстов, решила, видимо, в контексте той шумихи, которая поднята председателем Комитета по безопасности Виктором Илюхиным, сделать ряд предложений к этому разделу примерной программы законопроектной работы. В частности, не исключаю, что в пятницу появятся какие-то "медицинские" законы — о порядке освидетельствования, о порядке передачи власти и так далее. Видимо, только этим можно объяснить задержки, а не тем, что депутаты после возвращения из округов не успели ознакомиться с программой (поскольку программа обсуждалась с середины ноября, за два месяца можно было ознакомиться со всеми предложениями).

Второй вопрос, который также был снят с "пробега" (правда, здесь уже инициатива принадлежала фракции Либерально-демократической партии), — это комплексное рассмотрение изменений в Регламенте Государственной Думы.

Я напомню, что в мае прошлого года мы провели специальное заседание Государственной Думы по вопросам усовершенствования Регламента с целью повышения эффективности законодательной деятельности. Но тогда те предложения, которые были внесены, в частности, мной, не были приняты.

Дума работала полгода, и еще один комплексный вариант поправок к Регламенту был предложен, и опять его торпедировали некоторые депутаты, предложив дополнительно поизучать, создать еще какие-то комиссии, стало быть, весеннюю сессию нам придется работать в рамках старого Регламента. Я здесь мог бы упомянуть некоторые изменения в Регламенте, на которых мы настаиваем. И в частности, некоторые из них служат яблоком раздора. Прежде всего речь идет о введении практики часа голосования по законопроектам. Вы знаете, что в большинстве парламентов мира содержательное обсуждение законопроектов разделено во времени с часом голосования. То есть голосование проходит без дискуссии, даже после некоторого перерыва, на следующий день, через день. Такая пауза дает возможность уточнить позиции, провести консультации с коллегами по фракции или по комитету.

И стало быть, решение каждого депутата является его личным решением.

Более того, введение специального часа голосования (а мы предлагали содержательное обсуждение законов проводить в среду, а час голосования на пятницу отнести) позволило бы депутатам лично осуществлять свое право на голосование. Ни для кого не секрет, для ложи прессы в том числе, суэта депутатов, которые голосуют не только за себя, но и еще за нескольких своих коллег по фракциям. Новый механизм часа голосования мог бы позволить создать технические возможности, предпосылки для того, чтобы каждый депутат голосовал самостоятельно. Вполне возможно было бы в этот час выдавать карточки для голосований только при входе в зал и сдавать их нужно было бы при выходе из зала после завершения процедуры голосования.

Здесь в основном возражают фракции, их лидеры, комитеты, поскольку это действительно революционные изменения в законодательном процессе, в технологии законодательного процесса. Я считаю, что это существенным образом повысило бы эффективность законодательной деятельности, но зато снизилась бы роль "координаторов" от фракций, которые поднятием рук управляют своими

коллегами, большая часть которых озабочена не столько принятием решения в последний момент перед нажатием кнопки, сколько пробежкой по залу и голосованием за своих коллег.

Другие изменения в Регламенте связаны прежде всего с ужесточением, я не побоюсь этого слова, процедуры внесения законопроектов в Государственную Думу.

Бытует мнение среди депутатов, что любой текст, подготовленный депутатом и названный им проектом закона или постановления Государственной Думы, обязан быть рассмотрен на пленарном заседании.

Я глубоко убежден, что это не так. И нам нужно создавать фильтры для всякого рода "законодательного мусора", который не должен попадать на пленарные заседания.

В этой связи вводится более жесткая техническая процедура. Например, предлагается прием вопросов на Совет Государственной Думы прекращать в 18 часов накануне заседания Совета Государственной Думы, с тем чтобы можно было бы спокойно депутатам, членам Совета, рассмотреть соответствующую папку. Сейчас, к сожалению, только в минуту начала заседания депутаты видят эту папку, и вопросы подносятся до этой минуты заседания.

В итоге большинство вопросов принимается с голоса. Проектов решений письменных не существует. И часто в повестку дня заседаний Думы Совет Думы рекомендует неподготовленные вопросы.

Второй момент подготовки законов — это соблюдение регламентных норм. Есть статья 196 Регламента, которая требует, чтобы вместе с законом представлялся еще целый ряд документов. Такая практика утрачена. Вместе с текстом законопроекта представляется, как правило, пояснительная записка, которая может быть очень короткой — из нескольких строк, что вносится такой-то законопроект. Нам нужно восстановить те технические фильтры, которые существовали ранее в Государственной Думе.

Вместе с финансово-бюджетными законами обязательно нужно представлять финансово-экономическое обоснование его принятия. Также нужно обосновывать место нового закона в системе законодательства и оценивать последствия его принятия, требующие изменения смежных законов и так далее.

Мы думаем, что такая технология, более точное следование этой технологии, позволит упорядочить процесс подготовки законов. Самое главное — повысить их качество.

Еще один момент — это строгое соответствие вносимых законов Конституции Российской Федерации.

Вчера на Совете Государственной Думы возникла дискуссия по поводу того, имеем ли мы право как Совет Государственной Думы направлять проект постановления Илюхина в депутатские фракции.

Я высказал позицию, что проект постановления не соответствует Конституции. Как известно, Конституция называет только семь позиций, по которым Дума имеет право принимать постановление, имеющее силу закона, то есть имеющее силу не только для самой Думы, но и для государства в целом. А вопрос, затронутый в постановлении Илюхина о досрочном прекращении полномочий президента в связи с болезнью, не относится к таким вопросам. Стало быть, этот документ неконституционен. Его даже не следует направлять депутатам, чтобы не засорять их головы и ящики для документации.

Но тем не менее принято соломоново решение — получить заключение Правового управления и вместе с ним направить в депутатские объединения.

Я считаю, что если Правовое управление вносит вместе с профильным комитетом заключение, что законопроект не соответствует Конституции, либо отношение, регулируемое законопроектом, не требует федерального закона, а, например, регулируется законом субъекта Федерации, то Совет Государственной Думы вправе возвращать инициатору законопроекта его инициативу. И никаких обид здесь не должно быть, и никаких ссылок на то, что депутат в соответствии с Законом "О статусе депутата" имеет право на законодательную инициативу.

Специальный вопрос связан с процедурой обсуждения возвращенных законов. Дело в том, что Государственная Дума занялась собственным нормотворчеством, нигде не зафиксированным. Часто президент ветирует законопроект, не имея возможности в течение 14 дней дать свою редакцию законопроекта, называя лишь некоторые причины, по которым он это делает. Когда Государственная Дума получает письмо

с мотивированным отклонением, она очень часто считает, что это и есть предложение президента, которое он должен учитывать, и профильный комитет предлагает Думе, скажем, принять законопроект с учетом замечаний президента сразу в трех чтениях. Но редакция президента, которая должна быть "закавыченной", быть строгой как текст закона, в таком виде не существует. Не было еще ни одного случая за три года, чтобы президент давал, ветируя закон, и свою конкретную редакцию.

Поэтому нам нужно строго здесь следовать собственному Регламенту, и мы вводим ряд дополнительных норм, которые не допускают двойного толкования и, стало быть, не будут допускать возвращение президентом законов в связи с нарушением регламентных и процедурных норм.

В частности, если Дума согласна с мотивами вето президента, то должно быть два варианта: либо начать рассмотрение законопроекта с первого чтения с учетом предложений президента, либо предложить президенту дать свою редакцию. И вот здесь мы допускаем создание специальных комиссий, трехсторонних, вместе не только с президентом, но и с Советом Федерации, по выработке редакции президента. И когда такая редакция будет, мы ее должны в "укороченном" режиме, то есть сразу в трех чтениях, принимать.

И целый ряд такого рода технических моментов включен в проект нового Регламента Государственной Думы. Некоторые из них, как я уже говорил, носят революционный характер, такие, как введение часа голосования, это другой режим работы Думы. В частности, в среду во время содержательного обсуждения законопроектов не будет требоваться кворум для обсуждения законопроектов. В обсуждении могут принимать участие только заинтересованные депутаты. Но именно участие в обсуждении позволит сформировать таблицы поправок, которые будут проголосованы во время часа голосования. Но в то же время участие в голосовании будет являться главным показателем производственной и государственной дисциплины депутатов.

Есть предложения, против которых многие депутаты тоже будут возражать. Это введение фильтров на стадии внесения законопроектов и недопущение внесения законопроектов, не соответствующих Конституции и Регламенту. Хотя предложения просто упорядочивают технологию законопроектной деятельности, по ним, видимо, будет меньше замечаний.

Как сейчас будет строиться работа по Регламенту, я, к сожалению, не могу предугадать. Сегодня Дума лишь решила отнести этот вопрос на более поздний срок. Решила создать очередную комиссию. Так что здесь трудно ожидать, что в рамках ближайшего времени мы перейдем к работе по уточненному Регламенту.

Но я еще раз хочу подчеркнуть, что весь смысл этих изменений — повышение эффективности законодательной работы и увеличение времени для законодательной работы.

Я упомяну еще две корректировки Регламента. Во-первых, дается право Председателю продлевать заседание без голосования. То есть если в 18 часов обсуждение повестки дня не закончилось, то вводится норма, что Председатель вправе продлить заседание, если палата не примет иного решения. Сейчас палата голосует за продление каждый раз, мы предлагаем норму такую: Председатель автоматически продлевает заседание до завершения обсуждения законопроекта, на час или на два. Кстати, во многих парламентах работа идет до 12 ночи. Но если Дума настойчиво не хочет обсуждение проводить, она может проголосовать за прекращение работы. Сейчас чисто технически понятно, что в 18 часов труднее проголосовать за продление, но в то же время психологически и даже технически труднее в 18.00 найти людей для голосования в количестве 226 человек за прекращение работы.

Во-вторых, вводится техническое правило, которое позволит повысить эффективность законопроектной работы, — это резкое сокращение времени на обсуждение повестки дня. Мы предлагаем его ограничить. Вот сегодня мы полтора часа, если не больше, обсуждали повестку дня и в итоге отняли время от обсуждения законов. Предлагается обсуждать повестку на неделю один раз утром в среду и ограничивать это обсуждение 30 минутами. Имеется в виду, что каждая фракция имеет три минуты. И именно фракции уточняют повестку дня, имея в виду, что накануне Совет Государственной Думы, в котором все фракции представлены, формирует эту повестку дня. Стало быть, только чрезвычайные обстоятельства могут побудить фракции внести какие-то изменения. И вполне достаточно 3 минут

для предложений по включению в повестку дня дополнительных вопросов. Другое дело, что есть депутаты, не входящие в зарегистрированные депутатские объединения. Предлагается им по электронной записи давать возможность до 10 минут вносить поправки в повестку дня. Итого, за 30 минут обсуждение должно завершаться и проводиться, как я уже сказал, один раз в течение недели. А в пятницу повестка дня должна формироваться, по сути, уже в среду и накануне на Совете Государственной Думы. Есть целый набор таких технических приемов, который должен сократить политические дискуссии.

И кстати, мы предлагаем прекратить обсуждение депутатских запросов при обсуждении повестки дня. У нас есть совершенно пустой час, последний час недели в пятницу с 17 до 18, который называется "час политических заявлений". Он практически не используется. Мы предлагаем на нем оглашать депутатские запросы. И именно оглашать. Все депутатские запросы могли бы поступать на имя Председателя, и Председатель мог бы в отведенное время просто перечислять, какие депутатские запросы поступили. И если против них не будет высказано никаких возражений, они могли бы направляться адресатам.

Предлагается также изменить технологию работы в рамках "правительственного часа". Сейчас, как правило, по очень конкретным конъюнктурным вопросам мы вызываем министров, вице-премьеров и часто даже премьера. Кстати, вызываем мы и лиц, не относящихся к правительству: Генерального прокурора, его заместителей, они не отказывают нам, но тем не менее это нарушение Регламента, поскольку они не члены правительства. И когда они приходят через две недели, через три, через месяц, то часто, так сказать, актуальность того вопроса, ради которого позвали этого высокопоставленного человека, утрачивается и диалога не получается.

Было бы правильно, если бы по согласованию с правительством — вероятно, это можно учесть в Законе "О правительстве" или в других законодательных актах — можно было бы по определенному графику приглашать членов правительства, скажем, по 3—5 человек в неделю, чтобы они в течение специально отведенного времени отвечали на вопросы депутатов, в том числе ранее поданные им в форме депутатских запросов. Тогда диалог был бы более живым, и депутаты бы ориентировались на этот график, и, уже зная, что будет такой-то министр или вице-премьер, готовили к нему конкретный вопрос, относящийся не столько к его конкретному округу, сколько к ситуации в государстве в целом.

Вот такой примерный набор изменений. Там есть и приведение в соответствие с законодательством, целый блок поправок связан с приведением в соответствие взаимоотношений Думы и Центрального банка России в связи с принятием Закона "О Центральном банке". Я эти вопросы подробно освещать не буду.

У нас мало времени на вопросы, поскольку в зале еще пауза была на "выветривание" антидемократического духа после выступления Владимира Вольфовича Жириновского. Вопросы любые, не только по поднятым темам. Пожалуйста.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Не может ли нарушить установленный порядок принятия законов инициатива президентов Беларуси и России по созданию совместных законодательных основ? Как это отразится на работе Государственной Думы в части законотворчества?

ШОХИН А.Н. Я не хочу быть обвиненным в имперских амбициях, но все-таки считаю российское законодательство более продвинутым, чем законодательство в большинстве суверенных государств, бывших республиках СНГ. Не случайно многие российские законодательные акты кладутся в основу разработки модельных законодательных актов, работа над которыми ведется по линии Межпарламентской ассамблеи СНГ.

Если говорить о российско-белорусском совместном законотворчестве, то, вспоминая недалекое прошлое, 1994 год, тогда мы ставили вопрос, по сути, о приведении в соответствие белорусского законодательства российскому законодательству в области торговой политики, таможенной политики, банковского дела и так далее. И вряд ли сейчас, занимаясь выработкой совместного законодательства, скажем гражданского законодательства, нам нужно выработать некий наднациональный Гражданский кодекс.

Есть базовые понятия. Наш Гражданский кодекс — это не национальная специфика, это учет многих позиций международного права с учетом тяготения России к континентальному праву. Поэтому, видимо, и белорусским коллегам придется ориентироваться на приведение своего национального законодательства в

соответствие с российским, либо на принятие общих законодательных актов, где российские оказываются модельными актами.

Самый сложный вопрос связан с бюджетом и денежной системой. Я напомним, что в 1994 году процесс объединения денежных систем остановился в основном из-за нерешенности вопросов, связанных с частичной потерей суверенитета Национального банка Республики Беларусь по эмиссии. Наша схема состояла в том, что только единый эмиссионный центр может существовать в рамках объединенной денежной системы. И таким эмиссионным центром, на наш взгляд, должен был быть Центральный банк России, поскольку создавать наднациональный государственный банк при том понимании, что российская экономика и финансово-кредитная система составляют более 90 процентов от общей денежно-финансовой экономической системы двух государств, бессмысленно с технической и с любых других точек зрения.

В равной степени это относится и к бюджету. Что такое консолидированный бюджет России и Беларуси? То ли это два бюджета, дефицит одного из которых должен быть, скажем, 3 процента, другой может и 20-процентным быть, и, стало быть, финансирование покрытия дефицита бюджета идет за счет одного государства в пользу другого, либо это должен быть единый параметр.

Опыт Европейского Союза, в частности результаты дублинской встречи, принятие Хартии стабильности, показывает, что государства, стремящиеся к единой денежной системе, первым шагом полностью унифицируют бюджетную политику, все бюджетные параметры. По сути, принимают единые законы о бюджете: предельный размер возможного дефицита бюджета, допустимые источники покрытия дефицита и так далее, действуют в соответствии с новой Хартией стабильности и предшествующими маастрихтскими соглашениями, принимая единые законы о бюджете, которые должны позволить прийти к единой валюте "евро". Я думаю, что здесь нам не надо изобретать велосипед и нужно следовать точно этой схеме. А это значит, что нужен единый бюджет при том, что он как бы становится консолидированным бюджетом. Порядок его принятия должен быть жестко отрегулирован. И здесь возможности для маневра должны быть ограничены. Это вообще-то называется частичной потерей суверенитета. И российская, и белорусская стороны должны честно и откровенно смотреть на эти проблемы. Единое государственное образование не может состоять из двух государств, которые являются полными суверенами по всем вопросам. Поэтому нам нужно, видимо, решая вопросы политические: референдум, военно-политический союз и так далее, — не забывать и об этих механизмах. Если мы выпустим из поля своего зрения технологию создания единой экономической системы, включая те направления, о которых я говорил, — значит будет масса политических заявлений и соглашений, и договоров, которые не будут работать.

Кстати, два года назад, когда выяснилась неготовность предшествующего руководства Беларуси идти на реальное объединение и интеграцию, был предложен вариант, я его сам предлагал Александру Григорьевичу Лукашенко, поскольку был главой делегации России на инаугурации и имел возможность ему первым изложить позицию российской стороны, что в отсутствие готовности идти к единой денежной и бюджетной системам через некоторые ущемления суверенных прав нужно двигаться поэтапно через Таможенный союз. Но не все механизмы Таможенного союза за полтора года у нас задействованы. Если есть возможность основную контрабанду алкоголя пропускать через белорусскую границу, если основной реэкспорт российских товаров, на которые до недавнего времени были установлены экспортные пошлины, шел через Беларусь в третьи страны, значит, не все в механизме Таможенного союза отработано. То есть у нас есть задачи по завершению предшествующих этапов интеграции, но уже стоят вполне понятные, технологически осязаемые задачи по следующим этапам. И, призывая к референдумам и объединению, я все-таки предлагаю не забывать об этой технологии объединения.

РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Александр Николаевич, законотворчество в человеческом общежитии, как и законы природы и общества, физики, химии, не могут вообще в принципе быть приняты однозначно положительно, поскольку законотворчество как процесс — это сугубо индивидуальный процесс. И если Дмитрий Иванович Менделеев принес бы свой периодический закон в Думу, то поэлементно он бы не был принят никогда.

ШОХИН А.Н. Если бы Дмитрий Иванович Менделеев принес формулу водки в

Думу, она скорее была бы принята.

Если говорить о системности в рассмотрении законодательства, то действительно есть проблема. Мы сейчас работаем действительно поэлементно. И не знаю, сложится из этих элементов таблица Менделеева, ведь все-таки она ему приснилась однажды ночью, я боюсь, что Государственная Дума синхронные сны не видит. И поэтому каждый депутат тащит свой законопроект самостоятельно.

Если вы посмотрите на название многих законопроектов, то поймете, что там далеко еще до формирования целостной системы законодательства.

Более того, многие законы называются почти одинаково, но тем не менее это не свидетельствует о системности, а названия многих из них начинаются так: о государственной поддержке и дальше идет определенная отрасль.

В принципе было бы хорошо, если бы у нас действительно существовали представления более-менее целостные о системе законодательства. У нас есть некоторые формальные отправные точки. Я уже говорил, что есть 13 федеральных конституционных законов, принято три кодекса, четвертый находится на рассмотрении. Сейчас надо принимать Трудовой кодекс, принимать новый Жилищный кодекс, нужно принимать не дополнения, скажем, к Уголовно-процессуальному кодексу, а новый кодекс, который бы соответствовал недавно принятому Уголовному кодексу, и так далее. То есть остротки системности. В равной степени это касается Гражданского кодекса. Две части Гражданского кодекса есть, третью никто не вносит. Почему? Я начал выяснять, оказывается, автор основной части умер. Надо признать с сожалением, что выдающиеся юристы умирают, но тем не менее не может остановиться законодательный процесс из-за того, что один или два юриста вышли из игры.

В то же время в самом Гражданском кодексе в принятых первой и второй частях содержится много отсылок, что тот или иной вопрос регулируется отдельным законом. Вот вам уже перечень законов, которые должны быть приняты, иначе Гражданский кодекс как экономическая конституция российского государства не действует.

Но, к сожалению, массив законодательства, сформированный таким образом, не всегда является приоритетом и именно поэтому встает вопрос, как нам управлять этим процессом и подталкивать вперед те законы, без которых наша правовая система не будет совершенной. Но пока таких эффективных механизмов, к сожалению, нет.

ЖУРНАЛ "САМОУПРАВЛЕНИЕ".

Не кажется ли вам, что не очень эффективны субъекты права законодательной инициативы и необходимо вернуться к тому, чтобы подключить к формированию программы законопроектной работы российские общественные организации? То есть вернуться к наделению правом законодательной инициативы общественные организации, имеющие межрегиональный или российский статус.

ШОХИН А.Н. По поводу права законодательной инициативы. Я считаю, что у нас некоторые ныне действующие субъекты права законодательной инициативы наделены "безбрежным" правом совершенно необоснованно. Я имею в виду прежде всего себя и своих коллег — депутатов Государственной Думы, в равной степени членов Совета Федерации. Во многих государствах мира существует так называемая коллективная законодательная инициатива. В частности, в бундестаге в ФРГ только 5 процентов депутатов имеют право подавать, вносить законопроекты. Я думаю, что это не лишено смысла, если вы хотя бы с небольшим количеством своих коллег согласуете свою точку зрения. Во-первых, есть больше оснований для того, чтобы этот проект был доведен до закона, а во-вторых, уже на стадии подготовки, а не на стадии второго чтения и так далее можно учесть те или иные замечания. Более того, я уже не говорю о том, что в парламентах, устроенных по принципу большинства, формирующее правительство, правительство вносит все законопроекты, а оппозиция, как правило, вносит контр законопроекты, с тем чтобы выявить "антинародную" сущность правящего режима или решить похожие задачи. То есть депутаты большинства обычно не вносят законопроекты, они ждут от правительства и потом лоббируют и проталкивают. У нас особая ситуация, хотя я думаю, что можно было бы здесь по этому пути идти.

Что касается тех общественных объединений, которые сейчас не являются субъектами права законодательной инициативы, надо ли им давать это право? Вопрос непростой. Дело в том, что если раньше у нас были фиксированные общественные организации и вы помните состав союзного Съезда Советов,

"красная сотня" партии, от профсоюзов и так далее, то мне как председателю трехсторонней комиссии еще в 92-м году приходилось решать очень сложные вопросы о примирении профсоюзов составе трехсторонней комиссии, кто из них — ФНПР или независимый профсоюз горняков, или независимый профсоюз работников угольной промышленности, независимый профсоюз авиадиспетчеров, Соцпроф и так далее — должны представлять интересы трудящихся. Более того, маленький профсоюз, например профсоюз авиадиспетчеров, доказывал свою силу тем, что он может парализовать страну, если захочет, хотя в его составе несколько тысяч человек в отличие от ФНПР. Не такой простой вопрос: все они имеют статус общероссийских организаций и регистрацию Минюста и так далее. Но нет никаких противопоказаний для того, чтобы использовать для продвижения законодательных инициатив этими общественными организациями существующих субъектов, работая с депутатами Государственной Думы или с членами Совета Федерации, либо с субъектами Российской Федерации.

Я думаю, что, пока мы не решили вопрос с ныне действующим списком субъектов права законодательной инициативы, расширять его вряд ли стоило.

ВОПРОС.

На ваш взгляд, чем вызвана вчерашняя инициатива Виктора Илюхина? Будет ли она иметь какие-то последствия и нет ли у вас сведений, к какому решению склоняется Правовое управление Государственной Думы по этому поводу? Насколько соответствует Конституции постановление Виктора Ивановича?

ШОХИН А.Н. Чем вызвана инициатива коммунистов и лично Виктора Илюхина, можно только догадываться. Во-первых, безусловно верным является тот факт, что коммунистам, фракции КПРФ нужно показать свою оппозиционность, показать "зубы". Дело в том, что в течение декабря КПРФ трижды проголосовала за правительственный вариант бюджета, хотя и с многими поправками. Я имею в виду, в частности, идею бюджета развития, которая активно отстаивалась представителем КПРФ Юрием Маслюковым. Общественное мнение считает коммунистов "соглашателями", которые поддержали правительство, поддержали бюджет и им трудно считать себя оппозиционной партией. Сейчас же все говорят в основном об этой новой инициативе и на этом фоне легче голосовать в четвертом чтении за бюджет.

Второе. Дорого яичко к святому дню: было бы обидно выступать с такого рода инициативами после возвращения президента в Кремль. И именно поэтому на предложение разработать соответствующие законопроекты о медицинской комиссии или о технологии прекращения полномочий президента по состоянию здоровья Илюхин отвечал: это раньше февраля не сделаешь, а в феврале будет поздно. Скорее всего, он имел в виду возможное выздоровление президента. Но даже без заключения Конституционного Суда я рискну утверждать, что это постановление не относится к числу полномочий Государственной Думы. Геннадий Селезнев сделал довольно странные выводы: поскольку закона нет, можно и постановление принять. Это очень вольное толкование Конституции и российского законодательства. Если на нем Государственная Дума будет настаивать и доказывать, что постановление такого рода имеет правовые последствия, это будет означать не что иное, как государственный переворот со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тут возникает еще одна мысль: а может быть, КПРФ пробует власть, проверяет власть на предмет ее готовности распустить Государственную Думу и пойти на новые выборы. Может быть, коммунисты считают, что "счет" сложился после губернаторских региональных выборов в их пользу и через три-четыре месяца они бы получили устойчивое большинство в Государственной Думе? Я думаю и это обстоятельство сбрасывать со счетов нельзя.

В совокупности приведенные мотивы означают, что коммунисты готовы еще дальше политизировать деятельность Государственной Думы, не заботясь об эффективности законодательной работы. Кстати, тот факт, что сегодня сняты с "пробега" два вопроса (о программе законопроектной деятельности и об изменениях в Регламенте в основной части, касающейся законодательного процесса), — лишний раз подтверждает эту мысль.

ДУМА - КОНГРЕСС

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 10 ФЕВРАЛЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Я хотел бы несколько слов сказать о визите делегации Государственной Думы в Соединенные Штаты Америки. Вчера визит наш завершился. Хотя проходила поездка в рамках заседания известной комиссии Гор—Черномырдин по экономическому и технологическому сотрудничеству, тем не менее она имела самостоятельное значение.

Еще в прошлом году спикер Государственной Думы Геннадий Селезнев и спикер палаты представителей Конгресса США Ньют Гингрич обменялись письмами, в которых согласились с созданием межпарламентской комиссии под названием группа "Дума—Конгресс".

В конце прошлого года Совет Государственной Думы утвердил координатора с российской стороны этой группы (им был назначен я) и семь подгрупп по основным направлениям деятельности.

Прежде всего это экономические вопросы. Подгруппу по энергетике возглавляет Владимир Медведев — руководитель группы "Российские регионы". По инвестиционному и торговому сотрудничеству — Юрий Маслюков, председатель Комитета по экономической политике. По финансово-бюджетным вопросам — Михаил Задорнов, председатель Комитета по бюджету и налогам. По сотрудничеству в области сельского хозяйства — Алексей Чернышев, председатель Комитета по аграрным вопросам. По вопросам экологии — Святослав Федоров. По обороне и безопасности — Лев Рохлин. И по международным вопросам — Владимир Лукин.

Семь подгрупп возглавляются представителями всех фракций и депутатских групп, то есть у нас здесь политический паритет также соблюден.

Было принято также решение — первое инаугурационное заседание группы "Дума—Конгресс" провести в Вашингтоне в рамках заседания комиссии Гор—Черномырдин. Мы предполагали посвятить его в основном вопросам экономического взаимодействия и двустороннего сотрудничества. Одна из целей нашей поездки состояла в том, чтобы дать возможность депутатам присмотреться к работе комиссии Гор—Черномырдин, которая проводила восьмое свое заседание, с тем чтобы депутаты лучше могли понять смысл проблем, стоящих перед двумя странами. И, во-вторых, и сама комиссия Черномырдина—Гора могла бы обратиться к парламентариям обеих стран с теми или иными предложениями по законодательному оформлению сотрудничества.

Такая идеология нашего заседания себя полностью оправдала. У нас была возможность встречаться не только с коллегами в палате представителей и сенаторами Соединенных Штатов Америки, но мы имели возможность и встретиться с сопредседателями комиссий, с вице-президентом Гором, с премьер-министром Черномырдиным. Причем встречи эта проходили как на Капитолийском холме, то есть на парламентской территории, так и на стороне исполнительной власти.

Кстати, во время одной из встреч возникла проблема — считать ли группу "Дума—Конгресс" дочерним предприятием комиссии Гор—Черномырдин либо рассматривать ее как равноправную структуру. Вице-президент А. Гор и В.С. Черномырдин после публичных размышлений на эту тему признали, что комиссия Гор—Черномырдин скорее является дочерней организацией по отношению к парламентской группе двух стран, то есть соответствующие знаки вежливости были проявлены, что должно сказаться, видимо, и на нашей деятельности — мы должны не менее активно работать и выдавать "выходную" продукцию не менее энергично, как это делает комиссия Гор—Черномырдин, которая подписывает каждый раз до двух и более десятков документов.

Кроме официальных встреч у парламентариев была возможность провести еще целый ряд дополнительных мероприятий. В частности, у нас был "круглый стол" с российско-американским деловым советом, мы участвовали в заседании Московского международного нефтяного клуба, в который входят крупнейшие американские компании, такие, как "Амоко", "Конако", "Оксидентал", "Экссон" и другие, а также крупнейшие российские нефтяные компании.

Интерес представляли проблемы, стоящие перед компаниями обеих стран в процессе реализации крупнейших нефтяных проектов на территории России. Понятно, что здесь прежде всего обсуждались вопросы, связанные с продвижением законодательства. В частности, законодательства по СРП (соглашение о разделе продукции).

Кроме того, часть нашей делегации посетила нефтяные платформы в Мексиканском заливе, посмотрела, как осуществляется на практике действие механизмов, базирующихся на соглашениях о разделе продукции, и как осуществляется экологически чистое производство добычи нефти на шельфе.

В заключении визита часть делегации посетила Чикаго вместе с вице-президентом США и Председателем Правительства России. Там мы уже на завершающей стадии заседания двусторонней комиссии приняли участие в последней дискуссии, где, в частности, депутаты рассказывали о законодательстве в самых разных областях, в частности в области регулирования аграрного производства, продвижения ключевых законов, таких, как Земельный кодекс. В целом наше подключение к работе комиссии Гор—Черномырдин было довольно обширным.

Мы договорились прежде всего оказать содействие американскому Конгрессу в учреждении соответствующих подгрупп по тем направлениям, которые у нас уже существуют. Готовность была высказана, несмотря на беспокойство, связанное с тем, что наши семь подгрупп имеют и политическую подоплеку. И конгрессмены задавали вопрос: "Не будет ли означать, что если они создадут семь групп, то у них должно появиться и семь политических партий, центров политической жизни в Конгрессе"? Мы обещали такого рода подрывную работу не вести.

Кроме того, мы договорились о том, что в апреле—мае примем делегацию американского Конгресса, палаты представителей. И со второй этой встречи (первая, напомню, носила, так сказать, учредительный характер) мы переведем работу на рельсы регулярной деятельности.

Надо сказать, что одним из заметных явлений в нашей совместной работе в эти дни явилась поддержка инициативы американских конгрессменов, один из которых является сопредседателем американской части нашей группы "Дума—Конгресс", о финансировании жилищного строительства в России за счет кредитов американских банков при поддержке администрации. Речь идет о том, чтобы принять в Конгрессе соответствующий билль — закон, позволяющий реализовывать те схемы льготного жилищного строительства, финансирование жилищного строительства, которые существовали и существуют в Соединенных Штатах, с тем чтобы под низкий процент можно было бы и кредитовать (с использованием ипотеки) строительство жилья в России.

Речь идет примерно о пяти миллиардной программе, которая в случае принятия соответствующего законодательного акта могла бы запустить не только финансовый механизм, но и послужить неким образцом для реализации наших программ, "Свой дом" в частности. Процент по кредитам и сроки предоставления кредитов могут быть очень льготные: шесть—восемь процентов на 30 лет. И этим могут воспользоваться многие российские граждане. Поэтому мы сочли необходимым поддержать эту инициативу.

Вице-президент и премьер-министр положительно откликнулись на это предложение Конгресса и Думы.

Вот коротко то, чем мы занимались в Вашингтоне эти три дня. Ну, естественно, были и, скажем, экскурсионные мероприятия. В Чикаго некоторые депутаты вместе с вице-президентом и премьером посетили автосалон. Но таких мероприятий было очень мало в силу насыщенности официальной программы.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Александр Николаевич, вопрос вот такого рода. Один человек сказал, я с ним согласен, где нет общности интересов, там не может быть единства цели, не говоря уже о единстве действий. Так вот, как мне видится, интересы и цели двух наших государств США и России полярные, а почему-то мы действуем вместе. Вот как это понимать?

ШОХИН А.Н. То, о чем вы говорите, содержит противоречие само в себе. Если интересы общие, то и действия общие, мысли общие. Если интересы разные, то и полярные действия. Но это — философия вопроса.

Что касается существа — разные ли интересы? Должен сказать, что, несмотря на то, что мы не собирались политикой заниматься, и в частности в составе нашей делегации не присутствовали такие известные думские деятели, как генерал Рохлин

и Владимир Лукин, а собирались в основном об экономике говорить, тем не менее существенную часть нашей дискуссии нам пришлось отвести на обсуждение проблематики расширения НАТО. В частности, это была почти двухчасовая беседа в Комитете по международным делам нижней палаты американского Конгресса, очень обстоятельная беседа состоялась у нас с первым заместителем госсекретаря С. Тэлботом в американской администрации, кроме госдепа мы встречались лишь с руководством Министерства торговли. Так что удельный вес политических бесед оказался выше, чем планировалось.

Выявились принципиальные расхождения в проблематике расширения НАТО на восток. Вообще эта тема оказалась лейтмотивом "американского десанта" российских политиков, начиная от премьер-министра и завершая депутатскими беседами, мы в основном обсуждали именно эту тему. Нашим коллегам, конгрессменам США, было, видимо, небезынтересно убедиться в том, что все фракции Государственной Думы, а в нашей делегации были представлены все фракции, занимают примерно одинаковые позиции по вопросам расширения НАТО. И хотя аргументация несколько отличается, но тем не менее результат один и тот же: активное неприятие аргументов американской стороны, которая является основным, скажем, "закоперщиком" по вопросу расширения НАТО.

Кроме известных аргументов, которые называются политиками и обсуждаются в прессе, на первое место выдвинулись и такие сюжеты, как экономическая целесообразность расширения НАТО. Дело в том, что только сейчас проблема расширения НАТО стала достоянием широких слоев населения заинтересованных государств, и российского народа, и стран — членов НАТО. До сих пор бюджетно-финансовые последствия расширения НАТО оставались в стороне, мы же обратили внимание на это обстоятельство. В частности, речь идет о том, что никто толком не знает, во что обойдется расширение НАТО налогоплательщикам стран -членов этой организации. Называют минимальные цифры, где-то в пределах 10—25 миллиардов, максимальные — от 70 до 125 миллиардов долларов в течение 10 ближайших лет. Понятно, что это очень серьезные затраты, о которых только-только начинают узнавать рядовые граждане этих государств, при том понимании, что особой угрозы собственной безопасности этим государствам люди не видят. И в частности, речь идет о том, что надо тратить эти десятки миллиардов долларов на решение проблемы, которой не существует, поскольку особой угрозы безопасности для Польши, Чехии, Венгрии и других стран, подавших заявки на вступление в НАТО, нет.

Активная позиция России, к сожалению, запоздала. Лучше было бы, если бы мы эту позицию начали высказывать в 94-м году, когда фактически была принята концепция расширения НАТО на восток. Но тем не менее активная позиция должна привести все-таки, как нам кажется, к учету озабоченностей России. Конечно, не будет крайних вариантов, не будет варианта отказа НАТО от расширения на восток. Но в то же время очевидно и не будет варианта расширения НАТО на восток без учета тех аргументов, которые в последнее время высказывает российская сторона. С политической и финансово-экономической точек зрения наши аргументы были как бы приняты во внимание, но задача российской дипломатии заключается в том, чтобы заложить все эти аргументы в текст соглашения, которое должно быть в ближайшее время и разработано, подписано между Россией и НАТО.

При этом российская сторона, как вы знаете, на всех уровнях настаивает на том, чтобы это соглашение носило обязывающий для сторон характер, а это означает, что оно должно быть ратифицировано подписантами, то есть Россией и странами — членами Организации Североатлантического договора. Понятно, что ратификация — это достаточно длительный процесс, по опыту ратификации соглашения "О партнерстве и сотрудничестве" мы знаем, что до трех лет уходит на эту операцию, если число стран больше дюжины. Но тем не менее нас это не пугает. Если, скажем, процесс ратификации соглашения с Россией займет у НАТО столько же времени, сколько процесс адаптации стран, которые получают приглашение на вступление в НАТО, до самого вступления, то эта синхронизация политически выглядит вполне уместно. То есть вступление стран должно состояться не к празднику, не к 50-летию НАТО, а к тому моменту, когда все необходимые политические, военно-политические условия будут подготовлены. И среди этих условий — вступление в силу соглашения между Россией и НАТО.

Если говорить о пунктах, которые, на мой взгляд, должны быть обязательно отражены в этом соглашении (я в своих беседах в Конгрессе и в госдепе об этом

говорил), то среди них, безусловно, должны быть такие обязательства НАТО, как не размещение ядерного оружия на территории стран — новых членов, не размещение тяжелого оружия, не приближение военной инфраструктуры НАТО к границам России. Там должно быть такое обязательство, как невступление непосредственных соседей России — стран — членов СНГ, в состав этой организации либо вступление этих стран вместе с Россией. Вот такого рода конкретные обязательства НАТО, которые были бы зафиксированы в соглашении, имеющем правовые последствия для сторон, позволили бы снять наши озабоченности и позволили бы утверждать, что расширение НАТО на восток не преследует никаких антироссийских целей, позволили бы стабилизировать политическую, внутривнутриполитическую и даже, если хотите, психологическую атмосферу в России по поводу расширения этого блока, позволили бы говорить, что никаких новых разделительных линий в Европе не появляется и что, действительно, блок НАТО поэтапно превращается в основу архитектуры общеевропейской безопасности.

Так что, если будет понимание этих наших озабоченностей и это понимание будет высказано не только на словах, как в свое время на словах признавалось обязательство не расширять НАТО на восток, когда объединялась Германия и когда распался Варшавский договор, но если это будет обязывающий договор, я думаю, что мы можем сказать, что и интересы у Соединенных Штатов и России совпадают. ФИЛИППОВ. РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, как вы оцениваете работу комиссии Гор -Черномырдин? И не обсуждали ли вы с членами группы "Дума—Конгресс" какие-то идеи по законодательному обеспечению реализации соглашений, подписанных в рамках комиссии Гор—Черномырдин?

ШОХИН А.Н. Мы активно обсуждаем будущее нашей группы "Дума-Конгресс", здесь сложилась технология, что мы не принимаем на себя обязательства по прямому указанию противоположной стороны.

В частности, когда мы обсуждали энергетическую проблематику между членами нашей делегации, пришли к выводу, что надо дать "отмашку" на реализацию схемы о разделе продукции, соглашений "О разделе продукции", поскольку вступивший в начале прошлого года закон не работает из-за отсутствия Закона "О перечне месторождений" и Закона о внесении поправок в действующее законодательство. С этим согласились депутаты, члены группы "Дума—Конгресс" с российской стороны.

Тот перечень, который представило правительство, чрезмерно обширен. В него входят несомненные проекты, которые уже сейчас готовы к реализации на условиях раздела продукции. Но в то же время есть и такие, о которых думская общественность ничего не знает. Их нужно было оценить дополнительно, поскольку нет ни продвинутой документации, ни технико-экономических обоснований, ни проектов соглашений.

Внутри думской части делегации было достигнуто согласие о том, что уже в самое ближайшее время, к весне, нужно "вытолкнуть" на обсуждение Думы сбалансированный вариант с перечнем месторождений, куда будет входить до 25 месторождений. Из них 9 месторождений — это уже практически работающие месторождения, еще около 15 объектов — это те, которые явно на подходе и тоже не вызывают сомнений в силу того, что эффективность их реализации просчитана и доказана. Правительство готово пойти на этот вариант, правда, свои 250 объектов правительство пока сократило до 100, но тем не менее явно уже компромисс намечается.

Речь идет о принятии короткого варианта месторождений, которые должны быть в этом году уже запущены, сколько в нем будет месторождений — это отдельный вопрос. Речь идет о создании механизма дальнейшего отбора проектов. В этом механизме должны быть задействованы субъекты Федерации и Государственная Дума. Главное, чтобы здесь не было индивидуального подхода, когда мы будем вместе с правительством и субъектами Федерации каждое соглашение в отдельности принимать. Такого рода эксклюзивность не входит в компетенцию Государственной Думы. Законодательный орган должен выставить достаточно жесткие критерии и смотреть, насколько эти критерии соблюдаются.

Это, пожалуй, быть может, наиболее показательный пример того, как мы у себя, в российской части делегации, оценивая общий результат наших переговоров, встреч, визитов и так далее, это перевели на язык законодательства.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Какие бы вы назвали, на ваш взгляд, наиболее важные проблемы, которые сегодня существуют в комиссии Гор—Черномырдин? Они не ограничивались, наверное, разделом продукции?

ШОХИН А.Н. Если говорить об основных проблемах, которые обсуждались законодателями и в рамках комиссии и имеют отношение к нашей деятельности, — это прежде всего налоговые проблемы.

Очевидно, что налоговая система России неэффективна, и конгрессмены, и представители деловых кругов нам очень много конкретных вопросов задавали. Пришлось довольно подробно отвечать на заданные вопросы, в частности о судьбе Налогового кодекса. Нашим коллегам—конгрессменам и деловым кругам США повезло: в составе нашей делегации было много членов Бюджетного комитета, включая заместителя председателя Бюджетного комитета Юрия Михайловича Воронина, который, как известно, возглавляет рабочую группу по доработке Налогового кодекса.

Вокруг этих проблем шли основные дискуссии, хотя ни к каким конкретным выводам мы здесь не пришли. Пришли лишь к общим выводам о том, что будем стараться в ускоренном режиме рассматривать Налоговый кодекс после официального представления правительствам всех его частей. Как вы знаете, Дума приняла принципиальное решение не рассматривать кодекс по частям. То есть пока не будет официально внесен текст Налогового кодекса, всех его частей. Дума не будет принимать даже общую часть Налогового кодекса.

Но в условиях, когда этот процесс прописывания в Налоговом кодексе идеальной налоговой системы может явно затянуться, следует внести ряд назревших изменений в законодательство о налогах. В этом случае Государственной Думе придется принимать около десяти законов, которые позволят так изменить действующее налоговое законодательство, чтобы оно, во-первых, могло вступить в силу 1 января 1998 года, а во-вторых, и это самое главное, чтобы оно позволило наиболее назревшие проблемы изменения налоговой системы решить уже сейчас. Эта позиция была общей для депутатов — членов делегации.

Общий контекст этих дискуссий таков, что, с одной стороны, формальный, номинальный уровень налогового бремени в России вместе с социальными налогами, такими, как отчисления в Пенсионный фонд, в фонд Соцстраха, довольно высок — он составляет около 30 процентов по отношению к валовому внутреннему продукту. Стало быть, реформировать налоговую систему через увеличение ставок налогов не представляется возможным. С другой стороны, мы имеем явный недобор налогов в условиях, когда чистые собираемые налоги составляют 13—14 процентов с учетом идеальной собираемости налогов, фактически эта собираемость достигала около 8 процентов по отношению к валовому внутреннему продукту в худшие месяцы прошлого года.

И поэтому задача состоит в том, чтобы, не увеличивая налоговое бремя, увеличить собираемость налогов. Собираемость налогов увеличить мерами ужесточения налоговой дисциплины, на наш взгляд, не представляется возможным. Эта проблема, которая в умах депутатов сейчас находится, и наша беседа в Соединенных Штатах лишний раз подтвердили наши убеждения, что нужно решиться на снижение налоговых ставок и на резкое упрощение налоговой системы, с тем чтобы за счет расширения налоговой базы при более низких ставках увеличить собираемость налогов.

Это одна из крупных проблем, которая была в центре дискуссии. Она, кстати, затрагивалась и на заседании комиссии Гор—Черномырдин.

МИЛОСЕРДОВ. "РУССКАЯ ГАЗЕТА".

Скажите, пожалуйста, когда вы говорили о договоре с НАТО, то у вас проскользнула такая мысль, что надо включить пункт такой, чтобы страны СНГ не входили в НАТО, а если уж входили, то вместе с Россией. Не есть ли это первый шаг превращения России в сырьевой придаток НАТО?

ШОХИН А.Н. НАТО — это военно-политический блок, и сама формулировка "сырьевой придаток НАТО" имела бы вполне положительный смысл для России, если бы под этим понималась функция России по обеспечению стран — членов НАТО оружием: истребителями, если бы на базе российского истребителя Су-35 был бы создан евроистребитель 2000 года, это вполне отвечало бы и военным интересам, и финансовым интересам стран, которые бы использовали этот истребитель. В равной степени это касается и зенитно-ракетных комплексов, и обычных вооружений.

Если говорить о требовании, связанном с тем, что страны СНГ только вместе с Россией могут оказаться членами НАТО, то это, если хотите, заявление о жизненно важных интересах России за пределами российской территории.

Ничего страшного в этом нет. Американцы не боятся заявлять о наличии у них жизненно важных интересов, которые далеко выходят за территориальные границы Соединенных Штатов Америки. И, в частности, Европейский континент является регионом, где жизненно важные интересы США присутствуют.

И это не означает раздела Европы и новой Ялты. Мы не вправе навязывать странам СНГ свое присутствие в качестве старшего брата. Но речь идет о некоей стратегии формирования единого общеевропейского пространства, единой общеевропейской безопасности.

То, о чем я говорю (это моя личная точка зрения), дает возможность поэтапно НАТО, по сути, ликвидировать и возложить эти функции на Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе. Тем самым просматривается некая стратегия реформирования НАТО. Если с этими пунктами соглашается НАТО и четверка основных членов НАТО, то у нас вырисовывается четкое поэтапное движение к системе общеевропейской безопасности, где четко прописана роль России.

Сейчас явно те концептуальные обоснования, те аргументы, которые приводятся, не дают четкого ответа: против кого расширяется НАТО в качестве оборонительного союза? Да, в Договоре 1948 года "О создании НАТО" четко прописано, что НАТО — оборонительный союз. В этом Договоре и в Уставе НАТО не упоминается, против кого обороняется организация.

Но до момента распада Варшавского договора все отчетливо понимали, что речь идет о Советском Союзе и о Варшавском договоре. После того как Советского Союза и Варшавского договора не стало, вопрос как бы повис в воздухе: против кого оборона? И, кстати, надо отдать должное российским журналистам: на заключительной пресс-конференции в Вашингтоне Гору был задан "в лоб" этот вопрос. Против кого обороняются НАТО и Соединенные Штаты Америки? Четко просили назвать. Россия? Китай? Ирак? Ливия? И так далее...

Если не Россия, почему Россия тогда не может быть включена в конструкцию безопасности? И почему с ней тогда не обсудить вопросы о том, кто же является угрозой и что является угрозой для европейской безопасности?

Надо сказать, что вице-президенту не удалось ответить четко на этот вопрос, он отвечал довольно долго, назвал все известные аргументы, из чего можно было сделать вывод, что этот вопрос пока остается без ответов и внутри НАТО, и среди идеологов расширения НАТО на восток.

Поэтому я не рассматриваю свою точку зрения как сдачу позиций. Наоборот, это наступательная позиция, которая, с одной стороны, не загоняет НАТО в угол (нам тоже не следует, видимо, чересчур жестко себя вести и говорить, что никакого расширения НАТО на восток мы не потерпим, поскольку даже вступление Польши в НАТО будем рассматривать как приближение непосредственно к российской границе, так как Калининградская область граничит с Польшей). Думаю, что нам лучше выставить такие условия, реализация которых позволит четко определить направление трансформации НАТО в такую организацию, которая станет действительно ядром архитектуры европейской безопасности и через этот процесс исчезнет как таковая. Вот если эта идеология будет поддержана — это будет самое большое завоевание внешней политики России. А если мы будем просто топтать и рвать на себе рубаху, не выставляя конкретных условий и не вырабатывая, может быть, вместо НАТО некоторую идеологию трансформации этой организации, то будем выглядеть очень смешно, и сами себя загоним в угол. Если через некоторое время после того, как все решения будут приняты, мы будем продолжать стоять на пеньке и сотрясать воздух, то очевидно, что с нами перестанут считаться в международных делах, и Россия превратится во второразрядную державу. "ГОЛОС АМЕРИКИ".

Можно вопрос? Александр Николаевич, условия, которые вы перечислили, вы их сами выработали или они возникли в недрах группировки "Анти-НАТО" и есть ли консенсус в Думе? Или же вы согласовали их с МИДом?

ШОХИН А.Н. Член нашей делегации — бывший кандидат в президенты, Петр Романов проинформировал конгрессменов о том, что в Думе создана группа "Анти-НАТО". Меня спрашивали: "Член ли я этой группы или нет"? Я сказал, что не член и не буду членом этой группы по той причине, что у нас вся Дума антинатовская, за

исключением нескольких человек, и было бы неправильно формировать специальную структуру, в которую не все депутаты по ряду причин войдут, в том числе потому, что возглавляют эту группу лидеры, которые не всем приятны или приятны не во всех отношениях.

Что касается моих условий, моих требований, то это моя собственная программа, это мои критерии, так я излагал и конгрессменам, и в государственном департаменте — первому заместителю государственного секретаря С. Тэлботу и послу по делам СНГ Дж. Коллинзу. С МИДом я ее не согласовывал. Более того, я использую различного рода пресс-конференции и публичное общение для того, чтобы "навязать" свою позицию властям.

"ГОЛОС АМЕРИКИ".

Простите. Вторая часть вопроса: какова была реакция госдепа и конгрессменов, а также какая реакция на это, как вы думаете, может быть у Украины, у которой свои отношения с НАТО?

ШОХИН А.Н. Реакция была непростая. Но, в частности, со Строубом Тэлботом и Джимом Коллинзом мы побеседовали полтора часа. Довольно подробно и они излагали свои аргументы. То есть беседа была очень продвинутой и углубленной. Но тем не менее это скорее был обмен аргументами, обмен точками зрения. Думаю, что это, может быть, была одна из первых встреч, на которой такой развернутый набор аргументов с российской стороны был изложен. Поэтому они не были готовы к тому, чтобы все контраргументы изложить.

Что касается конгрессменов. Каждый конгрессмен, который выступал в Комитете по международным делам, хотя мы эту тему не заявляли, считал необходимым привести свои аргументы в пользу расширения НАТО.

Любопытным было выступление конгрессмена Соломона, который, как известно, является, если говорить терминами российской журналистики, "политическим ястребом". Он предложил, если вам не нравится НАТО (может быть, в умах россиян действительно НАТО ассоциируется с агрессивным блоком, который почти 50 лет противостоял Советскому Союзу и России), давайте тогда создадим новую организацию с участием России. Или давайте на двустороннюю и многостороннюю договорную основу переведем процесс предоставления гарантий безопасности европейским странам. Я тут же согласился с этой инициативой. И предложил конгрессмену Соломону реализовать этот подход, высказав готовность, по крайней мере от имени российских парламентариев (коллеги меня поддержали), сесть за стол переговоров тут же, немедленно. Если можно отказаться от идеологии (от схемы расширения существующей организации, у которой есть свои традиции, свое восприятие мира) и начинать формировать новую организацию, которая будет организацией общеевропейской безопасности, то мы двумя руками "за".

Кроме того, если речь идет о возможности заменить процесс расширения НАТО заключением соглашения, то я предлагал такую схему, как заключение трехсторонних соглашений (страна, обеспокоенная собственной безопасностью, заключает соглашение с НАТО и Россией как гарантами собственной безопасности). Кстати, некоторые депутаты в сопредельных государствах, балтийских например, готовы поддерживать эту инициативу. Речь идет, конечно, о тех депутатах, к сожалению, немногочисленных, которые выступают против расширения НАТО на восток. Эти две мирные инициативы "политического ястреба" были полностью нами поддержаны. Другое дело, что, по-моему, конгрессмен Соломон сам не ожидал такой реакции на свои предложения и они вряд ли носят характер официальной позиции даже Комитета по международным делам палаты представителей.

Что касается Украины, то она хотела бы, как из последних заявлений следует, иметь свои отдельные от России отношения с НАТО. Это выражается и в ряде заявлений на международных форумах представителей Украины. В частности, на сессии Североатлантической ассамблеи, где я возглавлял российскую делегацию, были отвергнуты все наши поправки, где хоть какая-то увязка была между отношениями России с НАТО и отношениями Украины с НАТО.

Официальной позицией НАТО является следующая. Каждое государство суверенно устанавливает свои собственные отношения с НАТО как организацией, вплоть до вступления в эту организацию. Я считаю, что это очень ущербная позиция по той простой причине, что НАТО — это организация, которая ставит своей официальной целью установление безопасности в Евроатлантическом регионе. И если первый критерий, а именно: признание суверенности каждого государства на вступление в

НАТО, придет в противоречие со вторым критерием — общеевропейской безопасностью, выбирать надо второй критерий, а не первый. Сейчас, к сожалению, ориентация идет на первый критерий. А это может привести к появлению разделительных линий в Европе. И кстати, не случайно в терминологии натовских политиков некоторое время назад появился термин "серая зона". Под "серой зоной" имеются в виду те страны, которые не являются членами НАТО и не входят в сферу интересов России. Под последними государствами у натовских политиков, естественно, не подразумевается Украина. Так что это очень сложный вопрос.

Но я еще раз подчеркну, что здесь генеральной линией является общеевропейская безопасность, а не признание суверенного права каждого государства вступать в ту или иную организацию.

Кстати, напомним, что в соответствии с Уставом НАТО и с Вашингтонским договором 1948 года НАТО приглашает новых членов. То есть, вообще-то говоря, официальными документами НАТО суверенитет каждого государства на вступление в НАТО не признается. Признается право НАТО рассмотреть заявки и, соизмерив эти заявки с интересами общеевропейской безопасности, оценив, насколько страны, подавшие заявки, отвечают универсальным критериям членства, насколько они демократически развиты или насколько рыночная у них экономика, члены НАТО консенсусом принимают решения.

Это подчеркивает большую ответственность НАТО, нежели каждого отдельного государства, обеспокоенного гарантиями собственной безопасности.

А то, что есть другие механизмы предоставления гарантий, — это бесспорно. В частности, соглашения, о которых я говорил, возможные трехсторонние соглашения для каждого озабоченного государства — это реальный механизм. Более того, в этом соглашении можно предусмотреть, что если оно нарушается, например, по вине России, то эти страны по укороченной программе вступают в НАТО, хоть в тот же день. Мы можем на это согласиться.

Кстати, интересная ситуация возникла в связи с позицией Турции, которая увязывает расширение НАТО со своим членством в Европейском Союзе. Здесь я просматриваю один интересный сюжет. Дело в том, что, скорее всего, для расширения НАТО на восток особых военных озабоченностей, военно-политических, у стран типа Польши, Чехии, Венгрии нет. Они понимают, что в случае возникновения какой-то конфликтной ситуации, будут ли они членами НАТО или нет, все равно и НАТО, и мировое сообщество их всегда защитит.

Здесь другой аргумент, видимо, подспудно действует. НАТО — это возможность быстрого получения членского билета в Европейское сообщество. Вы знаете, что вступать в Европейский Союз для этих стран довольно сложно, это длительный процесс, и там четко обозначены все условия. Более того, условия являются не фиксированными, они все время меняются.

Прошла дублинская встреча в верхах Европейского Союза — появились новые требования, вытекающие, например, из Пакта стабильности в связи с созданием единой денежной системы. Соблюсти эти условия очень сложно. Некоторые страны достигли почти членства в Европейском Союзе, и вдруг планка поднята и вступить можно только через пять—десять лет.

Через НАТО эти страны вступают в сообщество цивилизованных европейских государств и упрощают себе, как им кажется, приемы в другие структуры. Поэтому и Турция решила действовать, кол, скоро этот аргумент существует для стран Центральной и Восточной Европы. Ведь она является уже членом НАТО, почему бы ей не воспользоваться этой okazji и не стать членом Европейского Союза? Видимо, в свое время, когда Турция стала членом НАТО, здесь универсальные критерии, такие, как рыночная экономика или демократия европейского типа, стояли на втором месте. На первом плане стояла возможность создания южного фланга, который подходил к границам СССР очень плотно.

Поэтому Турция и рассчитывает, видимо, на ответный политический жест со стороны Европейского Союза. И кстати, это не первое заявление президента Демиреля и министра иностранных дел Турции. Я слышал заявление турецких парламентариев на той же ноябрьской сессии Североатлантической ассамблеи, когда предложили поправку к резолюции о том, что вопрос о расширении НАТО и вопрос о расширении ЕС должны быть взаимоувязаны. Имеется в виду как раз членство Турции в Европейском Союзе.

Если эти требования будут учтены, то получится, что все организации — и военно-политические, как НАТО, и экономические, как Европейский Союз, — окажутся в

плени у политизированных требований. Требование Турции во многом объясняется тем, что реальной угрозы безопасности странам — новым членам не существует. Если бы она была, вряд ли бы Турция выставляла эти условия. Если бы российские ракеты нависали над Чехией, Польшей или Венгрией, то Турция бы не ставила вопрос о том, что она использует свое право вето при решении вопроса о расширении НАТО. Явно Турция хочет на этом деле "заработать". И не исключено, что будут появляться все новые и новые желающие подзаработать на этом деле.

ЛЮКАРЕВ. ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.

На днях, Александр Николаевич, наш премьер Виктор Черномырдин со свойственным ему лаконизмом и красноречием обвинил в коллизии вокруг НАТО одну политическую фигуру — Андрея Козырева. Вы, человек, который последние пять лет активно в большой политике на федеральном уровне, в том числе бывший вице-премьер, который вел блок внешнеэкономических вопросов, готовы ли тоже разделить эту ответственность?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что очень трудно по отдельности отвечать за те или иные политические провалы или неуспехи. Конечно, отвечает правительство в целом, власть в целом. Можно задавать много вопросов, где тогда была Государственная Дума, где было правительство и так далее. Но, честно говоря, мы прозевали вопрос о принятии решения расширения НАТО на восток. Я уже упомянул, что концепция и принципиальные решения принимались два с лишним года назад.

Год назад НАТО выпустило документ — "Исследования расширения НАТО на восток и о принципах этого расширения". Вина Андрея Козырева, я соглашусь с тем, что он, может быть, несет большую часть ответственности, состоит в том, что он вовремя не поставил все эти вопросы и они не были замечены российской общественностью. Считалось, что это просто разговоры, которые могут кончиться ничем. А когда мы стали вести активную политику в этом направлении, выяснилось, что решения-то все уже приняты. Их пересматривать для НАТО — значит нанести ущерб самим себе, своему достоинству. Поэтому сейчас речь идет как о максимально возможном результате — о достижении определенных компромиссов. Большого уже достичь невозможно. И здесь прежде всего внешнеполитическое ведомство должно было, видимо, дать объективную картину.

Андрей Козырев и сейчас не является противником расширения НАТО на восток, считая, что мы здесь ничего сделать не сумеем и ни к чему нам тут, так сказать, выступать резко против, все равно к нам не прислушаются и в результате мы лишь авторитет свой в международных делах уроним. А если это дело не "заметить", можно и даже заработать на этом деле политический капитал. Такая позиция министра иностранных дел в свое время и личная позиция Андрея Козырева расходились и расходятся сейчас с мнением, может быть, большинства политиков. Но ответственность другие политики несут за то, что они не увидели всех красок этой картины и всех элементов этого процесса. Так что, конечно, безусловно, все несут свою долю ответственности.

ВОПРОС.

Почему так упорно не хотят принимать Россию в НАТО, тем более мы самая крупная страна?

ШОХИН А.Н. Еще раз напомним: в НАТО приглашают только те государства, которые подали заявки на вступление в НАТО. Для того чтобы Россию пригласили в НАТО, чтобы она заседала в Совете НАТО, нам нужно подать заявку на участие в этой организации. Является ли этот процесс подачи заявки элементом той стратегии, которая будет выработана и зафиксирована, например, в договоре о соглашении между НАТО и Россией, — это наше дело. Вопрос — будем ли мы его ставить. Я напомним, что всего три базовых критерия для вступления. Экономический, то есть наличие рыночной открытой экономики, что у нас, безусловно, есть, мы открыты больше, чем надо, быть может. Демократический, то есть демократический строй. Здесь тоже успехи у нас существенные, выборы всех руководителей снизу доверху — от местного самоуправления и региональных руководителей до состоявшихся и не подвергающихся сомнению выборов парламентских и президентских. Это убедительное доказательство демократичности. И есть военный критерий — готовность страны-члена адаптироваться к военным, в том числе с технической точки зрения, механизмам организации. Надо сказать, что если иметь военно-техническую точку зрения, то здесь особых проблем нет; во-первых, НАТО использует оружие российское, достаточно напомнить про две эскадрильи российских "Мигов", которые на

вооружении германских ВВС до сих пор находятся. Они достались им по наследству из ГДР, можно напомнить и о том, что многие аэродромы предполагается использовать в военных целях, те, которые были построены Советским Союзом и входили в военную инфраструктуру Варшавского договора. Кроме того, в случае расширения НАТО многие новые члены будут использовать самое современное российское оружие, поскольку мы Венгрии продали "МиГи-29" в погашение долгов, продавали мы и противоракетные зенитные комплексы. А это очень современное оружие и вряд ли в ближайшие годы от него откажутся эти страны, даже после вступления в НАТО. И кроме того, мы готовы и НАТО обеспечить российским оружием и устранить технические противоречия, когда существует несколько танковых систем, несколько военно-воздушных систем, до пяти различных типов обычного вооружения. Мы могли бы унифицировать на своей базе все эти системы.

Так что Россия отвечает всем этим критериям, и дело в политической воле самой России: выгодно ли России подавать сейчас заявку на вступление в НАТО? И второй вопрос: как быстро НАТО примет соответствующее решение о расширении. Я напомним, что здесь в основном дискуссии идут вокруг пресловутого права вето. Дело в том, что в НАТО решения принимаются консенсусом. То есть если хотя бы одна сторона выступает против, то решение не принимается. Сейчас много говорится о том, что Россия не должна иметь право вето по вопросу расширения НАТО. Мы и не претендуем на это. Решение принимает сама организация при наличии заявки страны, желающей стать членом. Но мы также считаем, что не должно быть право вето у НАТО на решение вопросов общеевропейской безопасности. И вот здесь участие России необходимо и без него не обойтись.

Если Россия становится членом НАТО, она получает автоматические права вето, поскольку все решения принимаются консенсусом. И я думаю, что больше всего боятся именно этого многие европейские государства. Дело в том, что если в НАТО будут две такие страны, как Германия и Россия, то они практически будут принимать решение в основном сами, при том понимании, что им нужно будет, конечно, уговорить всех остальных членов, поскольку консенсуальный подход все равно сохранится. И может быть, этого многие и боятся, в том числе Соединенные Штаты, что участие России меняет принципиально расклад сил в Европе. Россия и Германия станут доминантами. Сейчас присутствие Соединенных Штатов в Европе позволяет держать равновесие с Германией, и для многих небольших государств это принципиальный вопрос, для них нахождение России вне НАТО позволяет держать еще один баланс.

Срабатывает старая-старая формула, которая при создании НАТО существовала, вы, наверное, ее хорошо помните: цели создания НАТО — первая цель состоит в Европе — "German Dawn", то есть чуть-чуть внизу, и "USSR out", вот эта базовая цель создания НАТО пока выдерживается, 50 лет прошло, а принципиальный подход не изменился.

ЖУРНАЛ "САМОУПРАВЛЕНИЕ".

Александр Николаевич, имеет место монополия субъектов Российской Федерации на рынке строительства жилья. Как это может быть учтено для эффективного распределения пяти миллиардного кредита на жилье, какой процент возьмут на себя эти органы госвласти регионов?

ШОХИН А.Н. Мы пока делим шкуру неубитого медведя. Для того чтобы распространить финансовые условия, существующие в США для жилищного строительства, на Россию и пяти миллиардный кредит США, необходимо принять закон. В свое время в США существовало специальное агентство по жилищному строительству, предоставлявшее подобные кредиты, которые затем были проданы частным банкам. Такого же рода схема предлагается и для России, а для этого нужно принимать специальный закон. Если закон будет принят и эти финансовые технологии будут запущены, тогда мы сядем и будем делить эту шкуру. Но понятно, что ее в одиночку нам поделить не удастся, поскольку здесь проблема двусторонних отношений.

ГАЗЕТА "СЕГОДНЯ".

Александр Николаевич, ваше заявление о том, что Дума готова принять закон "О перечнях", хотя бы в сокращенном виде, основывается на вашем общении с думской делегацией в Америке или на чем-то другом, ведь Дума ранее категорически отказывалась принимать этот закон, так же как и вносить поправки в законы, связанные с принятием закона о СРП?

ШОХИН А.Н. Разговор о том, что нужно искать какой-то компромиссный вариант по соглашениям о разделе продукции, идет с того момента, как Дума завалила в июле прошлого года базовые законы, внесенные правительством.

Напомню историю вопроса. Закон "О разделе продукции" был принят в 1995 году, и в нем не предполагалось никаких оговорок, что должны быть перечни, утвержденные законом. Совет Федерации отклонил этот закон, и была создана согласительная комиссия, которая, руководствуясь благими пожеланиями, включила туда, в частности, и статьи о том, что закон является не законом прямого действия, он предполагает еще наличие как минимум закона о перечнях, после принятия которого можно запускать базовый закон.

Из-за этого, в общем-то, и сыр-бор. Поэтому уже второй год Закон "О соглашениях о разделе продукции" не работает. Компромиссы есть самые разные у Государственной Думы, в частности некоторые депутаты предлагают каждое соглашение ратифицировать Государственной Думой и тем самым перейти на индивидуальный подход. Я считаю, что это неправильно. Дума должна сейчас утвердить короткий перечень, чтобы выйти из тупика. Правительство считает, что надо список из сотни месторождений принять сразу, поскольку это очевидные (для правительства) проекты. Дума будет, видимо, осторожничать. Я считаю, что компромисс здесь может быть найден достаточно быстро, но главное — уйти от индивидуального подхода, иначе Дума, получив мощный рычаг, безусловно, превратится в орган исполнительной власти или в лоббистскую структуру. К весне короткая версия списков может быть принята, уже в этом году эти месторождения могут быть запущены. Я назову цифры только по Сахалину — 25 миллиардов по трем проектам, общая же сумма где-то 130 миллиардов, и это по тем соглашениям, которые могут начинать реализовываться в этом году.

ЛЕБЕДЕВ.

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, многотысячелетняя культура евразийских народов, включая и Россию, предполагает возможность проявления идеологии ариев, которая могла бы объединить нас, в том числе с натовской структурой.

В русском языке это отображено в понятиях царя, и государя, и пролетарий, аграрий, технарый, гуманитарий, знахарий, волгарий, светарий и так далее. Это независимо от цвета кожи, цвета глаз, строения черепа понятие духовное. Считаете ли вы, что, когда мы постепенно постараемся построить общеевропейский дом, а в дальнейшем и общепланетарный дом, арийская идея способна стать социальной базой для миллиардов людей, могла бы прорасти и действительно объединить миллиарды людей, включая и структуру НАТО?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что версия о том, что славяне являются прямыми потомками арийцев, причем более близкими к ним, чем, например, немцы, заслуживает изучения и внимания, но я не готов сейчас вести дискуссию на подобные темы. Хотя вопросы о географии арийских народов, о прародине арийцев (говорят она где-то в Центральной Азии) мне интересны, я готов их поизучать на досуге после того, как политикой закончу заниматься.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРЕСС-КЛУБ. 10 АПРЕЛЯ 1997 ГОДА)

ВЕДУЩИЙ. Международный пресс-клуб продолжает свою работу, и сегодня у нас в гостях первый заместитель Председателя Государственной Думы Российской Федерации, доктор экономических наук Александр Николаевич Шохин. Прежде чем предоставить ему слово, я хотел бы выразить удовлетворение, что он выздоровел, потому что, как вы знаете, первая встреча, к сожалению, была отменена, но тем не менее, как только он поправился, состоялась.

ШОХИН А.Н. Во-первых, я благодарю Международный пресс-клуб за приглашение. Я наблюдаю, как на глазах растет рейтинг, престиж этого пресс-клуба, и мне приятно выступить в этой аудитории сегодня — после того как были опубликованы уставные материалы Союза России и Беларуси, начинается общенародное обсуждение, о котором договорились президенты двух государств неделю назад.

Если говорить об отличиях тех проектов документов, которые мы обсуждали, в том числе в Государственной Думе — неделю—две назад, — и проекта Устава, который вчера был опубликован, то, безусловно, можно найти различия, заметные, что называется, невооруженным глазом. Во-первых, изменены полномочия Высшего совета Союза. Если ранее предполагалось, что его решения будут обязательны для государственных органов двух стран, то сейчас предлагается эти решения, в случае необходимости, оформлять соответствующими актами национальных законодательных и иных органов, в частности принимать в форме национальных законов.

Ясно, что эта процедура не противоречит Конституции. А ведь еще недавно задавался вопрос о том, не будет ли означать формирование Высшего совета появления неконституционного наднационального органа, который будет вторгаться в конституционную компетенцию национальных органов власти. Появилось уточнение целей Союза — а именно: речь идет о формуле создания федеративного государства на базе ныне сформированного Союза, — но тем не менее достаточно отчетливо просматривается установка на государственное объединение двух государств, то есть на создание единого государства — видимо, поэтапное, в частности, через конфедерацию к федерации, это, безусловно, отличает в лучшую, на мой взгляд, сторону те проекты документов, которые мы начали сейчас обсуждать, от проектов, которые выносились на рассмотрение Высшего совета неделю назад. В то же время ряд проблем, безусловно, остался. На мой взгляд, прежде всего это проблема статуса всенародного обсуждения. Уже достаточно много говорилось о том, что статья 17 прошлогоднего Договора о создании Союза России и Беларуси предполагает проведение референдумов при обсуждении вопросов развития Сообщества. Меморандум о взаимопонимании, который был подписан Борисом Ельциным и Александром Лукашенко, вводит формулу месячного или полуторамесячного всенародного обсуждения, которое, безусловно, не имея правового статуса, закрепленного в законе, не может заменить собой референдум.

Здесь, на мой взгляд, одна из международно-правовых зацепок, которая может быть использована противниками Союза. В этой связи, на мой взгляд, нужно в процессе обсуждения Устава самое пристальное внимание обратить на эти, существующие пока, противоречия между прошлогодними документами и документами, которые вынесены на обсуждение.

Как устранить эти противоречия? Один из вариантов — с ним выступают некоторые политики — заключается в проведении референдума по этим документам, по вопросам создания Союза России и Беларуси. Я считаю, что это возможный вариант, но он, во-первых, чересчур дорогостоящий, а во-вторых, референдум, на мой взгляд, не позволяет проводить содержательное профессиональное обсуждение тех вопросов, которые должны получить отражение в документах, на базе которых будет функционировать Союз.

В этой связи я бы предложил сам Устав — поскольку это единственный документ, который окончательно не подписан, не ратифицирован и не введен в действие (Договор уже подписан, но это рамочный договор, общего характера), — так вот, в сам Устав следовало ввести статью о порядке введения его в действие. В этой статье можно было бы оговорить процедуру принятия Устава в соответствии с национальным законодательством обоих государств, скажем, применительно к законодательству о поправках к Конституции. Если создается Союз, который может быть трансформирован в конфедерацию, а затем — и в федеративное государство, то, безусловно, это затрагивает основы конституционного строя России и Беларуси, и этот документ должен быть своеобразным приложением к Конституции, как в свое время таким приложением к Конституции России стал Федеративный договор. Принятие поправок к Конституции — довольно сложный процесс. В частности, насколько я помню, белорусский парламент должен дважды в течение полугода одобрить эти поправки, с тем чтобы они не носили конъюнктурного характера. Технология принятия поправок к российской Конституции предполагает, как вы помните, одобрение их квалифицированным большинством обеих палат парламента и ратификацию как минимум двумя третями субъектов Федерации. Эта технология позволяет, во-первых, использовать институты представительной власти и, во-вторых, применять довольно сложную технологию одобрения Устава по схеме поправок к Конституции. Принятие этих документов по такой схеме позволяет проводить содержательное обсуждение и поднять на очень высокий уровень международно-правовой статус этого документа.

Если такой статьи в тексте Устава не появится, то сохранится противоречие не между Уставом и прошлогодним Договором, а между технологией введения Устава в действие через непонятное всенародное обсуждение с последующей ратификацией парламентами и подписанием закона о ратификации двумя президентами и той технологией развития Союза, которая предусмотрена в прошлогоднем Договоре.

Есть и другие проблемы, которые требуют обсуждения, самого пристального внимания, в том числе Государственной Думы. Речь, в частности, идет о более продвинутых формулировках по экономической части Договора. Я неоднократно выступал на эту тему, и мне приятно видеть, что в проекте Договора, подготовленном фракцией "ЯБЛОКО", эти же идеи нашли отражение.

Мне кажется, что уже сейчас нужно четко зафиксировать положения о том, какой будет единая валютная и денежная система, в частности что она будет базироваться на российском рубле и что единый эмиссионный центр не будет создаваться заново как наднациональный орган, а его функции будет выполнять Центральный банк России, либо если будет создаваться федеральная резервная система, то механизм принятия решений в ней может быть построен по удельному весу международных валютных резервов, чистых резервов и так далее.

В равной степени это касается и других финансовых, экономических механизмов. Я не думаю, что формула принятия решений — одна страна один голос — по всем вопросам эффективна. Хотя по таким вопросам, как трансформация Союза в Конфедерацию или Федерацию, безусловно, консенсус необходим. Но по вопросам финансово-экономической и бюджетной, торгово-таможенной политики и подобным вопросам такой механизм неэффективен, поскольку решения по вопросу приниматься не будут. Трудно будет найти консенсус между государствами, у которых разные структуры экономики, разная продвинутость на пути к рынку, где разная степень монополизации экономики, децентрализации принятия решений и так далее. Поэтому здесь нужно идти открыто на схемы, при которых решения принимаются с учетом интересов каждого государства, но в то же время и с учетом экономического веса каждого из членов Союза в объединенной финансово-экономической системе.

Кстати, такого рода идеи не новы для дискуссий в рамках СНГ. Я хорошо помню эти дискуссии в 1994 году, когда нам удалось в Договор об экономическом союзе вписать несколько принципов голосования: единогласие — по вопросам расширения экономического союза, простое большинство — по процедурным вопросам и квалифицированное большинство с учетом экономического веса — по вопросам, затрагивающим бюджет, финансы и так далее.

Ничего страшного не будет, если мы воспроизведем формулы 1994 года в новом — как мы считаем, более продвинутом в направлении интеграции — Договоре. Хотелось бы, конечно, четче видеть и цели создания Союза в области прав

человека. Много говорится о новых возможностях, которые даются гражданам России и Беларуси в связи с приобретением гражданства Союза. В частности, речь идет и о трудоустройстве, и о проживании, и о защите на территории третьих стран, и так далее. Но можно было бы четче прописать вопросы, связанные с защитой прав и свобод человека, и о едином подходе к этим правам и свободам.

В этой связи, видимо, неправильно говорить о том, что нас, россиян, не должны интересовать проблемы прав человека в Беларуси. В равной степени белорусов должны волновать проблемы, скажем, социально-экономических прав гражданина в России. Коль скоро мы идем к продвинутому союзу, эти вопросы не могут провозглашаться внутренним делом каждого из государств — иначе мы будем отставать от тех реальных возможностей, от существующего потенциала интеграции и объединения во всех областях.

В этой связи за предстоящий месяц предстоит довольно активно, видимо, обсуждать этот документ — Устав всем тем политикам, которые заинтересованы в продвижении Договора, в превращении его в реально работающий документ, продвигающий нас по пути интеграции. В противном случае этот документ может постигнуть та же участь, которая постигла Договор от 2 апреля 1996 года. Прожив год в Сообществе России и Беларуси, мы не заметили этого обстоятельства, и понадобился новый документ, чтобы реанимировать интеграционистские настроения. Не хотелось бы, чтобы раз в год, 2 апреля, мы принимали очередной документ, свидетельствующий о наших намерениях идти к интеграции, но не продвигающих нас на этом пути.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо, Александр Николаевич. Пожалуйста, ваши вопросы.
РАДИО "СВОБОДА".

Александр Николаевич, вы сказали, что, прожив год в Сообществе с Беларусью, мы не заметили этого. Мы заметили это, в частности исчезли миллиарды, триллионы, наверное, рублей на таможенных границах. Вам не кажется, что до сих пор интеграция с Беларусью приносила экономические минусы, а не плюсы?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что минусы приносит неопределенность схемы интеграции, неподвижность договоренностей по широкому кругу вопросов. Когда мы заявляем о готовности жить в таможенном союзе и бульдозером срываем пограничные и таможенные столбы, а в итоге граница оказывается открытой — открытой и потому, что через Беларусь идет, например, контрабандный ввоз алкоголя в Россию, в том числе из-за того, что внешняя граница двустороннего таможенного союза отсутствует, отсутствует экономическая граница между Беларусью и Украиной, Беларусью и Прибалтикой и так далее. Беларусь превращается в своеобразный пылесос, который, втягивая в себя, затем перекачивает в Россию, в частности, спиртное, которое, проходя мимо бюджета, ведет к потерям ежемесячно триллионов рублей. Даже приблизительные расчеты показывают, что это тот ресурс, которого не хватает для выплаты пенсий и зарплаты. Поэтому я против таких, скажем, не обязательных документов, которые позволят, в частности, белорусскому руководству на их основе выплачивать реструктуризацию долга либо откроют какие-то ниши для контрабандного ввоза через территорию Беларуси тех или иных подакцизных товаров. Здесь нужно идти, на мой взгляд, на жестко прописанные формулы взаимовыгодного взаимодействия. Идти надо достаточно далеко, чтобы имелась возможность осуществлять контроль на едином экономическом пространстве и не допускать появления тех дыр, которые засасывают часть российского бюджета или высасывают из него деньги.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, я бы хотел получить у вас комментарий. По признанию руководителей НАТО, уважение к России в мире было связано с тем, что Россия обладала большой силой, а сильного уважают. Создание военного союза между Россией и Беларусью создает ли баланс в Европе, с точки зрения военного паритета. Второй вопрос — хотел бы спросить о намерениях правительства по урегулированию тарифов в монополиях по железнодорожному транспорту, электроэнергетике, газу.

И третий маленький вопрос. Да, вы наверняка заметили на экранах телевизора выступление Немцова о том, что если какие-то думские документы не будут вписываться в их концепцию, то они с Виктором Степановичем положат их в одно место. Как вы думаете, это они берут инициативу законодательную на себя, или, так сказать, вы будете в рамках их инициатив действовать по законодательной части? Спасибо.

ШОХИН А.Н. По первому вопросу считаю, что где-то к середине лета, к июню, ко времени Мадридского саммита НАТО должна быть четко прорисована схема, базирующаяся на укреплении общеевропейской безопасности. Я думаю, что и решение о расширении НАТО, и создание Союза России и Беларуси не должны приводить к появлению разделительных линий.

Я очень сильно надеюсь, что к моменту, когда будет подписан Договор между Россией и НАТО, озабоченности России будут учтены. Среди этих озабоченностей, безусловно, находится твердое, законодательно оформленное признание того, что военная инфраструктура НАТО не будет приближаться к российским границам непосредственно. Здесь много конкретных аспектов.

В частности, речь идет о четких и твердых гарантиях неразмещения ядерного оружия на территории новых членов. Эта гарантия вроде бы обещана, но ее нужно зафиксировать. Речь идет также о несоздании военных баз, способных принимать ядерное оружие и тяжелое вооружение на территории стран — новых членов. И целый ряд других озабоченностей должен найти отражение в этом Договоре, и тогда мы четко увидим, что НАТО действительно не угрожает России, ее национальным интересам и интересам национальной безопасности. Я думаю, что могли бы быть продемонстрированы и другие жесты доброй воли, которые показывали бы России, что она не отторгается от Европы, а втягивается в общеевропейское, в том числе и военно-техническое, сотрудничество.

Я могу предложить одну из возможных схем. В частности, если искренен был президент Клинтон, когда в Хельсинки намекал о возможности вступления России в НАТО в будущем, то я считаю, что российским политикам можно было бы зацепиться за этот намек и на первом этапе предложить использовать российские вооружение и военную технику для модернизации натовских армий, в частности, в странах Центральной и Восточной Европы. База для этого есть. Вы знаете, что в германском бундесвере две эскадрильи "МИГов". Со времен Варшавского договора на вооружении этих стран находится много современного российского оружия, не только "МИГи". Поэтому схема довооружения, перевооружения этих стран на базе российского оружия демонстрировала бы готовность НАТО рассматривать Россию в качестве союзника и потенциального члена НАТО.

До сих пор в НАТО нет концепции единой схемы вооружений: в военно-воздушных силах — до пяти видов истребителей, в противоракетной обороне — тоже несколько систем. Единых систем вооружений ни в одном виде вооруженных сил нет. Вы знаете, что полное перевооружение стран—новых членов, по оценкам корпорации РЭНД, обойдется где-то в 140 миллиардов долларов. По оценкам польских специалистов, полное перевооружение польской армии — около 80 миллиардов долларов.

Если исходить из схемы довооружения новых членов, даже трех, предполагается поставить им до 150 новейших истребителей. Эта конструкция явно будет отражать некую агрессивную схему продвижения НАТО на восток. Но если использовать мягкую схему перевооружения армий новых членов, то, думаю, в основу ее могло бы быть положено использование российских вооружений. Это дало бы финансовый результат для нас и было бы демонстрацией того, что Россия не рассматривается как противник и оставляется право присутствия на рынках вооружений в странах Центральной и Восточной Европы. Пока что мы имеем прямо противоположную картину. Вы знаете, что нас "выпихнули" из Болгарии с нашими "МИГаами", и это лишь первый симптом того, что новым членам НАТО не будет велено закупать у нас новое оружие, даже если речь идет о конверсионных схемах возврата долгов, которые унаследовала Россия от Советского Союза этим странам, экспортными поставками, поставками вооружений.

Так что здесь много возможных технологий учета взаимных интересов. Я думаю, что самое главное, чтобы действительно не появлялись новые разделительные линии и страны, которые не пойдут по схеме полного довооружения, превращения в форпост НАТО на востоке как некая "серая зона", которая угрожает нынешним членам НАТО (если под "серой зоной", которая ассоциируется многими натовскими политиками с источником опасности, подразумевается безъядерная зона, то это, в общем-то, трактовка опасная).

Кстати, сам факт готовности модернизировать соглашение по обычным вооружениям в Европе, а тем самым дать возможность довооружиться и России я рассматриваю как очень опасный симптом. С одной стороны, это как бы учет озабоченности России - новая конфигурация и расстановка сил в Европе должны

привести к снятию некоторых ограничений, которые существуют по действующему договору, но, с другой стороны, коль скоро дается право России изменить и понятие фланговых ограничений, довооружиться по целому ряду обычных вооружений, это следует рассматривать как признание того, что блок НАТО, расширяясь, будет противостоять России.

Боюсь, я увлекся натовской темой и забыл вопросы, связанные с экономикой.

Если говорить о тарифной политике в области естественных монополий, то, во-первых, должен сказать, что это традиционное направление деятельности правительства. Существует несколько лет Федеральная энергетическая комиссия, основная задача которой — контролировать тарифы на электроэнергию в регионах России. Я был председателем этой комиссии. Основная задача состояла в том, чтобы не допустить включения в тарифы непроизводительных затрат, не допустить отнесения на инвестиции тех расходов, которые не связаны собственно с производством и перетоком электроэнергии, с тем чтобы превратить тарифы на электроэнергию в главный источник инфляции.

В свое время (в 1994 году) мы несколько раз квартальные тарифы устанавливали, принимали волонтаристские, я бы сказал, решения, что тарифы не повышаются. Но когда ослабевало давление на естественные монополии, им удавалось доказать, что надо инвестиционный потенциал увеличивать и так далее. То есть это постоянная работа, и я думаю, что одна из главных и очевидных задач правительства, властей и Государственной Думы в равной степени состоит в том, чтобы наладить общественный и государственный контроль за тарифами в естественных монополиях, будь то добыча и транспортировка газа, производство и перетоки электроэнергии или перевозка грузов на железных дорогах.

Естественные монополии — потому и естественные, что их невозможно разрушить и не надо разрушать. Но к этим естественным монополиям неестественным образом присосалось очень много видов деятельности, организаций, затрат и так далее, которые увеличивают, существенным образом увеличивают ценовую компоненту на отпускаемую ими продукцию, тарифы на оказываемые ими услуги и превращают эти монополии в генератор инфляции.

Механизм контроля, безусловно, должен быть налажен. Надо ли при этом делить монополии? В части отделения "немонопольных" функций, не связанных с главной функцией естественных монополий, безусловно, это нужно делать. Ведь огромная социальная инфраструктура сидит на естественных монополиях. Мы видим, что, несмотря на неплатежи, например, "Газпрому" в размере почти 70 триллионов рублей, тем не менее он не умирает. Не умирает потому, что, будучи одним из самых сильных российских предприятий и самых сильных мировых компаний, имеет возможность под залог своих ликвидных активов размещать облигационные корпоративные займы, привлекать кредиты.

Вот конкретный пример. 70 триллионов рублей должны "Газпрому" — это около 11 миллиардов долларов — и столько же "Газпром" заимствует на международных финансовых рынках, чтобы проинвестировать строительство второй очереди газопровода "Ямал — Западная Европа". То есть он, конечно, выкручивается, но если бы платежи своевременно осуществлялись, то мог бы за счет собственной прибыли, за счет внутренних источников профинансировать огромные инвестиционные проекты.

"Ямал — Западная Европа" — это один из примеров, а более существенными для России являются инвестиции в местные газораспределительные сети, обеспечение газоснабжения малых городов, сельских населенных пунктов и так далее.

Парадоксально, но факт, что Россия, обладающая огромными запасами газа, тем не менее не может провести его в каждый населенный пункт. Поэтому те 7—10 триллионов рублей долгов "Газпрома" перед бюджетом на фоне 70 триллионов рублей долгов "Газпрому" — это, с одной стороны, свидетельство того, что, может быть, и тарифы завышены, и того, что платежный кризис действительно разъедает нашу экономику, потребители не оплачивают свою продукцию и услуги, но в то же время это должно стимулировать поиск новых финансовых инструментов. И кстати, именно поэтому очень опасно принимать резкие движения по расчленению монополий.

Дело в том, что все монополии — РАО "ЕЭС России" и "Газпром" — котируют свои бумаги на Лондонской, Нью-Йоркской биржах, разместили корпоративные ценные бумаги или конвертируемые облигации. И если в результате непродуманных решений начнут резко падать котировки этих бумаг (можно посмотреть на примере

каких-нибудь частных компаний, "Мосэнерго" например), если откажутся западные компании и международные признанные аудиторы, юридические консультанты работать с этими естественными монополиями, то это свидетельство того, что мы что-то здесь не все просчитали, а где-то и просчитались.

Я бы это обстоятельство все время имел в виду и не допускал падения котировок. Вот здесь индикатор должен быть. Если котировки будут резко идти вниз — значит, мы что-то неправильно делаем. Если мы заявим политику жесткого контроля за тарифами, если заявим политику отсоединения от этих естественных монополий некоторых несвойственных им функций и организаций — это нормальное явление, и нужно быстро вводить все эти механизмы в действие.;

ВЕДУЩИЙ.

И не полагат ли Черномырдин с Немцовым ваши соображения под сукно?

ШОХИН А.Н. В одно место? В отличие от Бориса Ефимовича, высказывание Виктора Степановича было менее двусмысленным. Когда он в августе утверждался в должности премьера, по-моему, и сказал, что все предложения ваши мы соберем и положим "в одно место", он имел в виду под этим местом (хотя тогда многие депутаты поняли иначе) Белый дом. И действительно, на многие предложения депутатов были даны письменные ответы, а значит, что место не такое уж плохое. Борис Ефимович, может быть, под этим "одним местом" имел в виду либо долгий ящик, либо другое техническое устройство, положив в которое бумаги вы их больше не увидите.

Я думаю, что это не совсем правильная технология взаимоотношения правительства и Государственной Думы. Государственная Дума, действительно, принимает очень много неисполнимых законов, не подкреплённых бюджетными возможностями, финансовыми возможностями в текущем году или даже в последующие годы. Классический пример: сегодня на Совете Государственной Думы мы обсуждали внесение в повестку дня двух очень важных принципиальных законов — об исполнительном производстве и о судебных приставах. Без системы исполнения законов никакие самые хорошие законы работать не будут, и контракты не будут защищаться, и предприниматели, и граждане тоже не будут чувствовать защиту закона. Но это законы дорогостоящие, потому что нужно создавать своего рода судебную полицию, чтобы судебным исполнителем была не девушка — абитуриентка юридического вуза, не хочу сказать, люди в масках и с автоматами, но солидные люди. И у них должны быть достаточные ресурсы, чтобы принудить и крупные банки, и компании, и отдельных граждан исполнять решение судов.

Но до сих пор, хотя закон два года обсуждается в Думе — еще в прошлой Думе обсуждался, — нет заключения правительства на финансово-экономическое обоснование этого закона. Если он будет принят без такого обоснования, либо его не подпишет президент в связи с нарушением конституционной процедуры (хотя президент заявил в президентском послании эти законы как одни из самых приоритетных), либо под него не будет бюджетных средств. Это, может быть, самый яркий пример, потому что законы действительно очень важные.

А принимается очень много, действительно, популистских законов, которые при отрицательном заключении правительства тем не менее принимаются через преодоление вето президента, принимаются, что подрывает доверие вообще к законодательству, да и законодателю ясно, что правительство не может их исполнять. Как может правительство исполнять, скажем, принятые Государственной Думой законы, которые превышают утверждённый бюджет на 135—140 триллионов рублей? И отсюда возникает элемент конфронтации. Коль скоро существуют противоречия в законодательстве, масса неисполняемых законов, то изначально уже позиция такая формируется, что правительство не обязано исполнять все законы, поскольку они противоречат друг другу. В этой связи одна из главных нагрузок ложится, безусловно, на законодателя, на Государственную Думу. Нам нужно самим найти те фильтры, которые не позволят выпускать законы, противоречащие Конституции, противоречащие базовым законам, таким, как Гражданский кодекс, например, и которые не будут подкреплены бюджетными, финансовыми возможностями. Технология здесь известна — надо лишь ее использовать неукоснительно.

Что касается правительства — может ли оно все инициативы Государственной Думы складывать в одно место? Если законы будут противоречивы и неисполнимы, то возможность такая появляется, но надо иметь в виду одно обстоятельство: у нас

уже достаточно развитая судебная система, и граждане или юридические лица могут обращаться в суд и добиваться принятия решений в свою пользу, даже если эти законы противоречивы. В частности, уже много случаев, когда отдельные граждане выигрывали у государства по закону, скажем, о ветеранах, который не исполняется и не финансируется, по другим законам. Есть закон — суд принимает решение. И безусловно, безакцептное списание с бюджетных счетов идет.

Неисполнение законов не может быть базовой схемой работы правительства — надо вступать в диалог, и президенту, и правительству активнее вносить законы. Кстати, у правительства не так много инициатив по сравнению с инициативами депутатов — в десяток раз меньше. Видимо, нужно менять это соотношение и правительству в основном инициировать законодательные акты.

ПРОГРАММА "ВРЕМЯ".

Александр Николаевич, у меня вопрос по поводу всенародного обсуждения. Как известно, оно началось. Хотелось бы знать, кто с кем и что обсуждает? Допустим, я, россиянин, который живет где-то, допустим, в Воронеже. Читаю я аргументы, опубликованные в "Российских вестях". Что я делаю потом? Вот у меня возникает несколько вопросов. Кому я их задаю? И какова вообще моя роль как человека, который это якобы обсуждает? В частности, например, у меня возникли вопросы о том, что это будет за единая валюта, будет ли это рубль, будет ли это гривна или это будет что-то третье? Или, например, такой вопрос у меня возник, что такое Высший суд Союза и что он будет делать? Потом у меня возник ряд вопросов по бюджету, собственности Союза, как она будет формироваться?

То есть у меня возникли частные вопросы, ответы на которые мне очень бы хотелось узнать, прежде чем я скажу "да" или "нет" этому документу как рядовой гражданин. Так вот, с кем я все-таки это обсуждаю, кто меня вообще слушает и насколько я влияю на текст окончательного документа?

ШОХИН А.Н. В меморандуме о взаимопонимании достаточно четко прописано, что выслушивает всех специально созданная комиссия.

Комиссия сделает вывод о том, какие замечания и предложения учесть, а какие отвергнуть по причине того, что мало народа высказалось в поддержку тех или иных изменений, либо в силу того, что поступило в ее распоряжение больше предложений сохранить все в неизменном виде, и так далее.

Я считаю, что эта "совковость" — то есть использование советской, капээсэсовской технологии — вещь достаточно неприятная, поскольку законодательство не предполагает никакой формулы всенародного обсуждения, кроме референдума.

Другой формулы нет, и, стало быть, либо мы должны идти на референдум, либо предлагать в самом Уставе формулу, технологию принятия этого Устава. В частности, таковой могла бы быть формула, которую я предлагаю: принятие Устава по схеме, предусмотренной национальным законодательством для поправок к Конституции.

Хотя поправки к Конституции всенародно не обсуждаются, но сам факт, что в их обсуждении принимают участие и законодательные собрания как минимум двух третей регионов, позволяет людям через механизмы представительной власти донести через своих депутатов свои соображения и по крайней мере задать вопросы. Конечно, эта процедура достаточно долгая, многомесячная, в лучшем случае ее можно до конца 1997 года лишь реализовать. Но нынешняя процедура, на мой взгляд, намного хуже. Она не предполагала, что 2-го числа, утром, президенты подписывают документы, в обед четыре палаты двух парламентов по очереди ратифицируют, а к вечеру, перед банкетом, президенты подписывают закон о ратификации этих документов, обмениваются ратификационными грамотами и на следующий день мы живем в Союзе.

Я увидел эту схему одним из первых, поскольку мне принесли график, я исполнял обязанности Председателя Государственной Думы — там все было расписано: в 11.00 — палата представителей белорусского парламента ратифицирует договор; параллельно в другом зале Государственная Дума делает то же самое; потом нижние палаты идут на обед, верхние палаты начинают заседать и ратифицировать. В графике было расписано по часам, и тогда я только узнал о том, что 2-го числа намечается судьбоносное решение. Я отказался утвердить этот график, хотя там речь шла лишь о предоставлении помещений для работы палат и протокольных мероприятий. Попросил убрать все слова, в которых говорилось о том, что будут

делать палаты, поскольку заранее предугадывать и предопределять режим ратификации, подписания не следовало бы.

Кстати, многие политические оппоненты власти, например тот же Сергей Бабурин, на мой взгляд, предлагали правильную схему, а именно: 2-го числа принять некую декларацию об этапах, механизме объединения и работать по этой схеме в течение 1997 года.

Так что не могу я на ваши вопросы ответить. Приходите ко мне, если у вас эти вопросы возникнут, а я их попытаюсь донести до комиссии, которая заменяет законодательные процедуры. ВОПРОС.

Александр Николаевич, будьте любезны, скажите, пожалуйста, что вы думаете по поводу законотворческой и лоббистской работы Торгово-промышленной палаты Российской Федерации в Госдуме. И второй вопрос: Налоговый кодекс, на ваш взгляд, будет принят в Госдуме до наступления парламентских каникул? ШОХИН А.Н. По поводу лоббистской деятельности тех или иных организаций я отвечать не буду. Лоббизм — это понятие, которое официально отсутствует в российском законодательстве, что не мешает, естественно, ведомствам, министерствам через своих депутатов вносить законы, которые не проходят через официальное утверждение на заседаниях правительства или пораньше вносятся в Думу. По закону общественным или профессиональным группировкам или организациям вносить те или иные законы напрямую нельзя. Пока поэтому они просто вынуждены лоббировать свои интересы через субъектов права законодательной инициативы.

Мы не можем отделить инициативу депутатов от лоббистской деятельности тех или иных организаций, хотя она заметна и часто мы даже ее легализуем, допуская общественных экспертов, либо представителей гильдии адвокатов, либо представителей профсоюзов.

Вот, например, завтра выступает у нас в Государственной Думе председатель ФНПР М. Шмаков с информацией об акции протеста 27 марта. И возникла дискуссия на Совете Думы: а что мы, собственно, обсуждаем? Информацию? Проект постановления? Или это будет профессиональный разговор, на основе которого депутаты попытаются просуммировать требования трудящихся и учесть их в законодательной работе? Либо это будут политические митинговые выступления представителей фракций под лозунгом "Долой правительство!" Хотя никто так и не понял, что это будет, ясно, что речь идет о политическом лоббизме. Поэтому останавливаться на роли ТПП мне сложно, поскольку надо провести анализ всех лоббистских технологий.

Что касается второго вашего вопроса о Налоговом кодексе, будет ли он принят до депутатских каникул или нет, то могу твердо сказать, не будет он принят до каникул. И не только потому, что мы уйдем на каникулы с июля, а не в конце мая, как об этом упоминал Борис Николаевич, но и потому, что у нас нет официально внесенного Налогового кодекса, его общая часть была внесена в апреле прошлого года, год она лежит в Государственной Думе, выносится на пленарное обсуждение в связи с решением двух палат парламента обсуждать все части Налогового кодекса одновременно.

Дело в том, что общая часть формулирует принципы, а в специальных частях — конкретные уровни ставок налогов, и депутаты решили, что общая идеология должна быть проверена на конкретных цифрах, ставках, долях различных уровней власти в некоторых налогах и так далее. Если 30 апреля, как велел президент, правительство внесет Налоговый кодекс в Государственную Думу, то его ждет довольно тяжелое напряженное обсуждение. Ведь не сам по себе документ под названием "Налоговый кодекс" является панацеей от всех бед, а те конкретные налоговые технологии, которые в нем заложены. Идеи благие, с ними все согласны. Депутаты согласны, например, с тем, что нужно сделать налоговую систему более простой; согласны с тем, что количество налогов необходимо снижать в пять, шесть, семь раз. Ведь в отдельных регионах многие предприятия платят 150—160 видов налогов. Ясно, что это чрезмерно запутанная налоговая система, запутанная для налогоплательщика, запутанная для налоговых органов, и, если учесть, что за счет семи налогов поступает до 90 процентов доходов бюджета, ясно, что все остальные носят даже не вспомогательный характер, а именно запутывающий.

Второе направление, с которым в общем виде все согласны, а именно: отмена льгот. Сделать налоговую систему универсальной, распространить налоговое бремя равномерно, социально справедливо на все сектора и все группы населения — это

тоже задача, которую должен решать Налоговый кодекс. Но когда дело дойдет до конкретных льгот и привилегий отраслям, социальным группам и так далее, здесь начнется довольно напряженная борьба. Она уже имела место в прошлом году при обсуждении бюджета. Правительство предложило отменить целый ряд льгот. Дума восстановила некоторые из них, и в результате — вы знаете прекрасно, — поскольку базовые характеристики бюджета остались теми же, а целый ряд налоговых льгот, подлежащих отмене, был сохранен, мы получили то, что получили, дутые на десятки триллионов рублей доходы бюджета, которые сейчас приводят к неисполнению бюджета. Это, конечно, не единственная причина, но одна из существенных.

Снижение налогового бремени, безусловно, — это вещь, о которой нужно думать уже в этом Налоговом кодексе. И многих депутатов, видимо, не устроит та половинчатость реализации этой идеи, которая закладывается правительством в Налоговый кодекс. Нужно идти, видимо, на серьезное снижение налоговых ставок, поскольку в условиях, когда устойчиво не собирается более половины налогов, уповать на высокие ставки налоговых отчислений — это просто бессмысленно. Нужно решиться на то, чтобы, снизив налоговые ставки и ужесточив дисциплину сбора налогов, добиться повышения собираемости налогов и, самое главное, добиться повышения коэффициента легализации экономики.

На примере непоступления налогов мы видим, что более половины экономики находится в тени. В тень она уходит не потому, как иногда считают, что мафиозность высокая и занимаются криминальной деятельностью у нас больше, чем в других странах. Скажем, бартер — что это такое? В стране сейчас до 80 процентов платежных расчетов осуществляется по бартерной схеме — это и есть теневая экономика. Почему? Потому, что бартер позволяет завышать цены, занижать качество, позволяет не платить налоги и вообще укрывать производство от регистрации и контроля. Поэтому, мне кажется, что можно и нужно снижать налоговое бремя, одновременно ужесточать требования к неплательщикам налогов. Причем это ужесточение требований не должно идти по пути повышения штрафов и пени. Вы знаете прекрасно, что сейчас многие неплательщики вынуждены платить штрафы, которые раз в шесть превышают сумму неуплаченного налога. В этих условиях у многих руки просто опускаются, они перестают платить вообще, поскольку, заплатив такие суммы штрафов, любое предприятие просто должно остановиться по определению. Стало быть, объем штрафов должен быть ниже, но неотвратимость наказания — выше. И может быть, технология использования наказаний, предусмотренных в Уголовном кодексе, здесь подействует. Не все предприятие должно страдать, а те руководители, по вине которых укрываются ликвидные активы или другие средства.

Так что здесь проблем довольно много, и не потому, что Дума не хочет быстро принять Налоговый кодекс, а потому, что это довольно сложный процесс обсуждения всех частей Налогового кодекса. И я бы предложил здесь другую схему, многие депутаты к ней склоняются, а именно: схему принятия в чрезвычайном режиме нескольких налоговых законов или внесения поправок в действующие законы, с которыми согласны многие депутаты Думы. Их можно было бы принять в этом чрезвычайном режиме, чтобы они вступили в действие даже не с 1 января 1998 года, а с 1 июля 1997 года.

Ведь при нынешней налоговой системе мы бюджет не выправим. Бюджетный кризис, с которым сейчас мы имеем дело, уже ставит вопрос о внесении нового бюджета — даже не о секвестре незащищенных статей расходов бюджета, а о новом бюджете. По признанию руководителей Минфина, к концу года ситуация не будет выправлена. Стало быть, нужно принимать чрезвычайные меры, в том числе в налоговой области, чтобы стабилизировать ситуацию со сбором налогов.

Что здесь можно было бы предложить? Прежде всего перенесение центра тяжести на косвенные налоги. Плохо собираются прямые налоги, механизм заполнения и контроля за заполненными декларациями слаб, несмотря на то что многие видные государственные деятели стали заполнять декларации. Но тем не менее, несмотря на улучшение в этой области, резервы еще, видимо, очень большие. Поэтому, если сейчас в чрезвычайном режиме увеличить долю косвенных налогов — акцизы, пошлины, НДС и так далее — при снижении, существенном снижении прямых налогов, которые плохо собираются, мы могли бы улучшить ситуацию, улучшить контроль.

Нужны чрезвычайные льготы, которые лежат в русле социальных реформ. Вот, в частности, стоит проблема перехода к накопительной системе в пенсионной области. Ведь, если каждый работник, тем более вновь вступающий в производство работник, будет получать свою пенсию за счет индивидуального пенсионного фонда, который он накапливает в течение всей своей трудовой жизни, он будет подталкивать своих работодателей к тому, чтобы они фиксировали все суммы, которые он заработал, чтобы они фиксировали те отчисления, которые он производит, и так далее. То есть мы можем за счет таких стратегических изменений, вводимых уже сейчас, подталкивать экономику к большей легализации. И этим будут заниматься не правоохранительные органы — этим будут заниматься работники, которые своих работодателей будут заставлять легализовывать свою экономику и показывать все результаты хозяйственной деятельности.

То есть я за то, чтобы, обсуждая в ускоренном режиме Налоговый кодекс, вытащить из него самые существенные статьи и принять их в виде отдельных законов. Тогда мы превращаем 1998 год в переходный. В полном объеме, наверное, Налоговый кодекс не будет введен с 1 января, но у нас появляется возможность сделать 1998 год переходным годом с идеальной налоговой системой, все-таки получить реальные приращения — и с точки зрения послабления налогового бремени, и с точки зрения формирования доходной базы бюджета.

РАДИОКОМПАНИЯ "ГОЛОС РОССИИ".

Проект Устава уже опубликован, можно считать, что началось всенародное обсуждение, однако механизм этого обсуждения остается несколько неясным.

В этом контексте, как вы относитесь к идее, высказанной Е. Строевым: провести голосование законодательных собраний в субъектах Федерации? Это первый вопрос. А второй вопрос: как вы расцениваете нынешнее состояние дел с Договором СНВ-2 и перспективы его ратификации?

ШОХИН А.Н. Идея, высказанная председателем верхней палаты Федерального Собрания Егором Строевым, в принципе находится в русле тех предложений, которые делаются мной. Я предложил проводить обсуждение Устава по схеме, предусмотренной для принятия поправок к Конституции. Эта схема предполагает принятие квалифицированным числом голосов в двух палатах российского парламента и обсуждение, ратификацию и принятие соответствующих нормативных актов, законов или постановлений как минимум двумя третями субъектов Российской Федерации.

Если эта схема будет предложена, появится законным образом оформленная технология корректировки Устава. В частности, будут собраны предложения субъектов Федерации, они могут быть еще раз проголосованы в Государственной Думе, в Совете Федерации, мне кажется, это уже близко к тому, что требуется.

И по крайней мере нужно срочно принимать какой-то законодательный акт по российским законам, в соответствии с которым мы могли бы проводить это обсуждение. Может быть, достаточно федерального конституционного закона. Хотя напомним, что закон о технологии поправок к Конституции, о принятии поправок — это у нас обычный федеральный закон, который Дума уже один раз принимала и Совет Федерации принимал, но он был ветирован президентом из-за недостаточного учета позиции субъектов Российской Федерации. Так что, может быть, хватит и обычного федерального закона. Принять его можно было бы быстро, сразу в трех чтениях, если хорошо подготовить, и тогда бы наша совесть как политиков была бы чиста. Мы максимально сделали бы эту процедуру профессиональной и работоспособной и создали бы возможность для того, чтобы люди могли включиться по крайней мере через своих избранных-депутатов в этот процесс.

По второму вопросу — судьба СНВ-2. По признанию многих специалистов - думских в том числе, — Договор СНВ-2 является выгодным для России, поскольку Россия по финансовым, в частности, ограничениям не в состоянии поддерживать уровень боеспособности в размере, превышающем, скажем, 3000 стратегических боеголовок. Ратификация СНВ-2 явно снижает эти пороги, но одновременно делая эффективным этот новый уровень стратегической обороны. Это было бы в наших интересах. Но перспективы ратификации в этом году, прямо скажу, очень неважные.

Дело в том, что существуют убеждения в Государственной Думе о пакетности, о связанности ратификации Договора СНВ-2 и вопроса расширения НАТО на восток. Если расширение НАТО на восток состоится по схеме, не учитывающей

озабоченности России, то, безусловно, СНВ-2 не будет ратифицирован по крайней мере в ближайшее время.

Но кроме того, вы знаете, что есть ряд увязок между системой ПРО и СНВ. Это отдельный вопрос, но по нему как будто получаются некоторые компромиссные решения. Так что, несмотря на интерес к этому договору и на интерес к разработке Договора СНВ-3, к СНВ-3 мы не приступим, пока не ратифицируем СНВ-2, а СНВ-2 не ратифицируем, если НАТО будет расширяться без учета наших условий.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо. Пожалуйста, последний вопрос.

АГЕНТСТВО РЕЙТЕР.

Вы сказали, что секвестр не будет, скорее всего, Думой принят. Вы можете немножко уточнить, что вы имели в виду?

ШОХИН А.Н. Я говорил о неформальной стороне вопроса. Конечно, правительство обязано представить Закон о секвестре расходов, поскольку это требуется по Закону о федеральном бюджете. В Законе о федеральном бюджете есть статья, в соответствии с которой в случае, если сбор налогов будет ниже 90 процентов от запланированного уровня, правительство обязано внести Закон о секвестировании расходов. Но поскольку сбор налогов ниже 60 процентов и защищенных статей в бюджете 1997 года гораздо больше, чем в бюджете 1996 года, это означает, что незащищенные статьи бюджета, будучи секвестированными и подогнанными под фактическую собираемость доходов и под необходимость 100-процентного финансирования защищенных статей, должны быть сокращены раз в пять.

Что такое сокращение финансирования, даже незащищенных статей, скажем, до 20—25 процентов? Это по существу новый бюджет, потому что просто сократить финансирование очень трудно, нужно искать какие-то принципиально иные технологии, какие-то статьи вообще придется не финансировать, чтобы профинансировать на уровне 40—50 процентов те статьи, которые, не являясь защищенными, тем не менее являются существенными для поддержания жизнеспособности социальных отраслей, например, или населения. Поэтому я и говорю, что по существу это будет новый бюджет, хотя он будет приниматься по схеме секвестра. И здесь, безусловно, принципиальным будет вопрос, который поставят многие депутаты: а может быть, подпечатать денег все-таки, подтянуть доходную часть до уровня зафиксированных в бюджете расходов, по крайней мере самых неотложных, и эмиссионным способом профинансировать выплаты пенсий, зарплат и другие самые неотложные вопросы, а это в свою очередь позволит секвестрировать более мягко? Тут дискуссия, безусловно, будет, и для правительства важно найти такую схему секвестирования, которая не вызовет желания у депутатов пролоббировать именно эмиссионный вариант.

И здесь, я еще раз вернусь к теме налогов, очень важно предложить в пакете с мерами по секвестированию меры по мобилизации доходов, в том числе за счет изменения налоговой системы, увеличения доли косвенных налогов, сокращения налогового бремени по прямым налогам, плохо собираемым, и так далее. Вот если такого рода пакет будет, есть, по-моему, шанс неэмиссионными способами скорректировать бюджет. Если же будут меры просто по сокращению расходной части, то предстоит очень трудная разборка, если можно так сказать, в Государственной Думе. И не исключено, хотя коммунисты еще не определились до конца, что в ходе этой дискуссии возникнет идея вынесения вотума недоверия правительству.

ВЕДУЩИЙ. Уважаемые коллеги, позвольте поблагодарить Александра Николаевича за очень компетентные и содержательные ответы и пожелать ему успехов в реализации тех весьма интересных проектов, которые он сегодня обозначил.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТЕЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 14 МАЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья! Сегодняшняя тема пресс-конференции связана с выпуском моей книги "Взаимодействие властей в законодательном процессе". Книга посвящена работе Государственной Думы и ее взаимоотношениям с другими участниками законодательного процесса —, Советом Федерации, президентом, правительством, субъектами Федерации. Эта книга не носит скандально-мемуарный характер. В ней практически нет упоминаний фамилий, кроме подразумеваемых под должностями президент, премьер и так далее. И посвящена она, в общем-то, технологическим вопросам, связанным с необходимостью повышения эффективности законодательной деятельности палаты.

Когда она вышла, а вышла из типографии книга месяц назад, оказалось, что она очень актуальна, поскольку именно в это время разгорелись жаркие споры об эффективности работы Государственной Думы. Были критические высказывания в адрес Думы о том, что она работает с очень низким КПД, подсчитывались проценты, связанные с такими результатами, как выпуск законов, количество отклоненных президентом законов и так далее. В этой книге как раз все эти вопросы и рассматриваются на примере трехлетней работы Государственной Думы. Я был, как известно, и депутатом Государственной Думы первого созыва. Во второй Государственной Думе или в шестой, если считать с дореволюционных времен, я уже более пристально занимался этими вопросами, поскольку по распределению обязанностей как первый заместитель Председателя Государственной Думы занимался планированием и организацией законодательного процесса. Мне поручено вести такой участок работы, как подготовка программы законопроектной деятельности. От имени Государственной Думы я был назначен президентом председателем Объединенной комиссии по координации законодательной деятельности. Так что мне в дополнение к моей профессии экономиста пришлось осваивать и профессию юриста-государственника.

Мне не хотелось бы подробно рассказывать о конкретных темах, которые поднимаются в этой книге. Могу лишь сказать, что все эти проблемы так или иначе находят отражение в нынешних дискуссиях, в том числе в дискуссиях по Регламенту Государственной Думы. У меня в книге предложен свой вариант изменений в Регламенте. В приложении содержатся некоторые идеи, которые, к сожалению, мои коллеги по Государственной Думе не поддержали. Речь, в частности, идет о введении механизма часа голосований, который был бы отделен от жарких дискуссий по содержанию законопроектов. Идея состояла в том, что если бы мы голосовали отдельно от обсуждения, то появилась бы возможность остыть от дискуссий, посоветоваться с товарищами, задать дополнительные вопросы инициаторам законопроектов и не менее существенным было бы и то, что механизм часа голосований позволил бы депутатам, как это им и вменено Регламентом и законом, волеизъявление осуществлять лично, то есть голосовать только за себя, поскольку карточки для голосования можно было бы выдавать только на этот час по предъявлении удостоверения при входе в зал.

Может быть как раз поэтому и не прошла эта идея, поскольку не все фракции, а точнее, наоборот, все фракции, не готовы к тому, чтобы снизить свою "направляющую и руководящую" роль.

Но не только и не столько этому посвящена книга. В ней затрагиваются принципиальные вопросы взаимоотношений с другими субъектами законодательного процесса.

Один из них связан с тем, что Совет Федерации, имея право рассматривать любой законопроект, в то же время имеет и обязанность рассмотреть его в 14-дневный срок после поступления из Государственной Думы. В силу известных особенностей, а именно особенностей, связанных с формированием верхней палаты (а не ее избранием) из лидеров регионов, Совет Федерации не имеет возможности

собираться чаще, чем раз в месяц, и поэтому этот 14-дневный срок, это ограничение, часто приводит к тому, что целый массив законодательных актов, принятых Думой, проходит мимо Совета Федерации и считается одобренным по умолчанию. Хотя у Совета Федерации могут быть здесь свои взгляды и своя точка зрения. Неотрегулированность этого вопроса часто приводит к тому, что Совет Федерации отклоняет многие законы, не мотивируя отклонения, только потому, что он, желая их рассмотреть, не успевает сделать этого.

В более широком смысле слова, многие проблемы и противоречия взаимоотношений Государственной Думы с Советом Федерации основаны на том, что Совет Федерации на ранних подступах к формированию того или иного закона, то есть в рамках подготовки его к первому чтению, не участвует. В равной степени это касается и многих других субъектов права законодательной инициативы. Кстати, и перед вторым чтением субъекты Федерации, президент, Совет Федерации не включены в этот процесс в полном объеме. В итоге — это брак, о котором говорит президент. Большое количество отклоненных законов верхней палатой и самим президентом имеет под собой именно эту причину этого чисто технологического свойства, то есть пробуксовка идет не на уровне, скажем, политической содержательной работы или противоречий в самом тексте закона, а на уровне необработанности технологических процедур.

Высказывается целый ряд предложений об отладке этих процедур. Среди них есть и радикальные, в частности можно было бы верхнюю палату избирать, считают одни (председатель нашей палаты высказывал также такое соображение). Я считаю, что представительство регионов в той форме, в которой оно существует в верхней палате, — это хорошая форма. Но для того чтобы верхняя палата эффективно, каждодневно могла заниматься законодательством, быть может, нужно использовать германскую технологию, при которой все соответствующие комитеты верхней палаты бундесрата работают на основе правительства земель, в частности, соответствующие министры и составляют рабочие органы верхней палаты немецкого парламента. Может быть, и нам по этому пути можно будет идти при доработке избирательного законодательства, над которым мы сейчас работаем.

Если говорить о президенте, о взаимоотношениях Думы и президента, то, к сожалению, Конституция не предусмотрела такой формы, которая прописана для взаимоотношений Думы и Совета Федерации, как официальное образование согласительных комиссий по выработке согласованного текста законопроекта в случае его отклонения. И поэтому нам приходится в рабочем порядке создавать комиссии, не называя их согласительными, и, опять-таки уповая на добрую волю и здравый смысл сторон, пытаться выработать согласованный текст отклоненного законопроекта.

Вполне возможно, что даже без изменения Конституции можно эти вещи отрегулировать таким образом, чтобы механизм совместной работы президента и палаты мог бы быть более эффективным и велся таким образом, чтобы не доводить до отклонения закон, а если отклонение все таки имеет место, то быстро и эффективно на основе Регламента и закона внедрить технологии согласования интересов.

Если говорить коротко, то вся книга посвящена, по сути, технологии согласования интересов, особенно в контексте провозглашения 1997 года годом согласия и примирения. Думаю, что моя книга как раз первая такая ласточка в этом направлении, что ли. Я себя похваляю за это, за дальновидность, поскольку, может, не успеют или забудут журналисты это сделать.

Из книги следует, на мой взгляд, очень много практических действий. Часть из них предпринимается моими коллегами, и я сам стараюсь их внедрить. В частности, речь идет о том же Регламенте и о нескольких законопроектах, которые могли бы быть внутренним уставом Государственной Думы в дополнение к Регламенту. Речь идет о законопроекте "О нормативных актах", о законопроекте "О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов" и о целом ряде такого же рода законопроектов, которые обсуждаются Объединенной комиссией и в ближайшее время, я надеюсь, будут доведены до принятия. И тогда нам уже легче будет работать с правительством, с президентом и с Советом Федерации по тем вопросам, которые сама Дума своим внутренним Регламентом отрегулировать не может.

В частности, мы своим Регламентом вменяем в обязанность правительству давать заключения на финансовые и бюджетные законопроекты в течение 14 дней. Но

правительство не без оснований считает, что это ограничение не является для него нормой, а лишь добрым пожеланием, которое оно может соблюдать опять-таки на основе доброй воли.

Если Закон "О порядке принятия законов" будет принят, то эту норму можно уже делать обязательной для правительства.

Так что практические приложения книги использовались в работе Объединенной комиссии. Я хотел бы сослаться на присутствующего здесь Василия Николаевича Лихачева, который представлен как вице-спикер Совета Федерации в Объединенной комиссии.

ЛИХАЧЕВ В.Н. Если точнее — является заместителем Александра Николаевича.

ШОХИН А.Н. Ну, это мы опустим, главное, что он является очень активным представителем верхней палаты. Я думаю, что он не даст мне соврать, что эти идеи как раз являются основными проблемами, которые мы обсуждаем в рамках Объединенной комиссии.

Я хотел бы еще два слова сказать. Поскольку я не юрист, как Василий Николаевич Лихачев, а все-таки экономист по образованию, мне пришлось влезать в массив новых проблем. Мне здесь помогали мои сотрудники, сотрудники секретариата, подбирать необходимые материалы, я им за это благодарен. Это Ирина Васильевна Котелевская, Дмитрий Сергеевич Ашаев и Илья Семенович Власов.

Хотел бы, пользуясь случаем, отрекламировать издательство, которое издало эту книгу. Издательство с названием "Наш дом", что не значит, что это филиал "Нашего дома — Россия". Это издательство существует с середины 60-х годов. И очень красивые книги издает. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить издательство, коллектив, редактора Татьяну Чугову и дизайнера Роберта Сейфуллина за этот подарок, такую красивую книгу. Рекомендую депутатам издаваться в этом издательстве.

А теперь я хотел бы предоставить слово желающим. Но прежде, чем журналисты будут задавать вопросы, было бы удачно, если бы представители ветвей власти, субъекты законодательного процесса подтвердили, что все то, о чем я говорил, имеет место быть. Александр Алексеевич Котенков хочет сказать.

КОТЕНКОВ А.А. Уважаемый Александр Николаевич, уважаемые друзья!

Книга, которую мы сегодня получили, весьма актуальна и очень своевременна. Действительно, проблема взаимодействия ветвей власти, а для меня наиболее актуальна проблема взаимоотношения президента с палатами Федерального Собрания, — это очень важная проблема, поскольку Конституция, обозначив основные направления этого взаимодействия, конечно, не дает механизма этого взаимодействия.

« Несколько лет работы в этом направлении, в общем, дали нам возможность обозначить основные болевые точки, основные узлы, которые надо развязать. И они очень хорошо показаны в представленной нам книге.

Я очень рад, что такая книга наконец вышла. Я очень благодарен Александру Николаевичу, поскольку для меня это еще и подспорье в моей научной работе. Я завершаю работу над диссертацией на эту тему. И для меня это большой подарок. Я получил ее несколько раньше, чем все здесь присутствующие, имел возможность изучить. И очень рекомендую тем, кто интересуется проблемами взаимодействия ветвей власти в законодательном процессе, кто интересуется вообще законодательным процессом, сделать ее своей настольной книгой.

Спасибо большое, Александр Николаевич. Успехов вам творческих

ШОХИН А.Н. Спасибо, Александр Алексеевич. Я, если хотите, даже отзыв на вашу диссертацию напишу.

Я хотел бы дать слово Андрею Евгеньевичу Себенцову — представителю правительства в Государственной Думе.

СЕБЕНЦОВ А.Е. Уважаемый Александр Николаевич, уважаемые господа!

Я тоже с этой книгой успел несколько глубже ознакомиться. И должен сказать, что сам симптом, само появление этой книги говорит о том, что мы от описательных книг, которые фиксируют события, перешли к их глубокому анализу. Вот одна из сторон анализа происходящих событий — это вопрос наработки парламентской культуры.

То, что другими государствами за десятки и, может быть, даже сотни лет нарабатывается и составляет важнейший багаж принятия решений в государстве, то сейчас для этого у нас очень сжатые, напряженные сроки. По сути, действительно, в экстремальной обстановке политическая культура нарабатывается нашим

парламентом. И то обобщение имеющегося опыта, которое в этой книге проведено, очень важно для всех тех, кто участвует в законодательном процессе, кто и готовит законопроекты, и рассматривает их, и принимает.

Одна из серьезнейших проблем, которая на сегодня еще не стала достоянием полного и глубокого понимания, — это проблема процедуры.

Я должен сказать, что к процедуре у нас в стране за десятки лет предыдущего режима выработалось, к сожалению, скептическое отношение. Поэтому в форме якобы законной принимаются зачастую издевательские решения.

Вместе с тем сегодняшняя жизнь и практика толкают нас к тому, чтобы уважать процедуру, потому что только хорошая выработанная процедура обеспечивает принятие высококачественных решений. И нас к этому толкает и президент, и Конституционный Суд - к уважению процедуры, которое мы сегодня накапливаем.

Поэтому еще раз спасибо Александру Николаевичу за ту работу, которую он проделал. Я думаю, что еще одна-две такие работы, и он может не только писать свои заключения к докторским диссертациям, но, наверное, и приобщиться к этому высокому званию в области юриспруденции. Так что дальнейших успехов в нашей совместной работе. Спасибо.

ШОХИН А.Н. Спасибо, Андрей Евгеньевич.

Николай Михайлович, пожалуйста.

ХАРИТОНОВ Н.М. Дорогие коллеги!

Я не читал, к сожалению, эту книгу. Но я наблюдаю деятельность Александра Николаевича Шохина вот уже на протяжении ряда лет.

Без преувеличения могу сказать, что его иногда ироничное восприятие окружающих и происходящего вокруг себя позволяет нам, не зная его, в общем-то, быстро сходить и понимать его.

И вот название его книги, авторское название — "Взаимодействие властей в законодательном процессе", я вам скажу, на данном этапе, когда идет становление российского парламентаризма, парламента, как никогда актуально.

Если бы нам, действительно, удалось добиться настоящего делового взаимодействия всех ветвей власти, идти по крайней мере конструктивным путем.

Я думаю, что Александр Николаевич внес достойный вклад. Это только может быть начало большого пути. Кто знает? Может быть, после всех депутатских заседаний вам придется, действительно, много писать, опыт у вас достаточно большой, политический, жизненный, законотворческий. И рука уже набита. Мне бы хотелось пожелать всего самого лучшего в вашей деятельности. Действительно, с вами приятно работать, даже находясь, может быть, на политических полюсах. Но стремление ваше и вы своим именно учебным изданием, учебным изданием, я по-другому его не могу назвать, подчеркиваете стремление к взаимодействию властей, это позволяет по крайней мере надеяться на дальнейшую конструктивную работу. Спасибо.

ШОХИН А.Н. Спасибо, Николай Михайлович.

Чтобы видели, что у меня слова не расходятся с делом, я уже сегодня договорился, Николай Михайлович, о встрече товарищеской по футболу между Госдумой и правительством во вторник в 19.30. Яков Моисеевич Уринсон горячо воспринял эту идею и собирает правительственную команду.

ИЗ ЗАЛА. Если с секвестром не придут на поле!

ШОХИН А.Н. Главное — с чем они уйдут сегодня после парламентских слушаний.

Сейчас Василию Николаевичу Лихачеву слово.

ЛИХАЧЕВ В.Н. Уважаемый Александр Николаевич, уважаемые коллеги!

Сегодня, действительно, очень хороший и примечательный день. И я чисто эмоционально прекрасно понимаю Александра Николаевича, поскольку совсем недавно, месяца три назад, у меня самого вышла новая книга "На стезе права и справедливости", и она также идет примерно в русле тех проблем, которые сегодня звучат в этом зале, которые обсуждаются в обществе, которые, действительно, являются актуальными.

Так получилось, что буквально двадцать минут назад закончилось дневное заседание Совета Федерации. Многие из тех проблем, о которых говорится в этой книге (я бы ее поднял где-то на уровень очень серьезной, глубоко продуманной монографии), звучат сегодня в повестке дня Совета Федерации. Какие-то законы отклонены, по каким-то законам будет создана согласительная вместе с депутатами Государственной Думы комиссия.

А в принципе, размышляя на тему, в каком обществе мы живем и можем ли мы

называться обществом правовым, я не могу не вспомнить одну известную латинскую максиму, которая звучит в переводе на русский язык примерно так: "Пусть гибнет мир, но торжествует закон". Естественно, в конце двадцатого века возникает вопрос — какой мир нам нужен и какой закон. И может быть, переиначить и сказать по-другому: "Пусть и торжествует мир, и торжествует закон", и в этой связке, связке органичной, многоаспектной, необходимой, идущей от жизни, от общества, действительно, в России будет правовое государство.

Я Александра Николаевича знаю очень давно. Знаю как человека ответственного, как человека и политика, политика высокого уровня. И в его работах меня, может быть, привлекает не только собственно содержательный элемент, а его способность хорошо, выверено использовать именно ту методологию, те категориальные вещи, структуры, механизмы, которые созвучны времени. Наверное, эта книга также идет в русле его изысканий. И судя по тем добрым словам, которые уже были высказаны в его адрес, мы, наверное, в скором времени станем свидетелями того, что выйдет второй том А.Н. Шохина под названием "Законодательный процесс и взаимодействие властей". Спасибо, успеха вам.

ШОХИН А.Н. Спасибо. Так, пожалуйста, вопросы.
"ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, вы говорите, что основная идея вашей книги -технология согласования интересов. Как вы расцениваете тот вопрос, который ставят коммунисты о том, что якобы внесенный правительством законопроект по секвестру расходов может спровоцировать постановку вопроса о выражении недоверия правительству и роспуск Думы вслед за этим?

ШОХИН А.Н. Во-первых, надо дождаться реального обсуждения этого законопроекта. Я думаю, не так долго ждать до вторника, когда состоятся парламентские слушания, и до среды, когда на пленарном заседании мы будем обсуждать этот вопрос.

Но я должен сказать, что Государственная Дума и правительство не намерены, на мой взгляд, использовать этот законопроект как повод для политических разборок. Этот проект сложный, поскольку он впервые в современной российской практике вводит законодательную процедуру сокращения расходов в связи с недобором доходов. Не секрет, что и в прошлые годы практика такая существовала, недоборы доходов, ни один бюджет не исполнялся полностью. И неисполнение бюджета измерялось серьезными цифрами — не 5—10, а 15—20 процентами и более.

Но в силу того, что законодательно не была предусмотрена процедура изменения структуры и уровня расходов, Министерство финансов, правительство решали эти вопросы самостоятельно. В результате мы имели дело с исковерканной структурой расходов, когда одни статьи финансировались на 120 процентов и более, другие чуть более 10 процентов. И контрольная функция Государственной Думы за соблюдением Закона "О бюджете" фактически отсутствовала.

И когда впервые в проекте Закона "О бюджете на 1997 год" законодатель предложил формулу, что правительство в случае недобора доходов более чем на 10 процентов обязано прийти в Государственную Думу, отчитаться об исполнении, отчитаться именно об исполнении бюджета поквартально и предложить в этом случае Закон "О сокращении расходов", то это на самом деле попытка поставить под парламентский контроль бюджетный процесс в полном объеме, чего раньше не было. И в некотором смысле это не добрая воля правительства, а задумка, изначальная задумка Государственной Думы изменить бюджетный процесс таким образом. И коль скоро Дума предусмотрела эту технологию, то предусмотрела она прежде всего для того, чтобы повлиять на бюджетную политику и проконтролировать структуру расходов и объем расходов, оценить возможности мобилизации доходов и так далее. Я считаю, что Дума заинтересована как раз в том, чтобы Закон "О секвестре" был принят. Понятно, что не обязательно в том виде, в котором он внесен правительством. Кстати, внесен он не очень удачно по технико-правовой форме. Целый ряд положений Закона "О секвестре" должен быть внесен в качестве дополнений и поправок в Закон "О федеральном бюджете", то есть два закона надо было вносить по смыслу правовой техники. И кроме того, депутаты, наверное, захотели бы услышать от правительства о тех конструктивных шагах по мобилизации доходов, о той программе дополнительных доходов, которые правительство уже заявляло, и о включении этой программы в Закон "О секвестре", то есть надо было бы оценить возможности сокращения, секвестрования бюджета. Серьезная дискуссия, я думаю, будет идти в ближайшее время, и вполне возможно,

что выходом из этой ситуации будет создание согласительной комиссии не для затягивания бюджетного процесса и затягивания принятия Закона "О бюджете", как иногда это говорят, а для того, чтобы как раз быстрее принять необходимый законопроект или даже два законопроекта, но с учетом тех обстоятельств, о которых я говорил.

Если говорить о политической стороне вопроса: будет ли использовать оппозиция или президент, как иногда это можно услышать, эту возможность для роспуска Думы, либо для провоцирования самороспуска Государственной Думы, то это уже сугубо вопрос политических маневров. Можно анализировать этот вопрос специально, я в подробности вдаваться не буду, но, на мой взгляд, сейчас условия не созрели для того, чтобы левая оппозиция использовала этот момент для вынесения вотума недоверия правительству и тем самым спровоцировала бы роспуск Государственной Думы, с тем чтобы на ближайших выборах одержать победу с большим преимуществом, чем на предыдущих выборах.

Я только вывод делаю, а анализ опускаю, если заинтересуетесь, могу отдельно объяснить, почему, на мой взгляд, это так. В равной степени президентская сторона, на мой взгляд, не заинтересована в таких политических действиях. Для нее идеальным вариантом был бы конструктивный компромисс и принятие закона "О секвестировании расходов бюджета" или закона даже под другим названием, поскольку депутатам сильно не нравится это слово "секвестр", которое, кстати, не применяется в европейской практике, а там используют "сокращение расходов", английское слово "секвестр" используется только в американской практике. На эту уступку (смена термина) правительство, на мой взгляд, уже готово пойти. Давайте еще один вопрос.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Не кажется ли вам, что сам принцип разделения властей есть великолепная реализация известного принципа — "разделяй и властвуй"?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, принцип разделения властей нигде не реализован в полном объеме. Всегда есть страновые и конкретные исторические отклонения от реализации этого принципа. В частности, у нас этот принцип не соблюдался, скажем, в первой Государственной Думе, когда депутаты имели возможность совмещать депутатский мандат с министерским портфелем, я этой возможностью, в частности, пользовался. А сейчас у нас губернаторы и руководители законодательных органов субъектов Федерации являются одновременно федеральными законодателями, членами верхней палаты. Существует подобная конструкция и в других странах, скажем, в той же Германии, где премьеры земельных правительств являются членами верхней палаты. Так что каждая страна пытается подстроить универсальный принцип, который был введен, как известно, в оборот Монтескье и американскими федералистами, под свои национальные и исторические культурные особенности.

Россия здесь не исключение, и если бы в полном объеме принцип разделения властей функционировал, мы могли бы здесь иметь совсем другую картину государственного устройства. Так что лучше оценивать не абстрактные принципы, а конкретные формы реализации. А с общим вашим выводом я не согласен.

ИЗ ЗАЛА. Где книгу получить?

ШОХИН А.Н. Депутаты Государственной Думы получили книгу бесплатно, а остальные могут купить в киоске, а то я не окуплю затраты по изданию.

СЕКВЕСТР

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 23 ИЮНЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Поскольку вам роздан пресс-релиз о моей оценке работы Государственной Думы по итогам весенней сессии 1997 года, я предложил бы следующий порядок работы: вступительного слова мне не произносить, а ответить на ваши вопросы. У нас оказалось не очень много времени. В последние дни работы Государственной Думы, ее весенней сессии, очень много различного рода согласований, совещаний, несколько принципиальных вопросов еще не решено, поэтому мне нужно будет через полчаса покинуть зал. Нет возражений против такого порядка работы?

"ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, на ваш взгляд, каковы перспективы принятия до летних каникул Налогового кодекса, секвестра и блока социальных законов?

ШОХИН А.Н. Налоговый кодекс, принятый в первом чтении, будет разослан по субъектам Российской Федерации. Как минимум месяц будет отпущено на учет замечаний. И в лучшем случае (для Налогового кодекса) будет собрано внеочередное заседание Государственной Думы, которое где-то в августе может рассмотреть этот вопрос. Но, скорее всего, он перейдет на осень.

Что касается блока социальных законов, то они будут рассмотрены завтра. Согласительная комиссия нашла компромиссы по нескольким законопроектам. Сегодня до 16 часов должны быть найдены развязки по остающимся нерешенным вопросам. И завтра в 12.30 мы хотели бы поставить этот блок на рассмотрение еще раз в редакции согласительной комиссии при том понимании, что правительство отзовет свой старый пакет социальных законов и от своего имени внесет вариант согласительной комиссии. Я думаю, что так именно и будет.

Что касается закона о секвестре, то с ним ситуация сложнее. Согласительная комиссия не нашла компромиссов, не достигла их. Вариант, предложенный правительством сократить секвестр до 88 триллионов рублей, и вариант думской части согласительной комиссии, которая большинством голосов настаивает на сумме 50 триллионов сокращения расходов, довольно сильно расходятся, для того чтобы их выносить на Государственную Думу как согласованный вариант. Тем более секвестр — бюджетный закон, его вносить может только правительство. Государственная Дума не имеет права сама предлагать принципиальные изменения в такого рода законопроекты.

Учитывая это обстоятельство, мы попытаемся до завтра еще найти развязки. Хотя, пока я шел сюда, мне поступила информация, что фракция КПрФ на своем заседании в перерыве приняла решение не принимать в первом чтении закон о секвестре в связи с тем, что правительство не дает согласия на цифру, на которой настаивают КПрФ и ряд других фракций, и предлагает разослать в этом виде законопроект по субъектам Федерации и вернуться к нему позже, может быть, в период летних каникул, собравшись на внеочередное заседание. Каков будет окончательный итог, я думаю, завтра вы узнаете.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Александр Николаевич, вот на вашем месте недавно сидел известный глазной специалист Федоров...

ШОХИН А.Н. Вы предлагаете мне к нему обратиться?

ХОХЛОВ В. Нет, нет, ни в коем случае. Вопрос в другом. Он свою модель глазника вывел из социализма: количество работающих, качество их работы — в числителе, в знаменателе — количество дармоедов. И по тем показателям, которые вверху и внизу, получается модель "социализма по Федорову". Можно ли эту формулу применить к законодательной деятельности? Количество законов плюс качество законов? Что, на ваш взгляд, должно быть внизу, под дробью, и что в результате мы должны получить от этой деятельности?

ШОХИН А.Н. Я как очкарик не рискну критиковать Святослава Николаевича и поэтому на этот вопрос отвечать не буду.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК "ВЕК".

Александр Николаевич, пожалуйста, назовите самые, с вашей точки зрения, важные законы в сфере экономики и социальные, которые приняла Дума.

ШОХИН А.Н. С точки зрения экономических законов, я думаю, наиболее важными являются те, которыми занималась Дума на протяжении двух своих созывов, в частности, от радно, что нам удалось сдвинуть с мертвой точки такие законопроекты, как пакет "О соглашениях о разделе продукции", что, безусловно, является свидетельством того, что Дума ориентирована на поиск компромиссов и может достигать этих компромиссов с правительством.

Поскольку начинается процесс принятия таких законов, как Налоговый кодекс, то я бы их счел такими же значимыми и важными.

КАЛАШНИКОВ. ГАЗЕТА "ПОДМОСКОВЬЕ".

Александр Николаевич, сейчас все считают деньги: Дума, правительство. Нет ли у вас данных о приросте промышленной продукции и национального продукта вообще? Хотя в России есть, что делить-то?

ШОХИН А.Н. По имеющимся оценкам, в России наступила ситуация, которая может быть охарактеризована понятием "нулевой экономической рост". Но если, в отличие от известной книги "Пределы роста", которая была написана 20 с лишним лет назад, нулевой рост означал лишь необходимость ограничения роста во имя экологических и других компонентов развития, то у нас нулевой рост пока что является символом начинающейся депрессии. И для того чтобы депрессия не случилась, рост стал реальностью, нужно прежде всего не делить и отнимать сейчас, поскольку приросты не столь значительные, чтобы дележкой заниматься, а нужно прибавлять и умножать. На это должен быть нацелен и новый налоговый механизм, который должен реальное послабление производителям дать и упростить налоговую систему. Проект Налогового кодекса, предложенный правительством, делает шаг в этом направлении, но, я думаю, что в процессе обсуждения дополнительные шаги мы вместе должны будем сделать. На это направлены и законопроекты "О соглашениях о разделе продукции".

Рост в этом году в лучшем случае будет чуть больше нуля, хотя он будет незначительным, важно задел сформировать.

ЖУРНАЛ "ЭКСПЕРТ".

Александр Николаевич, насколько вероятно, что даже если Дума примет в первом чтении блок социальных законов, они не будут в дальнейшем выхолощены перед вторым чтением? И что в таком случае, на ваш взгляд, должно делать правительство - согласиться с тем, что придется отказаться от сокращения льгот или что-то еще?

ШОХИН А.Н. Я против такой постановки вопроса. Если Дума не сократит льготы, в том числе статусные льготы определенным категориям работников, то правительству самому что-то в бюджете надо сокращать. Все равно альтернатива: у кого отобрать эти льготы, с тем чтобы сделать государственные расходы действительно разумными, с одной стороны, и отвечающими реальной налоговой и финансовой базе — с другой. Я думаю, что будет рано или поздно принят этот пакет.

Базовые компромиссы найдены. Проблемы, которые остались, касаются не самих льгот, а тарифов отчисления во внебюджетные и социальные фонды, в частности. Многие депутаты возражают против того, чтобы сокращать соцстрах на один процент, увеличивать отчисления в Пенсионный фонд за счет граждан на один процент. Но сейчас компромисс почти уже найден. Он выражается в том, чтобы сократить отчисления на соцстрах на полпроцента. И увеличить отчисления в Пенсионный фонд на полпроцента, соответственно убрав норму, при которой хорошие плательщики взноса в Пенсионный фонд снижают тарифы с 29 до 26 процентов. Вот этот компромисс уже практически найден. И если так, то завтра вынесен будет фактически согласованный вариант между правительством и Государственной Думой. Если он будет принят (мы должны как можно быстрее принять его во всех чтениях, поскольку в части бюджетов социальных фондов — Фонда соцстраха, Пенсионного фонда — эти нормы должны быть задействованы с 1 июля), то это будет временная мера на второе полугодие, а затем уже в рамках Налогового кодекса будут вводиться долгосрочные нормативы, базирующиеся на новых нормах налогового законодательства.

ЖУРНАЛ "ПРОФИЛЬ".

Александр Николаевич, будьте добры, две оценки. Первое, оценку деятельности правительства в законотворческой работе и какова ее эффективность? Повышается

или понижается?

И вторая оценка, скажите как член фракции НДР, с чем связан невысокий рейтинг фракции НДР в законотворческой работе палаты?

ШОХИН А.Н. Что касается первого вопроса о законопроектной работе правительства, то я, как бывший член правительства, вице-премьер и как нынешний депутат, заместитель Председателя Государственной Думы, могу сказать, что у правительства есть большие неиспользованные резервы.

К сожалению, правительство очень часто вносит такие законопроекты, которые можно рассматривать ведомственным лоббизмом. Они носят частный узкоотраслевой характер.

Вторая группа вопросов — это "вынужденные" или законы, такие, как проект закона "О бюджете", о бюджетных фондах и так далее, которые принимаются ежегодно и являются циклическими, если можно так сказать. И очень мало структурообразующих законов, которые призваны формировать законодательное поле, в том числе экономической политики. Я приветствую тот факт, что многие фракции и депутаты высказываются таким образом, что правительство прежде всего должно предлагать такие законопроекты, без которых невозможна реализация среднесрочной программы правительства, такие законы, которые являются нормативной базой для федеральных программ, разрабатываемых правительством. Поэтому мы ждем, что количество законов, представляемых правительством, увеличится, у нас эта цифра где-то порядка 10—15 процентов от общего количества рассмотренных законопроектов, но самое главное, что качество улучшится, если законопроекты, представляемые правительством, будут являться базовыми законами.

Что касается ситуации в "Нашем доме — Россия", да, действительно, фракция не является лидером по количеству внесенных законопроектов. С одной стороны, это связано с тем, что были особенности формирования этой фракции, члены ее впервые встретились именно в Государственной Думе, в отличие от других фракций, таких, как КПРФ, ЛДПР и "ЯБЛОКО", либо от депутатских групп, в которые входят депутаты, работавшие не только в прошлой Думе, но даже и в Верховном Совете. Но тем не менее сейчас мы выходим на тот перевал, когда уже никаких оправданий такого рода не может быть, и со следующей сессии фракция обязана просто стать активной в законотворческом процессе, а не только в политических событиях, таких, как поездки в регионы и так далее.

У нас есть свои проблемы во фракции. В частности, одна из головных болей — это позиция председателя Комитета Государственной Думы по обороне генерала Рохлина. Недавно он, например, обратился к Верховному главнокомандующему, разослал свое обращение по всем воинским частям. В этом обращении содержатся призывы к неповиновению. Мое мнение — нам придется "выяснить отношения" со своим депутатом генералом Рохлиным, иначе его позиция будет рассматриваться как позиция

фракции.

Есть и другие проблемы, которые мешают законотворческой деятельности, но в то же время есть и плюсы, которые мы до конца не использовали. В частности, эти плюсы связаны с тем, что у нас генетически, скажем,

есть более устойчивая связь с правительством, и мы вполне можем продвигать законопроекты, которые застревают в правительстве из-за бюрократических согласований, и предлагать их от имени членов фракции. Вот

эта возможность явно недоиспользована, и нам нужно предпринять все, чтобы это сделать.

"КОММЕРСАНТ ДЕЙЛИ".

Александр Николаевич, назовите, пожалуйста, наиболее важные законы, которые Дума не успела рассмотреть в весеннюю сессию, которые остались на осень или не успела принять.

ШОХИН А.Н. Если говорить не только о блоке экономических законов, то у нас есть много долгов. В частности, несмотря на то что после длительных мучительных родов Закон "Об уполномоченном по правам человека" был принят, нам не удалось утвердить руководителя этого органа — уполномоченного по правам человека. Сегодня на Совете Думы мы обсуждали вопрос о включении в повестку дня завтрашнего заседания избрание уполномоченного, но решили перенести на сентябрь, в том числе потому, что не договорились о том, как проводить процедуру, можно ли вносить тех кандидатов, которые один раз уже не попали в список для

тайного голосования, либо надо вносить новых.

И кроме того, возник еще один вариант. Совет Федерации, как известно, предложил кандидатуру своего вице-спикера Василия Лихачева на этот пост. И может быть, для демонстрации согласия палат прежде всего нужно Думе определиться по этому предложению. Но перенесли на сентябрь...

Закон "О правительстве", федеральный конституционный закон, тоже после длительных согласительных процедур был принят двумя палатами, но возвращен без рассмотрения за нарушение конституционных процедур. В этой связи наиболее серьезным упущением, недоработкой Думы является то, что она не внесла ясности в процедурные вопросы, в частности не утвердила новую версию Регламента Государственной Думы. В прошлом году после возвращения без рассмотрения нескольких законов президентом я обратился к фракциям с предложением ввести механизм часа голосований, с тем чтобы депутаты голосовали лично в специально отведенное время, получая на это время, на этот час карточки для голосований, чтобы не было никаких подозрений, что голосование, итоги голосования не соответствуют фактическому волеизъявлению депутатов. И такого рода процедурных вопросов довольно много, их уточнение могло бы повысить эффективность законопроектной деятельности.

Сейчас половина пунктов повестки дня — это политические постановления, которые не связаны с законопроектной деятельностью Думы. Явно можно внести такие уточнения, которые создадут необходимые фильтры при внесении вопросов в повестку дня, отбросив те, которые иначе как законодательным мусором не назовешь, а также резко повысить качество представляемых законов. Эти технические, технико-правовые процедурные вопросы, не решенные Государственной Думой, тоже одна из проблем, которые нас должны волновать в ближайшее время — в осеннюю сессию. Я называл экономические законы, поэтому вдаваться в подробности не буду.

"ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЬ".

Александр Николаевич, выступая на втором экономическом форуме в Екатеринбурге, Эдуард Россель заявил о том, что количество денежной массы в стране явно недостаточно.

В частности, привел такие цифры, что отношение ВВП к денежной массе составляет 12 процентов, в то время как в развитых странах это отношение составляет 80 процентов. Ваше отношение как экономиста к этому заявлению.

ШОХИН А.Н. Как экономист, я знаю, что кроме агрегата М2 нужно принимать еще в расчет скорость обращения денег — во-первых.

Во-вторых, в странах, где высокий показатель отношения денежной массы к ВВП, как правило, национальные валюты выполняют роль резервных валют. В частности, доллар США, являясь резервной валютой, еще за пределами США обращается в больших объемах. Достаточно назвать долларовые обороты внутри России, чтобы понять, что сопоставлять в полном объеме, не учитывая прочие условия, нельзя.

Но в то же время я обращаю ваше внимание на другое — на те деньги, которые реально есть в хозяйстве, в российской экономике, и не вовлечены в хозяйственный оборот. Достаточно сказать, что по данным платежного баланса у нас ежегодно по строке "ошибки и пропуски" имеется где-то 7—8 миллиардов долларов.

Не надо быть специалистом по платежному балансу, чтобы понять, что пропуски и ошибки — это утечка капитала. Как утечка капитала за рубеж, так и утечка в долларовом измерении в чулки, под матрасы и так далее.

Вот и попытайтесь эти суммы (примерно 40 триллионов рублей) мобилизовать на инвестиции. То есть речь не в нехватке денег как таковых, а в отсутствии надежных инструментов, которые могли бы гарантировать гражданам и юридическим лицам безопасность, прибыльность, надежность их вложений. Вот над этим прежде всего нужно думать. А простая подкачка экономики, подпитка эмиссионными ресурсами при отсутствии этих надежных инструментов, трансформации сбережений в инвестиции, лишь вернет нашу экономику на несколько лет назад, в 1992, 1993 годы, когда при 20-процентной месячной инфляции мы развивались, имея огромный спад производства. Напомню, что к началу 1994 года этот спад достигал 30 процентов в годовом измерении, несмотря на 20-процентную инфляцию.

Так что здесь нужен более глубокий анализ, нежели простая арифметика и межстрановые сопоставления, не принимающие во внимание все обстоятельства.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, опять о деньгах. Мы были свидетелями, как Лившиц

размещал евробонды в Германии на большую сумму, теперь Чубайс в Штатах тоже разместил на большую сумму. Теперь мы получили от Всемирного банка 800 миллионов на погашение задолженности. Скажите, пожалуйста, как Дума, исходя из контроля над выполнением бюджета, контролирует и контролирует ли вообще внешние заимствования? Это первый вопрос.

И второй. Что касается пенсий. Если сейчас в соответствии с новым законодательством вы изменяете минимум пенсии, а существует еще задолженность, то каким образом все-таки государство будет рассчитываться по своим задолженностям — по новым размерам или по старым? Или это уже на уровне Конституционного Суда?

ШОХИН А.Н. Что касается контроля за объемом внешних заимствований, то у Думы есть не очень эффективный, не очень отработанный инструмент, называется он утверждением программы внешних заимствований. Сегодня этот, кстати, пункт в повестке дня нашего заседания.

23 мая Дума за основу приняла программу, предложенную правительством, сегодня окончательное утверждение. Специфика этой программы в том, что большая часть — 3/4 программы — утверждается как бы в целом. Это несвязанные финансовые кредиты, среди которых и евробонды, и другие зарубежные облигационные займы, и прочие финансовые кредиты.

И лишь по связанным инвестиционным кредитам, это около 2,5 миллиарда долларов, мы кредит за кредитом анализируем, оцениваем эффективность, целевую направленность и выдаем свои рекомендации. В частности, сегодня Дума не будет рекомендовать запускать некоторые кредитные линии и посоветует правительству изучить дополнительно эффективность и целесообразность привлечения соответствующих кредитных ресурсов. Но это всего лишь несколько не очень больших кредитных линий.

Поэтому задача заключается в том, чтобы выработать на уровне закона более эффективный механизм контроля, прежде всего механизм контроля за несвязанными финансовыми кредитами, и здесь важным критерием является цена заимствований. Мы будем приветствовать все структурные подвижки во внешних займах, которые удешевляют обслуживание внешнего долга. В частности, переход от межправительственных кредитных линий, от ГКО на кредиты Всемирного банка. Мы не должны различать, кстати, внешний и внутренний долги, поскольку после введения механизма текущей конвертируемости рубля и присоединения к 8-й статье Устава МВФ должны уже просто смотреть на стоимость этих заимствований, цену обслуживания и так далее.

Мы будем приветствовать переход к внешним заимствованиям в тех случаях, когда они заметно дешевле обслуживания внутренней финансовой пирамиды ГКО.

Что касается пенсий, то я считаю, что до окончательного погашения долга необходимо уяснение вопроса, а каков же механизм выплаты пенсий после 1 июля. Напомню, что правительство рассчитывает, что существенная часть программы поиска дополнительных доходов, а эта программа представлялась в Думу после законопроекта "О секвестре", и сумма там довольно внушительная — 34 триллиона рублей дополнительных доходов, — так вот существенная часть этих дополнительных доходов бюджета идет на поддержку Пенсионного фонда. То есть сложился нерегулярный, неустойчивый механизм функционирования пенсионной системы. И здесь нужно думать о поэтапном долгосрочном реформировании пенсионной системы, которая бы соответствовала тем неблагоприятным последствиям в демографической ситуации, которые могут случиться лет через 5—7, когда при нынешней финансовой технологии функционирования пенсионной системы может наступить катастрофа, то есть число пенсионеров может сравняться с числом работающего населения. Поэтому сейчас, когда доля работающего населения достаточно высока, в 2 раза превышает число пенсионеров, и в ближайшие 5 лет, начиная с 1999 года, у нас будет наблюдаться приток по полмиллиона человек дополнительно в производство, надо за эти годы создать новую финансовую систему. А сейчас мы функционируем в авральном режиме, и в рамках этого аврального режима можно идти на те компенсационные выплаты и индексации, которые строго привязаны к индексу инфляции, а не являются выражением добрых намерений.

ГАЗЕТА "ПРАВОСЛАВНАЯ МОСКВА".

Александр Николаевич, сегодня был принят Закон "О свободе совести". Чем объяснить такое быстрое принятие в третьем чтении, в то время как между первым

и вторым чтениями больше года прошло? Как-то скоропалительно...

ШОХИН А.Н. Вы знаете, скорость прохождения закона, между вторым и третьим чтениями, связана с наличием технико-правовых и лингвистических замечаний, которые обычно высказываются Правовым управлением, а не самими депутатами. Если оказывается, что сам текст не содержит погрешностей технико-правового рода, все термины определены точно в соответствии с базовыми законами Конституции и так далее и лингвистическая правка не требуется, то иногда даже у нас на одном заседании принимается закон во втором и третьем чтениях.

Так что основная нагрузка ушла, видимо, на подготовку ко второму чтению, где вносились десятки поправок, даже сотни. И можно лишь говорить о том, что комитет, видимо, аккуратно и тщательно готовился ко второму чтению, так что проблема с третьим не возникла.

СНЕЖКОВ. СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ВАШ КОЛЛЕГА ПО ПРОШЛОЙ ДУМЕ.

Александр Николаевич, у меня вопрос к вам как к первому вице-спикеру. Сегодня вы говорите о законотворчестве в социальной сфере. Не кажется ли вам решительным шагом не столько разводить бумагу, сколько принять конкретное решение именно парламентом — сократить вдвое штат, раздутый по отношению к Думе первого созыва вдвое?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, я всегда являлся и являюсь сторонником того, что штаты любого учреждения должны быть отражением его функций — функций аппарата и соотносить нужно с тем, насколько аппарат и его подразделения выполняют свои функции. Такой анализ необходим. Я думаю, что нам ежегодно — Государственной Думе, палате, именно составу депутатов палаты — нужно рассматривать отчет аппарата и принимать соответствующее решение. В том числе и по таким вопросам, которые вы поднимаете.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, как вы видите выход из такой коллизии. Бюджет любого государства — это 50 процентов валового национального продукта, бюджет Америки — 45 процентов валового национального продукта, бюджет Швеции — 60 процентов валового национального продукта, а наш бюджет намного меньше. Когда мы придем к планированию бюджета от валового национального продукта?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, суммарные расходы, государственные расходы по бюджетам всех уровней в России составляют 45 процентов от ВВП. Это больше, чем в США, меньше, может быть, чем в Швеции. Учитывая, что у нас бюджетный федерализм, нам надо принимать во внимание бюджеты всех уровней, многие виды расходов перераспределены между федеральным бюджетом, бюджетами субъектов Федерации, мы здесь находимся на уровне сопоставимом. Так что здесь я не вижу никакой проблемы.

Проблема в другом — в эффективности этих расходов. При том уровне государственных расходов, который у нас есть, не должно было быть тех острых социальных проблем, с которыми мы сталкиваемся.

Стало быть, эффективность, адресность, целевая направленность государственных расходов, очень низкая. Вот она именно не сопоставима с эффективностью этих расходов в тех странах, которые принято называть индустриально развитыми.

ГАЗЕТА "ИОМИУРИ".

Вопрос такой. Каким образом может повлиять на экономическое положение в стране отказ, перенос решения секвестра на осень? И не повлияет ли это как-то на отношение к России других стран?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, что на протяжении многих лет секвестр государственного бюджета существовал в России, но осуществлялся он правительством, и даже Министерством финансов, по факту.

Уже с 1993 года существовало требование, согласно которому расходы бюджета должны соответствовать фактически поступающим доходам. И это требование всегда исполнялось.

Как вы знаете, в прошлом году по итогам 1996 года многие статьи бюджета были профинансированы чуть более, чем на 10 процентов, некоторые статьи на 200 с лишним процентов.

И именно это заставило депутатов Государственной Думы внести в Закон "О бюджете" статью 76, в соответствии с которой Дума была намерена контролировать сокращение расходов в случае недобора доходов. То есть инициатива принадлежит Думе, и цель этой новации заключалась в том, что Дума хотела поставить под

контроль процесс секвестрования, который фактически всегда существовал в России. Даже в советское время была практика корректировки планов и бюджетов в сторону понижения. Поэтому речь может идти лишь о законодательном оформлении.

Если Дума до каникул не оформит законом эту структуру измененных расходов, то правительство будет действовать с фактически поступившими доходами и сокращать расходы, как оно уже определило в своем распоряжении, в соответствии с тем проектом закона, который оно внесло в Государственную Думу. Я согласен с позицией, в соответствии с которой, коль скоро Дума не рассматривает в первом чтении этот закон, а в той или иной форме обсуждает в разных согласительных процедурах процесс подготовки к первому чтению, у правительства другого варианта, кроме как следовать проекту закона, который внесен, нет. Так что в любом случае правительство должно сокращать фактические расходы. Ведь даже вопрос об эмиссии в духе Илюхина решается законом. А закона такого нет. И стало быть, только в соответствии с фактическими доходами можно финансировать бюджетные расходы.

И поэтому ничего страшного для правительства не произойдет, только Дума лишит себя возможности поставить этот процесс под контроль и влиять на структуру расходов.

ПРЕСТИЖ ФРАКЦИИ -В ЭФФЕКТИВНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ АГЕНТСТВЕ
"АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ-НОВОСТИ" ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ "НАШ ДОМ
РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
4 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Вчера состоялось заседание фракции "Наш дом -Россия" с участием лидера движения Виктора Степановича Черномырдина, на котором обсуждались, в том числе и кадровые, вопросы. Я говорю "в том числе", потому что во главу угла мы поставили обсуждение стратегических вопросов развития движения и фракции НДР в Государственной Думе. Все депутаты и лидер движения согласились с тем, что мы должны сейчас думать о стратегических задачах, и понятно, что политическому движению, не только преодолевшему пятипроцентный барьер на прошлых выборах, но и сформировавшему вторую по величине фракцию в Госдуме, пора думать о следующих выборах. Все сходятся в том, что мы пошли "под горочку". Времени до декабря 1999 года остается не так много. Поэтому нужно помнить об имидже движения, о его восприятии в глазах избирателей, нужно думать о том, чтобы имидж фракции "Наш дом — Россия" в Государственной Думе соответствовал ее возможностям, чисто количественным, и возможностям, связанным с тем, что фракция имеет особые схемы взаимодействия с правительством, что должно использоваться в полной мере в законодательной работе. Депутаты согласились с тем, что основной способ поднять престиж фракции НДР — повышение эффективности законотворческой деятельности. Мы рассчитываем на то, что в ближайшее время упорядочим эту работу и активно будем вносить законы, участвовать в обсуждении уже внесенных законов через внесение поправок, будем активно использовать согласительные процедуры, с тем чтобы уже на ранних подступах к внесению законов в Государственной Думе добиваться того, чтобы законы были качественными с точки зрения и их содержания, и их проходимости в верхней палате и у президента. Второе направление — стратегическая деятельность фракции, о которой много говорилось и на заседании, и во время встреч лидера движения с членами фракции (впервые, пожалуй, Виктор Степанович Черномырдин избрал форму практически индивидуальных встреч с депутатами; в конце августа-начале сентября он встречался с небольшими группами депутатов, по 5—7 человек, с тем чтобы углубленно выяснить ситуацию во фракции, заботы и проблемы депутатов). В результате этого диалога, в результате фракционных заседаний мы пришли к выводу, что нам нужно активизироваться как фракции и определить политическую судьбу каждого члена фракции. Прежде всего речь идет об электоральной судьбе, о

возможности участия членов нашей фракции в следующих выборах. Мы будем отбирать тех депутатов, тех политиков, которые способны избираться в одномандатных округах, им наша поддержка будет оказана в первую очередь. Кроме того, немаловажно определить политических лидеров, членов фракции, которые готовы "тянуть" воз работы в регионах и вытягивать региональные списки. Одно из направлений работы нашей фракции — работа по созданию различного рода коалиций. Мы имеем несколько парадоксальную картину: правительство неоднородно по содержанию, однако работает в единой команде. Как единая команда работают

Анатолий Чубайс, чьей политической базой является "Демократический выбор России", Борис Немцов, не скрывающий своих симпатий и связей с "ЯБЛОКОМ", разумеется, Виктор Черномырдин, опирающийся на НДР. А в Государственной Думе и вне думской политической жизни таких тесных контактов между политическими партиями и движениями, которые имеют своих представителей в правительстве, нет. Поэтому мы считаем, что наша задача — попытаться наладить это взаимодействие, как думское, так и вне Думы. Это тоже одна из стратегических задач, которая не является абстрактной и отдаленной. Она рассчитана не только на формирование возможных коалиций на следующих парламентских выборах. Будем пытаться реализовать эту схему уже в текущем году, имея в виду, что до конца года будут проведены более 30 региональных выборов в законодательные собрания субъектов Федерации, в частности в Москве, Московской области, ряде других крупных субъектов Федерации. Построение коалиций должно быть отточено именно на региональных выборах. Это касается стратегических задач, на которые должна ориентироваться фракция. Может быть, ради их решения у нас и происходит обновление руководства. Кроме замены лидера фракции у нас произойдет ряд других кадровых изменений, в частности вчера мы решили, что совет фракции также должен обновиться, и старые члены совета, желающие активно работать, должны подтвердить свои полномочия. В то же время мы бы хотели в этой работе посмотреть новых людей. Предстоит решить вопрос с первым заместителем Председателя Государственной Думы, поскольку вопрос о возможности совмещения постов лидера фракции и первого вице-спикера сейчас активно дискутируется. Буквально несколько минут назад Геннадий Николаевич Селезнев закончил совещание, правда, без моего участия, обсуждая эту проблему. Я считаю, что здесь мы должны следовать так называемым пакетным договоренностям. В январе 1996 года элементом этой пакетной договоренности было то, что лидеры фракций не будут претендовать на посты председателя или заместителей председателя Госдумы. Делалось это во многом под давлением демократических фракций. Многим из демократов не хотелось видеть во главе Думы лидера самой крупной оппозиционной партии — КПРФ и не хотелось видеть за столом президиума лидера ЛДПР. Во многом именно поэтому была сформирована устная джентльменская договоренность о том, что посты членов президиума Думы и лидеров фракций будут разведены. Поэтому мы не скрываем своих намерений и в самое ближайшее время обсудим во фракции кандидатуры коллег, достойных работать на этом посту. У нас такие люди есть. Достаточно сказать, что три председателя комитетов вполне готовы к этой работе. Это Бунич — председатель Комитета по собственности и приватизации, это Зорин — председатель Комитета по делам национальностей, это Поляков — председатель Комитета по местному самоуправлению. Кроме того, у нас есть и политические лидеры, в частности заместители руководителя фракции. Я хотел бы в этой связи назвать Владимира Рыжкова, который хорошо проявил себя, работая и в зале, и обеспечивая межфракционные контакты, и еще один заместитель - Роман Попкович — тоже может рассматриваться в этом списке. Нам здесь хотелось бы, определяя кадровые позиции, прежде всего исходить не из формулы "кто заслужил поощрение и продвижение по службе", а из тех функций, которые соответствуют каждому из этих постов, и будем отбирать, исходя из этих жестких критериев. У меня есть своего рода описание этих постов, требования к людям, которые должны замещать их, и в течение буквально ближайших дней выйдем на формирование конкретных списков и проведем у себя процедуру выдвижения. Должен сказать, что может возникнуть ситуация, когда коммунисты или другие оппозиционные фракции и группы поставят вопрос о разделении этих кадровых голосований. Скажем, завтра снять Шохина, а потом перейти к вопросу об избрании представителя фракции НДР на пост первого вице-спикера. Ничего страшного не

случится, если я еще несколько дней посижу в кресле вице-спикера, тем более что вчера Государственная Дума не приняла два важных документа (они приняты лишь за основу). Это программа законодательной работы на осеннюю сессию и календарь работы палаты на сентябрь. Это как минимум две задачи, которые я должен доделать, несколько ограничивая свою политическую активность как лидер фракции. Вчера на заседании фракции мы обсуждали проблемы взаимодействия фракции и правительства, фракции и исполкома движения "Наш дом — Россия". Я не буду подробно пересказывать все аспекты этого обсуждения, но могу сказать, что в результате дискуссии мы пришли к выводу: есть все основания полагать, что взаимодействие между фракцией и правительством, фракцией и исполкомом движения буквально с сегодняшнего дня может подняться на новый уровень, и мы не видим здесь особых проблем и сложностей. Но для того чтобы предотвратить появление такого рода сложностей в будущем, решено произвести некоторые изменения в технологии работы. В частности, не исключено, что некоторые депутаты войдут в состав исполкома, и, может быть, руководство исполкома и руководство фракции в определенной части будут представлены одними и теми же людьми. Мы не акцентировали внимания на персональных разборках, мы закрыли эту страницу и посветили основное внимание формированию нашего будущего.

ВОПРОС.

Определилась ли фракция на своем заседании по заявлениям и действиям генерала Рохлина?

ШОХИН А.Н. Видимо, завтра фракция сделает заявление по поведению и позиции председателя Комитета по обороне генерала Рохлина. Мы вчера обсуждали проект этого заявления. Естественно, мы не имеем права осуждать деятельность любого политика, направленную на защиту той или иной социальной группы, отрасли, вида деятельности, и в этой связи любая деятельность по поддержке армии, оборонной промышленности и военной науки поддерживается нами. Мы намерены активно работать в части уточнения программы военной реформы, в части выработки социальных механизмов, компенсирующих сложности реформирования армии. Соответствующие документы, программы у нас есть, но их надо переводить на язык конкретных мер по реализации концепции реформы, которая объявлена Президентом Ельциным. Осуждаем же мы Льва Яковлевича Рохлина прежде всего за методы решения этой задачи: активные методы борьбы с властью, которые находятся на грани конституционных. В частности, его призывы к выведению людей на улицы, требования отставки президента и правительства в случае, если президент и правительство не примут его версию реформирования армии. Последняя, как известно, заключается в консервации военно-промышленного комплекса, который существовал в годы СССР, в период военного противостояния. Ничего более нового и конструктивного из его заявлений мы не увидели. Призывы пикировать на Белый дом и Кремль, поиски этаких Гастелло — не это находится по крайней мере на грани конституционности, если не более. В этой связи мы хотели бы призвать Льва Яковлевича объясниться с фракцией. Нам пока не удастся его "заманить" на свои заседания, не хотелось бы принимать какие-либо решения заочно. Кроме того, Виктор Степанович предпримет еще одну попытку с ним встретиться и призвать его действовать в рамках офицерской чести и самому выйти из движения и с других постов, которые он занял в соответствии с распределением постов между основными фракциями и депутатскими группами. Если этого не получится, то буквально на следующей неделе мы, видимо, будем определяться.

ВОПРОС.

Складывается впечатление, что фракции НДР придется сидеть на двух стульях. С одной стороны, она во всем должна поддерживать правительство, так как премьер — это лидер НДР. А с другой — идя на выборы, да и в самой Думе, НДР не завоеует популярности, не критикуя правительство. Усидите на двух стульях?

ШОХИН А.Н. Всегда лучше сидеть на одном стуле. Известно, что формула сидения между двумя стульями чревата падениями. Один из наших коллег именно по этой траектории и вышел из фракции. Для того чтобы иметь моральное право конструктивно критиковать правительство, нужно играть на опережение. Вчера мы обсуждали этот вопрос. Если у нас, как у фракции, будут свои достаточно детальные программы действий, включая представления о Налоговом кодексе, о бюджете, о социальных реформах и так далее, и мы их заранее сделаем достоянием гласности, предлагая соответствующие проекты законопроектов или соответствующие программы для рассмотрения в правительстве, то будем иметь

право и критиковать правительство в случае, если оно изберет другие варианты действий. Если мы сидим и ждем, когда к нам поступят документы, и потом выбираем между нажатием кнопки в поддержку правительственных законопроектов либо умеренным фрондированием, чтобы сохранить лицо в глазах избирателей, которым могут не понравиться те или иные предложения правительства, это все равно чревато потерей престижа, имиджа, поскольку за этим фрондированием не будет стоять серьезных позиций. Я за то, чтобы депутаты фракции и члены движения имели именно четкие позиции по всем основным вопросам. На съездах и других своих массовых заседаниях мы неоднократно обсуждали вопрос: одно ли это и то же — правительство и движение? Наша позиция: правительство и движение — это не одно и то же. Чтобы четко провести грань между правительственной программой и программой движения, ему нужно иметь не менее детализированную и конкретизированную программу действий, чем имеет правительство. Именно поэтому нам нужно усилить собственную законотворческую деятельность. И связь с правительством мы надеемся укрепить, имея доступ к ранним стадиям разработки законопроектов и программных документов, которые вырабатываются в правительстве. Тогда мы сумеем либо влиять на эти документы в ходе их разработки и с чистой совестью поддерживать их в Государственной Думе, либо будем иметь возможность уже на ранних стадиях формулировать свою точку зрения, которую затем будем доводить до публичных обсуждений. На мой взгляд, такой подход — это не фронда, это не попытка заигрывания с избирателями, это серьезная позиция, которая может иметь в качестве одного из результатов и действительно улучшение социально-экономической политики и нормативной базы, на которой она осуществляется. Вдруг это не произойдет? Мы рассчитываем здесь и на мои хорошие отношения с большинством министров, руководителей департаментов правительства, с министерствами экономики, финансов, другими ведомствами, с многими вице-преьерами. Будет хорошо, если мы хотя бы получим доступ к концептуальным разработкам, к готовящимся документам. Кстати, один раз у нас получилось такое взаимодействие. Год назад депутаты фракции в правительственной резиденции "Волыньское" неоднократно участвовали в обсуждении среднесрочной программы правительства до 2000 года, и, надо сказать, участие в обсуждении помогло депутатам "влезть" в живую материю этой программы, а также высказаться уже на ранних подступах, за месяц-два до того, как другие депутаты увидели эти документы. Около 20 депутатов фракции активно работали над этим документом, и даже были такие моменты, когда первый заместитель министра экономики Яков Уринсон даже звонил мне и спрашивал: "Где же депутаты? Мы уже привыкли на них обкатывать те или иные положения программы". Эта технология имела место, к сожалению, только один раз. Нужно попробовать ее тиражировать, хотя, безусловно, это очень трудная задача. Но достаточно нам будет сделать несколько шагов в этом направлении, чтобы почувствовать себя уверенно, что мы не сидим на двух стульях, а идем в том направлении, которое я обрисовал.

ВОПРОС.

Какой будет позиция фракции по ключевым законопроектам — социальному пакету и бюджету?

ШОХИН А.Н. Если говорить о судьбе социального пакета, то, как вам известно, сейчас после нескольких переделов социальные законы близки к восприятию депутатами Государственной Думы, и они уже 10 сентября будут поставлены на пленарное заседание. У них есть хорошие шансы не только быть рассмотренными, но и принятыми. В конце мая правительство представило сводные законопроекты, в которых обсуждались все льготы различным группам населения, и этот вариант был изначально обречен на провал. Это было предопределено самой технологией голосования. Если вы отменяете льготу одновременно и военнослужащим, и детям, и другим категориям, таким, как прокуроры, судьи и так далее, и все это в одном законе, то депутаты, входящие в тот или иной комитет, голосуют против этого закона, поскольку в нем есть статья, ущемляющая интересы их подопечных, и в итоге не набирается даже и сотни голосов. Когда сегодня мы имеем пакет из 15 законов, когда в этих законах прописаны механизмы реализации, то вероятность их принятия очень высока. Сложнее дело обстоит с бюджетом. Действительно, нынешний бюджет имеет значительные преимущества по сравнению с бюджетами 1995, 1996 и 1997 годов. Он реалистичен. В нем нет дутых доходов, которые были в прошлом бюджете и о которых депутаты догадывались еще в декабре—январе, и

поэтому все будущие разговоры о секвестре были заложены в сам бюджет, и более того, поскольку в законе о бюджете на 1997 год впервые была заложена статья о секвестировании, прогноз ситуации был сделан еще осенью прошлого года: бюджет будет накачан дутыми доходами. Сейчас реалистичность не вызывает сомнений, но именно поэтому будут очень жаркие дискуссии в том же направлении, в каком они шли в прошлом году, а именно: ввести новые расходные статьи, найти под них якобы реальные доходы, но которых на самом деле может и не быть. Здесь одни фракции будут бороться за реалистичность бюджета, другие — за свою строчку, свою цифру в бюджете, рассчитывая на то, что дальше, может быть, как-нибудь удастся пролоббировать в Минфине и в правительстве. Такая практика порочна: одни строки финансируются на 200 процентов, а другие — на 10 процентов, структура бюджета исковеркана. Правительство работает сейчас по проекту закона о секвестре, хотя он и не принят, но все-таки это какое-то заранее известное депутатам и регионам сокращение в понятной пропорции по конкретным статьям расходов под фактически имеющиеся доходы. Доходы спрогнозированы, как мне кажется, достаточно точно, но в то же время надо оценить реальную возможность увеличения собираемости налогов, она закладывается не очень большая. Кроме того, ситуации 1997 и 1998 годов будут отличаться. В 1997 году было мобилизовано много так называемых пожарных доходов, доходов от продажи государственной собственности. Достаточно вспомнить продажу "Связьинвеста", выручка от продажи акций которого позволила закрыть вопрос о долгах военнотружущим. Таких возможностей в 1998 году будет мало. Не случайно, что в бюджет закладывается меньшая доля от продажи государственной собственности. Замечу, что по методологии Международного валютного фонда такие доходы не считаются устойчивыми — доходы от приватизации. И когда ведутся переговоры с МВФ, основные проблемы, как правило, возникают не в том, что МВФ диктует нам какие-то идеологические установки, а в том, что совпадают обеспокоенности наши и МВФ. Очень низка доля нормальных, регулярных доходов. Около 60 процентов мы формировали за счет налоговой системы, остальное — за счет продажи госсобственности. Ясно, что нужно повышать долю налогов в доходах в бюджет, и это одна из задач нового Налогового кодекса. Здесь возникает новый вопрос: успеет ли Государственная Дума принять Налоговый кодекс, на котором базируется проект бюджета? Есть разные позиции. В частности, бюджетный комитет считает, что привязка бюджета-98 к Налоговому кодексу не такая жесткая, как это иногда следует из заявлений правительства (только около 1,5 процента доходов бюджета завязаны на новый Налоговый кодекс, остальные могут быть получены путем некоторой корректировки действующей налоговой системы). Мы неоднократно, с весны, обсуждали и такой вариант работы над Налоговым кодексом, как принятие базовых его статей в качестве первоочередных законов, с тем чтобы уже сейчас было видно, что в Налоговом кодексе принято и на какой налоговой базе будет базироваться бюджет, а затем уже спокойно, в течение нескольких месяцев, параллельно с бюджетом обсуждать Налоговый кодекс, в том числе решая задачи, которые в нем продекларированы: снижение налоговой нагрузки, упрощение налоговой системы и так далее. Есть еще одна проблема — к новой налоговой системе нужно подготовиться. Некоторые считают, что до полугодия нужно для того, чтобы подготовить налоговые инспекции, службы, издать нормативные акты, хотя много статей прямого действия, но тем не менее потребуется их перевод на язык инструкций. Выберет ли Дума вместе с правительством этот вариант — принятие базовых статей Налогового кодекса как первоочередных законов, корректирующих действующую налоговую систему, — либо мы будем форсировать принятие Налогового кодекса, с тем чтобы бюджет-98 базировался на новой налоговой системе, — это выяснится буквально на днях. Лично я сторонник подхода, связанного с принятием базовых налоговых законов, которые жестко увязаны на ключевые позиции Налогового кодекса. Это уже сейчас, в течение сентября—октября, позволило бы нам приоткрыть завесу над налоговой базой бюджета. Есть еще один сюжет. Сегодня Совет Государственной Думы, а завтра пленарное заседание включают в календарь работы на сентябрь отчет правительства об исполнении бюджета за первое полугодие 97-го года, и этот отчет уже сейчас левыми фракциями и группами рассматривается как повод для возбуждения вопроса о вотуме недоверия правительству либо повод для увязки этого отчета или представления бюджета в начале октября с вотумом доверия правительству, то есть с принуждением правительства к тому, чтобы оно само поставило этот вопрос о

доверии. То есть отчет об исполнении бюджета и вопрос о внесении бюджета на следующий год будут рассматриваться через призму политической борьбы. Думаю, что мы будем иметь полный набор политических дебатов уже в конце сентября.

ВОПРОС.
Какими аргументами В.С. Черномырдин уговорил вас, Александр Николаевич, сменить пост первого вице-спикера на позицию лидера фракции?

ШОХИН А.Н. Вчера Виктор Степанович довольно подробно говорил о мотивах, которые заставили его предложить и даже настаивать на том, чтобы я согласился с новой позицией. Я даже вчера был вынужден публично поблагодарить Сергея Беляева за то, что уже давно из уст Виктора Степановича не слышал столько добрых слов о себе. Основная проблема заключается в том, что фракции нужно второе дыхание. Оно связано прежде всего с профессиональной деятельностью. Я пытался все время работать как профессионал, хотя меня постоянно коллеги по Думе из фракции КПРФ и их союзники критикуют за то, что я чересчур часто нападаю на Геннадия Николаевича Селезнева или критикую Думу за недостаточно эффективную законодательную деятельность, но тем не менее даже эта критика всегда носила профессиональный характер.

Когда я привел эти аргументы, добавив, что кроме профессиональных экономических знаний и опыта приобрел знания и опыт юриста и организатора законотворческой деятельности, оказалось, что все эти аргументы очень кстати — ведь фракция как раз и нуждается в усилении профессионального начала. Кроме того, нельзя было допускать длительных дискуссий по поиску замены, мы должны были очень быстро решить эту задачу. В том числе и потому, что у некоторых депутатов возникали ощущения, что Сергей Беляев не потому ушел из фракции, что у него возникли разногласия с руководством НДР, а потому, что затевается игра по формированию новой депутатской группы, в которой якобы участвует президентское окружение. В общем определенный трепет в душах некоторых депутатов был, и любое затягивание вопроса о лидере могло бы перевести этот трепет на нежелательные для фракции рельсы. Мне трудно было принять решение, так как я не исчерпал своих возможностей первого вице-спикера. К тому же активность, с которой Геннадий Селезнев и его коллеги по КПРФ меня выпроваживают с поста первого вице-спикера, убеждала меня в том, что я нахожусь на своем месте. Так или иначе, но это сложное решение принято, и я надеюсь, что смогу оправдать доверие товарищей, решая те задачи, о которых я говорил.

ВОПРОС.

Как проходили выборы лидера фракции?

ШОХИН А.Н. Я был сторонником следующей технологии. Проведение рейтинга популярности политиков — членов фракции, а затем тайное голосование. Я рассчитывал, что во время этих процедур мне удастся на демократической основе уклониться от перехода на другую работу. Но позиция моих товарищей — и по президиуму политсовета, и по совету фракции — была такой, что альтернатив нет и мне надо соглашаться на этот переход. Я пытался было воздержаться, но меня пристыдили, и мне тоже пришлось голосовать.

ВОПРОС.

Какие решения фракция будет принимать по "делу Рохлина"?

ШОХИН А.Н. Мы прежде всего хотели бы, чтобы Лев Яковлевич Рохлин отказался от конфронтационных методов борьбы: это выведение людей на улицы, требование отставки президента и правительства, призывы к военнослужащим к неповиновению, в том числе приказам Верховного главнокомандующего. Мы считаем это несовместимым не только с членством во фракции, но и со статусом депутата Госдумы. Депутаты должны действовать другими — политическими и парламентскими — способами. Если Лев Яковлевич будет готов снять такого рода лозунги, это уже повод для того, чтобы продолжить с ним диалог, повод для компромисса. Вы, наверное, обратили внимание, что материальной организационной базой его движения и поездок по регионам является НПСР и КПРФ. Это уже идеологические расхождения, но мы сейчас их во главу угла не ставим. Нам очень важно провести первый раунд и пробудить во Льве Яковлевиче чувство ответственности за свои действия, поскольку сейчас они явно дестабилизируют ситуацию. Если он будет готов идти в этом направлении, мы продолжим диалог. Если нет, нам придется, видимо, принимать решение об исключении его из фракции, отзывая же Л.Я. Рохлина с поста председателя Комитета по обороне будет довольно трудно. Если в случае с переизбранием

первого вице-спикера можно рассчитывать на поддержку других фракций, то в случае с председателем комитета многие фракции, например коммунисты, нас не поддержат. Генерал Рохлин — это их актив, и нам придется провести довольно сложную работу, но мы будем ее вести. Нам, конечно, не хотелось бы терять комитет, но также не хотелось бы, чтобы мы в глазах избирателей и других политических партий и движений выглядели сидящими на двух стульях: с одной стороны, мы вроде критикуем Рохлина, а с другой стороны, он пребывает в нашем движении.

ВОПРОС.

Не слишком ли много лиц из федерального списка НДР, с которым вы шли на выборы, оказались вне фракции. Михалков в Думу не пошел, обманув избирателей, Беляев ушел, Рохлин — в оппозиции. Что это — плохой подбор кадров?

ШОХИН А.Н. Что касается Никиты Сергеевича Михалкова, то он уже ближе к выборам начал вести переговоры, чтобы мы его "отпустили". Он был готов подчиниться нашему решению, но в кулуарных беседах доказывал, что будет нужнее и полезнее в своей профессиональной деятельности, чем в деятельности депутата. Обман ли это избирателя или нет, я не думаю, поскольку Михалков остался нашим активным сторонником, и мы и в дальнейшем рассчитываем на тесное взаимодействие. Если говорить о Рохлине, то Виктор Степанович Черномырдин и Владимир Степанович Бабичев сначала долго уговаривали его пойти в политику, потом, когда у него был тяжелый инфаркт, операция шунтирования, они лично занимались его лечением, затем уговаривали пойти в Думу на Комитет по обороне, поскольку наши тактики просчитались: планировалось, что на место председателя Комитета по обороне пойдет генерал-полковник Галкин — тогдашний начальник Главного управления бронетанковых войск Министерства обороны, но из-за ошибок в расчетах его не оказалось в Государственной Думе, и Виктор Степанович уговорил Льва Яковлевича. То есть в некотором смысле политиком Льва Яковлевича сделали мы сами. Как человек, который никогда не станет генералом, я скептически отношусь к участию генералов в политике. Видимо, особенности военной жизни превращают генералов в своеобразных политиков, и если уж мы провозглашаем лозунг невмешательства Вооруженных сил в политическую жизнь, то нам не нужно из действующих генералов делать политиков. Пусть они занимаются своим делом. Да, получилось не очень складно. Федеральный список из 12 человек формировался больше по цековскоклинтоновскому методу. Сейчас, когда канула в Лету технология ЦК КПСС по подбору кадров по национальному, половому, возрастному и иным признакам, администрация Клинтона в этом вопросе осталась последним "очагом сопротивления". Мы тоже композицию составляли примерно по этим основаниям: от творческой интеллигенции, от ученых, от военных и так далее. В результате получили, что композиционно список выглядел красиво, а реальная работа в Госдуме многим не показалась соответствующей их устремлениям.

ВОПРОС.

Представители НДР неоднократно заявляли, что они являются центристами или правоцентристами. Если иметь в виду неприятие правого и левого экстремизма — это понятно. Но что это значит в более конкретном, содержательном плане?

ШОХИН А.Н. В России нет культуры политического центра. Мы изначально провозгласили себя движением правого центра. В предвыборные месяцы мы провозглашали себя и движением широкого политического центра, рассчитывая на вовлечение в свои ряды некоторых левоцентристских партий и движений социал-демократического толка. В то же время такая культура очень неустойчива. Россия по ментальное™ своих граждан тяготеет к крайностям, и развитие волнами по синусоиде больше воспринимается людьми, нежели попытки выработки компромиссов на базе центристской идеологии и умеренно-консервативного политического поведения. Надо формировать культуру центра. Не случайно от движения отлетают осколки вправо и влево. Потому что те, кто улетает, начинают ощущать, что они не смогут завоевать поддержку электората, не смогут проявить себя в рутинной политической работе. Работа в рамках правого центра — это по большей части рутинная работа. Либеральные лозунги, я не имею в виду лозунги в духе ЛДПР, скорее в духе либеральной экономической программы, или социалистические лозунги легче ложатся на соответствующие слои электората, чем, скажем, попытки совмещения и выработки курса, который можно было бы одновременно называть реформаторским курсом и в то же время курсом, который

минимизирует социальные издержки реформ, курсом, который ориентируется на поддержку отечественных производителей, на инвестиции и так далее. Возьмем, например, нынешний бюджет. Он реалистический. Он либеральный, и в то же время ресурсов для развития в нем нет. Поэтому, принимая этот бюджет, мы должны найти источники для развития. В частности, сейчас я и несколько моих коллег пытаемся выработать идеологию гарантийных инвестиционных фондов, с тем чтобы можно было запустить новый инструмент для мобилизации ресурсов, внутренних и международных финансовых рынков, для инвестиций. Находить эти возможности — значит соединять на первый взгляд несоединимые вещи: либеральную финансовую политику и поиск ресурсов для реального возобновления экономического роста. Это очень сложная задача, здесь на уровне лозунгов действовать трудно. И людям трудно эти конструкции объяснять. Что объяснять — как будут устроены федеральные и региональные гарантийные фонды и как будут осуществляться облигационные займы под быстро окупаемые программы по типу еврозаймов, ориентированных на реальные инвестиционные проекты? Это будет очень сложный профессиональный язык, а политики копают там, где светло, а не там, где надо копать и искать.

ВОПРОС.

Как вы прогнозируете исход голосования по первому вице-спикеру? Удастся ли НДР сохранить свои позиции?

ШОХИН А.Н. Мне казалось, что коммунисты должны получить удовлетворение от того, что я уйду с поста первого вице-спикера, и, если мы сделаем ряд встречных шагов и не будем затягивать этот вопрос, они будут готовы проголосовать за любого нашего кандидата. Мы, естественно, любого человека не будем двигать на этот пост, а будем продвигать того человека, который в состоянии достаточно быстро освоить круг обязанностей первого вице-спикера. У первого вице-спикера есть ключевые функции, которые мы не хотели бы терять. Он отвечает за формирование программы законопроектной деятельности на каждую сессию, решает, в какое время их обсуждать в течение месяца, пленарного заседания. Все это технические вопросы, но часто технология позволяет решать и добиваться решения политических задач и задач повышения эффективности законодательной деятельности Думы. Поэтому важно, чтобы в этот переходный период не возникло желания у левых фракций не передать функции вице-спикера, ответственного за законопроектную деятельность, вице-спикеру, представляющему, скажем, КПРФ. То есть важно не допустить ползучей попытки захвата этой важной функции первого вице-спикера. Я не сомневаюсь, что будет избран наш человек на пост первого вице-спикера, но важно сохранить его основополагающие функции. Лучше, если это будет сделано в рамках пакета: первый пункт — освободить Шохина в связи с избранием лидером фракции; второй пункт — назначить имярека от НДР на эту должность. Еще лучше, если там будут еще два пункта, а именно освободить в связи с выходом из фракции Льва Рохлина от поста председателя Комитета по обороне и назначить другого представителя НДР на этот пост. Но это идеальная схема, которую мы пока не можем довести до практического исполнения. Конечно, сложности вокруг этого вопроса будут, но не хотелось бы, чтобы вопрос об избрании нового вице-спикера упаковывался в более глобальные пакеты — обсуждение вопроса о вотуме недоверия правительству и так далее. Нам как можно быстрее надо пройти процедуру моего переизбрания, и хотя мне жалко покидать кабинет на шестом этаже, он гораздо более комфортный, чем на третьем, и не только потому, что у меня там висит копия старинной люстры, подаренная мне Ильей Сергеевичем Глазуновым, но и потому, что работалось там действительно более спокойно, профессионально, в полном соответствии моему менталитету ученого.

ВОПРОС.

Много слухов о том, что в Государственной Думе будет скоро сформирована новая депутатская группа демократической ориентации и что вы можете об этом сказать и куда пойдет С. Беляев?

ШОХИН А.Н. У меня пока нет никакой информации о том, что формируется эта новая демократическая группа. Всю прошлую сессию осуществлялись попытки сформировать так называемую промышленную группу, в ней даже насчитывалось до 20 человек. Формированием этой группы занимались демократические лидеры "Народовластия", получится новая политическая структура Думы, которая позволит сдерживать натиск коммунистов и левой оппозиции. Но как только мы посмотрели

на состав потенциальных участников этой группы, то захотелось закрыть глаза и больше об этом списке не вспоминать. Многие являются людьми еще менее внятными, чем лидеры КПРФ, людьми, с которыми очень сложно договариваться. Единственное, на что можно было рассчитывать, - это то, что они из-за своей личной неприязни к Зюганову голосовали бы против решений КПРФ. Не получилось. Туда ли пойдет Сергей Беляев, я не знаю. Если он дополнит эту группу, то будет там первым парнем на деревне. Уходить "налево" вроде бы ему не с руки, он представитель питерской группировки, а она в глазах СМИ и публики — либеральная. Значит, ему нужно уходить вправо и собирать прежде всего независимых либеральных депутатов, особенно восьмерку "Выбора России". Захочет ли Егор Тимурович Гайдар иметь своим рупором именно Сергея Георгиевича Беляева, я, честно говоря, сомневаюсь, потому что новый рупор в Думе должен по крайней мере не уступать тем, которые существуют. А у "Выбора России" довольно много толковых депутатов, которые очень активно работают в Думе, тянут свои законы и участвуют в политической полемике. Сергею Георгиевичу будет трудно доказать, что он более достоин руководящей роли. Но включиться в эту группу он вполне может. Кроме того, есть традиционное отношение к перебежчикам. Не всякий будет готов пойти под знамена человека, который своих соратников, выведших его на политическую сцену, поносил такими словами, как антиреформаторское и антипрезидентское движение. На этом капитала не сделаешь, и я не думаю, что после этого к нему побегут предлагать услуги работники президентской администрации, ответственные за работу в Думе. Пока что мы рассматриваем себя как основную реформаторскую фракцию в Государственной Думе. Вчера Григорий Алексеевич Явлинский четко заявил: "ЯБЛОКО" продолжает проводить линию на демократическую оппозицию правительству, будет бороться с той олигархической и коррумпированной политикой, которую проводит правительство. В этом смысле под удар ставится даже позиция Бориса Ефимовича Немцова, поскольку вчера Григорий Алексеевич назвал борьбу с коррупцией, проводимую правительством по инициативе Бориса Ефимовича, картинками, не имеющими отношения к делу. Мы в большей степени готовы встраиваться в конструктивную совместную работу с правительством и президентом и считаем себя в этом смысле пропрезидентской и проправительственной фракцией. Но мы не намерены простым нажатием кнопки продемонстрировать лояльность к предложениям правительства и президента. Мы должны определяться по всем позициям и заранее доносить свою точку зрения до наших партнеров - президента и правительства. У нас есть надежда, что этот новый имидж фракции, который мы будем формировать, привлечет к сотрудничеству ряд демократов Госдумы, хотя многим будет трудно решиться на формальное присоединение к фракции, опять-таки по соображениям электорального порядка. Трудно примыкать к правительственной фракции движения, которое возглавляет премьер-министр, перед новыми парламентскими выборами. Лучше самостоятельно определять свою линию поведения, критиковать и президента, и правительство, и даже Думу, с тем чтобы в тебе увидели борца за народные интересы. Это естественная линия поведения многих политиков и даже губернаторов. Многие губернаторы на прошлых выборах, некоторые — на предстоящих выборах хотели бы, несмотря на полное единство, скажем, с НДР и с правительством, президентом, дистанцироваться на период избирательной кампании от них и вести себя более гибко и "отвязано", нежели это вытекает из формального членства в НДР. А потом, после избрания, они опять обещают вернуться в наше лоно. Были такие примеры на прошлых выборах, наверняка будут и в будущем. Мы к этому относимся достаточно спокойно. Конечно, это не лучший вариант взаимодействия, но тем не менее для нас важно, чтобы было как можно больше среди лидеров регионов в местных законодательных собраниях нормальных, здравомыслящих людей. Поэтому мы готовы сотрудничать и с "ЯБЛОКОМ", и с "Выбором России", и с партиями социал-демократического толка на предстоящих выборах на местах. Мы готовы сотрудничать и на выборах губернаторов, и на общенациональных выборах. Будем стараться вовлечь в свои ряды кого-то из думских демократов или известных либеральных политиков, будем выработать соглашения о взаимодействии по конкретным вопросам.

ВОПРОС.

Кого НДР поддержит в качестве кандидата в президенты? Будет ли это свой кандидат, либо единый кандидат демократических сил?

ШОХИН А.Н. Любому движению идти на парламентские выборы 1999 года нужно, имея своего кандидата в президенты хотя бы потому, что между парламентскими и президентскими выборами всего полгода. Это будет один из основных вопросов. Сейчас, когда даже до парламентских выборов более двух лет, еще рано говорить о том, кто будет кандидатом от НДР. Очевидно лучше, если будет единый кандидат от всех демократических сил, поскольку в 2000 году неизбежно сохранение парадигмы противопоставления: коммунисты — назад в прошлое и объединенные демократы — вперед в будущее. Хотя, наверное, это противостояние будет изживаться в будущем, но тем не менее оно сохранится в ближайшие годы. И в этой связи наличие объединенного демократического кандидата во многом позволило бы ему победить на выборах. Тут надо смотреть на ряд обстоятельств. Во-первых, на электоральные возможности каждого кандидата, во-вторых, на способность кандидата объединить других достаточно амбициозных лидеров и распределить между ними посты и функции в будущих структурах власти. Немаловажную роль здесь играют и возрастные ограничения. Чем моложе претендент в объединенные кандидаты, тем меньше у него шансов стать таковым. Причины понятны: молодые могут пропустить 2000-й год и выйти на 2004-й. Поэтому демократические "старички" молодежь не пропустят. Есть много факторов, которые нужно принимать во внимание, но рисовать сейчас схемы в академических условиях — это не совсем то же самое, что выдвигать единого кандидата, когда эта проблема встанет. Важно, чтобы НДР, как одна из цементирующих политических сил в обществе, выработала бы стратегию и тактику выдвижения единого кандидата, первой назвала его фамилию и представила аргументы, чтобы с этим могли согласиться и другие кандидаты. Кстати, в последнее время активно муссируется идея первичных выборов, с тем чтобы выстроить демократов по ранжиру. Здесь есть одно обстоятельство: выстроить единый список демократов на следующие парламентские выборы (в какой-то степени это годится и для президентских выборов) можно лишь в том случае, если эти лидеры договорятся работать вместе. Сначала нужно договориться, что мы идем единым блоком, коалицией на те и другие выборы, а затем проводить различного рода опросы, первичные выборы и так далее. Другого способа нет. Без предварительных политических договоренностей первичные выборы, если их будет проводить независимая служба типа "Vox Populi", ничего хорошего не дадут, кроме новых распрей.

ВОПРОС.

Будет ли вотум недоверия этой осенью?

ШОХИН А.Н. В отношениях оппозиции с правительством есть одна особенность. Дело в том, что оппозиции нужно одновременно решить две задачи. Первая — показать свою оппозиционность. Каждый повод ею используется для демонстрации оппозиционности. Лучшего повода, чем бюджет и отчет правительства по исполнению бюджета, не придумаешь. Поэтому уже в ближайшие дни начнут появляться заявления Селезнева, Зюганова о том, что вотум недоверия возможен. Зюганов из своего сейфа вытащит лист со 146 подписями, чтобы поставить в повестку дня этот вопрос. В то же время левая оппозиция не готова к тому, что будут объявлены досрочные выборы. Не потому, что она боится, что партия власти или демократы победят. Они рассчитывают, что и оппозиция может выиграть. Но какая оппозиция? Лебедь, неизвестно к кому примкнувший Рохлин или новые партии и движения? Как правило, опросы показывают, что через пару лет после выборов рейтинг партий, прошедших в Думу и сформировавших свои фракции, все-таки несколько снижается. Многие избиратели готовы голосовать за не представленные в парламенте партии, которым легче давать обещания и сваливать ответственность за сложную ситуацию в стране на те партии, которые находятся в парламенте, или на те, которые представлены своими людьми в правительстве. Власти проиграют, демократы могут проиграть (кроме тех, кто находится в конструктивной демократической оппозиции правительству), но конкретно КПРФ может от этого не выиграть. Отсутствие уверенности в том, что сейчас подходящий момент для такого рода действий, как досрочные выборы, не позволяет коммунистам доводить свою оппозиционность до конца. Именно поэтому они будут пытаться, демонстрируя жесткую позицию по отношению к правительству, бюджету и финансово-экономической политике в 1997 году, договариваться, с тем чтобы остаться оппозицией, институционально устроенной в Думе. Думские возможности достаточно широки для того, чтобы работать в регионах и постепенно готовиться к тому моменту, который, как верят коммунисты, рано или поздно

настанет, когда они отважатся на решительный бой.

ВОПРОС.

По каким пунктам у вас возникли разногласия с Председателем Думы Геннадием Селезневым?

ШОХИН А.Н. Сегодня на Совете Государственной Думы, когда я еще сидел со стороны спикера как его первый заместитель, фракция КПРФ устроила мне выволочку, осудив меня за критику действий Геннадия Николаевича Селезнева, в том числе по ограничению доступа журналистов. Пару дней назад я давал интервью и осудил распоряжение. Выволочка касалась того, что, имею ли я право осуждать, поскольку, оказывается, было какое-то решение лидеров фракций, которые вместе с Геннадием Николаевичем обсуждали этот вопрос. Я считаю, что такие политические вопросы, а вопрос доступа журналистов — это политический вопрос, должны решаться более гласно. Как правило, когда активный депутат выходит из зала, все журналисты вскакивают и хотят взять интервью. А если обидно тем, к кому журналисты не подходят, это их проблемы. Я считаю, что надо этот вопрос ставить в палате, восстанавливать доступ журналистов. Если в кулуарах Думы ходит множество непонятного люда — значит, надо аккредитованным журналистам выдавать специальные удостоверения и пропускать их, поскольку эта работа и для самих политиков является одной из ключевых. Это один из немногих способов быстро довести свою точку зрения для избирателей. Не надо собирать пресс-конференции, тебя по дороге могут "потрясти" так, что ты, будучи еще тепленьким, расскажешь все как есть, без домашних заготовок. Я считаю, что допущена большая политическая ошибка, наша фракция будет пытаться ее исправить. Действительно, доступ в "лобби" надо ограничить. У некоторых депутатов сотни общественных помощников. Они сами даже не знают, кто у них помощники, они мешают работе, суют какие-то бумаги, просят помочь по конкретному вопросу. Вот эту массу непонятных людей можно было бы отделить от людей, работающих в Государственной Думе. Важно, чтобы в ближайшие дни основные фракции определились и внесли проект постановления, отменяющего распоряжение председателя. Меня критикуют за то, что я обвиняю Геннадия Николаевича в единоличных решениях, а он ссылается на узкие заседания с лидерами фракций. На одном из таких заседаний было решено перепланировать президиум. Иметь только два места для вице-спикеров, остальных посадить в зал, чтобы они по очереди подсаживались к Геннадию Николаевичу в то время, как он выходит покурить или выпить кофе. Узнали об этом многие совершенно случайно, потому что при этом ссылались на решение узкого совещания лидеров фракций, которое даже не было обнародовано. Это тоже политический вопрос. Фракция посылает своих представителей в президиум Думы не для демонстрации того, что они представлены, а для того, чтобы человек в президиуме мог бы вмешаться в ход заседаний без очереди. Многие вопросы технического свойства в Думе как в органе представительной власти имеют политический характер. Если к ним относиться только как к техническим — это ухудшит атмосферу вокруг Госдумы и повредит ее престижу.

Так что здесь дело не в личных отношениях со спикером, а в разных подходах к стилю и методам работы.

ФРАКЦИЯ ОБРЕТАЕТ ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

("ДОМ И ОТЕЧЕСТВО", 6—12 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА, № 30, А. БАТЫГИН)

Первый вице-спикер Государственной Думы Александр Шохин в минувшую среду на заседании фракции НДР единогласно избран ее руководителем. Кандидатуру Шохина внес на рассмотрение лидер движения "Наш дом — Россия" Виктор Черномырдин. Свое первое интервью после избрания лидером фракции А. Шохин дал нашей газете.

—Александр Николаевич! Вашему избранию предшествовали заседания президиума политсовета движения и фракции НДР в Госдуме, беседы с лидером "Нашего дома" Виктором Черномырдиным. Знаю, вы не сразу дали согласие, пытались отказаться. Какие аргументы вас все-таки убедили занять хлопотную должность лидера фракции?

—Надо, Федя, надо!.. Ну а если серьезно, основной аргумент был связан с тем — и об этом говорил мне Виктор Степанович, — что фракции нужно обрести второе дыхание. Что под этим подразумевается? Нам предстоит не просто активизировать работу фракции, повысить ее эффективность, усилить взаимодействие с нашими потенциальными союзниками.

Главное сейчас — направить работу фракции в стратегическое русло.

Именно об этом, а не о кадровых или текущих организационных вопросах шел разговор на встречах и на президиуме, и на совете.

Меня коллеги по Думе, депутаты из фракции КПРФ, постоянно упрекают, что я, дескать, чересчур часто нападаю на спикера, критикую Думу за недостаточно эффективную законотворческую деятельность. Тем не менее мои оценки носят профессиональный характер. Я всегда старался работать как профессионал! И вот оказалось, что я, кроме профессиональных экономических знаний, приобрел и опыт законотворчества. А в возникшей ситуации с уходом Беляева нельзя было допустить длительных дискуссий по замене руководителя фракции, поскольку у некоторых депутатов возникло ощущение, что Сергей Георгиевич ушел не из-за несоответствия задачам, стоящим сегодня перед фракцией, движением, а из-за затейливой интриги по созданию новой депутатской группы...

Мне нелегко было принять решение, считаю, что я не исчерпал своих возможностей на посту вице-спикера. Но оно принято, и я надеюсь, что сумею оправдать доверие товарищей.

—Вы упомянули о стратегии. Очевидно, у настоящей и будущей стратегической программы фракции не один вектор. Какие наиболее важные из них?

—И депутаты фракции, и лидер движения, говоря о стратегических задачах, не раз подчеркивали: мы уже сейчас должны думать о следующих парламентских выборах. Все сходятся во мнении: под горочку уже пошли, времени остается до декабря 1999 года не столь много. Поэтому нужно думать об авторитете движения, его восприятии в глазах электората, о том, чтобы имидж фракции НДР в Госдуме соответствовал ее возможностям — политическим и тем особым, которые ей дают взаимоотношения с правительством. Такие возможности должны использоваться в полной мере прежде всего в законодательной работе.

Мои коллеги согласились, что основной способ поднять престиж нашей фракции — повышение эффективности законотворчества. Мы рассчитываем, что в ближайшее время сумеем упорядочить эту работу и активно вносить законы, участвовать в обсуждении других законопроектов, создавать согласительные процедуры, добываясь с их помощью содержательных и проходимых законов.

Это наше первое стратегическое направление. Второе — определение политической судьбы каждого члена фракции. Речь прежде всего идет о возможности участия наших единомышленников в следующих выборах. Нам предстоит определить тех политиков, которые будут реально рассчитывать на избрание в одномандатных округах, тех членов фракции, кто готов тянуть рабочий воз в регионах и вытягивать региональные списки.

Третье направление стратегии фракции — работа по созданию разного рода коалиций. Возникла парадоксальная ситуация: наше правительство по своим политическим пристрастиям довольно неоднородно, и тем не менее оно работает единой командой. И Анатолий Чубайс, приверженец "Демократического выбора России", и Борис Немцов, не скрывающий своих симпатий "ЯБЛОКУ", и Виктор Черномырдин, опирающийся на "Наш дом". А вот в Думе и вне думской политической жизни таких тесных рабочих контактов между разными партиями и движениями, имеющими своих представителей в правительстве, нет. И потому мы считаем своей задачей — попытаться устранить такой пробел, наладить взаимодействие сил как в Думе, так и вне ее.

Эта стратегическая задача не является абстрактной, отдаленной, она рассчитана не только на формирование возможных коалиций на следующих парламентских выборах. Мы попытаемся реализовать эту схему уже в нынешнем году. В 30 регионах до конца года пройдут выборы в законодательные собрания субъектов Федерации. Наши идеи о коалициях, их построениях постараемся отточить именно на выборах в провинции.

Вот что касается стратегии, на которую ориентируется фракция. Ради этих задач во многом и происходит ее обновление.

Кстати, кроме замены лидера фракции, у нас произойдет ряд кадровых перемен. В частности, мы решили, что совет фракции тоже необходимо обновить. Старые

члены совета, желающие активно работать, должны подтвердить свои полномочия. В то же время мы хотим и новых людей посмотреть в деле.

—Вы теперь обязаны сложить полномочия первого вице-спикера. НДР теряет престижное, влиятельное кресло?

—Я считаю, что здесь мы должны следовать так называемым "пакетным договоренностям". Напомню, в январе 1996 года принято решение, что лидеры думских фракций не будут претендовать на посты председателя и заместителей председателя Думы. Была достигнута устная, джентльменская договоренность: посты членов президиума палаты и политических лидеров Думы будут разведены. Сегодня мы не скрываем своих намерений в самое ближайшее время обсудить у себя во фракции кандидатуры людей, достойных трудиться на освобожденном месте. У нас есть такие депутаты.

(Вчера на пленарном заседании Госдума своим постановлением освободила А. Шохина от должности первого заместителя председателя нижней палаты. Г. Селезнев сообщил на пресс-конференции, что должность первого вице-спикера по-прежнему будет закреплена именно за фракцией "Наш дом — Россия". — А. Б.)

В среду на заседании фракции мы обсуждали проблемы взаимодействия фракции и правительства, фракции и исполкома политсовета движения. Могу сказать одно — вышли мы после дискуссий с такими выводами: есть все основания полагать, что такие взаимодействия буквально с этого дня могут подняться на новый уровень.

Повторяю, мы не акцентируем внимание на персональных разборках, мы закрыли эту страницу, а основное внимание сегодня уделяем обсуждению нашего будущего.

—Фракцию покинул Сергей Беляев, но в ней остался Лев Рохлин, выражающий несогласие с НДР по ряду вопросов. Что можете сказать о судьбе "мятежного" генерала?

—Мы, с одной стороны, не имеем права обсуждать деятельность любого политика, направленную на защиту той или иной социальной группы.

Любая деятельность, направленная на поддержку армии, оборонной промышленности и науки, нами поддерживается. Мы во фракции намерены активно участвовать в реформировании армии.

Однако мы осуждаем Льва Рохлина прежде всего за его методы решения армейских проблем. Они конфронтационны, находятся на грани Конституции — генерал призывает людей выходить на улицы, требовать отставки президента и правительства в случае, если они не примут его версию реформирования армии. Пока ничего нового, конструктивного в предложениях Льва Яковлевича мы не увидели. Призывы пикировать на Белый дом, Кремль, поиск новых Гастелло — разве это серьезно?..

Мы хотим пригласить Рохлина поговорить во фракции, но он от встречи уклоняется. Виктор Степанович Черномырдин сделал попытку встретиться с ним, призвать действовать его в рамках Конституции. Если Лев Яковлевич "разошелся" с НДР, так не лучше ли ему самому выйти из движения и сложить полномочия с постов, которые он получил в соответствии с их распределением между основными фракциями и депутатскими группами? Если такое не произойдет, мы будем вынуждены на следующей неделе окончательно определиться с пребыванием Льва Яковлевича во фракции.

—Фракцию НДР, как и движение, многие называют про правительственной, партией власти. В "Доме и отечестве" мы уже не раз писали, что НДР и правительство — не одно и то же, о конструктивной критике "Нашим домом" кабинета. Уже в новой роли — лидера фракции — что бы вы могли сказать по этому поводу?

—Для того чтобы иметь моральное право конструктивно критиковать правительство, нужно играть на опережение. Если у нас — и у движения, и у фракции — будут свои, детальные программы действий, включая свое представление о Налоговом кодексе, о бюджете, о социальных реформах и так далее, и мы заранее сделаем их достоянием гласности, предлагая соответствующие проекты законов или предложения для рассмотрения в правительстве, то получим право и критиковать правительство в том случае, если оно изберет другие варианты действий. Ежели мы будем сидеть и ждать, когда к нам поступят документы, а потом выбирать между нажатием кнопки в поддержку правительственных законопроектов либо умеренным фрондированием, чтобы сохранить лицо в глазах избирателей, то это чревато потерей имиджа, престижа.

Мы не раз на съездах, своих заседаниях обсуждали вопрос и заявляли: движение —

это не правительство! Но для того чтобы четко провести грань между правительственной программой и программой движения, нужно иметь не менее детализированную, конкретную разработку действий — что имеет правительство. Над этим мы должны работать, усиливая законотворческую деятельность.

Связь с правительством мы надеемся крепить, имея доступ — Виктор Степанович с этим согласился — к ранним стадиям разработок законопроектов и программных документов, которые вырабатываются в правительстве. В таком случае мы либо сумеем влиять на эти документы в ходе их разработки и тогда с чистой совестью их поддерживать при обсуждении в Госдуме, либо получим возможность на ранних стадиях сформулировать свое особое мнение, которое затем доведем до публичных обсуждений. На мой взгляд, такой подход — не фронда, не заигрывание с избирателями, а серьезная позиция, способствующая улучшению социально-экономической политики, нормативной базы, на которой она реализуется. Тут мы считываем и на мои хорошие отношения с большинством министров и руководителей департаментов правительства.

Один раз у нас уже получилось удачное взаимодействие. Год назад депутаты фракции в правительственной резиденции "Волынское" неоднократно участвовали в обсуждении среднесрочной программы правительства до 2000 года. Такое сотрудничество, во-первых, помогло депутатам "влезть" в живую материю программы, а во-вторых, высказать свое мнение уже на ранних подступах — за месяц-два до того, как другие депутаты увидели эти документы.

Около 20 депутатов нашей фракции активно работали тогда над документом. Помню, нынешний вице-премьер, а тогда первый замминистра экономики Яков Уринсон даже звонил мне, жаловался: "Где же депутаты? Мы уже привыкли на них обкатывать те или иные положения программы"...

То, о чем рассказал, разовый опыт. А сейчас попробуем его тиражировать. Задача трудная, но постараемся сделать несколько шагов в этом направлении, чтобы почувствовать себя увереннее.

—Александр Николаевич, какую роль может сыграть фракция в судьбе проекта бюджета и социального пакета, полученного Госдумой из правительства?

—После некоторых переделок социальные законы близки к восприятию депутатами — 10 сентября они будут представлены на пленарное заседание Думы. У социального пакета — хорошие шансы быть принятым.

С бюджетом сложнее. Бюджет-98 имеет заметное преимущество перед бюджетами 95-го, 96-го и 97-го годов, ибо он реалистичен, в нем нет дутых доходов, как прежде. Сейчас реалистичность бюджета не вызывает сомнений, но именно потому в Думе предстоят жаркие дискуссии. Фракции будут бороться за свою строчку, цифру в нем, надеясь пролоббировать свой "интерес" в Минфине.

С моей точки зрения, доходы в бюджете сформулированы сейчас точно, но в то же время надо оценить реальные возможности увеличения собираемости налогов, а она закладывается не очень большой. В 1997 году было много мобилизовано так называемых пожарных доходов — от продажи госсобственности. Ситуация в 98-м будет заметно отличаться.

—Успеет ли Госдума принять Налоговый кодекс, на котором базируется проект бюджета?

—Здесь есть разные позиции, в частности Комитет по бюджету считает, что привязка бюджета-98 к Налоговому кодексу не такая жесткая, как это иногда следует из заявлений правительства. Мы во фракции с весны обсуждали и такой вариант работы над кодексом: принятие его базовых статей в качестве первоочередных законов, с тем чтобы уже сейчас стало видно, что в Налоговом кодексе прошло и на какую налоговую базу будет опираться бюджет. А затем уже спокойно, в течение нескольких месяцев, параллельно с бюджетом обсуждать кодекс, решая в том числе задачи, которые в нем продекларированы.

—В конце нынешнего столетия грянут выборы — парламентские и президентские. Ваше мнение об участии в них НДР?

—Мы рассматриваем себя, "Наш дом", как основную реформаторскую фракцию в Госдуме. Надеемся, что ее новый имидж привлечет к сотрудничеству ряд парламентских демократов. Хотя, понятно, многим будет трудно решиться на такой шаг — формальное присоединение к нашей фракции из-за соображений электорального порядка. Трудно примыкать к правительственной фракции, движению, которое возглавляет премьер-министр, особенно перед новыми выборами. Многие предпочитают действовать "отвязанно", критиковать

правительство, создавая образ борца за народные интересы. Такая ситуация естественна для части политиков, губернаторов, разделяющих многие идеи НДР, но внешне дистанцирующихся от движения. Конечно, сотрудничать с такими людьми — не лучший вариант, но мы относимся к этому спокойно. Важно, чтобы в местных законодательных собраниях появилось больше нормальных здравомыслящих людей.

Мы готовы сотрудничать и с "ЯБЛОКОМ", и с "Выбором России", партиями социал-демократического толка на предстоящих выборах на местах.

Идти на выборы любому движению, в том числе на парламентские выборы 1999 года, нужно, имея кандидатуру на выборах президентских. Хотя бы потому, что между этими выборами — всего полгода. Сейчас, когда до парламентских баталий более двух лет, видимо, еще рано рассуждать, кто станет кандидатом в президенты от "Нашего дома". Очевидно, лучше, если от демократических сил. Потому как в 2000 году, очевидно, сохранится противостояние коммунистов ("назад, в прошлое") и демократов ("вперед, в будущее"). Тут есть над чем поразмышлять, чем заниматься. Очень важно, чтобы именно НДР, одна из цементирующих сил в обществе и парламенте, выработал стратегию и тактику выдвижения единого кандидата и первым назвал его фамилию.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ. ЛИДЕР ОТВЕЧАЕТ ЖУРНАЛИСТАМ

(СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ "НАШ ДОМ - РОССИЯ"
В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н. В МОСКОВСКОЙ СТУДИИ
"РАДИО "СВОБОДА" 6 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА)

СОКОЛОВ М. "Лицом к лицу. Лидер отвечает журналистам". В эфире -воскресная программа московской редакции "Радио "Свобода".

Гость московской студии "Радио "Свобода" — новый лидер фракции "Наш дом — Россия" в Государственной Думе Александр Шохин. Вопросы ему задают Мигель Фернандес, испанское агентство "Эфе", и Глеб Черкасов, "Коммерсант Дейли".

Александр Шохину 45 лет, доктор экономических наук, профессор, был министром труда, министром экономики, вице-премьером, был и первым заместителем Председателя Государственной Думы до пятницы.

Александр Николаевич, ваш номенклатурный статус понизился или повысился?

ШОХИН А.Н. Это будет зависеть от того, отберут ли у меня какие-то блага, полагающиеся первому вице-спикеру: телефоны, фонари на машине и так далее. Но, конечно, не в этом дело. Политический вес мой явно вырос.

СОКОЛОВ М. Александр Николаевич, решение Сергея Беляева уйти с поста председателя фракции "Наш дом - Россия" в Государственной Думе, уйти со скандалом, было ли оно для вас неожиданным?

ШОХИН А.Н. Решение уйти со скандалом было, действительно, неожиданным. Это был один из возможных сценариев поведения Сергея Георгиевича. Но то, что Сергею Беляеву пришлось бы уйти в сентябре с этого поста, это было очевидно.

Дело в том, что на протяжении последних месяцев во фракции, в движении созревало и к концу лета созрело ощущение, что Сергею Георгиевичу лучше перейти на другую работу, работа лидера фракции явно оказалась не для него. Я не хочу критиковать его качества — профессиональные, деловые или политические, но фракция хотела обновить руководство, обновить имидж движения, поднять роль фракции в Государственной Думе. Каждый депутат хотел видеть свою политическую перспективу, связывая ее с фракцией, пользующейся доверием, уважением и среди коллег-депутатов, и среди избирателей. Именно с этим были связаны намерения депутатов поставить вопрос о замене лидера уже в сентябре.

Сергей Беляев об этом знал, Виктор Степанович Черномырдин предлагал ему другую работу, в том числе в правительстве.

СОКОЛОВ М. Хорошую работу?

ШОХИН А.Н. Хорошую.

СОКОЛОВ М. Например.

ШОХИН А.Н. Министерского или посольского ранга. Причем и министерства и посольства такие, за которые бьются профессиональные бюрократы и профессиональные дипломаты.

И поэтому Сергей Беляев не мог не знать, что рано или поздно ему придется уйти.

Другое дело, что он принял решение — уйти, хлопнув дверью. Я думаю, что фракция переживет этот хлопок, и мы сумеем консолидировать быстро своих соратников. Хотя, конечно, у Сергея Георгиевича какое-то число близких союзников есть, но они тоже должны понимать, что лучше попытаться реализовать себя в новых условиях, когда открылись новые возможности, в том числе возможности, связанные с постоянным общением фракции с лидером движения. Сейчас у нас есть шанс обновить еще целый ряд позиций. И все те, кто хочет работать, могут доказать коллегам, что лучше них никто это не сделает.

Мы рассчитываем, все формы активности — политической и законодательной — могут быть реализованы депутатами. В частности, нам хотелось бы, чтобы депутаты активнее работали в политсовете движения, в исполкоме движения. Мы всем, кто хочет и может работать, дадим возможности для продвижения профессионального, интеллектуального и даже должностного.

СОКОЛОВ М. Мигель Фернандес. Агентство "Эфе".

ФЕРНАНДЕС М. Александр Николаевич, очень часто говорят, что многопартийность — это отражение развития среднего класса в обществе. Как вы оцениваете перспективу развития среднего класса в России как бывший министр труда и министр экономики, а теперь как политический деятель возможности развития многопартийности?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что формирование среднего класса — это важнейшая задача политической жизни, важнейшая задача "Нашего дома — Россия" как движения, ориентированного на центр, на правый центр. Средний класс — это ведь не мелкий лавочник, это прежде всего люди, живущие на зарплату и чувствующие себя комфортно в обществе благодаря адекватной оценки их статуса. Это и учителя, и врачи, и ученые. Вот когда эти группы населения будут чувствовать себя комфортно, можно считать, что поддержка реформам будет обеспечена.

Есть и вторая часть среднего класса — это люди, занятые в инициативном секторе экономики, это малый, средний бизнес, это люди, достигающие успеха благодаря созданию налоговых, финансовых, экономических условий для реализации их потенциала. Когда обе части среднего класса почувствуют, что условия созданы для их нормальной жизни, для реализации их потенциала, вот тогда, я думаю, реформы станут необратимыми.

У нас в начале 90-х годов не было второй части среднего класса, она только формировалась. Этот инициативный сектор экономики сейчас во многом сформировался, занятые в нем люди, адаптировавшиеся к реформам, во многом поддерживают курс на преобразования. Но с другой стороны, есть группы населения, ориентированные на высокий профессиональный, должностной статус, эта часть среднего класса пострадала явно. И она перестает поддерживать реформы из-за невыплаты зарплаты, из-за отставания уровня своего положения по сравнению с теми группами населения, которые могут благодаря своей активности в рыночном секторе экономики очень энергично улучшать свое благосостояние. И поэтому социальная база преобразований не расширяется. Нам нужно в ближайшее время добиться консолидации среднего класса, в том числе из-за политических соображений. К концу десятилетия, к 1999 году, к декабрю, к середине 2000 года средний класс — это основная сила поддержки при формировании парламента и при выборах президента.

СОКОЛОВ М. Глеб Черкасов. "Коммерсант Дейли".

ЧЕРКАСОВ Г. Александр Николаевич, правда ли, что вы очень не хотели вставать во главе фракции "Наш дом — Россия"? И кто и чем убедил вас бросить должность первого вице-спикера и заняться партийной работой?

ШОХИН А.Н. Действительно, я не считал, что себя уже полностью исчерпал на должности первого заместителя Председателя Государственной Думы, которая, надо сказать, дает широкие возможности влияния на события внутри Думы и за ее пределами. В частности, именно первый вице-спикер отвечает за составление всех планов и программ законодательной деятельности. Мне пришлось за эти полтора года переквалифицироваться из экономиста в юриста. И я даже книгу издал в этом году "Взаимодействие властей в законодательном процессе", которая во многом отражает опыт работы Думы и формирует некоторые достаточно серьезные предложения по изменению технологии работы палаты. По отзывам специалистов, я вник достаточно глубоко в эту проблематику, хотя вижу, что есть резервы.

Это влиятельное место, конечно, не хотелось бы терять, тем более что все время, во-первых, возникал вопрос: удастся ли фракции "Наш дом -Россия" сохранить за

собой эту позицию в случае моего ухода с этого поста? И во-вторых, возникал вопрос: есть ли человек, который быстро может включиться в это и заменить меня на этом посту?

Как первый заместитель председателя я являюсь председателем объединенной комиссии по координации законодательной работы, куда входят все представители ветвей власти. Я являюсь членом ряда правительственных комиссий — по международным финансовым организациям и связям с "семеркой", ВЧК и так далее, и так далее.

Понятно, что это влияние, которое во многом было достигнуто благодаря совмещению моих личных профессиональных качеств и моей должностной позиции, не так просто будет восстанавливать, во все эти органы захотят попасть и другие вице-спикеры, и представители других фракций. И поэтому у нас возникал вопрос: не ослабит ли позиции фракции и движения мой уход с поста вице-спикера? Но поскольку события во фракции стали развиваться несколько иначе, чем мы планировали, то хотели "мягкий" механизм обновления руководства пообсуждать осенью, не предполагая, что Сергей Георгиевич Беляев будет хлопать дверью, а даже считая, что он включится в этот процесс. Для внешнего мира эта замена должна была выглядеть как естественная ротация — "в связи с переходом на другую работу", переходом, например, в исполнительную власть, на более высокие должности, нежели до ухода в политику. Мы считали, что сумеем плавно перейти к этому обновлению руководства, и были готовы спокойно поискать варианты руководства фракции. Не исключался даже вариант коллективного руководства — система сопредседателей. Но все эти проблемы мы не успели даже поставить в повестку дня нашего первого после каникул фракционного заседания, поскольку нам пришлось срочно решать вопрос о лидере, с тем чтобы этот скандал, который инициировал Сергей Георгиевич Беляев, не спровоцировал "колебательных движений" у некоторых членов фракции. Пока мы можем говорить, что ничего не произошло, никто не вышел из фракции. Это не значит, что не надо людям, соратникам своим, объяснять перспективы фракции. Они должны видеть, что те проблемы, которые в прошлом их волновали и сформировали неудовлетворенность своим положением, что все эти проблемы могут быть решены в самое ближайшее время.

Получилось так, что на роль лидера фракции, без жарких дискуссий и выставления альтернативных кандидатов, был выдвинут я. Виктор Степанович, мотивируя свое решение, имел в виду еще одно обстоятельство — это доверительный и очень длительный характер наших с ним отношений. Мы уже шестой год работаем вместе. И за эти шесть лет, по общему нашему мнению, мы друг друга не подводили.

СОКОЛОВ М. То есть он вас лично попросил?

ШОХИН А.Н. Он лично меня попросил и объяснил свои личные мотивы членам фракции.

После всего этого мне трудно было отказаться, хотя не скрою, что решение было достаточно тяжелым и сейчас я только начинаю привыкать к этому новому амплуа. И может быть, в связи с тем, что меня только что освободили от должности вице-спикера, с понедельника начну себя уже в полном объеме ощущать политическим лидером фракции "Наш дом — Россия".

СОКОЛОВ М. Александр Николаевич, место ваше вакантно. Коммунисты обещают, что его займет представитель вашей фракции, называют разные фамилии, одного из заместителей — Владимира Рыжкова или Владимира Зорина, председателя Комитета по национальности или, например, отставного генерала Романа Попковича, который, кстати, состоит членом правления общества "Духовное наследие", поддерживающего Коммунистическую партию.

Вот кто все-таки, с вашей точки зрения, мог бы из этих людей (может быть, кто-то еще) справиться? Я понимаю, что вопрос не решен, но тем не менее.

ШОХИН А.Н. Вопрос будет решаться на заседании фракции во вторник. В течение понедельника я проведу встречу со всеми депутатами. И Виктор Степанович обещал присутствовать на заседании фракции. Нам здесь очень важно решить несколько задач.

Первая. Чтобы кандидат, которого фракция выдвинет, удовлетворял большинство фракции. И здесь будем исходить из принципа: есть пост первого вице-спикера, есть функции, конкретное описание его функций, тем более есть человек, который может еще и на словах объяснить все подводные течения, которые связаны с

исполнением этих обязанностей. Будем отбирать человека, в максимальной степени готового быстро освоиться на этой позиции.

Вторая. Это то, что человек, представляющий фракцию на ключевом посту, первого заместителя председателя, должен иметь вполне определенную политическую окраску.

Тот факт, что наша фракция центристская, правоцентристская, тем не менее позволяет, даже с чисто идеологической точки зрения, иметь в ней и центристов, тяготеющих, скажем, к социал-демократии, и либеральных экономистов, и политиков. Мы с самого начала, идя на выборы, объявили допустимость такого сотрудничества. Но сейчас, в силу целого ряда обстоятельств, нам очень важно, чтобы в Президиуме Государственной Думы фракцию представлял человек с ярко выраженными демократическими убеждениями. Это мое мнение. И я попытаюсь его довести до членов своей фракции. Чересчур много в Президиуме Думы людей, которых трудно заподозрить в демократических привязанностях.

СОКОЛОВ М. То есть человек, способный ответить коммунисту Геннадию Селезневу?

ШОХИН А.Н. Да. Я, конечно, хотел бы, чтобы этот человек отвечал коммунисту Геннадию Селезневу, как я ему отвечал и не только в словесной перепалке, во время политических дискуссий, но и председательствуя в его отсутствие на заседаниях и проводя те вопросы, в которых заинтересована страна, и не допуская проведения тех вопросов, которые явно носят популистский, политизированный характер. А таких решений, к сожалению, много.

Достаточно вспомнить вопрос о медицинском импичменте, когда только благодаря тому, что я председательствовал, вопрос был благополучно "похоронен" и никакое решение не было принято.

Далее. Но я еще хочу отметить одно обстоятельство. Нам очень важно, чтобы эта кандидатура была проголосована на ближайшем заседании. Здесь нам остается уповать на честное слово Зюганова.

СОКОЛОВ М. Честное слово Зюганова?

ШОХИН А.Н. Который обещал это сделать, лишь бы я согласился уйти с поста первого вице-спикера. Но мы будем теперь смотреть, насколько обещания Геннадия Зюганова и Геннадия Селезнева будут соответствовать действительности.

Кроме того, само выдвижение кандидата должно происходить демократическим путем, то есть фракция должна принять в нем участие, навязывать кандидатуру сверху или выламывать руки фракции, чтобы она согласилась на какого-то кандидата, — ни Виктор Степанович, ни я не собираемся.

СОКОЛОВ М. Мигель Фернандес. Агентство "Эфе".

ФЕРНАНДЕС М. Пользуясь терминологией прошлых лет, вы прошли через хозяйственную деятельность, советскую деятельность, теперь перешли на партийную работу. Скажите, неужели все, действительно, так ужасно, что вы только теряете привилегии, вертушки, мигалки? Или вы видите все-таки какие-то перспективы?

ШОХИН А.Н. Я надеюсь, вы поняли, что это была шутка.

Если говорить о перемене статуса, то, конечно, это новое амплуа для меня. И работа предстоит достаточно тяжелая, потому что на посту первого заместителя председателя мог уповать лишь на свои деловые профессиональные навыки. И когда я справлялся со своими должностными обязанностями, то считал, что полностью соответствую задачам, ради которых меня фракция делегировала на этот пост.

Сейчас я отвечаю за всю фракцию, за 65 человек, за их политическую судьбу, за престиж фракции в целом. И как бы я себя ни вел во время политических дебатов, какие бы хорошие интервью ни давал, не в этом главное. Главная работа в том, чтобы фракция выглядела достойно.

Конечно, многое зависит и от лидера. Но лидер не может сделать все. В частности, престиж фракции в Думе зависит от количества и качества вносимых ею, ее членами, законопроектов. Здесь у нас много резервов. И нам нужно резко активизировать законотворческую деятельность фракции. Резервы здесь, безусловно, есть.

Но если уже нас называют проправительственной фракцией, то сам Бог велел нам потрясти ведомства, министерства, аппарат правительства и посмотреть, что у них есть в заделе, соединить это с нашими предложениями. Мы имеем все возможности "обходить на повороте" представителей других фракций, внося достаточно

продвинутые и проработанные законопроекты, которые не натолкнутся затем на вето президента, поскольку эта позиция может в самом начале быть согласована и с президентской стороной, и с правительственной стороной. Это серьезная работа, которую делать должен не один человек и не избранные, а большая часть фракции, если не вся фракция должна в нее включиться.

Кроме того, как лидер фракции, я должен думать и о престиже движения "Наш дом — Россия". Так уж получилось, что, за исключением нашей фракции, все остальные фракции имеют в качестве лидеров руководителей партий и движений. И им проще объединять усилия партийной и политической фракционной машины. У нас это разделено. Лидер движения работает вне стен Государственной Думы, и исполком движения работал достаточно автономно в прошлые годы. У нас не получилось тесного взаимодействия. Одна из моих задач — наладить взаимодействие между лидером движения и фракцией, между фракцией и исполкомом и сделать это единым механизмом. Готовность Виктора Степановича Черномырдина к повышению эффективности взаимодействия этих структурных составляющих нашего движения есть, я чувствую свою обязанность в том, чтобы сделать серьезные шаги в этом направлении.

Так что и за фракцию надо отвечать, и быть одним из людей, ответственных за судьбы движения "Наш дом — Россия". И одно из направлений, которое мы себе наметили, я здесь готов активно включиться, - это попытка формирования коалиции. Как вы знаете, в мае мы сформировали Союз прогрессивных сил, в который вступило три политических движения: "Наш дом — Россия", движение Народных домов и движение "Реформа — новый курс". Мы сейчас намерены провести переговоры с целым рядом других политических движений и попытаться создать достаточно мягкое политическое объединение, которое могло бы по крайней мере формировать единые оценки происходящих событий, формировать согласованные требования к властям. Я думаю, что мы сумеем здесь кое-что сделать.

Кроме того, этот год хоть и не такой горячий с точки зрения выборов в регионах России, тем не менее более чем в 30 субъектах Федерации будут проходить выборы в законодательные собрания, и здесь нам нужно показать себя как движение, выставляя своих кандидатов, и попытаться стать организующей силой при формировании коалиции демократов. Я думаю, в регионах надо очень активно сейчас работать и показать, что во многом неудачные попытки объединения демократических сил в Москве могут быть перекрыты реальными демократическими коалициями на местах.

Это большие задачи. Я, с одной стороны, чувствую уже тяжесть этих задач, хотя еще только начинаю ими заниматься, но с другой стороны, это интересная политическая работа, и, переходя на нее, на политическую работу, понимаю, что если она получится, то в дополнение к своим профессиональным качествам экономиста, специалиста по социальной политике и специалиста по организации законодательной работы, могу получить еще новый опыт, новые знания, которые лишними не будут, даже если когда-то возвращаться в правительство или работать на каких-то постах в Думе.

СОКОЛОВ М. Глеб Черкасов, ваша очередь.

ЧЕРКАСОВ Г. Александр Николаевич, "Наш дом — Россия" является партией власти. Наверное, в любой другой роли она просто не может существовать. Нужна ли вот эта партия власти кому-либо во власти, кроме председателя правительства Черномырдина и члена правительства Бабичева и нужна ли она им, потому что и Черномырдин, и Бабичев занимаются движением от случая к случаю?

ШОХИН А.Н. Один из недостатков движения "Наш дом — Россия", если абстрагироваться от наличия фракции "Наш дом — Россия" в Государственной Думе, хотя абстрагироваться от этого довольно сложно, состоит в том, что эта структура замирает в период межвыборный и оживает в период подготовки к следующим выборам, становясь организационной базой решения политических электоральных задач.

Я не считаю, что это удачная конструкция, но она не сознательно сформирована, она сложилась по факту. И я вижу одну из своих главных задач в том, чтобы движение "Наш дом — Россия" имело свое отчетливое политическое лицо.

Мне хотелось бы, чтобы мы, будучи проправительственной фракцией в Государственной Думе и проправительственным движением, работали на опережение, формировали сами свои представления о бюджете, о Налоговом

кодексе, о социальных программах и так далее.

В этом случае у нас появляется возможность, во-первых, предлагать, а иногда даже навязывать правительству свои разработки. А во-вторых, мы получаем возможности и для принятия собственных политических решений: как нам вести себя в той же Государственной Думе в случае, если по целому ряду причин правительство не реализует наши программные установки. У нас появляется моральное право на критику действий правительства.

Сейчас у нас этого морального права нет, и когда в Думе некоторые депутаты, в том числе бывшие лидеры движения, критиковали те или иные законопроекты правительства, это напоминало фронду, попытку продемонстрировать свою как бы равноудаленность от различных политических сил. Но, на мой взгляд, моральных оснований для такой фронды не было, поскольку не было четко выраженных позиций.

ЧЕРКАСОВ Г. Но ведь ваша фракция с ЛДПР голосовала по каким-то вопросам, в частности по Ираку и Ливии.

ШОХИН А.Н. По бюджету, например.

ЧЕРКАСОВ Г. Но по бюджету тоже, конечно. И они лучше вас голосовали, гораздо более сплоченно, по-моему, в пользу правительства.

ШОХИН А.Н. Один пример — голосование в пятницу, когда решался вопрос о моем досрочном освобождении с поста первого заместителя председателя, хотя мы просили сделать это на следующей неделе, чтобы единым пакетом освободить меня и назначить нашего представителя на эту должность. Так вот — нас "кинул" Жириновский.

ЧЕРКАСОВ Г. Вы ему мало посулили?

ШОХИН А.Н. Накануне я с ним поговорил. Честно говоря, я молодой лидер, вообще ему ничего не посулил. Я просто его попросил поддержать.

ЧЕРКАСОВ Г. А он вас о чем-то попросил?

ШОХИН А.Н. Он ничего не попросил. Обещал поддержать и кинул, видимо, потому, что я просто уповал на личный разговор и, честное слово, на обещания политика, а надо было бы взять встречные обязательства.

ЧЕРКАСОВ Г. Ваш предшественник работал с Жириновским, но не очень удачно, по-моему, и авторитету фракции это не способствовало.

ШОХИН А.Н. Согласен.

ЧЕРКАСОВ Г. Александр Николаевич, есть еще одна фигура в вашей фракции. Это господин Рохлин, который ведет активную политическую деятельность, создает движение в поддержку армии. Пребывая в рядах вашей фракции и в рядах движения НДР, формально поддерживающий правительство, ведет просто активную борьбу и с президентом, и с правительством с позиции, по-моему, радикальнее, чем коммунисты, близкие к Зюганову, — с позиции между Анпиловым и Илюхиным.

ШОХИН А.Н. Я свою позицию публично не один раз высказывал, и в том числе на недавнем заседании фракции. Я даже был сторонником принятия заявления фракции, которое подготовила группа депутатов и в котором предлагалось определить достаточно жестко позицию фракции, прежде всего по экстремистским и радикально уличным методам достижения тех целей, ради которых Рохлин создает свое якобы неполитическое движение.

Движение — политическое, движение, крайне оппозиционное не только президенту и правительству, имея в виду конкретных людей на этих постах, но оппозиционное власти как таковой. Это призыв, не хочу сказать к насильственному свержению существующего строя, но где-то уже подходит и к этому.

Нам прежде всего хотелось бы лично встретиться с генералом Рохлиным и выяснить, готов ли он отказаться по крайней мере от экстремистской части своих действий, своих призывов, с тем чтобы можно было бы затем обсудить и вторую задачу, вторую проблему. А именно: почему он так идеологически, организационно и финансово сблизился с КПРФ и НПСР?

ЧЕРКАСОВ Г. Но с вами он не разговаривает?

ШОХИН А.Н. Он с нами не разговаривает и даже я не уверен, что Виктор Степанович Черномырдин, собравшись с ним встретиться сегодня или завтра, сумеет это сделать. Говорят, завтра состоится какое-то заседание руководящего органа его движения, но не факт, что он предстанет перед очами Виктора Степановича, который хотел пробудить в нем такие понятия, как офицерская честь, товарищество и так далее, и принудить его к добровольному выходу из движения и фракции и к сложению с себя других полномочий.

Если это не удастся, безусловно, я не буду, с одной стороны, сидеть на двух стульях — на стуле демократа и лидера одного из демократических депутатских образований в Государственной Думе и, с другой стороны, поддерживать такой радикализм. Если генерал Рохлин не образумится, что мало вероятно, я буду принимать достаточно жесткие решения, даже если это ему лишь поможет набрать какие-то очки как человеку, которого притесняют.

ЧЕРКАСОВ Г. Я хотел бы уточнить. Вы готовы отозвать Рохлина из депутатов, создать первый прецедент, созвав съезд движения?

ШОХИН А.Н. У нас ни в Конституции, ни в законодательстве нет такого понятия, как отзыв депутата. Такое понятие было в советском законодательстве.

ЧЕРКАСОВ Г. Но он избирался по партийному списку.

ШОХИН А.Н. Тем не менее ни императивного мандата, ни отзыва депутата у нас нет. Так что речь об отзыве не идет.

Но уход Рохлина из фракции, формальный уход, фактически-то он давно в стане коммунистов и находится на самых "левых" стульях коммунистической скамейки, ставит вопрос о его пребывании на посту председателя комитета.

Коммунисты нас подозревали, что мы на следующей неделе решим этот вопрос пакетным способом, то есть в одно постановление включим четыре пункта: первый пункт — освободить Шохина от поста первого заместителя председателя, второй пункт — назначить другого представителя фракции, третий пункт — освободить Рохлина от поста председателя комитета в связи с выходом из фракции или исключением и четвертый пункт — назначить представителя фракции на пост председателя комитета.

Именно поэтому они боялись, что такой вариант развития событий возможен, то поторопились меня освободить уже в пятницу, с тем чтобы мы на следующей неделе не смогли сформировать такой расширенный пакет. Учитывая, что это была одна из главных обеспокоенностей у левых, я думаю, что наш представитель, скорее всего, без проблем будет избран на пост первого вице-спикера, поскольку они свою задачу решили.

Кроме того, они еще ряд задач попробуют решить. Например, если избрание первого заместителя председателя от нашей фракции состоится в среду, то в среду же по нашему плану должен быть доложен вопрос о программе законодательной деятельности на осень. Этот вопрос, который я вел по распределению обязанностей, является одним из ключевых. И если его в эти дни до среды будет готовить, скажем, Светлана Петровна Горячева, то понятно, что у фракции КПрФ будет возможность внести в него существенные коррективы и доложить приоритеты несколько иначе, чем это сделал бы я или представитель фракции НДР, который будет избран на пост первого зампреда палаты.

Мы хотели бы не допустить этого, перенести вопрос о принятии программы хотя бы до пятницы, с тем чтобы наш представитель на посту первого зама доложил его в пятницу в палате.

СОКОЛОВ М. Мигель Фернандес. Агентство "Эфе".

ФЕРНАНДЕС М. Вы знаете, в последнее время снова много разговоров и, скажем так, повышенный интерес к теме привилегий чиновников и приближенных к власти людей. Вот вы практически стали сейчас вторым лицом в партии власти. Расскажите нам, какие привилегии вообще в этой партии власти, и в частности ее представителей в парламенте?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, депутаты часто показывают пальцем на соседние фракции, которые имеют привилегии, которым из партийного окошка выплачивается ежемесячное денежное вознаграждение, за которое депутаты помогают пролоббировать тот или иной запрос, или проект, и так далее. И часто оппозиционным фракциям удается "заработать" больше, чем проправительственным депутатам.

Почему? Возьмем, например, бюджет. Идет циничный торг со стороны оппозиции: помогите нам решить какие-то вопросы, и мы проголосуем. А наши депутаты вынуждены как проправительственная фракция за идею бороться и голосовать за правительственные проекты только потому, что изначально сама фракция сформирована в некотором смысле в Белом доме, поскольку этим занимались лидеры движения, которые до сих пор являются членами правительства.

Поэтому я бы так сказал, что нам не дотянуться до других фракций по уровню удовлетворенности своим бытовым и материальным положением.

Но мы считаем, что здесь очень важно не такими способами, не конвертами перед

голосованием решать вопрос, а все-таки четко очертить перспективу каждому депутату. Перспективу его работы после того, как Дума прекратит свое существование: то ли это перспектива работы в исполнительной власти, то ли это работа в регионе. Уже сейчас нужно эту перспективу обрисовывать. То есть не надо, грубо говоря, взятку давать перед голосованием своему депутату, но надо видеть, что его будущее политическое, профессиональное и так далее во многом зависит от того, как он себя покажет во время работы.

Вот этой частью работы мы занимались плохо. Я даже думаю, что если мы только этим будем заниматься и никаких конвертов, как у других фракций, у нас не будет, то депутаты поймут, что это лучше, чем текущая удовлетворенность своим положением, это гораздо более серьезная перспектива.

СОКОЛОВ М. А правда, что Рохлину предложили сейчас пост заместителя генерального военного инспектора, только чтобы он прекратил свою политическую деятельность? Или нет?

ШОХИН А.Н. Но я бы не позавидовал Андрею Кокошину, если бы у него появился такой заместитель. Еще год назад мне трудно было работать с генералом Рохлиным, хотя мы были соратниками по фракции. Он вносил очень много законов, очень "сырых" и не готовых, с формальной точки зрения, к внесению в Государственную Думу. Скажем, закон вносился в палату с одним названием, название вдруг менялось, ряд статей менялся, а Рохлин пытался сделать вид, что это тот же самый проект, хотя тут надо было формально перевести, пройти некоторые этапы формального обсуждения. И каждый раз, когда я ему в своем кабинете товарищески советовал идти нормальным путем и не ставить меня в ложное положение, когда я протаскиваю "сырые", неготовые законы, он тут же вскакивал и кричал, что я против армии, что не хочу помочь. Уже тогда были сложности. Мы виноваты, наверное, что в свое время не вовлекли Рохлина в решение конкретных проблем поддержки армии и, может, Виктор Степанович Черномырдин как премьер недостаточно внимания уделял общению с ним. В частности, генерал Рохлин как бывший командир восьмого армейского корпуса клятвенно обещал своим офицерам построить четыре жилых дома. И тот факт, что соратники по партии и правительству не помогли ему эти обещания реализовать, во многом сформировало его негативное отношение к этому правительству.

Хотя у нас были тоже некоторые сомнения, имеем ли право так откровенно лоббировать запросы своих депутатов.

СОКОЛОВ М. Должность предлагали?

ШОХИН А.Н. Я вчера виделся с Андреем Афанасьевичем Кокошиным, но ничего подобного не обсуждалось. Но мне кажется, что, конечно, было бы лучше, если бы таких активных деятелей включать в нормальную профессиональную деятельность. Но, видимо, уже черта перейдена.

СОКОЛОВ М. Глеб Черкасов. "Коммерсант Дейли".

ЧЕРКАСОВ Г. Александр Николаевич! Вам сейчас придется работать с Владимиром Бабичевым...

ШОХИН А.Н. Не любите вы его, я чувствую.

ЧЕРКАСОВ Г. Почему? Нормально отношусь. Он мне ничего плохого не сделал. А про вас он говорил не очень хорошо. Когда пришел в исполком, то сказал, что я вот с этой, цитирую, "гайдаровско-шохинской вольницей здесь покончу", и уволил почти весь исполком, который работал на парламентских выборах. Вот сейчас вам предстоит работать с этим человеком.

СОКОЛОВ М. Бывшим инструктором ЦК КПСС, между прочим.

ШОХИН А.Н. Бывшим завотделом. Не надо понижать статус нашего товарища.

ЧЕРКАСОВ Г. Скажите, вам удастся найти с ним общий язык? И уже произошли какие-то встречи у вас в новом качестве с Бабичевым? Вы уже о чем-то говорили? Как это все будет происходить?

ШОХИН А.Н. Встреча не произошла сегодня, потому что я у вас в студии. Я сказал, что не могу, поскольку у меня часовая беседа на "Радио "Свобода". Так что придется на понедельник перенести или сегодня во время приема, который дает московский мэр по случаю 850-летия Москвы.

Но, естественно, мы общаемся. Сейчас обсуждаем вопрос о совместных действиях фракции и исполкома. Основная задача — показать, что прошлые конфликты, о которых так много писала пресса, — все это некоторые персонификации и случайность. Если мы с Владимиром Бабичевым не сумеем выстроить отношения с самого начала, не сумеем показать депутатам, что почвы для конфликта нет, то

грош нам цена.

Кроме того, мы договорились, что делегируем для работы в исполкоме какое-то количество депутатов. Они будут не чиновниками исполкома, а членами исполкома и в некотором смысле будут надзирать за деятельностью аппарата как раз с тем, чтобы не возникало ощущения, что это две параллельные структуры, каждая из которых живет по собственным законам. Я думаю, что нам удастся многие проблемы здесь снять.

СОКОЛОВ М. Александр Николаевич, маленький вопрос в дополнение. В последние полтора года исполком плохо работал или фракция плохо работала?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, они просто параллельно работали. Получилось так, что отсутствовало взаимодействие между исполкомом и фракцией. И многие депутаты обижались на исполком как на некоторую структуру, которая на них не работает, а работает, так скажем, по собственным правилам как "вещь в себе". Основная задача исполкома — выстраивание первичных организаций в регионах, создание инфраструктуры движения, информационное обеспечение, издание своей газеты. А фракция оказалась вне реальной политической жизни, и ей отводилась роль машины для голосования. Отсюда — обиды. Исполком же не подпускал депутатов к решению реальных вопросов, опасаясь потери контроля над ситуацией. Часто возникали споры из-за предложений, которые вызывали подозрения у другой стороны. Например, Сергей Беляев предложил всех депутатов ввести в состав политсовета, всех депутатов из регионов сделать руководителями первичных организаций. Сразу возникало подозрение у его коллег по движению, которые отвечали за исполком.

СОКОЛОВ М. Готовят переворот.

ШОХИН А.Н. Да, ползучий захват власти. Я уже тогда проповедовал другую теорию. Все депутаты, кто в состоянии работать, пусть идут в политсовет. Так уж сложилось, что все равно процентов 50 активно работающих депутатов. Их не жалко всех включить в политсовет. И у нас сейчас из 65 человек 30 — члены политсовета. Готовы они быть в регионах руководителями организаций, тогда надо возлагать на них жесткие обязательства, в том числе, может быть, обязательства баллотироваться по одномандатному округу, а не по партийному списку, либо, действительно, гарантировать эффективную работу организациям и прохождение списка. То есть это серьезная работа. И в одном случае мы депутата должны подталкивать, даже если он не хочет идти на работу региональным лидером или работать в исполкоме. В других случаях эту претензию надо ограничивать, если за ней не стоит реальное дело.

Из-за того, что решения преобладали универсальные, отстаивающие интересы фракции, создавалось ощущение, что идет борьба между двумя структурами. Я буду проводить линию другую, назову ее персонифицированной. Максимальная связь, в том числе персональная, между исполкомом и фракцией, но только через тех людей, которые реально могут тянуть этот воз.

СОКОЛОВ М. Есть еще один вопрос, который меня волнует, поскольку книга Александра Коржакова сейчас в Москве на слуху. Там есть просто персональное обвинение в ваш адрес. Говорится, что Коржаков неоднократно предупреждал премьера, что его окружение коррумпировано. И, мол, подал ему некий список самых таких плохих людей, и ваша фамилия в этом списке фигурировала. Что вы будете делать с этими обвинениями?

ШОХИН А.Н. Я книгу не прочитал, но, естественно, мне показали ту страничку, где моя фамилия фигурирует. Надо сказать, очень смешная страничка. Там содержится обвинение такого рода, что Шохин заключал нефтяные контракты, причем в первую очередь самые выгодные, а менее выгодные заключал в последнюю очередь. И вот Академия ФСБ, изучавшая этот вопрос специально по поручению Коржакова, пришла к выводу, что, наверное, что-то тут не так. Там еще обвинения в связи с НТВ, по-моему. Вывод такой делается: наверное, поэтому, что Шохин в свое время быстро подписал решение о создании канала НТВ, этот канал его не критикует.

Во-первых, решение по НТВ наверняка принимал президент, а правительство могло готовить лишь некоторые проекты.

Во-вторых, представьте себе, если кто-то нарушает действующий порядок и подписывает какие-то контракты, невыгодные государству, Академия ФСБ должна их изучать или Генеральная прокуратура? Но прокуратура никогда этим не занималась. Эти наветы и оговоры, как мне кажется, Коржаков сочинял специально, пользуясь прослушкой, наружными и прочими оперативно-розыскными

действиями, для того чтобы отобрать у меня некоторые рычаги реального управления экономикой. Я был в тот момент министром экономики и вице-премьером, а Министерство экономики тогда утверждало экспортные квоты и контролировало ряд других вопросов.

Но это его не беспокоило до тех пор, пока я не выступил за отмену всех этих квот и эксклюзивных механизмов экспорта нефти. Я, воспользовавшись позицией Всемирного банка, подготовил проект постановления правительства "О конкурсном доступе к нефтепроводам". Это было как нож острый всем структурам, которые пролоббировали в правительстве экспорт своей нефти, причем часто льготный, беспрошленный на основе индивидуальных квот.

Создав универсальный и, замечу, некоррупционный механизм экспорта, я сразу попал под удар, и не случайно в письме, которое Коржаков тогда написал премьеру как шеф службы безопасности президента, где рекомендовал Шохина отстранить от этой работы (неправильно, дескать, работу ведет) и передать все Сосковцу. И все решения, которые были приняты, в том числе о конкурсном доступе, предложил отменить и восстановить систему квот, льгот и так далее. Если разобраться, то цель наветов Коржакова становится очевидной.

СОКОЛОВ М. Александр Николаевич, и, пожалуй, последний вопрос. Ваш лидер, премьер-министр Виктор Черномырдин, считается одним из кандидатов на пост президента на следующих выборах. Вы одобрили бы такой выбор, то есть чтобы Виктор Степанович пошел баллотироваться вот с сегодняшней дистанции?

ШОХИН А.Н. Наверное, мне не стоит развивать этот тезис. Но я скажу, что Виктор Степанович пойдет баллотироваться, если Борис Николаевич ему скажет, что это надо делать.

Вы знаете, что многие подталкивали Виктора Степановича к тому, чтобы он выдвинул свою кандидатуру на выборах 1996 года. Но он этого не сделал, поскольку президент ему не дал такого указания и выдвинул свою кандидатуру. То есть связка Ельцин—Черномырдин — это очень жесткая связка, и Виктор Степанович никогда не стартует самостоятельно, нужно договариваться кандидатам в президенты от демократических сил о совместных действиях. Они могут вырабатывать эти совместные действия и Бориса Николаевича как бы вовлекать в них. А если каждый сейчас будет пытаться взять низкий старт и самовыдвинуться или получить монаршее благословение на переход на должность кронпринца, то ничего хорошего из этого не будет. Следующие выборы все равно будут проходить под знаком идеологического противостояния. Важно, чтобы демократы не растащили свой электорат. Легко спрогнозировать, что Григорий Явлинский все равно пойдет самостоятельно, такая уж у него планида — быть независимым кандидатом. Но тем не менее если остальные кандидаты сумеют договориться, объединиться, распределить будущие посты, то я думаю, что вот этот фон, а именно черно-белая политическая спектральность...;

СОКОЛОВ М. Красно-белая.

ШОХИН А.Н. ...красно-белая, действительно, поможет единому демократическому кандидату взять верх.

СОКОЛОВ М. Спасибо. Я бы попросил коллег подвести итоги нашего разговора. Мигель Фернандес. Агентство "Эфе".

ФЕРНАНДЕС М. Трудно уложить в голове результаты, но мне показалось, во-первых, что для лидера фракции само движение НДР не является еще чем-то достаточно установившимся, так же как и взгляды внутри фракции.

Во-вторых, мне очень жалко, что этот разговор возник в самом конце, потому что, безусловно, меня удивило, что человек, который сейчас начал политическую деятельность, причем на высоком посту, на вопрос, кого он хочет видеть президентом следующего срока, тем более что действующий президент уже объявил, что он не будет баллотироваться, дал нам понять, что на кого Борис Николаевич укажет, тот и будет президентом.

СОКОЛОВ М. Глеб Черкасов.

ЧЕРКАСОВ Г. Александр Николаевич Шохин пришел на пост председателя фракции НДР в не лучшую минуту. НДР переживает тяжелейший кризис, который вызван тем, что партия власти постепенно остается без власти, остается вдали от власти.

Кроме того, в НДР есть лидер, который не очень хочет быть политическим лидером, судя по всему.

Из разговора у меня сложилось впечатление, что Шохин, наверное, попробует

поднимать этот воз, по крайней мере на уровне фракции.
СОКОЛОВ М. Могу только сказать: Бог в помощь. Спасибо.

ВИЗАВИ С МИРОМ

(СТЕНОГРАММА ПЕРЕДАЧИ РАДИОКОМПАНИИ "ГОЛОС РОССИИ", 11 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА)

Радиокомпания "Голос России", "Радио России", "Открытое радио" и ТВ-Центр представляют программу "Визави с миром". Нас слушают на русском и 32 иностранных языках в 160 странах и территориях.

Автор и ведущий Армен Оганесян.

ОГАНЕСЯН А. Добрый вечер. Сегодня у нас в студии беседует с вами и с миром Александр Николаевич Шохин.

ШОХИН А.Н. Добрый вечер.

ОГАНЕСЯН А. Добрый вечер, Александр Николаевич. Мы приглашали вас вице-спикером. Кто занимает высокие посты, их обычно трудно приглашать, потому что надо все заранее согласовывать, они заняты. Тогда вы были вице-спикером. Сейчас вы уже в качестве руководителя фракции. У вас сожалений горьких нет, как в песне поется?

ШОХИН А.Н. Дело в том, что на посту первого заместителя председателя я отвечал хотя и за всю Думу, но больше это было связано с моими профессиональными обязанностями: планирование и организация законодательной деятельности, составление планов работы, согласование этих планов с президентской стороной, с правительством, с Советом Федерации, с регионами. Здесь надо было обладать, конечно, искусством компромисса, согласования интересов с ветвями власти, но больше все-таки основной упор на профессионализм. А поскольку я всегда тяготел больше к профессиональной работе, нежели к политической, мне это было достаточно легко делать.

Теперь я перешел в новое амплуа, в амплуа политического лидера. Здесь уже чаще нужно ввязываться в политические дискуссии в зале, в политические дискуссии, идущие в стране, хотя и раньше мне, естественно, приходилось излагать свою точку зрения.

ОГАНЕСЯН А. Ну да, здесь вы как бы в гуще политических событий.

ШОХИН А.Н. Здесь я как бы уже по долгу службы должен буду это делать.

ОГАНЕСЯН А. Ну и потом, Александр Николаевич, ведь когда сидишь в президиуме и наблюдаешь даже приятные лица своей фракции, то все равно как-то на расстоянии от той борьбы, которая идет внутри фракции. Ведь каждая фракция бурлит политическими страстями еще внутри себя, так я понимаю?

ШОХИН А.Н. Это дополнительный аргумент. Я пришел во фракцию не в самое лучшее время для нее, поскольку предыдущий лидер Сергей Беляев ушел, хлопнув дверью, выдвинув ряд обвинений против своих коллег. Я считаю, что эти обвинения незаслуженные и необоснованные, но тем не менее ситуация во фракции, действительно, довольно сложная. Сложность эта прежде всего состоит в том, что фракция еще не доказала свой второй номер и по количеству, и по качеству законопроектов, и престиж фракции еще нужно повышать, чтобы на следующих выборах не только сохранить присутствие в Государственной Думе (у нас сейчас 65 депутатов), но и расширить его.

А это очень серьезная работа, которая требует не только этой политической и законопроектной деятельности, но нужно работать с каждым депутатом: определять его перспективы, возможность переизбрания в одномандатном округе и в рамках партийного списка и так далее. Это, знаете, сколько дополнительных волнений.

ОГАНЕСЯН А. Я вижу, вы настроились на такую плотную работу и ваши высказывания звучат самокритично. Но режиссер показывает — у нас есть уже звонок в студию.

САЛЕХ ХАСАН, ЖУРНАЛИСТ ИЗ ИРАКА.

Господин Шохин, как вы оцениваете мнение наблюдателей о том, что отставка господина Беляева и генерала Рохлина отражает партийный кризис во фракции "Наш дом — Россия"? И не думаете ли вы, что эти отставки способствуют снижению популярности и влияния партии среди военных и демократически настроенных людей?

ОГАНЕСЯН А. Ну вот, прямо как бы к нашей беседе. Пожалуйста.

ШОХИН А.Н. К нашей беседе, и как будто это не из арабского мира, а из Подмоскovie вопрос. Я не думаю, что эти отставки — два ухода видных членов нашей фракции — означают кризис фракции. Дело в том, что проблемы назревали давно. Сергей Георгиевич Беляев уже несколько месяцев назад готовился к переходу на другую работу, поскольку лидеры движения и коллеги настоятельно рекомендовали ему это сделать — не получалось у него руководство именно политической организацией. Он вполне компетентный и профессиональный экономист, неплохо показал себя, работая в правительстве. Но политическая работа — это особая работа, и я надеюсь, что, перейдя с чисто профессиональной работы организатора законодательной деятельности и ранее профессиональной работы экономиста в правительстве, все-таки сумею здесь продвинуться дальше моего предшественника, а именно что-то сделать для фракции и для политического движения.

Виктор Степанович Черномырдин неоднократно предлагал Сергею Беляеву возможность перехода на работу в правительство или даже поработать за пределами России послом в одном из престижных мест, даже самых престижных. Но он отказывался, пытался договориться с депутатами, считал, что это какие-то личные проблемы. Но к осени уже нарыв этот был вскрыт, он должен был быть вскрыт, и нам обидно, что Сергей Георгиевич, зная, что речь шла, по сути, о планомерной смене руководства, решил нажить политический капитал, хлопнув дверью. Это его не украсило как политического деятеля. Более того, эту отставку многие восприняли как некое обыденное, дежурное событие, и резонанс на нее не очень большой. Даже непонятно, почему эти сведения так далеко от Москвы ушли.

ОГАНЕСЯН А. Я хочу попросить заранее всех, кто живет в Подмоскovie и свободно владеет иракским языком, нам больше в студию не звонить. На самом деле, Александр Николаевич, вы недооцениваете роль "Голоса России", который слышат...

ШОХИН А.Н. Может быть, я даже недооцениваю роль и значение нашего движения, нашей фракции. Я буду иметь это в виду.

Что касается генерала Рохлина, то мы также не против тех целей, ради которых генерал создал свое движение в защиту армии. Большинство из этих целей может быть разделено каждым здравомыслящим политиком. Но мы категорически против тех методов, которые избрал генерал. Он призывает к импичменту президента, к отставке правительства, он обещает вывести людей на улицы и держать их там до тех пор, пока президент и правительство не уйдут в отставку. Он, выступая в регионах, ищет новых героических летчиков, которые спикируют на здание Белого дома или на Кремль. Такого рода экстремистские методы в равной степени, как и первый его призыв не повиноваться Верховному главнокомандующему, мы считаем, что они на грани, если не за гранью конституционности, и ничего, кроме смуты в умы и ряды офицерства и нашего населения, не принесут. И они мешают сейчас Государственной Думе, ее Комитету по обороне активно включиться в проведение военной реформы.

Я буквально два дня назад разговаривал с министром обороны генералом армии Игорем Сергеевым, и он подтвердил, что в последние месяцы Комитет по обороне явно отключен от работы по определению конкретных вариантов военной реформы. Генерал Рохлин любит ссылаться (уже раз десять я слышал от него эти заявления), что президент не поддержал идею проведения парламентских слушаний по ситуации в армии. Но я как бывший первый заместитель Председателя Думы прекрасно знаю, что по Регламенту слушания проводит сама Дума. Она приглашает министров или других ответственных работников, но до этого слушания надо организовать, наметить и так далее.

ОГАНЕСЯН А. Александр Николаевич, я понимаю, что это большая тема...

ШОХИН А.Н. И вот буквально на следующей неделе министр обороны приглашает депутатов, Комитет по обороне обсуждать один из ключевых вопросов о ратификации СНВ-2.

ОГАНЕСЯН А. Это необходимо, потому что в конце концов нужен и диалог со стороны Министерства обороны, нужен какой-то ответ...

ШОХИН А.Н. Безусловно.

ОГАНЕСЯН А. ...потому что как бы это, наверное, нормально в принципе. Я сейчас не касаюсь вопросов личной этики.

ШОХИН А.Н. Я хочу подчеркнуть, что мы две вещи сейчас пытаемся решить после

ухода генерала Рохлина из наших рядов, пытаюсь заменить его на посту председателя комитета. Во-первых, все-таки показать, что в Думе не место такому экстремизму, с которым мы сталкиваемся в лице генерала Рохлина, и его призывам. И во-вторых, нам надо сделать все, чтобы Дума через Комитет по обороне включилась в реальную военную реформу и сотрудничала и с Министерством обороны, и со всеми институтами и ведомствами, которые завязаны на эту реформу. Сейчас с генералом Рохлиным диалога не получается ни у кого. Он чрезмерно политизирован и стоит на экстремистских рельсах. Задача нашего движения — четко выработать программу действий в области военного строительства, программу социальной защиты офицерства. Нам очень важно, чтобы, например, в бюджете на следующий год те 3,5 процента от валового внутреннего продукта, которые пойдут на оборону, действительно, были, чтобы туда, в эти статьи, в эти 3,5 процента не включал Минфин расходов, не связанных с реальной военной реформой и содержанием армии, с поддержанием боеспособности. Есть реальные вопросы, которые надо решить.

ОГАНЕСЯН А. Александр Николаевич, мы до бюджета доберемся. Сейчас вы только на один вопрос ответили, а мне режиссер показывает, что уже есть вопросы. Пожалуйста.

ЛЯВАНЕ ГАРСИА, КУБА, КОРРЕСПОНДЕНТ АГЕНТСТВА ПРЕН-СА ЛАТИНА. Пользуясь возможностью, хотел бы задать вопрос господину Шохину. Россия получает кредиты, и большие, от МВФ. Предназначены ли эти деньги на развитие экономики страны?

ОГАНЕСЯН А. Вот вам вопрос как управляющему от России в Международном валютном фонде.

ШОХИН А.Н. Я бывший управляющий. Я три года, с 1992 по 1995, был управляющим от России в Международном валютном фонде и во Всемирном банке и могу сказать, что все кредиты Всемирного банка и Международного валютного фонда идут на поддержку российской экономики. В большей степени это касается кредитов Всемирного банка, поскольку они идут на крупные проекты, на инвестиционные проекты.

ОГАНЕСЯН А. Например, Александр Николаевич.

ШОХИН А.Н. Например, на реконструкцию российских дорог, реконструкцию мостов, перевооружение городского автомобильно-транспортного парка. Что касается кредитов Международного валютного фонда, то это так называемые несвязанные кредиты. Они даются на поддержку бюджета, и это уже задача российского правительства вместе с Государственной Думой так использовать эти деньги, чтобы они не были выброшены на ветер.

ОГАНЕСЯН А. А на социальную сферу можно?

ШОХИН А.Н. Прежде всего они идут, конечно, на социальную сферу: и на выплату пенсий, и на поддержку военнослужащих. Они, в некотором смысле, попадают в общий котел и замещают нехватку средств, которые недополучает бюджет из-за низкой собираемости налогов. И не случайно Международный валютный фонд, предоставляя очередной транш кредита, каждый раз нам выставляет условие — увеличить собираемость налогов и перейти на регулярные источники доходов бюджета. Постепенно нужно заменять кредиты МВФ кредитами Всемирного банка на конкретные проекты, в том числе в социальной сфере — на медицину, образование и так далее. Нужно снижать роль нерегулярных доходов, к которым, кстати, относятся и доходы от приватизации. По методике Международного валютного фонда доходы от приватизации вообще за нормальные доходы бюджета не считаются, потому что они случайные. Сегодня приватизировал, завтра нечего уже приватизировать.

ОГАНЕСЯН А. Потом есть всегда предел.

ШОХИН А.Н. И предел этот наступит очень быстро. И именно поэтому нам надо рассматривать эту финансовую поддержку со стороны международных финансовых организаций как некоторую временную передышку, которая должна быть использована для резкого повышения налоговой системы, резкого повышения эффективности всей финансовой и бюджетной системы.

ОГАНЕСЯН А. Александр Николаевич, часто говорят по поводу наших кредитов и займов, что лучше, чем садиться на иглу кредитов, было бы пойти по такому пути, чтобы снялись все торговые барьеры, пошлины, нездоровая конкуренция, которая иногда возникает. Недавно один журнал опубликовал размышления одного из своих авторов о том, что будущие войны будут диктоваться не геополитикой, а

геоэкономикой, и Россия с этими проблемами сталкивается. Вывод такой: вместо кредитов откройте нам двери своего рынка. Как вы считаете, такая постановка вопроса правомерна?

ШОХИН А.Н. Не только правомерна, но и необходима. Я несколько лет только этим и занимался. Как вице-премьер российского правительства, отвечавший за международные экономические отношения, я не только вел переговоры о предоставлении кредитов и о прощении и реструктуризации долгов бывшего СССР перед западными странами-кредиторами и банками, но пытался доказать на всех переговорах (и, кстати, Президент Ельцин эту линию очень активно вел на всех встречах "восьмерки" и на двусторонних переговорах), что снятие торговых барьеров — это лучшая помощь России. Россия сама себе сможет помочь, если нормализуются торговые и инвестиционные отношения. Но здесь есть два вопроса. Когда мы требуем снять все таможенные и торговые барьеры и пустить российские товары на западные рынки, то мы наталкиваемся на встречные требования открыть свои рынки. А мы открыть свои рынки не готовы по ряду позиций, потому что наша промышленность, сельское хозяйство или обрабатывающая промышленность неконкурентоспособны. И мы, поддерживая таким образом свои экспортные отрасли, поставим в затруднительное положение отрасли, работающие на внутренний рынок. Они не выдержат конкуренции. Здесь нужно очень осторожно сочетать открытие внутреннего рынка с требованием открыть дорогу экспорту. Это можно все-таки сочетать.

Дело в том, что нам очень часто закрывают рынки на дискриминационной основе. Ссылаясь на то, что, например, Россия — страна с государственной системой торговли и экономики, закрывали европейские рынки. И только после подписания временного соглашения о партнерстве и сотрудничестве, которое заменяет базовое, которое пока что, к сожалению, не ратифицировано всеми странами Европейского Союза и не действует, мы ввели понятие взаимности или понятие, связанное со снятием этих дискриминационных ограничений.

Так что шаг за шагом мы продвигаемся в этом направлении. Было бы идеально открыть дорогу нашему экспорту, а нам самим решать, в какой степени открываться западным товарам и услугам, но здесь приходится соблюдать принцип взаимности.

ОГАНЕСЯН А. Спасибо, Александр Николаевич. Пожалуйста, еще вопрос.

ВОПРОС. Здравствуйте, меня зовут Эстелла Винтере. Я из Англии. Я слышала, что дети многих российских политиков учатся в Англии. Учатся ли ваши дети в Великобритании? Благодарю вас, господин Шохин.

ШОХИН А.Н. Нет, мои дети не учатся и не учились ни в Великобритании, ни в США. Мой сын — студент пятого курса юридического факультета Московского государственного университета. Он уже третий год работает и учится, зарабатывает сам себе на жизнь и даже помогает семье. Работает в международной юридической фирме, и поскольку ему там четко дали понять, что, кроме российского диплома, для продвижения ему нужен еще и западный диплом, я не исключаю, что он, может быть, поедет на стажировку, скажем, в рамках программы, объявленной Президентом Ельциным, по подготовке служащих и специалистов. Может быть, на годик и поедет, но это будет в случае, если ему удастся преодолеть соответствующий конкурсный отбор. Я не вижу здесь ничего зазорного, но всегда считал, что российская система образования очень эффективная. Я сам нигде, кроме России, кстати, не учился.

Моя дочь, которой скоро будет 16 лет, учится в Москве. И никаких мыслей у нас не было направлять ее за рубеж. И опять-таки скажу: не потому, что я исхожу здесь из политических, патриотических соображений, а я считаю, что школьное образование у нас очень хорошее, что не исключает, конечно, каких-то стажировок, обменов и так далее. Кстати, у меня дети бывали по таким программам за рубежом. Например, сын у меня провел в Итоне две-три недели по обмену, и мы принимали у себя в семье учеников Итона. И я мог сравнивать, что мой сын знал, например, английский и французский лучше, чем итонские студенты знали русский, хотя для них он был основным языком.

ОГАНЕСЯН А. Так что мы сохраняем веру в нашу высшую школу, да?

ШОХИН А.Н. Так что могу еще и пропагандировать нашу систему образования.

ОГАНЕСЯН А. Александр Николаевич, помимо звонков, у нас есть вопросы и по почте. И вот вопрос от Хельмута Шафхайтеля, Германия, который спрашивает: "Похоже, что вера во всемогущество рынка не дает благоприятных перспектив на будущее. Экономика, в которой приоритет отдается прибыли банков, концернов, не

дает возможности уменьшить кризисные социальные явления. Как вы думаете, России удастся справиться с трудностями, повысить жизненный уровень большинства населения?" Я думаю, это актуальный вопрос, поскольку в правительстве в свое время вы отвечали за блок социальных вопросов.

ШОХИН А.Н. Да, это был самый тяжелый блбк, и я отвечал за него в самое тяжелое время для реформ. Это первая половина 1992 года, когда негативные последствия либерализации были очень ощутимыми для населения, и до сих пор я не считаю, что мы все сделали идеально. В частности, одной из ошибок первого этапа приватизации было то, что мы не увязали ваучерную народную приватизацию с компенсацией утерянных вкладов. Это можно было сделать. Для этого надо было, может быть, не форсировать развитие фондового рынка, а нацелить приватизационные чеки на восстановление сбережений.

ОГАНЕСЯН А. Это можно сейчас поправить?

ШОХИН А.Н. Поправить это сейчас очень сложно. Сейчас, главное, не сделать ошибок во втором этапе приватизации, когда мы государственные пакеты продаем не всегда по адекватным рыночным ценам. Вот здесь рынок должен проявить себя. И, в частности, я думаю, что нужно не проводить какие-то специальные конкурсы по продаже пакетов, в которых участвуют два, три, четыре максимум участника, а нужно делать так, как в той же Германии делают: ни один приватизационный проект в Германии сейчас не осуществляется иначе, как через фондовую биржу.

То есть надо выпустить ценные бумаги на продаваемые пакеты и через котировку на бирже узнать их истинную цену. И такой рыночный механизм вполне уместен и в России. У нас тут еще много от государственного социализма осталось.

ОГАНЕСЯН А. Александр Николаевич, если возвращаться к вопросу. Вот рынок и благо народа — это непреодолимое противоречие?

ШОХИН А.Н. Коль вопрос из Германии пришел... Есть такое понятие "социальное рыночное хозяйство". Мы тоже пытаемся в программе своего движения в оборот ввести эту категорию. То есть рынок, но социально ориентированный. Рынок, который не стихийен, как часто говорят, в латиноамериканском варианте, а рынок, управляемый и регулируемый государством.

Я считаю, что беда нашего рынка, нынешнего этапа развития рыночной экономики — в слабом присутствии государства на рынке, в отсутствии целого ряда стандартов, которые должны действовать, в отсутствии механизма контроля за соблюдением этих стандартов, в том, что механизмы судебных решений еще плохо работают, и судов еще маловато для того, чтобы быстро можно было бы к ним обратиться, не ожидая много месяцев в очереди, решая, скажем, хозяйственные споры. И самое главное - решения судов не всегда исполняются. Это подрывает доверие к государственной власти, не только к судебной, но и к власти вообще, и приводит к тому, что люди начинают сами решать свои проблемы, в том числе не всегда законными путями. Усиление присутствия государства в рынке не через командное администрирование экономикой, а через внедрение стандартов финансового рынка и социальных отношений и так далее, контроль за этими стандартами — это сейчас, на мой взгляд, главное средство, чтобы рынок привел все-таки и к социальному благополучию.

ОГАНЕСЯН А. Спасибо, Александр Николаевич. У нас есть звонок.

ЗВОНОК. Здравствуйте. Наталья Кудрявченко из Оренбурга. На ваш взгляд как парламентария и экономиста, какие законы необходимо принять в первую очередь для дальнейшего экономического роста страны?

ШОХИН А.Н. Здесь мне несложно ответить на этот вопрос. На мой взгляд, главный пакет законов сейчас находится на рассмотрении Государственной Думы — это налоговый закон. Он называется Налоговый кодекс. Он был внесен в мае правительством Российской Федерации, даже принят в первом чтении. Но если в этом виде он будет принят как закон, то все проблемы с помощью налогов он не решит.

Он правилен в том смысле, что делает налоговую систему менее запутанной. Но все-таки это лишь первый шаг в правильном направлении. Нам с налоговой системой нужно еще повозиться, чтобы, принимая Налоговый кодекс, действительно, создать налоговую систему будущего, которую не надо все время пересматривать. А постоянные пересмотры налогов не дают возможности предпринимателям, инвесторам да и гражданам предсказывать свое поведение на несколько месяцев вперед.

Я, например, проповедую сейчас такой подход: вытащить из Налогового кодекса

базовые статьи, принять их в виде поправок к действующему налоговому законодательству, на базе этих поправок принять бюджет на следующий год, а с Налоговым кодексом еще поработать несколько месяцев, чтобы решить самую главную задачу — ослабить налоговое бремя и за счет этого начать экономический рост, возобновить экономический рост.

ОГАНЕСЯН А. То есть хотите сказать, что вы не сторонник того, чтобы Налоговый кодекс заработал уже в следующем году, я так понял?

ШОХИН А.Н. Я не сторонник того, чтобы Налоговый кодекс, если он заработает в следующем году, был изменен еще через год. Поэтому самые неотложные поправки к налогам, которые заложены в Налоговый кодекс, можно было бы принять уже в октябре в виде законов. Они вступят в действие с января. Но Налоговый кодекс — это не только ставки, это не только перечни налогов. Это целые технологии, которые внедряются обычно несколько месяцев. Нужно подготовить налоговых инспекторов, написать инструкции. К сожалению, налоговые законы не все являются законами прямого действия. На это необходимо время.

И чтобы не было сбоев, чтобы нам каждый год не менять налоговую систему, называя это каждый раз новым Налоговым кодексом, можно разделить эти две проблемы. Самые неотложные изменения внедрить сейчас, причем эти изменения не всегда являются движением, скажем, в правильном направлении. Почему? По Налоговому кодексу увеличивается налог на добавленную стоимость. В принципе во всем мире постепенно снижается налог на добавленную стоимость. Он и у нас снизился с 28 процентов в 1992 году до 20 в настоящее время. При этом по части товаров он составляет только 10 процентов, а предлагается ввести универсальную ставку, по сути, 22 процента. Это не совсем прогрессивное изменение, и закладывать его в Налоговый кодекс, может быть, неправильно. Но его можно заложить в налоговую систему 1998 года, считая это вынужденной, временной мерой. Косвенные налоги — налог на добавленную стоимость и акцизы — легче собираются. Понять государство можно. Ему в нынешней кризисной с бюджетом ситуации лучше сделать упор на легко собираемые налоги. Но через два-три года окажется, что надо еще раз пересматривать налоговую систему.

ОГАНЕСЯН А. Александр Николаевич, вот мне хотелось бы вашу позицию понять. Ведь легче собирать налоги все-таки, наверное, с юридических лиц, чем с физических. Можно выстроить такую систему, которая потребует определенной грамотности юристов в этих фирмах и на предприятиях и внутри этих компаний. Им тоже придется поучиться и понять, что происходит. Но вот простой налогоплательщик: с чем он столкнется, если будет принят этот Налоговый кодекс? Не усложнит ли это систему или, наоборот, упростит? И на кого, собственно, перекладывается бремя, если такая постановка вопроса правомерна? С кого больше будут, как говорится, взимать налогов — с юридических лиц или все-таки центр тяжести падает на физических лиц?

ШОХИН А.Н. Учитывая, что вводится меньше налоговых ставок для физических лиц — вместо нескольких градаций от 12 до 35 процентов только две, причем порог обложения увеличивается, то есть лица с относительно низкими доходами будут выводиться из-под налогообложения, в то время как богатые, наоборот, будут нести большее бремя, — то в целом можно говорить, что предлагаемые изменения социально справедливы.

В то же время, поскольку косвенные налоги увеличиваются, например вводится местный налог с продаж, это для всех граждан станет ощутимым, потому что может сказаться в некотором повышении цен. Поэтому здесь, наверное, можно говорить, что резких изменений в налоговом бремени не произойдет, хотя в целом по отношению к валовому внутреннему продукту налоговое бремя снижается на три пункта.

ОГАНЕСЯН А. И по отношению к юридическим лицам?

ШОХИН А.Н. Да. ОГАНЕСЯН А. В целом?

ШОХИН А.Н. Да. И это серьезный шаг, хотя у нас многие депутаты, многие фракции в Государственной Думе считают, что нужно сделать еще дополнительный шаг, и, оставив это снижение на три процентных пункта для 1998 года, можно заложить в этот идеальный Налоговый кодекс и гораздо большее снижение налогов. Одна из проблем, связанная с налогами, выражается в несовершенстве системы, налоговых деклараций. Относительно обеспеченные слои населения, имеющие несколько источников доходов, заполняют декларации, но не все. Призыв Президента Ельцина к чиновникам тоже показал, что не все они заполняют

декларации.

ОГАНЕСЯН А. Не все источники доходов раскрывают? ШОХИН А.Н. Если они и заполняют декларацию, то иногда возникает очень много сомнений, все ли они там указали: все ли доходы, все ли имущество и так далее. Как правило, такая налоговая система формируется в течение десятилетий. И нам тоже, видимо, предстоит, ее формировать в течение не одного года. Здесь, безусловно, есть прогрессивные изменения. И в этом году больше собрали налогов по декларациям, чем в прошлом. Но тем не менее, видимо, очень важно, чтобы лица, имеющие один дополнительный источник дохода и относительно невысокий, конечно, не попадали и под эти сложные процедуры, и под налоговый пресс.

ОГАНЕСЯН А. Спасибо. У нас есть еще звонки в студию.

ЗВОНОК. Я Хосе Мануэль Валансиаро из Испании. У меня вопрос к господину Шохину. Ваше мнение относительно заявления бывшего секретаря Совета безопасности России Лебеда об исчезновении портативных ядерных бомб размером с небольшой чемодан, которые находились в распоряжении спецслужб России. Если этот факт будет подтвержден, как бы вы отреагировали на него?

ШОХИН А.Н. Генерал Лебедь делал не одно заявление, которое не подтверждалось. Например, на протяжении последнего года он называл точную дату ухода премьер-министра Виктора Черномырдина в отставку. И до сих пор этого не случилось. То есть верить в заявления, предсказания и информированность генерала Лебеда нужно с достаточной степенью условности. Безусловно, он обладает какой-то информацией, но не всегда достоверной.

Я думаю, что наше беспокойство должно вызывать другое. То, что атомное оружие появляется у стран, которые имеют конфликтные отношения со своими соседями и явно форсируют создание атомной бомбы и ядерного оружия для того, чтобы воздействовать на своих соседей при решении спорных вопросов. В частности, последнее событие — обретение атомной бомбы Пакистаном. То есть проблема у нас глобальная — нераспространение ядерного оружия.

В какой степени это повлияет, если подтвердится факт исчезновения этих миниатюрных ядерных бомб, имеющих или имевшихся в распоряжении спецслужб, на процесс распространения ядерного оружия, в какой степени он будет способствовать каким-то актам международного терроризма, я не могу сказать, поскольку не специалист и не знаю ничего об их существовании.

ОГАНЕСЯН А. То есть вы не знаете о самом факте? ШОХИН А.Н. О факте я узнал из этих заявлений. Но в любом случае нужны как общие усилия по борьбе с терроризмом такого типа, с миниатюрными ядерными бомбами или с другими средствами, так и методы борьбы с глобальным терроризмом, шантажом с помощью ядерного оружия.

ОГАНЕСЯН А. Спасибо. Есть еще вопрос.

АХМЕД АЛЬ-ХАМИСИ, КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА "АЛЬ-ИТ-ТИХАД", ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ.

Господин Александр Шохин, можете ли вы объяснить нам, почему такая влиятельная фракция, как "Наш дом — Россия", не стремится налаживать хорошие отношения со странами "третьего мира" и в то же время просит кредиты у Международного валютного фонда? Ведь она может вернуть около 16 миллиардов долларов благодаря активизации связей с арабским миром. Эти миллиарды, как вам известно, арабские страны давно задолжали России. Их можно вернуть, активизируя эти связи с арабским миром.

ШОХИН А.Н. К сожалению, не только арабские страны задолжали России, но и бывший Советский Союз и Россия как правопреемница Советского Союза задолжали некоторым арабским странам, в частности Объединенным Арабским Эмиратам, Кувейту и некоторым другим странам Персидского залива. Но дело не в этом.

А дело в том, что, действительно, мы не ставим как фракция и я как специалист по этим вопросам такой задачи во что бы то ни стало наладить связи, скажем, с Международным валютным фондом или с Парижским клубом кредиторов, вступить в этот клуб в ущерб нашим отношениям с арабским миром, более того, я, узнав о некоторых деталях готовящегося соглашения с Парижским клубом, соглашения о членстве России на стороне кредиторов в Парижском клубе, уже был готов критиковать правительство в случае, если оно подписало бы это соглашение, как раз в силу того, что там в ущербном положении оказывались наши финансовые отношения с такими странами, как Ливия, Ирак. И я не считаю, что мы должны

здесь идти на переговоры с этими странами через Парижский клуб, а вполне возможны прямые отношения. Нам нужно все делать как постоянному члену Совета Безопасности для того, чтобы санкции с этих стран снимались, а сняться они могут лишь тогда, когда эти страны, их поведение будут отвечать международным стандартам и критериям. И нам надо обязательно оказаться первыми в очереди по реализации проектов и по возвращению долгов России.

ОГАНЕСЯН А. Последний вопрос. Очень короткий ваш ответ.

МИСТЕР КОФА, БИЗНЕСМЕН ИЗ БЕЛЬГИИ.

У меня вопрос к господину Шохину. В какой мере ваша супруга принимает участие в вашей политической карьере? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Моя супруга участвует в моей политической карьере прежде всего тем, что она поддерживает все решения, которые я принимаю.

ОГАНЕСЯН А. Все, все, все? Вы счастливый!

ШОХИН А.Н. Я сказал, политические решения. Она всегда считает, что все, что я ни делаю, я делаю правильно в политике и что все у меня получится. Это большая поддержка. И я считаю, что это очень существенно.

ОГАНЕСЯН А. Спасибо. Успехов вам в вашей новой должности.

ШОХИН А.Н. Спасибо

ЧТО НАС ЖДЕТ ЗА УГЛОМ?

(СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ "НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н. ПЕРЕД ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИТОРАМИ, ГОСТИНИЦА "РЭДИССОН-СЛАВЯНСКАЯ", 11 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Предполагалось, что я выступлю на первой сессии, которая состоялась вчера. Сегодня, быть может, вы более настроены на обсуждение конкретных вопросов, но тем не менее отвлеку ваше внимание на некоторые общие проблемы.

Прежде всего хотелось бы отметить, что я здесь представляю сейчас не профессиональную команду экономистов, к которой относился, когда был вице-премьером российского правительства, а политические силы, поскольку являюсь руководителем одной из ведущих фракций в Государственной Думе "Наш дом — Россия". Поэтому не могу не сказать о том, что одной из важнейших характеристик сегодняшней ситуации в России являются элементы политической стабилизации.

Это выражается в укреплении всех основных институтов власти. Начиная с прошлого, 1996 года уже ни у кого нет сомнений, что Россия будет развиваться на основе конституционных демократических принципов, уже ушли далеко в прошлое разговоры о возможности переноса президентских выборов или отмены этих выборов.

Сейчас мы ориентируемся на сугубо парламентские методы работы, на созданные в последние годы демократические институты. Это создает благоприятные условия для проведения последовательной экономической политики. Анализ экономической политики, проводимой в 1997 году, и экономической политики, намечаемой на 1998 год, показывает, что осуществляются довольно крупные и последовательные шаги в сторону повышения эффективности проводимых реформ, что делает ситуацию предсказуемой не только с политической, но и с экономической точки зрения.

Макроэкономическая стабилизация достижений, о которой говорит правительство и которые иногда подвергаются сомнению левой оппозицией, тем не менее проявляется в ряде ключевых параметров, которые подвергать сомнению не приходится.

В частности, темпы инфляции в России достигли сейчас такого уровня, когда можно говорить об их сопоставимости с европейскими странами, членами Европейского Союза, то есть обеспечен выход примерно на показатели маастрихтских соглашений. В равной степени это относится и к дефициту бюджета. Раньше мы немного лукавили: правительство и Государственная Дума работали в рамках собственной методологии, оценивая дефицит бюджета, не включая туда

расходы бюджета по выплате процентов в связи с обслуживанием государственного долга. Сейчас полностью перешли на международные стандарты. И даже в рамках этих международных стандартов дефицит государственного бюджета, запланированный на будущий год, выглядит очень прилично — 3,5 процента при том, что первичный дефицит бюджета 0,4 процента, остальное это расходы по обслуживанию государственного долга.

Такая большая величина расходов по обслуживанию государственного долга была, видимо, связана с тем, что когда последние три года мы проводили линию на отказ от прямых кредитов Центрального банка для покрытия дефицита бюджета, то эти финансовые инструменты применялись в неблагоприятной макроэкономической ситуации. В частности, инфляция была достаточно высокой. Из-за этого пришлось в большом объеме эмитировать государственные ценные бумаги. И сейчас, несмотря на позитивные сдвиги в области финансовой стабилизации и снижения инфляции, нагрузка на обслуживание внутреннего долга остается довольно высокой.

В принципе можно говорить, видимо, о том, что сейчас созданы предпосылки для этапа, который можно сформулировать следующим образом: создание предпосылок для экономического роста в условиях продолжения курса на сохранение макроэкономической стабилизации.

Сейчас все говорят о необходимости оживления экономики, о необходимости возобновления экономического роста. Но очень важно провести черту между, скажем, официальной позицией правительства и поддерживающих его политических сил в парламенте (переход к экономическому росту в рамках продолжения макроэкономической политики) и позициями многих левых оппозиционных политических сил, которые ставят вопрос об экономическом росте любой ценой, в том числе ценой отказа от достигнутых макроэкономических предпосылок этой стабилизации.

Надо сказать, что одна из самых главных проблем, которая сейчас волнует парламент, — это федеральный бюджет на следующий год. Возможно, даже в сентябре он пройдет первое чтение, но пока запланировано первое чтение бюджета на начало октября. Но и правительство, и Дума заинтересованы в том, чтобы сдвинуть этот срок и рассмотреть проект бюджета чуть раньше, хотя очевидно всем — и правительству, и Думе, — что при рассмотрении бюджета в первом чтении он будет отклонен. Все стороны — и правительство, и парламент — готовы ускорить этот процесс, с тем чтобы в рамках согласительных процедур уточнить некоторые параметры бюджета, не отказываясь от его концепции.

Одна из самых главных проблем бюджета, которая сейчас волнует экономические и политические власти, — это проблема доходов и реструктуризации государственных расходов.

Проблема доходов выражается следующими фактами. Уже сейчас, в 1997 году, мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда временные, нерегулярные доходы составляют до 40 процентов доходной базы бюджета. Под временными нерегулярными доходами я имею в виду прежде всего доходы от приватизации.

Понятно, что возможности поступления денег в казну от приватизации различаются по годам. Их довольно трудно прогнозировать: достаточно перенести сроки продажи государственных пакетов таких крупных компаний, как "Связьинвест", и мы можем потерять десяток триллионов рублей, то есть миллиарды долларов для бюджета. В то же время могут проводиться и внеплановые продажи государственных пакетов, это может пополнять бюджет сверх плана. Не случайно по методологии МВФ такого рода доходы вообще не включаются в доходную базу бюджета. Но поскольку у нас период массовой приватизации в виде продажи государственных пакетов не окончился, мы еще имеем возможность в 1997—1998 годах рассматривать эту статью как более или менее устойчивую, хотя динамика здесь отрицательная. На следующий год планируется от приватизации в бюджет поступлений меньше, чем в этом году.

И поэтому основной задачей является увеличение доли регулярных налоговых поступлений. Проблема здесь связана с тем, что собираемость налогов остается довольно низкой — 60—70 процентов. Понятно, что нужно резко повышать собираемость налогов, но только административными методами, методами ужесточения налоговой дисциплины резко повысить собираемость налогов (сейчас это уже общее мнение) нельзя.

Поэтому в центре внимания сейчас находится Налоговый кодекс, представленный правительством в Государственную Думу, который в качестве основной своей цели

имеет увеличение собираемости налогов за счет снижения налоговой нагрузки. Это экономическая аксиома, что увеличить поступления налогов можно не за счет увеличения ставок, а только на: основе снижения налоговой нагрузки. Эта цель продекларирована в Налоговом кодексе. В парламенте сейчас идет дискуссия — действительно ли тот проект, который представило правительство, позволяет реально снизить налоговую нагрузку.

Многие фракции, как левые, так и правые, считают, что можно было бы идти и дальше в этом направлении, поскольку правительство предложило по целому ряду заметных, чувствительных налогов увеличить их ставки. В частности, речь идет об увеличении косвенных налогов. Мотивация правительства понятна. В условиях низкой собираемости налогов лучше ориентироваться на легко собираемые. К ним относятся налог на добавленную стоимость, акцизы. Ставится задача одновременно снизить прямые налоги, такие, как налог на прибыль. Тем более многие предприятия заметно снизили свою прибыльность, рентабельность.

Ориентация на косвенные налоги сейчас, может быть, вынужденная и объективная мера. Понятно, что это не стратегия развития налоговой системы. Отсюда возникает вопрос: а нужно ли нам сейчас делать вид, что мы, принимая Налоговый кодекс, вводим идеальную налоговую систему, рассчитанную на многие годы, рассчитанную на начало следующего века? Либо нам нужно сделать самые первоочередные изменения в налоговой системе, которые позволили бы решить главную задачу — снизить налоговую нагрузку, увеличив собираемость налогов.

Вот такая дискуссия идет сейчас в Думе и в правительстве. Многие депутаты, и я в том числе, предлагаем правительству изъять из Налогового кодекса самые базовые ключевые статьи и представить их в виде поправок к действующему налоговому законодательству, с тем чтобы уже сейчас начать движение к идеальной налоговой системе, но не терять время для обсуждения всех нюансов новой налоговой системы и оставить время для дискуссий уже после принятия бюджета на 1998 год.

Правительство в принципе готово идти по этому пути.

Подчеркну, что одна из основных выгод этого пути состоит в том, что мы не будем выдавать временные изменения в налоговой системе, такие, как увеличение идеального веса косвенных налогов, за стратегию развития налоговой системы, а можем их сделать временной базой бюджета в условиях кризиса собираемости налогов.

Вторая проблема, без которой невозможно решить многие финансовые проблемы, проблему финансового рынка в частности, — это проблемы реструктуризации государственных расходов.

Государство должно уйти из тех сфер, задачи развития которых решаются на уровне частных инвесторов, на уровне рыночной экономики. Речь идет о том, чтобы прекратить финансирование из бюджета тех или иных расходов либо так реформировать соответствующие виды деятельности, субсидируемые из бюджета, чтобы они перешли на новые механизмы функционирования.

Прежде всего речь идет о реформе жилищно-коммунального хозяйства, о введении рыночных конкурентных отношений в эту сферу и введении рыночных тарифов, то есть о снятии избыточной нагрузки с промышленности, которая сейчас субсидирует частных потребителей за счет разницы в тарифах.

Такого рода реформы предполагается, как известно, осуществить и в целом ряде других отраслей, в том числе в системе социальных выплат населению.

Сейчас у нас социальные выплаты, индифферентные к уровню доходов и благосостоянию семей, выплачиваются за статус, скажем, всем семьям с детьми или всем пенсионерам. Нужно переходить на технологию учета реального жизненного уровня и выдавать эти пособия, выплаты тем, кто действительно в них нуждается. И кроме того, ставится задача перехода от натуральных выплат, таких, как низкая плата за жилье, льготы по оплате жилья, к переводу их в денежные выплаты.

Здесь опасения в основном у населения связаны с тем, что натуральная льгота уже есть, скажем, относительно дешевое жилье или льгота по налогу для людей в погонах, а выплатит ли бюджет прямую субсидию, компенсирующую эту натуральную льготу, — уверенности нет, когда существует проблема невыплат пенсий, зарплаты, которая хотя и решается, но не решена до последнего времени.

Отсюда потребность не просто сокращать расходы бюджета, с тем чтобы снизить бюджетный дефицит, создать благоприятные условия для развития финансового рынка, для инвестиций, а прежде всего речь идет о том, чтобы сокращать государственные расходы по мере реструктуризации тех отраслей, видов

деятельности, которые связаны с бюджетным финансированием.

Это довольно сложные задачи. Решение некоторых из них не приводит автоматически к сокращению расходов в текущем периоде. Например, военная реформа. Да, мы за то, чтобы сократить армию, сократить расходы, поскольку структура российских Вооруженных сил осталась нам в наследство от прошлого, от периода военного противостояния, и понятно, что нужна реструктуризация армии, военная реформа, которые приведут к сокращению расходов. Но если иметь в виду, что каждый увольняемый офицер по ныне действующему законодательству должен во время увольнения получить 20-кратное месячное денежное содержание, понятно, что в год массового увольнения из армии расходы бюджета на Вооруженные силы в полтора с лишним раза превысят те расходы, которые сейчас бюджет осуществляет на действующую армию.

Есть много ограничений, связанных с тем, что реструктуризация расходов, осуществление реформ в области тех видов деятельности, которые связаны с государственными расходами, не приводят немедленно к экономии бюджетных средств. Но тем не менее эту работу нужно вести уже сейчас, с тем чтобы через два-три года разгрузить бюджет от избыточных, неоптимальных и неэффективных расходов.

Решение этих задач — повышение эффективности налоговой системы, реструктуризация государственных расходов — позволяет государству снижать свое присутствие на финансовом рынке как заемщика средств. Сейчас эта роль гипертрофирована, особенно она была гипертрофирована в прошлом году, когда доходность государственных ценных бумаг достигала 200 процентов годовых. Теперь она существенно ниже. Создается реальная предпосылка для того, чтобы государственные финансы, рынок государственных ценных бумаг не сдерживали развитие других секторов финансового рынка, таких, как корпоративные ценные бумаги и региональные ценные бумаги.

Еще одно следствие меняющейся финансовой ситуации выражается в резком снижении процентных ставок по привлекаемым кредитам, в результате чего создается реальная предпосылка для использования кредитных ресурсов в реальном секторе экономики, будь то выполнение оборотного капитала либо инвестиции.

Это, в общем-то, достаточно стандартные макроэкономические схемы, когда низкая инфляция, снижение бюджетного дефицита, снижение доходности государственных ценных бумаг и объема государственного заимствования создают благоприятные макроэкономические предпосылки для экономического роста и для перетока финансовых ресурсов в реальный сектор экономики. Но сейчас мы пока еще находимся в процессе реализации этих благоприятных предпосылок. Реальное экономическое оживление хотя находится "за углом", но тем не менее за этот угол мы еще не завернули.

Главная проблема состоит, видимо, в том, чтобы эти, как говорили в сталинское время, приводные ремни между благоприятными экономическими, макроэкономическими предпосылками и реальным сектором привести в действие. Здесь большая роль отводится банковской системе. Это тот сектор экономики, который должен соединить макроэкономику и реальный сектор экономики. И здесь нам предстоит активно работать по укреплению российской банковской системы.

Российская банковская система, с одной стороны, достаточно развилась за последние годы. Речь не может идти, наверное, об увеличении числа банков.

Но в то же время понятно, что многие банки по стандартным критериям не отвечают требованиям надежности и не являются перспективными. Именно поэтому сейчас много прогнозов о возможных процессах слияния банков. Эти процессы идут и в других странах. Но если, скажем, в Соединенных Штатах крупнейшие банки сливаются с целью экономии на операционных расходах и удержания прибыли на приемлемом уровне, то у нас речь пока еще идет о слиянии банков крепких с банками недостаточно надежными и устойчивыми.

Кстати, одним из показателей этой дифференциации банковской системы является тот факт, что существует очень большая концентрация капитала: примерно 20 процентов банков обладают 60—70 процентами капитала.

Поэтому банковская система пока еще не вполне готова воспринять эти позитивные импульсы. Но, судя по намерениям Центрального банка и других монетарных властей, в ближайшее время можно ожидать изменений в этом направлении.

Надо сказать, что и реальный сектор пока еще не вполне готов к этой инвестиционной и кредитной экспансии.

Долгое время формировалась психологическая убежденность у менеджеров реального сектора, что кредитные ресурсы недоступны для пополнения оборотных средств и для инвестиций. И единственным источником решения этих вопросов были бюджетные субсидии или льготные кредиты, в частности кредиты под гарантии правительства, такие, как межправительственные кредитные линии, предоставляемые по линии "Саче", "Гермеса", "ЕСGD", Кофас, американского и японского Эксимбанков и других правительственных агентств экспортного кредитования зарубежных стран. При этом ориентация всегда шла на то, что в крайнем случае государство возьмет часть рисков на себя, не только выдавая эти гарантии, но и при возникновении ситуации дефолта, невозможности выплаты кредитов.

Сейчас ситуация должна измениться. Ответственность менеджеров за принимаемые решения тоже должна вырасти. Вообще речь должна идти, видимо, о реформе предприятий, которая, с одной стороны, сформирует прозрачность финансовой деятельности самих предприятий, а с другой стороны, позволит инвесторам, иностранным и отечественным, реализовывать намерения, не боясь за будущее своих капиталов.

Многое зависит от развитости финансовых инструментов, финансовых стандартов. В частности, можно говорить о перспективных инструментах, таких, как размещение корпоративных ценных бумаг, евробондов. Крупнейшие российские корпорации уже перешли к этим механизмам, перешли к таким инструментам, как конвертируемые облигации, которые позволяют привлекать инвестиции, не лишаясь контроля за управлением контрольного пакета акций, поскольку период обращения конвертируемых облигаций, котировки, как правило, вырастают. Это позволяет сохранять контроль и дальше, используя этот механизм после двух-трех годовичного цикла.

Таким образом в целом, если оценивать ситуацию, то она должна выражаться в том, что государство уходит с финансового рынка, открывая двери и окна для других финансовых инструментов, для рынка корпоративных и региональных ценных бумаг, бумаг муниципальных образований. Но в то же время можно говорить о том, что государство обязано усилить свое присутствие на этом рынке не через объемы заимствований, а через внедрение стандартов, достаточно жестких, надзирая за соблюдением контрактов и этих стандартов.

Ситуация меняется. Роль нормативного регулирования, в том числе законодательного регулирования финансовых рынков, работы по внедрению этих инструментов резко повышаются. Если раньше проблемы могли решаться в рамках правительственной политики и политики Центрального банка (нормы резервирования, ставки рефинансирования), — это компетенция Центрального банка. Объем и цена заимствований на внутреннем рынке — это внутренние проблемы правительства. Они только через бюджет раз в год могут попадать под контроль парламента. Но внедрение стандартов, механизма и норм поведения на финансовом рынке — это прерогатива законодателя.

Так что теперь Государственная Дума — российский парламент — вынуждена резко активизироваться по решению этой задачи — усиление присутствия государства по созданию необходимых предпосылок и условий для контроля за рынком.

Кстати, говоря о новых формах присутствия государства, следует, видимо, сказать и о том, что некоторые сложившиеся инструменты, например, такие, как конкурсная продажа государственных пакетов акций, надо тоже переводить на механизмы фондового рынка.

В мире мало стран, где бы приватизация происходила на эксклюзивной основе, на основе инвестиционных конкурсов и иных эксклюзивных механизмов. Преобладает, как правило, механизм фондового рынка.

Уже в 1998 году можно было бы, проводя программу приватизации, отказаться от такого рода приватизационных конкурсов. Это не только позволит снизить остроту борьбы между отдельными финансовыми группировками и минимизировать возможность скандалов, но и резко увеличить доходность этих операций.

В частности, государству можно было бы использовать не только механизм оформления своей доли ценными бумагами и выведения их на фондовый рынок, но и механизм тех же конвертируемых облигаций, возможны операции типа "debt-to-equify swap". Механизмы все известны: это механизмы нормальной рыночной оценки государственных активов, а не механизмы, работающие по принципу — кто

больше дал за тот или иной кусок государственной собственности.

Мы очень все рады тому обстоятельству, что "Связьинвест" продали за миллиард восемьсот миллионов долларов. Это на сто миллионов больше, чем предложила проигравшая сторона, но никто точно не знает рыночной цены "Связьинвеста".

Узнать ее можно было бы только одним способом — оформив эту долю в ценные бумаги, выведя ее на Нью-Йоркскую фондовую биржу. Известно, что первое предприятие, которое попало в реестр Нью-Йоркской фондовой биржи, — это "Вымпелом" — телекоммуникационная компания, котируется она достаточно хорошо, то есть существуют ориентиры, на которые можно ориентироваться.

Я думаю, что переход к этим рыночным инструментам сводит роль государства не к арбитражу, не к посредничеству между основными финансовыми группировками, каждая из которых пытается получить доступ к лакомым кускам государственной собственности, а к созданию нормальных технологий и условий, выведению этих технологий на рыночные механизмы.

В принципе все-таки нужно ориентироваться не на государственный сектор, я еще раз подчеркну, а на фондовый рынок, не на иностранные инвестиции, а на российский фондовый рынок, потому что здесь основная емкость рынка.

Достаточно привести такой пример. Если в развитых экономиках соотношение между уровнем капитализации и валовым внутренним продуктом составляет "единичку" (сто процентов), то в российской экономике капитализация российских предприятий составляет 10 процентов от ВВП. Вот эта разница между десятью и ста процентами — разница капитализации экономик — показывает возможности и резервы российского рынка.

В заключение мне ничего не остается, как призвать вас этот лаг устранить. Все возможности для того, чтобы усилить свое присутствие на российском рынке, безусловно, имеются. Ждем вас как стратегических инвесторов. Мы, как вы видите, находимся на той стадии, когда почти все необходимые предпосылки для нормальной работы финансовых рынков и нормальной защиты прав инвесторов практически созданы. Спасибо.

ВОПРОС.

Есть ли уверенность в том, что в этом году может быть достигнута финансовая стабилизация. Ведь об этом говорилось в 1992, и в 1993, и в 1995 годах.

ШОХИН А.Н. В 1992 году и в 1995 году финансовая стабилизация, макроэкономическая стабилизация были некой целевой установкой, которая обычно отодвигалась на конец следующего года, на декабрь года, следующего за обсуждением этой проблемы на любом форуме. Сейчас мы можем говорить о том, что макроэкономическая стабилизация является элементом текущей ситуации. Но в то же время мы должны понимать, что эта макроэкономическая стабилизация должна быть сопровождается тем набором институциональных изменений, которые позволят ей перейти в реальный сектор экономики и способствовать экономическому росту.

После того как эта трансмиссия включится, можно будет говорить об устойчивости всей связки и о том, что стабилизация во всех своих аспектах является фактом нашей жизни. Потому наиболее существенной является, безусловно, стабилизация реального сектора экономики. Здесь пока мы близки лишь к понятию нулевого экономического роста. Инвестиции в основной капитал еще пока не растут. И поэтому, находясь в сентябре 1997 года, мы имеем возможность говорить о конце 1998 года как о периоде начала роста. Если к концу 1998 года будет позитивный экономический рост, если инвестиции в реальный сектор, в основной капитал изменят знак с минуса на плюс, тогда все аспекты стабилизации — финансовой макроэкономической стабилизации и стабилизации реального сектора экономики — будем наблюдать, тогда можно будет говорить о том, что основные задачи экономической реформы, начавшейся в январе 1992 года, решены. Мы очень близко подошли к этому, стоим почти у угла. Нам нужно завернуть за этот угол. Будем надеяться, что там нас ждет благоприятная картина.

ПОПЫТКА ОБНОВЛЕНИЯ

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
17 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Разрешите начать пресс-конференцию фракции "Наш дом — Россия". Я хотел бы воспользоваться случаем и предстать впервые перед вами на официальной пресс-конференции в качестве председателя фракции "Наш дом — Россия" и хотел бы представить избранных вчера новых заместителей руководителя фракции "Наш дом — Россия". Георгий Валентинович Боос — заместитель председателя фракции, он работает в Комитете по бюджету, депутат от Москвы, Инсаф Шарифуллович Сайфуллин, депутат от Татарстана, доктор наук, Борис Юрьевич Кузнецов, в прошлом губернатор Пермской области, работает в Бюджетном комитете. И Юрий Михайлович Тен, депутат от Иркутской области, заместитель председателя Комитета по промышленности.

Заместители председателя фракции были избраны тайным голосованием. Но по общему признанию членов фракции и председателя фракции выбор оказался удачным. И те задачи, которые фракция возлагает на себя, они в состоянии выполнить, организовать работу таким образом, чтобы и законодательская деятельность, и политическая деятельность фракции стала более активной, более заметной и для депутатов, и для общественности, и для избирателей. Я уже говорил на своих пресс-конференциях, что одна из основных задач обновленного руководства фракции "Наш дом — Россия" заключается в том, чтобы повысить престиж и вес фракции "Наш дом — Россия" как законодателя и роль в законодательской деятельности. Одновременно тем самым мы хотели бы поднять и престиж Государственной Думы как органа законодательного, а не только представительного. И хотелось бы, чтобы в ближайшие годы вы могли с полным основанием судить о нас как о законодателях.

Фракция "Наш дом — Россия" также надеется на то, что станет действительным авангардом, политическим авангардом движения "Наш дом -Россия". Мы видим, какие сложные задачи стоят перед движением. И сейчас, в период относительного политического затишья, когда до выборов еще достаточно далеко, тем не менее мы считаем, что нам нужно развернуть ряды и активно вести политическую работу как в регионах, так и на федеральном уровне, с тем чтобы избиратель идентифицировал нас как политическое движение, защищающее его интересы. И нам важно определить политическую судьбу каждого депутата и вести работу за привлечение новых своих сторонников, в том числе сторонников, способных идти на выборы — общенациональные выборы, региональные выборы. Один из ближайших способов проверить силы — региональные выборы, которые будут проходить более чем в 30 субъектах Федерации. Мы надеемся активно заняться и этой работой.

Поскольку нас много, пять человек, и вы, наверное, захотите задать вопросы не только председателю фракции, но и моим коллегам по руководству фракцией, я не хотел бы делать большого вступительного слова. Хотелось бы дать вам возможность реализовать свои интересы, задавая вопросы.

РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, какова позиция фракции по Договору СНВ-2? И когда фракция намерена внести вопрос о председателе думского Комитета по обороне? Как бы вы прокомментировали то, что ряд фракций готовы нарушить пакетное соглашение, но отстоять кандидатуру Рохлина? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Наша позиция по Договору СНВ-2 такова. Мы считаем, что в сложившихся экономических, финансовых, военно-политических и международных условиях ратификация Договора СНВ-2 и выход на Договор СНВ-3 отвечают интересам России, поскольку позволяют выйти на паритет, военно-стратегический паритет между Россией и Соединенными Штатами. Такого выхода на паритет без ратификации Соглашения СНВ-2 и без начала переговоров и заключения Соглашения о СНВ-3 мы не получим, как бы ни увеличивали военные расходы, как бы ни меняли военную доктрину.

Поэтому мы считаем, что ратификация Соглашения СНВ-2 отвечает интересам

России. Идя на ратификацию и выходя на военно-стратегический паритет между двумя державами, мы имеем возможность не только решить эту военно-стратегическую задачу, но и решить многие другие задачи, в частности выделить ресурсы на поддержание обычных вооружений и других видов Вооруженных сил. Мы будем, естественно, обсуждать детали, в том числе количественные параметры. Будем выяснять, в какой степени они действительно соответствуют интересам России. Но мы будем выяснять это в конкретном плане, в прикладном плане, а не в плане концептуальном. Концептуально мы для себя вопрос решили.

Что касается нашей позиции по комитету. Да, мы будем настаивать на том, чтобы на должность председателя Комитета по обороне был выдвинут наш кандидат, член нашей фракции. И дело здесь не только и не столько в сохранении пакетного квотного принципа, сколько в том, что Комитет по обороне сейчас реально выведен из конструктивного взаимодействия с Министерством обороны и другими структурами, которым придется в ближайшее время заниматься практическими вопросами — осуществление военной реформы и смежными — финансовыми, экономическими и социальными проблемами.

В частности, вчера на встрече лидеров фракций Государственной Думы, председателей комитетов Государственной Думы с министром обороны и с министром иностранных дел России, где обсуждались вопросы ратификации Договора СНВ-2 и состояние стратегических ядерных сил, председателя Комитета по обороне не было. Он готовился к учредительному съезду своей организации.

Этот конкретный пример показывает, что чрезмерная политизация деятельности председателя комитета мешает комитету выполнять свою основную функцию — включиться в обсуждение направления военной реформы и излагать, транслировать позицию всей Государственной Думы.

Поэтому мы считали бы, что дело не столько в пакетном принципе, который, кстати, по джентльменскому соглашению января 1996 года, должен действовать как минимум два года, сколько в необходимости повысить роль Государственной Думы в определении перспектив военной реформы.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Александр Николаевич, я по-прежнему, как однажды удачно заметили вы, задаю вам философские вопросы, но не могу изменить себе.

Вопрос такого рода. До недавнего времени исповедовалась такая идеология, якобы однажды пришедшая в голову Горбачева. "Европа — наш общий дом", — сказал он в своей книжке. Так вот, чей же дом в конце концов Россия, ваш, мой? Вот это само название навивает на такую мысль, заставляет задуматься. Чей дом Россия ныне, когда в этом доме плохо живется такому количеству людей?

ШОХИН А.Н. Год назад я возглавлял делегацию Государственной Думы, и мы встречались с коллегами из европейского парламента. Некоторые из них меня спрашивали: почему ваше движение носит такой несколько избыточно патриотический оттенок по названию "Наш дом -Россия"? Может быть, вы такие же патриоты, как и левые? Я предложил им сделать название менее националистическим и изменить на название "Наш дом — Европа". До сих пор думают европейские коллеги — расширяться нашему движению в этом направлении или нет.

Но поскольку вопрос у вас философский, философски и ответчу. Россия -наш общий дом. И мы, объявляя в 1995 году при создании движения и на первых двух съездах движения свои программные установки, отмечали, что являемся партией широкого политического центра. И хотя идеологическое, если хотите, ядро нашей программы — это правый центр, но мы готовы взаимодействовать со всеми неэкстремистскими силами.

И, готовясь к следующим выборам в парламент, мы также предпримем все для того, чтобы реализовать патриотическую формулу, которую открыл Илья Сергеевич Глазунов, я с ним полностью согласен, что русский тот, кто любит Россию. Вот все, кто любят Россию, должны объединиться ради ее интересов.

ГАЗЕТА "СЕГОДНЯ".

Александр Николаевич, господин Чубайс сегодня подписывает в Париже меморандум о взаимодействии с Парижским клубом. Таким образом завершается почти пятилетняя история переговоров, у истоков которых стояли еще вы.

Не могли бы вы прокомментировать значение и возможные последствия решения этого события, это во-первых.

И во-вторых, очень много разногласий и споров относительно того, сколько Россия

сможет получать денег со своих должников после вступления в Парижский клуб. ШОХИН А.Н. Впервые вопрос о вступлении в Парижский клуб Президент Ельцин поставил в 1994 году на неапольской встрече "восьмерки". Речь шла о том, что Россия должна иметь отношения с Парижским клубом не только как правопреемница бывшего СССР, как должник, стало быть, но и как кредитор очень большого количества стран, существенная часть которых имеет отношения с Парижским клубом, в частности имеет рамочные соглашения с ним.

В начале этого года переговоры вышли на финишную прямую и обсуждались конкретные условия членства России в Парижском клубе. Как известно, Россия выдвинула два условия.

Первое. Зачет всех кредитов бывшего СССР, предоставленных развивающимся странам, всем странам, всех финансовых активов. Второе. Учет их по официальному курсу Госбанка СССР на момент предоставления кредита. Известно вам, что курс был 65 копеек за доллар. И вот эти два условия, собственно, и обговаривались. И эти два условия на самом деле выполнены, и вступаем мы в Парижский клуб при том, что все наши финансовые активы будут учтены, правда, с дисконтированием и реструктуризацией долгов. И будет использован официальный курс Госбанка СССР.

Но эта задача не главная. Она является лишь условием увеличения притока финансовых ресурсов от долгов бывшему Советскому Союзу. По имеющейся информации, достигнутые договоренности позволяют как минимум утроить финансовые потоки в российский бюджет за счет того, что Парижский клуб как международная организация, имеющая свои каналы давления на должников, в некотором смысле гарантирует эти потоки-

У нас со многими странами были очень хорошие соглашения по возврату долгов, но они часто не работали. И в итоге мы ничего не имели от возврата долгов некоторыми странами.

Есть некоторые вопросы, которые я сейчас не могу однозначно осветить, отвечая на этот вопрос. В частности, вопросы, связанные с конкретными размерами глобального дисконтирования наших активов, а именно эта операция будет в некотором смысле ключевым условием вступления в Парижский клуб.

Мне, например, кажется, что одна из ключевых проблем, которую Россия обязана решить при вступлении в Парижский клуб, — это сохранение своего политического присутствия в странах-должниках. Страны-должники бывшего Советского Союза должны отчетливо видеть, что те льготные схемы списания и реструктуризации долгов, на которые Россия идет, вступая в Парижский клуб, списание долгов бывшему Советскому Союзу — это акт доброй воли. Дело в том, что, насколько я понимаю, Россия готова пойти на более льготные условия, чем стандартные схемы списания долгов, существующие в меню у Парижского клуба. Более льготные, чем неапольские, условия и близкие, скажем, к последней инициативе Парижского клуба, поддержанные МВФ и Всемирным банком, когда наиболее бедным странам с наибольшим бременем задолженности списывается до 80 процентов долгов.

Так вот разница между стандартными схемами Парижского клуба и теми условиями, которые предлагает Россия, — это именно предложение России, а вовсе не, скажем, давление со стороны Парижского клуба. И нам хотелось бы, чтобы наши должники понимали, что Россия как великая держава идет на это, имея в виду, что высвобождающиеся ресурсы у этих стран, высвобождающиеся в результате того, что Россия может предоставить более льготные схемы, чем стандартные меню Парижского клуба, эти ресурсы пойдут на социальные программы, поддержку материнства, детства, экологические программы и так далее в этих странах.

Кроме того, есть еще один очень важный момент. Конечно, эта программа реструктуризации и списания долгов, на мой взгляд, должна распространяться на страны-должники, которые имеют отношения с Парижским клубом.

В тех случаях, когда страны никогда не обращались к Парижскому клубу за списанием, прощением долгов и не собираются обращаться, мы с этими странами должны вести переговоры на двусторонней основе.

Конечно, мы можем, вступая в Парижский клуб, заявить, что будем максимально использовать критерии Парижского клуба, условия списания и реструктуризации долгов, привязанные, скажем, к платежеспособности той или иной страны, но тем не менее вот эта группа стран, на мой взгляд, должна быть предметом самостоятельных двусторонних переговоров. Так что тут есть целый комплекс проблем. Как только станут окончательно известны условия присоединения России

к Парижскому клубу, которые сегодня будут подписаны Анатолием Чубайсом, я готов буду комментировать более подробно.

Но еще раз подчеркну, членство России в Парижском клубе в любом случае, если не останавливаться на всех деталях, должно увеличить приток финансовых ресурсов в российский бюджет от двух до трех раз как минимум. А также оно позволяет России, урегулировав все проблемы и по своим долгам, и по долгам бывшего Советского Союза, повысить кредитный рейтинг и увеличить привлекательность России для притока инвестиций.

РАДИО РОССИИ.

Александр Николаевич, в пятницу правительство будет отчитываться в Государственной Думе за исполнение бюджета в первом полугодии. В связи с этим, как оценивает фракция работу правительства с начала года?

И прокомментируйте, пожалуйста, заявление Сергея Бабурина о том, что он намерен в ходе этой сессии поставить вопрос о недоверии кабинету.

ШОХИН А.Н. Я хотел бы вас проинформировать, что достигнута договоренность между лидерами фракций Государственной Думы, с одной стороны, и правительством, с другой стороны, о том, что вопрос об отчете правительства по исполнению бюджета за 1997 год и первое чтение проекта бюджета на 1998 год будут совмещены.

И это совмещение означает, что оба этих вопроса будут рассматриваться не в пятницу (естественно, мы не успеем подготовиться к первому чтению бюджета), а восьмого октября.

Правительство в ближайшие часы направит соответствующую просьбу в Государственную Думу рассмотреть эти вопросы одновременно. И вполне возможно, что мы посвятим не только целодневное заседание этим вопросам, но целых два дня — восьмого и девятого — будем обсуждать отчет правительства по исполнению бюджета, оценивать социально-экономическую ситуацию в стране и обсуждать концепцию бюджета в рамках первого чтения этого законопроекта.

В этой связи у нас есть время подготовиться не только к оценке исполнения бюджета за этот год. Кстати, я абсолютно уверен в том, что отчет правительства по исполнению бюджета не за полгода, а за девять месяцев гораздо привлекательнее не только для правительства, но и для Государственной Думы.

Во-первых, потому, что многие тенденции изменили знак за последние месяцы. Это относится и к выплате задолженностей бюджета по пенсиям, по зарплате военнослужащим. В ближайшее время будут решены, как информирует правительство, вопросы, связанные с зарплатной частью некоторых программ, прежде всего программ, связанных с финансированием военно-промышленного комплекса, атомной промышленности, науки и так далее. И ясно, что ситуация к октябрю будет несколько иной, нежели она была в середине года. Это первое.

Второе. Отчет об исполнении бюджета, будучи рассмотренным вместе с концепцией бюджета на следующий год, позволяет нам рассматривать финансово-экономическую и социальную политику правительства в целом. И здесь можно будет увидеть, как исправляются некоторые недостатки бюджета 1997 года, и делать более обоснованные выводы.

Что касается инициатив депутатов по вынесению вотума недоверия, то вы помните, что с весенней сессии две группы депутатов обнародовали свои списки. Во-первых, это фракция "ЯБЛОКО" и, во-вторых, группа Бабурина.

И уже весной было ясно, что если Бабурин и Явлинский сложат свои подписи, то вполне возможно, что наберутся те 90 подписей, которые достаточны для того, чтобы внести этот вопрос в повестку дня и через неделю после обнародования подписей рассмотреть его на пленарном заседании, как это вытекает из нашего Регламента. Но обсуждение бюджета в первом чтении является самодостаточным для того, чтобы принимать решение о вотуме недоверия правительству в соответствии с Законом "О порядке принятия бюджета". Есть несколько альтернатив при отклонении бюджета в первом чтении: отклонить и вернуть в правительство, отклонить и создать согласительную комиссию, отклонить и вынести вотум недоверия правительству. То есть оказывается, что никаких подписей в общем-то и не нужно, если эту процедуру приурочить к обсуждению бюджета в первом чтении. Будет ли такая увязка в октябре или нет — это будет видно, хотя наличие нескольких альтернатив, в том числе реальной альтернативы для депутатов работать вместе с правительством в рамках согласительной процедуры, — это как бы та возможность, которая по идее не должна отбрасываться

с самого начала.

Я не делал бы однозначных выводов и однозначных прогнозов. Но ясно: сама теоретическая возможность увязывать вотум недоверия с обсуждением бюджета в первом чтении делает бессмысленным вынесение этих инициатив раньше. Поэтому я думаю, что до октября, до 8—9 октября, вы вполне можете с этой темой не обращаться к лидерам фракций.

"МИР НОВОСТЕЙ".

Александр Николаевич, к вам вопрос или к членам вашей команды, я подчеркиваю слово команда, если так уместно вообще говорить.

Вопрос такой. Ваше назначение на ваш сегодняшний пост может быть связано с тем, что Беляев был в другой команде или, так сказать, исповедовал и проповедовал разные вещи, и как вот сейчас это все в новом вашем руководстве сочетается? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Я бы не торопился говорить о том, что Сергей Георгиевич был в другой команде. Сейчас многие говорят о том, не формирует ли он новую команду. Но если оценивать его прошлую деятельность, я считаю, что главным недостатком в ней было то, что он не сумел сформировать команду. Да, наша фракция формировалась сложно. Ее члены, придя в Государственную Думу, впервые увидели друг друга, поскольку движение новое, формировалось накануне выборов, и очень большая нагрузка ложилась на руководителя фракции. Он был обязан сформировать команду и попытаться задействовать каждого депутата. И не случайно, кстати, многие депутаты к середине 1997 года считали одной из основных проблем нашей фракции то, что не все они оказались востребованы.

Задача обновленного руководства фракции заключается в том, чтобы уже проявившийся потенциал большинства наших депутатов полностью реализовать прежде всего в законотворческой и политической деятельности. И во-вторых, сделать все для того, чтобы наша фракция сплотилась именно как единая команда, готовая решать задачи в Государственной Думе и готовая идти на следующие выборы.

"РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА".

Александр Николаевич, вначале вы сказали, что хотите видеть повышенную роль Госдумы именно как законодательного органа власти. Вот в связи с этим у меня вопрос. Не секрет, что сегодня многие законы отклоняются и верхней палатой парламента, и президентом. Вот какие здесь пути вы наметили? Может быть, больший контакт с Советом Федерации? Может быть, вынесение недоверия господину Орехову? Какие здесь перспективы?

ШОХИН А.Н. Вы тоже готовите статью против Орехова? Нет? На самом деле наша фракция уже давно работает над тем, чтобы увеличить по крайней мере время, отводимое палатой, на ее пленарных заседаниях рассмотрению законопроектов.

Одной из наших инициатив были сокращение времени для обсуждения повестки дня полчасом и жесткая регламентация обсуждения повестки дня. Дело в том, что повестку дня предлагает Совет Государственной Думы, в заседаниях которого участвуют все лидеры фракций и все председатели комитетов, все вице-спикеры и председатель палаты, естественно.

И тем не менее полтора часа каждый день, иногда чуть меньше, сегодня вообще рекорд поставили: 15 минут, мы обсуждаем утвержденную повестку дня, точно зная, что даже то, что внесено Советом Государственной Думы, будет выполнено процентов на 50-70.

В проекте Регламента идея наша заложена, и мы ее будем в октябре, когда начнем обсуждать Регламент на пленарном заседании, безусловно, отстаивать.

Вторая позиция, которую мы также хотели заложить в Регламент, но ее труднее отстаивать, — это введение некоторых более жестких что ли самоограничений для прохождения законопроектов. Очень много на палату выходит "сырых", мягко говоря, законов, и мы вынуждены, принимая идею, отклонять конкретный текст законопроекта из-за того, что он может противоречить и регламентным нормам, и Конституции в части процедуры рассмотрения законопроектов. В частности, может, в прошлом это неоднократно бывало, вноситься без заключения правительства, хотя закон, скажем, бюджетоемкий.

Введение таких фильтров, если хотите, сама палата в себе должна ввести. Эти фильтры позволили бы разгрузить палату от рассмотрения второстепенных вопросов или того, что уже стало привычным называть у нас в палате законодательным мусором. И стало быть, базовые законы, ключевые законы, могли

бы проходить в первую очередь.

Еще один вопрос взаимодействия с субъектами законодательного процесса на ранних подступах. Функционирует объединенная комиссия, председателем которой пока еще я являюсь.

Нам удалось за последние почти два года поднять престиж этой комиссии. Не случайно в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию эта комиссия упоминается неоднократно как орган, который может согласовывать интересы ветвей власти на стадии подготовки и предварительного обсуждения законопроектов.

Видимо, нужно в Регламент внести некоторые положения об этой комиссии и сделать прохождение законопроектов, одобренных этой комиссией, куда входят все ветви власти, более быстрым, чем для других законопроектов.

И наконец, нужно чаще обращаться к согласительным процедурам, и в тех случаях, когда есть редакция президента того или иного отклоненного закона, надо взять за правило рассматривать эти законопроекты быстро.

В частности, обращусь к Закону "О свободе совести". Известно, что после отклонения президентом этого закона была предложена редакция президента (и тем не менее в палате раздавались голоса: "А нужно ли рассматривать редакцию президента?"), которая, кстати, была сформулирована на основе согласительных процедур с участием представителей всех конфессий — не только основных, но и малых, в том числе в рамках православной веры.

. Депутаты говорили: давайте попробуем сначала преодолеть вето, а уж потом рассмотреть редакцию президента, хотя, строго говоря, это противоречит Регламенту Государственной Думы, который четко гласит, что в случае наличия редакции президента этот вариант голосуется первым. Лишь если он не проходит, рассматриваются другие альтернативы.

То есть нам надо максимально использовать согласительные технологии для того, чтобы выработать такие варианты законов, которые затем не наталкиваются на вето верхней палаты или не отклоняются президентом.

Возможности для повышения эффективности взаимодействий есть, и их надо в большей мере использовать.

Я надеюсь, что мой преемник на посту первого заместителя Председателя Государственной Думы продолжит ту линию, которую я вел, и мы можем рассчитывать на определенный результат.

ЛЕБЕДЕВ.

Александр Николаевич, в словах "законодательного", "исполнительного", "освободительного", "национального" и многих других окончание содержит созвучие "огонь", в том числе "концептуального", "конфессионального".

Считаете ли вы, что в этих сложных условиях "свет", "солнце", "огонь" позволят нам действительно создать новую концептуальную основу для гармонизации взаимоотношений народов, конфессий и в целом человечества?

ШОХИН А.Н. Коллега Георгий Боос получил недавно Государственную премию в составе творческого коллектива за освещение Москвы. Он у нас один из выдающихся деятелей в этой области. Наверное, он ближе к огню и свету, чем многие другие. Хотя я помню, вы мне несколько лет назад объясняли, что мое имя "Александр" тоже к солнцу тяготеет.

ЛЕБЕДЕВ Е.А. Солнце в вашем имени есть. Особое предназначение ваше.

ШОХИН А.Н. Будем работать в этом направлении. Сам Бог велел.

КАК ПОДДЕРЖАТЬ АРМИЮ?

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
24 СЕНТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Мы намерены раз в неделю в Малом зале выступать перед вами, не только председатель фракции "Наш дом — Россия", но и спикеры фракции по основным вопросам.

У нас сейчас появились шесть докладчиков, спикеров по основным законодательным блокам.

Кроме того, наши председатели комитетов также будут регулярно с вами встречаться. Поэтому формат встреч будет достаточно широким. Любые актуальные вопросы можете задавать, и наши коллеги будут стараться на них отвечать.

И даже персональный состав участников пресс-конференций с нашей стороны будет подстраиваться под текущую политическую, экономическую, внутривнутриполитическую, международную конъюнктуру.

Сегодня хотелось бы ответить на вопросы, связанные с событиями этой недели. Один из важнейших информационных поводов — внесение в повестку дня заседания в пятницу вопроса о председателе Комитета по обороне.

Мы надеялись, что после своего избрания на пост лидера политического движения генерал Рохлин сам сложит полномочия председателя комитета. Но он этого не сделал и делать не собирается.

Тем не менее мы вносим этот вопрос, поскольку считаем, что он является политически значимым для фракции "Наш дом — Россия".

Коммунисты уже заявляли, что они не "сдадут" Рохлина. Он им импонирует по своим идеологическим установкам и по манере поведения, решительной и направленной не столько на защиту интересов армии, сколько на смещение президента и правительства. Это их золотая мечта, которая не реализуется в силу ряда причин в рамках конституционных технологий.

Мы предупреждали не один раз левую оппозицию, что она может столкнуться с целым рядом новых проблем, и она уже начала с ними сталкиваться.

В частности, генерал Рохлин, видимо, так возбудил Геннадия Андреевича Зюганова, что он в субботу на съезде явно перешел допустимые рамки не только морально-этические, но и рамки депутата Государственной Думы, лидера официальной оппозиции. И, как говорится, перешел на личности, что затрудняет реализацию другой идеи левой оппозиции: создание "круглого стола" и обсуждение волнующих общество вопросов в рамках этой процедуры.

Не исключено, что и дальше генерал Рохлин будет провоцировать такого рода действия со стороны коммунистов. И вместо цивилизованного лоска левая оппозиция будет скатываться к анпиловщине, к уличным и иным непарламентским формам борьбы. Нам кажется, что коммунисты должны сами осознать, к чему они себя готовят. И в этих условиях сам факт поддержки с их стороны генерала Рохлина в пятницу на голосовании мы рассматриваем как положительный для "Нашего дома — Россия". Если КПРФ и их союзники в Думе фактически повторно проголосуют за избрание Рохлина председателем комитета, мы будем считать, что окончательный развод состоялся, и генерал Рохлин находится в тесных объятиях левой оппозиции. В равной степени левая оппозиция в этих же объятиях находится с генералом Рохлиным. То есть мы в любом случае в пятницу зафиксируем факт формального перехода господина Рохлина в левую оппозицию.

Этого не случится, если коммунисты и их союзники решат соблюсти пакетные договоренности и проголосовать без чрезмерного ажиотажа и политизации за избрание другого нашего представителя на этот пост.

Напомню, что генерал Рохлин сам написал заявление о выходе из фракции НДР, и как бы скандала пока здесь никакого нет. Коль человек вышел из фракции, а должность является квотной в соответствии с портфельным пакетным соглашением января 1996 года, мы вправе выдвинуть своего кандидата.

Поэтому я считаю, что лучший вариант для левой оппозиции — решить этот вопрос

мирным путем.

Я не исключаю, что "мирные инициативы", в кавычках, будут высказываться, и одна из них будет состоять в том, что пора пересмотреть вообще состав комитетов, перечень комитетов. Многие из комитетов не работают. И не лучше ли через пару-тройку месяцев или со следующей сессии вообще изменить структуру комитетов и по-новому сформировать пакетные соглашения либо по другой схеме определиться по руководству комитетов. Такие аргументы возможны, но мы считаем, что эти два вопроса могут быть разведены во времени.

И решить нужно сейчас главный вопрос — сохранение старого пакетного соглашения. Все новые предложения мы будем обсуждать в дальнейшем.

Так что, с политической точки зрения, мы, фракция "Наш дом - Россия", движение "Наш дом — Россия", в любом случае в пятницу должны выиграть при любом исходе голосования.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Алексей Апухтин однажды сказал: "Я целый день творю законы для блага подданных и очень устаю". Вот, если я не ошибаюсь, если ошибаюсь, поправьте меня. Там название пресс-конференции написано: "Приоритеты законотворческой деятельности "Нашего дома — Россия".

Александр Николаевич, я вынужден обратить внимание, что я вам задавал все время вопрос. Вы были в исполнительных структурах. Сейчас вот в законодательных структурах, высших причем. Ну, где у вас приоритет, вы для себя выбрали, где вы должны быть, ваше место? Это во-первых.

А во-вторых. Все же, что означают вот эти приоритеты? Это вы будете делать законы, которых еще нет, или улучшать, которые есть? И вообще, что это за законы вы намерены, значит, предложить Думе?

ШОХИН А.Н. Коль вы цитируете Апухтина, я готов процитировать Федора Ивановича Тютчева, его стихотворение "Силентиум": "Молчи, скрывайся и таи и мысли, и мечты свои". Это к вопросу о частом повторении одних и тех же вопросов.

У нас есть собственная программа законопроектной деятельности. Она включает примерно 70 законопроектов. Эти законопроекты включены в программу приоритетов на осеннюю сессию и внесены они как депутатами нашей фракции, так и депутатами других фракций. Но коль скоро мы считаем все эти законопроекты приоритетными для создания правового пространства государства Российского, то включаемся не только в работу по своим законопроектам, но и по тем, которые считаем приоритетными для Думы в целом.

Форма работы разная. Во-первых, это работа над концепцией законопроектов, то есть с нулевого цикла.

Во-вторых, это работа по принятым законопроектам в рамках подготовки их ко второму чтению.

В-третьих, это возможное внесение альтернативных законопроектов в случае, если на уровне второго чтения не удастся договориваться.

И четвертое направление — это совсем ранняя стадия работы над законопроектами, когда мы, исходя из приоритетов, заявленных официально президентом и правительством, но в случае отсутствия готовых текстов, которые бы были одобрены президентом или правительством, будем работать с ведомствами по выработке концепции. Будем формировать совместные рабочие группы, привлекать экспертов, и добро на такую работу наши партнеры по правительству и президентской администрации дали. Так что конкретный список можете узнать во фракции.

ГОСТЕЛЕРАДИО РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА.

Александр Николаевич, не кажется ли вам, что создание нового движения в поддержку армии, военно-промышленного комплекса и военной науки — это не что иное, как движение, которое призвано мешать претворению в жизнь реформы Российской Армии?

ШОХИН А.Н. Дело в том, что само по себе движение — это лобби, конечно. Лобби ВПК, армии, оборонной науки и так далее. И есть два пути функционирования этой лоббистской политической структуры.

Первый. Перейти к конструктивному обсуждению конкретных вопросов, коих очень много, к сожалению, и по стратегическим силам, и по СНВ-2, и по разграничению систем противоракетной обороны, и по концепции слияния и разграничения различных видов Вооруженных сил, и по определению перечня перспективных видов вооружения, которыми должна обладать Российская Армия к

моменту завершения реформы, и по определению подходов к формированию и к сохранению заделов в оборонной науке. Второй — политическое давление на власть, исходя из того, что нынешняя власть все, что ни делает, все во вред и народу, и армии, и так далее. И главная задача — смести эту власть с политической сцены, а там разберемся.

Я считаю, что поскольку преобладает в движении в поддержку армии, в рохлинском движении, второй подход, то явно этот подход будет мешать Думе конструктивно взаимодействовать с федеральными властями, занятыми военной реформой, и явно не будет способствовать оптимизации тех решений, которые будут приниматься в этой области. То есть президентская или правительственная сторона могут отмахиваться и от каких-то здравых зерен в этой критике, исходя из того, что все это делается на фоне митинговщины. Вот я поэтому согласен с оценкой, которая содержалась, по сути, в вашем вопросе, что сейчас это движение вряд ли способствует конструктивному проведению военной реформы.

АГЕНТСТВО "ПРАЙМ-ТАСС".

В случае принятия решения о создании согласительной комиссии и в случае того, что там будут затронуты вопросы о межбюджетных отношениях, инвестициях и налогах, не приведет ли это к увеличению доходной части федерального бюджета, и на какую сумму, на ваш взгляд, можно договориться с правительством, учитывая, что оно настаивает на увеличении доходов?

ШОХИН А.Н. Традиционно Дума настаивает на увеличении доходной части, имея в виду, что это позволит профинансировать дополнительные расходы. Так было и в прошлом году, так было и в предшествующие годы. И сейчас основными приемами увеличения доходной части является переоценка темпов инфляции и переоценка объема валового внутреннего продукта. Думские эксперты считают, что инфляция у правительства заниженная, ВВП также занижен, вот если эти два уточнения произвести, то автоматически доходная часть увеличивается, и, стало быть, можно какие-то триллионы кинуть на неотложные нужды.

Мы считаем, что дело не в цифрах, а дело в механизмах межбюджетных отношений, налоговых механизмах, механизмах функционирования бюджета развития и так далее. Возьму один пример — бюджет развития. Если спор будет идти о том, какую цифру записать в бюджет развития, кроме связанных иностранных кредитных линий, то разговор явно пойдет в тупик, но если мы поставим вопрос, какие механизмы должны быть закреплены Законом "О бюджете" или смежными законами и которые должны быть обязательно запущены, то мы, не называя конкретных цифр, можем получить реальный бюджет развития.

Предложения такого рода мы готовы сделать — это использование гарантийных фондов для мобилизации инвестиций, как отечественных, так и иностранных. Для этого нужны соответствующие нормативные акты, как минимум указ президента, а лучше закон. Мы готовы предложить правительству инициативу, связанную с использованием наших отношений с Международным валютным фондом и Всемирным банком по реанимации старой идеи предоставления гарантийного фонда рубля, при том понимании, что она будет завязана на механизм страхования инвестиций от некоммерческих рисков, и целый ряд других механизмов может быть предложен правительству, включен в текст Закона "О бюджете", и тогда мы можем быть уверены, что новые источники доходов появятся, но фиксировать их в Законе "О бюджете" было бы опасно, потому что тогда мы сдержим создание этих новых эффективных финансовых инвестиционных инструментов. Вот, собственно, наша идеология. Не будем мы поддерживать и легкомысленные аргументы наших коллег, которые будут призывать просто увеличить доходные статьи, с тем чтобы бюджетный процесс завести в тот тупик, в котором он оказался в 1997 году.

РАБОТАТЬ НАДО В СВЯЗКЕ

("ЭХО ПЛАНЕТЫ", ОКТЯБРЬ 1997 ГОДА, № 42, В. ДЖАЛАГОНИЯ)

На руководство думской фракцией "Наш дом — Россия" Александр Шохин был брошен как на амбразуру. Надо было в пожарном порядке погасить огонь, который уже начал расплзаться под крышей НДР. Той самой, которую так старательно изображал на известном предвыборном плакате Виктор Черномырдин, сложив с помощью имиджмейкеров руки аккуратным, уютным шалашиком.

Но в самом "Доме" уютом не пахло. Мало того, что взбунтовался против своего Верховного главнокомандующего, являющегося по совместительству президентом России, генерал Лев Рохлин — третий номер в предвыборном списке НДР и председатель думского Комитета по обороне. Увесистую охапку дров в занявшийся пожар подбросил сам руководитель фракции Сергей Беляев. Почувствовав, что его готовятся сместить, он решил сыграть на опережение и громко хлопнул дверью "Дома". Не только вышел из состава фракции, но и объявил о решении основать новый блок, объединив в нем всех думских демократов. Вот тогда-то председатель политсовета движения "Наш дом — Россия", он же премьер-министр Виктор Черномырдин, вызвал к себе на беседу верного Шохина. Александр Николаевич успел побывать в правительстве Черномырдина и министром, и вице-премьером.

45-летний Шохин всего на неполных четыре года старше Чубайса, но никому и в голову не придет называть его "молодым реформатором", хотя он румян. Выглядит достаточно моложаво и убежденный рыночник. Доктор экономических наук, профессор Шохин, смотрящий на мир сквозь сильновыпуклые линзы очков, — зримое воплощение надежности и какой-то глубинной основательности.

—Как все-таки Виктору Степановичу удалось уговорить вас переменить довольно комфортное кресло первого вице-спикера Думы на беспокойную должность лидера парламентской фракции, особенно в нынешний кризисный момент ее жизни? Он призвал вас к партийной дисциплине?

—Нет, и слов "надо, Федя!" не произносил. Мы оба понимали, что должность первого вице-спикера для фракции является одной из ключевых на политической площадке НДР. Поэтому речь шла о том, где я могу принести больше пользы движению. Поскольку внутри фракции не было ярко выраженных кандидатов на должность лидера — не по потенциальным возможностям, а, так сказать, по степени общественного признания, — то выбор пал на меня. Второе обстоятельство связано с тем, что важно было быстро решить те проблемы, которые мешали фракции НДР оставаться одной из ведущих и по законотворческой, и по политической активности в Думе. Действовать надо было без раскачки. Если бы мы потеряли темп, во фракции могли начаться некоторые колебательные движения, тем более что ее бывший лидер, уходя, провозгласил создание нового политического движения и новой депутатской группы. Так что, оперативно продвинув меня на освободившееся место, мы как бы срезали угол. Думать надо было не о личном имидже, а об имидже движения. Волею судеб я оказался наиболее раскрученным депутатом НДР, и тратить время на пропагандистскую работу не пришлось.

—Ваша фракция, как и движение НДР в целом, довольно специфична.

Это тот случай, когда традиционная парламентская схема как бы поставлена с ног на голову. Обычно партия, победившая на выборах, формирует правительство, иначе говоря — власть. А в вашем случае произошло обратное: власть сформировала собственную партию. Это российская специфика, наш вклад в мировой парламентский опыт?

—Это не специфика НДР, то же в сущности было и с "Демократическим выбором". Ситуация, когда парламент формирует правительство, — это определенный режим демократии, схема парламентской республики.

У нас же республика президентская. Правительство формирует глава государства. Правда, оппозиция ныне желает внести поправки к Конституции — преобразовать президентскую республику в парламентскую. В случае если бы на прошедших президентских выборах победила оппозиция, то могла возникнуть именно такая модель.

—Вы произнесли это с дрожью в голосе.

—Нет, без дрожи. В переходный период система, сложившаяся в России, вполне оправдана. Скажу больше: именно перспектива победы оппозиции, за которой последовала бы радикальная смена курса, во многом повлияла на выбор избирателей. Это был системный выбор, выбор общественно-политического строя. Голосование подтвердило необратимость реформ. Думаю, в более-менее отдаленном будущем мы придем к стандартным моделям парламентской жизни. Это стратегия демократического развития. Но не задача сегодняшнего дня. При переходе одного уклада к другому придется использовать гибкую систему противовесов. Вообще же правительство у нас в сущности коалиционное. За премьером стоит НДР, за Чубайсом — "Демвыбор", Немцов тяготеет к "ЯБЛОКУ". Был и министр, близкий к коммунистам, — Тулеев.

У нас уже есть признаки складывающейся двухпартийной модели, но пока не на постоянной основе. Оппозиция объединилась в блок — Народно-патриотический союз России. Демократы тоже должны укреплять солидарную основу своей деятельности. Однако так уж сложилось, что им этот процесс дается много труднее, дают о себе знать субъективные моменты, личные амбиции. Коммунисты дисциплинированы, умеют воздействовать на своих лидеров. Нам нужны не крайности, а политический центр — справа от центра, слева от центра. Тогда стране будут обеспечены не катастрофы и социальные катаклизмы, а стабильное развитие, с гарантией прогресса при любом раскладе голосов избирателей. Во Франции и Великобритании приход социалистов не создал опасности. Все происходит достаточно спокойно — в большинстве стран Запада давно сложилась устойчивая двухпартийная система, и смена команды у штурвала не грозит посадить государственный корабль на мель.

—Практически сегодня существуют как бы две партии власти — НДР и "Демократический выбор". Хотя гайдаровская партия, не преодолев даже пятипроцентного барьера, в парламент не попала, ее съезд освещался по телевидению в духе лучших советских образцов как форум правящей партии. Не секрет, что "молодые реформаторы", как их называют, в особенности Чубайс, в своей деятельности опираются на разработки Гайдара и его института. Не возникает ли между вами невольная конкуренция по схеме: партия Черномырдина — партия Чубайса?

—Мы должны действовать в связке, надо сформировать как бы вторую часть двухпартийной схемы, которая бы противостояла оппозиции. При несогласованных действиях демократы обречены отнимать голоса друг у друга, гарантируя успех левому блоку. Надо уметь договариваться, уже придя в парламент. Нужна коалиция здравого смысла. Одна из ключевых задач — устойчивая коалиция правоцентристских сил, причем НДР мог бы претендовать на то, чтобы стать ее ядром. Самое важное — обеспечить приход в политику здравомыслящих сил. В 1996 году такая партия как бы сформировалась, обеспечив переизбрание Бориса Ельцина на второй срок. Но потом банки переругались, начался типичный российский раздрай.

—Начало ли ваше движение подготовку к президентским выборам 2000 года? Если Ельцин сохранит верность заявлению, сделанному первого сентября, и не будет баллотироваться на третий срок, на кого будет сделана ставка?

—Важно представлять, в каких условиях пройдут будущие выборы. В благоприятной социально-экономической обстановке или при социальных потрясениях? Лучше, конечно, первый случай. Тогда люди смогут оценить тонкости программ конкурентов, и надо просто запустить механизм выборных технологий. Если же ситуация осложнится, то голосование будет носить альтернативный характер, по схеме — не столько "за", сколько "против". Такое у нас уже случалось.

— Я понимаю, что имени вашего кандидата вы мне сегодня не назовете. Но на фракционных заседаниях, во время внутренних дискуссий в рамках движения какой-то набор имен звучит?

— Нельзя спешить с предвыборной заявкой. Обратите внимание, что никто публично не называет себя кандидатом (наша беседа проходила еще до того, как было обнародовано решение Григория Явлинского участвовать в президентской кампании. — Прим. авт.). Боятся фальстарта, могут начаться вываливание взаимных обвинений, компромата, борьба за опережающий перехват групп поддержки. В таких условиях трудно вести честную борьбу.

— Если можно, вопрос этико-психологического плана. После того как Геннадий Селезнев, председательствуя в Думе, проявил по отношению к вам

непростительную грубость — назвал "лжецом", вы при встрече отказались подать ему руку. Но в процессе работы Председателю Думы и руководителю фракции приходится постоянно контактировать. Не ощущаете ли вы по этому поводу дискомфорт?

— Селезневу руку я, действительно, не подал и не подам — до принесения публичного извинения, что не мешает мне участвовать во всех встречах и консультациях. Я сразу же высказал свою оценку случившегося, зафиксировал свою позицию. Селезнев перешел грань дозволенного, показал, что для достижения своих целей не брезгует ничем, и тем самым уронил себя в глазах депутатов. Здесь соединились морально-этический вопрос с политическим. Но это в значительной степени его проблема.

Что касается наших рабочих контактов, то я отношусь к нему лишь как к человеку-функции, не более того...

В заключение короткое послесловие. Угроза Сергея Беляева создать собственный депутатский блок и даже целое движение успехом пока не увенчалась. На "вход" же в НДР образовалась некоторая очередь. Самое колоритное приобретение фракции — Владимир Брынцалов, производитель лекарств, водки и незадачливый кандидат в президенты. По этому поводу Александр Шохин пошутил: "Раздающееся сегодня из фракции легкое "брынцание" лучше, чем угроза, что перегородки "Нашего дома" вот-вот рухнут". И еще он выдвинул лозунг: "Использовать Брынцалова в мирных целях".

ВОТ УМ НЕДОВЕРИЯ И БЮДЖЕТ

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
9 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Коллеги, сегодня в Государственной Думе особый день. Особый, потому что впервые официально обсуждается отчет правительства по исполнению бюджета.

Как вы знаете, соответствующая норма была включена в Закон "О бюджете на 1998 год" впервые. Раньше правительство только добровольно приходило и информировало Государственную Думу о ходе исполнения бюджета и никаких постановлений, специальных на этот счет, законных, регламентных, не было. Сегодня впервые это событие происходит.

Но дело не только в этом, а в том, что отчет правительства в равной степени, как и завтрашнее представление бюджета в первом чтении, является для Думы поводом для общения с правительством на равных. Вы знаете, что только по этим вопросам, да пожалуй, по вопросам ратификации международных договоров и соглашений Дума является равным для правительства партнером, в остальных случаях она себя чувствует ущемленной, как это явствует из многочисленных заявлений оппозиции, которая предлагает, в частности, перераспределить полномочия.

И эта особенность нынешнего обсуждения наложилась еще на одно обстоятельство, связанное с тем, что четыре фракции Государственной Думы намерены внести вопрос о вотуме недоверия правительству.

Здесь идет большой спор, кто к кому присоединился. Григорий Алексеевич Явлинский и его коллеги по фракции "ЯБЛОКО" считают, что они еще весной занимали очередь за недоверием и коммунисты, "Народовластие" и аграрии лишь присоединились к ним. Но лидеры левой оппозиции считают, что у них своя игра, и если Явлинский ставит вопрос о недоверии в контексте отчета о бюджете или в контексте обсуждения бюджета на следующий год, то они, левые, ставят вопрос шире — о недоверии власти как таковой, президенту, правительству и будут на следующей неделе разворачивать определенный политический процесс с подключением к нему Совета Федерации.

Речь идет о том, чтобы инициировать законодательные процедуры по корректировке Конституции. И здесь вотум недоверия лишь повод объявить о своих намерениях идти именно таким путем, путем конфронтации с президентом и правительством. Я думаю, что этот спор между "ЯБЛОКОМ", с одной стороны, и

левой оппозицией, с другой стороны, будет разрешен в пользу левой оппозиции. И скорее всего, развитие событий пойдет по сценарию Зюганова, Рыжкова и Харитоновна. В частности, это означает, что раньше середины следующей недели вопрос о недоверии правительству голосоваться не будет в Государственной Думе, тем более что сегодня он не готов в связи с тем, что некоторые фракции его даже не обсуждали всерьез и было бы неправильно лишать их такой возможности. Завтра, когда формально появится возможность, отклоняя бюджет, проголосовать и вотум недоверия, все равно встанет чисто регламентный вопрос - по какой процедуре голосуется в этом случае вотум недоверия. И скорее всего, в том числе с участием нашей фракции, мы подведем Государственную Думу к такому решению, что процедура та же самая: в течение семи дней нужно рассмотреть этот вопрос в первоочередном порядке. Все равно выйдем на следующую неделю.

Это не значит, конечно, что на следующей неделе состоится вотум недоверия. В равной степени это не значит, что самого голосования не будет. Идеальным вариантом развития событий, быть может, были бы обсуждение этого вопроса, определенный накал страстей, но неудачное голосование по нему в следующий четверг, среду или пятницу. Но я не исключаю и других вариантов развития событий, поскольку не только Государственная Дума и не только правительство являются участниками этих событий. Есть еще и президент, который по Конституции может принимать то или иное решение.

И хотя Государственная Дума рассчитывает на то, что президент правительство в отставку не отправит после однократного выражения вотума недоверия, но не факт, что президент изберет пассивную тактику и не воспользуется имеющейся у него возможностью, в частности отправкой правительства в отставку и трехкратным представлением кандидатуры нового премьера, для роспуска Государственной Думы и назначения новых выборов. Я думаю, в ближайшие дни будут вестись интенсивные переговоры и консультации, и к середине следующей недели какая-то картина обрисуеться.

Ваши вопросы, их может быть задано очень мало, поскольку за дверями уже стоит господин Жириновский.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, хотелось бы знать: вот в докладе Черномырдина очень четко были обрисованы приоритеты в расходной части — здравоохранение, военная реформа, судебная реформа. И не прозвучало четко о доходной части.

Есть ли вообще сегодня, существует ли та налоговая база, с которой можно получить наполнение бюджета?

ШОХИН А.Н. Во-первых, налоговая база у бюджета есть. И даже без принятия Налогового кодекса она существует. Кстати, по объему доходов Налоговый кодекс не привносит драматических изменений и скорее здесь структурные изменения — изменение состава, количества налогов, нежели существенное влияние на общий уровень налогового бремени. Он снижается в части федеральных налогов, несколько увеличивается фактически налоговый пресс в части региональных налогов, но тем не менее, еще раз повторю, драматических изменений здесь нет.

Еще одно обстоятельство, которое все участники дискуссии отмечают, — это то, что прогноз доходной базы реалистичский. В этом смысле бюджет по доходам можно назвать инерционным и консервативным. Все возможности по мобилизации дополнительных доходов, видимо, пойдут как сверхплановые доходы, и нужно нам будет некую технологию четкой увязки этих дополнительных доходов с теми или иными расходными статьями утвердить — то ли это пропорциональное увеличение расходов, то ли целевое. Сегодня Виктор Черномырдин предложил формулу, формула эта согласована с Комитетом по экономической политике Государственной Думы, а именно: сверхплановые доходы от приватизации целевым назначением идут в бюджет развития. Вот такого рода технологии могут быть задействованы, и тогда этот инерционный и реалистичский, в плане ориентации на реальные возможности мобилизации доходов, бюджет может получить некие дополнительные привлекательные черты и наверняка депутаты будут бороться за это.

ВОПРОС.

Как вы будете относиться и относитесь к тому, что Дума будет распущена, ваше личное отношение к этому событию? Как вы оцениваете деятельность правительства Черномырдина?

ШОХИН А.Н. Мое личное отношение к возможности роспуска Думы отрицательное. Я считаю, что Дума в состоянии сделать все для того, чтобы стать

конструктивным партнером других ветвей власти, Совета Федерации и, естественно, президента и правительства, по продвижению того огромного пакета законов, в которых нуждается наше общество.

Сейчас правительство разрабатывает целый ряд реформ — пенсионную реформу, реформу образования, другие социальные реформы, не говоря уже об упоминавшейся налоговой реформе, реформе естественных монополий и так далее. Если Дума из-за отпуска будет отключена от проработки этих вопросов, то реформы эти все равно будут запущены.

Но явно потом очень сложно будет отыгрывать назад и явно Дума здесь проиграет по существу, какой бы конкретный состав у Думы ни появился после досрочных выборов. И кроме того, любые досрочные выборы — это мобилизация финансовых ресурсов и направление их на цели, которые не являются самыми неотложными с учетом того бюджетного кризиса, который, безусловно, имеет место.

Что касается вопроса, связанного с оценкой деятельности правительства, то сейчас намечилось явное противоречие. На него указал сам Виктор Черномырдин.

С одной стороны, экономика потихоньку выползает из кризиса, с другой стороны, довольно жестокий бюджетный кризис.

Но здесь искать причины только в том, что, скажем, финансовое положение предприятий тяжелое, что они укрываются от налогов и поэтому не хватает доходов в бюджете, нельзя. Надо иметь в виду, что одной из причин, одной из главных причин этого бюджетного кризиса является то, что экономика уже адаптировалась к жесткой финансовой политике, к жесткой налоговой политике.

В частности, адаптация экономики к реальному налоговому бремени требует резких изменений в налоговой системе, с тем чтобы формальное, нормативное налоговое бремя было приведено в соответствие с возможностью экономики платить налоги.

Если это будет сделано, и все легальные доходы наших хозяйствующих субъектов будут под умеренным налоговым бременем находиться, то не будет этого противоречия между возрождающейся экономикой и ухудшающейся бюджетной ситуацией и тяжелым положением работников, зависящих от бюджета.

РЕШИТСЯ ЛИ ДУМА НА САМОРОСПУСК?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
15 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые коллеги, у нас времени всего полчаса. Поэтому я не буду делать вступительного слова. Перейдем сразу к вопросам.

ГАЗЕТА "ДЕЛОВОЙ МИР".

У меня два вопроса. Зюганов, Харитонов и Рыжков распространили проект постановления сегодня.

ШОХИН А.Н. Я его даже захватил на всякий случай.

ГАЗЕТА "ДЕЛОВОЙ МИР".

Вы, очевидно, с ним знакомы. Что из фактов, изложенных в преамбуле, вы можете опровергнуть как несоответствующие действительности? Там ужасные факты.

И второй. Уверены ли вы, что нынешнее правительство способно вывести страну из кризиса?

ШОХИН А.Н. Сначала отвечу на первую часть вашего вопроса. Изложенные в преамбуле проекта постановления факты можно назвать либо вымыслом, либо ложью, либо фальсификацией. И именно так мы их оцениваем.

В частности, предпринята попытка обвинить правительство, что оно нарушило Конституцию, не финансируя в полном объеме, в объеме, предусмотренном законом о бюджете, те или иные расходы. Но правительство нарушило бы Конституцию, если, невзирая на недобор доходов в бюджет, финансировало бы эти расходы в полном объеме, поскольку это было бы нарушением целого ряда законов, и в частности запрета на эмиссионные механизмы финансирования расходов бюджета и покрытия его дефицита.

Есть и любимый сюжет Николая Ивановича Рыжкова о том, что внешние заимствования составили астрономическую цифру, измеряемую сотнями с лишним

миллиардов долларов. Здесь уже не первый раз мы наблюдаем, как Николай Иванович пытается отмежеваться от тех долгов Советского Союза, за которые нам приходится расплачиваться.

Сейчас, когда российское правительство подписало два соглашения о многолетней реструктуризации на 25 лет долгов бывшего СССР по Парижскому и Лондонскому клубам, очевидно любому, даже неспециалисту, что это огромные дополнительные расходы. Отсрочка на 25 лет приводит к удвоению того долга, который нам в наследство оставил господин Рыжков. Ему ни разу не приходилось платить по процентам за взятые кредиты только потому, что эти проценты платило за него российское правительство. Либо он этого не знает, тогда вряд ли может считаться профессионалом, либо он вводит нас в заблуждение. И таких фактов очень много. Явно, что писалось постановление второпях. Было бы гораздо понятнее, если бы оно привязывалось к отчету правительства по исполнению бюджета, Закона "О бюджете за 1997 год" либо привязывалось бы к обсуждению проекта федерального бюджета на следующий год.

Такого рода предложения были, в частности фракция "ЯБЛОКО" выносила такие предложения. Кстати, проект фракции "ЯБЛОКО" голосовался в прошлый четверг. Там увязывался вопрос о вотуме недоверия с отклонением бюджета в первом чтении. Коммунисты не поддержали его по одной простой причине. Они решили, что им нужно эпохальное постановление, которое осудит правительство как антинародное, заклеят его. Но этого не получилось. Не набрали они достаточно фактов. Более того, еще неделю назад мы говорили о том, что находимся в стадии нулевого экономического роста. Если вы вспомните, дискуссия как раз вокруг этих терминов и шла. Нулевой рост — это стагнация, депрессия, либо начало оживления. Так вот, прошла неделя, и оказалось, что отчет за сентябрь дает три с лишним процента экономического роста. И правительству пришлось пересмотреть показатели бюджета, проекта бюджета и найти дополнительные доходы, благодаря тому что оценка исполнения бюджета за 1997 год и валового внутреннего продукта изменилась (коммунисты с этим согласились). ВВП меняется в лучшую сторону на десятки триллионов рублей. Поэтому и в прогнозе на следующий год нашли дополнительные 60 триллионов рублей. Если иметь в виду, что доходы бюджета составляют примерно 12 процентов от ВВП, вот вам дополнительные 7 триллионов рублей доходов, которые найдены, в том числе благодаря коммунистам, которые признали факт экономического роста в конце этого года и факт подъема в следующем году.

Из этого можно сделать вывод, что все эти факты, изложенные в проекте постановления левой "тройкой", были взяты Геннадием Андреевичем Зюгановым, Николаем Ивановичем Рыжковым и Николаем Михайловичем Харитоновым из того же сейфа, из которого они взяли подписи 146 депутатов; поскольку они довольно давно там лежали, забыли стряхнуть нафталин.

Второй вопрос. В состоянии ли это правительство вывести страну из кризиса? Во-первых, процесс выхода из кризиса мы наблюдаем уже сейчас.

И во-вторых, я уверен, что только правительство, конечно, не сможет, нам действительно нужно взаимодействие властей, взаимодействие Государственной Думы, Совета Федерации, президента и правительства для того, чтобы слаженными мерами вывести страну из кризиса. И ясно, что в этих условиях постановка вопроса о вотуме недоверия мешает работать властям в этом направлении.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, если все-таки предположить, что голосов не хватит для недоверия, чем вы это объясните, победой здравого смысла, или результатом давления со стороны правительства, или чем-то еще.

ШОХИН А.Н. Я думаю, что если голосов не хватит, а мой прогноз остается прежним, что их не хватит (я от своих слов не отказываюсь, в случае чего посрамите меня как бывшего сотрудника Института народнохозяйственного прогнозирования), то прежде всего это будет, во-первых, победа здравого смысла, а во-вторых, нежелание тех или иных политических групп идти на поводу у своих конкурентов.

Вы знаете, что на утро было два проекта постановления.

Постановление коммунистов с большой преамбулой, которое мы уже обсудили, и вариант фракции "ЯБЛОКО" тоже с большой преамбулой, которое официально было внесено в начале утреннего заседания. И стало ясно уже утром, что коммунисты не проголосуют за вариант "ЯБЛОКА", потому что преамбула их там

не устраивает. Совсем в иных грехах обвиняет "ЯБЛОКО" правительство, хотя частичное совпадение есть. В равной степени "ЯБЛОКО" не намерено голосовать за вариант коммунистов и их союзников.

В итоге вроде бы наметилась развязка. Все голосуют вотум недоверия, но каждый голосует за свое постановление. И все уходят довольные собой и, может быть, даже друг другом. Все было бы так, если бы Григорий Алексеевич Явлинский лично не внес еще один вариант постановления без преамбулы, только лишь из одного содержательного пункта: выразить вотум недоверия правительству.

Вот возникает новая интрига, интрига, связанная с тем, как отнесутся к инициативе "ЯБЛОКА" коммунисты. Это уже чисто политическая игра, поскольку никакой мотивировки нет, она за скобками остается. Стало быть, мотив один: отправить правительство Черномырдина, а вернее самого Черномырдина, в отставку.

Коль скоро вырисовывается новая интрига, по-новому, видимо, политические силы будут ее и рассматривать, и делать свои выводы.

Я, кстати, отмечу в контексте этого вопроса, замечу одно обстоятельство. Формально оценивать деятельность правительства Черномырдина Дума имеет право за год, потому что в августе прошлого года он конституционным большинством (причем 2/3 фракции коммунистов голосовали "за") был избран председателем правительства. Было создано, сформировано новое правительство, которое работает год с небольшим. Отмечу, что грехи, в которых обвиняет Зюганов со товарищи Черномырдина, относятся ко всему периоду после 1991 года. Это неправомерно.

АГЕНТСТВО "ИРНА".

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, нынешняя позиция фракций Думы не напоминает вам поговорку, что на похоронах каждый плачет о своем. А проблемы России остаются по-прежнему.

ШОХИН А.Н. Да, могу согласиться с этой поговоркой. Каждый плачет о своем и каждый думает о своем. Тот мощный прессинг, который осуществляет руководство фракции КПРФ, по крайней мере по тем сведениям, которые просачиваются, позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, фракции-сателлиты (Аграрная группа и группа "Народовластие") получили установку, что если они не голосуют, то коммунисты из этих групп будут отозваны в "материнскую" фракцию.

И, во-вторых, рядовые коммунисты, заднескамеечники, получают установку такую, что если не будут голосовать, не попадут точно в партийные списки на следующих выборах. Это значит, что есть намерение довольно жестко вести дело к тому, чтобы голосование состоялось и максимально возможное число коммунистов и их союзников проголосовало "за". И если не получится, то не по вине коммунистов и их союзников.

Понятно, что само это давление позволит говорить, что думы у разных депутатов, даже в левых фракциях, разные. Заднескамеечникам не хочется на два года раньше уходить из Думы. Потому что гарантий никаких о включении в списки нет, по избранию в одномандатных округах у многих тоже нет надежд. У двух фракций грустные думы связаны с тем, что проголосуют не так, действительно, эти депутатские группы ликвидируются с машинами, кабинетами и прочими привилегиями. Так что многим есть о чем задуматься.

А Дума в целом может задуматься над тем, что в случае, если будет избран горячий тип выяснения отношений между Думой и президентом, что возможно в случае принятия отставки премьера и трехкратного представления неприемлемой для Думы кандидатуры премьер-министра, то в этом случае впервые с 1993 года выборы будут проходить что называется с улицы, поскольку у большинства депутатов и фракций не будет теплых офисов со всей инфраструктурой для проведения предвыборной кампании, которые они имели в 1995 году.

РАДИО "СВОБОДА".

Александр Николаевич, вы можете прокомментировать вчерашнюю разницу в сообщениях Владимира Рыжкова и Игоря Шабдурасулова по поводу заявления Виктора Черномырдина.

ШОХИН А.Н. Я не анализировал. Я знаю только то, что сам высказал по этому поводу, пожалуй, раньше других. Более того, вчера на Совете Государственной Думы я попросил Геннадия Николаевича Селезнева проинформировать Совет Государственной Думы о том разговоре, который у него состоялся с Виктором Степановичем Черномырдиным. И, собственно, после этого пошли все комментарии.

Геннадий Николаевич, действительно, проинформировал Совет Думы о том, что у него состоялся в понедельник утром разговор с Виктором Степановичем и тот его проинформировал о своем намерении не ждать три месяца в подвешенном состоянии, а дать симметричный ответ, в том числе выражающийся в том, что он подает прошение об отставке. Правда, Геннадий Николаевич был единственным, кто не точно сформулировал взгляды Виктора Степановича.

Прохшение об отставке — это не то же самое, что нежелание Виктора Степановича в случае голосования вотума недоверия уйти, остаться в правительстве и уйти из правительства. Прошение об отставке — это способ, который позволит президенту ускорить решение вопроса — соглашается он или не соглашается с позицией Думы, причем такой способ, который не требует от президента переписки с Государственной Думой. Если есть решение премьера об отставке в связи с выражением вотума недоверия, президент может, общаясь со своим премьером, не согласиться с решением Думы. В частности, отказав ему в этой просьбе.

Так что здесь элемент демонстрации достаточно жестких позиций, а также это демонстрация того, я об этом уже несколько недель назад говорил, что в этом случае вся власть переходит к президенту. От его решения зависит, будет ли мягкий вариант, будет ли более жесткий вариант, будут ли досрочные выборы, либо эта Дума до 1999 года доживет, будет ли Дума унижена тем, что проголосует за любого кандидата в премьеры, которого назовет президент. И будет ли она унижена, например, тем, что, отправив Черномырдина в отставку в эту среду, в следующую среду проголосует за него же и так далее. Все варианты в руках президента. То есть любое решение Думы, в том числе, кстати, и недобор голосов под вотумом недоверия, безусловно, усиливает позиции президента.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Александр Николаевич, вопрос о долгах. В книжке "Провинциал" Бориса Немцова, которую с удовольствием прочитал, я вычитал, что каждый из нас, то есть вы, я, члены вашей семьи и моей семьи, мы все, граждане России, кроме здесь присутствующих зарубежных граждан, должны по 800 долларов.

Так вот, во-первых, согласны ли вы с таким расчетом каждого личного нашего долга? А во-вторых, как вы лично намерены рассчитаться?

ШОХИН А.Н. Один из вариантов — найти таких энтузиастов, которые за нас заплатят.

Если говорить о моей позиции, то я уже несколько лет назад пытался провести схему, которая называется "Конверсия долгов в долги". Мы должны огромные суммы, больше 130 миллиардов долларов, большая часть из которых - советские долги. И нам должны большие суммы, которые, правда, при нашем вступлении в Парижский клуб уменьшены, существенным образом уменьшены, это так называемый глобальный дисконт, который является условием приема в Парижский клуб. Но идеальным состоянием было бы проведение реструктуризации или прощения списания наших долгов перед кредиторами и списание наших активов, то есть долгов третьих стран перед бывшим СССР по схеме своего рода взаимозачета, столь популярного в российской финансовой системе.

Но сейчас этот взаимозачет вряд ли осуществим. Но нам нужно прежде всего добиваться, чтобы, вступая в Парижский клуб и дисконтируя, сокращая задолженность развивающихся стран перед Россией как правопреемницей бывшего СССР, эти льготные схемы списания части задолженности, реструктуризации льгот и остальной части задолженности сопровождалось усилением присутствия России в этих странах. Тогда можно помочь экспортерам, военно-промышленному комплексу, энергетическим предприятиям и так далее. Если эта увязка будет, то мы можем приблизиться к этой идеальной конструкции, когда никто никому не должен. Но этот идеал, к сожалению, сейчас труднодостижим.

ВОПРОС.

Не может ли президент распустить Думу не по версии Конституции (трехкратное отклонение кандидатуры премьера в случае отставки нынешнего правительства как повод для роспуска), а используя схему 1993 года?

ШОХИН А.Н. Вариант нарушения Конституции никто даже не рассматривает. Действия всех заинтересованных в разрешении парламентского и правительственного кризиса (надеюсь, он не наступит) сторон направлены на то, чтобы использовать только конституционные технологии. Конституционные технологии — это не превращение России в президентскую республику или не принуждение, скажем, президента и парламента к такому "круглому столу",

который форсированно превратит Россию в парламентскую республику, а это максимально спокойное уточнение положений Конституции, в том числе касающихся властных полномочий сторон, с тем чтобы те или иные изменения вводить в действие, как мне кажется, после 2000 года, чтобы их не прописывать под конкретную Государственную Думу, под конкретного президента, под конкретное правительство.

То есть вполне возможно, что нужно задуматься о том, насколько идеальна наша конструкция сдержек и противовесов в системе разделения властей, но вводить в действие те или иные изменения нужно и для следующего поколения россиян, и для следующего поколения действующих политиков.

ВОПРОС.

Вы сделали важное заявление, что только правительство не в состоянии будет вывести страну из кризиса, что нужно взаимодействие властей. Чуть-чуть поподробнее. Может быть, оно должно закончиться созданием правительства, скажем, народного доверия или как практически должны взаимодействовать в этом деле власти?

ШОХИН А.Н. Ответ будет очень простым. Дело в том, что целый ряд самых существенных элементов экономической политики зависит от законодателя. В частности, речь идет о налоговой системе. И от того, сумеют ли правительство, президент, с одной стороны, и парламент, включая обе его палаты, — с другой, найти идеальные конструкции налоговой системы, найти оптимальный механизм введения в действие новой налоговой системы, зависит очень многое.

Естественно, если Дума не уходит на четырехмесячные каникулы предвыборные, то эти все механизмы зависят в первую очередь от нее. И сейчас, например, явно вырисовывается компромисс в принятии Налогового кодекса.

Во-первых, правительство неделю назад заявило о готовности вводить его по частям в течение двух-трех лет и вводить самые сложные для налогоплательщиков статьи чуть позже, чтобы было время для адаптации.

Во-вторых, буквально вчера на заседании трехсторонней комиссии был озвучен и другой компромисс. Компромисс, связанный с тем, что правительство готово рассматривать такую возможность как двухэтапное второе чтение Налогового кодекса. То есть голосование по всем поправкам, но отсрочка голосования по принятию Налогового кодекса во втором чтении в целом. Ясно, что после голосования нескольких тысяч поправок конструкция Налогового кодекса может несколько измениться и этот вариант правительство готово направить в регионы Российской Федерации, другим субъектам права законодательной инициативы. И перед принятием во втором чтении в целом можно было бы посмотреть, насколько конструкция Налогового кодекса отвечает тем требованиям, критериям, которые предъявляются к нему.

Это, по сути, дополнительное чтение. У нас бюджет в четырех чтениях принимается. Получается, что и Налоговый кодекс будет в четырех чтениях приниматься. Это очень сильный компромисс, который показывает, что стороны друг без друга идеальную налоговую систему не могут выработать. Правительство нуждается в Думе, в равной степени и Дума нуждается здесь в правительстве, поскольку налоги — это бюджет, а бюджет вносит только правительство по Конституции.

И, кстати, еще один элемент этого налогового компромисса. Он обсуждается буквально сейчас, сегодня, завтра будет обсуждаться, это уточнение увязки Налогового кодекса с бюджетом. Если не все части Налогового кодекса будут вводиться с 1 января 1998 года, то ясно, что нужно уточнить привязку бюджета к налоговой системе.

Более развернутого компромисса по Налоговому кодексу трудно было ожидать. Поэтому призыв "ЯБЛОКА" — отзовите Налоговый кодекс, тогда мы отзовем свои голоса под вотумом недоверия — как бы повисает в воздухе. Предмета обсуждения уже у этой схемы нет. Вот буквально за неделю так сильно продвинулись по достижению компромиссных схем, выработке оптимальной налоговой системы, что сейчас в ее рамках можно добиться чего угодно тому же "ЯБЛОКУ".

Так что и без коалиционного правительства можно договариваться. Было бы желание.

ЛЮКАРЕВ, ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ. О правительственном кризисе, видимо, просигналил Борис Николаевич в начале года, когда сделал подпорку из двух молодых столпов в нем. Потом был кризис вашей парламентской фракции.

Теперь вот вотум.

Не считаете ли вы, Александр Николаевич, что дело в чем-то более серьезном и системном, а не только в плохом характере коммунистов?

ШОХИН А.Н. Вотум недоверия — это нормальный конституционный механизм, и Думе никто не запрещает им пользоваться. Другое дело, что все должны понимать, к каким последствиям может привести то или иное решение в конкретной ситуации. Сейчас у участников этого процесса точного представления, чего они хотят, нет. Изначально было желание простое: выразить вотум недоверия, чтобы сделать правительство более сговорчивым, чтобы, может быть, на следующем этапе решить вопрос (я использую жаргонные, не свои термины, а термины из лагеря оппозиции) с "рыженьким" или "кучерявеньким" и так далее. Может быть, для того, чтобы правительство находилось в подвешенном состоянии в течение трех месяцев после голосования первого вотума недоверия в увязке с бюджетом. Лоббистам это удобно.

Спору нет, удобный инструмент. Но поскольку запускается механизм, который один раз только был опробован, в 1995 году, прямо скажем — неудачно для Думы, где гарантия того, что, скажем, президент и правительство спокойноотреагируют на запуск этого механизма и не предложат свои симметричные или асимметричные ответы. Гарантии нет.

Напомню, летом 1995 года, когда Дума первый раз проголосовала вотум недоверия, премьер тут же положил на стол письмо о вотуме доверия. Чтобы не голосовать доверие и за полгода до новых выборов по домам не расхотеться, Дума тут же немедленно поставила вопрос о втором голосовании вотума недоверия. Не проголосовала его. И премьер забрал свое прошение о вотуме доверия назад.

Сейчас депутаты подстраховались. Они изменили Регламент так (это, кстати, только в сентябре я обнаружил, что в мае Регламент был изменен), что если вотум недоверия депутаты проголосовали, а правительство ставит вопрос о вотуме доверия самому себе, то этот второй вопрос не может быть обсужден в течение тех трех месяцев, которые депутатам отпущены для второго голосования вотума недоверия.

То есть президент и правительство поставлены перед фактом: ребята, вам делать нечего, вы три месяца будете подвешенными. В ответ только один вариант: ускоренный роспуск Думы через трехкратное представление кандидатуры премьера, причем такой кандидатуры, которая милой не покажется левой оппозиции.

Вот схема, которая очень вероятна и которую сейчас коммунисты обсуждают как реальность, к которой они сами себя подвели.

На этом все, спасибо.

НОВАЯ ФОРМУЛА ПРЕЗИДЕНТСТВА?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
22 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Как вы понимаете, я специально на 12 часов сегодняшнего дня назначил пресс-конференцию, поскольку было ясно, что сегодня вотум недоверия правительству не состоится. Не состоится по причине, которую мы считаем вполне приемлемой.

После обращения президента, после встречи "четверки", после встречи Президента Российской Федерации с лидерами думских фракций и депутатских групп уже было невозможно не снять вопрос с повестки дня, с рассмотрения Думы, "подвешивая" правительство. И тот факт, что лидер коммунистов Геннадий Андреевич Зюганов связал отзыв вопроса из повестки дня одновременно с отзывом инициативы, с отзывом подписей, дал нам основание голосовать сегодня за повестку дня без пункта о недоверии правительству. То есть мы считаем, что найдена приемлемая формула выхода из кризисной ситуации.

Я напомню, что наша фракция выступает не только за то, чтобы разрешить правительственно-парламентский кризис, а именно таким он мог стать, но и

объявить своего рода мораторий на действия, которые могут помешать Государственной Думе и правительству слаженно работать над такими ключевыми документами, как бюджет на 1998 год и Налоговый кодекс.

Вы знаете, что Президент Российской Федерации выразил убеждение, ссылаясь на свои встречи и беседы с лидерами думских фракций и в рамках "четверки", что бюджет будет принят до конца этого года.

В рамках обсуждения бюджета уже многие компромиссы достигнуты, очень существенные компромиссы, в том числе по перераспределению доходов между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов Федерации; поправки явно дают некоторое предпочтение в пользу субъектов Федерации, целый ряд других компромиссов достигнут.

Что касается Налогового кодекса, то мы считаем, что было бы неправильно его отдавать на откуп правительству, поскольку, действительно, очень много поправок и замечаний — более трех тысяч.

Поэтому было бы целесообразно Налоговый кодекс, его судьбу отдать в руки той трехсторонней комиссии, которая сейчас занимается бюджетом. Тем более главным, одним из главных, вопросом является увязка Налогового кодекса, налоговой системы 1998 года и бюджета на следующий год.

Как решит трехсторонняя комиссия, как она порекомендует Думе поступить с Налоговым кодексом, я думаю, так Государственная Дума и поступит. Тем более регламентные нормы, предусмотренные для законов, рассмотренных Думой в первом чтении, не позволяют рассматривать Налоговый кодекс, одобренный в первом чтении, как некую собственность правительства, это уже наш думский закон. И предложение президента, и поручения соответствующие правительству не могут быть реализованы в одностороннем порядке. Позиция Думы здесь очень существенна. Существенной должна быть и роль Совета Федерации.

Поэтому рассмотрение в рамках трехсторонней согласительной процедуры этого сложного вопроса является, видимо, единственно возможным вариантом развития событий.

Нам хотелось бы, чтобы этот мораторий на период работы над бюджетом и Налоговым кодексом был понимаем не только в этом узком экономическом, финансовом смысле этого слова. Действительно, эти документы ключевые. Но не только к этому должно сводиться согласие в обществе после сегодняшних событий.

Нам кажется, что следует депутатам Государственной Думы, официальным представителям других ветвей власти воздерживаться от экстремистских провокационных заявлений, направленных на свержение существующего строя. Вы знаете, что сейчас после достигнутых договоренностей целый ряд проблем будет находиться в повестке дня и Государственной Думы, и правительства, и "круглых столов", первое заседание которого намечено на 22 ноября.

Тот факт, что лидеры думских фракций согласились с тем, что по Земельному кодексу должны быть найдены компромиссы, означает, что Совет Федерации не должен, видимо, форсировать принятие решения по Налоговому кодексу, преодолевая veto президента либо возвращая его в Думу. Нам сначала нужно найти этот компромисс. Видимо, он состоит в том, чтобы полностью в рыночный оборот ввести земли несельскохозяйственного назначения, а по производственным землям сельскохозяйственного назначения нужно будет ввести механизмы государственного контроля. Похоже на то, что будет реализована схема, которую мы предлагали при последнем обсуждении Земельного кодекса в Государственной Думе, а именно: рыночный оборот производственных сельскохозяйственных земель ограничивать оборотом в рамках государственного земельного сельскохозяйственного банка, с тем чтобы не допустить нецелевого использования сельскохозяйственных земель и появления латифундистов, которые будут таким нецелевым использованием заниматься.

По деноминации рубля. Вы знаете, что президент в очередной раз подтвердил свою готовность рассмотреть вопрос о выведении из-под деноминации вкладов населения, которые у него были на 1991 год и утрачены во многом в 1992 году.

Формула, которую мы будем отстаивать, и формула, к которой мы пришли вчера на встрече с президентом, состоят в том, что речь не идет о количестве нулей на этих вкладах, а речь прежде всего идет о принятии до начала следующего года, до конца этого года программы восстановления сбережений.

Сейчас, с одной стороны, Дума принимает законы, исходя из которых можно сделать вывод, что утраченные вклады должны переоцениваться где-то в 10 тысяч

раз.

А с другой стороны, есть, введенная указом президента, программа восстановления сбережений, правда, для одной возрастной группы. И, видимо, нужно соединить эти подходы. Во всяком случае не допускать того, чтобы были разные толкования.

Выведение из-под деноминации — это непростой технический акт. Если мы просто выводим из-под деноминации эти вклады, то они оказываются на балансе Сбербанка. И все обладатели соответствующих вкладов могут в тот же день снять их со своих сберкнижек. А это значит удвоение денежной массы и, стало быть, разрушение финансовой системы неизбежно.

Поэтому должна быть продумана другая система реоформления этих вкладов в государственный долг и система восстановления этих сбережений для конкретных групп населения в течение достаточно длительного, к сожалению, периода времени, который будет связан с динамикой экономического развития. Естественно, он не должен быть запредельным.

В декабре за "круглым столом" надо будет продумать такого рода программу. По "круглому столу" мы вообще считаем, что это не реакция президента на текущие осенние события, не попытка сгладить политическую ситуацию в связи с постановкой вопроса о вотуме недоверия правительству левой оппозицией — это, действительно, очередная попытка создать эффективные механизмы консультаций и координации действий, недопущения, во-первых, появления открытых конфликтов (надо на ранних подступах к появлению тревожных тенденций пытаться их гасить через эти механизмы). А, во-вторых, это способ конструктивного обсуждения тех вопросов, которые могут быть решены только на основе согласия сторон.

И поэтому нам не хотелось бы, чтобы "круглый стол" просто собирался и обсуждал эти вопросы. Мы считаем, что нужно тщательно готовить каждое заседание "круглого стола", чтобы можно было выходить с его заседания с решенным вопросом, о чем и могли бы оповещать общественность.

По другим вопросам, поднятым президентом, я могу дать объяснения, отвечая на ваши вопросы.

СИГАЛ. "ОБЩАЯ ГАЗЕТА".

Александр Николаевич, отчего фракция "Наш дом — Россия" проголосовала единогласно в полном составе за то, чтобы признать работу правительства неудовлетворительной?

Следует ли это так понимать, что и сам Виктор Степанович Черномырдин, премьер и ваш лидер, само правительство признают тем самым свою работу неудовлетворительной?

ШОХИН А.Н. Мне приходилось отвечать на этот вопрос. И прежде всего, отвечая на него, я акцентировал бы внимание задающих вопросы на том обстоятельстве, что работа оценивалась не правительства, а работа правительства по исполнению Федерального закона "О федеральном бюджете на 1997 год".

Мы категорически были против того, чтобы оценивать работу правительства неудовлетворительно, поскольку кроме Федерального закона "О федеральном бюджете", который исполнен где-то на две трети, есть много других аспектов деятельности правительства, которые, кстати, отчетливо проявились именно в августе, сентябре и октябре; именно по итогам девяти месяцев мы смогли достаточно убедительно говорить о начале экономического роста, о возобновлении экономического роста.

Мы также были против того, чтобы вести разговоры об оценке деятельности правительства по исполнению бюджета. Потому что, одно дело — Федеральный закон "О бюджете" и другое дело — бюджет секвестированный, хотя и не утвержденный Думой, но тем не менее правительство уже в конце апреля объявило параметры своей работы.

Когда из этих вариантов мы выбирали, то сочли возможным, естественно, посоветовавшись с Виктором Степановичем Черномырдиным, чтобы не было других вариантов оценки правительства, что проголосуем за вариант постановления, в котором оценивается деятельность правительства в узком плане, по исполнению Федерального закона "О федеральном бюджете". Та задача, которую мы поставили, была нами выполнена.

"ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, несмотря на ваши призывы к мораторию, вице-спикер Бабурин сегодня начал новый сбор подписей за недоверие.

На ваш взгляд, насколько это серьезно? И собираетесь ли вы что-нибудь предпринимать в отношении Бабурина?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, что мы на протяжении последних дней ставили очень жестко вопрос о снятии вопроса о недоверии правительству с рассмотрения.

Мы считали, что этот вопрос должен не просто сниматься с повестки дня, а он должен выражаться в отзыве инициативы тех 146 депутатов, которую мы рассматривали на протяжении последних двух недель. То есть в отзыве подписей.

При этом было два технических варианта.

Во-первых, те депутаты, которые подписались под недоверием, должны подписаться под отзывом своих подписей. На этом варианте я настаивал. Считаю, что это единственная правильная регламентная норма.

Но при этом мы были готовы, сегодня это сделали, поверить устному заявлению Геннадия Андреевича Зюганова, если он в своем выступлении скажет ключевые слова, что подписи и инициатива отзываются. Поэтому мы сегодня не участвовали в дискуссии. И утром на заседании фракции, и вчера мы постановили — будут эти ключевые слова сказаны, то сочтем, что инициатива, выдвинутая 7 октября, сегодня завершила свою жизнь. Но это, конечно, не значит, что те же самые депутаты, и бабурицы и явлинцы, уже сегодня не соберут необходимое число голосов, превышающее девяносто, для того, чтобы в любой момент внести вопрос о недоверии на рассмотрение Государственной Думы.

Но мы считаем, что коль скоро очередной виток конфронтации между правительством и Государственной Думой завершен (завершен с большими результатами, я бы не говорил, с большими результатами для левой "тройки", которая ставила вопрос, а для общества в целом), поскольку, действительно, у нас есть возможность показать эффективность работы консультационных, координационных согласительных механизмов, то в ближайшее время, даже если подписи эти будут собраны, ставить вопрос о недоверии — это просто, скажем, подрывать те ростки стабильности в обществе, которые сейчас явно, несмотря на осень, зазеленели.

И я думаю, что тот факт, что в эту пятницу состоится заключительное заседание трехсторонней комиссии, которая подведет итоги работы над проектом бюджета на следующий год и сможет рекомендовать пленарному заседанию принять бюджет в первом чтении, — это один из убедительных ответов на вопрос о том, могут ли трехсторонние или другие согласительные механизмы быть эффективными.

ВОПРОС.

Дайте, пожалуйста, ваши оценки, насколько можно судить, что кризис позади и какова ваша личная роль в выработке разумной тактики в этом? Спасибо.

ШОХИН А.Н. О своей роли мне трудно говорить, но понятно, что все лица, вовлеченные в конфликт, как на стороне оппозиции, инициировавшей этот вопрос, так и на стороне президента и правительства, а наша фракция пропрезидентская и проправительственная, активно работали над тактическими вопросами. В частности, когда поднимался вопрос о недоверии правительству, то я считал возможным на пленарном заседании Государственной Думы выступать достаточно жестко в адрес левой оппозиции, чтобы видно было, что и "Наш дом — Россия" не боится досрочных выборов и что разговаривать и с правительством, и с президентом с позиции силы — это не самый эффективный подход, тем более что после этого Виктор Степанович предложил целый ряд компромиссных формулировок, в том числе и по той же "четверке", и по "круглым столам", и по наблюдательным советам на телевидении.

Таким образом были представлены достаточно широкая картина и возможность жесткой позиции со стороны правительственных структур и фракции НДР, и готовность к компромиссам была высказана. И депутатам нужно было, как говорится, выбрать решение в рамках этих возможных вариантов.

На финальном этапе вчера вечером и сегодня мы считали главной задачей, чтобы вопрос не был просто исключен из повестки дня сегодняшнего рассмотрения, а чтобы вопрос, инициированный 146 депутатами, получил свое логическое завершение в форме отзыва этой инициативы. И мы добились своего, причем добивались, формулируя достаточно жесткие требования по процедуре отзыва. Но мы считали возможным компромиссом и устный отзыв подписей. Так что тоже считаем, что тактика, избранная фракцией "Наш дом — Россия", привела к положительным результатам.

Надолго ли этот компромисс? Я считаю, что все-таки конструктивная работа над

бюджетом и над Налоговым кодексом, над этими ключевыми законами следующего года, определяющими жизнь в следующем году, да и в последующие годы, тоже должна привнести элементы если не спокойствия и умиротворения, то элементы этого конструктивного взаимодействия.

Кстати, я хочу показать на одном примере, на примере Закона "О правительстве", как легко иногда разрешать проблемы. Вчера, когда мы встречались с Борисом Николаевичем, Геннадий Николаевич Селезнев напомнил ему о готовности, высказанной накануне, подписать Закон "О правительстве". Борис Николаевич предложил два пункта обсудить.

Первое. Все-таки по ряду позиций Закон "О правительстве" противоречит Конституции, в частности лишает президента его законного права определять систему федеральных органов исполнительной власти.

И второе. Все-таки нужно дождаться решения Конституционного Суда, который истолкует обоснованность тех или иных процедур, применяемых в Совете Федерации и в Государственной Думе при голосовании, — возможность голосования опросом или возможность голосования за соседа и так далее. Он высказал готовность подчиниться любому толкованию Конституционного Суда. И все лидеры фракций согласились, что Закон "О правительстве" — это не повод затевать конфронтацию, и этот вопрос, который, напомню, был вынесен номером один в письме "трех", оказался одним из самых легких для решения. Поэтому нужно не публичные перепалки устраивать, а пытаться договариваться за одним столом.

Я поэтому рассчитываю, что многие вопросы из тех, которые сейчас являются предметом политической, даже конфронтационной, дискуссии, могут без труда быть решены в рамках тех технологий, которые сейчас запускаются.

СИКОРСКАЯ. "ГАЗЕТА ДЛЯ ЖЕНЩИН".

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, если бы сегодня пришлось ставить оценку работе правительства по реформам в области здравоохранения, какова была бы эта оценка и есть ли какие-то конструктивные шаги, которые предпринимает ваша фракция для того, чтобы поддержать реформу в области здравоохранения?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, реформа в области здравоохранения не самая яркая из реформ, которые обсуждаются в Государственной Думе. Самыми яркими являются реформы жилищно-коммунального хозяйства, налоговая реформа, реформирование естественных монополий, их реструктуризация. Завтра на правительстве будет обсуждаться пенсионная реформа, и, кстати, по этим причинам мы не можем сегодня, на сегодняшнем пленарном заседании, рассмотреть некоторые законопроекты, в частности, сегодня в 16 часов мы планировали рассмотреть законопроекты, связанные с бюджетами внебюджетных фондов - Пенсионного фонда, Фонда медицинского страхования и Фонда занятости. Выясняется, что мы пока не можем рассмотреть эти бюджеты на следующий год, поскольку без увязки с перспективами налоговой реформы и Налогового кодекса невозможно принять решение о тарифах взносов.

По тому же обязательному медицинскому страхованию решено вопрос отложить. То есть в ближайшее время следует внести очень серьезные уточнения во все реформы, в том числе в реформу здравоохранения. Я отвечу на этот вопрос несколько позже, так что давайте мы чуть-чуть подождем.

ВОРОНИН, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ, ГАЗЕТА "ЦЕНТР". Александр Николаевич, у меня к вам три сразу вопроса. ШОХИН А.Н. Три много. Один.

ВОРОНИН В. Тогда два.

ШОХИН А.Н. Один, один, времени уже нет.

ВОРОНИН В. Вы ничего не сказали об обворованных вкладчиках. Как правительство думает решать эту проблему? 86 миллионов вкладчиков обворовано. И вы сказали, что вы президентская фракция. Тогда почему президент, гарант Конституции, молчит о том, что 32 депутата в Москве незаконно продлили полномочия? Есть решение судов. Почему молчит гарант Конституции, президент? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Ну, давайте я не буду на эти вопросы подробно отвечать. Что касается Московской городской Думы, то поскольку 14 декабря состоятся выборы, я надеюсь, что у вас больше двух месяцев для задавания этих вопросов не будет. Вы ведь участвуете в выборах, насколько я понимаю?

ВОРОНИН В. Да, участвую.

ШОХИН А.Н. Что касается вкладчиков, то здесь ряд мер предпринимается. Одна из

этих мер — это обращение имущества несостоявшихся финансовых пирамид на выплату долгов. Надо вот такого рода схемы прорабатывать, привлекая к ним и судебные инстанции, потому что административными решениями или выплатами компенсаций из бюджета здесь нельзя добиться результата. Так что давайте в этом направлении мобилизуйте членов своей ассоциации.

ГАЗЕТА "ДЕЛОВОЙ МИР".

Президент принял многие требования левой оппозиции, те самые, которые левая оппозиция выдвигала не один месяц. Почему вдруг? Что случилось? Прозрел?

ШОХИН А.Н. Действительно, многие требования левой оппозиции выдвигались давно, в частности требование по газете Федерального Собрания выдвигалось год назад, это был один из пунктов в программе из одиннадцати требований Геннадия Зюганова при принятии бюджета во втором или в третьем чтении в декабре прошлого года. Я думаю, что по целому ряду вопросов просто волокита помешала. По той же газете. Пообещав в декабре прошлого года решить вопрос по газете, правительство сначала рассматривало возможность переориентации одной из газет на освещение работы Федерального Собрания. Федеральное Собрание хотело, чтобы эта газета была общая, я не название газеты, естественно, имею в виду, а объединенную газету, которая была бы газетой, освещающей деятельность президента, правительства и парламента, и предлагало "Российскую газету" использовать для этих целей, тем более вся база есть. Через несколько месяцев пришли к выводу, что Думе все-таки лучше отдельную газету иметь, чтобы не запутать окончательно читателя, какую же позицию занимает этот орган власти. И вот сейчас только подходим к окончательному решению этого вопроса. Я считаю, что это чистая волокита. Что касается наблюдательных советов. Я напомним, что в наблюдательном совете ОРТ присутствовал спикер Государственной Думы. Но фамилия его была Рыбкин. И как только он ушел с этого поста, Дума осталась непредставленной. Я тоже считаю, что можно было бы решить этот вопрос, предложив Геннадию Николаевичу Селезневу представлять в наблюдательном совете. Это могла сделать и сама Дума, направив соответствующий запрос президенту и правительству. Да и само правительство, и президент, и сам наблюдательный совет могли бы этот вопрос решить, тем более Геннадий Николаевич не самый радикально настроенный оппозиционер и коммунист.

. Так что многие вопросы могли бы быть решены, если бы руководители тех ветвей власти, которые в принципе должны были их решать, обратили на них своевременное внимание. А времени не было. Поэтому они остались в повестке дня, и мне кажется даже, что тот факт, что левая оппозиция в известном письме президенту потому сконцентрировала на этих вопросах внимание, что хотела, чтобы были решены вопросы, которые в принципе могут быть решены, то есть не было желания загонять президента в угол и ставить перед ним совершенно новые проблемы, требующие многомесячных раздумий и подготовки. Здесь я должен как бы отдать дань здравому смыслу левой оппозиции.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, если вдруг президент откажется от своих обещаний, которые дал вам вчера, какая реакция у фракции "Наш дом — Россия" будет?

ШОХИН А.Н. Я не хотел бы в сослагательном наклонении отвечать не только потому, что я не знаю, какая реакция будет, а потому, что я уверен, президент не откажется от своих обещаний. Не настолько ситуация была безвыходной, чтобы президент вдруг давал обещание, собираясь погасить просто текущую ситуацию. Я уверен, что если бы вопрос о недоверии был включен в повестку дня неделю назад или сегодня, то он бы не прошел. И предложение президента — это не способ не допустить голосования. Я говорил две недели назад, что максимум 223 голоса будет. И готов подтвердить свой прогноз, даже меньше голосов сегодня было бы, безусловно. Президент предпринял беспрецедентный шаг и показал, что жесткие меры (все считали, что президент больше любит ситуацию конфронтации и здесь всегда делает верные шаги, приводящие к успеху, к победе) ожидалась напрасно. Президент себя показал действительно непредсказуемым политиком, и его миротворческие шаги показали, что он, видимо, пытается сформировать новый тип взаимодействия властей на оставшиеся годы своего президентства. И этот тип взаимодействия согласительный. Этот тип взаимодействия не означает отхода от стратегической линии, но это попытка сделать оппозицию цивилизованной. А для

того, чтобы она была цивилизованной, недостаточно заклинять ее быть таковой, а надо садиться с ней

за один стол.

Конечно, после известного сентябрьского намека Геннадия Андреевича, его реплики по поводу главая развития событий пошло совсем в другую сторону, но мои собственные оценки показывают, что и в начале сентября Борис Николаевич Ельцин был готов идти по этому пути и неустойчивое равновесие, которое тогда было, нарушено этими случайными репликами, случайными шагами, такими, как то же преодоление вето на Земельный кодекс. И пошла раскрутка ситуации, которая, по прогнозам большинства аналитиков, должна была вылиться в досрочные выборы Государственной Думы через отставку правительства и трехкратное представление нового премьера, неприемлемого для Думы

Президент показал, что он действительно политик не только непредсказуемый, но и мудрый, он действительно превращается в арбитра. Я считаю, что эта форма для президента, безусловно, выигрышная и тем более президент неоднократно заявлял, что на следующий срок он баллотироваться не собирается, и поэтому, видимо, эта формула трех лет его предстоящего президентства.

Все. Спасибо.

СУДЬБА НАЛОГОВОГО КОДЕКСА

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
29 ОКТЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Добрый день! Может быть, начнем сразу с вопросов?

Тема обозначена. На все вопросы, связанные с заявленной темой: бюджет, Налоговый кодекс, а также незаявленные — политические, внешнеполитические, крах на фондовом рынке и другие вопросы, — готов ответить.

ИТАР-ТАСС.

Александр Николаевич, можно как раз с последнего начать. Насколько, как вы считаете, долгосрочно влияние вот этого краха на фондовом рынке на инвестиции в России? И как вы считаете, какие меры вообще в принципе можно было предпринять, чтобы в будущем как-то минимизировать последствия, негативные для нашей экономики?

ШОХИН А.Н. Сначала я соглашусь с мнением тех официальных лиц и аналитиков, которые сделали в качестве главного вывода такой, что воздействие краха Нью-Йоркской фондовой биржи на российскую экономику — это свидетельство того, что наша российская экономика включилась в мировую, открылась. И работаем теперь по тем же законам, хотя колебания и всплески на международных финансовых рынках доходят до нас в качестве некоего эха второй или третьей волны. Это, кстати, позволяет нам говорить о том, что мы уже не переходная экономика или экономика с государственной системой торговли, как это иногда прописано в законодательстве ряда стран (США, Европейского Союза), а достаточно продвинутая либеральная экономика.

Если говорить о последствиях, то здесь есть и плюсы, и минусы. ИЗ ЗАЛА. Чего больше: плюсов или минусов?

- ШОХИН А.Н. А я хотел бы о плюсах подробнее сказать. Дело в том, что когда происходит крах на фондовом рынке, а падение индекса Доу-Джонса — это индекс тридцати крупнейших компаний, то прежде всего происходит отток финансовых ресурсов с рынка корпоративных ценных бумаг. Фондовая биржа — это рынок корпоративных ценных бумаг, и происходит переток на рынки государственных ценных бумаг. Они менее прибыльны, но более защищенными являются, более стабильными и устойчивыми. И в этих условиях, если этот кризис будет затяжным, такой поток позволит России лучше размещать свои международные облигационные займы и решать проблемы привлечения капитала с международных финансовых рынков.

В то же время если речь идет о корпоративных бумагах, о падении котировок на них, то прямые инвестиции в российскую экономику и инвестиции портфельные, связанные с нашими "голубыми фишками", могут и подсократиться. Свидетельство

тому — падение котировок, более даже драматическое, чем на Нью-Йоркской фондовой бирже, происшедшее в "черный понедельник" в российской торговой системе.

Пока большой трагедии нет. Дело в том, что наш рынок за последние годы, рынок корпоративных бумаг, очень резко подскочил вверх. И он себе может позволить некоторые падения котировок. Тем более, я уверен, в течение ближайшего времени индекс Доу-Джонса поднимется, устойчиво будет двигаться вверх, и стабилизация произойдет. Так что здесь выигрыш получают те финансовые структуры, которые сейчас активно занимаются скупкой подешевевших акций. И для них тоже, безусловно, выигрыш будет.

Здесь не все еще можно проанализировать и не все наш даже рыночный обыватель может понять в том, что происходит. И отсюда, может быть, и неадекватные шаги на российском финансовом рынке предпринимались, кстати, и на американском финансовом рынке такое неадекватное поведение бывает. Американцы сами считают, что некий "обезьяний синдром" начинается во время краха, когда начинают сбрасывать акции не потому, что точно просчитали длительность цикла падения бумаг, а потому что другие это делают. В равной степени у нас могут наблюдаться покупка наличной валюты и вложение в другие инструменты, хотя в принципе это еще не предопределено самой ситуацией.

Так что нам придется учиться работать в условиях колебаний международных финансовых рынков, с тем чтобы минимизировать негативные последствия и, наоборот, как можно больше пользы из этого получить.

В частности, если депрессия на финансовом рынке будет достаточно длительная, то надо активно сокращать внутренние заимствования, переходить на международный рынок капитала, размещая новые облигационные займы, поскольку явно там может быть ситуация более благоприятной с точки зрения цены заимствований.

Но к таким мобильным перетокам ресурсов мы еще не привыкли, многие вещи фиксированы жестко в законах, в частности тот же Закон "О бюджете" на этот год довольно жестко фиксирует долю внутренних заимствований, внешних заимствований, и нам в следующем году придется в бюджете даже большую гибкость предоставить правительству в поведении на этих рынках, с тем чтобы возможные колебания были бы демпфированы.

ГОРЕЛОВ. ЖУРНАЛ "ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ".

Вот сейчас ходит много разговоров о формировании, необходимости формирования национальной идеи. Есть ли какие-то, так сказать, на эту тему задумки у "Нашего дома — Россия"?

ШОХИН А.Н. Задумки есть. И в частности, послезавтра у нас состоится заседание программной комиссии движения "Наш дом — Россия", мы будем обсуждать такого рода идеи, хотя я уверен, что выдумать национальную идею нельзя, она должна быть лишь вычленена из того, что витает в обществе. Вы знаете, что под национальной идеей у нас долго понимались идеи державности, соборности, православия. Триада известная — державность, народность, православие — была провозглашена еще Николаем Первым по предложению графа Уварова. Поэтому задача заключается не в том, чтобы выдумать национальную идею, посадив несколько яйцеголовых аналитиков за соответствующую работу, а в том, чтобы правильно определить ключевые идеи, которые волнуют наших людей в конце XX века, в начале XXI века.

Анализ того, что волнует людей и на чем можно возродить духовность российского народа, отмобилизовать сограждан на активное поведение, не хочу сказать пассионарное, но тем не менее позитивное поведение не только и не столько в плане электоральном, сколько в плане более длительной, устойчивой перспективы. В этом состоит главная задача политиков, которые формируют те или иные партии. Кстати, даже в названиях партий очень часто прослеживается то или иное толкование национальной идеи.

Движение "Наш дом — Россия" в свое время заявило себя как партия правого центра. Движение правого центра, идея консервативного либерализма или либерального консерватизма является одной из ключевых.

И нам очень важно соединить понятие реформ, модернизации с понятием устойчивости, преемственности, следования традициям.

Вот на этой площадке мы будем не искать национальную идею, а пытаться вычленить тот круг конкретных проблем, которыми мы как политическое движение должны заняться, чтобы получить отклик и у избирателей, и у народа в целом.

"РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА".

У меня вопрос по теме нашей сегодняшней пресс-конференции. Я хотела бы задать вам вопрос о Налоговом кодексе. Если с бюджетом более-менее сейчас ясно, то в какие сроки может быть закончена работа над Налоговым кодексом? Разделяете ли вы мнение о том, что Налоговый кодекс должен будет вводиться поэтапно?

ШОХИН А.Н. Позиция нашей фракции такова. Мы считаем, что нецелесообразно возвращать Налоговый кодекс в правительство и нецелесообразно сейчас возвращать Налоговый кодекс к первому чтению. Прежде всего потому, что на протяжении более чем четырех месяцев Государственная Дума, ее бюджетный комитет, специальная рабочая группа по налогам, а в последнее время и трехсторонняя рабочая комиссия по бюджету активно работали с теми поправками, коих действительно много, более трех тысяч. За это время сформировались довольно четкие представления думских профессионалов и специалистов о том, какие из этих поправок должны быть отклонены, а какие обязательно должны быть учтены в тексте закона, в тексте Налогового кодекса. И в этой связи нужно сделать все для того, чтобы в максимально короткие сроки довести Налоговый кодекс до второго чтения.

После того как будут проголосованы соответствующим образом поправки, а я уверяю вас, что нам не придется тысячи раз нажимать кнопки для голосования, поправки будут сведены в таблицы, рекомендованные к принятию и рекомендованные к отклонению и лишь десятки из поправок будут изъяты депутатами по настоянию депутатов из этих таблиц и проголосованы отдельно. Все это в течение одного рабочего пленарного дня можно сделать. И после этого мы будем иметь возможность решить, что дальше делать с Налоговым кодексом.

Если из таким образом полученного документа что-то получится несуразное, противоречивое в отдельных частях и резко отличающееся как от задумок правительства, так и от представления самих депутатов, то можно будет его возвращать и к первому чтению, и в правительство. Но скорее всего получится достаточно взвешенный документ. И чтобы считать работу действительно завершённой, нужно еще один этап, видимо, выделить. А именно разослать таким образом полученный текст закона, принятого за основу, субъектам права законодательной инициативы, с тем чтобы в течение месяца эти субъекты, участники законодательного процесса, имели возможность высказаться, насколько уточненная концепция Налогового кодекса отвечает их представлениям об идеальной налоговой системе и об этапах налоговой реформы. Мы еще раз перед принятием закона во втором чтении в целом имели бы возможность в этом случае проголосовать наиболее принципиальные поправки.

Даже при таком растянутом двухэтапном втором чтении есть все основания полагать, что в течение нескольких месяцев, ограниченного числа месяцев, эта работа может быть завершена. Ну и конечно, кроме содержания отдельных статей, ключевым вопросом является этапность введения Налогового кодекса. Сам факт представления десяти налоговых законов, являющихся поправками к действующему налоговому законодательству, законов, которые явятся доходной базой бюджета на следующий год (мы их должны будем рассмотреть 12 ноября), означает, что процесс формирования бюджета, его налоговой базы на следующий год и процесс принятия Налогового кодекса в известном смысле разошлись, хотя до последнего момента считалось, что именно Налоговый кодекс и является доходной базой бюджета на следующий год.

Это позволяет рассматривать бюджет с его налоговым пакетом отдельно от Налогового кодекса. Но в то же время затягивать этот вопрос ни в коем случае нельзя. Ведь даже, если мы примем Налоговый кодекс в начале следующего года, нужно как минимум полгода для адаптации налогоплательщиков, подготовки налоговых инспекторов к новой налоговой системе в случае, если в основном она даже будет вступать в силу с первого января 1999 года. Или частично с первого июля следующего года.

Так что к этапности мы относимся нормально, тем более что по ряду позиций эта этапность уже сейчас прописана в кодексе. Ряд льгот отменяется либо с 2000 года, либо даже в более поздние сроки. И это нормально, поскольку речь идет не об одномоментном изменении налоговой системы, а о налоговой реформе, развернутой во времени.

СМИРНОВ. ВЕСТНИК "ПАНОРАМА", РИА "НОВОСТИ".

Я все-таки хочу вернуться к повестке дня сегодняшней. Что вы можете сказать о

параметрах компромисса по бюджету?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, что основной параметр, который все, естественно, заметили, — это увеличение соответственно доходной и расходной частей бюджета на 27 с небольшим миллиардов рублей в новых деньгах.

Эта работа не просто была связана с удовлетворением лоббистских требований депутатов и членов Совета Федерации. Не связана она с уступками правительства, которое накачало бюджет, как и в прошлом году, дутыми доходами, а это был действительно поиск реальной доходной базы, с тем чтобы можно было профинансировать те расходные статьи, на которых настаивали депутаты.

Вы знаете, что одна из основных проблем здесь связана как раз с поправками к действующему законодательству и с отказом считать Налоговый кодекс доходной базой бюджета следующего года.

По ряду позиций, наверное, будут достаточно жаркие споры. В частности, вместо предполагавшейся идеи снижения налога на добавленную стоимость до 18 процентов, он сохранился на прежнем уровне, при том, что все льготы по НДС отменены. Вы знаете, что по ряду позиций он был 10-процентным по продовольствию. Сейчас единая ставка 20 процентов. В то же время вводится местный налог с продаж, который составляет 5 процентов, по предметам роскоши или дорогим товарам — 10 процентов. Если просуммировать старый НДС и эти налоги с продаж, то можно сделать вывод об увеличении косвенного налогообложения. А если к этому добавить и некоторые корректировки акцизов в сторону повышения, мы можем сделать уверенный вывод о том, что хорошо собираемые налоги увеличились в проекте бюджета и в тех 10 законопроектах, которые представлены сегодня в Государственную Думу.

Естественно, это реальное увеличение налоговой базы. И по ряду позиций здесь будут споры, кроме названных выше, если следует назвать переход к уплате НДС по факту отгрузки.

Здесь и в прошлом году мы не нашли согласия, и депутаты должны понимать: если им хочется увидеть доходную базу увеличенной на эти 27,4 триллиона или миллиарда рублей в новой номинации, то придется соглашаться с тем, что налоги должны снижаться не резко, а по ряду позиций их придется сохранять на прежнем уровне или даже повышать. Хотя есть и традиционные для бюджетного торга технологии, такие, как увеличение собираемости налогов, эта технология заложена и в бюджет следующего года. Собираемость на 5 процентных пунктов повышается. Вот здесь нужны будут более убедительные обоснования того, что такая реальная возможность есть, иначе соответствующие дополнительные доходы окажутся в будущем секвестром бюджета.

Но тем не менее в целом можно говорить, что параметры компромисса таковы, что за каждой расходной строчкой, за каждым миллиардным увеличением расходов стоит довольно убедительное изменение в доходной базе. Я перечислил только часть. Здесь можно вспомнить отказ Государственной Думы пойти на снижение доходов от внешнеэкономической деятельности за счет резкого снижения ввозных пошлин. Хотя в прошлые годы не все эти маленькие хитрости давали результат, сейчас на 90 процентов все-таки, как мне кажется, это жестко обеспеченные цифры, и здесь компромисс действительно был достигнут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Последний вопрос, пожалуйста.

ПРОГРАММА "ВЕСТИ".

Александр Николаевич, как вы прокомментируете ситуацию с запросом в Конституционный Суд, которое "ЯБЛОКО" сегодня инициировало? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Мне уже приходилось не один раз высказываться по этому поводу. Я считаю, что только Конституционный Суд может дать толкование соответствующей статьи Конституции, где твердо фиксируется, что одно и то же лицо имеет право быть избранным на пост президента два раза. Является ли нынешнее президентство Бориса Николаевича Ельцина вторым по действующей Конституции, либо первое президентство будет отнесено на счет старой Конституции РСФСР, принятой в советское время, такое толкование может действительно дать только Конституционный Суд. Поэтому обращение, с формальной точки зрения, является оправданным.

Другое дело, что с политической точки зрения я не считаю его своевременным. Представьте себе, что Конституционный Суд даст ответ, противоречащий тому смыслу, который вкладывают в него инициаторы, и сделает вывод о том, что Президент Ельцин находится на своем посту первый срок. Сразу у нас начнется еще

одна избирательная кампания, причем досрочная, а не за 2,5 года до президентских выборов, за 2,5 года вместо того, чтобы начаться как минимум за год. Поэтому я считал бы, что здесь мои коллеги по Государственной Думе явно торопятся, рассчитывая на то, что суд скажет, что президент свои два срока уже к 2000 году исчерпает. И тогда место их кандидату будет если не открыто, то по крайней мере меньше очередь, поскольку все понимают, что сейчас Президент Ельцин — это тот политик, весовая категория которого гораздо выше, чем весовые категории всех претендентов на этот пост, может быть, вместе взятых.
Спасибо за внимание, до следующей встречи.

ПОВЛИЯЕТ ЛИ МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС НА РОССИЮ?

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
12 НОЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья!

Тема нашей пресс-конференции посвящена бюджетному процессу. Вернее, предстоящему завтра повторному обсуждению бюджета в первом чтении и принятию налогового пакета бюджетобразующих законов.

Мы надеемся, что завтра Государственная Дума примет бюджет в первом чтении и примет тот пакет налоговых законов, без которых принятие бюджета, естественно, становится бессмысленным. В понедельник Комитет Государственной Думы по бюджету обсуждал эти вопросы. Вчера и сегодня фракции обсуждают. И хотя некоторые фракции еще не приняли решение, в частности фракция КПРФ только сегодня в шесть часов собирается для того, чтобы обсудить свою точку зрения на бюджет и налоговый пакет, тем не менее у нас есть уверенность в том, что завтра будет бюджет принят. И гордиев узел бюджетный начнет развязываться вместо того, чтобы еще раз быть затянутым в более тугое положение.

Надо сказать, что правительство идет навстречу Государственной Думе и в части налоговых законов, и в части бюджета. Достаточно сказать о том, что по ряду налогов, в частности по налогу на добавленную стоимость, достигнуто взаимопонимание, что было бы правильно оставить действующий порядок и не отменять 10-процентных НДС. То есть ту льготу, которая имеется сейчас по уплате этого налога по целому ряду жизненно важных товаров, в частности по продовольствию, по детскому ассортименту и так далее.

По налогу с продаж достигнуто понимание, что соответствующий налог будет снижен с 5 до 3 процентов и одновременно будут отменены некоторые местные налоги, с тем чтобы скомпенсировать введение трехпроцентного налога с продаж. Понятно, что эта линия, линия на поиск конструктивного согласия с Государственной Думой со стороны правительства, требует и дополнительных шагов, в том числе поиска возможности компенсировать выпадение доходов. Такая работа сейчас ведется, и в то же время очевидно, что любые попытки увеличить расходную часть бюджета с "надуванием" доходной части попросту невозможны: либо мы придем к тому, с чем целый год имеем дело сейчас, а именно к дугой доходной части и к недофинансированию расходов, либо мы вынуждены будем их официально секвестировать, либо существовать в режиме ползучего незаконного секвестра.

Поэтому другого выхода, кроме как принять завтра бюджет в первом чтении, у Государственной Думы на самом деле нет. И кроме того, многие конкретные вопросы, которые волнуют депутатов и целые фракции, комитеты, можно решать лишь в рамках второго чтения бюджета, в рамках уточнения отдельных расходных статей, уточнения структурных показателей. Это тоже та работа, которая завтра должна начинаться, и хорошо, если она закончится в ноябре. То есть нам нужно ко второму чтению бюджет подготовить в течение ноября.

Тогда мы имеем шанс принять бюджет в третьем чтении до завершения нашей работы в рамках осенней сессии. И поскольку дальше остается лишь техническая

работа — лингвистическая, правовая правка и ряд некоторых других уточнений в рамках приложений к Закону "О бюджете", -то в целом мы выходим на схему прошлого года, когда в начале февраля закон был подписан. Это дает основание уже в январе начать финансирование не по 1/12 фактических расходов за 1997 год, а по новому Закону "О федеральном бюджете".

В эти же дни будет обсуждаться и судьба Налогового кодекса. Вы знаете, что на рассмотрение палаты предложено несколько проектов постановлений. Два из них значатся в повестке дня на пятницу. Наша позиция, позиция фракции, состоит в том, что двухэтапное второе чтение — это тот вариант, который позволяет учесть все замечания, не только депутатов Государственной Думы, но и замечания субъектов Российской Федерации и других субъектов права законодательной инициативы. И мы должны сделать все для того, чтобы существенные части Налогового кодекса могли бы быть введены в действие с первого июля следующего года или с первого января 1999 года. Поскольку одномоментное введение Налогового кодекса возможно не ранее 2000 года, было бы правильно в Законе "О порядке введения в действие Налогового кодекса" определить этапность, имея в виду, что к 2000 году он должен войти в полном объеме, а с июля 1998 года, с первого января 1999 года могли бы вводиться отдельные его части. Поэтому Налоговый кодекс нужно принимать уже сейчас, но вводить его можно по частям. То есть 1998 год и в некоторой степени 1999 год оказываются переходными годами и одновременно годами осуществления налоговой реформы. Вот наша позиция по тем вопросам, которые на этой неделе будут обсуждаться.

ВОПРОС.

Большое внимание в бюджете сегодня отведено фондовому рынку. Но вот наша интеграция на мировой рынок, по фондовому рынку, порой оказывается очень негативная. А как у нас это может сказаться? Может у нас быть провал такой же не только на фондовом рынке, но и в бюджете?

ШОХИН А.Н. Действительно, последний кризис на фондовом рынке показал, что кризисы, биржевые кризисы в Гонконге, Нью-Йорке, могут прийти в виде первого, или второго, или третьего и до российского финансового рынка. Они дошли довольно быстро, и может быть, частично те последствия, с которыми мы сталкиваемся, связаны с тем, что наши структуры и лица, ответственные за контроль финансового рынка, не были готовы к таким неожиданным поворотам событий. Хотя, надо сказать, что ситуация краха гонконгской биржи, как сейчас выясняется, была предсказана за две недели после того, как Джордж Сорос обещал обрушить гонконгский доллар. Гонконгские власти защитили доллар. Угол атаки с доллара был переведен на фондовый рынок Гонконга. Результат известен. Вообще-то говоря, если бы мы специально занимались выяснением всех этих взаимосвязей, можно было бы вычислить, что где-то три недели спустя эта волна дойдет и до России. Но мы только сейчас начинаем осознавать степень своей включенности в мировую финансовую систему со всеми ее плюсами и минусами.

Последнее событие - совместное заявление Центрального банка и правительства — во многом является признанием того, что в оперативном режиме механизмы контроля и механизмы, препятствующие свободному проявлению мировой стихии фондового рынка и воздействия на Россию, еще не отработаны. Их нужно формировать.

Какие могут быть последствия? Конечно, не хотелось бы оказаться в ситуации Мексики 1994 года, других государств, когда сочетание внутренних финансовых пирамид с колебаниями внешнего финансового фондового рынка и с крупными спекулятивными операциями (от них мы тоже не застрахованы) может обрушить и национальную валюту, и национальный фондовый рынок. В этой связи, конечно, повышаются требования к финансовой политике. Она должна включать в себя не только такие правила, как ограничение дефицита бюджета, как перевод механизмов покрытия дефицита на механизм государственных ценных бумаг, как механизм допуска нерезидентов. Но возникает много вопросов обратного свойства. Что будет с международными резервами, чистыми международными резервами в случае массового оттока нерезидентов с национального финансового рынка? Есть ли у нас механизмы компенсационного прикрытия оттока капитала или нет? Мне кажется, что эти вопросы сейчас должны стать одними из ключевых для правительства и для Государственной Думы. Пока 100-процентной гарантии, что все находится под контролем, я, например, дать не могу. И нам нужно предпринимать совместные усилия с правительством, чтобы механизм управления финансовыми рынками был

создан в самое ближайшее время.

РИА "НОВОСТИ".

Прежде всего уточните, пожалуйста, самый спорный закон, закон об НДС. Будет ли снят с рассмотрения правительством или Думой?

ШОХИН А.Н. Я обращаю ваше внимание на то, что налоговый пакет должен быть принят как пакет. А если мы начнем формировать разные позиции по конкретным законам, в частности Дума провалит закон об НДС с молчаливого или озвученного согласия правительства, то каждый закон тогда попадает точно в эту ситуацию. Можно его обсуждать, принимать, не принимать. И тогда мы обсуждение бюджета ставим под вопрос. И наша фракция, и, насколько мы понимаем, правительство хотят и будут проводить завтра линию на пакетное принятие налоговых законов. И в этой связи те законопроекты, которые уже сейчас, по сути, выведены из пакета, лучше снять с рассмотрения. В равной степени нужно договориться по тем наиболее спорным вопросам, которые опять-таки уже согласованы были на бюджетном комитете. К ним я отношу и вопрос прежде всего по подоходному налогу с физических лиц в части налогообложения военнослужащих. Предложена более проходная формула депутатами нашей фракции: не распространять на военнослужащих подоходный налог, систему обложения подоходным налогом с физических лиц с соответствующими компенсациями из бюджета, а ввести более автоматический режим компенсаций, при котором военнослужащий платит налог, но лишь с суммы, превышающей, скажем, 10, или 12, или другое количество минимальных размеров оплаты труда. Это гарантирует всем военнослужащим в звании до майора включительно сохранение нынешнего уровня денежного содержания. Ну, а по остальным категориям, я думаю, большого протеста не будет. Если полковники и генералы начнут платить налоги, это лишь встретит поддержку в широких массах офицерства.

ВОПРОС.

Александр Николаевич! Уточните, пожалуйста, действительно ли есть договоренность лидеров фракций и групп о пакетном голосовании?

Дело в том, что вот сейчас мы проводили опрос лидеров фракций и групп, но не услышали этого ни от Рыжкова Николая Ивановича, ни от Олега Морозова, ни от Харитоновна. Они говорят, что в их объединениях есть разногласия по налоговым законопроектам. И в этой связи вопрос: не получим ли мы завтра тупиковую ситуацию?

ШОХИН А.Н. Конечно, завтра могут возникнуть более жесткие подходы, нежели те, которые были предложены на заседании бюджетного комитета.

Но мы сейчас прежде всего исходим из того, что в бюджетном комитете представлены все фракции и депутатские группы. Комитет по бюджету отклонил две позиции правительства. Первая — по отмене льгот по уплате НДС. И вторая — по уплате подоходного налога с физических лиц военнослужащими. По этим двум позициям найдены компромиссы: правительство готово снять с рассмотрения либо готово видеть отклоненным закон об НДС (скорее всего будет предложена схема: снятие с рассмотрения до обсуждения).

И, во-вторых, по налогообложению доходов военнослужащих также найдена формулировка, которая может быть учтена во втором чтении. Поскольку это наша поправка, поправка наших депутатов, депутата Георгия Бооса в частности, мы будем настаивать, чтобы в постановлении о принятии соответствующего закона либо протоколно в решении Думы была обозначена эта позиция как обязательная для второго чтения. Вот это те принципиальные разногласия, которые возникли между правительством и Думой и которые были разрешены. Если будут появляться новые, они, видимо, будут менее принципиальными и по ним можно будет добиться поиска компромисса, в частности переноса дискуссии на второе чтение этих законов. Это позволяет надеяться, что завтра тупиковой ситуации для бюджета не возникнет. Что касается позиции некоторых фракций, то они сегодня, я об этом уже говорил, будут еще определять свою позицию. И наша задача, задача нашей фракции, коль скоро многие из подходов предложены нашими депутатами, состоит в том, чтобы лидерам фракций объяснить ситуацию, объяснить глубину компромиссов, которые достигнуты. И убедить их в том, что пакет налоговых законов должен приниматься как пакет и любое изъятие из него других законов, за исключением закона об НДС, ставит в некотором смысле под вопрос целесообразность принятия бюджета.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ СЛУЖБА НОВОСТЕЙ. ШЕСТОЙ КАНАЛ.

Александр Николаевич! Когда в Думу придет текст договора о демаркации российско-китайской границы, как вы считаете, он будет ратифицирован или какие шансы имеет?

ШОХИН А.Н. Мне много вопросов подобного рода задавали в Китае, а я входил в число депутатов, сопровождавших Бориса Николаевича Ельцина в этой поездке. Должна ли Дума вторично ратифицировать соглашение о границе, о демаркации границы? Те изменения, которые внесены, - это как бы изменения досогласованные с китайской стороной, которые в принципе улучшают ситуацию по уже ратифицированному соглашению. Если по первоначальным вариантам требования китайской стороны выражались в 1,5 тысячи квадратных километров дополнительной территории, то уточненная демаркация ни пяди родной земли не переводит в разряд китайской территории. В этой связи, может быть, достаточно рассмотрения этого вопроса в Государственной Думе в режиме парламентских слушаний. И я думаю, что Дума найдет форму поддержки властей, президента и правительства в деле осуществления конкретной демаркации.

Я напомним, что сейчас недемаркированными являются 55 километров на западном участке. Это в основном территория Республики Горный Алтай. Чисто технические вопросы — вкапывание столбов на горных пиках. И из-под демаркации выведены 3 острова: два под Хабаровском на Амуре, один на Уссури. Это спорные вопросы, они будут еще рассматриваться многие и многие годы. Кроме того, в тех случаях, когда линия границы углублялась на российскую территорию, там, где мы вынуждены были просто соблюдать международно признанные стандарты проведения пограничной линии, во всех случаях компенсированы эти территориальные уступки предоставлением в пользу России территорий на других участках границы, где нет нарушений этих международно признанных стандартов проведения границ. Поэтому достигнуто максимум того, что можно было достичь. И, насколько я понимаю, приграничные губернаторы, и даже такой активный противник этого соглашения, как губернатор Приморского края, сейчас поддерживают конкретные решения.

В целом поездка в Китай была довольно интенсивная, поскольку фактически это был однодневный визит. В его рамках кроме вопросов границы обсуждались и крупные совместные инвестиционные проекты. В частности, речь шла о газоконденсатном Ковыткинском месторождении в Иркутской области. Здесь достигнута договоренность по схеме дальнейшей работы. Предполагается, что доразведка месторождений будет осуществляться силами российской стороны. Нужно, видимо, как минимум удвоить объем разведанных запасов. Для этого придется потратить несколько миллионов долларов, даже несколько десятков миллионов долларов. Ну и нужно начинать уже разработку ТЭО по трубе через Монголию в Китай, далее в Южную Корею.

Принципиальным вопросом является вопрос поиска инвесторов. Японская сторона проявляет очень большой интерес. Начинает и Великобритания проявлять интерес. И поэтому, видимо, речь пойдет о формировании некоего консорциума. Нам придется еще осадить некоторых потенциальных инвесторов — японцев и ВР (Би-Пи), с тем чтобы не ущемлялись права российской стороны.

В принципе это проект на 10—12 миллиардов долларов. Его осуществление должно не ущемлять интересов российских экспортеров, в частности, минеральных удобрений в Китай. Поскольку известно, что удобрения связаны с натуральным газом и если китайцы начнут сами производить минеральные удобрения, мы остановим свою промышленность минеральных удобрений, и вряд ли это будет идеальным вариантом. То есть много побочных аспектов этого проекта, включая и необходимость внесения в международный проект регионального отечественного проекта газификации Иркутской области и Бурятии, и улучшение экологической ситуации вокруг Байкала.

С большим трудом идет продвижение российских товаров, таких, как самолеты Ил-96 и Ту-204, на китайский рынок. Мы высказали готовность поставлять в любой модификации и пассажирские, и грузовые самолеты этих марок, в том числе с иностранными, американскими или английскими движками и авионикой. И есть надежда на то, что такой более гибкий подход при условии реализации схем финансового лизинга или иных форм поддержки экспорта российских высокотехнологичных товаров гражданского назначения в Китай будет реализован, может быть, и в рамках бюджета развития и поддержки экспорта, о чем мы должны, видимо, в рамках второго и третьего чтений бюджета подумать. Спасибо.

СОБИРАТЬ СТОРОННИКОВ РЕФОРМ БЕЗ ПОТряСЕНИЙ

("ИНТЕРФАКС—АИФ", 10—16 НОЯБРЯ 1997 ГОДА, № 45, А. БЕЛОНОВСКИЙ, Н. ЕРМАКОВ)

—Александр Николаевич, у наших читателей, наверное, есть свое мнение о том, что такое "Наш дом — Россия". А как бы вы сами представили движение?

—"Наш дом — Россия" формировалось специально под выборы в Государственную Думу второго созыва. Выборы были в декабре 1995 года, а наше движение учреждено в апреле. За полгода до голосования оно раскрутилось настолько, что преодолело пятипроцентный барьер и стало второй по величине фракцией в Госдуме. Формировалось оно специфическим образом. Некоторые аналитики называли бюрократический способ рождения НДР родовой травмой, которая до сих пор дает о себе знать.

—В чем выражалась эта травма?

—Списки кандидатов в депутаты составлялись "на бюрократической основе". Отбор в регионах шел через глав администрации. Федеральный список подбирался по правилам, свойственным, пожалуй, американскому Белому дому или у нас в прошлом — ЦК КПСС, когда надо было выдержать определенные пропорции между представителями основных социальных и иных групп населения. В итоге члены фракции притирались друг к другу долго. Не так уж много было в ней людей с опытом парламентской работы. Это снижало потенциал фракции. Сейчас многие проблемы решены, но не все.

—Например?

—Например, мы не можем рассчитывать на постоянную работу в Думе некоторых депутатов из числа творческих работников. Они и не предполагали работать, что называется, на полную катушку.

Но я закончу прежнюю мысль. Одновременно со становлением думской фракции само движение формировалось организационно. Теперь созданы первичные организации во всех субъектах Федерации (кроме Чечни). Во многих районах и городах есть наши отделения. В законодательных собраниях 20 субъектов Федерации есть наши фракции. В то же время целый ряд вопросов только сейчас вносится в повестку дня. Главный среди них — самостоятельная политическая ниша для движения.

—Что вы понимаете под этим?

— НДР нужно самостоятельное политическое лицо. Только так НДР не будут рассматривать как придаток Белого дома. Для этого в первую голову нужны программные установки. Наша программа в 1995 году была подготовлена прежде всего как предвыборная платформа. Она не устарела, а некоторые ее положения только сейчас становятся всеми признаваемыми тезисами. В частности, президент недавно озвучил идею усиления роли государства в экономике: это как раз один из ключевых тезисов нашей программы. Таких положений в ней много. Но важно иметь достаточно детализированные установки, сопоставимые с программными документами правительства. Тогда движение и его думская фракция получат моральное и формальное право отстаивать свою позицию. Когда она не совпадает с позицией правительства, то можно и нужно критиковать те или иные его планы или действия. Но сейчас у нас таких возможностей не так много, потому что правительство действует в конкретном измерении, а программа НДР сформулирована в общих выражениях.

—Для вас так важна программа, чтобы критиковать правительство?

—Без программы мы не можем быть в глазах избирателей независимой политической силой, которая, конечно, является родственной правительству, поскольку лидер нашего движения — премьер-министр. Но не надо забывать: правительство разнородно, фактически оно коалиционное. Правительство не может отражать точку зрения только НДР. Но и мы должны давать развернутые идеи лидеру НДР. А избирателям должно быть ясно, за что борется движение, почему критикует правительство. Это первая проблема.

—А вторая?

—Вторая проблема — политическое взаимодействие с родственными политическими силами. Когда формировалось движение, мы объявили себя правым центром. Не все четко могли определить, что такое правый центр. Постепенно стало

ясно, что правый центр — реформаторское, но достаточно консервативное движение. Мы за реформы без революций и потрясений. Но мы не одни. Много зависит от того, как мы сумеем договориться с другими лидерами, сесть за один стол, если позволите, под одну крышу.

—И что вы для этого делаете?

—На демократической площадке обычно труднее создавать коалицию. Они складываются лишь в период тектонических политических процессов, например, таких, как президентские выборы. Зная это, мы заранее образовали в мае Союз прогрессивных сил. Там пока только три участника. Честно говоря, мы взяли паузу на несколько месяцев, поскольку определяли дальнейшую технологию: затаскивать нам тех или иных союзников в рамки НДР или расширять СПС? Сейчас по ряду позиций мы определились и до конца года будем действовать. При этом мы считаем, что НДР обязан стать ядром при кристаллизации более широкой демократической коалиции.

—С осени много говорили о внутренних разногласиях в НДР, которые известным образом оформились... Говорили и о разногласиях между думской фракцией и исполкомом...

—Получилось так, что фракция и исполком — самодостаточные структуры одного движения. Если бы НДР формировался иначе, то образовал бы свои структуры перед выборами. Они работали бы как штаб, а затем, после избрания, часть этих людей перешла бы в Думу. Но нам пришлось работать по другой схеме, когда исполком породил политическую структуру под названием "фракция". Сейчас надо технологию менять, приводить ее в соответствие с новыми стандартами политической жизни. Я не хочу сказать, что проблемы, которые были в прошлом, сугубо персональны — Бабичев не поладил с Беляевым... Очень важно сейчас, опираясь на обновленное руководство, сделать все, чтобы ростки объективных противоречий между отдельными структурами движения были выкорчеваны и чтобы у нас был единый организм.

—Вы упоминали о регионах. НДР там легко работать?

—Конечно, НДР и в регионах, да и в центре работать труднее, чем оппозиции. Во всех странах с многопартийной системой, как правило, рейтинг правящей партии при всех обстоятельствах снижается. Это тем более свойственно России, где идет формирование новой политической, экономической системы, а проблем больше, чем хотелось бы. Здесь партии, причастные к процессу принятия решений, заседающие в Думе, в том числе на скамьях оппозиции, потихонечку доверие избирателей теряют. Шансов, может быть, больше у оппозиционных сил, которые эти годы не сидели в парламенте...

—И все-таки: какое положение в регионах?

—То, что рейтинг НДР не растет в ряде регионов, связано с тем, что движение еще не воспринимается как самостоятельная политическая сила. Избиратели должны почувствовать, что НДР не просто придаток власти, а сила, имеющая рычаги воздействия на власть через парламент, через своих представителей в правительстве и так далее. Наша цель — до выборов восстановить свои позиции, а во время выборов мобилизовать новых сторонников.

—Вы выступаете за пересмотр закона о выборах?

—Я лично — противник пятипроцентного барьера, но не потому, что плохо оцениваю шансы своего движения. Я считаю, что нельзя оказаться в ситуации, как в 1995 году. Ведь четыре партии, преодолевшие пятипроцентный барьер, набрали 50 процентов голосов с дробями. Если мы будем сохранять процентный порог, нужно четко установить: при этом в Думе должны оказаться все партии, которые в совокупности получают, скажем, поддержку двух третей проголосовавших избирателей. Конечно, это может не изменить общий расклад между оппозицией и демократами. Но если бы это "правило гибкого барьера" действовало, то в Думе оказались бы и Гайдар, и Анпилов. Кстати, наличие Анпилова и других оголтелых большевиков заставило бы КППФ быть сдержаннее, более взвешенно подходить к проблемам.

—Каков, на ваш взгляд, типичный представитель НДР?

—Мы считаем своим избирателем, то есть не активистом, но человеком, готовым за нас голосовать, прежде всего людей, адаптировавшихся к новым условиям. Таких немало. По некоторым оценкам, это 15—20 процентов населения. Они заняты не только в банковском, финансовом секторах, предпринимательством, но и в тех отраслях, которые сейчас встают на ноги. Традиционно за нас выступала часть

среднего класса, которая живет на зарплату. Это квалифицированная часть населения — учителя, врачи, ученые. К сожалению, в последнее время бюджетный кризис, невыплаты зарплаты подорвали позиции этой группы. Но экономика начинает оживать — появляется надежда. Однако не будем забывать: оживает она во многом потому, что не платят налоги. Следовательно, стабилизация положения одной части населения совмещена с падением уровня жизни бюджетников. Чтобы НДР смог восстановить к 1999 году свою социально-политическую базу, нужно решить проблемы этой части среднего класса.

—В российской политической жизни многопартийность получается кособокой. Партий много, а влияния нет. В чем причина трудностей партий в России?

—Много этих партий. Только под названием "социалистическая" или "социал-демократическая" — десятки. Каждая партия создается под конкретного лидера, многие возникают в результате раскола старых партий, когда лидеры не договариваются между собой. Если помните, 43 партии были зарегистрированы на последних выборах.

Но эта чехарда — болезнь роста. Во многих странах двухпартийная система появилась как итог длительного демократического развития. Два года назад попытки формирования у нас "двугорбой" политической системы выражались в том, что предполагалось создать сверху правоцентристское и левоцентристское движения (движения Черномырдина и Рыбкина). Сейчас задача другая. Левая оппозиция сформировала свою коалицию, она выставляла единого кандидата на президентских выборах — Зюганова. Наша задача в том, чтобы на правой стороне политического спектра (то есть центр и правее) отработать по крайней мере технологии совместных действий. Мы еще не научились работать вместе. Только 1996 год нас заставил — было движение в поддержку Ельцина. Но 1996 год миновал, и все ушло в прошлое. Значит, надо регулярно либо пугать приходом к власти коммунистов, либо пробуждать какие-то чувства, чувство ответственности, что ли. К сожалению, других методов, кроме как пыльным мешком по голове, пока не нашли. Но мы должны к 1999—2000 годам создать эффективную машину для совместных действий.

—У НДР есть международные связи?

—У нас есть соглашения о сотрудничестве с целым рядом партий и движений. Нас упрекают, что мы — партия власти. Мы не всегда обижаемся, а иногда даже устанавливаем связи с другими правящими партиями.

Например, в начале этого года мы съездили в Китай и подписали соглашение о сотрудничестве с КПК. Вернувшись в Россию, тут же заявили: если бы наши коммунисты были похожи на китайских по реформаторскому потенциалу, то у нас дело пошло бы гораздо лучше. Мы сотрудничаем с консервативными партиями, но считаем допустимым сотрудничество и в России, и за рубежом с левоцентристскими партиями, а не только с либеральными и правоцентристскими. Цивилизованная социал-демократия может быть положена в основу широких коалиций в парламенте, в правительстве.

—Если бы вам было 20 лет, то пошли бы в политику?

—Если бы мне было 20 лет... Мой сын оканчивает юридический факультет Московского университета. Если бы я помолодел... Я не исключаю, что, получив хорошее образование, а еще воспользовавшись какими-нибудь схемами Ельцина—Немцова для учебы и за рубежом, не рыпался бы в политику, а пытался реализовать себя на профессиональном поприще.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
19 НОЯБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Я хотел бы рассказать о только что состоявшейся встрече председателя правительства Виктора Степановича Черномырдина с лидерами думских фракций. Цель его визита в Думу — обсуждение вопроса о бюджете, его прохождении в Государственной Думе. И первое, с чего начал Виктор Степанович, — он обрисовал ситуацию с возможным финансированием расходов в следующем году в случае, если мы не успеем хотя бы два чтения бюджета провести в этом году. По его распоряжению Министерство финансов сейчас уже готовит проект постановления правительства о порядке финансирования расходов в январе следующего года и в первом квартале следующего года в случае, если бюджет не пройдет необходимого количества чтений в этом году. Мы в прошлом году не приняли бюджет до конца года, но тем не менее в январе правительство финансировало расходы на уровне бюджетных проектировок, поскольку мы продвинулись очень серьезно по принятию бюджета и в третьем чтении приняли его в декабре.

Конкретно о цифрах мы можем поговорить отдельно, но тем не менее очевидно, что в случае непринятия бюджета и перехода на схему финансирования расходов в следующем году ежемесячно на уровне 1/12 годовых расходов этого года многие бюджетополучатели недополучат триллионы рублей. Намечается очень серьезная разница между фактическим исполнением бюджета этого года и бюджетными проектировками, заложенными в закон о бюджете. Это первое.

Второе. Лидеры фракций откликнулись на просьбу президента, переданную председателем правительства, и просьбу самого Виктора Степановича не обуславливать принятие бюджета персональным делом Анатолия Борисовича Чубайса. И все лидеры фракций и депутатских групп согласились с тем, что было бы неправильно ставить в зависимость принятие бюджета от этого политического дела.

Но тем не менее целый ряд думских лидеров, в частности Николай Иванович Рыжков, продолжают комментировать это обстоятельство, что, конечно, обуславливать мы не будем, но не можем заставить депутатов голосовать "за", если не будет решен кадровый вопрос. Мы настоятельно рекомендуем нашим коллегам по Государственной Думе, по целому ряду причин, принять бюджет как минимум в двух чтениях в этом году, с тем чтобы Государственная Дума могла бы рекомендовать правительству финансировать расходы в январе на уровне бюджетных проектировок. Хотя было бы лучше и мы еще 10 дней назад надеялись на то, что в трех чтениях удастся принять бюджет в этом году. Мы даже хотели предложить Государственной Думе уйти на недельный перерыв чуть позже, после принятия бюджета во втором чтении. Сейчас мы явно из этого графика выбиваемся. И дай нам Бог к 20-м числам декабря принять бюджет во втором чтении. Это тоже будет хороший результат. Он по крайней мере обрисует перспективу финансирования основных расходных статей в январе и в первом квартале следующего года.

БРАТИСЛАВСКАЯ ГАЗЕТА "ПРАВДА".

Два вопроса. Первый. Как, по-вашему, может закончиться, как вы сказали, персональное дело Чубайса? И второй вопрос. По вашему мнению, может ли быть быстро сформирована команда, вместо ушедшей, людей, которые также бы энергично проводили реформы, но в то же время не увлеклись бы литературной деятельностью, которая вредит явно этим реформам?

ШОХИН А.Н. Чтобы выяснить, будут ли новые члены кабинета заниматься литературной деятельностью или нет, надо посмотреть, нет ли у них членских книжек Союза журналистов или Союза писателей. Это может быть самый простой критерий отбора, хотя гарантии здесь нет, но если говорить серьезно, то, на мой взгляд, очень важно, чтобы те схемы, которые сейчас в работе находятся — и бюджетный процесс, и процесс приватизации, — не были остановлены кадровыми

назначениями и переформированием соответствующих ведомств. И в этой связи очень важно, чтобы к руководству этими ведомствами пришли люди, которые уже работают в этих ведомствах или уже работают над тем же бюджетом, над программой приватизации, даже если они работают не в этих структурах, а, скажем, в Государственной Думе. Это позволит, не меняя коней на переправе, на марше произвести соответствующие кадровые перестановки.

Судя по той информации, которая поступает к нам в основном из средств массовой информации и из тех разговоров с лицами, от которых может зависеть продвижение того или иного кандидата, ясно, что именно эта схема берется за основу. И на пост, скажем, министра приватизации и министра финансов в основном будут предлагаться профессионалы и выбирать надо будет из этого короткого списка профессионалов, которые способны быстро включиться в работу без длительного вхождения в курс дела.

Отвечаю на второй ваш вопрос: как быстро может быть решен этот кадровый вопрос? Я, честно говоря, считаю, что чем меньше депутаты будут на эту тему говорить, тем лучше для престижа Государственной Думы. Я даже рекомендовал сегодня своим коллегам по Государственной Думе, лидерам левой оппозиции, использовать не трибуну Думы, принимая постановления, обращения к президенту, а использовать эпистолярный жанр — написать письмо президенту, изложить свои мотивы и дожидаться ответа президента. Дело в том, что не было ни одного случая, когда президент отреагировал на то или иное кадровое постановление Государственной Думы как палаты. Но были случаи, когда президент отвечал на письма лидеров левой оппозиции. Вот если они поверят в силу эпистолярного жанра, может быть, даже толку больше будет.

ИТАР-ТАСС.

В продолжение вопроса: как все-таки фракция НДР относится к предложению о разделении поста первого вице-премьера и министра финансов и по поводу кандидатуры на должность министра финансов. По мнению фракции — кто наиболее приемлем?

ШОХИН А.Н. Когда появляется вакансия, все фракции начинают давать свои предложения. Вот я 10 минут назад услышал предложение депутатской аграрной группы, они предлагают Геннадия Кулика на пост министра финансов.

Как вы знаете, есть идея выдвижения на эту позицию председателя бюджетного комитета Думы Михаила Задорнова. Есть варианты и внутри Минфина, в частности, по крайней мере два первых заместителя министра финансов вправе претендовать на этот пост. Пока он, кстати, не свободен и лезть в шкуру неубитого медведя было бы неправильно. Или я, может быть, не знаю, может быть, указ вышел об освобождении Анатолия Борисовича с этой должности?

Важно, на мой взгляд, исходить из того, что это не политическое назначение, а профессиональный пост, на котором должен оказаться специалист, способный довести принятие бюджета в короткие сроки до логического завершения и готовый организовать работу по исполнению бюджета в оставшиеся недели этого года, и без промедления начать работу по исполнению бюджетных проектировок в начале следующего года.

Вот эти профессиональные требования, квалификационные — первые, самые главные условия. Ну и понятно, что этот человек должен быть динамичным, он не должен тратить время на выяснение политических раскладок в правительстве, и, в частности, если этим человеком вдруг окажется Михаил Задорнов, то не хотелось бы, чтобы фракция "ЯБЛОКО" вела длительные переговоры об условиях его вхождения и об условиях его выхода из правительства в случае, если политические обстоятельства изменятся.

Если фракция "ЯБЛОКО" решится на то, чтобы делегировать своего представителя, ей нужно без условий и контрибуций идти на мировую с правительством.

ЛУКАВА Г.Г.

Дорогие журналисты, депутаты, работники Аппарата Госдумы! Лукава Георгий Григорьевич. Я не только как журналист, но и депутат Государственной Думы первого созыва и эксперт хотел бы задать один вопрос, но перед этим сказать, что очень плодотворно и интересно сегодня проходит пресс-конференция.

У меня только одна постанова в рамках того профессионализма, о котором очень хорошо сказал председатель. Не пора ли на данном этапе в состав правительства делегировать на основе решения Государственной Думы таких крупных

специалистов, как Рыжков, Маслюков, Шохин, Калашников, Задорнов и некоторые другие? Я думаю такой профессиональный кабинет, если одновременно оставить в нем нынешних хороших профессионалов, выведет Россию из кризиса, и это только вызовет удовлетворение преобладающей части нашего общества.

ШОХИН А.Н. Спасибо за доверие, но мы пока здесь поработаем, поскольку не достигнуто еще полное взаимопонимание между названными выше лицами и переходить нам всем в правительство было бы неправильно. Мы постараемся сначала договориться здесь. Как минимум два года у нас есть для этой работы. А если сумеем договориться, следующее правительство можно будет формировать на основе парламентского здравомыслящего большинства.

СУДЬБА ПАКЕТНОГО СОГЛАШЕНИЯ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
3 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Добрый день!

Заявленная тема пресс-конференции — судьба пакетного соглашения.

Действительно, буквально через несколько дней в декабре этого года истекает срок действия того пакетного соглашения, которое на джентльменской основе было заключено лидерами фракций в начале 1996 года и в соответствии с которым ключевые посты в Государственной Думе были распределены на основе квот, на основе пропорционального представительства в Думе различных фракций и депутатских объединений.

Пришлось, чтобы арифметика сошлась с политикой, в свое время создать несколько дополнительных комитетов.

Но тем не менее сейчас мы обсуждаем скорее не арифметическую сторону вопроса, а политическую.

Уже сейчас один из комитетов Государственной Думы - Комитет по обороне — выведен из-под действия пакетного соглашения, и вполне возможно, что такая же судьба может постигнуть бюджетный комитет.

Вы знаете, что на протяжении многих месяцев и даже лет, уже два года нынешней Думы, идет обсуждение вопроса о целесообразности сохранения бюджетного комитета в нынешнем виде и прекращения действия пакетного соглашения и уход председателя бюджетного комитета Михаила Задорнова на работу в правительство лишь активизировал дискуссию.

Только что Государственная Дума освободила его от функций депутата Государственной Думы, что позволяет и по бюджетному комитету решить вопрос на персональной основе, сменив председателя, отдав этот портфель представителю другой фракции, а не "ЯБЛОКУ", либо поделить бюджетный комитет на два, на три или на другое количество комитетов.

Гуляет идея: комитет по бюджету — отдельно, по банкам — отдельно, по налогам — отдельно. Тогда в дележку этого наследства могут вступить кроме "ЯБЛОКА" и фракция КПРФ, и фракция ЛДПР, и другие фракции.

В этой связи очень важно сейчас не нарушать политического равновесия в Государственной Думе, и если выходить на какие-то новые решения, то опять-таки делать это не на основе захвата власти (понятно, что левое большинство, например, объединившись с ЛДПР, может захватить Государственную Думу и переделить власть таким образом, что все ключевые должности, ключевые комитеты будут распределены между левой оппозицией и ЛДПР), а соблюдая пакетный принцип.

При любом раскладе очень важно, чтобы политический баланс сохранялся. Дума не должна себя превратить в политизированный орган, который будет в основном заниматься оппонированием другим ветвям власти и тем самым обрекать себя на недолгое существование.

Поэтому мы хотели бы уже сейчас, в течение декабря, закрыть вопрос о председателе Комитета по обороне, хотя я думаю, что это наше желание

натолкнется на сопротивление.

Но еще раз подчеркну, что мы потому будем ставить этот вопрос, что нам хотелось бы на примере нашей квоты (квоты НДР) по председателю Комитета по обороне зафиксировать готовность Государственной Думы к сохранению политического баланса и равновесия, что является главной гарантией ее долготлетия.

Вопросы на любые темы.

Есть вопросы?

ГАЗЕТА "МОСКОУ-ТАЙМС".

Вы говорили, что хотели закрыть вопрос о председателе Комитета по обороне уже в декабре. Какие меры вы собираетесь предпринимать для того, чтобы закрыть этот вопрос?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, особых мер в воздействии на Государственную Думу у фракции "Наш дом — Россия" нет.

Других аргументов, кроме убеждения коллег в том, что целесообразно закрыть этот вопрос на основе сохранения старого пакетного соглашения, поскольку иначе это будет чревато и дальнейшими переделами, которые спровоцируют нестабильную ситуацию внутри Думы, а тем самым, быть может, и в обществе, у нас нет.

Еще один аргумент — это пребывание на посту председателя Комитета по обороне чрезмерно политизированного депутата, депутата, который признается в том, что он возглавляет политическую организацию, ставящую своей целью свержение существующего строя, что мешает конструктивному взаимодействию комитета с Министерством обороны и с другими структурами, занятыми военной реформой.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы уточнить формулировку.

Вы сказали о том, что в настоящее время нужно решить вопрос с главой бюджетного комитета или передать этот комитет другой фракции, не "ЯБЛОКУ", либо соответственно расчленив комитет, на чем давно настаивает, как известно, депутат Сулакшин.

А почему вы не видите возможность сохранения этого комитета за "ЯБЛОКОМ", как это было, собственно, сделано изначально по двухлетней давности портфельному соглашению?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что необходимо, сохраняя пакетное соглашение, отдать этот комитет "ЯБЛОКУ" либо на основе нового соглашения провести перераспределение комитетов.

В частности, можно пустить в размен этот комитет. Условно говоря, если "ЯБЛОКО" сочтет, что ему лучше бы претендовать на Комитет по обороне и нам они готовы предложить Комитет по бюджету — это предмет соглашения, которое затронет две фракции.

Но базовым является передача комитета фракции "ЯБЛОКО".

Я говорю лишь о том, что если сейчас произойдет окончательный захват Комитета по обороне фактически левой оппозицией, потому что Лев Рохлин — это их кандидат и их председатель комитета, то очень мало шансов будет на то, что удастся "ЯБЛОКУ" отстоять свои позиции, хотя мы здесь их будем поддерживать.

И поводом, конкретным поводом отеснить "ЯБЛОКО" может быть и дележка комитета. Либо "ЯБЛОКУ" останется тот или иной огрызок от комитета в виде части бюджетного комитета, будь то бюджет, налоги, банки или финансы, либо вообще будет предпринята попытка захвата всех направлений деятельности этого комитета независимо от конфигурации его — будет он поделен или нет.

Я веду речь о том, что нельзя допускать сейчас действий, которые бы спровоцировали дальнейшее перераспределение власти в Государственной Думе.

Я почему еще об этом говорю? Дело в том, что в последнее время Геннадий Николаевич Селезнев, в частности, много говорит о том, что пора бы правительство формировать на основе большинства Государственной Думы, и он даже проговорился, что вполне могли бы левые фракции вместе с ЛДПР принять активное участие в формировании правительства.

Это в некотором смысле намек на то, что может быть сформировано большинство.

Я его не буду называть "красно-коричневым", просто большинство, которое, настаивая на своем участии в формировании правительства, может продемонстрировать свою силу, захватив ключевые комитеты в Государственной Думе в связи с тем, что истекает двухлетний срок действия пакетного соглашения.

Поэтому вопросы пакета или вопросы квот той или иной фракции на представительство в руководстве Думы — это в некотором смысле индикатор

возможных действий левой оппозиции на более широком политическом фронте.
РАДИОКОМПАНИЯ "ГОЛОС РОССИИ".

Уважаемый Александр Николаевич! Сейчас отечественная печать начинает комментировать ситуацию на фондовом рынке России, на рынке ГКО как крах финансовой политики Чубайса.

Что на самом деле происходит и как бы вы это откомментировали?

ШОХИН А.Н. Конечно, неприятно, что сложный период экономического развития России, сложный в связи с тем, что конец года, когда нужно выполнять многие обязательства бюджета, совпал с финансовым кризисом на международных рынках, которые возымели довольно существенное значение для ситуации на российских рынках.

Здесь можно говорить и о случайном совпадении, и, естественно, о том, что у нас существуют недостаточно эффективные стабилизаторы и меры по защите рынка, и, в частности, велико влияние иностранных инвесторов спекулятивного толка на рынке государственных краткосрочных обязательств, на рынке акций, на рынке корпоративных бумаг.

В течение первого полугодия был бурный рост активности инвесторов. Вы знаете, что котировки акций российских предприятий увеличились где-то в 1,7 раза.

Рынок ГКО в основном эффективно функционировал благодаря большому притоку иностранного капитала, и даже Центральному банку надо было подумывать в первой половине года о том, как стерилизовать избыточную рублевую массу, которая возникала в связи с притоком валюты, которую Центральному банку приходилось переводить в резервы.

Казалось, что будущее этой финансовой схемы безоблачно, если бы не грянул кризис. И вот здесь выяснилось, что не все решения были оптимальны.

В частности, можно говорить о том, что нельзя было на конец года сдвигать такое большое количество как внутренних бюджетных обязательств, так и внешних бюджетных обязательств. В частности, правительство взяло на себя обязательство погасить все долги в отношении бюджетников не только свои, но и региональных бюджетов по схеме "пятьдесят на пятьдесят", что не вытекает из Закона "О бюджете". Это как бы дополнительные "социалистические" обязательства бюджета.

На конец года приходится закрытие соглашения с Лондонским клубом. По соглашению с Лондонским клубом нам пришлось одновременно на экскроу — счет, то есть на заблокированный счет, перечислить три миллиарда долларов. И конечно, было бы лучше, если бы закрытие соглашения с Лондонским клубом "переползло" на следующий год. Но сейчас об этом говорить нельзя.

Мы, действительно, в начале октября взяли на себя эти обязательства, их надо выполнять. Иначе доверие к России упадет у кредиторов и в международном инвестиционном и финансовом сообществе. Но тем не менее все это в условиях финансового кризиса, мирового кризиса, сказало на стабильности финансовой системы и может оказать негативное влияние и на стабильность банковской системы.

Сейчас правительству и Центральному банку приходится принимать энергичные экстраординарные меры, с тем чтобы не допустить ухудшения ситуации.

Вы знаете, что есть четыре основных параметра, за которыми правительство и Центральный банк должны следить. Это поддержание рынка ГКО и бюджета. Это поддержание фондового рынка и рынка акций предприятий, "голубых фишек" прежде всего. Это стабильность банковской системы и стабильность национальной валюты.

Первоначально Центральный банк работал по всем направлениям, пытался удержать ситуацию по всем этим направлениям одновременно. Но мы видим, приходится сдавать некоторые позиции, и, в частности, в понедельник Центральный банк отказался от поддержки рынка ГКО.

Конечно, больше двух целей удержать невозможно в условиях кризисных явлений на финансовом рынке. Правда, нагрузка по ГКО ложится целиком на бюджет.

Остается нам надеяться на то, что волна негативного влияния международных кризисных явлений на российский рынок затихнет.

Пик кризиса пришелся, если судить по краху известной японской компании, на двадцатые числа ноября. И если иметь в виду, что именно это обстоятельство побудило многих инвесторов окончательно принять решение о выходе с российского рынка, то мы должны еще месяц отсчитать и это будет пик наплыва этой негативной волны на российский рынок, тем более Рождество наступит, когда

никто не работает на Западе, и, стало быть, можно ожидать, что с января ситуация будет стабилизироваться. Но стабилизироваться она будет достаточно долго.

Восстановление всех параметров потребует нескольких месяцев. Уже сейчас есть оценки, что кризис нас отбросил на полгода назад, а по некоторым показателям и на год назад, в частности по доходности ГКО.

И понятно, что в этой связи мечта об экономическом росте через низкие процентные ставки и приток кредитных ресурсов в реальный сектор экономики отодвигается на конец следующего года. И многие обоснования экономического роста, его возобновления в следующем году, утрачивают силу, и нам придется мобилизовывать огромные дополнительные силы и ресурсы, чтобы удержаться в положительном значении экономического роста.

Можно говорить и о случайных вещах, можно говорить и о том, что не все было просчитано, не все меры и сейчас еще приняты.

В частности, никто точно не может сейчас из центральных банкиров или правительственных финансистов сказать, как лучше защитить внутренний рынок: ужесточая административные ограничения на отток капитала (скажем, месячный мораторий на вывоз капитала после принятия решения об репатриации увеличивать до двух-трех месяцев) либо, наоборот, отменяя вообще эти ограничения.

Опыт некоторых стран показывает, что инвесторы до последней минуты остаются на тех рынках, где нет ограничений на репатриацию прибылей. В частности, Турция. В принципе там тревожных явлений не меньше. Опасность возникновения кризиса есть. Но поскольку выйти с турецкого рынка можно в день принятия решения о выходе — никаких ограничений, подобных нашим, нет, инвесторы остаются там до сих пор. Потому что они могут следить по, буквально, дневным или даже часовым колебаниям основных индикаторов рынка: тревожна ситуация или нет, надо уходить или нет.

А у нас надо решения принимать на всякий случай заранее, вдруг ситуация ухудшится. И часто решения принимаются по внешним воздействиям.

Скажем, ситуация на токийской бирже вполне могла повлиять на решение инвесторов уйти к концу года, к концу декабря. Вот этот месячный лаг может, наоборот, возбуждать инвесторов к уходу с российского рынка как с более рискованного.

Сейчас риски и доходности приводятся в соответствие. В частности, доходность ГКО уже не хуже, чем в Бразилии, и поэтому у инвесторов уже меньше должно возникать желаний уходить с рынка российских ценных бумаг и уводить капиталы на другие развивающиеся рынки.

На самом деле оказалось, что нужно принимать во внимание гораздо большее число факторов, чем это мы делали весной этого года, летом этого года или даже в октябре этого года.

Как говорят, умные учатся на чужих ошибках. Нам чаще всего приходится на своих.

ВОПРОС.
Александр Николаевич! Пакетное соглашение изначально заключалось на два года, и, по идее, вопрос о его пересмотре или пролонгации должен быть поставлен независимо от ситуации в бюджетном комитете или в Комитете по обороне.

Есть ли какие-то признаки, что этот вопрос какая-то из фракций поставит?

И, на ваш взгляд, пересмотр соглашения кому может быть выгоден и кому может быть выгодно сохранение нынешнего положения?

ШОХИН А.Н. В первой Государственной Думе пакетное соглашение тоже действовало, и нарушалось оно лишь в случае появления политических разногласий фракций с конкретными председателями комитетов.

В свое время из фракции ПРЕС вышел председатель Комитета по делам СНГ Затулин, и, несмотря на многочисленные обращения фракции ПРЕС к коллегам по Думе, ей не дали возможности заменить этого председателя. Фракция "Демвыбор России" отозвала своего председателя Комитета по Регламенту Владимира Бауэра, и также не дали ей возможность заместить этого председателя новым кандидатом.

Так что опыт показывает, что речь идет лишь либо о случаях появления вакансий, либо о случаях, когда фракция отзывает своего председателя, либо он сам уходит из фракции, вот в этих случаях в первой Государственной Думе ни разу не получалось продлить на эти конкретные схемы действия пакетного соглашения.

Я думаю, что сейчас что-то подобное может быть сделано в Государственной Думе. Депутат Рохлин ушел из фракции НДР, фракция НДР настаивает на том, чтобы это место осталось за ней, и этого не дают сделать. Депутат Задорнов ушел из

Государственной Думы, фракция "ЯБЛОКО" настаивает, чтобы своего кандидата, скажем, Оксану Дмитриеву, продвинуть на этот пост, ей это не дают сделать.

Это мягкий "ползучий" вариант, когда вроде бы пакетное соглашение никто не пересматривает в целом, но каждые новые кадровые проблемы решаются так, как будто пакетного соглашения нет. Ведь большинство Государственной Думы определяет как быть.

Возможен другой вариант. Он в принципе в кулуарах некоторых фракций рассматривается. В связи с принятием обновленного Регламента, изменить перечень комитетов.

В этой связи под изменение пакетного соглашения и под идею нового пакетного соглашения может быть подведена в общем-то довольно основательная база. А именно, что нам нужно с учетом двух лет работы Думы изменить состав комитетов, структуру комитетов и подобрать новых руководителей с учетом того, что мы теперь-то уж точно знаем, кто чего стоит, и отбирать по профессиональным признакам в большей степени, чем по квотным, и так далее.

Вот вам не политизированная схема пересмотра соглашения, не схема просто захвата власти, а мягкая схема, которая лишь по своим результатам, так сказать, даст нам информацию о том, что же произошло в Государственной Думе.

Так что здесь много вариантов, и в принципе самый мягкий из них -это работа по вакантным должностям или препятствия к выдвижению своих кандидатов теми фракциями, которые вправе претендовать в соответствии с пакетным соглашением на те или иные должности. И есть более изощренные варианты, когда с ходу не определишь и лишь по итогам некой затяжной процедуры можно будет прийти к выводу, что произошло политическое изменение структуры Думы.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПАРЛАМЕНТСКОГО БОЛЬШИНСТВА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
10 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые коллеги!

В преддверии Дня российской Конституции, естественно, хотелось бы прежде всего поговорить на темы государственности. Тем более что последнее время активно обсуждается вопрос о возможности и целесообразности изменения некоторых ключевых конституционных положений.

Мои коллеги по Федеральному Собранию, включая руководителей палат, активно обсуждают возможность формирования правительства парламентского большинства.

Мне уже приходилось высказываться на эту тему. Я убежден, что изменения Конституции нельзя писать под нынешний депутатский корпус, под нынешнее поколение действующих политиков. Такие изменения нужно продумывать, тщательно взвешивать и принимать, имея в виду, что они должны работать где-то под следующие за ближайшими президентские и парламентские выборы.

В частности, если судить по нормальным срокам, нормативным срокам. — это президентские выборы 2004 года и парламентские выборы 2003 года.

Я не исключаю, что в рамках этих первых выборов следующего тысячелетия могут осуществляться и поправки к Конституции, включающие, в частности, возможность формирования правительства на основе большинства в Государственной Думе. Для ситуации 1998 года или даже для после-выборной ситуации 1999 года, на мой взгляд, ни в коем случае нельзя идти на такого рода корректировки Конституции. Почему? Потому что их писать будут депутаты для себя, претенденты на роль министров и премьеров под себя и кандидаты в президенты под себя.

Но такого рода изменения в Конституции лучше делать с холодной головой, хотя и с горячим сердцем, и поэтому нужна определенная пауза.

Если говорить о нынешней волне дискуссий по правительству парламентского большинства, то она во многом связана с другой волной, а именно и с идеей

формирования правительства народного доверия. То есть речь идет о доступе в правительственные кабинеты тех партий и политических движений, которые сейчас не представлены в правительстве. Геннадий Николаевич Селезнев неоднократно подчеркивал, что правительство представляет интересы "Нашего дома — Россия", частично "Демократического выбора России", а в последнее время и "ЯБЛОКА". А эти партии, даже в совокупности, не формируют парламентского блокирующего меньшинства. И в этой связи нужно переориентироваться на другие партии в процессе формирования правительства.

На такого рода аргументы есть и контраргументы. Дело в том, что наша Конституция предполагает определенные схемы политического общественного контроля за деятельностью правительства. Пусть ограниченные, пусть не предполагающие прямого воздействия парламентского большинства на состав правительства. Но тем не менее, если взять такие схемы, как назначение председателя правительства, которое осуществляется президентом только с согласия Государственной Думы и большинства Государственной Думы, если взять такие схемы, как вотум недоверия правительству, который может приводить к таким последствиям, как досрочные парламентские выборы, это в свою очередь является индикатором того, куда сдвинулись предпочтения населения: влево или вправо.

У нас ни одного кризиса, связанного с вотумом недоверия, еще не было за годы существования этой Конституции и ни одного провала трехкратного отклонения с процедурой представления кандидатуры на пост председателя правительства также не было. Это свидетельствует о том, что ни одна конституционная процедура не дает основание или даже намек говорить о кризисе власти, о конституционном кризисе властей, которые не могут договориться и как следствие постоянные отставки правительства, постоянные досрочные выборы. Но только лишь в этом случае я считаю можно было бы говорить о необходимости формирования правительства народного доверия или правительства большинства, а ведь ничего такого за последние годы не случилось.

То есть эта идея не имеет под собой достаточного фундамента и почвы. Поэтому рано говорить об этих схемах. Но можно говорить о необходимости эффективного взаимодействия властей, о необходимости учета позиции различных фракций в Государственной Думе, в том числе с тем, чтобы быстро проходили жизненно важные законы, такие, как Закон "О бюджете", Налоговый кодекс и так далее. Но если эти жизненно важные законы и без того принимаются, это еще одно свидетельство того, что правительству удастся договариваться с Государственной Думой и с большинством Государственной Думы.

Кстати, формального большинства у левых нет, и коммунистам, чтобы формировать правительство большинства, пришлось бы обратиться к услугам, например, Либерально-демократической партии. Я говорю именно об ЛДПР, поскольку сам Геннадий Николаевич Селезнев намекнул на такую возможность, что, вообще-то говоря, привело бы к резкому изменению политической линии исполнительной власти.

Думаю, что правительству, нынешнему правительству — правительству Ельцина и Черномырдина, нужно повысить эффективность своей деятельности, чтобы мнимыми кризисами, а один из них случился уже после того, как не состоялся вотум недоверия 22 октября, не возбуждать оппозицию, которая явно торопится выдвигать такого рода идеи, используя любое событие, дестабилизирующее политическую ситуацию.

Можно приглашать в правительство конкретных профессионалов из любых фракций, из любых политических партий и движений. Но первым условием вхождения их в правительство является поддержка принципиальной линии. Если же в правительство они хотят идти, с тем чтобы кардинально изменить курс правительства, о чем часто приходится слышать от лидеров оппозиции, то это другое правительство. Это смена политического курса, это может оказаться и сменой общественного строя, и, еще раз подчеркну, нет никаких фундаментальных причин для того, чтобы вдруг сейчас в конце 1997 года говорить о необходимости таких тектонических политических сдвигов.

На этом я закончу свое вступительное слово. Прошу вопросы.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, ваш бывший коллега по фракции Сергей Беляев становится лидером нового общественно-политического движения. Основная концепция этого

движения — это долгосрочный прогноз экономического развития России. Скажите, пожалуйста, насколько вы считаете реальным сегодня спрогнозировать дальнейшие экономические ситуации в России, исходя хотя бы из сопоставления Веймарской республики и России? Это первый вопрос. И второй. Что вы ждете завтра от "круглого стола" и какова будет ваша основная позиция на нем? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Мне не хотелось бы комментировать взгляды моего бывшего коллеги по фракции и движению, но тем не менее мы обязаны, естественно, прогнозировать развитие политической и экономической ситуации. Если сравнивать Россию и Веймарскую республику, то часто нас пугают (обычно этим занимается профессор Нью-Йоркского университета Александр Янов, который прогнозирует, что Советский Союз, а потом Россия пойдет по варианту развития Веймарской республики). Слабая демократия породит чудовище в лице диктатуры, может быть, даже фашистской.

Я думаю, что у нас есть все основания, чтобы считать, что Россия не пойдет по этому пути, по пути Веймарской республики, что наша демократия достаточно сильна. И если мы будем использовать конституционные технологии, в том числе спокойное внесение поправок в действующую Конституцию, чтобы менять ее в сторону, скажем, парламентской республики в течение 10—20—25 лет, то это нормальный процесс, который чудовище не породит. Естественно, нужны схемы балансов сдержки и противовесов, которые строятся не на персонах, как это часто сейчас делается, а действительно на нормальных противовесах политических институтов.

Что касается "круглого стола". Сложилась, по-моему, какая-то порочная практика. Не успели "четверки" и "круглые столы" заработать, как Геннадий Николаевич Селезнев ходит на заседания "четверки", не проводя предварительных консультаций с лидерами фракций и депутатских объединений, и в частности высказывает там такие мысли, как, например, о коалиционном правительстве якобы от Думы, но в то же время они являются идеями по крайней мере трех только фракций Государственной Думы: одной фракции — КПРФ и двух депутатских групп — аграриев и "Народовластие".

На завтрашнее заседание "круглого стола" есть большое желание вынести проект решения, подготовленный по инициативе председателя и от имени как бы Совета Государственной Думы.

Сама идея "круглого стола" состоит в том, чтобы политические лидеры, лидеры партий, прежде всего представленных в парламенте, излагали свою точку зрения, чтобы президент видел: какие варианты решения той или иной проблемы есть.

Может ли Дума выходить с солидарной точкой зрения? Это будет редкостью. Мы точно знаем, что именно в Думе страсти кипят очень сильно. Так, несколько фракций против того варианта Земельного кодекса, на подписании которого будут настаивать левые. Значит, схема представительства Думы как некой единой политической силы, на мой взгляд, может сразу дискредитировать идею "круглого стола".

Поэтому завтра мы будем настаивать, чтобы действительно были высказаны точки зрения различных партий и движений. Позиция нашей фракции будет окончательно формулироваться завтра на специальном заседании. Но уже сейчас можно говорить, что мы за то, чтобы рынок земли, купля-продажа земли были введены специальным законодательством. Мы против безграничной купли-продажи земли. Мы сформулировали несколько требований (регламентов своего рода) к государственному контролю за этим процессом. И кроме того, мы считаем, что нецелесообразно в такой стране, как Россия, вводить единые, установленные федеральным законом принципы оборота, рыночного оборота земли.

К сожалению, Конституция 1993 года потеряла такой вид законов, как основы законодательства. Нам приходится теперь оперировать понятием "предмет совместного ведения". И соответствующие федеральные законы, которые затрагивают компетенцию и субъектов Федерации, рассматривать по определенной процедуре, хотя сами законы такого рода появляются, но не прописаны в Конституции.

По земельному вопросу было бы правильно иметь закон типа основ, который мог бы конкретизироваться в различных регионах. Есть регионы, где проблема земли исстари доводила до военных действий между отдельными группами населения. Здесь надо очень аккуратно и более жестко контролировать со стороны государства

рыночный оборот земли. А есть такие регионы, где только рыночный оборот земли в состоянии поднять экономику этих регионов, помочь решить не только аграрные проблемы, но и многие другие.

Мы хотели бы, чтобы завтра прозвучали за "круглым столом" вот эти два измерения и получили поддержку президента.

РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, только что выпуск нашего агентства сообщил, что Борис Ельцин госпитализирован с простудным заболеванием. Повлияет ли это на завтрашний "круглый стол"? Не будет ли он отменен? И в отсутствие президента возможно ли это? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Борис Николаевич Ельцин не сразу согласился участвовать в заседаниях. Когда он встречался с лидерами фракций в октябре, предполагалось, что ветви власти будут сами выяснять отношения и докладывать ему о принятых решениях, информировать о результатах "круглых столов".

Лидеры фракций засомневались, что им самим целесообразно в таком случае принимать участие. Поэтому президент принял решение председательствовать самому.

Конечно, в этих условиях проведение "круглого стола" может быть поставлено под вопрос, поскольку лидеры многих политических партий могут не захотеть без Бориса Николаевича Ельцина проводить это заседание.

Сейчас традиционное время, когда свирепствует грипп, и нам нельзя жертвовать здоровьем президента ради соблюдения графиков даже важных политических мероприятий. Можно было бы, наверное, в случае, если политические лидеры без президента не согласятся проводить "круглый стол", перенести его на приемлемое время, тем более что здесь основным вопросом является, на мой взгляд, позиция Совета Федерации. Важно, чтобы Совет Федерации не форсировал преодоление вето президента или голосование по этому законопроекту до "круглого стола".

В декабре состоится лишь одно заседание Совета Федерации. Если этот вопрос будет урегулирован, то можно, наверное, на январь переносить эти вопросы. Хотя, видимо, было бы правильно провести этот "круглый стол" в ноябре. Вы помните, что тогда этот "круглый стол" был перенесен по просьбе Совета Федерации, поскольку Совет Федерации не определил механизмы участия за "круглым столом" и свои позиции.

Разные причины переносов могут быть. Но сейчас очевидно, что никакой злой воли у участников "круглого стола" нет, это не волокита и не бойкот.

ТВ-ЦЕНТР.

Александр Николаевич, если бы мы делали своего рода бухгалтерский отчет по итогам этого года, что бы вы ему вывели в итоге: ноль, плюс или минус?

И второй вопрос. Какое событие является для вас олицетворением уходящего 1997 года? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Вообще я хотел по итогам года отдельную пресс-конференцию провести недели через две. Но тем не менее я считаю, что этот год мы закончили с плюсом. По итогам экономического развития у нас наметился хоть и на полпроцента, но все-таки со знаком плюс по показателю валового внутреннего продукта. Это первый плюс за восемь-девять лет. Но если говорить о главном событии, то я считаю, что это такие несостоявшиеся акции, как вотум недоверия правительству и роспуск Государственной Думы или досрочные выборы.

То, что эти события не состоялись, — это большой плюс, это большая заслуга ветвей власти, которые нашли способы договариваться.

ЛЮКАРЕВ, ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.

Прокомментируйте, пожалуйста, как, на ваш взгляд, дальше будет развиваться финансовый кризис, каковы тут тенденции?

ШОХИН А.Н. Много желающих сейчас рассматривать последствия финансового мирового кризиса для России как крах финансовой политики российских властей. Отсюда, кстати, и многие мрачные прогнозы, что правительство окончательно обанкротится через пару месяцев. И надо только дождаться этого момента. В этот момент, видимо, предполагается и вбросить окончательные идеи правительства народного доверия, или коалиционного правительства, или правительства парламентского большинства.

Действительно, финансовый кризис вскрыл целый ряд недостатков проводимой финансовой политики. В частности, избыточное присутствие нерезидентов с краткосрочными интересами на российском рынке, если угодно — даже со

спекулятивными интересами. Трудно, конечно, требовать от нерезидентов, чтобы они вели себя патриотично и не выводили свои капиталы, соизмеряя доходность и риски. Они это делают всегда. Тем более понятие "развивающиеся рынки", куда входит и Россия, — это широкое понятие, включает рынки и Латинской Америки, и Юго-Восточной Азии. И "проклятые капиталисты" ведут себя очень понятно, к сожалению, переводя капиталы туда, где доходность выше, а риски меньше.

Вот это обстоятельство должно, видимо, привести к корректировке финансовой политики. Надо ориентироваться на стратегических инвесторов, поощрять присутствие стратегических инвесторов, у которых колебания конъюнктурные значительно меньше. И если присутствие стратегических инвесторов будет более выраженным, то мы сумеем будущие кризисы, а они, к сожалению, случаются раз в два-три года, а более крупные раз в 10 лет (сейчас мы имеем дело, к сожалению, сразу с двумя кризисными циклами), преодолевать значительно легче.

Целый ряд соображений можно было бы высказать. Но очевидно одно — нельзя ограничивать горизонт периодом одного года, одного финансового года. К сожалению, многие решения монетарных властей, финансовых властей ориентированы были на то, чтобы в течение 1997 года решить абсолютно все задачи. Это привело к перегрузке бюджета. Даже, если бы мировой кризис не случился, все равно нагрузка на бюджет была бы очень сильная: и выплата долгов по зарплате бюджетникам, и участие федерального бюджета в выплате долгов региональными бюджетами перед социальной сферой, и взятые практически добровольно правительством на себя обязательства именно в конце года закрыть соглашение с Лондонским клубом (а это единовременное перечисление сумм в размере трех миллиардов долларов). Вот эти все обязательства пришлось на конец года. А тут некстати кризис грянул. И выяснилось, что, действительно, надо очень аккуратно проводить бюджетную политику и политику заимствований.

Нужно также на долгосрочную перспективу смотреть, определяя даже такие на первый взгляд задачи, как банкротство предприятий. В частности, процедуры банкротства еще только начинают раскручиваться, хотя мы еще год назад в рамках ВЧК о ней говорили, и понятно почему. Обанкротить предприятие — это позаботиться в лучшем случае о бюджете следующего года, поскольку вводится многомесячный мораторий на выплату долгов всем кредиторам, включая и бюджет. И понятно, что Минфин, Госналогслужба, ВЧК, принимая то или иное решение, считают банкротство самым непривлекательным вариантом решения проблемы с фискальной точки зрения.

Но задержка с реализацией этой процедуры означает, что бюджет следующего года тоже не получит соответствующих доходов, и приходится запускать новые страшилки, такие, как продажа имущества, обращение задолженности на имущество должников перед бюджетом.

Мне кажется, что сейчас очень важно такие более долгосрочные что ли ориентиры для финансово-экономической политики принимать и ориентироваться на них. И самое главное — готовиться и к будущим кризисам. Наше участие в международных финансах стало реальностью. И поэтому на любые колебания международного рынка мы должны отвечать соответствующими мерами, соответствующей политикой.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ?

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ

"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.

ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.

24 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья!

Сегодня, наверное, последняя пресс-конференция в стенах Государственной Думы фракции НДР в этом году. Было бы уместно, наверное, воспользоваться этим случаем и рассказать об итогах работы в течение осенней сессии, или в течение года, или даже в течение двух лет работы фракции НДР в Государственной Думе, тем более есть о чем сказать. Но я думаю, что поскольку у нас времени не так много — полчаса на пресс-конференцию, мы сократим отчет о проделанной работе.

Скажу лишь о том, что наша фракция в период осенней сессии попыталась

выполнить задачу, которую мы сами себе сформулировали, — активизироваться на поле законопроектной деятельности. Можно считать, что задача эта выполнена. В 122 законопроектах наши депутаты участвовали в этом году в качестве авторов или соавторов. Мне кажется, что это хороший результат, тем более проекты законов, по которым наиболее активно работали наши депутаты, являются ключевыми. В частности, к ним относятся проект бюджета на следующий год и налоговые законы. Даже если посмотреть по докладчикам, легко убедиться, что наши депутаты являются ключевыми персонами при обсуждении этих законопроектов.

Политическая работа фракции также может быть оценена со знаком плюс. Не без нашего участия происходили многие политические процессы как в стенах Государственной Думы, так и за ее пределами. В частности, мы большое значение придаем согласительным технологиям, в том числе работе "круглых столов". Первое заседание состоится, как известно, в пятницу по вопросам земельной реформы. Но нам хотелось бы, чтобы эти согласительные технологии были не только способом примирения враждующих сторон, но способами выработки и принятия соответствующих решений. Раньше — в рамках Договора об общественном согласии, в рамках политического консультативного совета, других технологий, призванных решать эти задачи, — не удавалось, к сожалению, соединить два аспекта: аспект политического примирения и аспект выработки конструктивных решений. Мы будем делать все для того, чтобы технологии, рожденные осенью этого года, оказались эффективными и жизнеспособными. Нам, конечно, предстоит еще многое сделать. В частности, хотелось бы, чтобы не только жизнь фракции была заметна для публики, для наших сограждан и для журналистов, но и жизнь движения. Движение у нас работает в режиме больших политических событий, таких, как выборы. Нам нужно сделать максимум, чтобы движение "Наш дом — Россия" в ежедневном режиме было заметно как ключевая политическая сила. Поэтому мы свою активность будем разворачивать именно на этом направлении. Буквально завтра у нас состоится совместное заседание фракции и руководства исполкома, и мы обсудим проблемы взаимодействия фракции и движения, исполкома и движения, и будем в следующем году в дополнение к работе по активизации деятельности фракции работать и по этим направлениям. Теперь у нас вопросы. Пожалуйста.

РУССКАЯ СЛУЖБА БИ-БИ-СИ.

Александр Николаевич, российская пресса сейчас особенно отмечает политическое долголетие лидера вашего движения Виктора Степановича Черномырдина. И скажите, насколько, по-вашему, справедливо утверждение, что Черномырдин сейчас человек, наиболее близкий Президенту Ельцину?

И по поводу выборов. Вы уже говорили на одном из своих брифингов, что движение намерено готовиться к выборам. Как будет осуществляться подготовка к президентским выборам?

ШОХИН А.Н. Есть такой ассоциативный ряд. Если мы говорим слово "поэт", то сразу вспоминаем Пушкина, если говорим "президент", то Ельцина, если "премьер", то Черномырдина. Такая устойчивая ассоциативная связь — признак стабильности в обществе.

Да, действительно, несколько дней назад Виктор Степанович отметил пятилетие пребывания на посту Председателя Правительства. Вы помните, что 14 декабря 1992 года Съезд народных депутатов Российской Федерации утвердил его на этом посту, что для него было достаточно неожиданным, поскольку было несколько кандидатов. И даже сам факт попадания его в "тройку" удивил тогда Виктора Степановича. Но буквально на следующий день он уже, засучив рукава, начал работать.

Ожидания и прогнозы многих, в том числе моих коллег по тогдашнему правительству, что реформам конец и что, так сказать, пора покидать корабль реформаторского правительства, не оправдались. Виктор Степанович сумел сработаться с реформаторами, причем с самыми разными, с достаточно сложными характерами: и Гайдар, и Федоров, и Дубинин, и Чубайс, и многие другие входили в его команду. Несмотря на то что многие эти люди приходили и уходили, опять возвращались, он оставался на капитанском мостике, и сейчас уже, как говорится, мы находимся практически в гавани. И было бы неправильно, если вспоминать слова, по-моему, Уинстона Черчилля, в виду гавани напороться на рифы и затонуть кораблю российских реформ, российской экономики. Именно поэтому я считаю, что у Виктора Степановича хорошее будущее. Он обязан довести до причальной стенки

корабль российской экономики и российских реформ.

Я думаю, что и Президент Ельцин исходит из того же, из того, что именно Виктор Степанович должен это сделать. В этой связи, может быть (это не только эмоциональное, но и прагматическое соображение), он все-таки ставку делает на Виктора Степановича Черномырдина.

Другие политические силы, в том числе и оппозиционные, рассматривают Виктора Степановича как человека, который в состоянии договариваться, в состоянии искать компромиссы: и компромиссы экономические, по бюджету например, и компромиссы политические. И в этой связи нагрузка на него сейчас, безусловно, возрастает. Он одна из немногих фигур в обществе, кроме президента, которая может служить символом спокойного эволюционного развития политических и экономических реформ.

Если говорить о подготовке к выборам, президентским выборам 2000 года, то мы, честно скажу, к ним пока не готовимся. Нам очень важно выстроить ряды к парламентским выборам 1999 года. По сути, парламентские выборы 1999 года будут одновременно и "праймерис" президентских выборов. И те партии, которые сумеют завоевать большинство в парламенте 1999 года, могут претендовать на выдвижение своих кандидатов или объединенного кандидата на президентских выборах.

Поэтому наша главная задача сейчас - отработать технологию парламентских выборов. Я уверен, что идти на парламентские выборы без кандидата в президенты нельзя. Поскольку без этого трудно будет объединяться демократам. И стало быть, кандидатура президента 2000 года должна определиться самое позднее к концу 1999 года.

Хотелось бы, чтобы к этому времени дела шли получше в экономике и обществе. Хотелось бы, чтобы люди ощутили возобновление экономического роста не только по победным реляциям правительства и Госкомстата, а по собственным ощущениям, по благополучию своих семей. И тогда кандидат в президенты от реформаторских прогрессивных сил, выдвинутый в рамках кампании по выборам в Думу 1999 года, как объединитель демократического лагеря будет, безусловно, иметь шансы на победу на президентских выборах.

Ключевая проблема здесь, безусловно, преемственность политической системы России и преемственность экономического курса. Корректировки, естественно, неизбежны, но важно, чтобы выборы 2000 года проходили по схеме, скажем, парламентских выборов в Великобритании или во Франции, когда смена лидеров, смена премьеров и правительств не пугает граждан, а у нас, как вы помните, в 1996 году речь шла не просто о фамилии будущего президента, речь шла о выборе общественно-политического строя. Следующие выборы 2000 года должны быть выборами президента, а не выборами общественно-политического строя. Для этого нам нужно создать все необходимые условия для процесса, который в старые добрые перестроечные времена назывался необратимостью реформ. ПРОГРАММА "ВЕСТИ".

Александр Николаевич, ваш прогноз — будет ли принят бюджет во втором чтении до конца дня? И как будут развиваться события в случае его непринятия?

И известно ли вам что-нибудь, как собираются голосовать фракции? И что означала фраза Семаго о том, что известно, как коммунисты будут голосовать буквально поименно?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что воспроизвести модель голосования по бюджету во втором чтении несложно, если вспомнить голосование по первому чтению. Вы помните, что тогда порядка 230 голосов проголосовало за окончательную версию постановления по принятию бюджета в первом чтении. Я думаю, что примерно такое же количество голосов должно быть подано за бюджет и во втором чтении. Фракция "ЯБЛОКО" и КПРФ приняли решение голосовать против бюджета, но в то же время, как известно, фракция КПРФ разрешила своим членам, активно участвующим в прохождении бюджета, в заседаниях трехсторонней комиссии, бюджетной комиссий, самостоятельно определяться, и стало быть, порядка 20 голосов можно набрать, исходя из этой схемы и во фракции КПРФ. Солидарное голосование во фракции "ЯБЛОКО" обычно означает, что нельзя голосовать с другим знаком. То есть если фракция приняла решение голосовать "против", то нельзя увидеть голосов "за", хотя многие могут или воздержаться, или не участвовать в голосовании, что бюджету не поможет, конечно, но, по моим сведениям, несколько депутатов ведут переговоры с лидером, чтобы "отприситься"

из солидарной схемы голосования и проголосовать за бюджет. Удастся ли им довести эти переговоры до положительного результата, я не могу сказать раньше, чем бюджет будет поставлен на голосование.

В других фракциях настроение то же во многом похоже на ситуацию с первым чтением. Ведь во многом в первом чтении бюджет голосовался потому, что фракции хотели увидеть конкретные цифры в бюджете, а эти конкретные цифры, которые фиксируют позиции той или иной группы — региональной или отраслевой, во втором чтении принимаются. Поэтому сейчас логическое завершение процесса дележки бюджетных денег, дележки программы дополнительных доходов в 27,9 пресловутых миллиарда рублей, поэтому, несмотря на то что цифры поджались, поджались в связи с тем, что расходы на обслуживание внутреннего долга растут, тем не менее многие комитеты и фракции порешили, что называется, свои вопросы. Есть и нерешенные вопросы. Не решен вопрос об окончательной конструкции, скажем, поправок к бюджету, связанных с увеличением расходов на обслуживание долга. Правительство будет настаивать на восстановлении цифры 10 миллиардов рублей прямым счетом на увеличение обслуживания внутреннего долга и на текстовой статье, разрешающей правительству сокращать расходы по незащищенным статьям в случае, если расходы на внутренний долг будут больше 10 миллиардов рублей. Если Государственная Дума захочет установить планку, предельный размер увеличения расходов на обслуживание внутреннего долга, дискуссия такого рода вполне возможна при обсуждении поправок депутатов.

Но тот факт, что Государственная Дума согласилась сразу перейти к обсуждению поправок к постановлению во втором чтении и к Закону "О бюджете" во втором чтении, не заслушивая выступления председателей комитетов и представителей фракций, означает, что настрой достаточно конструктивный, и депутаты хотят принять бюджет во втором чтении до конца этого года. Я хочу сказать до конца сегодняшнего дня, ведь до перерыва мы еще потратили много времени на другие вопросы, но тем не менее сама схема обсуждения бюджета, принятая палатой, — сразу перейти к обсуждению поправок — означает, что вероятность принятия бюджета именно сегодня во втором чтении очень высока. Хотя, еще раз подчеркну, перевес будет незначительным в голосах, во-первых, и во-вторых, политическая компонента сохраняется, поскольку две фракции настаивать будут на отклонении бюджета и, может быть, даже на увязке этого отклонения с вотумом недоверия правительству (это традиционная конструкция фракции "ЯБЛОКО", не исключено, что она будет воспроизводиться и сегодня). Есть и дополнительные свидетельства, показывающие, что Дума настроена на конструктивные финальные заседания, в частности тот факт, что завтра будут приниматься поправки президента к Закону "О правительстве", предполагается, что докладчиком по этому вопросу будет Виктор Степанович Черномырдин и эти поправки в первом чтении должны быть приняты, по общему настрою фракции. Это все свидетельствует о том, что конец года должен быть ударным не только с точки зрения количества принимаемых законов, но и с точки зрения принятия судьбоносных законов.

И кроме того, очевидно, что к пятнице, к первому заседанию "круглого стола" Дума хотела бы запастись козырями, демонстрирующими, что она выполняет свои обязательства в рамках согласительных технологий.

Обладая такими козырями, Дума будет настаивать на собственной версии решения земельного вопроса. В частности, большинство Государственной Думы, представленное левыми фракциями, будет настаивать на подписании Земельного кодекса. Если у них получилось с законом о правительстве, то почему бы не попробовать такую же схему и с Земельным кодексом.

Мы будем возражать против этой конструкции. Без внесения соответствующих поправок в Земельный кодекс, мы считаем, компромисс не может быть обеспечен. Но та технология, о которой здесь уже говорилось, включение в Земельный кодекс положения о рынке земли и одновременно отсылочных положений по жесткому государственному регулированию этого рынка (отсылки, я имею в виду, к специальным законам, которые должны быть приняты Государственной Думой дополнительно и без которых эта статья о рынке земли не будет действовать) — это тот компромисс, на который, на мой взгляд, следует вырывать в ходе заседания "круглого стола".

Мне кажется, что и аграрии — главные инициаторы, чтобы принять Земельный кодекс в прежней редакции, — согласятся с этой версией, но лишь в том случае, если им не удастся продавить свой вариант — вариант подписания Земельного

кодекса в неизменном виде.

Так что в пятницу, я думаю, компромисс будет обнародован, и сразу по его итогам можно будет принимать те или иные законодательные решения.

Последний вопрос, пожалуйста.

РАДИО РОССИИ.

В прошлую пятницу коммунистическая фракция направила в правительство письмо, в котором выразила свою озабоченность по поводу конкурсной комиссии по Каспию. Как известно, решение было принято в пользу одной компании и коммунистическая фракция предлагает так, чтобы этот шельф разрабатывала группа компаний, чтобы все участники конкурса смогли присоединиться к проекту, поскольку одна компания этого просто не сможет осилить.

Вот в связи с этим, какова позиция вашей фракции, есть ли у вас позиция по этому поводу? И как вы считаете, может ли, действительно, консорциум принести больше денег в бюджет?

ШОХИН А.Н. Хорошо, конечно, что есть привязанности у некоторых фракций к конкретным компаниям. Но было бы гораздо лучше, если забота идет на честной конкуренции, честном проведении конкурсов и тендеров. Коль скоро победитель в этом тендере определен, исходя из возможностей освоения Каспийского шельфа и из возможностей привлечения денег в бюджет, нет оснований сомневаться в том, что результаты конкурса правильные. Если победитель не тот оказался по сравнению с ожиданиями некоторых политиков, то менять решение вряд ли целесообразно. А вот влезать в технологию проведения конкурса, все ли правительством определено, правильно ли были определены изначально условия конкурса, надо, но этим, как вы знаете, занимается Государственная Дума непрерывно.

У нас три комиссии по итогам приватизации. Сегодня, кстати, последнее заседание комиссии по "банде четырех", как ее ласково зовут депутаты. Речь идет о тендерах по крупнейшим аукционам нынешнего года. Я думаю, ничто не мешает депутатам создать еще одну комиссию по этому тендеру, по Каспию. Вообще-то самое главное — выработать правильные ограничения и технологии, в том числе в рамках утверждаемой Думой программы приватизации. И очень важно не на словах говорить о среднем классе и народном капитализме, как это часто делают представители правительства, а вбросить уже сейчас схемы, которые позволят этой идее среднего класса и народного капитализма воплотиться в жизнь. А это значит, что надо не только среди компаний проводить конкурсы, а выводить соответствующие пакеты на фондовый рынок и допускать, что называется, мелкого инвестора к таким конкурсам в большом количестве. Помните, был старый лозунг, что нам нужны миллионы собственников? Вот миллионы акционеров нужны для такого рода проектов. Это значит, что каждый гражданин должен, сберегая свои доходы, думать не о том, в какой банк поместить, в Сбербанк или в чистый коммерческий банк без участия государства, а иметь выбор и другого рода, какие акции купить: "Газпрома", РАО "ЕЭС", нефтяного консорциума и так далее.

Если мы перейдем к технологии выведения на биржу соответствующих пакетов акций, государственных пакетов прежде всего, будем специально заставлять Минимущество, Фонд федерального имущества добиваться повышения котировок этих акций, и в момент наивысшей котировки продавать эти акции большому числу мелких инвесторов, вот тогда опасения, которые часто возникают в головах депутатов и общественности, будут преодолены.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЗАКОНЫ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
14 ЯНВАРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Друзья, только что закончилось узкое заседание Совета Государственной Думы в составе лидеров фракций и Председателя Государственной Думы. Пожалуй, впервые лидеры фракций продемонстрировали единодушие при обсуждении сложных проблем, которые касались судьбы пакетного соглашения, проблематики заседаний "четверки" и "круглого стола", проблем уполномоченного по правам человека, парламентского часа и технологии освещения работы Думы. Повестка дня была достаточно обширной, по всем вопросам нам удалось прийти к полному взаимопониманию, что, в общем, бывало в прошлом достаточно редко. Это свидетельствует о том, что не только между ветвями власти согласительные технологии начинают преобладать, но и внутри Государственной Думы.

Если у вас вопросы есть, к ним давайте перейдем. * ГАЗЕТА "СЕГОДНЯ".

Александр Николаевич, расскажите все-таки об итогах совещания, о чем договорились.

ШОХИН А.Н. Я перечислил темы. Поэтому вы формулируйте, какая вас интересует.

ГАЗЕТА "СЕГОДНЯ". ; По пакету и по уполномоченному.

ШОХИН А.Н. По пакету. Договорились, что пакетное соглашение должно сохранить свою силу на оставшиеся два года, поскольку пакетный принцип распределения постов — это отражение политического баланса в Государственной Думе. Важнейшей задачей, которая волнует всех лидеров фракций, а стало быть, и сами фракции, и депутатские объединения, является повышение эффективности законопроектной деятельности Государственной Думы. С этой точки зрения мы готовы внимательно посмотреть на работу всех комитетов Государственной Думы, провести серию консультаций. По нашим прикидкам, не меньше двух месяцев на эту работу, наверное, уйдет. Где-то в начале марта мы будем готовы, чтобы обсуждать эту проблему не через призму политических схем, а через призму повышения эффективности работы Государственной Думы. Тем не менее в рамках этих двух месяцев те договоренности, которые ранее были достигнуты, должны быть реализованы. И, в частности, впервые сегодня была зафиксирована готовность всех лидеров фракций провести в течение недели консультации по вопросу о судьбе председателя Комитета по обороне.

В основном моих коллег — лидеров фракций волнует дееспособность комитета: ни один законопроект, ни одна инициатива, выходящая из-под пера Льва Рохлина, не получает поддержки в правительстве, президента. Его политические доклады носят откровенно оппозиционный характер и не приносят конструктивизма во взаимоотношения между Думой и теми ведомствами, которые заняты военной реформой. Поэтому мои коллеги пришли к пониманию, что этот вопрос надо решать. . Что касается бюджетного комитета, то все единогласно высказались не обсуждать эту проблему до окончательного принятия бюджета, до подписания президентом закона о бюджете. И стало быть, тоже раньше марта мы к этому вопросу возвращаться не будем.

Думаю, что это идеальные результаты дискуссии на эту тему. Лидеры фракций, по моему, пришли к самому точному, оптимальному пониманию судьбы пакетного соглашения и предпримут в ближайшее время шаги, которые призваны показать, что Дума может работать как эффективный организм. Не исключено, что лидерами фракций движут и перспективы предстоящих выборов. Им хотелось бы перед избирателями отчитаться, показать работу Думы не только как политического, представительного органа, но прежде всего как органа законодательного.

Что касается уполномоченного, то здесь ясности нет. Мы лишь договорились о том, что в течение недели нужно провести интенсивные консультации и остановиться на компромиссной фигуре кандидата на должность уполномоченного по правам человека, с тем чтобы выносить на палату этот вопрос, чтобы принять

окончательное решение. Удастся ли нам в течение ближайшей недели добиться такого результата, тут прогнозировать сложно, но предпосылки для такого исхода событий, безусловно, есть.

"ОБЩАЯ ГАЗЕТА".

Ваше отношение к идее формирования коалиционного правительства, и видели ли вы уже концепцию, которая разработана по этому поводу в структурах Селезнева?

ШОХИН А.Н. Геннадий Николаевич, видимо, хотел бы первым читателем своей концепции видеть Бориса Николаевича Ельцина. И поэтому он нас не ознакомил со схемой, технологией и персональным составом правительства народного доверия.

Но, если говорить о моей собственной позиции, она вам известна: я не считаю возможным в ближайшее время переходить на технологию формирования правительства парламентского большинства, хотя в принципе за этим механизмом будущее. И выборы 2003 года вполне могут связываться с изменением системы и технологии формирования кабинета. Напомню, что это конституционная норма. Потребуется и поправки к Конституции. А у нас ведь еще нет закона о порядке принятия поправок к Конституции. Так что здесь все равно уйдет несколько лет на отработку нормативной базы. А с политической точки зрения раньше начала следующего века, мне кажется, на эту технологию переходить нельзя. Другое дело, нужно максимально внедрять механизмы, позволяющие в какой-то степени поставить процесс формирования кабинета если не под контроль Государственной Думы или Совета Федерации — Федерального Собрания в целом, то по крайней мере привлечь их к этому процессу. Один из возможных вариантов процедуры — подтверждение кандидатур, как это практикуется в Соединенных Штатах, имея в виду оценку тех или иных качеств кандидатов на должность, но вовсе не принятие решения об утверждении того или иного человека министром, вице-премьером и так далее.

РАДИОКОМПАНИЯ "ГОЛОС РОССИИ".

Уважаемый Александр Николаевич, будьте любезны, назовите, пожалуйста, стратегический приоритет вашей фракции в законотворческой работе в этой сессии. И насколько серьезен новый кризис на фондовых рынках по отношению к ситуации с российскими финансами. Спасибо.

ШОХИН А.Н. Стратегическими законопроектами для нас являются прежде всего экономические. Налоговый кодекс, безусловно, будет одним из них. Мы считаем, что для эффективного прохождения Налогового кодекса, необходимого правительству и группе депутатов, которые активно работали над тем вариантом кодекса, который был внесен в середине прошлого года и даже принят в первом чтении, внести совместно доработанный проект Налогового кодекса. Это, безусловно, ускорит процедуру его прохождения. Позволит именно этому варианту выиграть, что называется, конкурс при обсуждении альтернативных законопроектов. Кстати, сегодня мы обсудили чисто процедурные аспекты прохождения проектов Налогового кодекса. И будем реанимировать, несмотря на сложности, связанные с прохождением бюджета, работу комиссии, которая специально в свое время была создана для обсуждения проекта Налогового кодекса. Социальный блок для нас тоже приоритетный. Нам нужно будет определиться по Трудовому кодексу. Базовая проблема здесь — нужен ли нам новый кодекс, либо мы можем обойтись поправками к действующему КЗоТу. Я лично склоняюсь, что в силу того, что целый ряд изменений назрел, надо срочно менять трудовое законодательство, вводя поправки к действующему КЗоТу, поскольку альтернативных вариантов Трудового кодекса очень много. Базовый вариант подготовлен Минтрудом. Газеты выяснили, что он списан с новозеландского трудового кодекса. Новая Зеландия — хорошая страна, конечно, но вряд ли совпадают условия производственной и трудовой жизни в России и в Новой Зеландии. Поэтому, чтобы не отдалять процесс обновления трудового законодательства, быть может, мы пойдем по этому пути. Сейчас мы активно на экспертном уровне пытаемся выяснить эти вопросы.

Хотелось бы завершить блок инвестиционного законодательства. На рассмотрении в Думе находятся на разных стадиях довольно много законов, связанных с инвестиционной деятельностью и с иностранными инвестициями. И в рамках весенней сессии хотелось бы их принять.

К ключевым вопросам, безусловно, относятся вопросы избирательного законодательства. Мы должны заранее определиться по этим вопросам, чтобы не повторять ситуацию конца 1995 года, когда Думу трясло, поскольку депутаты

могли не успеть принять соответствующие законы до выборов. И вы помните, что, например, Закон "О формировании Совета Федерации" был принят буквально за день до истечения полномочий предыдущего Совета Федерации.

Здесь, безусловно, ключевой вопрос — судьба партийных списков, пропорциональной системы. Вы знаете позицию президента, который определенно высказался в пользу мажоритарной системы. Безусловно, у мажоритарной системы будущее. Роль партий, предвыборных объединений может заключаться в проведении своих кандидатов по одномандатным округам. Но в то же время понятно, что Государственная Дума, большинство в которой занимают партийные фракции, вряд ли без боя, что называется, отдаст пропорциональную систему формирования половины мест в Государственной Думе. Поэтому нужно, видимо, готовиться к этим баталиям.

В частности, президенту при таком отношении Государственной Думы к судьбе пропорциональной системы выборов, видимо, надо думать о референдуме. Референдум — это сложный механизм, туда могут напихать, как говорится, и много других вопросов, в том числе от имени оппозиции, поэтому вот этот круг вопросов, связанных с технологией выборов, уже сейчас должен стоять в повестке дня Государственной Думы. И его лучше было бы решить в рамках весенней сессии, с тем чтобы чрезмерно не политизировать и не принимать решения в рамках начавшейся избирательной кампании.

По фондовому кризису. Сегодня я принимал китайскую делегацию. И задал им вопрос: почему после воссоединения Гонконга с континентальным Китаем сразу начались потрясения на бирже? Может быть, недорабатывают руководители Китая? Но, правда, они заявили, что один Китай — две системы, поэтому они не смешиваются, но уверены в том, что Гонконг устоит как финансовый центр мира. И будем надеяться, что потрясения затухнут в ближайшее время.

Что касается последствий для России, то, безусловно, они имели место, но в основном последствия были связаны с перегрузкой бюджета. Центральный банк справился блестяще с этим кризисом, но в результате роста доходности государственных краткосрочных обязательств и других государственных ценных бумаг пришлось корректировать бюджет, проект бюджета на 1998 год. И вы знаете, что одна из проблем — это дополнительные расходы на обслуживание внутреннего государственного долга,

Очень важно, чтобы в течение нескольких месяцев нам выровнять доходности ГКО и довести их к лету до тех значений, которые были обозначены в первоначальном варианте бюджета, -- 12—14 процентов, иначе, конечно, придется экономить на социальных расходах, на других жизненно важных расходах, а это будет означать, что мировой финансовый кризис приведет к тяжелым последствиям, прежде всего к тяжелым последствиям для российского бюджета. Но в равной степени это означает, что нужно резко активизировать работу по повышению собираемости налогов, по пересмотру самой налоговой системы, поскольку бюджет, ориентированный на заимствования, как внутренние, так и внешние, как мы видим, постоянно находится в зоне опасности. Любые потрясения на мировых рынках при той открытости российской финансовой системы, которая сейчас существует, будут отражаться на бюджете.

Чтобы этого не было, нужно переходить на регулярные доходы. Ими являются налоги. Надо сделать все, чтобы 1998 год стал годом перехода к стационарной устойчивой системе сбора доходов в бюджет. Если этого не произойдет в 1998 году, то мы будем вынуждены внимательно смотреть на все мировые рынки и ожидать последствий тех или иных потрясений для российского бюджета.

ЛУКАВА Г. Г.

Многоуважаемый председатель, уважаемые представители мировой и отечественной общественности. Я сегодня задаю вопросы как корреспондент журнала "Армейский сборник".

Первый вопрос. Ваше отношение к ликвидации одномандатных округов и проведение выборов в Государственную Думу, в различные другие формы парламентаризма на уровне только партийных списков.

И второй вопрос. Не пора ли лишить диплома о высшем образовании тех "специалистов", которые в такое тяжелое состояние привели образование, науку, экономику и некоторые другие сферы. Спасибо за внимание.

ШОХИН А.Н. Георгий Григорьевич, у вас, по-моему, несколько дипломов о высшем образовании, если мне память не изменяет. Да? У нас нет процедуры

отзыва депутатов, нет и процедуры отзыва дипломов. Поэтому на этот вопрос я могу отрицательно сразу ответить.

Что касается ликвидации одномандатных округов, то я отрицательно отношусь к ликвидации одномандатных округов. Выборы чисто по партийной принадлежности — в интересах нескольких партий, особенно тех, у которых властновождистская пирамида является ярко выраженной и наверху стоит один человек, а остальное, что называется, является партийной массой. Вы понимаете, что я говорю о той партии, к которой вы и принадлежите.

Да, кстати, раз вы корреспондент "Армейского сборника", я хотел бы проинформировать, что по инициативе фракции "Наш дом — Россия" в эту субботу состоится встреча депутатов Государственной Думы с руководством Министерства обороны. Эта встреча состоится в центральном командном пункте Ракетных войск стратегического назначения. Предполагается, что будут сделаны доклады начальника Генерального штаба и первого заместителя министра обороны — статс-секретаря министерства. Будет проведено обсуждение вопросов, связанных с военной реформой. Учитывая, что в проекте, в постановлении Государственной Думы о принятии бюджета во втором чтении значится пункт о необходимости увеличения расходов на оборону в объеме одного процента от консолидированного бюджета, мы будем пытаться выяснить, как эту статью, этот пункт постановления Думы реализовать, поскольку без внесения специального закона вряд ли это можно будет сделать. Это свидетельство того, что наша фракция не только, что называется, борется за должность председателя комитета, но и пытается конкретными действиями помочь осуществлять военную реформу.

Последний вопрос.

РУССКАЯ СЛУЖБА БИ-БИ-СИ.

Александр Николаевич! Правительству и Думе предстоят два больших мероприятия — послание президента и отчет правительства перед президентом. Не ожидаете ли вы, что в исполнительной власти по результатам этих двух мероприятий могут произойти некоторые перестановки и что может изменить состав правительства? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Состав правительства — это вещь, меняющаяся время от времени. И как вы помните, предыдущие смены в структуре и в составе правительства произошли ровно под годовой отчет правительства и под послание президента. Где-то шестого, по-моему, марта прошлого года был так называемый большой Совмин, годовой отчет правительства, чуть раньше послание президента, и после этого стали происходить кадровые и структурные изменения в составе правительства. Поэтому исключать повторения такого развития событий в этом году нельзя, тем более что принят Закон "О правительстве". Однозначного толкования некоторых его статей еще нет, и я сам не могу однозначно прокомментировать, что, например, означает запрет для членов правительства занимать любые должности и заниматься управлением хозяйственных объектов. Сейчас многие министры являются председателями наблюдательных советов, возглавляют коллегии представителей государства в акционерных обществах типа "Газпром", РАО "ЕЭС" и так далее. Если этот запрет означает, что правительству придется нанимать, что называется, на улице специально обученных или необученных граждан для представления интересов государства, безусловно, это будет большая ломка технологий управления государственной собственностью.

Идет дискуссия: означает ли отсутствие упоминания о первых вице-премьерах, что эти должности исчезнут. Здесь, строго говоря, жесткой связи нет с упоминанием в законе должности первого вице-преьера и фактическим существованием этих позиций, поскольку, по-моему, до 78-го года действовало постановление ЦИК, в котором не было упоминания о первом заместителе Председателя Совнаркома или Совета Министров СССР, а как вы помните, первых вице-премьеров в советском правительстве меньше трех не бывало.

Не только, естественно, эти формальные обстоятельства, но и некоторые содержательные причины могут привести к обновлению структуры и персонального состава правительства. И я не исключаю, что многие из них будут сделаны по инициативе самого правительства, с тем чтобы упредить возможные инициативы президента.

МОЖНО ЛИ СФОРМИРОВАТЬ КОАЛИЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 21 ЯНВАРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Прошу прощения за задержку. Сейчас еще идет заседание делегации Госдумы в Парламентской ассамблее Совета Европы. Там идут выборы главы делегации Госдумы и обсуждаются предложения по кандидатуре заместителя председателя Парламентской ассамблеи Совета Европы. Я бы ушел пораньше, если бы меня не избрали главой делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы и не выдвинули в вице-спикеры ПАСЕ.

Тема нашей пресс-конференции обозначена так, что можно ее и через вопросы раскрыть. Давайте будем работать по этой схеме.

АРУШАНОВ, ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ.

Александр Николаевич, у меня два небольших вопроса. Первый вопрос о том, что сообщил министр экономики России Яков Уринсон.

Он сказал, что общий объем прямых инвестиций в экономику России в 1997 году сократился почти на 6 процентов по сравнению с 1996 годом. В 1996 году он составил 18 процентов, то есть спад сократился втрое. И он видит одной из причин этого, во-первых, недостаток ресурсов у российских предпринимателей, а во-вторых, высокие риски вложения в нашей стране, которые по сегодняшний день сохраняются.

И второй вопрос. Руководитель Центробанка господин Дубинин заявил официально за рубежом, что инфляция в этом году в стране будет 10 процентов. А мы знаем, что уже доллар поднимается, что до начала деноминации денег уже на все основные продукты поднялись цены. И плюс, мы знаем, что у нас в стране почти все монополисты. Как же быть вот с 10 процентами, насколько они отвечают истине? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Что касается первого вопроса. Я так понимаю, он связан с перспективами экономического роста. Вы знаете, что 1997 год мы закончили в рамках концепции нулевого экономического роста.

Хотя после запятой положительные цифры значатся, но тем не менее не столь они существенны, чтобы громко трубить о возобновлении экономического роста. Но нулевой экономический рост для 1997 года по макроэкономическим показателям — валовой внутренний продукт, в частности, — это уже хорошая позиция. Это означает, что мы идем по дну, что называется, и дальше нам ничего не останется, как выходить на другой берег, где нас ждет, как говорится, "светлое будущее".

Прогнозы на этот год вам известны. Это почти два процента по ВВП и чуть больше по промышленности. Конечно, это радужные прогнозы экономического роста, они оказались несколько омрачены мировым финансовым кризисом и концентрацией ресурсов на рынке государственных ценных бумаг, которая и раньше мешала началу экономического роста и перетоку финансовых ресурсов в реальный сектор со спекулятивных сегментов рынка. Эта тенденция будет сокращаться из-за мирового финансового кризиса по крайней мере в течение этого года. И стало быть, высокие доходности ГКО, высокие процентные ставки не позволят активизировать процесс перетока финансовых ресурсов в реальный сектор экономики. И позитивные тенденции к возобновлению экономического роста будут сдерживаться. Надо сказать, что не только эти обстоятельства мешают реальному началу экономического роста. Отсутствуют технологии, которые позволяют перетекать импульсам финансовой стабилизации в реальный сектор. В частности, речь идет об отсутствии транспарентности, или прозрачности, которая бы сопровождала деятельность наших предприятий, позволяла бы инвесторам иметь четкое представление о судьбе их инвестиций. Нужны защита прав инвесторов, независимое ведение реестров акционеров и так далее. Все эти механизмы известны, и мы давно о них уже говорим. Они даже были прописаны год назад в среднесрочной программе правительства. Ее уже надо будет обновлять.

Я так понимаю, что 26 февраля правительство не только будет отчитываться по

итогах 1997 года, но и осуществлять презентацию обновленной среднесрочной программы. И я убежден, что вопросы, связанные с институциональными механизмами, которые доводят импульсы макроэкономической финансовой стабилизации до импульсов реальных инвестиций, все эти вещи должны быть прописаны на первом плане и прописаны более четко, чем ранее.

Таким образом стоят задачи двоякого рода: продолжение финансовой стабилизации и создание реальных предпосылок, для того чтобы наша экономика, промышленность, другие отрасли могли воплощать импульсы финансовой стабилизации в реальные инвестиции. При этом если говорить о финансовых аспектах стабилизации, то приходится говорить о необходимости преодоления бюджетного кризиса. Неимоверные усилия властей по выполнению обязательств бюджета перед получателями бюджетных денег — пенсионерами, другими категориями бюджетополучателей — показывают, что ситуация довольно напряженная. Можно выполнить обязательства к первому января, но появляются новые долги, старые переходят частично на следующий год. И без создания эффективной бюджетной системы, опирающейся на регулярные доходы, а это налоговые доходы, мы все время будем жить в этом пожарном режиме, тем более что рано или поздно такие временные источники, как доходы от приватизации крупных объектов собственности, будут исчерпаны. Бюджетный и налоговый кризис, безусловно, — это та помеха, которая стоит на пути экономического роста и нормального решения многих социальных проблем.

О реалистичности цифр инфляции. Пока нет оснований, ссылаясь на официальные статистические данные, делать вывод о том, что еженедельный темп инфляции в январе выше, чем в предыдущие месяцы, или, что, в частности, сезонный всплеск инфляции в начале этого года заметно отличается от аналогичных показателей прошлого года. Поэтому есть все основания, даже при том, что январь будет несколько отличаться от недавних прогнозов, тем не менее выйти на 10 процентов теоретически. Другое дело, что поведение населения, поведение многих хозяйствующих субъектов не всегда подведомственно формальной логике, есть, действительно, некоторые на первый взгляд психологические ощущения, которые обычно называются инфляционными ожиданиями.

Мне приходилось слышать такие аргументы. Коль скоро зарплату еще выдают в старых деньгах, может быть, параллельно монетарные власти эмитируют и старые и новые деньги, и поэтому страна может оказаться заполоненной избыточной денежной массой. Вряд ли, я думаю, такие мрачные предположения можно делать. Все это подконтрольно и подконтрольно не только Центральному банку, но и таким организациям, как Международный валютный фонд. И здесь вряд ли какие-то резкие движения возможны (тем более такого "подпольного" свойства), если монетарные власти попытаются их осуществить. Есть все основания полагать, что макроэкономические параметры будут достигнуты, но не хотелось бы, чтобы эти достижения в финансовой области были связаны с очередными секвестрами, с существенными сокращениями расходов бюджета. Вот здесь уже приходится думать и о предельно допустимых минимальных границах финансирования социальной сферы, военной реформы и так далее. В этой связи, еще раз подчеркну, главной задачей является задача мобилизации доходов в бюджет. И именно поэтому, наверное, Анатолий Чубайс выдвинут на этот участок.

"ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, сейчас активно обсуждается идея формирования коалиционного правительства. Может ли это стать предметом обсуждения на предстоящей "четверке"?

ШОХИН А.Н. Предстоящее заседание "четверки" не имеет, по моим сведениям, еще четкой повестки дня, поэтому некоторые из участников пытаются ее сами предопределить, предложив для обсуждения те или иные вопросы. Мы, лидеры фракций, собирались у Геннадия Николаевича Селезнева на эту тему и давали свои предложения по возможной повестке дня. При этом было два подхода. Первый — предлагать конкретные вопросы, такие, как судьба обесцененных сбережений населения и обсуждение программы восстановления этих сбережений. Были конкретные предложения по обсуждению политики правительства в области тарифов: энергетических, железнодорожных и иных.

Был и другой подход — уйти от конкретики, поскольку это скорее предмет обсуждения на заседании правительства, но не предмет "круглых столов". Обсуждать на них нужно политически значимые вопросы.

Некоторые из лидеров фракций предложили Геннадию Селезневу поставить вопрос о судьбе пропорциональной системы выборов, о судьбе партийных списков. Вы знаете, что эта тема сейчас активно обсуждается. Я не исключаю, что в контексте вот этой "второй линии" на обсуждение глобальных политических вопросов Геннадий Селезнев предложит Борису Николаевичу Ельцину и коллегам по "четверке" идею коалиционного правительства на основе парламентского большинства.

Я не думаю, что эта идея получит отклик у остальных участников "круглого стола". Известна реакция президента. Дело в том, что Геннадий Николаевич Селезнев уже однажды предложил эту идею и Борис Николаевич сказал, что не исключает того, что правительство может формироваться на основе парламентского большинства, но где-то в следующем веке.

Егор Семенович Строев, как известно, высказался против наработок Селезнева, которые он видел.

Геннадий Андреевич Зюганов, который в принципе идею коалиционного правительства народного доверия поддерживает, подробно не высказывается по технологии. А технология известная — это квотный принцип. Каждая партия имеет право претендовать в правительстве на то количество мест, которое вытекает из ее представительства в Думе. Но если эта схема будет реализована, то очевидно, что представительства у нас не будет вообще, поскольку правительство, в котором будут представители всех думских фракций, окажется неработоспособным. Это с одной стороны.

А с другой стороны, вряд ли те или иные партии откликнутся с готовностью на саму эту идею и войдут в правительство, сформированное под эгидой коммунистов и левой оппозиции. А если левая оппозиция захочет сформировать такое правительство самостоятельно, то это уже явно будет противоречить общей направленности политического процесса.

По Конституции у нас правительство формирует президент. Согласие Дума дает на назначение лишь одного человека — премьера. И в процессе обсуждения кандидатуры премьера в Государственной Думе депутаты вправе задавать ему вопросы и даже требовать каких-то обещаний, что представители тех или иных фракций войдут в состав правительства. Хотя ни один кандидат в премьеры не дает 100-процентной гарантии, что эти обещания будут исполнены опять-таки потому, что президент самостоятельно назначает министров кабинета.

Так что здесь можно лишь говорить о персональном представительстве депутатов или представителей тех или иных фракций в правительстве, имея в виду, что их профессиональные качества пригодны для работы в правительстве, формируемом президентом.

Прецеденты такого рода были. В частности, Аман Тулеев - самый последний из них. Причем, когда Тулеев вошел в состав правительства, президиум НПСР подтвердил ему мандат на участие в правительстве. Это уже был элемент коалиции. Участие же Михаила Задорнова в правительстве лишь, так сказать, с общетеоретических позиций может считаться элементом коалиционное™, поскольку фракция "ЯБЛОКО" не дала ему "добро" на работу в правительстве, и Михаилу Задорнову пришлось даже выйти из состава "ЯБЛОКА". Тем не менее очевидно стремление президента опираться на более широкие социально-политические силы. И правительство тоже готовность такую высказывает, так что профессионалы из разных политических структур, представленных в Думе, могут входить в состав правительства, но как члены единой правительственной команды.

Любая квотная технология неуместна, она неработоспособна по определению, а формирование правительства на основе парламентского большинства пока не подтверждено с правовой точки зрения, не подтверждено Конституцией. Она может лишь быть жестом доброй воли со стороны президента. Захочет президент не иметь головной боли с правительством, со взаимодействием правительства и Государственной Думы, тогда он может предложить партиям думского большинства сформировать такое правительство. Но что это будет за большинство — большинство левой оппозиции и Жириновского или большинство, скажем, НДР, "ЯБЛОКА", "Российских регионов", которые "доберут" депутатов в каких-то еще фракциях Государственной Думы?

Много может получиться комбинаций. Если бы у левой оппозиции было бы простое большинство в 226 голосов, они могли бы говорить о правительстве большинства довольно жестко. Но если бы они стали об этом жестко говорить и требовать

именно такой схемы формирования правительства, то это, в отсутствие доброй воли президента, означало бы требование досрочных выборов, либо референдум, либо каких-то технологий уточнения конституционных норм, с тем чтобы следующая Дума уже формировала правительство в рамках тех конституционных норм, которые будут действовать.

"ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА".

Александр Николаевич, независимо от того, как повлияет деноминация на инфляцию, она, как представляется, уже сыграла положительную роль, что более четко обозначила резкое падение доходов большинства населения, в том числе работающих и пенсионеров.

Прошу прощения, но мой отец до войны был металлургом, 1000 рублей зарабатывал в месяц, а цены были такие же либо ниже, чем теперь. Следовательно, результаты полувековой научно-технической революции, научно-технического прогресса брошены "под хвост". Плюс добавились безработица, невыплаты и прочие прелести.

Как вы в этой связи, так сказать, оцените результаты рынка, приватизации и капитализации?

ШОХИН А.Н. Вы начали с деноминации, а кончили оценкой экономической политики в последние годы.

Что касается роли деноминации в этих процессах, о которых вы упоминали, она, так сказать, ничтожно мала, потому что деноминация - это технический акт, и если он проведен грамотно, если он проведен в подходящее время, то никакого влияния на ухудшение положения жизни граждан не имеет, хотя тут можно говорить о некоторых проблемах. Действительно, жаль старушек, которые не могут старые деньги от новых отличить и вынуждены смотреть на год выпуска, пересчитывая монеты старые и новые и так далее.

Но если это единственная сложность, то слава Богу. Если деноминация проводится в условиях, когда стабильность национальной валюты и национальной экономики не обеспечена — это операция, конечно, бессмысленная. Поэтому будем давайте исходить из того, что деноминация — это факт признания относительной стабильности валюты. К несчастью, мировые финансовые рынки тут подвели и "не вписались" в нашу концепцию деноминации рубля, но тем не менее монетарным властям, Центральному банку, правительству пока удастся удержать ситуацию, несмотря на то что определенные потери мы здесь имеем и эти потери связаны с перегрузкой бюджета, с дополнительными расходами на обслуживание внутреннего государственного долга.

Те миллиарды, которые утекли с российского финансового рынка, по сути, будут потрачены российским бюджетом на обслуживание государственных краткосрочных обязательств и других ценных бумаг. Это, конечно, обидно, но не катастрофично.

Что касается ваших сравнений, я даже не понимаю, почему вы не с дореволюционных времен начали, поскольку там соотношения зарплаты рабочего и цен на основные продукты тоже выглядят очень впечатляюще, тем более с учетом количества выходных дней.

Здесь можно делать много сравнений и глубинных выводов, но времени нашей пресс-конференции для этого явно не хватит. Могу лишь сказать, что заслуга реформ, проводимых в последнее время, состоит в том, что они сменили общественно-политический строй.

Не буду доказывать, что мы использовали самые лучшие технологии, в том числе и политические, экономические. Можно было, безусловно, более эффективным образом произвести смену общественно-политического и экономического строя, экономической системы. Плохо то, что до сих пор смена строя еще не сказалась на улучшении социально-экономического положения конкретных граждан. Действительно, для того чтобы эти изменения были ощутимы, преодоления спада недостаточно. Тем более этот нулевой рост в сравнении с 1990 годом минус 40 процентов. И стало быть, нужно как минимум в ближайшее время обеспечить 5—7-процентный экономический рост, чтобы люди в ближайшие годы заметили существенное улучшение своего положения и могли, сравнивая с "золотыми" годами застойной жизни, говорить о том, что жизнь стала лучше. Безусловно, проблем много. Проблем тяжелых. И положение если улучшается, то чересчур медленно, чтобы уже сейчас людям можно было делать выводы о том, что все стало лучше. Лучше стало в том, что свобода выбора есть и не только на потребительском

рынке, но и в приложении труда.

Меня, например, когда я закончил университет, распределили сначала в аспирантуру. Потом туда меня не пустили по идеологическим соображениям. Распределили на экономфак МГУ. Не пустили по тем же мотивам. И я, нарушая российское законодательство, выбил "филькину грамоту", что имею свободное распределение. Хотя я его не имел. Вот как тяжело было трудоустроиться диссидентам в то время. А сейчас, пожалуйста. Вот вы явно диссидент в своей газете, и никто на это внимание не обращает, в том числе и читатели.

АГЕНТСТВО ФРАНС ПРЕСС.

Мне хотелось бы получить у вас комментарии по поводу поправки к Закону "О внешних заимствованиях", который сегодня был принят, о том, что должно быть согласовано с Госдумой по займам размером свыше десяти миллионов долларов.

ШОХИН А.Н. Закон "О внешних заимствованиях" — двухстраничный закон 1994 года, по-моему, вообще-то говоря, сырой, и многих вопросов не решает. Конечно, нам нужно эту сферу экономической и финансовой жизни регулировать законом более тщательно.

Мы уже в прошлом году запрашивали правительство дать четкие представления о каждом десятиmillionном кредите. И это мы делали в рамках приложения к бюджету под названием "Программа внешних заимствований". По Закону "О бюджете" эта программа утверждается вместе с бюджетом.

В прошлом году она была утверждена чуть позже, на несколько месяцев позже принятия бюджета. И мы собирались, принимая в третьем чтении бюджет, четко установить, что "Программа внешних заимствований", где должны быть расписаны все кредиты, включая десятиmillionные, должна быть приложением к Закону "О бюджете".

Принятие такой технологии специальным Законом "О внешних заимствованиях" — это не совсем, по-моему, правильно. Почему? Этот закон в предыдущей редакции гласит, что все соглашения свыше 100 миллионов и свыше 10 миллионов в нынешней редакции подлежат ратификации Государственной Думой.

Если "Программа внешних заимствований" — это сводный документ, который можно утвердить на одном заседании Думы, то ратифицировать все соглашения свыше 10 миллионов — это очень утомительное занятие. Это несколько десятков, если не сотен законов. А у нас даже "стоmillionников" — несколько десятков.

Поэтому депутаты правы, когда требуют большего контроля за осуществлением политики по привлечению кредитов. Но то, что возникли дополнительные сложности в связи с технологией ратификации соглашений, — это факт. Кроме того, ратификационная технология имеет еще один недостаток, поскольку после утверждения парламентом в форме закона любое кредитное соглашение, обязательство правительства превращается в обязательство государства, то есть в суверенное обязательство с негативными последствиями для этого самого суверена. Но об этом можно поговорить отдельно.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, вы нам друг, но истина дороже. Раз уж вы заговорили, что вас куда-то не пустили, я хочу сказать, что вы просто не сравниваете Москву с периферией. Вот меня на периферии оставляли после окончания университета, в университете...

ШОХИН А.Н. Вы где учились?

ПОЛЯКОВ. В Саратовском университете. Но вас на периферию, наверное, отправляли, а вы не поехали. Вот и все.

ШОХИН А.Н. Меня никуда не отправляли.

ПОЛЯКОВ. Ну, я так и догадываюсь. Спасибо.

ШОХИН А.Н. Нет, давайте уж выясним.

ПОЛЯКОВ. Давайте.

ШОХИН А.Н. Саратов, между прочим, крупный научный и промышленный центр. Если вы родились и кончили вуз в Саратове, вполне могли бы там и остаться. Зачем же вы рвались-то в Москву? Что касается меня — я был москвичом, меня как одного из лучших выпускников распределили в МГУ, потом, правда, предложили идти на все четыре стороны.

ПОЛЯКОВ. Понятно. Давайте, Александр Николаевич, не будем эту тему развивать. Как вы можете объяснить, что сегодня правительство в основном на 75 процентов сформировано все-таки из бывших депутатов Государственной Думы.

Последний подарок Госдумы — депутат Нестеренко.

Почему, когда депутаты уходят в правительство, не появляется ничего общего у них между правительством и Государственной Думой? Чем вы объясняете это? Спасибо.

ШОХИН А.Н. В правительство уходят неравномерно представители разных фракций. Если бы это было так, то у нас реализовалась бы идея правительства парламентского большинства, а уходят в основном те депутаты, которые активно работают с правительством. Кстати, Михаил Михайлович Задорнов, уйдя в правительство, сразу двух кандидатов назвал премьер-министру. Ими были Татьяна Нестеренко и руководитель аппарата бюджетного комитета Моторин. И эти условия были выполнены.

Министр предложил назначить на ключевые посты людей, с которыми он работал. Это его команда. Если бы пришел министр финансов из другой фракции или епархии, он бы привел, наверное, людей оттуда же. Это естественный подход. В одиночку трудно работать. Другие примеры. Борис Немцов привел двух людей на ведущие должности: на министерский пост Сергея Кириенко, на пост председателя правления РАО "ЕЭС-Бориса Бревнова, своих бывших коллег по Нижнему Новгороду. На этом вроде бы и команда исчерпалась, к тому же не настолько жестко привязаны они теперь к Борису Ефимовичу Немцову.

Когда "скамейка запасных" не очень большая у любого человека, будь то министр, вице-премьер, премьер или президент, то это вообще плохо. А "скамейку запасных" лучше черпать из людей, которые на виду, себя показали. Депутаты Государственной Думы, по определению, на виду, они постоянно и в зале заседаний дискутируют, и законы проталкивают, и с министерствами и ведомствами активно работают. И поэтому депутаты всегда были, что называется, в первых рядах на выдвижение, поскольку трудно, зная депутата, по его депутатской должности ошибиться в оценке его профессиональных и политических качеств, что иногда бывает с людьми, которые, что называется, с улицы берутся даже по рекомендациям солидных людей, находящихся у власти. Это первое.

Второе. Почему не налаживаются отношения. Я бы не стал говорить, что они такие уж плохие, ведь бюджет в двух чтениях принят и в начале февраля мы придем к выводу, ухудшились эти отношения или сохранились на прежнем уровне, когда будем принимать бюджет в третьем чтении. Отношения ровно такие, каков состав Государственной Думы и правительства. Правительство проводит политику, которая не разделяется однозначно большинством Государственной Думы.

Кроме того, есть и вопросы другого свойства: никто точно не может сказать, насколько полно Государственная Дума отражает политическую структуру общества. Партийная часть Государственной Думы представляет интересы только 50 процентов избирателей, которые проголосовали за те или иные партии, а остальные 50 процентов избирателей проголосовали за партии, не преодолевшие пятипроцентный барьер.

И в этой связи было бы правильно внести в избирательное законодательство поправку, в соответствии с которой (конечно, если партийные списки вообще сохраняются) легитимными выборы по партийным спискам будут считаться, ежели за партии, преодолевшие определенный процентный барьер, проголосовало как минимум две трети избирателей. Что это значит? Если пятипроцентный барьер мы сохраняем, то будем иметь ситуацию в следующей Думе, похожую на нынешнюю, когда 50 процентов проголосовали за 4 партии, преодолевшие барьер, значит, этот барьер надо будет снижать до тех пор, пока в Думе не окажутся все партии, за которые в совокупности проголосовали две трети избирателей.

Это мой подход, я его предлагал, кстати, в 1995 году, внося соответствующий проект закона. Дума предыдущего созыва меня не поддержала, считая, что в рамках начавшейся избирательной кампании нельзя менять выборное законодательство (я внес проект за два месяца до выборов). Конституционный Суд и Верховный Суд рассматривали этот вопрос, не исключено, что еще будут рассматривать.

Я думаю, что депутатам надо делать шаг навстречу президенту, который предложил вообще отменить партийные списки. По крайней мере, пустить в парламент еще какое-то количество партий, с тем чтобы гарантированно партийная часть Думы представляла по крайней мере квалифицированное большинство избирателей, которые пришли к урнам для голосования.

Возвращаясь к базовому вопросу, ответу: конечно, могут быть несоответствия в позиции Думы и в позиции правительства. С одной стороны, Дума, не будучи

точным отражением общества, и с другой — правительство, проводя вполне определенную политику, не могут считать, что их политика отражает адекватно интересы общества. Через взаимодействие отыскиваются компромиссы. Наша политическая система устроена таким образом, что противоречия могут и должны быть, но слава Богу, что сейчас все политические противоречия разрешаются чисто политическими методами. Самый неприятный способ разрешения этих противоречий — досрочные выборы Государственной Думы. По крайней мере каждый раз, когда нависает угроза вотума недоверия правительству, то эта проблема обсуждается не через призму смены правительства, а через призму досрочных выборов, поскольку президент обладает конституционными полномочиями: используя в качестве повода вотум недоверия, распустить Государственную Думу.

Но роспуск Государственной Думы на основе Конституции — это в некотором смысле результат именно политических сценариев, просчета вариантов. Он ни разу не был задействован после 1993 года. Мое мнение, что его и не нужно запускать до 1999 и 2000 годов, другое дело, что нужно уже сейчас депутатам подумать над избирательным законодательством, которое может устранить по крайней мере наиболее очевидные несуразности. И если это и не будет переход к мажоритарной системе, то во всяком случае это будет такая шлифовка смешанной системы, существующей у нас в стране, которая не будет вызывать нареканий.

Здесь можно предлагать и более точные формирования региональных списков, с тем чтобы, по сути, избиратели в регионах голосовали за конкретных людей, а не за большой список; это и ужесточение процедур выдвижения кандидатов, в том числе по партийным спискам, не говоря уже о пятипроцентном барьере. Так шаг за шагом можно в определенный момент прийти и к 100-процентной мажоритарной системе. А противоречия будут даже в тех случаях, когда правительство будет формироваться на основе парламентского большинства, тем более если парламентское большинство будет коалиционное.

Коалиции, как известно, довольно часто разваливаются. Пример многих европейских стран — тому свидетельство. Поэтому недостаточно, видимо, просто перейти к общепринятой в парламентах Европы системе формирования правительства на основе большинства, но важно и выйти из политического и экономического кризиса, с тем чтобы эти вопросы носили второстепенный характер.

ГАЗЕТА "СЕГОДНЯ". Александр Николаевич, завтра Дума будет рассматривать проект нового Регламента. Вошли туда какие-то принципиально новые положения, и учтены ли ваши предложения, в частности о часе голосования?

И второй вопрос. Какими вопросами теперь будет заниматься Сергей Николаевич Бабурин?

ШОХИН А.Н. У Сергея Николаевича Бабурина изъяли только одну позицию — курирование Комитета по делам СНГ, все остальные его функции сохранились и, более того, расширились, потому что он вместо Светланы Петровны Горячевой курирует теперь комитет Лукьянова, ну, если, конечно, Лукьянова можно курировать.

Что касается Регламента. Действительно, вопрос о новом Регламенте затянулся. Когда Дума начинала свою работу, решили, что она будет работать по старому Регламенту и займется выработкой нового Регламента, с тем чтобы у Государственной Думы шестого созыва был Регламент именно Думы шестого созыва. Работа затянулась.

Первый вариант Регламента был готов в декабре 1996 года, этим вопросом занимался я. Был подготовлен вариант Регламента с довольно радикальными изменениями, включая введение часа голосования. Основная идея, которую я пытался реализовать тогда, заключалась в том, что каждый депутат должен лично голосовать за законопроект. При электронной системе голосования невозможно проконтролировать, голосует депутат лично или за него голосуют коллеги и соседи, это первое.

Второе — это то, что не обязательно (практика всех европейских и мировых парламентов об этом свидетельствует) всем депутатам в полном составе, в составе кворума от общего числа депутатов, присутствовать на обсуждении конкретных законопроектов. Как правило, на обсуждении законопроектов присутствуют те депутаты, которые заинтересованы в его обсуждении, и лишь голосование должно осуществляться при наличии большинства членов палаты. Эта схема введения часа

голосования позволяла развести дискуссию по законопроекту, в которой могли участвовать только те, кто связан с этим законопроектом, хочет повлиять на постановку того или иного вопроса на голосование и на сам факт голосования. И мы сразу многие проблемы, в том числе проблемы, связанные с возвращением законов без рассмотрения президентом, могли бы решить. Вы знаете, что президент несколько законов вернул, в том числе на том основании, что при голосовании не присутствовало достаточное количество депутатов. Кстати, здесь вообще были парадоксальные вещи, когда за один из законов, как известно, голосовали депутаты, официально находящиеся в командировке в Страсбурге и получившие, стало быть, и суточные, и прочее вспомоществование за то, что отсутствовали официально в зале заседания. Но это второстепенные вопросы, а главное — повышение эффективности законопроектной работы.

Было много других предложений, которые не вошли в нынешний вариант Регламента. Сейчас многие депутаты мне высказывают такую мысль, что час голосования, может быть, зря отвергли и, может быть, следовало бы Регламент писать не для самих себя, а для следующей Государственной Думы и тогда легче идти на новаторские решения. Много предложений касалось процедуры внесения законопроектов. Кое-какие уточнения здесь есть, хотя тоже резервы, на мой взгляд, остались. Сама процедура внесения и прохождения законопроектов и взаимоотношения президента, Совета Федерации и Государственной Думы уточнены, хотя, еще раз подчеркну, кое-что можно было бы учесть в дальнейшем.

Если говорить в целом, то новый Регламент, безусловно, улучшает законодательную процедуру, но некоторые сложные вещи он не затрагивает. Я бы назвал революционную идею, которую на последнем этапе пытался внести Геннадий Николаевич Селезнев, а именно убрать всего лишь два слова при определении численного состава комитета. Известно, что в Регламенте написано, что численный состав комитета, как правило, не менее 12 человек и не более 35. Если убрать эти два слова "как правило", то это значит, что несколько наших комитетов, как минимум пять, у которых меньше 12 человек, надо будет расформировать. Комитет по бюджету, в котором больше 35 человек, также требовал бы передела.

Решили эти вопросы революционного свойства не трогать. "Как правило" осталось. Удастся ли завтра принять весь Регламент в целом — это вопрос отдельный, ведь это документ, довольно сложный. И только при полном согласии фракций можно было бы добиться этого. Скорее всего, пойдем по поправкам, будет режим второго чтения. В зависимости от того, сколько поправок будет выдвинуто на отдельное голосование, зависит и продолжительность обсуждения, и, стало быть, окончательное решение вопроса: будем ли мы иметь завтра только частично одобренный новый Регламент, либо примем его в целом. Естественно, депутаты будут обсуждать и животрепещущие проблемы, такие, как смета расходов Думы, контроль над аппаратом, статусные вещи самих депутатов и так далее, и так далее.

К сожалению, не готов закон, который мы хотели обсудить одновременно с Регламентом, а именно Закон "О порядке принятия федеральных законов и федеральных конституционных законов". Но, думаю, что, если мы в Регламенте по процедуре прохождения законов договоримся, многие положения нового Регламента могут быть затем сопряжены с этим законом.

Кроме того, завтра мы будем определять судьбу некоторых комиссий Государственной Думы. Вы знаете, что существует более 20 комиссий, некоторые дублируют друг друга. Например, только о приватизации три комиссии: Романова, Воротникова, Танеева. Каждая из них рассматривает конкретные объекты, хотя, видимо, было бы достаточно (если это вообще необходимо) одной комиссии по проверке фактов нарушений в приватизационном процессе, а конкретные предприятия депутаты всегда подкинут, имея в виду свои собственные интересы.

Последний вопрос. ЖУРНАЛ "ЭКСПЕРТ".

На заседании правительства в минувший четверг начальник Генштаба, генерал Квашнин, заявил, что нынешний проект военного бюджета максимально прозрачный. Насколько это соответствует действительности, как это соотносится с военным бюджетом прошлого года и позволит ли в данном варианте этот военный бюджет воспрепятствовать коррупции в Вооруженных силах? И насколько, на ваш взгляд, должен быть развитым классификатор статьи "Национальная оборона" в бюджете, чтобы, с одной стороны, не раскрывать государственные тайны, а с другой стороны, максимально препятствовать коррупции? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Если говорить о прозрачности, то, скорее всего, имеется в виду решение постепенного перевода на казначейскую систему военного бюджета, а также резкое сокращение числа распорядителей бюджетных средств в рамках Минобороны.

Сейчас, по некоторым оценкам, 73 лица Минобороны начальствующего состава распоряжаются деньгами по соответствующим строкам в разделе "Оборона". Это и главкомы, это и начальники центральных управлений, это и командующие округами, и тыловые структуры, и так далее. Ясно, что в этих условиях возникает и дублирование, возникают и возможности для различного рода манипуляций с бюджетом.

Министр обороны подчинил себе лично Центральное финансовое управление; готов нести личную ответственность за исполнение бюджета при том понимании, что он получает и полномочия по распоряжению бюджетными средствами. Число этих распорядителей кредитов резко сокращается, по крайней мере на порядок. Эти, видимо, соображения и позволяют говорить о большей прозрачности военного бюджета. Если к этому добавить более обширную классификацию расходов на оборону, то можно говорить, что основная проблема все-таки будет в ближайшее время связана с общим объемом расходов на оборону, а вовсе не с тем, что существенная часть денег теряется.

И в этой связи важно, видимо, определить в ближайшее время судьбу "однопроцентного" Закона "О военном бюджете". Не так просто найти один процент от консолидированного бюджета на оборону, имея в виду, что федеральный законодатель не имеет права распоряжаться деньгами субъекта Федерации. Один процент от консолидированного бюджета — это, стало быть, один процент и от федерального бюджета, и от регионального. Поэтому нужно найти выход из этого положения: то ли иметь в виду этот один процент от консолидированного бюджета как счетную величину, которая затем приведет к большим цифрам сокращения соответствующих статей федерального бюджета для концентрации денег на оборону и на военную реформу, либо это будет рекомендация субъектам Федерации оказывать содействие армии в размере до одного процента бюджета, особенно имея в виду, что целый ряд губернаторов и президентов республик в составе России и так активно выделяют соответствующие ресурсы на обустройство военнослужащих и на решение других вопросов.

Все. Спасибо.

ПОЧЕМУ ДЕПУТАТЫ "ЗАБЫЛИ" О ФИНАНСОВОМ КРИЗИСЕ?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
18 ФЕВРАЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Давайте сразу начнем с вопросов, потому что многое уже вам рассказал Геннадий Андреевич Зюганов.

ПРОГРАММА "ВЕСТИ".

Александр Николаевич, расскажите, пожалуйста, до чего договорились фракции с Виктором Черномырдиным? И какова перспектива прохождения бюджета в четвертом чтении?

ШОХИН А.Н. С Виктором Степановичем Черномырдиным лидеры фракций договорились, что в течение двух дней: сегодняшнего и завтрашнего дня — комитеты и фракции Государственной Думы обсудят письмо правительства и те 12 поправок, которые правительство внесло к проекту бюджета, который рассматривается уже в четвертом чтении.

Не скрою, что лидеры фракций высказали сдержанное отношение к самой схеме внесения поправок и к содержанию этих поправок. В частности, во время этой беседы можно было видеть, что лидеры большинства депутатских объединений, в частности КПРФ, аграрии, "Народовластие", частично "Российские регионы",

высказались за то, чтобы принимать бюджет в четвертом чтении в нынешнем виде. То есть без поправок правительства, имея в виду, что затем, после принятия Федерального закона "О бюджете", можно было бы внести в него коррективы. Одним из возможных вариантов внесения таких коррективов могло бы явиться обсуждение программы "Экономия государственных расходов", которая в соответствии с посланием президента должна быть представлена правительством к маю этого года. То есть коррективы в бюджет могли вноситься, имея в виду его уточнение по итогам первой половины года.

Наша фракция моими устами предложила несколько иную формулу - формулу минимизации поправок в нынешний бюджет. Чтобы не обострять ситуацию с обсуждением программы дополнительных доходов и соответствующих расходов (27,9 миллиарда рублей), я предложил не рассматривать ее как дополнение к бюджету, которое может выполняться или не выполняться, но рассматривать эту программу как органическую часть бюджета. Одновременно необходимо скорректировать статью о секвестре.

Сейчас статья о секвестре ограничивает его суммой 18 миллиардов рублей. Это было сделано в свое время, с тем чтобы дать возможность правительству увеличить расходы на обслуживание внутреннего долга. Можно было бы снять это верхнее ограничение. И в случае, если возникнут трудности с исполнением бюджета, правительство могло бы финансировать расходы по уровню собираемых доходов. Тогда с этой единственной корректировкой, существенной корректировкой бюджета, в четвертом чтении можно было бы его принимать, не рискуя натолкнуться на ветирование верхней палатой или президентом.

Кстати, по существу тех поправок, которые внесены правительством, было высказано более-менее однозначное мнение, что по крайней мере десять из двенадцати поправок могут быть конструктивно и даже положительно рассмотрены Думой, поскольку все они предлагались правительством ранее в рамках третьего чтения, но были отклонены либо приняты в другой редакции - редакции депутатов.

И лишь две из них (одна касается механизма введения спецсчетов по финансированию закрытых административно-территориальных образований, а вторая — о судьбе программы дополнительных доходов и расходов - 27,9 миллиарда рублей) требуют более углубленного обсуждения.

Я думаю, что сегодня и завтра бюджетный комитет и профильные комитеты Государственной Думы, отвечающие за соответствующие разделы бюджета, а после них и фракции определяют свою позицию.

Одно можно сказать с уверенностью, что Дума заинтересована, чтобы Закон "О бюджете" был. И это позволяет надеяться, что в той или иной форме компромисс будет найден.

Одним из вариантов компромисса, на который, наверное, труднее решиться, было бы принятие бюджета в четвертом чтении с максимальным принятием поправок правительства. Но в случае, если ключевые поправки не будут все-таки приняты, Государственная Дума должна прогнозировать вето верхней палаты и президента, но не как повод для конфронтации с правительством, президентом или верхней палатой, а как повод для создания согласительной комиссии, в рамках которой можно быстрее урегулировать спорные вопросы, нежели в рамках технологии возврата к третьему, а тем более ко второму чтению. Такие предложения раздавались — вернуться к третьему или ко второму чтению. Понятно, что эта процедура затяжная, многонедельная, если не многомесячная, и она уж точно оставит страну без бюджета, и второй квартал будет финансироваться так же, как и первый, — по смете, исходя из 1/12 бюджета прошлого года.

Высказывались даже предположения, может правительству это как раз и нужно: профинансировать второй квартал по смете и все инициативы, связанные с корректировкой бюджета на это и направлены, но Виктор Степанович Черномырдин отверг эти догадки и призвал депутатов достаточно энергично рассмотреть предложения правительства и выработать оптимальную схему доработки бюджета.

ЮРЬЕВА. ЖУРНАЛ "РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ - СЕГОДНЯ".

Александр Николаевич, наш журнал обращался к вам по факсу, чтобы вы ответили по поводу пятилетия Договора СНВ-2. Очень хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

ШОХИН А.Н. Мы за то, чтобы соглашение было ратифицировано в ближайшее время. Но мы понимаем все препятствия на пути этой ратификации. И первое из

препятствий связано с достаточно общим представлением депутатов, что СНВ-2 должно быть ратифицировано на фоне существенных продвижений соглашения СНВ-3. Поскольку именно СНВ-3 гарантирует паритет, стратегический паритет между Россией и Соединенными Штатами, депутаты, большинство, пожалуй, депутатов, хотели бы видеть если не подписанным соглашение СНВ-3, то по крайней мере существенные продвижения с гарантиями хотя бы в рамках переговорного процесса, того, что паритетные цифры по количеству боеголовок, по их размещению на различных носителях будут достигнуты. Это, безусловно, может ускорить процесс ратификации.

Вторым обстоятельством, уже что ли конъюнктурным, текущим, является возможная увязка — ратификация соглашения СНВ-2 с ситуацией вокруг Ирака. Безусловно, если удар по Ираку будет нанесен Соединенными Штатами без наличия мандата Совета Безопасности (а такой мандат, видимо, не будет получен, пока не будут исчерпаны все механизмы политико-дипломатического урегулирования; можно ожидать, что не только Россия, но и некоторые другие страны, Китай в частности, могут воспользоваться своим правом вето), вполне возможно (вероятность очень высока) ожидать, что ратификация СНВ-2 будет отложена, пока не утихнут страсти вокруг такого варианта развития событий.

БРАТИСЛАВСКАЯ ГАЗЕТА "ПРАВДА".

Первый вопрос. Не могли бы вы объяснить, откуда взялись эти поправки, как взялись эти поправки весом в 27 триллионов неденоминированных рублей?

На предыдущей конференции утверждалось (это была пресс-конференция Зюганова), что это связано с давлением Запада и приездом Камдессю.

Второй вопрос. Возможны ли в ходе дальнейших бюджетных обсуждений правительственный кризис и постановка вопроса о недоверии правительству в парламенте? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Что касается источников появления этих поправок, то этим источником являются премьер и президент. Все воскресенье, насколько я понимаю, премьер совещался со своими министрами, выйдя из двухнедельного отпуска досрочно. И в понедельник он докладывал ситуацию с бюджетом Президенту России. Поэтому до этой встречи, до середины дня понедельника, трудно было комментировать эту ситуацию, поскольку это "свежее" решение президента и правительства. Как вы знаете, вчера на заседании "четверки", которое состоялось сразу же после оглашения президентского послания, этот вопрос, вопрос о судьбе бюджета, обсуждался.

Откуда сама идея взялась? Она, вообще-то, родилась, если о хронологии говорить, пожалуй, в начале декабря, когда принималась программа дополнительных доходов, а депутаты, обсуждая бюджет, представленный правительством, и отклонив этот бюджет в первом чтении, представили встречную программу дополнительных расходов на 40 триллионов старых рублей. Правительство долго торговалось и сторговалось на цифре 27,9. И вот эта программа дополнительных доходов и программа дополнительных соответствующих расходов и были тем компромиссом, который позволял рассчитывать на принятие бюджета в первом чтении. И все было бы ничего, если бы не грянула первая волна финансового кризиса, которая потребовала корректировок. Правительство тогда заявило, что растущие расходы по обслуживанию внутреннего долга потребуют 25 миллиардов новых рублей. Стало быть, программа дополнительных мер была фактически поглощена этими дополнительными расходами по обслуживанию внутреннего долга.

Какой выход из положения нашли депутаты? Они 7 миллиардов из этих 25 нашли прямым счетом, сократив связанные иностранные кредиты, и на 18 миллиардов разрешили правительству секвестировать бюджет. Сейчас уже можно точно говорить, что на сегодняшний день 25 миллиардов дополнительных расходов — это минимальная цифра, поскольку из размещенных выпусков ГКО следует, что увеличение будет ровно на эту цифру, а еще не все выпуски размещены на этот год, стало быть, расходы могут и увеличиться. И можно было бы опять-таки в рамках первого чтения, и даже второго чтения, считать, что баланс соблюден, если бы не грянула вторая волна финансового кризиса и если бы не стало очевидным, что кроме последствий, связанных с ростом доходности и с ростом затрат на обслуживание ГКО, есть еще ряд каналов воздействия мирового финансового кризиса на российскую экономическую и финансовую ситуацию. В частности, это угнетающее воздействие высоких процентных ставок на экономический рост. Это угнетающее воздействие на экономический рост снижения экспорта в Юго-

Восточную Азию в силу кризиса, затянувшегося экономического кризиса в этих странах. Это и угнетающее воздействие на экономический рост резкого падения цен на нефть и другие сырьевые ресурсы. Цены на нефть, как известно, упали на 20 процентов.

Все это не могло не сказаться и на снижении показателей ВВП, прогнозируемых на 1998 год. Стало быть, поступления налогов, доходов в бюджет должны были бы быть скорректированы. Вот если проанализировать эти факты, а именно то, что увеличиваются расходы на обслуживание внутреннего долга и есть ряд каналов угнетающего воздействия мирового финансово-экономического кризиса на российскую ситуацию, то, исходя из анализа этих факторов, можно сделать вывод, что не все в порядке с балансовыми расчетами по бюджету.

Моя личная точка зрения состоит в том, что можно было бы все эти вещи представить при обсуждении бюджета в третьем чтении. Но если при обсуждении бюджета в первом и втором чтениях депутаты даже требовали от правительства специальной программы преодоления последствий финансового кризиса, то при обсуждении бюджета в третьем чтении наступила тишина. Ничем другим, как дележкой конкретных денег по сводным статьям бюджета, ничем другим, кроме защиты собственных цифр, строчек в рамках этих обобщенных статей, депутаты не занимались. Они боялись даже заикнуться, что мировой финансовый кризис может как-то скорректировать бюджет. Это было для них очень опасно, это ставило крест на многих притязаниях отраслевых комитетов Думы или региональных групп депутатов. Поэтому обвинять можно не только правительство в том, что оно несвоевременно — не к третьему чтению — представило эти предложения, а, представляя их, не мотивировало сложной макроэкономической ситуацией и отсутствием достаточно ясных перспектив — будут ли новые волны кризиса в будущем, будут ли целенаправленные атаки на национальную валюту или нет.

В равной степени можно обвинять и депутатов, которые, сознавая, что эти проблемы могут возникнуть, ни словом, ни духом не заикнулись, что называется, о возможных последствиях, будучи увлеченными совсем другим, более интересным занятием. Поэтому говорить о том, что предложение правительства — это гром среди ясного неба или что эти предложения привез в своем портфеле Мишель Камдессю, который, как известно, только вчера прибыл в Москву и сегодня ведет переговоры с правительством и Центральным банком, я думаю, что это лукавство.

Если говорить об увязке обсуждения бюджета с политическими дебатами в Государственной Думе, то она, безусловно, может быть. И сегодня на заседании узкого Совета Государственной Думы некоторые лидеры попытались такого рода увязку сделать, но не выводя ее на уровень воз-можногвынесения вотума недоверия правительству, а ставя вопрос о персональных позициях конкретных членов правительства, ответственных за прохождение бюджета в Государственной Думе. Фамилии назывались и предложения делались. Коль скоро бюджет зашел в такую стадию, когда надо его пересматривать, надо разобраться с теми людьми, которые его проводили, начиная с первого чтения, и доказывали, что он реалистический. Такого рода дискуссии возможны в пятницу во время обсуждения этого вопроса на пленарном заседании.

ГАЗЕТА "БЛАГОСОСТОЯНИЕ И МОГУЩЕСТВО".

В развитых государствах одним из основных наполнителей бюджета является автомобилестроение. Александр Николаевич, ответьте, пожалуйста, на вопрос. Почему, лидируя в космической, в военной технике, в стрелковом оружии, мы не можем обойтись при организации производства автомобилей без "Фиата" и других иностранных фирм? До колониализма дошло - уже сборкой будем заниматься в России.

ШОХИН А.Н. Для того чтобы лидировать в той или иной области, нужно опережать мировой современный уровень. Сейчас динамика технологического обновления очень высокая, особенно это касается компьютерных производств и телекоммуникаций. Что касается автомобилестроения, то здесь действует схема догоняющего развития, начиная с 30-х годов, когда мы начинали заниматься сборкой тракторов и автомобилей. С тех пор ничего не изменилось. Достаточно вспомнить, что и наши "Жигули" — это одна из моделей "Фиата". Достаточно вспомнить, что и первый "Москвич" — это "Опель-кадет" 40-го года.

Поэтому говорить о том, что мы здесь лидировали на протяжении всех лет советской власти, нельзя. Этого нельзя сказать об аэрокосмической промышленности, где мы, безусловно, лидировали и прежде всего за счет того, что

была концентрация ресурсов с многократным дублированием в военно-промышленном комплексе.

Эта технология, которая дала эффект в советское время, будь то атомный проект или авиационные, космические проекты, сейчас эффекта не дает: и в силу отсутствия возможностей для многократного дублирования и параллельного функционирования конструкторских бюро и многочисленных заводов, работающих на одном направлении, дублирующих друг друга и конкурирующих в то же время между собой, и в силу того, что приоритет сейчас за другой схемой, когда гражданские отрасли и гражданская обычная конкуренция являются стимулом технического обновления.

Для того чтобы наша отечественная промышленность стала конкурировать, видимо, надо приоткрывать российский рынок и четко определять период становления на ноги отечественной автомобильной промышленности. Мы не можем на многие годы закрывать рынок пошлинами, создавая тепличные условия, тогда она никогда не встанет на ноги, но в то же время должны создавать технологии переходного типа, в частности, открывая возможность для глубокой сборки, не для отверточной сборки, именно для глубокой сборки каких-то видов комплектующих, кои у нас отсутствуют, например автоматические коробки передач или инжекторы для всприска топлива. Я неспециалист в автомобилях, так что, если ошибаюсь в терминологии, простите меня. Вот для такого рода комплектующих надо открывать границы, с тем чтобы сохранить и наше автомобилестроение как отрасль и как систему рабочих мест, и в то же время дать ему возможность если не конкурировать в мировом масштабе, то по крайней мере производить автомобили, пользующиеся спросом внутри страны в условиях открытого автомобильного рынка.

БЫКОВ. "КТО ЕСТЬ КТО?"

Я хотел задать такой вопрос. Как относится НДС к, мягко говоря, неточностям в обращении президента, которые начисто лишили доверия президента в рядах промышленников? Таким, как, что зарплата выплачена и долгов по зарплате больше накапливаться не будет. Я вот представитель ВПК "МАПО", выплачивается зарплата за ноябрь в урезанном виде. В армии за последние два месяца то же зарплата практически задерживается. Как относится к этому НДС?

ШОХИН А.Н. Я бы не делал таких обобщений. В частности, если вы представляете ВПК "МАПО" (здесь, кстати, у нас пресс-конференция, а не производственное совещание), я бы напомнил, что как раз заводы, производящие "Миги" и "Сухие", находятся в относительно благополучном положении за счет возможности экспорта. И Миговский контракт с Индией, и контракт по "Сухим" с Китаем, и ряд других проектов позволяют этим предприятиям держаться не только на плаву, но и разрабатывать новые модели.

Кстати, одна из проблем нашей авиационной промышленности как отрасли состоит в наличии большого количества дублирующих заводов. Вы знаете, что один и тот же тип самолетов производится на нескольких заводах. В период расцвета нашей военной машины это было понятно, спрос был. Но сейчас, когда велением времени становится концентрация производства, мы должны менять подходы. Конечно, мы не можем по социальным мотивам закрыть заводы, например, в Комсомольске-на-Амуре и, скажем, в Иркутске, оставив производство "Сухих" в Новосибирске. Или закрыть нижегородский "Сокол", оставив, скажем, Луховицкий завод. Есть социальная проблема, и она мешает решению чисто производственных проблем по типу бюджетной эффективности либо экономической целесообразности.

Что касается выплаты долгов по зарплате, то я еще раз напомню, об этом неоднократно говорилось, что речь идет об обязательствах федерального бюджета и только в рамках прямых обязательств по зарплате. Что касается военно-промышленного комплекса, там очень много находится в оборонном заказе. Никто не говорил, ни президент, ни правительство, что все обязательства по оборонному заказу выполнены, а там как раз сидит часть зарплат. Поэтому недоверие не должно возникать. Любой человек, который мало-мальски знает ситуацию, понимает, что там, где прямые строчки зарплат, то это бюджетники в основном — учителя, врачи.

В части обязательств федерального бюджета все в порядке более-менее, в части выполнения региональных обязательств — там тоже поддержка федерального бюджета была. Но проблемой 1998 года остается проблема выполнения обязательств перед ВПК в части оборонного заказа. Что здесь нужно делать, кроме обычной выплаты денег по ранее данным обязательствам? В частности, ограничить

число получателей этих денег, бюджетных денег. Опыт последних лет показывает, что гораздо лучше отпустить многие предприятия в свободное рыночное плавание, нежели обещать им в течение всего года заплатить по тем или иным контрактам. В итоге они производят машины, те же самолеты, а потом выясняется, что их не на что выкупить — у Минобороны нет денег. Так лучше дать четкие 100-процентные гарантии выплаты этих денег меньшему числу заводов, дав возможность и помогая другим заводам переориентировать свое производство вне рамок программ мобилизационных мощностей, вне рамок оборонного заказа и так далее. Это отдельная тема, на которую время не остается.

НУЖЕН ЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ БЮДЖЕТ?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
25 ФЕВРАЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Как вы помните, в прошлую пятницу Государственная Дума дважды пыталась проголосовать бюджет в четвертом чтении и оба раза неудачно. Хотя, если посмотреть на число голосов — это около 190 голосов и посмотреть на состав фракций, не голосовавших за бюджет, — это "Наш дом — Россия", "ЯБЛОКО" и ЛДПР, понятно, что собрано было колоссальное число голосов, и если иметь в виду, что коммунисты, которые в предыдущих трех чтениях давали порядка 50 голосов за бюджет, в этот раз дали в 2 раза больше, очевидно, что у бюджета были шансы быть принятым, но шансы быть принятым были у того бюджета, который был подготовлен Думой к четвертому чтению фактически без поправок правительства, поскольку большинство поправок было отклонено Думой, включая важнейшую поправку, которая, по сути, превращала бюджет в реальный, о чем говорил и президент и в чем, собственно, и состоял смысл поправок правительства.

Правда, основная поправка правительства не была принята бюджетным комитетом и всеми фракциями.

Дело в том, что принятие поправки в варианте правительства, сокращающей, по сути, доходы и расходы на 27,9 миллиарда рублей, а сокращение это касалось программы дополнительных доходов, найденных в конце прошлого года и поделенных депутатами, — это уже возврат бюджета к первому чтению или ко второму чтению, как считали некоторые депутаты. Но тем не менее явно принятие этой поправки правительства, несмотря на аргументацию правительства, все-таки означало возврат к предыдущим чтениям.

В этой связи и наша фракция, представители нашей фракции в бюджетном комитете, да и сам бюджетный комитет предложили другой вариант корректировки бюджета. Это новая редакция 102-й статьи бюджета, в которой описывался механизм секвестра, этот механизм секвестра был вписан по просьбе правительства. Если вы помните, правительство предложило сократить ряд расходов бюджета, имея в виду увеличение расходов на обслуживание внутреннего долга в связи с последствиями финансового кризиса. Запрос правительства был 25 миллиардов рублей, депутаты на 18 миллиардов разрешили правительству проводить секвестр для целей обслуживания внутреннего долга в возросших размерах, а 7 миллиардов они нашли по другим статьям, в частности сократив статью "прямые связанные иностранные кредиты".

Статья 102 была отредактирована таким образом, что потолок секвестра был ликвидирован, то есть вместо предельной величины 18 миллиардов предлагалось не делать ограничений на возможный секвестр, и тем самым правительство получало возможность сделать бюджет реалистическим, а Государственная Дума могла, проголосовав за эту редакцию 102-й статьи, не возвращаясь к третьему, второму и первому чтениям, принять бюджет уже в прошлую пятницу.

Понятно, что полномочия, данные Думой правительству, — секвестрировать бюджет без ограничений сверху — это был чрезмерный подарок с точки зрения оппозиционной части Думы — левых фракций — и именно поэтому, видимо, с самого начала (а не в ходе обсуждения) фракция КПрФ и их союзники решили не поддерживать 102-ю статью (цель была такая), но, обсудив и проголосовав все поправки и отклонив большую их часть, фракция КПрФ была намерена

проголосовать за бюджет в четвертом чтении фактически в неизменном виде. Ничего нового в этой позиции не было, поскольку еще в среду, неделю назад, коммунисты и их союзники заявили, что они хотели бы видеть бюджет, принятым в четвертом чтении, без поправок правительства. Собственно, они реализовали ровно эту схему.

Контрольный пакет в прошлую пятницу при голосовании по бюджету принадлежал фракции "Наш дом — Россия", поскольку было известно с самого начала, что ЛДПР не будет голосовать за бюджет и не по соображениям, связанным с существом вопроса, а по конъюнктурным, скажем мягко, соображениям. Конъюнктура, по прогнозам ЛДПР, должна была улучшиться к концу февраля, началу марта, и поэтому они предлагали перенести голосование аж на четвертое марта.

Тогда фракция НДР заявила, что она не будет голосовать за бюджет в четвертом чтении, имея в виду, что ключевые поправки не прошли и бюджет в этом виде может натолкнуться на вето президента, и нам придется заниматься больше политическими спорами, нежели принимать реальный Закон "О бюджете". Вот тогда мы и получили этот контрольный пакет, поскольку было видно, не знаю видно было ли это из ложи прессы, но мне было видно и слышно, что по рядам коммунистов и некоторых других фракций прокатилась команда: "голосуем все". То есть координаторы левых дали команду по мобилизации голосов, с тем чтобы скомпенсировать недостающие голоса НДР.

И если с утра мне не удавалось убедить левые фракции голосовать за бюджет, с тем чтобы компенсировать недостающие голоса ЛДПР, то после отказа фракции НДР голосовать за этот вариант бюджета коммунисты вдруг решились на отчаянную попытку преодолеть нехватку голосов, связанную с неучастием в голосовании ЛДПР и отказом НДР голосовать за этот вариант бюджета. И именно поэтому они дали в два раза больше голосов, чем собирались, но их все равно не хватило.

Мы считаем, что ситуация не тупиковая. Выход может быть найден к четвертому числу.

Владимир Вольфович может одуматься и проголосовать, если его требования будут выполнены. Какие, я не могу сказать, поскольку не знаю. Кроме того, фракция НДР готова будет проголосовать за бюджет четвертого числа, если будет достигнут компромисс по крайней мере по ключевой статье, по новой редакции 102-й статьи Закона "О бюджете".

Это даст возможность и коммунистам вернуться к стандартной схеме поддержки бюджета 50 голосами. Это даст возможность принять бюджет сбалансированным, реалистичным и таким, который можно будет исполнить в полном объеме.

РУССКАЯ СЛУЖБА БИ-БИ-СИ.

Александр Николаевич! Не удалось правительству провести через парламент бюджет в четвертом чтении, может из-за того, что отсутствовали практически все руководители, которые до этого убеждали Думу. Даже Задорнов ушел довольно быстро. Как вы считаете, вот такая не слишком активная позиция правительства по проталкиванию бюджета в четвертом чтении через Думу отразится как-то на заседании, на отчете правительства перед президентом? Может последовать упрек главы государства, что не преуспели в этом деле? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Никто зарекаться не может от тюрьмы, суммы и упреков главы государства. Поэтому Борис Николаевич сам сочтет нужным определить направление критики в адрес правительства. Но, если говорить о позиции правительства в прошлую пятницу, действительно, так случилось, что основные участники бюджетного процесса — председатель правительства, первый вице-премьер, министр финансов — фактически отсутствовали. Виктор Степанович Черномырдин, как вы помните, наносил визит на Украину, Анатолий Борисович Чубайс до обеда отсутствовал в офисе, Михаил Михайлович Задорнов, появившись на некоторое время, поехал проводить коллегия Минфина. У всех были уважительные причины, но тем не менее, действительно, рьяной попытки со стороны правительства отстоять свои поправки не наблюдалось. В ложе правительства один Петров Владимир Анатольевич находился. Хотя он является официальным представителем правительства, ответственным за прохождение бюджета, его сил было маловато для того, чтобы убедить Думу в необходимости принятия тех или иных поправок, включая ключевую поправку. Поэтому и родилось такое мнение, что, может быть, правительству бюджет и не нужен, и поэтому оно так сильно и не настаивает "через присутствие живьем", что называется, высших руководителей правительства на своих поправках.

Правительству, действительно, в случае непринятия бюджета будет легче, поскольку и второй квартал будет финансироваться по схеме 1/12 от среднегодовых расходов прошлого 1997 года, а это определенная экономия средств. Больше возможностей и по финансированию отдельных расходов, имея в виду соотношение между отдельными статьями. Но тем не менее правительству бюджет нужен так же, как он нужен и Государственной Думе, имея в виду, что в Закон "О бюджете" заложены не только цифры, но и некоторые механизмы, без которых многие проблемы будут только усугубляться и не будут решаться. Это касается и реструктуризации, и накопленной задолженности по платежам в бюджет. В Законе "О бюджете" предлагается схема более мягкая, расшивки этой проблемы, и целый ряд других механизмов, в которых нуждается правительство, может быть реализован только в случае принятия федерального закона о федеральном бюджете. Поэтому будем считать, что здесь лишь случайное совпадение, и следующая попытка четвертого марта должна быть более удачной, но это также значит, что в ближайшие дни должен быть выработан компромисс, а он касается прежде всего компромиссной формулировки 102-й статьи. Здесь уже есть готовность пойти навстречу друг другу, но я не буду посвящать вас в тонкости, но можно снять те три слова, которые явились камнем преткновения между фракцией НДР, "ЯБЛОКОМ" и "Народовластием", снять три слова, которые ничего в принципе не меняют, но снимают двусмысленность толкования некоторых цифр и механизмов, заложенных в эту статью. Можно ужесточить требования к правительству по секвестированию бюджета, и в частности установить, что этот секвестр, право на секвестр, действует в рамках первого полугодия и Дума вправе вернуться к этому вопросу после представления правительством программы экономии государственных расходов, программы преодоления последствий финансового кризиса на мировых рынках, после того как Дума, скажем, в мае—июне внесет соответствующие коррективы в сам Закон "О федеральном бюджете", имея в виду его исполнение во втором полугодии.

Такое ужесточение возможно. Мы здесь готовы искать компромиссы, но очевидно, что без новой редакции 102-й статьи очень трудно выйти на достижение взаимоприемлемых решений. Жаль, конечно, что правительство в свое время не настояло на принятии соответствующих статей в Законе "О бюджете". Была робкая попытка не ограничиваться 18 миллиардами, а установить более реалистический порядок сокращения расходов в случае недобора доходов. Попытка эта увяла очень быстро. Очень жаль, что не состоялось серьезного разговора между правительством и Думой в рамках третьего чтения, обсуждались конкретные поправки, но макроэкономические показатели и базовые показатели бюджета не обсуждались. Все, сознательно или несознательно, вольно или невольно, закрывали глаза на эту проблему, хотя чувствовалось в атмосфере Государственной Думы, что эта проблема уже зависла над депутатами и над правительством. И факт, что понадобился призыв президента скорректировать бюджет, понадобился критический упрек премьеру в день выхода из отпуска еще раз проинвентаризировать реальное состояние бюджета, лишь после этого правительство в лице Минфина подготовило вновь свои предложения по корректировке бюджета, хотя, еще раз повторюсь, можно было бы этот разговор провести в рамках третьего чтения. Между третьим и четвертым чтениями в стране ничего не случилось такого, что бы кардинально поменяло ситуацию. А между октябрём прошлого года — первым чтением бюджета и третьим — изменилось очень много. И стало быть, серьезный разговор мог бы состояться именно в этот период, но, видимо, политические или персональные сюжеты помешали эти вопросы поставить раньше.

ЩЕРБИНА. "ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, вчера Шабдурасулов сказал, что правительство готово рассмотреть даже вариант возврата в третье чтение бюджета. Наверное, это свидетельствует о какой-то принципиальной позиции и стремлении настаивать на тех положениях, которые были внесены?

С другой стороны, вы говорите о компромиссах, которые возможны с вашей стороны. А вот левая оппозиция (уже консультации идут) известно на чем настаивает?

ШОХИН А.Н. Ну, я еще раз подчеркну. Во-первых, левая оппозиция хотела бы принять бюджет без поправок правительства, даже если этот бюджет будет возвращен президентом, ветоирован президентом. Ответственность за этот шаг

будет лежать на исполнительной власти, правительстве и президенте. Во-вторых, это позволит оппозиции критиковать правительство за неисполнение бюджета. В-третьих, это позволит оппозиции критиковать некоторых представителей правительства за отсутствие достаточной честности, искренности при обсуждении бюджета во всех чтениях, кроме четвертого, и так далее, и так далее. Козырей достаточно много, чтобы понять, что стремление у оппозиции пробить именно этот вариант достаточно большое. Но если натолкнется оппозиция на жесткую позицию "Нашего дома — Россия" и если здесь не будет объединения голосов коммунистов, левой оппозиции с ЛДПР, то такой вариант бюджета не пройдет. Придется сейчас вести достаточно тяжелый разговор, а он и для нас является достаточно тяжелым, мы не хотели бы оказываться в роли людей, которые голосуют за любое предложение правительства, и здесь у нас сейчас, может быть, впервые именно на этом законе достаточно четко обозначена своя точка зрения, и мы здесь будем вести диалог с правительством, и оно должно объясняться, в том числе и с нами, почему произошла эта осечка с принятием бюджета, почему ее нельзя было раньше на свет Божий вытащить, почему правительство не захотело прежде всего с нашей фракцией посоветоваться, в какой форме лучше корректировать бюджет. У нас все эти вопросы есть, и мы их задаем правительству и предлагаем ему работать с нашей фракцией как с политической силой, от которой довольно много зависит в Государственной Думе, и по бюджету, и по другим ключевым законопроектам. И последнее. Это уточнение 102-й статьи.

ОГНЕВ. ЖУРНАЛ "ПАРИ-МАТЧ".

Александр Николаевич, сейчас многие люди в мире отмечают годовщину "Капитала" Маркса. Не могли бы вы охарактеризовать свое отношение к этому труду и какую роль он сыграл в вашей жизни, вы тоже учились, наверное, по этой книге? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Да, я жизнь учил не по учебникам, а по оригиналам, по "Капиталу" Маркса в частности. В этом зале не найдется, может быть, другого человека, который вспомнит, с чего начинается "Капитал", с каких слов. А вот я, если напрягусь, наверное, вспомню: "Богатство народов, в которых господствует капиталистический способ производства, состоит из товаров". Дальше уже идет определение того, что такое товар.

Я кончал экономический факультет МГУ по отделению политэкономии, и все тома Маркса вдоль и поперек мы учили, многие названия отделов до сих пор помню, хотя были соблазны учить его по комментариям профессора Розенберга.

Я помню, что попытки критически осмысливать "Капитал" наталкивались на упорное сопротивление наших профессоров. Когда мы с товарищами нашли во II томе "Капитала", в схемах воспроизводства Маркса, математическую ошибку, нам не удалось доказать, что это так, поскольку действовала формула, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Уже тогда стало ясно, что преобладает схоластический подход к изучению "Капитала", и пришлось отходить постепенно от догматики, и в частности поэтому уже на четвертом курсе я покинул кафедру "Политэкономия" и написал диплом по кафедре "Экономика сельского хозяйства". Переманил меня тогдашний заведующий кафедрой академик Емельянов Алексей Михайлович, который, как вы помните, был депутатом Думы первого созыва. Так что, действительно, "Капитал" ключевую роль сыграл, нельзя недооценивать роли этого труда, который является не только теоретическим трудом, но и своего рода энциклопедией экономической науки того времени. Если посмотреть на количество ссылок и цитат, то можно признать, что аппарат этой работы, библиографический аппарат в частности, колоссальный. И не зря Маркс просиживал в библиотеке Британского музея. И не зря Энгельс ему помогал деньгами и другими способами. Так что событие, действительно, историческое, хотя должного позитивного воздействия на ход истории оно не оказало. Может быть, даже местами, и замедлило.

"НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА".

Если возвратиться к бюджету, все-таки непонятно, почему коммунисты поддержат новую формулировку по секвестру. Они же против секвестра принципиально, какая им разница, как это будет написано?

ШОХИН А.Н. Я напому, что по действующему законодательству секвестром называется процедура пропорционального сокращения незащищенных статей бюджета.

На этот раз в бюджете 1998 года не предполагалось ни секвестра, ни понятия

защищенной статьи, поскольку предполагалось, что бюджет будет реалистическим, стало быть, все статьи будут защищены.

Как только появилась идея увеличить расходы на внутренний долг и прямым счетом эти расходы не были найдены, а было введено понятие секвестирования для целей формирования финансовой базы для обслуживания внутреннего долга, мы дальше уже как бы вынуждены были продлить эту дискуссию и, обсуждая поправки правительства, решить, то ли проводить просто право секвестра, то ли определить порядок, отличающийся от традиционного представления о пропорциональном сокращении расходов.

Вы помните, что в прошлом году, когда было признано правительством, что бюджет не реальный, не очень честный, была предложена схема непропорционального сокращения, с которой Дума не согласилась, поскольку одни расходы сокращались на треть, другие - на 55 процентов.

Новая формула может явиться точкой компромисса, так как она закладывает жесткие ограничения для секвестирования расходов. Жесткие ограничения означают, что резкого недофинансирования тех или иных статей не может быть по причине полноценного финансирования других статей.

Это значит, стало быть, что структура бюджета, расходной части бюджета даже в случае недобора доходов будет в целом соответствовать той, которая заложена в Законе "О бюджете". Пятипроцентное отклонение одних статей от других — это все-таки сохранение базовой структуры, это недопущение повторения ситуации, когда одни статьи у нас финансировались на 100 и более процентов, а другие статьи, скажем, на 15 и не более процентов. Смысл этой статьи - это жесткое ограничение активности Минфина и правительства по самостоятельному определению, что должно быть профинансировано, а что не будет финансировано в условиях недобора доходов. Поэтому левые могут поддержать предложенный нами компромисс,

ЗИЛАНОВ. "РЫБАЦКИЕ НОВОСТИ".

21 февраля правительство подписало межправительственное соглашение с Японией и предоставило право промысла японским рыбакам в территориальных водах России в районе Южных Курил. Отношение фракции к этому соглашению, в частности отношение фракции к территориальным притязаниям Японии на Южные Курилы?

ШОХИН А.Н. Что касается территориальных притязаний Японии на острова Южно-Курильской гряды, то позиция наша известна. Мы не считаем возможным этот вопрос решать форсированно: идет ускоренная подготовка мирного договора после красноярской встречи, временные рамки очень ограниченные для подготовки этого договора. Даже с учетом этого мы не считаем, что территориальный вопрос может быть резко поставлен и урегулирован путем изменения международной юрисдикции этих островов. Но возможны компромиссные варианты, к коим относится и совместная экономическая эксплуатация этого региона, не столько, скажем, биологических ресурсов моря, сколько самой территории этих островов. В частности, речь могла бы идти и о создании совместных предприятий, и о создании свободной экономической зоны, и можно было бы многие напряженности снять через нормальное развитие этих островов с участием японского бизнеса без притязаний на изменения международно-правового статуса этой территории. Если японская сторона будет настаивать на включении этого вопроса и его урегулировании по нынешней японской схеме, то вряд ли появится скоро согласованный текст мирного договора, либо очень много статей этого договора будет заключено, как говорят международники, в скобки.

Поэтому я бы не драматизировал ситуацию с этим соглашением по рыболовству. Если оно является шагом в направлении урегулирования экономическими способами территориального спора, то это положительный шаг. Если же это один из первых шагов по "сдаче" Южно-Курильских островов, безусловно, мы не будем поддерживать эту линию

ШУЛЬЦЕВ. АГЕНТСТВО "РИА-ПРЕСС".

Будьте добры, скажите, как будет решаться вопрос с бюджетом развития?

ШОХИН А.Н. Что касается бюджета развития, то, видимо, сохранится тот механизм, который сейчас заложен в бюджет, в частности часть гарантии в объеме 40 процентов предоставляется по жесткой процедуре конкурса, исходя из критерия бюджетной эффективности, которую предложило правительство. Есть и второй механизм, когда, исходя из более общих критериев, правительство сформирует

перечень проектов для предоставления гарантий в большем объеме, до 70, в исключительных случаях до 85 процентов. Речь идет о проектах, которые имеют народнохозяйственную или социальную значимость (начиная с лизинга авиационной техники и заканчивая производством лекарств). Перечень этих проектов будет рассмотрен Государственной Думой и утвержден точно так же, как сегодня рассматривается и утверждается инвестиционная программа или программа внешних заимствований.

Я добавлю немного по инвестиционным законам. Вы знаете, что на рассмотрении Государственной Думы находится несколько законопроектов, в частности закон об иностранных инвестициях. Начинается работа над выработкой новой редакции закона о свободных экономических зонах (первую версию президент заветировал). Основная тема в этих законах будет связана с предоставлением так называемой "дедушкиной" оговорки инвесторам законом. Речь идет об иностранных инвесторах, хотя было бы правильно всем инвесторам предоставлять это право на сохранение налоговых, таможенных и иных условий на весь период реализации проекта. Если они ухудшаются, то инвестор должен довести свой проект до конца или в течение семи лет на старых условиях, с тем чтобы заложенные в проекте нормативы окупаемости, прибыльности, эффективности были реализованы. Вот это будет одна из ключевых тем, наверное, дискуссий, и похоже, что Государственная Дума поддержит дедушкину оговорку, особенно если она будет предоставлена и отечественным инвесторам.

Ну что, на этом, может быть, успокоимся и разойдемся по домам? Нет возражений? Вот сидит наш коллега Петренко Сергей Васильевич, готов ответить на все ваши вопросы, он создает союз налогоплательщиков России, так что все к нему, пожалуйста, записывайтесь.

КОМПРОМИСС ДОСТИГНУТ, ЧТО ДАЛЬШЕ?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 4 МАРТА 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые коллеги, вступительное слово сегодня произносить нет нужды (многое уже сказано), поэтому сразу перейдем к вопросам.

ВОПРОС

Александр Николаевич, как вы относитесь к формированию теневого кабинета коммунистов, о котором заявил сегодня Зюганов?

ШОХИН А.Н. Поскольку список не обнародован, я к нему никак не отношусь. Каждая партия, фракция имеет право на подобного рода эксперименты — формирование теневого кабинета, в частности, имея в виду, что у нее есть люди, ответственные за определенный участок работы, например международные дела, экономику и так далее.

Если речь идет о теневом правительстве национального доверия, как неком распределении постов внутри КПРФ или объединенной левой оппозиции, то это внутреннее дело оппозиции. И у нас есть теневые министры. Но если речь идет о том, что эта идея будет накладываться на схему формирования правительства на основе парламентского большинства (на базе левого большинства) и эту схему будет предлагать реализовать фракция КПРФ, то к этой идее я отношусь резко отрицательно, поскольку такого рода конструкции не предусмотрены Конституцией. Можно использовать другие конституционные схемы, в том числе через голосование по бюджету выражать свое отношение к действующему правительству.

Сегодня Государственная Дума, ее убедительное большинство, поддержала правительство в его поправках, не простых для Думы поправках по бюджету. И стало быть, на ближайшее время, мягко говоря, ни одна из фракций (кроме тех, которые вообще не голосовали за бюджет) Думы ставить вопрос о другой схеме формирования правительства не имеет никакого морального права.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, если позволите, такой вопрос. Как известно, после ухода Михаила Задорнова с поста главы Комитета по бюджету было принято решение

отложить вопрос о новом главе бюджетного комитета, вплоть до завершения обсуждения бюджета в Думе. Бюджет в Думе сегодня принят. Какова, на ваш взгляд, будущая судьба бюджетного комитета?

ШОХИН А.Н. Я, как лидер фракции, участвую в консультациях и переговорах со своими коллегами, лидерами фракций и депутатских групп, и мы сегодня же начнем обсуждать этот вопрос в более прикладном плане, а именно когда внести его на рассмотрение пленарного заседания Думы. Мы считаем, что сразу после небольшого перерыва, связанного с Международным женским днем, то есть через неделю, поставим его в повестку дня. И не только вопрос о бюджетном комитете, но и вопрос о Комитете по обороне. В равной степени не исключено, что будет рассматриваться примерно в те же сроки вопрос об уполномоченном по правам человека. Учитывая, что три ключевые должности будут рассматриваться примерно в одно время, не исключено, что будет сформирован "мини-пакет", который придется обсуждать с учетом расстановки политических сил в Думе. Но все фракции, все группы согласны с тем, что никаких самозахватов здесь не должно быть, должна быть договоренность о распределении постов, исходя из интересов дела и из профессионализма кандидатов, исходя из необходимости сохранения политического баланса в Государственной Думе.

Здесь возможны разные варианты. О них, я думаю, мы поговорим подробнее, когда этот вопрос перейдет в практическую плоскость, но, еще раз подчеркну, в ближайшие две недели мы должны этот вопрос не только поставить, но и решить.

ЖУРНАЛ "ЭКСПЕРТ".

Александр Николаевич, в свете того, что коммунисты и жириновцы первоначально отвергали первый раз поправки к бюджету и Жириновский даже кричал, что если мне ничего не дадут, то я буду голосовать "против". И в свете того, что эти две фракции сейчас голосовали "за", какие принципиальные уступки и договоренности были для них сделаны, и, в частности, входит ли в число этих уступок отдача им постов председателя Комитета по бюджету и Комитета по обороне?

ШОХИН А.Н. Такого рода торг не имел места. И я даже думаю, что господин Жириновский дал указание своей фракции голосовать за бюджет, поскольку к моменту голосования сложилась ситуация, когда бюджет мог бы быть принят и без него, без его фракции, а вот этого он допустить никак не мог, чтобы ключевой закон принимался без его участия. И никоим образом такие вещи, как судьба двух комитетов, не упаковывались в голосование по бюджету. Шли интенсивные переговоры (вы, наверное, заметили, что я в течение четырех часов активно перемещался по залу), речь шла о компромиссных формулировках. И одним из самых главных камней преткновения была поправка по закрытым административно-территориальным образованиям.

Депутатская группа "Народовластие" категорически отказывалась голосовать за бюджет. И более того, ее лидер Николай Иванович Рыжков обещал возбудить левую оппозицию — фракцию КПРФ и аграриев — не делать этого, не голосовать за бюджет в случае, если их версия соответствующей статьи не будет принята. Нам удалось найти сбалансированную формулировку, которая не вводит никаких новаций задним числом и не отнимает ни единой копейки у ЗАТО, у закрытых городов, а лишь вводит механизм контроля, казначейского контроля денег, которые предназначены для этих образований.

И после того как этот компромисс был найден, "зеленый свет" был включен перед бюджетным локомотивом.

По остальным поправкам очевидно, что в одном случае правительство пошло на уступки. В частности, в поправке по 27-й статье, по зачетам. Дума предложила (ее бюджетный комитет) компромиссную, как ей казалось, формулу, с которой не соглашалось правительство в последние два дня, а именно: правительство обязано погасить кредиторскую задолженность в первом полугодии этого года в части науки, образования и здравоохранения, в том числе используя механизм взаимозачета. Правительство возражало против упоминания этого слова — взаимозачеты, но в конечном счете согласилось с этой формулировкой. Мы специально обсуждали сегодня этот вопрос с Виктором Степановичем Черномырдиным, имея в виду, что к этой схеме оно прибегать все равно не будет. И поскольку Дума предлагает широкий набор способов решения проблемы неплатежей, долгов в бюджеты, где взаимозачеты — одна из возможных форм, то правительство считает, что здесь можно найти компромисс: не прибегать к взаимозачетам, а решить проблему, поискав другие способы.

Важно теперь убедить президента, что здесь нет нарушения правила, введенного президентским указом с первого января, а именно полный запрет на взаимозачеты. Правительство должно найти новые инструменты, не суррогатные инструменты типа векселей или налоговых освобождений, но такие, которые позволят решить проблему этих социально значимых отраслей.

По другим формулировкам было меньше дискуссий. Так что если говорить о торге, то он шел, если хотите, по формулировкам конкретных статей и по поиску компромиссов в рамках формулировок, предложенных бюджетным комитетом Государственной Думы. Никакие внешние обстоятельства здесь не привмешивались в этот процесс, будь то комитеты, председательские должности в комитетах или удовлетворение каких-то дополнительных финансовых требований тех или иных депутатов и депутатских объединений. Ничего этого сегодня в нашем поле зрения не находилось. ВОПРОС.

Александр Николаевич, некоторые фракции сегодня повышают свой политический уровень за счет дальних поездок, за счет приобщения к необычным акциям внутри государства. За счет чего ваша фракция хочет все-таки повысить сегодня политический имидж? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Отвечая на ваш вопрос, могу вас заверить, что никаких резких изменений в нашем поведении — лидеров нашей фракции, движения - не будет. Мы не начнем балаганить, не начнем инициировать политические, сексуальные и иные скандалы. Мы рассчитываем, что основное наше кредо состоит в том, чтобы помогать властям — будь то правительство или президент — принимать правильные решения и искать короткие пути выхода из кризиса, оживления экономики, возобновления экономического роста.

В этой связи мы готовы предложить обновленный вариант программы нашего движения, кстати, через полчаса состоится заседание программной комиссии, на котором мы должны утвердить обновленный вариант программы, который затем будет обсуждаться в наших региональных организациях — на заседании политсовета.

В рамках таких "скучных" технологий мы надеемся набирать очки, наращивать постепенно мышцы и надеемся, что в течение ближайших двух лет это наращивание мышц станет заметным для окружающих. Не потому, что мы собираемся драться с кем-то, а потому, что это будет просто заметно, и от нас будут отходить и сторониться, пропуская вперед. Последний вопрос, пожалуйста. РАДИОКОМПАНИЯ "ГОЛОС РОССИИ".

Сегодня Зюганов сказал, что КПРФ собирается организовывать акцию, всероссийскую акцию протеста 9 апреля. Ваше отношение к этой перспективе.

ШОХИН А.Н. Если мне память не изменяет, осенью левая оппозиция в целом и наш бывший коллега генерал Рохлин обещали 23 февраля устроить акцию массового неповиновения и свергнуть ненавистный режим, включая и правительство, и президента. 23 февраля, если мне помнится, никаких таких массовых выступлений трудящихся не было. И чтобы возбудить сейчас людей, нужно либо нажать на старые болячки и подтолкнуть их к выходу на улицы в тех случаях, когда, действительно, проблемы не решаются, либо выйти вместо них на улицы. Я думаю, и то и другое вполне возможно, но не убежден, что сразу после принятия бюджета, сразу за подписанием президентом закона о федеральном бюджете акция протеста будет выглядеть, мягко говоря, уместно.

Каждое событие — будь то 1 мая, 7 ноября или 23 февраля, — любой красный день календаря традиционно используется оппозицией для демонстрации своих возможностей. Эти технологии, к сожалению, демократами не используются уже с конца 80-х — начала 90-х годов. Никто уже не вспомнит, когда на Манеж выходили десятки тысяч людей в поддержку демократических преобразований. Эти люди заняты, видимо, либо адаптацией к меняющимся сложным условиям рыночной экономики и жизни в демократическом обществе, либо просто делом.

В результате эта технология демонстрационных эффектов оказалась в руках оппозиции.

Может быть, и демократам надо бы потряхнуть стариной и пару раз пройтись по Тверской с плакатами "Даешь экономический рост!".

Поживем, увидим. Спасибо.

ОТЧЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ДУМЕ - НАЧАЛО НОВОГО ВИТКА КОНФРОНТАЦИИ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
11 МАРТА 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. После принятия бюджета жизнь в Государственной Думе, по определению, должна быть скучнее, поскольку меньше законов, которые являются основой для большой политической интриги: будь то вынесение вотума недоверия либо торг по каждому чтению законопроекта. Но тем не менее я считаю, что в рамках весенней сессии у нас будет много интересных событий.

Если говорить о законах, то это прежде всего Налоговый кодекс. Буквально на днях мы должны начать обсуждать ту дюжину вариантов Налогового кодекса, которые представлены на рассмотрение палаты. Наиболее благоприятные шансы у варианта, подготовленного правительством, внесенного месяц назад в Государственную Думу, прежде всего потому, что в этом варианте в максимальной степени учтены предложения и замечания депутатов Государственной Думы в рамках подготовки предыдущей правительственной версии Налогового кодекса ко второму чтению.

Тем не менее, чтобы принять Налоговый кодекс до лета, нужно очень напряженно работать, поэтому, наверное, более реалистической выглядит формула президента Ельцина и премьера Черномырдина, чтобы принять Налоговый кодекс в этом году, с тем чтобы он вступил в действие с января следующего года. Стало быть, не исключено его принятие где-то в начале осени.

Но подчеркну, что не Налоговый кодекс является самоцелью Государственной Думы, да и правительства тоже. Целью является налоговая реформа. Осуществление таких изменений в налоговой системе, которые позволят ее превратить из фискальной машины, машины по сбору налогов и формированию доходов бюджета в механизм решения социально-экономических задач, главная среди которых — оживление экономики, экономический рост. Для этого нужно резко снизить налоговые ставки. Для этого нужно резко сократить число налогов на всех уровнях — от федерального до местного. Для этого нужно изменить правила отнесения тех или иных расходов на затраты, себестоимость.

Все эти идеи известны, но очень важно, чтобы в процессе обсуждения налоговой реформы не забыть о них, поставив вместо этого другую задачу — принять любой вариант, в том числе чрезмерно компромиссный вариант Налогового кодекса.

Наша фракция будет во главу угла ставить налоговую реформу и стремиться любыми способами, в том числе даже первоочередными изменениями в действующем налоговом законодательстве, добиваться, чтобы мы шли в этом направлении.

Что касается политической жизни в Государственной Думе весной, то, несмотря на отсутствие формальных поводов для резких политических дебатов, тех или иных острых постановок вопросов, включая вотум недоверия, я думаю, они будут иметь место. Не случайно на 9 апреля (напомню, что это юбилей Виктора Степановича Черномырдина, ему в этот день исполняется 60 лет) оппозиция готовит акцию, массовую акцию протеста.

Может быть, она считает, что это привычный подарок для премьера, а может быть, левые пытаются подчеркнуть, что не правы те политики и наблюдатели, которые считают, что между исполнительной властью и оппозицией установились согласие и взаимопонимание.

Но такого рода акции, как пленум ЦК КПРФ, массовые акции протеста, формирование теневого кабинета, возможное начало внесения поправок в Конституцию в связи со вступлением в силу закона о порядке и принятии этих поправок, — все это может вполне "подогреть" общую обстановку, и те ростки согласия, которые были возвращены за "круглыми столами" и на заседаниях

"четверки", эти ростки вполне могут быть затоптаны во время этих акций протеста. Так что точных прогнозов я тут не делаю. Лишь делаю вывод, что всякое возможно и разные варианты: и согласительно-компромиссные, и конфронтационные — вполне возможны в рамках весенней сессии парламента.

РАДИОКОМПАНИЯ "ГОЛОС РОССИИ".

Будьте любезны, позиция вашей фракции по поводу ситуации в Косово и по поводу событий в Риге.

ШОХИН А.Н. По событиям в Риге наша фракция определилась, хотя делала это менее шумно, нежели некоторые наши коллеги по Государственной Думе. Мы собирались выехать делегацией, я ее должен был возглавить, 9-го числа в Ригу по приглашению фракции "Латвийский путь" (это центристская фракция, входит в нынешнее правительство Латвии), с тем чтобы обсудить проблемы сотрудничества, имея в виду социально-экономические и политические права так называемых "неграждан" в Латвии, к коим относится русскоязычное население. Численность этих "неграждан", как известно, равна одной трети населения Латвии. Хотели мы обсудить возможные проекты экономического сотрудничества, имея в виду альтернативные проекты по транзиту нефти, других ресурсов через балтийские порты.

Понятно, что в условиях нормализации политических отношений, в условиях подвижек на пути предоставления больших прав так называемым "негражданам", мы могли бы пойти навстречу латвийской стороне и ослабить альтернативные варианты транзита, его перенос на Ленинградскую область. Мы, собственно, с этим и ехали, договариваясь об этой поездке. После событий третьего марта нам хотелось прежде всего выяснить позицию официального правительства, официальных властей, особенно учитывая, что среди приглашающих лиц был министр иностранных дел Латвии.

Когда же выяснилось, что никаких ни ущемлений прав человека, ни даже нарушений правил поведения со стороны полиции не было найдено, мы сочли необходимым перенести эту поездку и попытаться действовать другими способами. В частности, я, как глава российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы, собираюсь на ближайшем заседании Бюро этой Ассамблеи, которое состоится в Париже на следующей неделе, внести проект резолюции по ситуации в Латвии, имея в виду недопустимость ущемления законных социально-экономических прав существенной части жителей этой страны. Видимо, нужно напомнить Совету Европы через Парламентскую ассамблею этой организации, что в ходе мониторинга ситуации в Латвии все-таки были выявлены нарушения с правами человека и, видимо, события 3-го числа — это повод еще раз вернуться к этому вопросу в рамках мониторинга, осуществляемого Советом Европы.

Так что мы здесь будем действовать по всем каналам: и двусторонним,

И МНОГОСТОРОННИМ.

Что касается косовских событий, мне кажется, что найден нормальный выход из положения: осуждение этнических чисток, в том числе в рамках известного совещания контактной группы в Лондоне, в котором участвовала Россия. На мой взгляд, выработана нормальная формула, которая позволяет, не допуская поддержки сепаратизма со стороны албанцев края Косово, все-таки урегулировать этот процесс без применения санкций и блокады Югославии.

Кстати, говоря об этих категориях: санкции, блокада, — я должен сказать, что и применительно к Латвии это не самый лучший способ решения проблемы. Это, действительно, тот крайний инструмент, когда лучше, если он не будет задействован. Санкции, как известно, ударяют по обеим сторонам, участвующим в этом процессе. А применительно к Латвии надо еще иметь в виду и ситуацию с русскоязычным населением, которое задействовано на тех производственных объектах, которые в большей степени зависят от России.

Но тем не менее как крайний инструмент воздействия этот механизм: эмбарго, санкции, блокада и так далее — может подвинуть стороны (хотя бы потому, что он витает в воздухе) к поиску нормальных, приемлемых политических решений. Я думаю, что и в случае с Латвией они будут найдены и нам не придется идти на эти крайние меры. Они были бы нежелательны.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, не могли бы вы пояснить, с чем связана ваша активизация по новому Регламенту?

И еще вопрос. Раньше предварительные обсуждения законопроектов были и в

регионах, на крупных предприятиях, объединениях. Сегодня эти обсуждения ограничиваются только слушаниями в Государственной Думе.

И поэтому хотелось бы у вас спросить, на что бы вы хотели обратить внимание на слушаниях, которые ваша фракция будет проводить? Спасибо.

ШОХИН А.Н. У нас не было особого желания активизировать свою деятельность на регламентном направлении, но мы подготовили некоторые соображения, причем для собственных депутатов, с тем чтобы разъяснить некоторые тонкости регламентной работы, которая может повлиять на процесс внесения и прохождения законопроектов.

В новом Регламенте есть достаточное количество "подводных камней", которые лучше обходить депутатам либо знать об их наличии.

Именно с этим связана наша аналитическая записка по поводу нового Регламента Государственной Думы.

Кроме того, новый Регламент, действительно, продвигается по многим направлениям, хотя главные вопросы, которые хотелось бы решить, все-таки он не решает.

В частности, я думаю, что надо будет к концу работы этой Государственной Думы подготовить изменения Регламента, имея в виду следующий состав Государственной Думы.

Что касается всенародных обсуждений, то, несмотря на наличие такой формальной возможности, она и сейчас заложена в Регламент, непонятны правовые последствия такого всенародного обсуждения. Более жесткие права есть у парламентских слушаний, и этот механизм активно используется, хотя не всегда приводит к желаемым результатам. Не всегда итоги рассмотрения того или иного законопроекта в палате зависят от итогов обсуждения на парламентских слушаниях. Парламентские слушания, хотя мы требуем, чтобы они были жестко увязаны с тем или иным законом, проходят на такую социально-политическую или экономическую тематику, которая призвана актуализировать представительские функции парламента.

Что касается вопросов, которые мы хотели бы вынести на парламентские слушания, то хотелось бы, в рамках завершения работы по созданию инвестиционного законодательства, провести ряд слушаний, включая слушания по Закону "О свободных экономических зонах".

Сейчас возникла конфликтная ситуация по Закону "Об иностранных инвестициях". Вот этот блок инвестиционного законодательства надо завершать, и здесь мы готовы провести слушания.

Придется проводить слушания и по Налоговому кодексу, и по налоговому законодательству в целом. Я еще раз подчеркну, что для нас здесь важна налоговая реформа и, может быть, как раз, чтобы определить, какие краеугольные камни налоговой реформы должны быть обязательно заложены в фундамент Налогового кодекса, такого рода слушания надо провести.

То есть мы будем тяготеть все-таки к основной функции парламентских слушаний, а именно готовить проходимость законопроекта либо блока законов, и поэтому наши приоритеты по слушаниям не отличаются от приоритетов по законодательной деятельности.

Есть одна проблема. Часто субъекты Федерации жалуются на то, что они не успевают вникнуть в предлагаемые думами законопроекты в связи с тем, что мало времени отводится на рассмотрение их субъектами Федерации.

Вот здесь надо тоже подумать, как в обязательном порядке не только после принятия закона в первом чтении, как это сейчас практикуется и заложено в Регламенте, а, может быть, на ранних подступах к законопроектам подключать субъекты Федерации и, в более широком плане, субъектов права законодательной инициативы.

В свое время объединенная комиссия ориентировалась на такого рода координацию на ранних подступах к каждому из законопроектов, но должен сделать замечание своему коллеге, Владимиру Рыжкову, после того как я ему сдал полномочия председателя, он еще не активизировался на этом посту. Будем поощрять его активность в этом направлении.

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "НТВ".

Александр Николаевич, на ваш взгляд, какое место в весенней политической жизни Думы занимает принятое сегодня палатой за основу постановление Виктора Илюхина, предлагающее привлечь к уголовной ответственности Черномырдина и

Чубайса?

И нет ли связи между этой инициативой коммунистов и предстоящим в ближайшее время отчетом правительства?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что у этого постановления есть связь с двумя событиями.

Для начала отчет правительства. Вы помните, в октябре, когда мы обсуждали бюджет в первом чтении и обсуждали в первый раз вопрос о вотуме недоверия правительству, то было решено в начале года, 1998 года, заслушать отчет правительства по исполнению бюджета за 1997 год и заслушать отчет правительства по социально-экономическому развитию в 1997 году.

Сейчас это время настает. Статистические данные через пару недель, видимо, будут готовы, это даст основания Думе поставить вопрос о приглашении правительства в том или ином виде: либо премьер будет приглашен, либо ключевые министры — министр экономики, министр финансов, министр государственного имущества и так далее.

Связь очевидна: подготовить идеологическую, если хотите, базу для этого обсуждения и перевести разговор из конструктивного русла - что удалось, что не удалось, что надо сделать — в русло политическое — за что надо судить правительство и почему надо это правительство разогнать и сформировать правительство народного доверия.

Есть другая сторона у этого постановления. На мой взгляд, это продолжение ставшей уже традиционной борьбы между лидерами КПРФ за влияние накануне пленумов ЦК КПРФ. Апрельский пленум, видимо, состоится не позже двадцатых чисел апреля, и для многих лидеров внутри КПРФ это будет приятная возможность заявить о своей позиции, будь то Илюхин, Астраханкина, Макашов или другие деятели радикально-оппозиционной, даже по понятиям КПРФ, группы. Они, естественно, используют эту возможность для продвижения своих позиций.

В равной степени лидер КПРФ и нынешнее руководство КПРФ вынуждены будут в какой-то степени "продаваться", если хотите, под воздействием этой жесткой позиции, иначе им трудно будет удерживать влияние в КПРФ в целом.

Так что здесь много завязок на разные типы политического поведения — и внутрипартийные, и отношения между Думой и правительством.

Благодаря этому отчету и благодаря такого рода постановлению коммунисты демпфируют конструктивность, проявленную в рамках обсуждения бюджета. Так что логично было бы ожидать такого рода шагов.

Во что выльются в целом эти шаги? Думаю, что обострение в апреле политической ситуации будет, но в равной степени думаю, что хватит здравомыслия у наших коллег по левой оппозиции не раздувать из этих угольков большое пламя и не подкидывать в этот тлеющий костер дровишки.

ЮРЬЕВА. ЖУРНАЛ "РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ - СЕГОДНЯ". Александр Николаевич, будьте добры, скажите, пожалуйста, каково ваше мнение о коалиционном правительстве и насколько оно вообще реально, серьезно?

ШОХИН А.Н. Что касается коалиционного правительства, я неоднократно высказывался, что не вижу сейчас реальной политической базы, фундамента для его формирования. Формировать его на базе парламентского большинства — значит, что надо сформировать это большинство как реально работающую коалицию. Если делить посты на основе пропорционального распределения портфелей, скажем, между коммунистами, "Нашим домом — Россия", либералами, "яблочниками" и так далее, то это получится неработоспособное правительство. Стало быть, речь должна идти о том, чтобы сформировать реальную коалицию в Государственной Думе, обладающую большинством по ключевым вопросам, в том числе по конституционным вопросам, а это две трети.

Задача меньшинства в Думе состоит в том, чтобы иметь устойчивое блокирующее меньшинство, которое не позволит этой коалиции проводить ключевые вопросы, хотя простого большинства хватает для подавляющего числа случаев по принятию тех или иных законов или постановлений. Но устойчивого большинства нет, мы наблюдаем некое броуновское движение в Государственной Думе. Идут разговоры о создании новых фракций. Год назад была одна такая попытка, не совсем удачная.

Буквально на днях будет предприниматься еще одна попытка создать депутатскую группу большей частью из независимых депутатов, и поэтому говорить, что есть устойчивое большинство, фиксированное большинство не приходится. Оно чаще оказывается ситуативным, то есть большинство формируется под конкретный проект закона, резолюцию, постановление и так далее.

Кроме того, у нас не исчерпаны конституционные возможности взаимодействия властей, в частности, я имею в виду, что есть технология под названием вотум недоверия и голосование по кандидатуре премьера, предложенной президентом.

Как вы помните, в августе 1996 года за кандидатуру премьера проголосовало конституционное большинство депутатов Государственной Думы. И поэтому сейчас затевать разговор о необходимости формирования правительства большинства, не исчерпав заложенные в Конституции возможности воздействия на президента, на правительство, просто, на мой взгляд, политический авантюризм.

Вот если бы возникла ситуация, не дай Бог, политического и конституционного кризиса, правительственно-парламентского кризиса из-за того, что либо постоянные вотумы недоверия правительству голосуются, либо досрочные выборы Государственной Думы из-за отсутствия согласия между ветвями власти часто проводятся, вот тогда, я думаю, уместно было бы, пользуясь тем, что Закон "О порядке внесения поправок в Конституцию" принят, начинать процедуру создания правового поля для формирования такого рода правительства.

Конечно, возможны варианты и политического решения, когда, даже при отсутствии конституционных возможностей создания такого правительства, оно может быть сформировано на основе согласия основных участников политического процесса, среди коих должны находиться не только оппозиционные депутаты, даже если они являются председателями палат, но и президент, и правительство. Такое возможно опять-таки в случае устойчивого кризиса власти. Никаких признаков, никаких причин, чтобы сейчас вдруг, засучив рукава, начинать формировать такого рода правительство, я не вижу.

Другое дело, что каждый раз правительство должно в максимальной степени соответствовать, приближаться по крайней мере к тем критериям поддержки, политической поддержки в парламенте, которое позволит ему проводить необходимые законы. Вот это необходимо. Каким способом правительство этого будет добиваться: вводя коммунистов в состав правительства, идя на компромисс по существу законопроектов? Либо проводя определенную политику старым составом — это уже дело политической тактики.

Я думаю, что и президент, и правительство не все ресурсы, не все резервы в рамках такой политической тактики исчерпали. Так что, думаю, с этим можно подождать. ИТАР-ТАСС.

Насколько мне известно, вчера члены фракции НДР принимали участие в заседании руководства "Газпрома". Если это так, то почему? Чем это объясняется и что они там делали? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Наша фракция регулярно проводит встречи с министрами, с руководителями крупных компаний, государственных прежде всего, и в рамках этого плана мы посетили вчера "Газпром", имели встречу с правлением РАО "Газпром", с председателем правления Рэмом Ивановичем Вяхиревым. Мы обсудили широкий круг вопросов, которые интересовали депутатов, не буду скрывать, что многих депутатов интересовали вполне практические вопросы, связанные с газификацией их регионов, конкретных населенных пунктов. РАО "Газпром" интересовал вопрос, как Государственная Дума видит судьбу этой корпорации, крупнейшей российской корпорации, не собирается ли она принимать специальный закон, который бы позволил вывести вопрос о судьбе "Газпрома" из-под действия политической конъюнктуры. Мы такого рода вопросы относим к числу вопросов нормального взаимодействия депутатов с правительством, или с крупнейшими капитанами, или генералами бизнеса. Мы и впредь будем такую работу проводить. Не буду скрывать и тот факт, что РАО "Газпром" для нас — люди не чужие, но главное в другом — мы считаем, что от самочувствия РАО "Газпром" зависит во многом судьба экономики России. Поэтому мы намерены взаимодействовать очень тесно, сейчас переключимся на РАО "ЕЭС России". Я думаю, что в контексте тех перемен, которые там следует ожидать, после акционерного собрания в начале апреля, нашей фракции будет уместно повстречаться с руководством корпорации РАО "ЕЭС". Так что это нормальная работа, которую мы вели и будем вести.

СОВЕТ ЕВРОПЫ И РОССИЯ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. 20 МАРТА 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Только что российская делегация, главой которой я являюсь, вернулась из Парижа, где проходило заседание Бюро Парламентской ассамблеи Совета Европы.

На заседании Бюро обычно формируется повестка дня очередного пленарного заседания, которое состоится 20 апреля. И задача российской делегации состояла, в частности, в том, чтобы поставить вопрос о грубом нарушении прав человека в Латвии в связи с известными событиями третьего марта.

Надо сказать, что наша постановка вопроса вызвала понимание. Сейчас открыта процедура по мониторингу выполнения Латвией своих обязательств, которые она взяла на себя при вступлении в Совет Европы. Работа будет вестись, наверное, не одну неделю. По плану она должна выйти на доклад, который эта группа по мониторингу подготовит, скорее всего, к лету, к июньской сессии. Но тем не менее озабоченность российской стороны, факты, которые были представлены, включая факт фактического лишения паспортов более чем 600 тысяч жителей Латвии, — все это принято к рассмотрению.

Кроме того, Бюро Ассамблеи рекомендовало комитету руководителей политических групп, а это один из основных органов Парламентской ассамблеи, в который входят лидеры фракций для решения наиболее сложных вопросов, рассмотреть эту конфликтную ситуацию. Надо отдать должное лидерам большинства фракций и групп, они хотели бы найти компромиссы между Россией и Латвией, не допуская таких механизмов, как введение санкций. Вы знаете, что и российская сторона не для того поднимает эти вопросы, чтобы блокаду Латвии объявить, а прежде всего для того, чтобы в максимальной степени продвинуть вопрос о правах человека и правах русскоязычного населения.

Тем более что на заседании Парламентской ассамблеи будут рассматриваться такие вопросы — они рассматривались на Бюро и на политическом комитете, — как права национальных меньшинств. Мы вынуждены рассматривать этот вопрос и через призму положения россиян как национального меньшинства в Латвии, хотя 1/3 населения — это очень весомое меньшинство.

Кроме того, обсуждался вопрос о положении в Косово. Совет Европы активно участвует в урегулировании этого вопроса. В частности, на прошлой неделе делегация Парламентской ассамблеи во главе с председателем Лени Фишер и руководителями политических групп побывала в Белграде, имела встречи на всех возможных уровнях. Позиция Совета Европы, Парламентской ассамблеи очень схожа с позицией российских властей, российского правительства.

Необходимо обеспечить большую автономию Косово. Даже мы договорились не использовать термин "автономия", поскольку он более многозначен, нежели термин "самоуправление". Договорились в основных резолюциях использовать термин "самоуправление" для албанской общины в Косово, имея в виду участие Парламентской ассамблеи Совета Европы в проработке конкретных вариантов предоставления схемы самоуправления.

При этом констатировалось, что и албанская сторона, я имею в виду албанскую общину в Косово, умерила бы свой радикализм.

Очень важно сейчас добиться прежде всего единства взглядов в рамках контактной группы, единства взглядов между различными структурами, которые заняты урегулированием этого конфликта. До таких мер, как введение санкций против Сербии, на этом заседании Бюро не дошло. В то же время хотел бы отметить такое обстоятельство, как готовность большинства делегаций и готовность руководства Парламентской ассамблеи Совета Европы и самого Совета Европы рассмотреть заявку Югославии на вступление в Совет Европы.

Во время недавнего визита делегации ПАСЕ в Белград была высказана готовность югославской стороны подать такую заявку. Я напомним, что Югославия по правопреемству может претендовать на участие в Совете Европы в качестве

специально приглашенного гостя. Этому мандата ее лишили после известных событий, но сейчас она ставит вопрос даже не восстановления статуса специально приглашенного гостя, а о вступлении в Совет Европы. Большинство участников заседания сочли, что это хорошая формула. В процессе процедуры вступления Югославии можно будет начать обсуждение конкретных механизмов политического урегулирования косовской проблемы и урегулирования целого ряда других вопросов.

Заслушано было выступление Ивана Петровича Рыбкина в качестве главы переговорной делегации по Чечне. Состоялось достаточно интересное и достаточно спокойное обсуждение этого вопроса, где основной проблемой называлась проблема контроля за политической и правовой ситуацией в Чечне. В частности, один из основных вопросов, задававшихся Ивану Петровичу, в какой степени Россия может гарантировать соблюдение стандартов Совета Европы, которые Россия на себя берет, применительно к Чечне, будь то смертная казнь или введение шариатских судов? То есть вопросы задавались как бы по существу, без чрезмерной политизации. Это означает, что очередной раз Совет Европы демонстрирует свою готовность активно включаться не в плане осуждения или выдачи общих рекомендаций, а в плане поиска совместных с Россией вариантов решения чеченских проблем.

Надо сказать, что косовская и чеченская проблемы перекликались на этих заседаниях, поскольку механизмы урегулирования косовского кризиса — это механизмы предоставления широких прав по самоуправлению в рамках Югославской Федерации либо асимметричные построения должны быть, а это представляет интерес и для России. Здесь важен еще и механизм типового решения в этих сложных политических вопросах.

Давайте на этом я вступление закончу. Возможно, ваши вопросы будут касаться не только Совета Европы.

ВОПРОС.

В какой стадии находится согласование по пакетному соглашению, в том числе по уполномоченному по правам человека? И второй вопрос. Зюганов на пресс-конференции сказал, что его фракция поддержит, скорее всего, представление Генпрокуратуры о лишении Жириновского неприкосновенности. Какова позиция вашей фракции?

ШОХИН А.Н. Что касается пакетного соглашения, то все фракции, включая фракцию КПРФ, подтвердили необходимость восстановления позиции "Нашего дома — Россия" применительно к Комитету по обороне. В равной степени подтверждена необходимость увязки пакетным принципам и вопроса о председателе Комитета по бюджету. В этот пакет, как я вам и намекал некоторое время назад, включен вопрос и об уполномоченном по правам человека и найдена компромиссная формула, в соответствии с которой будет внесена поправка в закон, и должности заместителей уполномоченного становятся законными. В этой же поправке будет установлено, что заместители рекрутируются из политических сил, представленных в Государственной Думе. Я не думаю, что будет семь заместителей, думаю, что речь идет о представительстве основных партийных фракций на должности уполномоченного и его заместителей. Если эта поправка проходит сразу в трех чтениях, тут же на этом заседании можно приступить к избранию уполномоченного, в основном имея в виду формальную основу для возможного принятия решения, именно то, что один из кандидатов набрал наибольшее число голосов. И компромисс надо начинать выстраивать применительно к этой фигуре. Это, не буду скрывать, Олег Орестович Миронов.

Возвращаясь к первому вопросу, к Совету Европы, хочу добавить, что тот мониторинг, который осуществлялся по России (доклад был подготовлен в декабре) в качестве одного из основных пунктов, с которым российская сторона не согласна, имеет как раз отношение к уполномоченному. Дело в том, что один из авторов доклада немец Бендер указывает, что надо функцию по защите прав граждан передать от прокуратуры уполномоченному по правам человека. Возражения и прокуратуры, да и многих депутатов состоят в том, что институт уполномоченного не в состоянии выполнить эту функцию в полном объеме. В частности, прокуратура предоставляет возможность бесплатной защиты интересов граждан в случае нарушения их законных прав, а решения уполномоченного не обладают, скажем, уровнем решения Конституционного Суда или Верховного Суда.

В законе четко написано, что институт уполномоченного дополняет те институты

защиты прав человека, которые уже существуют в обществе. Нам здесь нужно явно найти компромисс, и он мог бы выражаться в том, что уполномоченный по правам человека, не обладая возможностью принимать судебные решения, мог бы отслеживать в том числе и деятельность прокуратуры, других институтов власти, правоохранительных органов по защите прав человека. И в тех случаях, когда наблюдается конфликт интересов у той же прокуратуры, которая, скажем, задерживает человека, начиная следствие, и не дает ему возможности немедленно обратиться к судье по этому вопросу или к услугам адвоката, - вот здесь институт уполномоченного должен четко разводить противоречивые функции прокуратуры — ведения следствия и защиты прав подследственного, которые ему гарантированы законом. Так что здесь можно найти, видимо, развязки, но в любом случае превращение уполномоченного в структуру частично судебного типа могло бы повысить ее эффективность.

Несмотря на то что можно было бы и вопрос об уполномоченном автономно рассматривать, мы считаем, что он тесно увязан в пакетное соглашение по одной простой причине. Фракция НДР может гарантировать свою позицию по этому вопросу, когда он будет обсуждаться, включая персональное назначение. Фракция КПРФ не может гарантировать нам того, что она единогласно проголосует, скажем, за снятие Рохлина и за назначение того кандидата, которого мы представим. Почему? Не потому, что они нас обманут, потому что у них нет единства по этому вопросу. И нам бы хотелось поэтому вопрос о председателе Комитета по обороне и о восстановлении пакетного принципа в целом решить до обсуждения вопроса об уполномоченном.

Сейчас складывается парадоксальная ситуация, когда Геннадий Андреевич Зюганов, я неоднократно с ним беседовал на эту тему, соглашаясь с тем, что вопрос практически решен, не дает "отмашки" на то, чтобы его поставить в повестку дня пленарного заседания. Мы сегодня на фракции обсуждали утром этот вопрос и приняли решение. Если в апреле этот вопрос не будет решен, то мы вынуждены будем перейти к более решительным действиям, вплоть до бойкотирования пленарных заседаний Государственной Думы. Как показывает опыт, механизм этот достаточно эффективен.

Стоило господину Жириновскому при обсуждении бюджета в четвертом чтении покинуть зал, как тот же Геннадий Андреевич Зюганов подходил ко мне с просьбой утихомирить Жириновского и вернуть его в зал и выполнить те обещания, которые правительство давало этой фракции. Стоило фракции "ЯБЛОКО" покинуть заседание Государственной Думы в ожидании ответа от Генерального прокурора по случаю возбуждения дела против Жириновского в связи с его хулиганскими действиями, как последовал позитивный ответ от Генпрокуратуры, и фракция вернулась. Хотя, честно говоря, этот способ не очень демократичный, поскольку это шантаж Государственной Думы и коллег, но как показывают эти примеры, результаты налицо. Я не исключаю, что те задержки, которые происходят, так или иначе связаны с событиями 9 апреля. Я не имею в виду 60-летие Виктора Степановича Черномырдина, а имею в виду акцию протеста, которую наметили коммунисты и их союзники. Им выходить на эту акцию и отчитываться целой серией достигнутых компромиссов с властями, будь то голосование по бюджету или увольнение Рохлина, не с руки. Поэтому я не исключаю, что заматывание вопроса имеет основу именно это обстоятельство. Давайте мы помитингуем сначала, обвиним антинародное правительство и оккупационный режим, а затем будем договариваться. С политической точки зрения это понятно, конечно, но делать Думу заложницей политических конъюнктурных событий, безусловно, нельзя. Я считаю, что дело чести для фракции КПРФ ранее достигнутую договоренность реализовать немедленно.

Что касается иска, предъявленного Жириновскому. Наша фракция будет, я думаю, голосовать за лишение его депутатского иммунитета. Действительно, мы превращаемся в посмешище, действительно, мы становимся заложниками хулиганских действий одного лица при поддержке соратников. Владимиру Вольфовичу легко не только сорвать заседание, уйдя из здания пленарных заседаний палаты. Это было бы полбеда, это право каждой фракции так или иначе реагировать на обсуждение того или иного вопроса. Но самозахват спикерского места, полив водой коллег и нетрадиционный полив словесной бранью, который уже мы воспринимаем спокойно из уст Владимира Жириновского, — это уже что-то из ряда вон выходящее. Я думаю, что вполне мы можем лишить Владимира

Вольфовича иммунитета. И это было бы заботой о чести и достоинстве не только депутатов, но и парламента в целом.

Но вы заметили, что угроза лишения иммунитета уже повлияла на Жириновского, он стал активно участвовать в конструктивном обсуждении конкретных вопросов, с тем чтобы ослабить настойчивость депутатов, которые должны из этого сделать вывод, что если в календаре нет признаков магнитных бурь, если нет полнолуния, то значит все будет в порядке. Можно, конечно, компромисса достичь и здесь. В частности, в дни магнитных бурь и лунных затмений и полнолуний можно договариваться о лишении Жириновского слова или о недопуске его в зал. Если он на эту форму согласится, то можно было бы не возбуждать уголовное дело.

Я внес, как известно, проект поправок к Регламенту о переходе на пластиковые бутылки и напитки, не пачкающие одежду депутатов, это тоже своего рода способ борьбы с выходками, подобными той, которая недавно имела место в пленарном зале, в случае, если Владимира Вольфовича не привлекут к ответственности.

Конечно, не обязательно исправлять Регламент. Вполне возможно в рабочем порядке руководителю Аппарата Государственной Думы перевести нас на менее опасные формы взаимодействия. Но, правда, за этим могут последовать и другие ограничения — отсутствие твердых и тяжелых предметов в карманах и так далее. Это бесконечно, наверно. Поэтому мы хотели бы на этом примере показать, что друг друга надо уважать и парламент надо уважать. И так много оснований для наших избирателей, для людей парламента не во всем доверять, а такого рода события просто подрывают доверие не к конкретному депутатскому корпусу, а к институту законодательной власти, и ближайшие выборы могут как раз подтвердить это.

ВОПРОС.

Вопрос о проблемах реституции в России. Будет ли возвращена корова, будет ли возвращен магазин, будет ли возвращен завод и так далее, которые были отобраны в 17-м году?

ШОХИН А.Н. Я могу лишь сообщить, что в той форме, которая существует, скажем, в балтийских или пентральноевропейских странах, реституции в России не будет. И надеяться на то, что вам корову вернут после того, как она откинула копыта, вряд ли можно рассчитывать. А вот рога и копыта получить — это, наверно, можно.

Если говорить о реституции, там много аспектов, решаемых на основе компромисса. В частности, мы заинтересованы, естественно, в возврате церковной собственности в том же Иерусалиме, и недавно газеты опубликовали перечень объектов, спорных объектов, которые могли бы отойти России. Их не так много, но ими надо заниматься. Единственное осложнение — нам могут быть выставлены взаимные претензии и придется решать на основе поиска разумного компромисса.

Но давайте возьмем пресловутый Закон "О реституции культурных ценностей", по поводу которого сейчас идет разбирательство в Конституционном Суде.

Я считаю, что в принципе было бы, наверно, правильным уже сейчас, до окончательного решения этого вопроса в суде, предложить компромиссные формулы, которые могли бы успокоить и российскую сторону, и, скажем, германскую сторону, которая в наибольшей степени заинтересована в реституции культурных ценностей, а именно создать совместный двусторонний российско-германский фонд культурных ценностей при сохранении права собственности России и построить две экспозиционные площадки: в России и в Германии — два музея, которые могли бы по очереди или одновременно экспонировать по 50 процентов соответствующих коллекций, с тем чтобы нереституированные ценности, большая часть которых у нас в запасниках хранится, стали достоянием граждан Европы.

Эту схему я еще год назад обсуждал с руководством Дойчебанка. Они готовы были даже подключиться, что называется, трудовой своей маркой к реализации этого проекта. Я в свое время написал записку Президенту Ельцину накануне его встречи с канцлером Г. Колем в Баден-Бадене. Но эта идея не получила развития, хотя, я думаю, она могла бы снять многие вопросы. Фонд под управлением двух стран при том, что право собственности не меняется, дал бы возможность доступа всех граждан к тем ценностям, которые сейчас томятся в запасниках, подвалах и даже физически портятся.

Известно, что многие произведения искусства, когда на них не смотрят, погибают. "РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Александр Николаевич, у меня два вопроса. Первый. Как вы оцениваете эффективность работы Думы в марте?

И второй. Как вы оцениваете степень этой политической напряженности в отношениях Думы и президента, какую роль в этом вопросе играет отчет правительства?

ШОХИН А.Н. Скандалы, безусловно, сформировали устойчивое отношение к Думе как некоему балагану, где не столько законы принимаются, сколько либо выясняются отношения, либо демонстрируются некие намерения в достаточно экзотических формах и способах. Хотя если посмотреть на принятые законы, то оказывается, что не сильно отличаются последний месяц, последняя неделя работы от средних думских показателей. Принимались вполне достойные законы. В частности, тот же Закон "О бюджете" все-таки был принят, несмотря на несколько истерик со стороны Жириновского.

Мне кажется, что основная опасность для Думы состоит в использовании ее не столько для этих выходов как площадки балаганного театра, а сколько в увязке с конъюнктурными политическими вопросами. Сегодня это, например, явное желание фракции КПрФ рассмотреть вопрос об отчете правительства до 31-го числа. Вы знаете, почему 31-е число возникло? Девятого апреля акция протеста — это значит надо рассмотреть отчет правительства хотя бы за неделю до этой даты, чтобы иметь возможность распространить соответствующие листовки, что правительству выставлена очередная оценка "неудовлетворительно". Других оценок Дума по отчету не дает. Это уже сложившийся стереотип такой "неуд." в случае отчета. Стало быть, вот эта неудовлетворительная оценка должна быть мягким вотумом недоверия, с которым фракция КПрФ и НПСР идут на митинги и демонстрации.

Второго апреля нельзя было провести это заседание по той причине, что второго все руководство страны отъезжает в Минск на двустороннее заседание Союза России и Беларуси. Переносить еще на неделю — это значит совместить фактически сами события 9-го числа, акции протеста, с обсуждением вопроса о правительстве, что не позволяет дискуссии в Думе использовать для разжигания митинговых страстей. Отсюда возникли перенос на 31-е число и идея проведения внеочередного заседания.

Если посмотреть по существу, то работа коммунистов лишь в одном, что мы, когда обсуждали бюджет в первом чтении, договорились, что в феврале правительство отчитается по итогам 1997 года. Но мы рассчитывали, что бюджет будет принят до начала финансового года. Из-за задержки принятия бюджета мы сейчас стоим в конце первого квартала. И было бы правильно посмотреть итоги 1997 года не сами по себе, а в увязке с динамикой первого квартала. Кроме того, нас должны интересовать не сами итоги, но и меры правительства по преодолению последствий мирового финансового кризиса. Нам хорошо было бы посмотреть проект программы по экономии государственных расходов, которая в мае должна быть представлена в Думу. Нам хорошо было бы заслушать Министерство финансов, которое завершает подготовку трехлетнего среднесрочного бюджета. В мае должны быть представлены бюджетное послание президента и концепция бюджета на 1999 год. В середине апреля будет обсуждаться Налоговый кодекс в первом чтении. Это все те вопросы, где необходимо взаимодействие Думы и правительства. И речь идет не просто о выставлении "неуд." правительству, как это всегда делается при такого-рода обсуждениях, а речь идет о том, чтобы сделать эту встречу частично отчетной, но в большей даже степени направленной на выстраивание конструктивных отношений Думы и правительства, то даже 10-е число — рано. Но уж по крайней мере до 10-го числа можно: а) получить соответствующие материалы из правительства, б) дать возможность профильным комитетам, на основе анализа этих материалов, подготовить проект постановления. И после этого пригласить правительство для обсуждения не только итогов работы, не только для вынесения вердикта левой оппозиции, но прежде всего для того, чтобы посмотреть, что можно сделать и в части законодательного обеспечения реформ, и в части решения даже тех вопросов, которые записаны в Законе "О бюджете" и в постановлениях о принятии бюджета.

Очень большой объем, большая широкая и неутоптанная еще площадка для взаимодействия Думы и правительства. И то торопыжничество, на котором настаивает фракция КПрФ, лишний раз подчеркивает, что не это нужно левой оппозиции. Им нужно лишь использовать сам повод отчета правительства. Последует за этим вотум недоверия, сбор подписей или нет — не знаю, но "неуд."

будет точно.

Не исключено, что такого рода отчет спровоцирует депутатов и на сбор подписей. Может быть, фракция КПРФ захочет употребить тот же прием, который она использовала в октябре, когда сбор подписей начался. В этом процессе недельный цикл, как вы помните, то есть заседание по вотуму недоверия проходит при наличии как минимум 90 подписей, это 20 процентов депутатов Думы, и при том, что оно созывается как внеочередное через неделю после фиксации наличия этих подписей.

Очень легко выйти на соответствующую дату с вотумом недоверия и очередной раз простить правительству его недоработки и отпустить с миром. Хотя здесь уже начали обсуждаться и другие варианты. В случае вынесения вотума недоверия президент может запустить схему, связанную с роспуском Государственной Думы на основе конституционного права отставлять правительство и представлять три раза кандидатуру премьера. Понятно, что в этой схеме кандидатуры премьера должны быть неприемлемы левому большинству, либо Дума их должна принять с третьей попытки, что поставит ее в унижительное положение.

Но тем не менее теоретически такая возможность есть. Но здесь надо помнить еще об одной особенности нашего президента, которая сохраняется до сих пор, несмотря на операцию, болезни и так далее. Он работает по технологии пружины. Чем больше оппозиция сжимает эту пружину, тем больше шансов, что рано или поздно она разожмет. Поэтому здесь, я думаю, оппозиция хотела бы сохранить грань, когда можно и невинность соблюсти, и капитал приобрести. Но удастся ли в очередной раз это сделать — неизвестно.

Многие говорят о том, что предстоящий пленум ЦК, который планировался на апрель, но сейчас вроде бы переполз на май, имеет судьбоносное значение для руководства КПРФ, поскольку на нем может быть предпринята, несмотря на внешнее заявление о единстве рядов, попытка перераспределить посты, обвинить Геннадия Андреевича Зюганова во всех смертных грехах. Количество оппонентов его достаточно велико. Это и Макашов, и Астраханкина, и Илюхин, и так далее. И борьба за власть является реальностью в этой партии.

Так что мотивы могут быть разные, но, еще раз подчеркну, вряд ли президент позволит использовать себя в качестве пешки в этих играх оппозиции. Как бы здесь жертва, так сказать, не была напрасной со стороны оппозиции, я имею в виду жертву правительства.

СМИРНОВ. РИА "НОВОСТИ".

Я хочу вернуться к событиям в Латвии. Скажите, пожалуйста, на ваш взгляд, все-таки то, что произошло, — это была случайность либо это заранее спланированная провокационная акция, за которой стоят солидные политические силы? И в этой связи, как вы думаете, все-таки Совет Европы сумеет повлиять на прибалтийские страны в отношении прав человека?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что Совет Европы сумеет повлиять на позицию балтийских государств. В частности, сейчас наблюдается подвижка со стороны Эстонии, которая, получив приглашение вступить в Европейский Союз в числе первых пяти новых кандидатов, заинтересована, чтобы ей "проскочить" в первой пятерке, и они постепенно, на мой взгляд, должны, исходя из этих требований (правда, не Совета Европы, а Европейского Союза), менять законодательство и не допускать обвинений, причем не только со стороны соседей, но и в рамках международных организаций, что ущемлены существенные фундаментальные права человека, скажем, граждан нетитульной национальности.

В равной степени это может повлиять и на Латвию. На мой взгляд, даже если эта акция была спланирована (обвиняют в этом и российскую сторону, и латвийскую сторону), то события третьего числа были не самыми худшими из всех возможных (не убили никого, череп не проломили никому). Но если одновременно все латвийские власти нашли бы мужество извиниться и признать неправомочность действий, пусть даже самых низших чиновников и непосредственных исполнителей, я думаю, раскрутки конфликта, безусловно, не было бы. Когда мы очередной раз поставили бы вопрос о правах человека в Латвии, о социально-экономических правах, о политических правах, связанных со скоростью натурализации, наличием паспортов и так далее, это было бы достаточным основанием для активизации процесса мониторинга, осуществляемого Советом Европы. Но латвийские власти закусили удила (то эсэсовцы маршируют, то упорство доходит до того, что даже не признается право граждан на отстаивание, в том числе

публичное, своих прав). Это, я думаю, не лучший способ выхода из затруднительного положения. Постепенно, в том числе с использованием посреднических функций Совета Европы, мы сумеем добиться все-таки и реального продвижения в правах человека, в удовлетворении прав человека для русскоязычного населения, пенсионеров прежде всего.

Нашу озабоченность разделяют в Совете Европы. Проблема прав некоренного населения для Совета Европы в Латвии является очень чувствительной проблемой, потому что нет ни в одном государстве Европы такого большого контингента, в 30 процентов населения, которое бы не обладало этими правами. Даже в тех странах, где очень большие отряды гастарбайтеров — иностранной рабочей силы, и то там натурализация идет гораздо более быстрыми темпами. А применительно к пенсионерам, не претендующим на занятие государственных должностей или избрание в сейм Латвии или в органы местного самоуправления, должна быть, безусловно, упрощенная процедура натурализации. Для молодых людей, вступающих в жизнь, конечно, соблюдение требований к знанию языка, истории и культуры — это естественные требования. Но в то же время и здесь не должно быть дискриминации, связанной с происхождением, местом рождения родителей и так далее, и так далее.

Постепенно, кстати, латвийское законодательство отказалось от самых одиозных формулировок и статей соответствующих законов, но еще резервов очень много. И я думаю, что, как говорится, нет худа без добра, все-таки эти события, какими бы печальными они ни были, должны подтолкнуть латвийское руководство и не только по причине наших демаршей, но и потому, что Совет Европы, другие международные структуры, в частности Комиссия ООН по правам человека, тоже занимаются этим вопросом, подталкивая Латвию к выходу на международно признанные стандарты в области прав человека, прав национальных меньшинств. Я думаю, что в ближайшие месяцы мы не только продемонстрируем свою позицию, но и добьемся реальных результатов. В этом смысл. Я не считаю, что нам важно сейчас лишь фиксировать свой патриотизм и заботу об этнических россиянах за рубежом, важно реально улучшить их положение. Вот на это должны быть направлены все меры. Я думаю, здесь у нас должно получиться.

ВОПРОС.

Планируется ли на апрель рассмотрение Закона "О моратории на исполнение смертного приговора"?

ШОХИН А.Н. На последних заседаниях, включая январскую сессию ПАСЕ, заседания политического комитета, постоянного комитета и Бюро Ассамблеи, рассматривался в основном вопрос применительно к ситуации с исполнением приговоров осужденных к смертной казни на Украине. Объяснения украинской стороны были признаны достаточными. Из режима секретности исполнение приговоров выведено, все данные, начиная с 1995 года, Украина представляет. Вводится фактический мораторий на исполнение приговоров (хотя, естественно, и применительно к России, и применительно к Украине Совет Европы настаивает на введении моратория де-юре, а не только де-факто).

Но тем не менее тот факт, что наша информация о неисполнении приговоров на основе решения президента подтверждается (здесь мы открыты для Совета Европы), пока удовлетворяет Совет Европы, хотя нам пора, видимо, выходить на узаконение этой процедуры. Но, кстати, в докладе Мюллемана и Биндига по соблюдению Россией обязательств, взятых на себя в процессе вступления в Совет Европы, обсуждается много конкретных вещей. В частности, необходимость сокращения статей Уголовного кодекса, связанных со смертной казнью. Вы помните, что новый Уголовный кодекс сократил с 20 до 5 статей основания для применения высшей меры наказания. Наши докладчики от Совета Европы по России рекомендуют уменьшить этот список как минимум вдвое, сократив число оснований для смертной казни, из чего можно сделать вывод, что они готовы согласиться с поэтапным движением в этом направлении. Вы знаете, что общественное мнение России довольно скептически относится к отмене смертной казни. И кроме того, отсутствуют возможности для исполнения пожизненных приговоров суда — просто физически отсутствуют. Вы знаете, что у нас заключенные содержатся в невыносимых условиях. И кстати, многие считают, что пожизненное заключение в таких условиях гораздо хуже смертной казни. Было признано генеральным секретарем Совета Европы Даниэлем Таршисом, что ратификация ряда конвенций и протоколов к ним накладывает дополнительные

финансовые обязательства на страны и не так просто их выполнить. Пример — передача пенитенциарной системы из ведения МВД в ведение Минюста, который не ведет следственных действий, наверняка будет жестко соблюдать те нормы, которые рекомендует Совет Европы по метрам на одного содержащегося в этой системе и так далее. Иначе Минюст просто будет отказываться принимать в лоно своих исправительных учреждений, учреждений по исполнению наказания, те контингенты, которых может поставить МВД, исходя из своих планов работ или фактического состояния преступности.

Это те реальные ограничения, которые возникают в любой стране, и есть понимание у Совета Европы, что России не так просто будет выполнить эти обязательства, исходя из этих ограничений. Поэтому некий переходный период здесь мы можем себе, если угодно, выторговать.

Нам надо четко определить траекторию выхода на эти требования, в том числе путем введения поэтапных корректировок в наше законодательство. В частности, некоторые требования Совета Европы, я думаю, вряд ли следует принимать. Докладчики Совета Европы восприняли точку зрения Приставкина по поводу того, что схема, при которой вводится мораторий на исполнение смертной казни и в равной степени помилование, вводится только в случае наличия соответствующего обращения к президенту, а это является ущемлением прав человека. Это далеко не так, поскольку у нас отказ от апелляции к президенту о помиловании оформляется соответствующим актом при участии прокурора. А может быть, через некоторое время представители уполномоченного по правам человека будут участвовать в этой процедуре. То есть осужденный знает о своих правах и он письменно отказывается от помилования, от апелляции о помиловании. Так что здесь можно по ряду положений доклада, по соблюдению Россией своих обязательств, взятых на себя при вступлении в Совет Европы, поспорить, что-то мы можем отвоевать (по функциям прокуратуры, по помилованию). Хотя в принципе, действительно, нужно идти к тому, чтобы де-юре оформить по крайней мере мораторий на смертную казнь. Постепенно через поэтапное сокращение статей, являющихся основанием для смертного приговора, придем и к отмене этой меры наказания. Но очень важно, чтобы здесь совпадали два процесса: выход на эти гуманные принципы и сокращение преступности.

ПРАВО СТАТЬ КАНДИДАТОМ В ПРЕЗИДЕНТЫ НАДО ЗАРАБОТАТЬ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
1 АПРЕЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья!

Я хотел бы проинформировать вас о том, что фракция "Наш дом -Россия" вчера на своем заседании, впервые собравшись после недели работы в округах после известных событий — 23 марта, приняла заявление, связанное с отставкой Виктора Степановича Черномырдина с поста премьера и отставкой правительства.

Не могу сказать, что наша фракция считает эти меры оправданными. Мы за то, чтобы ускорить реформы, придать им новый импульс. Но можно было бы этот новый импульс реформам придать за счет реорганизации правительства, за счет предоставления премьеру мандата на формирование однородного черномырдинского правительства. Тогда была бы возможность через некоторое время (скажем, полгода) с возложением полной ответственности на премьера спросить за ситуацию в стране.

В последнее время довольно много внимания было уделено реализации схем сдержек и противовесов. Постоянно в правительстве Черномырдина кто-то его

уравновешивал: то это был Олег Сосковец, то это был Анатолий Чубайс, то Анатолий Чубайс и Борис Немцов — вдвоем. Последние события связаны, видимо, с тем, что Борис Николаевич сам решил уравновесить Виктора Степановича. Нынешняя отставка правительства - это прежде всего, конечно, отставка премьера, поскольку принятый и подписанный президентом Федеральный конституционный закон "О правительстве" не допускает отдельную отставку премьера. В случае ухода премьера уходит в отставку и правительство.

В связи с тем, что Виктор Степанович не только перешел на политработу, но и объявил о своем решении баллотироваться в 2000 году на пост президента, мы не считаем сейчас необходимым концентрировать внимание общественности, граждан на причинах отставки, на том, что было. Очень важно выстроить ближайшие два года таким образом, чтобы в 2000 году единый кандидат центристских конструктивных сил был избран президентом. Именно в этом контексте мы рассматриваем и процесс формирования нового правительства.

В этой связи, действительно, очень важно, чтобы реформы получили новый импульс, чтобы кандидат на пост премьера, представленный президентом, подтвердил преемственность курса, подтвердил готовность решать те проблемы, которые были намечены правительством, в том числе в его среднесрочной программе, одобренной не так давно (месяц с небольшим назад) на расширенном заседании правительства. И очень важно, чтобы правительство, четко выделив приоритеты, выработало механизмы, которые позволили бы более эффективно работать кабинету. В этой связи, конечно, очень важно, чтобы процесс формирования правительства не превратился в торг, который делает это правительство неработоспособным, нельзя идти на поклон всем фракциям и обещать им реализовать их предложения, обещать ввести их людей в правительство. Это значит сделать правительство неэффективным. Кстати, безусловно, сама возможность участвовать в формировании правительства через дачу согласия на утверждение кандидатуры премьера — это тот шлюз, который позволяет оппозиционным волнам хлынуть на президента и на само правительство. Кстати, многие считали, что любые изменения в составе правительства В.С. Черномырдина возможны, но только сам он должен оставаться на месте, в том числе по тому, чтобы не давать оппозиции возможность влияния на процесс формирования программы действий правительства и его персональный состав.

Тем не менее, поскольку сейчас буквально на финальной стадии находится процесс обсуждения кандидатуры на пост премьера, на мой взгляд, очень важно найти такие способы завершения консультаций, которые бы позволили в самые короткие сроки сформировать правительство. Пауза здесь неуместна, и отсутствие правительства или наличие временного правительства может усугубить социально-экономическую ситуацию. А кроме того, есть целый комплекс проблем, которые и раньше были обозначены и не только самим правительством и президентом, но и самой жизнью. Среди них такие, как усугубление ситуации в связи с падением мировых цен на нефть и газ, с мировым финансовым кризисом, да и с экономическим кризисом в целом ряде стран. Все это резко снижает спрос на сырьевые и энергетические ресурсы, экспортером которых является Россия. И поэтому здесь, конечно, увлекаться политическими дебатами не следовало бы. Чересчур много текущих экономических проблем.

Вы знаете, что сегодня Государственная Дума приняла за основу проект постановления с обращением к президенту провести "круглый стол". А на период проведения консультаций в рамках "круглого стола" отозвать кандидатуру Сергея Кириенко, представленную на пост председателя правительства.

Наша фракция считает, что такого рода консультации необходимы. Но форма консультации не обязательно должна быть формой "круглого стола". В той форме, в которой президент сочтет возможным эти консультации провести, они и должны быть проведены. "Круглый стол", "четверка", встреча с лидерами фракций отдельно, с руководством Совета Федерации отдельно или иная композиция — это в общем выбор президента. Нет никакой конституционной нормы, принуждающей президента к проведению консультаций, а есть желание, выраженное практически всеми фракциями, провести эти консультации.

Наша фракция не голосовала за проект постановления, поскольку мы считаем, что в нем как минимум три пункта, которые явно мешают обозначить главную цель этого постановления. Если эти три пункта будут сняты, мы проголосуем за постановление в целом.

Но поскольку надежды здесь большой нет, что наши коллеги согласятся с нашими предложениями, фракция направила уже письмо Президенту Ельцину с предложением провести консультации в удобной и приемлемой для него форме до решения вопроса, то бишь до голосования по кандидатуре председателя правительства.

Я считаю, что более сдержанная формула обращения Думы может быть более эффективной. Так, ваши вопросы.

АНПИЛОВ. ГАЗЕТА "МОЛНИЯ".

Уважаемый господин Шохин!

По данным Госкомстата Российской Федерации, с 1990 по 1997 год падение валового внутреннего продукта составило 40,6 процента. Вы сейчас говорите о новом импульсе реформ. Утвердят Кириенко, изберут Черномырдина. А вы можете сказать, насколько еще упадет внутренний валовой продукт России? Какова социальная цена новому импульсу реформ, господин Шохин?

ШОХИН А.Н. Не все помнят, что вы журналист. Больше знают вас как митингового трибуна.

Да, действительно, падение производства даже с 1989 года, а не с 1990 было очень значительным. При советской власти три года падали очень стремительно. Действительно, фактические темпы спада намного превзошли те ожидания, которые были в представлениях самых радикальных реформаторов.

Но я отмечу, что, начиная с прошлого года, ситуация выправляется. Мы вышли сначала на понятие нулевого экономического роста. И по итогам прошлого года после запятой замаячили некие цифры — четыре десятых процента. Эта ситуация имела место и в начале этого года. Но я считаю, что мы чересчур залихватски прокомментировали события ноября-декабря прошлого года и января этого года, когда явно сказались последствия мирового финансового кризиса и на динамике валового внутреннего продукта, и на динамике всей экономики в целом. Понятно, что рост процентных ставок, рост доходности ГКО не могут не оказать угнетающего воздействия на темпы роста.

Это новый фактор. Действительно, сейчас мы должны принимать во внимание не только внутренние обстоятельства, но каналы воздействия мирового кризиса — экономического, финансового — на ситуацию в российской экономике.

Очень важно создать систему встроенных стабилизаторов, которые бы не позволяли этим негативным явлениям в мировой экономике быстро и негативно сказываться на нашей ситуации. Хотя понятно, что здесь нужны и чрезвычайные меры, которые не закладываются ни в бюджет, ни в прогнозы. В частности, нужна экстраординарная поддержка нашего нефтяного сектора, и эта поддержка может быть осуществлена в виде послабления некоторых налоговых режимов.

Так что прогноз делать не так просто. Любое нормальное правительство не обрушит ситуацию, если будет очень грамотно выбирать те акценты, те приоритеты, на которых нужно сконцентрироваться.

Те программные заявления, которые собирается сделать Сергей Кириенко в пятницу, позволят нам судить, насколько он правильно выбирает эти акценты, приоритеты. И, конечно, нам хотелось бы хотя бы в минимальной степени иметь представление о той команде, которая будет реализовывать эти программные установки, поскольку сейчас можно написать самую умную привлекательную программу, хорошо ее озвучить. Но ее реализуемость во многом будет зависеть от того, насколько сильная команда и насколько она будет командой, не возникнет ли опять система сдержек и противовесов, которая сделает правительство не очень эффективным.

ИТАР-ТАСС.

Если можно, два вопроса.

Первый. Какова сейчас ситуация во фракции и в движении? Некоторые руководители оппозиции предрекают массовые бегства из рядов НДР. Начинается оно или нет?

И второй вопрос. Если можно, ваш краткий прогноз относительно того, что же все-таки будет с прохождением кандидатуры Кириенко в Государственной Думе.

ШОХИН А.Н. Что касается ситуации во фракции и в движении, то никаких заметных телодвижений ни один из видных деятелей фракции или движения не предпринимал в последнее время. Может быть, исключение составляет известное интервью 23-го числа губернатора Саратовской области, но он уже исправился и прислал телеграмму, в которой горячо поддерживает идею выдвижения Виктора

Степановича на пост президента и готов активно работать в рамках НДР.

Бывает, что в газетах появляются публикации, в которых явно просматривается желание, чтобы у нас были расколы, пять или шесть группировок, что кто-то из лидеров выжидает, прячется в кустах и так далее.

Я смею вас уверить, что ни за одной из этих публикаций ничего серьезного не стоит, кроме одного, желания породить сомнения в эффективности нашей политической организации.

Да, нам многое предстоит сделать. Да, наши структуры, в частности исполком, в силу того, что им руководит руководитель аппарата правительства, представляет собой нечто похожее на политический департамент аппарата правительства. Нам придется очень много здесь менять, обновлять руководство, но это не будет расколом. Это будет обновлением движения, превращением движения в реальную политическую силу.

Поэтому если вы будете наблюдать некоторые кадровые замены, то прежде всего это будет связано с тем, что нам надо перестроить ряды в контексте тех задач, которые мы сами себе поставили. Первая задача — в рамках коалиции центристских демократических сил взять большинство на парламентских выборах — простое большинство. Нам не столь существенно, будет ли это НДР либо более широкая коалиция, существенно то, что мы не можем допустить, чтобы это большинство взяла левая оппозиция.

И вторая задача — президентские выборы. Важно, чтобы единый кандидат оказался следующим президентом России, чтобы обеспечить преемственность, предсказуемость политики центра внутри страны и предсказуемость поведения России в мире.

О прогнозах по Кириенко. Во многом исход будет связан, на мой взгляд, с формой голосования. Вы знаете, что голосование тайное, но в тайном голосовании есть две серии: кабинки и безымянные карточки. Многие депутаты не верят, что безымянные карточки такие уж безымянные, полагая, что электронная система может отследить, с какого места шло голосование. И поэтому если будет избрано голосование через кабинки, то результат будет более благоприятный для Сергея Кириенко. Более благоприятным он будет и в случае, если президент реализует ту или иную форму консультаций.

Будет ли это голосование с первой, второй или третьей попытки, во многом зависит именно от того, будут ли запущены такие технологии, как технология тайного голосования или политическая технология консультаций. Здесь очень важен вопрос, насколько серьезной для тех же коммунистов левой оппозиции является акция протеста 9 апреля. Если они вкладывают в эту акцию большой смысл, скорее всего, им захочется, чтобы на эту дату правительство было временным. Тогда можно и прошлое правительство критиковать, и президента критиковать за то, что он оставил страну без правительства. Это, действительно, для левых дополнительные козыри.

Если для них более существенным является то, чтобы их президент выслушал, пообещал еще раз, может быть, собрать после утверждения премьера для обсуждения структуры правительства, некоторых кадровых назначений, то, сохранив лицо, они пойдут на такого рода диалог, вполне возможно, что и с первой попытки можно даже провести премьера. Но, будучи реалистом, я считаю, что более вероятно, что этот процесс утверждения премьера затянется. Но тем не менее - мой прогноз — роспуска Думы не будет и правительство будет уже в апреле.

ВОПРОС.

Александр Николаевич! Возвращаясь к теме решений президента, которые были приняты 23 марта, не могли бы вы пояснить, чьей конкретно президентской кампанией должен был бы заниматься Виктор Степанович Черномырдин? Потому что только спустя несколько дней, как всем нам известно, он объявил о своем решении принять участие в президентских выборах. Спасибо.

ШОХИН А.Н. Вы знаете, что заниматься президентской кампанией, будучи руководителем штаба неизвестно какого кандидата, невозможно. Поэтому было с самого начала понятно, что если предложение президента серьезно, то либо он имел в виду, что Виктор Степанович сам будет баллотироваться на президентский пост, либо должна быть названа фамилия этого кандидата. Поскольку другие фамилии не назывались, стало быть, Виктор Степанович сделал правильный вывод, заявив о своем намерении баллотироваться. И, я думаю, это правильно. Не может человек заниматься политической деятельностью, возглавлять политическую партию,

движение, фактически возглавлять фракцию (а мы все последние заседания фракции проводили с участием Виктора Степановича Черномырдина) и не думать о своей политической перспективе. И обсуждение вопроса: надо ли ему быть депутатом или нет — привело пока к отрицательному ответу. В.С. Черномырдин решил, что не стоит становиться одним из 450 депутатов, даже если он станет лидером фракции, а надо, работая вне Думы, формировать ту самую коалицию центристских прогрессивных, конструктивных сил. Так что эти обстоятельства позволяют ему сейчас не просто из-за обиды, как это иногда трактуется, из-за обиды на президента, в пику ему выдвинуть себя. Это серьезное решение. Серьезное решение для него самого. Это мощный импульс для нашего движения, поскольку до сих пор мы, в отличие от всех движений и политических партий, не выдвигали из своих рядов своего лидера кандидатом в президенты: ни в 1996 году, несмотря на то что многие из моих коллег по движению подталкивали Виктора Степановича, ни позже, когда он был председателем правительства. Его настойчиво журналисты спрашивали, будет он баллотироваться или нет? Он никогда себе не позволял давать положительного ответа. Но сейчас впервые лидер нашего движения объявил о намерениях заниматься политикой всерьез, о намерениях баллотироваться в президенты.

Я думаю, что реакция президента будет достаточно обтекаемой. В общем-то, нам как движению не нужно, чтобы на каждом углу говорили, что Черномырдин — преемник Ельцина. В равной степени, конечно, не хотелось бы, чтобы нам перекрывали кислород. Но я думаю, что Президент Ельцин, делая обтекаемые комментарии по поводу того, что Черномырдин принял решение сам, не договаривает, какое же качество он видит в этом политике — качество кандидата в президенты либо лидера кампании по выборам президента. Я думаю, что эта неопределенность позволила достаточно активно Виктору Черномырдину работать на политической площадке. Очень важно, какие результаты мы покажем на ближайших парламентских выборах. Если наше движение сможет стать ядром здравомыслящего большинства в Государственной Думе, безусловно, вопрос 2000 года будет выглядеть по-другому.

ИСПАНСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО.

Президент дал понять, что он сам не будет кандидатом на выборах, но тогда как вы объясните отставку Черномырдина? Вы думаете, что, действительно, президент не будет кандидатом или, может быть, да? Если да, если он будет кандидатом, тогда Черномырдин может конкурировать с Ельциным? Если неизвестно, какие сценарии у вас есть?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, есть еще один вопрос, ответ на который отсутствует, а именно имеет ли легальные, законные основания Президент Ельцин выдвигаться на очередной срок? Каким сроком является срок с 1996 по 2000 год? Вторым или первым? Здесь очень много толкований.

В Конституции написано, что одно и то же лицо не может занимать пост президента более двух сроков подряд. Конституционный срок четыре года. А Президент Ельцин к 2000 году будет находиться в офисе президента 9 лет, или чуть меньше, если иметь в виду, что самостоятельной Россия стала в декабре 1991 года. Есть толкования и другие - Борис Ельцин был избран в другой стране. Это была РСФСР — республика в составе Советского Союза, и, стало быть, первый срок ему не засчитан. Но, если первый срок не засчитан, как быть с президентством Ельцина после провозглашения независимости и суверенитета России? Что это за период с 25 декабря 1991 года до июля 1996 года? Тут возникает настолько много проблем, что, я думаю, прав Конституционный Суд, когда торопит все эти проблемы немедленно вынести на обсуждение. Но я думаю, дожидаться, когда на все эти вопросы будут даны ответы, нельзя.

Если политическая пауза возникнет, то это будет не просто пауза, не только перерыв, но это будет отрицательная динамика и для нашего движения, и для нашего лидера. Только наращивая политические мускулы, только участвуя в значимых для страны политических кампаниях, будь то не только федеральные выборы, но и региональные выборы, участвуя в процессах кристаллизации коалиции здравомыслящих конструктивных сил, можно доказывать свое право на избрание президентом. Окончательно это право будет доказано во время парламентских выборов. Но только в реальной политической работе, а не в абстрактных дискуссиях можно заявлять свои претензии.

Сейчас заявлены намерения, намерения движения и намерения лидера. Очень

важно, чтобы это не осталось только заявленным публично намерением. Очень важно, чтобы все политические силы заметили наращивание, как я уже сказал, политических мускулов нашего движения.

УСЛОВИЯ ПОДДЕРЖКИ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
8 АПРЕЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Естественно, что после вчерашнего "круглого стола" и перед предстоящим в пятницу голосованием по кандидатуре председателя правительства основное внимание уделено сейчас вопросу прохождения кандидатуры, предложенной Президентом России, на пост председателя правительства.

Вчерашний "круглый стол", как это явствует из комментариев всех его участников — вчерашних и сегодняшних, — был полезным обменом мнениями. Не предполагалось с самого начала и этого не случилось, что по итогам будет принято общее решение. Хотя напомним, что по итогам первого "круглого стола" в декабре, когда обсуждался Земельный кодекс, были приняты некоторые рекомендации "круглого стола", включающие, в частности, необходимость доработки этого документа. И после именно такой рекомендации "круглого стола" сенаторы, рассматривая вопрос о преодолении вето президента, его не преодолели, тем самым открыв дорогу реализации идеи "круглого стола" продолжить работу над Земельным кодексом. На этот раз никаких такого рода рекомендаций не принималось, хотя президент во вступительном и в заключительном слове, комментируя выступления большинства участников "круглого стола", предлагал поддержать инициативу президента и одобрить представленную кандидатуру.

По логике политической жизни (это было очевидно еще две недели назад, после неожиданной отставки правительства Черномырдина) было ясно, что с первого раза кандидатура, предложенная президентом, вряд ли пройдет. И многие ждали несколько дней, какая же кандидатура будет предложена Президентом России? После того как была предложена кандидатура Сергея Кириенко, стало очевидно, что первое голосование будет пробой сил и демонстрацией исходных позиций.

Сейчас можно говорить, что члены фракции НПСР (это фракция КПрФ и две депутатские группы — аграрии и "Народовластие") при условии, что голосование будет тайным, через кабинки, могут либо не взять бюллетени, либо сдать их в другое место, нежели это положено по Регламенту, то есть сумеют не опустить их в урны для голосования. Таким же образом может поступить и фракция "ЯБЛОКО". Понятно, что тайное голосование, через кабинки, при котором каждый член фракции отчитывается неопущенным бюллетенем перед своими партийными и фракционными начальниками, — лучший способ контроля за партийной дисциплиной, за принятыми решениями по солидарному голосованию.

В равной степени в этом направлении мог бы действовать и порядок открытого, поименного голосования. Но он по таким вопросам запрещен Регламентом. Сегодня некоторые депутаты, правда, предлагали изменить Регламент и допустить открытое поименное голосование по кандидатуре премьера. Вряд ли мы за один день Регламент изменим, тем более в день голосования. Поэтому нужно исходить, видимо, из того, что будет тайное голосование, через кабинки, которое дает возможность максимального контроля лидерам фракций проверить, насколько адекватно рядовые члены выполняют партийные решения.

При таком подходе сразу можно минусовать где-то 250 человек. И очевидно, что при таком минусе представленная кандидатура не проходит. Тем более, если иметь в виду, что даже при максимальной заполняемости зала пленарных заседаний все равно больше 80 процентов не набирается, 75—80 процентов — максимум того, что даже в критические политические дни может собрать зал пленарных заседаний. И стало быть, даже если оставшаяся часть голосует 100-процентно, ее надо тоже сократить на 25—30 процентов.

Вот вам примерная оценка тех голосов, которые может получить соискатель должности председателя правительства по итогам первого голосования — это максимум 140—150 голосов.

Президент четко и однозначно заявил, что он предложит кандидатуру Сергея

Кириенко во второй раз, если Дума в пятницу 10-го числа отклонит эту кандидатуру. Ожидается, что это внесение состоится в ту же пятницу 10-го числа, и, стало быть, 17-го числа будет второе голосование. Будет оно удачным или нет для соискателя этой должности, это, видимо, предмет дополнительных политических консультаций и переговоров, оценки возможностей каждой политической силы идти на досрочные выборы, хотя, понятно, для досрочных выборов нужно третье голосование как минимум.

Я не исключаю, что в этот период появится запрос в Конституционный Суд о толковании 111-й статьи Конституции. Вы помните, конечно, я думаю, Геннадий Андреевич Зюганов вам уже, наверное, заявил, что в Конституции множественное число употреблено: после трехкратного представления кандидатур на пост председателя правительства и их отклонения Государственной Думой президент распускает Думу, назначает премьера и объявляет досрочные выборы.

Вот это множественное число дает основание группе депутатов (фракции КПРФ прежде всего) подать запрос в Конституционный Суд - не должен ли президент представить разные кандидатуры, как минимум две кандидатуры, на этот пост. Понятно, что процедура рассмотрения запросов в Конституционный Суд достаточно длительная. И в рамках тех конституционных сроков, которые отводятся на решение вопроса по согласованию кандидатуры премьера, вряд ли Конституционный Суд даст соответствующее разъяснение.

Я не исключаю, что здесь еще одна уловка. Если вдруг Конституционный Суд даст разъяснение, что да, должен президент две кандидатуры представить, а третий раз также будет кандидатура Кириенко и на нее Дума соглашается, то это даст возможность Думе говорить, что правительство нелегитимно, неконституционно. Хотя я думаю, что это попытка втянуть в этот вопрос массу дополнительных обстоятельств, напрямую к делу не относящихся.

Насколько Дума готова к самороспуску? Наиболее активно эту тему развивает Геннадий Андреевич Зюганов, говоря, что фракция КПРФ и левые депутатские объединения в наибольшей степени готовы к выборам. Кстати, логика подсказывает, что если три раза голосование состоится в апреле и будет третье голосование отрицательным для кандидатуры президента, то выборы состоятся в конце июля. А это очень неудачный месяц для выборов, поскольку наиболее активная часть избирателей находится за пределами территорий, где их родные избирательные участки расположены, и не всегда это можно скомпенсировать даже открытием избирательных участков на побережье Средиземного моря, в Турции, Греции, Испании и прочих местах отдыха российских трудящихся.

Даже выезд на дачи, удаленные дачные участки и то меняют ситуацию.

Вы вспомните, какие меры пришлось предпринимать в рамках второго тура президентских выборов в июле 1996 года, когда перенос дня голосования был связан с тем, что в разгар лета люди проводят выходные на своих дачных участках. Поэтому коммунисты довольно активно демонстрируют свою готовность к выборам и свои намерения получить здесь дополнительные преимущества по сравнению с нынешней ситуацией.

Наша фракция считает, что выборы для НДР не самый худший вариант развития политических событий, поскольку другой центристской, правоцентристской партии, в общем-то, не создать в короткое время, и региональные лидеры, да и федеральная власть вынуждены будут опираться на НДР как на консолидирующую силу. Тем не менее мы не считаем целесообразным досрочный роспуск Думы, поскольку чересчур большой пакет, портфель законопроектов сейчас у нас есть, и эти законы, действительно, очень необходимы стране. Достаточно сказать о Бюджетном кодексе, Налоговом кодексе и целом ряде других законов, которые в апреле должны рассматриваться.

Поэтому нужно искать компромисс и договариваться. Причем компромисс — это двусторонний процесс, дорога с двусторонним движением. Мы свою позицию определили вчера на заседании "круглого стола". Я сформулировал те условия, которые позволят фракции НДР голосовать за предложенную кандидатуру. Я просил бы внимательнее отнестись к моим собственным словам, а не к толкованиям, в том числе из уст некоторых членов временного правительства, об этих условиях. Мы не настаиваем, чтобы в правительстве уже сейчас были заявлены представители НДР на ключевых постах. Это не есть условие голосования по кандидатуре председателя правительства.

Мы готовы голосовать за кандидатуру при условии достаточной определенности,

ясности позиций кандидата на пост премьера по отношению к предшествующему кабинету. В частности, нам хотелось бы, чтобы была заявлена преемственность в отношении базовых принципов экономической политики, преемственность в отношении тех нерешенных проблем, которые достались в наследство новому правительству, с тем чтобы не было такой передышки на несколько месяцев, когда новое правительство будет выведено из-под критики за проблемы, не решенные старым правительством: это и неплатежи, и бюджетный кризис, и низкая собираемость налогов. Говорить, что нужно 100 дней, 500 дней или год для того, чтобы разобраться и навести порядок, новое правительство, на мой взгляд, не имеет права. Оно должно, засучив рукава, решать те проблемы, которые сейчас перед страной существуют. И уже в ближайшее время отчитываться об их решении.

Кроме того, мы считаем, что новое правительство, коль скоро основное его предназначение — более эффективно и энергично проводить реформы в стране, — должно знать на уровне технологий, инструментария, как эти проблемы решаются. Стало быть, в программе претендента на должность премьера не только должны быть заявлены темы и обозначены проблемы, но и дано представление о достаточно профессионально продвинутых механизмах, инструментах решения этих проблем. Некоторые из этих механизмов я называл за "круглым столом" и предлагал даже соискателем ими воспользоваться как подарком нашей фракции.

И наконец, мы считаем, что без четкого представления о команде, которая будет реализовывать эту программу, правительству очень трудно сделать окончательный выбор. По крайней мере многие члены нашей фракции настаивают на этом, причем еще раз подчеркну, речь не идет о том, чтобы были названы фамилии представителей фракции НДР, а речь идет о том, чтобы просто были названы фамилии тех, с кем хочет работать Сергей Кириенко.

Я попросил вчера Бориса Николаевича дать Сергею Кириенко такую возможность, и несмотря на то что конституционное право за президентом назначать вице-премьеров и министров, но тем не менее дать ему право назвать свои предпочтения по кадровому составу. Тогда мы будем действовать по принципу: друг твоего друга, будем определяться и по некоторым особенностям премьера, которые в силу известных причин не всем известны в Государственной Думе да и обществу в целом.

Вот, по сути, три условия, которые были сформулированы. Как вы видите, в них не входит обязательное участие на ключевых постах наших представителей, хотя, я подчеркну, отношение к правительству, будущему правительству после голосования будет во многом зависеть именно от этого. Если наши люди будут на ключевых постах и не только будут отвечать за результаты деятельности правительства, но будут иметь право выработать политику правительства, мы можем считать себя — фракцию НДР и движение НДР — одной из политических опорных точек нового правительства. Если нет, если наше участие будет отсутствовать либо будет символическим, мы будем работать в рамках схемы критической солидарности, то есть позитивно или негативно оценивать каждое действие правительства в зависимости от того, насколько полно они отвечали интересам России и нашим представлениям об интересах России.

Как видите, это несколько отличается от трактовки, данной Борисом Немцовым, когда он сказал, что НДР будет голосовать, если ключевые посты займут представители НДР. Таких ультиматумов мы не ставим, более того, я считаю, что если сейчас навязывать кандидату в премьеры тех или иных министров, исходя из политической комбинации, исходя из критериев проходимости через Думу его кандидатуры, то правительство окажется неработоспособным.

Мы имели уже дело с такого рода схемами.

Я убежден, что многие проблемы правительства Черномырдина были связаны с навязыванием ему ключевых персон кабинета. И в итоге трудно было определить, почему же пробуксовывают те или иные реформы, почему не всегда принимаются эффективные решения. Я думаю, во многом они были связаны с тем, что команды, единой правительственной черномырдинской команды не было. Многие министры и ключевые вице-премьеры приходили в правительство для того, чтобы использовать это как трамплин для реализации более амбициозных планов, включая выборы 2000 года. Кто-то хотел сразу показать сокрушительные позитивные сдвиги и, может быть, даже занять кресло премьера. Все это было, все это освещалось в прессе. Но, стиснув зубы, все молчали либо выдавали информацию, что правительство — единая команда. Теперь мы знаем, что это не совсем так.

Я не хотел бы, чтобы повторилась эта история, и не намерен от имени фракции выдвигать ультиматумы соискателю в премьеры, что вот если не будет Иванова, Петрова, Сидорова, то мы не проголосуем. Пусть он сам скажет, что нужно для реализации той программы, которая заявляется? Какие люди, какого типа профессионалы? Чтобы мы видели, есть ли гарантия того, что эти люди нового либо из старого кабинета придадут новый импульс реформам, решат те проблемы, которые долгие годы не решались правительством.

Это, на мой взгляд, разумный критерий и единственный здесь минус для соискателя — боязнь того, что если он засветит некоторые фамилии, то некоторые фракции начнут голосовать против, имея в виду не только кандидатуру самого премьера, но и его кадровые предпочтения.

Но в то же время, наверное, нелогично (я об этом уже говорил, в том числе в личных встречах с Сергеем Кириенко) отмалчиваться либо говорить, что это формирование кабинета — прерогатива президента.

После утверждения кандидатуры об этом можно говорить, одновременно предлагая всем фракциям давать списки соискателей министерских постов и одновременно фактически вести работу по формированию кабинета. Она ведется. И те публикации, которые появились в последнее время, и информация, которой я располагаю, говорят, что реально кандидатуры в Белом доме обсуждаются. Значит, предпочтения есть. Значит, надо их не бояться назвать и объяснить, почему именно эти люди придадут тот самый импульс, которого не хватало предыдущему правительству и из-за отсутствия которого оно, как нам объясняют, ушло в отставку.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы прокомментировать программные тезисы выступления Кириенко, которые были розданы за "круглым столом". Насколько это соответствует взглядам фракции?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, особенность этих тезисов в том, что они являются тезисами человека, который собирается сделать доклад и который не привык пользоваться письменным текстом. То есть довольно много назывных предложений и обозначенных тем. И очень важно, конечно, как эти темы и заявленные направления деятельности будут раскрыты на более, так сказать, предметном, содержательном уровне во время 40-минутного выступления Сергея Кириенко.

Многое из того, что здесь заявлено, нам довелось услышать, в том числе в рамках встречи Сергея Кириенко с фракцией НДР. Я могу сказать, что в его выступлениях, в его заявках, в программных тезисах нет ничего такого, чтобы было противно нашим убеждениям. Но нам очень важно понять, как эти общие установки, его собственные представления, представления его команды могут быть трансформированы, доведены до уровня технологий: финансовых, экономических и так далее. Поскольку от этого во многом зависит, сумеет правительство решить те задачи, те проблемы, которые заявляет, или нет.

ЖУРНАЛ "РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ - СЕГОДНЯ". Один маленький вопрос. Журнал "Российская Федерация - сегодня" очень хотел бы услышать ваше мнение, Александр Николаевич, по вопросу реституции и действий президента. Будьте добры, хотя бы в двух словах.

ШОХИН А.Н. После того как президент согласился подписать Закон "О правительстве", судьбу запроса в Конституционный Суд можно было предопределить. Уже в декабре было ясно, что Конституционный Суд примет именно это решение. И президент дал основание для этого. Нельзя один закон, который он не подписывал по процедурным основаниям, подписывать, а второй закон, который он не подписал по тем же процедурным основаниям (в зале отсутствовало достаточное количество депутатов), не подписывать. Поэтому этот запрос в Конституционный Суд был обречен на положительное решение в соответствии с пожеланиями депутатов.

Что касается существа вопроса, то оно будет определено, видимо, в результате другого запроса, запроса президента по соответствию этого закона международным нормам и конституционным нормам Российской Федерации. И ответ на него пока трудно предсказать. Но тем не менее я уже продолжаю второй год агитировать за создание совместного Российско-Германского фонда культурных ценностей, не подлежащих реституции: организовать попеременную экспозицию в России и Германии, чтобы все то, что сейчас находится в запасниках и подвалах и к чему нет доступа у россиян, российских граждан, чтобы все это стало достоянием людей, не

только россиян, но и европейцев. Это сделать несложно. Я даже провел предварительные переговоры с крупнейшими немецкими банками, они готовы вложиться для строительства экспозиционных площадей в Москве и где-то в Германии, чтобы Фонд культурных ценностей, о котором идет спор, оставаясь в собственности России, стал достоянием двух народов и всего мира. Я думаю, это лучший вариант выхода по существу из этого положения.

Что касается правовых особенностей дополнительного запроса. Я думаю, что здесь возможны различные варианты, но тем не менее я думаю, если мы решим проблему по существу, меньше будет накал страстей, а по существу ее решить лучше таким образом — сохранить собственность России, но дать возможность и немцам, и другим гражданам узнать, что это за ценности.

ЛОББИЗМ ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ И НЕ ОЧЕНЬ.

(СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
НА СЕМИНАРЕ В "ПРЕЗИДЕНТ-ОТЕЛЕ" ПО ПРОБЛЕМАМ ЛОББИЗМА
В РОССИИ 16 АПРЕЛЯ 1998 ГОДА)

Мне очень приятно выступать на семинаре в рамках программы "Maski fund", тем более сразу после того, как этот фонд отказал моему сыну в предоставлении гранта на обучение в США по магистерской программе. Это значит, что не все лоббистские технологии еще освоены российскими политиками.

Меня попросили рассказать о балансе интересов и принятии решений в Государственной Думе. Прежде всего я хотел бы сказать, что одна из главных проблем в России — это обеспечение баланса интересов между различными ветвями государственной власти при принятии решений в Думе. Речь идет о балансе интересов между правительством, президентом, Советом Федерации (верхней палатой парламента) и Государственной Думой. Процесс принятия законов в России, как известно, начинается с Государственной Думы. Только в Думе может начаться законодательный процесс в отличие от некоторых парламентов, где верхняя палата, в частности сенат США, может инициировать законы и принимать их, направляя затем в нижнюю палату. У нас законодательный процесс однонаправленный.

Тем не менее существует около 750 субъектов права законодательной инициативы, среди которых все депутаты нижней палаты парламента, все депутаты верхней палаты, сама верхняя палата как орган власти, все законодательные собрания субъектов Федерации, правительство Российской Федерации, Президент Российской Федерации и высшие суды (Верховный, Конституционный, Высший Арбитражный) в пределах своей компетенции.

Все официальные участники законодательного процесса одновременно являются и лоббистами своих интересов. В частности, во всех правительственных учреждениях три года назад были введены должности статс-секретарей по связям с парламентом. Как правило, это первые заместители министров или заместители министров. В большинстве правительственных агентств и ведомств существуют специальные департаменты по связям с парламентом.

При этом надо иметь в виду, что закон может быть внесен правительством в Думу только как коллегиальным органом. То есть ни одно министерство не имеет права вносить законы напрямую в Думу, оно должно их внести в правительство, правительство на своем заседании должно одобрить эти законы, и лишь после этого закон от имени правительства может вноситься в Думу. Тем не менее есть особая разновидность лоббизма, когда министерства и ведомства пытаются сократить этот путь, отстаивая собственные отраслевые и специальные интересы, не надеясь, видимо, на то, что тот или иной законопроект будет поддержан правительством, находят прямые пути выхода в Государственную Думу, в частности, через "родственные" комитеты Государственной Думы.

В нашей Государственной Думе 28 комитетов, из них существенная часть является отраслевыми комитетами. Это Комитет по промышленности, Комитет по аграрной политике, Комитет по связи и информатике, даже есть Комитет по туризму и спорту.

Понятно, что эти комитеты являются своего рода партнерами правительственных учреждений и через них идет лоббирование отраслевых интересов. И, в частности, проекты законов, подготавливаемые в министерствах, могут передаваться соответствующим комитетам, с тем чтобы депутаты якобы по собственной инициативе вносили в парламент. Это один из вариантов теневого лоббирования. Здесь возникает проблема, скорее, в контексте отношений между отраслевыми интересами и интересами правительства в целом, которые не всегда совпадают.

Правительству приходится, в частности, балансировать интересы различных отраслевых министерств и ведомств. Каждое министерство пытается лоббировать через парламент, через тот или иной закон, который, как правило, называется "О государственной поддержке", а далее следует название той или иной отрасли (аэрокосмического комплекса, сельского хозяйства) или групп (детей, молодежи) и так далее. Каждое направление деятельности правительства лоббируется через такой отраслевой механизм. Правительство борется с этим. В частности, в апреле четыре статс-секретаря получили строгий выговор. Этот выговор объявил Сергей Кириенко, тогда еще исполняющий обязанности премьер-министра. Но я знаю, что готовились все эти решения еще в марте предыдущим премьером за то, что при обсуждении законопроектов в парламенте эти статс-секретари явно забыли про интересы правительства в целом и лоббировали отраслевые интересы, требуя больше денег на свою отрасль.

Вторая проблема, которую я хотел бы осветить, — это проблема лоббирования политических интересов исполнительной власти в целом. Дело в том, что российское правительство, в отличие от большинства правительств мира, не имеет большинства в Государственной Думе как фиксированного институционализированного большинства, поскольку у нас не сложилась еще технология формирования правительства на основе парламентского большинства. Конституция не предполагает, что правительство формируется таким образом и лишь одна кандидатура, кандидатура премьер-министра, проходит через процедуру согласования с парламентом.

Вы недавно наблюдали, как эта процедура осуществляется. В процессе обсуждения кандидатуры премьера не формировалось проправительственное большинство — утверждение кандидатуры премьера исходило из нежелания Государственной Думы идти на досрочные выборы.

В этой связи даже можно говорить о том, что после утверждения Сергея Кириенко премьером у правительства политическая база в парламенте гораздо меньше, чем это было у правительства Черномырдина. У него была своя фракция, которая в известном смысле автоматически голосовала за все предложения правительства, исходя из того, что председателем правительства является лидер движения, и это движение представлено своей фракцией "Наш дом — Россия" в Государственной Думе.

Новое правительство формировалось как технократическое, обязанное лишь президенту. Премьер-министр неоднократно подчеркивал, что он никому не обязан — никаким олигархическим или политическим структурам, обязан только президенту. И сейчас мы наблюдаем интересный новый процесс, когда никто не борется за правительство. Никто с пеной у рта не доказывает необходимость принятия тех законопроектов, на которых настаивает правительство. Даже наша фракция, которая в принципе не имеет никаких идеологических расхождений с правительством, уже гораздо свободнее голосует. Еще раз подчеркну, если раньше голосование было автоматическим за правительственные предложения, то сейчас депутаты оглядываются на ситуацию в стране и на предстоящие выборы, часто выбирают между рациональностью и умеренным популизмом, который неизбежно, чем ближе к выборам, будет все больше и больше влиять на процесс принятия решений.

Конкретный пример. Вчера коммунисты потребовали, чтобы председатель правительства пришел в Думу и рассказал о ситуации с шахтерами, которые бастуют, перекрывают железные дороги. Премьер-министр не обязан приходить в Думу в тот же день. По закону он через неделю должен прийти после вызова. Тем не менее за вызов председателя правительства проголосовало где-то 350 человек. Такого никогда раньше не было. Не было и такого, чтобы, скажем, все фракции дружно преодолевали вето президента. Недавно это случилось по закону о пенсиях. Этот закон был принят некоторое время назад. Президент его отклонил, используя свое право вето. В нем речь шла о долгах государственного бюджета перед

Пенсионным фондом. Честно говоря, правительство хотело, что называется, забыть, замотать эти долги. Закон требовал от правительства, от бюджета вернуть Пенсионному фонду ранее накопившиеся долги. Понятно, что это большая нагрузка на текущий бюджет — долги прошлого года. И если бы у правительства была более широкая политическая база в парламенте, вполне возможно, что вето президента не было бы преодолено. Хотя здравый смысл в этом законе есть — он в том, чтобы вернуть ранее накопленные долги.

Я уверен, что еще два месяца назад наша фракция не голосовала бы за преодоление вето. Закрывает глаза на понятный смысл этого закона и поддержала правительство против своей воли. Сейчас наша фракция голосовала за преодоление вето, голосуя за содержание этого закона и за будущие голоса избирателей.

В этой связи следует подчеркнуть, что новому правительству гораздо сложнее будет держать баланс интересов между различными фракциями в Государственной Думе, поскольку оно с самого начала решило не опираться на те или иные фракции.

Я несколько раз объяснял тогда еще кандидату на пост премьер-министра Сергею Кириенко, что правительство в большей степени нуждается в продвинутых отношениях с несколькими фракциями, по крайней мере с двумя фракциями — "Наш дом — Россия" и "Российские регионы", нежели эти фракции нуждаются в продвижении своих людей в правительство. Но тогда отклика эта идея не получила. Но думаю, чем дальше, тем больше правительство будет понимать, что оно, действительно, нуждается в том, чтобы в этой Государственной Думе появилась широкая группа поддержки.

Как может формироваться эта группа поддержки? Начнут выстраиваться более продвинутые отношения с теми фракциями, с которыми у правительства нет никаких идейных разногласий. Это не обязательно вхождение представителей этих фракций в правительство, но обязательное привлечение депутатов этих фракций к процессу выработки решений на ранней стадии, и в том числе продвижение тех или иных законопроектов через депутатов этих фракций, чтобы они чувствовали свою включенность и ответственность за выработку экономической, внутренней политики и так далее.

Есть и другой вариант, он использовался в первой Государственной Думе в 1995 году, когда исполнительная власть инициировала создание пропрезидентских и проправительственных депутатских объединений. В частности, в 1995 году было создано две дополнительные депутатские группы на базе существующих фракций, которые были расколоты. И здесь лоббистские технологии использовались очень активно и правительством, и президентской администрацией. Эти новые две депутатские группы были машиной для голосования в пользу президента и правительства. Но они были именно машиной голосования и не могли активно работать на президента и правительство, поскольку все подозревали членов этих новых депутатских фракций в том, что они купились на какие-то обещания президентской власти и правительства. Эти две депутатские группы исчезли, не сумев пройти в новую Государственную Думу, и большинство депутатов — членов этих новых пропрезидентской, проправительственной групп исчезли из новой Государственной Думы. Доверие к таким депутатам было низким. Я не исключаю, что сейчас и администрация президента, и правительство попробуют создать какую-то машину для голосования, формируя новую депутатскую группу, пытаясь оттянуть нестойких депутатов из разных ныне существующих депутатских групп и фракций. Но это будет опять та же схема, некоторая машина для голосования в пользу законов, предлагаемых президентом и правительством, и отсутствие активной работы в Думе на интересы правительства и президента. Поэтому я, пользуясь случаем, могу высказать пожелание в адрес президента и правительства — все-таки опереться на существующие идеологически близкие депутатские фракции и начать выстраивать с ними более продвинутые отношения, иначе правительству будет довольно сложно осенью при продвижении базовых законов, таких, как закон о государственном бюджете на 1999 год.

У нас понятие "лоббизм" долго имело отрицательное значение, мы в основном ориентировались на представление о лоббизме как о некоторой системе продвижения интересов крупных американских корпораций в американском конгрессе. И лишь потом многие депутаты, выезжая за границу, узнали, что лобби — это то место в гостинице, где выдают ключи. И опять замешательство: что же такое лоббизм?

А сейчас под лоббизмом понимается система продвижения интересов больших

социальных, профессиональных, отраслевых или региональных групп, которые напрямую не могут проводить свои интересы.

Надо сказать, что у нас базовый элемент продвижения интересов — это избирательная кампания. Мне дважды пришлось участвовать в избирательной кампании по выборам Государственной Думы, и я хорошо помню, что многие крупные российские компании и банки первым делом продвигали своих кандидатов в депутаты в так называемые партийные списки.

Говорят, что некоторые партии, ЛДПР например (лидеры этих партий), просто продавали места в своих партийных списках и продолжают использовать эту технологию при продвижении тех или иных законов. В частности, в Государственной Думе до сих пор идет спор, какую сумму получил Владимир Вольфович Жириновский за третье голосование за кандидатуру премьер-министра и от кого он ее получил. Точных цифр назвать не могу, точных адресов тоже, но все сходится на том, что суммы вполне значительные.

И перед каждым судьбоносным голосованием всегда возникают в Государственной Думе слухи о том, что ходят представители тех или иных структур по кулуарам парламента и предлагают за то или иное голосование те или иные суммы.

Здесь я хотел бы обратить ваше внимание на то, что у нас очень тонкая грань между лоббизмом и коррупцией. И лоббирование интересов тех или иных групп (больших групп профессиональных, отраслевых, институциональных) очень часто переходит за допустимые рамки не только теневого лоббирования, незарегистрированного, неоформленного. Здесь у нас законодательство, связанное с регистрацией и регулированием лоббистской деятельности, еще не завершено, поэтому весь лоббизм как бы теневой, но есть еще и такое содержание у теневого лоббизма, которое перерастает, по сути, в коррупцию.

Есть и мягкие, не осуждаемые общественным мнением формы лоббирования, когда перед выборами та или иная фракция или партия лоббируют интересы финансовых олигархических групп в надежде на внесение средств в избирательные фонды. Мне кажется, что в ближайшее время мы будем наблюдать активность и такого рода. Она обычно фиксируется резким повышением темпа принимаемых законов. И сейчас Государственная Дума принимает довольно много законов по сравнению с другими парламентами, это связано с незавершенностью российского законодательства, с наличием большого числа белых пятен в законодательстве, и поэтому нам приходится принимать гораздо больше законов, чем в других парламентах. Но тем не менее накануне выборов мы будем принимать в два, в три раза больше законов в расчете на депутата и на пленарное заседание. Иногда даже сразу в трех чтениях. И это будет косвенным отражением того, что активизировалась лоббистская деятельность в надежде на привлечение избирательных фондов. Из чисто популистских соображений депутаты будут заискивать перед избирателем, принимая законы, которые должны их представить в более выгодном свете по сравнению с исполнительной властью.

Хотел бы сказать и о том, что поддержание баланса политических интересов в обществе — довольно сложная технология. В основе этой технологии должен быть баланс интересов между президентом, исполнительной властью и парламентом. Кроме того, нужно добавить баланс между федеральной властью и региональными властными элитами. Это особая проблема для России в силу полиэтничного многонационального устройства российского государства, в силу асимметричной системы государственного устройства регионов. И поэтому вопросы, связанные с балансом интересов в самом парламенте, — это лишь частный случай, который отражает всю сложность проблем баланса властей в обществе. Но тем не менее гораздо легче увидеть в этом частном случае все сложные проблемы, которые существуют в обществе и связаны с балансом интересов.

Одна из проблем, которая волнует меня как политического деятеля, заключается в том, чтобы суметь в ближайшие год-два выстроить систему коалиционного поведения, попытаться этот баланс интересов, в том числе при принятии решений в Государственной Думе, выстроить таким образом, чтобы различные разрозненные, но единые по духу политические группы, представленные в парламенте, все-таки находили способы институциональной, формализованной что ли реализации своих интересов таким образом, чтобы это имело и позитивный общественный резонанс. В частности, речь идет о том, чтобы демократическая часть Государственной Думы находила способы солидарного поведения при голосовании по ключевым законопроектам. В этой связи мы сейчас пытаемся выстроить систему мягкой

коалиции между родственными по идеологии депутатскими объединениями. Это прежде всего "Наш дом — Россия" и "Российские регионы". Около 20 независимых депутатов явно тяготеют к той же идеологии.

Если получится, то примерно треть парламента может таким мягким способом сформировать коалиции. Может быть, это будет ситуативная коалиция, которая начнет себя демонстрировать, проявлять только при ключевых голосованиях. Но и это должно позитивным образом сказаться на общественных настроениях в контексте предстоящих выборов в парламент в 1999 году и, самое главное, в контексте предстоящих выборов президента. Такая коалиция в Думе может стать основой политической предвыборной коалиции и выдвинуть единого кандидата в президенты в 2000 году.

ПОРА ЗАДУМАТЬСЯ О ВЫБОРАХ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ "НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.

14 МАЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Начиная с сентября, с участием лидера движения Виктора Степановича Черномырдина мы проводим регулярно, не реже раза в месяц, заседания фракции.

Вчерашнее заседание имело свои оттенки, поскольку это было первое заседание фракции после завершения процесса формирования правительства Российской Федерации. Поэтому, естественно, мы не могли не обсудить такой вопрос, как отношение движения и фракции "Наш дом — Россия" к сформированному правительству. Никаких разногласий у наших депутатов по этому вопросу не было. У лидера движения здесь четкая позиция, ее он ранее заявлял, и с ней солидарны мои коллеги по фракции.

Позиция эта — критическая солидарность, означающая, что мы не берем на себя ответственность за деятельность правительства, поскольку ядро правительства сформировано без нашего участия. В то же время мы не переходим в оппозицию, поскольку многие базовые принципы деятельности правительства совпадают с нашими установками. Мы будем оценивать каждое решение, каждый шаг правительства с позиций соответствия нашим представлениям о том, что нужно делать сейчас в области экономической, социальной, внутренней, внешней политики.

Поэтому правильнее говорить о степени соответствия деятельности правительства нашим убеждениям и нашим программам. При этом не собираемся стоять в стороне в наполеоновской позе, мы готовы предлагать свои программы, свои наработки. Кстати, по многим направлениям у нас такие наработки есть, и подготовлены они не вдруг, не сегодня, мы их вынашивали достаточно долго.

Могу сказать о том, что вчера на заседании фракции критиковался подход правительства к бюджету. Виктор Степанович Черномырдин напомнил, что на протяжении многих лет бюджетная идеология строилась на том, чтобы цифры по доходам были неким ориентиром, на который должны были работать все ведомства — финансовое, доходные ведомства, с тем чтобы путем невероятного напряжения сил выполнять эти плановые бюджетные задания. Новый подход, когда ориентация идет на минимальные параметры бюджета и на пессимистический вариант экономического прогноза, позволяет, конечно, выполнять бюджетные проектировки, но очень серьезно придется урезать расходы, социальные расходы, многие другие расходы без того, что адекватные реформы в соответствующих областях уже осуществлены и дали соответствующие результаты.

По целому ряду других вопросов мы договорились определить свою позицию, она касается и Бюджетного кодекса, и Налогового кодекса. Мы намерены сейчас предупреждающим путем формировать свою позицию, сделать ее достоянием гласности и в рамках работы в Думе, и в рамках взаимоотношений с правительством. Я думаю, это нормальная рабочая конструктивная технология взаимодействия. Никто нас не упрекнет, что мы переходим в оппозицию. В равной степени мы не будем себя называть проправительственной фракцией по статусу, но готовы быть проправительственной в тех или иных вопросах, там, где наши взгляды совпадут,

там, где правительство готово будет взять наши предложения, что называется, на вооружение.

Из вопросов, которые обсуждались на заседании фракции, ключевым был вопрос о подготовке к выборам в Государственную Думу 1999 года, он требует довольно напряженной работы. И поэтому уже в ближайшее время будет сформирован штаб, который объединит активистов фракции, исполкома, других структур движения, и мы начинаем эту работу, имея в виду, что одна из главнейших наших забот — это подбор кандидатов в одномандатных, мажоритарных округах.

Почему такое внимание мы уделяем одномандатным округам? Мы считаем, что той премии, которую получили избирательные объединения, преодолевшие пятипроцентный барьер (а они фактически премированы были стопроцентным увеличением своих мест в парламенте), больше не будет. Более того, руководство движения и фракции считает, что пятипроцентный барьер можно было бы сделать и плавающим, мягким, с тем чтобы в Думу по партийным спискам попали партии и движения, за которые проголосовало как минимум квалифицированное большинство, то есть две трети избирателей. Сейчас, как вы знаете, четыре партийные фракции имеют поддержку пятидесяти процентов избирателей, что не совсем правильно отражает интересы населения, избирателей.

Чтобы сохранить даже нынешнее представительство НДР в Государственной Думе третьего созыва, нужно как можно больше провести одномандатников. Мы считаем, что такая задача нам по плечу, и уже поэтому сейчас нужно вести соответствующую работу. И эту работу мы будем вести не только в рамках поисков собственных кандидатов, но и в рамках коалиционной технологии по недопущению сшибки наших кандидатов и кандидатов других партий и движений, которых можно считать единомышленниками в следующей Государственной Думе. Это один вариант коалиционной технологии, наиболее простой, но мы думаем и о продвинутых коалициях, в частности о формировании на базе правоцентристского движения "Наш дом — Россия" более широкой центристской коалиции. Поэтому не исключены в ближайшее время переговоры, активизация переговоров с нашими потенциальными партнерами как слева, так и справа. Мы считаем, что такую коалицию можно создать.

Если в рамках широкой коалиции мы пойдем на выборы единым избирательным блоком, то сумеем продемонстрировать единство центристских, правоцентристских сил. В этом случае, я думаю, гораздо меньше будет проблем и с выдвижением единого кандидата в президенты. Тогда избирательная кампания в Думу станет частью кампании по выборам президента России.

Решали мы и организационные вопросы. В частности, удовлетворили просьбу Николая Ильича Травкина по выходу из движения, из фракции. Он мотивировал свой выход тем, что не считает правильным опорой "Нашего дома" на губернаторов, и в частности на губернаторов некоторых конкретных регионов. В связи с тем, что он намерен баллотироваться в губернаторы Московской области в 1999 году, то хотел бы иметь статус независимого кандидата либо найти ту политическую силу, которая поддержит его в этом намерении. "Наш дом - Россия" не сумела поддержать это намерение Николая Ильича прежде всего потому, что губернатор Московской области — член политсовета нашего движения. Так что мы поблагодарили Николая Ильича за трехлетнюю работу в нашем движении и сочли, что коль у него есть свой политический жизненный план, мы не можем ему мешать, но помочь в реализации тоже не можем.

Одним из ключевых направлений работы НДР, как это явствовало из выступлений лидера движения, выступлений депутатов — членов нашей фракции, является работа с регионами. Поэтому мы начинаем буквально с ближайших дней, с конца мая — начала июня, активизировать свою региональную политику.

Мы предполагаем, что во главе этих поездок в ключевые регионы будет Черномырдин, и наши депутаты также намерены регулярно выезжать в регионы, с тем чтобы на местах вести работу по формированию коалиций, по оценке электоральных перспектив наших коллег — депутатов, активистов "Нашего дома — Россия", то есть мы всерьез переносим работу, что называется, на места. Это не значит, конечно, что мы ослабим законотворческую деятельность фракции, но поскольку многие законопроекты, что называется, уже раскручены, идут во втором чтении либо подготовлены концептуально, то депутаты имеют возможность совмещать законотворческую работу в Думе с работой в регионах. Кроме того, нам сейчас предстоит увязать более тесным образом работу различных структур нашего

движения. Мы собираемся повысить и экспертно-аналитическую работу. Решено активизировать и работу исполкома. Мы считаем, что сейчас самое главное — показать политический потенциал нашего движения и как можно быстрее отказаться от тех бюрократических технологий, которые в силу известных причин имели место в прошлом. Вот, собственно, круг тех вопросов, который обсуждался вчера на заседании фракции и о которых я хотел вас проинформировать. У нас есть небольшой пресс-релиз, и мы после окончания вам раздадим его, с тем чтобы те, кто не ведет записей, мог бы воспользоваться этим текстом.

Теперь ваши вопросы, пожалуйста.

АРУШАНОВ. ГАЗЕТА "ЗА СССР".

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, протест шахтеров, который начался со времен Гайдара, невыплаты зарплаты врачам, учителям, военным, пенсий и так далее, и недавнее выступление председателя Центробанка Дубинина, где он сказал, что если так еще продлится два года, то наша страна придет к экономическому краху. Как это все понимать? А буквально позавчера я слушал по "Маяку" выступление Виктора Степановича, где он оптимистично говорил, что у нас за эти годы на 3—4 процента выросло промышленное производство. Очень оптимистично! Но одно с другим не сходится! И уже шахтеры идут не в правительство, а к вам идут, к депутатам, в Думу приходят! То есть они перестали верить кому-либо, а вам верят — избранникам народа! Как все это понимать?

ШОХИН А.Н. То, что верят избранникам народа, — это правильно, это легко понять. Народ избирает своих депутатов в надежде, что они через законы будут реализовывать интересы своих избирателей, люди рассматривают Думу, как это и полагается по Конституции, и как представительный орган власти, который должен в публичной полемике, что ли, защищать интересы тех социальных и региональных групп, которые делегировали депутатов представлять их интересы.

Что касается ситуации. Да, действительно, первые два месяца этого года демонстрировали определенный динамизм в экономике — 4 процента по промышленному производству, 1,5 процента по ВВП. Сейчас мы имеем, по-моему, 0,8 — по промышленному производству и по ВВП по итогам четырех месяцев этого года. Конечно, можно ссылаться на накопленные в прошлом ошибки, можно ссылаться на правительственный кризис, который дорого обошелся стране, но, на мой взгляд, следует тщательно анализировать те тенденции, которые, действительно, имеют место (как долгосрочные, так и текущие). В частности, если говорить о финансовой пирамиде, которая была построена на основе государственных краткосрочных облигаций и других государственных ценных бумаг, то, действительно, она имеет некоторое сходство с пирамидальными построениями некоторых наших финансовых "гениев". В частности, было недопустимо, на мой взгляд, в 1995 и в 1996 годах опираться на государственные бумаги как на основной источник покрытия дефицита бюджета в условиях высокой инфляции и в условиях высоких процентных ставок. По моим прикидкам, если ставки выше 30 процентов, просто опасно использовать механизм ГКО, поскольку он превращается в финансовую пирамиду. А вы помните, что ставки были под 200 процентов в 1996 году. Инфляция в 1995 году, когда мы впервые перешли на этот якобы "неинфляционный" механизм покрытия дефицита бюджета, была до 20 процентов в месяц, правда, в среднем она была ниже 10 процентов, но и это много. Чересчур рано, к сожалению, мы запустили этот механизм. Не все было продумано. Я как человек, который в 1994 году был причастен к выработке технологии неэмиссионного покрытия дефицита бюджета, прекрасно помню условия, при которых я лично считал возможным запускать этот механизм (об этих условиях я докладывал на заседании правительства как вице-премьер, отвечающий за финансово-экономический блок). Этими условиями являлись, в частности, низкая инфляция, не выше двух процентов в месяц, предоставление в одном 1995 году всех кредитов, которые могли нам предоставить Международный валютный фонд и Всемирный банк. В частности, мы хотели получить тогда и "Standbuy" SDR — специальные права заимствования, которые Россия как новый член МВФ не получила до сих пор, и кредиты Всемирного банка в большом объеме могли бы получить. Для чего мы такую задачу ставили перед международными финансовыми организациями? С тем чтобы, перейдя на неэмиссионное покрытие дефицита бюджета, осуществив маневр за счет внешних дешевых и длинных заимствований, в течение 1995 года осуществить налоговую реформу. Эти все задачи растянулись на очень долгие годы. Что, я считаю, стало одной из причин достаточно сложного

нынешнего финансового положения в стране. Кто отвечал за финансовые вопросы в те годы, вы знаете. Я считаю, что частая смена руководителей финансового блока — одна из причин нарастания сложностей, не успевают люди войти в курс дела. В частности, у меня полтора года назад вышла книжка "Внешний долг России". Так вот там есть глава "Как не попасть в долговую петлю", глава по управлению внешним долгом. Я посмотрел на выступление Дубинина и министра финансов на недавнем заседании правительства и понял, что все-то уже сказано, ничего нового сказать нельзя. И если бы читали то, что уже написано год-два назад, можно было бы избежать многих проблем. В частности, нельзя делать разницы между внутренним и внешним долгом. С момента присоединения России к 8-й статье Устава МВФ уже разницы никакой нет между внутренним и внешним долгом. Нужно говорить лишь о цене заимствований, об условиях заимствований и так далее. Когда нерезидент покупает ГКО на российском рынке — это внешнее заимствование или внутреннее заимствование? Очень трудно разделить, и это никто в мире не делает. Поэтому речь должна идти об управлении государственным долгом в целом, и динамика государственного долга в целом, действительно, такова, что есть опасность попадания в долговую петлю. Но при грамотной работе, при использовании тонких финансовых долговых инструментов, конверсионных инструментов, выпуске конвертируемых обязательств, розничных бумаг для населения для мобилизации сбережений и так далее многое возможно сделать, в том числе выйти на нулевой вариант по приросту государственного долга, по приросту чистых заимствований. Этот вариант возможен лишь в условиях реализации целого ряда реформ: налоговой реформы и улучшения собираемости налогов на основе расширения налоговой базы, социальных и иных реформ, которые позволят реструктурировать расходную часть бюджета, — это довольно напряженная, тяжелая работа. Год назад, когда эти реформы были заявлены, была надежда, что, действительно, произойдет облегчение бюджетного бремени по содержанию многих бюджетных отраслей. Но сейчас, к сожалению, подход несколько иной. Речь идет лишь об облегчении бюджета через сокращение расходов, но тогда социальные напряженности, безусловно, будут. Подход марта прошлого года был хоть методологически правильным и его надо в принципе выдерживать (реструктуризация расходной части бюджета в результате структурных реформ). Надо не просто реализовывать схему "надо жить по средствам" (я полностью с ней согласен), но при этом жестко ставить задачи по мобилизации доходов и по реформированию системы государственных расходов, а не просто по сокращению расходных статей.

ТВ-ЦЕНТР.

Будьте любезны, расскажите вашу версию сегодняшнего взрыва в синагоге. Кто это сделал, на ваш взгляд, и ради чего это было нужно?

ШОХИН А.Н. Я, кроме утренней информации, ничего не имею, но в принципе согласен с официальной позицией руководства московской синагоги о том, что это сделали фашисты. Я думаю, что это вполне возможно. Вы знаете, что сейчас довольно много у нас проявлений фашизма. Нам, законодателям, следует обратить на это внимание. К сожалению, Государственная Дума несколько раз отвергала законопроект, предложенный депутатами Московской городской Думы по поводу пресечения экстремизма и фашизма. Надо вернуться к этому вопросу, поставленному московскими депутатами, и посмотреть, в какой форме, не нарушая прав политических партий и движений и граждан, поставить препятствия, препоны развитию фашизма в России.

ВОПРОС.

Если можно, два вопроса. Первый — как бы вы могли прокомментировать ряд публикаций, появившихся в последнее время, что НДР переживает кризис и лидер движения, скорее всего, отойдет от него как от неперспективного и будет самостоятельно проводить избирательную кампанию?

И второй вопрос — как вы относитесь к тому, что коммунисты в Красноярском крае фактически поддерживают вашего кандидата и имеет ли, по вашему мнению, он шансы на победу? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Виктор Степанович Черномырдин не намерен дистанцироваться от НДР. Вчера по моей инициативе мы обсуждали такую тему -не нужно ли все-таки Виктору Степановичу прийти в Государственную Думу. Мы с ним полтора месяца обсуждаем эту тему. Вначале он категорически отказывался, чтобы идти в Думу, ссылаясь при этом на следующие аргументы: Дума уже на излете, осталось чуть

больше года работать, во-первых.

Во-вторых, со своим уставом в монастырь не придешь. Я имею в виду, что основные игроки в Думе уже есть и приходиться в нее такому политику, как Виктор Черномырдин, — в некотором смысле ставить себя на одну доску с некоторыми из известных думских политиков, что было бы неправильно. А правильной было бы сформировать Думу, что называется, под Виктора Черномырдина, если хотите, имея в виду, что он во главе широкой коалиции мог бы победить на парламентских выборах, которая могла бы иметь большинство в Государственной Думе. Вот тогда это стоящая задача.

Тем не менее вчера, обсуждая эту тему еще раз, мои коллеги, большинство из выступивших на эту тему, предложили Виктору Степановичу еще раз обдумать. Тем более появился подходящий избирательный округ. До этого не было подходящего округа. Мы считали, что нельзя ему по Чукотке или Горному Алтаю баллотироваться, а неделю назад появился округ в Ямало-Ненецком округе. Крупнейшие мировые запасы газа — его регион. Его освободил Владимир Гоман, как известно. Это было бы в принципе правильно — прийти Виктору Степановичу Черномырдину в Думу, возглавить фракцию "Наш дом — Россия" и вести публичную линию политического поведения. Вы знаете, что тот же апрельский кризис показал, что все лидеры фракций, участвовавшие в обсуждении вопросов, связанных с формированием правительства, набрали очки, накачали политические мускулы, и Виктору Степановичу тоже удалось бы показать себя во всей красе, к которой привыкли депутаты. Я думаю, его выступления бы ждали. Это не просто были бы яркие выступления, но и интересные профессионально, поскольку, оценивая деятельность нового правительства, лидеры фракций в основном занимаются этим при обсуждении таких законов, как бюджет, Налоговый кодекс и так далее. Интересно было бы мнение человека, который пять с лишним лет руководил правительством и знает всю технологию изнутри. Окончательного ответа Виктор Степанович не дал, обещал со мной еще обсудить эту тему. Фракция делегировала мне мандат на завершение этих переговоров. Я думаю, что в ближайшее время мы дадим ответ. Виктор Степанович вначале жестко против был настроен по отношению к лидерству фракцией НДР, а сейчас высказал готовность подумать еще раз над нашими аргументами. Это, я думаю, косвенный ответ на ваш вопрос. Не собирается он дистанцироваться от "Нашего дома".

Но еще раз подчеркну, победа на парламентских выборах 1999 года — это победа широкой коалиции. НДР с партнерами обязан как минимум повторить результат 1995 года и прийти в Думу второй фракцией, увеличив свое представительство в Государственной Думе и количественно, и по процентам, поданным за нее голосов как за избирательные объединения. И кроме того, широкая коалиция здравомыслящих, некоммунистических сил должна в следующей Думе иметь простое большинство. Это, действительно, серьезная задача. НДР обязан как избирательное движение сплотить эту коалицию. Технологии здесь самые разные: это и расширение числа коллективных членов НДР, это и предложения известным политикам баллотироваться при поддержке НДР, это и согласование действий с дружескими партиями и движениями по одномандатным округам, это и формирование неформальной коалиции в нынешней и следующей Государственной Думе для решения ключевых вопросов.

По Красноярскому краю шансы кандидата сейчас 50 на 50. Решение Валерия Зубова сформировать коалиционное правительство, конечно, стало довольно неожиданным для многих, в том числе и для коммунистов. Вы слышали, из уст Геннадия Зюганова и Петра Романова звучат разные оценки этой идеи. Зюганов поддерживает, Романов ничего о ней, оказывается, не слышал. Но я здесь хотел бы подчеркнуть одно обстоятельство. Динамика губернаторских выборов показывает, и в прошлом, и до 96-го года, и после 96-го года, многим легче избираться, критикуя федеральную власть. В частности, Виктор Степанович Черномырдин вчера вспомнил, что многие губернаторы приходили к нему и говорили: "Мы за НДР, но на период выборов будем критиковать и правительство, и НДР, а после победы на выборах опять придем за поддержкой в правительство, и пусть это не рассматривается как отход от правительства или движения НДР". Федеральному центру придется (в этом году лишь несколько случаев — это Красноярск, Дагестан, Башкортостан, Карелия, а основная волна - переизбрание глав субъектов Федерации - придется на 2000 год) сталкиваться с более жесткой позицией и демонстрацией самостоятельности, политической и экономической, субъектов Федерации. Это

плата за демократию.

Что касается шансов, я уже сказал. Валерий Зубов — член политсовета НДР, работал достаточно активно в движении, хотя не могу сказать, что последние шаги Валерий Зубов согласовывал с НДР, но также не могу сказать и того, что НДР активно работает в Красноярском крае по продвижению своего кандидата. Мы оказываем из Москвы поддержку, что называется морально, может быть, это и послужило одной из причин, что Валерий Зубов делает довольно жесткие заявления в отношении федеральной власти. Трудно сказать, увеличатся ли его шансы, но в любом случае результат будет зависеть от избирателей Красноярского края.

Хотел бы пару слов сказать о нашей позиции в некоторых других регионах, в частности по Карелии, там тоже в воскресенье выборы главы республики. Наш кандидат — это бывший мэр Петрозаводска Сергей Леонидович Катанандов. Он обошел действующего главу республики Виктора Степанова на несколько пунктов, на 3 процента, при этом удивительно высокий процент недействительных бюллетеней: максимальная цифра по выборам в субъектах Федерации — около 6 процентов, что не может не свидетельствовать о том, что действующая власть занималась некоторыми манипуляциями. Странно очень выглядел тот факт, что в момент начала подсчета голосов со всеми районами республики из Петрозаводска была прервана связь на 6 часов, что дало возможность "поработать" с бюллетенями избирателей. Кроме того, Степанов использует и недопустимые технологии, пытаясь обвинить Катанандова в связях с мафией и так далее. Я лично это проверял и у Сергея Степашина, и в других правоохранительных органах: никаких данных нет, но действует классическая избирательная технология — чем наглее ложь, тем больше шансов, что в нее поверят. Мы считаем, что есть все шансы у Сергея Катанандова победить на выборах, и тот факт, что в первом туре действующий глава республики проиграл и, наверное, этот проигрыш был больше, чем зафиксировано в официальных данных избирательной комиссии республики, свидетельствует о том, что нет особой поддержки человеку, который себя в начале кампании назвал пассивным коммунистом.

В Башкортостане ситуация довольно сложная для нас. Дело в том, что действующий президент и основной кандидат в президенты на следующий срок — Муртаз Рахимов — член политсовета НДР, но одновременно член фракции НДР Александр Аринин баллотировался на этот срок, хотя ему избирком республики отказал в регистрации, сейчас там идет судебный процесс. Мы в судебное дело, естественно, вмешиваться не будем. Выборы в Башкортостане намечены на июнь, мы надеемся, что до этого судебные разбирательства закончатся. Еще раз подчеркну, что официальным кандидатом НДР является действующий президент, и если возникнут здесь разногласия с нашим коллегой, подобные тем, которые возникли с Травкиным, я тоже не исключаю, что возможен выход Аринина из состава фракции, хотя все это мы прогнозировали еще в сентябре прошлого года. Нам хочется, чтобы нарушений не было при подготовке и проведении избирательных кампаний. Мы готовы подталкивать действующую власть в правильном направлении, содействовать тому, чтобы меньше сепаратизма и больше включенности в федеральную политику было. Думаю, что сумеем в рамках поддержки своего кандидата в Башкортостане реализовать и эту схему. А потом будет большая пауза, в этом году выборов особых не будет, но это не значит, что мы не будем работать в регионах. Мы начинаем регулярную работу в регионах.

"НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО СЕМЬИ".

Александр Николаевич, у меня такой вопрос. Вы идете на выборы в 99-м году. Там будут рассматриваться два вопроса: экономический и социальный. Нас больше всего интересуют социальные проблемы, одна из них — это вопросы государственной семейной политики. У вас есть государственная семейная политика?

ШОХИН А.Н. У нас есть государственная семейная политика как часть нашей программы. Мы считаем, что одной из важных задач на ближайшее время для нас, как для политического движения, является выстраивание, если можно так сказать, женского крыла. У нас есть много прекрасных женщин в составе движения, но нет структуры, которая работала бы на этом направлении, в том числе на направлении государственной семейной политики. Мы поддерживаем сомнение думского Комитета по делам женщин, семьи и молодежи о нецелесообразности растворения при реорганизации кабинета Комитета по делам молодежи в структурах Минтруда. Считаем, что можно было бы соответствующий комитет под Министерством труда

или под Министерством общего и профессионального образования сохранить, чтобы он действовал как юридическое лицо. Так что у нас вполне это направление деятельности рассматривается как серьезное направление нашей политической программы. Хотел бы подчеркнуть, что речь должна идти не только о специальной женской, семейной и молодежной политике, но и о создании общих благоприятных условий для развития семьи и для реализации потенциала молодежи.

Я затронул вопрос по структуре правительства. У нас во фракции есть сомнение по поводу ликвидации структуры, занимающейся вопросами СНГ. Конечно, СНГ переживает кризис, конечно, мы должны признать, что наши партнеры по ближнему зарубежью ничем не отличаются с точки зрения международного статуса от партнеров по дальнему зарубежью, поэтому можно согласиться с предложением ликвидировать даже этот термин "ближнее зарубежье", но тем не менее, если нам не удалось при наличии специального министерства, при наличии вице-преьера, который одновременно курировал межгосударственный экономический комитет, возглавлял даже его, решить те или иные проблемы, почему мы рассчитываем на то, что эти проблемы будут решаться лучше, если ими будет заниматься только исполнительный секретариат СНГ, находящийся в Минске.

Поэтому было бы правильно все-таки эти функции восстановить в форме самостоятельного ведомства, с тем чтобы, может быть, начинив его новым содержанием, больше внимания уделять общению между деловыми сообществами стран — членов СНГ, проникновению взаимных национальных капиталов. Этой работой нужно заниматься, опираясь на какую-то структуру.

До сих пор мне, например, не ясны функции Министерства промышленной политики и торговли. Если изъять промышленные функции, функции структурной политики, инвестиционной политики, бюджета развития из Министерства экономики и сделать из него просто Министерство прогнозирования, то, безусловно, промышленные департаменты, уйдя в Минпромторг, многое потеряют. Почему? Потому что сейчас они под одной крышей, в рамках одного министерства могут решать вопросы доступа к конкурсным инвестиционным схемам, доступа к средствам бюджета развития и так далее. Министр экономики должен отстаивать соответствующие предложения в Минфине, в правительстве, а если это будет в отдельном министерстве, даже для того, чтобы достучаться до Минэкономики, надо будет тратить специальные силы, время и, безусловно, промышленный блок может что-то потерять от этой реорганизации.

Кроме того, есть сомнения, что тот же Госстандарт должен быть в рамках этого министерства. На мой взгляд, правильно было бы создать Министерство экономики, промышленности и торговли, хотя это был бы и монстр, но постепенно его можно было бы сделать органичным ведомством, либо ограничить сейчас функции Министерства по торговле и промышленной политике функциями защиты отечественной промышленности методами тарифного и нетарифного регулирования внутреннего рынка и методами поддержки экспорта. Тогда трансформация МВЭС будет смотреться уместно, тогда и такой высокопрофессиональный переговорщик, как Георгий Габуня, мог бы вычеркнуть приставку "И.О." из названия своей должности. В противном случае нужны какие-то другие варианты и долгое время для притирки.

ВОПРОС.

Прокомментируйте, пожалуйста, решение правительства не финансировать те законы, источники финансирования которых не определены.

ШОХИН А.Н. Вы знаете, это не решение правительства, это проект закона, который правительство вносит на рассмотрение Государственной Думы. Я считаю, что это давно назрело, более того, в Бюджетном кодексе соответствующие статьи предусмотрены — недопущение внесения таких законов, которые не имеют разумных источников финансирования. Эту тему мы обсуждаем по крайней мере, на моей памяти, уже третий год. В 1996 году мы даже выработали такую технологию: если закон не имеет источников в Законе "О федеральном бюджете" либо если вместе с ним не меняется Закон "О федеральном бюджете", то тогда вступление в силу переносится на следующий финансовый год. Но это не помогало, потому что бюджет принимался на следующий финансовый год без учета многих законов, и возникала проблема: либо большая часть законов вообще не профинансирована бюджетом, который принимался после этих принятых законов, хотя с формальной точки зрения бюджет должен был бы их учесть, либо они финансировались частично, лишь отдельные мероприятия. Я в свое время предлагал

такую схему, что кроме бюджета и известных ныне приложений к нему должно быть еще одно приложение к бюджету — перечень законов, финансируемых не в полном объеме или не финансируемых вовсе в связи с тем, что бюджет не нашел на них соответствующих средств. Если бы этот перечень был, никакого противоречия между законами не было бы. Сейчас любой гражданин, скажем, ветеран, может подать иск в суд против правительства и даже против государства, имея в виду и Думу тоже, и выиграть дело на том основании, что есть закон, где четко прописаны те льготы ветеранам, а правительство их не дает. И противоречие между законом о бюджете и этим частным законом может быть (и эти случаи уже есть) истолковано в пользу истца. Вот это противоречие в законодательстве нужно устранять тем или иным образом. Законопроект, предложенный правительством, — это один из вариантов решения этого вопроса, хотя я думаю, что и в рамках Бюджетного кодекса нужно было бы его решать. ВОПРОС.

Александр Николаевич, как продвигается работа над пакетом? И связанный с этим вопрос: если Виктор Степанович придет в Думу, вы видите его лидером фракции только или он может претендовать на какой-то пост, скажем, в думском президиуме?

ШОХИН А.Н. Было бы, наверное, правильно выдвинуть его на какой-то пост, но такой пост только один в Думе, на который мы решились бы его выдвинуть, — это пост Председателя Государственной Думы, а для его завоевания нужна поддержка и фракции КПРФ. Мы, по понятным причинам, не начинали этих переговоров: ведь Виктор Степанович не принял окончательного решения — идти в Думу или нет. Но это скорее шутка, нежели серьезный ответ. А что касается серьезного ответа, то имеется в виду, конечно, его функция главы фракции "Наш дом — Россия" в Государственной Думе, с тем чтобы он здесь воспроизвел ту схему, которая существует у других политических партий и движений, у которых есть свои фракции. Никаких ущемлений для себя в этом я не вижу, наоборот, мы попытались бы под Виктора Степановича и пополнить свою фракцию людьми, и отработать коалиционные технологии, я думаю, здесь был бы общий выигрыш и для Думы, и для нашей фракции.

По пакету. Сегодня в 18 часов у нас состоится встреча лидеров заинтересованных фракций с Председателем Государственной Думы. Учитывая, что сейчас существуют четыре вакансии и четыре заинтересованные фракции и депутатские группы в замещении этих вакансий, в принципе, я думаю, получится у нас, буквально на следующей неделе, закрыть этот вопрос.

Я напомню, что речь идет о трех комитетах: Комитет по обороне, Комитет по бюджету и Комитет по делам Севера — и должность уполномоченного по правам человека. Заинтересованные фракции тоже известны - это КПРФ, НДР, "ЯБЛОКО" и "Российские регионы". Поэтому так или иначе этот вопрос можно решить. Сегодня мы, скорее всего, "в лоб" попытаемся его решить, имея в виду, что фракция НДР претендует на пост председателя Комитета по обороне, фракция "ЯБЛОКО" — на бюджетный комитет, "Российские регионы" — на Комитет по делам Севера, а коммунисты позволяют нам решить все эти вопросы, забирая должность уполномоченного по правам человека.

Такой размен вполне возможен, и к концу следующей недели мы мог ли бы выйти на решение.

ВОПРОС.

Будет ли в Думе ратифицирован Договор СНВ-2 и если да, то когда?

ШОХИН А.Н. Вы, наверное, знаете, что создается специальная комиссия, которая определит целесообразность вынесения Договора СНВ-2 на ратификацию в ближайшее время либо конкретные шаги, которые должны приблизить нас к дню ратификации. Понятно, что сейчас очень труд но выносить договор СНВ на ратификацию, поскольку разброд и шатание существуют в Думе. Я считаю, что было бы правильно включить в эту работу в качестве одного из организаторов нового председателя Комитета по обороне, поскольку у Льва Рохлина чересчур политизированное восприятие любого законопроекта и этого во многом тоже. Я думаю, что к концу июня нам нужно, по крайней мере, иметь точку зрения: выносим на ратификацию или нет.

Кстати, я не исключаю, что нам нужно подумать и о том, чтобы ряд вопросов обсуждать в неформальной обстановке. НДР готова здесь выступить с инициативой создания межфракционного депутатского объединения на базе НДР, "Российских регионов", независимых депутатов, с тем чтобы такого рода сложные вопросы

сначала проговаривать в неформальной обстановке, устраивать своего рода парламентские слушания для тех депутатов, которые заинтересованы в решении вопроса, которые имеют базовые, общие исходные позиции, с тем чтобы уже выходить на формальные технологии голосования, четко зная, что у нас есть, скажем, 100 голосов, 130, 150, 200 или сколько-то еще, тогда будет ясно заранее, какое большинство по конкретному вопросу. Складывается такая мягкая схема формирования здравомыслящего большинства Государственной Думы, и мы также намерены подумать о формировании такого депутатского клуба. ГАЗЕТА "МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ".

Александр Николаевич, как вы относитесь к заявлению Юрия Михайловича Воронина по поводу материального содержания Госдумы?

ШОХИН А.Н. Обещания Бориса Николаевича решить материальные проблемы депутатов на фоне трудностей с вызовом машин, отсутствием бензина и других материальных благ, которые еще в марте были на нормальном уровне, у депутатов воспринимаются как некие политические козни. Хотя, напомню, речь идет о секвестре расходов бюджета на 26 процентов, под который попали все органы федеральной власти, и поскольку Государственная Дума имеет собственный расчетный счет, финансируется отдельной строчкой из бюджета, здесь никаких проблем со стороны Управления делами президента, безусловно, нет. Такие проблемы, как задолженность Думы по автотранспорту, по телефонным разговорам, по содержанию офисов депутатов в регионах, и раньше возникали, были и перебои с подачей машин (сейчас, как вы знаете, ущемлен в основном Аппарат Государственной Думы, депутаты, в основном отъезжающие из Москвы и приезжающие в Москву, обеспечиваются автотранспортом неукоснительно, а сотрудники Аппарата Думы снимаются с довольствия). Но тем не менее это тот самый секвестр, хотя это слово не употреблено, фактически осуществляется. Идет дискуссия, правильно или не правильно поступило правительство.

С одной стороны, абсолютно точное соответствие со 102-й статьей Закона "О бюджете", где четко сказано, что в случае, если совокупное поступление доходов будет меньше, чем цифра, предусмотренная бюджетом, то правительство обязано финансировать доходы на уровне поступающих доходов. Так что здесь ничего незаконного правительство не делает, в отличие от прошлого года, когда соответствующая статья Закона "О бюджете" требовала от правительства внесения законопроекта о секвестировании расходов. Правда, в законе прописано, что в трехдневный срок после принятия соответствующего решения правительство должно проинформировать Думу, средства массовой информации и так далее о принятом решении. Средства массовой информации об этом в тот же день сообщат, а вот Дума официального извещения об этом не получила. Вот, пожалуй, единственный повод для дискуссии. Как должно правительство по факту секвестра раз в месяц информировать Думу или раз в квартал, либо правительство может и впредь секвестировать расходы, опираясь на базовое решение, когда Минфин рекомендовал всем бюджетополучателям до конца года ужаться на 26 процентов? Здесь ответ может быть у правительства простой: если будет больше доходов в третьем—четвертом квартале, мы все вернем и будем определять вместе с Думой, с Советом Федерации, куда пускать дополнительные доходы, пропорционально их распределять или по какой-то особой схеме. Так что здесь большой проблемы не вижу.

Но, действительно, складывается не очень понятная практика для простого гражданина. Принимается, скажем, в конце марта Закон "О бюджете", подписывается президентом, проходит месяц, и 30 апреля (эта уже практика повторяется с прошлого года — именно 30 апреля традиционно правительство издает решение о сокращении расходов в связи с недобором доходов) Закон "О бюджете" "приказывает долго жить". Здесь, еще раз подчеркну, очень важно иметь в виду идеологию бюджетного планирования. Один вариант: планку доходов поднять и пытаться до нее дотянуться или даже перепрыгнуть. И второй вариант: опустить планку на тот уровень, который по силам этому прыгуну под названием "Российский бюджет". Что лучше, что хуже, трудно говорить. И первый вариант к социальным негативным последствиям приводит, поскольку недофинансирование начинается, и второй может привести к негативным социальным последствиям, поскольку полноценное финансирование бюджетных отраслей пока еще не обеспечено реальными преобразованиями в отраслях бюджетополучателя. Так что здесь сложностей довольно много, и к тому же, действительно, нависает угроза

попадания в долговую петлю, возникает сжатие доходов, поскольку все большая и большая часть доходов направляется на обслуживание государственного долга, на возвращение основной суммы долга. Нельзя говорить, конечно, что все доходы бюджета уйдут на обслуживание долга, но те 30—35 процентов, которые являются реальностью сейчас, — это довольно большая цифра. Здесь нужны неординарные решения, не простое обесценение долга через инфляционные технологии или списание всех этих долгов, их реструктуризация на 20 и более лет, нужны более эффективные рыночные инструменты, которые позволят решить многие проблемы. Эффективнее нужно работать не только правительству, но и Центральному банку. Не будем скрывать, что Центральный банк на протяжении последних месяцев решал проблемы, связанные со стабилизацией валюты и денежного рынка за счет бюджета. Любое повышение ставок, защищая валютный курс, одновременно обрушивало бюджет. Поэтому здесь есть над чем задуматься всем ветвям так называемого "расширенного правительства".

ПРИШЕЛЕЦ С РАБОЧЕЙ ОКРАИНЫ

("НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА", 16 МАЯ 1998 ГОДА, ПРИЛОЖЕНИЕ "ФИГУРЫ И ЛИЦА", № 9, С. ШАПОВАЛОВ)

—Александр Николаевич, оглядываясь на свое детство, вы находите нечто, предопределившее ваш дальнейший путь?

—Нет, не нахожу. Детство у меня, как это ни странно прозвучит, было вполне заурядным. Мои родители познакомились после войны. Отец был шофером, мама — учителем математики. Им пришлось довольно долго мотаться по стране, мой брат родился в Тульской области, я — в Архангельской. Когда мне было около двух лет, родители решили осесть в Московской области в поселке Капотня, что сделать было довольно трудно — чужих пускали неохотно (в 1961 году Капотню включили в состав Москвы). Маме пришлось идти работать ткачихой на Люберецкий ковровый комбинат. Работа была тяжелая, я помню, как она плакала, оттого что у нее болели пальцы. Отец мотался по стране в поисках длинного рубля.

Жили мы и в бараке с люфт-клозетом в конце, и в подвальном помещении, комната в коммуналке была после этого роскошью. Яркие детские воспоминания связаны с нашими походами на Москву-реку. Когда мне было лет пять, мои тетки повезли меня в церковь крестить. Переправа через Москву-реку на лодке, обряд крещения произвели на меня очень глубокое впечатление...

В школе практически все время я был отличником, но учился без напряжения, все получалось само собой. Когда я был в седьмом классе, родители разошлись. Жили мы достаточно бедно, начиная с седьмого класса, летом я всегда работал: в совхозе "Белая дача", на АЗЛК, на хлебозаводе, разносил газеты и так далее. Заработанные деньги я мог тратить на свои нужды, в результате у меня появились фотоаппарат "Зенит Е" и велосипед (сначала — полугоночный, потом — десятискоростной шоссейник). В старших классах главным моим увлечением были поездки по монастырям и церквям Москвы и Подмосковья, которые я фотографировал. С тех пор я хорошо знаю Москву и помню названия многих церквей.

—А как вы сделали выбор профессии?

—Это произошло достаточно случайно. Вначале у меня была идея стать дипломатом, поступать в МГИМО, но она быстро увяла, даже не знаю почему. Потом, наверное, реагируя на спор "физиков и лириков", я стал ходить на подготовительные курсы в МИФИ. Через полгода оставил и это: понять формулы я мог, но зачем они нужны, так и не понял. И вот как-то в школе была встреча с ветеранами, один из них стал рассказывать о себе и своих товарищах. Выяснилось, что все они профессора политэкономии Московского университета. Мне почему-то запало, что профессор политэкономии — хорошая профессия, и овладеть ею несложно, раз столько людей уже стало профессорами. Потом детям я говорил: нет призвания — иди в экономисты.

В случайности моего выбора был все-таки некий знак судьбы. Я это понял, когда получил дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника первого класса после работы в МИДе в качестве помощника министра Шеварднадзе и начальника управления. Так реализовалась и моя непродолжительная юношеская мечта о карьере дипломата.

В университетские годы важным оказался один — почти диссидентский — эпизод. На третьем курсе мы с друзьями устроили семинар на тему "Мировая революция". Замысел был безобидным: один должен был рассказать о молодежной революции, другой — о "зеленой", третий — о научно-технической, все это и было объединено под названием "Мировая революция". Мы повесили объявление с приглашением всех желающих. Приходим в назначенное время — объявления нет, а нас ждут представители парткома и комитета комсомола. И тут началось: вы что затеяли? Ведь "Мировая революция" — это троцкизм чистой воды! Сегодня же "Свобода" сообщит, что на экономфаке — идеологическом факультете! — создана троцкистская ячейка! Мы объяснили, что имели в виду, а нам ответили: ваш замысел понятен, но что о нем могли подумать наши идеологические противники?! Нас представили к исключению из комсомола и отчислению из университета. Момент был очень сложный, спас меня тогда Сергей Дубинин (он был секретарем комитета комсомола), добившись строгого выговора. Этот выговор тоже оставил след в моей судьбе. По окончании университета я получил распределение в аспирантуру, но вдруг обнаружился строгий выговор, в результате мне запретили поступать в аспирантуру, но и не давали свободного распределения. После долгих мятарств я вырвался из объятий идеологического факультета и попал на работу в госплановский институт, дальше были плодотворные тринадцать с половиной лет в науке.

—Канва вашей жизни так и просится в литературный сюжет: выходец из низов общества пробивается к другой жизни, делает карьеру и достигает социальных вершин. Присутствовало ли что-то подобное в ваших юношеских мечтах?

—У нас была замечательная школа, несмотря на всю ее обыкновенность (я заканчивал 461-ю московскую школу). Учителя у нас, кроме основных обязанностей, выполняли фактически еще и роль репетиторов: после уроков гоняли нас по наиболее важным предметам. Им очень хотелось доказать, что их ученики способны поступить в любые вузы. Так в результате и вышло: через несколько лет после окончания школы выяснилось, что практически весь наш класс поступил в институты и университеты. У меня не было ощущения, что я хочу перейти в другую жизнь, я совершал естественное движение: шел учиться в университет. Мне кажется, в то время все общество переходило как бы в другое измерение. Одним из проявлений этого перехода было то, что дети простых людей легко входили в сферу интеллектуальной жизни. Тогда в среде наших родителей не было установки "я хочу, чтобы мой сын вошел в элиту", главным было — "я хочу, чтобы мой сын получил высшее образование". Мне повезло не только в том, что мой интуитивный выбор факультета и вуза оказался верным, но и в том, что я включился в "полу светскую" жизнь, поскольку на нашем факультете учились выходцы из элитных семей, были дети членов политбюро, на моем и параллельных курсах учились ныне очень известные люди. Это был второй важный шаг: не просто выход в высшее образование, но и в круг людей, представлявших самые разные, в том числе и интеллигентные, высшие слои общества. За счет этого появилось спокойное отношение к разным типам включения в эту жизнь. Уже не было ощущения, что тебе что-то не доступно, но появилось понимание, что все зависит от тебя. К окончанию университета я получил несколько заманчивых предложений, на пример меня звали на языковые курсы с последующим отъездом на работу в ООН. Было одно условие: на пятом курсе я должен был обязательно жениться. Но у меня не было ощущения, что возможность работать в Нью-Йорке или Женеве может заставить меня жениться без того, чтобы это по-настоящему назрело. Позже тоже поступали всякие привлекательные предложения, но в научной работе я чувствовал себя хозяином самому себе, и это обстоятельство меня удерживало от опрометчивых шагов. Меня никто никогда не "тянул", все мои перемещения внутри научного сообщества были результатом естественного процесса. Кстати, когда я пришел в политику, мне довольно сильно помогло это ощущение независимости... Интересен эпизод, когда меня пригласил к себе помощником Шеварднадзе, бывший в то время министром иностранных дел. Оказалось (об этом я узнал несколько лет спустя), меня в числе пяти молодых, перспективных и незакостеневших экономистов порекомендовал академик Аганбегян. Эти люди нужны были Шеварднадзе для того, чтобы они помогли ему готовиться к заседаниям политбюро (оценивать документы и прочее). Шеварднадзе хотел быть включенным в перестройку. Меня как-то пригласил начальник управления стратегического

планирования МИДа, я подумал: хотя бы я прочитал лекцию. Пришел, мы долго разговаривали, уходя, я сказал: лекцию прочитать зовите, а МИД не для меня, это бюрократическая структура. Прошел, наверное, месяц, мне звонит нынешний министр (тогда он был заведующим секретариатом министра) Игорь Иванов, я к нему приехал, а он сообщает: вас сейчас примет министр. Для меня это была первая встреча с человеком такого ранга. Он меня принял, мы беседуем, о цели встречи — ни слова. Я не выдержал и спросил. Шеварднадзе удивился: вы же приглашены ко мне помощником. Я опять стал говорить, что не хочу работать в бюрократической структуре, что у меня почти готова докторская диссертация и прочее. Он мне ответил, что у меня не будет начальников, кроме него, а для защиты диссертации мне будет предоставлен отпуск. Разговор шел таким образом, что мой отказ никак не предполагался. Все, что я говорил, могло означать только одно: я набиваю себе цену. Когда я привел еще пару аргументов в пользу моего отказа, то понял, что выгляжу не очень солидно. В таких ситуациях было не принято отказываться. С Шеварднадзе мы расстались в ситуации неопределенной: я не сказал ничего твердого и ясного, а он, как потом выяснилось, просто познакомился со своим будущим помощником. Игорь Иванов меня спросил: "Ну, как?" Я ответил, что ничего не понял. Тогда он мне посоветовал заполнить бумаги, что я и сделал. Потом была двухмесячная пауза, понятно, что проверяли чекисты. Но, кроме того, оказалось, что мое дело "замотали" в МИДе, ведь я был фактически человеком с улицы, так в помощники министра не приходят. На вопрос "чей он?" никто не мог ответить! Закончилось тем, что на одном из совещаний Шеварднадзе вспомнил о своем новом помощнике, после этого кадровики все бумаги срочно запустили и меня вызвали на работу. Так я стал дипломатом.

—Коржаков в своей книге описал нравы, царившие в среде людей, которые получили высокие посты, многие эпизоды впечатляют. Что вы могли бы сказать об атмосфере, в которую попали, занимая высокие должности?

—Прежде всего книгу Коржакова я не читал, поэтому не могу ни оспорить, ни подтвердить его утверждений. Я вел свой образ жизни. Скажем, в МИДе, занимая довольно высокий пост, максимум, на что я мог рассчитывать, используя служебное положение, — это на лето снять половину деревянной дачи в Щелковском районе. Плюс доступ к спецбуфету, где была очень вкусная "Докторская" колбаска... Моя жена любит вспоминать, как мы заехали на дачу в Архангельское в конце 1991 года, когда, как вы помните, в магазинах вообще ничего не было. Там работу по дому приходила выполнять горничная, как-то она спрашивает: "Вам какой заказ?"

Жена спрашивает: "А что есть в заказе?" — "А что вы хотите?" —

"Но что там есть, что основное, что в нагрузку?" — "Да заказывайте что хотите!" Сам факт, что можно вписать любой продукт и его принесут, в то не очень сытное время оставил сильное впечатление. У нас в квартире, как у всех в то время, кладовка и антресоли ломились от круп, консервов, соли, спичек, это была норма, мы могли бы в автономном режиме, наверное, год просуществовать. А тут заказывай что хочешь! Я помню, жена что-то стала возить подругам. Это была перемена в образе жизни. Странное впечатление производило открытие, что есть другая бытовая жизнь: горничная могла вынести мусор, посуду даже помыть, если ты не успел. Это было дико...

Когда я попал в МИД, через год стал ездить за границу, до этого доводилось дважды выезжать в Венгрию, и все. Это тоже было яркое впечатление, страна была еще полузакрытая. Но вместе с тем возникало ощущение некоторой неловкости, потому что я вижу красоты Парижа или Вены, а семья — нет...

Я никогда не был членом ближнего круга президента, я не был членом президентского клуба с теннисом, баней и так далее. У меня такое ощущение, что многие меня воспринимали и воспринимают как чужого: я говорю то, что думаю, никогда не плету заговоров, не организую группы товарищей, чтобы кого-то завалить. Мой уход из правительства связывали с "черным вторником" (хотя на самом деле это не так), но я точно знаю, что за несколько месяцев до этого события у того же Александра Васильевича Коржакова было очень мощное желание меня из правительства убрать. Почему? Он — ничей! Его можно попросить о чем-то, но как он решит — неизвестно. Со мной нельзя было договариваться. Потом на ряде политических площадок я разошелся во взглядах с Гайдаром и Чубайсом...

—Как произошел ваш разрыв с Гайдаром?

—С декабря 1992 года я не разговаривал с Гайдаром больше десяти минут, хотя мы дружили семьями, в академическом институте сидели в соседних кабинетах.

Осенью 1991 года мы сидели бок о бок и писали экономическую программу, а еще утрясался вопрос: кто в правительстве будет старшим экономистом — Шохин или Гайдар. Поскольку я уже был в правительстве, многие матерые члены правительства (например, Полторанин) были убеждены, что им должен быть я. Помню,

Полторанин спрашивал: "А что, Гайдар — толковый экономист, на министра финансов потянет?" Его хорошо не знали, в некотором смысле, кого куда двигать, решала команда. И год спустя я не понял действий Егора, связанных с его настойчивостью в желании стать премьером.

Осенью 1992-го всем было ясно, что через Съезд народных депутатов ему в премьеры не пробиться. Мы придумали и обсудили две схемы наших действий. Согласно первой, он становится премьером, а всю команду сдает, набирает новую из разных политических сил. Вторая предполагала, что он остается первым заместителем председателя правительства и министром финансов, а мы находим премьера, приемлемого для съезда и в то же время такого, который понимает суть реформ и с которым мы сможем работать. Мы остановились на второй схеме, если хотите, дали своего рода "тимуровскую клятву". Однако накануне съезда Гайдар, не посоветовавшись, стал действовать фактически по первому варианту: он решил, что из правительства должны уйти все, кроме Чубайса и министра науки Салтыкова. Съезд Гайдара завалил, тогда возник первый крупный политический кризис: президент пообещал распустить съезд, потом была выработана схема, согласно которой кандидатуры президента проходят "мягкое рейтинговое голосование", потом получается "твердый рейтинг" и так далее. Все это было спровоцировано тогда Егором.

Кроме того, он сделал все для того, чтобы Черномырдин никого не взял в правительство. Он мог бы попросить меня не входить в новое правительство, объяснив почему, но он каждому из нас дал такие характеристики, чтобы у Черномырдина отпало желание звать нас на работу. Когда Виктор Степанович стал премьером и начал набирать команду, он позвал меня и показал записи его бесед с Гайдаром, после этого говорит: "Я бы тебя не брал в правительство как члена гайдаровской команды, но после этого решил поговорить с тобой и другими людьми". Я в тот день сорвался, приехал к Егору на дачу и высказал все, что я думаю по этому поводу. С тех пор у нас такие отношения или, вернее, их отсутствие. Это в какой-то мере мешает совместной работе, созданию каких-то коалиций и прочее. В частности, Егор отомстил мне тем, что в свое время не включил меня в "Выбор России", поэтому на выборах я оказался в партии ПРЕС.

—Когда правительство "младореформаторов" начинало работать, вы выглядели как единая команда, потом, насколько можно понять, человеческие связи начали распадаться...

—Об одном — очень важном — распаде я рассказал, он произошел через год после начала работы... Первый год нашей работы можно назвать романтическим, хотя было очень тяжело. Романтика заключалась в том, что команда работала день и ночь, делая черновую работу и не рассчитывая на свое политическое долголетие. Мы любили подчеркивать, что наше дело нельзя отдать кому-либо другому, потому что никто не станет проводить жесткую линию, начнутся паллиативы. Паллиативы начались с лета 1992 года, как только Егора Тимуровича назначили и. о. премьера и он стал готовиться к избранию полноценным председателем правительства.

Тогда уже стало ясно, что команда распадается, у многих появились собственные политические интересы...

Одним из самых запомнившихся явлений романтического периода были репетиционные совмины. Премьером был тогда президент, мы его боялись, что и говорить. Чтобы избежать волнений, мы устраивали репетиции в товарищеской обстановке за чаем с бутербродами. Там выяснялись позиции, а на заседании Совмина под председательством президента мы представляли готовые решения. Это была командная технология формирования общей точки зрения. Атмосфера репетиционных совминов, на мой взгляд, хорошо продемонстрировала командный дух, который, к сожалению, скоро стал улетучиваться. Своеобразным было и бытовое общение. Мы все жили в Архангельском, двери всегда были открыты, заходили друг к другу даже без звонка, сидели допоздна, обсуждая профессиональные темы.

На меня неизгладимое впечатление произвел один эпизод, связанный с президентом. В 1991 году мне исполнилось 40 лет, я позвонил Борису Николаевичу и пригласил его на день рождения, он пришел. И тут еще одна странность. Жена и

теща готовились к этому дню самым активным образом. Как-то появляются парни с чемоданчиками, полными продуктов, и предлагают их нам. Мы отказались, теща даже заподозрила — нет ли в тех продуктах отравы. Борис Николаевич пришел, посидел около часа, Наина Иосифовна оставалась дольше...

Мне кажется, преимущество того периода, когда мы работали в одной команде, а президент был председателем правительства, заключается в том, что многие решения принимались прямо на глазах. Мы могли готовиться день и ночь, но решение принималось на виду. Если ты не сумел убедить президента — твоя вина. Где-то с 1994 года многое стало зависеть от дворцовых интриг. Я уже упоминал, как хотел моей отставки Коржаков, на меня усиленно искали компромат. На самом деле я наступил на хвост Сосковцу и Коржакову, добившись конкурсного доступа к нефтяной трубе, что означало отмену квот. Тогда уже утвердилась технология:

этот человек нам мешает — его надо убрать, аргументов пока нет — надо их найти. И второй важный момент — механизм принятия кадровых решений. После "черного вторника" в правительстве проводились новые назначения, министров в мой блок назначали уже даже без предварительного уведомления, не то что согласования со мной. Потом это стало привычным явлением, дворцовая технология кадровых назначений никого не удивляет. Начиная с конца 1992 года головы летели с поразительной легкостью. Многие о своей отставке узнавали из телевизионных новостей.

Случались замечательные эпизоды, вроде того, как вместо портрета отставленного министра здравоохранения Нечаева помещали портрет министра экономики Нечаева. Гадали, кого же сняли, но удивления не было, отсутствие внятной мотивации отставок было уже привычным. Мотив "нравится он мне" считается нормальным. Ростки этого явления были и раньше. Помню, Петр Авен спрашивал: "Почему меня не любит президент?" Я ему ответил: "Он тебя зафиксировать не может. У тебя другая амплитуда колебаний, к тому же речь у тебя очень частая". Он обратил на эти детали внимание, вроде помогло. Я чувствовал, что президент ко мне относился с некоторым недоверием. Я ходил тогда в темных очках, спустя некоторое время понял, что ему это не нравится — он не видит глаза. С этим, кстати, связан урок, который мне преподавал президент на упомянутом дне рождения: "Когда чокаетесь, смотрите в глаза!" Психологические мотивы, конечно же, важны, но не может все исчерпываться только ими.

О причинах отставки правительства Черномырдина можно долго гадать.

Когда это случилось, я был в Токио, основной комментарий этого события: не с той ноги встал.

—На этот счет можно шутить, но для такой страны, как Россия, порывистые движения президента очень небезопасны.

—Конечно, но, слава Богу, все обошлось. Я видел, в каком напряжении были депутаты. У меня неплохо развито предчувствие — все прошло так, как я и ожидал. Кстати, я не исключаю вероятность роспуска Думы осенью, но уже по инициативе самой Думы. Если левая оппозиция летние месяцы посвятит подготовке к выборам (будет печатать листовки, подбирать округа, создавать офисы и прочее), то в сентябре—октябре правительству можно вынести два вотума недоверия и распустить его. В январе можно избираться в Думу, которую нельзя будет распустить полтора года, то есть ровно до президентских выборов. Дан неплохой аргумент: униженная оппозиция дает власти сдачи. Конечно, в России, по-прежнему не имеющей стопроцентной гарантии необратимости реформ, резкие действия очень опасны.

—А что ваше предчувствие говорит о перспективе до 2000 года? Нас ожидают еще потрясения или можно рассчитывать на поступательное движение?

—Недавно появилась новая расшифровка Нострадамуса, согласно которой 1999 год для России — год крупных потрясений. Я не хочу произносить трюизмы о необходимости объединения всех здравомыслящих сил, хотя это правда. Но мне представляются довольно опасными действия по схеме "разделяй и властвуй". Сегодня многие властные структуры, к сожалению, предпочитают именно эту технологию. Есть некоторые базовые критерии, о которых нужно помнить всегда. Сохранить чью-то власть, обеспечить ее передачу неким конкретным лицам и так далее — это все мелочи по сравнению с общей идеей преемственности и поступательности развития... У меня были порывы уйти из политики, но я себя останавливал тем, что еще что-то можно сделать. Мне кажется, есть все основания для поступательного развития России. Если бы я верил в прогноз Нострадамуса, я

бы из политики уже ушел.

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ УМЕРЕННОГО ОПТИМИЗМА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
20 МАЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья, у нас очередная пресс-конференция, но события требуют, чтобы были даны ответы на наиболее волнующие вас и депутатов вопросы. Таких вопросов несколько. Во-первых, это ситуация в стране — это не только шахтеры, это не только бюджетники, это и ситуации на финансовых, фондовых рынках, меры правительства и Центрального банка, во-вторых, это намерения оппозиционных левых фракций и групп внести вопрос об импичменте президенту, это, наконец, судьба пакетного соглашения. На некоторых из этих вопросах я готов остановиться и в своем вступительном слове, а затем отвечу на ваши вопросы.

Начну с последнего. По пакетному соглашению. Сегодня в 16 часов, как вы знаете, состоится голосование по пакету, которое начнется с голосования по включению в список для тайного голосования кандидатуры Миронова Олега Орестовича, представителя КПрФ на пост уполномоченного по правам человека. Сразу после этого, мы рассчитываем, будет проголосовано постановление Государственной Думой об избрании трех председателей комитетов: Комитета по обороне, Комитета по бюджету и Комитета по делам Севера. После этого будет голосоваться постановление по новому заместителю руководителя межпарламентской группы взамен ушедшего из Думы Александра Дзасохова, а также будет проголосовано постановление по председателю комиссии Думы по вопросам внешних долгов и финансовых активов.

Вот это тот пакет (я не буду рассказывать детали, почему именно эти постановления должны завершить многомесячные дискуссии по пакету), который сегодня будет проголосован. Здесь есть несколько подводных камней. Один из них связан с тем, что вакансии председателя Комитета по обороне нет, и Лев Рохлин не намерен писать заявление о сложении своих полномочий. Естественно, мы, решившись вступить в некое джентльменское соглашение с другими фракциями, прежде всего с фракцией КПрФ, поставив на первое место постановление о включении в список для тайного голосования кандидатуры Олега Миронова, рискуем, конечно, но риск — благородное дело, и кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Чем кончится это голосование, вы узнаете в ближайшее время. Но это не завершение всего процесса, связанного с пакетом. Дело в том, что в пятницу мы продолжим рассмотрение вопроса по включению в список для тайного голосования других кандидатур на должность уполномоченного, выдвинутых прежде всего за пределами Государственной Думы, выдвинутых по крайней мере не фракциями, участвующими в пакетном соглашении. Но мы обязаны это сделать по правилам процедуры. И сомнительно, чтобы кто-то еще за пределами нашего джентльменского соглашения попал бы в этот список. После этого мы проголосуем постановление об избрании уполномоченного по правам человека.

Будем надеяться, что горячка, связанная с политическими событиями в стране, я имею в виду идею импичмента, не повлияет на прохождение этого вопроса, хотя гарантий здесь стопроцентных никто не может дать, гарантий того, что этот вопрос пройдет именно так, как я вам рассказал.

Что касается импичмента, то очевидно, что это подготовка к предстоящему внеочередному съезду КПрФ. За этой идеей ничего, кроме желания подчеркнуть свою оппозиционность властям, у фракции КПрФ и их союзников — у Илюхина, Рохлина — нет. Юридически те мотивы, которые называются, не могут служить причиной импичмента. Так что здесь только политическая подоплека, естественно, фракция "Наш дом — Россия" категорически будет выступать против.

В стране много сложных проблем, в том числе связанных с просчетами и ошибками властей. Их надо решать. Но решать их лучше, не обостряя конфронтацию, а в рамках механизма поиска конкретных ответов на конкретные вопросы.

Что касается тех проблем, которые являются причиной обострения политической ситуации, то здесь я бы не старался найти конкретных виновников с фамилиями: олигархи ли ухудшают ситуацию на рынке, или те, кто хочет дать правительству показать себя в качестве реформаторов, способных реализовать жесткую программу. Я думаю, что здесь совокупность, стечение целого ряда причин и обстоятельств, как объективных, так и субъективных. Но очень важно сейчас выйти из этой ситуации достойно.

Действительно, ситуация довольно сложная. Общее недоверие к развивающимся рынкам сформировано под влиянием азиатского кризиса конца прошлого года, под влиянием событий в Индонезии последних дней, под влиянием правительственного кризиса в России, результатов некоторых выборов в регионах России. Все это, конечно, не может не сформировать желание у иностранных инвесторов, нерезидентов, переждать или вывести деньги с российских рынков. Конечно, это может усугубляться и конкретными финансовыми интересами конкретных иностранных банков, конкретных российских банков.

Но тем не менее совокупность причин и эгоистическое поведение тех или иных финансовых структур при отсутствии объективных оснований, безусловно, не могли бы привести к падению котировок на фондовом рынке, к резкому повышению доходности госбумаг, не вынудили бы Центральный банк с целью защиты национальной валюты так резко повысить ставки рефинансирования.

Понятно, что этим решением Центральный банк спас национальную валюту, стабилизировал ситуацию, но в то же время очевидны негативные последствия этой схемы для бюджета, особенно в условиях, когда социальные проблемы встают каждый день перед новым правительством, будь то шахтеры, учителя, летняя детская кампания и так далее. И очень важно сейчас правительству согласованно действовать и с Центральным банком. Было бы правильно делать совместные заявления ЦБ и правительства, проводить совместные пресс-конференции, чтобы не перекладывали эти два органа ответственность друг на друга, чтобы была ясна инвесторам и гражданам мотивация тех или иных шагов, стратегия поведения властей в социальной области, и в монетарной области, и в финансовой области.

Пожалуйста, вопросы.

ХОХЛОВ.

Александр Николаевич, почему при решении кадровых вопросов Дума настойчиво, очень упорно придерживается известного принципа Ивана Ивановича Бывалова: "Бабу-ягу в своем коллективе". Я по уполномоченному говорю. Почему вы считаете, что только в вашей среде, в вашем коллективе есть человек, достойный на эту должность, тем более на уполномоченного, первый уполномоченный упал "намоченным" (?), а второй опять только в вашем коллективе. Почему?

ШОХИН А.Н. Ну, чтобы не упал "намоченный", то, конечно, нужно искать людей, которых мы знаем. И у меня есть свои вопросы к Олегу Миронову, например. Но тем не менее за годы работы в Государственной Думе первого созыва и второго созыва я знаю, что от этого человека ожидать. И позитивные и негативные, наверное, будут результаты. Но тем не менее нам не удалось найти кандидата за пределами Государственной Думы. Я напомню, наша фракция предлагала кандидатов за пределами Думы искать и мы предложили этих кандидатов, в частности председателя Общественного фонда защиты жертв политических репрессий Нумерова. Очень трудно искать здесь компромисс.

Компромисс этот приходится искать, поскольку для включения в список для тайного голосования нужно 300 голосов, хотя для избрания уполномоченного нужно простое большинство — 226. И именно поэтому приходится прежде всего оперировать теми персоналиями, которые известны Государственной Думе.

Хотя, честно говоря, я считаю, что лучший вариант был бы пригласить беспартийного правозащитника или профессора-юриста, специалиста в области прав человека, с тем чтобы ни у кого не возникало вопросов по поводу его заангажированности. Но не получается это. А отсутствие человека на конституционной должности уполномоченного, безусловно, делает позицию Государственной Думы не очень привлекательной. Если не может Дума провести этот вопрос, стало быть, она в чем-то недееспособна. Чтобы снять такого рода подозрение, мы попытаемся решить этот вопрос в ближайшее время.

ГАЗЕТА "Трибуна".

Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете действия правительства погасить протест угольщиков? Насколько эффективно то, что сейчас делает правительство?

ШОХИН А.Н. Я не считаю, что Закон "О сокращении административных и управленческих расходов" с целью сформировать целевой фонд поддержки угольщиков — это решение проблемы. Тем более речь идет о том, чтобы мобилизовывать в течение финансового года эти ресурсы. Надо иметь в виду, что при сокращении персонала в течение двух месяцев мы никакого эффекта получить не будем — нужно продолжать платить заработную плату даже тем, кто "горчичники" получит. И стало быть, вдруг мы ничего мобилизовать не сможем. Если бы за счет ресурсов, связанных с системой управления, можно было бы решить все социальные проблемы, я думаю, Дума бы самораспустилась на некоторое время. Но вряд ли это возможно. Поэтому нужно искать резервы в среднесрочной перспективе.

Сейчас, как никогда, важно рассмотреть Думе трехлетний бюджет до 2001 года. Правительство его уже рассматривало. Через призму этого бюджета нужно составлять графики погашения задолженности, будь то внешние кредиторы или наши предприятия и бюджетники, нужно выстраивать среднесрочную финансовую программу, которая была бы ясна всем, в том числе и нашим гражданам. Здесь простых рецептов нет. Такие рецепты, как, скажем, невыполнение обязательств по долгам, вряд ли способствуют решению в среднесрочном плане этих же задач. Поэтому нужно совместными усилиями, привлекая и Государственную Думу к решению этих вопросов, идти по пути среднесрочной технологии.

В пожарном режиме, да, можно что-то сделать, но, видите ли, мы в этом случае "натягиваем" одеяло на одну проблему и обнажаем другую. Одновременно тянуть одеяло во все стороны — это значит его разорвать. Очень важно не дойти до красной черты, когда прочность этого финансового покрывала будет нарушена. "ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА".

Определите, пожалуйста, ваше отношение, отношение вашей фракции к ратификации Договора СНВ-2.

ШОХИН А.Н. Мы неоднократно заявляли о том, что фракция "Наш дом — Россия" считает необходимым ратифицировать Договор СНВ-2. В равной степени мы считаем необходимым ратифицировать этот договор на фоне продвинутых переговоров по соглашению СНВ-3. Ни для кого не секрет, что истинный паритет и баланс стратегических сил достигается благодаря соглашению СНВ-3. В рамках СНВ-2 мы продвигаемся в этом направлении, но окончательно не фиксируем этот паритет. Поэтому мы считали бы необходимым добиться продвинутых результатов до парафирования соглашения СНВ-3, с тем чтобы можно было выйти на ратификацию, скажем, осенью этого года.

Я не считаю разумной меру по переносу парламентских слушаний на осень. Эти слушания были намечены на июнь, мы намечали и встречу лидеров фракций с министром иностранных дел и министром обороны, чтобы за закрытыми дверями продвинуто, углубленно изучить реальную ситуацию, не политизируя ее, а действительно вникая в суть вопроса, с тем чтобы определить график рассмотрения этих вопросов.

К сожалению, вместо спокойной работы мы поторопились перенести слушания, а стало быть, перенесли возможный срок ратификации. И тем не менее я считаю, что и МИД, и Минобороны должны использовать схему камерной, что ли, дискуссии с лидерами фракций. И в течение ближайших недель, может быть, даже ни одну такую встречу провести с нами.

"КТО ЕСТЬ КТО?"

На заседании тройки: Селезнев, Ельцин и Строев — деятельность Уринсона была оценена в целом как негативная. Фракция НДР оказывается ли той силой, которая поддерживает Уринсона и удерживает его на своем посту?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, фракция никого не удерживает на их постах, в равной степени фракция никого не продвигает усиленно на те или иные посты.

В принципе мы считаем, что Яков Уринсон — один из немногих членов правительства, который сейчас может продемонстрировать дееспособность этого правительства.

Почему? Много очень новых людей, людей, которым понадобятся недели и месяцы для вхождения в круг своих новых обязанностей. И здесь такие люди, как министр экономики Уринсон, просто незаменимы, иначе все окажутся, что называется, "новенькими". А про новеньких известно: "вжик-вжик — уноси готовенького".

Есть, конечно, достаточно много вопросов к Уринсону. Наибольшее число претензий Яков Уринсон получил как куратор военно-технического

сотрудничества, насколько я понимаю.

Эти проблемы можно отдельно обсуждать и отстраивать систему ВТС более эффективно. И не обязательно ее обсуждать в контексте "уберите Уринсона и тогда все будет нормально". Надо реальные проблемы ВТС рассматривать — увеличение экспорта нашего оружия, повышение эффективности функционирования нашего "хайтека". И смотреть, где Уринсон допустил ошибку, где правительству нужно скорректировать поведение Министерства экономики. ЖУРНАЛ "ЭКСПЕРТ".

Кому, на ваш взгляд, выгодна победа Александра Лебеда в Красноярске? И как она меняет расстановку сил среди потенциальных кандидатов на президентских выборах?

ШОХИН А.Н. Прежде всего победа Лебеда выгодна Лебедю. В этом сомневаться не приходится. И конечно, победа Лебеда выгодна антипрезидентским, антивластным, если хотите, силам, поскольку победа Лебеда на губернаторских выборах — это серьезная заявка на президентские выборы. Партия власти, наверное, не готова была к этому варианту развития событий, если и готова, то в контексте отстраивания антилебедевской коалиции.

Возможно ли отстроить такую коалицию? Не выступит ли генерал Лебедь своего рода страшилкой, который заставит многих других лидеров, полуоппозиционно настроенных к власти, или представителей партии власти объединиться, с тем чтобы обеспечить преемственность, предсказуемость, стабильность власти и политики? Трудно сказать. Но очевидно, что политические технологии должны быть скорректированы. Основной испуг по поводу Лебеда был связан с непредсказуемостью его поведения. Во многом этот аргумент снят, поскольку многие моменты в поведении властей тоже не отличаются высокой предсказуемостью. Поэтому я считаю, что властям сейчас нужно выстроить четкую стратегию поведения, и политического, и экономического, и социального, с тем чтобы не отстраиванием персональных коалиций, а выстраиванием некой политической линии показать, что есть реальный вариант развития событий, рассчитанный не только на ближайшие месяцы, но и выходящий за пределы этого столетия.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы уточнить, каким антипрезидентским силам это выгодно, потому что была коалиция представителей КПРФ и партии власти на стороне Зубова против Лебеда?

ШОХИН А.Н. Что касается КПРФ, тут бабушка надвое сказала: ведь произошел реальный раскол в оценке ситуации федеральным руководством КПРФ и региональным руководством. Петр Романов и крайком КПРФ не решились воспринять лозунги Зюганова и поддерживать Зубова. Базовая схема крайкома Красноярска — не поддерживать ни одного из кандидатов — сработала.

По цифрам мы видим, что весь протестный электорат Романова ушел к Лебедю, видим, что это была поддержка Лебеда. Поэтому однозначной позиции в рядах КПРФ нет.

Да, Зюганов и руководство КПРФ не хотят видеть Лебеда руководителем региона и страны.

Но люди на местах, в том числе коммунисты на местах, считают, что им выгоднее занимать антипрезидентскую, антивластную позицию, тем самым сохраняя шанс на поддержку избирателей на следующих выборах, в том числе в Государственную Думу. Именно так руководство красноярских коммунистов объясняло свое поведение: если мы будем за Зубова, как же мы получим голоса в следующую Думу, лучше проголосовать за Лебеда как за представителя оппозиции в широком смысле этого слова, а там посмотрим, может что-то урвем и на выборах Государственной Думы, поделив протестный электорат. Так что здесь очень сложные процессы сейчас идут. И руководству КПРФ не так просто определяться и по отношению к Лебедю, и по отношению к Рохлину.

Длинные долгие дискуссии по поводу пакетного соглашения в основном упираются на позицию некоторых членов фракции КПРФ по отношению к Рохлину. Не хотят некоторые члены КПРФ голосовать против Рохлина. Сколько этих членов КПРФ — не знаю. А мотив один: Рохлин — один из самых ярких оппозиционеров и противников режима. Мы тоже против режима, значит, должны его поддерживать. Внутри левой оппозиции есть, как видим, различные точки зрения, и не так просто руководству, я ему сочувствую, выработать единую линию.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, здесь находится группа голландских журналистов, их интересует перспектива развития России.

ШОХИН А.Н. Меня она тоже очень интересует. Я бы с удовольствием послушал взгляд со стороны: как оцениваются перспективы развития России. В целом я считаю, что, несмотря на сложности, связанные с правительственным кризисом, связанные и с социальной напряженностью в отдельных отраслях и регионах, тем не менее есть все основания говорить — прогноз благоприятный. По крайней мере этот медицинский термин лучше всех других вариантов, которые можно в медицинских справочниках почерпнуть по поводу прогноза.

Что дает основание говорить так? Прежде всего, несмотря на все сложности, создан каркас, как любит говорить Виктор Степанович Черномырдин, рыночной экономики. И очень правильно было бы этот каркас не разрушать, а начинить его мясом, тканью, материей, запустить кровь в сосуды и так далее.

Возможность такая есть, причем не на основе использования старых технологий — эмиссионных, инфляционных, административно-командных, а на основе технологий продвинутых, современных. Они связаны и с повышением роли государства в экономике.

Наша фракция поддерживает тезис нового правительства о необходимости усиления роли государства. Но это усиление мы видим как создание универсальных правил поведения, в том числе через законодательство. Это усиление мы видим через жесткое требование исполнения принятых решений, в том числе и прежде всего через судебную власть, а не через механизмы административного контроля.

Вот эта базовая технология усиления роли государства должна защитить и предпринимателя, и гражданина, и контракты в рыночной экономике, и тогда будет то, что принято называть "цивилизованной" рыночной экономикой.

Очень важно договориться (а это предмет общественного соглашения) о тех минимальных социальных стандартах, которые при любом варианте развития событий, при любом варианте бюджета должны соблюдаться.

Любое затягивание поясов возможно только на базе общественного соглашения, будь то вариант типа пакта Монклоа постфранкистской Испании либо другой тип общественного соглашения, когда понятными должны быть и жертвы других участников социального процесса, понятна должна быть и траектория выхода из кризисной ситуации.

Важной, на мой взгляд, является сейчас работа в области отлаживания механизмов тонкой настройки рыночной экономики. Не хватает нам сейчас денег, нерезидентов, для того чтобы удержать бюджет, удержать рынок ГКО. Но одновременно несколько десятков миллиардов долларов находится на руках у населения, эти сбережения для населения — самые надежные. Очень важно населению дать другую надежную перспективу размещения этих денег в привлекательной бумаге, конвертируемой в любую валюту, включая евро, либо конвертируемую в самые лакомые акции, существующие на российском фондовом рынке, включая акции "Газпрома", РАО "ЕЭС" и так далее.

Такого типа технологии, на мой взгляд, в состоянии мобилизовать деньги по крайней мере для понятных инвестиционных проектов, быстрых инвестиционных проектов, скорее всего, это проекты в сфере телекоммуникации типа народного телефона, переработка сельхозсырья, с тем чтобы покончить с зависимостью российского продовольственного рынка от импорта таких примитивных товаров, как мясо, птица, ножки Буша", молоко, сахар, растительное масло и так далее. Такого рода инвестиционные проекты понятны людям, и поэтому привлекательны, в то же время схема конвертации этих облигаций в любую валюту позволит сформировать высокое доверие к новой ценной бумаге и мобилизовать те деньги, которые сейчас втуне пропадают.

Четкий выбор политической стратегии с не менее четким представлением о конкретных финансовых и экономических механизмах выведения страны из кризисной ситуации, порожденной бременем госдолга, в которую она вошла, едва начав выходить из старого кризиса, связанного с высокой инфляцией, спадом, — залог того, что мы сумеем эти все проблемы решить, и основание для умеренного оптимизма.

ДОЛЖЕН ЛИ ЧЕРНОМЫРДИН ИДТИ В ДУМУ?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 3 ИЮНЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья, мы с вами уже давно не виделись, за это время много событий интересных произошло, я даже не знаю, какие из них комментировать. Один из вариантов — сразу приступить к вопросам. Давайте, так и поступим. ВОПРОС.

Александр Николаевич, вчера парламентские корреспонденты пытались получить ваш комментарий, но вас не было. Вчера Рыжков и Боос заявили, что в случае избрания Виктора Степановича Черномырдина депутатом, он, бесспорно, станет лидером фракции. Прокомментируйте, пожалуйста, это. А также о Бабичеве, его избрании, чем он будет заниматься в Думе.

ШОХИН А.Н. Я хотел бы вернуть вас в апрель на 5-й съезд движения "Наш дом — Россия". Выступая на этом съезде, я предложил изменить устав движения "Наш дом — Россия" и записать в уставе, что председателем фракции движения "Наш дом — Россия" в Государственной Думе по должности является лидер движения, в конкретном случае Виктор Степанович Черномырдин. И только исключительные обстоятельства могут ему помешать выполнять эти функции руководителя фракции, а именно работа президентом, премьер-министром и тому подобное.

Сейчас нет никаких причин, препятствующих Виктору Степановичу Черномырдину избраться депутатом Государственной Думы и реализовать ту идею, которая, к сожалению, не была реализована в форме поправки к уставу движения, но тем не менее была поддержана многими делегатами съезда, в частности заместителем председателя движения Константином Алексеевичем Титовым и целым рядом других видных деятелей движения. Так что, я думаю, в итоге по этой схеме мы и будем работать.

В мае на заседании фракции, с участием Виктора Степановича Черномырдина, этот вопрос был поставлен по моей инициативе. Завтра у нас пройдет заседание фракции, на котором мы будем вплотную обсуждать этот вопрос, имея в виду, что есть пять вакансий по одномандатным округам в Государственную Думу. Смысл завтрашнего обсуждения будет состоять в том, чтобы наметить нашу политику в отношении этих округов, выдвинуть своих кандидатов. Безусловно, встанет вопрос о том, где лучше баллотироваться Виктору Степановичу Черномырдину. Завтра Виктор Степанович Черномырдин будет участвовать в заседании. По его итогам мы сможем более подробно прокомментировать решение нашей фракции и рекомендации, которые фракция выскажет своему лидеру.

Что касается избрания Владимира Степановича Бабичева, то никаких подсиживаний ожидать не следует. Много публикаций на тему, что под Шохиним кресло сейчас закачалось — наверняка Бабичев идет не для того в Думу, чтобы быть рядовым членом. Я считаю, что эта вся информация формируется далеко за пределами нашей фракции. Есть желание у недоброжелателей нашего движения расколоть фракцию. Для этого стимулируется это науськивание, если хотите, одного руководителя движения на другого. Ничего этого не будет, и Владимир Степанович Бабичев, я думаю, понимает, что никакие комбинации такого рода не укрепят ни фракцию, ни движение и не повысят его собственный авторитет, я от него и моих коллег прямых выпадов не жду. Что касается формулы вхождения Виктора Степановича в состав депутатского корпуса и руководства фракции, то здесь должна быть реализована естественная схема. Нужно убедить Виктора Степановича баллотироваться в Думу, а после его избрания я с удовольствием передам ему бразды правления во фракции. Это не будет выглядеть как ущемление моих интересов. Напротив, я, как первый заместитель Виктора Черномырдина на посту лидера движения, заинтересован в том, чтобы он руководил фракцией. Это повысит авторитет движения, позволит лидеру нашего движения постоянно иметь политическую трибуну, высказываться по всем ключевым вопросам, волнующим наше общество. Это, безусловно, поможет ему наращивать политические мускулы перед следующими выборными кампаниями.

Идя во главе движения "Наш дом — Россия" на выборы 1999 года, тем более во

главе более широкой коалиции конструктивных центристских сил, Виктор Степанович обязан, на мой взгляд, показать свою способность вести за собой людей, пользоваться их доверием. А для этого он должен войти в Думу сейчас. Это мое искреннее убеждение, и ради интересов следующей Думы я готов поступиться своими должностными позициями. Я думаю, и общество в целом выиграет от постоянного присутствия Виктора Степановича Черномырдина в Государственной Думе.

ВОПРОС.

Уточните, пожалуйста, или я ошибаюсь. Дело в том, что вчера по ОРТ прошла информация: Черномырдин заявил "Интерфаксу", что принял решение баллотироваться по Ямало-Ненецкому округу. О каких пяти округах может завтра идти речь на фракции?

ШОХИН А.Н. Виктор Степанович Черномырдин вчера такого заявления не делал, я сам присутствовал на его общении с журналистами во Всероссийском выставочном центре. Он сказал, что заявит свою позицию, как только объявят официальные выборы в округах.

Сегодня "Российская газета" опубликовала свое решение об объявлении выборов в Ямало-Ненецком округе, поэтому завтра вполне возможно Виктор Степанович объявит о своем решении. За него никто этого сделать не может. Мы, как фракция, можем ему рекомендовать тот или иной округ, а округов вакантных сейчас пять. Кроме Ямало-Ненецкого освобождается округ по Москве — Борис Федоров его освободил, освободил депутат от НДР округ в Нижегородской области — Михаил Сеславинский. Сегодня освободил свой округ Олег Орестович Миронов в Саратовской области. Остается вакантным округ в Краснодарском крае. Мы должны оценить, какие шансы имеют наши кандидаты в тех или иных округах, и высказать свои пожелания и рекомендации Виктору Степановичу по оптимальному варианту избрания его в Государственную Думу.

С моей точки зрения, я уже высказывался на этот счет, лучшим вариантом было бы избрание от севера Тюменского края, поскольку это тот регион, в котором многие годы работал Виктор Степанович, и как начальник "Главтюменьгазстроя" — заместитель министра газовой промышленности, и как председатель правления "Газпрома". Но принимать решение, естественно, будет он сам.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич, было замечено, что после шахтерских забастовок действия всех партий и движений носят больше экономический характер. Об этом свидетельствует вчерашнее участие фракции "Наш дом -Россия" в конференции на ВВЦ. Вчера вас приглашали на Союз налогоплательщиков, то есть означает ли это, что сегодня в политике у вас больше экономические аспекты принимают решение?

ШОХИН А.Н. Поскольку Виктор Степанович не может выставляться во всех пяти округах, то нам нужно определиться по кандидатурам, которые бы могли быть от нас выставлены в остальных четырех из пяти округов.

Вот, собственно, в чем смысл завтрашнего заседания — определить, кто из наших коллег может начинать кампанию в тех или иных округах, чтобы войти в публичную политику. У нас есть соображение. Например, наш коллега Михаил Вадимович Сеславинский уже давал свои предложения по тому, кого он хотел бы видеть своим преемником по Дзержинскому избирательному округу Нижегородской области. Мы оценим эти предложения и примем решения, кого поддерживать, поскольку несколько кандидатов уже выдвинулись. Были предложения от наших же коллег баллотироваться по другим регионам. Мы в принципе обязаны все соображения "за" и "против" оценить и дать свои рекомендации. Я еще раз подчеркну, в решении такого рода вопросов никакой партийной дисциплины нет и, естественно, не может быть. Мы не можем заставить Черномырдина идти в Думу. Именно поэтому я пытался предложить съезду жесткую формулу изменить устав, с тем чтобы у Виктора Степановича выхода не было бы. Но поскольку устав в этом пункте не изменен, он сам вправе принимать решение.

На этих выборах мы могли бы попробовать отработать и коалиционную технологию. Если у наших единомышленников из других политических движений есть достойные кандидаты, можно было бы попробовать, имея в виду эти пять вакантных мажоритарных округов, реализовать технологию совместных действий по продвижению центристских депутатов в Государственную Думу.

Выработка этой тактики только начинается, с завтрашнего заседания фракции мы ее

начинаем обрабатывать. Кроме того, наше движение, фракция активизируют свою работу в регионах. Депутаты нашей фракции сопровождали Виктора Степановича Черномырдина в его поездке в Оренбургскую область. На следующей неделе состоится поездка Виктора Степановича Черномырдина в Башкортостан, затем будет поездка в Петербург, в Ленинградскую область, в Татарстан. В пределах июня он обязательно посетит тот регион, от которого решит выдвигаться в Государственную Думу.

Везде мы будем сопровождать его, но речь идет не только о создании адекватного политического фона его поездок через соответствующие выступления депутатов, встречи их с коллективами, с избирателями. Речь идет о том, чтобы центр тяжести нашей работы перенести в регионы. Одной из ключевых проблем является формирование коалиции центристских сил, которая может победить на выборах 1999 года и выдвинуть единого кандидата в 2000 году.

Многие региональные лидеры эти коалиции отстроили под себя, под свои выборы в качестве губернаторов или президентов, для выборов в законодательные собрания субъектов Федерации. И нам есть чему поучиться, используя этот опыт отстраивания коалиции, распространяя эти коалиционные технологии на те субъекты Федерации, где пока еще они не реализованы, и на федеральный уровень. Об экономических аспектах нашей политической деятельности. Да, безусловно, эти вопросы являются ключевыми. Они и были ключевыми. Даже состав лидеров нашего движения и фракции заставляет нас больше думать об экономике, чем о чистой политике. Виктор Степанович в должности премьера характеризовался не только как макроэкономист, но и как крепкий хозяйственник. Мое профессиональное прошлое и настоящее больше привязано к экономике. Много у нас заметных профессионалов-экономистов в Думе, работающих в ключевых комитетах, в бюджетном в том числе. Поэтому мы здесь должны себя проявить в первую очередь. Но важнее, видимо, другое: сейчас экономические проблемы, такие, как возобновление экономического роста, как поиск эффективных путей выхода из финансового кризиса, волнуют наше общество, волнуют наших людей. И если здесь не проявить себя, свой профессионализм, то тогда не о чем будет говорить и в декабре 1999 года. Поэтому мы обязаны просто реализоваться на конкретных законах, таких, как Налоговый кодекс, бюджет на 1999 год. Обязаны реализовать себя в программах выхода из кризиса.

Кстати, завтра у нас первым пунктом повестки дня будет формулирование позиции по антикризисной программе правительства. И хотя она как текст программы не существует, тем не менее есть набор документов: проекты решений президента и правительства, которые составляют основу этой программы. К этому, наверное, нужно добавить и фактически уже обещанное выделение дополнительных ресурсов международных финансовых институтов на выход из финансового кризиса России в объеме, я так понимаю, не меньшем, чем 15 миллиардов долларов. Это все элементы пакета, который мы хотели бы обсудить. Наверное, продолжим мы эти обсуждения на следующей неделе, имея в виду, что 10-го числа состоится обсуждение этих вопросов на пленарном заседании.

РУССКАЯ СЛУЖБА БИ-БИ-СИ.

Александр Николаевич, в Думу, по некоторым сведениям, пришел (по некоторым не пришел) пакет антикризисных мер, антикризисная программа Кабинета министров. Во всяком случае какая-то часть его уже есть: четыре закона — три земельных, один газовый. Отношение фракции, ваше личное как экономиста и как политика к той программе, которую разрабатывает правительство? Насколько она может быть эффективной и насколько вы ее поддерживаете?

ШОХИН А.Н. Пакет антикризисных мер состоит как из решений правительства и президента (включая программу экономии государственных расходов, программу первоочередных мер правительства, указы по ускоренному банкротству и так далее), так и из пакета законодательных актов, которые сейчас начали вноситься в Государственную Думу.

Мы завтра на Совете Государственной Думы рассчитываем выслушать предложения комитетов, которые рассматривали первые из этого пакета законопроекты, с тем чтобы в ускоренном режиме вынести их на пленарное заседание.

Конечно, обязательства Думы в ускоренном режиме рассмотреть эти законы не означают безусловной поддержки всеми фракциями содержания этих законопроектов. У нас тоже возникают некоторые вопросы. Может быть, они будут

прояснены в ходе обсуждения. Вопросы эти связаны не только с законопроектами, но и с нормативными решениями исполнительной власти. В частности, не хотелось бы, честно говоря, чтобы процедура ускоренного банкротства смещала бы на второй план процедуру судебного разбирательства.

Нужно добиться того, чтобы процедура судебных разбирательств этих проблем была ускоренной. То есть можно создавать дополнительные финансовые суды, как это имеет место в Германии. Нужно добиваться, чтобы решения судов неукоснительно соблюдались. А для этого исполнительное производство должно быть эффективным. Но, если те вопросы, которые сейчас находятся в ведении законодательного регулирования и судебных решений, будут перенесены в сферу административных решений, это может, безусловно, привести к необоснованному перераспределению собственности, не основанному на законе. А это в свою очередь может породить большие политические напряжения в стране. Поэтому нам нужно оценить эффективность этого механизма.

То, что процедура банкротства и обращения взыскания на имущественный комплекс должника должна быть короткой и эффективной, четко прописанной, вопросов нет. Кстати, когда в декабре прошлого года ВЧК стала рассматривать возможность обращения взыскания на имущество двух нефтеперерабатывающих предприятий — Ачинского и Омского НПЗ, — выяснилось, что нормативная база для принятия таких мер отсутствует. Даже на уровне указов президента много "дыр" в нормативном регулировании, которые вот только сейчас закрываются.

Есть еще один вопрос — соотношение подзаконных актов, указов президента, постановлений и законодательного регулирования. Я согласен, что нынешнее законодательное регулирование не всегда эффективно. Тот пакет законов, который вносит правительство, во многом и призван эти щели и белые пятна в законодательстве устранить. Но здесь есть довольно сложные вопросы. Один из самых сложных, наверное, будет связан с акцизами, с акцизами на газ, с уплатой соответствующих налогов по факту отгрузки.

Вы знаете, что долги перед "Газпромом" со стороны потребителей составляют астрономические цифры. На порядок превосходят долги "Газпрома" перед бюджетом. И поэтому введение процедуры уплаты налогов (акцизов и НДС) по отгрузке, перечислению может поставить "Газпром" в довольно сложное положение. При отсутствии эффективных механизмов "выколачивания" долгов из потребителей, в том числе из бюджетных потребителей, без введения соответствующих лимитов потребления электроэнергии, газа и так далее, без жестких санкций к неплательщикам соответствующих средств в пользу "Газпрома", РАО "ЕЭС", МПС и так далее, мы можем, решив одну проблему, породить тут же, в то же самое время, на том же месте другую, не менее сложную.

Поэтому нужен комплекс взаимоувязанных мер. Смысл нашей экспертной работы по анализу всех документов состоит в том, чтобы понять все ли точки над "i" поставлены, все ли звенья этой цепи предусмотрены.

По существу есть согласие и понимание того, что многие меры вынуждены и их надо поддерживать. Это и экономия госрасходов, это и реструктуризация расходов в контексте реформирования соответствующих бюджетных отраслей: образования, здравоохранения, пенсионной системы, военной сферы и так далее. Но именно реформирования, а не простого сокращения численности персонала, сокращения расходов и так далее.

Вынужденной мерой является и увеличение внешних заимствований, причем в достаточно простой форме — под суверенную гарантию, будь то кредиты МВФ или двусторонние кредитные линии. Это, так сказать, горбачевская формула правления кредитов, и мы вынуждены, привлекая, скажем, 15 миллиардов долларов от МВФ, размещая новые еврооблигационные займы, по сути, замещать этими кредитными линиями, внешними займами внутренний долг ГКО; это далеко от цивилизованного финансового рынка, но это вынужденные, наверное, меры. С ними можно соглашаться, если просчитаны все условия, на которых предлагаются эти кредитные ресурсы, просчитаны финансовые условия в стране в период возврата этих кредитов.

И по целому ряду других позиций мы понимаем неизбежность и вынужденность предлагаемых мер. Цель их понятна — стабилизация национальной валюты, предотвращение угрозы девальвации, последствия которой могут быть очень серьезными, в том числе и для простых граждан. Но еще раз подчеркну, речь должна идти о комплексном анализе всех элементов этой антикризисной

программы, ведь даже борьба за стабильный курс может обрушить бюджет. Вы знаете, что Борис Николаевич Ельцин обещал прийти в Совет Федерации в конце июня, с тем чтобы доложить эту программу. 10-го числа премьер-министр вызывается в Думу, потому что он сам обещал до 10-го числа эту программу разработать. И еще раз подчеркну, элементы ее есть, но целостного документа под названием "Антикризисная программа" пока нет, поэтому мы вынуждены будем перенести рассмотрение этих вопросов в комплексе, но начинать это рассмотрение нужно уже сейчас.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, недавно Виктор Степанович, отвечая журналистам на вопрос, как получилось то, что случилось, сказал: "Если бы было мое правительство, если был бы я, такого не было бы". Он еще заявил, что он был главным пожарным и сдал пост, затушив все очаги. И теперь претендует на пост номер 1. Как на это смотрит фракция? Ведь вы пропрезидентская партия, и мы еще не знаем, действующий президент заявит о своем желании повторно выдвинуть Черномырдина на должность премьера?

ШОХИН А.Н. В кризисных явлениях мая во многом виноват и политический кризис апреля. Говорить, что только причины, связанные с волнами азиатского финансового кризиса, привели к этой третьей волне, - на мой взгляд, это лукавство. То, что политические события апреля, частично по крайней мере, подорвали доверие нерезидентов к российскому инвестиционному и финансовому рынку — это факт. И свою лепту этот фактор внес. И поэтому можно смело, хотя бы отвечая на ваш вопрос, заявить о том, что да, если бы было правительство Черномырдина и он был бы премьером без апрельского кризиса с перетряской кабинета, любым его изменением, может быть, глубина этого финансового кризиса в мае была намного меньше.

Сумел бы Виктор Степанович Черномырдин реализовать все элементы программы быстрее и эффективнее? Трудно сказать. Но давайте вот посмотрим на некоторые примеры. Кто поехал в Вашингтон выколачивать кредитную линию МВФ? Анатолий Борисович Чубайс. Почему? В правительстве нет, оказывается, человека, который может этим заниматься. Почему? Потому что Виктор Борисович Христенко — человек новый, языков, как говорится, не знает, ему надо осваивать профессию управляющего Россией, в Мировом банке — макроэкономиста и переговорщика. Ему надо знакомиться с людьми. Тот факт, что появились новые люди, которых не знает западный финансовый мир, а только формирует доверие к ним, — это тоже одна из причин финансового кризиса. Достаточно поэтому внешней волне накатить, как все эти причины, которые имплицитно содержатся в нашей ситуации, выползают наверх и становятся самостоятельными факторами, влияющими на кризисную ситуацию.

Я не знаю, что вкладывал Виктор Степанович Черномырдин в эти слова, но по крайней мере вот эти два момента: сам факт политического кризиса (к этому нужно добавить факт победы генерала Лебеда, которого власть считает непредсказуемым кандидатом в президенты) и факт появления людей, которые еще не занимались этими вопросами, которым нужно еще формировать свое отношение, отсутствие представления об эффективности работы правительственной команды — все это, безусловно, накладывается на объективную ситуацию, связанную с теми же волнами азиатского финансового кризиса. Если бы этих волн не было, может быть, действительно, правительство имело бы 100 дней относительно спокойной работы. Но в политике надо исходить из худшего варианта и строить любую схему, политическую в том числе, исходя из того, что подарков судьбы может и не быть.

ПРИОРИТЕТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
24 ИЮНЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Я предлагаю сразу с вопросов начать. РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, слух прошел, что будто бы сегодня Сергей Кириенко приедет в Думу, чтобы встретиться с вашей фракцией. Так ли это?

ШОХИН А.Н. Мы не распускали этот слух. Сегодня, действительно, в два часа состоится встреча Сергея Владиленовича Кириенко с руководством нашей фракции: это председатель фракции, первый вице-спикер, председатели комитетов, заместители председателей комитетов и несколько депутатов, ведающие бюджетными, экономическими вопросами. Встреча состоится в Белом доме.

ГАЗЕТА "ГУДОК".

Есть ли среди тех 30 законопроектов, которые правительство вносит, такие, против которых вы будете голосовать?

ШОХИН А.Н. Мы по названиям законопроекты не голосуем, мы по содержанию определяемся. Среди тех мер, которые обязательно должны пройти через Государственную Думу, — налоговые меры. В частности, речь идет об отмене льгот по НДС и ряду других налогов, по подоходному налогу в том числе. Речь идет о введении в налоговую систему вмененного налога на доходы от малого бизнеса. Все эти меры без законодательного оформления реализовать невозможно.

Соответствующие законы обязательно будут рассматриваться Государственной Думой. Быть может, даже вместе с рассмотрением общей части Налогового кодекса, которая может быть принята до парламентских каникул.

А вот по содержанию этих законов, конечно, будут дискуссии. В частности, правительство собирается с первого августа ввести уплату акцизов и НДС по факту отгрузки, в том числе для газовиков и электроэнергетиков. Если в чистом виде эту меру внести, она приведет к катастрофе экономической и финансовой, в том числе и для бюджета через некоторое время. Поскольку факт отгрузки газа и электроэнергии специфический, он как непрерывный процесс идет, а оплата — через некоторое время.

И если "Газпром" и РАО "ЕЭС" будут по факту отгрузки уплачивать все налоги, то ясно, что через некоторое время они окажутся неплатежеспособными. Напомню, что "Газпром" приносит до 30 процентов доходной базы бюджету.

Поэтому нужны какие-то оговорки, если этот закон принимать, оговорки могут быть прямо установлены в законе, а именно: рассрочка на уплату соответствующих налогов на месяц или два после факта отгрузки либо другие технологии, гарантирующие платежеспособность этих компаний. В частности, государство должно взять жесткую ответственность за бюджетных потребителей и своевременно выделять им соответствующие средства — не только довести лимиты потребления газа и электроэнергии, но и строго контролировать соблюдение этих лимитов. То есть здесь должна быть система взаимных обязательств. Это надо как-то прописывать в этом законе.

На этом частном примере я хотел бы вам показать, что речь идет не о том или ином законе по названию, а о содержании, которое, безусловно, потребует обсуждений. И мало вероятно, что мы в трех чтениях сразу будем принимать эти законы, хотя бы потому, что многие из них затрагивают интересы субъектов Федерации, например введение налога с продаж. А коль это так, нам нужно после первого чтения эти законопроекты направить субъектам Федерации, получить их замечания для обсуждения во втором чтении.

Эта процедура, даже если очень сильно сжать ее, потребует не менее месяца с учетом того, что есть еще и процедура одобрения бюджетных и налоговых законов, обязательная конституционная процедура одобрения их верхней палатой. Подписание президентом требует какого-то времени. Так что меньше месяца на принятие этих законов просто физически не уйдет. Поэтому до каникул принять эти законы просто невозможно. Тем более в программе правительства есть такие оговорки, что Бюджетный и Налоговый кодексы надо принять до лета. То ли

правительство так напряженно работало, что не заметило, что уже первый месяц лета закончился, то ли еще почему. Но я считаю, что такие законы, как Налоговый кодекс, наверное, до лета и даже до каникул принять невозможно. Тем более что сейчас многие новые налоговые предложения правительства сильно меняют ту концепцию Налогового кодекса, которая была фактически представлена полгода назад предыдущим правительством.

Поэтому нужно, наверное, принять общую часть Налогового кодекса и дюжину налоговых законов, которые будут первым серьезным шагом к налоговой реформе. Здесь я скорее склонен разделить точку зрения Бориса Федорова, нежели официальную позицию правительства (может, они совпадут). Сегодня, когда правительство внесет свой пакет законопроектов, на этот вопрос, может, будет дан окончательный ответ.

Но тем не менее сокращение налогового бремени в условиях кризисных налоговой и бюджетной ситуаций должно быть, как это ни странно покажется, более серьезным, чем закладывалось ранее. Не полтора-два процента по отношению к ВВП, как об этом Сергей Кириенко говорил, а более существенное сокращение. Надо резко сократить плохо собираемые налоги, такие, как подоходный налог с физических лиц, такие, как налог на прибыль. И сделать ставку на легко собираемые косвенные налоги. Это не стратегическая перспектива налоговой системы. Это вынужденная мера, которая диктуется нынешней финансовой, бюджетной ситуацией.

При этом сокращение налогов, скажем, на прибыль и подоходного налога должно быть более существенным, чем это вытекает, скажем, из сравнения нормативных ставок. Если мы отменим льготы по НДС и введем налог с продаж, то сокращение подоходного налога и налога на прибыль должно быть не пропорциональным, балансирующим, а более существенным, чтобы ощущение было послабления налогового пресса и у предпринимателей, и у граждан существенного послабления налогового бремени. Вот такого рода меры мы тоже будем предлагать при обсуждении программы правительства на следующей неделе.

Не очень внятно, к сожалению, прозвучала идея расчистки финансового состояния предприятий в антикризисной программе. Вы, наверное, обратили внимание на обсуждение на расширенном заседании правительства, как некоторые сенаторы предлагали списать все штрафы, пени с предприятий, расчистив их финансовое состояние. Я думаю, что речь должна идти не о поощрении долгов, поскольку в этом случае добросовестные налогоплательщики окажутся в худшем положении, а речь должна идти о применении новых схем реструктуризации долгов предприятий. Ни в коем случае нельзя прощать основной долг. Основной долг должны все платить. Нам нужно так реструктурировать основной долг, чтобы предприятия могли иметь некоторую передышку. И в частности, должен быть льготный период по уплате основного долга, как обычно предполагается в схемах Парижского и Лондонского клубов. Скажем, долг реструктурируется на десять лет, но первые несколько лет основная часть долга не выплачивается. В любом случае должны быть выплачены проценты. Быть может, забыв старые пени и штрафы, нужно по-новому установить плату за реструктуризацию долга. Процентные платежи должны устанавливаться в зависимости от периода реструктуризации долга, от льготного периода, когда основная часть долга не платится.

Я считаю, что вполне мы можем применить те схемы, которые западные кредиторы применяли по отношению к России, к собственным предприятиям. Тогда можно будет рассчитывать на увеличение текущего потока платежей в бюджет и применять жесткие меры вплоть до уголовных мер против неплательщиков налогов. ВОПРОС.

В продолжение вашей последней фразы. Скажите, те меры, которые предлагает правительство по ужесточению уголовной ответственности за неуплату налогов, действительно необходимы? С вашей точки зрения, нынешний Уголовный кодекс исчерпывающий на эту тему или он действительно нуждается в дополнительных каких-то ужесточающих статьях? ШОХИН А.Н. Правительство обещало действовать в рамках закона, ужесточая наказание за неуплату налогов. Поэтому, наверное, оно исходит, скорее всего, из схемы более полного применения действующего законодательства. Хотя, еще раз подчеркну, после внесения соответствующего пакета мы будем точно знать, что имелось в виду.

К сожалению, многие положения программы тезисны. И они будут расшифрованы только через пакет соответствующих законов. Кстати, именно поэтому

Государственная Дума перенесла обсуждение программы правительства с завтрашнего дня на следующую неделю. Мы хотели бы иметь некоторое время для изучения текстов законопроектов, которые реализуют эти тезисы антикризисной программы.

После этого можно будет с большим основанием судить о действенности мер, о правильности этих мер, об их способности быть антикризисными в нынешней сложной ситуации и об их способности быть и некоторыми стратегическими мерами. ВОПРОС.

Александр Николаевич, вы неоднократно говорили о необходимости правительства иметь точки опоры в Госдуме. В этой связи по чьей инициативе эта встреча, которая сегодня намечена, состоится? Ее цель? И не могли бы вы сказать, чем вызваны последние встречи лидера НДР Черномырдина с руководством администрации и премьером?

ШОХИН А.Н. Что касается инициативы встречи, то она исходит от правительства. Мы в принципе договаривались встретиться до расширенного заседания правительства. Но, поскольку правительство до последней ночи, до последнего часа работало над текстом программы, действительно, официально она была роздана депутатам лишь утром вчера (в день заседания в папочках мы ее нашли). До этого материалы, раздававшиеся в Государственной Думе, носили предварительный либо информационный характер, либо это были предложения к антикризисной программе.

Поэтому лидеры фракции не лукавят, когда говорят, что они не видели текста антикризисной программы до заседания.

Здесь большой беды нет, особенно потому, что никаких резких поворотов по сравнению с этими предварительными материалами не произошло, произошли какие-то уточнения, более точные формулировки, а местами даже и сокращение программы. Так что здесь принципиальных новаций не было.

Но поскольку мы должны были бы все-таки иметь дело с документами правительства, поэтому и лидеры фракций не стали вчера выступать, за исключением господина Жириновского, но это просто традиция расширенных совминов — давать ему почти заключительное слово, может быть, с тем, чтобы разбудить участников заседания.

На следующей же неделе все лидеры фракций будут формулировать не только содержательные позиции своих фракций по отношению к законам, но, по сути, будут формировать политическую позицию. На следующей неделе размежевание должно произойти.

Вполне возможно, что левая оппозиция будет политизировать дискуссию и вспоминать о своих инициативах, таких, как импичмент президенту, и бороться с антинародным курсом очередного антинародного правительства. Но думаю, что большая часть депутатов будет пытаться оценить меры правительства, заложенные в законах. Не все они проходимы через Государственную Думу, прежде всего социальная часть некоторых законов (в частности, речь идет о замораживании роста пенсий. Даже если рост заработной платы будет происходить, а пенсия сейчас привязана к среднему заработку более жестко, чем ранее, вряд ли такого рода меры пройдут через Государственную Думу). Но существенная часть законов, я думаю, может пройти уже сейчас.

Прежде всего речь идет о налоговом пакете. Такой налог, как налог с продаж, вполне возможно пойдет быстро. Вчера сенаторы не высказали против него возражения, а раньше они высказывались против него жестко. Вполне возможно, что можно будет отменить льготы по НДС, хотя здесь очень сложно будет с такими льготами, как льготы на жилищное строительство. Я бы вообще, вводя налог с продаж до десяти процентов, решил на снижение базовой ставки НДС с 20, ну если не до 15 процентов, то хотя бы на два-три процентных пункта, чтобы, увеличивая в принципе нагрузку на косвенные налоги, не делать двойного косвенного налогообложения. Наличие НДС и налога с продаж — это элемент двойного косвенного налогообложения.

Так что здесь дискуссии, безусловно, будут. Но сама идеология этих законов, видимо, будет поддержана многими депутатами Государственной Думы.

По встречам Черномырдина с председателем правительства и с руководством администрации. Виктор Степанович Черномырдин — лидер одной из крупнейших партий. Второй по величине не только фракции, но и партии, если движение НДР условно называть партией. Поэтому естественно, что он встречается с

представителями властей. Думаю, в ближайшее время (к концу сентября) у него появится возможность еще выступить в роли одного из лидеров Государственной Думы, так что будет еще больше возможности общения с правительством, с администрацией президента, с самим президентом.

ВОПРОС.

У меня два уточнения. Вы сказали, что сейчас становится ясно, у всех фракций есть какие-то замечания в программе. И вы не исключаете, что может затянуться принятие законопроекта. Первое уточнение: принимал ли кто-то от Думы участие в разработке этой программы, от комитетов? Были ли предложения?

И второе. Может ли программа, какие-то ее шаги начать работать без принятия законопроектов? Ну хотя бы что-то может заработать? Ведь она экстренная, насколько мы понимаем.

ШОХИН А.Н. Да, программа, действительно, должна носить и характер чрезвычайный. В этом смысле ее условное название — "антикризисная", хотя официально от этого названия правительство отказалось. И многие элементы уже запущены. В частности, существует постановление правительства, недавно принятое, о программе экономии государственных расходов. Я напомним, что, принимая Закон "О бюджете", мы обязали правительство разработать такую программу и представить Государственной Думе, хотя эта программа разработана и принята правительством, к сожалению, без процедуры представления в Государственную Думу.

Дело в том, что экономия госрасходов на 42 миллиарда рублей и дополнительные доходы на 20 миллиардов рублей — это изменение бюджета в объеме 62 миллиардов рублей. И один из законов, который должен быть внесен, — это "Внесение изменений и дополнений в Федеральный закон "О федеральном бюджете на 1998 год"".

Я думаю, что правительство, принимая такого рода меры и сокращая расходы или планируя дополнительные поступления через введение тех или иных налогов, естественно, понимает, что должно через Государственную Думу уточнить действующий государственный бюджет. Но в то же время целый ряд мер может вноситься правительством через постановления или указами президента. Например, введением международных стандартов бухгалтерского учета.

Это нормальная технология, которая зависит в основном от соответствующих ведомств. Я бы хотел отметить еще одно обстоятельство: не все зависит даже от Государственной Думы, от парламента в целом, например предлагается сделать изъятие из режима свободной торговли со странами СНГ. Я хотел бы напомнить, что, когда пять лет назад подписывалось соглашение о свободной торговле, изъятия были. И касались они тех российских товаров, на которые были установлены экспортные пошлины. Это энергоносители. То есть мы продавали эти товары в страны СНГ по мировым ценам. Это и было изъятием. А свободная торговля предполагает, что мы по внутренним ценам торгуем. Хотя сейчас это изъятие потеряло, в общем-то, свое значение.

Речь, скорее всего, идет об импортных изъятиях. Ввозится на территорию России большое количество той же алкогольной продукции, цены на которую намного ниже, чем на российские товары. Вы знаете эту проблему. Речь идет о том, чтобы на подакцизные товары, ввозимые в Россию, установить более строгий режим и вывести их из-под режима свободной торговли. Сделать это можно только путем переговоров со странами, подписавшими соответствующие соглашения. Другого способа нет. Дума в одностороннем порядке, или правительство, или президент в одностороннем порядке эти изъятия сделать не могут, не нарушив вообще весь режим торговли международных обязательств.

В равной степени это касается и соглашений об избежании двойного налогообложения. Ясно, что даже названный на заседании пример, а именно пересмотр соглашения об избежании двойного налогообложения с международной оффшорной зоной под названием "Республика Кипр", предполагает проведение переговоров.

Хотя я думаю, что можно было бы в одностороннем порядке ввести очень простую меру, когда избежание двойного налогообложения понимается как уплата налогов за минусом тех, которые уплачены в оффшорных зонах. То есть если вы получаете тот или иной доход и платите налог на Кипре, являясь, скажем, оператором на российских товарных или финансовых рынках, то разницу нужно доплачивать в российский бюджет. Это не будет нарушением, это не будет двойным

налогообложением, но это будет вполне цивилизованная схема, пресекающая уход от налогов.

Такие схемы в некоторых странах действуют, если мне память не изменяет, в Соединенных Штатах такой досчет употребляется.

Такие аспекты, безусловно, надо иметь в виду. Многие меры требуют многомесячных, наверное, переговоров, внесения поправок в действующие соглашения. Это более длительный процесс, чем даже принятие соответствующих законов.

Но существенная часть пакета уже запущена. Некоторые вещи, если говорить о международных аспектах, сейчас на слуху. Речь идет о привлечении международных займов, займов от международных финансовых организаций. Здесь вопрос довольно сложный, поскольку Государственная Дума уже заявила, что, если дополнительное внешнее финансирование будет привлечено и оно будет выходить за рамки программы внешних заимствований, представленной недавно правительством, она ответственность с себя снимает либо готова рассмотреть соответствующий проект законопроекта или новую программу внешних заимствований. Это тоже, кстати, нормальная схема. И у правительства здесь единственный выход - все-таки рассматривать программу МВФ как чистый "standby", то есть "спящий" кредит, который не используется, а является лишь психологическим барьером для спекулянтов или для финансового рынка. Но психологическим этот барьер может быть лишь тогда, когда эти деньги могут быть в принципе использованы. Значит, все равно нужно найти способ пройти через Государственную Думу и принять специальный закон о возможности использования этой технологии, если она понадобится.

Так что здесь очень много вопросов, связанных с Государственной Думой. И правильно было бы сейчас отстраивать технологии согласия и поиска опорных точек в Государственной Думе. Мне уже приходилось неоднократно говорить в апреле с трибуны Государственной Думы, что правительство нуждается в этих политических опорных точках, прежде всего в регионах. Без такого рода поддержки антикризисные программы, как правило, не делаются.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы прокомментировать перспективы получения кредита "standby"? И какие условия Международного валютного фонда, выдвинутые на этих переговорах, вы считаете неприемлемыми для России?

ШОХИН А.Н. Я не участвую в переговорах с Международным валютным фондом. Поэтому об условиях я могу судить лишь по тем обрывкам информации, которая доходит до меня, в том числе из прессы.

Понятно, что недопустимым является расчленение естественных монополий. Правда, в последнее время стали изящнее формулировать выведение из состава РАО "ЕЭС" и РАО "Газпром" естественных монополий. Что такое естественные монополии в составе "Газпрома"? Это труба. Что такое естественные монополии в составе РАО "ЕЭС"? Это линии электропередач. Вот, если вытащить из этих организаций и компаний естественные монополии, они, естественно, перестанут быть монополиями.

Но тем не менее тут одно обстоятельство есть. Скажем, десять лет в Англии шли дебаты по поводу расчленения "British gas", в парламенте в том числе. Потом, когда расчленили, убедились, что это неэффективно. Нужно нам идти по этому пути? Да, нужно совершенствовать деятельность этих монополий, делать ее более прозрачной и так далее. Но не факт, что повышение эффективности, в том числе финансовой и бюджетной, может быть достигнуто за счет такого расчленения. Нужны обоснования, без которых трудно принять эти условия.

Очень трудно выполнять условия, связанные с принятием тех или иных законов. Правительство может взять на себя обязательства внести тот или иной закон, но оно не может гарантировать его принятие. Не буду перечислять эти законы, но просто напомню, что и в первые годы наших переговоров с МВФ такие попытки делались и мы всегда их отклоняли, настаивая на том, что от правительства можно лишь требовать того, что оно может само решить, доведя, в частности, ту или иную идею до проекта законодательного акта и внося его в Думу.

Есть естественные требования. В основном они касаются налогов. МВФ наверняка настаивает на резком повышении эффективности налоговой системы. Выражаться это может, в частности, в том, чтобы самые крупные налогоплательщики немедленно погасили свою задолженность перед бюджетом. Идея, в общем-то

говоря, правильная, с ней можно было бы согласиться, если бы ее можно было бы быстро реализовать. Если можно было бы ее быстро реализовать, наверное, власть уже это сделала бы.

Использовать для быстрой уплаты технологии типа банкротство, продажа имущества и так далее — это не значит улучшить сразу финансовую ситуацию. Поэтому здесь надо, видимо, вести более детальные переговоры, что можно сделать уже сейчас. Еще раз подчеркну, что в погашении задолженности перед бюджетом заинтересована и российская сторона, но здесь важно понять, как конкретно двигаться в этом направлении.

Поэтому я думаю, что в принципе можно добиться приемлемых условий, но есть одно обстоятельство, которое не может не беспокоить, — это наложение новых заимствований на те пики платежей, зубцы, которые выскакивают из наших прошлых обязательств. Это большой объем платежей по внешнему долгу в конце этого года и в следующем году. Это и большой объем платежей по ГКО, доходность которых была высокой из-за первых волн кризиса, да и нынешние волны кризиса скажутся на обслуживании внутреннего долга в следующем году. Накладывание этих старых зубцов на новые зубцы может привести к таким пикам расходов по обслуживанию долга, которые станут не по силам российскому бюджету. Поэтому я считаю, что надо использовать внешнюю помощь МВФ в виде резервных схем: использование денег не для латания дыр в бюджете, а для создания своеобразной подушки безопасности, виртуальных схем, нежели реальных.

И кроме того, конечно, нужно добиваться быстрых перемен в улучшении собираемости налогов, поступления других доходов в бюджет. Без этого мы просто из финансового кризиса не выберемся.

АНТИКРИЗИСНАЯ ПРОГРАММА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
1 ИЮЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Начинаем пресс-конференцию. Рассаживайтесь. У нас времени не так много. Может, с вопросов начнем? Давайте вопросы.

ВОРОНИН, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ, ГАЗЕТА "ЦЕНТР".

В антикризисной программе сказано о том, что будут братья проценты даже с пенсий, которые приходят на сберегательную книжку. Если такая программа будет принята, то может ли такое правительство вообще существовать?

ШОХИН А.Н. Наша фракция придерживается следующей точки зрения. Есть несколько законов, как минимум три законопроекта, которые мы не готовы поддержать в первом чтении, пока не добьемся от правительства компромиссных формулировок. Это единая ставка налога на добавленную стоимость. Предлагается, как вы знаете, ввести 20-процентную ставку вместо существующих двух — 20- и 10-процентной. Подоходный налог с физических лиц. Вводится норма, при которой под налогообложение попадают военнослужащие, процентные доходы с депозитов, в том числе с пенсионных депозитов.

Также попадают под налогообложение страховые возмещения. Мы считаем, что это концептуальная вещь. Очень важно поймать тех, кто уклоняется от налогообложения, скрываясь за такими доходами, как процентные доходы по кредитам. Многие банкиры только так получают зарплату. Хорошо, что Сергей Владиленич Кириенко, как бывший банкир, тут же вспомнил, как это делается, и предложил соответствующий законопроект. Но в то же время важно выработать такую технологию, которая позволит различать тех, кто уклоняется от больших налогов, имея большие доходы, от тех, кто перебивается и вдобавок к маленькой пенсии имеет небольшой процент по сбережениям в основном в Сбербанке.

Страховые возмещения, когда человек получает компенсацию за утраченное имущество например, явно ниже рыночной стоимости утраченного имущества, так уж заведен процесс страхования. Стало быть, брать с этого 20-процентный налог тоже не представляется обоснованным.

Поэтому мы хотели бы здесь обозначить более четкие позиции: готовы сохранить

действующие ставки подоходного налога, включая 30-процентную ставку как верхнюю, готовы сохранить некоторые изъятия и предложили более тонкие технологии борьбы с уклоняющимися от налогообложения обладателями больших доходов. Мы готовы даже предложить революционную идею — ввести единую ставку налогообложения в 20 процентов и сохранить небольшие изъятия для некоторых категорий, я их уже называл.

Нужно ввести и механизм возврата излишне уплаченных налогов, в случае, скажем, двойного налогообложения и так далее. Вот эти вещи мы считаем принципиально важными.

В равной степени нам хотелось бы к этим базовым законам привязать, рассмотрев в пакете с ними, такие законы, как налог с продаж и налог с вмененного дохода. Сейчас налог с продаж, если он будет добавлен к 20-процентной ставке НДС, приведет к полуторному увеличению косвенного налогообложения в производстве и потреблении. А налог на вмененный доход, по нашему убеждению, еще не имеет четко проработанной технологии и налоговое администрирование еще не налажено, кроме того, он является пересекающимся с налогом с продаж. И в этой связи их надо разводить: и с тех категорий налогоплательщиков, которые платят налог с вмененного дохода, уже не брать налог с продаж либо давать возможность субъектам Федерации и органам местного самоуправления выбирать один из двух налогов. Вот здесь мы хотели бы, прежде чем голосовать в первом чтении, рассмотреть весь этот комплекс налоговых законов. Нам надо думать не только о фискальном компоненте налоговой реформы, но и о самой реформе, чтобы система была эффективно работающей, и не только в плане калькуляции для Минфина — сколько получит он, если с августа все это будет введено, но и с точки зрения того, чтобы это было принято экономикой, людьми и работало, давая устойчивый доход в казну. Именно поэтому мы зарезервировали по этим законам свою позицию и хотели бы пару дней хотя бы поработать в круглосуточном, если понадобится, режиме с правительством, чтобы выйти на компромиссные формулировки. По остальным законопроектам я уже, выступая с трибуны Думы, об этом говорил: мы готовы поддержать в первом чтении, а по некоторым — полдюжины таких законов мы насчитали — готовы сегодня поддержать даже в трех чтениях.

ЖУРНАЛ "НОВОЕ ВРЕМЯ".

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, вы наверняка знаете не только то, что сегодня говорили лидеры фракций, но и то, чего они не говорят, но что они будут делать. В связи с этим могли бы вы предсказать судьбу конкретных законов, что наверняка, по-вашему, будет принято, а что наверняка нет?

ШОХИН А.Н. Наверняка будут приняты законы "О налогообложении игорного бизнеса", "Об ужесточении наказания за незаконное производство и реализацию алкогольной продукции". Наверняка будет принят небольшой даже не закон, а закончик в налоговом послаблении для ввозимого технологического оборудования. Это частный закон, касающийся контрактов, заключенных до 30 апреля прошлого года. Здесь можно было бы пошире посмотреть.

Может быть, пройдет закон о ЗАТО (о закрытых административно-территориальных образованиях), тем более что предлагается использовать ту формулу, которая зафиксирована в Законе "О бюджете". Так что семь законов (из них три закона по игорному бизнесу) могут даже сегодня пройти в трех чтениях.

Не пройдет точно, на 100 процентов ручаюсь, закон о введении механизма уплаты НДС и акцизов по факту отгрузки. И мы его снимем с пробега, может быть, даже сегодня. Все фракции едины в этой точке зрения. В условиях громадных неплатежей вводить этот механизм, в том числе для таких отраслей, как "Газпром", электроэнергетика, очень опасно. Доход в бюджет резко может уменьшиться буквально через пару-тройку недель. Должна быть проведена более содержательная работа по обсуждению законопроектов, где очень важно после первого чтения уточнить те или иные формулировки или внести поправки. В частности, мы будем настаивать, чтобы закон о возможности продажи товаров и услуг ниже себестоимости касался не только государственно регулируемых цен и тарифов, но и более широкой номенклатуры товаров, что дало бы возможность промышленным предприятиям прежде всего избавиться от неликвидов без налоговых последствий.

Сейчас никто не запрещает продавать ниже себестоимости, только налог надо платить по рыночной цене. И в итоге в этом никто не заинтересован, а можно было бы своего рода налоговые каникулы сделать для этих неликвидов на несколько

месяцев, скажем, до конца этого года.

По земельному налогу у нас есть вопросы. Мы не уверены, что централизация земельного налога в казначействе, затем распределение этого налога по различным бюджетным уровням являются эффективной технологией. То, что в казначейство или в Минфин попало, часто и пропадает там. Поэтому правильно, чтобы сам налогоплательщик расщеплял земельный налог между различными уровнями бюджета. И так далее, и так далее.

По каждому закону есть у нашей фракции (наверняка и у других фракций) условия, на которых мы будем голосовать за эти законы во втором и в третьем чтениях. Но это все вопросы, по которым компромиссы могут быть достигнуты.

Отвечая на этот вопрос, я затронул бы еще один аспект. Дело в том, что не все, что представлено, является антикризисной программой. Ряд мер будет приниматься указами президента и постановлениями правительства. Я бы считал, что Думу нужно втянуть и в проработку этих мер. В частности, 50-процентное сокращение тарифов на газ и электроэнергию, которое вводится указом президента, не понятно даст ли эффект. Где осядет эта прибыль, которая сегодня все-таки выплачивается в бюджет "Газпромом" и РАО "ЕЭС России"? У посредников либо это пройдет по всем звеньям производственной цепи и скажется на экономическом оживлении? Пока технология не ясна. Очевидно лишь одно, что бюджет получит ослабление, если будет платить в два раза меньше за бюджетных потребителей электроэнергии и газа. Но поскольку "Газпром" и РАО "ЕЭС" станут меньше платить в бюджет, может быть, тут нулевой баланс получится. Вот по такого рода мерам нам хотелось бы подключаться к подготовке решений, поскольку без них целостного представления об антикризисной программе не будет.

В равной степени это касается и внешних заимствований, хотя тут деликатные материи, которые обычно не обсуждаются, но тем не менее очень важно депутатам даже на конфиденциальной основе подключать к переговорам с МВФ или другими организациями.

СНЕЖКОВ. СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Александр Николаевич, у вас в заявлении сказано, что "Наш дом -Россия" считает необходимым сохранение социального мира и политической стабильности в обществе. А как вы считаете, введение вновь президентского налога, 5 процентов, как отразится на этом?

И второй вопрос. Как вы оцениваете поведение Лужкова, когда во время наступающей детской олимпиады он выгоняет отсюда шахтеров? Спасибо.

ШОХИН А.Н. По налогу с продаж. Наша позиция здесь, как мне представляется, совпадает с правительственной. Налог с продаж — это право регионов вводить налог на региональном или местном уровне. Он целиком должен оставаться на региональном уровне. Уровень этого налога также должен определяться регионами, поскольку очень многое зависит от социальной обстановки в каждом регионе, в каждом городе, деревне и так далее. Этот налог должен быть связан со снижением других налогов, он более легко собирается, и в этом плане он может заменить какие-то другие налоги, плохо собираемые, и меньше сил нужно будет тратить на налоговое администрирование.

Но в то же время это налог на потребление — его каждый гражданин будет платить, а сокращаемые налоги будут налогами с корпораций, с юридических лиц и так далее. Поэтому здесь нужен, безусловно, баланс, и одним из элементов баланса должно быть повышение доходов в тех или иных формах и, вообще говоря, высокие налоги на конечное потребление, и конечные доходы предполагают экономику высоких доходов. К этому нужно еще долго идти, иначе это будет просто урезание доходов и вряд ли такие меры будут поддержаны.

Именно поэтому, кстати, мы считаем, что налог с продаж нужно рассматривать в пакете с НДС. Если правительство пойдет на наше предложение по снижению ставки НДС (сейчас предполагается отменить льготы, 10-процентная ставка становится 20-процентной), если будет снижена ставка, скажем, до 16 процентов (а это сейчас средневзвешенная ставка НДС), тогда можно вводить налог с продаж. Это не сильно скажется на положении потребителей. Если он к 20 процентам будет добавляться, то общая ставка косвенного налога будет 25 процентов, это примерно рост в полтора раза. Это очень большой рост косвенных налогов, который вряд ли компенсируется снижением ставок подоходного налога.

Напомню, что предложения по подоходному налогу предполагают расширение облагаемой базы: часть доходов, которые сейчас не облагаются этим налогом, будут

облагаться. И кроме того, если посмотреть внимательно на шкалу, то средний класс там подпадает под дополнительный пресс.

Еще раз подчеркну, именно поэтому мы хотели бы, прежде чем выходить на первое чтение по этим законам, еще раз посмотреть общий баланс.

Да, сейчас ситуация такова, что фискальные компоненты должны присутствовать и бюджету 3 миллиарда рублей в месяц где-то нужно найти, чтобы закрывать хотя бы сессии ГКО.

Но тем не менее мы не можем рассчитывать по обязательствам государства за счет населения. Поэтому только тщательная оценка всех плюсов и минусов с точки зрения финансовой системы и с точки зрения налогоплательщиков и обоснованное введение новых налоговых технологий и ставок могут нам дать гарантии от социальных возможных негативных последствий принятия тех или иных законов.

ХОХЛОВ. РАДИОПРОГРАММА "ОТЕЧЕСТВО, ПАМЯТЬ И ТЫ".

Александр Николаевич, вас как человека, не говоря уже как депутата Государственной Думы, не оскорбляет название программы правительства "стабилизация"? В вашем заявлении говорится о кризисе. А тут нам предлагают стабилизацию.

ШОХИН А.Н. Изменение названия программы правительства, конечно, не может отменить кризисную ситуацию в российской экономике. Действительно, произошли драматические изменения в финансовой мировой системе, частью которой является Россия. Драматические изменения на мировых энергетических рынках привели к понижению положительного сальдо платежного баланса (отрицательное сальдо может появиться в этом году, впервые за все годы реформ). Но тем не менее мы должны смотреть и вовнутрь. Ясно, что долговой кризис, кризис государственного долга, бюджетный, налоговый кризис — все это элементы кризисного состояния российской финансовой системы, которые привели к тому, что внешнее воздействие так остро сказывается на нашей экономике.

Ведь другие страны тоже испытывают колебания мирового кризиса, но у них устойчивые экономики, аккуратные программы заимствования и так далее. Есть страны, даже находящиеся в сходном положении, Бразилия например, которым удавалось и удается держать на большом уровне резервы, международные резервы, 75 миллиардов долларов у той же Бразилии при 15 миллиардах у Центрального банка России. И так далее, и так далее. Поэтому мы считаем, что здесь нужно прежде всего добиваться эффективной российской экономической финансовой системы, с тем чтобы вот эти внешние воздействия (они будут, безусловно, и в будущем) не воспринимались каждый раз как предвестник катастрофы.

От названия, конечно, ничего не меняется, вся суть в тех мерах, которые предложены. Когда правительство предлагало термин "антикризисная программа", оно имело в виду некое политическое давление на Думу с точки зрения принятия тех законов, которые оно сейчас представляет.

Но от того, что программа стала называться мягче, программой стабилизации, содержание этого пакета не изменилось. Более того, я считаю, что в нем еще многого нет. Эта программа — лишь надводная часть айсберга, а что под водой мы еще не знаем до конца, во-первых, потому, что правительство не все еще генерировало, не все программные элементы свои, и, во-вторых, мы точно не знаем, насколько полно все это будет реализовано.

Один из элементов кризиса — это кризис власти. Я не буду расширительно толковать этот термин, но тем не менее то, что принятые программы, решения, законы не исполняются, проявляется и в слабом уровне собираемости налогов (несмотря на все, в том числе экзотические, маневры Госналогслужбы и ее нового руководителя, собираемость налогов снижается). Это значит, что власть не может себя показать как власть, поэтому я считаю, что этот кризис уже близок к тому, чтобы его называть системным.

ГАЗЕТА "ЗЕМЛЯ РУССКАЯ".

50 процентов пенсии уходит на оплату коммунальных расходов. Есть что-нибудь конкретное, чтобы улучшить жизнь этих многомиллионных самых заслуженных людей, тех, которые в свое время создавали все то, что мы сегодня имеем?

ШОХИН А.Н. В программе правительства ничего такого не просматривается.

Во-первых, вы знаете идею, с которой правительство выступает: заморозить пенсионные выплаты, не индексировать их в соответствии с ростом заработной платы на период до окончательной стабилизации финансового положения Пенсионного фонда. Когда наступит эта стабилизация? К концу этого года? Через

год? Точно неизвестно. Но тем не менее это мера, которая вряд ли будет поддержана в Государственной Думе.

Вторая мера, которая должна рассматриваться через призму реакции Думы на предложение правительства, — это, видимо, недопущение налогообложения процентных доходов по пенсионным депозитам. Если пенсия перечисляется на депозит, на сберкнижку, то процентные доходы с такой пенсии не должны облагаться подоходным налогом.

Через эти два примера я хотел бы вам показать, что что-то можно сделать сейчас, хотя бы не допуская ухудшения положения через принятие соответствующих законов.

ЕРЕМЕЕВ ВЛАДИМИР, ЭКСПЕРТ.

Александр Николаевич, вот не считаете ли вы, что главная беда России в настоящее время, что она осталась без мировоззренческой идеологии и без этики? Был принцип, который нам проповедовали: материя первична, а сознание вторично. Он не выдержал проверки жизнью. Библия крайне искажена... Вот недавно был ураган. В псалме, 148-й стих, написано...

ШОХИН А.Н. Уважаемый коллега, давайте мы перейдем все-таки к вопросам, а не к изложению своих взглядов.

Я могу сказать, что, действительно, много предзнаменований: то земля разверзлась между Думой и Генеральной прокуратурой, то ураган налетел, зубцы на Кремлевской стене сломал, то антикризисная программа. Много предзнаменований, но будем надеяться, что переход через 2000 год произойдет без реализации видений Иоанна Богослова.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, вот последний вопрос конкретно. От японской телекомпании "Эн-эйч-кей".

Я хочу спросить, насколько реально осуществимы данные по сегодняшней программе меры? Потому что ведь многие средства массовой информации говорят, что это такая видимость, специально созданная для МВФ для получения очередного кредита. Насколько это реально осуществимо вообще все и насколько это серьезно?

ШОХИН А.Н. В понедельник у нас было заседание политсовета НДР, и я там докладывал об антикризисных мерах правительства, выступил в порядке шутки с оригинальным предложением: не обсуждая, принять все законопроекты в трех чтениях, чтобы правительство имело возможность реализовать эту программу.

Черномырдин меня спросил: "А почему ты так не любишь правительство? Оно же тогда не сможет работать, если весь пакет будет принят". И действительно, в предлагаемых мерах есть противоречие между законами. И не факт, что все законы, будучи принятыми, дадут тот эффект, на который рассчитывает правительство. Именно поэтому мы хотели бы в течение июля поработать вместе с правительством и сделать работоспособную антикризисную программу, с тем чтобы потом не было, как говорится, мучительно больно, в том числе и за свое участие в разработке и в принятии этой программы.

Безусловно, эта программа демонстрирует амбициозные планы правительства по сохранению дефицита государственного бюджета (без сохранения дефицита с долгами расплатиться невозможно). Безусловно, в большей степени является демонстрацией пока что еще намерений. И очень много будет зависеть от того, до какой черты дойдет правительство в реализации этих мер. Это принципиальный вопрос. Правительство в одиночку не справится с этими задачами. Президент в одиночку не справится с этими задачами. Только формирование широкой политической базы поддержки антикризисной программы может привести к какому-то результату. Здесь правительству придется искать устойчивые, постоянные политические опорные точки в Государственной Думе, в регионах, и, может быть, это будет выражаться и в мерах по укреплению правительства.

Не все реорганизационные меры правительства (сегодня этот вопрос затрагивался на заседании Думы) могут быть признаны обоснованными. Уже два месяца непонятно, как разделены будут функции между Министерством экономики и вновь созданным Министерством промышленности и торговли. Что это значит — создали Мин-промторг только для красного словца, чтобы упомянуть "промышленность" в перечне федеральных органов исполнительной власти либо за этим что-то стоит? Если стоит, уже в мае надо было приступить к определению функций нового министерства, уточнению функций Министерства экономики и так далее. А ведь может случиться так, что через 10 дней бюджет потеряет несколько миллиардов

долларов, потому что МВЭС прекратит свое существование. А если так, значит, никто выдавать лицензии не будет, ряд договоров международных, висящих на МВЭС, провалится, попросту говоря. Ясно, что сейчас есть какой-то вакуум между верхним этажом политической власти, президентом, премьером и всей пирамидой исполнительной власти. Самое главное, что нужно заручиться поддержкой регионов и выработать программу вместе с ними, а также с политическими силами здесь, в центре.

ВОПРОС.

Извините, укрепление правительства подразумевает кадровые перестановки какие-то?

ШОХИН А.Н. А как иначе? У нас принято только так укреплять.

НУЖЕН ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. К. 304.
8 ИЮЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Давайте про наши внутренние темы поговорим.

Сначала о перспективах утверждения антикризисной программы правительства, вернее, программы стабилизации.

Я говорил с трибуны Государственной Думы первого июля и сейчас могу подтвердить, что есть сложности с принятием трех законов — о подоходном налоге с физических лиц, единой ставке НДС и налоге с продаж.

Нашей фракцией было предложено искать компромиссы до голосования по этим законам. Мы были убеждены, что введение единой ставки НДС на уровне 20 процентов с одновременным введением налога с продаж не пройдет. Это не только прогноз поведения других фракций, но это оценка нашей собственной позиции. Мы считаем, что увеличение косвенного налогообложения в 1,5 раза, а именно такой рост заложен правительством, имея в виду, что эффективная ставка НДС, которая сейчас составляет где-то от 16 до 17 процентов (за счет 10-процентных льгот по ряду товаров), становится 20-процентной плюс 5 процентов налога с продаж, — это резкий рост косвенных налогов. Конечно, у двух этих налогов разная цена: в одном случае это цена производителя, в другом случае это увеличение цены для конечного потребителя напрямую. Но тем не менее оба налога — косвенные налоги, имеющие прямое отношение к уровню цен.

Наше предложение состояло в следующем (мы его с самого начала заявили с трибуны Государственной Думы первого июля): ввести налог с продаж и единую ставку НДС при одновременном снижении единой ставки НДС как минимум до 17 процентов.

Одновременно мы предложили рассматривать налог с продаж как право субъектов Федерации и местного самоуправления вводить этот налог при том, что в межбюджетных отношениях расчетная ставка будет ниже 5 процентов. То есть регионы имеют права до 5 процентов этот налог вводить, но в межбюджетных отношениях 3—4 процента будет засчитываться регионам. Это значит, что некоторые регионы, оценивая собственные возможности, будут иметь реальную возможность вводить ставку 1, 2, 3, 4 и в редких случаях 5 процентов.

Вот такой гибкий подход нам представлялся приемлемым по содержательным соображениям и по политическим соображениям также.

Я думаю, что и 15-го числа, когда мы будем вновь обсуждать этот вопрос, наверняка примерно на этой площадке, как говорится, будет достигнут компромисс либо он не будет достигнут вовсе.

По подоходному налогу мы предлагали перевести этот законопроект. Это предлагалось в моем вступительном слове при обсуждении антикризисной программы. Затем мы предлагали уже в кулуарных разговорах сделать это министру финансов. Изъять из проекта налогообложение военнослужащих, сделать оговорку, что процентные доходы по депозитам не распространяются на небольшие вклады, в частности пенсионные вклады, и не распространяются на выплату страховых возмещений при утрате имущества, здоровья и так далее. При таких оговорках

закон мог бы быть принят. Правительство не захотело переносить законопроект. Часть обещаний была дана, в частности обещание "подвести" военнослужащих под налогообложение лишь в процессе очередного повышения денежного довольствия. Но вы знаете, какое недоверие есть у тех же военнослужащих, как и у многих других бюджетников, к этим обещаниям через бюджет, который и без того испытывает громадные трудности, компенсировать отмену той или иной льготы. Поэтому я думаю, что у этого налога тоже есть возможность быть принятым, в случае если компромиссные формулировки будут предложены правительством при перенесении этого закона.

Конечно, произойдет некоторое уменьшение фискальной составляющей этих законов, то есть расчетные поступления доходов в бюджет увеличатся меньше, чем планировалось. Но тем не менее это тот компромисс, который приемлем с фискальной точки зрения, с политической и с социально-политической точек зрения также.

У нас много было "резерваций" по законам, за которые мы готовы были голосовать в первом чтении и голосовали в первом чтении, в частности по продаже ниже себестоимости. Мы считаем, что она должна распространяться не только на государственные регулируемые цены и тарифы на соответствующие товары и услуги, но на все товары и услуги на оборудование в случае продажи его ниже балансовой цены.

В чем идея? Идея в том, чтобы устроить на несколько месяцев, скажем до конца года, своего рода налоговые каникулы в случае реализации неликвидов. Неликвиды — это не только товары и оборудование, которые продаются по государственным ценам, таковых у нас немного. Это прежде всего газ и электроэнергия. Нам надо дать возможность предприятиям облегчить свои балансы, сбросив с них это неликвидное оборудование, товары и так далее.

Классический пример: 70 тысяч автомобилей "Жигули", которые стоят во дворе "АвтоВАЗа". Понятно, что сейчас их нельзя продать по рыночной цене, которая используется налоговыми органами как расчетная цена (которую они сами высчитывают) для определения налогооблагаемой базы. Понятно, что ниже себестоимости продавать никто не будет, поскольку налоги приходится платить с рыночной цены. То есть это как бы не только ниже себестоимости, но это себе в убыток. Интересы к такой схеме пока нет.

Понятно, что могут быть злоупотребления: кто-то продаст ниже себестоимости, и его родственники и друзья могут купить оборудование либо товары народного потребления. Но я не думаю, что это будет носить массовый характер. Поэтому мы считаем, что такого рода налоговые каникулы можно было бы устроить. Прежде всего речь идет о налоге на прибыль.

По налогу с вмененного дохода. Мы с самого начала заявили позицию, и она, кстати, принята сейчас правительством, что налог с вмененного дохода в принципе взаимозаменяем налогом с продаж. Если вводится налог с продаж, то нельзя вводить одновременно налог с вмененного дохода.

Наша позиция такова. С какого-то бизнесмена в сфере розничной торговли, розничных платных услуг вместо налогов с прибыли, с оборота и так далее вы прикидываете уровень дохода, который должен иметь предприниматель, скажем, владелец магазина или парикмахерской, исходя из некоторых параметров (торговые площади, местоположение и так далее), устанавливаете уровень вмененного дохода и определяете ставку налога (единую). Рэкетеры такие подсчеты проводят, примерно также придется делать и налоговым службам.

Государство должно, по идее, такую же методику использовать, не пытаясь контролировать каждую торговую операцию. Если же вы параллельно с налогом с вмененного дохода вводите налог с продаж, вы сталкиваете два подхода. Один подход — определение дохода и оборота на основе косвенных объективных признаков и отказ от контроля каждой сделки. А во втором случае вы заставляете этого же предпринимателя каждую сделку фиксировать и предъявлять доказательство законности этих сделок через чеки, кассовые аппараты, платежки и так далее. Два подхода сталкиваются. Стало быть, надо дать право местным властям вводить один из двух механизмов.

Кроме того, мы считаем, что налог с вмененного дохода может быть распространен не только на малый бизнес, но и на крупный розничный бизнес тоже. Условно говоря, если вы магазин типа ГУМа будете облагать подоходным налогом и налогом с продаж (окажется, что он как бы не идет, его воспринимают как

избыточное налоговое бремя), то ГУМ превратится в тысячу бутиков и будет работать по вмененному доходу. Это очевидно. То есть мы создаем с самого начала систему, из которой можно выскользнуть. А надо исходить из того, чтобы выскальзывания не было. Для этого надо дать возможность людям, во-первых, выбирать вид налога. И, во-вторых, снять эти ограничения на уровень дохода, при котором применяется налог на вмененный доход.

Мы предложили правительству с трибуны Государственной Думы решиться на реформу подоходного налога и ввести единую ставку подоходного налога со всех доходов как от основной деятельности, так и от всех дополнительных доходов, будь то вторичная занятость, третичная занятость, доходы от капитала и так далее, сделав незначительные изъятия для малоимущих. Единая ставка подоходного налога позволяет брать этот налог у источника, не дожидаться с годовым разрывом, когда все принесут налоговые декларации. Не надо устраивать "шмонов", "шухеров" и прочих громких операций по мобилизации подоходного налога. Это, по сути, изъятие, 20-процентное изъятие всех доходов и с ограниченным числом исключений, с тем чтобы малоимущие группы населения не страдали.

В принципе уже один шаг сделан. Предлагается ввести 20-процентный налог на вспомогательные, дополнительные доходы (дополнительные к основной деятельности). Но здесь опять может что получиться? Если вы работаете в банке и получаете основной доход, который облагается по ставке, скажем, 30 процентов, и одновременно подрабатываете в каком-нибудь университете чтением лекций и там у вас 20-процентное обложение дохода, я вас уверяю, через неделю вы трудовую книжку отнесете в этот университет, и в банке будет у вас вторичная занятость, и вы будете платить 20-процентный налог.

Поэтому, чтобы не бороться с уклонениями и с нарушениями налогового законодательства, лучше ввести единую ставку для всех видов деятельности — основной, неосновной, опять-таки для льготы, просто выведя из-под налогообложения самые бедные категории людей, введя нулевую ставку. Ну, может быть, на первых порах еще 12-процентную ставку для обеспечения социальной справедливости можно было бы оставить. А для доходов средних, выше среднего — единая ставка. Вот это было бы революционное изменение, если бы на него правительство решилось. Я думаю, в Думе нашлось бы здравомыслящее большинство, которое бы поддержало эту идею. То есть наша позиция, наш подход заключается в том, что надо не только пополнять казну и думать о фискальном компоненте антикризисного пакета, но, пользуясь кризисом (в некотором смысле кризис — благоприятная возможность внедрить некоторые реформаторские идеи, поскольку в более спокойных условиях их труднее пробивать), предложить радикальную налоговую реформу.

Если бы правительство это сделало, мы бы горячо поддержали эти инициативы. Так что пакет в принципе может быть принят, но на компромиссы, безусловно, нужно идти. И это не политический торг, не попытка задобрить Думу, это нормальная работа. Я уже говорил об этом и могу повторить, что, если бы пакет был принят в нынешнем виде, многое в нем не работало бы. Например, обложили бы одних и тех же налогоплательщиков вмененным налогом и налогом с продаж, и пробуксовка была бы очень сильная.

Слава Богу, сейчас мы в процессе дискуссии поняли, что надо разводить эти две налоговые категории. По многим законопроектам есть ощутимое улучшение. Некоторые нашей фракции удалось, что называется, с ходу внести, скажем, в налог о земле мы поправку внесли сразу, и он был принят с нашей поправкой. Речь идет о том, чтобы не казначейство распределяло этот налог между разными уровнями, а чтобы налогоплательщик расщеплял свой налог и направлял одну часть на федеральный уровень, другую — на региональный, третью — на местный, потому что мы понимаем, что такое отдать в казначейство, которое потом будет с большим временным разрывом распределять этот доход между разными бюджетами.

Некоторые законы мы не начинали рассматривать, такие, как закон об отмене целого ряда законов, не обеспеченных финансированием. Здесь, может быть, наибольшие сложности, поскольку это прямое изъятие того, что есть сейчас у тех или иных групп населения или предприятий, это как бы уменьшение реального благополучия. Эти законы, конечно, отменять будет очень тяжело Государственной Думе, но по некоторым мы видим очевидные компромиссы.

Вот сейчас у меня была делегация Думы Калининградской области в связи с тем, что отменяется закон по предоставлению всех льгот Калининградской области. Мы

считаем, что здесь достаточно, наверное, отменить льготы, связанные с подакцизными товарами, а что касается таможенных льгот и ряда других налоговых льгот, их можно оставить, поскольку иначе мы Калининград просто не поднимем. Надо, конечно, переориентировать эти льготы на производственную инвестиционную деятельность и не давать возможность торговой сфере формировать необоснованно высокий доход за счет тех же акцизов.

Это компромисс, который Калининградскую область в принципе устраивает. Они готовы даже буквально на этой неделе выступить с законодательной инициативой и представить ее в Государственную Думу.

И так, видимо, по каждому закону придется смотреть, что, действительно, не только можно, но и нужно отменять там, где льготы были пролоббированы не вполне обоснованно правительственными структурами, регионами и депутатами. Но все под одну гребенку отменять нельзя.

Другое дело, что нам пора уже, видимо, с принятием Бюджетного кодекса договориться, что вместе с бюджетом надо принимать перечень законов, которые финансируются не в полном объеме, и четко определять, какие мероприятия в рамках этих законов финансируются частично, какие вовсе не финансируются, с тем чтобы не было противоречий между законами. Сейчас любой районный суд может "засудить" государство, если оно, скажем, не выполняет законы "О ветеранах", о предоставлении других льгот, несмотря на то, что денег в бюджете на эти выплаты нет и они даже не предусмотрены в Законе "О бюджете". Такое противоречие законов толкуется часто в пользу истца, коим является рядовой гражданин. Это одно из достижений правового государства, но тем не менее важно не разрушать правовую систему, давая поводы вбивать клинья в имеющиеся цели в законодательство.

Поэтому мы рассматриваем обсуждение законодательного антикризисного пакета как довольно сложную процедуру. Здесь простых решений нет. И когда правительство говорит, что оно только одним "куском" готово рассматривать этот пакет, а если он будет нарезан мелкими дольками, то ничего из этого не выйдет, — это не совсем точная интерпретация. Речь идет о принятии большинства предложенных мер. И речь идет о поиске компромиссов, существенных компромиссов, в том числе важных для самого правительства, по наиболее сложным законам.

Если бы, например, военнослужащие были обложены налогом, даже с оговоркой, что конкретный срок введения в действие этой нормы будет определяться правительством по мере изыскания возможностей по увеличению денежного довольствия военнослужащим, я думаю, что напряжение в среде военнослужащих было бы очень большим. На фоне некоторых политических событий это, конечно, могло вызвать не только напряжение, но и какие-то взрывные процессы. Поэтому мы считаем, что правительству нужно оглядываться. Хорошо, что оно уже сейчас начинает осознавать, что не может быть технократическим, что обязано принимать во внимание политические обстоятельства. Учет тех факторов, о которых я говорил, — это признак политической зрелости правительства. Не очень удачно, что правительство в процессе обсуждения и продвижения в Думе антикризисного пакета пошло на непродуманные шаги по "Газпрому".

Непродуманные — это самая мягкая характеристика, которая может быть применена. Тот факт, что бюджет потерял на этой операции больше 10 миллиардов долларов через провал сделки по "Роснефти", которая могла бы на этой неделе состояться, — это прямая цена вопроса.

Кроме того, есть и косвенные. Я задавал Сергею Кириенко вопрос, когда он приходил в Думу, в четверг, сознает ли правительство, что все рынки связаны между собой и даже падение котировок "Газпрома", как он считает, большой беды не принесло "Газпрому" (как упали котировки, так и восстановятся), хотя это спорный тезис. Тем не менее недоверие инвесторов к поведению правительства, выразившееся, в частности, в выходе из консорциума "Шелл и Бритиш Петролиум", формирует и общее недоверие инвесторов к российским рынкам, в том числе к рынку государственных ценных бумаг. То, что вчера доходности ГКО подскочили до 120 процентов, — это, на мой взгляд, прямое свидетельство недоверия инвесторов, резидентов, нерезидентов к действиям правительства. Они становятся непредсказуемыми. Речь не идет, конечно, о том, что линия на жесткую уплату налогов является непредсказуемой, это линия, которую правительство провозглашает давно, хотя и не может добиться успешных результатов. ВЧК в 1996

году исключительно ради этого была создана. Другое дело, что проводить ее нужно не по схеме "слона в посудной лавке". По крайней мере надо было довести сначала сделку с "Роснефтью" до конца, а потом разбираться с "Газпромом". Это было бы цинично, но этот цинизм был бы оправдан с точки зрения бюджетных интересов.

Я не уверен, что "Газпром" может реализовывать схемы типа прошлогодних, когда он, для того чтобы решить пенсионную проблему, занял два с половиной миллиарда долларов в одночасье на Западе. Отношение к такому заемщику после последних событий резко меняется. Что будет завтра с "Газпромом"? Расчленят его, не расчленят, продадут пакет акций для пополнения казны, не продадут? Никто толком не знает.

Понятно, что вкладываться в эту компанию, даже на короткий период, многие могут воздержаться, дожидаясь уяснения вопросов, что будет, скажем, с рублем, что будет с 2000 годом и так далее.

Мы сейчас уже четко сформировали отношения у многих инвесторов, в том числе у российских инвесторов, что надо чуть-чуть погодить, лучше выводить деньги, уходить в доллары — на всякий случай.

Несмотря на все жесткости в отношении к налогам, несмотря на жесткие заявления в отношении фискальных мер, антикризисного пакета, пока еще не формируется ощущение стабильности, предсказуемости и устойчивости на финансовых рынках и в политической ситуации. Это самый большой негативный результат последних дней, последних недель. Выправить ситуацию здесь, безусловно, нужно и можно ее выправить. Но здесь нет уже простых, технократических ходов. Нужны политические решения, решения, демонстрирующие поддержку правительства со стороны региональных элит, со стороны ключевых политических сил в обществе, со стороны предпринимателей. Как ни старалось правительство остаться независимым, независимым оно не осталось.

В частности, в правительстве нет никого, кто бы мог вести переговоры с МВФ. Переговоры с МВФ ведут олигархи в лице Анатолия Борисовича Чубайса. Более того, журналистам известен факт, что именно олигархи выдвигали Чубайса на пост главного переговорщика с Международным валютным фондом. Какие интересы ими двигали — другой вопрос. Стабильность ли финансовой системы, политическая ли стабильность и корпоративные ли интересы — мы не будем обсуждать эту тему. Но тем не менее факт остается фактом — судьба правительства сейчас в руках олигархов и их представителя Чубайса. Будут 15 миллиардов — можно мягкую девальвацию проводить или вообще не проводить, как считают Центральный банк и правительство, не будет 15 миллиардов — будет обвальная девальвация и так далее. Вот примерно круг проблем, которые сейчас обсуждаются в прессе.

В равной степени и независимость от Государственной Думы, выражавшаяся и выражающаяся пока еще в том, что правительство с Думой не работает, два месяца вообще потеряны. Многие из законов, которые сейчас внесены в антикризисном пакете, могли бы быть приняты в мае—июне, если с Думой работало бы правительство.

В правительстве с Думой работать некому. Может быть, Андрей Евгеньевич Себенцов был не самый крупный активист на этой площадке, но сейчас просто никого нет. Люди, которым поручено этим заниматься, в правительстве еще не начали настоящую работу, они лишь обслуживают премьера во время его визитов, а надо постоянно сидеть в Думе, работать, выяснять, на каких точках возможны компромиссы и так далее. Этим никто не занимается. В равной степени и региональный угол в правительстве не прикрыт. Это можно толковать по-разному, что, например, не завершено формирование правительства. Вот только сегодня обещают министра промышленности назначить. Или назначили уже? Нет?

Два месяца — это большой срок для того, чтобы разобраться с функциями Министерства промышленности, поделить их с функциями Министерства экономики.

Стало быть, есть и технократические сбои. Конечно, они бы не были заметны, если бы не политическая ситуация. Сергей Кириенко, на мой взгляд, очень оценивает ситуацию, говоря: "Если бы финансовая и экономическая ситуация была другая, тогда мы могли бы остаться технократами". Ситуация изменилась, а правительство-то формировалось под другую политическую, финансовую, экономическую ситуацию. Мы не можем менять правительство каждые три месяца. Надо было с самого начала исходить из худшего варианта развития событий. Надо формировать правительство, исходя из того, что будет жестокий кризис и волны финансового

кризиса будут накатываться на Россию. Надо исходить из того, что политические сражения будут очень острыми, и надо иметь политические тылы правительству и так далее.

А формировать, исходя из того, что в мае сформируемся, а летом уйдем в отпуск, а в сентябре внесем в бюджет, — это мечта, конечно. Но она и раньше была недостижима, тем более сейчас.

Я вас утомял, наверное, уже. Давайте же перейдем к вопросам.

ВОПРОС.

Сейчас происходят акции протеста во всех регионах. Перекрыта одна магистраль, другая. И переговоры зашли в тупик. Сысуев не идет к ним, а они не идут на уступки, не открывают магистраль.

Каким вы видите выход из создавшейся социальной ситуации? Может быть, это должны быть какие-нибудь популярные меры правительства, чтобы в очередной раз поверили или что?

ШОХИН А.Н. Конечно, Сысуев сделал ошибку, что не поехал в Самару на конкурс самодельной песни и бардов. Он, говорят, раньше там неплохо выступал, и надо было показаться народу в этом качестве. Может быть, помягчали бы сердца шахтеров и представителей ВПК. Это шутка, конечно.

На самом деле, вы заметили, что сейчас правительство и протестная группа населения выступают в разных плоскостях. Правительство говорит, что экономические требования удовлетворены, что в Кузбасс направлено денег в полтора раза больше, чем предусмотрено в бюджете, что в другие отрасли тоже либо уже все направлено или вот-вот будет направлено и что бюджет не имеет никаких обязательств.

А шахтеры ВПК выступают под лозунгом "Долой президента, долой правительство". Вот в этой комнате сидели шахтеры в июне, с Горбатого моста приходили, они тогда не склонны были обсуждать экономические схемы, схемы погашения долгов или выслушивать аргументы типа вот вы бастуете, перекрываете железные дороги, в это время какой-нибудь Череповецкий завод вместо того, чтобы брать в Воркуте уголь, будет его в Польше брать, кто-то будет в Австралии уголь брать. И через полгода вы вообще будете не нужны никому. Это их не волнует. Они говорят, мы пришли с политическими лозунгами. Им в ответ говорят — политические лозунги мы не обсуждаем, уходите. В итоге множатся отряды трудящихся, которые начинают выступать с политическими лозунгами.

Я считаю, что если так и дальше пойдет (дискуссии на разных плоскостях, как бы в схеме евклидовой геометрии будут параллельные, не пересекающиеся ни в одной из точек в пространстве плоскости), то рано или поздно взрывным способом пересекутся плоскости. Это худший вариант.

Поэтому нужны не столько популярные меры, нужны значимые что ли и понятные людям схемы. К примеру. Есть шахтеры, есть правительство. Даже если они не могут договориться, кто-то должен стать третейским судьей. По идее, этим третейским судьей должен стать президент. Он должен собрать "четверку", "круглый стол" или придумать новый форум помимо "круглого стола". За "круглым столом" в основном сидят политики, думские лидеры и руководители Совета Федерации, региональные ассоциации экономического взаимодействия, но нужны и предприниматели. И не только олигархи, но и предприниматели в старинном, советском смысле слова. Может быть, крупные "красные" директора.

И на этом форуме надо не только выпускать пар, не только давать людям возможность высказаться и быть услышанными, но надо находить и какие-то решения.

К сожалению, сейчас вот эти технологии забыты. Мы в октябре прошлого года считали, что у нас кризис. Президент согласился проводить регулярно "четверки" и "круглые столы". Сейчас настоящий уже кризис, а мы не собираем эти форумы. Мы не пытаемся просто даже понять друг друга. Я считаю, что это большой недостаток действующей власти — отсутствие диалога. Даже правительство могло бы заняться такого рода технологиями, но это уже будет политическое правительство. Кириенко не занимается этим, потому что мандата не имеет, или учитывает, что предыдущий премьер поплатился за политизированность своей деятельности (вы помните формулу "23 марта", Черномырдин и его правительство чересчур много политикой занимались, а нужны технократы). Сейчас же надо давать новый мандат правительству на ведение политической, сложной политической игры с целью недопущения не только финансового кризиса, но и политического. Тут все

взаимосвязано: политический кризис порождает финансовое недоверие инвесторов к российскому рынку и взлет доходности ГКО до заоблачных высот. Мы уже близки к тому, чтобы выйти на уровень 1996 года, самой худшей недели 1996 года, когда доходность ГКО доходила до 200 процентов. В свою очередь финансовые потрясения, скажем обвальная девальвация рубля, не могут не привести к политическим потрясениям, к отставке правительства, руководства Центрального банка, к обострению политической ситуации. Все взаимосвязано. И правительство не может быть в этих условиях, я повторяюсь, технократическим. Нужно играть высокую политическую роль, более высокую, чем предыдущее правительство. Для этого нужно запускать упомянутые выше механизмы. А какие конкретные решения будут популярны? Популярное решение — печатание денег, но через некоторое время оно станет непопулярным. Поскольку будут уже ходить на Горбатый мост, требуя индексации, требуя снижения инфляции и так далее. Замкнутый круг. Но тем не менее не попытаться даже в этих сложных условиях выработать механизм социального диалога — недопустимо. Идеально было бы пойти по схеме пакта Монклоа, чтобы все участники политических и экономических событий выработали некое соглашение на кризисный период (вы помните, наверно, что такое пакт Монклоа — это Дворец в Мадриде, где после смерти Франко основные политические и социальные силы договорились о путях выхода Испании из кризиса). Если такого пакта не будет, то хотя бы надо использовать те структуры, те механизмы, которые в принципе существуют, но не работают сейчас. Я их уже называл.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, в отношении РАО "ЕЭС" будут предприняты меры, аналогичные "Газпрому"?

ШОХИН А.Н. В принципе заявлено, что на этой неделе на ВЧК будет вызвано РАО "ЕЭС" и председатель правления Анатолий Чубайс. С ним будут вести жесткие разговоры представители правительства.

Но в то же время мы знаем (в печати много сообщений было), что уже в начале июня правительство предоставило возможность РАО "ЕЭС" выработать схему взаимозачета своих обязательств перед бюджетом и обязательств бюджетных потребителей перед РАО "ЕЭС". Речь идет о выработке некой конструкции, которая бы не противоречила схеме запрета на взаимозачеты. К ее разработке привлечены, насколько мы знаем, мощные финансовые силы из банковских структур. Сейчас эти люди вошли в состав правления РАО "ЕЭС" и предложили программу реформирования РАО "ЕЭС" и, наверно, схему взаимозачетов тоже предложили. Если она будет реализована, то нет никаких оснований ее не попробовать распространить и не тиражировать на РАО "Газпром". В равной степени вряд ли было бы правильно, дав какую-то паузу РАО "ЕЭС" для выработки этой схемы, запускать стандартную схему ареста имущества и обращения задолженности на имущество должника применительно к РАО "Газпром" с теми негативными финансовыми последствиями для бюджета, которые выразились в срыве сделки по "Роснефти".

Я считаю, что должен быть равный подход к крупным налогоплательщикам.

Я против того, чтобы одинаковый подход применять и к крупным налогоплательщикам, на которых очень многое завязано в нашей стране, и к палаткам, к оптовым рынкам, ликероводочным заводам, где есть масса нарушений. Надо добиваться, чтобы все схемы были прозрачными. Это, действительно, верная схема, в соответствии с которой монополии должны быть прозрачными, мы должны четко знать, сколько тратится на добычу газа, сколько на транспортировку, сколько на социальную сферу, сколько из затрат на социальную сферу идет на содержание городов — Надым, Уренгой и так далее, а сколько идет на обустройство жизни высокопоставленных чиновников и так далее. И можно через обеспечение прозрачности в деятельности этих компаний снизить тарифы. Снижать тарифы нужно не наобум — давайте снизим в два раза, — нужна подушка безопасности для этих крупных компаний. Если снизить резко тарифы ниже себестоимости и распределить существующую прибыль в другие отрасли — в металлургию, в следующее звено технологической цепочки, то что мы здесь выиграем? Ведь со следующей цепочкой еще надо будет разбираться и делать это звено прозрачным, транспарентным или вводить тоже механизм государственного контроля за ценами и тарифами, воссоздать Госплан. Тогда придется и Комитет по ценам воссоздавать. Тут много далеко идущих последствий. Но очевидно одно — прозрачность в

крупных компаниях должна быть обеспечена. Ведь 100 крупных компаний платят 90 процентов налогов в бюджет. Поэтому они должны быть прозрачными.

Но налоговая схема должна несколько отличаться для крупных компаний и для мелких. Для мелкого, среднего бизнеса схема налога с вмененного дохода, быть может, идеальная, и причем надо технологию определения вмененного дохода фиксировать на несколько лет, чтобы люди не боялись показать свои обороты. Для этого они должны в течение 2—3 лет успеть заработать много денег, имея стабильные ставки налогов. Пусть через 2—3 года эти ставки будут повышены, когда они покажут свою активность, но это не будет уклонением от налогов. Просто государство сознательно занижает ставки, а люди на этом честно заработали. Но зарабатывают они за счет реального увеличения оборотов производства и так далее. Это все равно скажется на поступлениях налога в казну, на расширении налоговой базы и так далее.

Так что я за то, чтобы ко всем крупным налогоплательщикам применялись единые подходы. Если можно делать взаимозачет по РАО "ЕЭС", то надо и по РАО "Газпром" сделать то же самое. Кстати, и в управлении я, например, не вижу большой беды (я об этом сказал еще в прошлый четверг), если трастовый договор с Р. Вяхиревым будет расторгнут. Это, в общем-то, эксклюзивная схема. Обычно государство само управляет своими пакетами. И как правило, правительственные чиновники или представители РФФИ и МГИ возглавляют Коллегию представителей государства, они же и управляют этой долей. И честно говоря, как мы видим, тот факт, что Вяхирев управляет 35 процентами государственного пакета, это не спасает его от карательных мер со стороны правительства, вплоть до расторжения договора. Так что здесь никакого принципиального вопроса на самом деле нет. А принципиальный вопрос — это отношение государства к компании, которая дает от 25 до 30 процентов доходов в бюджет. Вот здесь отношение к этой компании, как к любой другой компании, как к любому другому неплательщику налогов, просто неэффективно. Неэффективно с финансовой точки зрения. И государство имеет право быть жестким лишь в том случае, если оно берет на себя полную ответственность за бюджетных потребителей.

Если ответственность за бюджетных потребителей лежит на государстве полностью, то что должно делать государство?

Во-первых, строго следить за тем, чтобы все бюджетные потребители на уровне утвержденных лимитов потребляли газ и электроэнергию. И на уровне этих лимитов государство должно своевременно живыми деньгами платить "Газпрому" и РАО "ЕЭС". И во-вторых, если почему-либо из-за бюджетных трудностей либо других причин бюджетные потребители в рамках этих лимитов не платят, то государство просто обязано делать взаимозачетные схемы до применения санкций в отношении этих компаний. Это очевидные вещи. Сила государства не только в том, что оно может "перекрыть кислород" этим компаниям, крупнейшим государственным монополиям, но и в том, что оно выполняет свои обязательства по отношению к этим компаниям. Это верно и в отношении к любым другим случаям. В частности, требовать уплаты налогов от граждан можно тогда, когда государство выполняет свои бюджетные обязательства перед гражданами. Кто первый должен начать тут действовать? Государство должно выполнять свои обязательства или граждане должны начать платить сначала налоги? Конечно, государству хотелось бы, чтобы за счет новых налогов, улучшения дисциплины и так далее потекли деньги в казну, казна разбухла бы, и после этого бы государство начало бы выплачивать пенсии и зарплаты без задержек. Но такого, к сожалению, не бывает.

Здесь нужно идти параллельно. Налогоплательщик, скажем тот же предприниматель, сейчас платит налог с вмененного дохода, но только рэкету. Именно поэтому он не платит полностью государству. Он уклоняется от налогов не потому, что себе в карман кладет, он платит тот налог, который не убивает бизнес, давая возможность рэкету собирать эту дань и в будущем. Мелкому бизнесу и среднему бизнесу выгоднее платить государству при одном условии, что государство защитит его от рэкета. А если государство удвоит налог, то есть добавок к рэкету и еще государство возьмет, то мы будем наблюдать массовое уклонение от уплаты налогов. Будут уклоняться от платежей слабому. Если им окажется государство, государству не будут платить. Если рэкет окажется слабым, значит, рэкету не будут платить.

Мы наблюдаем сейчас благодаря приходу Бориса Григорьевича Федорова в Госналогслужбу, что государство действует по технологиям, знакомым нам из

фильмов "Однажды в Америке" или "Крестный отец", - налеты на производителей, будь то производители незаконной водки или чего-то еще. Но если удастся службам — налоговой полиции, налоговой службе — показать силу и их будут бояться не только производители и торговцы, но и представители мафии и рэкета, тогда платить будут исправно.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, насколько вам кажутся правдивыми версии насчет возможного второго ГКЧП?

ШОХИН А.Н. Такие аналитические записки чаще всего приписывали Кургиняну. Он обычно плодил прогнозы в духе апокалипсиса.

На самом деле, здесь можно говорить лишь о том, что сейчас политическая ситуация не такая простая. Безусловно, будет ли ГКЧП-2 по схеме изоляции Ельцина в Шуйской Чупе, или формирование правительства народного доверия, госсовета и так далее. Слова-то многие всем знакомы уже давно. И правительство народного доверия, и госсовет уже обсуждаются второй месяц, после визита олигархов к Президенту Ельцину. Там это словечко выскользнуло. Набор знакомых слов, сюжетов и сплетен об этих ГКЧП. Какое у нас ГКЧП? Два было уже, помоему. Первое — в августе 1991 года, второе — в 1993 году, третье, когда Лебедь, после назначения на пост секретаря Совбеза, что-то разоблачил. Это уже 4-е или 5-е. Чтобы не ошибиться — будем говорить что очередное.

Я думаю, что если власть будет действовать энергично и динамично, то, конечно, никакие ГКЧП не нужны и не состоятся, их никто не поддержит, как это было и в предыдущие разы. Но для этого условия нужны энергичные действия власти по финансовой политике, по взаимоотношению с регионами, по взаимоотношению с основными политическими силами. И здесь как бы уже на летние каникулы уходить не приходится. К осени мы должны быть уже готовы к новым технологиям взаимодействия различных политических сил.

Я считаю, что моя апрельская идея — о передаче поста второго человека в государстве Председателю Совета Федерации — сейчас не только не потеряла свою актуальность, но даже актуальность этой темы увеличивается. Роль регионов в сохранении федеративного государства, целостности государства российского исключительно высока. Очень много разговоров сейчас по поводу конфедерализации России, распада, дезинтеграции и так далее.

Я, честно говоря, не думаю, что регионы настроены так легкомысленно, что готовы каждый в свою скорлупу забиться и выживать по частям, по отдельности. Мне кажется, что даже те регионы, которые мы традиционно обвиняли в сепаратизме, сейчас готовы возглавить движение по укреплению российского федерализма. В частности, это и республики: Татарстан, Башкортостан, некоторые кавказские республики. Это и крупные российские области и края. И надо этим воспользоваться. Для этого нужно реализовать схему повышения статуса Совета Федерации, нужны поправки в Конституцию. Вы знаете, что часть поправок уже запущена, некоторые из них как раз связаны с ослаблением роли Совета Федерации, с увеличением роли Государственной Думы.

Я думаю, что, если Председатель Совета Федерации будет иметь статус второго человека в государстве, многие технологии типа земского собора, когда в критические для судеб страны смутные годы именно земли российские выводили из кризиса страну, могут быть вновь реализованы. Но для этого нужны другие полномочия Совету Федерации. Некоторые губернаторы говорят, что нужно президента избирать субъектами Федерации, которые должны выбирать выборщиков в дополнение к членам Совета Федерации. А они уже в свою очередь избирают президента. Имеется в виду, что здесь какой-то получится политический баланс, меньше случайностей. Это была бы серьезная поправка к Конституции, вряд ли мы к ней готовы, но найти формулу повышения роли Совета Федерации, на мой взгляд, очень и очень нужно.

Сегодня как раз открылся Совет Федерации, сегодня съезжаются губернаторы, и понятно, что многое в судьбе антикризисного пакета зависит от позиции губернаторов. Если они поддержат, многие предложения правительство может даже проводить без Государственной Думы. Но проводить их без парламента нельзя. Нужно все равно на что-то опираться. Пока что устойчивой опоры у правительства нет. И здесь важно расширять политическую площадку в Думе и в целом опираться на Совет Федерации.

ВОПРОС.

Скажите, насколько велика, на ваш взгляд, вероятность устранения Ельцина от власти?

ШОХИН А.Н. Неконституционным путем, я думаю, очень низка. Никакого неконституционного варианта не может быть, на мой взгляд, потому что это настолько резко отбросит нас назад, что нам еще надо будет лет 10, чтобы дойти до кризиса 1998 года. Поэтому только конституционные технологии могут быть использованы. Значит, надо готовиться к президентским выборам, надо формировать широкую коалицию. Роль Президента Ельцина, его ответственность перед страной заключаются, на мой взгляд, в том, чтобы организовать процесс передачи власти конституционным путем такому президенту, который обеспечит стабильность, преемственность, предсказуемость экономической политики, внутренней политики, внешней политики. В этом главная задача.

Это не игра в преемников: назначить того, кто обеспечит благополучие Ельцину и его семье и так далее. Ставки должны быть выше. Надо так организовать процесс подготовки к президентским выборам, чтобы была полная гарантия обеспечения преемственности власти. Очень плохо, что в запасе нет нескольких кандидатов. Только наличие нескольких кандидатов, умеющих договариваться между собой, является гарантом стабильности. Вот почему появляются сюжеты, так сказать, типа прогноза державы. Нет, кроме того, ощущения наличия сильного правительства. Вот беда-то в чем.

Правительство Черномырдина критиковали по многим параметрам. Но очень плохо то, что нынешнее правительство не рассматривается как такой институт, который в состоянии вывести страну из кризиса.

Надо поэтому начинать укреплять это правительство, имея в виду вовсе не технократов, а имея в виду расширение политических опорных точек в этом правительстве, с тем чтобы оно могло вести политическую работу, не допускать схем типа ГКЧП. Только сильное правительство с политическими корнями в регионах, в политических партиях, представленных в парламенте, в предпринимательских кругах и так далее, в состоянии быть таким стабилизирующим фактором. Поэтому сейчас мы находимся на переломном, на мой взгляд, моменте, когда и Ельцин обязан, и правительство обязано заняться вот этой работой. Тяжелой, сложной работой, но, не проделав ее, мы будем здесь сидеть и обсуждать, сколько шансов у того, что прогноз той или иной газеты или той или иной организации сбудется. И присваивать будем номера различным ГКЧП.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, я так понял, что депутаты мечтают 80 процентов получать от нынешней зарплаты в случае роспуска Думы? Так ведь это предусмотрено в законе о статусе депутата Госдумы?

ШОХИН А.Н. Во-первых, я вас уверяю, что этот закон будет ветирован. И ветирован, наверное, даже в Совете Федерации. Потому что он бюджетоемкий. Есть даже опасение, что если он вдруг пройдет в Совете Федерации (даже не опасение, а уверенность), то он будет возвращен в Думу без рассмотрения в связи с отсутствием заключения правительства.

Во-вторых, что касается 80 процентов в случае роспуска, досрочного ухода на пенсию, то это стандартная схема по госчиновникам. Депутат приравнивается к федеральному министру, отсюда — и все привилегии.

Более существенной в этих законах является подготовка к досрочным выборам. Ежу понятно, что все поправки к избирательным законам, к Закону "О статусе депутатов" направлены на то, чтобы обезопасить Думу на случай досрочного роспуска. И если денег в бюджете нет, а льготы будут приняты, пусть сидят тогда депутаты до конца срока в целях экономии средств. Хотя никто не помешает Минфину остановить все выплаты в случае роспуска Думы. Некому жаловаться. Народу же депутаты не будут жаловаться, что им не платят такие высокие пенсии. Значит, это, в общем-то говоря, мертворожденная схема. Что касается схем досрочных выборов, там несколько позиций. Первая. Право политическим партиям и движениям, которые перерегистрировались за полгода до досрочных выборов, участвовать в этих выборах. Раньше был год. Речь идет только о досрочных выборах в случае роспуска нынешней Думы и выборах следующей Думы. То есть если бы досрочные выборы были бы объявлены на весну следующего года, думские партии не могли бы принять в них участие, если бы действовал старый Закон "О гарантиях избирательных прав". Поправка в закон позволяет им всем участвовать в досрочных выборах. То есть если за полгода до выборов

перерегистрация прошла, то можно участвовать в выборах. Стало быть, начиная с декабря этого года все думские партии могут участвовать в выборах, если эта поправка будет принята как закон. Здесь проблема только в том, чтобы Совет Федерации не остановил этот закон. Если президент наложит вето, Дума преодолеет вето, а Совет Федерации его не преодолеет, закон в таких случаях "умирает" естественным путем. Тупиковая, не проработанная в нашем законодательном процессуальном механизме проблема и как быть с такого рода законами?

Вторая. Это поправка к Закону "О статусе", в соответствии с которой полномочия депутатов заканчиваются не в день досрочного роспуска Думы, а в первый день работы Думы следующего созыва. Это сделано на основании конституционной нормы, где сказано, что Дума работает непрерывно. А по норме старого закона разрыв может быть четыре месяца. Вот, чтобы привести норму в соответствие с Конституцией, депутаты решили поправить старый закон. Хотя понятно, что речь идет о том, чтобы после объявления досрочных выборов депутаты имели возможность использовать Думу как предвыборную штабную площадку.

Ряд других поправок такого рода заложен в избирательное законодательство, поправки к этому законодательству, из чего можно сделать вывод, что Дума будет готова к досрочным выборам в случае, если такие корректировки, на первый взгляд незначительные, будут сделаны. Это значит, что правительству трудно будет использовать такой механизм, как вотум доверия к самому себе.

Известно, что конституционные нормы вотума доверия по инициативе правительства голосуются в первоочередном порядке. И в случае если Дума в этом доверии отказывает, то президент имеет право распустить Государственную Думу в течение семи дней.

Но депутаты помнят, как их унижил Черномырдин в июле 1995 года, когда они хотели выразить вотум недоверия, а Черномырдин пришел с заявлением о вотуме доверия. И пришлось Думе и правительству отзываться свои взаимные обвинения и замиряться, что называется. Депутаты тогда сильно расстроились, что не удалось выиграть эту битву, и поправили Регламент.

В Регламенте теперь написано, что если правительство ставит вопрос о доверии, а группа депутатов (90 человек по нормам Регламента) ставит вопрос о недоверии правительству (понятно, что всегда в загашнике у фракции КПрФ сотня подписей о вотуме недоверия лежит), то в этом случае первым голосуется вопрос о вотуме недоверия. И если недоверие голосуется положительно для инициаторов, то вопрос о доверии правительству не рассматривается Думой в течение трех месяцев. Почему? Потому что в течение трех месяцев Дума имеет право голосовать недоверие повторно.

Такой казуистический и технологический прием позволяет Думе не бояться того, что Кириенко вдруг, скажем 15-го или 16-го числа, придет и скажет: "Не примете мой пакет, вот вам заявление о доверии правительству, если вы его голосуете негативно по отношению к правительству, мы готовы уйти в отставку, если голосуете доверие, то принимаете весь этот пакет законов". Эта схема уже не работает.

Пока премьер будет идти к трибуне, Дума проголосует вотум недоверия. Я вас уверяю, председатель скажет: "Сергей Владиленович, минуточку, вы пока постоитесь тут, мы сейчас проголосуем вотум недоверия". И сработает эта регламентная норма. Это потом начнется разбирательство в Конституционном Суде: имеет ли право Дума, используя свой Регламент, не Конституцию, отказывать правительству в голосовании вотума доверия или нет? Но Конституционный Суд рассматривает дела в порядке очередности, он не политизированная организация. Ему еще надо рассмотреть запрос Думы по возможностям избрания Президента Ельцина на новый срок, а это октябрь. Где-то в декабре—январе следующего года Конституционный Суд рассмотрит неконституционность решения Государственной Думы в отказе правительству в доверии.

ВОПРОС.

Вот вы упомянули поправку к Конституции. Левые уже внесли несколько, там, кроме ограничения полномочий Совета Федерации, есть и другие. Там есть недоверие конкретным членам правительства, облегчение процедуры импичмента. Как вы считаете, каковы шансы поправок? И каково отношение фракции НДР к ним или, может быть, ваше личное отношение?

ШОХИН А.Н. Есть отношение фракции НДР по ряду поправок. Мы считаем, что

недоверие отдельным членам правительства — это конструкция неэффективная и неуместная. Она противоречит другой схеме, на которой оппозиция настаивает, — формирование правительства парламентского большинства.

Если правительство формирует парламентское большинство или оно формируется на базе какой-то коалиции большинства, то вообще не может быть недоверия отдельному члену правительства. Это нонсенс. Недоверие должна высказать партия парламентского большинства или коалиция фракций парламентского большинства. Они это могут решить в рабочем порядке и сказать: "Сидоров, тебе пора пойти на хозработу, а нам нужно Петрова в правительство взять из Думы, из региона и так далее".

Это дело правящих партий и фракций. Поэтому во внесенных поправках много каши, противоречий. Это лишний раз убеждает, что с кондачка поправки к Конституции принимать нельзя. Я вообще считал бы, если бы президент откликнулся на эту схему, было бы правильно до 2000 года поправки к Конституции вносить самим президентом. Сейчас президент исключен из процесса принятия поправок, они принимаются по формуле федерального конституционного закона. Дума вносит, Совет Федерации одобряет, субъекты Федерации ратифицируют поправку. И президент обязан подписать закон Российской Федерации о поправке, даже если он не участвовал в этом процессе, права вето у него нет на этот закон.

В порядке такого джентльменского соглашения можно было договориться, что президент сам вносит эти поправки. Но президент боится запустить поправки к Конституции, потому что, действительно, там много такого мусора, который вообще сделает Конституцию еще хуже, чем она есть сейчас. Поэтому можно было бы провести нечто вроде конституционного совещания, и на нем президенту дать право вносить те поправки, которые выношены этим конституционным совещанием.

Это не вполне конституционная норма, эта норма могла бы базироваться на идеологии "круглого стола" в широком смысле слова.

Есть у меня своя личная позиция. В сентябре буду ее публично высказывать. Если хотите, я готов в письменном виде представить соображения в одном из ваших изданий, но мне нужно страничек пять-шесть текста, чтобы по всем поправкам высказаться. Кто готов, поднимите руки.

Спасибо.

КРУГЛЫЙ СТОЛ "БЕЗ ГАЛСТУКОВ"

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
15 ИЮЛЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Предлагаю нашу встречу сразу начать с вопросов. Пожалуйста. ВОПРОС.

Расскажите о формате и характере встречи лидеров фракций Думы с президентом.

ШОХИН А.Н. Поскольку встреча была организована достаточно неожиданно, не участвовали в ней Геннадий Зюганов (его заменял Валентин Купцов), Николай Рыжков (его представлял Василий Ивер) и Григорий Явлинский (его представлял Сергей Иваненко). Остальные лидеры фракций присутствовали сами.

В связи с тем, что появилась вакансия в Клубе государственных деятелей, встречающихся "без галстуков" из-за отставки премьера Японии господина Хасимото, лидеры фракций Государственной Думы предложили рассматривать себя в качестве кандидатов на эту вакансию. Прозвучало предложение разочек встретиться "без галстуков" (у костерка, как сказал Харитонов). Президент эту идею не отверг. Так что ждите нового формата подобного рода встреч.

ВОПРОС.

О чем бы мы ни говорили сегодня, все-таки конечная цель — как это все может сказаться на реальном секторе экономики? С этих позиций что бы вы могли сказать об ориентирах, которые будут осуществлены в связи с реализацией программы, о которой идет речь?

ШОХИН А.Н. Скрывать тут не нужно да и не удастся, что программа, первый пакет

антикризисных мер, носит фискальную нагрузку, нагрузку, связанную со стабилизацией финансовой ситуации. И лишь в пропагандистском плане заявлена поддержка реального сектора экономики. Я до конца еще не понял, в чем она заключается. Сергей Кириенко заявил, что, по сути, речь идет о новой экономической политике, о фактической смене экономической политики правительства, которая будет ориентирована на реальный сектор экономики. Сейчас это проявляется в идее снижения тарифов по "Газпрому" и РАО "ЕЭС". Это связано с представлением права без налоговых санкций продавать оборудование, товары и услуги ниже себестоимости и так далее. Но целостной промышленной политики, ориентированной на восстановление, возобновление экономического роста, поддержку экспорта, пока еще не просматривается. Опять реализуется старая схема: создание необходимых предпосылок для экономического роста, для промышленного развития. Эта схема, как известно, и раньше закладывалась в основы экономической политики: низкая инфляция, низкие процентные ставки, переток финансовых ресурсов со спекулятивного рынка, рынка ГКО в реальный сектор и на этой основе — подъем. Сейчас мы понимаем, что эта стандартная схема не срабатывает, не срабатывает не потому, что в целом монетарные теории не верны, а прежде всего потому, что мы запоздали с реформами, институциональными и структурными реформами: реформой предприятий, реформой естественных монополий и механизмов принятия решения. Это, кстати, не отказ от рыночной технологии. Рынок сам по себе не порождает нормальных институтов управления. Рынок создает среду, которая через некоторое время с неизбежностью требует этих институтов. Но институтов прежде всего внедрения, навязывания стандартов рыночного поведения. Сила государства в рыночной экономике не в регулировании тарифов, а в том, что все участники хозяйственной деятельности соблюдают условия контрактов. Работодатели должны соблюдать контракты с наемными рабочими, государство — с налогоплательщиками и так далее. И сила государства в том, что оно гарантирует соблюдение условий контрактов. Вот в этом смысле у нас государство отсутствует в экономике. И это не новая политика, это, по сути, исправление ошибок предыдущего этапа, связанных с недостаточным вниманием к институтам рыночной экономики.

Так что мы должны из либералов-монетаристов становиться институци-оналистами, если говорить в терминах экономической теории.

Тот фискальный и финансовый пакет, который сейчас предложен, на мой взгляд, позволяет решить многие проблемы, многие, но не все. В частности, даже если с первого августа многие налоги будут запущены, уверяю вас, что не так просто будет отладить схему введения налога с вмененного дохода. Много зависит от того, кто будет вменять этот доход и не получим ли мы новую волну коррупции на региональном уровне, когда местные налоговые службы будут определять уровень доходов. Налог с продаж в версии, в которой мы его обсуждаем в Думе, — это лишь рекомендация. Вернее, права, предоставленные регионам вводить этот налог при возможном сохранении существующих налогов. Потребуется длительная отладка, надо будет решать местным органам власти, какой налог они будут отменять, вводя налог с продаж. То есть даже если с первого августа пакет будет введен, парутройку месяцев надо будет потратить на отладку всех этих механизмов.

Что касается пакета дополнительной помощи со стороны международных финансовых институтов и Японии в размере не менее 15 миллиардов долларов, то он позволяет снять остроту вопроса о девальвации национальной валюты. Схема, которая предложена Минфином — конвертация краткосрочных государственных обязательств — ГКО в менее спекулятивные, менее доходные, но привлекательные, устойчивые и долгосрочные бумаги, деноминированные в долларах или в другой валюте, — позволяет снять нагрузку с бюджета по обслуживанию внутреннего долга в текущем периоде, но, безусловно, это не глобальное решение проблемы, поскольку нагрузка на внешний долг увеличится очень сильно через несколько лет.

Я могу на собственном примере напомнить, как это происходило в 1993 году, когда я подписывал первое соглашение с Парижским клубом об отсрочке платежей по долгам бывшего СССР на 10 лет, причем 5 первых лет были льготные, когда по основному долгу платить не надо. Мы были абсолютно уверены, что за пять лет мы поднимем экономику и растущие доходы, связанные с экономическим ростом, позволят нам с лихвой рассчитаться по долгам бывшего СССР.

Сейчас речь идет о том, чтобы конвертировать краткосрочные бумаги в бумаги с периодом обращения свыше года. Но даже если они будут похожи на евробонды и

срок у них будет от 3 до 10 лет, а может быть и больше, все равно проблема обслуживания долга остается. Хотя бы потому, что начиная с этого года у нас появляются зубцы платежей по старым внешним долгам и на них наложатся новые зубцы платежей и нагрузка будет очень большая. Не случайно Международный валютный фонд не только идет на предоставление этой помощи, но и выставляет жесткие условия, гарантирующие возврат этих долгов. Ведь требование по бюджету 1999 года (снизить дефицит до 2,5 процента и добиться 3-процентного первичного профицита бюджета, то есть превышения доходов над расходами, если не считать обслуживание долгов) очень жесткое. Это более жесткое требование, нежели все остальные условия Международного валютного фонда. Но выдвигают его международные финансовые институты, с тем чтобы гарантировать выплату этих кредитов, имея в виду, что бремя старых обязательств довольно высокое.

Так что это лишь передышка, и явно здесь потребуются меры по оживлению производства, иначе налоговая база никак не увеличится. Здесь можно поверить в искренность слов премьера, когда он говорит о необходимости оживления производства, поддержке экспорта, национального производителя. Иначе нас ждет долговая петля, из которой выбраться уже будет невозможно.

ВОПРОС.

Скажите, пожалуйста, как отнеслась оппозиция, представители оппозиции к вашему предложению отозвать комиссию по импичменту?

ШОХИН А.Н. Только один представитель оппозиции высказывался на эту тему, сославшись на то, что требование импичмента — это не только мнение думской оппозиции, это мнение людей: шахтеры требуют, оборонщики требуют, многие законодательные собрания регионов, поэтому мы здесь ни при чем, это народное как бы движение. Это был представитель "Народовластия". Ни Валентин Купцов, ни Николай Харитонов на эту тему не высказывались. "ЯБЛОКО" также высказывалось на эту тему. Более того, Сергей Иваненко заявил, что их фракция, осознавая сложность момента, поддержит большинство предложений правительства. И повторил известный тезис Явлинского о необходимости действовать правительству и президенту быстро и самостоятельно, не дожидаясь решений Государственной Думы. То есть здесь как бы косвенная поддержка со стороны "ЯБЛОКА", безусловно, есть.

Очень важно сейчас, в этот кризисный момент иметь в Государственной Думе не только оппозицию, численность которой близка к простому большинству, но очень важно иметь конструктивное меньшинство в Государственной Думе, которое может забаллотировать некоторые решения, тем самым это меньшинство (и конституционным можно назвать это меньшинство) будет реально участвовать в принятии любых решений. Без такого конституционного меньшинства (это 150 человек) нельзя будет ни вето президента преодолеть, нельзя будет обвинение против президента вынести, нельзя будет принимать федеральные конституционные законы. Речь здесь не идет о создании пропрезидентской группировки в Государственной Думе. Здесь речь идет о создании просто нормальной здравомыслящей части Государственной Думы, которая будет работать, ориентируясь на реальные проблемы страны. Более того, и президент будет вынужден считаться с этой группировкой. Сейчас чаще случается, что власть, правительство или президентская администрация консультируются больше с оппозицией, нежели с теми партиями, движениями и фракциями, которые являются, по сути, единомышленниками, хотя расходятся в конкретных подходах к решению различных проблем.

Если нам удастся добиться такого поворота во внутридумской структуре, это было бы очень полезно.

Я могу проинформировать, что в развитие этой идеи подготовлено соглашение между фракциями НДР и депутатской группой "Российские регионы" о создании такой мягкой коалиции по согласованию голосований по ключевым вопросам. Мы надеемся, что к осенней сессии эта технология мягкой коалиции будет реализована. В частности, мы сможем выставлять единых докладчиков по ключевым вопросам, а также согласовывать позиции до голосования на пленарных заседаниях. И это должно, на мой взгляд, привести в работу Государственной Думы больше конструктива.

ВОПРОС.

А 150 человек без Жириновского можно набрать или нет?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, если говорить о моей позиции, я бы хотел, чтобы в этом

меньшинстве были единомышленники или коалиции конструктивного меньшинства.

В двух депутатских объединениях "Наш дом — Россия" и "Российские регионы" 110 человек примерно. Около 20 независимых депутатов, которые тоже в принципе могут быть отнесены к категории наших единомышленников. Это 130 человек. Но 20 надо в розницу набрать — это один подход.

Либо второй подход — по конкретным голосованиям надо вовлекать в эту коалицию на разовой, если хотите, основе другие фракции, и это позволит проводить ту линию, которая требует наличия блокирующего конституционного меньшинства.

ВОПРОС.

Вчера в правительстве обсуждался новый пакет антикризисных мер на случай, если Дума не примет законы, ранее внесенные правительством.

ШОХИН А.Н. Лидеры фракций отнеслись к этому достаточно спокойно. Более того, мы ждем этот новый пакет. Дело в том, что мы ведь не сможем до конца недели окончательно сказать, что из первоначального пакета принято, в каком объеме. И более того, ведь целый ряд законов у нас отложен на потом. В частности, закон об изменениях в бюджете, о межбюджетных отношениях, по нашему мнению, должен быть балансирующим законом, и правительство с этим согласилось, поскольку он касается распределения поступлений от различных налогов уровнями бюджета. Коль скоро мы сможем дать окончательный ответ правительству о пакете, принятом Думой лишь в конце недели, то правительство сможет внести новый пакет только после этого, но все равно это пакет, требующий принятия Государственной Думой законов.

Сегодня Борис Николаевич Ельцин четко подчеркнул, что его возможности по принятию решений ограничены. Без законов в области налоговой системы мы не можем запустить антикризисный пакет. Поэтому он обращался к Думе принять тот пакет, который уже есть, и договорились, что это первый шаг. И надо максимум сделать того, что возможно при реализации этого шага.

Президент понимает, что 100-процентного позитивного голосования по инициативам правительства не может быть. Во-первых, потому что компромиссы уже найдены по ряду законопроектов. Некоторые из законопроектов надо перенести или рассматривать как совместную инициативу правительства и депутатов, а некоторые могут быть и не приняты. Важно, чтобы неприятая часть пакета не являлась критической для этого антикризисного пакета законодательных актов. После этого мы будем готовы работать, даже в августе—сентябре рассматривать новые законопроекты, представленные правительством. А для этого их должны посмотреть комитеты, и после этого мы готовы пойти даже на созыв внеочередного заседания в августе или в начале сентября. То есть здесь никаких резерваций у Государственной Думы нет. Но пока мы не знаем, о чем идет речь, честно говоря, о каком пакете новых мер, которые могут быть внесены, если Дума не примет те законы, которые рассматриваются сейчас.

Тональность сегодняшнего разговора президента с представителями Думы была очень спокойной. Никаких заявлений типа: если не примете эти законы, то будут приниматься адекватные меры, — не было. Надо сказать, эта тональность повлияла на присутствующих лидеров думских фракций. Борис Николаевич произнес такую патетическую фразу — мы одна страна, одна команда и должны вместе работать над поиском путей выхода из кризиса. То, что в одну команду он записал Государственную Думу вместе с собой, может повлиять на позицию депутатов.

ВОПРОС.

В обмен на поддержку антикризисных мер, что президент сказал, о чем его просили?

ШОХИН А.Н. Лидеры, во-первых, просили чаще встречаться, в том числе и "без галстуков".

Во-вторых. По некоторым законопроектам высказывались конкретные предложения: не торопиться с налогом с продаж, коммунисты предлагали не трогать естественные монополии. Собирать с них налоги, но не забывать, что они хребет экономики и так далее, никаких просьб в жанре политического торга не высказывалось.

ВОПРОС.

Это коммунисты подняли вопрос о естественных монополиях?

ШОХИН А.Н. Купцов поднял вопрос о естественных монополиях.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Что касается нашей позиции по естественным монополиям, то я ее заявлял в контексте известного скандала, или как одно из изданий назвало это десятой газовой войной. Позиция наша не меняется. Во-первых, все должны платить налоги. Крупнейшие налогоплательщики должны показывать пример, с тем чтобы легче было бороться с остальными налогоплательщиками.

И во-вторых. Поскольку государство, как правило, является само должником этих естественных монополий, очень важно выработать систему взаимных обязательств, может быть, даже зафиксированных в соответствующих договорах и контрактах. Государство обязано оплатить в соответствии с утвержденными лимитами потребления электроэнергии, газа и так далее потребление энергоносителей бюджетными потребителями. Если оно требует уплаты налогов живыми деньгами, то оно обязано уплатить живыми деньгами за потребленные в рамках этих лимитов газ "Газпрому", электроэнергию РАО "ЕЭС" и так далее. Тогда это будет нормальная рыночная экономика с сильным государством. Если же мы выколачиваем долги из этих монополий, а, во-первых, бюджетный потребитель выходит далеко за рамки установленных лимитов, и, во-вторых, бюджет не может оплатить даже в рамках лимитов потребленные электроэнергию, газ и так далее, то это неравенство сторон контракта. А мы, выступая за рыночную экономику с сильным государством, должны ратовать за верховенство контрактной экономики.

Вот здесь ключевой вопрос. Если государство может работать по этой схеме живыми деньгами с лимитами, с контролем за соблюдением этих лимитов, то я думаю, что оно вправе жестко требовать с "Газпрома", с РАО "ЕЭС" платить живыми деньгами в рамках нормативных значений налоговых поступлений. Если нет, схемы взаимозачетов придется применять, хотя это, наверное, неправильно. Лучше живые деньги. Кто здесь первый должен быть или кто должен дожидаться выполнения обязательств противной стороны, это вопрос не принципиальный, это все должно быть зафиксировано в соответствующих договорах между правительством и соответствующими крупнейшими компаниями.

ВОПРОС.

Относительно необходимости обсуждения большой политики за "круглым столом". Это идея дискуссионная.

ШОХИН А.Н. Вы знаете, за "круглыми столами" на самом деле должны обсуждаться не только те вопросы, которые требуют принятия соответствующих решений Государственной Думой и Советом Федерации. Если речь пойдет о том, чтобы заранее на "круглых столах" обсуждать те темы, которые через неделю, через две, через месяц будут обсуждаться в виде законов в нижней и верхней палатах, этого мало. Очень важно втянуть думских, региональных политиков в принятие судьбоносных решений.

Например, сегодня встал вопрос, его задал Николай Харитонов, он опередил всех сразу: Борис Николаевич, а что в Соглашении с МВФ? Говорят, там и землей уже и территорией торгуем и все сдаем и так далее? То есть без подключения в той или иной форме Думы к обсуждению ключевых вопросов экономической политики, финансовой политики, поддержки законопроектов не будет. Поэтому договорились, что завтра с утра в Думу придет Михаил Задорнов и расскажет об основных параметрах Соглашения с МВФ и о тех условиях, на которых предоставлены дополнительные займы. Конечно, Дума не может пройти мимо схем конвертации коротких рублевых обязательств государства — ГКО в долгосрочные. Здесь речь не идет о том, чтобы лидеры фракций обсуждали эту тему с президентом. По сути, встал вопрос о создании механизма постоянных консультаций. Могут быть разные уровни, в том числе экспертный рабочий уровень. Ведь беда нынешнего правительства, на мой взгляд, состоит в том, что оно чересчур поздно включило Совет Федерации и Государственную Думу в выработку конкретных решений, будь то решения, связанные с принятием законов, или решения, которые проводятся в жизнь указами президента и постановлениями правительства. В частности, приняли решение в 5 раз "скостить" пени и штрафы, имея в виду, что штрафные санкции вводились в период высокой инфляции и высоких процентных ставок. Но почему в 5 раз? А почему вообще не подойти к этой схеме по-другому, как подходят, например, Парижский и Лондонский клубы: дается рассрочка или отсрочка в уплате основного долга, за который в зависимости от периода реструктуризации, от наличия и длительности льготного периода платятся проценты — проценты за реструктуризацию. Это схема иная, но эта же схема существует в мире и ее

применяют по отношению к России те же кредиторы. Вот вам тема для обсуждения с экспертами Думы, с бюджетным комитетом, с комитетом экономической политики и так далее. И чем раньше включатся эксперты, профессионально продвинутые депутаты Государственной Думы в разработку соответствующих вопросов, тем больше шансов, что будет политическая поддержка и антикризисной программы правительства в целом. Я уже об этом неоднократно говорю начиная с апреля, что правительству не хватает политических опорных точек. Сейчас мы только подошли к выстраиванию этой технологии — к созданию политических опорных точек правительства на уровне регионов и на уровне Государственной Думы. Это можно было бы сделать раньше.

ВОПРОС.

У меня два вопроса. Как вы считаете, после вчерашних договоренностей с МВФ опасность девальвации миновала или только отступила? И второй вопрос: как вы нашли Бориса Ельцина в свете слухов о его нездоровье?

ШОХИН А.Н. Начну со второго вопроса. Мы все нашли президента достаточно энергичным, бодрым. Он вел дискуссию, а не просто предоставлял слово по очереди каждому. Это делал, кстати, Геннадий Селезнев. Президент комментировал, отвечал на вопросы и был включен в дискуссию. Правда, он нам не дал долго говорить. Но я думаю не потому, что у него сил не хватило, а потому, что были обязательства, видимо, другие. Он даже специально сказал, что готовность встречаться у него есть, но другие дела цепляются.

Что касается решений по новым кредитам МВФ. Они в понедельник будут приняты на Совете директоров МВФ. Я еще раз подчеркну, что это передышка, безусловно. Но это не решение проблем российской финансовой системы, российской бюджетной, налоговой системы. Это растягивание во времени всех проблем. И в период этой растяжки нам надо успеть перестроить налоговую систему.

Я в этой связи хорошо помню, как мы обсуждали в 1994 году с Международным валютным фондом, с министрами финансов "семерки" и председателями центральных банков "семерки" нашу новую идеологию по бездефицитному и неэмиссионному бюджету. Это было 30 сентября 1994 года в Мадриде. Мы тогда впервые вбросили в МВФ и "семерку" идею использования ГКО и других инструментов для покрытия дефицита вместо дешевых прямых кредитов Центрального банка.

Тогда пакет выглядел следующим образом. Был пакет, я его, поскольку пробивал, хорошо помню. Он включал следующие элементы. Мы переходим к новой бюджетной системе, фиксируем курс в пределах отклонений на 10 процентов от центрального курса. Выходим максимум на 2-процентную инфляцию в месяц. И под это дело МВФ нам дает пакет помощи в 15 миллиардов долларов. Совпадение с нынешними цифрами, конечно, заметно. Мы тогда сами загибали пальцы, откуда эти деньги можно взять. Шесть миллиардов — стабилизационный фонд рубля. Те шесть миллиардов, которые сейчас даются из очередного пакета, — это каким-то образом, на мой взгляд, напоминает стабилизационный фонд рубля. Тогда мы пробивали в ускоренном порядке кредит "standby".

Кроме того, от МВФ мы требовали специальных прав заимствований (СДР), которые Россия как новый член не получила, это еще 1,5 миллиарда. Структурные займы мирового банка. Набиралось как минимум 12 миллиардов долларов в пакет помощи. Плюс двусторонка. Итого около 15.

Для чего мы его пытались собрать? Идея была очень простая. Мы собираем максимум того, что можно собрать в международных финансовых организациях, и за год делаем налоговые реформы. А с 1996 года начинаем опираться на собственную налоговую базу, и нам заимствования будут не нужны.

К сожалению, тогда эта схема не получилась. Вернее, она была реализована только частично в части перехода на ГКО. Вот это, на мой взгляд, было ошибкой. Нельзя было переходить на краткосрочные обязательства в условиях инфляции, превышающей 10 процентов в месяц, с точки зрения инфляции, процентных ставок и доходностей ГКО 200 процентов. Было очень опасно переходить на данную схему. Это было не страшно в условиях низких объемов внутреннего долга и относительно невысокой доли расходов на обслуживание долга, процентных выплат в бюджете. Но уже в 1996 году многие забили тревогу, что скоро выстроится пирамида ГКО, которая может не хуже пирамиды Мавроди своими обломками обрушить и не только финансовую систему, но и политическую систему страны.

Правительство, по сути, признало ошибочность выстраивания этой пирамиды ГКО

в условиях высокой инфляции 1995—1996 годов и высокой доходности ГКО в последующем.

По сути, сейчас выкупаются эти ГКО, на это частично уйдет кредит МВФ. Не все инвесторы — резиденты или нерезиденты — поверят в привлекательность новых валютных инструментов правительства, если это даже будут достаточно привлекательные бумаги, скажем, на уровне выше нынешних доходностей по еврообондам, потому что напряженность бюджета очень ощущается.

Тем не менее многие нерезиденты могут захотеть выйти с российского рынка и уйти куда-нибудь на бразильский или на мексиканский рынок. Такая вероятность существует. И поэтому частично кредит МВФ будет тратиться на выход нерезидентов с российского рынка. Но нельзя силовым путем заставлять инвесторов переоформлять короткие бумаги в длинные, если они не чувствуют уверенности в завтрашнем дне, не чувствуют перспективы, в том числе политической.

Вот отсюда вытекает еще один момент. Мы сможем удешевить всю эту операцию по финансовой стабилизации и по конвертации ГКО в долгосрочные, номинированные в долларах или в другой валюте бумаги, ежели обеспечим одновременно политическую предсказуемость в стране. Все связано в этом мире. Если мы сумеем в ближайшее время отработать такие политические технологии, которые приведут к тому, что перестанем бояться 2000 года, вот тогда шансы хорошие, чтобы длинные бумаги имели высокий спрос.

Если нет, то выход с российского рынка будет заметным явлением. И худший вариант, конечно, когда все первые 5—6 миллиардов долларов кредита МВФ придется заплатить иностранным инвесторам, уходящим с российского рынка, то есть эти деньги лишь транзитом пройдут через российскую казну и Центральный банк. Тогда угроза девальвации остается, вопрос лишь в сроках и масштабах.

ВОПРОС.

Вы сказали, что важно, чтобы непринятая часть антикризисного пакета не оказалась критической. Как вы оцениваете это по существу?

ШОХИН А.Н. На мой взгляд, сейчас пока непринятая часть является критической, потому что такие инструменты, как налог с продаж, подоходный налог с физических лиц и налог с вмененного дохода, — это существенная часть прогнозируемых дополнительных поступлений в бюджет. Я уже высказывался на эту тему, повторю еще раз.

Очень важно в рамках кризиса не только думать о фискальной компоненте (здесь правительство зажато требованием МВФ, ему нужно выйти к концу года на более существенный профицит первичного бюджета, почти дотянуться до 3-процентного превышения доходов над расходами, а это можно сделать, только увеличив примерно на 5 миллиардов в месяц поступления налогов и других доходов в бюджет).

Повышая доходы бюджета, я бы не делал ставку только на налоги. Я уже испортил свои отношения с Центральным банком. Первого числа, выступая с трибуны Государственной Думы, я предложил депутатам пересмотреть принятый осенью закон о сохранении государственных долей, вернее, долей Центрального банка в росзагранбанках и Внешторгбанке. Это активы, измеряемые несколькими миллиардами долларов. И мне никто не докажет, что Центральный банк нуждается в этих коммерческих банках. Те операции, которые Центральный банк осуществляет с участием заграничных банков, Внешторгбанка, могут осуществляться с частными банками не обязательно с российским капиталом. Может быть, они будут даже более прозрачными в этом случае.

Центральный банк, обычно ссылаясь на необходимое сохранение этих долей, имеет в виду Сбербанк. Но Сбербанк можно не трогать, поскольку он является существенным держателем портфеля ГКО. Очень важно на примере Сбербанка показать, как работает схема конвертации ГКО в длинные бумаги. И если даже вдруг со Сбербанком будут сбои, я считаю, что его надо поддерживать государству, в частности давая возможность поддерживать ликвидность на высоком уровне через предоставление вне конкурсов, тендеров и так далее различных функций по обслуживанию бюджета, например таможенных счетов и так далее. Сейчас этим занимаются коммерческие банки, но можно было бы для подстраховки провести схему конвертации ГКО в длинные бумаги с поддержкой такого рода в пользу Сберегательного банка.

У нас есть такие акционеры, как РАО "ЕЭС" и "Газпром". Если их не ронять на рынке, они вполне могут и прикупить эти банки, но это даже и не нужно. Пусть

иностранные инвесторы покупают эти банки. Зачем нам обязательно ставить задачу о приватизации субъектами российского права? Это несколько миллиардов долларов, которых в стране может и не быть. Нужно поставить вопрос о выходе правительства из некоторых российских банков с госучастием. Я насчитал таких банков полдюжины. Никто уже не помнит, зачем государству в некоторых из них участвовать. Можно было бы смело выйти. Это, конечно, доход не Бог весть какой, но это дело принципа.

ВОПРОС.

Это какие банки?

ШОХИН А.Н. Например, "Российский банк реконструкции и развития", где 25 процентов государства. Это "Банк развития предпринимательства", где 20 процентов. Это даже "СБС-Агро", где полпроцента. Это "Менатеп", где один процент. Уже все забыли о наличии этих долей. Вполне можно было бы выйти оттуда, тем более что рыночные котировки этих долей, наверное, выше номинальной стоимости. И в то же время есть банки, из которых выходить нельзя, наоборот, надо повышать эффективность управления государственными пакетами. Это "Российский экспортно-импортный банк", где у правительства 96 процентов акций. Было бы правильно создать некую государственную банковскую корпорацию, которая могла бы разобраться с государственными долями в банках и повысила бы эффективность присутствия в тех банках, в которых будет решено его сохранить.

"КОГДА НА ЧЕЛОВЕКА

НЕТ КОМПРОМАТА, С НИМ НЕВОЗМОЖНО РАБОТАТЬ"

("СОБЕСЕДНИК", 27 ИЮЛЯ 1998 ГОДА, А. ПРИСЯЖНИК)

Политическая биография Александра Шохина почти безупречна. В ней, как теперь кажется, не было ничего неожиданного, никаких резких падений и взлетов. То, что другие могли расценить как поражение, для него в конечном счете всегда оказывалось победой. Покинув по собственной инициативе правительство, он почти сразу появился на политическом Олимпе в должности зампреда Госдумы, а позднее и руководителя одной из довольно влиятельных фракций.

Александр Шохину сорок шесть лет, как политик он разменял второй десяток. И за все это время, кажется, никто не видел его уставшим или растерянным. Впрочем, однажды он явно чувствовал себя неуютно. Это было на пятом съезде НДР. Мой знакомый, бывший парработник, следивший за тем, что происходило тогда в зале, сказал: "Разве у Зюганова коммунисты? Вот где коммунисты сидят!"

—Вы знаете, мне пятый съезд тоже очень не понравился. Раньше некий бюрократический стиль проведения заседаний был как-то оправдан, потому что лидер был председателем правительства. Сейчас многое нужно менять, но не все это понимают. Дело в том, что на пятом съезде прежние соратники вашего знакомого сидели в президиуме, например Владимир Бабичев. Как бывший заведующий орготделом ЦК КПСС, он сейчас олицетворяет бюрократическую линию развития нашего движения. Но, на мой взгляд, будущее НДР только в том, чтобы превратиться в нормальную политическую структуру.

—Многие сомневаются, что это возможно.

—Другого выхода нет.

—Сколько в НДР губернаторов?

—Больше тридцати. И сейчас некоторые из них уже начинают высказывать свое собственное мнение.

—Как Аяцков, например...

—Ну, не только Аяцков. Есть и другие региональные лидеры, которые видят себя президентами. Следуя бюрократической схеме, мы должны сказать тому же Аяцкову: "Парень, мы своего кандидата выдвинули, а ты, если не согласен, убирайся".

—Надо ли это понимать так: НДР уже определилась с претендентом на президентскую кампанию 2000 года?

—И Аяцков, и Черномырдин должны в равной степени доказывать свое право на это. И это можно сделать только через выборы в парламент в 1999 году. Надо привести туда, например, вторую по количеству депутатов фракцию. Это задача, решение которой автоматически делает человека общенациональным лидером. Вообще, я за то, чтобы Виктор Степанович шел к двухтысячному году, но — через промежуточную дистанцию, год 1999-й.

—Интересно, вы сами пошли бы во власть, если б вам выставили столь жесткие условия?

—Во власти я оказался случайно. Более того, когда я стал в свое время приближаться к верховной власти, то попал в ловушку. Был заведующим лабораторией в очень престижном экономическом институте, собирался докторскую защищать. А меня вдруг неожиданно пригласили поработать в МИДе советником, причем по вопросам советской экономики. То есть речь шла о том, чтобы я консультировал члена политбюро по вопросам внутренней экономической жизни, чтобы он мог не только понимать, о чем говорят на заседаниях политбюро, но и сам выступать. Несмотря на то что тогда не было принято отказываться, я отказался, боясь перехода из свободной научной среды в бюрократический аппарат. Но мой отказ не был воспринят всерьез, и в конце концов я должен был пойти на новую работу. (На самом деле членом политбюро был Эдуард Шеварднадзе, а отказ Шохина поняли, скорее всего, как смущение молодого специалиста. Во всяком случае через месяц после собеседования с Эдуардом Амвросиевичем в институт позвонили и удивленно спросили, почему Александр Шохин не ходит на работу в МИД, ведь приказ давно подписан министром. — Авт.) Вы знаете, я потом даже разработал хитроумный план. Начальники не давали мне защищаться, считая, что я слишком молод для докторской диссертации. Вот я и подумал: если уйду на работу к члену политбюро, то мне уже точно никто не сможет помешать. Так и случилось — защитился в течение года. А еще через два года попытался снова уйти в науку...

—Однако после августовского путча 1991 года вам предложили войти в правительство и вы согласились.

—От этого трудно было отказаться — вспомните тот год.

—Почему же вы так легко ушли в 1994-м? Коржаков пишет, что вы были среди тех, кто подготовил "черный вторник". Это и есть причина?

—Честно скажу, книгу Коржакова не читал. Но мне зачитывали то, что касается меня. Могу точно сказать: в августе 1994-го Александр Васильевич начал целенаправленную кампанию по поиску компромата лично на меня. Однако, как ни старался, ничего существенного не нашел, посему использовал "черный вторник" как единственную возможность обвинить меня в злокозненных махинациях. Хотя и это было, мягко говоря, неправдой. Во-первых, финансовыми спекуляциями на рынке могли заниматься только те люди, которые обладали так называемой внутренней информацией. Этим занимались только Минфин и Центробанк. Я как министр экономики не мог этим заниматься по определению. Моя деятельность касалась более глобальных вещей — типа концепции бюджета на будущий год. А текущие вопросы — сколько и кому дать денег в сентябре или октябре — решали лично премьер-министр вместе с министром финансов. Такая была практика. Во-вторых, комиссию по расследованию причин "черного вторника" возглавлял Олег Лобов, бывший министр экономики, у которого было сильное желание видеть виновным во всем нового министра экономики. Что греха таить, ему сильно хотелось убрать меня с этого поста и то ли самому сесть в это кресло, то ли посадить туда своего бывшего первого зама. Так что в попытках обвинить меня по "черному вторнику" первую скрипку играл не Коржаков, а Лобов. Но и там, как говорится, "торчали длинные ослиные уши" службы безопасности. Правда, никаких оргвыводов в отношении меня тогда сделано не было. Я же ушел в отставку совсем по другим причинам. После "черного вторника" мне надо было получить возможность контролировать Минфин — я был готов отвечать за все, если бы мне дали соответствующие полномочия.

—Кроме этого, Коржаков утверждает, что вы подписывали какие-то выгодные для вас нефтяные контракты.

—Министр экономики никогда не подписывает контрактов. Здесь речь идет о доступе к "трубе". В сентябре 1994-го я пробил постановление правительства о конкурсном доступе к экспортирующим нефтепроводам. До этого Министерство экономики само решало, кого пустить на экспорт, а кого нет. Это называлось

"экспортная квота". Более коррупционного механизма я не видел. Право на экспорт нефти тогда получали не только нефтяные компании. Вот, например, "Балкар-трейдинг" — фирма по продаже подержанных автомобилей в Балашихе, которая вдруг превратилась в мощнейшую экспортную нефтяную компанию. За счет чего? Квот! Тогда по знакомству выделяли экспортные квоты кому угодно. Потом этот кто угодно приходил к нефтяникам и говорил: "Хотите, мы прокачаем вашу нефть — отстегивайте". Такая система довольно долго работала. А я со своим постановлением наступал на мозоли. Мы запретили квотирование экспорта и ввели конкурсный доступ к "трубе". И я поплатился за это. Почему-то анализом этих моих действий тогда занималась Академия ФСБ. Ведь если бы там были какие-то злоупотребления, то занималась бы прокуратура. И фээсбешники почему-то сделали вывод о том, что я выгодные контракты пропускал, а невыгодные клал под сукно. Тогда же Коржаков и написал письмо президенту, где предложил меня убрать.

—Так почему же он вас так не любил? Была причина?

—Думаю, причина была в том, что я был сам по себе, не входил ни в какой круг — и в то же время пребывал на ключевой точке в правительстве. Я был министром экономики и одновременно куратором финансово-экономического блока, но со мной нельзя было ни о чем договориться.

Меня даже нельзя было заставить стать членом президентского теннисного клуба. Поэтому со мной было трудно. В конце концов на меня ничего не было, а когда на человека нет никакого компромата, с ним невозможно работать! Конечно, поток разного рода комментариев, даже при отсутствии каких бы то ни было фактов, вполне мог влиять на отношение президента ко мне. В общем, Александр Васильевич выполнил ту задачу, которую перед собой ставил: убрать меня из системы принятия решений. А потом ведь у Коржакова не так много про меня написано. Если бы там что-то действительно было, он вылил бы гораздо больше помоев. Так что все это, как говорится, туфта.

—А вы не пытались с ним поговорить или договориться?

—Я несколько раз предпринимал попытки объясниться с Александром Васильевичем, выяснить, что же он, собственно, хочет. "Ничего, — каждый раз говорил он, — я простой охранник. Мое дело маленькое". Оказалось — не простой. Хотя мне и тогда это было ясно.

—Ну хорошо, в теннис вы играть не хотите, даже с президентом, ну а в футбол-то играете? Вас до сих пор считают хорошим игроком.

—Я уже два года не играю в футбол. Оказалось, это очень травматический вид спорта. Перестал играть после того, как столкнулся на футбольном поле с генеральным прокурором Юрием Скуратовым: ему подбил глаз, а он мне выбил диск в позвонке. Правда, диск удалось поставить на место, нашел какого-то чудодея.

—Но чемпионат во Франции вы все же смотрите?

—Да, конечно. Но только то, что показывают поздно вечером. В основном это повторы, самое интересное, а такие моменты смотреть всегда приятно. Хотя, честно говоря, на чемпионате мира футбол весь динамичный, его интереснее смотреть, чем матчи отечественных турниров. У нас я только финалы смотрю. И конечно, люблю европейские кубки. Недавно был в Италии, в Милане, в тот самый момент, когда "Интер" выиграл у "Лацио". Там такое представление было! Естественно, пришлось включиться.

—Ни за что не подумаешь, что вы темпераментный футбольный болельщик.

—Пришлось! Народ заводит... А потом, если б был мрачным, когда все радовались, могли бы подумать, что я болел за "Лацио", и поколотить. Так что это — просто способ выживания.

—Почему же тогда не поехали во Францию?

—Так для этого отпуск нужен, а тут даже вовремя не уйти — схема работы Думы предполагает проведение внеочередных заседаний с середины июля. В любом случае раньше этого времени мы пакет антикризисных законов не одолеем.

—А стоит ли так торопиться?

—Мне недавно сказали: "Почему ты так не любишь правительство?"

Ведь если весь пакет безо всяких разногласий будет принят, оно же не сможет работать!" Так и есть, в этих мерах очень много противоречивого.

Ведь даже несмотря на весьма экзотические маневры Госналогслужбы и ее нового руководителя, налоги по-прежнему не могут собрать. Это значит, что власть не

может показать себя как власть.

—Вы никогда не думали о том, что этот кризис власти на исходе второго тысячелетия имеет какое-то более глобальное значение? Как-то зло вещь он выглядит на фоне ожидания пришествия антихриста...

—То земля разверзлась между Госдумой и Генпрокуратурой, то ураган прошел, два зубца на Кремлевской стене сломал, то антикризисная программа... Предзнаменований немало. Но будем надеяться, что переход в двухтысячный год мы совершим без реализации видения Иоанна Богослова.

ПРАВИТЕЛЬСТВО КОНСТИТУЦИОННОГО МЕНЬШИНСТВА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
АГЕНТСТВО "ИНТЕРФАКС". 20 АВГУСТА 1998 ГОДА)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Добрый день, уважаемые дамы и господа!

У нас в гостях Александр Николаевич Шохин. Он сделает небольшое вступительное слово, потом перейдем к вопросам.

ШОХИН А.Н. Завтра состоится первое из серии внеочередных заседаний Государственной Думы. На нем, как вы прекрасно знаете, не предполагается обсуждения законопроектов, предложенных правительством.

Завтра будет день политической дискуссии по обсуждению обстановки в стране в контексте принятых на этой неделе решений правительства и Центрального банка. Выступят председатель правительства, председатель Центрального банка, министр финансов. Выступят и руководители фракций. Я думаю, что захотят выступить и руководители ключевых комитетов Государственной Думы. Все это потребует нескольких часов. Как минимум до 16 часов будет идти политическая дискуссия.

А вторая часть заседания будет, скорее всего, посвящена обсуждению постановления Государственной Думы и голосованию по обращению депутатов Государственной думы в Конституционный Суд по поводу принятых правительством решений, как старых, связанных, в частности, с увеличением страховых взносов для физических лиц в Пенсионный фонд, так и с введением ряда налоговых нововведенных решений правительства. Могут появиться и новые запросы в Конституционный Суд в контексте решений, принятых на этой неделе. И лишь на следующей неделе — во вторник, в среду — мы начнем обсуждать законопроекты.

Я не исключаю того, что завтрашняя дискуссия может внести свои коррективы и в содержание пакета предлагаемых к обсуждению законопроектов, и в результаты этого обсуждения.

В частности, правительство уже заявило о своем намерении внести новые законопроекты. Один из них касается изменения сроков представления бюджета в Государственную Думу.

Я напомним, что в соответствии с Законом "О порядке рассмотрения бюджета на 1999 год", который был принят до каникул Государственной Думой, проект бюджета должен быть представлен в Думу 25 августа.

Министр финансов, встречаясь в бюджетном комитете с депутатами, запросил отсрочку на месяц, для того чтобы внести изменения в проект бюджета в связи с тем, что после 17 августа правительству нужно понять, каким будет курс рубля, как изменится структура расходов в связи с тем, что не надо колоссальные деньги тратить на обслуживание внутреннего долга и можно их перераспределить на другие цели.

Кроме того, правительство сегодня на своем заседании может рассмотреть и другие законы, в том числе, видимо, попытается выйти на легальное положение, поскольку сейчас оно находится на нелегальном положении.

Дело в том, что решения, принятые в понедельник, по мнению многих экспертов, юридической силы не имеют, за исключением тех решений, которые оформлены постановлением Совета директоров Центрального банка. В частности, сам статус заявления, совместного заявления правительства и Центрального банка, не прописан ни в одном нормативном акте. И раньше такое совместное заявление использовалось в основном как описание программы правительства для

рассмотрения этой программы на Совете директоров Валютного фонда и Всемирного банка перед предоставлением соответствующих траншей и кредитов либо при запуске новых программ кредитования России.

По действующему законодательству (по Федеральному конституционному закону "О правительстве" и по Гражданскому кодексу) решения, принятые на этой неделе, должны были приниматься законодательными актами. В частности, речь идет о статье 817 Гражданского кодекса, которая прямо запрещает менять условия государственных займов после их выпуска. Нарушен также ряд других статей Гражданского кодекса. В частности, слово мораторий (я лично прошерстил весь Гражданский кодекс) упоминается лишь в контексте статьи об исковой давности, и там прямо сказано, что мораторий может вводиться правительством на основании закона. Такого закона, к сожалению, для правительства нет.

Поэтому сейчас, во-первых, правительству нужно попытаться оформить принятые ранее заявления и решения либо постановлениями правительства, либо внесением соответствующих законов в Государственную Думу. А во-вторых, Государственная Дума должна принять, по сути, политическое решение, одобрить эти инициативы правительства, ввести этот режим моратория на выплату части внешних долгов, принудительную реструктуризацию внутреннего долга или затеять на этой площадке политическую дискуссию.

Кроме того, на завтрашнем заседании не исключено обсуждение "персональных" дел, в частности коммунисты поставят вопрос о досрочных выборах президента, они об этом уже заявляли. Видимо, они не будут размениваться на такие "мелкие" персональные вопросы, как вотум недоверия правительству и отставка председателя Центрального банка. Планка будет поднята на максимально возможную политическую высоту: требование досрочной отставки президента, досрочных выборов вполне может прозвучать. Поэтому на этом фоне легко ожидать таких компромиссов, как обсуждение персональных дел некоторых первых лиц, которые, невзирая на заявления о стабильности валютной, денежной политики в отношении государственного долга, допустили резкое изменение этой политики. Объективные причины всем известны, но тем не менее вполне могут эти причины быть трансформированы в персональную плоскость. На фоне высокой планки, которая может быть заявлена коммунистами, такого рода решения вполне могут пройти в Государственной Думе. Прежде всего под угрозой находится, на мой взгляд, председатель Центрального банка. Хотя в последнее время, как говорят, вопрос о его отставке снят, но в воскресенье и понедельник, насколько известно из средств массовой информации, этот вопрос стоял очень остро.

Наша позиция. Мы считаем, что правительство и Центральный банк России, предпринимая меры, обнародованные на этой неделе, действовали явно с запозданием. Тут разлад деятельности правительства и ЦБ, с одной стороны, и разлад между словами и реальным положением на финансовых рынках — с другой. Не вполне адекватные решения Центрального банка и правительства заслуживают довольно жесткой оценки, и эта жесткая оценка прозвучит со стороны фракции "Наш дом — Россия". Мы вчера довольно долго обсуждали этот вопрос с Виктором Степановичем Черномырдиным в узком кругу. Сегодня на заседании фракции мы должны оформить наше мнение в решении фракции.

Мы не будем ставить вопрос об укреплении правительства теми или иными кадрами. Мы считаем, что эта конструкция сейчас вряд ли подходит для России. Считаем, что нужна новая технология формирования социально-политической базы правительства. Было бы, конечно, идеально сформировать коалицию конституционного парламентского меньшинства, то есть коалицию фракций и депутатов, в которую бы входило не менее 150 человек, с тем чтобы можно было бы ключевые вопросы, такие, как импичмент, преодоление вето президента или принятие федеральных конституционных законов, контролировать этой коалицией. Это позволило бы этой парламентской коалиции существенным образом влиять на процесс принятия решений президентом как по содержательным вопросам экономической, внутренней и внешней политики, так и по кадровым назначениям в правительстве. Конечно, трудно сейчас рассчитывать на быстрое продвижение этого вопроса, поскольку речь могла бы идти о формировании коалиции на базе "Нашего дома — Россия", "ЯБЛОКА", "Российских регионов" и группы независимых депутатов. Но тем не менее жизнь заставляет лидеров этих фракций и депутатских групп, отдельных депутатов идти навстречу друг другу.

В противном случае возобладают схемы, на которых настаивают коммунисты,

формирования коалиционного правительства народного доверия или в иной формулировке. Я считаю, что люди, причисляющие себя к реформаторам, конструктивно мыслящим политикам, должны попробовать реализовать свой шанс. На этой площадке можно было бы вести консультацию по правительству, по экономической политике. То есть мы выступаем не за конкретные решения, а за технологию — политическую технологию, в которой, на мой взгляд, мы нуждаемся сейчас очень сильно.

Мы будем также просить или даже настаивать, чтобы президент активизировал согласительные процедуры. Речь идет и о "четверке", и о "круглых столах", поскольку ситуация действительно тревожная, кризисная, и те согласительные технологии, которые рождены в прошлом, их надо максимально задействовать. Вот что я хотел сказать в своем вступительном слове. Теперь вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Так, желающие. Пожалуйста.

ВОПРОС.

Если правильно мы вас поняли, в случае постановки вопроса о вотуме недоверия правительству, НДР не поддержит этот вопрос?

ШОХИН А.Н. На мой взгляд, правительство заслуживает неудовлетворительной оценки. Те сто дней, которые оно провело у власти, не доказали его профессиональной компетентности и политической зрелости.

Но депутаты, обсуждая, возможно, вопрос о недоверии правительству, будут, видимо, оглядываться на цепочку политических последствий даже однократного вынесения вотума недоверия правительству Кириенко. В частности, бытует такое мнение, что в случае однократного выражения вотума недоверия правительству президент может согласиться с этой оценкой Государственной Думы и отправить правительство в отставку.

А вот дальше начинается гадание: по какой схеме пойдет формирование следующего кабинета. И преобладают такие оценки, что кабинет будет формироваться в варианте, неприемлемом для большинства Государственной Думы, типа: Чубайс — исполняющий обязанности премьер-министра, трехкратное отклонение кандидатуры с роспуском Государственной Думы и с досрочными выборами.

На мой взгляд, лидеры некоторых фракций в принципе готовы к такому варианту развития событий и даже заинтересованы, чтобы подтолкнуть именно этот сценарий. Но "заднескамеечники" в любых фракциях, конечно, не будут приветствовать досрочный роспуск Государственной Думы, и поэтому в каждой фракции и в целом в Государственной Думе будет формироваться настроение за сохранение Думы. Во главе этой своеобразной фракции, естественно, должен стоять Председатель Государственной Думы, и поэтому она будет обладать солидными лидерами.

Здесь вопрос не только и не столько в оценке деятельности правительства, сколько в просчете среднесрочных последствий от этого решения в контексте политической борьбы, которая может осенью обостриться, поскольку оппозиция сейчас получила довольно мощные "козыри" в свои руки, и не исключено, что захочет ими воспользоваться.

Поэтому вотум недоверия правительству будет инструментом, промежуточным звеном в решении другой задачи: досрочные выборы парламента, а в рамках избирательной кампании, естественно, основным лозунгом будут досрочные выборы президента.

Так что мы считаем, что правительство свой "неуд" заработало, Центральный банк в равной степени заработал свой "неуд". Но тем не менее конкретно судьбу правительства прежде всего (Центральный банк здесь в меньшей степени втянут в такого рода политические игры) нужно решать в контексте возможных политических последствий.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, как вы оцениваете ту паузу, которую взяло правительство в вопросе о реструктуризации ГКО? Не получается ли так, что эта пауза взята, чтобы посмотреть: какие банки умрут, а какие стоит поддерживать?

ШОХИН А.Н. Одна из главных задач Центрального банка — поддержание стабильности банковской системы. И поэтому, кстати, образование пула банков, которые будут поддерживаться стабилизационными кредитами Центрального банка, — вещь в принципе правильная. Если бы не несколько "но".

Во-первых, почему речь идет о поддержке тех банков, которые сами создали пул

без объявления критериев поддержки со стороны Центрального банка, необходимых и достаточных критериев благонадежности, платежеспособности для вхождения в этот пул?

Во-вторых, почему речь идет о сохранении нескольких крупнейших банков, а не, например, первой сотни банков, в том числе структуре- и социально образующих региональных банков?

Это очень серьезные вещи. Было бы разрушением банковской системы, если бы через год мы обнаружили, что наша банковская система состоит только из тех банков, которые вошли в первоначальный пул либо присоединились к нему в эти кризисные дни.

Что касается задержки с условиями принудительной реструктуризации внутреннего долга, то я считаю, что это вообще недопустимо. Даже если отвлечься от того, что правительство и Центральный банк нарушили закон (не впервой - увеличение страховых взносов в Пенсионный фонд тоже нарушение закона), тем не менее если бы в понедельник 12 августа были объявлены условия реформирования ГКО и ОФЗ со сроками погашения до декабря следующего года в новые ценные бумаги, был бы объявлен период погашения, сроки погашения этих бумаг, процентные ставки за реструктуризацию долга, то кризис во многом был бы ослаблен.

А сейчас ситуация неопределенности очень велика. И понятно, что многие мелкие и средние банки в этот период неопределенности могут рухнуть. Тем более если иметь в виду, что в банковском пуле деньги крутятся, не выходя за его пределы.

Понятно, что правительство боится ошибиться с точными условиями реформирования ГКО и ОФЗ, со сроками погашения в ближайшие полтора года.

Правительство уже заявило свои предпочтения, когда в июле конвертировало ГКО в еврооблигации, валютные ставки были заявлены более 13 процентов годовых. Поэтому ориентиры существуют. Поскольку тогда ситуация была лучше — и был кредит МВФ на руках, и было общее ощущение, что после кредита МВФ девальвации по крайней мере два-три месяца не будет, — то многие не конвертировали добровольно ГКО в еврооблигации даже по этим привлекательным условиям, надеясь, что они еще заработают на ГКО. Сейчас, конечно, условия могут быть хуже. Но тем не менее, поскольку элемент добровольности должен иметь место, условия реструктуризации должны быть относительно привлекательными. Это значит, что на реструктуризацию придется затратить часть той экономии, которая получена в связи с отказом государства обслуживать внутренний долг. Но иначе, по-моему, невозможно. Мы в противном случае попадаем в разряд не только страны, отказывающейся от своих финансовых обязательств, то есть от статуса страны-банкрота, но мы отказываемся и от соблюдения неких базовых прав юридических лиц-инвесторов.

ВОПРОС.

Вы не исключаете возможности внесения новой кандидатуры, в частности Чубайса, на пост премьера. Но в этом случае, если будет реанимирован "круглый стол", оппозиция может потребовать возвращения Черномырдина на пост премьера.

Рассматривали ли вы такую возможность? И как к этому относится Виктор Степанович вообще?

ШОХИН А.Н. Я говорил об Анатолии Чубайсе в контексте схемы роспуска Думы и перехода на указанное право и на переводение экономической, финансовой политики, в частности, на режим, так сказать, чрезвычайной технологии.

Если речь идет о том, чтобы сплотить те силы, которые готовы консолидироваться сейчас по крайней мере вокруг президента, то речь должна идти о другой политической технологии.

Я не хочу гадать: будет ли это кандидатура Черномырдина либо другая, но тем не менее ясно, что кандидатура премьер-министра должна отвечать ряду критериев, среди которых и поддержка региональными элитами, федеральными политическими элитами, поддержка международными кругами и так далее. Этот человек должен быть известным.

В рамках тех консультаций, которые сейчас идут, была встреча Виктора Черномырдина с генералом Лебедем, сейчас он встречается с Геннадием Зюгановым и Николаем Рыжковым. Эти консультации направлены на прояснение ситуации, на прояснение позиции фракций и влиятельных политических персон, в том числе в Совете Федерации, с тем чтобы нам можно было бы выработать собственную позицию с учетом позиций других политических сил и игроков.

Но не о каких комбинациях типа формирования коалиции с Лебедем, с Зюгановым

и так далее речи не идет. Речь идет о нормальных консультациях парламентского типа.

ПРЕЗИДЕНТ ДОЛЖЕН ВОЗГЛАВИТЬ ПРОЦЕСС КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. К. 304. 24 АВГУСТА 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Борис Николаевич Ельцин только что сделал заявление. Вы не слышали? Я пересказывать не буду. Но смысл заявления сводится к тому, что в кризисных условиях страна нуждается в политических и профессиональных тяжеловесах. Им является Виктор Черномырдин. Кроме того, Борис Николаевич, как и предполагалось, дал понять, что тот человек, которому он поручит формирование правительства, одновременно должен решать вопрос преемственности власти в 2000 году. Сейчас Борис Николаевич объявил об этом открыто.

Это значит, что две задачи поручено Виктору Черномырдину решать в самое ближайшее время: выход из кризиса, антикризисный пакет, но одновременно с антикризисным управлением нужно определяться по стратегическому, рассчитанному на следующий год как минимум в рамках бюджета на 1999 год пакету мер. Здесь могут быть несовпадения мер, рассчитанных на 1998 год на остаток этого года, и мер, ориентированных на 1999-2000 годы.

В частности, на следующий год нужно закладывать серьезную реформу налогообложения, которая бы в своей основе имела снижение налогового бремени, серьезную реформу подоходного налога. В частности, можно было бы продумать такой вариант, как введение единой ставки на все виды доходов в 20 процентов. Мы высказывались на эту тему еще два месяца назад, когда обсуждался первый антикризисный пакет правительства Кириенко. Бывшее правительство не откликнулось на нашу инициативу. Но сейчас, я думаю, вполне уместно вспомнить об этих разработках нашей фракции и ряда специалистов.

Если говорить об антикризисном пакете, то буквально сегодня-завтра нужно определить отношения к заявлению бывшего правительства и Центрального банка. С моей точки зрения, нужно дезавуировать это заявление, несмотря на то что многие так называемые непопулярные меры придется реализовывать, но делать это нужно совершенно в другой форме, в форме законных действий правительства и Центрального банка.

Мне уже приходилось с трибуны Государственной Думы в пятницу говорить, что правительство фактически перешло на нелегальное положение, обнародовав это заявление. Ни одна из мер — ни замораживание ГКО и их обмен на новые ценные бумаги, ни мораторий по внешним долгам частных институтов, банков и компаний — не является законной. Они противоречат Гражданскому кодексу. Именно поэтому нужно срочно объявить миру: российским инвесторам — держателям ГКО и западным кредиторам, коммерческим банкам и держателям ГКО, что правительство вырабатывает предложения по обмену ГКО, вырабатывает схемы смягчения платежей в пользу инвесторов и будет действовать на основе переговоров. И никаких односторонних грубых действий по принципу слона в посудной лавке не должно быть. Если новое правительство, исполняющий обязанности премьера по инерции пропустят все эти решения, это будет первое серьезное поражение нового правительства.

Второй очень важный момент — процесс утверждения Виктора Черномырдина в Думе. Многие фракции, лидеры фракций обиделись на президента, поскольку он не проконсультировался в той или иной форме, в частности не провел "круглый стол", как многим хотелось, прежде чем назвать кандидатуру нового премьер-министра. Сегодняшнее обсуждение на Совете Думы показало, что преобладает идея возврата

к этой схеме: Геннадий Селезнев будет от имени Совета Думы предлагать президенту отозвать свое письмо, провести консультации, "круглые столы" и так далее, а затем внести кандидатуру по итогам этих консультаций. Я думаю, что эта схема не сработает. Президент вряд ли отзовет письмо, которое он утром направил в Государственную Думу. Но в то же время и президенту, и исполняющему обязанности премьер-министра нужно в интенсивном режиме провести политические консультации, консультации по формированию состава правительства и по формированию программы правительства.

Я думаю, что за неделю эти консультации можно провести. Нужно провести их в режиме публичных дискуссий. В частности, не исключаю заседание "круглого стола" на этой неделе. Кандидат на пост премьер-министра должен выйти на заседание Думы в понедельник. Эту дату определила Дума для обсуждения вопроса о даче согласия на назначение премьер-министра, если президент не использует свое двухнедельное право на размышления, в понедельник премьер должен прийти и с программой, согласованной с ведущими политическими силами по итогам консультаций, и с составом правительства.

Мой прогноз такой. Пожалуй, впервые в рамках нынешней Конституции, которая не предполагает согласование персонального состава с Думой, председатель правительства, кандидат на этот пост, должен прийти с персональными предложениями по ключевым персонам. Это будет элемент формирования политической поддержки со стороны Думы. Но правительство не должно быть коалиционным в том смысле слова, который вкладывают в это понятие, скажем, коммунисты. Это не будет правительство народного доверия, базирующееся на, скажем так, институциональном большинстве Государственной Думы. Но это правительство обязано иметь поддержку большинства Государственной Думы. Стало быть, ситуативная коалиция вполне возможна. И главное здесь — выход из кризиса.

Консультации, которые начал и.о. председателя правительства, продолжаются — утром он провел их со мной, после обеда будет вести их с Геннадием Зюгановым, с Владимиром Жириновским, с другими лидерами думских фракций и депутатских групп. Эти консультации должны привести и к уточнению программных намерений правительства, в том числе на следующий год, и к оценке возможностей вхождения в правительство представителей тех или иных политических сил. Но, еще раз подчеркну, ключевой критерий здесь — способность новой команды решить сложные задачи, которые стоят перед страной.

Если это будет политический коктейль, ясно, что трудно будет работать новому кабинету, хотя он может пользоваться и большой политической поддержкой. Важно и эту грань не перейти, и баланс соблюсти. Я думаю, что шанс у страны есть — формировать правительство высокопрофессиональное и одновременно пользующееся поддержкой основных политических сил.

Много сегодня было разговоров о том, что нужно сначала сформировать трехстороннюю комиссию: Дума, Совет Федерации, правительство.

Определить программу, состав правительства, а потом выходить на обсуждение этого вопроса в Думе.

Я предлагаю, и мои коллеги по фракции поддерживают меня, другую схему. Провести экспресс-консультации в течение максимум недели и утвердить кабинет. Одновременно с формированием и началом работы нового правительства сформировать трехстороннюю, постоянно действующую по крайней мере на ближайшие недели и месяцы комиссию — Дума, Совет Федерации, правительство, с тем чтобы ключевые вопросы, будь то законодательное обеспечение стабилизации финансов и экономики или бюджет на следующий год и целый ряд других вопросов, обсуждать перед внесением их на рассмотрение парламента в режиме трехсторонних консультаций. Это позволит укрепить если не коалиционный, то согласительный характер идеологии и формирования деятельности нового правительства. Это позволит и чисто экономические вопросы решать эффективнее без выхода на публичную полемику с Думой — без выяснения вопроса, кто виноват, что те или иные меры не действуют, — и в то же время политически будет меньше возможности вбивать клинья между правительством, Думой и Советом Федерации.

Это вступительные некоторые соображения. Теперь ваши вопросы. ЯПОНСКАЯ ТЕЛЕКОМПАНИЯ "NHK".

Александр Николаевич, дайте, пожалуйста, вашу личную оценку вчерашней

отставки Кириенко и назначению господина Черномырдина. И как, по вашему мнению, новое правительство Черномырдина будет отличаться от старого? В чем принципиальные различия могут быть?

ШОХИН А.Н. В этом зале в пятницу наша фракция обсуждала в 9.15 свое отношение к правительству Кириенко.

Обсуждались два варианта: либо в мягкой форме выразить недоверие правительству (в частности, порекомендовав настоятельно Сергею Кириенко, в равной степени как и Сергею Дубинину, подать прошение об отставке. Я эту мысль высказал в своем выступлении с трибуны Думы); либо в более жесткой форме, включая начало процедуры вотума недоверия. Позиция нашей фракции была жесткая в любом варианте.

Мы считаем, что те действия правительства и ЦБ, которые привели к банкротству страны, и та форма, в которой это банкротство было объявлено, — это крайний непрофессионализм, политическая незрелость. Во всех цивилизованных странах признание ошибок такого рода выражается как минимум в отставке. Были голоса членов нашей фракции, видных членов, не подумают ли окружающие, что мы хотим сместить Кириенко, чтобы продвинуть Черномырдина, и, может быть, не стоит этого делать. Но подавляющее большинство моих коллег заявило, что нет ничего страшного, что про нас именно это подумают.

Мы — политическая партия и должны бороться за власть. Тем более что Виктор Черномырдин — это тот человек, который в состоянии решить те задачи, которые сегодня на него возложил Президент Ельцин, а именно: быть антикризисным управляющим в стране и человеком, способным объединить вокруг себя властные элиты, будь то региональные или федеральные, в этот сложный предвыборный период.

Если говорить о Викторе Черномырдине как новом премьере, то мы, обсуждая этот вопрос с ним в пятницу, пришли к выводу, что шанс есть 50 на 50 или даже меньше. Но тем не менее он четко сформулировал свою позицию, что не будет тем Черномырдиным, которым он был до 23 марта этого года, а именно: он хотел гораздо большие полномочия иметь по формированию правительства, по проведению политики правительства. У меня такое впечатление, что в его беседе с президентом, как сегодняшней, так и вчерашней, эти вопросы поднимались.

Я не думаю, что речь идет о лишении президента каких-то реальных, тем более конституционных полномочий, но речь идет о большем весе правительства в принятии тех или иных решений, особенно касающихся прямой компетенции правительства. Конечно, и роль президента в назначении силовых министров, и роль президента как гаранта Конституции сохраняется.

Я вообще считаю, что роль президента, кроме того что он сейчас может сформировать дееспособное, ответственное перед Думой и народом правительство, может заключаться еще и в том, что он станет отцом реформы государственной власти и конституционной реформы. Чересчур много со стороны оппозиции предложений по изменению Конституции.

Я неоднократно выступал с предложением, что инициатором изменения Конституции в ближайшие два года должен быть президент. По закону, по технологии принятия поправок к Конституции, президент вообще может быть исключен из этого процесса, поскольку Закон Российской Федерации "О поправке к Конституции" принимается по формуле федерального конституционного закона и не веторуется президентом, если он с ним не согласен.

Поэтому включить президента с самого начала в этот процесс очень и очень важно. И если договориться, что все поправки к Конституции вступают в силу с лета 2000 года, то есть имеют отношение к новому президенту, к новому парламенту, то я думаю, что поправки могут пройти. Если эти два условия будут соблюдены, то Борис Николаевич мог бы еще многое сделать для стабилизации политической жизни страны, имея за своей спиной надежное и эффективное правительство, опирающееся на большинство Государственной Думы. Главное, что он мог бы сделать, — начать реформу государственного устройства России.

Так что премьер обязан быть новым премьером. Если раньше ему приходилось маневрировать и быть включенным в систему так называемых сдержек и противовесов, то сейчас такая технология просто невозможна, она будет неэффективной. Черномырдин обязан показать себя эффективным антикризисным управляющим, то есть обязан принимать быстрые решения, способные позитивно

воздействовать на ситуацию — финансовую, экономическую, политическую. Если процесс согласования решений будет затяжным и опять системы сдержек и противовесов будут действовать, то правительство окажется недееспособным в этой новой ситуации.

КАНАЛ "РЕН-ТВ".

Можете ли вы уже сейчас назвать какие-нибудь конкретные имена, кто может войти в новое правительство?

ШОХИН А.Н. Могу. Черномырдин.

ВОПРОС.

А еще?

ШОХИН А.Н. Пока нет.

ВОПРОС.

Судьба Чубайса меня интересует.

ШОХИН А.Н. Судьба Чубайса? На месте Анатолия Борисовича я бы тоже подал в отставку с поста спецпредставителя президента. Дело в том, что известное заявление правительства и Центрального банка писалось, как известно, не только подписантами (Кириенко и Дубининым), но и при самом активном участии Анатолия Борисовича Чубайса. И он в равной степени несет ответственность за последствия этого решения. Поэтому, каким бы он ни казался многим эффективным управляющим, политическая ситуация требует, чтобы он ушел с поста спецпредставителя президента по международным финансовым организациям.

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "НТВ".

Александр Николаевич, немножко подробнее про поправки к Конституции. Насколько, на ваш взгляд, у левых принципиальная позиция и может ли повлиять отсутствие сейчас быстрых поправок к Конституции на утверждение Черномырдина и соответственно на роспуск или нероспуск Думы?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что удастся убедить Бориса Николаевича Ельцина, что поправки к Конституции — это нормальный процесс, тем более, если они вводятся в действие будут после 2000 года. Это во-первых.

Во-вторых, быстро принять поправки к Конституции просто нельзя. Достаточно сказать, что процесс ратификации поправок субъектами Федерации может занять не менее полугода (временные рамки сейчас в соответствующем законе сняты). Поэтому ни федеральный закон, ни закон о поправках сейчас не могут быть условием утверждения премьер-министра. Но думаю, что можно найти ту или иную форму, в частности заключение специального соглашения между основными политическими силами, включая думских лидеров, лидеров думских фракций, Совет Федерации, регионы, президента и правительство. В этом соглашении могли бы быть прописаны взаимные обязательства, имеющие силу закона для подписавших его, и нарушение этих обязательств было бы одновременно взрывом политической ситуации, так что вряд ли на них стороны должны идти. Это соглашение должно, видимо, действовать либо до парламентских выборов следующего года, либо даже до президентских выборов. Такую формулу можно нащупать, и думаю, что следует идти по этому пути.

РИА "НОВОСТИ".

Александр Николаевич, уточните, пожалуйста, поскольку ни Селезнев, ни лидеры других фракций и групп не говорили об этом, а сказали только вы, действительно ли Совет Думы принял решение, если президент не отзовет кандидатуру Черномырдина, в следующий понедельник провести пленарное заседание? Правильно ли мы поняли?

ШОХИН А.Н. Вы поняли правильно, и именно это решение является предварительным решением Государственной Думы. Если в течение сегодняшнего дня (это во всяком случае может выясниться к концу дня из разговора Селезнева и Ельцина) не будет изменений в позиции Ельцина, то Дума, скорее всего, запросит максимально возможный срок для рассмотрения этого вопроса. Срок истекает в следующий понедельник. Как вы помните, по процедуре рассмотрения предыдущего премьера в Думе, в пятницу обычно президент представлял кандидатуру Кириенко, а через неделю в пятницу мы ее рассматривали. Теперь по понедельникам, видимо, будем этим заниматься.

ВОПРОС.

Значит, до понедельника Совета Думы больше не будет, да? ШОХИН А.Н. Совет Думы состоится сегодня, будет он узким, из лиц, имеющих решающий голос, — это лидеры думских фракций, и сегодня окончательно этот узкий Совет Думы

определится и по дате, и по другим технологическим вопросам. Как только будет ответ от президента, мы соберем этот Совет Думы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, вы сказали, что Черномырдин сегодня будет проводить консультации с Зюгановым и с Жириновским. А где это будет проходить и во сколько?

ШОХИН А.Н. Я спросил Виктора Степановича сегодня утром, где он будет проводить консультации, он ответил: "Если Сергей Владиленович освободит кабинет в Белом доме, то в кабинете премьера в Белом доме". Остается выяснить, много ли вещей завез Сергей Владиленович и сможет ли он их быстро вынести.

ВОПРОС.

Ваше вхождение в правительство — насколько оно возможно?

ШОХИН А.Н. Исключать такого варианта я не могу. Конечно, вполне возможно, что мне предложат войти в правительство, но кто-то же должен быть и лидером ядра проправительственной коалиции в Государственной Думе. Так что у меня альтернативные предложения, наверное, теперь будут.

Спасибо.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС -ПРОВЕРКА ДЕЛОВОЙ ПРОЧНОСТИ

("ЧЕЛОВЕК & КАРЬЕРА", СЕНТЯБРЬ 1998 ГОДА, М. МАХЛИН)

Самый трудный и сложный участок, по оценке Бориса Ельцина, доверен в новом правительстве России известному политику и экономисту Александру Шохину. Добавим к тому же, что и взрывоопасный. Финансы, тактика выхода из кризиса — огромное минное поле, насыщенное хитрыми ловушками, которое не потерпит ошибки человека, взявшего сделать рублевую ниву безопасной и плодородной. Риск подорвать карьеру и навсегда скомпрометировать свое имя в мировом масштабе велик. Еще больше ответственность перед российским обществом, уставшим от передраг, изверившимся и все же ожидающим начала собственного экономического чуда.

О побудительных мотивах карьеры нынешнего заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Александра Шохина с ним беседует первый заместитель главного редактора "Ч&К" Михаил Мах-лин.

— Не будем говорить о ваших политических и экономических пристрастиях: с ними многие хорошо знакомы по вашим весьма частым выступлениям с думской трибуны, в печати, по телевидению и радио. Но мало кому знакома ваша биография до 1991 года. Расскажите о себе, Александр Николаевич. Как становятся вице-премьерами?

— После окончания экономического факультета МГУ 13 лет занимался научной работой и даже заведовал лабораториями в академических Центральном экономико-математическом институте и Институте народнохозяйственного прогнозирования. Именно тогда посчастливилось работать с академиком Станиславом Сергеевичем Шаталиным, Александром Ивановичем Анчишкиным, Юрием Васильевичем Яременко, память о которых бережно храню.

— Должность завлаба стала одно время чуть ли не ругательством на политической арене. Не было обидно?

— Помню то время и отношусь спокойно. Все когда-то кем-то были. Кто — завлабом, кто — пионервожатым или парторгом. В определенной среде принадлежность к науке всегда вызывала и вызывает раздражение. Чего уж тут обижаться... К тому же в полной мере ко мне это не относится. Ведь после "завлабства" были четыре года интереснейшей работы в МИДе, пост начальника управления международных экономических отношений, ранг чрезвычайного и полномочного посланника I класса.

— Помнится, и на дипломатическом поприще не обошлось без скандала. Весной 1991 года в Париже вы дали интервью "буржуазной прессе", в котором предрекли низкую платежеспособность СССР по кредитам и необходимость реструктуризации внешней задолженности, что откровенно расходилось с официальной точкой зрения. Более того, вы якобы отказались опровергать напечатанное, когда советское руководство настаивало списать "прокол" на журналистскую недобросовестность.

Ваш прогноз тогда сбылся, но МИД пришлось оставить. Так ли это?

—Через полгода после интервью, данного в ходе первого заседания ученого совета Международного центра исследований экономических реформ, кредитный рейтинг СССР понизился до 111-го места. Меня же избрали директором Института занятости Академии наук. Не успел освоиться на новом месте, как грянул август 1991 года. И Иван Степанович Силаев пригласил в правительство на пост министра труда. Работать приходилось чуть ли не круглосуточно. Паче чаяния я следую принципу Чемберлена — не уходить, пока не исчерпан список всех намеченных на день дел. Стал вице-премьером по социальной политике, впоследствии курировал внешнеэкономические связи и отношения с СНГ.

—Именно тогда проявилась жесткая позиция России во взаимоотношениях с должниками и кредиторами. Ваша неуступчивость в ходе переговоров стала тогда притчей во языцех и позволила максимально защитить национальные интересы России в сложной ситуации. Наверное, прошлый опыт пригодится в нынешних непростых условиях?

—Глубоко убежден, что наши реформы не противоречат прагматической защите национальных интересов в отношениях с Западом. Действительно, кое-что удалось сделать. Тогда был достигнут "нулевой вариант" раздела долга бывшего СССР с республиками, затем заработала схема реструктуризации внешнего долга СССР, реализовались идеи об участии России на стороне кредиторов в Парижском клубе, чтобы без нашей страны не решались проблемы долгов "третьего мира".

Что касается неуступчивости, то без нее не обойтись при рассмотрении принципиальных краеугольных вопросов. Как говорится, у них — своя компания, у нас — своя. Но ведение переговоров, как и вся политика, построено на искусстве компромиссов. За время работы первым зампредом Госдумы и лидером фракции НДР пришлось изрядно поднаторметь в поиске решений, взаимоприемлемых для всех сторон.

Нынешняя ситуация, конечно же, гораздо сложнее, чем когда-либо. Легкомыслие 17 августа 1998 года обернулось тяжелейшими последствиями для страны. В одну телегу запрягли несовместимые между собой вещи: объявление дефолта по внешним долгам, принудительную реструктуризацию внутреннего долга и — девальвацию рубля в рамках расширенного коридора. Чтобы все это случилось в один день, без переговоров с кредиторами — нонсенс. Но что произошло, то произошло. Мир стал свидетелем провала финансово-экономической политики правительства. Помимо профессиональных просчетов, о которых уже немало сказано, пагубную роль сыграла, на мой взгляд, самоизоляция прежнего премьера от широкого спектра думских предложений и консультаций.

Первые шаги правительства во главе с Евгением Примаковым фактически дезавуировали заявление от 17 августа. Будут предложены новые условия реструктуризации государственного долга, которые дадут кредиторам право самим определять, что их больше устраивает. Иначе центробанковское эмбарго на выполнение коммерческими банками своих обязательств приведет к аресту зарубежных активов Центробанка России. Таким образом, только активные переговоры смогут вернуть развитие событий в цивилизованное русло.

—Позволю себе задать неприятный вопрос. Ваше возвращение на высокий пост в правительстве приветствуется не всеми. Появился ряд публикаций, намекающих на какие-то шохинские грешки, неспроста, мол, он ушел из вице-премьеров после "черного вторника". Что тут правда, что домысел? Насколько вы, извините, коррумпированы?

—Можно ответить коротко. Тот, у кого рыльце в пушку, предпочитает отсиживаться под сенью депутатской неприкосновенности. Я, не колеблясь, расстаюсь с парламентским иммунитетом. С законом у меня самые добрые взаимоотношения.

Что касается моей прежней работы в правительстве, то было два крупных конфликта. Во-первых, с Михаилом Полтораниным, когда мне пришлось отстаивать комплекс наших зданий в Берлине от фактической передачи немецким бизнесменам. Об этом много говорилось. Во-вторых, с Александром Коржаковым, который выдавливал меня из правительства подметными письмами на имя президента и премьера.

После "черного вторника" начался определенный откат от реформ, за проведение которых я отвечал. Ничего не оставалось делать, как подать заявление об отставке. Отклонит президент отставку — подтвердит мои полномочия на проведение курса

реформ, нет — так нет. Президент отставку принял.

Вот и все, что касается слухов и домыслов.

—В правительство Евгения Примакова вы пришли тоже со своей программой, но Александр Шохин не первая и не единственная скрипка в политически разношерстном оркестре. Не ощущаете палок в колесах?

—Нынешнее правительство сформировано по профессиональному принципу, а профессионалы всегда понимают друг друга. Во всяком случае уже начата реализация предложений, которые я высказывал, будучи руководителем фракции НДР. Это касается программы снижения налогового бремени, которую, как ни парадоксально, легче осуществить именно в ходе кризиса. Речь идет и об НДС, и об акцизах на нефть. Надо же выправить платежный баланс и стимулировать экспорт. Сохраняя ограниченное число льгот для малообеспеченных, вводится единая двадцати процентная ставка подоходного налога с физических лиц. Причем взиматься налог будет автоматически, что позволит сократить расходы на содержание самой налоговой службы. В стадии проработки еще ряд нововведений.

Свою задачу я вижу не только и не столько в исправлении ошибок предшественников. Важно уже в этом году запустить механизмы среднесрочных мер, дающих возможность оживить отечественное товаропроизводство, улучшить жизнь народа, сохранить доброе имя России в мировом сообществе, укрепить рубль.

Финансовый кризис стал серьезным испытанием не только для российского бизнеса, но и для тех, кто им занимается. Это своего рода проверка деловой прочности. И тот, кто пройдет его, вправе рассчитывать на поддержку со стороны государства, правительства, общества.

—В свое время наша газета опубликовала журналистский портрет Александра Шохина под заголовком "Непотопляемый, потому что умеет плавать". Благодарю, что оправдали доверие. Говорят, что дважды в одну реку не входят. Но и река уже совсем другая, и вы входите в нее более зрелым пловцом, закаленным в думских баталиях, набравшимся опыта публичного политика. Удачи вам, Александр Николаевич, мужества и стойкости!

—Спасибо. Сейчас все это необходимо, как никогда.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. К. 304. 4 СЕНТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Пожалуйста, сразу задавайте вопросы. БЫКОВ. "КТО ЕСТЬ КТО?".

Вопрос такой. Маслюков отказывался, вы знаете, от предложения даже быть вице-премьером в правительстве Черномырдина. Одна из причин та, что Черномырдин предлагает снова оставить Якова Уринсона министром экономики. Ненавистное лицо всей промышленности. Как вы думаете, сколько протянет такое правительство с вывеской Уринсона до полномасштабного социального взрыва?

ШОХИН А.Н. Давайте на личности переходить не будем. Я могу лишь одно сказать. После сегодняшнего заявления Виктора Степановича Черномырдина в Совете Федерации становится ясным, что правительство должно быть, если оно намерено реализовывать заявленную программу, достаточно жесткой единой командой. И коалиционным правительством по этой схеме вряд ли может быть.

Более того, очевидно, что жесткая схема экономической диктатуры предполагает очень жесткую поддержку парламента либо отсутствие его (парламента).

По какой схеме пойдет развитие событий, трудно сказать. Но очевидно, что элементы коалиционное™, необходимые для политической поддержки такого курса в парламенте, должны привести к формированию правительства, состоящего из совместимых по менталитету и намерениям людей.

Кто персонально будет в правительстве, должен ли там быть Уринсон, Маслюков — это вопрос второй. Я уже высказывался на этот счет: можно составить профессиональную команду, пользующуюся минимально необходимой поддержкой Государственной Думы. ВОПРОС.

Скажите, пожалуйста, а с вами, с фракцией было согласовано следующее заявление Черномырдина? Принимала ли фракция участие в разработке этого проекта?

ШОХИН А.Н. С тех пор как был приглашен в Москву Доминго Кавальо, уже стало ясно, что речь идет о самом жестком варианте монетаристской политики. Схема "Currency Board" или внешнего валютного управления по отношению к Центральному банку и Министерству финансов реализована лишь в нескольких случаях — Аргентина, Болгария, Эстония, Малайзия и Гонконг — и является, действительно, самым жестким вариантом монетаризма.

Мы считаем, что в прямом виде эта схема в России реализована быть не может. Она предполагает достаточно большие валютные резервы. Быть может, год назад эта схема была бы более приемлемой для России даже в чистом виде. Это во-первых.

Во-вторых, эта схема предполагает политическую поддержку. Напомню, что в Аргентине в начале 90-х был вновь избран президент, опирающийся на поддержку и парламента, и армии.

И кроме того, здесь очень важно закрыть глаза и на социальные проблемы. Резко сокращать придется различного рода бюджетные расходы в случае, если золотовалютные резервы начнут падать. Их нельзя при этом валютном совете компенсировать падением курса национальной валюты. Обычно они компенсируются рестрикцией или стерилизацией денежной массы, которая проще всего происходит в форме сокращения бюджетных расходов, поскольку работа на открытом рынке монетарных властей также требует использования валютных резервов.

Поэтому мы считаем, что в чистом виде эта схема вряд ли может быть реализована в России. Вся проблема в деталях. Как известно, дьявол именно там и прячется. И поэтому из заявления Виктора Степановича Черномырдина мы не можем сделать вывод о том, какая конкретно переходная модель будет реализована.

То, что чистая модель "Currency Board" не может быть реализована в России, — это факт. Но то, что и эмиссионная модель не может быть реализована, — это тоже факт, поскольку опасности гиперинфляции мы все ощущали, что называется, на своей шкуре в начале 90-х годов.

Что касается фракции, поскольку идеи эти созрели только вчера на ночь глядя, то она физически не успела к ним подключиться.

ВОПРОС.

Кто именно определял позицию правительства по этому вопросу — иностранные советники, Борис Федоров, Яков Уринсон или еще кто-нибудь? Не сам же Виктор Степанович придумал эту схему?

ШОХИН А.Н. Как вы, наверное, знаете, обсуждения на узком заседании правительства темы внешнего валютного управления не было, лишь к вечеру группа Федорова докладывала этот вопрос, и затем только Виктор Степанович получил физическую возможность отобрать из этих предложений те, которые счел нужными. Не случайно он сегодня, выступая на Совете Федерации, заявил о том, что это его личная точка зрения, то есть она не обсуждалась на заседании правительства. Но еще раз подчеркну, что здесь кроме общих идей очень важны детали.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, прокомментируйте разговоры, которые ходят в Думе, о том, что, возможно, будет все-таки внесена другая кандидатура, о том, что были переговоры со Строевым.

ШОХИН А.Н. Комментировать разговоры и слухи — вещь неблагодарная. Я могу лишь сказать, что не исключаю того, что голосование по кандидатуре Черномырдина может состояться не сегодня, а, скажем, в понедельник. Конституция позволяет Государственной Думе сделать такой перенос даже без перенесения кандидатуры Черномырдина. Но такое перенесение голосования имеет смысл лишь в том случае, если в течение ближайших дней, в субботу—воскресенье, будут проведены консультации, в том числе по политическому заявлению, которое сейчас обсуждается в Совете Федерации.

Тот текст, который был подготовлен в воскресенье, отличается от внесенного президентом и, стало быть, от варианта, который готов подписать президент. Если мой анализ верен, то отличие всего лишь в одном пункте. Президент вычеркнул предложение Николая Ивановича Рыжкова о том, что освобождение от должности членов правительства производится с учетом мнения Государственной Думы. Нам не удалось в воскресенье убедить Николая Ивановича Рыжкова, что так не делается ни в одном государстве. Если премьер-министр и президент хотят снять с работы нерадивого министра, тем более силовика, и им это надо согласовывать с Думой, то

возникают вопросы: что такое мнение Думы, каков механизм учета мнения Думы? Никто точно о такой процедуре не знает, стало быть, единственная форма — это голосование на пленарном заседании Думы. Любой министр, вошедший в разногласие с президентом и премьер-министром, может найти заступничество у оппозиционной Думы. И что собой тогда будет представлять правительство, просто нельзя вообразить.

Поэтому мы были против этой формулы, но пошли на уступки, имея в виду запись о том, что конкретные процедуры такого согласования будут уточнены в Законе "О правительстве", в соответствующей поправке к Закону "О правительстве". Так что президент, видимо, готов подписать, кроме этого пункта, вариант, который был согласован политическими партиями и исполняющим обязанности председателя правительства. Если Совет Федерации в принципе поддержит это соглашение, то он может как палата обратиться и к Думе, и к президенту, провести консультации с целью подписания этого документа. И тогда после подписания, быть может, и после консультации по персональному составу правительства голосование в понедельник может оказаться менее драматическим и более предсказуемым.

РАДИОСТАНЦИЯ "МАЯК".

Александр Николаевич, вы сказали, что эмиссионная технология не будет реализована. Как вы тогда относитесь к словам Черномырдина об управляемой эмиссии?

ШОХИН А.Н. Если вы посмотрите отчеты Международного валютного фонда по ситуации в России, скажем, за 1997 год, то увидите, что за счет эмиссионных механизмов профинансировано примерно 17 процентов консолидированного бюджета. Дело в том, что работа Центрального банка на рынке ГКО всегда оценивалась по методике Международного валютного фонда как эмиссионная технология. Так что эмиссия была всегда. Более того, в 1997 году мы наблюдали более быстрый рост денежной массы по сравнению с инфляцией. Вот эта монетизация экономики, как называют ее специалисты, — не что иное, как обеспеченная эмиссия, поскольку она не приводит к росту цен.

Естественно, что эмиссионные механизмы использовались и будут использоваться. Очень важно вести речь о контролируемой эмиссии, то есть той эмиссии, которая не столкнет нас в пропасть гиперинфляции и не породит новых проблем, в том числе с отставанием в индексации пенсий, зарплат, оборотных средств и так далее. Методы этой контролируемой эмиссии достаточно известные, и критерий здесь очень простой: эмиссионные технологии не должны провоцировать инфляцию, которая в свою очередь провоцирует новую эмиссию денежных средств. Простой формулы — напечатать денег сколько нужно, чтобы удовлетворить всех, — нет. А технологии очень разные, в том числе один из эмиссионных механизмов, который Центральный банк начал использовать, правда, очень сумбурно и без четких критериев, — это открытие доступа коммерческих банков к фондам обязательных резервов.

Мы предлагали еще при предыдущем правительстве, правда, при все еще старом руководстве Центрального банка, ввести этот целевой доступ с блокированием средств на специальных счетах коммерческих банков, с тем чтобы фонды обязательных резервов могли использоваться для выплаты вкладов населения.

К сожалению, Центральный банк проводит линию по 100-процентному гарантированию вкладов только в ограниченном числе банков, что порождает панику у вкладчиков. Если бы наша схема была реализована (кстати, Дума ровно неделю назад представила проект указа в правительство, его все завизировали, но Центральный банк против), то особой паники и оттока денег не было бы. И фонды обязательных резервов, половину из которых мы предлагали использовать на эти цели, вряд ли бы стали эмиссионным механизмом, поскольку только в крайнем случае, если бы шел массовый отток вкладов, резервы были бы использованы.

Такого рода технологий довольно много. Они в принципе эмиссионные, но не относятся к категории неконтролируемой и необеспеченной эмиссии.

АГЕНТСТВО ЭКОНОМИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ.

Два вопроса. Что, на ваш взгляд, принципиально нового сказал Виктор Черномырдин в разделе, касающемся развития экономики? Это первый вопрос.

И второй вопрос. Вчера была беседа с Соросом, и он говорил о жесткой привязке рубля. Может быть, все дело в переводе — что имеется в виду под "жесткой привязкой доллара к рублю или рубля к доллару"? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Жесткая привязка рубля к доллару или к золотовалютным резервам национального банка может осуществляться в двух вариантах: либо, когда

валютные резервы таят, вы опускаете курс национальной валюты по отношению к доллару или другим национальным валютам, либо вы фиксируете курс доллара и в случае, когда резервы таят, изымаете рублевую, в данном случае денежную массу из обращения.

Изъять денежную массу из обращения рыночными способами — это значит купить рубли за валюту, а это тоже приводит к сокращению золотовалютных резервов, так что операции на открытом рынке не являются чистым сокращением рубли в денежной массы. Стало быть, сокращать ее приходится, уменьшая расходы бюджета и другие траты.

Под жесткой привязкой национальной валюты, курса национальной валюты к доллару, имеется в виду не первая схема, которую мы реализовывали, по сути, с 1992 года, особенно активно с 1995 года, а скорее вторая — сначала рублю даем возможность "поплавать" некоторое время в свободном режиме и затем фиксируем курс национальной валюты по отношению к доллару и держим этот курс.

Кроме того, вводятся все стандарты денежной политики, которые в случае привязки к доллару существуют в Соединенных Штатах и на международных рынках, включая и проценты за привлеченные кредиты, и ряд других нормативов. Понятно, что это очень жесткая политика, потому что удерживать процентные ставки на уровне "Либора" плюс небольшие проценты, удерживать фиксированный курс, не прибегая к административным методам, — это значит управлять в основном денежной массой.

Это и есть политика, которую называют "политикой валютного комитета или валютного управления". Смысл ее заключается в том, что национальный банк теряет свой мандат, свою компетенцию над денежной эмиссией и надведомственный орган является, по сути, главным органом управления экономикой и финансами, и он решает: бюджету ли сократить расходы, Центральному банку сократить эмиссию и так далее. Вот этот жесткий вариант политики, видимо, имеется в виду. Но еще раз подчеркну: прежде чем к нему перейти, нужно, во-первых, обеспечить относительную политическую поддержку и стабильность в обществе и, во-вторых, нужны достаточные золотовалютные резервы. К этой политике было бы разумнее переходить, я еще раз напомню, в прошлом году. Если сейчас это делается, то нужны очень мощные валютные вливания, в частности за счет международных организаций "семерки". Золотовалютных резервов с преобладанием ликвидных резервов должно быть, по некоторым оценкам, примерно 40 миллиардов долларов, чтобы курс рубля "не зашкаливал".

Если сейчас вводить эту политику и поделить объем рублевой денежной массы на золотовалютные резервы Центрального банка, то курс получается приблизительно 30. Понятно, что с этим курсом жесткую бюджетную политику проводить трудно, поскольку произойдет пятикратное обесценение текущих доходов и сбережений и ничего, кроме социального взрыва, не будет.

Стало быть, нужно удержать курс где-то в районе 10—12, а для этого нужно золотовалютные резервы очень быстро пополнить. Два варианта. Первый. Извне за счет кредитов МВФ и "семерки". И второй вариант — взять внутри страны, где есть десятки миллиардов долларов. Чтобы их мобилизовать, нужно восстановить доверие населения к различного рода финансовым инструментам. В частности, речь могла бы идти о широком наборе государственных бумаг, и прежде всего бумаг, конвертируемых в любую валюту: в доллары, в евро, в йену и так далее. Нужны гарантии такой конвертации. Если будет выпущена новая бумага, важно, чтобы люди были готовы свои долларские сбережения, в которые они, может быть, еще верят (хотя раздаются слухи: "А вдруг американцы введут другую денежную единицу и обманут нас так же, как родное правительство". В это, к счастью, трудно поверить, но тем не менее даже такие вопросы уже граждане задают), поменять на эти бумаги. Для этого они должны быть понятным образом прогарантированы, и фонд гарантий должен находиться за пределами Российской Федерации. Я, в частности, предложил на встрече с президентом Клинтоном подумать о создании такого гарантийного фонда за пределами России, с тем чтобы гарантии конвертации этих российских валютных облигаций были даны крупнейшими международными банковскими институтами. Это могло быть реальной помощью России, более существенной, чем предоставление кредитов, которые у нас бездарно тратятся и все большая их часть утекает обратно на Запад, в том числе в оффшорные зоны, на Кипр, в Женеву и другие "теплые места".

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "НТВ".

Александр Николаевич, на ваш взгляд, после того как Черномырдин продекларировал эту экономическую диктатуру, насколько оправданы разговоры о другом кандидате в премьер-министры? И Черномырдин теперь — это премьер, который готов эту диктатуру без поддержки парламента или с поддержкой парламента проводить? То есть нужна ему поддержка парламента или он независимо от этого будет ее проводить, даже если парламента не будет?

ШОХИН А.Н. Поддержка парламента по ныне действующей Конституции нужна. В частности, она нужна для того, чтобы принимать налоговые законы. Существенным элементом этой программы, заявленной сегодня Виктором Черномырдиным, является снижение налогов.

Мы неоднократно говорили и я с трибуны Государственной Думы призывал к тому, что необходимо сократить налоговое бремя и, в частности, ввести единую ставку подоходного налога с физических лиц на уровне, не превышающем 20 процентов от этих доходов. Если брать налоги у источника, то можно резко сократить расходы на налоговое администрирование.

Понятно, что надо вывести из-под налогообложения малообеспеченные слои населения. Можно это сделать путем установления необлагаемого минимума в виде нескольких минимальных зарплат. Нужно ввести единую ставку НДС, но придется ее снизить с 20 до 17—18 процентов. Нужно снизить акцизы на нефть, с тем чтобы попытаться быстро сбалансировать платежный баланс. Нужно предпринять целый ряд других действий. И все эти действия по Конституции и законодательству предполагают принятие законов Российской Федерации. Так что без поддержки парламента очень трудно работать, тем более что распущенный парламента — это еще не повод принимать постановления и указы такого рода. Дело в том, что указ президента или постановление не должны противоречить действующему законодательству и могут подменять законы лишь в случае пробелов в действующем законодательстве. Если та или иная норма не отрегулирована законом, то президент может издавать указ и предлагать законодательству эту брешь закрыть.

Так что без поддержки парламента очень трудно реализовывать эту политику, если, конечно, не отказываться от завоеваний демократии вообще.

Экономическая диктатура — это вещь жесткая, но для нее по крайней мере поддержка конституционного меньшинства в парламенте необходима. Речь идет как минимум о 150 голосах депутатов, которые позволяют ветировать, блокировать преодоление вето президента на популистские или иные законы. Даже в такой мягкой форме необходима поддержка экономического курса правительства. К сожалению, мы сейчас пока не можем говорить о наличии конституционного меньшинства, поддерживающего эту программу, во-первых, потому, что о программе мы узнали только сегодня.

Во-вторых, потому, что партии и движения, которые в принципе могут поддержать такого рода экономические проекты, по политическим соображениям могут и отказаться от такого рода поддержки. Значит, нужно опираться на Совет Федерации, и не в смысле подмены Советом Федерации функций Государственной Думы (такая подмена по Конституции невозможна), а в форме работы губернаторов и спикеров законодательных собраний регионов со своими депутатами, с тем чтобы проводить те или иные важные решения.

РАДИО "СВОБОДНАЯ РОССИЯ".

Александр Николаевич, вы сказали о пополнении валютных резервов за счет внутренних ресурсов. Не является ли перевод валютных вкладов из коммерческих банков в Сбербанк мерой конфискации? Уже есть такие подсчеты, что до 75 процентов этих вкладов будет изыматься.

ШОХИН А.Н. Кроме программы, с которой сегодня выступил Виктор Черномырдин, есть двухнедельная история. Две рабочие недели отработало временное правительство "имени Виктора Черномырдина", и многие шаги этого правительства, к сожалению, не вносят ясности в умы россиян относительно будущих действий правительства.

В частности, я считаю, что ничего, кроме вреда, не приносит деятельность Центрального банка. Полный сумбур, причем не вместо музыки, а вместо нормальной понятной работы в условиях кризиса. Это касается и траты валютных резервов уже после 17 августа, когда было ясно, что надо вводить плавающий курс и дать возможность устояться курсу рубля, с тем чтобы не тратить резервы, а зафиксировать его на какой-то отметке, которую можно удерживать, с тем чтобы

затем ее можно было бы зафиксировать на какое-то время и тем самым погасить панику. Речь идет и о непонятных схемах гарантирования вкладов, когда они должны переводиться только из крупных вкладов в Сбербанк, причем с явной конфискационной компонентой и для валютных вкладов, и для рублевых вкладов, имея в виду отсутствие выплаты процентов и блокирование их на несколько месяцев. Эти конфискационные меры в дополнение к тем мерам, которые были заявлены 17 августа, привели к резкой утрате доверия населения к властям вообще. И новые, жесткие меры в этих условиях пока что не факт, что будут поддержаны населением.

Я считаю, что Виктору Степановичу нужно дать четкую оценку того, что уже произошло, в том числе и оценку деятельности своего кабинета, Центрального банка за эти дни. Выстраивать новую экономическую политику с людьми, которые обанкротили страну в самом худшем из всех возможных вариантов, в принципе нельзя. Доверия к такому правительству и к такому Центральному банку не будет. Может быть, как раз спасет положение какой-то надведомственный, надправительственный и надбанковский орган под названием валютный совет. Не знаю, получится это или нет. Но считаю, что сейчас очень важно давать четкие ответы. Не просто не рекомендовать населению не торопиться переводить вклады в Сбербанк, но четко зафиксировать позицию кандидата на пост премьера, как будут гарантированы вклады и как схемы этих гарантий будут работать, будет ли минимальная гарантия сохранения не только самих вкладов, но и их реального содержания.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, еще один вопрос, будьте любезны.

Все знают о личном состоянии Черномырдина. Одна наша радиостудия сказала. Не сможет и не захочет ли Виктор Степанович перевести часть своего состояния в бюджет, если он станет главой правительства?

ШОХИН А.Н. Виктор Степанович неоднократно отвечал на этот вопрос. Поэтому я могу отослать вас к его ответам.

В частности, он давал гарантию того, что отдаст все деньги тому, кто обнаружит его счета, и так далее. Так что могут ваши радиослушатели попытаться счастья.

ВОПРОС.

В первой части выступления вы сказали, что возможен перенос голосования на понедельник по Черномырдину. Когда точно определится: сегодня будет голосование или нет?

ШОХИН А.Н. Это определится, видимо, к двум часам, когда Совет Федерации сформулирует свою позицию.

Если в этой позиции будет зафиксирована четкая поддержка конкретного кандидата в премьеры, а именно Виктора Степановича Черномырдина, и прописана увязка поддержки кандидата на пост премьера с подписанием политического заявления между ветвями власти, то естественно, что для продолжения консультаций по политическому заявлению и для того, чтобы фракции Государственной Думы могли уточнить свои позиции, в том числе встречаясь и со своими сенаторами, и с кандидатом на пост премьера, понадобится, вполне возможно, дополнительно два дня. Нельзя исключать и такую форму, как "круглый стол", который мог бы быть проведен в понедельник с утра. Но раньше двух часов, я думаю, сказать точно нельзя.

КАК ФОРМИРОВАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. К. 304.
7 СЕНТЯБРЯ 1998 ГОДА).

ШОХИН А.Н. Сегодня у нас очередной судьбоносный день. Есть ощущение того, что в результате работы "круглого стола" на пленарном заседании Государственной Думы могут быть осуществлены какие-то подвижки. Тот факт, что "круглый стол"

не завершился и перенесен на 14.30, означает, что у президента есть желание выслушать различные точки зрения и попытаться убедить депутатов, сенаторов в правоте своей позиции. В начале президент заявил свою позицию, что он, внося Виктора Черномырдина, сделал свой окончательный выбор. В то же время выступающие участники "круглого стола" просто высказываются "за" или "против" кандидатуры Черномырдина, но пытаются нащупать пути компромисса.

Но все сходится на том, что речь идет не просто о кандидатуре на пост председателя правительства, а о судьбах страны, судьбах политической системы, о наших согражданах, соотечественниках, поскольку мы входим в тяжелый затяжной финансово-экономический кризис. Более того, этот финансово-экономический кризис сопровождается не просто правительственным кризисом, но уже глубоким политическим кризисом, который тоже находится только в начальной фазе и может еще более углубиться и усугубиться.

Схемы, которые предлагаются, самые разные, они, в общем-то, вам известны, есть предложение и о рейтингах, есть жесткие предложения к президенту сменить кандидатуру, есть предложение начать диалог по поводу широкого пакета документов, в частности выйти сегодня с "круглого стола" с подписанным политическим заявлением. Совет Федерации, как известно, поставил под ним уже свою подпись. Президент сегодня тоже высказал готовность подписаться под этим документом, в равной степени и исполняющий обязанности премьера такую готовность высказал. Если в этом направлении будет достигнуто понимание, то сегодня Дума могла бы первым вопросом обсудить политическое соглашение и также поставить свою подпись под ним.

Кроме того, возможно и быстрое принятие поправок к законам. Тем более что президент внес свои предложения по Федеральному конституционному закону "О правительстве", в соответствии с которым вице-премьеры и министры должны назначаться после соответствующих консультаций с Государственной Думой как палатой или профильными комитетами Государственной Думы.

Но такой вариант развития событий, такая демонстрация согласия будут возможны при условии, что и по конкретному пункту — по председателю правительства — будут найдены взаимоприемлемые решения. Может быть, удастся перевести разговор в плоскость формирования правительства, персонального его состава. Может быть, названные теми или иными политическими силами претенденты на премьерский пост могут входить в это правительство, занимая ключевые посты, отвечая за важные направления работы со статусом первых вице-премьеров, вице-премьеров, ключевых министров. Но очень важно, чтобы сегодня мы вышли на какое-то если не решение, то на одобренную всеми политическими силами схему принятия этих решений. Так, вопросы.

ВОПРОС.

В двух словах о содержании политического соглашения. ШОХИН А.Н. Вы знаете, политическое соглашение — это документ, который был подготовлен неделю назад, ничего в нем не изменилось, за исключением неготовности президента освободить от должности министров с учетом мнения Государственной Думы. Это единственное расхождение между документом, подготовленным здесь, на Охотном ряду, в прошлое воскресенье, и тем вариантом соглашения, которое в ночь с четверга на пятницу было внесено от имени президента руководителем администрации президента в Совет Федерации и в Государственную Думу.

Ключевые положения о готовности идти на изменение Конституции, на перераспределение власти в стране, на увеличение соответствующих полномочий парламента, в том числе и по формированию правительства, и по контрольным функциям парламента, сохранились в этом соглашении. В частности, остался пункт, что согласительные процедуры будут использоваться при формировании кабинета. Основные положения известны, я не буду их повторять.

Коммунисты, их союзники настаивают на том, чтобы это соглашение было гарантировано сторонами и чем-то более весомым, чем политическая воля участников соглашения. Гарантиями могут быть законы. Если, например, сегодня, проголосовав за политическое соглашение, мы одновременно конституционным большинством изменим Закон "О правительстве" в направлении, соответствующем этому политическому соглашению, то это уже будет серьезная гарантия готовности сторон идти в направлении реализации и других положений соглашения. **ЯПОНСКАЯ ТЕЛЕКОМПАНИЯ "NHK".**

Александр Николаевич, вопрос такой у меня. Каковы сегодня шансы Виктора

Степановича быть утвержденным? И каковы, по вашему ощущению, перспективы третьего тура: состоится, не состоится и в каком варианте?

ШОХИН А.Н. Было бы желательно, если бы третьего тура не было, если бы стороны договорились о такой схеме принятия решения, которая позволила бы его принять сегодня либо если переносить, то через день-два. Конституционная возможность переноса есть, поскольку президент не использовал свой недельный срок на обдумывание вопроса перед вторичным внесением кандидатуры на пост премьера. Так что здесь самое главное выработать технологию поиска компромисса. Со второго раза нужно добиваться решения, иначе страна окажется в очень тяжелом финансовом положении, в социальном, в политическом, в тяжелом положении по отношению к своим партнерам в мире, в тяжелом положении по отношению к своим гражданам. Удастся ли выкрутить на второе голосование как на окончательный тур политических дебатов, сказать трудно, но я очень сильно на это надеюсь.

Какие шансы у Виктора Черномырдина? Без подвижек по сравнению с позицией, зафиксированной на пятницу на конец прошедшей недели, очень трудно рассчитывать на положительный исход для Виктора Черномырдина. Подвижки должны быть. Они касаются и более четких сигналов о том, кто будет в новом правительстве. Наша фракция, я лично неоднократно пытались убедить Виктора Степановича перед голосованием назвать состав правительства, по крайней мере ключевых членов этого правительства. Та шестерка министров, которая была озвучена в известном указе президента на прошлой неделе, — это еще недостаточно для оппозиции, для многих фракций. И здесь нужно учесть предложения и других фракций: коммунистов, аграриев, даже жириновцев.

Если перед голосованием Виктор Степанович предложит проголосовать не только за него, но и за состав правительства (известно, что по ныне действующей структуре в правительстве 25 министров), хотя бы за дюжину ключевых министров, это уже будет голосование за правительство. Это может быть и не коалиционное правительство, или народного доверия, но это будет правительство, которое пользуется доверием большинства Государственной Думы, если, конечно, это большинство за него проголосует.

Очень важно сейчас выйти на взаимодействие между парламентом и правительством, поскольку ни одна программа: жесткая, мягкая, какая угодно — не пройдет без поддержки парламента, обеих его палат. Надо принимать и налоговые законы, надо, чтобы Дума синхронно работала с правительством, не принимая тех законов, которые не вписываются в программу правительства (а Дума может не только принять соответствующие законы, но при негативном настрое преодолевать вето президента на такого рода законы). Очень важно поэтому утвердить правительство, не ломая через колено Думу, а через нахождение минимально необходимых компромиссов для нормальной работы в условиях кризиса.

Очень важно и то, что речь идет не только о процессе согласования в Москве, а не о московской, как говорят, политической тусовке, речь идет о таком процессе согласования интересов властных элит, которое позволит восстановить доверие людей к власти. Сейчас доверие к властям подорвано. Это касается и исполнительной власти, и законодательной власти. На протяжении двух недель фактически мы наблюдаем бездействие властей, в лучшем случае неясные сигналы со стороны властей, как будут решаться самые насущные проблемы, как будут защищаться граждане от уже галопирующей инфляции, от обвального падения рубля и так далее. Отсутствие этих сигналов, безусловно, подрывает доверие к власти, которая к тому же не может договориться. Поэтому очень важно от разговоров в плоскости "кто" перейти в плоскость "как", в том числе как восстановить доверие граждан. К вопросу о доверии надо добавить и доверие международного сообщества, поскольку заявление от 17 августа резко подорвало доверие инвесторов и правительств многих государств к России. И не случайно теперь все ждут такого же рода отношения по другим обязательствам России, в том числе по государственным внешним займам. Будем надеяться, что здесь будут найдены цивилизованные формы, не подрывающие международной деловой практики.

Если говорить о конкретных цифрах, то все зависит от формы голосования. При тайном голосовании результат может быть один, при открытом голосовании он будет другим. От результата 31 августа итоги голосования, на мой взгляд, будут отличаться на 50 голосов Жириновского плюс-минус 10 голосов.

Это явно недостаточно для прохождения кандидатуры премьера. Поэтому очень важно выйти на режим не только тайного голосования, на такой режим тайного голосования, который будет сопровождаться хотя бы не очень жесткими комментариями лидеров оппозиции. То есть речь идет о том, чтобы были сделаны какие-то оговорки лидерами оппозиции, при которых они готовы дать своим рядовым депутатам указание голосовать свободно.

БРАТИСЛАВСКАЯ ГАЗЕТА "ПРАВДА".

Скажите, пожалуйста, после утренней встречи в Кремле остаются реальными кандидатуры Строева и Лужкова? И что, по вашему мнению, стоит вообще за этим маневрированием последних дней, когда эти два кандидата начали действовать активно, особенно Лужков?

ШОХИН А.Н. "Круглый стол" еще не закончился, не все сенаторы выступали, не выступал Юрий Михайлович Лужков, участник этого "круглого стола". Что касается утреннего выступления Егора Семеновича Строева, то оно было выдержано в согласительных выражениях. И никаких персоналий он не упоминал, а в основном призывал договариваться, что называется, на берегу. И очень важно будет то, как повлияют на президента, на других участников "круглого стола" выступления других губернаторов.

Что касается альтернативных кандидатов (а к ним, как вы знаете, в последнее время добавились и Примаков, и Маслюков, и даже Геращенко попал в список по инициативе коммунистов, то есть пять кандидатур называется), то речь идет прежде всего о том, что любой другой кандидат, кроме Черномырдина, позволяет оппозиции перейти в оппозицию, если вдруг новое правительство не справится со своими обязанностями.

Черномырдин, возглавлявший пять лет правительство, и Черномырдин, который две недели возглавляет правительство в условиях жесточайшего кризиса, — это хорошая площадка для того, чтобы оппозиции демонстрировать свою оппозиционность. Но при голосовании за Черномырдина будет нужна какая-то формула объяснения мотивов. Если ее не найдут, то фактически оппозиция перестает быть таковой. При голосовании за любого другого кандидата такой формулы не нужно, а нужно продемонстрировать то, что дается как бы шанс прорваться новым людям, и по итогам этого прорыва можно будет судить, удалось им это или нет, наращивая оппозиционность либо вступая в какие-то схемы взаимодействия с этим правительством. Поэтому здесь позиция левых партий беспроигрышна, в равной степени беспроигрышной является и позиция "ЯБЛОКА". Любой другой кандидат позволяет им, по крайней мере выждав время, либо вступить в какую-то коалицию с новым правительством, либо остаться в оппозиции.

Сохранение Черномырдина на посту премьера ни левым фракциям, ни "ЯБЛОКУ" не дает возможности сохранить свою оппозиционную нишу, которая так нужна на случай досрочных выборов парламента.

ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО "АКМ".

Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете шансы Александра Лебеда?

ШОХИН А.Н. Насколько я понимаю, Александр Лебедь лишь говорит о своей готовности поработать в случае, если его назначат антикризисным управляющим, но в политических дискуссиях, в том числе в Совете Федерации и на "круглом столе", его имя упоминается только в контексте того, что это и есть конкретный образ диктатора в случае, если демократическим путем политические силы не договорятся.

Я бы не торопился делать такие выводы, что это конкретный образ российского Пиночета по ряду причин, но тем не менее кандидатура Александра Лебеда вряд ли устроит коммунистов больше, чем кандидатура Черномырдина. И именно поэтому они делают все для того, чтобы его имя не упоминалось.

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "НТВ".

Александр Николаевич, а как используется перерыв в заседании "круглого стола" с точки зрения пользы, может быть какой-то документ вырабатывается или что-то еще или просто прервали разговор из-за того, что не успели закончить к определенному времени?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, перерыв получился техническим. Так как открывается 100-я конференция Межпарламентского союза, после нее будет прием в Кремле, то решили сделать технический перерыв на эти все мероприятия и в 14.30 продолжить. Никаких поручений готовить те или иные документы, в том числе политическое

соглашение к подписанию, не поступало, хотя Борис Николаевич дал указания руководителю администрации на всякий случай иметь под рукой соглашение, вдруг возникнет необходимость его подписания, что называется, перед телекамерами. Но тем не менее это время будет, скорее всего, использовано для консультаций, неформальных и неофициальных.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, вносили ли оппозиционные фракции в ходе заседания "круглого стола" свой список альтернативных кандидатур на пост премьера и по составу правительства?

И второе. Кто из участников "круглого стола" сейчас отказываются подписать политическое соглашение, чего они хотят взамен, предположим, поправки к Закону "О правительстве"?

ШОХИН А.Н. Что касается фамилий, то назывались уже известные, это Егор Строев, Юрий Лужков, Юрий Маслюков, Евгений Примаков и Виктор Геращенко. Григорий Алексеевич повторил свою форму недельной давности, что он и его коллеги готовы взять на себя ответственность за выход из кризиса. Из этого косвенно можно сделать вывод, что фракция "ЯБЛОКО" готова в случае, если процедура типа рейтингового голосования будет использована, внести в лист для рейтингового голосования и Григория Явлинского. Вот, пожалуй, те шесть фамилий, которые вслух назывались сегодня на "круглом столе".

Естественно, фамилия Виктора Черномырдина остается в списке под номером один. Так что мы имеем сейчас список из семи кандидатов, но еще раз подчеркну, очень важно, чтобы с "круглого стола" мы вышли либо со схемой решения, а еще лучше с самим решением, как идти сегодня на голосование.

Лучший вариант, если это состоится в увязке с решением других политических и экономических вопросов. К сожалению, нет полной ясности по поводу программы выхода из кризиса. Программа, заявленная Виктором Степановичем Черномырдиным в пятницу и над которой продолжает трудиться группа Бориса Федорова, содержит достаточно много вопросов, хотя контуры программы ясны, но не понятна траектория ее запуска и не понятно, насколько условия реализации такого рода программы имеют место в России. Я не буду подробно говорить об этих условиях и о других деталях этой программы, но тем не менее хотелось бы, чтобы, соглашаясь на фамилию, на формулу выбора премьера, мы одновременно бы и давали мандат премьеру не только на формирование правительства, но и на реализацию вполне определенного экономического курса.

Кроме того, очень важен персональный состав правительства. Хотя в основном Владимир Жириновский печется о том, чтобы соответствующие портфели достались представителям его фракции, но в какой-то момент нужно называть и фамилии, которые должны быть и которых не должно быть в правительстве.

Наша фракция здесь давно определилась, я публично несколько раз с трибуны Государственной Думы заявлял о том, что без обнародования ядра правительства голосование будет неудачным. Кроме того, чет-ко нужно заявить кого не будет в правительстве. Мы, наша фракция, называли этих людей тоже и будем достаточно жестко настаивать, чтобы лиц, ответственных за крайне неудачную формулу объявления России банкротом, не было в новом составе правительства, тем более за три недели, прошедшие после известного заявления, не произошло позитивных подвижек, которые бы демонстрировали, что эти люди понимают и понимают, что произошло. Это достаточное основание для того, чтобы жестко ставить вопрос об отставке некоторых действующих лиц, исполняющих обязанности министров и других руководителей, или о нецелесообразности вхождения в новое правительство тех или иных лиц.

Без такого рода публичных демонстрационных шагов, на мой взгляд, очень трудно будет добиваться прохождения Виктора Черномырдина в Государственной Думе.

Считаю, что нужны и другие убедительные формулы. В частности, я сегодня утром предлагал и на "круглом столе" повторил эту формулу: премьеру нужно запросить мандат до конца этого года, или на сто дней, или до принятия Закона "О бюджете", или на 6 месяцев, с тем чтобы по прошествии этого времени поставить вопрос о доверии правительству, и, если в доверии будет отказано, не дожидаясь роспуска Государственной Думы, подать в отставку. Это позволит самое тяжелое время кризиса пройти с полноценным правительством, а не с исполняющим обязанности председателя, не с исполняющими обязанности министров (такая формула предлагалась в пятницу в Совете Федерации — давайте узаконим институт

исполнения обязанностей, и пусть он длится месяцами, пока мы не увидим, способны эти люди вывести из кризиса или нет. Эта формула неверна юридически, неверна политически, неверна и экономически).

Я думаю, что та формула, которая мной предложена, — это тоже один из возможных вариантов развязывания кризисного узла. Таким образом, без вбрасывания дополнительных технологий выхода из кризиса решить конкретный вопрос назначения председателя правительства, на мой взгляд, очень трудно, если, конечно, не идти по схеме предложения другого кандидата. Оппозиция уперлась, но в то же время ее упертость кончится тогда, когда президент скажет: "Ладно, я вас послушал. Идите на рейтинг либо давайте я вношу другую кандидатуру". Тогда сегодня не может быть проголосована другая кандидатура. Но не похоже, что Президент Ельцин пойдет на простые схемы. Формулы выхода из кризиса должны быть понятны согражданам и внешнему миру.

ВОПРОС.

Мне хочется понять: сегодня коммунисты в первом раунде "круглого стола" предъявили ультиматум, что они ни при каких условиях не будут голосовать за Черномырдина или нет?

ШОХИН А.Н. Позиция коммунистов не изменилась по сравнению с публичными заявлениями Геннадия Зюганова или его коллег по Народно-патриотическому союзу России. Поскольку Геннадий Зюганов выступал первым из думских лидеров, он затвердил эту позицию. Готовы ли коммунисты пойти на уступки? Это, я думаю, будет ясно из заявлений Николая Рыжкова и Николая Харитонов, которые после первого раунда "круглого стола" наверняка проконсультируются с Геннадием Андреевичем и будут выражать не только собственную точку зрения, но и консолидированную позицию.

Так что здесь пока фиксация исходной точки зрения, но, еще раз подчеркну, сам Геннадий Зюганов и все участники "круглого стола" сходятся в том, что мы не должны расходиться с "круглого стола" до тех пор, пока не выработаем общую позицию: уходить просто со своим мнением, которое было до начала работы "круглого стола", — это политическое преступление. И это касается всех, естественно, фракций, не только коммунистов.

РАДИО "СВОБОДА".

Александр Николаевич, что вы можете сказать по поводу отставки Сергея Дубинина? Информация утром прошла.

ШОХИН А.Н. Меня иногда упрекают в прессе, что потому Шохин критикует Дубинина, что он спит и видит, как бы сесть на его место. Когда я сплю, то вижу гораздо более приятные сны, уверяю вас.

Я считаю, что Сергей Дубинин ответствен за кризис, который еще начался в прошлом году осенью. Рецепты были выбраны неверные для лечения болезни. Можно было уже с конца прошлого года более мягкими средствами, инструментами готовить страну к постепенной девальвации, не обвальной, а к плановой за счет введения гибкого механизма — плавающего курса рубля. Можно было бы и пирамиду ГКО реструктурировать другим образом. Все это Сергей Дубинин должен был сам предложить, реструктурировать портфель ГКО, находящийся в руках Центрального банка. Это не ударило бы больно по всей экономике. Но поскольку портфель у ЦБ вместе со Сбербанком — две трети всех ГКО, — это позволило бы облегчить бюджет, переформировать краткосрочный долг, среднесрочный под более низкие процентные ставки и можно было без обвала выйти из долгового кризиса.

Кроме того, две-три последние недели Центральный банк работает сумбурно, принимает решения, которые тут же отменяет. Вместо того чтобы частично хотя бы восстановить ликвидность банковского сектора, он подрывает платежеспособность банков еще больше и способствует нарастанию искусственного кризиса банковской системы. Конечно, не все банки выживут после кризиса, но специальными мерами гробить отечественную банковскую систему — так ни одна страна из кризиса не выходила.

Поэтому я бы считал правильным, если бы Сергей Дубинин выполнил наше пожелание. Я высказал еще эту мысль, когда мы обсуждали действия правительства Кириенко до его отставки, тогда и предложил Сергею Кириенко и Сергею Дубинину добровольно подать в отставку. Если он этого не сделает сам, сегодня Государственная Дума еще раз напомним кандидату на пост премьера и президенту о том, что это нужно сделать.

ВОПРОС.

По вашей информации он еще не подал в отставку, да?

ШОХИН А.Н. Только президент может внести в соответствующее предложение Государственной Думы принять отставку нынешнего председателя Центрального банка и внести кандидатуру нового председателя. Я не исключаю, что сегодня это будет сделано.

КТО БУДЕТ ПРЕМЬЕРОМ?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
9 СЕНТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Вступительное слово или на вопросы отвечать? Что-нибудь сказать? Насколько я знаю от журналистов (пока я шел, меня проинформировали), письма президента с третьим внесением кандидатуры премьера нет. Тем не менее формула "не жди — не будет" не годится, поскольку у президента конституционный срок до понедельника. Ситуация в стране такая, что каждый день задержки, каждый день неопределенности чреват углублением финансово-экономического кризиса, перерастанием правительственного кризиса в глубокий политический кризис. Некоторые действия региональных властей наглядно показывают вектор развития этого кризиса. Это прежде всего провозглашение финансовой и банковской самостоятельности регионов, руководители которых пытаются защититься от общероссийского кризиса введением протекционистских мер, не допускающих выход товаров, рублей за пределы субъектов Федерации. Пример Калининграда — это не единственный пример. "Защитили" себя такие регионы, как Самара, многие республики. Речь прежде всего идет об обособлении банковско-платежной системы. Идея здесь простая: не позволить платежно-расчетному кризису, который в России в разгаре и в результате которого не идут платежи, затронуть эти регионы.

Здесь мы явно наталкиваемся на повторение пройденного — 1991 год, когда национальные банки республик бывшего Советского Союза делали то же самое, пытались защититься от общероссийского кризиса.

Очень не хотелось бы, чтобы промедление с утверждением правительства, промедление с обнародованием четкой программы неотложных мер по выходу из кризиса привело к повторению ситуации 1991 года, когда финансово-денежный сепаратизм через некоторое время спровоцировал политическую дезинтеграцию Советского Союза. Кстати, в контексте идущей в Думе работы по импичменту становится понятным, что главное — не подписи трех политиков в Беловежской Пуще, а главное — это распад финансово-экономической системы накануне декабря 1991 года. И если случится нечто подобное сейчас, то не политиков придется винить, а тех, кто не сумел сохранить целостность финансово-экономической, а стало быть, и политической системы России.

Поэтому президент обязан сделать безошибочный выбор, принять решение быстро и в то же время такое решение, которое не ослабит центральную федеральную власть, а позволит консолидировать региональные элиты вокруг правительства.

БРАТИСЛАВСКАЯ ГАЗЕТА "ПРАВДА".

Скажите, пожалуйста, красноярский губернатор упорно говорил "нет, нет, нет" на все вопросы о том, что возможно он войдет в правительство, станет премьером и так далее. Сегодня утром по сообщению "Интерфакса" он вдруг заявил, что готов взвалить на себя бремя выхода России из кризиса. Как вы объясните этот поворот на 180 градусов?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, большинство из тех политиков, портреты которых появляются на экранах, как возможных претендентов на премьерский пост, отвечают "нет", имея в виду, что есть определенные правила политического этикета. Заявлять "хочу стать премьером и готов взять на себя ответственность" в условиях, когда президент мучительно ищет оптимальный вариант выхода из правительственного кризиса, во многом означает снять себя с пробега.

Поэтому даже те претенденты на премьерский пост, которые в принципе готовы занять эту позицию, до последнего момента будут допускать осторожные высказывания, имея в виду, что слово за президентом, и чья фамилия окажется в письме в Госдуму, зависит прежде всего от президента и от его оценки политической и экономической ситуации.

Исключением является, наверное, генерал Лебедь, который заявлял, кстати и до второго голосования в Государственной думе, по кандидатуре премьера, что он готов быть кризисным премьер-министром.

Нормальный премьер из него, наверное, не получился бы, но в период кризиса десантное образование, видимо, подходит. Поэтому он, пожалуй, единственный

человек, кроме Черномырдина, который заявлял о своей готовности возглавить правительство.

Еще раз подчеркну, для того чтобы любой взвешенный политик говорил "да", нужны какие-то сигналы о том, что у президента по крайней мере есть мысли на этот счет. Не знаю, последнее заявление Лебеда связано ли с тем, что до него дошли сведения, что соответствующие мысли появились у президента или нет. Но тем не менее общая логика отказов, на мой взгляд, именно такая: не говорить "гоп", пока не то, что не перепрыгнешь, а пока одну ногу не поднимешь для разбега.

ГАЗЕТА "ГУДОК".

Вы правы, когда сказали, что у президента еще есть время для письма. И тем не менее мы как-то не привыкли, что он тянет с такими делами. Ваше понимание: почему нет до сих пор реакции?

И второе. Черномырдин встречался после второго поражения с президентом. О чем они говорили?

ШОХИН А.Н. Да, действительно Виктор Степанович встречался вчера с президентом. Об этом говорили и средства массовой информации, об этом мне говорил вчера и сам Виктор Степанович. Говорили они естественно и о путях выхода из кризиса, и о тактике по третьему внесению кандидатуры на пост председателя правительства.

Но поскольку я не был свидетелем этой встречи, к сожалению, не могу пересказывать ее, не имея на то полномочий по крайней мере от Виктора Степановича, который мне рассказывал о содержании этой встречи.

ГАЗЕТА "ГУДОК".

А почему письма нет? Как вы трактуете?

ШОХИН А.Н. Письма нет, потому что нет. Потому что не пришел еще офицер фельдъегерской связи, которого давно здесь ждут.

На самом деле я думаю, что аргументов может быть несколько.

Президент, внося письмо, сразу бы восстановил против себя Государственную Думу, имея в виду, что он не задумался, не оценил последствия предыдущего голосования, не взвесил все последствия внесения кандидатуры Черномырдина. Здесь пауза может демонстрировать то, что президент обдумывает сложившуюся ситуацию и не настроен автоматически вносить письмо, которое, по слухам, было даже подписано в прошлую пятницу. Это первая возможная интерпретация.

Вторая возможная интерпретация состоит в том, что президент думает о некой технологии взаимодействия с Думой, в том числе в рамках консультативных процедур. И обдумывает вопрос: какие еще шаги он может предпринять в дополнение к ранее сделанным, с тем чтобы склонить Думу к голосованию по кандидатуре, на которой уже остановился президент?

Может быть и третье объяснение — он считает сейчас неуместной конфронтацию с Думой, тем более с Думой, которая за пазухой держит импичмент и готова его будет проголосовать в любой момент, хотя бы по части обвинений, если президент внесет кандидатуру Черномырдина. И тогда президент размышляет над тем, кого бы ему внести, с тем чтобы это было эффективно со всех точек зрения. Может быть, он ведет поиск человека, которому можно доверить свою политическую судьбу, будущее президентской власти (имея в виду, что сейчас уже запущена работа по пересмотру Конституции) и то, что называется у нас в народе гарантиями личной безопасности после 2000 года.

Все эти версии имеют право на существование, может быть и любая комбинация из этих версий. Но очевидно одно, что обстановка в стране не позволяет затягивать принятие решений.

В любом случае было бы правильно проголосовать на этой неделе. Если президент внесет письмо сегодня или завтра, можно было бы в пятницу определиться голосованием. Если, действительно, Дума не боится роспуска, она могла бы даже в случае внесения кандидатуры Черномырдина голосовать в пятницу. Правда, здесь пришлось бы пойти на смелый поступок — не голосовать импичмент президенту. Моя позиция и позиция моих коллег по фракции состоит в том, что недопустимо использовать такой редкий инструмент выяснения отношений между ветвями власти, как импичмент президенту, только в качестве подстраховки на случай досрочных выборов и досрочного роспуска Государственной Думы. Это просто политическое преступление.

Поэтому мы категорически будем высказываться против голосования импичмента по частям только для того, чтобы отсрочить возможный роспуск Государственной

Думы. Мы должны принимать политические решения по формированию правительства, исходя из интересов России, исходя из будущего России. И здесь подпорки в виде импичмента лишь демонстрируют страх Государственной Думы перед немедленным ее роспуском.

Кстати, процедура импичмента в силу отсутствия специального закона по импичменту может толковаться всеми участниками этой процедуры, среди которых и Верховный Суд. И, в частности, Верховный Суд может признать процедуру обсуждения импичмента в Государственной Думе не соответствующей процессуальным нормам, установленным самой Государственной Думой. В частности, третий пункт обвинения, который хотелось бы комиссии включить в рассмотрение, не готов по процессуальным нормам. И если он будет включен, это достаточное основание для Верховного Суда без рассмотрения вернуть все материалы в Думу и, стало быть, в день возврата Думу можно будет распустать. Ведь в Конституции не сказано, что после третьего отклонения кандидатуры премьера президент обязан в тот же день распустить Государственную Думу. Он может подождать до завершения процедуры импичмента.

Исполнение обязанностей премьера допускается на два месяца по Федеральному конституционному закону "О правительстве". Два месяца - с 23 августа по 23 октября. Так что Верховный Суд в любом случае может завершить эту процедуру, даже содержательно отказав Думе в выдвинутых обвинениях. Могут быть толкования: должно ли отрицательное решение Верховного Суда направляться в Совет Федерации, в Конституционный Суд либо оно может уже быть окончательным этапом в случае несогласия с мнением Государственной Думы? В условиях конфликта властей и роспуска Государственной Думы спорить уже будет довольно трудно. И спор этот может быть разрешен только в Конституционном Суде. Но его уже, спор этот, придется вести без Государственной Думы.

Я считаю, что сейчас очень важно не допустить устранения ни одной из ветвей власти из политического процесса. Думу, действительно, нельзя распустать, даже такую, оппозиционно настроенную к президенту, к его кандидату на пост премьера. Прежде всего потому, что многие решения придется принимать законами по антикризисной программе. И поэтому очень важно найти, действительно, компромиссы, которые могут выразиться в формуле, озвученной мной от имени фракции в понедельник. В частности, голосовать нужно не только по кандидатуре премьер-министра, но и по составу правительства. Кроме того, кандидат на пост премьера должен, на мой взгляд, запросить определенный период времени — от 3 до 6 месяцев — на реализацию антикризисной программы, с тем чтобы поставить вопрос о доверии к своему правительству перед Государственной Думой по завершении этого срока. И в случае, если в доверии будет отказано, он должен уже сейчас пообещать уйти в отставку.

Такая формула позволяет не заикливаться в период жесточайшего финансового и социального кризиса на кандидатуре и быстро сформировать кабинет уже в процессе голосования по кандидатуре на пост премьера. И, кроме того, появляется возможность расшивки самых тяжелых мест, распутывания самых сложных узлов в финансовой и социальной системах. И ответственность уже будут нести этот премьер и то правительство, которое, по сути, вопреки конституционным нормам, будет сформировано Государственной Думой.

ЯПОНСКАЯ ТЕЛЕКОМПАНИЯ "ННК".

Александр Николаевич, у меня такой вопрос. Еще недавно некоторые люди, некоторые политики были склонны поддерживать Виктора Степановича. Но на данный момент они изменили свою позицию. Какова позиция НДР на данный момент времени и ваша личная в отношении поддержки Черномырдина? Это первый вопрос.

И еще одно уточнение. На ваш взгляд, какова вероятность того, что президент все-таки внесет другого человека, другую кандидатуру?

ШОХИН А.Н. В социальных и политических вопросах вероятность любого события существует. Оценивать в цифрах я ее не берусь. Но здесь очень важно иметь в виду, что президент не имеет права уходить в рейтинговое голосование, предлагать несколько кандидатов, с тем чтобы Дума сама выбирала, кто из них более достоин и занял первое место по мягким рейтингам или другим процедурам согласования и кого президент назначал бы премьер-министром. Это означало бы фактически переход к парламентской республике и превращение президента в английскую королеву. Это первое.

Второе. Если президент дает другую кандидатуру на пост премьер-министра, то он должен иметь в виду еще несколько обстоятельств. Во-первых, это признание того, что он в противостоянии, в двухтуровом противостоянии с Государственной Думой признает свою ошибку или поражение. И, во-вторых, вынося ту или иную кандидатуру, он должен просчитать последствия политические, международные, внутренние, пребывание в должности премьера того или иного человека. Допустим, это будет Юрий Маслюков. Я хорошо отношусь к Юрию Дмитриевичу, но тем не менее формальная причастность его к фракции КПРФ может возбудить подозрение в международных финансовых кругах, у части российского общества, что власть перешла в руки коммунистов. Хотя Юрий Дмитриевич — профессионал высокого класса, но тем не менее политическая реакция такого рода, наверное, неизбежна.

Если будет предложен Юрий Михайлович Лужков в качестве председателя правительства, то здесь важно договариваться президенту о том, как будет устроена политическая власть в случае прихода этого энергичного и, как мы знаем, с президентскими амбициями политика на второй пост в государстве. В частности, речь идет о том, будут ли проводиться досрочные президентские выборы либо они состоятся в срок, в 2000 году. Вот такие сложные вопросы должны быть обсуждены до принятия соответствующего решения. Так что не исключаю, что задержка с письмом связана с проработкой всех этих вариантов, в том числе и с проработкой варианта, какие могут быть технологии запущены в случае третьего внесения Виктора Черномырдина в Государственную Думу. Очень важно, чтобы это было не просто третье внесение, демонстрирующее известное нам упрямство президента, но это внесение должно быть обставлено определенными условиями формирования кабинета, более четким прописыванием политики на ближайшие дни, чтобы далее и коммунисты, и представители других фракций могли согласиться войти в это правительство и реализовывать эту программу и именно поэтому согласиться на поддержку кандидатуры премьер-министра. Так что эта последняя технология тоже имеет право на существование, и ее обдумывание требует определенного времени.

Поэтому я не могу вам дать окончательный ответ: кто, когда. Ясно, что в ближайшие дни правительство просто обязано появиться в России, иначе финансово-экономический и политический хаос неизбежен. ГАЗЕТА "ЗА СССР".

Александр Николаевич! У меня вот такой вопрос. Виктор Степанович говорил о наступлении экономической диктатуры с января. Сегодня стало известно, что закрыта газета "Правда". Не приведут ли такие экономические, так сказать, санкции к диктатуре олигархов, по вашему мнению?

ШОХИН А.Н. Вообще я не знаю, какую из "Правд" закрыли? Их несколько.

ГАЗЕТА "ЗА СССР". "Правда" Линника.

ШОХИН А.Н. Линника. И кто ее закрыл? Может по финансовым ограничениям. Сейчас очень легко оказаться в кризисе любому изданию, любому региону. ГАЗЕТА "ЗА СССР".

А я вам говорю об экономической диктатуре, не приведет ли это к диктатуре олигархов?

ШОХИН А.Н. Когда речь идет об экономической диктатуре, речь не идет о диктатуре олигархов либо о диктатуре некоего варианта финансово-экономической политики вопреки существующим законам. Я с трибуны Государственной Думы говорил позавчера, что экономическая диктатура должна быть тождественна диктатуре закона и только так мы готовы поддерживать эту идею.

Если говорить о мерах экономической диктатуры, они уже сегодня должны быть запущены и первого января дожидаться просто опасно. В частности, речь идет о введении экстренных, чрезвычайных механизмов выхода из кризиса и о жестком, если хотите, принуждении участников экономической жизни к исполнению этих правил. Понятно, что сейчас самое главное — обуздать обезумевший доллар или рубль, я не знаю, кто из них резвее скачет. Наверное, это рубль скачет, как бешеный конь. Очень важно сейчас найти такую схему, которая позволит дать четкие перспективы и гражданам, и импортерам, и банкам, какой же курс доллара будет через день, через неделю, через месяц, до конца года.

Я считаю, что здесь без административных технологий не обойтись. Нужно открыть валютную биржу, осуществить нормальную интервенцию Центрального банка. Принудить крупные компании и банки продавать валюту на этой бирже. Принудить можно, в том числе обязав 50—75 процентов валютной выручки продавать на бирже. Конечно, такому принуждению не будет способствовать возможность уплаты налогов долларами. Надо все-таки, видимо, эту меру в ближайшее время

изменить — рублями должны платить люди налоги. Но тогда мы, естественно, понуждаем компании и банки идти на биржу и продавать заработанные доллары, чтобы платить налоги рублями.

Вот в рамках такого рода мер можно выяснить истинный курс рубля. Ясно, что он будет не меньше 12 рублей за доллар. Когда курс утрясется — можно его зафиксировать до конца года и пытаться выдержать этот курс, в том числе прибегая и к валютным интервенциям, и к некоторым заимствованиям, к увеличению золотовалютных резервов. Но без этого мы не стабилизируем импорт, без этого не запустим банковскую систему.

Кстати, очень важно повысить ликвидность банковской системы. Центральный банк начал предпринимать определенные меры. В частности, он снизил фонды обязательных резервов для банков, которые пострадали от операции по обмену ГКО. Мы продолжаем настаивать на том, что надо отказаться правительству, Центральному банку от заявления 17 августа и издать новое заявление, в котором бы были более мягкие и понятные, предсказуемые схемы реструктуризации внутреннего долга и где бы была предложена переговорная схема с внешними кредиторами по смягчению условий возврата кредитов.

Только на этих условиях можно пытаться восстановить доверие населения и инвесторов к государству, только в этих условиях можно восстановить платежеспособность и ликвидность банковской системы и запустить платежно-расчетную систему.

Так что мер антикризисного характера можно предложить много. Очевидно, что стандартная аргентинская схема здесь не подходит. По моим сведениям, завтра Борис Федоров на правительстве должен докладывать итоги работы своей группы по подготовке схемы привязки курса рубля к золотовалютным резервам. Но мы считаем, что в чистом виде это очень опасная схема. И, честно говоря, эта схема обидна не только для России, но даже и для Международного валютного фонда, который семь лет добивался проведения определенной политики в России, и вдруг вводится схема, которая обычно используется в странах, плохо проводивших финансово-денежную политику и которым нужны эти особые костыли типа валютного комитета.

Я думаю, что сейчас очень важно застabilизировать ситуацию, не дать ей ухудшиться. После этого можно будет думать, как жить дальше. Но здесь есть опасности и увлечения административными мерами и использования печатного станка. Понятно, что без ограниченной эмиссии, без некоторых административных мер не обойтись, но очень важно удержать баланс, чтобы нам не скатиться в 90—91-е годы с административными технологиями управления, которые приводили к дефициту, очередям, пустым полкам и так далее.

Оптимальное соотношение найти можно, если иметь в виду, что это технология на ограниченное время, на несколько месяцев. В рамках бюджета на 1999 год можно и нужно запускать нормальные механизмы.

КИЗИЛОВА. ИНФОРМАЦИОННОЕ АГЕНТСТВО "АКМ".

Скажите, пожалуйста, как вы можете прокомментировать падение сегодняшнего курса доллара по электронным торгам на МВБ от 20—22 до 16-17?

ШОХИН А.Н. Последние две недели все уходило в доллар как в единственно надежный финансовый инструмент. После краха ГКО не осталось других инструментов, естественно, и граждане уходили в доллар на протяжении этих недель, поскольку неопределенность курса заставляла их использовать этот более надежный инструмент.

Но возникает ситуация физической нехватки рублей, тем более они обесцениваются, за эти недели обесценились в три раза. Поэтому, естественно, начинается продажа долларов, и биржа, в том числе система электронных лотовых торгов, начинает стабилизироваться. Если провести дополнительно меры, о которых я говорил, тогда мы можем сбить этот курс и он не будет заоблачным. Ведь нынешний курс никак не обоснован с точки зрения здравого экономического смысла, значит, срабатывает паника в качестве основного мотива.

Помните, накануне кризиса Кириенко заявил, что никаких разумных объяснений потрясениям на финансовом рынке нет, это психоз. Но психоз, к сожалению, в рыночной экономике является фактором, определяющим очень многие параметры финансовой и экономической систем. Известно, что биржевые паники приводят к многолетним депрессиям. Поэтому надо учитывать это обстоятельство. И сейчас самое главное — вселить уверенность в банки, в компании, в фирмы и самое

главное — в граждан, что правительство, власть знают, как стабилизировать ситуацию, и не только убедить словами, объяснением программ, но предпринять действия, которые начнут успокаивать ситуацию.

К сожалению, сейчас из-за политической неопределенности такого рода шаги затруднительны. Но еще раз подчеркну, в течение буквально дней можно все эти меры запустить, ситуацию успокоить и стабилизировать курс рубля без применения тех, в общем-то, неэффективных мер, которые предпринимаются в регионах: замораживание цен, контроль над ценами и так далее. Один из бывших губернаторов-рыночников ввел контроль над ценами, в том числе на хлеб, уже очереди за хлебом с пяти утра стоят. Это знакомый рецепт. Здесь не такие технологии нужно использовать. Губернаторы, естественно, не в состоянии запустить эти технологии на федеральном уровне. Ответственность федеральных властей в этой связи очень высока. Они буквально в течение часов и дней должны запустить пакет этих мер.

Спасибо.

МЕЖДУ ДУМОЙ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
16 СЕНТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Сегодня у нас еженедельная пресс-конференция, я выступаю как лидер фракции НДР. Хотя сегодня может состояться мое назначение на пост вице-премьера. Но отменять встречу не хотелось бы, чтобы вы не подумали, что не хотят с вами общаться будущие члены правительства. Я не буду делать вступительного слова, поскольку не знаю, о чем пойдет разговор, о думских делах или о правительстве.

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "ЭН-ЭЙЧ-КЕЙ".

Александр Николаевич, я хотела бы узнать ваши взгляды относительно эмиссии. Каковы они? И считаете ли вы, что есть альтернатива эмиссии в нынешней ситуации?

ШОХИН А.Н. Некоторые слова имеют двойной смысл. Слово "эмиссия", как правило, имеет в современном российском обществе негативный смысл. Многие пытаются сейчас вложить в это слово позитив, считая, что контролируемая, умеренная и так далее эмиссия — это не вред, не опиум для народа и страны, а благо. Я бы предложил использовать другой термин, а именно: эффективное управление денежной массой. Как только мы откажемся от этого эмоционально окрашенного термина, все может встать на свои места. Есть очень много способов, не приводящих, как это следует из монетаристских теорий, к пропорциональному росту инфляции в соответствии с ростом денежной массы. Способы эффективного, разумного управления денежной массой известны.

Сейчас самой актуальной проблемой, на мой взгляд, является не обещание выполнить все обязательства бюджета, покрыть их за счет эмиссии, а восстановление платежеспособности нашей экономики и налаживание нормальных платежно-расчетных отношений. Как это сделать? К сожалению, до сих пор банки у нас не обладают никаким ресурсом, под который они могут занять деньги в Центральном банке. Так называемые ломбардные кредиты давались под залог ценных бумаг, ГКО. Ценных бумаг нет уже почти месяц, и заложить нечего, кроме сотрудников банка.

Поскольку кончается месячный срок на подачу заявок по обмену ГКО на новые бумаги, можно ожидать, если никаких изменений в схеме реоформления государственного долга на новые ценные бумаги не произойдет, что буквально к концу этой недели появится хоть какой-то инструмент, который в состоянии расшить неплатежи в экономике. Надо это было бы делать раньше, буквально с 18 августа, коль скоро это заявление было сделано, найти способ поддержания ликвидности банковской системы, тогда не было бы кризиса.

Первая задача — не допустить кризиса платежей, чтобы он не превратился в обвал. Ведь не идут налоги в казну, не идут платежи, в том числе на выплату зарплат и так

далее. Вот здесь разумные меры, которые позволят без громких обещаний выполнить все обязательства — и старые, и за последние полгода, — должны быть сделаны в ближайшие дни, и после этого надо думать о том, как выполнять бюджет старые обязательства.

Без определенной реструктуризации нынешних обязательств бюджета, банков перед вкладчиками и так далее не обойтись. Ясно, что условия рассрочки обязательств и государства, и частных институтов перед населением должны быть приемлемыми, относительно привлекательными, хотя кризис делает их приемлемыми и для бюджета. Но тем не менее схемы должны быть понятны. Ведь народ тоже не верит в то, что единовременная накачка деньгами способна улучшить его положение.

Все прекрасно понимают и на своей шкуре уже испытывали это в начале 90-х годов, что вслед за массовыми индексациями следует рост цен, и маховик закручивается. И обогнать, особенно малообеспеченным группам населения, инфляционную спираль просто невозможно. Это не только теоретическая аксиома. Это факт, который мы познали на собственной жизни. Поэтому речь должна идти, еще раз подчеркну, о разумном, нормальном управлении денежной массой.

Я вспоминаю, как в начале 90-х годов, начиная с 1992-го, мы ставили задачу — месячная инфляция, измеряемая однозначной цифрой. Так вот первый раз мы однозначную цифру месячной инфляции получили в 1994 году. И очень долго выходили на нее, поскольку инфляционный, эмиссионный маховик был запущен, и очень трудно было населению даже в форме единовременных компенсационных выплат обеспечить поддержание реальных доходов на сопоставимом с предыдущими периодами уровне. Поэтому давайте на эту терминологию вместе переходить.

ГАЗЕТА "ГУДОК".

Видите ли вы возможность для правительства компенсировать потери вкладчиков в банках, включая коммерческие? А также в подтягивании зарплат в связи со скачком цен?

ШОХИН А.Н. Было бы идеально, конечно, исходить из возвращения всего на круги своя — обменного курса рубля на докризисный уровень — и добиваться снижения цен в соответствии с этим докризисным уровнем курса рубля. Но мы понимаем, что, даже если курс удерживать рыночными механизмами с минимальными ограничениями на уровне, скажем 1 к 10, все равно цены не вернутся на прежний уровень, все равно плюс 30—50 процентов к известным ценам надо добавить. Нужны очень энергичные меры, чтобы не допустить роста цен. К сожалению, этим в последнее время не занимались органы власти. Только сейчас на региональном уровне этим начинают заниматься налоговые службы и органы местной власти — контролем над ценами, но не в административном смысле этого слова, а адекватными и рыночными механизмами.

Я уже повторяю первый свой тезис — очень важно стабилизировать платежную систему, с тем чтобы текущие платежи, текущие зарплаты, текущие пенсии прошли, и затем уже начинать вырабатывать программу компенсационных мер. Одним из вариантов, чтобы не допустить инфляционного всплеска, как я уже сказал, могла бы быть реструктуризация обязательств государства и частных институтов, банков перед населением. При том, что условия этой реструктуризации, в частности текущие проценты за отсрочку выплат, должны быть соответствующими рыночным условиям и отвечать принятым в международной деловой практике нормам.

Некоторые банки уже начали предлагать эти схемы, даже рублевые вклады предлагается переоформить в деноминированные, в доллары и выплачивать на период отсрочки выплат 5—6 процентов годовых. Это те механизмы, над которыми следует подумать. Самое главное, чтобы не было конфискационных технологий, чтобы люди добровольно соглашались на эту схему: либо получи сейчас, но тогда есть угроза обесценения вклада, либо некая отсроченная, но гарантированная выплата вклада или других доходов, защищенных от инфляции в будущем. Самый главный вопрос состоит в том, что в эту схему народ может не поверить. Государство не раз подводило людей. И в начале 90-х годов, и позже, к концу 90-х годов. Заявление от 17 августа — это тоже заявление, свидетельствующее о том, что государству не во всем можно доверять, ведь рынок ГКО был самым надежным и оказался под угрозой в связи с невозможностью государства обслуживать внутренний долг.

Поэтому нужны дополнительные технологии. Я предлагал в свое время (сейчас, быть может, это еще более уместно) валютные долларские облигации,

соответствующие займы, с тем чтобы мобилизовать деньги населения или переоформить рублевые обязательства в долларовые, гарантировав их за пределами Российской Федерации. То есть речь идет не о том, чтобы предоставлять займы России живыми деньгами, а о том, чтобы мобилизовывать деньги внутри страны, но соответствующие страховые фонды создавать за пределами России, в том числе с участием международных финансовых институтов и крупнейших международных банков.

Такая схема позволила бы нам, с одной стороны, опираться на собственные силы и, с другой стороны, без живых вливаний денег со стороны кредиторов, через создание механизма гарантирования и страхования реально создать приток инвестиций в российскую экономику. Конструкций может быть достаточно много, но очень важно, чтобы из нынешнего кризиса мы не вышли с ощущением того, что в очередной раз изъяли сбережения, обесценили их, подорвали уровень текущих доходов и так далее. Здесь простых рецептов нет. Как нельзя полностью все компенсировать методом индексации, поскольку инфляция съест существенную часть этих доходов, особенно у малообеспеченных групп населения, так, естественно, нельзя закрывать глаза на реальность, социальную, экономическую реальность и отказываться от каких-то технологий, в том числе антикризисных, компенсирующих людям потери во время кризиса.

АГЕНТСТВО РЕЙТЕР.

Мои коллеги меня извинят, если я буду спрашивать на английском для нашего телевидения. (Вопрос на английском языке.)

ШОХИН А.Н. Прежде всего о моей роли. Вчера Евгений Максимович Примаков на встрече с представителями МВФ и Всемирного банка назвал меня руководителем переговорной делегации с МВФ и Всемирным банком. Это означает, что сразу после выхода указа о моем назначении вести переговоры, в том числе с командой Всемирного банка, прибывшей сейчас в Москву. Она в основном работает по реструктуризации банковского сектора. Естественно, буду встречаться и с миссией МВФ, которая должна обсудить с Россией возможности предоставления очередного транша стабилизационного кредита. Она должна буквально сегодня вечером прибыть в Москву, и переговоры начнем незамедлительно.

Позиции МВФ здесь во многом совпадают с позицией российского руководства. МВФ и Всемирный банк считают, что мы неэффективно управляли финансовой системой в последнее время и не воспользовались кредитными возможностями для того, чтобы осуществить реформы. МВФ считает, что такие простые технологии, как, скажем, увеличение задолженностей по зарплате, невыплаты пенсий, не могут использоваться.

Далее. Не могут быть использованы и простые рецепты типа эмиссии. Поэтому нужно добиваться реалистической финансовой политики. Добиваться и экономии на правительстве, как они это называют НВХ. То есть федеральные расходы за рамками обязательств бюджета перед гражданами, то есть в части системы других обязательств федеральных властей, должны пересматриваться, в том числе должно быть и дешевое правительство. Готовность работать по всем направлениям, безусловно, есть, и первоочередное внимание уделяется стабилизации положения в банковском секторе.

Каковы перспективы получения очередного транша стабилизационного займа? Перспективы есть, хотя они, естественно, не радужные, поскольку мы сами не определили каркас той экономической политики, которую будем проводить в ближайшее время, она еще только формируется. И естественно, в зависимости от положений этой программы будет определяться и готовность МВФ предоставить очередной транш кредита. Тут надо иметь в виду, что и МВФ осознает свою долю ответственности за ситуацию в России. Это наша общая ответственность за кризис. Здесь не приходится искать одного виноватого, и поэтому есть готовность, на мой взгляд, к конструктивному диалогу для того, чтобы проанализировать ошибки и нащупать пути к выходу из кризиса. При этом, безусловно, есть исходная позиция, которую можно назвать способствующей достижению конструктивного результата. Здесь очень важно иметь в виду два обстоятельства.

Первое. Россия обязана восстановить доверие к себе как к стране, которая может выполнять свои обязательства. Второе. Россия должна, восстанавливая это доверие, не подорвать свои возможности, выполняя обязательства. То есть надорваться сейчас, выполняя в полном объеме обязательства, — это значит не выполнить в будущем. Поэтому нужен продвинутый диалог — диалог, базирующийся на

принятых в международной деловой практике принципах, диалог, базирующийся на легитимном подходе к принятию решений. К сожалению, в последнее время ряд решений не носил легитимного характера со стороны российских властей. Еще раз подчеркну, этот диалог должен быть конструктивным, то есть учитывать интересы России в равной степени как интересы кредиторов, будь то финансовые институты, государство или частные институты.

ПОЛЯКОВ. АГЕНТСТВО "РОСИКА".

Александр Николаевич! В какой бы вы должности ни были, лидер фракции или вице-премьер, все равно на вопросы, которые я сейчас задам, нам будет интересно узнать мнение. В Москве решается вопрос бюджетных обязательств, социальной защиты и занятости. Как вы думаете, насколько возможно в рамках России сегодня решить эти вопросы? На мой вопрос бывшие премьеры порядка 10 стран отвечают неоднозначно, поэтому будет интересно от вас услышать.

И еще. Не могли бы вы прокомментировать сообщение прессы о том, что Вавилов может стать министром финансов? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Мне трудно отвечать на первый вопрос, вы же обычно премьеров спрашиваете. Если бы премьером стал Юрий Михайлович, можно было бы даже не задавать вопрос, посмотреть, как это он сделает. Если в Москве решаются эти вопросы, то не будут ли решены эти вопросы в масштабах страны в случае выдвижения Лужкова, хотя есть и другой подход. Некоторые считают, что успехи Москвы связаны с тем, что здесь концентрируется финансово-банковский сектор и находятся головные конторы многих компаний. И идет несправедливое перераспределение налоговой базы. Но, кстати, сейчас Москва в основном и страдает от банковского кризиса. Поэтому, я думаю, что здесь не должно быть однобокого объяснения. Москва может что-то выигрывать, может что-то проигрывать от своей "столичности", от выполнения столичных функций. Очень важно оперативное реагирование на события, поиск оптимальной траектории выхода из кризиса. Я напомню, что первый тезис программного выступления премьер-министра Евгения Максимовича Примакова в том, что нельзя допускать распада России, нельзя допускать, чтобы решения принимались в противоречии с Конституцией и с федеральным законодательством. На мой взгляд, Москва здесь действует достаточно грамотно, аккуратно и ее в этом упрекать не приходится. Многие из элементов экономической, финансовой программы Москвы, ряда других городов могут быть использованы на федеральном уровне.

Что касается возможностей прихода новых министров в состав кабинета. Я достаточно резко критиковал 17 августа руководителей финансовых и официальных банковских структур, в том числе и министра финансов. Считаю, что в той форме, в которой было сделано заявление от 17 августа, его нельзя было ни в коем случае делать. Мы сознаем сложность проблемы, которая возникла к середине августа. Но надо было решать эту проблему более цивилизованным путем, в частности, базируясь на переговорных технологиях, на законе. Я думаю, что если бы инвесторам, российским, западным, было бы предложено несколько вариантов реоформления государственного внутреннего долга, не нарушая Гражданский кодекс, который запрещает прямо в одностороннем порядке менять условия договора о государственном займе (а ГКО — это договор о государственном займе), то можно было переключить активность держателя ГКО на поиск наиболее подходящих, эффективных инструментов реоформления ГКО. Это был бы добровольный шаг с их стороны. Все поняли после заявления, что ситуация с финансами аховая, и искали оптимальные инструменты урегулирования. Они могли бы включать в себя и возможности конверсии долга в собственность — выдачи таких бумаг, которые могли бы использоваться в процессе приватизации. Проблема такого рода бумаг и цен акций — это отдельная тема.

Можно было бы дать выбор между рублевыми и долларовыми бумагами. Таким образом, мы, не нарушая Гражданского кодекса, могли бы сделать облегчение бюджету и выработать четкую линию работы на рынке и сохранить этот рынок. Сейчас у нас пауза на этом рынке, из-за чего развивается и банковский кризис. Ну, это я отошел немножко от персоналий.

Еще одна проблема. Официальные власти в течение последнего времени, до августовского кризиса, делали очень разноречивые заявления, встречаясь с инвесторами на пресс-конференциях. Цифры, называемые правительством, Минфином и Центральным банком, не совпадали. Официальные цифры отличались от того, что сами инвесторы могли посчитать по косвенным данным или по

платежному балансу. И в итоге возник элемент недоверия к политике властей. В этой связи хотелось бы, чтобы в новом правительстве этого не было, чтобы все данные, выдаваемые на-гора правительством, соответствовали истине. Лучше не всю правду говорить, но то, что говорится, должно быть только правдой. В этой связи определенная ответственность, естественно, лежит и на министре финансов Михаиле Задорнове. Я хотел бы, чтобы он нашел в себе мужество честно объяснить причины этих ошибок, какие варианты выхода из кризиса он видит. Ему лично, не только России нужно восстанавливать доверие. Ему, если продолжать работать, придется работать и с иностранными инвесторами, и с новыми кредиторами, и со старыми, и с гражданами, которые теперь побаиваются всех обещаний государства. Не случайно эмиссия оказалась единственным инструментом, панацеей, поскольку во все остальное уже никто не верит — ни в какие реструктуризации, ценные бумаги и так далее.

Если он это сумеет сделать внятно, объяснить, я думаю, что он может продолжать работать, в том числе потому, что ему нужно чрезвычайную бюджетную роспись на IV квартал представить в ближайшие дни и довести до логического конца процесс реформирования государственного внутреннего долга. Я, например, не владею всей информацией за этот месяц. Могу достаточно резко критиковать формы и содержание заявления от 17 августа, но сейчас, например, 15 сентября я не могу сказать, какова реальная ситуация, каковы реальные возможности бюджета, в том числе по другим схемам выхода из того кризиса, с которым мы столкнулись в середине августа.

Я считаю, что здесь нельзя просто отворачиваться от проблем и делать вид, что ничего не произошло и речь идет только о том, попадет тот или иной член правительства в состав нового или нет. Главное в том, чтобы вести честный диалог со своими гражданами и с внешним миром. А честный диалог предполагает признание определенных ошибок. В этой связи я не могу пока сказать ничего о новых кандидатах на этот пост.

РАДИОСТАНЦИЯ "МАЯК".

Александр Николаевич, вы сможете прокомментировать назначение на должности в исполнительной власти ваших коллег по фракции: Бооса и Головкова? Насколько их прежняя деятельность соответствует этим должностям? И будет ли кто-то еще из вашей фракции приглашен? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Вы знаете, я ничего не слышал о назначении Бооса и Головкова. Знаю, что у них были беседы, со мной в том числе. Но я не являюсь официальным представителем нанимающей на работу стороны, поскольку нахожусь пока с другой стороны. Со мной еще ведутся переговоры до сих пор, в том числе по распределению обязанностей в правительстве. Что такое экономический блок, что такое финансовый — еще не решили. Мы еще сегодня будем встречаться с Юрием Дмитриевичем Маслюковым и заниматься переделом этих функций. Поэтому, я думаю, преждевременно говорить и о новых назначениях.

Что касается, будет ли кто-то из фракции НДР, то я с самого начала, вы помните, с трибуны Государственной Думы поддержал идею Примакова Евгения Максимовича о том, что набирать надо по профессиональным признакам. И поскольку мы считаем, что в нашей фракции есть профессионалы высокого класса, я их исключить не могу, даже буду рекомендовать. Но мы не настаиваем на партийной технологии формирования правительства: "Вот, Евгений Максимович, мы вас поддержали, дайте нам стол*->ко-то портфелей". Эта технология сейчас просто не срабатывает. Было бы неправильно, если бы мы отталкивались от нее. Но, естественно, когда обсуждаются вопросы замещения вакантных должностей, их много сейчас в правительстве, поскольку всего лишь несколько назначений произошло, мы, оценивая по профессиональным признакам, можем наткнуться на депутатов или политиков, представляющих те или иные политические силы. Поэтому исключать появление членов фракции НДР в исполнительной власти я не могу, но говорить о том, что мы будем продвигать депутатов НДР на правительственные посты, тоже считал бы политически неправильным.

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ЕВГЕНИЯ ПРИМАКОВА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
В ИНФОРМАЦИОННОМ АГЕНТСТВЕ "ИНТЕРФАКС",
25 СЕНТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Сегодня у нас в гостях Александр Николаевич Шохин, лидер фракции "Наш дом — Россия".

ШОХИН А.Н. И пока еще неотставленный вице-премьер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Начнем, наверное, с вашего вступительного короткого слова, а потом вопросы.

ШОХИН А.Н. Уважаемые друзья, я теперь, наверное, буду иметь больше возможностей общаться с вами, поскольку на посту вице-преьера просто физически не удавалось объяснить и действия правительства, и планы правительства. Но после того как вчера я заявил о своем намерении уйти в отставку, подав прошение, думаю, у меня таких возможностей будет больше.

О мотивах моего поступка. Когда Евгений Максимович Примаков предложил мне войти в состав правительства, а это было за несколько минут до голосования по его кандидатуре, я отказался. Он мне предложил пост вице-преьера по социальному блоку, а я считал, что в коалиционном правительстве социальными вопросами должны заниматься левые: коммунисты или политики, которые находятся слева от центра.

В понедельник утром предложение модифицировалось. Мне было предложено занять пост первого вице-преьера, но опять-таки по социальным вопросам. Имелось в виду, что в правительстве будет два первых вице-преьера с равными правами по замещению премьера в его отсутствие, в том числе по проведению заседаний правительства. Это было довольно лестное предложение. И тем не менее я был намерен и от него отказаться, потому что этот пост не давал возможности влиять на формирование политики правительства, отвечать же за ее результаты пришлось бы в полной мере.

К вечеру в понедельник, это было 14 сентября, предложение трансформировалось. Евгений Максимович Примаков и Валентин Борисович Юмашев провели со мной беседу на предмет поста вице-преьера по финансовым вопросам. Мы проговорили около полутора часов, и я дал согласие, имея в виду, что у меня будет возможность предлагать министров в финансовом блоке и что именно этот вице-премьер является ключевым для формирования экономической программы правительства. И если уж идти отвечать за деятельность правительства в это сложное кризисное время, то, пожалуй, финансовый вице-премьер — это тот пост, который дает такую возможность.

Когда после выхода указа о моем назначении я начал разбираться с моим хозяйством, то, естественно, встал первый вопрос: кто министр финансов? Я исходил из того, что на этом посту желательно иметь профессионала с безупречной репутацией, как политической, так и профессиональной. Не скрою, я предлагал на этот пост Александра Жукова, председателя бюджетного комитета. Он проходил по нескольким параметрам. Никто не сомневается в его высоком профессионализме. Как председатель бюджетного комитета, он мог бы, что называется, с места в карьер начать готовить чрезвычайный бюджет на четвертый квартал и бюджет на следующий год. Кроме того, он, как человек политически нейтральный, член депутатской группы "Российские регионы", воспринимался Думой вполне нормально. Кстати, именно это нормальное восприятие послужило основанием для его избрания председателем бюджетного комитета. Все фракции поддержали это назначение.

Было одно возражение у самого Жукова, были сомнения у меня, у президента и у премьера. Связаны они были с тем, что Жуков хорош и на посту председателя комитета. И поскольку не ясно было, кто же может его заменить на этом посту, и, кроме того, поскольку из бюджетного комитета несколько человек, как предполагалось, уйдут на те или иные посты в исполнительной власти, то червь сомнения был.

Поэтому параллельно пришлось рассматривать и другие варианты. Я предлагал в качестве альтернативы рассмотреть вариант технического министра финансов, то

есть бюджетника, который мог бы провести существенную часть работы по формированию тех бюджетов, о которых я говорил, — чрезвычайного на четвертый квартал и бюджета на следующий год — и эффективно контролировать исполнение бюджета.

Рассматривались и некоторые другие варианты. Но очень важным для себя я считал иметь на этом посту единомышленника, который не участвовал в обрушении финансовой системы страны, поэтому я не мог активно проталкивать на этот пост Михаила Задорнова, о чем он прекрасно знал. Я публично несколько раз об этом заявлял, что Михаил Задорнов как человек, ответственный за заявление 17 августа и за крушение финансовой системы, должен был бы и сам подать в отставку. И при решении вопроса о министре финансов, безусловно, это обстоятельство я имел в виду, предлагая президенту и премьеру те или иные кандидатуры.

После перебора всех вариантов Евгений Максимович позавчера вечером решил предложить этот пост Михаилу Задорнову. Когда он меня проинформировал об этом, я предложил ему обсудить ситуацию, прежде чем принимать решение. Мы ее обсуждали до этого много раз, много часов посвятили этим дискуссиям. Кстати, в понедельник президент также отверг вариант с Задорновым по тем причинам, которые я здесь уже изложил, — по причинам участия Михаила Задорнова в выстраивании и в обрушении финансовой пирамиды — пирамиды ГКО. Поэтому для меня возврат к этой теме был достаточно неожиданным.

Вчера в 9 часов утра я пришел к Евгению Максимовичу Примакову с окончательной позицией и предложил, коль скоро министра финансов мы найти не можем, избрать в качестве временной меры совмещение двух постов: вице-премьер — министр финансов, с назначением на пост первого заместителя министра финансов профессионала бюджетника. Им могли бы быть и бывшие министры финансов (Василий Барчук или Владимир Пансков) либо кто-то из Министерства финансов, в частности я предложил на этот пост Татьяну Геннадьевну Нестеренко, нынешнего шефа казначейства и бывшего депутата Государственной Думы.

Если по политическим мотивам вам выгодно, сказал я Евгению Максимовичу, оставить Задорнова в правительстве, то есть отработанная уже схема — министр без портфеля Ясин ушел, можно его беспортфельный пост передать Задорнову если вы считаете, что выдвиженец от "ЯБЛОКА" нужен в правительстве. Если же вы будете настаивать на назначении Михаила Задорнова, именно на пост министра финансов, то я вынужден буду подать в отставку. Это было в 9 часов утра. Указ был подписан днем.

Была договоренность с Валентином Борисовичем Юмашевым, что указ на ленту агентств попадет в 4 часа, не раньше. За это время я предпринял еще несколько попыток переговорить с Евгением Максимовичем Примаковым о политической нецелесообразности этого шага. Но тем не менее убедить его не удалось, последнюю попытку я предпринял в 6 часов вечера, но уже после того, как указ вышел и первые комментарии прошли. Это была уже как бы прощальная встреча.

Евгений Максимович предложил мне уйти попозже, проведя предварительно переговоры с МВФ, с инвесторами, договорившись с ними — лишь после этого уйти. Из этого разговора я сделал вывод о том, что мое приглашение в правительство — это в известном смысле витрина для Запада. Нужен был человек, которого они знают, с которым вели и готовы вести переговоры. Но, видимо, ни о каком серьезном, реальном влиянии на политику правительства речи не шло и не предполагалось, что я буду влиятельной фигурой. Это лишний раз меня убедило в том, что мое решение правильное.

Главный аргумент, я вчера об этом уже говорил, состоит в том, что я не могу вести переговоры с МВФ, с инвесторами, кредиторами, не будучи уверенным в том, кто стоит за моей спиной, как реально готовится и осуществляется финансовая политика. Я уже в 1994 году находился в этой же шкуре, когда был ответственным за финансово-экономический блок. У меня компетенция была тогда гораздо больше: я и за Минэкономики отвечал, и за Минфин, и за СНГ, и за МВЭС, и за ГТК, и за переговоры с международными организациями.

Даже тогда, имея в качестве министра финансов исполняющего обязанности (Сергей Дубинин 9 месяцев был и.о.), все равно было трудно контролировать финансовую политику, поскольку министр финансов имеет полное право ходить к премьеру и решать вопросы напрямую. Это традиция. Поэтому либо нужно иметь министра финансов, которому полностью доверяешь и, прежде всего, в идеологии финансовой политики, либо самому быть министром финансов.

Кстати, после моего первого отказа войти в правительство Примакова, мне многие звонили и спрашивали, на какой бы пост я пошел в правительство, я отвечал: "Есть единственный пост, с которого можно начинать разговор. Это пост министра финансов". Поэтому я здесь с самого начала был открыт и транспарентен и никаких капризов с моей стороны не было, а была зафиксирована четкая и ответственная позиция.

Мы уже один раз прошли по этому пути. Одни люди вели переговоры и получали деньги. Другие бездарно их тратили и принимали такие решения, которые резко подрывали доверие к России. На эту схему, на этот путь, я считаю, опасно второй раз ступать. А та схема, которую мне, по сути, предлагал премьер, — ровно эта конструкция.

Кстати, за неделю работы в правительстве я понял, что, действительно, те невидимые миру разногласия, которые могли бы быть между мной и министром финансов, являются принципиальными. Приведу один пример. Касается он новой схемы реструктуризации ГКО. Я пришел в правительство с идеей пересмотра решения от 17 августа, и в частности с идеей пересмотра постановления 1007 "О реструктуризации ГКО в новые бумаги".

Мы провели несколько совещаний. И тем не менее Министерство финансов, Центральный банк стали обнародовать свои схемы, причем такого же, если хотите, конфискационного характера, как и августовское решение. В частности, Минфин буквально вчера уже подготовил, не согласовав со мной, схему выпуска рублевых бумаг, но такую схему, при которой бы рублевые деньги зачислялись на счета типа "с" в Центральный банк и на которых бы они блокировались на полгода и тем самым обесценивались бы.

Я считал, что это недопустимо. И базовой схемой было переоформление государственного внутреннего долга в бумаги, номинированные в долларах, при том, что практически уже была достигнута договоренность с инвесторами — держателями ГКО — о том, что они откажутся от притязаний на текущие выплаты и будут довольствоваться основным "телом" этого долга. То есть речь шла о долгосрочных, не менее чем на 20 лет, бумагах, при том, что в ближайшие 3—5 лет никакие проценты по этим бумагам не выплачивались бы. А после исчисления этого пятилетнего периода проценты могли бы не превышать ставки "Либор".

На эту схему вполне можно было выйти, предложив в качестве альтернативы для тех инвесторов, которые остро нуждаются в ликвидности, рублевые бумаги по условиям, предполагающим выплату каких-то сумм в момент погашения по старым графикам, по региональным графикам ГКО.

Вот то, на чем я в принципе основывал переговорную позицию. И более того, мы имели принципиальную договоренность со многими банками. В понедельник я собирался в Лондоне провести беседу с клубом банков — держателей российских ГКО. И я думаю, на следующей неделе мы такого рода схему (конкретные условия еще рано было обнародовать) могли бы довести до конца. Поэтому мы и перенесли окончательный срок обмена ГКО еще на неделю.

Но выяснилось, что Минфин готовил другую технологию. Кто прав, кто виноват — это можно было бы обсуждать и поспорить. Но самое главное, что работа шла параллельно. Вот вам классический пример того, что вице-премьер, не контролирующий Минфин, не может отвечать за ход переговоров с инвесторами, кредиторами, с международными финансовыми институтами. Это хоть и частный случай, но, на мой взгляд, очень важный, поскольку подтверждает некоторую что ли виртуальность моего пребывания в правительстве в случае назначения министра финансов, который идеологически со мной оказался несовместим и назначен помимо моего желания. Это видно на том примере.

И самое главное. Я Евгению Максимовичу твердо сказал, что это политическая ошибка, поскольку, назначая министром финансов человека, который обанкротил страну, он берет ответственность за предшествующую финансовую политику на себя.

Вот, собственно, мотивы моего ухода. Честно скажу, я не собирался использовать вхождение в правительство для каких-то политических демаршей. Я шел туда всерьез и надолго. И сделал бы все, чтобы у этого правительства получилось бы с внутренней экономической программой и с международными организациями. Кстати, я не намерен уходить в сторону и по мере своих сил готов помогать этому правительству, тем более, если на моем месте окажется понятный мне человек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Спасибо. Вопросы, пожалуйста. **ВОПРОС.**

Александр Николаевич, в связи с вашим решением, известно ли вам о том, как может измениться структура руководства правительства, в частности кто может занять ваш пост?

ШОХИН А.Н. Разговоров на эту тему не было. Есть несколько вариантов. Премьер и президент поставят фигуру равноценную, в частности могут вернуться к идее Бориса Федорова. Хотя понятно, что для левой части Думы Федоров гораздо больший раздражитель, чем я. Могут вернуться к идее Александра Лившица, которого рассматривал президент в качестве возможного министра финансов. Не договорились лишь потому, что он запросил позицию вице-преьера, то есть мою позицию. Может быть, сейчас его амбиция будет удовлетворена.

Возможны и варианты более неожиданные. В частности, для того чтобы переговоры с Западом вели люди, которые вписаны в эти организации, могут быть варианты приглашения на этот пост кого-то из директоров России в международных организациях. Скажем, Андрея Бугрова — нашего директора во Всемирном банке или Алексея Можина — нашего директора в МВФ.

Но я не могу ручаться за то, что кто-то из только что названных мной людей окажется на моем посту. В равной степени не могу сказать о том, что структура управления этим блоком сохранится в неизменном виде. Может быть, Юрий Дмитриевич Маслюков станет руководить финансово-экономическим блоком в целом. У него такое желание было, поскольку он шел отвечать за экономику в целом, включая и финансовый блок.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Пожалуйста.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, известна ли вам реакция администрации президента, скажем, Валентина Борисовича Юмашева?

ШОХИН А.Н. Не скрою, у меня были многочисленные разговоры с Валентином Борисовичем Юмашевым в течение вчерашнего дня. Не скрою и того, что он советовал мне взвесить тщательно, прежде чем принимать решение, но не навязывал того или иного варианта решения. В равной степени и позицию президента он изложил примерно таким же образом — президент огорчен был бы, если бы я ушел, но решение принимать Шохину.

Был вариант, скажем, "торга". Разменять "не моего" министра финансов "на моих" руководителей других финансово-экономических ведомств. Поскольку у меня были трудности с продвижением некоторых людей, со сменой некоторых руководителей, то, казалось бы, можно было использовать эту возможность. Тем более что Евгений Максимович мне вчера так и предложил: "Давайте все ваши предложения, я все выполню. Забирайте Мингосимущество, которое я вам не отдал, а вы просили. Все любые ваши другие просьбы будут выполнены". Но я вынужден был отказаться от этого, потому что в циничные торги я вступать не умею. Было бы странно, если бы я сформулировал свою позицию как политическую и вдруг перешел бы на размены. Скажем, ферзя поменял бы на несколько фигур и пытался бы довести игру до победы. Эта игра бы уже не получалась. Я бы себя перестал уважать, если бы пошел по этому пути. Мне даже предлагали поторговаться и по повышению статуса. Скажем, запросить первого вице-преьера, чтобы была схема "качелей" Чубайс — Сосковец, которая могла бы трансформироваться в схему Маслюков — Шохин. Я даже не заикался об этой схеме в разговоре с Евгением Максимовичем Примаковым. Поскольку, еще раз подчеркну, в этой ситуации торг был неуместен. Кроме того, вчера в разговоре с Евгением Максимовичем, до своего заявления, я сказал, что отставка — это оружие одноразового пользования. Если я сейчас заявил, что в знак несогласия с кадровыми назначениями, которые имеют и политическую окраску, окраску политической ошибки нового премьера, ухожу из правительства, то уже не буду иметь права, если останусь в правительстве, использовать это оружие еще раз — через месяц или два, если даже окажется, что я прав. Поэтому коль скоро я уже из ножен оружие это вытащил, надо им пользоваться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Еще вопросы. Пожалуйста.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, скажите, по опыту вашего общения с западными банкирами есть ли опасность, что начавшиеся на этой неделе иски к российским банкам будут продолжены?

ШОХИН А.Н. Когда в первые дни после заявления 17 августа, это было, по-моему, 21 августа, тогда Кириенко и Дубинин отчитывались в Государственной Думе, я выступал с трибуны Государственной Думы (это легко проверить по стенограмме),

то предупредил Дубинина и Задорнова о том, что им угрожает кросс-дефолт. Это техническое понятие. Оно в переводе на русский означает, что после объявления дефолта по внутреннему рублевому государственному долгу в течение короткого времени в этом дефолте окажется внутренний валютный государственный долг. Это так называемые облигации внутреннего валютного государственного займа, "минфинновками" еще их называют. Так и случилось. Буквально 26 августа несколько банков обратились с иском в суд, вернее, предупредили о том, что в течение месяца обратятся в суд, это "Леманб-разерс" и "Индосуэц" и, собственно говоря, сегодня месячный срок истек. И они вполне могут, если останутся эти иски в суде, довести дело до дефолта еще по 10 миллиардам долларов. Кроме того, любой банк после этого может обращаться в суды и требовать арестов активов должника. Это первое.

Второе. После объявления моратория по обязательствам российских банков перед кредиторами также возникает возможность для западных банков, даже не арестовывая через суды активы российских банков, арестовывать их деньги на корсчетах в западных банках. Это делается техническим путем. Просто эти деньги могут "застрять", не проходить по назначению. Можно также обращаться с исками в суды и требовать ареста активов российских банков за рубежом. Более того, речь может идти и об активах Центрального банка за рубежом. Напомню, что это резервы Центрального банка, размещенные на счетах за рубежом, и это доля Центрального банка в зарубежных российских банках, таких, как "Моснар-банк", "Эйробанк", "Оствестхандельсбанк", "Вестинстюнайтедбанк" и другие. Поэтому эта угроза реальна. И только проведение переговоров по ГКО по приемлемой схеме, а мы ее уже нащупали, только отказ от моратория и переговоры с банками о предоставлении этой самой 90-дневной отсрочки, но по их инициативе и проведение переговоров уже для поиска взаимоприемлемого решения могли бы позволить нам избежать арестов и дополнительных дефолтов и так далее. Поэтому еще много угроз может возникнуть в связи с решениями от 17 августа. Это тоже была одна из причин того, почему нельзя оставлять на посту министра финансов человека, который будет причастен к будущим арестам российской собственности, к закрытию возможностей работать на международных финансовых рынках, занимать деньги за рубежом. Мы можем оказаться перед угрозой дефолта по государственным обязательствам, то есть по суверенному внешнему долгу России.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Что касается других кандидатов. Администрация президента, должен честно сказать, активно не вмешивалась и никого не проталкивала. У Валентина Борисовича Юмашева была очень отчетливая позиция. "Вы должны иметь право назначить своего министра финансов, — говорил он мне, — но это ваше отношение с премьером. Президент утвердит того, кого ему назовет премьер, а вы имеете право настаивать на своих кандидатах перед премьером". Поэтому случившееся — это скорее наши отношения с Евгением Максимовичем Примаковым.

Евгений Максимович Примаков был против совмещения, как я уже говорил, постов вице-премьера и министра финансов, мотивируя это тем, что мне надо вести переговоры, а кто-то должен сидеть на хозяйстве.

Пример Чубайса как бы подтверждал, что полноценным министром финансов трудно быть, будучи вице-премьером. Это, действительно, так. Я сам совмещал пост вице-премьера с постом министра экономики. Очень трудно полноценно выполнять две функции. Но в то же время еще труднее их выполнять, когда не уверен в своем базовом министерстве и в политике этого министерства. Поэтому я считал, что как крайний случай возможен вариант совмещения.

Я не скрою, что вел достаточно длительную осаду что ли и, еще раз напомню, рассматривал всего лишь три варианта: вариант нормального министра, полноценного единомышленника. Им мог бы быть Александр Жуков. Вариант министра-бюджетника, который большую часть текущих забот взял бы на себя, при том, что макроэкономики и макрофинансы оставались бы за мной. И вариант совмещения. Вот эти три варианта и были.

На Жукова все соглашались: и президент, и премьер. Другое дело, что не удалось нам его убедить именно сейчас пойти в правительство. А вот мои два других варианта не были приняты. И даже, если бы Евгений Максимович, настояв на варианте Задорнова, дал бы мне возможность, условно говоря, провести с ним работу и нанять его на тех условиях, на которых я считал возможным, в том числе и с признанием из его уст ответственности за содеянное в августе, я не исключаю, что

мы могли бы выйти из этого текущего кризиса, перенеся его развязку на более поздние сроки. Я называл эту схему прагматичной. То есть мы оставляем Задорнова, но четко определяем, при каких условиях он подает в отставку — если, в частности, случаются какие-то вещи типа арестов активов за рубежом и так далее. Этот вариант был бы возможен. Но Евгений Максимович упредил меня. Он первым сообщил Михаилу Задорнову о своем намерении представлять его кандидатуру президенту. Я весь вчерашний день посвятил убеждению его не делать этого, не назначать Задорнова министром финансов, но дело было уже сделано. Он от своих слов решил не отказываться. Так что последняя возможность не была использована. Я не исключаю, что одним из мотивов было нежелание сильно укреплять мои позиции. Почему? Может, чтобы левая часть Думы сильно не выступала против чрезвычайного бюджета или бюджета на следующий год и других программных заявлений правительства, если они будут исходить от меня, а не от Маслюкова.

Кстати, до сих пор не ясно, кто отвечает за разработку антикризисной программы. Юрий Дмитриевич Маслюков пришел в правительство на пять дней, даже на шесть раньше меня и возглавил эту работу под названием "Программа первоочередных мер по выходу страны из финансового кризиса". Так называется этот документ. И когда я Евгения Максимовича спросил, кто же отвечает за разработку программы выхода из финансового кризиса, он сказал: "Вы подключайтесь к тому, что делает Юрий Дмитриевич". А когда я был в понедельник у президента, вообще произошел интересный казус, не знаю, заметили вы или нет — камеры работали. Борис Николаевич, представляя меня средствам массовой информации, заявил о том, что Шохин отвечает за экономический блок в правительстве, потом добавил — и финансовый. После того как пресса вышла и зашел Евгений Максимович, его пригласил президент (он уже ушел в принципе, но я попросил позвать, чтобы обсудить кандидатуру министра финансов), Борис Николаевич сказал: "Я так понимаю, ключевыми министерствами у Александра Николаевича являются Министерство экономики и Министерство финансов". Наступила пауза. Евгений Максимович говорит: "Вообще-то, Министерство экономики курирует Маслюков, по моим представлениям". Борис Николаевич задумался. Ведь семь лет работы всегда было иначе, экономический вице-премьер курировал и Минэкономики, и Минфин.

Я вынужден был вмешаться: "Борис Николаевич, дело в том, что сейчас Минэкономики — это уже другое министерство. Макроэкономика — это только одна часть, а вторая часть — это промышленность и оборонка. Юрий Дмитриевич у нас главный по промышленности. Естественно, что он должен курировать Минэкономики в части промышленности и оборонки сам, а я буду курировать макроэкономическую часть этого министерства". Это был экспромт, я хотел закрепить свои права на экономическую программу и поэтому решил даже на то, чтобы задать в присутствии президента Евгению Максимовичу такой вопрос: "Поскольку, действительно, надо нам определить, чем занимается Маслюков, чем Шохин, давайте, Евгений Максимович, сейчас зафиксируем, кто у нас отвечает за программу выхода страны из финансового кризиса". Может быть, это был немножко нахальный прием, но тем не менее я хотел сразу все точки над "i" поставить. Но мне это не удалось, поскольку Евгений Максимович ответил: "Я отвечаю за эту программу".

Элемент неопределенности, который был в распределении обязанностей, нежелание укреплять меня, отдавая Министерство финансов, — все это было политическим видением Евгения Максимовича Примакова, который хотел для поддержания хороших отношений с Думой балансировать и иметь возможность в разных аудиториях по-разному интерпретировать реальное положение дел в правительстве. Коммунистам он объяснял бы, что Маслюков — ключевая фигура, демократам — что Шохин. Может быть, через три-четыре месяца определенность бы и появилась, но я считаю, что она была бы уместнее сейчас.

Второй вопрос. По НДР. Я до сих пор еще лидер фракции, собрание по переизбранию председателя фракции намечено на вторник. Я должен обдумать ситуацию сам, и мои коллеги тоже должны в новых условиях оценить — надо ли мне возвращаться или нет. Так, что я думаю, во вторник этот вопрос будет решен.

Отношение к правительству. Вы знаете, у нас были разные мотивы с Владимиром Рыжковым. Он не решился взять на себя ответственность за "провальный" социальный блок. Может быть, он правильно сделал, поскольку человек он в этом блоке новый и сразу на такой высокий пост входить, действительно, было бы и

безответственно. Я даже предлагал ему, когда он вернулся из Страсбурга и шел на первую встречу с Евгением Максимовичем Примаковым, другую схему — не отказываясь от этого высокого поста, уточнить функции. Ведь в указе функции не определены. Я, кстати, обсуждал это с Юмашевым, с Рыжковым обсудил и затем с Примаковым хотел обсудить функции статс-секретаря правительства. То есть Рыжков мог бы быть вице-премьером, ответственным за Федеральное Собрание и за некоторые другие ведомства, которые были бы адекватны его политическому опыту. Может быть, это комитет по молодежи. Можно было пяток, полдюжины министерств и ведомств набрать, курирование которых бы соответствовало его реальному потенциалу. Но, к сожалению, он решил твердо не идти в правительство, и мне не удалось, как мне кажется, обеспечить тогда эту правильную композицию правительства.

Я уйду по другим мотивам. В принципе это не значит, что мы не будем помогать этому правительству. Почему? Потому что надо помогать стране. Если это правительство будет двигаться в правильном направлении, базовые вещи будет заявлять правильно, почему не помочь этому правительству. Мы будем голосовать за те законопроекты, которые считаем нужными. Будем поддерживать те инициативы, которые будут отвечать нашим представлениям о выходе страны из кризиса.

Так что здесь оппозиция будет, скажем так, позиционной. Раньше мы называли это критической солидарностью по отношению к правительству Кириенко. Мы, видимо, не сойдем с этой схемы. Но проправительственной фракцией, естественно, не будем, мы ею не являемся с марта. Кстати, мы не успели ею стать и в те две недели, в которые Виктор Степанович Черномырдин исполнял обязанности премьера, поскольку до конца не были понятны ни программа правительства, ни кадровый его состав. Нам трудно было определиться: будет ли правительство коалиционным, или оно будет однородным. Сейчас больше шансов у правительства стать политически однородным — однородно левым. Если так произойдет, конечно, мы должны больше дистанцироваться от него. Если же Евгений Максимович понимает, что ему нужно держать баланс, в том числе и политический, и будет опираться и на фракцию НДР, мы окажемся, может быть, и ближе к правительству. ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Вчера уже вечером после отставки я все-таки Михаилу Задорнову через своих помощников попытался объяснить, что схема реструктуризации, на которую можно выйти, которую я отстаиваю, предпочтительнее. Я не исключаю, что эта схема будет реализована. Иначе мы еще раз подорвем доверие инвесторов. Если они поймут, что их очередной раз обманывают, то уже никакими силами восстановить доверие будет нельзя. Мое общение с МВФ на протяжении этой недели показало, что очень трудно будет получить сентябрьские деньги раньше последних дней декабря этого года, а то и вообще в следующем году. В принципе упор нужно делать на двусторонние переговоры. Нам неизбежно придется встать перед проблемой реструктуризации внешних долгов. Долги Лондонскому клубу легче будет реструктурировать, если банки-кредиторы (они же — и держатели ГКО) получат приемлемую схему реструктуризации.

ГАЗЕТА "ЛОС-АНДЖЕЛЕС ТАЙМС".

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, вы сегодня сказали, говоря о предыдущем правительстве, что одни в правительстве занимали деньги, а другие их тратили. У тех, кто занимал деньги, могло быть представление о том, как их будут тратить?

ШОХИН А.Н. Когда в июне решался вопрос о спецпредставителе президента по переговорам с Международным валютным фондом, основными кандидатами были Чубайс и я, кроме того, назывались фамилии Гайдара и Федорова. Но Федоров был только что назначен руководителем Госналогслужбы, решили его не тревожить, чтобы он занялся основным своим делом. Гайдара отменили по причине его повышенной аллергенности. Осталось два кандидата. Я схему спецпредставителя сразу отверг, сказав, что представитель России, который будет вести переговоры, должен в правительстве отвечать за финансово-экономический блок, поскольку нужно не только договариваться о программе, но ему надо реализовывать эту программу. И если речь идет о том, чтобы, скажем, я занимал пост представителя президента по переговорам, то переговоры со мной надо вести о том, смогу ли я занять пост вице-преьера по финансово-экономическим вопросам. Коль скоро мне таких предложений не делается, то я снимаю свою кандидатуру с рассмотрения.

Тем более что Анатолий Борисович Чубайс рвался к этой должности. И прямо скажу, в очень резких выражениях доказывал тем, от кого зависело это назначение, что Шохина ни в коем случае нельзя назначать.

Так что стечение этих обстоятельств привело к тому, что Анатолий Борисович был назначен на этот специально созданный под него пост. Но я оказался прав. Еще в июне я предсказал, какая будет схема реализована: один занимает деньги, а другие тратят. Правда, здесь особый случай. Ведь получилось так, если верно то, что в интервью Анатолия Чубайса проскальзывало, что и не было желания исполнять эту программу, было желание занять денег, подготовиться к девальвации, а затем девальвировать рубль, отказаться от обслуживания ГКО. Получается, что это был маневр. Но маневр такой, который, видимо, предполагал схему опоры на собственные силы, то есть предполагалось, что, занимая деньги, оттягиваем крах до сентября—октяб ря. За это время перестраиваем, в том числе и политические, ряды, вносим новую кандидатуру премьера, которую Дума отвергает; роспуск Думы; жесткое президентское правительство и опора на собственные силы, поскольку предполагалось, что в результате дефолта высвободится 200 миллиардов рублей, достаточных для решения многих социальных проблем и для проведения досрочных выборов. Я думаю, что политический замысел был, видимо, такой. Не знаю, сбудутся ли эти прогнозы в будущем. Тем не менее цинизм людей, которые летом выработывали и реализовывали экономическую и финансовую политику, превосходит все мои ощущения и представления о том, что можно в политике делать, а чего делать нельзя.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Да, международным организациям не нравятся частые смены в российском правительстве, в частности вчера миссия МВФ пожаловалась, что частые смены руководителя Госналогслужбы являются одной из причин дезорганизации налоговой службы. Может быть, падение собираемости налогов во многом с этим связано. Поэтому вряд ли они сильно обрадуются после моей отставки. Все зависит от того, кто появится на моем месте. Если фигура знакома, если позиции и взгляды нового вице-премьера они знают, наверное, проблем будет меньше. Если новые люди появятся, то понадобятся месяцы, чтобы войти в курс дела. Но, насколько я понимаю, и Валютный фонд понимает свою ответственность за ситуацию в России, все-таки 7 лет сотрудничества, которые могут кончиться полным дефолтом по внутренним и внешним обязательствам, — это плохой результат сотрудничества. И для МВФ это тяжело признавать. Поэтому они будут делать все для того, чтобы дать возможность нам скорректировать экономическую программу с учетом специфики 1998 года. В частности, довольно неожиданно нам удалось уговорить миссию Валютного фонда, что необходимо вводить экспортные налоги, поскольку экспортно ориентированные производства, отрасли в условиях девальвации получают дополнительный эффект. Этот девальвационный эффект можно частично снимать налогом типа экспортной пошлины, которую мы отменили в 1995 году по стандартным требованиям МВФ и Всемирного банка.

Они, видимо, согласились бы, я чувствую это по переговорам, на определенный вейвер, то есть временное изъятие статьи закона о Центральном банке на четвертый квартал, дав возможность финансирования дефицита бюджета прямыми кредитами Центрального банка в ограниченном объеме, с четкой фиксацией суммы, которая может на эти цели пойти. И целый ряд других принципиальных уступок они готовы были сделать. Это означает, что МВФ от своих стандартных представлений готов отказываться, понимая, что кризис в России — это особый случай, и им надо вместе искать пути выхода из этого кризиса.

Тем не менее у МВФ жесткие требования и по сбору налогов, и по сбалансированности бюджета. Было бы странно, если бы они не требовали от нас улучшить ситуацию со сбором налогов. Нам самим это нужно делать.

Не могу сказать, что переговоры я продвинул настолько далеко, что смена переговорщика принципиально что-то поменяет, ведь и Минфин вел переговоры, и другие ведомства. Там многие люди остаются на своих местах. Так что я не думаю, что здесь произойдет резкое изменение позиции, если вообще правительство не решит отказаться от сотрудничества с МВФ. Вы помните, что коммунисты настаивают на публичном разрыве отношений, публичном отказе от июльского соглашения. Моя позиция была направлена на то, что нам нужно скорректировать программу и некоторые базовые пункты июльского соглашения не только по денежно-кредитной политике из-за кризиса, но и некоторые позиции,

чувствительные с политической точки зрения, надо было бы скорректировать. Надо посмотреть немножко, как будут складываться события дальше, прежде чем делать фундаментальные выводы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, а ваши коллеги по правительству вообще понимают о чем идет речь? Здесь выступал господин Густов, который сказал, что кредиты МВФ должны быть предоставлены в том объеме, который был запланирован при Кириенко, и их можно потратить на финансирование дефицита бюджета и на пенсионные дела. Степень адекватности ситуации вы можете оценить?

ШОХИН А.Н. Естественно, приход новых людей предполагает какое-то время на образование. Частая смена правительства — это как бы своего рода школа по экономическому образованию новых контингентов политиков. Дело это благородное, но дорогостоящее. Новым членам кабинета Евгения Примакова надо потратить хотя бы месяц на вхождение в проблемы. Поэтому я бы считал, что не надо уделять повышенного внимания первым заявлениям новых членов правительства.

Что касается того, как тратить, то очевидно, что большая часть кредитов МВФ — это рефинансирование внешнего долга. Тут скрывать уже нечего. Предполагалось, что вся потребность в средствах на обслуживание внешнего долга России в четвертом квартале будет покрыта кредитами МВФ, а то, что останется, — это потребности бюджета и частично Центрального банка (увеличение резервов Центрального банка). Это те цели, на которые этот кредит должен был быть выделен.

ВОПРОС.

Скажите, есть ли какие-нибудь варианты, при которых возможно ваше возвращение в правительство?

ШОХИН А.Н. Думаю, что нет. В это правительство нет. Это был бы фарс или водевиль, если вдруг сейчас мне сказали: мы Задорнова уберем или сделаем его министром сельского хозяйства, а ты можешь там совмещать вице-премьерство с министром финансов. Я, честно говоря, не готов комментировать подобные схемы, вы меня застали врасплох.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, предопределено ли ваше возвращение в Думу и если позволите, сколько, какое время вы отводите новому правительству? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Мое возвращение в Думу не требуется. Я остался депутатом, слава Богу, коллеги по Думе не успели лишить меня мандата, поэтому то, что я остаюсь в Думе, — это факт. Другое дело в каком качестве: председателя фракции или свободного художника-депутата, занимающегося кроме депутатства и другой деятельностью. В частности, у меня есть детище под названием Государственный университет — Высшая школа экономики, я мог бы там заняться профессорско-преподавательской работой. Но это я решу в ближайшие дни.

ВОПРОС.

Сколько времени правительство продержится?

ШОХИН А.Н. Сколько времени? Есть две версии. Первая версия, что правительство Примакова отражает общую для стран Центральной и Восточной Европы тенденцию о смене либеральных правительств на левые социалистические правительства и тогда 4—5 лет.

Есть и другая версия, что это правительство на 4—7 месяцев. Естественно, мы обсуждали эту тему с Евгением Максимовичем Примаковым при моем найме на работу. Я считал, честно говоря, что 4—6 месяцев — это рубеж: либо правительству удастся что-то сделать за эти месяцы и тогда оно будет иметь хорошую перспективу, в том числе, может быть, на те годы, о которых я говорил вначале, либо кризис будет углубляться и тогда вопрос будет предопределен. Я шел в правительство, надеясь, что оно надолго, по крайней мере до парламентских или президентских выборов. Это третий критерий. Ясно, что есть формальная дата смены правительства, а именно переизбрание президента по Конституции.

ВОПРОС.

Можно ли сказать, что своим действием вы разрушили миф о правительстве согласия. И еще, как мог Примаков сказать о том, что президент не знал о 17 августа?

ШОХИН А.Н. Миф о правительстве согласия, на мой взгляд, не состоялся с самого начала и не мог состояться. Вы вспомните, что и Виктор Степанович Черномырдин

заявил, что он будет формировать правительство согласия. Я тогда предложил другую формулу. Не согласившись со своим шефом по партии, я предложил назвать правительство, которое должно быть сейчас сформировано, правительством последней надежды, имея в виду, что именно этот кабинет должен вытащить страну из кризиса и обеспечить нормальное функционирование ЭКОНОМИКИ И общества до парламентских и президентских выборов. Это была идеология. Я думаю, что ее надо и придерживаться.

Что касается событий 17 августа, знал или не знал президент. Пресса раструбила подробности этого дня, 17 августа. Известно, что накануне Бориса Николаевича Ельцина навестили руководители правительства, спецпредставитель, руководители администрации, достоверно известно, что Кириенко, Чубайс и Юмашев были у президента и излагали ему план, точнее, Кириенко и Чубайс излагали, а Юмашев, наверное, присутствовал при изложении плана объявления дефолта по внутреннему долгу.

Я считаю, что они просто ввели в заблуждение президента и сказали не всю правду, а только часть ее. В частности, они сослались на то, что такие действия вытекают прямо из устава Международного валютного фонда и из правил международных организаций — Европейского Союза в частности. Что, например, объявление моратория в одностороннем порядке, то есть запрет частным институтам, банкам выполнять свои обязательства перед западными банками, — это практикуется. Да, практикуется, но только кредиторы обычно сами дают отсрочку, а не должник устанавливает отсрочку по своим платежам кредитору.

Кроме того, ввели в заблуждение они, не сказав, что объявление дефолта по государственному долгу противоречит Гражданскому кодексу России по нескольким статьям и многим российским законам. Поэтому в принципе президента подставили.

Более того, по моим сведениям, предполагалось (это была настойчивая просьба инициаторов заявления от 17 августа), что президент выступит по общенациональному телевидению и объяснит, что произошло. Слава Богу, оградили президента от этой акции, от публичного заявления, которое дает возможность ему сейчас дистанцироваться от деталей этого заявления. По форме и по комбинации элементов этого шага, конечно, заявление от 17 августа было непрофессиональным, то есть нелегитимным, и нарушало законы и сложившиеся нормы международно-деловой практики. Вот об этом президент, конечно, знать не мог, потому что он имел только один канал информации.

Также, видимо, не мог знать президент и о моратории по долгам частным банкам, поскольку эта идея родилась в последний момент, ни с кем не согласовывалась. Лукавят, когда говорят о том, что МВФ дал добро на все действия. Я специально проверял и в МВФ, и с руководствами американского казначейства, они об этой мере узнали из газет. Они в принципе высказали готовность рассматривать вариант реструктуризации внутреннего долга, но о моратории на выплату банками обязательства их кредиторам тоже не знали.

Эта операция была, действительно, проведена как секретная военная операция, когда хотелось ошеломить результатом. Ошеломили: мы до сих пор выбираемся из-под руин финансовой системы, которая была взорвана этим решением.

КАК ФОРМИРОВАТЬ

ПРЕДВЫБОРНЫЕ КОАЛИЦИИ?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ "НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н. В ИНФОРМАЦИОННОМ АГЕНТСТВЕ "АиФ—НОВОСТИ", 2 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Коллеги, уже много наговорено политиками, экспертами по поводу экономической программы правительства, я повторяться не хочу, тем более мне тоже приходилось на эту тему высказываться.

Скажу лишь о том, что программы, действительно, еще нет, и, высказываясь по

поводу фрагментов этой программы, мы должны исходить из того, что это наброски, сделанные разными частями правительственной команды, а общая концепция пока что отсутствует. Таким заявлением вчера Евгений Максимович Примаков хотел успокоить людей, чтобы не боялись тех мер, которые даже в проекте чересчур пугают их.

Но в то же время не может не беспокоить и то, что по истечении четвертой недели работы правительства документа, даже проекта документа, в котором бы было видение правительства на выход из кризиса, нет.

Когда я пришел в правительство Евгения Максимовича Примакова, то, естественно, предполагал, что среди моих обязанностей будет и разработка путей выхода из финансового кризиса. Но тем не менее документ под названием "Пути выхода из финансового и банковского кризиса" готовил Юрий Дмитриевич Маслюков вместе с Министерством экономики. Его консультировали, как известно, академики, хотя трудно ручаться за то, что есть точное авторство у этого документа, поскольку и ведомства давали свои замечания, и отдельные эксперты; к тому же у этого документа много версий. У меня на руках вариант на вечер среды прошлой недели — он заметно отличается от того, который вчера был опубликован в газете "Коммерсант".

Предыдущий вариант был, кстати, более либеральным. Появился ряд ужесточений. Касаются они не только регулирования валютного рынка и ограничений, связанных с покупкой населением валюты. Как известно, в этом проекте предусматривается свободная продажа населением валюты через обменные пункты и вводится усложненная процедура приобретения и вывоза валюты.

Мотивы понятны — концентрация, централизация валютных резервов. Но в то же время, поскольку сейчас долларовые сбережения являются наиболее надежными, гарантирующими и от инфляции, и от банкротства банковской системы, понятно, что такого рода меры могут взбудоражить людей. Чтобы этого не допустить, они должны проводиться очень и очень аккуратно.

Хожение валюты должно сохраниться, естественно, в рамках, установленных законом, по правилам — через обменные пункты, банки, через валютные счета в банках, через возможность снимать деньги с этих валютных счетов, в том числе для целей вывоза за рубеж. Эти все либеральные правила должны быть продекларированы, чтобы у людей не возникало ощущения, что за их счет будет осуществляться очередной шаг по доходу из кризиса.

Среди мер, которые смущают, а иногда даже пугают, — меры по контролю над ценами. В первых вариантах предполагалось контролировать тарифы естественных монополий, в том числе не допускать роста этих тарифов, чтобы ценовую ситуацию в целом контролировать. В общем-то, это политика и предыдущих правительств — либеральных реформаторских правительств. Здесь возражать не приходится. В последнем же варианте появились более обширные списки товаров и услуг, по которым предполагается жесткий контроль над ценами.

Понятно, что это может привести к возврату в ситуацию 1990 года - с пустыми полками, с дефицитами, с денежным навесом, поскольку одновременно предполагается и погасить все бюджетные долги по пенсиям и зарплатам.

Не может не вызывать вопросов и схема контроля над экспортно-импортными операциями. В частности, по сути, полный отказ от импорта, поскольку предполагается, что оплачивать импортные контракты импортер имеет право лишь после того, как соответствующая партия товаров поступила на таможенную территорию России. Стало быть, поставщики должны кредитовать импортеров, что в условиях кризиса банковской системы (в равной степени и в условиях запрета на открытие корсчетов российских банков банка нерезидента) делает невозможным какую-либо схему гарантий для поставщиков по импортным контрактам, то есть импорт просто останавливается.

По экспорту тоже есть ряд новаций, которые воскрешают в памяти институт спецэкспортеров. Вы помните, например, что в 1994—1995 годах этот механизм был очень популярен. На нем зарабатывали большие деньги компании, никакого отношения не имевшие к производству и транспортировке, переработке нефти. "Балкар-трейдинг", например, — небольшая контора по продаже автомобилей, стала крупнейшим экспортером нефти.

Я застал эти технологии, будучи министром экономики в 1994 году, и сделал все для того, чтобы похоронить и квотирование, и режим спецэкспортеров. Тогда я натолкнулся на мощное сопротивление заинтересованных в сохранении этого

механизма политических групп и групп давления.

Так что очень много из элементов этого проекта (слава Богу, что проекта) порождает коррупцию, спекуляцию, порождает теневые, черные рынки валюты, в частности чрезмерное администрирование цен, что чревато возвратом к временам советской системы, к 1990 году.

Есть и другой аспект, который пока не рассматривается. В этом документе очень много дается обещаний, в частности, по погашению долгов: по пенсиям, зарплате, по оборонному заказу, причем уже до конца этого года. Простое сложение цифр, заявленных в этом документе, если к ним добавить вытекающие из ранее принятых решений цифры по выплате наличных при погашении ГКО (а сейчас это 5 процентов плюс за месяц, прошедший после кризиса, придется платить наличными в полном объеме, иначе наступит так называемый кросс-дефолт по валютным облигациям внутреннего валютного займа), дает очень большие суммы чисто эмиссионного финансирования и одновременно сопровождается существенными, серьезными послаблениями по налогам.

В принципе направления налоговой реформы сформулированы верно. Речь идет о снижении налога на добавленную стоимость с 29 до 15 процентов и о снижении налога на прибыль, правда не до 20 процентов, как предполагалось Черномырдиным и Федоровым, а с 35 до 30 процентов. Ряд других налоговых послаблений предполагается осуществить в этом документе. Но если сравнить эти налоговые послабления с дополнительными обязательствами бюджета (надо, кроме того, иметь в виду, что часть проблем решается на основе взаимозачетов, в том числе предполагается произвести зачет встречных требований бюджета, бюджетов разных уровней и, в частности, разрешить через налоговые льготы покрыть расходы местных властей на содержание жилья, которое им передавалось предприятиями, и так далее), то видно, что бюджет очень сильно не сбалансирован и так называемый финансовый разрыв в бюджете на четвертый квартал просто астрономический.

Очевидно, что все это свидетельство того, что программа отсутствует. Кстати, впервые прочитав этот документ, я проинформировал Евгения Максимовича, что в нем нет главного: отсутствует идеология и не ясно, как будут состыкованы отдельные элементы с точки зрения общей идеологии. Эмиссия или привлечение внешних кредитов? Если не привлечение кредитов, то встает проблема отсрочки по внешним долгам. Как быть со схемой погашения ГКО? Потребуется ли она больших вложений, либо ее можно перевести в долгосрочные, номинированные в долларах бумаги и так далее?

Вот от этого круга вопросов зависело и конкретное содержание той программы, которая готовится уже четвертую неделю.

Кстати, именно на основе работы по направлениям, которые только что мной названы, я готовил соображения для переговоров с Валютным фондом и предложения по чрезвычайному бюджету на четвертый квартал и по основным параметрам бюджета на следующий год.

Как только начинаешь с этой стороны смотреть на экономическую программу, вынужден корректировать целый ряд предложений. В частности, резкое снижение налогов в условиях, когда налоговые доходы по отношению к ВВП во второй половине года снизились в полтора с лишним раза по сравнению с первой половиной года, приводит к выводу, что очень трудно осуществить резкое снижение налогов, не уповая на широкомасштабную эмиссию или на инфляцию.

Стало быть, нужно смотреть на некоторые меры, может быть, не очень популярные, такие, как индексация ставок специфических налогов, то есть установленных в рублях, акцизов прежде всего. Приходится смотреть и на ранее сделанные предложения, такие, как перераспределение подоходного налога между бюджетами разных уровней в пропорции 20 на 80 и так далее. Приходится смотреть на весь комплекс проблем доходной части бюджета.

Есть и внешние проблемы, которые до конца не закрыты. В частности, будет или нет внешнее финансирование. По этому вопросу в последний день своей работы в правительстве сформулировал довольно четкую позицию и считаю, что ее можно довести до конца правительству.

Речь идет о том, чтобы не просить деньги немедленно на решение наших бюджетных проблем, что невозможно, в том числе и потому, что один раз под программу мы деньги недавно получили, в июле, и бездарно их потратили, обманули инвесторов и Международный валютный фонд. Второй раз они на эту удочку не попадутся, и, стало быть, нужно искать другой вариант. Но ясно, что это

и не тот вариант, который нам изначально предлагал МВФ.

МВФ предлагал согласовать с ними программу и потом посмотреть, как эта программа будет реализовываться по итогам как минимум квартала. Затем, посмотрев на реальную имплементацию этой программы, МВФ был готов принять решение, нужно ли задержанные транши стабилизационных займов (сентябрьский транш, в частности) предоставлять или нет. Ясно, что по этой схеме деньги не могли прийти в этом году, в лучшем случае, в начале второго квартала следующего года.

Мое предложение состояло в том, чтобы решение о возобновлении кредитования Международный валютный фонд принял сразу же после утверждения программы правительства Государственной Думой. В чем идея?

Идея, во-первых, в том, что мы делаем следующий шаг по сравнению с предыдущим правительством Кириенко — Дубинина. Они только сделали программу, а мы ее проводим через Думу.

И во-вторых. Мы доказываем, что это правительство тем и сильно, в отличие от правительства Кириенко, что имеет поддержку в Государственной Думе. И если премьер избран как компромиссная фигура, устраивающая все политические силы, то ясно, что этот премьер должен иметь какую-то возможность провести свою программу через Думу. На этой политике можно было бы собрать экономические дивиденды.

Иногда меня обвиняют: Шохин увидел, что кредитов не будет и покинул правительственную площадку, поскольку не хотел свое имя связывать с неудачей в переговорах. Абсолютно не так. Было ясно, что не меньше двух месяцев уйдет на переговоры, на утверждение программы в Думе и не менее, если не более, сложную часть в этих переговорах составляют переговоры правительства с Государственной Думой в процессе утверждения пакета антикризисных мер. Так что денег и не могло быть раньше Рождества — католическо-протестантского или православного при самом хорошем раскладе (по моему сценарию).

Есть еще одна очень важная проблема — это внешние долги. Ясно, что нагрузка на бюджет, вытекающая из наших обязательств по внешнему долгу, чрезвычайно высокая. Мы вползаем в период, когда на нас сваливаются пики платежей. В следующем году, это особенно заметно, мы должны заплатить 17 с лишним миллиардов долларов. Традиционная схема погашения долгов — правительство покупает валюту на бирже и обслуживает этот долг — в условиях девальвации просто невозможна — дорого. Стало быть, нужно рефинансировать долг, то есть обслуживать его за счет других источников, за счет МВФ например, чтобы напрямую замкнуть новые источники внешних заимствований на погашение старых долгов, либо провести переговоры по реструктуризации и частичному списанию долга.

Я уже начал проговаривать вопросы с международными организациями по возможной реструктуризации ранее реструктурированных долгов. Речь идет о долгах бывшего Советского Союза. И здесь можно было бы, видимо, найти компромиссные формулы, которые могли бы быть направлены на выравнивание платежей, то есть сглаживание зубцов, пиков платежей. Можно было бы при благоприятном варианте развития событий попробовать "сбросить" официальные советские долги, отдав существенную часть финансовых активов бывшего СССР нашим кредиторам. Схема очень сложная, ее реализовать не так просто в силу того, что кредиторы и должники разные, суммы не совпадают, хотя после нашего вступления в сентябре прошлого года в Парижский клуб 120 миллиардов наших активов превратились где-то в 50 миллиардов. Дисконтирование по ним было очень существенным и составило от 35 до 80 процентов по кредитам бывшего СССР. После этого мы обязались их списать и реструктурировать по традиционным схемам Парижского клуба, а это значит, что активы еще будут уменьшены до 19—15 миллиардов долларов.

Здесь можно было бы, действительно, найти некоторые разумные схемы, но они могли бы быть реализованы при одном условии, что мы не сильно "кинем" инвесторов — держателей российских ГКО. В частности, речь идет о том, что нельзя обесценить основную сумму долга, а они готовы (мои переговоры привели меня к этим выводам, убедили в этом) жертвовать срочностью бумаг, то есть периодом погашения. Они готовы были идти на долгосрочные бумаги и жертвовать текущими поступлениями, то есть процентами от этих бумаг. Соглашались на ставку на уровне "Ли-бор", а не на те ставки, которые были реализованы в июле при

обмене ГКО на евробонды. В равной степени можно было выторговать у них льготный период, когда никакие процентные платежи российская сторона не выплачивает.

Но и сейчас не потеряны возможности реализовать эти схемы. Конструкция такова: мы предлагаем нормальную схему реструктуризации ГКО как резидентам, так и нерезидентам, восстанавливаем к себе доверие на мировых финансовых рынках и имеем возможность, если не вернуться на эти рынки (до этого далеко, котировки слишком упали, по нашим долгам котировки на уровне дефолтов и ниже, еще не обнулились, слава Богу, хотя и стремятся к нулю). Более существенным является не возврат к заимствованиям на рынке, более существенным является возможность начать нормальные переговоры по реструктуризации ранее реструктурированных долгов бывшего СССР.

Вот комплекс проблем, которые накладывают очень жесткие ограничения на программу правительства. Не может быть экзотических технологий, не может быть экзотики, связанной с чрезмерным администрированием либо с упованием на эмиссионные механизмы. Тут нужно очень аккуратно пройти по узкой тропинке. Пройти можно, хотя очень и очень сложно. Более того, поскольку деньги МВФ явно задерживаются, переговоры с кредиторами — вещь сложная, многотрудная, можно было бы договориться о том, что не является большим нарушением программы, согласованной с МВФ, — о частичном эмиссионном финансировании в четвертом квартале. Возможно было добиться такой уступки от МВФ.

Но в целом, еще раз подчеркну, задача состоит в том, чтобы определить — откуда плясать. Сейчас конструкция такая, если я правильно понимаю логику председателя правительства: мы едем в МВФ и представляем программу, основанную на переговорах с МВФ. Если МВФ денег не дает, тогда мы переходим к непопулярным мерам, среди коих меры, которые почерпнуты во многом из документов, подготовленных группой Юрия Дмитриевича Маслюкова. Вполне возможно, что такая логика будет реализована. Но я надеюсь все-таки, что здесь не будет в любом случае чрезмерного увлечения администрированием и эмиссионными технологиями. Худший вариант, который можно получить, — это вариант соединения 1990 и 1992 годов. Каждый из этих вариантов — 1990—1991 или 1992—1993 — сам по себе, конечно, плох. И дефицитная экономика, и высокая инфляция — это плохие варианты, но сочетание их было бы ужасным, в самом кошмарном сне такое не может присниться.

ВОПРОС.

То есть фактически это как бы шантаж в переговорах с Международным валютным фондом? Если вы отказываете нам в кредитах, тогда мы будем свои жесткие меры реализовывать?

ШОХИН А.Н. МВФ есть в чем критиковать и даже обвинять. В частности, моя позиция была такая, что мы вместе — правительство России и МВФ — несем солидарную ответственность за то, что произошло в России. И более того, предлагая те или иные инструменты, МВФ должен понимать, что не все из них проходимы. В частности, один пример.

МВФ предлагает ввести налог на экспорт, своего рода экспортные пошлины, которые мы три года назад отменили, руководствуясь правилами ВТО, с тем чтобы забрать девальвационный эффект у экспортеров. Девальвация увеличивает доходы экспортеров, а если их забрать, то вроде бы бесспорное налоговое поступление в казну. Но не будем забывать, что российские экспортеры, особенно в нефтегазовом секторе, особенно нефтяники, пострадали от резкого падения мировых цен на нефть.

Девальвационный эффект, который будет действовать, по всем оценкам, несколько месяцев, — это единственный способ выйти на окупаемость, нормальную рентабельность, чтобы не работать в убыток. Тем более что есть и другие убытки у наших компаний, не только у экспортных, но связанных с банковским кризисом, с девальвацией и так далее.

Поэтому можно было бы рассмотреть другой вариант — среднесрочный. Мы собираем налоги с той же "нефтянки" на основе стабилизации производства в ней. Но тогда налоги собираются не немедленно в четвертом квартале, а в 1999 году.

По каждой позиции можно, безусловно, спорить. Я в процессе переговоров с МВФ почувствовал готовность обсуждать те или иные проблемы. Но тем не менее общая конструкция — это конструкция оправдания, а не шантажа.

Да, говорит правительство, мы были готовы идти на реформаторские

реконструкции финансовой и экономической политики, но нам не дали этого сделать, не предоставив соответствующих денег, обещанных еще в сентябре. Я могу лишь сказать о том, что в чистом виде эта формула не может пройти хотя бы потому, что для того, чтобы добиться такого — получить деньги быстро, — надо восстановить минимальное доверие к себе.

Сейчас, по моим убеждениям, восстановить доверие можно, скорректировав решение 17 августа, во-первых, и, во-вторых, показав, что в обществе есть минимальное единство по поводу мер выхода из кризиса. А это значит, что меры, предлагаемые правительством, должны быть поддержаны Государственной Думой. Вот тогда можно "напирать" на то, что большая часть общества склоняется к тому, что этот вариант выхода из кризиса единственно возможный и необходимый. Под это дело можно выбить и отсрочку по долгам, и кредиты МВФ, и я бы эту линию дожимал. Но под нее, безусловно, придется пару месяцев жить довольно в напряженном режиме, в том числе не обещая выплатить ранее задержанные деньги из бюджета пенсионерам и бюджетникам, выполняя в основном текущие обязательства. И может быть, по каким-то позициям придется перейти на эмиссионное финансирование, но в объемах и формах, согласованных с МВФ. Я думаю, что пока еще до шантажа можно не доходить.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, вы простите, я сегодня невольно буду апеллировать к Гайдару. Он у нас был 2 часа тому назад, и он говорил о том, что акция протеста, которая планируется на 7 октября, — это будет фактически акцией протеста власти, а не оппозиции, потому что власть — это Дума и новое правительство, а президент в этой стране больше не правит.

ШОХИН А.Н. Доля истины в этом заявлении есть. Действительно, не только опросы, не только рейтинги показывают, что правительство и председатель правительства у нас за хозяина теперь в доме. Дума не думает, что это будет протест против Думы, поскольку именно в эти дни Дума будет определяться — сочтет ли она возможным поддерживать это правительство или нет.

Речь прежде всего идет о левой части Думы. После известных кадровых изменений в правительстве левая оппозиция должна считать правительство своим. Но в то же время до конца пока не ясна политика этого правительства и не ясны социальные последствия этой политики. Поэтому будет наблюдаться дистанцирование Думы, левой части Думы от правительства, вплоть до заявления типа отзыва своих представителей. Валентин Купцов уже делал это в отношении Юрия Маслюкова. Не исключены такого рода демарши и в дальнейшем.

Так что здесь события 7 октября во многом, на мой взгляд, должны расставить точки над "i" и сделать более понятной политическую конструкцию власти, которая сложилась к настоящему времени. Чье правительство сформировано: правительство левых или правительство лично Примакова, рассчитывающее на поддержку Думы, удастся ли ему заручиться этой поддержкой или нет?

ВОПРОС.

Но это все равно протест власти против самой себя.

ШОХИН А.Н. Нет. Протест будет против президента. Сейчас очевидные лозунги — это антипрезидентские лозунги, это недопущение, скажем словами оппозиции, проведения той политики, которая проводилась "преступным режимом" Ельцина, Черномырдина, Кириенко. И в этом смысле это будет попытка, если хотите, приватизировать правительство, то есть заставить его стать более определенным в идеологическом плане, откровенно левым.

Я думаю, что после октября правительству Примакова не удастся балансировать. Если первоначально Евгений Максимович Примаков при формировании правительства хотел держать политический баланс и включить в правительство представителей всех частей политического спектра, то после октября он вынужден будет в более ярких красках, в более колористической манере определить свои предпочтения.

ВОПРОС.

А зачем? Протестуя не против правительства, а против президента. А президент, как сказал Гайдар, в этой стране больше не правит.

ШОХИН А.Н. Если бы произошло размежевание по оси президент, с одной стороны, а Дума и правительство, с другой стороны, то это означало бы начало нового этапа политического процесса. Хотя президент не правит по существу, но он правит по форме. В частности, он и это правительство может отправить в отставку.

Он достаточно бодр, принял почти всех членов кабинета, как ныне работающих, так даже и некоторых из ушедших (я себя имею в виду).

Он в состоянии оценить ситуацию. Если поймет, что речь идет о фактическом превращении его в английскую королеву, то могут быть последствия (не хочу сказать типа октября 1993 года, пятилетие которого мы отмечаем именно в эти дни) типа августовских, с бурной сменой кабинета. РУССКАЯ СЛУЖБА БИ-БИ-СИ.

Александр Николаевич, оцените, пожалуйста, достоинства и недостатки, если возможно, той программы, которую предложил Гайдар.

ШОХИН А.Н. Вы знаете, меня очень удивил тот аспект программы Гайдара, в котором он предлагает супермягкие условия реструктуризации ГКО: 20 процентов наличными, пятилетние долларové бумаги с приличным процентом, 50-процентное погашение для пенсионных фондов и страховых компаний и так далее. Кто мешал, если Егор Тимурович вместе с Анатолием Борисовичем писал заявление от 17 августа, этим же днем обнародовать условия реструктуризации ГКО и тем самым сохранить финансовый рынок и не допустить краха очень многих банков и компаний. Сейчас даже банки и компании, которые обанкротились де-факто из-за рискованного, непрофессионального менеджмента, все сваливают на государство и требуют от ЦБ стабилизационных кредитов, от правительства требуют того, чтобы оно взяло на себя обязательства по срочным форвардным контрактам и так далее.

То есть кризис сейчас стал, действительно, системным, хотя он мог бы быть только кризисом государственного долга. И изменение форм обслуживания долга могло бы пройти гладко. Это первое.

Второе. В этой программе очень много целевых установок в части низкой инфляции, низких процентных ставок, сокращение расходов бюджетов в связи с реструктуризацией внутреннего долга и так далее.

Но, честно говоря, механизмы реализации этих целей прописаны довольно туманно. И я бы сам хотел видеть, скажем, курс в четвертом квартале в пределах 16 рублей за доллар, в следующем году — не выше 20, а процентные ставки — не выше 35 процентов. Это процентные ставки, за которые мы боролись много лет. А сохранение курса на нынешнем уровне предполагает, естественно, что никакой дополнительной эмиссии не будет осуществляться.

Все эти задачи решать в условиях реального ухудшения положения населения очень трудно. Ведь как ни оценивать рост цен в сентябре -был ли он 50-процентным, как фиксирует статистика, либо большим (по некоторым товарам произошло трех-четырёхкратное увеличение цен, затем чуть-чуть они снизились, но тем не менее двукратное все равно сохранилось по тому же продовольствию длительного хранения), ясно, что в этих условиях очень трудно противостоять давлению профсоюзов, ряда политических сил и не индексировать эти доходы. И единственный способ не индексировать старые долги — быстро их выплатить. Быстро выплатить старые долги — значит подстегнуть эмиссию и инфляцию.

Есть целый клубок проблем, которые решать очень трудно. Если бы легко было сократить расходы бюджета (они, напомним, в этом году на 20 процентов были сокращены), если бы дальше их можно было бы сокращать для обеспечения бездефицитного бюджета, это сделало бы, наверное, и правительство Кириенко. А в условиях реального кризиса, когда сбережения обесценились, текущие доходы из-за инфляции упали, произошел ряд других негативных явлений, стандартная схема просто не проходит.

Поэтому я, полностью соглашаясь с целевыми установками программы Гайдара, задаю вопросы по технике. Напомним, что в этой программе участвовали несколько министров предыдущего кабинета: Уринсон, Ясин в частности, и я, честно, не понимаю, если они предлагают новые схемы, в том числе решение проблем, которые обрушили страну в августе, почему они громко не заявили об этих технологиях раньше, в том числе о реструктуризации ГКО.

Где был Гайдар вторую половину августа? В отпуске? Где был Ясин? Ждал, что его позовут Черномырдин и Примаков писать очередную программу? Где был Уринсон, когда Черномырдин заступил на вахту в правительстве? Ждал решения своей судьбы?

Я считаю, что есть какая-то нравственная составляющая у всех этих экономических проектов. Понимаете, это идеология двойного стандарта: каждый раз оказывается, что никто ни за что не отвечает. Кириенко ушел из правительства. "Мне не в чем тебя упрекнуть", — сказал Кириенко. Дубинин ушел в отставку, заявив, что он уходит в отставку из-за происков Думы и кроме него профессионалов-банкиров в

этой стране нет и ему не в чем тоже себя упрекнуть. Гайдар, чьей рукой написано заявление от 17 августа (он сам признавался в этом в узких кругах), оказывается, только советовал, но не писал этот текст. Чубайс, в кабинете которого это заявление написано, говорит, что он не отвечает за заявление, он только консультировался с МВФ: можно или нельзя это делать — реструктурировать внутренний долг? В итоге виноватых нет. И сейчас эти же люди предлагают нам схемы спасения России, в том числе как ни в чем не бывало предлагают изменить решение от 17 августа, как будто они не участвовали в ее подготовке и не несут ответственности за последствия.

Я считаю, что не должно быть двойных моральных стандартов в политике. Подставили тебя, не подставили, сам виноват — не просчитал последствия, но случился этот кризис, самый крупный кризис за последние семь лет в России — надо иметь мужество подавать в отставку и признавать свои ошибки, даже если ты просто советовал.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы уточнить, поступал ли в Думу проект чрезвычайного бюджета на четвертый квартал, и прокомментировать это?

ШОХИН А.Н. Официального внесения я не видел, он еще не разослан, хотя идея была в том, чтобы на президиуме правительства утвердить чрезвычайный бюджет, направить его в Думу, с тем чтобы правительству было с чем ехать в Вашингтон.

Если говорить о тех проектировках, которые намечались и которые согласовывались с МВФ, прежде всего следует сказать о дырке в финансировании в пределах 90 миллиардов рублей, которая по замыслу МВФ должна в четвертом квартале покрываться за счет сокращения расходов и введения новых налогов, таких, как экспортная пошлина, индексация акцизов на нефть прежде всего и других специфических налогов за счет увеличения доли подоходного налога, который оседает в федеральном бюджете, и так далее.

По представлениям Минфина, этот разрыв в основном должен покрываться за счет внешних заимствований, то есть явно там прописан кредит МВФ. Это связано не только с внутренними проблемами, но и с обслуживанием внешнего долга. Примерно совпали оценки МВФ и Минфина и размеры дефицита, но в схеме покрытия финансового разрыва, дефицита подходы существенно различаются.

Я уже говорил, что должна быть какая-то комбинация подходов, поскольку раньше конца года нам деньги просто физически не удастся получить, нужно эти месяцы вместе с МВФ смотреть, какие здесь могут быть маневры. Один из маневров — трехмесячная отсрочка в обслуживании внешнего долга, поскольку существенная часть этого долга относится к категории реструктурируемых, то есть это не бумаги типа евробондов, а суверенные займы (кроме заимствований из международных финансовых организаций, которые не реструктурируются), по которым можно было бы перенести дату погашения (то есть реструктурировать эти кредиты).

Исходная позиция Минфина вполне понятна — привезти деньги из МВФ и тогда все в бюджете сойдется, но также понятна исходная позиция Международного валютного фонда — добиться неких позитивных результатов как в сборе налогов, налоговом администрировании, так и в введении новых налогов, сокращении бюджетных расходов и так далее. Естественно, одним из критериев со стороны МВФ будет отсутствие экзотических административных технологий.

Дополнительных комментариев я, пожалуй, дать не могу, скажу лишь, что, с моей точки зрения, было бы правильно добиваться от МВФ не только предоставления задержанного сентябрьского транша, но и некоторого увеличения этого транша, с тем чтобы не вводить новые налоги. Можно было бы в этих условиях сделать ряд налоговых послаблений для начала реального процесса налоговой реформы.

ТВ-ЦЕНТР.

Александр Николаевич, вы сейчас упомянули возможный курс начала следующего года 20 рублей за доллар. Как человек независимый, скажите, какие варианты возможны при самом благоприятном стечении обстоятельств, какой может быть курс на Рождество? Какие могут быть самые плохие прогнозы для курса — 50, 60, 70?

ШОХИН А.Н. Я в свое время очень не любил высказываться по поводу того, нужна ли нам девальвация, и если да, то в каком объеме. Хотя был уверен в том, что на 30 процентов девальвация нужна была уже в марте. Она просматривалась, исходя из динамики платежного и торгового баланса. Из-за резкого падения цен на нефть было ясно, что удержать рубль в коридоре, заявленном в ноябре прошлого года,

просто не удастся, даже если бы не было многочисленных волн азиатского или мирового финансового кризиса. В равной степени я не считаю возможным говорить о пессимистических и катастрофических или апокалипсических вариантах развития событий, хотя о них вы можете прочитать. Если мы получим сочетание 1991 и 1992 годов, легко просчитать курс, инфляцию и рост дифференциации в доходах населения и так далее. Не хотел бы, чтобы эти ужасные прогнозы из моих уст исходили.

Благоприятный вариант — это удержание курса в четвертом квартале на уровне 18 рублей с некоторым снижением темпов инфляции в дальнейшем, при том, что инфляцию в четвертом квартале удастся удержать где-то на уровне 15 процентов (я здесь исхожу из того, что цены подскочили так высоко, что даже некоторые эмиссионные вливания не могут пропорционально увеличить цены). Есть возможность, даже не прибегая к административным методам работы через биржу, держать курс на уровне 18 рублей. На следующий год курс может быть в благоприятном варианте - 22 рубля за доллар. Это будет нормальный предсказуемый курс, то есть плавное снижение курса рубля к темпам инфляции и в зависимости от роста золотовалютных резервов.

Если удастся стабилизировать ситуацию на мировых рынках сырьевых ресурсов и если нам удастся получить деньги МВФ, не вводя новых налогов на экспорт, то, я думаю, золотовалютные резервы будут расти достаточно быстро и можно будет рассчитывать на лучшее.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, вы все время говорите о налоге на экспорт как о требовании МВФ. Но сейчас правительство пытается сделать над экспортерами то же самое через обязательную продажу выручки.

ШОХИН А.Н. Безусловно, это тоже один из вариантов налога на экспорт, тем более если будут две сессии на бирже: утренняя — для экспортеров и импортеров и вечерняя - для спекулянтов. Я не исключаю, что сам факт налога на экспорт в условиях снижающегося курса рубля (обязательная продажа в условиях нестабильного рубля — это налог) приведет к межсессионным перетокам. Явно будет арбитраж. И явно экспортеры найдут возможность продавать валютную выручку на вечерней сессии, а импортеры будут покупать валюту на утренней сессии, это неизбежно.

Так получается, что и бизнес, и граждане начинают выскальзывать через черные рынки, через поиски щелей между различными торговыми, биржевыми площадками и так далее. Поэтому здесь может даже и не надо беспокоиться — как-нибудь выскользнем.

Но то, что предлагается в проекте программы, опубликованной в "Коммерсанте" для экспортеров-импортеров, — это, действительно, тяжелый удар. Про импортеров я уже говорил. Вводится порядок, по сути, предоплаты. Экспортеры в условиях наличия налога на экспорт и в условиях обязательной продажи валютной выручки все-таки будут уходить и, несмотря на резкое сокращение периода возврата выручки со 180 до 90 дней, будут находить возможность не возвращаться в Россию. И здесь очень четко надо взвешивать все плюсы и минусы от предлагаемых мер. Ко мне приходили многие представители крупного бизнеса, нефтяного в том числе, убедительно показывая, что жить честно невыгодно. Те, кто возвращал всю валютную выручку в страну, держал ее на валютных счетах в наших банках, пострадали гораздо больше тех, кто не возвращал выручку, держал ее в оффшорных зонах, приобретал недвижимость за рубежом и так далее.

Нам нужно подумать хоть один раз о том, что мы должны стимулировать честное деловое поведение, а для этого количество запретов не должно быть чрезмерным и государство все-таки должно выполнять свои обязательства.

ВОПРОС.

А какая сумма может проплыть мимо бюджета, хотя бы в процентном отношении?

ШОХИН А.Н. Вы цифру, наверное, слышали. Евгений Максимович и я называли ее, в последнее время 3,5 миллиарда мимо проходили. Я думаю, учитывая, что валютная выручка у нас где-то 4,5 миллиарда ежемесячно и если мы вводим 75 процентов и предполагаем, что она вся (примерно 3—3,5 миллиарда) пройдет через биржу либо через прямую продажу Центральному банку, то легко будет увидеть, когда этот механизм будет введен, сколько прошло мимо кассы, что называется.

ИТАР-ТАСС.

Александр Николаевич, какая сейчас ситуация в движении НДР? ШОХИН А.Н. Ну,

наконец-то с экономикой хоть покончили. Вы знаете, движению НДР, безусловно, нужно показать свое новое лицо, это не значит, что нужно менять программу, лозунги, менять людей и так далее. Мы, действительно, были придатком власти, партии власти, и до марта этого года эта ниша была естественной для НДР. Но уже после ухода Черномырдина стало очевидным, что надо искать новую нишу, связанную с прямой работой с народом, со своим сегментом электората, со своими избирателями, нужно понятно им объяснять, чего мы хотим, нужно понятно объяснять, кто и что будет делать. Восемнадцатидневное пребывание Черномырдина в правительстве в августе—сентябре лишний раз подтвердило актуальность этой задачи.

Первый вопрос, который нужно решить, — является ли наш лидер кандидатом в президенты 2000 года или нет? Я думаю, что формально он может оставаться в этом списке. Хотя, честно признаюсь, я в июле активно вел работу с Виктором Степановичем о том, что его роль в политической жизни общества заключается не в том, что он будет претендовать на пост президента, а прежде всего в том, что он сумеет организовать центристские силы, которые выдвинут своего кандидата в президенты. Если хотите, Виктор Степанович должен показать пример, что можно наступать на горло собственной песне и поступаться собственными президентскими и иными политическими амбициями ради интересов Отечества.

И поэтому нужно сейчас на второй план отодвинуть и Виктору Степановичу Черномырдину, и движению НДР вопрос о президентстве лидера НДР, а на первый план выдвинуть вопрос создания коалиции, где бы Виктор Степанович мог бы быть реальным координатором (что не значит начальником) этой коалиции.

Кто в эту коалицию должен войти? Прежде всего те политические лидеры, каждый из которых может реально претендовать не менее чем на 8—10 процентов в рамках президентской кампании. Только такая большая коалиция имеет смысл. От того, что мы включим в коалицию десятки мелких партий, ничего абсолютно не изменится. Но если сумеем договориться с такими лидерами, как Лужков или Явлинский, то есть с теми людьми, которые явно могут в избирательной гонке получить серьезную поддержку избирателей, то такая коалиция в состоянии победить на выборах Думы.

И сейчас, как вы понимаете, идет явный поиск путей к созданию такого рода коалиций. Зюганов, имея свои 20 процентов в электорате как лидер КПРФ и как лидер Народно-патриотического союза, явно хочет привлечь на свою сторону политика, у которого рейтинг не менее 10 процентов, чтобы иметь гарантированный выход во второй тур. Я думаю, что в некотором смысле Зюганов показывает пример, он даже намекает на то, что может и снять свою кандидатуру ради победы левого дела, а вот мы и Виктор Степанович Черномырдин прежде всего должны такую же схему реализовать для победы правого дела.

ВОПРОС.

Правильно ли я поняла, что вы считаете, что НДР может при определенных условиях поддержать кандидатуру Лужкова?

ШОХИН А.Н. Я не конкретно фамилии называю, я вам говорю о характере задач, которые должны быть решены. Ясно, что выход на уровень политических переговоров предполагает другое отношение к старым партнерам.

Вот, к примеру, Григорий Явлинский. Явно идеологически мы с ним. О себе я точно могу говорить, что мы находимся на одной площадке, и не только потому, что 18 лет друг друга знаем, вместе работали, наши младшие дети сидели на одном детском стульчике, который по очереди переходил из семьи в семью. Но и прежде всего потому, что по ключевым вопросам, будь то налоговые, бюджетные, финансовые, международные и так далее, различий, действительно, нет. Но есть определенная неприязнь у лидера нашего движения и у лидера "ЯБЛОКА". Эту неприязнь надо забыть, перебороть себя и начинать переговоры по существу. Это может относиться и к Юрию Михайловичу Лужкову. Не мериться амбициями, интеллектами или другими частями тела, а попытаться подумать о том, какое правительство, какой президент, какая команда нужны стране, и в зависимости от ответов на эти вопросы выстроить коалицию. Причем коалиция не значит сразу коалиция на парламентские выборы и немедленно. На парламентские выборы можно идти и отдельно, имея в основе лишь координацию деятельности по одномандатным округам, чтобы не бороться друг с другом, а в парламенте сформировать большинство. И это большинство может выдвинуть единого кандидата в президенты. Вот такая задача является, по-моему, гораздо более серьезной, чем измерять свои рейтинги в рамках первого тура президентских

выборов.

И еще один момент. Сейчас очевидно, что 1998 год заставляет нас по-другому смотреть и на процесс формирования правительства. Все правительства, менявшиеся на протяжении 1998 года, судорожно начинали склеивать программу, формировать программу и недели и месяцы тратили на подбор команды для реализации этой программы. Очевидно, что мы сейчас уже логически подошли к другому варианту формирования правительства и выхода из политических кризисов. Уважающие себя политические силы должны иметь известную обществу программу и представление о команде, которая будет реализовывать эту программу как правительство. В этой связи думаю, что и нам — "Нашему дому — Россия", мне как экономическому идеологу "Нашего дома — Россия" и недавнему вице-премьеру — придется заниматься формированием программы. Причем речь не идет о документах на 100 страниц, речь не идет о коротком документе на две страницы с лозунгами, речь идет о программе действий по решению конкретных проблем, волнующих людей, — как быть с защитой вкладов и выходом из банковского кризиса, как быть с решением вопросов, связанных с расшивкой неплатежей, и так далее. То есть на каждый вопрос должен быть дан ответ. За каждым направлением деятельности теневого кабинета, если хотите, должна стоять внятная, пользующаяся доверием людей фигура. Эта идеология теневого кабинета со своей программой действий должна реализовываться, наверное, всеми политическими силами. Уже нельзя просто реагировать на харизму того или иного лидера и догадываться, а что он будет делать, когда придет к власти. Ведь сейчас мы про основных кандидатов в президенты не знаем одного — что они будут делать, став президентами. Именно поэтому элемент испуга практически есть у всех по отношению к любому кандидату. Этого не должно быть. Идеология теневых кабинетов и заранее заявленных программ действия должна внести какое-то успокоение в умы граждан. Не лозунги, не общие заявления о том, что мы знаем как и что надо делать — только изберите нас, а конкуренция программ, конкуренция команд. Естественно, тогда и правительство должно формироваться не по принципу с каждого бора по сосенке либо по принципу Ноева ковчега — каждой твари по паре, а на основе включения в правительство команд, могущих реализовать свои программы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, до того, как Виктор Степанович был призван второй раз президентом и снял свою кандидатуру, была информация о том, что идут политические переговоры об объединении Лужкова, Лебеда и Черномырдина следующим образом: Черномырдин — президент, Лужков — премьер, а Лебедь — вице-президент при поправке к Конституции. Вот под эту тройцу готова олигархия поставить средства на выборы. После того как все это произошло в нашем государстве, изменилась ли расстановка этих сил?

ШОХИН А.Н. Безусловно, изменилась. Во-первых, многие олигархи стали экс-олигархами, а многие из тех, кто был олигофрендом, то есть другом олигархов, отмежевываются от них. Поэтому, действительно, много воды утекло с июля. И как вы заметили, когда разговор идет на абстрактные темы — как бы нам выстроиться в 2000 году, — договоренности могут быть достигнуты. Но как только Черномырдин стал реальным кандидатом в премьеры (а через это — и в президенты), то по-разному стали вести себя те люди, с которыми, по слухам, велись переговоры и выстраивались схемы, кто какой портфель заберет. Поэтому я, честно говоря, не очень верю в эти абстрактные договоренности. Пока речь не идет о реальной власти, что-то получается. Как только доходит до реальной власти, сразу позиции могут измениться, они и меняются.

Поэтому очень важно, чтобы кто-то проявил инициативу, чтобы кто-то сказал не о том, что он вынужден будет участвовать в президентской гонке, если достойных людей не будет, а чтобы кто-то мог бы сказать: я не буду участвовать в президентской гонке при условии, что кандидатом в президенты на определенных условиях будет такой-то, а вот этот будет на таких-то условиях идти в премьеры. Кто первый предложит эту схему, тот станет спасителем Отечества.

ПОБЕДИТЬ НА ВЫБОРАХ МОЖЕТ ТОЛЬКО КОАЛИЦИЯ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
19 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Здравствуйте. Начнем сразу с вопросов. ВОПРОС.

Александр Николаевич, вы вернулись на "политработу" на должность лидера фракции НДР в Госдуме. Как вы оцениваете перспективы движения "Наш дом — Россия"?

ШОХИН А.Н. Очень сложный вопрос вы мне задаете.

Прежде всего напомним, что НДР создавалась как часть партии власти. В апреле 1995 года нескольким советникам президента пришла в голову идея о создании двухпартийной системы. Правый центр был записан за Черномырдиным, левый — за Рыбкиным. Виктор Степанович, если вы помните, путался иногда, не зная, какой центр точно он возглавляет. Это лишь внешняя сторона процесса создания двухпартийной системы. Но тем не менее очевидно, что партия НДР была создана сверху, безусловно, как прообраз партии власти правоцентристского толка, то есть в соответствии с той политикой, которая проводилась властями. Возглавлял НДР премьер-министр, он подмял под себя и левый центр. Рыбкину и его движению не удалось встать на ноги, поскольку основная масса губернаторов пошла в НДР по понятным причинам — ресурсы все-таки в правительстве распределяются, а не в Государственной Думе. И, кроме того, левый центр существовал в лице КПРФ и примыкавших к нему партий. То есть левый блок как таковой существовал. Поэтому у Рыбкина изначально не было перспектив стать вторым "горбом" у этого двугорбого верблюда партии власти.

Накануне выборов Борис Николаевич на всякий случай аккуратно отмежевался от НДР. А первоначальный прогноз был, что НДР процентов 30 возьмет голосов. Идея была взять простое большинство в Думе двумя этими пропрезидентскими партиями. Президент отмежевался, дав точный прогноз количества голосов, которые должна получить НДР, - примерно 10 процентов он предсказал. Так и получилось. После этого началась собственно политическая жизнь НДР. Вначале это был предвыборный блок, который должен был стать по первоначальному замыслу тараном по обеспечению простого большинства в Думе. А после того как НДР взяла только 10 процентов, фракция движения стала думским ядром, что ли, правительственной партией в Государственной Думе, в которую входили и другие депутаты, в том числе группа независимых, а также входящие в группу "Российские регионы". В нынешней Думе простое большинство обеспечивается и за счет сложной технологии взаимоотношений с Жириновским (вернее, не очень сложной, но дающей возможность мобилизовать ресурс его фракции при голосовании по правительственным проектам).

НДР три года функционировала как политотдел аппарата правительства. И в общем-то особых политических технологий в своей работе не использовала. Во всех регионах были отделения. Возглавлялись они, как правило, вице-губернаторами. Вернее, региональные советы возглавляли либо губернаторы, вице-губернаторы, либо представители элиты регионов.

Исполкомы, как правило, располагались на территориях, арендованных или просто предоставленных администрациями. Так что особых проблем не было. Единственная проблема связана с перспективами лидеров. Поскольку к началу 1998 года лидер стал уже полуофициальным преемником президента, замещал президента во многих отношениях, в частности встречался на уровне глав государств (в частности, известно, что в марте одной из последних встреч такого рода была встреча с Кучмой и Лучинским при подписании Приднестровских соглашений), проблема рассматривалась через призму, как расширить эту партию власти, не меняя ее статуса, технологии поведения, не сильно ее политизируя, даже сохраняя в качестве такой машины для голосования в Думе, в качестве приводных ремней в регионах, имея в виду, что базовая политическая технология — это опора на губернаторов и работа с губернаторами через правительство. Эта технология должна была, видимо, гарантировать увеличение представительства НДР в

следующей Думе. Но события марта заставили по-другому смотреть на вещи. К сожалению, за полгода не удалось ничего принципиально изменить. Только сейчас замечена некая активность в попытках определить политическое лицо НДР, превратить ее в политическую партию. В частности, на это направлены постоянные встречи в нашем движении. Десять дней назад мы собирались фракцией. Просто разговаривали о жизни. Никаких решений особых не принимали. На прошлой неделе была встреча с руководителями региональных советов, вчера — исполкомов. В этот четверг мы собираем совещание депутатов НДР всех уровней. У нас тридцать с лишним фракций в региональных законодательных собраниях. Цель всех этих мероприятий очень простая: как выработать, наработать материал для обновления НДР, создания имиджа нормальной политической силы, способной выходить на выборы, способной бороться за власть, опираясь прежде всего на политическую работу с избирателями, опираясь на правительство, губернаторов и так далее. Конечно, без поддержки губернаторов партия вряд ли выживет. Почему? Потому, что если те тридцать с лишним губернаторов, которые являются членами политсовета НДР, вдруг уйдут, то не будет стержня у НДР. Некоторые губернаторы уже смотрят на сторону. Скажем, вышел ярославский губернатор Лисицын. Я считаю, что это признание того, что НДР все-таки партия власти безотносительно названия. Лисицын выходил из НДР, мотивируя тем, что Шохин с Рыжковым не пошли в правительство и это дает ему основание выйти. Стало быть, Лисицын воспринимал НДР как партию власти, ориентированную на правительство, коль некая полуоппозиционность наметилась, лучше уйти из нее. Губернатору нужно решать вопросы. И Лисицын решал: с Гайдаром — был членом ДВР, с Черномырдиным — был членом НДР. Если бы у Примакова была своя партия, может быть, он записался бы и туда.

Вторая группа губернаторов вступала в НДР как в будущую партию власти и рассматривала Черномырдина как "сменщика", как преемника Ельцина. И в этой связи многие из этих губернаторов сейчас, оценивая возможности престолонаследия Виктора Степановича, и не всегда высказываются положительно. И поэтому они начинают смотреть на других лидеров. В частности, Титов в сентябре называл Лужкова как гораздо более приемлемого кандидата на пост премьера, нежели Черномырдина. Некоторые губернаторы считают, что надо просто устроить отбор претендентов на президентский пост из состава НДР, намекая в том числе и на себя, Аяцков например.

Все эти телодвижения, на мой взгляд, тесно связаны с самим понятием "партия власти", то есть это не просто плохое поведение тех или иных губернаторов, это генетические черты представителей правящей элиты, которые нельзя со знаком "плюс" или "минус" сейчас оценивать. Поэтому когда Виктор Степанович говорит, что-де кто-то там лизал ему залысину, а теперь критикует, то это, скорее, не персональные, а институциональные схемы поведения, на самом деле это было нормальное поведение. Губернаторы к премьеру относились хорошо, вступали в партию, потому что это была партия власти, возглавляемая Ельциным — Черномырдиным. И сейчас иногда суетливое поведение многих, может быть, определяется тем, что они хотят остаться в партии власти, но хотят понять, какова конфигурация этой партии власти, кто ее возглавляет, с тем чтобы не ошибиться.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. У НДР есть своя идеологическая ниша, она находится от центра вправо. Мы объявляли себя правоцентристским блоком не потому, что вышел такой указ президента, а потому, что, действительно, программа была прописана довольно четко, под ценности рыночной экономики, права и свободы человека с учетом, естественно, социальной ориентации государственного регулирования, элементов патриотизма — все там было как бы естественно правее от центра.

Поэтому сейчас не о новых программах, а больше о персоналиях речь идет, об отборе будущих властителей России из числа губернаторов и федеральных политиков (в том числе состоящих в НДР), ориентированных на ценности правого центра. Цель — найти "проходного" кандидата в президенты.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Если говорить о Примакове, то сейчас ситуация такая. Если президент уйдет раньше положенного срока, то, безусловно, естественным кандидатом от партии власти в президенты станет Примаков. Это даже не надо обсуждать. Тот факт, что вдруг эта тема появилась, особенно после вчерашних "Итогов", не должен вводить в заблуждение, это было ясно с самого начала. Потому

что Примаков всех устраивает, как премьер он может всех устроить как промежуточный вариант президента: преклонный возраст, прежде всего относительная незаангажированность на какие-либо политические силы. Его избирали не как реального премьера, здесь сработала формула Явлинского — премьер Примаков должен царствовать, правительство может приходить и уходить, в том числе в полном составе, за исключением премьера, а он должен стать фактическим вице-президентом, а "в случае чего" и исполняющим обязанности президента. Для партии власти это лучший вариант промежуточного решения вопроса с возможными досрочными выборами или регулярными выборами через пару лет, поскольку здесь возрастные ограничения могут сработать в пользу Примакова. Хотя после этого можно еще лет 20 прожить, но тем не менее психологически готовность выбирать самого старого существует. Помните, как папу римского Павла Иоанна II выбирали 20 лет назад. Считалось, что, как самый пожилой, долго не протянет. Никого из конклава кардинальского, который избирал папу, по-моему, уже не осталось в живых, а он как самый старый 20 лет царствует. Ну это, между прочим.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Сейчас, если я правильно рассуждаю, пойдет борьба за место второго человека в правящей элите. Тот факт, что Лужков обозначил свои намерения раньше времени, означает, что никто не уверен ни в своих силах, ни в возможностях электората, который может нарушить все предсказания о кандидатах и проголосовать не так, как указывают рейтинги, отсюда достаточно нервные телодвижения и со стороны Юрия Михайловича, Виктора Степановича. Кто аккуратней всех себя ведет — это, пожалуй, Александр Иванович Лебедь, который явно засел где-то в засаде и ждет, когда все передерутся между собой. Тем более что есть законы о людских пристрастиях: если Лужков будет первым идти в рейтингах три-четыре месяца, потом будет откат, то есть в этом положении уставать начнут от его первенства обыватели. В равной степени в этом положении может оказаться любой другой кандидат, чаще бывает так, кто последним выходит в лидеры, тот выигрывает.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Примаков как фигура компромисса всех может устроить. Мне кажется, что Виталий Третьяков в этом плане прав в своих анализах, обосновывая схему: Примаков, если я правильно помню, премьер, первый вице-премьер — Черномырдин, у него эта схема проецируется на следующую ступень: Примаков — президент, Черномырдин - премьер. В равной степени, по-моему, и Лужкову через некоторое время будет светить эта же комбинация: Примаков - президент, Лужков — премьер. Евгений Максимович, по-моему, достаточно аккуратно со всеми потенциальными премьерами, хозяйственниками себя ведет, поддерживает с ними ровные отношения. И поэтому вероятность такого варианта развития событий очень велика, тем более, если президент уйдет досрочно или Примаков без потрясений дотянет до середины 2000 года.

Я считаю, что вариант досрочного ухода президента вероятен. Если даже здоровье не будет решающим фактором, если здоровье будет держаться на приемлемом уровне, позволяющем президенту появляться в Кремле лишь иногда, работать, но не полный рабочий день — это не смертельно для его президентства. Вариант досрочных выборов возможен, на мой взгляд, в этом случае только один, одновременные выборы парламента и президента. В этом случае президент может сам выступить с инициативой, что надо разделить ответственность за ситуацию в стране между президентом и Госдумой, а это означает — одновременные досрочные выборы.

По Конституции есть два варианта ухода президента: если он жив-здоров, либо он добровольно отказывается от власти, либо импичмент. Все остальные случаи, в том числе стойкая неспособность исполнять обязанности, — это уже более сложный сюжет, так как в Конституции не описана технология и нет на эту тему закона.

Импичмент не пройдет. Это отдельная тема, мы ее можем затронуть. Импичмент сейчас — это формула политического шантажа, если угодно. Эта формула подталкивания президента к тому или иному варианту поведения. Если даже Дума проголосует импичмент, его остановит Верховный Суд или Совет Федерации, все равно политически это будет мощный таран, он по психике президента ударит сильно. Чтобы не допустить этого, президент может разменять свой уход с досрочными выборами Думы и реализовать схему разделенной ответственности

между парламентом и президентом, косвенно и правительством, поскольку оно тоже слагает полномочия перед вновь избранным президентом, Здесь формула ответственности всех ветвей власти срабатывает. Президент, кроме того, — это единственный человек (вернее, ветвь власти), который может провести эту формулу в жизнь, организовав досрочные выборы. Я не имею в виду конкретные таланты Бориса Николаевича (в чем не приходится сомневаться, конечно), я имею в виду правовую схему. Если президент решит организовать, вернее, если мы все решим организовать параллельные досрочные выборы, эта формула запускается только по инициативе президента. Нужно распустить парламент, президент может распустить парламент по следующим конституционным основаниям: двойной вотум недоверия со стороны Думы, либо отказ в доверии, если вопрос о доверии ставится самим правительством, либо трехкратное отклонение кандидатуры премьера. Самый короткий путь — отказ в доверии. После роспуска Думы президент уходит в отставку. Появляется возможность совмещения дат выборов. Но при этом, правда, оказывается, что у нас Дума будет распущена, правительству отказано в доверии, вместо президента премьер становится исполняющим обязанности президента, что тоже, в общем-то, не сильно улучшает позиции правительства и исполняющего обязанности президента как возможного кандидата в президенты. Но если всем будет понятно, что это формула согласия, что за этим не стоит ничего другого, кроме попытки развязать узел политического противостояния, в том числе не стоит реального недоверия правительству, то ничего страшного не будет. Тогда одновременные выборы могут состояться в один день, скажем в сентябре-октябре 1999 года.

Какой выигрыш можно получить, кроме финансового, при одновременных выборах? Выигрыш, на мой взгляд, в том, что одновременные парламентские и президентские выборы заставят всех консолидироваться вокруг ограниченного числа кандидатов в президенты. Если на парламентские выборы потенциальные союзники идут отдельно, как правило, устраивая из парламентских выборов рейтинговое голосование, как было в 95-м году, и лишь после декабря 95-го года в январе стала формироваться коалиция в поддержку Ельцина как кандидата при одновременных выборах, этот процесс сразу пойдет. Если вы состоите "в партии власти" и, допустим, премьер и и.о. президента Примаков идут на выборы, то несколько политических партий, идущих на выборы парламента самостоятельно, неизбежно вынуждены будут договариваться по одномандатным округам, не будут "мочить" друг друга. То есть будет схема мягкого сотрудничества, мягкой коалиции, неизбежно, наверное, действовать так, потому что, если один кандидат у вас в президенты, а вы друг с другом боретесь — это нонсенс. Идите на выборы отдельными списками, но согласовывайте своих кандидатов в округах, не боритесь между собой, боритесь с кандидатами в Думу, поддерживающими других кандидатов в президенты.

Вот формула, которая может быть использована этим единым кандидатом в президенты. Эта формула позволяет делать прогноз, что у Примакова шансы выше, чем у других кандидатов, как у премьера. Кроме того, вряд ли, на мой взгляд, Лужкову удастся подобрать электорате коммунистов, потому что коммунисты это сделать не позволят. Не случайно Геннадий Андреевич заманивает на свою территорию Юрия Михайловича. Он явно готовится на своей территории дать ему бой, пытается на самом деле убрать с политической площадки потенциального соперника, который может забрать левый электорат. Юрий Михайлович, на мой взгляд, уходя влево, как бы забредает в болото, где троп не сыскать. Зюганов говорит: да, Юрий Михайлович — замечательный человек, хозяйственник крепкий, в Москве результаты есть. Допустим, съезд принимает решение: идет пара Зюганов — Лужков. Зюганов -президент, а Лужков — премьер. Что после этого делать Юрию Михайловичу? Бежать назад к правым? Там его уже не будут ждать. Поэтому игра на левом крае для Лужкова, в отличие от футбола, в политике бесперспективна.

Зюганов продемонстрировал еще одну вещь, которую я пытаюсь Виктору Степановичу Черномырдину в пример поставить. Зюганов, говоря о том, что кандидат Лужков — хороший кандидат в президенты, да и Селезнев — неплохой кандидат, дает понять, что ему не важно, кто будет от левого блока кандидатов в президенты, для него гораздо важнее победа любого кандидата от левых. В принципе он демонстрирует готовность обсуждать саму возможность, что не он будет таким кандидатом, не исключая, что это маневр. На эту удочку и Геннадий

Николаевич Селезнев уже попался. Во-первых, Лужков уже его опередил, во-вторых, Зюганов дал понять, что он особо-то и не претендует на роль кандидата от левых. Поэтому, естественно, Селезнев задал вопрос: "При чем тут Лужков, когда есть я? Если Зюганов не настаивает, давайте меня двигать в президенты от левого блока". Конечно, Зюганов будет настаивать наверняка, в том числе потому, что в КППРФ существуют два крыла: консервативно-радикальное и умеренное — социал-демократическое. Вряд ли Селезнев и Лужков устроят радикалов типа Илюхина, которые им многое припомнят. Это сделал уже, кстати, Жириновский при обсуждении кандидатуры Лужкова в качестве возможного кандидата в премьеры в сентябре. Он сказал: "Вы, коммунисты, считаете, что Лужков лучше Черномырдина, он же вас вместе с Черномырдиным в октябре 93-го расстреливал". Радикалы в КППРФ и НПСР наверняка резко выступят против умеренных кандидатов в президенты. Этим и может воспользоваться Геннадий Зюганов. То есть Геннадий Андреевич, внешне демонстрируя свою готовность за идею пострадать и отказаться от председательства, может обвести всех вокруг пальца. Может, я ошибаюсь, но у меня такое ощущение, что он крепкий орешек.

По сути, я Виктору Степановичу Черномырдину предлагал в другой форме ту же схему поведения. Не надо высываться с президентскими заявками. Коалиция решит в крайнем случае, определив рейтинг, через выборы в Думу, кто более достоин быть кандидатом в президенты. Я ему говорил: "Виктор Степанович, надо опередить всех, надо не дать Зюганову эту идею, ноу-хау запатентовать". Я его предупредил, что Зюганов с этим выступит в ближайшее время. Вы должны быть автором этой идеи, вас должны рассматривать как главного примирителя и объединителя. Но он не воспринял.

Кстати, основная проблема общения с Виктором Степановичем заключается в том, что он каждую мою инициативу воспринимает как поползновение на его прерогативы. В итоге проходит чересчур много времени, прежде чем он понимает, что я его не подсиживаю, не подставляю и не ставлю на другую лошадь. Когда лидер говорит, что Шохин не предатель, не враг, не интриган, спасибо скажу, что так высоко меня оценил. Но словесный ряд этой оценки означает, что кто-то сидел рядом и говорил: "У-у-у, предатель, интриган, вражина..."

ВОПРОС.

Александр Николаевич, если будут одновременные выборы парламентские и президентские, то следующий состав Думы и следующий президент будут левыми или правыми?

ШОХИН А.Н. Если появляется согласие, что надо проводить одновременные выборы, должно появиться согласие по схеме этих выборов. Она была заложена в политическое соглашение, которое было сорвано 30 августа по той причине, что кто-то близкий к президенту дал понять Геннадию Зюганову, что если меньше 100 голосов будет за Черномырдина, то следующим кандидатом будет Лужков. В этом соглашении было написано, что стороны в месячный срок внесут согласованные поправки к Конституции. Те поправки, которые мы провалили на прошлой неделе, не согласованы с ветвями власти, они односторонние, все они путаные страшно. Так Конституцию мы уже меняли на съездах народных депутатов, когда длинная очередь к микрофонам в Большом Кремлевском дворце стояла и с голоса съезд до сотни-другой поправок принимал. Сейчас хоть процедура усложнена, но тем не менее схема похожа — ведь нет предварительного обсуждения и юридической экспертизы поправок и в результате часто получается черте что.

Вот, к примеру, поправка о вотуме недоверия отдельным членам правительства. Если вы назначаете членов правительства, а предыдущая поправка как раз о том, что Дума дает согласие на назначение ключевых членов правительства, и тут же предлагаете выражать вотум недоверия отдельным членам правительства по процедуре, которая вынуждает президента уволить члена правительства, если дважды Дума проголосовала вотум недоверия этому члену кабинета. Что это за премьер, что это за правительство с такими "полуподвешенными" министрами? Было бы логичнее в этом случае настаивать на парламентской схеме формирования кабинета. Парламентское большинство формирует правительство, а если большинство формирует кабинет, то тогда какие вотумы недоверия, если большинство устойчивое? То есть в одном пакете поправок наблюдаются многочисленные противоречия. Или, скажем, поправки о перераспределении полномочий между палатами. Дума решила забрать у верхней палаты право назначать судей Конституционного и Верховного Суда, Генерального прокурора.

Ясно, что это тупиковый путь, ничего, кроме политического конфликта, тут не просматривается. Поэтому надо сторонам — президенту, правительству, Думе и Совету Федерации — сесть, определить минимальный набор поправок, который можно быстро провести и ратифицировать в субъектах Федерации, и тем самым до новых выборов — президентских и парламентских — можно будет определить новые параметры государственного устройства и выборной системы.

Если Зюганов поставит свою подпись под соглашением, то все необходимые подписи там появятся, и оно начинает действовать. После этого собирайте "круглый стол", процедура известна: 8 человек от Думы, 8 от Совета Федерации, 4 человека от правительства, президент, глава администрации, 2 профсоюзных лидера. И определяйте порядок: кто вносит, в какие сроки, как обсуждаются поправки, надо ли собирать Конституционное Собрание. С Конституционным Собранием вообще бред какой-то получается.

Конституционное Собрание, по замыслу авторов Конституции, — это усложненная форма принятия поправок к Конституции. Анализ показывает, что на самом деле это упрощенная форма. Чтобы внести поправку к Конституции по главам 3—8, нужно большинство в 2/3 Думы, большинство в 3/4 Совета Федерации и 2/3 субъектов, которые должны ратифицировать их, чтобы поправка была принята. Если же вы хотите изменение глав 1, 2, 9, где изложены основы государственного устройства, где написано, что Россия — это республика, а не монархия, где прописаны права и свобода, то изменить эти статьи оказывается намного проще.

Конституционное Собрание собирается в случае, если 60 процентов Думы, 60 процентов Совета Федерации голосует за это, что составляет 3/5 от состава, видимо, кто-то плохо просто разобрался, что 2/3 - это больше 3/5. Цифры вроде посерьезнее, не двойка и тройка, а тройка и пятерка. Таким большинством принимается решение о необходимости изменения базовых глав Конституции, после чего собирается Конституционное Собрание, которое, если примет решение, что эти главы нужно менять, имеет право переписать всю Конституцию, просто новый текст выдать. И принимается эта Конституция 2/3 этого Конституционного Собрания. Легко убедиться, что это упрощенная процедура. Поэтому, кстати, коммунисты настаивают на немедленном принятии закона о Конституционном Собрании — после этого можно быстро внести поправку в главу 9. Глава 9 — это порядок изменения Конституции, после чего соберется Конституционное Собрание и скажет, что вообще надо всю Конституцию переписывать. Кто за? — За! — Сели, переписали.

Можно в такой форме очень быстро изменить государственный строй в России.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Первая отставка у меня была похожа на хлопанье дверью, хотя вполне обоснованное. Дело в том, что буквально за 5 минут до того, как я заявил о своей отставке, состоялся закрытый президиум правительства, где обсуждались итоги "черного вторника", результаты расследования комиссии Лобова. В частности, меня критиковали как министра экономики, который не обеспечил контроль за торговыми сессиями на валютной бирже и допустил 25-процентное за сессию падение рубля.

Лобов явно хотел контролировать Минэкономики и своего зама по Совбезу Трошина в министерское кресло посадить. Как вице-премьер, курирующий экономику и финансы, я должен был, естественно, Минфин контролировать, но должным образом не делал этого и так далее.

Я на этом заседании сказал: «Хорошо, готов нести ответственность, даже потерпеть строгий выговор "с занесением" при одном условии: я буду, действительно, отвечать в полном объеме за Министерство финансов. В частности, все решения о ежемесячном финансировании, принимавшиеся ранее министром финансов вместе с премьером без моего участия, с завтрашнего дня — только с моим участием. Это первое. Второе. Назначение новых министров: министра финансов и министра экономики — должно проводиться только по согласованию со мной. Если эти условия будут выполнены, готов нести любую ответственность. Если нет, тогда увольте».

После этого я иду на пресс-конференцию, а мне говорят: "Министр финансов назначен. Что будете делать?" Я говорю: "Ну, если это действительно так, мне ничего не остается делать, как уходить в отставку". Ведь только что на заседании президиума я изложил свою точку зрения. Моя позиция заранее известна была. То есть хлопанья дверью не было, а было последовательное отстаивание своей точки

зрения.

Первый раз Евгений Максимович предложил мне пост вице-премьера где-то за полчаса до голосования по его кандидатуре. Я был простужен, с трибуны сошел после выступления и пошел сморкаться, извините за подробности. Прохожу мимо ложи правительства, Примаков за рукав поймал: "Александр Николаевич, вице-премьера по социальной политике хочу предложить вам". Я отвечаю: "Евгений Максимович, спасибо, но не пойду в правительство". — "Почему?" — "У вас, наверное, правительство левым будет". — "Будет, — говорит, — потому что вы все отказываетесь".

Я понял, что он уже предлагал портфель Григорию Явлинскому. Тут мне Геннадий Николаевич сделал замечание за то, что я отвлекаю премьера, поэтому у нас разговор на этом кончился.

В понедельник днем звонит Черномырдин: "Тебе позвонит сегодня Примаков и будет предложение делать". Я отвечаю: "Да он же его мне делал". — "Ну может еще что-нибудь предложит. Я тебя прошу, не отказывайся сразу". Примаков действительно звонит. Приехал я к нему вечером уже: "Я хотел вам предложить пост первого вице-премьера по социальным вопросам". Я говорю: "Социальные вопросы — это полное отсутствие влияния на процесс принятия решения по курсу правительства, поэтому, несмотря на повышение статуса, я вынужден отказаться" (кстати, именно этот пост первого "вице" по социалке имел в виду Черномырдин, так как Примаков ему об этом сказал). Но Евгений Максимович продолжал: "Я передумал. Я хочу вам предложить стать вице-премьером по финансовым вопросам. Вы как?" Я ответил, ну теперь хоть предмет появляется для переговоров. Давайте, говорю, обсудим условия найма. Многие мы обсудили, разговор длился два часа. В качестве первого условия, ссылаясь на свой прошлый опыт, я выставил требование, чтобы все назначения в "моем" блоке проводились по согласованию со мной. Право любого премьера напрямую работать с министром финансов, поэтому для меня ключевой вопрос: кто министр финансов, если мы с ним в паре работать не будем, это означает, что я не контролирую Минфин.

"Это я вам обещаю. Я даже отдельно без вас встречаться с министром финансов не буду", — заявляет мне в ответ Примаков. "Вот этого не надо. Вы должны ключевые вопросы решать с министром, но чтобы я не боялся подвохов от этой схемы. Министр финансов должен быть моим единомышленником и назначен по моему представлению", — говорю я. "Согласен", — отвечает премьер.

Второе. Курируемый блок: Минфин, Госналогслужба, налоговая полиция, таможня и имущественный блок: Мингосимущество, РФФИ, Федеральная служба по делам несостоятельности. Премьер согласился и с этим.

Указ о назначении еще не подписан. На следующий день звонит Примаков, говорит: "Маслюков хочет имущественный блок забрать. Может, вы с ним договоритесь?" Я пошел договариваться. Я Маслюкову говорю: "Юрий Дмитриевич, логика подсказывает следующие схемы. Раньше была пара Чубайс — Сосковец, может так и договоримся, я Чубайсом работаю, а вы — Сосковцом. Все всем будет понятно". Более того, я готов на схему, когда первый вице-премьер курирует рядовых вице-премьеров. Булгак отвечает за промышленность, я - за экономику и финансы. А над нами очень важный Маслюков будет сидеть.

«Нет, — отвечает Маслюков, — мне Примаков сказал, что каждый "вице" курирует свой блок, все выходят на премьера». Я говорю: "Тогда будем делить хозяйство: доходно-имущественный блок должен быть у меня, иначе трудно проводить единую финансовую политику". — "Нет, — говорит, — надо собственность использовать, чтобы инвестиционные проекты реализовывать, значит, имущественный блок — мы оба правы".

Не поделили. Я доложил Примакову, что не получается, что нарушаются наши с ним договоренности. Он через полдня звонит: "Я вам отдаю имущественный блок, забирайте".

В тот же день вечером сидим на совещании у Примакова — распределение обязанностей согласовываем с Маслюковым. Дошли до Мингосимущества. Вдруг Примаков заявляет: "Мингосимущество я забираю себе, поскольку вы не договорились".

Еще один интересный сюжет. Сидим мы у Бориса Николаевича Ельцина. Президент дает следующий комментарий: "Я так понимаю: у Шохина два главных министра: министр экономики, министр финансов. Надо сейчас обсудить кандидатуры".

Евгения Максимовича немного перекосило: "Борис Николаевич, Минэкономики у

нас курирует Маслюков". Борис Николаевич: "Как это? Все время один человек курировал Минфин и Минэкономики".

Чувствуя неловкость, говорю: "Борис Николаевич, у нас Минэкономики год с лишним стало сложным ведомством. Там и макроэкономика, и промышленность, включая оборонку. Промышленность с оборонкой — Маслюков курирует, а макроэкономике — я. Мы вдвоем с ним будем курировать это министерство, мы с ним договоримся. Но вы в принципе правильно ставите вопрос, как надо поделить функции между мной и Маслюковым". Пытаюсь развить успех и, обращаясь к президенту и премьеру, спрашиваю: "Кто у нас отвечает за разработку экономической программы, программы выхода из финансового кризиса? Было бы правильно сразу решить этот вопрос, чтобы путаницы потом не было".

На что Евгений Максимович говорит: "За эту программу я отвечаю". Я опять спрашиваю: "А кто у нас будет руководить комиссией по экономической реформе?" Тот же ответ. То есть просматривалось желание затуманить этот вопрос о распределении обязанностей. Четкого распределения Примаков не хотел вводить, чтобы не обижать коммунистов, не обижать Маслюкова — за ним коммунисты как близкая к большинству группа в Думе, во-первых. Во-вторых, у них личные, старые отношения — на одной скамейке как кандидаты в члены политбюро сидели. Действительно, личные отношения хорошие. В-третьих, когда решался вопрос о правительстве, когда Маслюков, Черномырдин и Примаков ходили к президенту и вместе, и поврозь, и попеременно, то вроде бы решили: Маслюков — старший экономист в правительстве. Вопрос как бы не обсуждается.

Вот по всем этим причинам моя позиция с самого начала была не сбалансирована Маслюковым: я не должен был его уравнивать, а должен был решить конкретную задачу — быстро начать переговоры с МВФ и прочими структурами и принести деньги МВФ в бюджет, договориться с кредиторами об отсрочке долга.

А тут еще выяснилось, что мне не удастся министра финансов своего поставить. Столько вариантов, сколько я предложил премьеру, вообще трудно было придумать. Я даже предлагал ему Панскова посмотреть на этот пост, того самого Панскова, из-за которого я ушел в 1994 году. (Пансков позже мне говорил, что я правильно сделал, я бы сам ушел, если бы мне назначили министра финансов без согласования со мной как вице-премьером.)

То есть была схема идеологически близкого министра, была схема технического министра, который будет под моей идеологией работать. Был и крайний вариант — совмещение в течение 3—4 месяцев исполнения обязанностей вице-преьера и министра финансов. Совмещал же Чубайс полгода эти функции в 1997 году. Ничего не подходит.

Накануне отставки, вечером был предложен и неожиданный вариант — Примаков предложил, ссылаясь на Бориса Николаевича, взять министра финансов из Московского правительства. Конкретно он Евтушенкова предложил.

Я ему на это сказал: "Евгений Максимович, мне с вами разговор нужен не по телефону, нужны новые вводные по политической ситуации".

В итоге кончилось тем, что он встречался с Росляком, поскольку я его убедил, что для бюджета и межбюджетных дел Юрий Росляк более подходящая фигура от Москвы. Звонит мне в четверг вечером: "Росляк отказался. Я буду предлагать президенту Задорнова". Я прошу: "Евгений Максимович, не делайте этого, пока со мной не переговорите". — "Завтра, — говорит, — переговорим". После чего, как позже выяснится, он звонит Задорнову и сообщает ему о своем решении,

На следующий день, наутро, я, еще не зная этого, пошел к нему, как договаривались. Час проговорили. Я ему все объяснил, предложил схему, вариант, который я считал компромиссным: "Два месяца или до конца года я исполняю обязанности министра. Это будет самое тяжелое время. Вы меня можете уволить через три месяца как несправившегося. На бюджет предлагаю Татьяну Нестеренко. Задорнов, если вам он нужен, — министр без портфеля, то будет бюджет помогать делать, в Думе будет его пробивать". Я ему все аргументы изложил, сказав, что он сделает политическую ошибку, поступая вопреки моим аргументам. Ведь проблема не во мне, а в правительстве в целом. Нам через некоторое время придется объяснять причины преемственности вашей политики и политики "имени 17 августа".

И кроме того, говорю вам честно и открыто — я не хочу иметь министра финансов, которого я не контролирую, с которым я не работаю в одной команде. Я с ним не буду по одной причине работать. Я сразу заявил, еще до прихода в правительство,

что он виноват в финансовом грехе и поэтому должен уйти. Задорнов на меня обиделся за эти слова. И поэтому, когда я пришел в правительство, он все делал, чтоб в обход меня решать свои вопросы.

Классический пример по ГКО. Я его попросил по реструктуризации ГКО никаких публичных заявлений не делать, никаких схем не объявлять, пока не проведем переговоры. Все схемы должны обнародоваться только как результат наших переговоров с держателями госбумаг. Прошел день, он собирает пресс-конференцию, объявляет схему реструктуризации ГКО, чтобы показать свою активность.

Но вернемся к нашему последнему разговору с Примаковым. В конце беседы он предложил схему: "Оставайтесь и работайте. Сделаем вид, что ничего не произошло. Но если уж останетесь, то больше в отставку не подавать". Я ответил, что два раза уходить не смогу и вы меня уважать не будете и я сам себя не буду, если буду просто шантажировать отставкой.

Вы же сами мне подсказываете, как действовать. Если я сейчас остаюсь, все уже, у меня повода для отставки не будет, даже если я буду сто раз прав, у меня возможности уйти уже не будет. Я уже выпустил эту единственную стрелу, она уже в полете: либо в цель, либо мимо.

У меня такое впечатление, что Евгений Максимович не ожидал жесткости с моей стороны, может быть, потому, что мы обсудили еще несколько сюжетов и тем. Поэтому, когда я уходя сказал: "Очень хотел с вами поработать, жаль, что не получилось", — он, по-моему, решил, что это я так, для красного словца. Говорят, шок у него был от моего публичного заявления, так как не ожидал, хотя я целый день посвятил переговорам, весь день полностью. Я только отклонился, наверное, на две встречи: одна встреча была с МВФ — заключительная встреча перед отъездом миссии из Москвы, а вторая была по нефтяным делам. Все остальное время я только на переговоры потратил.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Правительство более однородное, безусловно, теперь. Тот факт, что и Примаков, и Маслюков пришли к выводу, что на моем месте никто не нужен, — это лишь еще одно подтверждение моей правоты. Это искусственная была позиция финансового "вице" без реальных полномочий.

ВОПРОС.

Это окончательное решение? Тем более потребности в вице-премьере, который будет реально отвечать за бюджет, за переговоры с МВФ, есть?

ШОХИН А.Н. Потребность была и есть. Но еще раз подчеркну, важен контроль над Минфином.

Меня спрашивали после назначения Примакова, в субботу какие-то доброжелатели звонили, спрашивают: на какую должность — вице-премьера, министра — вы пойдете в правительстве? "Первое предложение, с которого я готов начинать переговоры, — это министр финансов, - отвечал я. — Либо вице-премьер с Министерством финансов в придачу, другого ничего не надо".

В этом правительстве мне, честно говоря, работать изначально не очень хотелось. И я согласился только потому, что условия найма были приемлемыми.

Первый мой разговор с Примаковым более двух часов продолжался. Присутствовал Юмашев, потом Маслюкова позвали, вроде обо всем договорились. Очень длинный был найм. Это несмотря на то, что Черномырдин меня активно заталкивал именно в это правительство в любую должность, не ниже вице-премьерства и на что угодно: на сельское хозяйство, на социальную сферу.

Не знаю, почему это ему было так важно? То ли это знаковое для него назначение, чтобы миру продемонстрировать, что он выдвинул Примакова и посылает своих людей, и, значит, это его правительство, и Примаков в этом смысле — младший партнер, а он — как бы патриарх типа Дэн Сяопина, который решает, кого назначать и так далее.

Может быть были и другие соображения.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Уроки 1998 года заставляют нас по-другому смотреть на процесс формирования правительства.

Все правительства, менявшиеся на протяжении 1998 года, судорожно начинали склеивать программу, формировать программу и недели, месяцы тратили на подбор команды для реализации этой программы.

Очевидно, что мы сейчас подошли уже практически к другому варианту

формирования правительства и выхода из политического кризиса.

Уважающие себя политические силы должны иметь известную обществу программу и дать представление о команде, которая будет реализовывать эту программу как правительство.

В этой связи, думаю, что нам, "Нашему дому — Россия", мне, как экономическому идеологу "Нашего дома — Россия" и недавнему вице-премьеру, придется заниматься формированием программы, причем речь не идет о документах на 100 страниц. Речь идет о программе действий по решению конкретных проблем, волнующих людей. Как быть с защитой вкладов и выходом из банковского кризиса? Как быть с решением вопросов, связанных с расшивкой неплатежей, как реформировать налоговую и пенсионную системы и так далее?

На каждый вопрос должны быть даны ответы.

И, кроме того, за каждым направлением деятельности теневого кабинета, если хотите, должна стоять внятная, пользующаяся доверием людей фигура. Эта идеология теневого кабинета со своей программой действий должна реализовываться, наверное, всеми политическими силами. Уже нельзя просто реагировать на харизму того или иного лидера и гадать — а что он будет делать, когда придет к власти?

Сейчас мы об основных кандидатах в президенты не знаем главного — что они будут делать, став президентом. И именно поэтому элемент испуга есть по отношению практически к любому кандидату. Этого не должно быть. Идеология теневых кабинетов и заранее заявленных программ действий должна какое-то успокоение в умы граждан внести. Не лозунги, не общие заявления о том, что мы знаем, как делать, только изберите нас, а конкуренция программ, конкуренция команд. Естественно, тогда и правительство должно сформироваться не по принципу с каждого бора по сосенке либо по принципу Ноевого ковчега — каждой твари по паре, а на основе формирования правительства из команд, могущих реализовать свои программы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич! До того, как Виктор Степанович вновь был призван президентом, был слух о том, что идут политические переговоры об объединении Лужкова, Лебеда и Черномырдина следующим образом:

Черномырдин — президент, Лужков — премьер, а Лебедь — вице-президент при поправке к Конституции. Вот под эту троицу готова олигархия поставить и дать средства на выборы. Изменилась ли расстановка сил после произошедшего?

ШОХИН А.Н. Безусловно, изменилась. Во-первых, многие олигархи стали экс-олигархам и. А многие из тех, кто был олигафрендом, то есть другом олигархов, отмежевываются от них. Много воды утекло с июля. Во-вторых, речь шла об абстрактных схемах — как бы нам выстроиться в 2000 году.

Абстрактные договоренности могут быть достигнуты. Но как только Черномырдин стал реальным кандидатом в премьеры, по-разному повели себя те люди, с которыми, по слухам, велись переговоры и выстраивались иерархические схемы по принципу — кто какой портфель заберет.

Поэтому я, честно говоря, не очень верю в абстрактные договоренности. Пока речь не идет о реальной власти, все получается, как только доходит до реальной власти — сразу позиции меняются.

Поэтому очень важно, чтобы кто-то проявил инициативу, чтобы кто-то говорил не по формуле: "Я вынужден буду участвовать в президентской гонке, если достойных кандидатов не будет", а чтобы кто-то мог бы сказать: "Я не буду участвовать в президентской гонке при условии, что такой-то политик готов будет идти в президенты на таких-то условиях, а вот этот будет готов на определенных условиях идти в премьеры". Кто первый из великих реализует эту схему, тот станет спасителем Отечества.

БЕГ ПО ГРАБЛЯМ -ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

("МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 21 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА, Н. ШИПИЦЫНА)

—Александр Николаевич, вы отдавали себе отчет, что Примаков позвал вас в правительство на роль витрины для Запада, демонстрирующей лояльность России и преемственность ее экономической политики? Да еще чтобы ездить за деньгами МВФ, поскольку остальные молодые реформаторы успели дискредитировать себя?

—Соглашаясь уйти в правительство Примакова, которому многие давали недолгий век, я думал: если у меня в руках будет весь финансовый блок, стало быть, будет достаточно и рычагов влияния. Так что если провалю дело, то исключительно по собственной вине. Мне казалось, что Шохин нужен Евгению Максимовичу как специалист по финансово-экономическим вопросам, который может и команду набрать, и что-то предложить. Но потом выяснилось, что моя основная функция — стать "переговорщиком", чтобы иностранцы на встречах видели знакомое лицо (я почти три года был управляющим от России в МВФ и многих знаю в лицо) и не боялись давать нам займы.

—То есть ваш уход из правительства — банальная обида. И вы демонстративно вышли из игры, громко хлопнув дверью?

—На самом деле дверью никто не хлопал. Об отставке я заявил лишь через 9 часов после того, как проинформировал о своем намерении Евгения Максимовича. Утром мы долго беседовали, и я поставил его перед фактом: если он назначит министром Задорнова — уйду. Ведь я дал согласие занять этот пост на определенных условиях, среди которых было обязательное согласование со мной кандидатур на все посты в финансовом блоке, и прежде всего министра финансов. Так что со стороны Евгения Максимовича Примакова это было невыполнение условий найма на работу. Хотя мне очень не хотелось уходить.

—То есть правильно говорят, что вы ушли именно из-за того, что не получилось взять в свои руки все государственные финансы?

—А я и не скрывал, что хочу контролировать Минфин. И вовсе не из-за прихоти, а потому, что мне предстояло за него отвечать. В конце года за провалы в денежной политике всегда спрашивают с вице-премьера, курирующего финансы, то есть с меня...

—Ну и контролировали бы: ведь занимали более высокий пост, чем Задорнов!

—За 10 дней работы я понял, что с Михаилом Михайловичем мне будет очень трудно. Он не хотел и не выполнял мои указания: наметки чрезвычайного бюджета на четвертый квартал я смог выудить у него только через несколько дней — после многочисленных просьб; так и не смог добиться согласования со мной схемы реструктуризации ГКО. Между прочим, я вел переговоры, а Минфин параллельно озвучивал свои подходы.

Я даже знаю, почему у Михаила Михайловича не было желания работать со мной одной команде. Уже будучи вице-премьером, я публично заявлял, что очень сомневаюсь в целесообразности его назначения министром финансов — в силу его причастности к событиям 17 августа. Он об этом, разумеется, знал и очень обижался.

Уже второй раз ухожу из правительства из-за министра финансов...

—А говорят, в одну воронку две бомбы не падают...

—Я бы сказал, что кое-кто второй раз наступил на одни и те же грабли. Они ("команда" Примакова. — Ред.) хоть бы биографию мою внимательнее читали!

—Теперь вы смотрите на все старания правительства со стороны. Ну и как, по-вашему, поможет нам выйти из кризиса программа Юрия Маслюкова?

—Беда в том, что это вообще не программа, а набор мер. Отсутствие у авторов определенной идеологии уже привело к тому, что на стол правительству легли два абсолютно разных документа: проект бюджета и программа экономического развития в табличной форме. При этом они не сошлись в цифрах, потому что готовились разными командами: бюджет верстали в Минфине, а над программой работали люди Маслюкова в Минэкономике. Произошло как раз то, о чем я говорил Евгению Максимовичу: надо было назначать одного человека, ответственного

засвидетельствование всех элементов в общую программу. А то даже спросить не с кого. С Дубининым и Задорновым у меня всегда были хорошие отношения. Однако после 17 августа я открыто требовал отставки и того и другого. Если они совершили ошибку на грани преступления, то почему я должен руководствоваться формулой "чужой сукин сын — свой сукин сын"?

—Хорошо: если смотреть на программу как на набор мер, что бы вы изменили в ней, будь у вас такая возможность?

—Безусловно, там есть здравые вещи. Это касается и реструктуризации долгов, и некоторых предложений в налоговой сфере. В частности, это уменьшение НДР с 20 процентов до 15. Правда, в таком случае снижение налога придется компенсировать налогом с продаж или так называемым вмененным налогом (в худшем варианте — инфляционным налогом). В условиях резкого падения поступлений в бюджет (даже в условиях инфляции не заметно улучшения собираемости налогов) понятно, что покрыть дефицит бюджета можно только эмиссией. Поэтому сейчас любое снижение налогов надо обосновывать или же сочетать, скажем, со льготными займами от МВФ и Всемирного банка — самыми дешевыми и длинными деньгами. Не нравится мне в этой программе гораздо больше.

—Это касается национализации коммерческих банков и создания единого Госбанка?

—Была в Белом доме такая идея — создать Госбанк реконструкции и развития на базе банков-банкротов. Никакого смысла в этом не вижу и поэтому постараюсь убедить Юрия Дмитриевича Маслюкова в том, что, если уж ему так нужен подобный холдинг, создавать его надо на основе банков с госучастием. Известно, что в капиталах Сбербанка и Внешторгбанка участвует Центральный банк. Есть еще несколько банков, в которых участвует правительство. Это Российский экспортно-импортный банк, Российский банк реконструкции и развития, Банк развития предпринимательства и так далее. По моему твердому убеждению, участие государства сегодня в этих банках недостаточно эффективно.

—Вы тут назвали Росэксимбанк. Помнится, не так давно говорили, что именно Александр Шохин пролоббировал его создание?

—Так я этого никогда не скрывал. Это входило в мои обязанности как вице-премьера — способствовать созданию институтов развития. До сих пор считаю, что государству нужен свой банк, плотно занимающийся поддержкой национального экспорта. Ведь российский экспорт не может быть только сырьевым или экспортом оружия — даже при скупых возможностях бюджета надо искать варианты поддержки нашего гражданского машиностроения. Ведь иностранцы на эти отрасли точно денег не дадут: зачем им поощрять конкурентов?

—О каких деньгах вообще идет речь? На последних переговорах с МВФ западные финансисты, кажется, жестко дали понять России, что им надоело выбрасывать деньги на ветер!

—МВФ сейчас, как ежик в тумане: почему он выбрал Бразилию, дав ей 40 миллиардов долларов, а нам отказал, — объяснить очень сложно. Конечно, в выходе Бразилии из кризиса американцы заинтересованы больше, поскольку и денег туда вложено больше. Но тут есть и психологические нюансы. У специалистов фонда возникли сомнения, что наш чрезвычайный бюджет на четвертый квартал — это и есть экономическая программа правительства. Хотя казалось бы: Задорнов лег под МВФ полностью, принял все предложения с введением еще более высоких налогов — это же не бюджет, а мечта МВФ! И все равно не поверили. А теперь, когда они увидят, что его еще и отозвали...

Комментарий "МК". Согласно предложению министра финансов, в проекте чрезвычайного бюджета фигурировали грабительские тарифы на экспорт энергоносителей и увеличение налогообложения нефтедобычи. На фоне снижения мировых цен на нефть это привело бы к неминуемому банкротству предприятий отрасли. Поэтому — под давлением нефтяников — Задорнову пришлось отозвать бюджет из Государственной Думы.

20 октября группа Маслюкова должна была представить программу первоочередных антикризисных мер. Весь ноябрь уйдет на их обсуждение. Так что до конца года от МВФ мы точно не получим ни цента.

—Получается, что реально правительству взять денег неоткуда. Зато поговаривают, что власть готова пойти на ограничение хождения доллара...

—Такая политика может привести к появлению черного рынка. Надо будет вновь восстанавливать статью Уголовного кодекса за валютные спекуляции и бороться с

фарцовщиками.

Правительство должно решить несколько проблем. Первая — курс. Он должен быть рыночным, чтобы магазины не устанавливали цены по цене черного рынка, а банки не принимали доллары по официально заниженной планке. И вторая — люди должны иметь право отнести свои долларовые сбережения в надежный банк и получить какой-то процент. Это форма защиты от инфляции: в день крупной покупки можно снять деньги по гарантированному, предсказуемому курсу, который не изменится, пока ты дойдешь до магазина.

По сути, стабильный курс и право иметь валютные вклады делают бессмысленной саму постановку вопроса о хождении доллара внутри страны. Расплачиваемся-то мы все равно рублями.

—А в случае вывоза валюты за рубеж?

—Безусловно, если кто-то копит на отдых, на лечение или на образование, он должен иметь право эти деньги спокойно вывезти.

А контролировать вывоз валюты можно по-разному. Ввести декларирование, например. До 500 долларов — без всяких справок, а свыше — с выпиской со счета в том банке, где ты обслуживаешься. И вовсе не из Центрального банка, как это предложено в некоторых правительственных проектах: мыслимое ли дело, чтобы люди со всей страны стояли в очереди в Центробанк за справкой!

—Как вы думаете, сколько будет стоить доллар в конце года?

—Не зная политику правительства, нельзя делать какие-то прогнозы. В программе Маслюкова мне не нравится избыток запретительных мер. Особенно в сфере валютного регулирования. Хорошо, что в прессу прошла утечка информации, и теперь многие просто поостерегутся это делать.

—Тогда почему Задорнов сделал заявление, что доллар будет стоить 23 рубля?

—Он тогда представлял чрезвычайный проект бюджета на четвертый квартал. Но Михаил Михайлович неправильно выбрал аудиторию: пугать курсом надо было не наших граждан, а МВФ. Надо было убедить фонд дать нам денег на залатывание финансовых разрывов, не прибегая к эмиссии. Тогда мы удерживаем курс (пусть он будет 15—16 рублей за доллар, к этому уже понемножку привыкли) — и начинается некий стабильный период.

—Александр Николаевич, недавно вы сделали заявление, что Черномырдину пока не стоит торопиться с заявлениями об участии в предвыборной президентской гонке, а сосредоточиться на формировании некоей коалиции. Объясните свою позицию.

—В России уже одна партия есть — это левые, или левоцентристы. Не хватает сложившегося правого центра. Значит, нужно заставить амбициозных политиков, которые думают о победе на президентских выборах, создать как минимум мягкую коалицию для завоевания большинства в Госдуме. Лужков, Черномырдин, Явлинский, может быть, Лебедь — они должны договориться о совместной работе по одномандатным округам, выставлять там согласованных кандидатов и взаимно их поддерживать. Это уже гарантия, что они, не заваливая друг друга, смогут одержать победу над левыми на парламентских выборах в 1999 году. То есть добиться простого большинства в Госдуме.

И тогда это большинство, даже состоящее из нескольких фракций, в состоянии договориться: тот лидер, за которым будет большее число депутатов, вправе претендовать на звание объединенного кандидата в президенты.

Эта логика позволяет нашему лидеру — Виктору Черномырдину — пока что снять свою кандидатуру, сделав своим основным лозунгом формирование этой коалиции. А вот если окажется, что в результате НДР завоюет большинство, Черномырдин докажет, что может считаться "старшим партнером" и кандидатом в президенты. И он почти что автоматически окажется на первых местах в рейтингах самых влиятельных политиков.

—Согласен ли сам Черномырдин с этой концепцией?

—В принципе, да. Парламентские выборы (в декабре 1999 года) пока важнее президентских (в июле 2000-го). Другое дело, что одновременно он заявляет, что не отказывается от своих намерений быть кандидатом в президенты. Это, на мой взгляд, может помешать ему сесть за стол переговоров с другими кандидатами.

—Но вы решили не ставить на одну лошадь? Видя, что НДР трещит по швам, создаете новое движение?

—Нет, нет и еще раз нет. Моя технология позволяет определить единого кандидата прагматистских сил, без которого победить невозможно.

Не случайно у тех же левых время от времени возникают мысли выдвинуть вместо Зюганова хотя бы внешне благообразного кандидата. Заманят ли они к себе Лужкова (что мало вероятно) или Селезнев добьется права считаться их кандидатом — все это укладывается в попытки расширить электорат. Кстати, в данном случае абсолютно правильно ведет себя Геннадий Андреевич Зюганов. Заметили — он еще ни разу не сказал, что намерен баллотироваться в президенты? Из его уст вылетает только одно: "Съезд решит". То есть он всячески показывает, что личные амбиции для него значат гораздо меньше интересов левого движения. А уж если для Зюганова победа левого дела превышает собственных интересов, Виктор Степанович имеет полное право реализовать эту схему для победы правого дела.

ПРОГРАММА, КОТОРАЯ НИКОМУ НЕ НУЖНА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. К. 304. 30 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Сегодня у нас такая мягкая беседа, никаких предварительных заявлений я делать не буду. У меня есть несколько долгов, в частности для выходящего в воскресенье "Парламентского часа" я обещал интервью. Чтобы специально не записываться, может быть, коллеги позволят первый вопрос задать парламентскому телевидению.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, мы строим программу на том, что будет обсуждаться завтра в правительстве. И я полагаю, что у вас уже есть последний документ, его уже распространяли. Этот документ направлен на то, чтобы как-то удовлетворить амбиции политических элит, или все-таки начнет он работать на экономику страны?

ШОХИН А.Н. Тот вариант, который сейчас рассматривается и в субботу будет обсужден на правительстве, — это шестой, по моим подсчетам, вариант программы действий кабинета. Не знаю, успеет ли правительство внести в него поправки, вытекающие из замечаний Международного валютного фонда. Известно, что сегодня утром делегация МВФ покинула Москву. По некоторым сведениям, на пару дней раньше, чем планировалось до этого (первоначально отлет планировался на понедельник). Я знаю, что текст, который им в среду Юрий Дмитриевич Маслюков передал, они перевели на английский язык и дали некоторые замечания. О характере замечаний могу догадываться, но я их не видел. Так что можно говорить о варианте, переданном МВФ. Видимо, завтра появится уточненный вариант № 7.

Что это за программа? Программа, которая, видимо, будет одобрена правительством, является не планом действий с конкретными цифрами, направлениями, ставками налогов или другими цифрами, это программа намерений правительства действовать в том или ином направлении.

В частности, первый раздел — это жизнеобеспечение населения в первом полугодии следующего года, и прежде всего в зимний период, это продовольствие, тепло и так далее. Традиционная схема, которая раньше называлась "подготовка к зиме", но, учитывая кризисное состояние российской экономики, этим вопросам уделяется особое внимание в антикризисной программе.

Второй и третий этапы программы планируется сориентировать на создание условий для экономического роста, и в том числе на основе применения специфических мобилизационных технологий. Надо сказать, что последний вариант отличается от первых в лучшую сторону. В нем нет резких углов, которые бы могли быть интерпретированы как изменение курса экономической политики. В нем много полутонов, полунамеков, которые затем потребуются конкретизировать, в частности, в проекте бюджета на 1999 год.

Сейчас это конгломерат достаточно противоречивых подходов. Если они одновременно будут реализованы, ничего хорошего, безусловно, не получится. Но, видимо, по мере продвижения правительства к Государственной Думе, по мере готовности правительства внести федеральный бюджет на 1999 год (сейчас уже не приходится говорить о чрезвычайном бюджете на четвертый квартал этого года), по мере конкретизации этих представлений правительства у нас, действительно, появится возможность судить не о намерениях, а о программе действий правительства. Придется примирять и такие непримиримые вещи, как требования МВФ и готовность левой оппозиции поддержать проект бюджета.

Если бюджет будет жестким, ориентироваться в основном на ту собираемость налогов, которая может быть обеспечена в ближайшее время, то вряд ли этот бюджет будет с радостью встречен в Государственной Думе. Если этот бюджет будет ориентирован на эмиссионные технологии, то вряд ли он будет поддержан МВФ и вряд ли тогда даже часть задержанных кредитов МВФ будет предоставлена. Очень трудная задача для правительства, но придется выбирать достаточно четкую версию экономической политики.

Очень не хотелось бы, чтобы эта двусмысленность, неопределенность, недоговоренность проявлялась в конкретных технологиях действий правительства. В частности, правительство заявляет, что оно не будет требовать изменения Закона

"О Центральном банке", закона в той его статье, которая запрещает Центральному банку прямыми кредитами, то есть эмиссионным способом, покрывать дефицит бюджета. Правительство обещает найти другие способы. Какие же?

Вот один из способов: выпуск золотых сертификатов, то есть выпускаются ценные бумаги, обеспеченные золотом. Но если вы внимательно проанализируете предложение Гохрана, Минфина, поддержанное ЦБ, то увидите, что никаких обеспеченных золотом сертификатов власти не намерены выпускать. Выстраивается новая пирамида, то есть будут эмитироваться Минфином бумаги, которые покрываются тем золотом, которые Минфин выкупит у золотодобытчиков на момент погашения этих золотых облигаций. Это чисто пирамидальная, если можно так сказать, технология. Много вопросов здесь не решено, в частности неопределенность цены, по которой будут реализовываться эти сертификаты в обмен на золото, неопределенность источников денег, чтобы авансировать золотодобытчиков и выкупить золото у них. То есть вполне возможно, что будут выпущены фиктивные ценные бумаги, которые будут продаваться Центральному банку, и под этим соусом будет делаться вывод о том, что никакой эмиссии нет. А на самом деле это будет необеспеченная эмиссия, которая может привести к высокой инфляции.

В программе написано, что она ориентирована на то, чтобы месячная инфляция в конце года была 3—4 процента в месяц, а в следующем году не больше 20—30 процентов. Хорошие цифры, если их удастся выдержать, не так плохо для российской экономики, хотя это хуже тех намечавшихся планов — 5—6-процентной инфляции за год. Ну а как обеспечены эти цифры? Абсолютно не понятно из текста программы. Поскольку не понятны механизмы так называемого неэмиссионного финансирования дефицита бюджета в отсутствие эффективной налоговой системы, в отсутствие кредитов МВФ и других международных организаций. Также не понятно, в каком объеме будут гаситься долги по зарплате, пенсиям, как будет осуществляться индексация. Сказано, что одновременно будут осуществляться единовременная компенсация и индексация. Одновременно этого не следует, видимо, делать, лучше использовать схему 1992 года, когда мы вместо универсальной индексации применяли единовременные компенсационные выплаты. То есть отсутствие четко прописанных направлений, действий мешает оценить эту программу.

Отсюда я делаю вывод — эта программа уже никому не нужна. Она была нужна, чтобы обозначить намерения правительства. Они обозначены, правительство сильно ни влево, ни вправо не склоняется. Оно пытается идти посередине, по камешкам, и дай Бог не соскользнуть в воду, в бурлящий поток.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, как вы прокомментируете заявление Олега Сысуева, которое стало известно сегодня, то, что он высказал в интервью американской газете о том, что в начале будущего года в послании Федеральному Собранию президент объявит об ограничении своей политической роли как главы государства. Как это понимать?

ШОХИН А.Н. Интервью "Файнэншл тайме" Олега Сысуева интересно лишь в том отношении, что в нем содержится фраза о том, что президент официально объявит о сокращении своих полномочий в ежегодном послании Федеральному Собранию в феврале следующего года.

Фактически президент уже ограничил свои полномочия начиная с августа, когда, предлагая кандидатуру премьера в августе, после отставки правительства Кириенко, исходил из того, что в экономику он вмешиваться не будет. Нетрудно догадаться, что, предлагая Черномырдину пост премьер-министра, он исходил из того, что Черномырдин должен отвечать за всю экономику. Это был отказ от той схемы, которая реализовывалась предшествующие полгода, когда президент, назначая технического премьера, брал на себя политическую ответственность за экономическую деятельность кабинета. Так что здесь о новых идеях речи, видимо, не идет. В варианте Примакова экономическая ответственность кабинета является 100-процентной, так же как могла быть и в варианте Черномырдина. Когда я поступал на службу в правительство и провел там 10 дней, то имел многочисленные подтверждения того, что президент не намерен вмешиваться ни в кадровые назначения в экономическом блоке правительства, отдавая здесь мандат целиком Евгению Максимовичу Примакову, ни в экономическую политику. Так что здесь ничего нового Олег Сысуев не сообщил.

Но если президент в президентском послании (по крайней мере, если ему советуют это сделать) готов публично заявить о сокращении своей роли в ежедневной политической жизни страны, то, видимо, речь идет о некоторых дополнительных функциях и, в частности, о фактическом распространении на премьер-министра функций вице-президента. Речь может идти о передаче ему таких полномочий, как координация деятельности силовых структур и передача полномочий по международным контактам, где премьер может замещать президента.

Устроит ли основных участников политической жизни эта схема или нет? Я думаю, что одних устроит, тех, кто не готов к президентским выборам уже сейчас, других же, напротив, не устроит, и они будут требовать на основании официального заявления в рамках президентского послания Федеральному Собранию досрочных выборов, освидетельствования президента и отрешения его от должности на основании стойкой неспособности исполнять свои обязанности.

Поскольку мы прекрасно знаем, что многие сильные кандидаты в президенты, имеющие согласно опросам общественного мнения более 10 процентов поддержки избирателей, говорят о необходимости досрочных выборов, то, скорее всего, такого рода заявление послужит началом бурных дискуссий по поводу целесообразности или нецелесообразности досрочных выборов.

Учитывая, что уже сейчас основные представители политической элиты высказываются по поводу технологий досрочных выборов президента, два спикера от Федерального Собрания высказываются за то, чтобы вместо всеобщих выборов президент избирался неким форумом, то ли Федеральным Собранием, то ли коллегией выборщиков. Виктор Степанович Черномырдин предлагает изменить Конституцию таким образом, чтобы премьер мог исполнять обязанности президента не 3 месяца в период подготовки новых выборов, а до истечения его мандата, на который он был избран, то есть в данном случае до июля 2000 года. Есть очень много других предложений, включая необходимость введения поста вице-президента, которые сейчас обсуждаются.

Очевидно из этого можно сделать один вывод. Президент Ельцин не рассматривается основными участниками политической жизни и большинством кандидатов в президенты как политик, который может довести российский корабль до тихой гавани 2000 года и президентских выборов. Это во-первых.

Во-вторых, каждый из политиков отстраивает такую модель развития событий, такую модель поправок к Конституции и изменения государственного устройства, которая отвечает его интересам.

Что делать в этой ситуации? Я думаю, в этой ситуации нужно вернуться к политическому договору, который был подготовлен к сентябрю, сесть всем сторонам за стол, выработать согласованные поправки к Конституции, которые будут, скорее всего, включать введение поста вице-президента, но вице-президент в любом случае должен быть избран вместе с президентом по той же самой технологии. Одновременно нужно определить в Конституции, что в случае неспособности президента исполнять обязанности вице-президент исполняет их на весь период полномочий избранного президента, с тем чтобы никакими досрочными выборами не будоражить страну. Нужно определить временную технологию, если, действительно, здоровье президента будет вызывать опасения в части его способности в полном объеме выполнять свои функции до президентских выборов. Она может предполагать и особый механизм избрания вице-президента тем же Федеральным Собранием, включая выборщиков от регионов, конфессий, сословий и так далее, стало быть, и эту роль может выполнять премьер-министр, который уже не 3 месяца, а до 2000 года будет временным президентом. Временный президент, как это и предусмотрено Конституцией, не должен распускать Думу, вносить поправки в Конституцию, объявлять референдумы. То есть это ограниченные функции президента в отличие от вице-президента, который мог бы в полном объеме выполнять функции президента, будучи избранным с ним в паре.

Такого рода поправки, если они будут на консенсусной базе внесены и одобрены, в том числе и самим президентом, могут предусмотреть эту мягкую технологию "дотягивания" до 2000 года. В ее рамках могут быть предусмотрены и ограниченные функции Президента Ельцина, то есть не может быть инициативы Ельцина от добровольной передачи полномочий. Конституция не предусматривает право президента передавать свои полномочия какому-либо лицу при сохранении им поста президента. Это не может быть инициативой, поскольку президент у нас не коллегиальный орган, а орган, персонифицированный в одном лице, он свои

функции передать не может, нет технологии. Стало быть, все равно поправки к Конституции нужны.

Послание президента, содержащее намек на перераспределение полномочий между президентом, премьером или другими органами власти, — это фактическое начало конституционной реформы, но готовиться к ней надо не так, как предлагает Олег Николаевич Сысуев, не в одностороннем порядке. Односторонние поправки Думы к Конституции не годятся, но в равной степени не годятся и схемы добровольной сдачи полномочий со стороны президента. Только на основе технологии "круглого стола", выработки и быстрого принятия согласованных поправок к Конституции о досрочных выборах президента и парламента можно не допустить вползания страны в политический кризис.

Все другие схемы могут привести к ползучему государственному перевороту по инициативе либо Кремля, либо оппозиции, чего допустить нельзя. Любой ползучий переворот чреват реальным переворотом. Не может быть мягких схем отрешения президента от части функций. Нарушив Конституцию таким образом, мы даем основание экстремистам или другим группам, имеющим возможность взять власть, сделать это.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, а вам не кажется странным, что такого рода важные заявления для страны делаются через зарубежные СМИ?

ШОХИН А.Н. Наверное, вы плохо работаете. Вот давайте проверим. Что-нибудь из того, что я сказал, попадет сегодня, завтра на страницы газет или нет? Если не попадет, следующее заявление я сделаю "Фай-нэншл тайме" или "Уолстрит джорнал".

ВОПРОС.

Я хотел бы все-таки услышать от вас, та программа, которую представляет правительство, по сути своей рыночная или антирыночная?

ШОХИН А.Н. Знаете, она рыночная в исполнении шестидесятников. Когда начинались экономические реформы в 60-е годы, реформы Косыгина, казалось, что это и есть рынок с социалистическим лицом. Вот сейчас, по сути, реализуется формула, которую озвучил Юрий Михайлович Лужков лучше, чем даже нынешнее правительство: социализм — это капитализм с человеческим лицом, работать — по-капиталистически, распределять — по-социалистически. Вот такой "микст" просматривается и в программе правительства: и социально ориентированная рыночная экономика, и продолжение рыночных реформ и одновременно государственное распределение, и государственное вмешательство во все сферы экономической жизни, включая создание на базе недееспособных предприятий, полугосударственных корпораций, которые почему-то должны быть производителями конкурентоспособной продукции за счет того, что их незагруженные мощности будут загружены в полном объеме. Вот такой конгломерат предложений означает, что нет единства в самом правительстве. Худший вариант формирования компромиссов, когда одна часть документа написана идеологами одной экономической школы, другая часть — идеологами другой экономической школы. Придется выбирать правительству. Нельзя одновременно и невинность соблюсти, и капитал приобрести. Одно из двух. И я думаю, что правительству Примакова максимум до конца ноября удастся дотягивать с этой неопределенностью. В конце ноября определенность должна появиться хотя бы потому, что должен быть внесен бюджет.

Сложилась такая практика, что бюджет, вносимый правительством, как правило, отражает точку зрения правительства. Бюджет, принимаемый Думой, — это бюджет уже компромиссный, в котором реализованы лоббистские устремления многих региональных, отраслевых групп.

Кстати, о лоббизме. Я в контексте вчерашнего заявления Григория Алексеевича Явлинского первому каналу телевидения должен сказать, что наверняка в его заявлениях речь идет не о покупке должностей по схеме феодальной Франции или других коррумпированных обществ (эта практика, безусловно, имеет место, быть может, и у нас), а о коррупции и лоббизме (небескорыстном) чиновников, в том числе высшего звена. Это позорное явление имеет место быть, и с ним надо бороться не призывами к премьеру или к Генпрокуратуре, а самим выявлять эти факты, создавая универсальные правила игры и добиваясь от государства исполнения этих правил. Сильное государство — это то государство, которое может внедрить эти универсальные правила и может силой закона через исполнение

решений судов добиваться равного положения граждан и компаний по отношению к законам.

Сейчас этого нет. Даже программа, которую правительство выдало на-гора, — свидетельство того, что избыток индивидуализированных, эксклюзивных технологий принятия решений будет способствовать коррупции в этом кабинете. С коррупцией не сумели побороться эффективно предшествующие правительства, и программа действий этого правительства показывает, что у него есть все основания не только не победить коррупцию, но и окунуться в нее, что называется, с головой. Существуют для этого объективные предпосылки. Даже если в правительство пришли честные люди, рано или поздно они окажутся в плену субъективных решений, поскольку существует чересчур много технологий типа предоставления индивидуальных льгот, квот, субсидий, индивидуальных реструктуризации долга и так далее. А субъективные решения — это питательная почва для коррупции. Даже если высшие чины будут действовать, исходя из интересов Отечества, найдутся чиновники на нижестоящих уровнях, которые вместо них будут вымогать большие суммы, ссылаясь на то, что это высшие чины требуют "отстегивать" себе 10, или 20, или больше процентов за то или иное решение, за тот или иной кредит или льготу.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, еще один вопрос по программе, если можно. Сохраняется ли угроза национализации в каком-то виде в последнем варианте программы? Как отнесется к программе Дума? Что может ей не понравиться или понравиться опять-таки в последнем варианте?

ШОХИН А.Н. Угроза национализации сохраняется, безусловно, и беда этой программы состоит в том, что мы видели предшествующие варианты, видели, как вымарывались оттуда те куски, которые царапали глаз и ухо. Благодаря утечкам, публикации тех или иных вариантов в газетах, правительство пошло на корректировку, но мы не знаем, пошло оно на корректировку для публики или пошло по существу на эту корректировку. Поэтому сохраняется и угроза национализации. Национализировать что-то, быть может, придется. Но надо четко заявить: национализация для создания государственных корпораций из убыточных предприятий и банков, национализация ради создания на базе активов банков-банкротов некоего государственного банка развития либо национализация как технический этап последующей приватизации.

Кстати, вот хороший пример — "Креди Лионэ". Французское правительство мучается с этим банком уже много лет. Он государственный. И, промучившись, затратив миллиарды долларов на его вытягивание, капитализацию, пришло к выводу, что лучше его приватизировать. А мы сейчас пойдем по тому же пути, как будто у нас в бюджете денег много.

Поэтому все угрозы, о которых мы говорили последний месяц-полтора, обсуждая тот или иной вариант программы, остаются. Они имплицитно содержатся внутри программы. Захочет ли правительство их реализовывать явным порядком либо будет как бы вынашивать только планы в ближайшее время, я не знаю. Пока правительственной командой является команда, сформированная из не близких по духу и по экономической идеологии людей, эти угрозы всегда будут оставаться. Я в этой связи настоятельно бы рекомендовал Евгению Максимовичу найти хоть кого-нибудь в России или в международных организациях, кто бы знал международные финансы, и назначил бы на мое место. Ведь шесть вице-премьеров должно быть в правительстве, до сих пор пять, какого-нибудь человека, знакомого с либеральной экономикой или международными организациями, надо привлечь для баланса хотя бы. Не знаю, готов ли Евгений Максимович к моим советам теперь прислушиваться или нет. Но это просто необходимо.

По Думе. Эта программа Думе тоже может не понравиться в силу того, что из этой программы исчезли те моменты, которые ласкали слух многих левых думских политиков.

Давайте сравним две программы: нынешний вариант правительственной программы и тот вариант думской программы, который был недавно одобрен. Так получилось, что все, что было выброшено из правительственной программы, попало в думскую программу. У нас теперь два документа, которые имеют шанс быть соединенными. Понятно, что этот шанс может быть реализован при обсуждении тех или иных предложений правительства в Думе, и думская оппозиция, даже большинство, коль скоро этот документ будет принят Государственной Думой, будет настаивать на включении более определенных формулировок тех или иных положений, которые

премьер пытался путем собственного участия в редактировании документа завуалировать либо выкинуть.

Я думаю, что есть еще один момент, судьбоносный для экономической политики, о котором говорится вскользь при обсуждении программы, — это судьба наших переговоров с держателями ГКО.

17 ноября кончается так называемый мораторий. Правительство наконец-то после 2,5 недели размышлений включило в текст программы необходимость отмены этого моратория. Но это благое пожелание уже абсолютно ничего не значит, потому что идут напряженные переговоры, через две недели они либо закончатся успешно, либо не закончатся ничем.

Давайте представим себе картину, если они ничем не закончатся, если не сумеет правительство договориться. Что будет? 18 ноября банки-кредиторы, держатели ГКО начнут арестовывать активы российских банков и банкротить российскую банковскую систему, так называемые системообразующие банки, которые и без этого уже банкроты.

Много не удастся найти в активах банков, поскольку за последние три месяца капиталы, активы из этих банков куда-то утекли. Есть много классических примеров, когда банки-банкроты создают новый банк, переводят активы туда или за рубеж. Я вас уверяю, если западные банки придут к мысли о банкротстве российских банков-должников, которым они ссужали синдицированные займы либо заключали форвардные контракты, то через международные суды они отыщут эти активы. И это будет большой скандал, демонстрирующий нечистоплотность российской банковской финансовой элиты, включая поддерживающих их чиновников в правительстве или в Центральном банке. И никакие переговоры о реструктуризации долгов ни с Лондонским клубом, а это те же самые банки, что и держатели ГКО, ни с Парижским клубом — это те правительства, банки которых будут судиться с российскими банками, уже будут невозможны.

Стало быть, если мы не договариваемся по мораторию от 17 августа в ближайшие две недели, то в принципе неприятные вещи могут произойти. Правительству брать на себя долги всех банков накладно. Если оно возьмет на себя все долги банков по форвардным контрактам, не исключено, что ему потребуется сразу заплатить большие суммы, а их просто нет у государства, во-первых. Во-вторых, правительству и ЦБ пришлось бы с нашими банками разбираться самостоятельно. А я вас уверяю, что нашим властям гораздо сложнее разбираться с вопросом, куда утекли капиталы наших олигархов. В международном плане это делать легче, потому что я не исключаю, что капиталы утекли на счета тех самых банков, которые будут судиться с нашими банками.

Так что я хотел бы пожелать правительству и ЦБ договориться, найти компромиссные формулировки, основы для этого есть. Тот факт, что правительство согласилось реструктурировать ГКО, предоставив валютную бумагу, номинированную в долларах, — это уже хорошая уступка кредиторам — держателям ГКО. Но готовы ли будут банки, взамен мягкой схемы реструктуризации ГКО, пойти на новые схемы реструктуризации по синдицированным займам? Это возможно, а вот по форвардам уже сложнее. Это чужие деньги, это не деньги банков. Как правило, в этих операциях, которые носили во многом спекулятивный, надо это признать, частный характер, задействованы деньги клиентов, а не самих банков, и они на короткий период вовлекались в оборот, и банкам их если придется отдавать, то за счет собственных средств, за счет собственной прибыли. Так что здесь какая-то схема быстрой развязки по этим вопросам должна быть найдена, а быстрая развязка — либо правительство и ЦБ платят, либо банки банкротятся. Вот, к сожалению, какая альтернатива. И очень обидно, что профессионалы, люди, которые кичились своим профессионализмом в правительстве и ЦБ, довели нашу финансовую банковскую систему до полного краха. Я думаю, что лучше ничего не делать, как это делает правительство Примакова — Маслюкова, чем совершать такие грубейшие ошибки, как это сделали Кириенко и Дубинин.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, последний вопрос.

Предположим, программа вступит в действие. Вы можете спрогнозировать, что будет, например, 1 января, 28 февраля и так далее?

ШОХИН А.Н. Программа вступить в действие не может, потому что это набор благих пожеланий. Она требует конкретизации либо в виде технических

приложений с расчетами, либо в виде проекта бюджета на следующий год. Проект бюджета на следующий год — это комплексный документ, в составе которого представляются денежно-кредитная политика, подготовленная Центральным банком, к нему прилагается программа внешних взаимствований, адресная инвестиционная программа и целый ряд документов, которые в целом дают все основания для оценки экономической политики правительства. Этот тридцатистраничный текст никаких оснований для четкой оценки деятельности правительства не дает. Даже нельзя оценить, какая у нас ставка НДС будет. Там только цифры прописаны по налогу на прибыль — он снижается с 35 до 30. Но я вам напомню, что закон о снижении ставки налога на прибыль с 35 до 30 процентов был принят Федеральным Собранием летом и ветоирован президентом. Поэтому новой инициативы и здесь нет, лишь возвращение к летнему конфликту, когда Дума, снизив налог на 5 процентов с прибыли, не увеличила ряд других налогов. Вбрасывание этой инициативы без определенности по другим налоговым ставкам не дает возможности оценить налоговую политику правительства. В равной степени нет возможности четко оценить политику по реструктуризации банковской системы. Национализация и рекапитализация банковской системы за счет бюджета — вещь дорогая.

Да, можно вытянуть Инкомбанк, но обязательства Инкомбанка, по некоторым оценкам, составляют больше двух миллиардов долларов. Когда Вольский взял 25 процентов плюс одну акцию Инкомбанка для спасения, я надеюсь, что он знал хотя бы приблизительно обязательства Инкомбанка. Вытягивать Инкомбанк очень сложно. В таком же положении и многие другие крупные банки. Как выходить из положения?

Я не исключаю, что схема участия иностранных банков в банкротстве российских банков может быть тем компромиссом, который позволит нашу банковскую систему не сильно уронить и разрешить вопрос по тем же форвардным контрактам. Не надо полностью либерализовывать доступ иностранных банков к российскому финансовому рынку, рынку банковских услуг, но можно разрешить банкам-кредиторам участвовать в банкротстве банков-должников, включая приобретение генеральной лицензии. А генеральная лицензия — это право работы с физическими лицами. До сих пор мы закрывали эту возможность для иностранных банков. При таком подходе к доступу иностранных банков не власти будут виноваты в том, что постепенно иностранные банки будут замещать российские, а сами коммерческие банки, которые из-за своего рискованного менеджмента, из-за своего банкротства допустят на свое место банки-кредиторы, иностранные банки. Это нормальная схема, повышающая ответственность коммерческих банкиров.

Как будет формироваться капитал агентства по реструктуризации кредитных организаций? Пока неясно.

Завтра правительство, кстати, должно рассмотреть этот вопрос, определить технологию своего участия в агентстве, и прежде всего в уставном капитале. Ведь если это агентство получает права приобретать контрольный пакет — 75 процентов плюс одна акция коммерческих банков, то не все еще банки пойдут по рублю. А если эти пакеты даже будут приобретены по рублю, то надо тратить огромные деньги на рекапитализацию банков. И поэтому четкий критерий должен быть: рекапитализация и национализация только для последующей продажи, то есть бюджет в двух-трехлетнем периоде должен вернуть эти деньги. Хотя, честно говоря, опыт большинства стран показывает, что это мероприятие в целом убыточное.

Когда системный банковский кризис идет и за счет бюджета вытаскиваются банки, как это было и в Мексике, и в других странах Латинской Америки, в Азии, как правило, общие расходы составляют где-то до 20 процентов к годовому ВВП и не покрываются последующими доходами от приватизации банков. Не настолько мы богаты, чтобы вытянуть все банки, поэтому нужна селекция. Опять-таки эта селекция должна осуществляться по транспарентным, понятным критериям, иначе последуют новые обвинения в коррупции со стороны Явлинского в адрес уже Центрального банка и вновь создаваемого Агентства по реструктуризации кредитных организаций. Трудно, например, публично объяснить, почему, например, надо спасать "СБС-Агро" и не спасать Инкомбанк. Банки примерно одинакового потенциала, но оказывается, что спасти Инкомбанк труднее, хотя его обязательства вроде бы чуть меньше. Почему? Потому что "СБС-Агро" за счет Агропромбанка — это лакомый кусок для любых финансовых банковских структур, которые

заинтересованы в его огромной филиальной сети, то есть капитализация "СБС-Агро" гораздо выше, чем капитализация Инкомбанка даже при тех же долгах, при том же состоянии баланса банка и так далее.

Бывают неожиданные скрытые от глаз вещи, но их надо объяснять публике. Каждый конкретный случай должен быть объяснен, почему так, а не иначе. В противном случае мы будем друг на друга писать Генеральному прокурору.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не значит ли это, что эра олигархов как бы закончилась?

ШОХИН А.Н. Началась эра олигофрендов, то есть друзей олигархов?

ВОПРОС.

Приход иностранных банков на российский рынок неизбежен?

ШОХИН А.Н. Пять лет назад я вместе с Президентом Ельциным участвовал в переговорах в Брюсселе. Мы определялись по соглашению о партнерстве и сотрудничестве. Буквально за месяц до этого Борис Николаевич подписал указ, в котором вводились ограничения для иностранных банков на работу на российском рынке. И когда комиссия Европейского Союза задала вопрос: нельзя ли послабление сделать из этого указа — Борис Николаевич, обращаясь ко мне, говорит: "А кто готовил этот указ? Кто его подписывал?" Я говорю: "В ноябре вы подписали". — "Это плохой указ, — говорит, — надо его отменить". Я говорю: "Борис Николаевич, коль подписали, пусть работает. Полгода мы за счет этих ограничений поторгнемся по другим позициям, а потом, может быть, отменим".

Приезжаем в Москву, чувствую какое-то напряжение по прессе проходит, в основном контролируемой известными банками. И потом мне сообщают, что из достоверных источников (от переводчиков Комиссии Европейского Союза) стало известно, что Шохин заявил: "Указ надо немедленно отменять, указ плохой". И вот банкиры ополчились на меня, считая, что я сторонник допуска иностранных банков на российский рынок. Где-то, по-моему, год прошел, пока истинная картина не стала достоянием этих банкиров, но целый год я отбивался от нападков прессы. Мы тогда, действительно, и указом президента, и законами закрывали доступ на российский рынок иностранным банкам. Ограничение было на 12-процентную квоту для иностранных банков, был запрет на работу с физическими лицами. И так далее, и так далее.

Но одновременно, даже в этом соглашении о партнерстве и сотрудничестве, определялся переходный период — примерно пятилетний переходный период для доступа иностранных банков. И главный критерий — взаимность: вы пускаете наших банкиров к себе, мы пускаем ваших, поэтапно, постепенно и так далее. Исходили из того, что пять лет — это достаточный срок, чтобы наши банки встали на ноги, чтобы они были конкурентоспособными.

После августа 1998 года мы вынуждены начинать новый пяти-семи-летний этап, когда наши банки встанут на ноги. Сейчас средние банки становятся локомотивом развития банковской системы, а им, действительно, нужно укрепить, то ли нужно в какой-то степени допускать иностранные банки. Я считаю, что тот компромисс, о котором я сказал, — доступ иностранных банков, в том числе через получение генеральной лицензии посредством участия в банкротстве банков-должников, — это нормальная схема, она не является универсальной схемой либерализации рынка банковских услуг. Это во-первых.

Во-вторых, мы не даруем какие-то блага иностранным банкам, они сами, честно говоря, не хотят сюда идти, вот в чем вопрос-то. Нам надо их затащить. Как затащить? Не просто дать возможность им работать с физическими лицами, а заставить их участвовать в процедуре банкротства тех банков, которым они давали кредиты, заключали форвардные контракты и сами рисковали. Это ведь ответственность двух сторон. Вы рисковали, почему государство должно нести ответственность за ваши коммерческие риски? Участвуйте в санации, оздоровлении, банкротстве, рекапитализации этих банков. Каким образом? Вступайте в капитал. Работайте по полной лицензии и так далее.

Нам надо их заставить прийти сюда и отвечать за собственные ошибки. Их менеджмент тоже был рискованным, не только наши банки рисковали.

Это мягкий доступ, он не раскрывает нашу банковскую систему целиком, но заставляет меньше рисковать и наших банкиров, и западных банкиров. Такого объема синдицированных кредитов, который был предоставлен начиная с августа 1997 года, вообще не было, это был бум. До 20 миллиардов набрали наши банки под честное слово. Кто виноват? Наши банкиры? Да, но и банки-кредиторы виноваты

тоже. Они не видели, что у нас начался кризис? Кстати, Инкомбанк перекредитовался в июне этого года. Естественно, это был риск тех банков, которые давали кредиты.

Так что я думаю, эта технология вполне приемлема. Она будет поддержана и в парламенте. И в то же время это разделение ответственности между всеми участниками игры.

ДОСРОЧНЫЕ ВЫБОРЫ ВСЕХ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ - РАЗДЕЛЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОШЛОЕ, НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ. 5 НОЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Мы вас позвали, чтобы поделиться своими впечатлениями о ситуации, которая складывается вокруг законодательства о соглашениях о разделе продукции.

Хотел бы напомнить вам, что эти законы на протяжении многих лет рассматриваются в Думе. До последнего времени ими занимались в основном две структуры: Комитет по природным ресурсам и Специальная комиссия во главе с Николаем Ивановичем Рыжковым, которая должна была обсуждать и представлять на пленарное заседание Думы конкретные законопроекты, делая экспертизу их готовности для одобрения Государственной Думой.

Недавно головным комитетом стал Комитет по промышленности. Возглавил эту работу Юрий Михайлович Тен, заместитель председателя Комитета по промышленности и одновременно заместитель руководителя фракции "Наш дом — Россия". При его непосредственном руководстве и участии были подготовлены для обсуждения на пленарном заседании поправки к базовому законодательству, которые вытекают из принятия самого закона и самой идеологии о соглашениях о разделе продукции. Также были подготовлены очередные списки месторождений, которые по сложившейся у нас традиции порциями обсуждаются на заседании Думы после того, как не удалось списком, предложенным правительством, их утвердить полтора-два года назад.

Сложилась парадоксальная ситуация. Комиссию по определению состава месторождений, которые могут быть одобрены Думой, возглавляет представитель, даже руководитель, левой фракции — Николай Иванович Рыжков. Мы сознательно пошли в свое время именно на эту политическую конструкцию, имея в виду, что если такая комиссия будет вносить на заседание Думы положительные решения о включении тех или иных месторождений в список для утверждения Думой, то они пойдут, что называется, "с колес" и будут одобряться Государственной Думой. Но не тут-то было. Плохо левая Дума доверяет своему соратнику. Кроме того, не идут поправки в ту дюжину законов, которые должны быть изменены в связи с -тем, что базовый Закон "О разделе продукции" принят. Мы приходим к выводу, что это сознательная тактика фракции КПРФ: валить все, что связано с соглашениями о разделе продукции, видимо, исходя из того, что сама идеология СРП чужда идеологии КПРФ, в глазах коммунистов она равнозначна распродаже Отечества.

Мы многие годы, фактически весь состав этой Думы, да и в прошлой Государственной Думе, обсуждали идеологию этих законов и сделали процесс заключения соглашения о разделе продукции максимально подконтрольным Государственной Думе. Я напомним, что в 1995 году накануне роспуска Государственной Думы первого созыва, выборов Государственная Дума пошла на определенные уступки и в то же время добилась принятия закона, но закон гласит теперь, что каждое месторождение должно утверждаться Государственной Думой,

то есть закон не носит характера нормы прямого действия. Каждый раз Дума рассматривает то или иное соглашение, определяя соответствие его интересам федерального центра, регионов и инвесторов, как отечественных, так и иностранных.

То есть такая формула рассмотрения Думой, по сути, ратификации Думой каждого соглашения, рассмотрения каждого проекта этого соглашения, казалось бы, снимала все вопросы, но тем не менее до сих пор фракция КПРФ продолжает блокировать этот процесс принятия списка месторождений. В частности, вчера был заблокирован список из восьми месторождений, которые прошли через комиссию Николая Ивановича Рыжкова.

Мы вынуждены акцентировать внимание на политической стороне дела, поскольку Комитет по промышленности, комиссия Рыжкова сделали все для того, чтобы достигнуть максимального компромисса.

Если говорить о базовых законодательных нормах, то, в частности, среди этих компромиссов можно называть и достаточно жесткую конструкцию некоторых законов, таких, как Закон "О недрах".

Мы здесь не пошли на принятие жестких требований иностранных инвесторов, в частности нефтяного совещательного форума, считая, что нам нужно пробить брешь хотя бы в такой компромиссной, может быть не вполне последовательной, формулировке — принять поправки к базовым законодательным актам. Но даже эта формула была заблокирована фракцией КПРФ и их союзниками.

Здесь, кстати, частично вина и самого Николая Ивановича Рыжкова, который почему-то считал, что он может в одном случае обвинять депутатов, лоббирующих, я не постесняюсь этого слова, закон об СРП, в том, что они распродают Отечество, то теперь удивляется тому, что такие политические обвинения чреватые тем, что конкретные списки месторождений не проходят. И вчера, как ни метался Николай Иванович Рыжков, убеждая коммунистов голосовать за этот список, они, видимо, находясь в плену его же риторики двухнедельной давности, отказали в поддержке этих месторождений.

Те восемь месторождений, которые вчера завалила Государственная Дума, — ключевые, прежде всего для регионов. Здесь наблюдается явный конфликт региональных и политизированных интересов левой части Государственной Думы. И кроме того, даже в той версии, в которой мы сейчас имеем законодательство о разделе продукции, трудно ожидать большого притока инвестиций, и, скорее всего, это лишь минимальная база, та минимально необходимая площадка, от которой можно отталкиваться, чтобы выяснять, все ли мы сделали в законодательном оформлении механизма соглашений о разделе продукции.

Все равно придется двигаться дальше, но сейчас мы понимаем, что у нас и этой базовой площадки, утопанной для прыжка, нет. Мы ясно вязнем в болоте, в которое превращают идеологию СРП наши политические оппоненты.

Я хотел бы добавить, что мы не рассматривали в октябре этот законопроект по просьбе председателя правительства.

Евгений Максимович Примаков попросил перенести его на ноябрь, имея в виду, что удастся за это время многие вопросы согласовать. Он считает, что законодательство о СРП является ключевым для правительства.

Левые фракции, считая правительство своим, отказывают ему в поддержке в конкретных вещах. Это может оказаться далеко идущим последствием, которое может предопределить и будущий правительственный кризис, если мы не найдем выхода из этой конфликтной ситуации по ключевым законодательным актам.

Кроме того, еще одно обстоятельство надо иметь в виду. Это ситуация на мировых нефтяных рынках. Если мы замотаем на пару лет соглашение о разделе продукции, инвестиции к нам точно не придут, и наша нефтяная промышленность перестанет интересоваться мировые рынки.

Объясню почему. Сейчас идет очень напряженная работа по завоеванию контроля над мировыми нефтяными потоками. Наибольшую активность проявляет Саудовская Аравия. Я напомним, что себестоимость саудовской нефти не более 75 центов за баррель.

Если саудовцы начнут продавать нефть по два доллара за баррель, они могут спокойно многие годы продержаться мировой рынок на этом уровне. Это значит, что вылетают точно с нефтяного рынка Россия, Соединенные Штаты, кроме Мексиканского залива, и многие другие поставщики нефти, за исключением стран Персидского залива — Кувейта, Эмиратов и так далее.

Саудовцы, по имеющимся у меня сведениям, прорабатывают вопросы завоевания полного контроля над мировым рынком нефти. В частности, они возвращают многих инвесторов, которые двадцать лет назад были изгнаны по политическим мотивам из Саудовской Аравии. И если мы хотя бы на год-другой "выпадем из тележки" мирового экспорта нефти, наше место будет занято.

В этой связи такие нормативные акты, как Закон "О разделе продукции" во всех его аспектах, включая завершение работы по изменению законодательства (это поправки в двенадцать законов), максимально быстрое прохождение списков месторождений, а также недопущение удушья условий функционирования нефтяной промышленности в интересах текущих бюджетных поступлений, — вещи аксиоматичные, если хотите.

Если мы не понимаем сложности ситуации, того, что можем оказаться в ситуации импортеров нефти и нефтепродуктов буквально через год-другой, то нечего нам делать как политикам в Москве и лучше расползаться по своим углам.

Так, вопросы есть? Да, вопросы можно на любые темы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, во-первых, ваше мнение, ваш комментарий хотелось бы услышать по закону о так называемом медицинском импичменте.

И второй вопрос. Сегодня вроде бы должны быть внесены в Думу, скажем так, первоочередные меры по нормализации ситуации в экономике. Ваш прогноз, будут ли они поддержаны Думой?

ШОХИН А.Н. По медицинскому закону. В Конституции Российской Федерации упомянута возможность сложения президентом своих полномочий в случае стойкой неспособности по состоянию здоровья исполнять свои обязанности.

Но, к сожалению, эта формула Конституции не расшифрована федеральным законом. Кстати, полтора года назад не прошел так называемый медицинский импичмент президенту, поскольку невозможно толковать постановлением Думы формулу, расшифровывающую статью Конституции.

Нынешний закон привязан к конкретной фамилии — Президенту Ельцину, — и его политическая заангажированность понятна. Мы считаем, что было бы правильнее идти совершенно по другому пути — абстрагируясь от фамилии действующего Президента Ельцина, создать закон, в который мог бы быть включен и перечень болезней или стадий той или иной болезни, которые медицинская экспертиза заранее объявляет достаточным основанием для того, чтобы президент как глава государства, Верховный главнокомандующий слагал свои полномочия по причине стойкой неспособности исполнять в полном объеме функции президента.

Вот когда незаангажированный перечень такого рода обстоятельств будет сделан, можно примеривать его на конкретное лицо, в частности на Президента Ельцина. Любой другой способ — это попытка выдавить Президента Ельцина в период ухудшения его здоровья с его поста, и мы не можем здесь давать гарантии, что это не повод для реализации политических амбиций левой оппозиции либо конкретных политиков внутри фракции КПРФ.

Поэтому мы голосовали против этого законопроекта, но, естественно, будем участвовать в работе, если она будет вестись объективно и по той формуле, которую я сейчас только что описал.

Но вы знаете, что это только один из аспектов политического давления, которое сейчас осуществляется. Есть и другие способы — импичмент, например, который перешел в вялотекущую формулу. Он явно затянется до весны следующего года. Есть и призывы к президенту добровольно уйти в отставку, без медицинского заключения. И здесь, очевидно, просматривается интерес некоторых политических сил на досрочные президентские выборы.

Фракция НДР обсуждала этот вопрос. Мы категорически выступаем против импичмента президенту, считая, что в тех обвинениях, которые сейчас предъявляет Комиссия по импичменту, больше политического и здесь нет соответствия той формуле, которая прописана в Конституции. Там нужно обнаружить состав уголовного преступления. Тот факт, что процедура импичмента ушла в вялотекущий процесс, означает, что политические задачи, видимо, изменились и инициаторам импичмента теперь можно, что называется, притормозить.

Но это не значит, что в нашей фракции все однозначно положительно оценивают деятельность нынешнего президента. Мы считаем, что в ней много недостатков, в том числе кадровые назначения последнего года, во многом спровоцировавшие

кризис, отсутствие преемственности в экономической политике и так далее. Есть за что его критиковать.

Но мы считаем, что ответственность Президента России за ситуацию в стране должна быть разделена Государственной Думой — парламентом Российской Федерации в целом, и если досрочные выборы проводить, то как одновременные досрочные выборы президента и парламента.

Но их было бы бессмысленно проводить, если бы, досрочно сменив президента и Государственную Думу, получили повторение пройденного — то же противостояние, с которым мы сталкиваемся с начала независимой жизни Российской Федерации. Было бы правильно внести согласованные поправки в Конституцию на основе того проекта политического соглашения, которое было подготовлено к сентябрю и на основании которого предполагалось утвердить кандидатуру председателя правительства. Напомню, первая статья этого соглашения гласит, что стороны — подписанты этого соглашения — в месячный срок внесут согласованные поправки в Конституцию, направленные на оптимизацию соотношения властей.

Если бы согласованный вариант поправок был внесен до конца года, я вас уверяю, к весне мы бы имели одобренные двумя третями субъектов Федерации поправки к Конституции, и тогда на осень, на сентябрь-октябрь, можно было бы объявлять досрочные выборы президента и парламента.

Но, еще раз подчеркну, это одновременные досрочные выборы, которые не только делят ответственность между нынешним президентом и нынешней Думой за ситуацию в стране, но и базируются на обновленной Конституции.

Эта формула не предполагает давления на президента. Она предполагает вовлечение его в этот процесс в качестве равноправного участника, а может быть, даже инициатора. Вот наша формула, которая может снять и конкретные вопросы — озабоченность тех или иных сил здоровьем Президента Ельцина. Я уверен, что здесь высказываются искренние пожелания, а не попытка добить, что называется, Бориса Николаевича.

И в то же время мы здесь решаем несколько политических задач, иначе захлебнемся в собственных амбициях и в корпоративных партийных интересах.

Что касается программы. Да, мы ждем развернутую экономическую программу, но не под тем названием, под которым она сейчас легализовалась — "О мерах по стабилизации экономической, финансовой ситуации", а ждем конкретные законопроекты.

Первый законопроект, который нас не может не беспокоить, — проект бюджета на будущий год. Я напомню, что по российскому законодательству проект бюджета на следующий год представляется к первому сентября. Правительство Кириенко за два дня до своей отставки запросило месячную отсрочку. После этой месячной отсрочки прошло уже довольно много времени — полтора месяца, и нам по крайней мере нужно четко знать, когда же проект бюджета будет представлен в Государственную Думу.

Те парламентские слушания, которые намечены на вторник, будут проходить в закрытом режиме, но не потому, что мы хотели бы что-то спрятать от журналистов. Это и не реализация коварных планов коммунистов — начать массированное наступление на свободу слова, я надеюсь. Просто хотелось бы, чтобы правительство назвало некоторые цифры в прогнозном проектном режиме. Поскольку эти цифры могут касаться эмиссии, курса и так далее, не хотелось бы, чтобы они раньше времени вылезли наружу и тем или иным образом повлияли на ситуацию на рынках. Только эта причина заставляет нас перевести слушания в закрытый режим. На них будут присутствовать председатель правительства, вице-премьеры, ключевые министры, председатель Центрального банка. И я думаю, что только тогда, после 10-го числа, мы точно узнаем график представления материалов.

Кроме проекта бюджета нам нужны налоговые законы. Надеюсь, сегодня правительство все-таки зафиксирует окончательную позицию — какие же будут ставки по ключевым налогам? В том числе по налогу на добавленную стоимость. Как вы знаете, наш бывший коллега по фракции Георгий Боос отстаивает радикальную версию налоговой реформы с резким сокращением налогообложения, в частности сокращение с 20 до 10 процентов НДС.

Это он начал делать еще до того, как Национальное собрание Франции сократило НДС с 20 до пяти с половиной процентов, так что скорее французские законодатели последовали нашему примеру.

И многие другие идеи, которые зафиксированы в виде благих намерений в правительственной программе, которая в принципе была поддержана депутатами и лидерами фракций, требуют конкретизации. Как известно, дьявол прячется в деталях. Вот нам не хотелось бы, чтобы в деталях, которые будут представлены в форме законопроектов, был обнаружен дьявол, что в них многое от лукавого. Как известно из Библии, лукавый и дьявол — это одно и то же лицо.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Я думаю, что каждая избирательная кампания, в том числе российская, является объектом критики. Можно критиковать, наверное, и избирательную кампанию по выборам Президента Казахстана, в частности небольшие сроки, которые были отведены на развертывание этой кампании и давали преимущество ныне действующему Президенту Нурсултану Абишевичу Назарбаеву. Есть и другие сигналы, назовем это старым советским словом, о том, что есть те или иные нарушения.

Но я думаю, что власти Казахстана — и президент, и парламент — наверняка согласятся принять международных наблюдателей, с тем чтобы можно было сделать тот или иной вывод о соответствии избирательной кампании и хода голосования тем стандартам, которые являются базовыми, в том числе и для тех международных организаций, членом которых является Казахстан.

АГЕНТСТВО "ИРНА".

Александр Николаевич, вчера Юрий Маслюков заявил: если Дума не будет утверждать бюджет, тогда правительство уходит в отставку. Ваш прогноз — каковы будут дальнейшие отношения Думы с правительством? Причем он уверенно сказал, что этот бюджет будет слишком сложным.

ШОХИН А.Н. Мне кажется, что нельзя делать таких резких заявлений, не представив той конкретной программы, которая должна быть одобрена Думой. Как можно, например, давить на Думу, чтобы она приняла вариант бюджета, который назван жестким, и законопроекты о конкретных параметрах, о которых мы можем только догадываться, и ставить принятие этих законов условием сохранения или отставки кабинета. Я считаю, что это некорректная формула. Это первое.

Второе. Где был Юрий Дмитриевич Маслюков со своими коллегами-коммунистами, когда в том же положении было правительство Кириенко, когда оно представило проект законов, потребовало их быстрого принятия, причем сразу в трех чтениях, считая, что от принятия или непринятия этих законов зависит судьба страны и финансовой системы страны? Что, тогда коммунисты действовали по принципу чем хуже — тем лучше? А сейчас выставляют поддержку парламента в качестве ультимативного требования. Я думаю, это некорректно.

По крайней мере я готов был бы обсуждать эту тему после того, как имел бы возможность вместе со своими коллегами по фракции обсудить и параметры бюджета, и параметры политики доходов, и не только налоговой политики, но и политики в области заработной платы, пенсий и так далее.

Ключевой вопрос — индексация пенсий и зарплат или единовременная компенсация? Если индексация, то, учитывая 70-процентный рост цен за 1998 год, по прогнозам, он таким, наверное, будет, какая? В какой пропорции к этому росту цен? И справятся ли с ней финансовая система, бюджетная система? Появится ли новый налог, который будет называться инфляционным налогом. Его законодателям утверждать не надо, он сам выскочит, как чертик из шкатулки. Справится ли этот инфляционный налог с индексационными задачами? И как будет гонка инфляции, компенсации осуществляться? Много вопросов, которые требуют совместного обсуждения.

Не было ни разу такого в парламенте на протяжении предшествующих лет, чтобы утверждался тот вариант проекта бюджета, который вносился правительством. Но в целом сама постановка вопроса о том, что непринятие бюджета является поводом для постановки вопроса о вотуме доверия или недоверия правительству, с политической точки зрения правильна.

Вот если бы Юрий Дмитриевич Маслюков или Евгений Максимович Примаков заявили, что они отношении Государственной Думы к бюджету будут рассматривать как основание для постановки вопроса о вотуме доверия, этот подход верный.

Я в свое время предлагал и Виктору Степановичу Черномырдину использовать такие технологии, не боясь отставки. Надо четко фиксировать свои взгляды, отстаивать их и иметь возможность нести ответственность либо перекладывать эту

ответственность на Государственную Думу. Все бюджеты предшествующих лет компромиссны. Эти компромиссы приводили к тому, что мы до сих пор не можем сказать — кто же виноват. Именно поэтому я исхожу из формулы — все виноваты. И если уж устраивать досрочные выборы, то всех ветвей власти. Известно, что правительство уходит в отставку вместе с уходящим президентом, а новое правительство формируется вновь избранным президентом. Значит, в случае одновременных выборов президента и Думы будет сменено и правительство.

"НАШ ДОМ - ОТЕЧЕСТВО"?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ "НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н. ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. К. 304. 19 НОЯБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. У нас сегодня режим беседы, а не пресс-конференции. Подскажите, с какой темы начать.

С МЕСТА. А как вы оцениваете перспективу коалиции Лужков—Черномырдин?

ШОХИН А.Н. Я сейчас перед встречей с вами почитал материалы НДР трехлетней давности — материалы I и II съездов НДР, которые состоялись соответственно в августе и сентябре 1995 года.

Во-первых, читая свои выступления на этих съездах, я пришел к выводу, что сейчас мы идем по кругу. Тогда я предлагал считать НДР движением широкого политического центра.

Во-вторых, несмотря на нежелание Виктора Степановича Черномырдина использовать какие-либо "измы" в качестве программных установок НДР, я тогда предложил использовать триаду с "измами" — государственный социальный либерализм как основополагающий принцип НДР. Либерализм — потому что мы не отказываемся от ценностей рыночной экономики, от вольностей, свобод и прав человека. Это тоже основополагающий принцип деятельности НДР. Социальный — потому что экономическая, даже либеральная политика должна иметь жесткие социальные ограничения, соблюдение минимальных социальных стандартов при реализации реформаторского курса, это тоже ключевой принцип деятельности НДР. И наконец, государственность или государственничество — это необходимость усиления роли государства в частности, направленная на соблюдение стандартов, принципов и правил поведения в рыночной экономике, на защиту стандартов, защиту предпринимателей и граждан. Вот эти три принципа, являясь базовыми для НДР с 1995 года, сейчас получают популярность, и многие политические силы начинают, если хотите, их заимствовать, и тем самым можно признавать то, что в России появляется культура политического центризма.

Если на протяжении почти 80 лет преобладали крайности: левый радикализм или правый радикализм, — то буквально накануне выборов 1999—2000 годов появляется тяга к центру, к центризму. Это, конечно, не означает, что наши сограждане как избиратели хорошо ориентируются, где тут правая, где левая сторона. И я думаю, что здесь понятнее терминология типа сено — солома, то есть нужно объяснять на понятном людям языке, что означают эти принципы правого центра.

Сравнивая наши содержательные установки с теми заявленными (пока в форме намерений создаваемой партии) объединением "Отечество" Лужкова, я должен сказать о том, что здесь много пересечений. Достаточно сказать о том, что само название "Отечество" — это из нашего арсенала. Весной 1995 года было два альтернативных названия нашего движения. Одно было предложено Сергеем Михайловичем Шахраем, он тогда входил в инициативную группу по созданию НДР. Его название было "Отечество" или "Отчизна". И второе название было предложено Владимиром Рыжковым — "Наш дом — Россия". Нетрудно убедиться, что эти названия одного типа. Если, например, соединить оба названия, скажем, "Наш дом — Отечество", создать такую новую формулу, то ничего не изменится и в восприятии этого движения гражданами, и в восприятии такого названия политиками.

То есть мы на одном политическом поле и у нас один электорат. Очень важно поэтому, чтобы создаваемое Юрием Михайловичем Лужковым движение вместе с нами расширило электорат центристских партий и движений, а не делило его,

отнимая устоявшийся электорат у НДР, и добивалось лишь его переориентации на новых политиков, на новые политические структуры.

Если дело лишь в том, чтобы, скажем, НДР заменило ДВР в 1995 году, а "Отечество" заменит НДР в 1999 году, то мы не решим главной политической задачи, которая стоит перед всеми центристскими, правоцентристскими партиями. Я считаю, что этой задачей является недопущение формирования левого большинства в Государственной Думе следующего созыва.

Для того чтобы получить большинство, центристские и правоцентристские партии должны не делить и не перетягивать на себя тот же самый электорат. Они должны сделать все для того, чтобы завоевать это самое нелевое большинство, которое, в общем-то, есть в обществе. Это большинство потому не представлено в Государственной Думе, что на центристской и правоцентристской площадке топчутся чересчур много амбициозных политиков и много измельчавших политических партий и движений, большинство из которых создается под конкретных политических лидеров, которые не в состоянии договориться со своими потенциальными партнерами по коалиции, блоку центристских, правоцентристских сил.

Я считаю, что со вновь создаваемым движением "Отечество" Лужкова нам нужно вступить в переговоры, но речь не идет о том, чтобы, условно говоря, перетечь в это движение из НДР. Речь идет о том, чтобы нашему движению, имеющему свою фракцию (вторую по величине в Государственной Думе), оказывать соответствующую политическую поддержку не только НДР как политическому движению, но и "Отечеству", и ряду других центристских, правоцентристских партий. Лоббируя те или иные идеи, проводя те или иные законы и политические заявления в Государственной Думе, мы обязаны быть, в некотором смысле, авангардом нескольких политических движений, которые сейчас не имеют своих представительств в Государственной Думе. Это первое.

Второе. Мы обязаны договориться хотя бы о мягкой коалиции. Мягкая коалиция — это согласованные действия по 225 одномандатным округам. Если мы сумеем выставить согласованный список кандидатов в одномандатных округах, кандидатов, которые будут, представляя конкретные политические партии и движения, в то же время выступать неким единым фронтом от центристских, правоцентристских партий, то будут веские основания рассчитывать на победу на выборах в Государственную Думу и по одномандатным округам. Если не во всех этих 225 округах, то в большинстве из них. Это уже основа для формирования центристского, правоцентристского большинства в Государственной Думе.

Если окажется в рамках этой коалиции здравомыслящих сил несколько колонн, несколько партий и движений, идущих самостоятельно на выборы, каждая из которых может преодолеть пятипроцентный барьер или большинство из них преодолеют пятипроцентный барьер, то можно, действительно, добиться большинства, которое сумеет контролировать не только Думу, но и правительство.

Я уверен, что на следующих выборах та политическая сила, в широком смысле слова — левое большинство либо правоцентристское большинство в любом случае сформируется, одна из двух проявится в качестве большинства. И я уверен, что, как бы ни складывалась политика нынешнего кабинета, даже если она будет эффективной и успешной, новое большинство наверняка сформирует свое правительство перед президентскими выборами.

Технология простая. Достаточно дважды выразить вотум недоверия правительству и со ссылкой на известную статью Конституции, гласящую, что в первый год после выборов Думу распускать нельзя, Дума может сформировать свой кабинет. Наверняка это произойдет. Поскольку свой кабинет для партии, победившей на парламентских выборах, — это гарантия проведения своего кандидата в президенты.

Так что мы просто обязаны бороться сейчас за большинство в Государственной Думе, и я говорил об этом почти два месяца назад после своего ухода из правительства, напоминая постоянно, что президентские амбиции конкретных лидеров сейчас носят второстепенный характер. Самое главное — договориться о совместных действиях на парламентских выборах лидерам крупнейших политических партий и движений центристского, правоцентристского толка.

Если мы не сумеем этого сделать, если будем делить свой электорат между большим числом партий и движений, то передадим сами победу в руки левых партий и движений, в руки НПСР, их союзников, и, стало быть, мы отдаем им

президентский пост, если выборы президента состоятся после парламентских выборов.

Вот основные задачи, которые я вижу в контексте формирования новых политических партий и движений.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, может ли кто-то войти в оргкомитет движения "Отечество" из НДР?

ШОХИН А.Н. Мы не считаем необходимым участвовать в создании движения "Отечество", не напрашивались на сегодняшнее заседание оргкомитета по его учреждению. Естественно, что мы ждем приглашения на учредительный съезд этого движения, с тем чтобы в рамках съезда договориться о совместных действиях.

Никто из депутатов, насколько я знаю, от нашей фракции не участвует официально в заседании оргкомитета. Но это не значит, что никого из эндээровцев не будет. В частности, судя по газетам, член политсовета НДР, губернатор Саратовской области Аяцков, такое приглашение получил и, может быть, даже будет участвовать.

В основном мы будем выстраивать свои отношения на основе согласования экономической, политической программ деятельности наших движений и самое главное — на основе совместных действий по выборам в Государственную Думу.

МОСКОВКИН. МЕЖДУНАРОДНАЯ "ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА".

Скажите, а если в Думу придет такой человек, как "Паук", со своими лозунгами? И вообще, серьезно, как вы считаете, насколько это вероятно?

ШОХИН А.Н. "Паук" - это кто?

МОСКОВКИН. Он по 195-му округу баллотируется на выборах в Госдуму.

ШОХИН А.Н. "Паук" — это, по-моему, какая-то звезда поп-бизнеса. Вы знаете, я согласен с генералом Лебедем, что в 1999 и 2000 годах основную роль будет играть народ на выборах, а не финансовые олигархи, не деньги. Правда, многие люди, представляющие криминальный мир, обладающие деньгами, могут одновременно реализовывать популистские программы, завоевывать, хотя бы временно, доверие избирателей и пробиваться в Государственную Думу.

Но в то же время это беда наша, действующих политиков в том, что мы пускаем в Государственную Думу "пауков", антисемитов, людей, разжигаящих национальную рознь, и так далее. Стало быть, нам самим нужно поменьше здесь, в Думе, выяснять отношения или пускаться во все тяжкие, что называется, в попытке завоевать дешевое доверие, дешевую популярность избирателей.

В частности, конечно, очень плохо, что не было жесткого осуждения поведения генерала Макашова в Государственной Думе, и прежде всего его коллегами по фракции. И, к сожалению, заявление Государственной Думы по действиям Макашова появилось слишком поздно и слишком мягким было. В этой связи не может не подогревать такая реакция действующих политиков активность "пауков" и не может не возбуждать и люмпенизированную часть электората голосовать за экзотических кандидатов в депутаты.

Сама Дума, превращаясь в экзотическое образование, стимулирует процесс образования паутины, к сожалению.

ВОПРОС.

Получается, что сейчас в районе левого или правого центра уже топчутся три достаточно крупные политические силы, вроде "ЯБЛОКА", НДР и вот теперь, видимо, "Отечество". И как можно будет разрешить эту проблему?

ШОХИН А.Н. Я бы не хотел повторять ваш термин "вокруг центра топчутся". Если, кстати, мы будем хорошо топтаться и утопчем хорошую политическую площадку, с которой можно будет стартовать на выборы 1999 года, ничего плохого в этом нет. Но главное — не взрывать эту площадку и не проводить подкопы друг под друга. Вот это тогда будет плохая стартовая площадка.

Что касается оценок взаимодействия в целом. Я считаю, что идеальным был бы вариант формирования совместного списка в Государственную Думу центристских и правоцентристских партий. Если бы не только по одномандатным округам можно было договориться, но и по единому списку, вот тогда успех был бы гарантирован.

Другое дело: как проводить формирование этого списка? Нужно ли делать всероссийский опрос: кто популярнее — Лужков, Черномырдин, Явлинский или кто-то еще? Можно другими способами. Просто более ответственные политики могут пропускать вперед более динамичных и перспективных. Может быть, наоборот, амбициозные будут затапывать менее динамичных, не знаю. Но тем не менее единый список — это гарантия победы центристского, правоцентристского

большинства.

Есть одна избирательная технология, которая позволяет на это рассчитывать. Это технология — одновременные и досрочные парламентские и президентские выборы. Понятно, что чисто технически одновременные выборы возможны в случае, если президент слагает свои полномочия за три месяца до парламентских выборов. В этом случае их можно назначить на один день. И только президент может устроить нам совместные досрочные, по крайней мере президентские, выборы, увязанные с регулярными парламентскими выборами. Можно в принципе пойти и на досрочные выборы парламента, соединенные с досрочными выборами президента, организовав их, скажем, в ноябре, как это принято в Соединенных Штатах. Для этого, правда, немало нужно сделать.

На мой взгляд, такая технология может быть запущена не просто по доброй воле президента и других участников политического процесса. Такая схема возможна в случае обновления Конституции. Если все стороны политического соглашения, которое было подготовлено к сентябрю, доведут это соглашение до подписания и в соответствии с первой статьей этого соглашения внесут в месячный срок согласованные поправки к Конституции, то я вас уверяю, за два-три месяца 2/3 субъектов Федерации могут ратифицировать эти согласованные поправки к Конституции. И тогда, если к лету такая ратификация поправок состоится и, стало быть, у нас будет обновленная Конституция, вполне можно и даже необходимо на базе обновленной Конституции провести одновременные досрочные выборы всех ветвей власти, и прежде всего Государственной Думы и президента, поскольку правительство меняется автоматически после президентских выборов.

Какие изменения в Конституцию можно было бы внести? Я считаю, что менять форму правления необходимости нет. Менять президентскую республику на парламентскую с четким прописыванием обязанностей президента, давать право формировать правительство лидеру партии, получившей наибольшее число голосов на выборах, нужды нет. Но нужно приблизиться к этой технологии, с тем чтобы через выборы уже можно было бы переходить на принятую в большинстве стран, европейских прежде всего, технологию формирования правительства на основе парламентского большинства.

Какой шаг сейчас можно сделать до ближайших выборов? Я думаю, что можно согласиться с требованием многих политических сил и обязать президента вносить разные кандидатуры на пост председателя правительства. Вы знаете, что толкование в Конституционном Суде еще не завершилось, идет лингвистическая экспертиза соответствующей статьи Конституции. Но я думаю, что президент мог бы сам предложить эту формулу, что он должен представлять разные кандидатуры. Кроме того, можно было бы пойти на форму, которая присутствует во многих странах, в Италии например, когда утвержденный нижней палатой парламента премьер обязан через 10 дней поставить вопрос о вотуме доверия своему кабинету, который за эти 10 дней формируется и который формирует свою программу. Эта технология не предполагает, что этим премьером будет обязательно лидер партии, победившей на выборах. Но эта технология предполагает, что правительство не может быть сформировано без поддержки большинства в Государственной Думе.

Такого рода изменения являются серьезным шагом по перераспределению полномочий, а лучше сказать, по оптимизации государственной власти в России. Достаточно оснований для того, чтобы реализовать идею одновременных досрочных выборов. Понятно при этом, что обновление Конституции, первый шаг в конституционной реформе, не может осуществляться под давлением одной из сторон. И, в частности, он не может быть оборотной стороной процесса выдавливания действующего президента из власти и принуждения его к добровольной отставке.

Я считаю, что эта схема может быть реализована только при полюбовном согласии всех сторон и инициатором ее должен быть Президент России.

На мой взгляд, Президент России сейчас может повлиять на исход парламентских и президентских выборов не назначением преемника, не поддержкой того или иного кандидата (здесь эффекты могут быть прямо противоположными), а, во-первых, активным включением в процесс конституционной реформы и, в некотором смысле, в навязывании своих поправок к Конституции другим участникам конституционного процесса. И, во-вторых, в сроках выборов.

Ясно, что, если выборы состоятся после парламентских — в июле 2000 года, результат может быть один. Если президентские выборы будут, скажем, осенью

1999 года вместе с парламентскими — результат может быть другой. Наличие единого кандидата в президенты у левых сил и наличие единого кандидата в президенты у правоцентристских сил — это хорошее объективное основание для объединения этих сил. Если левые силы уже почти объединились (хотя у них там есть разные маневры, как, каким количеством колонн идти на парламентские выборы), то правым силам еще надо объединяться, и только нужда может заставить их объединиться. Этой нуждой может быть необходимость консолидироваться вокруг единого кандидата в президенты, если парламентские выборы будут совмещены с президентскими.

Поэтому я считаю, что у Бориса Николаевича Ельцина есть историческая миссия обеспечить победу на парламентских и президентских выборах представителя центристской, правоцентристской части политического спектра и сделать это он может, управляя сроками выборов и процессом обновления Конституции.

Решится Борис Николаевич на эту схему — значит, его историческая роль будет положительная.

ВОПРОС.

Скажите, что такое координационно-аналитический центр, который создан во фракции?

ШОХИН А.Н. Когда депутаты предложили создать координационно-аналитический центр, я сразу сложил аббревиатуру, получился КАЦ, и спросил депутатов, не боятся они, что генерал Макашов разразится какой-нибудь бранью в адрес нашей новой структуры с такой неблагозвучной наверняка, на его взгляд, аббревиатурой?

Но тем не менее мы именно так и учредили нашу структуру — координационно-аналитический центр, который будет работать под эгидой фракции, заниматься анализом электоральных перспектив наших депутатов. Мы проведем анализ ситуации во всех округах, где избирались наши депутаты либо намерены избираться. Большинство списочников хотели бы баллотироваться в одномандатных округах, и мы считаем, что это даже некоторое обязательство перед фракцией баллотироваться в одномандатных округах: если после трех лет работы в Думе они не сумели заручиться поддержкой граждан своих регионов, поддержкой губернаторов и так далее — значит, недостаточно эффективно работали. Мы не намерены им облегчать работу, вписывая в партийные списки.

Кроме анализа политических перспектив депутатов в конкретных округах, координационно-аналитический центр, созданный позавчера, будет заниматься коалиционными переговорами, и эти переговоры будут вестись со всеми политическими силами и достаточно публично и с центристскими, и левоцентристскими, и с правыми силами прежде всего на предмет согласования действий в одномандатных округах в направлении согласования наших действий с губернаторами.

Понятно, что губернаторы сейчас ведут себя достаточно осторожно. Они не готовы отдаваться во власть одной политической силы. Им хотелось бы, многим из них, сделать безошибочную ставку на победителей на парламентских и президентских выборах. Но тем не менее во многих регионах губернаторы и президенты создали свои коалиции, коалиции под губернатора, под президента, и в эти коалиции входит, естественно, НДР, входят и другие партии и будут входить новые партии. И нам очень важно, чтобы в каждом регионе была коалиция, которая на федеральном уровне должна возникнуть к парламентским выборам.

Вот как минимум две задачи для координационно-аналитического центра, и в середине декабря мы (такое поручение от фракции имеем) должны будем доложить о проделанной работе, и, я думаю, это первый серьезный шаг.

К сожалению, нам на политсовете НДР не удалось "застолбить" эту схему. Я предлагал в субботу на политсовете создать что-то вроде предвыборного штаба, не называя это предвыборным штабом. До начала официальной избирательной кампании мы штабы создавать не имеем права, но тем не менее, если бы такого рода координационно-аналитический центр был создан в субботу, нам не пришлось бы позавчера делать это под эгидой фракции.

Мы считаем, что время не ждет. Нельзя ждать, когда в августе или в сентябре 1999 года указом президента будет назначена официальная дата выборов и начнется избирательная кампания. Мы должны уже в ближайшие месяцы определить и списки своих кандидатов в депутаты, и ситуацию в округах, и коалиционных партнеров. Если мы это сделаем в ближайшие месяц-два, у нас есть шансы прийти к августу, когда будут объявлены официально выборы и избирательная кампания,

подготовленными. И в частности, в августе можно будет уже начинать официально учреждать предвыборные блоки.

Я напомним, что партии и движения, которые по закону имеют право участвовать в выборах, могут одновременно создавать избирательные объединения, предвыборные блоки. Такие блоки можно учреждать только лишь после официального объявления избирательной кампании. Но нам нужно, определившись по мягким формам коалиции, по перспективам своих кандидатов в округах, готовиться к тому, что в августе—сентябре мы можем учредить и более широкую коалицию, которая пойдет едиными списками на парламентские выборы, с тем чтобы победить.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, для того чтобы начать предвыборную кампанию, нужно много внести изменений в законодательство по выборам?

ШОХИН А.Н. Дело в том, что по ряду позиций нужны изменения. Но это не значит, что по ныне действующему законодательству нельзя провести выборы. Понимаете, это две большие разницы. Нужен более жесткий контроль за избирательными фондами, ставится вопрос о контроле за избирательными участками и так далее. Это улучшение законодательства, но это не его кардинальное изменение. После того как Конституционный Суд дал толкование о законности пятипроцентного барьера, базовый вопрос считайте что решен.

Кстати, в субботу на заседании политсовета по моей инициативе мои коллеги долго сопротивлялись, считая, что ничего не надо менять в избирательном законодательстве, но я настоял, чтобы в политической резолюции была запись о том, что мы за плавающий пятипроцентный барьер, означающий, что пятипроцентный барьер может снижаться, если его преодолевают партии, которые в совокупности набирают менее 50 процентов голосов. Когда два дня назад оказалось, что Конституционный Суд, можно сказать, по нашим текстам почти что, как бы читая их или имея в виду, принял свое решение о таком плавающем барьере, стало ясно, что наше движение идет в правильном направлении. Мы согласны с тем, что это дело законодателя — вводить пятипроцентный барьер, не вводить, вводить правило плавающего барьера либо вводить правило, скажем, немецкого типа, когда партии, которые продвигают своих депутатов хотя бы в трех округах, имеют право на разделение каких-то квот в бундестаге.

Но если закона не будет, если в закон не будет внесено изменение о плавающем барьере (кстати, в 1995 году дважды в предыдущую Думу вносил эту поправку, она не прошла, неактивно Иван Петрович Рыбкин ее ставил на голосование), то это не значит, что нет технологии проведения выборов. Это значит, что в случае, если по партийным спискам в Думу попадут партии, которые в совокупности получают поддержку менее 50 процентов избирателей, Конституционный Суд примет решение о нелегитимности Думы и ее партийной части. Стало быть, законодатели сами заинтересованы быстро принять на всякий случай эту поправку, чтобы не быть распущенными на следующий день после подведения итогов выборов. Вот такого рода поправки нужны, но они не революционные, если хотите.

Поэтому выборы могут в любом случае состояться по действующему законодательству, но ряд новаций нужно, безусловно, вносить. В частности, кандидаты в депутаты должны сообщать все сведения о себе, в том числе прошлых судимостях, поскольку люди должны знать, за кого они голосуют. Хотя опыт показывает, что часто судимость выставляется на первый план в качестве достижений кандидата в депутаты (борьба с режимом), это имеет большой положительный эффект. Поэтому здесь не вижу как бы особых проблем.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, у вас было очень интересное рассуждение об одновременных...

ШОХИН А.Н. У меня все рассуждения интересные.

ВОПРОС.

...об одновременных выборах. Вы, так скажем, позитивно высказывались насчет идеи досрочных выборов президента. Означает ли это позицию фракции НДР?

И второй вопрос. Почему вы думаете, что выбрать единого кандидата в президенты легче, чем создать коалицию на парламентских выборах?

ШОХИН А.Н. Я не думаю, что это легче. Я думаю, что создать коалицию на парламентских выборах может заставить только внешняя общая угроза. Очень

трудно посадить за один стол тех политиков, которые разделяют одни и те же убеждения.

Я не случайно в начале нашей пресс-конференции остановился на единстве политических взглядов нашего движения и тех, которые заявляются Юрием Лужковым как базовые для его движения, его партии "Отечество". Но это не значит, что Юрий Лужков и Виктор Черномырдин на следующий день после учреждения "Отечества" сядут за один стол и договорятся о коалиции на том основании, что у них нет никаких программных разногласий. И более того, на том основании, что одни и те же губернаторы поддерживали НДР и готовы поддержать "Отечество". Наоборот, может разгореться довольно напряженная борьба за голоса избирателей, за поддержку регионов и так далее.

Опыт 1996 года показывает, что те политические силы, которые два-три месяца до этого боролись друг с другом, на президентских выборах объединяются, чтобы провести единого кандидата в президенты, если стоит альтернатива — куда идти стране, какой тип общественно-политического устройства будет после президентских выборов.

К сожалению, выборы 2000 года — это повторение пройденного. В 1996 году мы думали о том, какой строй будет после президентских выборов: социализм с административно-командным лицом или демократия с рыночной экономикой. И в 2000 году мы опять этот вопрос неизбежно поставим: с каким лицом у нас будет рынок, будет ли демократия, свобода либо возвращаемся в прошлое, тем более что сейчас некоторые фрагменты прошлого перед глазами. Я имею в виду сентябрьские пустые полки, инфляцию, обесценивание вкладов и так далее. И нам надо четко решить, по какому пути идти.

Вот этот выбор — или-или, он, на мой взгляд, встает в менее жесткой форме. Ясно, что кандидат в президенты сейчас должен быть менее радикальным с точки зрения либеральных идей, монетаристских идей, нежели кандидат в президенты 1996 года, но понятно и то, что альтернатива все равно остается. И это обстоятельство должно заставить объединяться политические силы на выборах в парламент вокруг единого кандидата в президенты. Это единственный способ.

В принципе одновременные парламентские и президентские выборы нигде не проводятся. Почему? Потому что считается, что на них возможен захват власти одной политической силой. В зависимости от настроения в обществе та или иная партия может и захватить парламент, и провести своего кандидата в президенты. Поэтому считается, что лучше их разводить. В случае, если настроения в обществе колеблются случайно, можно сгладить их размежеванием, разведением сроков президентских и парламентских выборов. Кроме того, действующий президент всегда может как бы способствовать победе своей партии и на парламентских, и на президентских выборах.

Но специфика такова, что сейчас действующий президент, на мой взгляд, сильно не может влиять на исход выборов, за исключением тех технологий, о которых я говорил, — назначением даты выборов, назначением и формированием технологии одновременных выборов. У него остался только этот способ воздействия. И этот же способ воздействия во многом, я так понимаю, повлияет и на возможности формирования коалиций на парламентских выборах. Еще раз, резюмируя, скажу. Необходимость победить на президентских выборах кандидату, противостоящему левой оппозиции (пока еще мы ее называем по традиции оппозицией, хотя это уже не так), должна заставить выдвинуть единого кандидата в президенты.

Второй способ (я о нем говорил полтора месяца назад) заключается в том, что парламентские выборы будут объективным рейтингом для политических лидеров, которые сейчас не готовы объединяться и не готовы пропускать своих потенциальных партнеров в этой очереди на президентскую позицию. Такое, конечно, тоже возможно. Парламентские выборы рассматривать как "праймерис", как первичные выборы президента. Но я здесь боюсь, что мы будем делить один и тот же сегмент электората, и НДР будет тягаться с "Отечеством" и что-то у кого-то отщипнет. Как мрачно ни оценивать наши перспективы, все равно очевидно, мы существенную часть электората заберем на себя. И стало быть, заберем ее у кого-то из центристов, демократов и так далее. Как объединить голоса — вот главная задача.

Кстати, здесь есть любопытный момент, который связан с оценкой нынешнего правительства и общей ситуацией в обществе и в политической жизни. Два месяца правительство Примакова ведет достаточно взвешенную линию, которая может

быть названа политикой дипломатического или политического маневрирования. Примаков не примыкает ни к левым, ни к правым, а пытается как бы лавировать. И на первый взгляд эта политика дала свои результаты. Политическая ситуация в обществе достаточно спокойная, несмотря на многочисленные экономические и финансовые проблемы. Но тем не менее я согласен с теми аналитиками и экспертами, которые считают, что это маневрирование приводит к оживлению политической жизни, и маргинальные политические силы, в рамках той же КПРФ и левой оппозиции, активизировались, и произошел общий сдвиг влево. Поэтому правительство, продолжая дипломатические и политические маневры, само оказывается гораздо левее. Очень важно в этой связи правительству не просто плыть по воле волн, а формировать эту срединную, центристскую линию, давая достаточно жесткий отпор как левым, так и правым радикалам. Главное условие проведения этой жесткой центристской политики — объявление мер в области экономической политики, в области внутренней политики. Здесь правительство явно запаздывает, хотя вчера был принят первый документ, законопроект, внесенный правительством о первоочередных мерах в области бюджетной и налоговой политики. И хотя он был практически единогласно поддержан, основные дебаты, конечно, перейдут на второе чтение. Очень не хотелось бы, чтобы правительство, заявив ту или иную позицию, в частности по экономическим вопросам, чересчур много внимания уделяло выяснению обстановки в зале и корректировало свою точку зрения, исходя из настроения левой части Думы или других фракций. Надо формировать активную позицию, надо формировать свое лобби в Государственной Думе, не только опираясь на общеполитические соображения, что левых много и поэтому надо реверансы и соответствующие поклоны отбивать в сторону левой части Думы, но и на политические силы в Думе, которые содержательно поддерживают те или иные предложения правительства. Тогда балансирующая роль правительства будет одновременно и некой жесткой линией по формированию центра и баланса сил и интересов в обществе.

ВОПРОС. (Неслышно.)

ШОХИН А.Н. У нас в политической резолюции, принятой в субботу, четко написано, что мы против импичмента. Мы как фракция не только заявляли о своем нежелании и даже оппозиции по отношению к теме импичмента, но даже активно работаем в этом направлении в рамках комиссии и в рамках политических дискуссий. Мы сорвали поправки к Конституции, которые упрощали процедуру импичмента, поскольку предлагалось изъять из Конституции перечень оснований для импичмента и отдать на откуп парламента толкование, что является основанием, а что нет. Кстати, все поправки, предложенные левой оппозицией к Конституции, были, что называется, зарублены благодаря нашим голосам. Мы против того, чтобы президента подталкивать, принуждать его к добровольной отставке со ссылкой на состояние здоровья и так далее. Но в то же время та схема, которую я только что изложил (я излагал ее своим коллегам и не только на политсовете, но и раньше), — единственно возможная схема, которая позволяет нам обсуждать возможность досрочных выборов, — это обновление Конституции и обязательно инициативное участие в реализации этой конструкции Президента России, то есть без конституционной реформы мы не можем даже ставить на повестку дня вопрос о возможных досрочных выборах. Стало быть, левая оппозиция, если она хочет нас включить в обсуждение этого вопроса, прежде всего должна пойти на подписание политического соглашения, во-первых, и во-вторых, она должна пойти на выработку согласованных поправок к Конституции.

После этого мы можем обсуждать вопрос о досрочных парламентских и президентских выборах либо о том, чтобы приурочить президентские выборы к очередным парламентским выборам. Но без конституционной реформы мы эту тему обсуждать не готовы. И эта позиция моих коллег, а не только моя.

ВОПРОС. (Не слышно.)

ШОХИН А.Н. Что конкретно вы имеет в виду — заявление Илюхина или опись имущества ОРТ?

О заявлении Илюхина. У меня складывается личное впечатление, не берусь его высказывать в качестве твердого убеждения, чтобы не связываться с судами, что наверняка Александр Васильевич Коржаков передал какие-то бумаги Виктору Ивановичу Илюхину. В подтверждение этого тезиса можно привести слова Бориса Березовского из Тбилиси о том, что Коржаков заставил их написать эти доверенности. Но это лишь моя гипотеза. Не берусь здесь приводить никаких

аргументов в ее защиту. И вполне возможно, что, если эти расписки достоверны, Борис Николаевич о них до сих пор ничего еще не знает, если не смотрел телевизор и не читал сегодняшние и вчерашние газеты.

Я могу лишь сказать о том, что Александр Васильевич Коржаков был очень активным участником всех экономических и финансовых процессов. Я это на своей шкуре ощутил в 1994 году. В частности, в своей книжке он приводит некое письмо на имя премьера о том, чтобы Шохина отстранили от вопросов контроля за экспортом нефти. Я, как министр экономики и вице-премьер, контролировал этот процесс и в сентябре 1994 года предложил закрыть технологию квотирования экспорта нефти и назначения спецэкспортеров. Вместо этого был предложен механизм конкурсного доступа к "трубе" вместо выделения квот и спецэкспортеров. Мой анализ показал, что это самая коррупционная технология из всех, которые могут быть. Было подготовлено и принято постановление правительства, где вводился конкурсный доступ к нефтепроводам, но тут же появилось письмо с предложением отменить его и назначить ответственным за это дело другого вице-преьера — Олега Николаевича Сосковца.

Второй пример. По инициативе Александра Васильевича Коржакова было написано письмо нескольким силовикам, включая и руководителя ФСБ, и. о. Генпрокурора и так далее, с предложением отменить начавшееся тогда уже судебное разбирательство по фирме "Нога" (это довольно известный скандал, публикаций на эту тему за последние годы было много) и договориться с господином Гаоном на основе мирового соглашения, с тем чтобы он отозвал свой иск из суда. Напомню, что иск Гаона был суммарно на 650 миллионов долларов. Я считал тогда, что это все блеф и мы ничего не должны господину Гаону. Наши адвокаты, юристы, финансисты доказали, что мы ему даже переплатили, поскольку соглашение было сделано в ужасающей форме, не принятой в мировой практике. Заключалось оно, кстати, еще в бытность РСФСР. А мировое соглашение, выплата этой суммы без суда, допускало, видимо, возможность удовлетворения ряда конкретных интересов частных лиц.

Так что Александр Васильевич очень активно участвовал в финансовых операциях, не исключая, что и сделка по управлению акциями ОРТ из того же ряда. Хотя, еще раз подчеркну, утверждать не берусь.

Но в то же время я не думаю, что здесь есть какое-то основание для обвинения президента в получении взятки. Даже если подтвердится достоверность этих доверенностей, вряд ли будут найдены какие-то документальные свидетельства того, что Борис Николаевич голосовал этими акциями в процессе принятия решений, и вряд ли найдутся основания полагать, что он ими распоряжался. Стало быть, если и была эта авантюра, то она где-то закончилась на подступах к президенту.

Что касается описи имущества, то вы знаете, что налоговая полиция действует достаточно активно и готова арестовывать имущество, продавать это имущество. Уже в последнее время возникало много скандалов. Арбитражные суды принимают соответствующие решения, в частности продажа "Пурнефтегаза" за 10 миллионов долларов из того же ряда. Действительно, "Пурнефтегаз" был заложен под кредит именно в этом объеме, под 10 миллионов, и по всем законам России обеспечение должно быть возвращено в случае непоташения кредита. Понятно, что сделки такого рода могут быть фиктивными, а для кого-то и эффективными. Но это дело суда рассматривать наличие злого умысла и мошенничества в такого рода операциях. Нельзя решение суда отменять решениями правительства. Оно здесь обязано судиться. Через суд доказывать свою правоту. Здесь, по сути, две государственные организации спорят друг с другом по вопросам задолженности. ОРТ как государственный канал задолжало за частоты другой государственной организации — Госкомсвязи. К сожалению, государство как основной акционер ОРТ (50 процентов акций, как известно, у государства) не может проплатить эти обязательства за предоставленные частоты. Думаю, здесь разберутся власти. Из одного государственного кармана в другой государственный можно перекачивать деньги без таких публичных скандалов. По-моему, эти два скандала все-таки не увязаны между собой. Так, все. До свидания.

РОССИИ УГРОЖАЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕФОЛТ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ — РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
ЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. МАЛЫЙ ЗАЛ.
2 ДЕКАБРЯ 1998 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Начну с отношений между правительством и Государственной Думой. Понятно, что эти отношения преломляются через бюджет. Наша фракция считает большой ошибкой правительства то, что затягивается процесс внесения бюджета в Государственную Думу.

Можно было бы в октябре внести проект бюджета на четвертый квартал и в рамках реальной дискуссии по ключевым параметрам финансово-бюджетной политики совместно выработать пути выхода из кризиса. Если бы у нас была возможность получить, по крайней мере сегодня, проект бюджета на следующий год, Государственная Дума также могла включиться в совместную работу с правительством над поиском путей реформирования налоговой системы, путей оптимизации структуры расходов бюджета, распределения тех или иных налоговых ставок между уровнями — региональными бюджетами, федеральным бюджетом и так далее.

Как вы помните, традиционно бюджет на очередной финансовый год принимался в первом чтении лишь после того, как трехсторонняя согласительная комиссия по крайней мере несколько недель обсуждала его в режиме довольно жесткой дискуссии, где не только сталкивались интересы правительства, Думы и Совета Федерации, но и вырабатывались компромиссы, не всегда оптимальные, иногда бюджет из вполне реального проекта превращался в нереалистичский бюджет. Но тем не менее сейчас, когда у правительства запас прочности и кредит доверия гораздо выше, чем у предшествующих правительств, можно было бы эту технологию трехсторонней согласительной комиссии реализовать.

Кстати, два предыдущих премьера и Виктор Черномырдин, в начале этого года, и затем Сергей Кириенко обещали нам, что технология согласительных комиссий станет постоянно действующей и что не надо будет дожидаться отклонения бюджета в первом чтении, чтобы перед второй попыткой принятия бюджета в первом чтении созывать трехстороннюю согласительную комиссию.

Ряд параметров бюджета, безусловно, нам кажется вполне привлекательным, мы готовы их поддержать, где речь идет прежде всего о сокращении числа налогов, о снижении налоговых ставок. Мы готовы эти предложения поддерживать. Но мы против того, чтобы снижающиеся ставки компенсировались недостаточно обоснованным увеличением показателей собираемости налогов, которые могут вылиться затем в ту же фиктивную накачку бюджета дутыми доходами, как это случалось раньше при прохождении бюджета через Государственную Думу. Поэтому мы хотели бы работать вместе с правительством, оценивать реалистичность предложений правительства на более ранних стадиях разработки бюджета, даже до его внесения в Государственную Думу. К сожалению, пока что это не получается.

Мы хотели бы поддерживать реалистичский бюджет, и, конечно, в этом контексте хотелось бы знать об итогах сегодняшних договоренностей с Международным валютным фондом. В частности, намерения правительства ополовинить внешний долг, расходы на обслуживание и погашение внешнего долга выглядят обоснованными с точки зрения намерений правительства, но хотелось бы, чтобы они были обоснованными с точки зрения позиции Международного валютного фонда и кредиторов России. Известно, что Международный валютный фонд является той инстанцией, которая дает оценку реалистичности финансового разрыва, то есть реалистичности оценки нехватки финансовых ресурсов на покрытие дефицита бюджета, и именно эта оценка дает основание кредиторам предоставлять те или иные схемы реструктуризации внешнего долга. Этот вопрос, действительно, ключевой.

Мои оценки и оценки моих коллег показывают, что кроме реструктуризации и отсрочки внешнего долга, прежде всего советского долга, как суверенного Парижскому клубу, так и коммерческого Лондонскому клубу, видимо, есть настоятельная потребность в живых деньгах. Я ее оцениваю в объеме не менее 6 миллиардов долларов, которые потребуются для рефинансирования тех долгов,

которые не принято реструктурировать или по которым гораздо труднее добиваться решения о реструктуризации. К ним, безусловно, относятся долги перед самим Международным валютным фондом. 1999 год — это год первых крупных возвратов кредитов, полученных начиная с 1992 года. И только схема рефинансирования, то есть предоставления новых кредитов, которые, по существу, уйдут на погашение наших долгов перед МВФ, только эта схема является, видимо, достаточной для закрытия этого вопроса.

И для ряда направлений выполнения других обязательств, кроме обслуживания и погашения внешнего долга, понадобятся, видимо, живые деньги. Ситуация с платежным балансом очень тревожная, несмотря на резкое падение импорта после резкой девальвации национальной валюты, возможности экспорта тоже ограничены. Это связано с постоянными колебаниями мировых цен на энергетические ресурсы, на нефть прежде всего. А вы знаете, что последнее падение цен поставило российскую нефтяную отрасль в критическое положение. Цены упали на уровень, при котором добыча, транспортировка и перевалка нефти становятся попросту нерентабельными для России. И если эта ситуация затянется на несколько месяцев, то можно будет говорить о медленной смерти отечественной нефтяной промышленности.

Кстати, это предъявляет определенные требования к налоговому механизму. Не должно быть упрощенных представлений, что экспортные отрасли выиграли на девальвации, поэтому должны поделиться. Да, на девальвации они выиграли, но на падении цен — проиграли. На обслуживании внешних кредитов, которые набрали наши нефтяные компании, они, безусловно, проиграли. Поэтому нужна очень четкая калькуляция всех плюсов и минусов, но в целом ясно, что свести платежный баланс с плюсом — это очень тяжелая задача, дай Бог, если она будет выполнена. Поэтому и нужны живые деньги в виде займов или у МВФ, или из других источников заимствований, поскольку просто реструктуризации или отсрочки платежей не хватит.

Как можно реструктурировать внешний долг? Прежде всего, как я уже сказал, речь идет о новом подходе к реструктуризации долгов бывшего СССР. Российские долги сделаны Россией после первого января 1992 года, точкой отсчета обычно берется эта дата. Сейчас Россия в состоянии обслуживать по объему максимум российские долги. Остальные, советские, долги надо будет либо реструктурировать, либо списать.

Как это можно сделать? Я уже неоднократно высказывался в пользу схемы списания суверенных советских долгов, которая бы могла быть реализована на политическом уровне, если бы называлась не "списанием", а одновременной со списанием переуступкой прав требований на финансовые активы бывшего СССР. Недавно я встречался с побывавшим в Москве бывшим первым вице-премьером польского правительства — министром финансов Гжегошем Колодко, он напомнил, что Польша и Египет списали 50 процентов своего долга. Явно это было политическое решение: Египет получил эту награду за участие в ближневосточном урегулировании, Польша — за прорыв берлинской стены до ее демонтажа. Мы, конечно, в меньшей степени можем именно сейчас рассчитывать на какое-то поощрение. Но тем не менее, учитывая, что мы просто не можем поставить вопрос о списании долгов бывшего СССР, суверенных долгов перед Парижским клубом, мы выстраиваем схему своего рода взаимозачета. Хотя здесь прямых встречных требований нет, но можно технически проработать эту конструкцию, когда наши долги перед Парижским клубом, которые составляют около 38 миллиардов долларов, оказываются примерно равны финансовым активам бывшего СССР, то есть кредитам, предоставленным бывшим СССР развивающимся странам социалистической ориентации. Они после вступления год назад в Парижский клуб уменьшились со 120 миллиардов долларов примерно до 50. Примерное равенство этих цифр позволяет говорить о возможной схеме взаимозачета по объему, хотя, по существу, это проблема более сложная.

Если удастся таким образом решить проблему, придется одновременно реструктурировать ранее реструктурированные долги Лондонскому клубу. Это еще более 30 миллиардов долларов. И если мы отодвинем выплату долгов на более поздний период, стало быть, у нас не будет пиков платежей в ближайшие три года и можно будет выползать из кризиса без оглядки на бремя внешнего долга. Задача, действительно, сложная, требует доверия мирового сообщества к программам, проводимым российским правительством. И очень важно, чтобы правительство как

можно быстрее зафиксировало свои намерения в экономической области. . ИТАР-ТАСС.

Александр Николаевич, если можно, прокомментируйте историю вокруг создания еще не созданного правого блока. Как вообще НДР к этому относится? Видите ли вы в них соперников и вообще как к этому относитесь? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Мне трудно комментировать историю создания правого блока, поскольку я к ней не имею никакого отношения. Несмотря на то что я многих подписантов знаю, работал с ними в правительстве, тем не менее у меня не было с ними никаких дискуссий — ни с Чубайсом, ни с Гайдаром, ни с Сысуевым, ни с Немцовым, ни с Кириенко по поводу смысла этой всей затеи, по поводу попыток праволиберальным блоком занять нишу правого центра. Я считаю, что хорошо, когда люди, которые устойчиво ассоциируются в общественном мнении, в глазах избирателей, с праволиберальным политиком, решили объединиться. Если уж они не объединятся и будут создавать каждый свою партию, то чего стоят все разговоры об объединении. Но это вовсе не значит, что праволиберальному блоку, который возглавляется вышеупомянутыми политиками, следует подгрести под себя и правоцентристов, к коим относится "Наш дом — Россия", или центристов. Я считаю, что каждый должен вспахивать свой политический огород, и, лишь вспахав свою часть территории, можно договариваться о каких-то совместных действиях, об объединении усилий и так далее. Только частный диалог со своим электоратом: у праволиберальных политиков он свой, у правоцентристов — свой, у центристов — свой, у левоцентристов — свой. Работая на своей площадке, нужно добиться восстановления доверия своих избирателей, если оно потеряно, либо подтвердить это доверие, укрепить его, если оно не потеряно. После этого можно говорить и о более широких коалициях, совместных действиях и так далее.

Но в любом случае там, где электорат готов голосовать за единого кандидата, некоммунистического, немаргинального, не радикала, справа или слева, надо договариваться о совместных действиях в одномандатных округах. Это та мягкая коалиция, о которой я давно говорю и которая пока не складывается. Тот же опыт Санкт-Петербурга показывает, что не так просто выстроить такого рода коалицию.

Я хотел бы добавить, что нам небезынтересно узнать, как относится власть к нам как к политической силе, претендующей на нишу правого центра. В этой связи наша фракция наметила встречу на эту пятницу с руководителем администрации президента Валентином Юмашевым. Нам хотелось прежде всего выведать план администрации, поскольку было заявлено, что и президент, и администрация будут поддерживать правый центр в том виде, в котором он был заявлен на прошлой неделе либералами, а также другие партии и движения.

Нам интересно определить точку зрения администрации президента, самого президента и свою тактику, свою позицию в отношении президентской администрации и президента в этой связи.

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "НТВ".

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, а за последнее время каким-то образом сблизилась позиция НДР и лужковского "Отечества"? И вообще, на ваш взгляд, насколько велика вероятность объединения этих двух сил?

ШОХИН А.Н. Внимательное прочтение программных документов "Нашего дома — Россия" и тех заявлений Юрия Михайловича Лужкова или других сторонников создаваемого блока "Отечества" показывает, что принципиальных разногласий у нас по программным установкам нет. Это уже хороший повод для взаимодействия.

Кстати, чтобы была объективная база для взаимодействия, мы считаем, что нужно форсировать разработку достаточно детализированных, профессионально проработанных экономических, политических программ. К концу этой недели мы на базе решений политсовета, который у нас состоялся в середине ноября, подготовим программу, которая будет ничем не хуже, а даже и лучше той программы правительства, которая была обнародована месяц назад. И хотели бы, чтобы на базе таких документов, продвинутых профессиональных документов, формировались блоки. Если окажется, что нашу экономическую программу готовы будут поддержать те или иные политические силы, вот вам объективная база для взаимодействия.

Что касается продвижений. Была достигнута договоренность у меня о встрече в ближайшее время с Юрием Михайловичем Лужковым. В равной степени достигнута договоренность у меня и о встрече с Григорием Алексеевичем Явлинским. Мы готовы обсуждать с этими политиками технологию взаимодействия

схемы совместных действий.

Что здесь для вас очевидно, если о Лужкове говорить? Наша фракция, обсуждая эту тему, приняла следующее решение. Мы готовы быть парламентской трибуной для внедумских политических сил, родственных нам по идеологии. В данном случае мы готовы представлять по "договору" интересы движения "Отечество", если будет желание использовать нашу фракцию. Это во-первых.

Во-вторых, мы как фракция движения, идущего на следующие выборы, заинтересованы в согласовании позиций по одномандатным округам. Более того, если движение "Отечество" будет после своего создания, учреждения вести работу по формированию депутатской группы с тем же названием или под известных лидеров, мы не исключаем, что опять-таки по соглашению между фракцией НДР и этим движением можем помочь создать эту депутатскую группу, если она в основном будет формироваться за счет тех депутатских объединений, которые сейчас представляют другую часть политического спектра, и если эта депутатская группа будет нуждаться в том, чтобы дополнить людьми, которые ее правильно сориентируют на площадку центризма, правоцентризма и так далее. То есть я не исключаю поддержки людьми, если это будет вытекать из наших соглашений с этим движением.

Фракция поддержала эти мои предложения, и с этим я готов пойти на переговоры к Юрию Михайловичу Лужкову. Пока речь не идет о создании единого избирательного блока, поскольку, действительно, до учреждения движения "Отечество" у нас формальных оснований нет для создания единого блока. Но тем не менее мы уже сейчас обязаны, на мой взгляд, задуматься над тем, как нам отстраивать взаимоотношения внутри Думы и вне Думы с потенциальными союзниками.

Считаю, что должна быть реанимирована идея годичной давности, я с ней выступал в период правительственного кризиса год назад, о создании коалиции «конституционного меньшинства» в Государственной Думе. Речь идет о создании мягкой не слишком формализованной группы в составе не менее 150 человек, которая могла бы блокировать принятие конституционных законов, если они пробиваются коммунистами, или поправок к Конституции, если они инициируются левыми и явно нарушают баланс властей. Речь идет о контроле над процессом преодоления вето президента и, естественно, над многими политическими процессами, происходящими в Государственной Думе. В частности, о быстрой реакции на те или иные действия левой оппозиции, националистов, антисемитов и так далее, и так далее.

Вот по этим направлениям будем продвигаться. Мы готовы, еще раз подчеркну, предоставлять свою думскую трибуну для лоббирования, в хорошем смысле этого слова, интересов тех политических сил, которые в Думе отсутствуют. Мы готовы помогать новым политическим объединениям создавать свои ячейки в Государственной Думе. И, самое главное, считаем, что вся эта работа должна вестись под знаменем формирования широкой коалиции, которая по крайней мере будет обладать конституционным меньшинством в нижней палате парламента.

МОСКОВКИН. МЕЖДУНАРОДНАЯ "ЕВРЕЙСКАЯ ГАЗЕТА".

Александр Николаевич, можно в текущий момент сравнить приоритеты проблем реструктуризации и внешнего долга и собственной банковской системы? И что вы думаете об этом новом агентстве по реструктуризации банков?

ШОХИН А.Н. Я об агентстве пока ничего не думаю, поскольку оно не создано и не очень понятно, как будет создаваться, поскольку его "уставник" должен формироваться по идее "живыми деньгами", чтобы можно было участвовать реально в процессе реструктуризации банков, а там, похоже, будут некие бумаги. Так что и здесь есть сложности.

Что касается соотношений двух этих тем: реструктуризация внешнего долга и реструктуризация банковской системы одинаково важны для России. Хотя с точки зрения текущего момента мы можем быть раздавлены политически неспособностью обслужить внешний долг.

Финансовый дефолт — это проблема, это полбеда. А вот настоящая беда, когда вслед за финансовым дефолтом, неспособностью обслуживать внешний долг последует политический дефолт, когда мы вынуждены будем признать, что не являемся великой державой и чтобы нам пошли на уступки в реструктуризации, отсрочках, списаниях и так далее. Мы вынуждены будем по политическим вопросам идти на поводу США, НАТО, других великих держав, когда будем

ставить вопрос о схемах прощения долгов, списания долгов, ставить себя в один ряд со слаборазвитыми странами с большим бременем внешней задолженности. Вот политические последствия неспособности обслуживать внешний долг. Если мы не найдем изящных выходов из этой ситуации (типа условного взаимозачета долгов и активов, о котором я говорил), последствия будут гораздо более существенны и серьезны, нежели чисто финансовый аспект этой проблемы.

ЦИНИЗМ ПРИСУТСТВУЕТ

В БОЛЬШИНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

("НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА", 17 ДЕКАБРЯ 1998 ГОДА, Т. КОШКАРЕВА, Р. НАРЗИКУЛОВ)

—Александр Николаевич, в среде московских политологов вы считаетесь одним из корифеев политического торга. Последние ваши переговоры о дальнейшей судьбе НДР многие воспринимают как попытку повыгоднее продать НДР какому-то из наиболее вероятных претендентов на место президента в 2000 году. По крайней мере так интерпретируют ваши переговоры и с Лужковым, и с Юмашевым, которые состоялись на прошлой неделе, и вообще все ваши последние заявления по поводу НДР.

—Во-первых, о том, что такое НДР. "Наш дом — Россия", действительно, создавалась как партия власти, хотя ею никогда и не была. Это можно подтвердить технологией формирования фракции — несколько лет назад в партийный список от НДР вошли некоторые лидеры государства (Черномырдин, несколько министров), но они не пошли в Государственную Думу, считая, что НДР должна быть некой машиной для голосования, подпоркой правительства, которая всегда присутствует, всегда на месте, независимо от того, является ли она ядром более широкой проправительственной коалиции в Думе и в обществе или нет. Весной 1995 года было намерение сформировать большинство в Государственной Думе по крайней мере в рамках двухпартийной системы левого центра и правого центра. Правый центр — "имени Черномырдина", левый центр — "имени Рыбкина". Идея была не новой, она имела место в 1993 году — двухпартийная схема была реализована, хотя и не очень удачно, ДВР и ПРЕС (Партией российского единства и согласия. — "НГ"). Поскольку большинство "Наш дом — Россия" тогда не взяла и взять, видимо, не могла при той технологии формирования и самого движения, и выборной технологии, то она, действительно, поначалу оказалась машиной для голосования. И это несмотря на то, что у НДР была вполне приличная программа правого центра, ни одна из идей которой не устарела до сих пор. Их нужно, конечно, актуализировать в контексте изменений, происшедших на протяжении последних трех-четырех лет. Но три базовых принципа НДР сохранились. Первый принцип — либерализм, права и свободы человека, рыночная экономика. Второй — либерализм в экономике должен быть социально ориентирован. И третий — сильное государство, защищающее права граждан, контракты, бизнес, не допускающее засилья чиновничества, мафии. Я пытался охарактеризовать эти "три кита" НДР и даже ввел в оборот такой термин — "социальный государственный либерализм", определив его как "горячий снег", то есть как совокупность неких параметров, которые трудно совместить...

—Александр Николаевич...

—Но тем не менее эти программные принципы мало кто знает. Почему? Потому что НДР себя не позиционировала как традиционная парламентская партия, которая добивается фиксации своей ниши в электорате за счет четкой фиксации идеологии. Она всегда была партией, поддерживающей правительство, а поскольку правительство было неоднородным, в том числе и с 1995 года, то даже самому Черномырдину не удавалось позиционировать в качестве правого центра. Иногда он оказывался "красным" директором, иногда монетаристом. Только с марта 1998 года возникла потребность реально представить НДР как политическую партию со своей платформой, программой, со своим избирателем. За семь месяцев этого года, честно скажу, этого не удалось сделать. Не удалось в том числе по причине вторичного возвращения во власть Виктора Степановича. Первые пять месяцев после его отставки мы пытались выстроить направление обновления партии. Мы пробовали это делать, честно говоря, не очень энергично и в том числе по той причине, что НДР организационно была построена как бюрократическая партия, как своего рода политический департамент аппарата правительства. Было очень трудно эту чисто бюрократическую структуру переориентировать на политические, идеологические, электоральные задачи...

—Александр Николаевич, мы второй раз пытаемся вас перебить. Наш разговор,

боимся, может не получиться. Вы, складывается впечатление, никак не хотите признать практически всем уже очевидную истину, о которой говорят вслух, — нет такой партии НДР. Это было мертворожденное дитя, которое, как вы сами сказали, изначально было страшно далеко от народа, от электората. Услышьте сами — что и как вы говорите о собственной партии — и честно признайтесь, что НДР была нужна исключительно для того, чтобы создать видимость политической поддержки новой номенклатуры, и прежде всего действующего премьер-министра. Только и всего. И как только человек, которому выказывали поддержку другие чиновники в надежде на то, чтобы затем получить какие-то дивиденды, от власти отошел, так сразу не стало и НДР.

—Я думаю, вы не правы. Потому что элита — это реальный существенный элемент политической структуры любого общества. НДР в принципе должна была отражать интересы, во-первых, элит...

—Как у Пушкина — элиты как части народа?

—Да, безусловно, части народа... Партия хоть и создавалась по бюрократической технологии, но тем не менее она отражала реальные интересы региональных элит, и в частности губернаторов. И главный, заявленный нами принцип — стабильность, преемственность, предсказуемость власти, отсутствие потрясений. И второй элемент — поддержка и защита интересов тех, кто адаптировался, кто приспособился к новым условиям, не только новых русских, но прежде всего нарождавшегося среднего класса.

То есть НДР — это партия, ориентированная по крайней мере на сохранение статус-кво. Сейчас, после кризиса, мы понимаем, что сохранение статус-кво — это не так-то и мало. Когда возникла ситуация отставки премьер-министра, возникла дилемма: сохранять ли НДР как партию власти, которая ищет себе нового хозяина во власти, например действующего премьер-министра, если он ведет политику, которая укладывается в рамки правозцентризма. В порядке политической шутки, но тем не менее эта тема обсуждалась. Я Кириенко спрашивал: "Сергей Владиленич, вы как, готовы вступить в движение НДР?"

—То есть НДР — это партия любого действующего премьер-министра?

—Нет, это шутка, но в каждой шутке есть доля шутки. Условно говоря, нахождение во главе НДР Примакова не выглядело бы противоестественно.

—Удивительно, как вы с серьезным видом и в благопристойных выражениях высказываете абсолютно циничные по своей сути вещи.

—Безусловно, цинизм присутствует в большинстве политических схем и действий. Но давайте вернемся в март, когда мы обсуждали, как относиться к правительству Кириенко. Требование было одно, и мы его зафиксировали на заседании фракции. Это отношение Кириенко к базовым принципам экономической политики. Говоря на бытовом языке, если он будет перекладывать всю ответственность за ситуацию в стране на Черномырдина как на человека, ведущего политику, в основе которой стояли определенные принципы, тогда мы голосуем против, переходим в оппозицию и пытаемся формироваться как партия, которая будет в политической системе занимать место, ориентированное на свою электоральную, политическую, идеологическую нишу. Для выяснения позиций мы встречались (и фракцией, и tete-a-tete) с Сергеем Владиленичем с частотой, наверное, раз в неделю.

—Извините, вы разве встречались с ним, решая проблемы НДР, а не свои личные?

—Нет. Потому что и перед первым голосованием, и особенно перед вторым голосованием решался только один кадровый вопрос. Теперь я могу сказать — какой. Я требовал от него, чтобы он поставил перед президентом вопрос об избрании Виктора Степановича Черномырдина председателем совета директоров РАО "Газпром". Когда мне президент звонил по телефону, просил поддержать его протезе, я сформулировал эту просьбу следующим образом: "Борис Николаевич, мы готовы поддержать Кириенко, но я не вижу политического баланса. Я вижу, что вы готовы поддержать Чубайса после отставки, продвигая его на место председателя правления РАО "ЕЭС", но я не вижу такой же заботы о Викторе Степановиче. Если будет соблюден определенный политический баланс, мы поддержим Кириенко". Сергей Владиленич мне ответил перед вторым голосованием, что он готов подписать все бумаги хоть сейчас при том условии, что Виктор Степанович даст добро. Виктор Степанович отказался пойти в "Газпром", мотивируя тем, что он рассматривает себя кандидатом в президенты компании под названием "Россия" и на другие посты не согласится. У меня, честно говоря, после этого вопроса к Сергею Владиленичу не осталось. Поскольку у меня даровое

требование было одно, содержательные требования в основном были выполнены, то мы голосовали "за". Хотя, я честно скажу, было большое давление со стороны многих политических сил, дабы показать президенту реальный расклад власти, "завалив" Кириенко. Завалить как?

Не дать ему вообще никаких голосов при втором туре голосования и таким образом принудить президента выставить в третий раз какую-то новую кандидатуру. Честно говоря, и у нас во фракции было ощущение, что таким образом можно принудить президента выставить в третий раз Черномырдина. ЧВС отказался поддерживать инициативу. Но тем не менее договорились, что все голоса Кириенко не отдаем, резервируем часть голосов, в том числе и потому, что не было дано ответов на ключевые вопросы, среди коих, кстати, было и отсутствие представления о команде. Я вас уверяю, что у меня никогда не возникало желания работать в правительстве Кириенко. И никаких прямых переговоров на этот счет, ни моих просьб, ни предложений со стороны Кириенко не было вообще. Просто даже не упоминался этот вопрос. Упоминался вопрос о другом, что если представители НДР будут в правительстве, то мы будем "повязаны" этим участием, и тогда наше условие — нахождение людей НДР на ключевых постах.

—Судя по тому, что вы рассказываете, НДР — это очень странная партия. Вас совершенно не интересует электорат, вы совершенно не бьетесь за его голоса, за отстаивание его интересов. НДР вся полностью устремлена во власть. Причем за власть она бьется методом политического торга, в котором избиратели никак не участвуют.

—Вы абсолютно не правы. Любая партия, находящаяся в парламенте, ведет диалог с исполнительной властью и с президентом. И, ведя этот диалог, который вы называете циничным торгом, мы "торгуемся" за реализацию своих убеждений.

—В интересах избирателей, вы хотите сказать?

—Конечно. Хочу подчеркнуть, что в этом торге базовой точкой всегда была программа деятельности правительства. Я могу дать все свои выступления в апреле. Там только программные принципы, что надо делать правительству, какую программу будем поддерживать, какие действия правительства мы будем поддерживать и какие нет. Не было ни одного персонального кадрового требования, кроме того, которое я называл. Но это не торг, а это нормальная политическая работа, которая позволяет в том числе правильно и отражать интересы избирателей, и бороться за них. Не знаю, откуда у вас такое желание увидеть в любой другой партии, в "ЯБЛОКЕ" или там, я не знаю, в ЛДПР и так далее, большую защиту интересов электората, нежели у нас.

—Нет, не защиту, а борьбу за голоса. Это разные вещи.

—Борьба за голоса электората без принципов — это популизм. Вот в апреле мы начали представлять себя как партию правого центра. До марта мы поддерживали правительство Черномырдина, поскольку наш лидер был премьер-министром. После марта мы выдвинули на первый план вопрос: какую программу, какую деятельность правительства мы будем поддерживать? Почему? Потому что мы должны были бороться за свой электорат. Мы не можем выбирать этот электорат. Он нас должен выбрать. Тот факт, что мы были партией премьера, конкретного премьера — Черномырдина, — не позволяет нам выйти из ниши правого центра, от креститься от прошлого, обещать невыполнимое. Мы не можем отказаться от ошибок правительства Черномырдина, хотя не контролировали как партия власти это правительство. Мы не были в этом смысле партией власти. Это псевдопартия власти. "Псевдость" или "кажимость" партии власти выражается в том, что мы были отстроены организационно как партия власти, но, не имея большинства в парламенте, были только политической подпоркой исполнительной власти. И начиная с марта мы стали пытаться зафиксировать себя как партию, борющуюся за электоральную нишу правого центра, в основе ее — несколько социальных групп, которые можно относить условно к среднему классу.

—Существуют ли какие-то социологические исследования, которые показывают, какой реально поддержкой у избирателей пользуется НДР?

—Если говорить о поддержке, на которую может претендовать НДР, то это где-то в районе 15 процентов.

—А реально?

—Если говорить о реальности, то здесь мы разошлись с Виктором Степановичем: он нашел 8—9 процентов, а по моим оценкам — 3—4 процента максимум.

—Как странно, Александр Николаевич, именно 3—4 процента избирателей

поддерживают лично Виктора Степановича. То есть сторонниками партии являются сторонники лично Виктора Степановича Черномырдина.

Получается, что электорат не интересуют "позиционирование" и другие политические изыски, его не интересует, насколько партия правее центра или левее центра. Избирателей интересует личность лидера. Избиратель ориентируется не на программы, а на лидеров.

—Абсолютно верно вы говорите. Это вторая проблема. Первые опросы по партии Лужкова дали ему около 10 процентов. И мое убеждение, что электорат Черномырдина и электорат Лужкова в сумме дают электорат партии такого типа. Но поскольку у нас народ определяется "по морд лица", если говорить грубо, или по харизме лидера, если по-научному, а не по программе, то еще какое-то время у нас электорат родственных партий будет делиться, а поскольку партии, находящиеся на одном электоральном поле, возглавляются достаточно амбициозными лидерами, которые будут бороться за этот электорат, в том числе выпихивая конкурентов, то ясно, что в сумме можно получить меньше. Чтобы такого не случилось, лидеров необходимо "заталкивать" в коалиции.

—На самом деле то, что вы называете заталкиванием в коалицию, чисто внешне выглядит как отречение НДР от Черномырдина. Если пользоваться высокопарным словом, вы лично, Александр Николаевич, предаете Виктора Степановича. Именно вы первым сказали, что Виктору Степановичу не стоит идти в президенты. Лично вы потом говорили, что Виктору Степановичу не надо претендовать на лидерство и в возможной коалиции, и даже в НДР. Создается такое впечатление, что на самом деле вы не коалицию ищете, а нового хозяина...

—Я, честно говоря, для себя в апреле принял решение что уйду из большой политики, если это поможет выжить НДР.

—Куда?

—В науку, преподавание, в политическое консультирование... По какой причине? Честно скажу — я понял, что с Виктором Степановичем в политике сработаться не смогу. Потому что я не могу его сориентировать на активное политическое поведение. Я в апреле каждый день встречался с ним, говорил по два часа. В конце апреля сказал: "Виктор Степанович, идите в Думу, возглавляйте фракцию, а я ухожу".

—А что вы конкретно от него хотите?

—Я конкретно хотел и все еще хочу сделать из него публичного политического деятеля.

—А он не хочет?

—Наверное, хочет. Но у нас разное понимание, как этого добиться. Он пять месяцев ждал, когда его вернут в премьеры. Вот его ниша. Он ментально второй человек государства и не хочет бороться за электорат. Он не хочет превращать НДР в политическую партию, которая будет бороться за электорат. Он хочет ждать своего часа. Вначале он ждал, что Кириенко, мягко говоря, не справится и вспомнят о нем. Сейчас он ждет, чтобы все другие конкуренты на чем-то погорели, и тогда снова, быть может, вспомнят, при ком на Руси жилось хорошо.

—Александр Николаевич, но ведь то же самое можно сказать и про вас. Вы так хорошо говорили, что не собирались работать в правительстве Кириенко и соглашались туда войти только на условиях команды. Что изменилось, когда вы вдруг решили войти в правительство Примакова? Разве это не есть ваша тайная мечта — поменять свой депутатский мандат на какой-то нормальный, хороший пост в исполнительной власти, который дает прямой доступ к каким-то финансовым ресурсам или к чему-то еще?

—Давайте все-таки закончим предыдущую тему. Я считаю, что Виктор Степанович на роль публичного политика, который борется за голоса электората, еще не настроился. Может, какое-то время пройдет, и он на учится работать на этой площадке. У него один раз получилось вернуться в премьеры и 18 дней премьерствовать. Ожидать, что это повторится и маятник вновь качнется — действующее правительство не справится со своими задачами и все вспомнят о нем, — можно. Но я считаю, что ущербно для страны ждать, когда другие не справятся с возложенными на них обязанностями. НДР необходимо превратить в политическую силу, которая борется за голоса избирателей. Бороться за голоса избирателей — это постоянно излагать свою позицию, это не бояться критиковать правительство, критиковать президента, критиковать самих себя, свои собственные ошибки. Я считаю, что Виктор Степанович сделал много хорошего и действителен тезис, что

"при Черномырдине рубль крепко стоял и инфляция была побеждена". Все это верно. Верно также и то, что есть основания критиковать правительство, которое вовремя не начало разборку пирамиды ГКО и не получило должного эффекта от залоговых аукционов. И я считаю, что бороться за голоса избирателей — это в то числе значит честно анализировать собственные ошибки, ошибки партийного строительства, недостатки НДР как партии и ошибки правительства, во главе которого стоял лидер...

—И ошибки лидера фракции НДР.

—...и ошибки лидера фракции НДР. Это нормально. Это нормальный диалог, когда мы можем завоевать доверие избирателей, открывшись им, убедив их в нашей правоте, по одним вопросам покаившись, по другим объяснив, чего хотим.

—Вы считаете в этом будет залог успеха?

—Иначе даже тех 10 процентов, которые мы имели в 1995 году, нельзя вернуть. Теперь вернемся к сентябрю. Я отвечаю на ваш вопрос.

Я был категорически против, чтобы Виктор Степанович отказался баллотироваться в Ямало-Ненецком округе. Причем я его уговаривал с конца апреля выдвинуться кандидатом в депутаты. Это одно из объяснений того, почему я ушел в правительство Примакова — подвернулась оказия, когда мне надо было освободить место лидера фракции для лидера движения. И кроме того, сам Виктор Степанович активно уговаривал не отказываться от предложения, если мне его сделает Примаков. Могу сразу сказать: первое предложение от Примакова я получил в день голосования, но сразу же отказался от него. Мне было сделано предложение стать вице-премьером по социальным вопросам, и я с ходу отказался. Выступая с трибуны, я сказал, что никаких условий Примакову НДР выдвигать не будет, он — фигура политически компромиссная, и пусть этот компромисс он попробует самостоятельно реализовать в экономической команде и программе, а мы ему дадим на это время. И когда я шел с трибуны, Примаков меня за рукав, можно сказать, поймал и говорит: "Александр Николаевич, я вам хочу предложить пост вице-премьера по социальным вопросам". Я говорю: "Спасибо, Евгений Максимович, за внимание, не надо". А он спрашивает: "Почему?" Я говорю: "У вас правительство, скорее всего, будет левым, что мне там делать?" А он в ответ сетует: "Потому и будет левым, что вы отказываетесь". Выяснилось, что Явлинский только что тоже отказался. Это была пятница. В понедельник утром Виктор Степанович сходил, как вы помните, к Евгению Максимовичу. Вышел и дал интервью. И сказал, что в правительстве останутся Федоров и Задорнов. Он, мол, уговорил Примакова. Замечу, что фракция еще в августе требовала отставки всех виновников кризиса, в том числе и Задорнова. После этого Виктор Степанович позвонил мне, мы встретились, и он попросил не отказываться от любого предложения Примакова. Я сказал: "Зачем мне эти предложения? Зачем мне идти в правительство, на которое мы влиять не сможем? Зачем НДР брать ответственность за это правительство, если все, что мне может предложить Примаков, — это социальный блок? Как мы, НДР, будем в этих условиях выглядеть?" Он говорит: «Может, он тебе предложит стать первым вице-премьером, но, правда, тоже по социальным вопросам. Но зато первых "вице" будет всего два». Я согласился: "Съезжу к Евгению Максимовичу, поговорю". Приехал. Евгений Максимович начал беседу со следующих слов: "Я знаю, вы в курсе того, что я могу вам предложить пост первого вице-премьера по социальным вопросам, но я хочу изменить предложение. Предлагаю стать вице-премьером по финансам". К тому моменту премьер принял решение Бориса Федорова в правительстве не оставлять. Это предложение имело смысл обсуждать. Мы три часа разговаривали. То есть это было предложение лично мне как специалисту-профессионалу. И я должен был, не выходя из кабинета, дать ответ. Я, естественно, стал выяснять условия: "Евгений Максимович, эта работа — моя личная голгофа. Финансовая ситуация тяжелая. Кредиты на Западе до конца года трудно будет получить". Он отвечает — кредиты нужны раньше. Тогда, говорю, если это будет моей персональной ответственностью и я должен буду три-четыре месяца собой амбразуру закрывать и при этом не исключен мой уход из правительства как не справившегося с порученным делом (если денег не будет), то отдайте мне весь финансовый блок, включая кадровые назначения и так далее.

Все было согласовано. После этого мне трудно было отказываться. Хотя переговорный процесс был тяжелым. Еще раз повторю — я пошел в правительство только при условии, что мне будет позволено взять на себя ответственность за весь финансово-экономический блок. Затем начались некоторые процессы,

противоречащие предварительной договоренности. Например, я не смог добиться от Евгения Максимовича, чтобы он в присутствии президента назвал меня ответственным за программу выхода из финансового кризиса. Президент, когда меня принимал, сказал в камеру: "Вот Шохин — вице-премьер, ответственный и за экономическую политику, и за финансовую". Журналисты ушли. Примаков и я сидим, Борис Николаевич говорит: "Я так понимаю, главные министры в ведомстве Шохина — министр экономики и министр финансов". Правильно понимает Борис Николаевич, между прочим. На что Евгений Максимович говорит: "Нет. Министерство экономики будет у Маслюкова. А у Шохина — Минфин". Президент удивился: "Как это? Ведь всегда было по-другому — раньше один вице-премьер за все это отвечал". Я вижу неловкость ситуации и пытаюсь объяснить: "Борис Николаевич, Министерство экономики стало сложным министерством. В нем есть и промышленность с ВПК, и макроэкономика. Промышленность будет вести Маслюков, а я — макроэкономику". Я этот тезис выдвинул по собственной инициативе, чтобы зафиксировать в присутствии президента свою ответственность за всю макроэкономику. На что мне Евгений Максимович отвечает, что потом в правительстве разберемся с этим вопросом. "А кто отвечает за антикризисную программу?" — спрашиваю я. "Я отвечаю", — опять "обводит" меня Евгений Максимович. То есть буквально на второй день началось политическое маневрирование. И уже было ясно, что мне еще придется побороться за то, чтобы понести свою голову на плаху. Когда же выяснилось, что и реализация договоренности по министру финансов не состоялась, я, прежде чем заявить об отставке, целый день проговорил с Евгением Максимовичем (дважды "живьем", несколько раз по прямой связи). Я объяснял, что он делает политическую ошибку, что я настаиваю лишь на условиях, на которых он меня уговаривал войти в правительство. В конце концов я вынужден был сделать заявление, что поскольку условия найма не соблюдаются, то не считаю возможным оставаться. Мои многочисленные аргументы еще до подписания указа о назначении министра финансов Евгений Максимович не воспринимал всерьез. У меня такое ощущение, что он как человек, выросший в советской системе, а в российское время работавший в иерархических структурах, не мог понять, что подчиненный может принять политическое решение. Таким образом, моя мотивация вхождения в правительство стала достаточной после того, как мы договорились о круге полномочий и моей ответственности, о правах и обязанностях в правительстве. И эта мотивация стала призрачной, как только выяснилось, что в основном я был приглашен вести переговоры с МВФ и уговаривать их дать деньги, не отвечая за всю экономическую программу. Именно тогда я понял, что могу много потерять профессионально и политически, а НДР ничего не принесу, кроме, может быть, решения конкретных вопросов, чем, возможно, занимаются многие нынешние члены правительства применительно к своим пристрастиям.

—А после этой истории ваше личное отношение к Евгению Максимовичу как-то изменилось?

—Могу сказать, что я его, видимо, недопонял. Когда я начинал с ним переговоры, мне показалось, что он нуждается во мне как в человеке, который возьмет на себя всю ответственность за определенный участок работы. А потом, уже войдя в правительство, я понял, что там идет более сложная игра с ярко выраженными элементами политического балансирования. Примаков боялся, как я потом понял, что мое назначение вызовет переполох в стане коммунистов и те начнут резко его критиковать, что он взял какого-то либерала или полулиберала. Я понял, что у него было желание пройти через сложные политические даты (7 октября, 7 ноября), не фиксируя четко баланс сил в правительстве. Отсюда, видимо, его желание отсрочить дату фиксации экономической программы в виде проекта бюджета, с налогами он долго определялся. Это его стиль политического поведения. Хорош он или плох, я не обсуждаю, но я с ходу этого просто не уловил, честно говоря, я не в претензии к Евгению Максимовичу. Может быть, это моя ошибка — неточное понимание ситуации. Когда я ушел из правительства, то несколько раз попытался встретиться с Евгением Максимовичем — про МВФ что-то рассказать[^] о долгах, про то, что я за 10 дней успел сделать и что собирался сделать. Не получилось. Он, наверное, обиделся на меня. А зря. Но это другой вопрос.

—А Задорнов — это был повод? Ведь официальная формулировка была — вы уходите, потому что вам не дали снять, Задорнова.

— Не повод даже, а последняя капля...

— В принципе вы были бы готовы и с Задорновым работать?

— Да, при определенных условиях. Я Михаилу Задорнову еще накануне указа по моему назначению позвонил и сказал, что по его кандидатуре у меня будут вопросы. Мои условия Задорнову были такие. Первое — покаяться за 17 августа. Второе — не предпринимать никаких действий по ГКО, пока я не сформулирую базовых переговорных позиций. То есть полностью работать в команде. Были еще некоторые условия, в том числе и кадровые. Другими словами, я ему сформулировал свои требования как к кандидату на должность министра финансов, выполнение которых позволит мне представить его кандидатуру премьеру и президенту, после чего Михаил Михайлович просто исчез. В кризисное время он днями ко мне не приходил. Ни проект бюджета не приносил, ни предложения по переговорным позициям. Как только у них что-то появлялось, он встречался с Маслюковым, с Примаковым или делал заявление для прессы, и мне стало ясно, что мы вряд ли сможем работать как одна команда. Более того, вопрос с Задорновым был уже к моменту моего прихода в правительство для него решен отрицательно. Когда я встречался первый раз с Примаковым, он сказал: "Задорнова как министра считайте нет, ищите другого. Максимум, что вы можете ему предложить, — шефа казначейства в ранге первого зама. Потом, когда казначейство, может быть, отделится от Минфина, мы его шефом казначейства в ранге министра сделаем". Это была базовая позиция Примакова. Это при том, что у меня была "условная" готовность рассматривать этот вариант. Поэтому, естественно, когда вдруг мне Евгений Максимович сказал, что поскольку очередной кандидат не подошел и он принял решение предлагать Задорнова, я воспротивился, запросив время для обсуждения ситуации. Беседа была назначена на утро следующего дня, а уже вечером накануне Михаил Задорнов знал, что он будет назначен благодаря Евгению Примакову и вопреки моей позиции. Коль скоро министр назначен вопреки мнению курирующего вице-преьера, это означало, что у меня, действительно, не было бы своего министра финансов и я бы только нес ответственность за переговоры и за общие результаты финансовой политики правительства. Ничего вроде особенного. Ведь я же был в 1992—1994 годах вице-премьером по внешним делам, который отвечал за МВЭС, за СНГ и за переговоры по долгам с МВФ, а за финансовую политику в целом не отвечал. То есть можно было бы договориться о воспроизведении той ситуации. Но все время возникал бы вопрос: как я могу вести переговоры, если правительство не определилось по налогам и по бюджету и мне не принадлежит ключевая роль в решении этих вопросов? Если бы стояла задача — "заскочить" в исполнительную власть, — лучше позиции, честно говоря, не придумаешь, когда можно "спихивать" ответственность. Единственное "но", которое возникало бы, так это ощущение, что ты работаешь в чужой команде и несешь ответственность за решения, в выработке которых ты принимаешь косвенное участие. Это бросило бы тень на мою профессиональную и политическую репутацию.

— Александр Николаевич, складывается такое впечатление, что вы до сих пор еще очень сильно переживаете всю эту историю. По крайней мере становится понятным, почему вы от лица НДР начали вести переговоры с Лужковым. Ведь после той истории Примаков не примет ни вас лично, ни НДР.

— Не вижу прямой связи между отношениями с Примаковым и коалиционными переговорами. Мне не просто было возвращаться назад в кресло лидера фракции НДР. Это был, может быть, один из факторов, который мог бы помешать мне уйти из правительства. Вернуться — это означало, что мне надо будет нести серьезную часть ответственности за судьбу НДР. Я мог бы еще неделю-другую просидеть в правительстве, еще неделю Евгений Максимович предлагал мне — не торопитесь сейчас, уходите через два месяца, проведите переговоры с МВФ, принесите деньги и гуляйте. Уйдя в сентябре в правительство и думая, что Виктор Степанович придет в Думу и руководство фракцией возьмет на себя, за НДР я был спокоен. Когда же я уходил из правительства, он уже отказался баллотироваться в Ямало-Ненецком округе, и, честно говоря, у меня не было политического выбора — возвращаться на фракцию или нет. Почему? Потому что Виктор Степанович не становится лидером фракции. Когда я вернулся в НДР, там уже предвыборная кампания началась за место лидера.

Меня не все ждали. Некоторые намекали: "Ты, мол, уже лидером был, и вице-премьером был, можешь теперь свободным художником побыть".

Но мне казалось тогда, что я, вернувшись, не имею права отойти в сторону, что я что-то должен попробовать сделать, чтобы встряхнуть НДР. Хорошо или плохо это делаю последние два с лишним месяца, не мне судить. Однако когда я смотрю только на заголовки публикаций на тему моих инициатив, то вижу, что они воспринимаются в упрощенном свете с позиции каких-то внутренних "разборок" кризиса в НДР. Поэтому надо бы лучше объяснить свои замыслы, схемы, которые я стал реализовывать буквально на следующий день после своего возвращения в Думу. Готов их перечислить. Первый тезис. Виктор Степанович должен отказаться от президентских амбиций и начать переговоры с потенциальными союзниками по широкой коалиции, имея в виду парламентские выборы. Идея у меня была простая. Если Виктор Степанович начинает встречаться с Явлинским, Лужковым, Лебедем не с позиции президентских выборов, которые по расписанию следуют за парламентскими, а с позиции четкой фиксации ниши каждого в электорате, то мы в сумме можем завоевать гораздо больше голосов, нежели будем плавать в автономном режиме, и можем взять большинство в Государственной Думе следующего созыва.

Если Черномырдин снимает лозунг — я лучший кандидат в президенты, — считаю, что он был бы вправе это же потребовать и от других участников переговоров. Парламентские выборы — это объективный рейтинг каждого кандидата в президенты. Пусть у каждого будут свои партийные списки, главное — договориться о поддержке единых кандидатов в одномандатных округах. За счет этого можно: первое — взять заветное простое большинство в Думе, второе — не по рейтингам партий, а по числу депутатов в Думе определить, кто может претендовать, чтобы быть объединенным кандидатом в президенты. Это технология, призванная умерить амбиции лидеров ради интересов дела. Не думаю, что она обидна была для Виктора Степановича, лишь потому что я ему предлагал начать этот процесс. Не получилось тогда запустить эту технологию, а сейчас уже поезд ушел. Каждой инициативе свое время.

Второй тезис. Виктор Черномырдин должен вступить в переговорный процесс со всеми, а не с кем-то из лидеров, близких по духу к электорату партий и движений. Это было в начале октября на выездном заседании нашей фракции. Но начать переговоры было рекомендовано с Лужкова. Почему? Потому что Лужков сейчас повторяет судьбу НДР 1995 года. Он отстраивает ту же партию власти. Политики, ментально выросшие на бюрократической технологии построения партии власти, идут самым простым путем — они ищут нового, более проходного, более перспективного лидера. Их лидер отстраивается на поддержке регионального начальства. Технология построения партии, борющейся за электорат "сверху", безусловно, ущербна. Но, к сожалению, ментально эта идея еще крепко сидит во властных элитах, и они могут предпринять еще одну попытку отстроить новую партию по старым лекалам. Поэтому многие губернаторы и наши, "эндээровские", в том числе ищут мотивы, которые им позволят перейти под знамена нового лидера партии власти, отстроенной той же бюрократическим способом. Именно поэтому я считал и считаю, что, ведя переговоры с Лужковым, удерживая "своих" губернаторов, мы бы имели передышку для отстраивания "партии нового типа". Я Виктору Степановичу говорил: "Виктор Степанович, вы должны с Лужковым не через телевизор переругиваться, а хотя бы сделать совместное заявление по Макашову, по другим острым вопросам. Пусть все видят, что в критические моменты вы можете выступать сообща". Мне на это Виктор Степанович часто отвечал: "Лужков еще не лидер. Ну что у него есть?" Я говорю: "Будет через месяц. Разве можно при нынешней динамике партстроительства сомневаться, что Лужков что-то отстроит? Начинайте вместе делать заявления и не делите электорат, а расширяйте его". Я пошел на переговоры с Лужковым с мандатом фракции, в котором были, по сути, базовые пункты проекта соглашения между НДР и "Отечеством". Первый пункт: "пакт о ненападении" — не поливаем друг друга грязью в ходе политических дебатов. Второй пункт — совместные политические акции для демонстрации того, что центристы могут объединиться. Третий пункт — работа по округам, то есть договориться, что мы округа либо делим, либо определяем технологию, устанавливающую, чей кандидат более проходим. И наконец, четвертый пункт, который вызвал некоторый переполох, — мы, фракция НДР, готовы помочь сформировать депутатскую группу "Отечества", если к нам обратятся с такой просьбой. Что это значит? Легли под Лужкова? Нет. На протяжении трех лет работы в Думе второго созыва и ко мне, например, как к

лидеру фракции неоднократно обращались политики, которые хотели "сколотить" новые депутатские группы. И говорили, у нас ядро есть, нам не хватает 5—7 человек — помогите людьми. Я в ответ просил посмотреть список записавшихся, программу новой группы, чтобы не скомпрометировать НДР. Важным условием было, чтобы базовый состав группы формировался за счет левых фракций и групп. Тогда мы готовы были добавить своих людей, но при условии, что наш человек будет иметь пост не ниже сопредседателя группы. Это для того, чтобы у нас были согласованные действия. Что это бы давало? В принципе это могло разрушить нынешнюю конфигурацию левой части Думы, мы, центристы, могли получить дополнительный голос в Совете Думы. Да и вообще, почему мы, фракция НДР, вторая в Думе, не можем стимулировать процесс, коим занимается КППРФ с декабря 1995 года, только с другим знаком? Они создали две группы-сателлиты и все время их подпитывают людьми, поддерживают критическое число людей, которое позволяет им официально выступать в качестве депутатских объединений — 35 человек минимум. Я считаю, что мы тоже можем при определенных условиях реализовывать такую программу. Несколько известных думских политиков уже приходили ко мне с просьбой помочь, но они не смогли мне показать базовый состав, не смогли показать близкую НДР программу. Не получились пока эти соглашения, но когда я заявил, что такое возможно, идя на переговоры с "Отечеством", фракция восприняла это спокойно, нормально. В равной степени это может быть предложено и другим, внедумским движениям. То, что я заявил, что НДР готова быть трибуной для внедумских политических сил, — это не значит, что мы потеряли свое лицо. Это значит, что мы рассматриваем НДР как некое ядро кристаллизации здоровых политических сил. За это надо бороться. Для этого надо чем-то поступаться — не принципами, конечно, но какими-то ресурсами надо делиться. Это, если правильно интерпретировать, демонстрация силы. Ближайший позитивный эффект от начала переговоров с Лужковым будет заключаться в том, что губернаторы должны увидеть, что им метаться-то не надо, не надо перебегать к Лужкову. НДР — это партия, избавляющаяся от родимых пятен своего бюрократического рождения, а "Отечество" отстраивается на тех же старых принципах. Губернаторам, у которых есть обеспокоенность остаться вне партии власти, в случае переговорного процесса не надо стремиться в партию новой власти, будет лучше остаться в старой. Мало ли, может, Черномырдин с Лужковым договорятся о чем-нибудь, выработают какую-то схему взаимодействия? По крайней мере дергаться не надо. В партии власти несколько знаковых людей — Примаков, Лужков, Черномырдин. У Примакова естественный ресурс — премьерский. У Лужкова — имидж проходного кандидата. Черномырдин имеет политический ресурс фракции и отстроенный организационный ресурс региональных структур. Эти ресурсы необходимо объединить и использовать. [Сейчас происходит довольно динамичное сползание страны влево. Президент болел, премьер балансировал, Черномырдин с Лужковым выясняли отношения, перетягивая тех губернаторов, которые в принципе лояльны обоим, а страна сползала влево. Ну что, неужели мы не можем найти какой-то способ и организовать сопротивление реваншу? Чем быстрее начали бы работать новые нестандартные схемы, тем больше было бы шансов удержать центр там, где он должен был быть, по крайней мере летом.

Следующий раздражитель, который я вбросил в политическую среду для обсуждения, — это идея одновременных парламентских и президентских выборов. Ее, к сожалению, никто особенно серьезно не воспринял. А ведь это, по сути, идея принуждения лидеров договариваться до парламентских выборов. Схема простая — если мы проводим досрочные и одновременные парламентские, президентские выборы в ноябре следующего года (их можно так провести, если будет обновлена по инициативе президента Конституция страны), то надо уже сейчас договариваться о кандидате в президенты. Это способ консолидации электората по тому же принципу, по которому поддерживали Ельцина в 1996 году. В принципе схема не выигрышная для НДР, но она выигрышная в принципе. Понимаете, я не воюю за НДР как таковую. Я воюю за победу антикоммунистических сил, за победу центристских, правоцентристских сил.

Вот еще одна схема принуждения к коалиции. Сейчас трудно добиться, чтобы лидеры договаривались, отстраивали какие-то политические коалиции. Я в эти затеи, честно говоря, верю все слабее. Значит, нужны внешние, объективные условия, провоцирующие коалиционное поведение. Это, я думаю, могли бы быть

двухтуровые выборы. Первый тур — рейтинговый для партий. Партии, преодолевшие пятипроцентный барьер, идут во второй тур. И тогда партии, не преодолевшие пятипроцентный барьер, во втором туре будут призывать своих сторонников голосовать за тех, кто им близок, за кого они призывают голосовать. Это способ назвать своих коалиционных партнеров, в данном случае в будущей Государственной Думе. Тогда партии, преодолевшие пятипроцентный барьер, получившие во втором туре еще голоса своих сторонников, становятся думской трибуной для тех, кто не прошел. Это уже элемент коалиции. Второй тур выборов для одномандатников позволяет перед вторым туром договариваться, кого из прошедших во второй тур поддерживают те или иные политические силы, не только выдвинувшие этого кандидата. Я считаю это способом кристаллизации однородных движений, способом не бюрократического, а демократического перехода к двухпартийной системе. Если говорить, что НДР рождалась как партия поддержки конкретного премьера и поэтому должна сойти с политической арены вместе с ним, если я правильно вас понял, то это будет верно лишь в том случае, когда не будет уверенности в преодолении НДР пятипроцентного барьера. Надо думать, как сдать наши 3—4 процента, чтобы эти проценты были добавлены к кому-то. Пока же мы вправе на них рассчитывать.

—А что будет, если вы получите 3—4 процента на выборах в Государственную Думу?

—Либо станем партией, обслуживающей конкретного лидера, либо сумеем правильно распорядиться голосами своих избирателей, добавив их к близким по духу партиям.

—Это верх политического цинизма!

—А что делать? Отдавать голоса коммунистам? То есть либо надо за действовать схемы, о которых я говорил выше, либо рано или поздно придется признать: НДР — младший партнер какой-то более сильной политической структуры или небольшая, но гордая и самостоятельная партия типа ДВР. Но и младшим партнером стать непросто. Возьмем, например, гипотетическую коалицию Явлинский — Черномырдин. Предположим, что она возможна. Черномырдин говорит: "Гриша, я готов быть младшим партнером у тебя и работать премьером, а ты будешь президентом". Возможно ли это? Григорий Алексеевич, скорее всего, дистанцируется от этого предложения, считая, что те проценты, которые принесет Виктор Степанович, могут отнять у него соответствующее число сторонников, коих он завоевал на критике Черномырдина. Каждый лидер — потенциальный партнер — будет так рассчитывать, и Лужков может точно так же просчитывать — нужен ли ему союз с НДР как с организованной политической структурой. О циниках. Если мы ставим задачу не пустить коммунистов, жертвуя собой, пропуская вперед кого-то более сильного, отцепившись даже от их паровоза, — это вовсе не цинизм. Цинизм — цепляться за власть или мечту о власти, о которой можно вспоминать, сидя в оппозиции (в лучшем случае). Это, может быть, немного обидная схема для тех, кто себя раскручивал на политической сцене долгое время, но тем не менее я считаю, что решение задачи того стоит. Вопрос, будет ли Шохин лидером фракции в последний год работы нынешней Думы, в следующей Думе или нет, будет ли вообще он депутатом или нет, меня волнует отнюдь не в первую очередь.

—Александр Николаевич, какое впечатление на вас произвела публикация в газете "Совершенно секретно", в которой говорилось о вашей якобы причастности к делу об убийстве Отари Квантришвили? Ведь известно, что публикации такого рода часто представляют удобный повод для принятия тех или иных кадровых решений.

—Иногда, чтобы подтолкнуть людей, принимающих решения, им подбрасывают компромат, чаще всего выдуманный. Я оказывался в такой ситуации еще в бытность свою вице-премьером правительства Черномырдина и даже успел за две недели пребывания в правительстве Примакова прочитать пару такого рода грязных материалов про себя. Обычно я отношусь к ним по принципу "собака лает — караван идет". И материал в "Совершенно секретно" я бы воспринял точно так же, если бы не одно обстоятельство: попытка обвинить меня в организации тяжкого преступления — убийства. Это вообще из ряда вон выходящая, дикая ложь, оговор человека, признанного судом невменяемым. Причем первая моя реакция известна — я назвал публикацию бредом сивой кобылы, излагающей бред сумасшедшего. Этот скандал, безусловно, станет предметом для судебного процесса или для разбирательства в Палате по информационным спорам при президенте. Соответствующие иски я направлю в ближайшее время. Но мне более интересны

мотивы публикации. Когда мне перечисляют людей, которым могла быть выгодна публикация этого материала, у меня, честно говоря, руки опускаются.

—Их что, слишком много?

—Дело не только в количестве, а скорее в фамилиях. Не буду утомлять вас изложением всех версий, каждая из которых выглядит вполне правдоподобно. Во всяком случае авторы соответствующих гипотез уверены в своей правоте, приводят аргументы.

—А самую первую, гипотезу, которая лежит на поверхности, вы не берете в расчет? Что публикация никем не инициирована, никем не заказана, а просто это повод для журналиста, добывшего информацию, еще раз громко заявить о себе?

—Вы знаете, мне было сказано так, что этот материал несколько месяцев лежал в "Совершенно секретно", и Боровик не давал ему хода по той причине, что не воспринимал его всерьез. И понадобился какой-то толчок, чья-то просьба, рекомендация, чтобы публикация появилась на свет.

Я не употребляю слово "казак", чтобы не давать повода на встречные иски, но какой-то толчок, видимо, был. Если, конечно, верна информация, что этот материал какое-то время лежал без движения. Что касается раскопок журналистов, то в статье никакого расследования нет. Это некие домыслы или сознательный оговор человека, признанного официально, по суду, невменяемым. Я не буду их комментировать. Ясно одно — коль скоро четыре года спустя дело Квантришвили извлечено на поверхность благодаря якобы искусству журналистов — значит, очень сильно понадобилось кому-то именно в этот момент меня "поставить на место". Кстати, о том, что в этом деле упоминается моя фамилия, я узнал из этой публикации. Профилактическая публикация: с одной стороны, признание моих заслуг в политической жизни обществ и попытка убрать меня с политической сцены — с другой. Не выйдет.

НАКАЗАНИЕ ЗА ИНАКОМЫСЛИЕ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ФРАКЦИИ
"НАШ ДОМ - РОССИЯ" В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ШОХИНА А.Н.
В ИНФОРМАЦИОННОМ АГЕНТСТВЕ
"АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ - НОВОСТИ", 23 ДЕКАБРЯ 1998 ГОДА)

ВЕДУЩИЙ. Сегодня "Аргументы и факты" приветствуют у себя в гостях лидера фракции "Наш дом — Россия" (Так еще? Пока так.) Александра Николаевича Шохина.

Пресс-конференция без темы.

ШОХИН А.Н. Да, без темы. Дело в том, что в последнее время столько событий происходит, что, учитывая ограниченность времени нашей встречи, я хотел бы дать возможность вам задать вопросы на любые темы, поскольку и судьба бюджета завтра в Государственной Думе, и моя собственная судьба (завтра Виктор Степанович Черномырдин будет ставить вопрос о моем смещении с поста лидера фракции за инакомыслие внутри НДР), и политическая подоплека заказного, как мне кажется, материала "Совершенно секретно" — все это интересные темы, каждая из них заслуживает быть темой пресс-конференции, но я считаю, что нам надб понемножку обо всем поговорить, поэтому даже вступительное слово делать не хотел бы, надеюсь вы сами проявите какой-то интерес.

ВОПРОС.

Что же в НДР происходит? Почему вас смещают с поста лидера фракции?

ШОХИН А.Н. Буквально на 15 часов Виктор Степанович Черномырдин собрал чрезвычайное заседание президиума политсовета. Еще вчера он отказывался это делать, несмотря на мои просьбы. Они были связаны с тем, что нам обязательно в присутствии губернаторов нужно было решить ряд вопросов. У нас шесть губернаторов входят в состав президиума политсовета — Аяцков, Титов, Прусак, Игумнов, Фархутдинов, Чуб; люди известные, но они, к сожалению, редко ходят на заседания. В частности, две недели назад состоялось заседание без их участия. Я очень просил Виктора Степановича обзвонить их лично и провести заседание президиума во время сессии Совета Федерации, с тем чтобы у них не было повода уклониться по каким-то объективным причинам, ссылаясь на дела в своих регионах. Вчера еще мне Виктор Степанович отказывал, сегодня же он собирает срочное

заседание, надеюсь, что он уговорил прийти на него губернаторов. Я хотел на этом заседании обсудить пути обновления и выживания НДР, пути обеспечения победы НДР на предстоящих парламентских выборах.

Для меня победа — это сохранение позиции второй по величине фракции в Государственной Думе, для меня победа — это цифра поддержки избирателей не меньше, нежели на прошлых выборах. В прошлый раз в 1995 году мы получили десять процентов голосов, будучи партией власти. Понятно, что сейчас получить даже три, четыре процента не так просто, поэтому очень важно было бы выработать стратегию обновления НДР. Я и некоторые губернаторы на ноябрьском заседании предлагали собрать внеочередной съезд, чтобы обсудить, как нам идти к выборам.

Виктор Степанович Черномырдин настоял, что съезд нужен лишь в сентябре для утверждения списков, до этого можно проводить лишь партконференцию, заседания политсоветов и так далее.

За последние два-три месяца я выдвинул несколько схем возможного оживления нашей деятельности и обновления НДР. Обновление НДР я считаю возможным на пути трансформации ее из экс-партии власти, какой она, к сожалению, и не была — она была псевдопартией власти, поскольку не влияла ни на процесс формирования кабинета, ни на его деятельность, а была лишь политическим департаментом аппарата правительства. К сожалению, мы не использовали то время, которое нам было отпущено с марта 1998 года для реальной трансформации в открытую парламентскую политическую структуру. Я вижу для НДР такое направление, как превращение движения в партию регионов, в главную провинциальную партию России. У нас по спискам 36 губернаторов в НДР. Правда, некоторые из них уже сидели в президиуме учредительного съезда "Отечество", некоторые своих первых замов поставили руководить региональными отделениями "Отечества", что дает возможность им присматриваться до поры до времени за активностью Юрия Михайловича Лужкова, оценивать шансы Евгения Максимовича Примакова, чтобы понять, кто из них будет "начальником партии власти". Очень важно в этой связи было бы провести инвентаризацию своих рядов, своих сторонников, и лучшего способа, как дать возможность губернаторам, руководителям регионов попытаться использовать НДР как инструмент лоббирования, в хорошем смысле, интересов российской провинции, *^ мой взгляд, нет. Я выступил в прессе с программной, мне кажется, статьей о необходимости такого рода трансформации. И может быть, сама бы идея и не была бы замечена Черномырдиным Виктором Степановичем и его ближайшими помощниками, если бы там не содержалась организационная схема, в соответствии с которой предлагалось ввести посты сопредседателей движения, которые я считал необходимым предложить руководителям регионов, то есть НДР должна была бы, по моему замыслу, стать партией с коллективным руководством и с преобладанием в этом руководстве региональных лидеров. Виктор Степанович назвал это белибердой, так же как и мое интервью "Независимой газете". Но, видимо, чашу его терпения переполнила последняя моя инициатива — для повышения рейтинга НДР — обновить технологию составления федерального списка, с которым мы пойдем на выборы 1999 года.

Учитывая, что рейтинг Виктора Степановича устойчиво ниже рейтинга НДР, в лучшем случае они совпадают в районе трех-четырех процентов по большинству социологических опросов, я предложил во главе списка поставить людей, которые могут мобилизовать дополнительный электорат. В частности, предложил обсудить возможность пригласить на первую позицию Никиту Сергеевича Михалкова, который, я напомним, был в 1995 году у нас вторым номером в списке НДР. На вторую позицию я предлагал рассмотреть возможность приглашения кого-то из губернаторов, причем как в случае с сопредседателями НДР, так и в случае с участием кого-то из губернаторов в парламентской гонке в рамках федерального списка НДР речь могла бы идти о технологии самостоятельного решения руководителями регионов вопроса, кто должен представлять их интересы в этих политических структурах. Эта идея, мягко говоря, совсем не понравилась Виктору Степановичу, поскольку он считает, не без оснований, что НДР — это партия Черномырдина. Я согласен с этим, но считаю, что как партия конкретного лидера она не сможет сделать того, что может сделать как главная партия российской провинции и партия, которая будет добиваться реализации соответствующих базовых программных принципов. Кроме регионализма, это, безусловно, умеренное государство и патриотизм и это, естественно, следование принципам рыночной экономики и либерализма в контексте прав и свобод человека. Роль государства мы

рассматриваем и должны рассматривать через призму создания нормальной правовой среды защиты интересов гражданина, защиты контрактов и участников экономической деятельности. Эти базовые принципы могут быть реализованы, в том числе за счет привлечения людей, которые будут прочно ассоциироваться у избирателей с этими идеями, и за счет привлечения тех людей, которые, проповедуя эти взгляды и принципы, вправе рассчитывать на доверие избирателей, поскольку они их, скажем, не обманывали раньше или всегда действовали ровно в соответствии с этими принципами. Я считаю, что это нормальная технология обновления и обеспечения победы НДР на парламентских выборах, безусловно, к этому нужно добавить и очень грамотную политику формирования коалиции. Не скрою, что с начала октября я предлагал активно Виктору Степановичу вступить в переговоры с Юрием Михайловичем Лужковым.

Почему? Я считал, что начало октября — самый благоприятный момент для проведения таких переговоров и для возможной коалиции между НДР и не существовавшей тогда еще партией Лужкова.

Почему? Дело в том, что в то время Юрий Михайлович Лужков позиционировал на площадке левого центра, социал-демократии. Не случайно многие его сторонники даже ошиблись в расчетах, создав специально для Юрия Михайловича ядро левого центра, рассчитывая, что он его возглавит. Но в последний момент Юрий Михайлович Лужков сделал маневр и решил занять ровно ту площадку, на которой находится НДР, — это центризм, это опора на руководителей регионов, то есть явно пошел процесс создания новой партии власти. Благоприятный момент был упущен, а идея могла состоять в том, чтобы нам разойтись с движением Лужкова. Мы могли бы работать на площадке справа от центра, Лужков — на площадке слева от центра, отбирая голоса у умеренных коммунистов, социалистов и так далее, которые сейчас в силу отсутствия соответствующей структуры голосуют по инерции за КПРФ и их союзников.

Я, как известно, по мандату фракции встретился с Юрием Михайловичем Лужковым и предложил ему такого рода союз через соглашение между НДР и формирующимся "Отечеством", в котором были бы следующие пункты.

1. Пакты о ненападении, то есть взаимные обязательства не критиковать друг друга публично.

2. Совместные действия, совместные акции, в том числе общие заявления по поводу событий, которые волнуют общество.

3. Согласование позиций по одномандатным округам на предстоящих выборах.

4. Мы даже были готовы, в случае если такой договор будет подписан, оказать содействие движению Лужкова, если оно начнет формировать свою группу в Государственной Думе и им не будет хватать нескольких человек в формировании такой группы, если союзнические отношения выстраиваются, почему сильная, уже закаленная в политических боях партия не может помочь своему союзнику.

Юрий Михайлович отказался от подписания какого-либо соглашения, и, видимо, целью его тогда было привлечение как можно большего числа сторонников, в том числе из числа бывших и нынешних сторонников НДР. Понятно, что подписание такого рода соглашения накладывало бы некие моральные обязательства — не переманивать, например, губернаторов из НДР в "Отечество" и так далее. Так что мы упустили явно время для такого рода коалиции. Сейчас придется разговаривать совсем о другой технологии составления коалиции. Ясно, что Лужков будет разговаривать уже с позиции силы. Но, я думаю, все равно остается возможность подписания соглашения о совместной работе в одномандатных округах. Видя, что коалиция выстраивается с трудом, я предложил некоторое время назад добиваться пересмотра избирательного законодательства и ввести двухтуровую систему выборов в Государственную Думу Российской Федерации, с тем чтобы и по партийным спискам, и по одномандатным округам была бы возможность проводить второй тур, в рамках которого центристы, правоцентристы, здравомыслящие силы могут объединяться вокруг партий, которые преодолели пятипроцентный барьер. Тогда политическая структура Думы в большей степени будет отвечать политической структуре электората, политическим предпочтениям избирателей. Вот на этой технологии, видимо, сейчас надо концентрироваться, потому что очень трудно подталкивать амбициозных лидеров к коалиционным действиям. Что будет сегодня и завтра?

Я думаю, что Виктор Степанович решительно поставит вопрос о недопустимости подрыва авторитета лидера и публичного изложения взглядов, не совпадающих со

взглядами руководства, то есть его личными, и вполне могут быть приняты оргвыводы. Сегодня президиум политсовета вполне может рекомендовать фракции освободить Шохина Александра Николаевича от обязанностей председателя фракции. И завтра фракция, я надеюсь, что тайным голосованием, будет решать этот вопрос.

Я считаю, что ставить этот вопрос — большая ошибка Виктора Степановича. Цели моих публичных инициатив были связаны с тем, чтобы ускорить созыв съезда НДР и попытаться выработать новую стратегию и тактику предвыборного поведения, составить обновленную программу и платформу, попытаться ввести механизм коллективного руководства, с тем чтобы, действительно, победить на следующих выборах.

Смещение лидера фракции в любом случае чревато для НДР ущербом. Удастся меня снять при тайном голосовании — не удастся, все равно кто-то проигрывает, не Шохин или Черномырдин, проигрывает движение НДР. За три года двойная смена лидеров. Беляев ушел, хлопнув дверью, я хлопать не собираюсь, буду, что называется, до последнего патрона бороться за судьбу НДР. Но тем не менее все мои попытки внести свою лепту в преобразование НДР, в трансформацию его в политическую, открытую партию парламентского типа, к сожалению, пока не приводят к позитивным результатам.

ВЕДУЩИЙ. Александр Николаевич, вы сделали практически сенсационное заявление. Можно на этом остановиться, поскольку это вызвало сразу множество вопросов.

ВОПРОС.

А куда вы пойдете, если вас снимут с поста лидера фракции, в "Отечество" или как? **ШОХИН А.Н.** Вы знаете, я человек самостоятельный, как кошка, которая гуляет сама по себе, да и по гороскопу я кот. Следующий год — это мой год. Я думаю, что это не случайное совпадение, поэтому не пропаду. Но в "Отечество" не пойду. Я с самого начала ставил задачу равноправного партнерства между НДР и "Отечеством". Почему в первую очередь Лужков? Потому что явно он имел в октябре шанс стать лидером партии власти, поскольку на него многие представители региональной, федеральной элиты делают ставку как на будущего президента или проходного кандидата в президенты. И очень важно было начать с него. Хотя, честно скажу, ментально и по духу, и по профессиональному своему опыту мне ближе Явлинский. Конечно, у него есть особенности политического поведения, с которыми я не всегда соглашался в прошлом, но по духу мы с ним, безусловно, ближе. Сложилось это еще 17 лет назад, когда мы работали в НИИТруда, заведовали соседними секторами и обменивались детскими вещами для своих младших детей. Но затем не сложилось наше сотрудничество, может и сложится, но я не намерен, как говорится, навязываться.

ВОПРОС.

То есть вы еще не говорили ни с Явлинским, ни с Лужковым?

ШОХИН А.Н. Абсолютно. У меня есть хорошая позиция. Называется - депутат Государственной Думы. Кроме того, я профессор, доктор экономических наук, президент (на общественных началах) Государственного университета — Высшей школы экономики. Поэтому забот хватит, и если я займусь формированием профессиональной экономической команды, которая будет подсказывать правительству, как действовать, что может стать основой формирования каких-то новых кабинетов, — это уже немало.

РИА "НОВОСТИ".

Ваше развитие сценария, если фракция все-таки на тайном, как вы надеетесь, голосовании выскажется против того, чтобы вы покидали место лидера фракции? И второй короткий вопрос. Было ли хоть одно ваше предложение, с которым Черномырдин согласился? А если было, то что это за предложение? Интересно понять, хоть одна инициатива ваша была поддержана?

ШОХИН А.Н. Честно говоря, я не могу вспомнить ни одной инициативы, которую бы выдвигал после своего возвращения во фракцию НДР после непродолжительного пребывания в правительстве, с которой бы Виктор Степанович согласился. Самое главное, что мы разошлись в базовых принципах. Я считал, что нам нужно не дожидаться сентября 1999 года, и уже к концу этого года — к началу следующего отстроиться по-новому и начать избирательную кампанию. Первый ответ Виктора Степановича — рано, в сентябре проведем съезд, все решим. Вот здесь мы и стали расходиться.

Я понял, что никакие разговоры тет-а-тет, попытки его, что называется, расшевелить, в кулуарных беседах не приведут ни к какому результату. И пришлось мне вбрасывать многие инициативы публично, будь то заседание политсовета, интервью, высказывания на заседаниях фракции и так далее. Может быть, я не вполне прав, что перешел на публичную технологию, но я вас уверяю, что в любом случае могло кончиться тем, к чему мы сейчас идем, — к оргвыводам, "разборке" и персональному делу. Мне пришлось бы в этом случае оправдываться, объяснять, что же произошло. Сейчас хоть картина прозрачная, и мне оправдываться не в чем. Для движения ничего хорошего не будет, даже если фракция проголосует против предложения Черномырдина, потому что тогда авторитет лидера будет подорван; если он будет настаивать на моей отставке, а фракция не проголосует, то получится, что будет признан факт, что главный ресурс НДР — это фракция, тогда в этом случае фракция получит право голоса при формировании основных политических схем в рамках предвыборного года. Это, в общем-то, неплохо, с одной стороны. Но это будет означать, с другой стороны, что Виктору Степановичу Черномырдину придется согласиться с некоторыми из моих инициатив, в частности о введении коллективного руководства, превращении НДР в главную партию российской провинции, о технологии составления предвыборных списков. Кстати, технологию составления списков я позаимствовал у несуществующего еще блока ГКЧН, как я его условно называю: Гайдар, Чубайс, Немцов, Кириенко. Они правильно решили, что возглавлять блок должен тот из них, у кого выше личный рейтинг, кто может вытянуть и непопулярных остальных лидеров. Я считаю, что эта технология разумная, и мы должны действовать ровно по этой схеме, но не нанимать варягов с красивым послужным списком, а смотреть в своих рядах. Поэтому и возникли такие фамилии, как Михалков и один из своих "эндээровских" губернаторов. Это свои люди, которым не надо объяснять, кто мы такие, и нам не надо объяснять, почему они оказались в ведущей тройке кандидатов в депутаты по спискам нашего движения.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, на ваш взгляд, с чем связана, скажем так, консервативность Виктора Степановича, из-за которой он не понял новизны ваших предложений? Или просто не понимает, что его рейтинг ниже, чем нужно на данном этапе, и то, что вы предлагаете, может как бы вытянуть и НДР, и его самого, или здесь какая-то личная нестыковка происходит?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, личная нестыковка вполне могла иметь место, поскольку я обратил внимание, что уже давно к каждой моей инициативе Виктор Степанович относится настороженно. Когда я в апреле на съезде предложил вписать в устав, что лидер движения по должности является лидером фракции, если он не является президентом или премьер-министром (я его подталкивал к избранию в Государственную Думу), тоже было много вопросов — что-то Шохин задумал. А Шохин задумал дать лидеру движения политический ресурс под названием фракция, потому что все кандидаты в президенты обладают этим политическим ресурсом. Но если я решил уступить свое место Черномырдину — значит, у меня должен быть тайный смысл, который не смогли разгадать ближайшие советники вождя.

У меня был тайный смысл поднять престиж НДР даже ценой понижения собственного статуса в этом движении. С последними инициативами я тоже понимал, что натолкнусь на сопротивление, ожесточенную критику многих ближних бояр Черномырдина, прежде всего ночных кукушек, как их иногда называют у нас во фракции (ничего предосудительного не подумайте, с ориентациями у ЧВС все в порядке). Но тем не менее я решился на эти шаги, непубличные обсуждения путей выхода НДР из кризиса. Прежде всего потому, что считаю -даже после такой встряски неизбежны какие-то действия. Явно, уже до сентября не надо будет ждать — избирательный штаб будет создан. Дело может выглядеть таким образом, что идеи мои будут все реализованы, а вот Шохин неприлично вел себя публично, обсуждая их. Уверен, шаг за шагом все мои инициативы будут реализованы. Иначе НДР ждет поражение. Но тем не менее негативного ощущения от раскола в руководящем звене НДР, который произойдет завтра, видимо, избежать не удастся.

Три лидера фракции на протяжении одного созыва Государственной Думы — многовато. Значит, что-то подгнило в нашем королевстве, если перефразировать Шекспира. Я Виктора Степановича, честно говоря, понимаю, хотя не социальный

психолог и не психиатр. Он пять с половиной лет был в "шкуре" второго человека в государстве. И эту роль выполнял достаточно успешно. И когда он оказался вне функции второго человека в государстве, естественно, чисто психологически хочет, чтобы к нему, по крайней мере в НДР, относились с достаточным пиететом. И если вбрасываются какие-то реформаторские идеи, то через него, чтобы он их оглашал. То есть психологически он работает в режиме премьера, перейдя на работу в движение. Это является, наверное, объяснением, но не оправданием того, почему он раскручивает скандал со сменой лидера фракции.

ГАЗЕТА "ТРУД".

Александр Николаевич, прокомментируйте, пожалуйста, заказной материал, как вы сказали, в газете "Совершенно секретно".

ШОХИН А.Н. Материал, действительно, очень дикий: обвинить меня в заказном убийстве — это верх цинизма моих политических противников.

Я не собираюсь анализировать эту статью, но если вы ее откроете и проведете по тексту статьи самостоятельное журналистское расследование, то увидите, как непрофессионально действовала Кислинская либо как сознательно она не замечала некоторых несуразиц в своем материале. Это первое.

Второе. Я получил совет через "Российскую газету" не судиться. В субботу в "Российской газете" появилось интервью с тем свидетелем, который дал показание в 1994 году, что я "заказывал" Квантришвили. Он заявил, что никаких показаний не давал, что все фальсифицировано, что он шел совсем по другому делу и все подделано, включая подпись. Поскольку человек был признан по суду невменяемым, я не собираюсь, основываясь на его показаниях, менять свою аргументацию. Но я обратил внимание, что речь этого невменяемого человека содержит несколько, как мне кажется, обращенных ко мне кусочков, в одном из которых сказано: "Ну зачем с помощью этого глупого материала пытаться свалить Шохина. Гораздо проще его свалить, раскрыв его связи с какими-то банками, коммерческими структурами и так далее". Это предупреждение. Далее тоже цитирую: "Шохин не будет связываться с публичной перепалкой с Кислинской и не будет судиться из-за этой глупой статьи" — это совет.

Повторю: поскольку в статье в "Российской газете" цитируются слова человека, официально, через судебно-психиатрическую экспертизу и по суду признанного невменяемым, именно они являются основанием для каких-то выводов. Я это рассматриваю так, что меня "заказала" одна из политических группировок. Эта группировка боится, что я раскопаю, что дело, действительно, фальсифицировано, и поэтому публикует показания того же свидетеля, с помощью которого меня пытались "завалить" в 1994 году. Теперь он отказывается от старых своих показаний и в завалированной форме не рекомендует мне копаться в этом деле. Я не удивлюсь, если январский номер "Совершенно секретно" выйдет с извинениями. Но я их принимать не буду. Зайдите в любой переход метро и посмотрите, как торгуется "Совершенно секретно". На развороте моя фотография: "Крутой вираж Шохина" — один заголовок, "Кто заказал Отарика" без вопросительного знака — другой заголовок. Читатель явно вводится в заблуждение. Читать статью не обязательно, и не случайно многие пересказы (по третьему каналу, в "Профиле", в других изданиях) ссылаются ровно на то, что выделено жирным шрифтом, а то, что это является показаниями невменяемого человека, который к тому же уже отказался от них, об этом — ни слова.

Поэтому судиться я буду. На этой неделе я подам заявление в судебную палату по информационным спорам. Я хочу по всем этапам пройти, что называется. Дело принял известный адвокат Генри Маркович Резник. Он долго его изучал и не сразу согласился, говоря мне о том, что дела такого рода очень тонкие, и если прямых выпадов нет, все закавычено или сопровождается словами "якобы", "наверное" или ссылками на каких-то людей, то трудно привлечь к ответственности. Но я считаю, если он взялся, значит, увидел основание для своих занятий в судебной палате и дальше в суде.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, в последнее время, после того как вышла эта статья, стали проводить некую параллель. Президент холдинга издательского дома "Совершенно секретно" Артем Боровик вошел в лужковское "Отечество". Не думаете, что это может быть связано с вашими, так скажем, не вовремя поданными предложениями Лужкову или Боровик чего-то испугался, если вы вдруг придете?

ШОХИН А.Н. Не хочу высказывать гипотезы, у меня на столе лежит около пяти

вариантов объяснений, кому было выгодно "заказать" меня. Там есть не менее звонкие имена, чем Юрий Михайлович Лужков. Я, кстати, прямо спросил Юрия Михайловича на какой-то презентации сразу после публикации:

— "Совершенно секретно" ваше издание?

— Мое.

— Боровик — ваш человек? .- — Мой.

— Значит, вы заказывали.

— Что?

— То, что я "заказал" Отарика.

— Глупость.

Юрий Михайлович обещал разобраться. Но пока никаких заявлений не делал на этот счет. Тем не менее, когда его даже не спрашивали, он защитил Лисовского.

Видимо, это дело хотели использовать в 1994 году, а может даже и использовался оказывал" меня, как мне кажется (хотя утверждать не берусь)г, тогдашний службы безопасности президента Александр Васильевич Коржаков. Мне достоверно известно, что Александру Васильевичу я явно мешал*, будучи "ничьим" вице-премьером, курирующим финансово-экономические вопросы, он явно хотел у меня отобрать эти функции. Лучшего способа, как скомпрометировать и отправить в отставку, не нашел. Чтобы положить на стол президенту компромат на меня, нанял Академию ФСБ анализировать все мои поручения, все бумаги, где стояла моя подпись, даже с резолюцией "прошу рассмотреть" и так далее, все постановления правительства, завизированные мной. Вполне возможно, что использование показаний невменяемого человека — это была попытка навести тень на честного и влиятельного политика.

"ИНТЕРФАКС".

Хотел бы вернуться к вашей последней инициативе. Вы предложили в списке под номером один поставить Михалкова. А с ним вы посоветовались?

ШОХИН А.Н. Я это предложение вбросил на фракции и, собственно говоря, запрашивал у коллег мандат на переговоры с Михалковым. Понимаете, не имея такого мандата от фракции, от движения, вести переговоры с уважаемым человеком, наверное, не очень ловко, поэтому я вбросил эти идеи с точки зрения зондажа общественного мнения внутри фракции и движения — нужно ли вообще с ним вступать в переговоры. Я с ним не встречался, он сейчас, по-моему, находится в Казахстане, в конце недели вернется. Я имел в виду встретиться с ним по его возвращении и по итогам обсуждения этой идеи в НДР.

ВОПРОС.

А вдруг он не согласен?

ШОХИН А.Н. Может быть. Но проблема не в этом, а в том, как нам в своих рядах, в рядах НДР, среди людей, которые по спискам НДР баллотировались в прошлый раз, среди губернаторов, членов политсовета и так далее, найти яркую фигуру, которая позволит привлечь внимание к нашему движению и восстановить доверие к нему и даже увеличить доверие избирателей. Самое главное, чтобы это был человек, который одновременно будет вести всю политическую работу по предстоящим выборам. Это было первое вбрасывание, и я отнюдь не могу дать гарантии, что именно этот вариант мог бы сработать. В самом деле, здесь главное даже не то, кто на первом месте, а то, что я предложил Виктору Степановичу передвинуться с первого места на третье, вот это более существенно. То есть я этим предложением начал обсуждение вопроса, какой федеральный список будет более привлекательным для избирателей. Действовать надо не с точки зрения цеховской технологии — от женщин, от артистов, от политиков, от генералов и так далее, а с точки зрения людей, которые в состоянии убедить избирателей, что именно они, люди, дадут им то, чего не сумели дать предыдущие правительства и предыдущие депутаты. Я даже заявил в этой связи, что не считаю возможным для себя претендовать на место выше четвертого, потому что у меня тоже есть и своя история, меня за многое критикуют — за связь с либералами и за критику либералов одновременно, поэтому мне трудно настаивать, чтобы я был где-то вверху. Готов работать в качестве руководителя избирательного штаба. Я такие предложения делал неоднократно и вчера предложил фракции поддержать меня в этой просьбе к руководству, создать штаб и мне его возглавить. Но только так, чтобы это был штаб всего движения, а не какой-то координационный центр внутри фракции, который был создан недавно, поэтому здесь речь идет о серьезной работе.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, пожалуй, последний вопрос, если позволите. А кого вы видите лидером фракции, если вас не будет?

ШОХИН А.Н. Да, интересный вопрос. Я, конечно, никого не вижу. И не потому, что нет достойных людей, а потому что сейчас тот период, который традиционно в народе называется "коней на переправе не меняют". Остался год. Мы уже под горочку идем к парламентским выборам и затевать перетасовку кадров очень невыгодно для движения. Но, естественно, из наиболее засвеченных людей, которые часто бывают в том числе в "Аргументах и фактах", я могу назвать Владимира Рыжкова. Но сдаётся мне, что он может сам не захотеть в этих условиях сложной внутренней политической борьбы покидать пост первого заместителя Председателя Государственной Думы. Из претендентов, которые на поверхности что ли, — это генерал Попкович, недавно ставший председателем Комитета по обороне. Есть и другие председатели комитетов — Владимир Зорин, Андрей Поляков. Но на самом деле лучше бы нам сегодня публичный разговор на эту тему не вести. Мне сейчас, через десять минут, видимо, ЧВС лишнее лыко в строку пришьёт и скажет: "Вот лишнее доказательство того, чтобы снять его с должности руководителя фракции". Еще раз подчеркну: я бы хотел, чтобы эта встряска способствовала тому, чтобы хотя бы часть из тех схем, которые я обозначил, была реализована.

ВОПРОС.

А с какой формулировкой вас могут снять — не за инакомыслие же? Допускаете ли вы, что вас будут критиковать за недостатки в работе?

ШОХИН А.Н. Конечно, меня как лидера фракции есть за что критиковать. В частности, я недостаточно активно работаю в зале Государственной Думы. Виктор Степанович меня часто критикует, что я отстаю от Жириновского в экспрессии и агрессивности и так далее. Но это, видимо, потому, что я не пользуюсь услугами имиджмейкеров, да и темперамент у меня другой, может, и психика с другим диагнозом, поэтому соглашусь, что недорабатываю. Дмитрий Аяцков весной меня критиковал за то, что я не создал большинства в Государственной Думе, а вполне мог бы создать коалицию с тем же Жириновским. Есть за что покритиковать, безусловно, но главное совсем в другом. Я считаю, что если бы мы выработали согласованную схему активизации, деятельности движения и фракции, не тратили бы время на разборки, устранили бы у нас существующее двоецентрие исполкома и фракции, то могли бы серьезно активизироваться на политической площадке. Тяжело идти вперед с повернутой назад головой, следя за тем, не наносит ли кто удар в спину.

В "НАШЕМ ДОМЕ" БОЛЬШЕ ВСЕГО БОЯТСЯ СКВОЗНЯКОВ

("ОБЩАЯ ГАЗЕТА", 31 ДЕКАБРЯ 1998 ГОДА — 13 ЯНВАРЯ 1999 ГОДА, № 52/1, А. КОСТЮКОВ)

—Неважно у вас сложился этот год, Александр Николаевич. Сначала вы ушли из правительства, потом вас "ушли" из лидеров думской фракции "Наш дом — Россия". Что в конце тоннеля?

—Я уже обещал бороться за НДР до последнего патрона. Причем не собираюсь расходовать этот патрон на себя, надеюсь, что все-таки соберется внеочередной съезд "Нашего дома" и мне удастся инициировать серьезное обсуждение проблем НДР. Считаю это очень важной для себя задачей, хотя я не был в числе основателей движения и вступил в него только после долгих уговоров Черномырдина. Многое во внутривнутрипартийной жизни НДР мне не нравилось с самого начала, а сейчас нравится еще меньше, тем не менее я остаюсь членом движения. И уж тем более не собираюсь уходить из публичной политики. Накануне парламентских и президентских выборов это было бы неправильно. Я потому и старался активизировать работу фракции, политсовета НДР, что считаю весьма вероятной победу на следующих выборах коммунистов, реваншистов разного толка. Реформировать НДР, обновить ее идеологию и тактику — таков был смысл моей "раскольнической деятельности". Мне было очевидно, что "Наш дом" нуждается в глубокой трансформации. Из партии власти, партии, которая была политотделом

правительства и администрации президента, она должна превратиться в открытую публичную партию. Одновременно надо думать о коалиции, искать партнеров, вместе с которыми мы можем гарантированно пройти в новую Думу. Основным ресурсом НДР — руководители регионов, губернаторы. Этот родовой недостаток движения можно обратить в достоинство, если сделать НДР партией российских регионов, политическим инструментом региональных элит, а не просто организацией, где губернаторы числятся по должности. Вот набор идей, с которым я вернулся во фракцию после хождения в правительство.

—Довольно сложно понять, чем эти предложения могли прогневить руководство НДР.

—Пока мои идеи носили более-менее абстрактную форму, Черномырдин воспринимал их относительно терпимо. Но стоило перейти к персональным раскладкам, тут уж я стал врагом, мне было вменено в вину посягательство на принцип единоначалия. В частности, если мы хотим строить партию регионов, необходимо, говорил я, в число сопредседателей движения включить наших губернаторов. Если мы хотим к парламентским выборам создать широкую коалицию, надо временно снять вопрос о наших планах на президентскую кампанию, иначе невозможно договориться с другими амбициозными политиками. Я предложил обновить "головку" нашего избирательного списка, поставив первым номером Никиту Михалкову, а вторым — кого-то из региональных лидеров. Предложения по персональным изменениям Виктора Степановича сильно раздражали. Видимо, я, действительно, нарушил моральный кодекс строителей "Нашего дома".

—В ваших схемах опорой НДР остаются региональные боссы. Но они перед выборами все равно перебегут на сторону того, кому светит высший пост.

—Я допускаю такие перебежки, но одно дело — перебегать поодиночке и совсем другое — предложить себя в качестве влиятельной политической организации, обговорить выгодные условия этого контракта. В лице НДР губернаторы могли бы получить инструмент, который можно использовать для найма кандидата в президенты. У нас процедуры такого найма нет. Претенденты на престол появляются, "как Бог из машины", а мы могли бы поломать эту традицию.

—Черномырдин, если верить его версии, более всего обиделся на вас за то, что вы вынесли внутренние разногласия на публичное обозрение.

—Перед тем как я стал высказываться по этим разногласиям в прессе, были долгие разговоры на политсовете НДР, беседы тет-а-тет с лидером.

К сожалению, бесплодные. Я думаю, у Виктора Степановича больше невыполненных обязательств передо мной, чем у меня перед ним. Когда он звал меня в НДР, мы договорились, что я стану его первым замом по избирательному штабу. А когда штаб был создан, первым замом оказался Сергей Беляев. Потом, когда он уговаривал меня возглавить фракцию, я сказал, что не хочу быть "говорящей головой", мне нужны рычаги влияния на политику движения, контроль над исполкомом НДР. Он согласился, но буквально через неделю отказался от этих договоренностей. И таких перемен "по ходу пьесы" было немало.

—На переговоры с Юрием Лужковым вы, действительно, пошли без ведома фракции?

—Указание вступить в переговоры с Лужковым фракция дала нам с Черномырдиным на выездном заседании 10 октября. Полтора месяца я не предпринимал никаких шагов, полагая, что инициатором должен быть лидер движения. Тогда депутаты стали говорить мне: если вы не пойдете на эти переговоры, мы начнем их самостоятельно. И действительно, семеро наших депутатов вскоре сходили на беседу к Лужкову. Только после этого я решил, что тянуть больше некуда. На заседании фракции были сформулированы четыре пункта переговоров с московским мэром, которые я ему и представил. Правда, Юрий Михайлович говорить по этим пунктам не стал. Он дал понять, что его "Отечество" собирается заместить НДР, а не делиться с ней. На мой прямой вопрос, можем ли мы договориться, чтобы на выборах в московских округах он не чинил нам помех, мэр ответил: нет, в Москве у вас будет ноль, все голоса я возьму сам. Теперь вот, в понедельник, к Лужкову пошел наконец и сам Черномырдин.

Боюсь, что он опоздал. Еще в октябре, когда я подталкивал его к этой встрече, он говорил, что у Лужкова пока нет партии, он просто мэр — о с ним договариваться? А сейчас, когда у Лужкова появилось собственное политическое движение, переговорные позиции принципиально изменились. Кто кому теперь нужнее —

большой вопрос. Ситуация сегодня динамичная, надо успевать за событиями, а НДР, к сожалению, очень инертная конструкция. И я не уверен, что чьи-либо новые попытки активизировать ее окажутся успешнее моих.

РОССИИ НУЖЕН СВОЙ ДЭН СЯОПИН

"ВЕК", 15—21 ЯНВАРЯ 1999 ГОДА, ЛАРИСА АЙДИНОВА)

Движение "Наш дом — Россия" (НДР) было основано 25 апреля 1995 года, его лидером был единогласно избран тогдашний премьер Виктор Черномырдин, после чего организация, объединившая 32 губернатора и 5 президентов республик, нескольких министров и сотни госчиновников, была признана "партией власти". На парламентских выборах 1995 года НДР, выставивший в первой тройке своего общенационального списка для голосования Виктора Черномырдина, Льва Рошлина и Никиту Михалкова, добился симпатий 10 процентов избирателей. Добавив к ним одномандатников, фракция НДР сформировала в Госдуме вторую по численности фракцию из 65 человек.

За год до очередных выборов НДР представляет незавидное зрелище. В прошлом году потерял пост премьера Черномырдин. Губернаторы и депутаты покидают "Наш дом". Фракция в "лучших традициях" разбирает персональное дело своего лидера — Александра Шохина — и изгоняет его из рядов.

Почему у "Нашего дома" "съехала крыша", рушатся стены и трещит фундамент? На этот и другие вопросы отвечает бывший лидер фракции Александр Шохин.

—Александр Николаевич, вы не жалеете, что в конце декабря пошли на резкие шаги, обострив ситуацию в движении и фракции НДР?

—Это были запоздалые шаги. Последние несколько месяцев никак не удавалось поставить в повестку дня НДР вопросы, которые надо было срочно обсуждать ради победы на парламентских выборах и сохранения нынешнего представительства в Думе. Задача невероятно сложная после двойной отставки Черномырдина и окончательного расставания с имиджем (партии власти) (хотя правильнее говорить о псевдо партии власти — она никогда не влияла на процесс принятия решений) после этого, как под свои знамена стал собирать наших сторонников губернаторов Юрий Лужков. НДР нужно было делать рывок от бюрократически рожденной партии к открытой парламентской структуре. В противном случае нам предстояло конкурировать с другими, более динамичными изданиями "партии власти", имея очень малые шансы на выживание.

—Что конкретно вы предлагали?

—Для начала я предложил Виктору Степановичу на время отказаться от президентских амбиций и до парламентских выборов не называть себя кандидатом в президенты. Это давало возможность вести диалог с Явлинским, Лужковым, Лебедем, другими лево-, право- и просто центристскими силами о мягкой коалиции, взаимодействии в одномандатных округах, совместных политических акциях, чтобы продемонстрировать избирателям способность правых договариваться друг с другом. Я предполагал, что по итогам парламентских выборов станет ясно, кто в этой широкой коалиции лидер. Он автоматически мог бы стать и кандидатом в президенты. Виктор Степанович эту схему не принял.

Неприятная для него схема, но именно она позволяла ему, используя региональные структуры НДР и фракцию в Госдуме, занять место главного организатора коалиции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ленин в июле 1917 года снял с повестки дня лозунг "Вся власть Советам!", чтобы вернуть его 25 октября и одержать победу. Сняв на год ради победы на парламентских выборах лозунг "ЧВСа — в президенты!" (кстати, уже зарегистрирован фонд "ЧВС-2000"), Виктор Степанович мог бы вернуться к нему в декабре 1999-го, имея реальную базу для начала президентской кампании.

В октябре 1998 года фракция приняла конкретное решение о необходимости начать переговоры о создании коалиции с Лужковым. Поручение дали Черномырдину и мне. Полтора месяца ЧВС переговоры не начинал. Мне предложили заняться этим вплотную. Я согласился, попросив сформулировать объем моих полномочий и содержание предложений, и отправился к Лужкову.

—Почти всегда он был оппонентом правительства Черномырдина. Разве его

реакция на ваши предложения не была predetermined?

—Мы проговорили час, но на первое же предложение Лужков ответил отказом: с черномырдинским НДР подписывать соглашение не намерен.

Полчаса он рассказывал о своем отношении к Виктору Степановичу, о том, что предпринимал, чтобы ЧВС не стал премьер-министром России в августе прошлого года. Кстати, Виктор Степанович даже не поинтересовался деталями этого разговора, заметив только, что "правильно Лужков тебе вмазал". На что я ответил, что "вмазал" он не мне, а движению и лично его лидеру.

По итогам встречи с Лужковым я предложил собрать губернаторов — сторонников НДР и предпринять шаги, преобразующие НДР в партию регионов: ввести один или несколько постов сопредседателей движения, пригласив на них региональных лидеров. Это было мое второе предложение по спасению НДР.

—В движении какие-то "странные" губернаторы. В последнее время невозможно было понять, члены они НДР или нет.

—Не скрою, я пытался убедить Виктора Степановича предпринять чрезвычайные меры до 19 декабря, до учредительного съезда движения "Отечество", чтобы успеть изменить мнение региональных лидеров об НДР как о вождистской партии, которая работает на Черномырдина.

Многие не видели себя в такой партии, поскольку не видели Черномырдина президентом России. С этим и связаны заявления губернаторов, которых вы называете "странными".

Время уходило. Съезд "Отечества" состоялся, коалиции не выстраивались, удержать губернаторов не удалось, трансформировать НДР в главную провинциальную партию России не получалось. Я предложил депутатам обсудить вопрос о более гибком формировании предвыборного списка. Опросы ВЦИОМ и фонда "Общественное мнение" в последнее время фиксировали лишь три-четыре процента поддержки у НДР и один процент у его лидера. В первую тройку можно было включить членов движения, которым доверяют больше, чем Черномырдину. При этом я считал, что лидирующая тройка могла бы демонстрировать избирателям способность НДР выдвинуть кандидатов на высшие посты в государстве. Никита Михалков мог стать кандидатом в президенты, один из ведущих губернаторов — кандидатом в премьеры и Виктор Черномырдин — председателем Госдумы.

—Неужели вы это предлагали всерьез?

—Что вы имеете в виду? Последний пункт?

—И первый.

—Михалкова начали обсуждать как возможного кандидата в президенты. Значит, вариант не был уж очень экзотическим. Он вполне мог бы оказаться в тройке призеров и участвовать в коалиции с реальным претендентом на президентский пост. Что касается третьего пункта, то я исходил из того, что ЧВС надо работать в Думе. Раскрутка на президента не даст результата, третий раз идти в премьеры — даже фарса не получится... А вот ниша лидера парламентского большинства — почему бы и нет?

—У многих складывалось впечатление, что вы конкурировали с Черномырдиным.

—И поэтому все время я старался найти для него достойное место? Летом, в июле, у Черномырдина был шанс стать "российским Дэн Сяопином". Я предложил схему и почти довел ее до исполнения. Об этом, правда, мало кому известно.

—Расскажите.

—11 июля президент собрал лидеров думских фракций и попросил одобрить антикризисную программу Кириенко. Выступая на этой встрече, я сказал: замечательно, что, несмотря на занятость, Борис Николаевич собирает "круглые столы". Хорошо бы сделать их постоянными. В силу вашей, Борис Николаевич, занятости, координацию этой работы можно было бы поручить какому-то всеми уважаемому политику. Фамилию я не назвал, но идею поддержали все.

В этот день Черномырдин встречался с Ельциным в "Горках-9" в неформальной обстановке, семьями. Я переговорил с руководством администрации президента и попросил подсказать Борису Николаевичу: Черномырдин мог бы стать координатором (заместителем председателя) "круглого стола". На даче у ЧВС в этот же день в "Горках-10" я убеждал его не ждать выдвижения в премьеры: президентские выборы все равно не выиграть, а вот если попробовать стать самым уважаемым человеком, может получиться. Напомнил о предстоящей встрече и сказал, что, по моим расчетам, президент должен быть готов к такому разговору.

Они провели вместе пять часов: говорили, ужинали, снова говорили. На следующий

день спрашиваю Виктора Степановича: "Ну как?" — "Да, — отвечает, — как-то не сложилось. Папочка у него на столе лежала. Наверное, в ней была соответствующая памятка, но он эту тему не поднял. И я решил, что не стоит. В следующий раз".

Вернуться к этой схеме я предлагал еще раз осенью. Но ЧВС посчитал, что, только находясь на исключительно первой позиции, он будет иметь контроль за ресурсами — политическими, организационными, финансовыми.

Было и еще одно предложение, к которому он тоже не прислушался. Перед вторым выдвижением в премьеры я предлагал Черномырдину обнародовать список возможных министров в его кабинете, включив в состав правительства представителей КПРФ, ЛДПР, аграриев. Это был единственный шанс "зацепить" оппозицию. Можно было настоять на тайном голосовании, вписать в бюллетень — для справки — фамилии членов правительства. Это вынудило бы фракции голосовать как бы за своих людей в кабинете. Не за "ненавистного" Черномырдина, а за коалиционное правительство. Не послушался.

Можно продолжать такие примеры. После второго неудачного для Черномырдина голосования и "круглого стола" у президента мне было ясно, что президент "сдал" Черномырдина. Я сказал об этом ЧВС. "Как это?" — спрашивает. Пришлось напомнить, как Григорий Алексеевич предложил фамилию Примакова и как президент, обращаясь к Зюганову, спросил: "А вы, Геннадий Андреевич, что по этому поводу думаете?" И в конце: "Виду разговор у нас стал получаться".

Из этого следовало, что премьером будет Примаков, а нам, НДР, надо думать, как красиво сдать власть и сыграть финал достойно.

Уговорите, предлагаю ЧВСу, Бориса Николаевича предложить вашу кандидатуру в третий раз. И через два часа, когда Дума забурлит, выступите по телевидению, поблагодарите президента и снимите свою кандидатуру в пользу кандидата, выбранного Ельциным. Вариант выигрышный и для президента (он настойчив и не боится распустить Думу), и для вас. Все запомнят, как вы не дали распустить Думу и во имя согласия и примирения сняли уже внесенную кандидатуру. Это, говорю, позволит вам зафиксировать свое определенное место в политической системе. Он выслушал все внимательно. Но решил только на то, чтобы за двадцать минут до внесения кандидатуры Примакова объявить на заседании правительства о снятии своей. Эффекта это не имело.

—Интересно, как Черномырдин реагировал на все эти ваши предложения? Он спорил, доказывал, что вы не правы?

—Мы работали вместе с мая 1992 года, в том числе и когда он был премьером. Я понял, что многое зависит от того, кто от него уходит последним. Если Бабичев, то о своих предложениях я мог не беспокоиться: на них ставился крест.

Мы много общались в апреле, после его первой отставки. Тогда я понял и сказал, что на политической площадке нам не сработаться, мы в разной системе координат. Лучший вариант — разойтись тихо. Если он будет баллотироваться в Думу и займет мое место лидера фракции, я "отползу", хлопнуть дверь не стану. На заседании фракции мы его уговорили идти в депутаты.

—А как же случилось, что Черномырдин не стал баллотироваться в депутаты? Для него это и вправду был неплохой вариант.

—Одна причина названа самим Черномырдиным. Он якобы не захотел прийти в Думу, где ему придется ежедневно видеть "ненавистные" физиономии левых оппозиционеров. Мотив странный, если иметь в виду, что он собирался привести в следующую Думу, которая вряд ли будет лучше, целую фракцию. Были и другие интерпретации. Якобы он рассчитывал на должность руководителя администрации президента.

Это не было лишено смысла, потому что в день своей отставки ЧВС провел пять часов в Кремле. Не исключался и вариант председателя совета директоров "Газпрома". Почему не состоялось ни одно из этих назначений — я не знаю.

—Вам не жаль было оставить дело, которым так долго занимались?

—Было обидно. "Сесть" на фракцию Виктор Степанович уговаривал меня два месяца. К концу августа 1997 года я сдался, хотя считал, что должность первого вице-спикера — моя. Я не видел себя публичным политиком демагогического свойства, склонным выстраивать компромиссы в ущерб неким идеалам добра, был на своем месте и старался добросовестно исполнять свои обязанности, не вмешиваясь в политическую интригу в партии. Но тогда из фракции уходил Беляев. Кого оставить на его место? Владимир Рыжков был тогда "не обстрелян", существовала опасность возникновения свары, и надо было искать компромисс. Я

выставил условие: занимаюсь не только фракцией, но и движением в качестве первого заместителя лидера, и мы заменяем руководителя исполкома Бабичева другим человеком. Мне нужны были реальные рычаги управления, и Черномырдин согласился с этими предложениями. Мы даже назначили заседание президиума политсовета, на котором должен был быть решен кадровый вопрос. Через три дня его не решили. Не решили и через год, и через полтора. Но когда на президиуме, где разбиралось мое персональное дело, я напомнил Черномырдину о не выполненных им обязательствах, он сказал, что и не собирался их выполнять.

Мы разошлись в главном — взглядах на будущее НДР. Политический вариант обновления НДР, следствием которого мог стать вылет за пределы игрового поля таких деятелей НДР, как Бабичев, не устраивал ЧВС и его ближайшее окружение. Продолжает действовать бюрократический вариант. Раньше он строился на ожидании второго пришествия ЧВС во власть. Сейчас — на ожидании третьего.

—Вы не преувеличиваете бюрократические пристрастия Черномырдина?

—Мое исключение из фракции было организовано в "лучших" застойных цеховских традициях. Например, в повестке дня значилось: бюджет и разное. Когда я пришел, первым пунктом стало персональное дело Шохина, а вторым — бюджет. 22 декабря, за день до "персонального дела", я на заседании фракции вбрасывал свои последние инициативы.

Пригласил к 13 часам и Виктора Степановича. Он сказал, что у него встречи и придет в 14, когда начнем обсуждать бюджет. Позже выяснилось, что встречался он с членами фракции НДР и обсуждал, что делать с Шохиним.

—Вас не удивило, что из 50 присутствовавших на фракции соратников 36 проголосовали за вашу отставку?

—Я предлагал тайное голосование. Виктор Степанович не согласился. Понятно, почему: положительный для меня результат означал бы вотум недоверия лидеру движения. Результаты голосования не удивили. Удивило другое. С сентября депутаты говорили о том же. Я излагал волю фракции, но оказалось, что, когда пришел начальник, большинство спрятало голову в песок. Выбор, действительно, был между ЧВС, обладающим ресурсами — политическими, региональными, газпромовскими, и человеком, просто представляющим точку зрения. Кстати, в начале декабря меня крупно "подставили" социологи — в рейтинге "НГ" я на три позиции оказался выше Черномырдина.

—В каком состоянии фракция НДР сейчас?

—Фракция всегда была явлением довольно сложным. Депутаты знакомились только в Думе, поскольку формирование списков велось по бюрократической технологии, второпях, что, правда, вовсе не означает, что это случайные люди. Потенциал их высок, но до конца так и не использован отчасти из-за отсутствия реальных полномочий у лидеров фракции, отчасти из-за их второстепенной роли. Каждый депутат был вынужден бегать по кругу между Черномырдиным, Шохиним, Бабичевым и выяснять, насколько состыкованы их точки зрения. Неправильной была система управления политическим движением, может быть, имевшая право на существование в период премьерства ЧВС, но и тогда дававшая сбои (конфликт Беляев — Бабичев). Теперь это очевидно.

Устранение "диссидента" — свидетельство того, что в НДР карается инакомыслие, и только лояльность и верноподданнические настроения по отношению к партийному начальству являются гарантией включения в список и поддержки в округе. Не всем нравится такая схема.

—Кто будет лидером фракции?

—Лучший вариант — Черномырдин, но это невозможно. Второй — Бабичев, но это мало вероятно. Третий — Рыжков, который сохраняет достаточно высокую лояльность к Черномырдину и, главное, к Бабичеву и в то же время стал публичным политиком, который в состоянии удерживать имидж фракции на минимальном уровне. Возможен вариант, когда лидер фракции будет держаться в тени, а публичные функции возьмет на себя Рыжков.

—А каковы ваши личные планы?

— Остаюсь первым заместителем Черномырдина по движению, пока меня последовательно не снимут со всех постов за инакомыслие. Отказываться от депутатского мандата не намерен. Не собираюсь сколачивать собственную партию. Возможно, займусь профессиональной экспертизой программ правительства и подготовкой альтернативных, чтобы в очередную пересменку в правительстве было что предложить в качестве рецептов спасения Отечества. Я все-таки профессор,

доктор экономических наук.

ВЫБОРЫ В ДУМУ НА ФОНЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ГОНКИ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ
ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н.
ПРЕСС-КЛУБ АК&М, 21 ЯНВАРЯ 1999 ГОДА)

ШОХИН А. Н. 1999 год начался, естественно, чуть позже календарного нового года — в середине месяца. Активная политическая жизнь началась сразу с обсуждения ключевых вопросов и главный среди них — перспектива парламентских выборов 1999 года. Многие политические партии начали избирательную кампанию еще в прошлом году. В частности, это относится к формированию новых политических объединений, прежде всего к объединению "Отечество", которое, зарегистрировавшись под 132-м номером в списке партий и движений, имеющих право участвовать в выборах, тем не менее переместилось сразу на одно из первых мест в рейтинге предвыборных объединений, которые могут претендовать не только на преодоление пятипроцентного барьера, но и на серьезное влияние в Государственной Думе следующего созыва. Кроме "Отечества" и ряда новых избирательных объединений хорошие перспективы сохраняют и старые политические партии, среди коих коммунистическая партия — КПРФ на одном из первых мест.

Сейчас идет много разговоров о том, как КПРФ пойдет на выборы одной колонной или тремя колоннами. Я думаю, что разговоры о том, что КПРФ выработывает очень мудрую тактику предвыборной борьбы, несколько преувеличены и наверняка деление коммунистов на три колонны — это вымышленная конструкция, которая скрывает определенные разногласия внутри КПРФ. В частности, радикально настроенные левые, возглавляемые такими политиками, как Илюхин, Макашов, очевидно, не потому пойдут на выборы отдельно под знаменами рохлинского движения, которое сейчас возглавляет Илюхин, что это очень хитрый ход для завоевания большего количества голосов вместе с правоверными, идеологически выдержанными коммунистами Зюганова и социал-демократами селезневского типа, а потому, что их очень трудно удержать в рамках единых партийных списков, в рамках единой предвыборной идеологии. Я думаю, что здесь речь идет, скорее, о признании сложившегося факта — идейной и организационной самостоятельности этих радикально настроенных коммунистов.

Что касается цивилизованных коммунистов, социал-демократов или коммунистов-лейбористов, то на этой площадке старается позиционировать Геннадий Николаевич Селезнев. Целый ряд других членов НПСР и фракции КПРФ явно выходят на это направление, в частности "Духовное наследие" Подберезкина. Идет объединительный процесс между движением Андрея Николаева и партии Святослава Федорова. Это происходит за рамками правой части коммунистического блока, но тем не менее здесь определенная конкуренция наверняка будет между социалистами внутри КПРФ и левым центром, который создавался в октябре как бы для Юрия Лужкова, но оказался в самостоятельном плавании потому, что лидерам этого центра не удалось предложить себя в качестве ядра лужковской партии "Отечество".

Каковы перспективы такой старой партии, функционирующей с 1995 года, как "Наш дом — Россия"? НДР тоже объявила о своем намерении идти на выборы самостоятельно, и это означает, что ниша правого центра будет занята несколькими конкурирующими партиями, в частности правоцентристской коалицией, как она себя называет, "Правое дело" и движением "Наш дом — Россия". В качестве двух самостоятельных сил эти две партии будут отнимать голоса друг у друга. Не нужно доказывать, что Виктор Черномырдин как премьер российского кабинета, в состав которого входили либеральные экономисты, политики, реформаторы, с которыми он не имел идейных, организационных и иных разногласий, тяготеет к праволиберальному блоку Гайдара, Чубайса, Немцова и Кириенко. Мне кажется, что если осенью произойдет организационное слияние этих двух политических движений, то это поможет им в совокупности преодолеть пятипроцентный барьер, может быть, даже с некоторым запасом.

Что касается оценки перспектив "Правого дела" как движения, которое

самостоятельно может преодолеть пятипроцентный барьер, то сейчас Фонд общественного мнения дает им 5—6 процентов поддержки электората, что, на мой взгляд, несколько завышено, и только более широкая коалиция, например с "Нашим домом — Россия", могла бы помочь правоцентристам, этому широкому блоку, преодолеть пятипроцентный барьер.

Почему я настойчиво рекомендую Виктору Черномырдину осуществить дрейф в правую сторону, а не в сторону центра? Потому что после отказа Черномырдина обновлять НДР на базе региональной платформы, а это предложение я настойчиво пытался внедрить в конце прошлого года, возможность движения в сторону центра у Черномырдина практически перекрыта, на этой площадке активно разворачиваются Лужков и движение "Отечество". Между Лужковым как политиком, претендующим на центристскую площадку, центристскую часть политического спектра, и Черномырдиным никаких союзов и договоренностей достигнуто быть не может. В этом я убедился, когда в начале декабря прошлого года встречался с Лужковым, и в этом недавно убедился сам Черномырдин. Поэтому потенциальная готовность и возможность НДР дрейфовать в сторону центра стала сейчас упущенной возможностью. Учитывая, что у НДР как у правоцентристской партии есть возможность собирать голоса тех избирателей, которые готовы поддержать праволиберальные политические движения, видимо, целесообразно пытаться найти возможность заключения широкой коалиции с "Правым делом".

В октябре, насколько я знаю, состоялось несколько встреч у Черномырдина и с Кириенко, и с Чубайсом. И хотя никаких договоренностей достигнуто не было, но не было зафиксировано и принципиальных разногласий. Поэтому я вижу такую перспективу для НДР: для преодоления пятипроцентного барьера — объединение усилий с "Правым делом".

Захотят ли лидеры "Правого дела" объединиться с Черномырдиным? Это вопрос. Почему? Потому что есть интересный персональный сюжет взаимоотношений Кириенко и Черномырдина. Кто из них несет ответственность за кризис 17 августа и за нынешний продолжающийся финансовый кризис? Черномырдин в августе, после прихода в Белый дом, заявил, что за Пять месяцев его отсутствия по стране ураган прошел, все разрушено, и явно это был намек в сторону Кириенко и его соратников по правительству и единомышленников вне правительства. С другой стороны, Кириенко в мягкой пока форме неоднократно давал понять, что ему пришлось тяжело и 17 августа он сделал то, что на его месте сделал бы любой другой председатель правительства. Будут ли эти два политических лидера перекладывать ответственность друг на друга или найдут способ совместно покаяться: один в грехах, связанных со строительством пирамиды, другой с неудачным демонтажом этой пирамиды — этот вопрос остается открытым. Но если сумеют, наверное, это будет вполне естественным союзом.

Есть сейчас и ряд новых инициатив, они еще не обозначены, но все равно в ближайшее время мы сможем о них услышать. Это инициативы региональных лидеров. Хотя движение Лужкова "Отечество" может подобрать активность и инициативность региональных лидеров, но тем не менее мы видим, что многие региональные лидеры пока еще не готовы просто зафиксировать свое соучастие в движении "Отечество". С формальной точки зрения в движении Черномырдина гораздо больше губернаторов, чем у Лужкова. У Черномырдина их числится до сих пор более 30, а у Лужкова (таково было решение съезда) в руководящих органах вообще нет никаких руководителей регионов. Это было политическое решение — не включать ни в ЦК, ни в политбюро движения "Отечество" руководителей регионов. Последние делегируют туда вторых, третьих лиц — премьеров республиканских правительств, вице-губернаторов. Но, как вы знаете, любой из этих назначенных лидеров региональных "Отечеств" может оказаться на пенсии, в отставке и так далее, что уже происходит в целом ряде регионов, когда вторые лица субъектов Российской Федерации, возглавив "Отечество", побывав на съезде в декабре, вернулись и оказались на освобожденной политической работе в январе.

Это значит, что руководители регионов пока еще не готовы жестко зафиксировать свои предпочтения по кандидатам в президенты, они не готовы зафиксировать свои ощущения того, кто является руководителем партии власти, — Лужков как потенциальный руководитель партии власти или, скажем, Евгений Примаков как действующий премьер-министр и фактически вице-президент. И в этой связи они готовы, выражая лояльность тому и другому, выжидать, а определяться будут

несколько позже. Но сами губернаторы и президенты республик вполне могут сформировать своего рода политический клуб, с тем чтобы, с одной стороны, на равных, на партнерских основаниях вести переговоры с потенциальными кандидатами в президенты, а с другой стороны, влиять на процесс формирования следующей Государственной Думы, в частности на результаты выборов по одномандатным округам.

Я думаю, что такой политический союз губернаторов и президентов может быть серьезной политической силой в том случае, если такого рода инициатив не будет слишком много, тогда каждый губернатор или президент, считающийся влиятельной персоной в России, будет пытаться сформировать блок или движение под самого себя. Тогда окажется, что такие лидеры, как Лужков или Примаков, сумеют, безусловно, играть первую скрипку в этом политическом оркестре.

Каковы шансы победы центристских сил на парламентских выборах 1999 года? Пока их можно оценивать как достаточно умеренные. Пока не выяснились основные коалиционные схемы формирования широких блоков, приходится констатировать, что есть вероятность дробления центристского электората и того, что участие этого электората окажется либо невостребованным, то есть люди не пойдут голосовать, либо он может уйти к левым, которые будут себя заявлять как левоцентристы, центристы, а по сути, будут выступать союзниками КПРФ, в том числе в рамках будущей Государственной Думы. Есть еще одна особенность предвыборной кампании 1999 года — это жесткая связь с президентскими выборами 2000 года. Эта связь в 1999 году будет более жесткой, чем в 1995-м. Казалось бы, ничего не изменилось по сравнению с предыдущей парой президентских и парламентских выборов 1995—1996 годов. Разрыв между парламентскими и президентскими выборами примерно один и тот же, различие в днях. Но тем не менее, на мой взгляд, принципиальные изменения все-таки можно зафиксировать. Они связаны с тем, что очевидна смена основного кандидата от партии власти на президентских выборах.

Борис Николаевич Ельцин по решению Конституционного Суда не может баллотироваться на следующий срок. Он заявлял, правда, неоднократно, что и не собирался баллотироваться, но тем не менее по ряду признаков можно судить о том, что Борис Николаевич не хотел бы отойти от активной политической деятельности, и, в частности, форсированные действия по созданию межгосударственного союза России и Беларуси могут означать, что у Бориса Николаевича есть перспектива быть избранным президентом союзного государства.

Но, если говорить собственно о российских выборах, не хотелось бы, чтобы эти построения, проведение референдумов в двух странах или формирование межгосударственного образования поставили под вопрос президентские выборы в июне 2000 года. Теоретически такая вероятность, безусловно, существует. Если пройдут в 1999 году референдумы в двух странах, будет принято решение о создании союзного государства, то не исключено, что это может повлиять и на внутренние политические процессы, в том числе на даты и технологии выборов президентов двух стран. Я считаю, что это очень опасная вещь, по крайней мере с точки зрения политического спокойствия в России. Схемы создания союзнических отношений с Беларусью и с еще большим числом государств опасно использовать для изменения политических графиков и технологий, в частности сроков выборов президента, изменения полномочий органов власти.

Это не значит, что я являюсь противником союзнических отношений, но мы должны вспомнить прошлое, в частности 1994 год, когда было подготовлено, с моим самым активным участием, соглашение об объединении денежных систем России и Беларуси. Там было четко зафиксировано, что действует единый эмиссионный центр под названием Центральный банк России, действует единая таможенная система, решения принимаются (установление пошлин, налогов и так далее) с учетом экономического веса государств, входящих в эту единую денежную систему. И тогда белорусское руководство (это был предшественник Александра Лукашенко — премьер Кебич Вячеслав Францевич) не решилось на то, чтобы провести одновременно с президентскими выборами референдум по изменению Конституции Республики Беларусь, где было бы записано, что единым эмиссионным центром Республики Беларусь является Национальный банк Беларуси, если иное не предусмотрено международными договорами Беларуси с другими государствами. Сейчас надо в первую очередь, идя на возможное объединение России и Беларуси, создание союзного государства, жестко

зафиксировать, что речь идет о таком объединении, которое не может быстро развалиться по прихоти новых руководителей. А это значит, что жесткость этого объединения должна быть максимально высокой: единые денежные системы, единый бюджет, единые таможенные технологии, которые в большей степени вписываются в схему федерального центра и субъектов Российской Федерации, нежели в схему конфедерации, которые, как показывает исторический опыт, недолговечны.

Пойдет ли на это Республика Беларусь? Это, действительно, большой вопрос. Но тем не менее, чтобы не развалить российский федерализм, российскую экономику, финансово-денежную систему, мы должны во главу угла ставить именно этот подход. Тогда это не приведет к подрыву российской государственности.

Мы несколько отклонились, но очевидно, что тень президентских выборов будет витать в большей степени, чем тень отца Гамлета, над политической сценой в конце 1999 года. Безусловно, один финалист президентской гонки известен — это кандидат от КПРФ Геннадий Зюганов или тот, кого коммунисты решат выдвинуть вместо него. Судя по всему, это будет Геннадий Зюганов. Он, как мне кажется, не отдаст этой позиции.

Что касается второго финалиста первого тура, то по нынешним раскладам, это Евгений Примаков или Юрий Лужков, хотя Евгений Максимович Примаков отказывается от того, чтобы рассматривать такую перспективу, а Лужков тоже прямо не заявлял о том, что он намерен баллотироваться.

Кроме выяснения вопроса о том, кто же будет все-таки доминировать в партии власти в широком смысле этого слова, включая региональных кандидатов в президенты, например Лужкова, большое значение для победы центристского кандидата на президентских выборах зависит от позиции третьего призера первого тура. Судя по всему, таким призером может стать Явлинский. А несистемным кандидатом в президенты на этот раз вместо Лебеда, с моей точки зрения, мог бы стать Михалков. Конечно, судьба генерала Лебеда всем кандидатам, и в том числе претендентам на третье место, — наука, потому что договоренности в рамках нынешней системы власти — это честное слово политика, которое может быть соблюдено, а может быть нет, может быть соблюдено на весь период президентских полномочий, а может быть на несколько месяцев и так далее.

Поэтому не исключено, что пойдут более активно, чем прежде, разговоры о конституционных гарантиях для третьего призера первого тура президентских выборов. Это может быть позиция вице-президента, это может быть и более жесткая и более защищенная от произвола президента позиция премьер-министра и так далее. Но очевидно, что третий в первом туре является более серьезной политической фигурой, чем даже финалист президентской гонки, то есть второй номер, скажем так. Ясно, что парламентские выборы 1999 года во многом будут связаны с формированием коалиции этих трех политиков. Это может положительно повлиять на формирование широких коалиций, как предвыборных, так и в Госдуме третьего созыва.

РАДИО РОССИИ.

Вы считаете, что в России, действительно, наличествует исключительно президентская власть? Отрицаете ли вы наличие парламентской власти?

ШОХИН А.Н. Мы обсуждали этот вопрос неоднократно. Я считаю, что переход к парламентской республике на ближайших выборах 1999 и 2000 годов был бы нецелесообразен, что если менять Конституцию, которая есть сейчас, то нужно сделать заметный шаг в сторону парламентской республики, перераспределив полномочия между президентом, парламентом и правительством в пользу двух последних властей, но отказываться от президентской республики и переходить к классическим парламентским системам германского, например, или британского типа еще рано, потому что нужна система противовесов.

Оптимальное соотношение функций и полномочий между властями, безусловно, нужно. Сейчас полномочия президента явно завышены, в частности возможность президента уволить премьер-министра в любой момент. Даже если бы в этом пункте согласие парламента имело бы значение — это был бы гигантский шаг в сторону парламентского правления в Российской Федерации.

Не случайно президент, понаблюдав два месяца за этой системой реального перераспределения полномочий, подчинил жестко себе силовые структуры, даже расширив список силовых министерств и ведомств. Очевиден следующий шаг — большой контроль со стороны президента за средствами массовой информации.

Также в этом направлении действует и решение президента по созданию региональных коллегий силовых министерств и ведомств, которые были бы подконтрольны представителям президента на местах. Эти действия явно вызваны тем, что при непрезидентском большинстве в Госдуме и премьере, который может опираться на большинство в Госдуме, реальные полномочия перераспределяются не в пользу президента.

Здесь поправки к Конституции, которые нужно делать, должны касаться всех ветвей власти. Некоторые предложения моих коллег по Думе из левой позиции, которые высказывали их в августе — сентябре, вполне могли бы быть доведены до поправок к Конституции.

ВОПРОС.

Прокомментируйте решение Лондонского клуба, собирается ли он сделать Россию банкротом?

ШОХИН А.Н. То, что Россия — банкрот, ни у кого не вызывает сомнений, поскольку она не платит по тем обязательствам, по которым должна платить, то есть мы находимся практически в состоянии дефолта. В прошлом году мы задерживали платежи Парижскому клубу, прежде всего Германии, на несколько сотен миллионов долларов. В декабре нам удалось убедить Лондонский клуб процентные платежи разделить на две части: половину мы обещали заплатить деньгами — 362 миллиона, вторую половину реоформили в новые облигации со льготными сроками погашения. Сейчас мы ставим вопрос, чтобы та половинка, которую мы обещали заплатить "живыми" деньгами, чтобы и она была реоформлена на тех же условиях, как первая половина декабрьского платежа. То есть на глазах происходит ухудшение позиции России как должника, мы фиксируем факт своей неплатежеспособности.

Есть, естественно, выход. Первое, что приходит многим в голову, — официально зафиксировать факт неплатежеспособности России, то есть объявить дефолт России и подать судебные иски, в соответствии с которыми арестовывались бы наши активы за рубежом, деньги на счетах, имущество и так далее. В этом случае Лондонский клуб, безусловно, рискует, что не только он подаст иски в суд. Как правило, наступает ситуация перекрестного дефолта, кросс-дефолта, и все кредиторы России, видя, что кто-то начал арестовывать имущество и активы России за рубежом, чтобы восполнить этими активами невозвращенные долги, естественно, начнут подавать иски в те же суды, чтобы поучаствовать в дележе этих активов. И очередь кредиторов будет огромная. Не исключено, что и суверенные кредиторы — государства — члены Парижского клуба — станут в эту очередь, и частные кредиторы России, видя, что никакого обеспечения скоро не останется, начнут требовать от частных российских заемщиков вернуть кредиты. В итоге наступит ситуация не только дефолта по Лондонскому клубу, но всеобщего дефолта и общей неплатежеспособности России.

Но что получит кредитор — член Парижского клуба? Ничего не получит после ареста этих имуществ и дележки между всеми кредиторами. Я напомним, что внешний долг России включает суверенный долг Парижскому клубу, долг частным банкам — членам Лондонского клуба, долги фирмам—поставщикам товаров в бывший Советский Союз, который принял на себя российский бюджет, а также собственно российский долг. В сумме это где-то 150 миллиардов долларов. Уверяю вас, что у нас активов меньше.

Если говорить о финансовых активах, то есть долгах третьих стран бывшему СССР, которые оцениваются цифрами 120—140—150 миллиардов долларов, то мы их резко дисконтировали. Когда Анатолий Борисович Чубайс вступал в Парижский клуб на правах кредитора, он согласился с мнением Парижского клуба дисконтировать наши финансовые активы в зависимости от платежеспособности развивающихся стран, наших должников, и от типов кредитов. Военные кредиты неплатежеспособным странам дисконтированы на 80 процентов, военные кредиты более платежеспособным странам — на 65, гражданские кредиты неплатежеспособным странам — тоже где-то на 65 процентов, гражданские кредиты платежеспособным странам дисконтированы на 35 процентов. В среднем получается дисконт где-то две трети. В итоге наши зарубежные активы по номиналу сейчас совпадают примерно с нашими долгами по номиналу Парижскому клубу. Поэтому я в свое время, еще в сентябре, предложил схему взаимозачета, то есть мы уступаем свои права на наши финансовые активы Парижскому клубу, а в погашение этой уступки Парижский клуб списывает нам долги бывшего СССР.

Технически схема быть может проработана, главное, чтобы было принято политическое решение. Это один из способов уменьшения долгового бремени. Тем более надо иметь в виду, что дисконтированные финансовые активы, где-то на две трети уменьшенные, подлежат, по условиям нашего членства в Парижском клубе, реструктуризации на тех условиях, на которых Парижский клуб дает слаборазвитым странам отсрочку по долгам. В среднем это 20—25 лет. Значит, 33—50 миллиардов долларов будут рассредоточены на 25—30 лет с большими льготными периодами. Часто Парижский клуб вообще списывает эти долги, а мы должны строго следовать тем же стандартам и тем же схемам Парижского клуба по отношению к слаборазвитым странам. В итоге этих активов мы в ближайшее время не увидим. Здесь применимы схемы плана Брейди для Латинской Америки. По Лондонскому клубу, по долгам бывшего СССР, видимо, тоже льготные схемы реструктуризации возможны.

Суперльготные схемы реструктуризации долгов применимы не только к слаборазвитым странам. Они иногда покоились на политической основе. Польша и Египет — тому пример. Но я приведу другой — не столь известный. Я еще в 1994 году предложил кредиторам вспомнить схему реструктуризации долгов Германии. Мало кто знает, что до сих пор Германия является должником стран — победителей Германии в соответствии с Версальским мирным договором. В 1918 году страны-победители дали отсрочку Германии по долгам, потом еще была отсрочка по платежам Германии по плану Янга. Гитлер отказался платить долги по Версальскому договору. После войны правительство Аденауэра согласилось выплачивать все долги, в том числе и довоенные, кайзеровские. В 1953 году Лондонская мирная конференция по Германии, по финансовым аспектам регулирования Германии, приняла решение урегулировать проблему германского долга сразу после объединения Германии. В 1990 году "Дойче бундес банк" выпустил облигации со сроком погашения в 20 лет, и таким образом в 2010 году Федеративная Республика Германии наконец-то рассчитается по долгам. Это где-то около 100 лет отсрочки. Исходя из этого, можно было бы реструктурировать долги СССР. Я все время предлагал давать отсрочку не на срок, а на результат, в частности долги возвращаем в течение 20 лет после начала экономического роста России, либо другой вариант: после воссоединения, воссоздания Советского Союза. Мне казалось, что первый вариант больше устроит кредиторов, чем второй.

Таким образом прецеденты есть, их вполне можно использовать и получить либо льготную схему реструктуризации долгов, либо частичное списание долгов Лондонскому клубу. Но Россия, безусловно, должна жестко выполнять свои обязательства по тем видам долгов, которые не подлежат реструктуризации в мировой финансовой практике. Это долги международным финансовым организациям, это облигации различного рода, евробонды. Россия даже 17 августа заявляла, что эти виды долгов она будет обслуживать. Но вот возникла проблема с МВФ. По-моему, было 5 или 7 стран, которые оказывались в состоянии дефолта по МВФ: Сьерра-Леоне, Сомали, Конго, Афганистан и еще пара государств. Россия, конечно, гордая страна, она не может в этот список попасть. И именно поэтому сейчас стоит, вопрос о рефинансировании нашего долга перед МВФ, мы уже ни о чем не просим, как вы это заметили, кроме как о предоставлении кредита. Будет ли это продолжение старой программы кредитования, одобренной в июле, или это будет новая программа, в том числе программа расширенного кредитования, либо даже стабилизационный кредит на недопущение глобализации бразильского кризиса — и эта схема нам подходит. Нам важно перехватить 4,5 миллиарда долларов, чтобы не оказаться в состоянии дефолта перед МВФ.

Пойдет ли МВФ на схему предоставления каких-то денег России, достаточных для рефинансирования долга перед этой международной финансовой организацией? Я думаю, что в принципе пойдет. Другое дело, что МВФ нужно сохранить лицо. Поддержать этот бюджет как некое продолжение стабилизационной программы предыдущих лет МВФ не может. И дело, кстати, не в бюджете 1999 года, и не в правительстве Примакова. Когда я в сентябре вел переговоры с МВФ и попытался реализовать схему возобновления кредитования по июльской программе, сразу натолкнулся на сопротивление миссии МВФ, поскольку они заявили, что базовые параметры денежной политики, валютного курса полетели, нужно выработать новую программу. Мы исходили, я по крайней мере, когда вице-премьерствовал в сентябре прошлого года, из того, что чрезвычайный бюджет на четвертый квартал и бюджет на 1999 год, то есть пятнадцатимесячная экономическая программа, могли

быть основанием для возобновления финансирования по существу, но это было бы финансирование новой программы. Александр Лившиц недавно, неделю назад, по сути, предложил эту схему, то есть разработать новую программу МВФ и забыть о старой. МВФ, видимо, пойдет по этой схеме. Он не может делать вид, что продолжает кредитовать старую программу, потому что, действительно, ситуация резко изменилась. Но в то же время МВФ не может не поддержать Россию хотя бы в объеме обязательств России перед этой организацией. Дальше условия, наверное, будут немножко меняться.

Конечно, МВФ противно, наверное, финансировать левое правительство в России, левое большинство в Государственной Думе, но еще противней признавать дефолт собственных усилий по отношению к России и провал почти восьмилетней программы сотрудничества с Россией.

ВОПРОС.

Что вы скажете о вашей роли в движении НДР и последних изменениях в нем?

ШОХИН А.Н. Если говорить о моей позиции в движении, то я пока первый заместитель Черномырдина по партии. Думаю, что, наверное, недолго продлится мое замещение, но тем не менее я пользуюсь этой позицией, чтобы напоминать о своих реформаторских планах обновления НДР. Недавно была опубликована моя статья, где я подписался "Первый заместитель Председателя НДР", на тему, связанную с необходимостью создания региональной платформы внутри НДР. Речь не идет о том, чтобы сделать НДР из экс-партии федеральной власти партией региональной власти (партия власти вообще конструкция неперспективная), речь идет о том, чтобы приблизить федеральную "головку" НДР к реальным нуждам и чаяниям людей, живущих в регионах, и именно, по моему замыслу, региональные активисты должны, если хотите, диктовать условия выживания НДР, формировать требования к новой программе НДР. Если эта схема будет реализовываться, я не исключаю, что Черномырдину придется в неущербной для своего самолюбия форме осуществлять план Шохина. То есть шанс, что НДР сможет сохранить свои позиции в регионах, есть, в этом качестве она может быть полезна какому-то из избирательных объединений, которое может составить коалицию вместе с НДР.

Что касается избрания Рыжкова, на самом деле для фракции это, наверное, лучший из существовавших вариантов, поскольку Рыжков за полтора года пребывания в кресле первого вице-спикера стал заметным политиком, который не боится высказывать свое мнение. Рыжков своей политической карьерой, безусловно, обязан Черномырдину и мне — я дважды освобождал места для Рыжкова. Именно поэтому, несмотря на явное нежелание с его стороны переместиться с поста первого спикера на пост лидера фракции, он вынужден был согласиться с настойчивыми просьбами и элементарными требованиями Черномырдина и занять этот пост, хотя есть базовая проблема, которая не позволяет лидеру фракции играть ключевую роль в принятии политических решений и что тоже послужило одним из поводов для моих заявлений в прошлом году. Я надеюсь, что Рыжков поставил какие-то условия не карьерного типа, потому что карьеру это перемещение на пост лидера фракции вряд ли продвигает резко вперед. Здесь речь идет о реальном процессе принятия решений со стороны лидера фракции. Если Виктор Степанович готов немного потесниться, то может что-то получиться.

ВОПРОС.

Каково ваше будущее?

ШОХИН А.Н. Мое будущее весьма прозрачно. Сейчас я осматриваюсь по сторонам, у меня нет намерения создавать собственную фракцию или депутатскую группу в Госдуме, хотя многие от меня именно этого ждут. Я хочу попробовать реализовать свою старую идею, которую осенью прошлого года навязывал НДР и от которой НДР отбивалось, — идею создания партии, которая базируется на реальном союзе с регионами. Региональная платформа в НДР не удалась. Думаю, что сейчас надо и в Госдуме, и за ее пределами пытаться выстроить нечто, что позволяло бы рассчитывать на то, что московские политические партии реально опираются на поддержку политических сил наших российских регионов и реально отстаивают их интересы. Это можно делать без создания новых фракций депутатских групп, тем более что у нас есть одна группа "Российские регионы", и надо лишь ее подталкивать к тому, чтобы она не была аморфной группой, которая составлена из депутатов, отстаивающих интересы своих округов, регионов, и чтобы эта группа озаботилась судьбами российского федерализма и судьбами целостности

российского государства и так далее. В равной степени нужно вести переговоры с лидерами регионов, с тем чтобы они, действительно, ввязывались в федеральные политические схватки, не просто тянули одеяло на себя, а отстаивали эти самые интересы Федерации в целом.

ОТ ДЕФОЛТА ДО ДЕФОЛТА

("СЕГОДНЯ", 21 ЯНВАРЯ 1999 ГОДА, НАТАЛЬЯ КАЛАШНИКОВА)

Иностранное слово "дефолт" вошло в российскую речь легко и стремительно. Им ныне пугают кредиторов и рядовых граждан. Между тем то, чего пугаются граждане, не слишком страшит опытных политиков, ибо к дефолту они успели изрядным образом притерпеться. Для Александра Шохина, в течение многих лет отвечавшего в правительстве за переговоры с кредиторами, дефолт — нечто из разряда дежавю. Об этом, а также о последствиях возможного для России дефолта с Александром Николаевичем беседовала корреспондент "Сегодня" Наталья Калашникова.

— Долг у России огромный, но Парижский и Лондонский клубы нам поверили — соглашения подписали. Теперь вдруг так много говорят о дефолте. Или не вдруг? Мы что, раньше в аналогичные ситуации не попадали?

— Клубы кредиторов — это организации, которые добровольно берут обязательства не подавать в суд на должника как до достижения с ним соглашения, так и после (в случае, конечно, если он его соблюдает). К примеру, соглашение с Лондонским клубом вступает в силу, когда под ним, формально говоря, подписываются около 90 процентов заинтересованных банков. Но тонкость в том, что любой несогласный с таким соглашением кредитор может подать иск в суд на должника за невыполнение обязательств.

Как правило, кредиторы исходят из того, что выполнение обязательств, тем более суверенных, даже в сокращенном объеме (с отсрочками, льготными периодами, реструктуризацией), лучше, чем официальный дефолт с арестом счетов и имущества. Потому что у каждого должника есть и другие кредиторы, и стоит одному из них объявить дефолт, возникает ситуация перекрестного дефолта. То есть другие кредиторы, даже если срок выполнения обязательств не наступил, тоже объявляют дефолт. Тут ведь важно не опоздать к дележу активов и имущества должника. Классический пример: когда 17 августа был объявлен дефолт по ГКО, я Дубинина с трибуны Думы спросил, знает ли он, что такое кросс-дефолт, и не боится ли, что к дефолту по ГКО добавится дефолт по облигациям внутреннего валютного займа? Это стандартная схема, и перекрестный дефолт наступил практически сразу же. Всегда есть опасность, что у кого-то из кредиторов не выдержат нервы. А нервы не выдерживают в первую очередь у тех, у кого сложности со своими кредиторами. Схема тут простая: если вы кому-то не платите, ссылаясь на то, что вам тоже не заплатили, то должны предъявить документ, которым может быть исковое заявление в арбитражный суд. Мол, вы сами добиваетесь возврата своих денег, а добившись, расплатитесь.

— И у друзей России были случаи таких нервных срывов?

— Таких ситуаций было много. Более того, в 1993 году иностранные кредиторы повадились подавать иски в российские арбитражные суды, те охотно рассматривали эти дела, и истец, как правило, выигрывал. Приходилось даже проводить разъяснительные беседы с руководством этих судов.

Нашли и свою схему работы с особо нервными партнерами: в случае, если фирму не удавалось отговорить от иска, проводилась частичная оплата по долгу. Публично мы старались, конечно, поменьше об этом говорить... Лондонский клуб предоставлял нам постоянные 90-дневные отсрочки, и тем не менее переговоры с кредиторами все время сопровождалась крайне напряженной работой по недопущению дел до суда. То есть мы находились в состоянии фактического дефолта. Еще раз подчеркну: любой кредитор мог подать в суд!

— До крупных неприятностей доходило?

— Яркий пример — швейцарская фирма Compagnie Noga d'Importation et d'Exportation SA и ее владелец Давид Гаон. По его инициативе Люксембургский арбитражный суд предписал с 11 июня 1993 года до начала слушаний наложить обеспечительный арест на счета России, открытые следующими юридическими

лицами: правительством РФ (причем во всех названиях — правительство РСФСР, Совмин СССР и так далее), ЦБ РФ (тоже в нескольких названиях), всеми ключевыми министерствами и ведомствами, всеми внешнеторговыми объединениями, с которыми Гаон сталкивался, а также гражданами РФ, в том числе мной. Причем с такой формулировкой: "счета правительства РФ, открытые по поручению правительства зампредом правительства Шохиним А. Н." (далее во всех вариантах: Александром Шохиним, Шохиним Николаевичем...), хотя такой практики открытия счетов вообще не существует. (Зато после этого в СМИ появились сообщения, что у Шохина есть счета за рубежом и к тому же арестованные.) В целом арест распространялся на счета 34 внешнеторговых организаций в 32 отделениях западных банков в Цюрихе и Люксембурге. Общая сумма арестованных средств составила 600 миллионов долларов.

С фирмой "Нога" соглашение было сделано крайне неряшливо и неграмотно. Это было первое соглашение, в котором Россия отказалась от суверенного иммунитета. Готовился текст еще при советской власти. (В апреле 1991 года первый зампред Совмина РСФСР Геннадий Кулик подписал от имени правительства первое соглашение о предоставлении кредитов на 420 миллионов долларов. Речь шла о поставках продовольствия и детского питания. Погашение задолженности предусматривалось в виде поставок энергоносителей. — "Сегодня".) Долг фирме мы пытались подтянуть под реструктуризацию — по линии Лондонского или Парижского клубов, но сначала провели его выверку. Но г-н Гаон с этим категорически не соглашался и обещал подать иск в суд. 14 декабря 1992 года, в день вступления Черномырдина в должность премьера, он прислал письмо и объявил, что мы ему должны 300 миллионов долларов. И при этом настолько жестко ставил вопрос о подаче иска, что в Минфине рассудили, что надо бы заплатить ему процентов 10 при условии отказа от подачи иска до окончательной выверки. Это было ошибкой, поскольку потом выяснилось (проверку проводили КРУ Минфина с привлечением аудиторской фирмы "Прайс Уотерхаус" и юридической фирмы "Клири, Готтлиб, Стин и Гамильтон"), что мы ничего Гаону должны не были, а этот первый платеж стал одним из аргументов того, что мы признали этот долг. Появился и второй аргумент не в нашу пользу. В 1994 году по инициативе Коржакова и ряда других силовых ведомств была предпринята попытка мирного урегулирования с Гаоном — это уже после того, как мы подали в суд встречный иск. Было принято даже соответствующее постановление правительства — заплатить "Ноге" около 50 миллионов долларов и отдать нигерийский долг.

— На откуп отдать нигерийский долг?

— Решение было такое... Но, несмотря на это, в начале 1997 года Сток-гольмский арбитражный суд не признал претензий Гаона (всего он выкатил сумму в 650 миллионов долларов). "Нога" — это особый случай. Если говорить о дефолте, то не вполне правильная тактика частичной выплаты долгов — это демонстрация тактики тех лет. Главное было — не допустить судебных разбирательств, чтобы не оказаться в ситуации формального юридического дефолта.

— Каким может быть наиболее пессимистический вариант развития событий в случае объявления дефолта? Могут ли, к примеру, пострадать зарубежные счета физических лиц?

— Практически на все кредитные соглашения распространяется право Англии. Оно очень суровое. Могут быть арестованы денежные активы, но речь идет об активах должника. Если страна-суверен объявляется банкротом, то ее активы и подпадают под арест. Первое: российские банки за рубежом (в Париже, Лондоне, Сингапуре и так далее), уставные капиталы которых составляют около 2 миллиардов долларов, активы — еще больше.

Второе: часть резервов ЦБ, депонированных за рубежом. В частности, мы размещали первые кредитные транши МВФ 1992 года в парижском Евро банке. Кроме того, часть активов размещена в ценных бумагах — американских, немецких — тоже за рубежом. Третье: деньги на корреспондентских счетах. Подпадают под арест счета компаний с госучастием, "ЛУКОЙЛ", например, или "Газпром", то есть выручка от всего экспорта газа поступать уже не будет. Наконец, имущество за рубежом — недвижимость, суда в портах, идентифицированные как собственность государства... Кроме того, если речь пойдет о крупномасштабном дефолте возникновении кросс-дефолта, то под угрозой, в частности, оказываются и облигации валютного займа ВЭБ, его счета, отделения Внешторгбанка за рубежом. Не урегулирован окончательно вопрос и с форвардными контрактами, а это деньги

на счетах коммерческих банков. В принципе если считать по номиналу, то все это не намного больше (а может, и меньше) всех обязательств России по существующим графикам платежей, так что суды вполне могут на все это наложить арест. А потом, после решения суда, будет принято решение, идут эти активы в погашение долга или нет.

Но еще раз подчеркну: поскольку многие другие кредиторы могут предъявить те же претензии, в частности, если начнется дележ всех этих активов, то надо будет внимательно смотреть на межправительственные кредитные соглашения. В дефолте могут оказаться и кредитные линии, сроки погашения по которым еще не наступили, поскольку тут кредиторам надо торопиться: других активов уже не будет.

Но это — самая страшная картина. Честно говоря, она маловероятна: сообщество кредиторов действовать так, скорее всего, не будет.

—Получается, что Россия пребывает в перманентном дефолте...

—Мы находимся в "состоянии" дефолта, но не объявленного ни нами, ни кредиторами. Мы заявляем, что будем платить по своим обязательствам, и не платим; кредиторы пока не дали нам отсрочку, но исков не провоцируют. Мы все делаем вид, что ничего не происходит.

—У кредиторов, по вашему мнению, расчет тут исключительно коммерческий?

—Ситуация дефолта означает и политический дефолт страны. И введение США санкций против трех российских структур не случайно. Я вспоминаю 1993 год, когда токийский саммит определял пакет помощи России. На личной встрече Клинтона и Ельцина в контексте этого пакета обсуждался вопрос о прекращении поставок в Индию разгонных ракетных блоков. И был решен положительно: мы отказались от поставок, а "семерка" благословила пакет. Я не исключаю, что сейчас имеет место попытка трансформировать дефолт, в котором находится Россия, в формирование правильной внешней политики — по Ираку, по Ирану. Насколько я понимаю методологию политики США, санкции вводятся в момент наличия некой приманки: в истории с индийской сделкой это был пакет помощи "семерки" и ряд проектов для российской космической промышленности, теперь это кредиты МВФ и реструктуризация долга. Очевидно, что речь сейчас идет не о самих санкциях, а о том, чтобы Россия восприняла некие стандарты политики США и поддерживала бы США в ряде акций (по тому же Ираку) пусть не в качестве супердержавы, но в качестве союзника. Политический дефолт — это средство не только воздействия, но и воспитания...

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ -ПОХОД НА МОСКВУ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ШОХИНА А.Н. В РЕДАКЦИИ ИЗДАНИЯ "АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ",
4 ФЕВРАЛЯ 1999 ГОДА)

ВЕДУЩАЯ. Сегодня мы принимаем у нас в гостях депутата Государственной Думы, пока еще первого заместителя лидера НДР Александра Николаевича Шохина.

ШОХИН А.Н. Я понимаю, что вы ждали не столько меня, сколько прислушивались к сообщениям информационных агентств, не сняли ли еще кого-нибудь сегодня, не закручивается ли новая политическая интрига?

Но я хотел сказать несколько вступительных слов на другую тему — о региональных политических инициативах, связанных с парламентскими выборами этого года. На прошлой неделе губернатор Самарской области Константин Титов заявил о возможном создании предвыборного избирательного блока, в который войдут региональные лидеры и который будет отстаивать интересы регионов в Государственной Думе следующего созыва. При этом речь, конечно, шла не о сепаратистских желаниях региональных лидеров "перетянуть одеяло на себя", ущемить и ослабить федеральный центр, а о новой ответственности регионов за судьбу Отечества, за судьбу единой России и российского федерализма. Одновременно и Кремль, видимо, думал о том же. Не случайно в тот же день, в день объявления инициативы губернатора Титова, состоялась встреча нескольких региональных лидеров в Кремле с руководителем администрации президента и его

первым заместителем. Там также шла речь о возможном создании регионального, межрегионального политического движения, которое могло бы повлиять на исход парламентских выборов 99-го года.

В принципе речь идет, видимо, о достаточно массовом понимании того, что судьба России по итогам парламентских и президентских выборов в ближайшее время зависит от позиции региональных лидеров. Сумеют ли объединиться регионы, в основном электорально емкие, то есть обладающие большим числом избирателей? Речь идет не только об объединении вождей, руководителей субъектов Федерации, но и, естественно, об объединении граждан, живущих в этих регионах. Объединение этих граждан должно быть направлено на обеспечение максимальной предсказуемости судеб страны — социально-экономического строя, общественно-политического строя после выборов. От всего этого сейчас, действительно, много зависит.

Я в октябре—ноябре в качестве руководителя фракции НДР предложил (в том числе на политсовете НДР в начале ноября) трансформировать "Наш дом — Россия" в такое движение, которое могло бы стать опорой регионов, политическим инструментом регионов в преддверии парламентских и президентских выборов. Для этого я, в частности, предложил "отдать на откуп" региональным лидерам НДР региональные структуры, ее программу, ее фракцию, с тем чтобы эту новую инициативу, которая уже витала в воздухе (сейчас она плотно овладела умами), можно было бы быстро продвинуть.

Тогда я предложил Виктору Черномырдину ввести посты сопредседателей НДР и пригласить на эти посты эндэровских региональных лидеров, коих более 30 все еще числятся в составе политсовета. Эта инициатива не понравилась Виктору Черномырдину, это был один из поводов моего смещения с поста руководителя фракции. Совсем уже не понравилось Виктору Черномырдину то, что я предложил в случае, если НДР пойдет на выборы самостоятельно, во главе списка поставить одного из региональных лидеров и одного из федеральных политиков, более привлекательных для электората, для избирателей, нежели сам ЧВС. В частности, я предлагал, не называя фамилии, одного из губернаторов или президентов республик в составе России и, как вы помните, "несистемного политика" Никиту Михалкова. Тогда эти два пункта обвинения составили основу приговора, и я был смещен с поста лидера фракции.

У меня такое ощущение, что спустя два-три месяца все эти идеи начинают овладевать массами. И сейчас без широкого регионального политического движения, без того, чтобы старые политические партии не обновляли свое лицо, практически невозможно добиться победы на парламентских выборах.

На мой взгляд, сейчас мы буквально стоим в преддверии того, чтобы официально была заявлена эта региональная инициатива. Не хотелось бы, чтобы было заявлено несколько региональных инициатив. На следующей неделе в рамках очередного заседания Совета Федерации могут быть обнародованы соответствующие инициативы уже не только в форме заявлений тех или иных политиков, но в форме публикации и предания гласности тех или иных обращений к гражданам России, деклараций о намерениях по созданию избирательных блоков. Под этими документами мы увидим конкретные подписи конкретных федеральных политиков и конкретных региональных лидеров.

Сейчас просматривается, кроме инициативы Константина Титова, активная работа президентов республик. Насколько я понимаю, эту работу координирует президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Но, еще раз подчеркну, мне лично хотелось бы, чтобы эти две инициативы сошлись в одно широкое политическое течение, движение, которое, безусловно, может повлиять на исход выборов.

Как эти региональные инициативы соотносятся с движением Лужкова и с позицией премьер-министра? Неделю-другую назад было много разговоров о том, что региональное движение создается "под Примакова". То ли Титов его создает под Примакова, то ли Шаймиев. Так это или нет? На мой взгляд, сейчас ассоциация региональных инициатив с именем того или иного федерального политика — Примакова, Ельцина и так далее — возможна лишь в одном смысле — как демонстрация того, что региональные лидеры стремятся обеспечить предсказуемость и преемственность власти после 1999 и 2000 годов. И в этой связи они, естественно, не могут не рассматривать и такие варианты, как выдвижение единого кандидата в президенты. Кто им будет? Примаков, Лужков, кто-то из региональных лидеров? На мой взгляд, этот вопрос может сейчас обсуждаться, но

ответ на него нужно давать по итогам парламентских выборов.

Как соотносится новая региональная инициатива с движением Лужкова? Я думаю, что антагонизма между ними нет и не может быть, и по итогам парламентских выборов вполне возможно создание широкой коалиции в следующей Государственной Думе. Но в то же время, наверное, мало вероятно, что в ближайшие месяцы эти инициативы, лужковское "Отечество" и новые региональные инициативы сольются, что называется, в политическом экстазе. Видимо, какое-то время они будут позиционировать на политической сцене достаточно автономно.

Роль нынешней Государственной Думы. У меня есть глубокое убеждение, что сейчас в Думе начнется процесс трансформации нынешней политической структуры в новую, соответствующую предвыборным намерениям основных политических игроков. В частности, вполне возможно, что региональные инициативы (я включаю в нее частично и "Отечество" Лужкова) будут реализованы в нынешней Думе либо в форме создания межфракционной региональной платформы, либо в форме расширения депутатской группы "Российские регионы" за счет депутатов тех фракций, которые теряют перспективы на следующих парламентских выборах. В частности, я не исключаю, что часть депутатов фракции "Наш дом — Россия" начнет перетекать в депутатскую группу "Российские регионы", имея в виду инициативы своих губернаторов, своих президентов по созданию нового политического движения. Это не означает, что "Наш дом — Россия" должен послужить только строительным материалом (как это всегда бывало на Руси, новую церковь строили на фундаменте старой). "Наш дом — Россия", осознав свое реальное место в новой политической системе координат, может вполне предложить свои услуги в качестве коалиционного младшего партнера этой новой региональной инициативе, предложив свои региональные организации, фракцию (она может уменьшаться вплоть до одного человека, но оставаться политической единицей в этой Государственной Думе, так закон по крайней мере гласит). Я думаю, что это было бы вполне естественным способом выживания НДР.

Если сбудется мой прогноз и депутатская группа "Российские регионы" сумеет притянуть многих депутатов нынешней Государственной Думы не столько к себе самой, сколько к новой предвыборной инициативе региональных лидеров, то, может быть, удастся компенсировать тот урон, который нанесла политическая суета лидеров НДР расстановке политических сил в Государственной Думе. Когда шел поиск нового лидера НДР, было очевидно, что в случае если на этот пост будет избран-назначен Владимир Рыжков, то принадлежащий НДР пост первого вице-спикера окажется под угрозой либо будет ликвидирован, трансформирован в пост рядового вице-спикера, и, заняв его, представитель НДР рискует оказаться не у дел, поскольку новому и рядовому вице-спикеру не отдадут планирование законотворческой деятельности, и вряд ли председатель Думы будет оставлять его в своем кресле в периоды отсутствия в Москве и в зале пленарных заседаний. Конечно, не факт, что левые поведут дело таким образом и фракция НДР будет ущемлена, но вероятность такая есть.

Чтобы компенсировать этот возможный политический дисбаланс, можно было бы поставить вопрос перед Государственной Думой о восстановлении политического баланса, и тогда уже депутатская группа "Российские регионы" могла бы настаивать на том, чтобы ее представитель выполнял реально функции первого вице-спикера Государственной Думы. Это мог бы быть Артур Николаевич Чилингаров. При этом группа "Российские регионы", если политическая динамика пойдет по сценарию, который я обрисовываю, будет довольно сложной политической группой, в этом образовании будут различные политические ядра: и соотечественники Лужкова, и бывшие эндээровцы, и депутаты, ориентирующиеся на самих себя и на собственные политические движения, имеющие право участвовать в выборах, и депутаты, ориентированные на позицию, еще не ясную, может быть, для них, губернаторов и президентов своих регионов, но тем не менее эта группа может быть вполне прообразом некой широкой коалиции, которая может в следующей Думе влиять и на продвижение ключевых людей в руководство Думы, и на контроль за правительством.

Это не будет означать, на мой взгляд, превращения нижней палаты в еще одну верхнюю палату, которая является палатой регионов. Если в верхней палате часто регионы лоббируют свои интересы, имеют полное право на это, то контроль нижней

палаты со стороны региональной политической платформы — это большая ответственность регионов за судьбы российского федерализма, за целостность российского государства. Поэтому считаю, что та идея, которую я пытался обрисовать для НДР в октябре и продвигал ее в ноябре и декабре, сейчас вполне может быть реализована на новой политической базе.

Есть несколько обстоятельств, которые надо иметь в виду. Региональная политическая инициатива — это не лидерская партия, в ней, с моей точки зрения, не может быть начальников. Это партия коллективного руководства и региональных лидеров, и ответственных федеральных политиков, понимающих, как должно быть устроено федеративное российское государство. Это первое.

Второе. Эти политики, ответственные и озабоченные судьбами российского государства, должны нанять эффективных политических менеджеров, которые по мандату могут отстроить избирательные объединения и нормальный блок в следующей Государственной Думе. То есть это будет довольно сложная политическая конструкция, которая должна быть направлена на балансирование очень сложных интересов регионов. Регионы разные, разные политические амбиции региональных лидеров. В дополнение существуют ярко выраженные амбиции федеральных лидеров. И все это примирить, сбалансировать — сложная, но вполне решаемая задача. И хотелось бы, чтобы в ближайшее время мы услышали о том, что она если не решена, то решается, и первый шаг в этом направлении сделан.

Я, может быть, сенсаций никаких не преподнес, но тем не менее на этом закончу вступительную речь, чтобы оставить возможность вам задать вопросы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, а почему лидер фракции НДР Владимир Александрович Рыжков в Давосе в интервью Киселеву говорил, что этот самый блок, инициированный Титовым, не имеет будущего?

ШОХИН А.Н. После того как Владимир Александрович Рыжков наговорил массу слов в адрес НДР, что народ там туповатый и вороватый, бюрократы там и ренегаты и так далее и что всего лишь два процента доверия имеет НДР у избирателей, после этого любое высказывание из уст Владимира Александровича в адрес других политических движений не может всерьез рассматриваться.

Я, честно говоря, несколько удивлен его позицией посыпания пеплом не собственной головы, а голов товарищей — обидные формулировки, безусловно. Я был снят со своей должности за то, что, высоко оценивая потенциал НДР, усомнился в том, что нынешняя схема политического лидерства в НДР позволяет реализовать этот потенциал. Владимир Александрович оценивает потенциал на уровне нуля, но не трогает "священных коров", таких, как Виктор Степанович Черномырдин, Владимир Степанович Бабичев. И не критикуется поэтому ими.

В итоге получается, что главное в НДР — это чиновничество. Наверное, действительно, главный недостаток НДР в том, что оно обустроено как партия лидерская и партия бюрократическая — "под начальника". Может и лидерская партия быть демократически организованной. А Владимир Александрович в своей деятельности четко демонстрирует, что этот недостаток он воспринимает как некую данность, и не критикует его, критикуя все остальное.

Есть ли перспективы у регионального блока? Владимир Александрович Рыжков заявил, что "нет", поскольку региональная идея не имеет идеологии, которой можно увлечь. Действительно, если объединяются региональные лидеры для того, чтобы ослабить федеральный центр и натянуть одеяло на себя, то эта идея объединить людей не может. Люди, живущие в конкретных городах и селах, не смогут быть увлечены амбицией своих региональных начальников. Это движение не может быть региональной партией власти. Не факт, что губернатор, объединившись с десятком других своих соратников, сможет убедить своих избирателей голосовать именно за свое движение, а не, скажем, за "ЯБЛОКО" или коммунистов. Поэтому нужны идеология и прописывание политического манифеста российского регионализма, который одновременно должен быть не только регионализмом, но и манифестом политического централизма, одновременно эта идеология должна быть манифестом государственного патриотизма и либерализма. Это довольно сложная задача, которую не удалось реализовать и "Нашему дому — Россия". Ведь не случайно "Наш дом — Россия" собирается изменить свою программу. Я, как автор программы, утвержденной в 95-м году, считаю, что программа НДР пригодна для нынешних условий, ее надо только актуализировать. Но тем не менее НДР считает, что надо писать новую программу. Значит, и у НДР нет программы, которая может

увлечь избирателей. Поэтому будет явная идеологическая конкуренция за умы людей и избирателей. Думаю, пока НДР делает все для того, чтобы показать, что, к сожалению, этому движению увлечь избирателей нечем.

Последние три месяца это, действительно, поведение унтер-офицерской вдовы: сначала за нормальные политические инициативы смещается лидер фракции, затем новый лидер фракции доказывает, что у движения нет никаких перспектив, затем фракция никак не добьется второго по значимости поста в Государственной Думе и приходит к критике других политических инициатив, обреченных на неуспех, хотя моральных оснований у лидеров НДР критиковать другие инициативы нет, потому что НДР упустило возможность возглавить движение.

ВОПРОС.

Но Титов пока входит в движение?

ШОХИН А.Н. Титов входит в движение. И насколько я понимаю, у таких губернаторов, как Титов, есть надежда вовлечь НДР в качестве некоего организационного и политического ресурса в новую региональную инициативу. Если эта попытка окажется неудачной, я думаю, что предстоящий съезд НДР одновременно будет означать и раскол НДР, и некоторые региональные лидеры (тот же Титов) вынуждены будут покинуть движение. Но поскольку в среде региональных лидеров преобладают люди все-таки благородные, они попытаются убедить руководство НДР изменить тактику и влиться в новое региональное движение. Сейчас, по прошествии нескольких месяцев, у движения осталась только одна возможность: стать младшим партнером какой-то политической силы.

Возможностей, на мой взгляд, всего лишь две. Первая — это примкнуть к "Правому делу" и создать с ними единый блок. Никаких идейных разногласий у Виктора Черномырдина лично с Чубайсом — Гайдаром нет. С Кириенко чуть сложнее, потому что им нужно выяснить, кто отвечает за 17 августа: тот, кто строил пирамиду с 95-го года, или тот, кто ее разбирал не с вершины, а с фундамента. Если они договорятся об этом вопросе, разделят ответственность, то и у Кириенко с Черномырдиным разногласий не будет. Это будет вполне органичный либеральный блок, который может предпринять еще одну попытку либеральных реформ, поскольку, как оказывается "по Авену — Федорову", у нас их еще не было.

Вторая альтернатива — это послужить неким кирпичиком в фундамент регионального движения. И здесь если бы Виктор Черномырдин вовремя предпринял определенные шаги, то перспектива была бы, он мог быть одним из председателей этого регионального политического движения, региональной платформы российского федерального строительства. Ходят слухи, что Виктор Черномырдин хочет избраться губернатором Оренбургской области. Вот красивая формула — стать ему одним из лидеров.

ВОПРОС.

А когда выборы в Оренбурге?

ШОХИН А.Н. По-моему, выборы в конце этого года, если мне память не изменяет. Так что перспективы у НДР есть, но время очень динамично: предвыборный год очень резко меняет расстановку сил на политической сцене. И то, что три-четыре месяца назад казалось вероятным, сейчас реализовать практически невозможно. Можно было в октябре—ноябре из НДР сделать основу любой коалиции: коалиции "НДР — Отечество"; коалиции, основанной на соединении усилий региональных лидеров; коалиции НДР с "Правым делом". И в этих коалициях октября—ноября НДР играла бы ведущую роль, сейчас — только младший партнер, к сожалению.

ВОПРОС.

"Российские регионы", в общем-то, не самая большая депутатская группа — почему она так привлекательна?

ШОХИН А.Н. В депутатской группе "Российские регионы" сейчас 45 человек, в НДР на сегодняшний день всего 60 депутатов, 7 человек из фракции ушли. Но "Российские регионы" могут оказаться привлекательными по нескольким причинам. Если будет региональная инициатива, то многие депутаты, ориентирующиеся на своих губернаторов и президентов, вполне могут перейти в более нейтральную, менее идеологизированную группу "Российские регионы", чтобы в ее рамках легче было отстаивать под будущие парламентские выборы. Это первое.

Второе. Чем больше времени до выборов, тем больше шансов, что связь с дискредитировавшей себя политической структурой будет утеряна и не будет замечена избирателями. Поэтому многие просто начинают за год, 9 месяцев до выборов растекаться по другим, более перспективным депутатским объединениям

либо уходить в независимые депутаты. Мы видели на примере первой Государственной Думы, что крупные фракции стали разваливаться. Это касалось и "Демвыбора России", и ряда других фракций. На их месте создавались новые депутатские группы — группа "Россия", группа "Стабильность". Думаю, что это какой-то политический социологический закон, что ближе к выборам депутаты начинают отстраивать свои политические планы, либо ориентируясь на проходные партии и движения, либо уходя в менее заангажированные структуры внутри Думы, чтобы иметь возможность начать старт вне жестких конструкций и жестких политических ассоциаций.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, некоторое время назад вы, говорят, собирались создавать свою собственную партию. Как у вас эти планы продвигаются или вы уже решили поменять их?

ШОХИН А.Н. Я никогда не говорил, что буду создавать собственную партию, хотя читал заметки в прессе на эту тему. Мне было много предложений по созданию новой депутатской группы в рамках нынешней Государственной Думы, с тем чтобы эта новая депутатская группа могла быть ядром какого-то предвыборного объединения. Я тщательно взвешивал эти возможности. В принципе ресурс для отстраивания этой группы есть — и политический, и организационный, и людской. Но я пришел к выводу, что сейчас это нецелесообразно. Мельтешение на политической сцене не добавляет шансов центристам, правоцентристам выигрывать парламентские выборы. Я считаю, что все силы должны сейчас быть брошены на то, чтобы не дать коммунистам и их союзникам взять большинство в следующей Государственной Думе. Для этого нужно активизировать объединительные процессы. И я не исключаю расширение, увеличение депутатской группы "Российские регионы", при том что внутри нее могут быть ядра, своего рода фракции внутри группы. Это тот процесс, который позволит еще в течение нескольких месяцев склеить какую-то широкую коалицию, если в этой группе "Российские регионы" будет ядро под названием "Отечество", ядро под названием "Новая региональная платформа", созданная по инициативе региональных лидеров, и так далее. И ядра будут вращаться не просто в броуновском движении, но продемонстрировать какое-то центростремительное движение, может быть, к осени удастся депутатскую группу "Российские регионы" рассматривать как политическое ядро создания нового предвыборного блока, в который могут войти все эти политические силы. Я считаю, что нужно по крайней мере попробовать.

Заявить собственную партию, извините, нет проблем. Я посмотрел список 132 партий. Есть вполне подходящие для того, чтобы предложить свои услуги в качестве лидера, и мне такие предложения делались несколькими партиями и движениями, с тем чтобы я занялся раскруткой партий и движений, которые уже зарегистрированы с емкими электоральными названиями, с организациями на местах. Это крайний случай, и я как политик считаю, что моя ответственность состоит в том, чтобы 99-й год не сдать коммунистам, а вовсе не в том, чтобы оппозиционировать в течение оставшихся месяцев этого года в качестве человека, который в состоянии создать свою партию, иметь свою собственную финансовую и политическую базу и так далее. Я бы считал это проигрышем, но если это выстраивание широких коалиций у меня как у политика не получится, буду думать, что дальше делать, может быть, придется объединиться с какой-то конкретной политической силой.

ВОПРОС.

Если я правильно поняла, то в этом избирательном блоке, который инициировал Титов, вы принимаете самое активное участие и будете работать на этот блок, да?

ШОХИН А.Н. Я хотел бы, чтобы этот блок не был "блоком Титова". Я бы хотел, чтобы в этом блоке в качестве "со-лидеров" были бы и другие известные региональные лидеры, которые пользуются доверием и уважением в стране. Ну вот, например, Минтимер Шарипович Шаймиев. Если его имя будет значиться в качестве лидера блока — это сигнал для очень многих, не только региональных лидеров, для многих политических федеральных лидеров, что здесь что-то получается, что-то склеивается.

И я как человек, который уверен в том, что эта инициатива — объединение региональных лидеров — может, если хотите, спасти Россию, как в свое время нижегородская инициатива помогла спасти Москву от польских оккупантов, считаю, что надо все силы бросить на то, чтобы попытаться объединить

региональных лидеров, чтобы они не раскалывали своими многочисленными инициативами те хрупкие тенденции, ростки мягкой коалиционной™, которые сейчас просматриваются.

ВОПРОС.

Вы-то в качестве кого будете бросать на это силы?

ШОХИН А.Н. Я могу сказать так. Я, несмотря на свои амбиции (они у меня есть, безусловно), готов "наняться" к этому блоку в качестве политического менеджера, который поможет его отстроить в рамках избирательных технологий и в рамках работы следующей Государственной Думы, но я не хотел бы навязываться. Но если и мне будет предложено работать в этом блоке в качестве политического менеджера, то соглашусь. Я считаю, что это очень ответственная задача.

ВОПРОС. За деньги или бесплатно?

ШОХИН А.Н. За деньги — тоже вариант, надо подумать. Депутат, к сожалению, не может получать гонорары, которые не попадают под творческую, научную и педагогическую деятельность. Поэтому, скорее всего, бесплатно, за идею.

ЩЕГЛОВ. "ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, если с перспективами НДР все после вашего расклада предельно ясно для нас, то какими вы видите перспективы КПРФ и левой оппозиции в целом?

ШОХИН А.Н. КПРФ имеет свои 20—25 процентов, в зависимости от того, насколько эффективно будут выстроены избирательные технологии, и в зависимости от того, кто будет возглавлять списки КПРФ, кто будет единым кандидатом от левых сил на президентских выборах. Может чуть ниже 20 опуститься, может чуть выше 25 подняться, но ясно, что в первом туре президентских выборов 30 процентов — это потолок, это выход в финал президентских выборов, но это не гарантия победы.

Что касается парламентских выборов, то, поскольку до сих пор не решен вопрос, каким количеством колонн коммунисты пойдут на выборы, трудно прогнозировать и окончательный исход. Очевидно то, что есть правоверные коммунисты, идеологически выдержанные коммунисты, их возглавляет Геннадий Зюганов. Есть социал-демократизирующиеся коммунисты, но находящиеся еще в процессе этой самой социал-демократизации, как когда-то Горбачев был в процессе демократизации, которая по-английски, помните, "дебилдингом" называлась.

Вторая колонна — это левые радикалы. Это не только Макашов и не только Илюхин, но, вполне возможно, и левые радикалы типа Анпилова. У них тоже есть хороший шанс на преодоление пятипроцентного барьера. И наконец, социал-демократическое крыло, на руководство которым претендует Геннадий Николаевич Селезнев. Но есть и "отколовшиеся" социал-демократы типа Алексея Подберезкина. Его "Духовное наследие", насколько я понимаю, пытается отстраиваться самостоятельно, желая привлечь к себе новых левых или другие политические силы с мягко выраженной социалистической ориентацией.

Примкнут ли к этим социал-демократам, отколовшимся от коммунистов, левые типа Юрия Петрова, Андрея Николаева, трудно сейчас сказать, хотя теоретически можно допустить, что, скажем, тот же Подберезкин с Юрием Петровым может договориться, поскольку его почему-то не пускают в двери "Отечества".

Эти три колонны, если эффективно отстроятся, могут что-то забрать как у протестного электората, так и у центристского, тяготеющего к левому центру. И если задумка коммунистов — идти тремя колоннами и получить в следующей Думе простое большинство — увенчается успехом, это будет вещь очень опасная, безусловно. Это при том понимании, что у них, действительно, тщательно продуманный план, и движение тремя колоннами имеет целью завоевание большинства в Думе, при этом правоверные коммунисты зюгановского типа не возьмут на себя ответственность за формальное большинство. Они будут балансировать — в нужное время объединять усилия и иметь простое большинство в Думе. Когда надо будет снять с себя ответственность, окажется, что у них всего 130 человек или около того, и они не могут взять ответственность за вотум недоверия или за принятие бюджета и так далее. Будут перекидывать что-то на радикалов, что-то на левоцентристов и так далее. Если эта тактика, как я ее понимаю, сработает, то будет большое поражение центристов и правоцентристов. Будем надеяться на то, что все разговоры о трех колоннах — это попытка признать факт раскола и хождение тремя колоннами на выборы в Государственную Думу приведет к тому, что коммунисты даже потеряют голоса, поскольку одна колонна

начнет бороться с другой. Конечно, лучше бы иметь пять колонн, тогда "пятая колонна" могла бы подорвать деятельность остальных четырех. Но с "пятой колонной" Макашов с Илюхиным будут бороться.

Поэтому, на мой взгляд, шансы коммунистов будут зависеть, во-первых, от эффективности построения избирательных технологий и, во-вторых, от состояния экономики России в 99-м году. Когда рассуждают, правда, о президентских выборах, то, как правило, говорят: чем раньше выборы, тем больше шансов на преемственность политики и курса, поскольку у ныне действующих руководителей государства гораздо больше шансов быть избранными на высшие государственные посты. В частности, если досрочные президентские выборы случаются ранней весной этого года, то 100-процентные шансы у Евгения Максимовича Примакова. Это похоже на правду.

Кстати, на парламентские выборы может повлиять существенным образом и перетасовать все карты факт досрочных президентских выборов. Можно ли толковать письмо Евгения Примакова о политическом перемирии и о гарантиях президенту как намек на возможность досрочных выборов? Строго говоря, оснований вроде бы и нет, поскольку речь идет о перемирии, основы которого были заложены в известном проекте договора, который был подготовлен 31 августа прошлого года. Но, учитывая, что в том проекте отсутствовал пункт о гарантиях президенту (я напомним, что он был изъят по просьбе самого Президента Ельцина), и то, что появилась идея одобрения этого заявления-договора законом раньше, а это была инициатива КПРФ и она была тогда отвергнута всеми остальными участниками переговорного процесса как явно противоречащая Конституции, то есть речь шла о договоре, который фиксирует политическое согласие, но вовсе не оформление законом отклонений от конституционных прерогатив ветвей власти, следует, видимо, и новые мотивы находить. И среди этих новых мотивов многие наблюдатели, политики находят такой, как возможная подготовка к досрочным президентским выборам.

В октябре я высказывал такую мысль, что досрочные президентские выборы по инициативе президента — это единственный способ для Бориса Николаевича Ельцина повлиять на исход выборов, потому что после парламентских выборов на исход президентских выборов влиять довольно сложно. При этом я предлагал следующую схему. Президент предлагает свои поправки к Конституции, набор этих поправок можно обсуждать отдельно. Я могу свою точку зрения, если возникнет интерес, изложить, какие поправки нужны сейчас для нас. Остановлюсь на вопросе коротко. Нужен шаг в сторону парламентской республики, но вовсе не нужно торопиться превращать Россию в Германию по форме правления, как это предлагал Владимир Рыжков в Давосе в интервью Евгению Киселеву, это рано, безусловно. Вполне возможно введение поста вице-президента, но такого поста, который бы позволял вице-президенту исполнять полномочия президента до истечения нормативного президентского срока, на который он был избран. Конституционно нужно закреплять и технологию формирования Совета Федерации и, видимо, идти на уступки левой оппозиции, допуская, что президент три раза одну и ту же кандидатуру премьера не представляет. Можно было бы предложить итальянскую схему, в соответствии с которой председатель правительства, утвержденный Думой, должен в течение двух недель поставить вопрос о доверии конкретному составу кабинета и программе кабинета и так далее. Такого рода поправки не косметические, это серьезный шаг в сторону оптимизации соотношения ветвей власти в стране. Поправки, внесенные президентом и одобренные Думой, Советом Федерации и ратифицированные субъектами Федерации, позволяли бы президенту запустить новую конституцию, отцом-основателем которой он опять бы являлся, через процедуру одновременных досрочных выборов парламента и президента. Это формула, демонстрирующая силу президента, а вовсе не слабость. Слабость — это досрочные выборы в силу неспособности его выполнять в полном объеме свои функции.

Формула, которая сейчас предложена, в частности пакет, в котором лежит еще и закон о гарантиях бывшему президенту, на мой взгляд, гораздо слабее той формулы, которую я предлагал осенью, хотя моя формула тоже предполагает согласие ветвей власти, поскольку принять согласованные поправки к Конституции — это значит договориться о согласованной технологии принятия ключевых решений. И стало быть, не о каких вотумах недоверия или о постановке вопроса о доверии правительством, роспуске Думы речи идти не может в период подготовки

этих согласованных поправок к Конституции, их принятия и прохождения по всему длинному и сложному пути, который предусмотрен в соответствующем законе.

В случае, если президентские выборы проходят (по любой формуле) досрочно, все наши раскладки на парламентские выборы разрушаются, это новый пасьянс. И совсем по-новому будут выстраиваться коалиции, очевидно тогда, что широкие коалиции будут отстраиваться под кандидатов в президенты. Я думаю, что это тоже неплохой вариант, поскольку это принуждение к объединению: кандидатов в президенты будет хоть и до дюжины, но очевидно, что основных претендентов всего лишь несколько. И если под ведущего кандидата объединятся основные политические силы, то даже проблема третьего призера исчезает. Сейчас существует возможность повторения 96-го года, в котором генерал Лебедь, набрав 15 процентов, по сути, диктовал условия победителю и вступал с ним в торг за посты или за другие конструкции. Эта схема при таком раскладе будет отсутствовать. Сейчас роль "третьего" все еще велика. Отсюда и активная раскрутка Явлинского некоторыми олигархами и структурами, потому что раскрутить Григория Алексеевича до "первого номера" тяжело, безусловно, но до "третьего" — вполне реально, а "третий номер" — это премьерский пост для Григория Явлинского.

Отсюда и моя идея. Я могу сейчас честно признаться, когда в декабре выдвигал идею вовлечения Никиты Михалкова в политические игры, то исходил из того, что, если НДР уговорит Михалкова возглавить свой партийный список, мы могли бы его заявить как своего кандидата в президенты и раскрутить как минимум до третьего места. Но поскольку Никите Сергеевичу не нужен премьерский пост, только президентский, у Виктора Черномырдина появлялась возможность выйти из-за его спины, вступив в торг за премьерское кресло. Но Виктор Степанович не понял своего счастья. Я не в обиду Никите Сергеевичу говорю, что видел его в этой схеме "третьим призером", он себя видит чуть выше — "первым призером", безусловно. Я, видимо, выдвинул свою инициативу рано — у Михалкова была другая схема, при которой весь народ попросит его отказаться от творческой деятельности и заняться политикой и патриарх, насколько я понял, должен его благословить, только тогда он будет готов включиться в политическую борьбу. Когда я высказывал эту формулу, то понимал, что Никите Михалкову в парламентскую политическую рубку вступать не захочется.

Но я саму формулу предлагал обсудить, рассмотреть в НДР вариант приглашения, скажем так, своего политика, который мог бы быть раскручен до третьего места в президентской гонке, несмотря на то что Виктор Черномырдин с упорством, достойным лучшего применения, повторяет, что будет баллотироваться в президенты (вчера он, например, в Сыктывкаре об этом заявил); он мог бы из-за спины "третьего" выйти, для него это единственный вариант, но он и им не хочет воспользоваться. Но это трудности моего общения с Виктором Степановичем, меня за это, кстати, критиковали: почему ты, Шохин, считаешь, что Черномырдин должен тебя слушать и реализовывать все то, что ты вырабатываешь. Но Виктор Степанович-то схем не вырабатывает, к сожалению, а не вырабатывая схем и не слушая умных советов, он себя обрекает на исчезновение с политической сцены после декабря 99-го года, и мне его, честно говоря, в этой связи жаль.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы немножко об администрации президента сказать.

ШОХИН А.Н. О ней только хорошее...

ВОПРОС.

...в смысле предстоящих выборов, она же не будет молча наблюдать, как партии и движения консолидируются, объединяются, разъединяются. Там происходят свои процессы. И достаточно ли она сильна для того, чтобы повлиять на эти процессы?

ШОХИН А.Н. Администрация президента, безусловно, хочет и будет участвовать в процессах консолидации тех или иных политических сил, которые, с ее точки зрения, могут или даже должны победить на парламентских и президентских выборах. Я считаю, что региональная инициатива, эта идея, которая уже несколько месяцев обсуждается, мимо администрации президента, мимо Кремля пройти не может. Но также не может эта инициатива быть возглавлена администрацией президента. Если региональная платформа федерального строительства, назовем ее так, будет новым изданием партии власти, это ее конец в самом зародыше. Она просто обязана быть инициативой снизу, и не просто инициативой региональных

вождей, региональных начальников. Региональные лидеры здесь должны быть, условно говоря, посредниками между избирателями и московскими структурами. Они должны довести чаяния, надежды, боль избирателей, граждан, живущих в их регионах, до Думы, сформировав там сильные лоббистские, я не побоюсь этого слова, структуры в виде фракций, коалиций фракций и так далее, отстаивающих интересы не регионов как субъектов Федерации, а людей, живущих в регионах. Это разные конструкции. Если удастся это сделать, то не потому, что этим процессом руководит Олег Сысуев или Николай Бардюжа и патронирует его Борис Ельцин или Евгений Примаков, а потому, что региональным лидерам удастся убедить своих избирателей, что это единственный способ для них заставить федеральную власть действовать в нужном, правильном направлении. Поэтому я считаю, что как только кто-то из региональных лидеров захочет возглавить это движение, превратить его в лидерское — конец ему. Конец будет и движению, если оно заявит себя как новая партия власти, которая замещает НДР. Поэтому лучше сидеть в трюме и уголек подбрасывать.

ВОПРОС.

А есть ли персоналии в администрации президента, которые могут предложить ему досрочные выборы, на ваш взгляд?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что нет. Нет такого человека, который с Борисом Николаевичем может обсуждать эту тему, не побоявшись потерять голову. Кроме оппозиционеров типа Илюхина, Зюганова, некому такие вопросы ставить.

ВОПРОС.

Это о той схеме, о которой вы говорили, — о досрочных выборах, я имею в виду.

ШОХИН А.Н. Я бы считал так: можно начинать с Борисом Николаевичем обсуждать тему, что для него лучший способ показать, что он хозяин в доме, — это не увольнять высших государственных чиновников, будь то премьер, руководитель администрации, Генеральный прокурор, а лучший способ показать свою силу и влияние — это предложить программу государственного строительства, которая представляет собой не просто схему: давайте договоримся и будем действовать по схеме буржуазных, как раньше говорили, демократий, и правительство будет формироваться парламентским большинством, президент будет назначать любого премьера, которого предложит парламентское большинство, и так далее. Это я о формуле Рыжкова-младшего.

Я почему говорю, что это формула Рыжкова, он хоть ее не очень внятно изложил в интервью Киселеву, но мы три месяца назад до хрипоты ругались, подготавливая политическую резолюцию политсовета НДР в начале ноября. Там предлагается чистая парламентская республика, причем она может быть реализована двумя способами: изменениями в Конституции и неким джентльменским соглашением сторон. Я считаю, что это чрезвычайно опасная вещь — сейчас вступать на эту площадку парламентской республики, потому что мы, не будучи уверенными в том, что большинство в следующей Думе будет принадлежать центристам и правоцентристам, этим способом просто передаем власть коммунистам. И все посты будут принадлежать левым: и Дума, и правительство, и президент будут коммунистическими. Ответ на это такой: народ поймет, что ошибся и через четыре года изберет уже либералов и демократов. Если мы уверены в правоте своей позиции, зачем же народу давать страдать еще четыре года? Он-то в чем виноват?

Шаг в направлении парламентской республики должен быть сделан, безусловно. Оптимизация распределения властей должна быть. В этом смысл инициативы президента — навязывает свое видение государственного устройства, анализируя в том числе и неудачи, и несбалансированность ветвей власти по итогам шестилетнего развития России после принятия Конституции в декабре 93-го года. Сила именно в этом — навязать. Как навязать? В том числе, извините, откупившись от той же оппозиции своим правом до июля 2000 года быть в офисе. При этом формула досрочных выборов — это единственная формула запуска новой Конституции. Представьте себе, мы меняем соотношение властей между Думой, президентом, правительством, российскими землями и так далее. Но парламентские выборы в декабре, а президентские — через полгода. Парламент, избранный в декабре, по старой Конституции живет или по новой? Или ему надо еще полгода в старой схеме прожить, дожидаться выборов нового президента, и лишь затем он получит какие-то новые права? Формула получается неуклюжая. Поэтому одна из поправок к Конституции заключается в том, что обновленная Конституция вступает в силу через одновременные выборы президента и парламента. Причем я считаю,

что надо развести сроки выборов: парламент должен избираться на четыре года, а президент — на пять. Поэтому следующие выборы будут разведены уже автоматически. Через эту формулу новое распределение власти в государстве вводится в действие, это единственно разумная форма, и президент себя тут демонстрирует самым умным, самым сильным и самым дальновидным. Это демонстрация силы.

Более того. Если нынешняя Конституция предполагает, что президент, подавая в отставку, по сути, передает власть исполняющему обязанности, и три месяца в стране и. о. и неустойчивая власть, то моя схема введения в действие новой Конституции может предполагать, то действующий президент слагает полномочия в день вступления в должность следующего президента. Это одна из поправок к Конституции. Эта формула могла бы сейчас мобилизовать и администрацию президента, и правительство и позволить вести примирительный диалог, добиваться согласия, которое письмом премьера сейчас хотя и активизируется, но на полуправильной основе: нельзя законом отменить конституционное право президента распускать Думу, нельзя законом отменить конституционное право Думы выражать вотум недоверия правительству и так далее. И любой состав Конституционного Суда, если найдется 90 депутатов, которые пошлют запрос в Конституционный Суд, сочтет, что закон о согласии "имени Примакова" неконституционен. Зачем неконституционным способом добиваться благих намерений?

Моя формула, хоть она и прошлогодняя, на мой взгляд, более эффективна до сих пор.

ВОПРОС.

- Вы предполагаете, что Примаков просто не прошел свой путь до конца в этом вопросе, да? Он имел в виду тоже досрочные выборы?

ШОХИН А.Н. Я не знаю, честно говоря, что имел в виду Евгений Максимович, он человек очень умный, очень опытный, осторожный. Если он имел в виду досрочные выборы и считал, что можно эту тему начать обсуждать при наличии закона о гарантиях бывшему президенту, то, безусловно, тот, кто ему посоветовал ту формулу, был не прав. Потому что именно эта формула, где ныне действующий президент, по сути, назван бывшим президентом, которому нужны неприкосновенность, бесплатный проезд в общественном транспорте, не позволяет обсуждать более глобальные политические вещи.

Если это посоветовал Сергей Шахрай, новый его советник по правовым вопросам, то мне казалось, что он тоже дальновидный, умный. Я не знаю даже, откуда эта формула возникла, и поэтому говорить о том, что Евгений Максимович Примаков имел в виду досрочные выборы, чересчур как-то прямолинейно для него. Я его держу, извините, за более дальновидного и склонного к многоходовым комбинациям человека.

ВОПРОС.

У меня такой вопрос. Вы очень интересно рассказывали о различного рода возможных комбинациях в связи с политическими инициативами. Чем вы объясните то, что во время своего исключительно интересного выступления вы почти не говорите об электорате, о его настроениях? О том, при каких условиях и как электорат, конечно, самый различный в самых разных уголках страны, может отнестись к этим инициативам и к возможным новым региональным объединениям? При каких условиях региональное объединение может завоевать массы на качественно новой основе, чтобы они пошли именно за этим новым региональным объединением, которое еще не на слуху, которое мы еще не знаем?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, действительно, без понимания того, что нужно избирателям или, как их обидно называют, электорату, невозможна никакая победа на выборах. Есть такая технология: изменить цвет кожи, глаз, напудрить парик, щеки нарумянить и так далее, пустить пыль в глаза, используя избирательные технологии. Но наши граждане стали чувствительными к обману, и те же самые политики, как бы они ни напудрились, ни нарумянились, и какой бы цвет кожи, и какой бы пол ни выставили, они не сумеют, по-моему, уже сейчас запудрить мозги. Сейчас нужны две вещи. Первая — честный разговор с избирателями, в том числе анализ того, что не удалось, признание в ошибках. Беда, например, "Правого дела" состоит в том, что оказывается никаких ошибок не было — виноваты коммунисты, виновата Дума, все было правильно, ни одной ошибки не сделано, и почему именно эти люди, которые были у власти на протяжении многих лет, сделают вновь рывок и дадут то, что обещают, не понятно. Коммунистам в этом плане, конечно,

несколько легче: они могут продолжать эту риторику обещаний.

Итак, честный разговор и анализ с элементами, если хотите, покаяния. Хотя многие считают, что покаяние — это демонстрация слабости, я считаю, что это не так. Честное объяснение, почему и что не удалось, — основа того, что предвыборные обещания будут базироваться на какой-то реальной почве. Вторая — это предвыборные обещания. Что можно сделать? И здесь почему, на мой взгляд, региональная платформа перспективнее федеральных конструкций? Общая предвыборная программа и платформа этого объединения могут состоять как бы из кубиков. Регионы-то разные, невозможно одну программу предложить для всех регионов, невозможно для крупных столичных городов предложить ту же программу, что для депрессивных сельских регионов или для депрессивных, бесперспективных небольших городов, и так далее. Написать эту программу нужно так, чтобы каждый увидел себя. Вот почему она должна состоять из неких кусочков, нанизанных на единый стержень российского федерализма.

Эта задача, на мой взгляд, самая главная — попытаться понять, чем живет наш человек. Понять можно, но объяснить, почему именно новая политическая сила в состоянии решить эти проблемы, гораздо сложнее. И если это не удастся сделать за 9 месяцев, то, безусловно, власть будет упущена. И уйдет она к тем, кто будет в качестве основного тезиса произносить известные слова: 10 лет геноцида и так далее, только мы обеспечим и так далее.

На мой взгляд, вы ставите очень правильный вопрос, я еще раз подчеркну, региональная партия, региональная платформа, если она будет новым изданием партии власти, обречена на неудачу. Если она будет отстраиваться как партия региональных функционеров и назначенных ими кандидатов в депутаты, то, честно говоря, ничего хорошего не получится. И я бы, например, не стал наниматься в политические менеджеры, даже за деньги, в такой партии.

ВЕДУЩАЯ. Александр Николаевич, спасибо вам большое. С вами как всегда было очень интересно.

КАК СПРАВИТЬСЯ С ЛАВИНОЙ ДОЛГОВ

(ГАЗЕТА "ВРЕМЯ-МН", 10 МАРТА 1999 ГОДА, АЛЕКСАНДР БЕККЕР)

— Не прошло и двух лет, как Россия уговорила Парижский и Лондонский клубы (ПК и ЛК) на 25-летнюю рассрочку долга бывшего СССР. И вот страна опять стоит перед угрозой банкротства. Как же так просчитались переговорщики из правительства?

— Дело не в плохой конструкции соглашений. Напомню, что первый договор с ПК о реструктуризации долга был подписан 2 апреля 1993 года. Рассчитав возможности российской экономики, мы оговорили в договоре с 10-летним сроком рассрочки 5-летний льготный период выплат и без выплат основного долга платежами по годам. В последующих соглашениях удалось добиться удлинения срока отсрочки долгов, выравнивания профдолга (отсутствия пиков платежей по годам), после этого правительству требовалось только не допускать, чтобы новые займы накладывались на старые графики платежей.

— Вы хотите сказать, что кредиты у МВФ и Всемирного банка правительство брало беспорядочно? Что, размещая за границей еврообонды, не заглядывало в долговую книгу 1993 года?

— Об оптимальных графиках привлечения кредитов и возврата долгов всерьез задумались недавно. Около месяца назад за управление национальным государственным долгом стал отвечать Михаил Касьянов, назначенный первым замминистра финансов. Но несколько лет, действительно, не было единой системы "руления" долгом. А после того как в 1996—1997 годы правительство сняло все ограничения на доступ нерезидентов на российский финансовый рынок, внутренний и внешний долг вообще смешались. В конечном счете мы промотали 5-летнюю передышку, которую выторговали у ПК и ЛК. Пять лет страна фактически не рассчитывалась по советским долгам, а российские займы у МВФ и ВБ имели льготный период платежей. Однако экономика так и не пошла в гору. И сей час, когда платежи стали наслаиваться друг на друга, приходится ставить перед Западом вопрос о корректировке прежних механизмов реструктуризации.

— А греха на совести не чувствуете? Именно вы, будучи вице-премьером в

правительстве Черномырдина, настояли в 1993 году на рассрочке советского долга, в то время как российский представитель в МВФ Константин Кагаловский и экс-министр МВЭС Олег Давыдов предлагали поставить перед западными кредиторами вопрос о списании долга.

— Да не могли мы списать. Правительство Гайдара появилось 6 ноября 1991 года, а принципиальную схему урегулирования советских долгов приняли раньше — 28 октября; комитет по оперативному управлению народным хозяйством СИР и его правопреемш — межгосударственный экономический комитет СССР, возглавляемые Силаевым, Лужковым, Явлинским, Вольским, подписали с кредиторами Меморандум о взаимопонимании. В соответствии с ним долг СССР делился между республиками Союза и вводился механизм солидарной ответственности. То есть каждая республика в отдельности и все вместе отвечают за советский долг. Не платит по долгам одна — за нее выкладывают остальные. Если все, кроме России, не платят, значит, за всех гасит Россия. Эту технологию советское руководство и тогда еще республики бывшего Союза закрепили в Договоре от 4 декабря 1991 года. И в суверенную российскую жизнь мы вошли с обязательством платить 61 процент долга и с правом претендовать на 61 процент активов бывшего СССР, включая золотовалютные резервы, зарубежную ответственность и долги третьих стран Советскому Союзу. Но первые же прикидки российского правительства показали: республики быстро поделят зарубежные активы СССР, а потом вся тяжесть выплат свалится на Россию. И мы предложили ПК и ЛК "нулевой" вариант, то есть Россия берет на себя все советские долги, а кредиторы взамен признают ее право на все зарубежное имущество и финансовые ресурсы Советского Союза. Вообще-то, кредиторов не интересовало, как республики бывшего СССР разберутся между собой по долгам, их больше устраивал механизм солидарной ответственности. И все-таки мы склонили ПК и ЛК к "нулевому" варианту.

Теперь представьте, что Россия открестилась тогда от советских долгов и обратилась к Западу за списанием. Это означало бы отказ от 39 процентов активов СССР, которые приходились на 14 экс-советских республик. В ту пору вариант рассрочки долга виделся нам предпочтительнее списания. Во-первых, мы все-таки рассчитывали быстро поднять экономику. Во-вторых, обслуживание советского долга не казалось тогда смертельным, поскольку его размеры были сопоставимы с достоящимися нам активами СССР: мы надеялись расплачиваться с зарубежными кредиторами, вытягивая из третьих стран свыше 100 миллиардов долларов советских долгов. К тому же мы не исключали, что через 5 лет льготного периода, если ситуация для страны сложится неблагоприятно, можно будет вернуться к схеме списания. Но уже без потери активов, которые перейдут к России.

— И как же теперь скостить долги ПК? "Неапольская" схема 1996 года позволяет списать 80 процентов, а оставшуюся сумму разнести на 25 лет.

— Нет, это для беднейших стран с наибольшим бременем внешней задолженности. России в этом списке нет и быть не может, иначе на статусе великой державы надо ставить крест. А вот взаимозачетная схема вполне возможна. Россия за долги переуступает ПК права требований на свои финансовые активы, то есть долги третьих стран нам. Причем среди них нет долгов Индии, Ирака, Ливии, Кубы. Это очень пристойная схема. Да, мы прощаемся с надеждой что-то вытянуть из Алжира, Вьетнама и так далее. Но, уверяю вас, даже с таких относительно платежеспособных стран вытягивается не очень много и махинаций там столько... Посредники наживаются в таких объемах, что лучше все-таки не валютный ручеек иметь в нашу сторону, а перекрыть бурный поток из нашей страны. Замечу сразу, что в финансовом отношении зачетная схема не простая. Почему? Внутри ПК не совпадают один к одному страны-должники и страны-кредиторы — поэтому "чистый" взаимозачет как бы не складывается. Но если говорить откровенно, то ПК все же проще зачесть нам долги, если мы отдаем ему финансовый актив, сопоставимый по номиналу с нашим долгом клубу. Таким образом с плеч России упадет 38 миллиардов долларов, причем с пиками платежей на ближайшие годы. Полагаю, что судьба нашего долга могла бы быть решена на июньском саммите глав "большой семерки" в Кельне.

— А наш долг банкам из ЛК? Лидеры "семерки" банкирам не указ.

— Параллельно надо заниматься с ЛК. Поскольку его члены еще во время прошлых переговоров частично отнесли на убытки невыполненные СССР обязательства, можно, видимо, договариваться о более льготной схеме реструктуризации. Причем

если проценты за отсрочку назначат ниже рыночных, это будет равносильно частичному списанию. Но самое главное, надо вписать в формулу рассрочки положение, что Россия начнет обслуживать долги ЛК, как только появится возможность. То есть это реструктуризация не на срок, а на фиксацию какого-то качественного состояния экономики. Это очень сложная конструкция, но у нее есть прецедент. На Германии лежит долг со времен окончания первой мировой войны и Версальского договора. Не вдаваясь в подробности, хочу сказать, что правительство Аденауэра признало эти долги и в 1953 году ФРГ обязалась начать их выплату после воссоединения Германии. Это уникальное условие, когда фиксируется не конкретная дата погашения, а событие. Германия стала единой в 1990 году, вслед за чем еще на 20 лет реструктурировала долги начала века. Этот исторический факт очень уместен в переговорах с ЛК. Конечно, не стоит настаивать, что мы начнем выплачивать долги бывшего СССР после восстановления СССР. Это, безусловно, испугает кредиторов. Зато вполне разумно зафиксировать некие параметры экономики, по достижении которых можно начать обслуживать долг без ущерба для населения, целостности политической и финансовой систем страны.

—В вашем ноу-хау с рассрочкой долгов есть неувязка. Между Лондонским и Парижским клубами действует правило "equal treatment" — ни один из кредиторов не может получить от должника лучшие условия реструктуризации, чем другой. А ваш план исходит из совершенно разных схем рассрочки.

—Упомянутое вами правило, действительно, существует. Оно позволило нам в 1993 году, заключив соглашение с ПК, отбить притязания ЛК на суперльготную схему реструктуризации. Когда же в 1997 году мы вышли на более приемлемые условия с ЛК, то кивали на них уже Парижскому клубу. Сейчас с точки зрения "equal treatment" ПК в самом деле может оказаться в худших условиях. Однако тут есть важнейший нюанс. ПК — это политическая организация, это 19 правительств наиболее развитых государств. Предоставляя кредиты, они берут на себя обязательства. И правительства могут дать отмашку своим казначействам — вычеркнуть статью поступлений по долгам бывшего СССР. С банками, входящими в ЛК, правительства так поступить не могут. Во всяком случае в лоб. Помню, как в 1994 году, когда мы пытались выработать юридическую формулу соглашения с ЛК, я встречался в Бонне с Гельмутом Колем и попросил канцлера, тогда председательствовавшего в Банковском консультативном комитете по России, воздействовать на "Дойче банк". Канцлер сказал, что, конечно, поговорит с банкирами, но выкручивать им руки никак не может. И в этой связи у России с ПК не получится сейчас более льготная схема, чем с ЛК, — иначе коммерческие структуры нас задавят. Но если в худшие условия попадают политические институты, то есть казначейства стран-кредиторов, то это в принципе схема допустимая. Это единственная, пожалуй, конструкция, когда правило "equal treatment" может быть нарушено. Оно не может быть нарушено по разным видам коммерческих кредиторов, оно не должно нарушаться по отношению к резидентам и нерезидентам.

Но взаимозачеты долгов с ПК — это финансовое оформление политического решения.

—Опять неувязка. Россия не вправе заключать соглашение с ПК и ЛК, пока МВФ не одобрит ее экономическую программу.

—Возражаю, весной 1993 года, когда мы подписывали первое соглашение с ПК, договора с МВФ у нас еще не было, он появился лишь к концу года. Мы никак тогда не успевали договориться с МВФ, но убеждали кредиторов заключить соглашение по долгам бывшего СССР. Мы говорили, что это снимет с России большой груз, смочет со страны имидж неплатежеспособной и улучшит тем самым условия для новых заимствований. И клуб в порядке исключения пошел на договор об отсрочке. В соглашении 1993 года была статья, что соглашение теряет силу, если Россия не договорится с МВФ в течение полугода. Что-то похожее можно, наверное, придумать и сейчас. Нам очень важно сегодня войти в режим консультаций с ПК и ЛК, вернуться к схеме, действовавшей несколько лет, когда сам факт ведения переговоров давал основания кредиторам предоставлять нам 90-дневные отсрочки по платежам.

—В том-то и заковыка, что ПК и ЛК не спешат входить в режим консультаций.

—Настоящая сложность не в этом. ПК и ЛК сторонятся нас, потому что потерпела фиаско тактика переговоров правительства с МВФ. Если строить ее на том, что, как сказал первый вице-премьер Густов, "куда они денутся — дадут

кредит", то самый благожелательный партнер может хлопнуть дверью. Думаю, что жесткие заявления Камdessus и Фишера — это еще и человеческая реакция на бестактные высказывания. Вместо демонстрации напряженной работы, поиска компромиссов следует заявление Маслюкова, что не сегодня-завтра подпишем соглашение, вот-вот придет Камdessus. Нельзя так примитивно разговаривать с МВФ, кредитора вообще не принято подталкивать в спину. Не менее глупо вставать в позу: ну, не даст МВФ кредит на рефинансирование долга — ничего страшного, платить все равно не будем, объявим в крайнем случае дефолт. Во-первых, это политически близорукий подход.

Дефолт в отношении долгов МВФ сразу вводит Россию в "большую семерку", но не ту, которая соберется на июньский саммит в Кельне. Мы попадем в компанию Судана, Сомали, Либерии, Конго, Ирака, Афганистана и Югославии. Став членом клуба неплательщиков МВФ, Россия превратится для всего мира в парию. Но страшно не то, что МВФ приостановит свои программы и выход на международный рынок займов будет заколочен. Еще хуже, что мы "залетаем" и со всеми остальными кредиторами. А суверенный дефолт перед ПК, ЛК и западными фирмами чреват, на мой взгляд, тяжелыми последствиями. Более тяжелыми, чем санкции к СССР во время войны в Афганистане. Под эмбарго могут попасть российские нефть и газ, возможны аресты валютной выручки от экспорта, поступающей на счета в западных банках. Отсюда — и замораживание импорта, зависимость от которого, к сожалению, в последние годы выросла. Впрочем, не хочу сгущать краски. Полагаю, до такого не дойдет.

—Каков наиболее вероятный сценарий развития событий после экспрессивных заявлений Камdessus на прошлой неделе?

—Думаю, что правительство имеет пространство для маневра. Другое дело, видит ли оно свои шансы? Подозревает ли оно, что есть схемы прямого диалога с ПК и ЛК? Например, для взаимозачета долгов с Парижским клубом, строго говоря, МВФ не обязателен. МВФ нужен, чтобы оценить платежный баланс страны, которая настаивает на реструктуризации долгов. Фонд смотрит и решает, способно ли это государство платить и в какой степени. Затем МВФ определяет финансовый разрыв и способы его покрытия. Это могут быть частично и его ресурсы. Но при этом Фонд будет настаивать на том, чтобы страна, претендующая на реструктуризацию долга, прошла свою часть пути, то есть мобилизовала все ресурсы, чтобы погашать долги самостоятельно.

Вот на этой площадке и развернутся в ближайшие недели главные дискуссии правительства с МВФ. Не избегая их, власти должны подбирать ключи хотя бы к ПК. Там в курсе, в какой Россия ситуации и дело не в том, что мы скажем клубу: делаем все возможное, но нам не хватает вот столько — дайте на эту сумму новую реструктуризацию либо списание долгов. Мы должны поставить вопрос так: вот наши номинальные активы, которые совпадают с нашими долгами вам, забирайте все, поскольку нам сейчас не до того, чтобы выкачивать долги из третьих стран. Это просьба совсем другого рода, тут мы не запрашиваем у МВФ оценку нашего финансового разрыва, чтобы предъявить эту печальную картину кредиторам. Поэтому здесь можно обойти вердикт МВФ. Как видите, совсем другая конструкция, для реализации которой нужно политическое решение. И вот эту схему надо запускать на "семерку" немедленно.

Разумеется, для одобрения этой схемы нужны и политические "подпорки" — правительство не должно оказаться "приватизированным" лево-коммунистическим большинством Государственной Думы. Ему также следует продемонстрировать ясность намерений по осуществлению программы финансово-экономической стабилизации.

ОХОТА НА ПРОВИНЦИАЛОВ

("СЕГОДНЯ", 12 МАРТА 1999 ГОДА, НАТАЛЬЯ КАЛАШНИКОВА)

В большой политике началась битва за губернаторов. В бой за провинцию идет столичное "Отечество". Член политсовета движения Артур Чилингаров среди сторонников движения уже называет губернатора Подмосковья Анатолия Тяжлова и главу администрации Нижнего Новгорода Ивана Склярова. Как стало известно из

источников в штаб-квартире профсоюзного движения "Союз труда", лидер которого Андрей Исаев тоже входит в политсовет "Отечества", к "взаимодействию" будет приглашен и губернатор Кемеровской области Аман Тулеев.

То, что кемеровский лидер не склонен при этом покидать ряды левого Народно-патриотического союза, "Отечество", видимо, не смущает: за Тулеевым — протестный электорат.

Своим путем — через газопровод — идет к регионалам движение НДР. На днях уже вторая группа губернаторов отправится в поездку по газодобывающим регионам.

Между тем уже заявленное движение губернаторов под условным названием "Голос России" (заявление о его создании подписали около 40 региональных лидеров), по словам одного из его инициаторов — Константина Титова, "уже в самое ближайшее время выступит с тезисами политического манифеста", после чего участники "займутся выработкой общей позиции". Почему события должны развиваться именно в такой последовательности, самарский губернатор не уточнил, но сообщил, что к движению уже выразили желание присоединиться еще 5—6 политических организаций.

С идеей партии российской провинции еще в ноябре выступил Александр Шохин, предложив политсовету НДР рассмотреть возможность превращения движения в региональную партию, введения постов сопредседателей и приглашения на них эндэуровских региональных лидеров. Виктор Черномырдин этих предложений тогда не воспринял, а Шохина изгнал, идея, однако, не умерла, для начала приняв очертания "Голоса России". Но, как выяснилось из беседы корреспондента "Сегодня" Натальи Калашниковой с Александром Шохиним, губернаторский "Голос" и единичные ангажементы регионалов под другие политзнамена — еще далеко не вся игра на региональном поле. И ситуация на нем складывается непростая.

—Как вы объясняете такой предвыборный ажиотаж вокруг региональных лидеров?

—А давайте вспомним, как в сентябре 1995 года Борис Ельцин заявил про НДР: мол, это движение процентов 8—10 получит. НДР в декабре и получило 8—10 процентов. Наверное, региональные лидеры к президенту прислушались...

—Кстати, об НДР. Формально вы ведь еще от должности первого зама Виктора Черномырдина не освобождены. А об НДР между тем говорят как о возможном союзнике "Голоса России". В таком ключе высказывался и Константин Титов, сохранивший пост в руководстве "Нашего дома".

—Да, от поста первого зама меня может освободить только съезд.

—Освободит?

—Не знаю. У меня такое ощущение, что многие региональные лидеры в апреле на съезде могут попытаться надавить на Черномырдина, с тем чтобы процесс регионализации НДР — в новой форме — был бы реализован. Что касается возможного союзничества, то Константин Титов об этом говорит, но пока ничего в этом направлении не делает. Работать же с НДР можно одним способом: рассматривая ее как зарегистрированную, имеющую право на участие в выборах партию, с которой губернаторы могут создать единое избирательное объединение. Но для этого нужно на каждой сходке НДР этого добиваться — до съезда ведь осталось около месяца.

—А о каком политическом манифесте "Голоса России" идет речь?

—Две недели назад я передал Константину Титову проект текста манифеста, с тем чтобы в виде тезисов он был разослан сторонникам движения в регионы для обсуждения. Региональные лидеры, а не эксперты в Москве должны доработать этот документ. Иными словами, манифест должен стать продуктом коллективного творчества. И с этим продуктом надо уже от имени всего движения обратиться к избирателям. Горопиться тут ни к чему.

Партия региональных интересов, по определению, не может быть лидерской. У каждой ветви регионов есть свои неформальные лидеры. И если они будут свои региональные идеи реализовывать самостоятельно и возникнет несколько политических движений, то сама идея будет порушена. Поэтому, начиная работать с Титовым (а работать я начал с ним еще в декабре), я считал, что только когда эта идея овладеет умами регионалов, причем не в количественном отношении, а по критической массе, тогда и можно объявлять о создании нового движения, причем на основе коллективного руководства. Если перейти на личности, то без таких тяжеловесов, как Минтимер Шаймиев и некоторые президенты республик, эта

инициатива не выглядит полноценной. Есть и региональные лидеры, участие которых было бы желательным, Егор Строев например.

А двухстраничного заявления региональных лидеров о создании движения тут явно недостаточно. Оно было готово еще в январе. Получилось, что два месяца прошло без реальной раскрутки. Это, конечно, не означает провала кампании в целом. Но нужно заявлять идеологические принципы в области экономики, внутренней и внешней политики. Например, я считаю бессмысленным организовывать кампанию общественной поддержки этого движения. Я пока не вижу, что поддерживать. Надо изложить пять—десять принципов идеологии программы. Тогда и будет повод для "широкого движения в поддержку".

—Но идея регионального единства носится в воздухе. Идут разговоры о том, что с инициативой создания своего блока может выступить Шаймиев. Реально ли тут избежать раскола?

—Я вижу два пути. Первый. Те авторитетные региональные лидеры, которые на протяжении уже нескольких месяцев думают о создании не кой региональной силы, в частности Шаймиев, могут уже на следующей неделе объявить о своих намерениях. И может быть, таких региональных инициатив будет даже не две. И тот факт, что они могут объявить об этом сепаратно, доказывает, что дело пошло не по тому руслу. Но перспектива все равно остается: потом, в течение месяца-двух, надо будет работать на возможное объединение. И тогда из двух-трех региональных инициатив может получиться единое избирательное объединение, которое могло бы возглавляться лидерами на принципе сопредседательства.

Второй вариант более предпочтителен, хотя и трудноосуществим. Он состоит в том, чтобы в рамках сессии Совета Федерации, которая состоится на следующей неделе, региональные лидеры совместно объявили бы о создании широкой инициативы — Шаймиев, Строев, Титов и так далее, создали бы оргкомитет. Это было бы идеально.

—А как в таком нелидерском движении быть с партсписком?

—Партсписок мог бы возглавить региональный лидер, которого удастся уговорить пойти в Думу. При благоприятном исходе он мог бы претендовать на роль спикера. Но лидер списка — это не лидер движения.

Что касается ключевого вопроса — на кого ставку делать (некоторые говорят, что партия губернаторов — партия Примакова), то я думаю, что до парламентских выборов эту тему вообще не поднимать. Сначала надо сформировать мощную фракцию в Думе, тогда и появится переговорный ресурс, позволяющий выстраивать с кандидатами партнерские отношения.

КОНСОЛИДИРУЕТСЯ ЛИ ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА?

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА
А.Н. В РИА "НОВОСТИ", 25 МАРТА 1999 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Спасибо за приглашение, за возможность выступить здесь.

Сейчас нет нужды придумывать темы пресс-конференций, поскольку темы, как говорится, висят в воздухе.

Несколько штрихов к текущей ситуации в качестве вступительного слова.

Во-первых, события в Косово, ракетно-бомбовый удар по Югославии приводят к некоторым положительным, на мой взгляд, последствиям для России в плане финансово-экономических переговоров между Россией и международными финансовыми организациями. На мой взгляд, должна произойти деполитизация этих переговоров, поскольку в условиях жесткой позиции России, неприятия ею бомбардировок Югославии без соответствующей резолюции, санкции Совета Безопасности ООН было бы странно, если бы США, другие страны "семерки", МВФ и Мирового банка выставляли в качестве условия предоставления кредита со стороны МВФ изменение поведения России в отношении Косово и другие политические условия.

Вчерашнее заявление министра финансов США Рубина, что нет никакой связи между переговорами с МВФ и ситуацией в союзной Республике Югославии, — это

уже некий сигнал, сигнал о том, что никто из главных акционеров МВФ не будет давить на Мишеля Камdessus во время его переговоров в Москве. Это значит, что переговоры будут идти в рамках согласования финансово-экономической программы. Поскольку российское правительство высказало готовность идти на поиск компромиссов, я не исключаю, что к началу следующей недели будет зафиксирована принципиальная договоренность между МВФ и Россией по базовым параметрам программы, которая в течение месяца, видимо, будет согласовываться на экспертно-техническом уровне и, стало быть, к концу апреля вполне возможно, что совет директоров МВФ примет решение о возобновлении кредитования.

Я не берусь судить о конкретной схеме возобновления кредитования, будет ли это кредит на рефинансирование задолженности перед МВФ, о чем часто говорят, либо это будет второй транш стабилизационного кредита, который был согласован в конце июля прошлого года, либо новая программа. Не берусь судить, будет ли ужесточен механизм мониторинга и контроля за реализацией программы, в частности будет ли осуществлен переход на ежемесячный мониторинг с выделением мелких долей, мелких траншей этого кредита — это все, безусловно, предмет переговоров. Но мне кажется, что в нынешних условиях, как это ни странно покажется на первый взгляд, возможности для достижения соглашения между Россией и МВФ увеличиваются.

Второй, если уместно так сказать, положительный результат обострения международной обстановки в связи с ситуацией в Косово — это возможная консолидация различных ветвей российской власти. Конечно, сейчас рано говорить о том, до каких пределов дойдет эта консолидация и, в частности снимут ли коммунисты требование импичмента президента, будет ли голосоваться 15 апреля этот импичмент? И будут ли левые выдвигать в качестве условия подписания соглашения о гражданском мире и согласии отставку Президента Ельцина или нет. Но, скорее всего, как мне кажется, в нынешних условиях, когда президент, премьер, Государственная Дума; основные политические силы фиксируют единство подходов, единство позиций по отношению к косовской проблеме и ситуации вокруг Югославии, было бы странно, если бы коммунисты пытались бы привести диссонанс в это намечающееся национальное согласие (отдельно можно говорить о красках, тонах этого согласия, но тем не менее оно просматривается сейчас). Трудно, честно говоря, поверить, что коммунисты решатся разрушить эту конструкцию.

Стало быть, вопрос об импичменте президента может быть снят с повестки дня. Хотя он в повестке дня официальных структур больше не находится (это досужие домыслы либо пикейных жилетов, либо аналитиков, высказывающихся в средствах массовой информации), не может быть снят с повестки дня вопрос о возможной отставке правительства Примакова.

Любые перестановки в правительстве в этих условиях могут происходить, если будут сделаны либо на основании оценки профессионализма тех или иных членов правительства, либо на основании данных о коррупционной деятельности тех или иных высокопоставленных чиновников. Вот это последствие, которое, на мой взгляд, тоже надо принимать во внимание для оценок российских политических перспектив.

Безусловно, негативных последствий много, балласт может быть в их пользу и главное среди них — это выход конкретного механизма урегулирования регионального конфликта из-под юрисдикции международного права, в частности из-под юрисдикции Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности ООН. Вы помните, что ракетные удары по Ираку наносились с санкции Совета Безопасности. Именно Совет Безопасности оценивал правильность поведения Садама Хусейна. Впервые, пожалуй, НАТО взяло на себя функции Совета Безопасности ООН с молчаливого согласия руководства этой организации — Коффи Анана и большинства постоянных членов Совета Безопасности. Понятно, что официальное голосование в Совете Безопасности не могло состояться положительно, поскольку решение принимается консенсусом и как минимум два постоянных члена против — Россия и Китай. Не исключено, что именно поэтому никакого запроса на соответствующее действие не делалось.

Но тем не менее очевидно, что мы возвращаемся к дискуссиям двухлетней давности, когда активно обсуждался вопрос о расширении НАТО на восток, а именно какая архитектура европейской, евро-атлантической безопасности отвечает требованиям времени — натовская ответственность за безопасность в Европе либо

все-таки трансформация структуры с разделительными линиями, с "серыми зонами" в общеевропейскую систему под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Я думаю, что был реальный шанс трансформировать косовскую акцию в акцию, проводимую под эгидой ОБСЕ. К сожалению, мне кажется, российская дипломатия не сделала все, что возможно для этого, по крайней мере в публичной риторике она часто акцентировала внимание на недопустимость введения войск без согласия Белграда. Я считал и считаю, что нужно было бы акцент делать на другом, а именно на необходимости присутствия международного контингента, который должен был не только предупреждать гуманитарную катастрофу, как это сейчас принято говорить, спасая албанцев от возможных действий со стороны сербских полицейских сил, но и разоружая албанские формирования, освободительную армию Косово, которая вооружена, как известно, до зубов и не всегда на законном основании, в частности я имею в виду использование наркоченег для вооружения косовских боевиков.

Вот это две функции, две стороны одной медали (жаль, что Запад не обращает внимания на ту сторону медали, которая связана с разоружением этих формирований, даже можно называть, вспоминая соответствующую российскую формулировку, — бандформирований). И важно было бы для России четко зафиксировать, что мы будем подталкивать Белград к принятию такого решения при условии, что международный воинский контингент будет размещен под знаменами ОБСЕ либо Совета Безопасности. Дипломатия закулисная, безусловно, имела место, я уверен, что российские дипломаты подталкивали Милошевича к соответствующим действиям. Но тем не менее поскольку мы публично заявляли в основном о несогласии с размещением войск без санкции Белграда, то не сумели, на мой взгляд, воспользоваться тем, что являемся партнером Сербии. А ведь в таком качестве мы могли бы выполнить ту функцию, которую ни НАТО, ни Совет Безопасности выполнить не смогли бы.

Будет ли в качестве негативного последствия этого шага рассматриваться вариант европейской или третьей мировой войны? Вчера я был достаточно удивлен, даже шокирован результатами опроса, который проводило НТВ в одной из своих передач: из 6 тысяч позвонивших в режиме интерактивного опроса 5 тысяч человек прогнозировали именно такой вариант развития событий. Но тем не менее я думаю, что этот самый худший вариант развития событий — глобализация конфликта — возможен в случае неадекватных действий со стороны России, если Россия идет на крайние меры, а именно: возвращает ядерный статус Беларуси, если выходит из режима санкции по отношению к тем странам, к которым санкции применяются с согласия Совета Безопасности ООН (это и Иран, Ирак и та же Югославия) и так далее. Если во многих других направлениях Россия себя ведет, опуская железный занавес и демонстрируя мускулы, то, безусловно, конфликт может перерасти из регионального в континентальный и даже в глобальный.

Мне кажется, что сейчас больше признаков того, что намерения некоторых генералов и политиков довести дело до военного противостояния не будут поддержаны. Все-таки руководство страны избегает резких телодвижений — сегодня президент заявил, что в пакете мер есть и "адекватные", но их решено пока не обсуждать и не обнародовать тем более. Я думаю, что эта линия сохранится, потому что тогда ответственно будет не только НАТО, но и Россия.

Я еще раз подчеркну, было бы хорошо не только осуждать агрессора в лице НАТО, но конструктивно формулировать схему выхода из этого кризиса. Не просто призывать к политическому диалогу, к переговорам, но и зафиксировать свою позицию. Ведь наша позиция, как известно, состояла в том, чтобы политическое соглашение было подписано в первоочередном порядке. Но Белград не пошел на подписание политического соглашения. Если бы это случилось, мы могли бы с большим успехом вести дело ко второму этапу — к урегулированию вопроса о военном контингенте, в частности добиваясь того, чтобы он был размещен под флагами ОБСЕ либо Организации Объединенных Наций и обязательно с участием России. Но до второго этапа не дошло, и это свидетельствует, что не во всем Белград прислушивается к нашему мнению, хотя позиция России для Югославии является принципиальной — она помогает Белграду решать многие международные вопросы. Не хотелось бы, чтобы правы оказались те аналитики и политики, которые считают, что урегулирование косовской проблемы в конечном счете произойдет без участия России, поскольку Милошевич найдет способ договориться с американцами, а мы окажемся лишь "попользованной" стороной.

Поэтому я думаю, что все-таки до глобализации конфликта не дойдет, и надеюсь, что российская сторона будет активным игроком, который не допустит такого рода эскалации. Есть еще много аспектов и чисто финансово-экономических, и политических, но я, честно говоря, хотел бы закончить свое вступительное слово и даю возможность вам задать вопросы.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо, Александр Николаевич. Уважаемые коллеги, прежде чем предоставить возможность задать вопросы, я хочу проинформировать, наша пресс-конференция напрямую транслируется в сети Интернет. Прошу вас, коллеги.

ВОПРОС.

Какова будет судьба кредитов МВФ в случае, если Россия глубоко вяжется в конфликт в Югославии?

ШОХИН А.Н. Если Россия начнет себя вести неадекватно, применяя меры военного характера, меры, связанные с симметричным нарушением международного права, то, безусловно, ни о каком продолжении переговоров или по крайней мере об эффективности их завершения речи идти не может. Более того, в случае такого разведения, что ли, участников переговоров по разные стороны баррикад я не исключаю, что будет реализован самый худший вариант договоренностей и по МВФ, и по клубам кредиторов (Парижскому и Лондонскому).

Есть очень много вариантов, в частности существует вариант полного списания советских долгов. В условиях конфронтации и нового витка холодной войны вряд ли будут реализованы такие продвинутые схемы. Будут реализованы самые осторожные подходы. В частности, предоставление кредитов в объеме, не превышающем потребностей России на рефинансирование собственных российских долгов — речь идет о еврооблигациях и о кредитах международных финансовых организаций, имея в виду, что по остальным кредитам Россия будет выкручиваться самостоятельно. Так что не желательно России идти на обострение. Я думаю, что Евгений Примаков сделает сегодня на заседании правительства заявление, что Россия будет участвовать в косовском кризисе не в рамках изоляционистской позиции, а сохраняя себя как страну, открытую к международному финансово-экономическому и политическому сотрудничеству.

Это будет явный сигнал, что Россия в условиях нынешней политической конъюнктуры не будет добиваться соглашения с МВФ с худшим с финансовой точки зрения для нее результатом. Я думаю, что Россия, фиксируя свою жесткую позицию, все-таки будет обходиться не только набором дипломатических демаршей, но и предложениями по посредничеству в переговорах с Сербией.

На мой взгляд, лучший вариант выхода из этого кризиса состоял бы в том, что именно Россия нашла выход из этого тупика, предложив его и Сербии, и НАТО, и Совету Безопасности ООН. Для этого нужна, естественно, какая-то передышка в бомбардировках. Было бы неправильно, если бы НАТО, нанеся первый удар, использовало дневную передышку лишь для разведывания и нанесло бы очередной удар ночью и так бы действовало до тех пор, пока Милошевич не капитулировал бы.

Эта схема, на мой взгляд, неэффективна. Думаю, что сейчас именно России надо выходить на авансцену, на передний край, не только для демонстраций негативного характера (акции типа отзыва военного представителя из НАТО, замораживание всех программ по линии "Партнерство ради мира" и по линии основополагающего акта между Россией и НАТО), но и для предложения конкретных механизмов урегулирования. Я не исключаю, что, если бы, подобно тому как Евгений Примаков в период "Бури в пустыне" залетал в Багдад, он сейчас залетел в Белград (можно было бы на обратном пути, после петли над Атлантикой), кстати, это было бы наиболее изящным оправданием поворота в воздухе, который Григорий Явлинский назвал чкаловским.

Вполне возможным было бы и оттянуть бомбардировки, и найти содержательный вариант урегулирования. Трудно, конечно, призывать в условиях фактически объявленной войны кого-то лететь на место событий, но тем не менее можно было бы и сейчас попробовать добиваться отсрочки второго этапа бомбардировок для использования передышки для давления на Белград, давления на НАТО и поиска компромисса. Россия, сыграв здесь миротворческую функцию, восстановила бы лицо великой державы. Спасибо.

ВОПРОС.

Как вы оцениваете ход переговоров с МВФ — где удалось выйти на компромиссы, где остались препятствия?

ШОХИН А.Н. Во время последней миссии Беланже в Москву комментарии членов переговорной делегации были весьма осторожны. Высказывание Юрия Маслюкова самое оптимистическое из тех, которые делались. Известно, что Юрий Маслюков считает, что то, что не сделано переговорщиками и им самим, может быть доделано Примаковым и Ельциным.

Расчет в принципе оправданный, поскольку раньше работали именно по такой схеме. Виктор Степанович приглашал Мишеля Камдессю и на охоту, и на неформальные ужины и так далее и дождался, что называется, а если надо, то Борис Николаевич использовал "телефонное право", обзванивая президентов "семерки". Но сейчас ситуация несколько иная. Ведь начиная с августа МВФ резко изменил тактику ведения переговоров. Если раньше было достаточно согласования программы, которую, с одной стороны, подписывали Центральный банк и правительство России, а с другой стороны, одобрял совет директоров МВФ, давая под нее соответствующие кредиты, то МВФ начал требовать одобрения этой программы в парламенте, считая, что только это защитит МВФ от тех срывов реализации программы, которые постоянно имели место ранее. Последняя миссия Мартеса Руарте в Москву фиксировала именно эту позицию — программа должна быть представлена в Государственную Думу в виде поправок и корректировок к закону о федеральном бюджете, тем более что по итогам первого квартала правительство имеет право пересмотреть бюджет, поскольку соответствующая статья в законе о бюджете присутствует.

Я считаю, что главный компромисс, который мог бы быть достигнут, — это то, что новая миссия МВФ согласилась пока эту жесткую технологию не применять, они будут довольствоваться программой, которая будет подписана председателем правительства и председателем Центрального банка без одобрения ее в Государственной Думе в форме обновленного закона о бюджете. В пользу этого сценария говорят и некоторые комментарии членов правительства. В частности, Михаил Задорнов, министр финансов, заявил, что не надо корректировать бюджет, поскольку инфляция в марте будет на уровне 3 процентов с "хвостиком", а это вписывается в параметры, заложенные в бюджет, в параметры денежной программы и так далее.

Это уже был сигнал, что, видимо, компромисс по этой позиции достигнут, и если удастся по ключевым вопросам добиться компромисса, провести корректировки отдельных параметров финансово-экономической политики через закон, все остальное — дело техники. Многие уже удалось правительству. Так удалось снизить планку, установленную МВФ на переговорах, которая существовала с сентября. Первичный профицит должен быть 3,5—4 процента. Известно, что во время последней миссии Мартеса Руарте МВФ обнулил наш профицит в 1,64, считая, что в бюджет заложены нереальные доходы. Министерству финансов удалось отстоять часть из этой цифры первичного профицита, и поэтому вполне возможно, что вместо 3—4 процентов первичного профицита можно сойтись на цифре 2 или около того. Существенный вопрос — дата снижения налога на добавленную стоимость. Поскольку правительство просило Государственную Думу перенести дату введения новых ставок на первое января следующего года, очевидно, что оно взяло на себя это обязательство перед МВФ. Правда, обе палаты парламента проигнорировали эту просьбу правительства, и сейчас два варианта: либо президент ветирует закон об НДС, либо будет использована схема, которую предложил Георгий Боос, выступая в Совете Федерации: если у нас будет недобор налогов, то мы примем поправку и перенесем дату его введения с первого июня на первое января следующего года.

Существенными являются вопросы, связанные с реорганизацией естественных монополий. Много было в прессе информации о том, что российское правительство решилось на радикальные реорганизации, и прежде всего в "Газпроме" и РАО "ЕЭС", и что именно это якобы перевесило другие недоработки по чисто бюджетно-финансовому и налоговому вопросам. Если это так, то вполне возможно, что Юрий Дмитриевич Маслюков прав, высказывая оптимизм.

Если все эти договоренности были достигнуты в рамках миссии Беланже, они далее должны получить подтверждение на политическом уровне в рамках встречи Камдессю — Примаков. Тот факт, что эта встреча состоится в ближайший уик-энд, может означать и то, что Камдессю едет в Москву фиксировать эти договоренности. Но в то же время, кроме самого факта достижения соглашения с МВФ, для России ключевой является формула мониторинга и контроля за выделением кредита. Я уже

говорил, что могут быть предложены ежемесячный мониторинг и дробное (свойственное обычно больным язвенной болезнью) кормление через предоставление мелких траншей кредита. Возможно и предоставление кредитов в меньшем объеме, нежели заложено в бюджет и нужно для рефинансирования долга перед МВФ, с тем чтобы продолжать добиваться от российского правительства исполнения тех обязательств, которые оно на себя возьмет в рамках этой программы.

ВОПРОС.

Зависят ли результаты переговоров от их места? Насколько важен факт приезда Камдессю в Москву?

ШОХИН А.Н. Безусловно, чем дальше от Москвы или Вашингтона будет проходить встреча Примакова и Камдессю, тем меньше шансов на хороший результат переговоров. А факт встречи в Вашингтоне или в Москве означает, что не только состоится выход на политическое решение, но могут быть и продвинутые переговоры на экспертном уровне, с подключением всех ведомств и может быть сделан, кроме всего прочего, существенный шаг к подготовке согласованной программы, которая может быть вынесена на совет директоров фонда. Но пока мнения расходятся. "Коммерсант Дейли" сообщает, что где-то в нейтральном месте состоится эта встреча, другие источники говорят, что Камдессю готов прилететь в Москву. Сегодня на заседании правительства Евгений Примаков сослался именно на эту версию событий, поэтому будем исходить из того, что Мишель Камдессю не обиделся, когда, сократив свою большую поездку по Азии, вернулся в Вашингтон и не застал там Евгения Максимовича, ради которого сократил поездку по ряду стран. Тот факт, что он приезжает в рамках уик-энда, означает, что у него рабочего времени не нашлось, чтобы его еще раз выкроить из своего графика, и он готов пожертвовать своим отдыхом, что, вообще-то, у западников не очень-то принято. Стало быть, если он жертвует своим уик-эндом в Вашингтоне, то будем надеяться, что не только для того, чтобы сходить на охоту в Подмосковье, а всетаки для того, чтобы добиться результата, хотя и первый вариант не исключен. Тем более что Борис Николаевич в "Завидово" сейчас может пригласить.

ВОПРОС.

А не может ли Россия, воспользовавшись обострением международной обстановки, перестать платить по долгам?

ШОХИН А.Н. В условиях военных действий в Югославии немного нужно усилий, чтобы превратить нынешнюю сложную международную обстановку в обстановку холодной войны. Даже я, относительно молодой человек, помню с малолетства ситуацию кубинского кризиса, когда в Москве были учебные сирены воздушной тревоги и тренировки по использованию бомбоубежищ на случай атомной атаки. Легко довести нынешнюю международную ситуацию до обострения и в этих условиях объявить дефолт по внешним долгам России. В условиях холодной войны, когда железный занавес сам как бы опускается и разделительные линии появляются, какой смысл платить по долгам? Будь то советские долги, или российские евробонды, или займы от МВФ. Это самый мрачный вариант, и не хотелось бы, чтобы, желая сэкономить на бюджетных расходах, Россия прибегала к таким способам, как реставрация уже ушедшего в прошлое типа международных отношений, а может быть, реставрация политической и социально-экономической системы в России, поэтому я думаю, что этот вариант вряд ли будет использован.

Но в то же время будет трудно в условиях обострения международной ситуации использовать те методы, которые я предлагал еще две-три недели назад. Я предлагал не ждать окончания переговоров с МВФ, но, ведя эти переговоры, независимо от сроков достижения результатов поставить вопрос перед "семеркой", которая собирается в конце июня в Германии, в Кельне, о списании советских долгов. Я одно время работал шерпой Президента Ельцина, будучи его личным представителем на переговорах в рамках "восьмерки". Я знаю, что очень трудно пробивать любой вопрос в повестку дня этого саммита, если он не представлен раньше апреля, просто такие инициативы не попадают в повестку дня. Мне в 94-м году, например, пришлось в ультимативной форме требовать включения наших пунктов в повестку дня. Я даже блефовал, говоря, что, если этих вопросов не будет, Ельцин не приедет на встречу "восьмерки". Слава Богу, мне удалось убедить шерп других государств, а то меня, скорее всего, сняли бы с работы раньше времени, ведь Борис Николаевич не был в курсе, что он может не поехать на саммит "восьмерки". Поэтому уже заранее было бы важно вбросить целый ряд инициатив. Самая важная

для России инициатива — это списание советских долгов в объеме обязательств перед бывшим Советским Союзом третьих стран.

Вы знаете, что долги перед бывшим СССР по номиналу, составляющие около 150 миллиардов долларов, при нашем вступлении в Парижский клуб в сентябре 1997 года были очень существенно дисконтированы. Сейчас они составляют, по оценкам, около 50 миллиардов долларов, после этого еще дополнительно должны будут быть реструктурированы и списаны по тем формулам, которые использует Парижский клуб для беднейших стран. Как правило, наши должники — это слаборазвитые страны, с большим бременем внешней задолженности. И если иметь в виду, что в июне в Кельне будет обсуждаться инициатива, предложенная Клинтонем о списании всех долгов слаборазвитым странам по кредитам, предоставленным на льготных условиях членами Парижского клуба, и о списании 90 процентов всех прочих кредитов, то легко прикинуть, что мы получим из этих 50 миллиардов долларов, дай Бог, столько миллиардов долларов, сколько у нас пальцев на одной руке. Поэтому ничего страшного, что мы во взаимозачет могли бы эти наши финансовые активы пустить с нашими долгами, не только не будет, но это хорошее прикрытие для того, чтобы договориться об очень льготной схеме списания долгов бывшего СССР.

Это, конечно, не снимет бремя собственно российских долгов, но это более чем "ополовинивание" 150 миллиардов долларов долгов, которые сейчас имеет Россия. Большой частью, две трети, это советские долги. Кстати, сейчас уже можно смело начинать переговоры о реструктуризации так называемых взбавон — долгов по внутреннему валютному займу. Они ничем не отличаются от ГКО. Если держателям валютных бумаг по внутреннему долгу будут предложены хорошие условия, в частности, инвестиционного порядка, связанные с прямыми инвестициями, то без всяких инфляционных последствий мы могли бы конвертировать весь третий транш государственного внутреннего валютного займа в прямые инвестиции. Меры по уменьшению долга, по списанию реструктуризации, конверсии в инвестиции, в собственность и так далее — все эти схемы надо запускать немедленно. МВФ к ним косвенно причастен. В частности, схема взаимозачета, или свопа, как говорят финансисты и банкиры, долгов России, унаследованных от СССР, и финансовых активов бывшего СССР — эта схема политическая. Конечно, ее можно реализовать лишь в условиях, когда нет железного занавеса и Россия не пытается выйти из режима санкций по Югославии, если Россия не размещает свои тактические боеголовки на территории Беларуси и так далее. Но я считаю, что этого не надо делать, даже если у нас не было бы никаких финансовых проблем с тем же МВФ и кредиторами. Так что главное — не паниковать и запускать те схемы, которые могут привести к какому-то результату уже к маю, июню.

Я напомним, что у нас на второй квартал приходится пик платежей по внешнему долгу на этот год. Нам важно к этому времени не столько заплатить или списать и реструктурировать эти долги, сколько войти в режим консультаций и переговоров. Я напомним, что мы вели переговоры по реструктуризации долгов бывшего СССР с осени 1991 года. Первое соглашение с Парижским клубом мы подписали в 1993 году, и все это время получали на период ведения переговоров отсрочки от кредиторов. По Лондонскому клубу в течение шести лет мы получали такие отсрочки, причем каждая отсрочка давалась на 90 дней. Но их давали кредиторы, мы не сами объявляли дефолт по платежам. Выйти на такой режим существенно важно сейчас, и осуществлять такой выход лучше на основе внятной экономической программы и не выходящего за рамки цивилизованного поведения России в косовском урегулировании.

ВОПРОС.

Вы сказали о консолидации властей в связи с событиями в Югославии. Значит ли это, что слухи об отставке правительства и роспуске Думы не имеют под собой оснований?

^ ШОХИН А.Н. Я не случайно упомянул в своем вступительном слове, что не исключено, что коммунисты снимут с повестки дня вопрос об импичменте Президенту Ельцину и не будут настойчиво повторять тезис, что перед подписанием соглашения о гражданском мире надо отправить президента в отставку. Если этого не произойдет, если консолидация политических сил и ветвей власти в связи с югославским кризисом будет происходить за счет Президента Ельцина, то легко спрогнозировать адекватные меры с его стороны. Эти адекватные меры могут включать роспуск Государственной Думы, причем этот роспуск может

случиться даже до 15 апреля. Конечно, распустить до 15 апреля Думу уже невозможно на конституционных основаниях, но можно начать процесс формирования нового правительства, отправив до дня голосования импичмента в Думе нынешнее правительство в отставку. Если правительство будет отставлено до 15 апреля и начнется процедура согласования кандидатуры премьера через трехкратное обсуждение кандидатуры в Государственной Думе (напомню, что Конституционный Суд разрешил президенту представлять три раза одну и ту же кандидатуру), то можно добиться роспуска Думы, представив неприемлемую для нее кандидатуру. Не помешает ли роспуску голосование по импичменту? Вообще, не очень понятно, как разрешать коллизию двух статей Конституции, одна из которых позволяет распустить Думу в случае трехкратного отклонения кандидата в премьеры, процедура которого будет запущена до голосования по импичменту, а вторая статья запрещает распустить Думу в случае, если она принимает положительное решение об импичменте президента. Опять придется обращаться в Конституционный Суд. Но пока Конституционный Суд примет к рассмотрению этот вопрос и рассмотрит его в порядке поступления, глядишь и осень наступит. За этот период можно будет президенту использовать свое право роспуска Думы в случае трехкратного отклонения, поскольку эта процедура пошла первой. Вполне возможный сценарий, хотя я его чисто гипотетически рисую. Адекватные меры могут быть не только по отношению к НАТО, но и по отношению к тем, кто в этих сложных условиях не хочет консолидироваться с президентом.

ВОПРОС.

Какова в этой связи перспектива возвращения Виктора Степановича?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, история, как говорят, один раз повторяется как, помните, трагедия, потом как фарс. Поэтому не знаю, стоит ли Виктору Степановичу примерять эту народную мудрость на себя. Я считаю, что было бы правильно сейчас Виктора Степановича Черномырдина втянуть в государственное управление: после отставки Бардюжи с двух постов я, честно говоря, ждал приглашения Виктора Степановича на один из вакантных постов — руководителя администрации или секретаря Со-вбеза (один из них еще вакантен). Виктор Степанович — человек деятельный, ему явно скучны функции публичного политика. Он очень хорошо себя показал, съездив в Вашингтон и продемонстрировав, что он может договариваться — "есть еще порох в пороховницах". Безусловно, определенная динамика и действенность того же Совета безопасности могут быть созданы, если такого рода человек появится в роли секретаря Совета безопасности.

Вы знаете, что, после того как Борис Николаевич немного отошел от текучки (назовем это так) и перестал регулярно собирать Совет безопасности, мы потеряли конституционную законную возможность функционирования этого органа не как аппарата, а как именно Совета безопасности, которая прописана в Конституции. Появилось какое-то образование под названием совещание членов Совета безопасности. Они собирались у Бардюжи, обсуждали какой-то вопрос, потом Бардюжа докладывал живьем или в письменном виде президенту, о чем они поговорили. Это происходит из-за того, что секретарь Совета безопасности — чиновник. Пусть умный, высокопоставленный, но чиновник. Если там оказывается политик с весом, не менее третьего человека в государстве (Виктор Степанович согласился бы на третьего пойти), третьего после президента и премьера, то в принципе эти совещания Совета безопасности могли бы естественным путем получить статус заседаний Совета безопасности. Президент каждый раз в отдельном случае специальным указом мог бы определить, что в его отсутствие председательствует на Совете безопасности секретарь Совета безопасности. Но это возможно, если эту должность занимает очень авторитетный человек, который своим авторитетом может убедить и силовиков, и других постоянных членов Совета безопасности. Было бы правильно, если бы оба спикера парламента стали постоянными членами Совета безопасности, активно участвуя в выработке стратегических решений. Поэтому Виктор Степанович — один из тех людей, кто бы мог занять эту нишу третьего в российской иерархии. Но кого хочет Борис Николаевич видеть сейчас на этом посту — лояльных чиновников либо политиков, я не знаю.

ВОПРОС.

Что Россия должна предпринять в Югославии, с вашей точки зрения?

ШОХИН А.Н. Российская сторона сейчас пытается остановить агрессию как таковую. Если бы у российской дипломатии, у российских военных был бы

конкретный сценарий урегулирования в этих (уже осложнившихся) условиях, то остановить войну можно было бы, предложив свои посреднические услуги. Это значит, что и Иванов, и Сергеев, и, может быть, Примаков должны были встречаться с Милошевичем, с Холбруком, со всеми посредниками, которые в последнее время активно работали на этом направлении, и выступать в роли главных миротворцев. Но коль скоро наши подготовительные мероприятия в основном связаны с подготовкой списка ответных мер, начиная от замораживания отношений с НАТО и кончая секретным списком более продвинутых мер, на которые намекает и президент, а средства массовой информации услужливо подсказывают, что это за меры, ссылаясь, естественно, на свои источники, в этих условиях очень трудно реализовать схему посредничества.

У нас практически, кроме элемента давлений через Совет Безопасности ООН и элемента шантажа через военные меры и выход из режима санкций, нет политических технологий. Нам надо было бы четко объяснить тому же Милошевичу, югославским братьям, какой тип урегулирования договора мы поддержим. Мы поддерживали политический договор широкой автономии в рамках единой Сербии для Косово. Сербы боятся, что широкая автономия, включающая самостоятельные полицейские силы, — это шаг к отделению. Где предел автономии, надо ли восстановить ту, которая была отменена в 80-е годы, либо новый какой-то тип автономии создать, который устроит и Сербию, и Косово. Надо выработать самим эту конструкцию и принуждать обе стороны идти на компромисс. У нас пока здесь активных позиций я не просматриваю, более того, когда сербы отказались политическое соглашение подписывать, не согласившись с конкретной схемой предоставления автономии, мы конкретно ведь не оценили этот поступок, не сказали, правы они или не правы, а просто высказали сожаление, что не получилось подписать политический договор и перейти к военному соглашению. Схема у наших дипломатов была правильная, но, на мой взгляд, она не имела публичного эффекта, в том числе и на Совет Безопасности, на ОБСЕ, на Совет Европы.

Я целый прошлый год как глава российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы каждое заседание, будь то пленарные заседания (четыре раза в год они собираются), будь то заседание международного комитета, политического комитета, участвовал в обсуждении, косовская проблема — она все время значилась в повестках дня. Российской делегации удалось ввести в оборот всех европейских структур понятие автономии, широкой автономии в рамках Сербии. Даже само слово "самоуправление" выкинули оттуда, потому что оно давало возможность толковать Косово как самоуправляющуюся независимо от Белграда территорию. Надо было за этот год (а было ясно и год назад, что может кончиться военным конфликтом) с участием наших партнеров выработать четкую конструкцию, на которую мы подталкивали бы и Белград, которую бы отстаивали перед НАТО и Советом Безопасности, ОБСЕ и так далее. Мы здесь, конечно, вяловато себя, прямо скажем, вели, и сейчас надо наверстывать упущенное, а не ограничиваться грозными заявлениями.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Есть ли уверенность, что кредиты МВФ реально направляются на построение рыночной экономики России, а не на поддержание "нужного" баланса политических сил в стране?

ШОХИН А.Н. Коль скоро мы обсуждаем проблему МВФ вместе с югославской тематикой, я хотел бы напомнить участникам пресс-конференции, что есть одна бывшая республика Югославии — Словения, которая очень быстро согласовала все программы с МВФ, но ни одного цента до сих пор не взяла. Никто не заставляет брать кредиты. Мы берем кредиты, латая дыры в бюджете. Кредиты МВФ и большая часть кредитов Всемирного банка — это бюджетозамещающие кредиты, они попадают в бюджетную бочку, которая, к сожалению, оказывается бездонной либо с пробитым днищем, и исчезают в общей нашей неразберихе, которая связана и с отсутствием контроля, и с коррупцией. Многие кредиты пропадают из-за того, что, как это ни странно покажется, мы плохо выполняем требования Международного валютного фонда. МВФ чаще всего требует улучшить собираемость налогов. Международный валютный фонд, например, во время последней миссии потребовал увеличить социальные выплаты. Мотив известен. Дефлятор, заложенный в прогноз бюджета, — полтора раза, и именно на величину дефлятора увеличиваются все зарплаты и социальные выплаты. МВФ пришел к

выводу, что это компенсирует только инфляцию прошлого года. Инфляцию нынешнего года, которая будет явно больше 30 процентов, это никак не компенсирует. Стало быть, нужно найти дополнительные доходы, чтобы реально повысить зарплату бюджетным работникам, пенсии пенсионерам и так далее. Неожиданный подход — мы против этого, у нас денег сейчас нет. МВФ говорит, давайте вместе найдем, в частности, они предлагают меры, которые рыночными никогда не считали, например увеличение экспортных пошлин. В 1995 году под большим нажимом МВФ и Всемирного банка российское правительство отменило экспортные пошлины. Был большой скандал в Думе, как сейчас помню, что мы в середине года отменили экспортные пошлины, которые были подсчитаны в бюджете. МВФ давил, мы сопротивлялись. Сейчас ситуация прямо противоположная. МВФ говорит: если других легкособираемых налогов найти нельзя, вводите экспортную пошлину на нефть, на другие экспортные товары. Наш контраргумент понятен: ситуация на мировых рынках нефти тяжелая, поэтому, если мы введем экспортные пошлины, нефтяная промышленность будет разорена. Нашли подход — экспортная пошлина вводится, но отменяется в случае, если мировые цены на нефть падают ниже определенного уровня. Речь идет, еще раз подчеркну, о том, чтобы получить в бюджет доходы, которые будут потрачены на те цели, которые прописаны в бюджете.

Мы, действительно, не все деньги тратили на те цели, ради которых и привлекали эти кредиты. В итоге обслуживание этих долгов идет за счет привлечения новых кредитов. Эта самая ужасная схема — долговая ловушка. Не подняв свою экономику, не истратив эти кредиты на реальные рыночные структурные и институциональные реформы, мы вынуждены выплачивать эти долги за счет привлечения новых займов. Этот гордиев узел надо, безусловно, рубить, поэтому и нужен профицит бюджета. Мы должны сами себе поставить задачу — вернуть долги за счет собственных доходов, за счет налогов. Но поскольку все долги мы вернуть за счет этих средств не можем, надо списать хотя бы советские долги и начинать жить по средствам.

ВОПРОС.

Ваш прогноз по курсу рубля?

ШОХИН А.Н. Рубль ведет себя в основном в ожидании результатов переговоров с МВФ. Как только самолет Примакова сделал мертвую петлю в воздухе над Атлантикой, сразу рубль последовал, можно сказать, по этой же траектории и стал падать, поскольку у участников рынка появилось ощущение, что договоренностям с МВФ уже ничего не светит и на них можно поставить крест. С другой стороны, поскольку сейчас явно ситуация выправляется, все сходятся на мысли, что ничего страшного с точки зрения достижения договоренностей с МВФ не произошло, рубль начинает стабилизироваться. Я не хотел бы присоединяться к оценкам, что истинная цена доллара от 18 до 20 рублей где-то, а то, что сверх того, — это от лукавого и от психологических каких-то переживаний участников рынка.

К сожалению, в рыночных условиях паника имеет психологические причины, а кончается такими потрясениями, из которых потом годы выходить приходится. Тем не менее я думаю, что сейчас явно приостановится падение рубля, он где-то будет в коридоре 24—25 рублей за доллар, и дальше все будет зависеть от курса властей (будет ли возврат к холодной войне) и от динамики переговоров с МВФ. Если переговоры пройдут успешно и в мае—июне формально и официально нам не объявят дефолт, то все обойдется, хотя живем фактически в дефолте с конца прошлого года. Во-первых, мы в августе объявили дефолт по внутреннему долгу, во-вторых, в декабре фактически оказались в дефолте по внешнему долгу, перестав платить по советским долгам Парижскому и Лондонскому клубам в полном объеме. В мае нам придется либо объявлять официальный дефолт, либо мы из него выскальзываем. Скорее всего, выскользнем. У меня такое ощущение, что основные участники рынка все-таки ориентируются на эту вялотекущую переговорную ситуацию, но которая должна закончиться с положительным результатом. Я думаю, к концу апреля — началу мая появится возможность новые вводные включить в прогноз, а в течение апреля будет слабая девальвация рубля, но без больших скачков, опять-таки если не произойдет каких-то апокалипсических внутривнутриполитических и внешнеполитических событий. Ясно, что такие вещи, как отставка правительства или импичмент президенту, глобализация косовского конфликта, — это настолько серьезные и трудно предсказуемые факторы, что их пока лучше не включать в расчет.

Спасибо.

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС И КРИЗИС В РОССИИ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ШОХИНА А.Н. В РЕДАКЦИИ ИЗДАНИЯ "АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ",
5 АПРЕЛЯ 1999 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Во вступительном слове я обращаю внимание лишь на некоторые аспекты поставленных в тему пресс-конференции вопросов. Сначала — о балканском кризисе.

Не нужно, видимо, доказывать, что в результате акции НАТО не достигнуто главной цели, ради которой предпринимались соответствующие шаги, более того, именно эта акция спровоцировала ту гуманитарную катастрофу, которая, по замыслу Соединенных Штатов, их союзников по Североатлантическому альянсу, должна быть предотвращена. Я хотел бы обратить внимание на анализ возможных действий альянса в нынешней почти тупиковой ситуации. Очевидно, что продолжение бомбардировок никоим образом не сможет подвинуть Милошевича и Югославию, не только официальные власти Югославии, но и народ Югославии на капитуляцию, на принятие условий альянса. В равной степени трудно ожидать, что НАТО придет к выводу о провале ракетно-бомбовых схем урегулирования и принуждения Югославии к переговорам силой, принуждения к миру, как это раньше называлось, и начнет все сначала. Стало быть, только на основе каких-то новых схем, новых технологий возможно урегулирование. Я пытался построить некоторые сценарии возможного поведения НАТО и пришел к выводу, что нельзя исключать следующего варианта поведения. Первое — это изоляция Югославии, причем территориальная изоляция. Не исключено провоцирование отделения Черногории от Югославии, об этом свидетельствуют и факты о якобы готовившемся государственном перевороте по смещению президента Джукановича, которые оказались в распоряжении министерства обороны Великобритании, и некоторые намеки на то, что Запад не допустит такого переворота. Об этом также свидетельствует и взрыв железной дороги, соединяющей Черногорию и Сербию. Нельзя исключать, что в ближайшее время в той или иной форме возникнет конфликт между Сербией и Черногорией, который может привести к требованию со стороны Черногории о выходе из союзной Республики Югославии. Если это случится, то Югославия территориально оказывается в кольце — без выхода к Адриатическому морю, и все наши намерения оказать силовое давление своим военным присутствием в Адриатике через посылку эскадры в составе разведывательных кораблей или, может быть, других кораблей уже с боеголовками на борту вряд ли будут иметь в этой ситуации большой смысл. Еще одна возможная схема поведения союзников — это расчленение Косово. Известно, что исторический край Косово — это не вся его территория, а в основном территория Косовского поля, где шестьсот с лишнем лет назад состоялось известное историческое сражение между сербскими и турецкими войсками. Там же находятся десятки православных монастырей, и не исключено, что в случае наземной операции натовских сил они будут размещаться не на всей территории края Косово, а лишь на части примыкающей к Албании Македонии, а не к Сербии, где России может быть предложен свой сектор. Это, конечно, гипотезы, но, на мой взгляд, они не лишены оснований, поскольку натовским стратегам сейчас приходится придумывать такие варианты действий, которые позволили бы им выйти из тупика, позволили бы им не только искать оправдания своей акции, я еще раз повторю, которая во многом спровоцировала гуманитарную катастрофу, связанную с массовым исходом беженцев из Косово в соседние государства, но позволили бы сохранить лицо блока НАТО, который вчера формально отметил пятидесятилетие своего создания. Странам НАТО явно захочется добиться какого-то результата хотя бы в собственных глазах. Такого рода действия НАТО мы уже привыкли осуждать как акты агрессии, и те сценарии, о которых я говорю, в случае их реализации тоже могут рассматриваться таким же образом, но тем не менее России, которая занимает достаточно жесткую позицию в отношении НАТО (и не без основания), нужно выработать позитивную программу урегулирования косовской проблемы,

югославской проблемы в целом. Не только призывать к прекращению бомбардировок и к началу мирных переговоров, но и выработать поэтапный план, выработать свое четкое представление о послевоенном устройстве Югославии, о пределах автономии и о технологической схеме реализации этой автономии Косово, которая может быть достигнута в результате переговоров, включая и вариант раздела Косово на сектора. Без такого рода позитивной программы действий, конечно, трудно продвигать участников конфликта в этом направлении. И в частности, трудно воздействовать на Белград, на администрацию Милошевича. Мы не должны, естественно, закрывать глаза на то, что имеют место многочисленные факты депортации албанского населения — косоваров с территории края. Осуждая агрессивную политику НАТО, мы должны все-таки подвигать и югославское руководство к адекватным действиям на собственной территории, территории собственного государства. Я думаю, что вот такая программа действий должна быть обнародована, чтобы было ясно, что Россия не просто, так сказать, реагирует на ситуацию, на события, но и реализует некую собственную программу действий.

Если говорить о воздействии югославского конфликта на внутривнутриполитическую и внутриэкономическую ситуацию, то, во-первых, следует сказать о некоей консолидации властей между собой, с одной стороны, и властей и общества, с другой стороны, на почве антизападных настроений, антинаатовских настроений. Буквально через десять дней мы увидим, как далеко простирается эта патриотическая консолидация, я имею в виду голосование импичмента Президенту Ельцину. Существует много высказываний известных политиков, что в условиях международного конфликта, который имеет склонность к сползанию к глобальному конфликту, нельзя подрывать престиж страны, голосуя импичмент верховному главнокомандующему. Тем не менее коммунисты всерьез обсуждают этот вопрос. Буквально сегодня состоялось заседание комиссии по пересмотру Регламента Государственной Думы, с тем чтобы иметь возможность открытого голосования по импичменту, в то время как нынешний Регламент допускает лишь тайное голосование. Я хочу напомнить, что год назад, когда голосовался вопрос о даче согласия на назначение председателя правительства, коммунисты инициировали также изменение Регламента и заменили статью Регламента, которая требовала только тайного голосования по кандидатуре премьера, на статью, которая допускала и открытое голосование. То есть в ходе начавшегося процесса голосования менялся Регламент, подстраивался под политическую конъюнктуру. Сейчас мы наблюдаем ровно такой же процесс. С одной стороны, это, видимо, связано с желанием партийных боссов проконтролировать поведение своих рядовых членов, с тем чтобы они выражали лояльность вождям, голосуя так, как им будет сказано, то есть солидарное голосование должно быть обеспечено. А с другой стороны, нельзя исключать и того, что коммунисты, меняя процедуру рассмотрения этого судьбоносного для любой страны вопроса — вопроса об импичменте главе государства, хотят сделать все для того, чтобы импичмент не состоялся как завершенная процедура. Я хочу напомнить, что кроме Государственной Думы и Совета Федерации в процедуре импичмента участвуют два высших суда — Конституционный Суд и Верховный Суд России. Верховный Суд должен дать заключение по существу обвинения об их соответствии Конституции и действующему законодательству, а Конституционный Суд должен дать заключение, что все процедурные и регламентные нормы соответствуют Конституции и действующему законодательству. Так вот, есть веские основания считать, что Дума изменит процедуру голосования и введет режим открытого голосования в ходе уже идущей процедуры импичмента — уже после того, как вопрос включен в повестку дня на 15 апреля. Эта акция делается для того, чтобы Конституционному Суду дать возможность считать процедуру нарушенной. Если вдруг Дума проголосует все пять статей обвинения либо один чеченский пункт и дело об импичменте выйдет проголосованным из стен Государственной Думы, то легко таким образом не дать ему дойти до конца. То есть задача — подорвать положение президента и власти в целом, но не вести дело к роспуску, к отставке президента или к возможному роспуску Думы после завершения процедуры импичмента. Я уверен, что этот аргумент имеет место, хотя вслух его никто не высказывает. В ближайшие дни достаточно много событий случится, которые могут так или иначе повлиять на настроение депутатов Государственной Думы. Похожие события будут происходить в Совете Федерации, и в частности это вторичное голосование по предложению

президента отстранить Юрия Скуратова от должности Генерального прокурора. У меня такое ощущение, что на этот раз у Совета Федерации больше шансов проголосовать за отстранение Юрия Скуратова от должности Генерального прокурора. 17 марта сенаторам было предложено голосовать по факту, отраженному на известной видеокассете, где "аморалку шили" Генеральному прокурору. У сенаторов не поднялась тогда рука бросить камень (сейчас библейский аргумент уместно в Страстную неделю вспоминать). Сейчас аргументов гораздо больше, и речь идет о том, что Генеральный прокурор пользовался услугами дам известной профессии, которые оплачивались подследственными людьми, причем следствие вела Генеральная прокуратура. Это серьезное обвинение, безусловно, и тот факт, что Генеральный прокурор был не в курсе, кому принадлежит квартира, кто оплачивает соответствующие услуги, не является основанием для освобождения от соответствующего наказания за этот проступок. Поэтому я думаю, что новая аргументация может повлиять на сенаторов, тем более что президент дал им понять, что он не будет навязывать новую кандидатуру, а даст возможность сенаторам самим определиться с кандидатурой нового Генерального прокурора. Если сенаторы из своих рядов найдут такого кандидата, президент, я думаю, поддержит эту инициативу. Известно, что юристы в руководстве Совета Федерации есть, это вице-спикер Совета Федерации Владимир Платонов, председатель комитета Сергей Собянин, хотя только о такой возможной технологии замещения этого поста можно строить лишь гипотезы, тем не менее нельзя исключать и конкретно этих персон. Так что, я думаю, здесь у президента отношения с Советом Федерации наладятся, хотя мартовским голосованием Совет Федерации показал, что с ним нужно серьезнее работать. Он без достаточной аргументации не готов поддерживать инициативы президента, и это, видимо, урок президенту — более серьезно, кропотливо и взвешенно работать с руководителями регионов. Если у президента с Советом Федерации дело закончится полюбовно, это может повлиять, безусловно, и на поведение депутатов Государственной Думы при голосовании по импичменту — большинству депутатов Думы не захочется в этих условиях раскалывать общество, хотя возможны и прямо противоположные действия со стороны коммунистов. Я бы здесь оценил ситуацию в пропорции 50 на 50. В любом случае, еще раз подчеркну, процедура импичмента до конца не дойдет. Совет Федерации (и об этом уже заявил Егор Строев) не поддержит экзотические предложения нижней палаты, раскалывающей общество, но коммунистам, как я уже сказал, и не очень-то хочется доводить до импичмента, им важно продемонстрировать свою оппозиционность по отношению к президенту. Еще один важный сюжет — это предвыборные баталии, которые подспудно развиваются в виде партстроительства, в том числе и регионального партстроительства. Очевидно, что к маю определятся основные колонны, которыми пойдут политические партии на выборы. С левыми более-менее ясно. Вопрос о том, пойдет ли КПРФ единым списком либо разделится на две или на три части, хотя имеет значение, но в большей степени это имеет значение для самой КПРФ. То, что касается центристского и правоцентристского политического спектра, здесь более серьезно идут процессы (не хочу называть их тектоническими), но тем не менее именно от развития политических процессов на этой части политического спектра во многом будут зависеть результаты выборов. Здесь я хотел бы два слова сказать о региональной инициативе, которая получила название "Голос России". Я с конца прошлого года активно пропагандирую региональную политическую идею, с октября прошлого года предлагал "Нашему дому — Россия" трансформироваться в региональную партию, предложив руководящие посты лидерам регионов, которые еще с 1995 года входили в политсовет НДР. С этой идеей не согласились мои коллеги по движению, прежде всего лидер движения Виктор Степанович Черномырдин, поэтому начиная с декабря я активно обсуждал эту идею с некоторыми из губернаторов, и прежде всего с теми, кто входил в НДР, в частности с Константином Титовым. Как вы знаете, движение, вернее, избирательный блок под названием "Голос России" был недавно объявлен. Мне было предложено войти координатором штаба этого блока. Не буду скрывать, я отказался от этого предложения по нескольким причинам. Первая. Мне кажется, что региональный блок "Голос России" объявлен чуть раньше, чем следовало бы. Нужно было бы довести работу по вовлечению в этот блок региональных политических тяжеловесов до конца, в частности добиться выяснения позиций таких региональных лидеров, как Минтимер Шаймиев. Эта работа еще не доведена до конца, и очевидно, что

региональные тяжеловесы, они же и федеральные политики высокого ранга и влияния, не будут записываться в партию, которая неформально возглавляется одним из губернаторов, даже таким динамичным, как Константин Титов. Поэтому я не исключаю, что нужны будут объединительные действия, а чтобы объединиться, по Ленину, многим захочется размежеваться — не исключено появление конкурирующих региональных инициатив. Поскольку я выступаю за региональную политическую идею как таковую, не за конкретное движение "Голос России" в частности, не считал возможным входить в оргкомитет этого блока. Как пойдут события? Я считаю, что где-то в течение апреля—мая (если политическая ситуация накаляться не будет) можно ожидать инициатив со стороны региональных лидеров, которые не вошли в "Голос России", не вошли в "Отечество" или в другие политические партии. Только после этого на втором этапе возникнет потребность к объединению усилий у этих региональных лидеров. Региональных идей много быть не может, региональная идея должна быть одна, и эта идея не сепаратизма и учета интересов регионов в федеральной политике, а ответственность регионов за сохранение целостности федеративного государства, за оптимизацию соотношения власти центра и регионов. Поэтому, еще раз повторяюсь, региональных идей много быть не может. Кстати, региональную идею нельзя воспринимать как антимосковскую или антилужковскую, противостоящую "Отечеству". В идеале до выборов либо в рамках новой Государственной Думы движение "Отечество" и это новое региональное движение могли бы сформировать как минимум мягкую коалицию, которая могла бы предопределить и избрание ключевых людей на посты в Государственной Думе и договориться о едином кандидате в президенты. Процесс еще, что называется, в разгаре, и надо многое предпринять, чтобы новые инициативы были консолидирующими, а не ориентировались на того или иного лидера, не реализовывали идеологию вождистских партий и движений. Если говорить о перспективах взаимоотношений "Нашего дома — Россия" и "Голоса России", то следует отметить, что сейчас сложилась парадоксальная ситуация: Константин Титов, который, являясь неформальным лидером движения "Голос России", одновременно является и заместителем Черномырдина по НДР, как бы фиксирует подчиненное положение губернаторов, входящих в "Голос России" по отношению к НДР. Вряд ли эта двойственность может долго существовать. Поэтому Константину Титову придется не позже чем 24 апреля на съезде НДР добиться (меня, наверное, на съезд уже не пустят как диссидента, поэтому я этого сделать не смогу) того, что НДР заявит о своей готовности выступить одним из соучредителей регионального политического движения — "Голос России" ли это будет или другое. В противном случае Константину Титову придется выходить из руководящих органов НДР или из НДР, с тем чтобы этой двусмысленной субординации двух движений в глазах электората не появлялось. Так что здесь еще процессы размежевания будут идти. Хотя главное — не просто размежеваться, а договариваться о коалициях, договариваться о единстве действий в условиях довольно сложной политической и экономической ситуации.

ВОПРОС.

Если можно, немножко об экономической ситуации в связи с балканским кризисом и были ли какие-то условия получения Россией кредита от МВФ в связи с позицией России в этом кризисе?

ШОХИН А.Н. Если говорить о влиянии балканского кризиса на финансово-экономическую ситуацию в России, то в целом оно, как ни странно, оказалось положительным. Дело в том, что после начала бомбардировок Югославии, Косово, Белграда было бы невозможно для американской администрации, "семерки" выдвигать политические условия предоставления кредита. Кроме того, политические условия никогда в явном виде не предъявляются стране—реципиенту финансовой помощи. МВФ ведет переговоры на уровне согласования программы, финансово-экономической программы, которая называется "Совместные заявления правительства России и Центрального банка России". В этой программе только финансово-экономические сюжеты, такие, как первичный профицит бюджета, реструктуризация банковской системы, налоги и так далее, и так далее. Политические условия обычно могут просматриваться в позиции главных акционеров фонда — Соединенных Штатов ли, других старших акционеров, которые могут давать указания своим директорам при обсуждении этого вопроса на совете директоров МВФ выступать за или против предложенной экономической программы. И тогда российская экономическая дипломатия должна выяснять, что

имеется в виду. Только ли экономическая и финансовая проблематика либо за этим стоят какие-то политические условия. Они могут оказаться достаточно глубоко закопанными в переговорную материю. Я думаю, что политические условия, безусловно, имели место, и в частности лояльное по отношению к НАТО поведение России в связи с косовской проблемой, безусловно, подспудно было одним из главных, наверное, критериев предоставления помощи. Но еще раз подчеркну, поскольку бомбардировки начались, то было бессмысленно озвучивать эти требования. Они выглядели бы чрезмерно циничными. В этих условиях, на мой взгляд, союзники и американская администрация пошли принципиально иным путем — они сняли все политические ограничения и дали карт-бланш Мишелю Камдессю и Международному валютному фонду вести переговоры в рамках их собственного мандата. Договориться с МВФ — значит, будут деньги, не договориться, исходя из собственных требований к программам, национальным программам, которые кредитуются фондом, — тогда сама страна виновата. Вот это то положительное влияние косовского конфликта на финансово-экономическую ситуацию в России. На мой взгляд, если до бомбардировок могли присутствовать политические "conditionalities", то после начала бомбардировок они были сознательно сняты, чтобы у России не было возможности смешивать политику с экономической в процессе переговоров. Хотя в этой связи возникло много новых интересных сюжетов, в частности они были озвучены и вчера в дискуссии Козырева и Рущкого при обсуждении вопроса: "Должна ли Россия брать деньги у агрессора?" России, по сути, дают деньги, она берет, но жестко выступает против агрессора. То есть морально-этическая сторона этого вопроса оказалась совсем иной по сравнению с тем, что привыкли озвучивать многие политики. Вот нам диктуют какие-то политические условия, мы на них пойти не можем и поэтому денег не возьмем. А тут вдруг выясняется, что нам никаких политических условий не диктуют и возникает новый вопрос: а удобно ли в этих условиях брать деньги, не будет ли это аморально? Этот новый поворот пока что можно называть выигрышем в финансовой дипломатии Запада, мы здесь просто зажаты в угол и не можем позволить себе широкого жеста отказаться от денег, которые нам дают, хотя, наверное, теоретически можно было бы предложить и какие-то другие политические схемы.

ВОПРОС.

Скажите, а в том случае, если Россия окажет военную помощь Югославии, как будет развиваться кризис?

ШОХИН А.Н. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не осудил еще акцию НАТО. Пока не похоже на то, что он готов осудить, а когда китайский посол председательствовал на заседании Совета Безопасности, не появилось даже мягкой формы осуждения агрессии — заявления председателя, хотя Китай выступал против этой агрессии. Позиция генерального секретаря ООН еще более лояльна по отношению к НАТО и Соединенным Штатам, нежели в целом у Совета Безопасности. Поэтому если Россия начнет поставки оружия Югославии, выйдет из режима санкций, установленных Советом Безопасности ООН, то может оказаться сама под режимом санкций со всеми вытекающими отсюда последствиями. Насколько я понимаю, российское правительство не обсуждает (пока, по крайней мере) всерьез эти варианты. Хотя многие генералы готовы, что называется, побегать и пострелять, пока политическое руководство сдержанно относится к этой идее. Понятно, что поставки вооружений в условиях военных действий означают, что Россия выступает на стороне Югославии именно в военных действиях. Это глобализация конфликта, это совсем другой сценарий разрешения югославского кризиса, нежели тот сценарий, реализации которого мы добиваемся, а именно политического урегулирования. Именно поэтому президент давал указания МИДу добиться встречи министров иностранных дел "восьмерки". Это предложение в принципе воспринято положительно, и я думаю, что России следует действовать политическими методами.

Пока никто не называет эту ситуацию войной, но мы будем близки к этому в случае военных поставок в Югославию, тогда, безусловно, будут пересмотрены многие решения, в том числе договоренности с МВФ, и консультации с клубами кредиторов будут поставлены под сомнения, поскольку будет с теми же странами, с которыми мы ведем переговоры, конфликт в другой области. Очень трудно добиваться от стран, с которыми вы воюете, списания долгов. Но сам факт выхода из режима санкций и вступления по крайней мере в холодную войну со странами

НАТО означает, что мы принимаем решение о том, что долги не платим. Отказываясь от помощи, мы одновременно в этом случае отказываемся и от выполнения своих обязательств перед этими странами, мы не платим по долгам Парижскому и Лондонскому клубам. Поэтому здесь много возможных сюжетов появляется, но мне кажется, что анализировать их пока не имеет смысла — надо все-таки довести сценарий политического урегулирования до логического конца. , ВОПРОС.

Скажите, пожалуйста, если Россия будет поставлять оружие, то тем самым она выйдет из режима санкций и санкции будут против России. Но как без решения Совета Безопасности, членом которого является Россия, могут быть против той же самой России введены какие-то санкции? Естественно, Россия на любой факт предложения о санкциях против себя на все поставит свое право вето.

ШОХИН А.Н. Да, действительно, противоречия определенные есть, но я напомним вам, как вводится режим санкций американской администрацией. Это односторонние действия американского правительства, которые готовятся госдепом и министерством торговли против организаций тех стран, которые нарушают тот или иной режим, например режим РКРТ или распространения других двойных и военных технологий. Точно так же страны НАТО могут договориться о принятии совместных действий по введению санкций против российских организаций или против российского экспорта в целом. То есть если в случае с нашим поведением в Совете Безопасности мы не можем остановить агрессию резолюцией Совета Безопасности, поскольку ни одна резолюция не проходит, то в случае, если мы выходим из режима санкций, вполне возможно эти санкции применить другим способом: если не через резолюцию Совета Безопасности, то по крайней мере на двусторонней основе. А вот нам на двусторонней основе очень трудно добиться политического урегулирования.

"КОММЕРСАНТ".

Александр Николаевич, вы как-то загадочно сказали, что до 15 апреля, до импичмента нас еще ожидает масса всяких коллизий, что вы имели в виду?

ШОХИН А.Н. Нельзя исключать, если активность коммунистов будет высокой по импичменту президента, то будет шанс, что он может состояться. Президент может задействовать контрмеры. У него не такой большой арсенал конституционных действий против Государственной Думы, которая твердо будет намерена проголосовать импичмент президенту, — это отставка правительства, но такая отставка будет направлена не против Евгения Примакова, а против Государственной Думы, которая, поддерживая правительство Примакова, одновременно добивается отставки президента. Евгений Максимович оказывается в ловушке, между молотом и наковальней. Хотя нет никаких объективных оснований для отставки правительства, оно поддерживается большинством политических сил и популярность населения заслуживает, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения, но тем не менее нельзя сбрасывать со счетов и такую возможность, как вынужденная самооборона президента, которая приведет его к решению об отставке правительства. Здесь возникнет конституционная коллизия. Президент, отставив правительство, начнет процедуру назначения на должность нового премьера через получение согласия Государственной Думы, то есть запустит механизм, который может привести к роспуску Государственной Думы в случае трехкратного отклонения кандидатуры президента. Процедура начнется раньше, чем возможные голосования по импичменту, и в этой связи не так просто истолковать вопрос, имеет ли право президент распускать Думу, если он накануне голосования по импичменту отправит правительство в отставку и внесет кандидатуру, неприемлемую для Государственной Думы, будет ли он обязан сохранить Думу, если она проголосует импичмент, или нет, — тут противоречия разных статей Конституции. Только Конституционный Суд может дать толкование, а Конституционный Суд может и через полгода дать толкование, если включит в общий порядок рассмотрения соответствующие запросы Государственной Думы. Так что нельзя исключать и этого варианта, хотя он достаточно экзотический. Но спрогнозировать его можно. Будут ли такого рода активные политические события, трудно сказать, но даже если это будет импичмент, этого будет достаточно.

РУССКАЯ СЛУЖБА БИ-БИ-СИ.

Многие политические деятели России заявляют, что от дальнейшего хода развития событий может зависеть, какие меры Россия предпримет, если действия НАТО приведут к наземным операциям и дальнейшей глобализации конфликта в Европе.

И Россия выйдет из режима санкций, что дает действиям НАТО юридическую лазейку, или произойдет какое-нибудь другое событие, скажем провокация с Российским флотом в Адриатике или что-либо еще, то будет ли способна Россия без ущерба для своей экономики предоставить военно-техническую помощь или оказать какую-то военную помощь Югославии?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что Россия в состоянии оказать военную помощь, если говорить о технической и даже финансовой стороне вопроса. Я имею в виду те же противоракетные зенитные комплексы, их не надо с нуля создавать, они на ряде заводов есть в готовом виде. В частности, речь идет о "трехсотках", о менее глобальных системах противоракетной и противовоздушной обороны, речь идет и о тех же "Мигах" и "Суших" и так далее. Все это находится на стапелях многих заводов, и даже на аэродромах авиационных заводов стоят уже готовые взлететь машины. Просто из-за того, что нет соответствующих средств закупить у Министерства обороны или нет достаточного количества экспортных контрактов, они в таком полуфабрикатном, полуготовом виде находятся. Больших ресурсов не нужно, чтобы все это запустить. Другое дело, что с заводами нужно будет потом расплачиваться, но если будет патриотическая волна, которая, так сказать, нас захлестнет, то можно и погодить, ведь ждут же годами невыплаченную заработную плату во многих других отраслях.

Так что с краткосрочной точки зрения негативных финансовых последствий не будет. Гораздо опаснее более длительные последствия этого сдвига, поскольку это не может пройти безнаказанно для экономики и для внутренней политики в целом. Явно, что дело пойдет к увеличению расходов на оборону. Об этом многие говорят. В частности, председатель Комитета по обороне Роман Попкович призывает увеличить расходы на оборону. Сама армия, военные воспользуются случаем и продадут изменения структуры расходов. Это сползание России к схеме военной экономики, безусловно, может подорвать надолго возможности выхода из кризиса на основе рыночной и структурной перестройки экономики. А что касается текущих целей, то они могут быть достигнуты, то есть можно поставить в Югославию системы противовоздушной обороны, противоракетной обороны, истребители без серьезных сиюминутных негативных финансовых последствий, поскольку достройка соответствующих систем не сильно дорого обойдется. Но еще раз подчеркну, что очень важны долгосрочные последствия, связанные с отбрасыванием России в 80-е как минимум годы.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, вы частично коснулись этой темы, к каким трагичным последствиям для России могло бы привести само по себе начало процедуры импичмента президенту без учета возможной реакции президента на это, в общем-то, вполне конституционное действие?

ШОХИН А.Н. Действительно, сама процедура импичмента заложена в Конституцию, и ничего в ней подрывающего устои государства нет, иначе бы ее не было в тексте Конституции. Напротив, если президент совершает преступление (измена Родине, например), то сохранение его на этом посту должно подрывать устои российской государственности. Вопрос в другом. Очевидно, что ни один пункт обвинений не имеет отношения к президенту, избранному в июле 1996 года, все пункты обвинения касаются Президента Ельцина, избранного в 1991 году российским президентом, тогда еще в составе Советского Союза. Хотя Конституция 1993 года обеспечивает преемственность власти между Россией в составе СССР и суверенной Россией, но тем не менее остается главный юридический вопрос: можно ли выносить обвинения, политические обвинения (они, на мой взгляд, не имеют на 99 процентов юридической силы) действующему президенту за якобы совершенные преступления в предшествующий срок? Конечно, срока давности по ряду преступлений нет, но тем не менее референдум по доверию Президенту Ельцину, коим были выборы 1996 года, на мой взгляд, закрыл этот вопрос. Вы знаете, что наиболее тяжелым пунктом обвинения для Президента Ельцина является обвинение, связанное с развязыванием войны в Чечне. И здесь опять-таки вопрос чисто политический. Проходимость этого пункта обвинения во многом зависит от позиции фракции "ЯБЛОКО". Как она себя поведет? Фракция "ЯБЛОКО" изначально выступала против чеченской войны, считала, что это преступление властей, и коммунисты рассчитывают присовокупить голоса "ЯБЛОКА" к своим голосам, тогда по крайней мере по одному пункту можно будет добиться положительного решения. Кстати, сейчас разрабатывается процедурная схема,

чтобы голосовать не одно постановление по импичменту, а пять постановлений на голосование поставить по каждому пункту обвинения, имея в виду, что одно из них соберет необходимые две трети голосов. Более существенно выдвижение обвинений, связанных с самим существованием России. Президента обвиняют в развале Советского Союза, но судят его по законам государства, которое образовалось на развалинах этого Советского Союза, по законам России, и судят те люди, которые в большинстве своем голосовали за ратификацию беловежских соглашений. То есть это политическое обвинение. Большая часть пунктов импичмента — это (еще раз подчеркну) политические обвинения. Голосование возвращает нас в конфликтную ситуацию, подрывает устои государственного строя суверенной России, устои существования суверенных государств на пространстве бывшего СССР. Возникает очень неопределенная ситуация. Давайте предположим, что по первому пункту обвинения Дума набирает необходимое число голосов, стало быть, нужно поставить под сомнение и факт существования суверенных государств на территории бывшего СССР. Это может дать основания для властей России начинать объединительную войну по воссоединению утраченных земель. Очень много неопределенных последствий. Если говорить о геноциде против собственного народа, то там главный аргумент — ухудшение демографической ситуации. Поскольку Дума обсуждала этот вопрос одновременно с обсуждением импичмента президенту Клинтону, то возникал естественный вопрос: почему Клинтону грозит импичмент за чрезмерную демографическую активность, а Ельцину, наоборот, за отсутствие таковой. Здесь можно до абсурда довести любое обвинение, и сама возможность доведения любого обвинения до абсурда связана с тем, что в этом процессе недостаточно юридических оснований и, стало быть, их можно интерпретировать любым образом, не только интерпретировать в комментариях средств массовой информации, но и в действиях различных политических сил, в том числе в межгосударственных отношениях. В этом — главная опасность, на мой взгляд. Опасность того, что мы все конфликты прошедших восьми лет реанимируем, восстановим. И если раньше они, как тень отца Гамлета, просто иногда выходили в ночной дозор, то в последнем действии оказывается, что именно тень отца Гамлета приводит к массовым убийствам всех основных действующих лиц. Очень важно, чтобы тень отца Гамлета не возбудила живущих Гамлет Гамлетовичей на активное политическое поведение.

ВИТАЛИЙ КАЛИНИН. "НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА". ТЕЛЕВИДЕНИЕ.

Вы в самом начале нашего разговора стали говорить об экономической ситуации в России. Поговорим, если это возможно, немножко о политической ситуации. Вы в самом начале говорили о начавшейся консолидации между властью, несмотря на готовящийся импичмент, и другими слоями общества. Какова же политическая ситуация вокруг проблем Югославии?

ШОХИН А.Н. Если говорить о консолидации, то из этой консолидации выпадает как-то Президент Ельцин. Он готов консолидироваться и возглавлять общее политическое движение российского общества на отпор агрессивным действиям НАТО в Югославии. Но его исключают из процессов этой консолидации, угрожая импичментом. Если говорить о внутривнутриполитических последствиях косовского конфликта, то, на мой взгляд, это рост националистических настроений. И проблема ведь не только в Югославии, не только в славянской и православной солидарности, а проблема в том, что многие внутренние проблемы на фоне Югославии мы перестаем замечать. В частности, чеченские проблемы, дагестанские проблемы, проблемы Северного Кавказа в целом и проблемы преступности и так далее. Даже такой крупный скандал, как скандал с Генеральным прокурором, быстро приелся и уже почти никого не интересует. Уже обсуждаются проблемы отправки добровольцев, говорят, они уже в городе Нови-Сад со вчерашнего дня присутствуют, их "Духовное наследие" на вербовало. Все политики, заручившись поддержкой различных групп, будь то "На-На", "ДДТ" и прочие, уже едут в Югославию, поют песни и готовы там оставаться до тех пор, пока не закончится этот конфликт. Появилась даже новая национальная идея, основанная на антизападных настроениях, на патриотических настроениях, на настроениях славянской солидарности и так далее. Это, на мой взгляд, опасная вещь, свидетельство того, что, действительно, в российском обществе глубокий кризис, настолько глубокий, что достаточно было простой схемы консолидации, выражающейся в образе внешнего врага, мы его после холодной войны долго искали, а он сам появился, нам не надо было даже его искать. И консолидация

общества появилась именно вот в этой простой, присущей России на протяжении многих лет формуле: внешний враг как объединитель российского народа. Два года назад мы вели очень жаркие дискуссии по поводу расширения НАТО на восток. НАТО воспринималось нами тоже как общий враг, все партии и фракции в той же Государственной Думе воспринимали расширение НАТО на восток как угрозу национальной безопасности России. Это сильно удивляло наших натовских собеседников: почему демократические и левые партии высказывают практически одну и ту же точку зрения? Постепенно вопрос о расширении НАТО был отодвинут на второй план. И вдруг НАТО показало свою агрессивную сущность, о которой многие подозревали давно, еще с 1949 года. Получилось, что это, действительно, самый простой способ консолидации — появившийся внешний враг, который сам пришел и сказал, я ваш внешний враг, можете объединяться против меня. Я считаю, что это самое главное негативное последствие. Может быть, оно станет и позитивным — легче будет проводить выборы по принципу: ты за кого — за сербов или за НАТО? И у нас двухпартийная система сформируется, о которой мы так долго мечтали. Это упрощение картины мира, а война, военные действия неизбежно упрощают картину мира. Вот давайте на тот же Белград посмотрим, действительно, еще несколько месяцев назад, когда демократические демонстрации были антимилошевические в Белграде, люди выходили с флагами Соединенных Штатов и Германии, протестуя против режима Милошевича. Сейчас те же люди выступают за Милошевича, консолидация произошла. Если возвращаться в российскую историю, то же самое происходило и в Чечне. Была оппозиция Дудаеву? Да, была, причем многочисленная оппозиция и в Надтеречном районе, и в Москве, и в других местах. Началась война, оппозиции практически не стало. Война упрощает картину мира. Она из цветной, полифонической превращает ее в черно-белую, в контрастную. Сейчас мы это наблюдаем в жизни российского общества. Появилась баррикада, и люди выстраиваются либо по одну сторону баррикады, либо по другую. Самый простой способ проверки, как говорили раньше, на вшивость, на политическую лояльность — это отношение к войне в Югославии. И очень плохо, что все другие проблемы отходят на второй план. Проблемы, связанные с внутривнутриполитической, экономической жизнью и так далее. Вот так бы я ответил на ваш вопрос.

ПРАВИТЕЛЬСТВО УЙДЕТ В ОТСТАВКУ 13 МАЯ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ШОХИНА А.Н. В РЕДАКЦИИ ИЗДАНИЯ "АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ",
11 МАЯ 1999 ГОДА)

ВЕДУЩАЯ. "Аргументы и факты" рады вас видеть в добром здравии, спасибо, что пришли. У нас сегодня в гостях депутат Государственной Думы Александр Николаевич Шохин.

ШОХИН А.Н. Спасибо "Аргументы и факты" за то, что пригласили. На прошлой неделе, точнее в пятницу, я опубликовал статью в газете "Сегодня", где сделал прогноз о предстоящих политических событиях. Мой вывод состоял в том, что 13 мая правительство, скорее всего, уйдет в отставку. Это не значит, что я считаю именно этот вариант развития политических событий оптимальным, но анализ показывает, что этот сценарий вполне может реализоваться.

Я публично, через газету, дал несколько советов председателю правительства. Не знаю, быть может, он не читал мою статью или ему не докладывали. Первый совет состоял в том, чтобы как можно быстрее представить в Государственную Думу тот пакет законов, на котором настаивает МВФ и принятие которого является условием возобновления кредитования со стороны этой международной финансовой организации. Кроме того, я советовал Евгению Максимовичу обусловить принятие этого пакета со своим пребыванием на посту председателя правительства. Грубо говоря, схема для Примакова могла бы быть такая: если пакет не принимается, то я подаю в отставку, мог бы сказать председатель правительства. Еще один совет состоял в такого же рода увязке голосования по импичменту с перспективами пребывания премьера на своей должности. Встречаясь с лидерами фракций, прежде всего левых, премьер вполне мог бы сказать, что в случае удачного для инициаторов импичмента голосования 13-го числа (15-го вернее, 13-го —

процедура только начнется) он уйдет со своей должности. Тем самым президент увидел бы, что премьер, во-первых, имеет возможность влиять на Думу, на левую ее часть, которая в основном его поддерживает, и, во-вторых, он мог бы увидеть, что премьер жестко связывает свою политическую судьбу с судьбой Президента Ельцина. Вот эти два хода со стороны премьера, на мой взгляд, могли бы снять с повестки дня вопрос о досрочной отставке премьера и о представлении новых кандидатов на пост председателя правительства.

К сожалению, Евгений Максимович не воспользовался этими советами, и сегодня мы уже начали обсуждать (и средства массовой информации, и думские политики) вопрос, когда же все-таки случится отставка кабинета. Называется даже сегодняшней день, говорят, что завтра президент встречается с председателем правительства и этот вопрос может быть решен, но тем не менее мой прогноз достаточно точен — на этой неделе правительство будет отставлено. Я исходил из того, что в случае вялого политического поведения правительства и председателя правительства еще до голосования по импичменту президент может принять соответствующее решение.

Я думаю, что мы могли бы вокруг этих вопросов начать обсуждение, чтобы мне не углубляться во вступительное слово.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, первый вопрос, пожалуй. Какая астрология привела вас к этой дате — 13-е число? Как сложились звезды, какое сочетание было? Что раздражило президента?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что астрологический прогноз не самый главный, самый главное — политический прогноз. На мой взгляд, президента уже достаточно давно раздражает то, что правительство, которое, действительно, пользуется поддержкой Государственной Думы, большинства Государственной Думы (прежде всего это относится к председателю правительства), не может это согласие и взаимодействие перевести на взаимоотношения с президентом, то есть демонстрация лояльности и поддержки со стороны Думы правительству идет на фоне усиливающихся антипрезидентских настроений, свидетельством чего является голосование по импичменту.

В апреле импичмент был перенесен на середину мая. Евгений Максимович, неоднократно подчеркивая, что он против импичмента, ни разу не поставил вопрос, что называется ребром, что голосование против президента будет голосованием и против него. Я думаю, что именно с середины апреля раздражение стало накапливаться, и затем все мы могли его уже видеть на экране: и когда президент проходил мимо премьера, забыв с ним поздороваться, и когда он демонстративно не смотрел в его сторону, хотя тот стоял рядом, и ряд других признаков, в том числе исправление протокольных нарушений при рассадках и так далее, — все это позволяло говорить о том, что раздражение уже перешло из рациональной в эмоциональную форму. А это значит, что решение созрело и только решительными политическими шагами, в том числе теми, о которых я говорил выше, можно было бы изменить и настроение президента, и самое главное — поведение президента.

Кстати, президент давал понять Евгению Максимовичу, что он готов на решительные действия. В частности, назначение Виктора Степановича Черномырдина главным дипломатом исполнительной власти, которому поручались самые деликатные миссии по югославской проблеме и, как мы сейчас видим, по китайскому направлению, это в некотором смысле подрыв авторитета Примакова как профессионального дипломата и разведчика. Ясно, что такие действия должны восприниматься премьер-министром как первый акт какой-то драмы, какого-то политического спектакля.

Что может последовать за возможной отставкой правительства? Я думаю, что, прежде чем переходить к фамилиям, нужно разобрать два основных сценария: первый — будет ли роспуск Думы сопровождать отставку правительства и второй — отставка правительства выразится лишь в замене кабинета? Если президент ориентируется не просто на замену премьера, а на досрочные парламентские выборы, он должен представить Думе неприемлемые для нее кандидатуры председателя правительства. Неприемлемыми для Думы являются довольно многие политики: тот же Черномырдин, естественно и Чубайс, список может быть достаточно большим. Если ориентироваться на досрочные выборы Думы, то долгосрочный политический замысел президента состоит, видимо, в том числе в проведении выборов осенью, скажем в сентябре, этого года. Известно, что осень

более благоприятный момент для партий власти, для правящих элит: народ настроен более благожелательно к властям после возвращения из отпусков и после того, как полки домохозяйств пополняются закрученными помидорами и огурцами, а погреба — картошкой. Это во-первых. Во-вторых, президент может быть ориентирован на то, чтобы не дать оппозиции проводить выборы в тепличных условиях и размещать штабы в стенах Государственной Думы. Такая возможность появляется только в случае роспуска Государственной Думы — в этом случае до выборов депутаты расходятся, что называется, по домам. Если этого стратегического сценария нет и президент ориентируется только на смену кабинета, тогда список будет, безусловно, другим, и такие фамилии, как фамилия министра путей сообщения Николая Аксененко, выглядят уместно. Почему? Потому что это крепкий хозяйственник, в политических интригах не замеченный, и к третьему голосованию по этой кандидатуре Дума может найти много аргументов в пользу именно такого правительства технократов-профессионалов, как она нашла эти аргументы в апреле прошлого года, голосуя за Сергея Кириенко. Примерно такое же отношение может сложиться и по отношению к Степашину. Так что осталось выяснить базовый вопрос, а именно: какой политический сценарий, с досрочными выборами парламента или без, изберет Президент Ельцин? После этого легко будет составить самим список либо, узнав ту или иную фамилию, которую президент может внести, легко просчитать, какой политический сценарий избрал президент.

"МВС".

Александр Николаевич, вы полностью исключаете любой вариант чрезвычайщины? ШОХИН А.Н. Я вообще чрезвычайщину не люблю и поэтому хотел бы ее исключить. Конечно, теоретически возможен вариант неконституционного действия, причем, теоретически же говоря, могут быть варианты, направленные, скажем, на временную приостановку полномочий Думы, что может рассматриваться как некая полуконституционная мера. Я в своей пятничной публикации привел пример 1911 года, когда царь, не распуская III Государственную Думу, приостановил ее работу на несколько месяцев, а затем вскоре объявил выборы в IV Государственную Думу, которые состоялись в следующем 1912 году. Если отставка кабинета Примакова возбудит Думу на столько, что она наберет не только 300, но и все 400 голосов по какому-либо из вопросов об импичменте, скажем по чеченскому, то президент может обратиться в Конституционный Суд с просьбой растолковать конституционно-правовую коллизию. Ведь он, отправив правительство в отставку и представив кандидатуру на пост премьера, запускает механизм, который в соответствии с Конституцией, в случае трехкратного отклонения его кандидатуры, должен закончиться роспуском Государственной Думы. Это не право президента в этом случае, а его обязанность. А в случае проголосованного импичмента Думу распускать нельзя — вот вам коллизия двух статей Конституции. Направив запрос в Конституционный Суд, президент мог бы на это время приостановить работу Думы, сохраняя депутатам их привилегии и возможность работы, за исключением пленарных заседаний. Так что этот вариант тоже может толковаться как силовой, как достаточно экзотический, с политической и правовой точек зрения, но тем не менее он где-то на грани конституционного правового поля и исключать его полностью я бы не стал. В то же время нельзя исключать и попытки тех же коммунистов и оппозиции вывести людей на улицы и попытаться реализовать силовой антипрезидентский вариант. Тут многое, безусловно, зависит от силовых структур, военных, и ситуация может оказаться довольно напряженной. Не хотелось бы все прогнозы выстраивать и не хотелось бы, чтобы мрачные варианты прогнозов сбывались, но тем не менее, безусловно, ситуация не такая простая.

"ФАЙНЭНШНЛ ТАЙМС".

Скажите, пожалуйста, какова вероятность того, что Дума просто в очередной раз как бы спустит это дело на тормозах или перенесет его вообще на год?

ШОХИН А.Н. Я считаю, что для Думы лучший вариант состоит в том, чтобы проголосовать импичмент, но недобрать 10 голосов по самому щекотливому вопросу — по вопросу о Чечне. Тогда, если до четверга правительство сохранится и если левая оппозиция решит не растягивать удовольствие на три дня и не переносить голосование на 15-е число, а проголосует в тот же четверг к обеду, она может сыграть на опережение и развязать сама этот узел, не допустив отставки Примакова, при том условии, что премьер жестко выскажется сегодня же не только через своего пресс-секретаря, но публично обратится с заявлением к народу о

недопустимости обострения ситуации через голосование импичмента и заявит о той схеме, о которой я говорил: в случае, если голосование состоится, он уходит от левой оппозиции и подает в отставку. При такого рода жестких действиях у коммунистов остается возможность сохранить лицо, проголосовав импичмент и недобрав голосов, и у премьера появляется возможность восстановить свое реноме, в том числе в глазах президента, и не будет никаких вариантов раскручивания политического кризиса и его перерастания в какие-то горячие формы.

"ФАЙНЭНШНЛ ТАЙМС".

По вашему мнению, какие еще фракции могут голосовать против импичмента?

ШОХИН А.Н. Самый сложный вопрос — это вопрос по Чечне, хотя я, честно говоря, считаю, что с правовой точки зрения чеченский пункт самый слабый у инициаторов импичмента и у комиссии по импичменту. Не только по той причине, что Конституционный Суд когда-то дал толкование, что президент действовал в рамках Конституции. Но даже с политической точки зрения президент, пытавшийся, пусть даже неудачными способами, сохранить целостность страны, на фоне югославского кризиса и нашей массовой поддержки режима Милошевича, пытающегося сохранить целостность Югославии, не должен ставиться под удар патриотами, которых много среди коммунистов. Все это выглядит чрезмерно натянуто. Можно даже с большим основанием выдвигать обвинение по распаду СССР, по 93-му году тем более, но с Чечней, как это ни странно на первый взгляд выглядит, президент юридически защищен больше других пунктов обвинения. Но тем не менее поскольку фракция "ЯБЛОКО", по политическим прежде всего мотивам, приняла решение голосовать по этому пункту, то мои подсчеты показывают, что получается где-то 290 голосов. По другим пунктам, поскольку "ЯБЛОКО" не голосует, будет простое большинство, но поскольку требуется конституционное большинство, то голосование по ним даст еще менее впечатляющие результаты. Казалось бы, эти подсчеты, которые, наверное, делает и президентская сторона, должны успокоить президента, ему вроде бы бояться нечего. В случае отставки правительства, напротив, он может возбудить тех депутатов, которые не собирались голосовать, и они проголосуют за импичмент, в том числе для того, чтобы оттянуть момент роспуска Думы, если ей будут представлены абсолютно неприемлемые, с ее точки зрения, кандидаты на пост председателя правительства. Так вот, несмотря на эти аргументы, на мой взгляд, президент может решиться на отставку кабинета, в том числе по тому, что в этом случае голосование по импичменту, скажем, число голосов большее 300, будет выглядеть совсем иначе. Дума в этих условиях защищается от роспуска, и любой исход голосования позволит президенту, президентской стороне, заявить, что голосовали не против президента, а за сохранение Государственной Думы. Может быть, коммунистам следует проанализировать все последствия голосования импичмента, явно ведь импичмент носит не уголовно-правовой, а политический характер. Все-таки можно было бы отозвать свои подписи, а не просто перенести голосование до осени и просто прекратить эту процедуру импичмента. Я не исключаю, что президент здесь попытается испытать Думу на прочность и посмотреть, как срабатывают проведенные им в прошлом лобовые схемы политического противостояния, кто в них окажется победителем — кто свернет первым в ситуации, когда идут не гонки Формулы-1, где все догоняют лидера, а машины мчатся навстречу друг другу, кто первый отвернет руль? Нельзя исключать, что у коммунистов нервы могут и сдать, потому что на этот раз не просто смена правительства, это отставка их правительства, а также вероятность досрочных выборов без возможности использования ресурсов Государственной Думы, а может быть, они не решатся испытывать судьбу.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, а на сколько тут важен с правовой точки зрения такой момент — кто первый. Если президент распускает Думу после трехкратного представления премьера, а Дума уже объявила ему импичмент до этого, Конституционный Суд признает, что она уже распущена. Законно? И как важно, что это в один день должно случиться, раньше на час?

ШОХИН А.Н. Конституция не устанавливает строгой последовательности, не устанавливает того, как действовать в случае противоречия отдельных статей Конституции. Вот, например, в случае трехкратного отклонения кандидатуры премьера (я цитирую текст Конституции) "президент назначает председателя правительства, распускает Государственную Думу и объявляет досрочные выборы в

Государственную Думу". Значит, первый акт после трехкратного отклонения — это назначение конституционного председателя правительства, не исполняющего обязанности, я подчеркну специально, конституционного председателя правительства. Даже если президент не распускает Думу, не объявляет досрочные выборы, в стране появляется конституционный премьер, который может при определенных обстоятельствах выполнять на конституционных основаниях функции главы государства. Поэтому никакого кризиса власти в этом случае не произойдет. Я специально останавливаюсь на этих вопросах, поскольку иногда в средствах массовой информации появляется такое суждение, что если правительство отставить и нового премьера Дума не утвердит, то возникнет вакуум власти, поскольку у нас будет только исполняющий обязанности председателя правительства, а мало ли что случится с президентом. Так вот, никакого вакуума власти не будет, поскольку будет полноценный конституционный председатель правительства, и не обязательно тот, который будет проходить через горнило Государственной Думы. В этом случае любой гражданин может быть назначен председателем правительства. Как быть по срокам? Да, действительно, может возникнуть коллизия, если президент завтра начинает процедуру представления нового премьера, отставив нынешний кабинет, он может считать, что задействовал норму Конституции, статью, которая обязывает его, в случае трехкратного отклонения кандидатур, распустить Думу. А Дума, скажем, голосует импичмент только в субботу. Стало быть, статья об импичменте запускается на несколько дней позже. Президент может распустить Думу и объявить досрочные выборы на том основании, что он раньше начал. Дума не согласится, естественно, но ей будет трудно возражать, будучи распущенной, во-первых, а во-вторых, я еще раз вернусь к своей исторической находке. У меня дочка сейчас готовится к поступлению в университет, она мне раскопала этот исторический факт о приостановке деятельности III Государственной Думы. Может, на время разбирательства в Конституционном Суде, сколько оно продлится неизвестно — месяц, два, три, полгода, год, — приостановить работу этой Думы и ничего с ней не делать, а прежде всего дать возможность депутатам значки носить, бесплатно ездить в общественном транспорте и даже ездить в загранкомандировки, но не собираться на пленарные заседания? Не исключено, что Думу можно будет временно закрыть, например для капитального ремонта здания (перекрытия ведь деревянные, надо менять в целях противопожарной безопасности).

ВОПРОС.

То есть опять не будет возможности объявить импичмент президенту?

ШОХИН А.Н. Если даже Дума успеет проголосовать, можно не дать ей проявлять дальнейшую активность. Потому, что действительно можно истолковать нормы права в пользу процедуры, которая началась раньше. Но никто, кроме Конституционного Суда, толкование дать не может, а на время рассмотрения запроса в Конституционном Суде можно использовать такие, я так бы выразился, "изящные" способы. . . ВОПРОС.

Скажите, а фигура Степашина — насколько она проходима или непроходима? Там большая разница в голосах? Кого можно уговорить, скажем мягко, проголосовать?

ШОХИН А.Н. Пока премьер у нас исполняет свои обязанности и в настоящий момент встречается с лидерами фракций Государственной Думы. Я не исключаю, что может быть он все-таки воспримет ту схему, которую я публично предложил ему использовать, и заявит лидерам фракций о том, что если они не снимут этот вопрос, не отзовут свои подписи под требованием импичмента, то он уходит со своего поста. Замечу, что, в отличие от Черномырдина или Кириенко, Примаков не имеет права угрожать Думе вопросом о доверии. Помните, в 95-м году Черномырдин, после того как Дума проголосовала вопрос о недоверии правительству, буквально в тот же день прислал заявление с просьбой проголосовать доверие правительству. В случае голосования доверия президент принимает решение в течение 7 дней. Если Дума отказывает в доверии правительству, через 7 дней президент может распустить Думу. Тогда Дума испугалась, она решила, что у нее три месяца есть до второго голосования по недоверию, эти три месяца правительство будет у нее на крючке, но президент и премьер тогда переиграли Думу и как бы ничья была: решили и доверие не голосовать, и срочно неудачно проголосовали второй раз вотум недоверия. Но неудачное голосование было запрограммировано — Дума не хотела самораспускаться. Примаков же такой возможности не имеет. Почему? В случае,

если Примаков ставит вопрос о доверии своему правительству, оно будет проголосовано, но будет проголосован и импичмент, и не проголосован пакет экономических законов. Понимаете, парадоксальная ситуация: Дума поддерживает правительство Примакова, а правительство Президента Ельцина исчезает после этой процедуры. По Конституции у нас президентский строй, и президент назначает премьера и министров, президентское правительство более не поддерживается, а поддерживается правительство премьера, но законы, которые вносит премьер, отвергаются с порога. Парадокс российской демократии. Сегодня я разговаривал с некоторыми лидерами фракций. Они готовы разменять пакет мвэфовских законов на сохранение правительства. У них уже нет идеологической идеоеинкразии к фискальным налогам и другим требованиям МВФ, поскольку на карту поставлена судьба их правительства. Так что говорить о таких схемах не приходится, которые были приемлемы в предыдущих кабинетах. Что касается конкретных фамилий, я думаю, к третьему разу вполне может появиться ощущение того, что Степашин один из лучших вариантов, поскольку он будет с коррупцией бороться, он сумеет координировать силовые правоохранительные органы. Тут все зависит от настроения самой Государственной Думы, от ее готовности идти на досрочные выборы. Если такой готовности нет, то даже Чубайс и тот окажется вполне приличным человеком, ведь год работы в РАО "ЕЭС" показал, что он может быть вне политики, может быть прагматичным хозяйственником и так далее. Но для коммунистов и для любых партий, идущих на выборы, для любых фракций, важно соизмерение плюсов и минусов из конкретного политического действия, конкретного политического шага. И поскольку до регулярных выборов не так далеко — полгода всего лишь, любой шаг сейчас отразится на итогах выборов. Коммунистам, конечно, трудно будет еще раз пройти через процедуру унижения и голосовать за любого кандидата, предложенного президентом (год назад это было легче сделать — до выборов полтора года было). Поэтому я не исключаю, что коммунисты, по крайней мере в публичной риторике, будут заявлять, что они единственная партия, готовая к досрочным выборам. Как они поведут себя на финишной прямой — трудно сказать. Но то, что риторика на протяжении периода возможного правительственного и парламентского кризиса будет непримиримой, — это факт.

ВОПРОС.

Возможен перенос выборов на 2000 год, чтобы соединить их с президентскими, допустим в связи с тяжелой экономической ситуацией в стране?

ШОХИН А.Н. В случае временной приостановки деятельности Думы и затягивания рассмотрения запроса в Конституционном Суде о том, имеет ли право президент или нет распускать Думу, можно дотянуть до июля 2000 года. В принципе есть и другие технологии совмещения выборов, но это сложные технологии, требующие согласованной работы ветвей власти, — это внесение поправок в Конституцию, включая какие-то переходные положения: этот путь для нас уже закрыт. Есть еще один вариант проведения одновременных выборов, на чуть раньше 2000 года, здесь все зависит исключительно от самого Президента Ельцина: решится ли он на досрочный добровольный уход в отставку, с тем чтобы президентские выборы могли состояться в декабре этого года вместе с выборами в Думу? Трудно сказать, скорее всего, нет.

"МИР НОВОСТЕЙ".

Возвращаясь к сентябрю 1998 года, когда Григорий Явлинский стал говорить о коррупции среди членов правительства Примакова. Сейчас среди коррупционных скандалов имя министра путей сообщения, о котором и вы сказали, и агентство "Эхо Москвы" передало, что президент внесет, может внести его кандидатуру на пост премьера. Не считаете ли вы (кстати, Аксененко, в отличие от вас, не подал на "Совершенно секретно" в суд по поводу коррупционных материалов), что администрация президента выступает как провокатор обострения событий, если она предлагает Аксененко на пост премьера? Естественно, если эти сообщения будут вновь подняты и тогда в качестве премьера, не дай Бог, если его утвердят, окажется коррупционер.

ШОХИН А.Н. Я считаю, что любые обвинения должны проверяться судом. Я подал в суд, но не по обвинению в коррупции, меня обвиняли в более ужасных преступлениях: что я якобы заказывал каких-то авторитетов. Ну, ладно, об этом не будем. Конечно, в таких случаях надо доводить дело до разбирательства в суде, хотя многие обвинения такого рода требуют затяжных проверок, следственных действий, следственных экспериментов, как, например, мой коллега Харитонов

предлагал делать в случае со Скуратовым. Поэтому любое разбирательство, даже если человек абсолютно ни в чем не виновен, если его проводить по всем стадиям, требует времени, и на этот период можно любого оставить в подозрении. Эта, в общем-то, средневековая технология, к сожалению, используется и у нас. Поэтому, честно говоря, я на ваш вопрос не готов ответить, но считаю, что по некоторым случаям, упомянутым в письме Явлинского, можно было уже давно расследование провести. Ну, например, по пресловутому делу "Ноги" — фирма "Нога", соглашение с которой подписывал нынешний вице-премьер Кулик (он тогда был первым вице-премьером в правительстве Силаева, отвечал за сельское хозяйство). В принципе можно было бы вполне это дело поднять, все понятно, были судебные разбирательства, был доказан ущерб, нанесенный российской стороне, и можно было бы начать хотя бы с этого. Отвечаю вопросом на вопрос: не является ли провокацией со стороны премьера то, что он не дает ход такого рода делам? И, наоборот, по некоторым сведениям, подталкивает те дела, которые имеют политическую подоплеку и, в частности, помогают ему с политическими противниками выяснять отношения. В прессе есть и такое толкование поведения некоторых политических сил. Поэтому, честно говоря, я считаю, что лучше эту тему с кондачка не обсуждать.

ТЕЛЕКОМПАНИЯ "ЭН-ЭЙЧ-КЕЙ".

Александр Николаевич, вы делаете прогнозы и в большей части касаетесь поведения Думы и поведения президента, но вы опустили вопрос: как же будет действовать Евгений Максимович Примаков? Время до тринадцатого осталось очень мало, какие могут быть шаги, ведь он не стал слушать ваших советов?

ШОХИН А.Н. Во-первых, я не знаю, слушал он их или нет. Буквально сегодня к вечеру это выяснится. Если за сегодняшний день он не предпримет никаких политических действий — это значит, что махнул рукой на все: либо радикалит замучил, либо политического куража нет, чтобы разыграть такой сценарий, в котором он был бы не ведомым, а ведущим игроком. Я считаю, что у него есть возможность повлиять на ситуацию и, самое главное, повлиять не на поведение тех или иных персон, включая даже Президента Ельцина, а именно на политическую ситуацию в стране, снизить температуру. Тот факт, что он в последнее время не появлялся с такого рода жесткими политическими заявлениями, позволяет сделать два вывода: либо готовится к этому очень тщательно и, в частности, изучает мою статью, либо решил пустить дело на самотек — куда кривая выведет, решил, условно говоря, не использовать тот ресурс, который должен быть сейчас задействованным (поддержка Думы). Если он будет задействован, это не позволит ему разыгрывать другие сценарии в будущем, а если вдруг этот ресурс окажется целым и неиспользованным, у него капитал только нарастет. Но это довольно сложная гипотеза и конструкция, я считаю, что у нас в стране нужно действовать часто достаточно примитивно. Я не верю, что наши политические игроки просчитывают будущее на три хода. Просчитывать-то они может их и просчитывают, но на полуторном шаге все, как правило, кончается. Поэтому нужно, условно говоря, действовать одноходовками, что называется, напролом. У Примакова есть возможность действовать прямолинейно, без излишних дипломатических уверток и экивоков и добиться результата. Я подчеркну, главный результат — это снижение политической температуры, а у президента, на мой взгляд, единственное серьезное обоснование тех или иных шагов, в том числе смена кабинета, заключается в выстраивании сценария, связанного с выборами в следующую Государственную Думу.

Если это просто замена кабинета, мне лично как стороннему наблюдателю это становится не очень интересно.

ВОПРОС.

Одно утешение, что Примаков все-таки академиком-то останется, этого забрать никто не может. Александр Николаевич, было получено сообщение, что администрация президента последнее время усиленно работает в Госдуме...

ШОХИН А.Н. Со мной не работает.

ВОПРОС.

В чем заключается работа?

ШОХИН А.Н. Во-первых, администрация, насколько я могу понять, последнее время активно занималась выстраиванием предвыборных блоков, в том смысле, в котором можно вообще говорить об участии администрации с ее явно недостаточным ресурсом по сравнению с 96-м годом. В частности, это

подталкивание региональных лидеров к созданию блоков и коалиций. В ближайшее время состоятся съезды, в частности учредительный съезд блока "Вся Россия" должен состояться в Петербурге. В этом смысле работа велась и с депутатами Государственной Думы, чтобы они подтягивались к этим предвыборным объединениям. Но мне кажется, что чем меньше администрация работает на этом направлении (тем более публично), тем больше шансов, что успех здесь будет достигнут.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, у меня очень личный вопрос, а что с вами-то случилось, вы вроде с Титовым "Голос России" начинали, объединительные процессы какие-то со "Всей Россией" планировались, и почему вы как-то выпали из этого регионального движения?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, я с конца прошлого года доказывал, что только региональные лидеры, если объединятся, сумеют сформировать здравомыслящее большинство в следующей Государственной Думе, поскольку региональные лидеры, по определению, центристы, им не по пути ни с правыми, ни с левыми радикалами. Если они выработают политическую предвыборную платформу, ориентированную на преемственность политического и экономического курса с необходимыми корректировками, и сумеют найти подходящих людей для реализации этой программы действий как в Государственной Думе, так и в правительстве, повлияв на его формирование, в том числе и через влиятельную фракцию в Государственной Думе, это будет лучший вариант для страны, это будет вариант более предсказуемой смены власти. Я писал много записок, публиковал статьи на эту тему, предлагал, в частности, своему бывшему коллеге по "Нашему дому — Россия" Константину Титову активно заняться этим региональным партстроительством (особенно мы с ним активно сотрудничали после моего ухода с поста лидера фракции), но так получилось, что не все мои схемы были восприняты Константином Титовым, в частности я настоятельно не рекомендовал ему объявлять о создании движения "Голос России" до того, как будут проведены переговоры с тяжеловесами из числа региональных лидеров, конкретно назвал ему фамилии, в частности Шаймиева Мин-тимера Шариповича. Константин Титов считал, что главное — начать процессы, пусть остальные присоединяются. У меня были другие взгляды, я считал, что, по определению, технология формирования регионального блока предполагает, что не кто-то начинает формировать, а остальные присоединяются, а надо изначально провести переговоры со всеми влиятельными региональными лидерами и не допустить создания параллельных региональных партий. Я не вошел в оргкомитет "Голоса России", хотя мне предлагался пост его координатора, поскольку считал, что это тупиковая политическая схема. Не знаю, насколько я был прав, но тот факт, что учреждается еще одно региональное движение, во многом позволяет сделать вывод о том, что я был прав. Почему я не во "Всей России"? По одной простой причине, что я, начав этот процесс с одной группой региональных лидеров, по понятным соображениям не могу перескакивать в другие структуры. Именно это не позволяет мне включиться в процесс создания "Всей России", но если два этих движения объединятся, я буду считать, что сделан правильный шаг и буду готов работать с этим объединенным региональным движением. Так что не все еще потеряно.

ВОПРОС.

Выборы в Государственную Думу независимо от того, когда они состоятся, — вы в какой список войдете?

ШОХИН А.Н. В случае, если политический кризис в этом мае все-таки будет иметь место, то хорошо бы было, если бы он простимулировал процесс консолидации однородных политических сил. Я до сих пор не сказал никому, в каком списке буду. Я хотел бы быть в том списке, который будет реализовывать схему консолидации центристских, правоцентристских политических сил. А если объединенного списка такой коалиции не будет, придется выработать новую линию. Не исключаю, что пойду по одномандатному округу.

ВОПРОС.

Какие-то проблемы были с новым избирательным законом, который предлагает Вешняков в Государственной Думе. Говорят, что вообще этот закон не выполним, потому что одна позиция противоречит другой и проще взять старый закон и внести в него поправки, вы что думаете об этом?

ШОХИН А.Н. Я думаю, что в принципе лучше совершенствовать избирательное

законодательство, чем предлагать кардинально новые схемы. Никаких резких движений, на мой взгляд, не следует делать, тем более в год выборов, хотя корректировки, безусловно, должны иметь место. В частности, я сторонник того, чтобы постепенно перейти к мажоритарной системе, используя германскую схему, при которой только партии имеют право выдвигать своих кандидатов, но каждый кандидат должен быть избран в своем округе. Такое совмещение пропорциональной и мажоритарной систем, наверное, было бы уместно и для России. Постепенно можно сокращать вес и значимость партийных списков пропорциональной системы, поскольку, на мой взгляд, каждый депутат должен иметь связь с конкретными избирателями, с конкретным округом, знать, чем люди живут, а не только базироваться на идеологических принципах, работая в Государственной Думе. Естественно, нужны более жесткие схемы контроля за попаданием людей в список кандидатов в депутаты. Известные шаги здесь предприняты: в частности, обязанность предъявлять декларацию о доходах и имуществе, о непогашенных судимостях. Это, конечно, некоторое поражение в правах, но людей же не заставляют идти в Думу, это добровольное решение и такое ограничение уместно. Я бы все-таки настоял на гибком пятипроцентном барьере. Я ношу с этой идеей скоро уже четыре года. Идея очень простая: сохраняя пятипроцентный барьер, сделать его плавающим и снижать планку в тех случаях, когда пятипроцентный барьер преодолевают партии, которые в совокупности получают поддержку менее двух третей избирателей, принявших участие в голосовании. Вот сейчас в Думе четыре партийные фракции, которые в совокупности собрали 50,1 процента голосов избирателей, проголосовавших по партийным спискам. Стало быть, 49,9 процента избирателей проголосовали за партии, которые не попали в Думу. Но эти проценты распределены между этими четырьмя партиями: КПРФ, ЛДПР, НДР и "ЯБЛОКО". Это, на мой взгляд, не справедливо. Нужно добиваться того, чтобы в Думе были представлены все партии, за которые проголосовали как минимум две трети избирателей, а это значит, что порог должен быть гибким. Такие изменения, на мой взгляд, будут поддержаны избирателями. Дума станет более представительной, то есть полностью представляющей структуру предпочтений избирателей, и такие изменения должны пройти, что называется, на ура, хотя большие партии типа КПРФ, ЛДПР будут сильно возражать, потому что сейчас они за счет "премиальных" удваивают свое представительство в Думе.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, вот еще о чем хотелось вас спросить, но на это можете отвечать, а можете — нет. Вы очень давно знакомы с Виктором Степановичем Черномырдиным, как вы оцениваете его дипломатическую и миротворческую миссию последних дней?

ШОХИН А.Н. Понятно, что Виктор Степанович не дипломат. Поскольку у меня есть дипломатический ранг (еще Президент Горбачев дал ранг чрезвычайного полномочного посланника первого класса), я могу, наверное, судить о дипломатии. Но в то же время в такого рода посреднических миссиях нужен не профессиональный дипломат, а человек, пользующийся международным признанием. В этой связи Виктор Черномырдин подходит для этой роли. Обычно американцы для такого рода функций используют бывших президентов. И здесь вполне уместна его кандидатура, другое дело, что эта челночная дипломатия пока не привела к ощутимым результатам и, конечно, плохо то, что усилия российского посредника, как правило, сопровождаются усилением бомбардировок Югославии.

ВОПРОС.

Насколько удачна именно эта кандидатура', потому что Запад, понятно, Виктора Степановича считает человеком прозападным, ориентированным на рынок? Как его Югославия в этом смысле воспринимает?

ШОХИН А.Н. У меня такое ощущение, что президент Милошевич никому не отдаст лавры человека, сумевшего договориться с НАТО, он сам попытается договориться, когда его очень сильно прижмет — вступит в прямые переговоры, и если Клинтон откажется с ним встречаться, а он уже фактически отказался, значит, это будет посредник типа Холбрука, который придет в Белград и обо всем договорится. К сожалению, такова жизнь, и мы знаем, что и дейтонские отношения по этой схеме были реализованы. В прошлом году Милошевич ни один раз выходил на натовцев, хотя мы предлагали свои посреднические услуги и, как правило, во всем поддерживали Югославию. Поэтому и думаю, что схема будет скорее всего такой

— Россия сыграет свою роль, но лавры, как всегда, окажутся у Запада. Но в то же время миссия Черномырдина не напрасна, она позволила, в частности, России избежать резких телодвижений, включая поставку зенитно-ракетных комплексов, истребителей. Не дай Бог, если бы мы спровоцировали глобальный конфликт, поэтому, несмотря на то что у меня разногласия с Виктором Степановичем по многим вопросам, я думаю его миссия вполне уместна. Другое дело, что его назначение на пост главного российского дипломата при профессиональном дипломате-премьере — это, конечно, неожиданный ход, и он не может вселить в тех же наших партнеров, будь то Сербия или НАТО, уверенности в том, что у нас единый переговорный фронт, единая позиция, что нет разных подходов. Если назначение Черномырдина — демонстрация того, что МИД и Примаков не справляются (а МИД все-таки является базовой структурой по подготовке переговорных позиций), то в эти щели очень легко влезать и сербам, и натовцам. Здесь очень важно, чтобы была согласованная позиция, а для этого Черномырдин должен был бы быть встроен, как в свое время был встроен Чубайс как спецпредставитель президента по МВФ в правительственную технологию принятия решений. Так что пусть работает Виктор Степанович, ему это нравится, я вообще считаю, что Виктор Степанович без должности очень страдает, поэтому должна быть хорошая полноценная должность, тогда он будет себя чувствовать комфортно и сделает много полезного для страны.

ВЕДУЩАЯ. Александр Николаевич, спасибо вам, что были у нас. С вами как всегда было интересно.

СТАРЫЕ ДОЛГИ НОВОГО КАБИНЕТА

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА
А.Н. В РИА "НОВОСТИ", 31 МАЯ 1999 ГОДА)

ШОХИН А.Н. Извините за опоздание.

ВЕДУЩИЙ. Мы думали, что вы уже в правительстве.

ШОХИН А. Н. Естественно, основным событием, которое волнует всех, не только журналистов, являются процессы формирования правительства. К сожалению, этот процесс несколько затянулся, и дело не столько в скорости формирования правительства, сколько в механизме его формирования.

Предыдущее правительство — правительство Примакова было единственным на протяжении 90-х годов, которое формировалось на основе парламентского большинства. Это не значит, что не было никаких сил влияния. Они, безусловно, были, но были сосредоточены в Государственной Думе. Примаков не скрывал, по сути, что он формирует правительство по принципу Ноева ковчега, пытаясь привлечь представителей ключевых фракций Государственной Думы в состав российского правительства. В частности, от левых фракций входили в правительство два вице-преьера — первый вице-премьер Юрий Маслюков и вице-премьер Геннадий Кулик, от НДР — два вице-премьерских поста почти заняли два представителя, но не надолго. Схема опоры на парламентское большинство было основной политической конструкцией кабинета, тем более что Борис Николаевич Ельцин сознательно дистанцировался от процесса формирования примиковского правительства, за исключением "своего" блока силовых министров.

Иная ситуация сейчас, но она не является новой. Это, по сути, возрождение старой традиции — формирование кабинета как президентской команды, как части администрации президента в широком, американском, я бы даже сказал, смысле этого слова. Поэтому с формальной точки зрения здесь ничего экстраординарного нет, тем более что Конституция требует лишь одно назначение согласовывать с Государственной Думой, а именно председателя правительства. Все остальные члены кабинета назначаются по представлению премьера указами Президента Российской Федерации.

И ничего бы не было особого в процессе формирования кабинета, мы могли бы лишь обсуждать, кто лучше, кто хуже справится с теми или иными обязанностями. Мы помним, что на протяжении многих лет Борис Николаевич довольно часто перетряхивал кабинеты, вводил новых людей, то это был Анатолий Чубайс с

Борисом Немцовым, то, сразу после президентских выборов, это были представители, как говорят, олигархов на постах вице-премьерских (даже первого вице-преьера) и так далее. Сейчас проблема несколько иная. Проблема в том, что это, пожалуй, последний кабинет или один из последних кабинетов, будем осторожнее говорить, перед парламентскими и президентскими выборами. Все мы смотрим на состав кабинета как на процесс формирования неких избирательных технологий, на процесс формирования ресурсной базы (речь идет не только о финансовых ресурсах, но и об административно-политических ресурсах). Тот, кто будет на ключевых постах, во многом должен рассматриваться в качестве члена избирательного штаба партии власти.

Не случайно поэтому назначение таких людей, как Николай Емельянов-вич Аксененко, в кабинет рассматривается через призму контроля финансовых потоков, а затяжная борьба за пост первого вице-преьера явно отражает борьбу сил влияния на президента. Коль скоро президент сам формирует свою команду, безусловно, резко повышается роль ближнего окружения президента, которое не играло серьезной роли в формировании предыдущего кабинета.

Быть может, и по той причине, что застоялся ближний круг, поскольку пропустил один цикл влияния на процесс кадрового формирования правительства, на процесс формирования его политики, а может быть, по причине близости предвыборных баталий, но тем не менее ближний круг, ближняя команда президента активно задействованы в этом процессе. Естественно, на эту ближнюю команду оказывается то или иное воздействие. Как ни оценивать, кто влияет, Березовский ли с Абрамовичем, Чубайс или еще кто-то, но тем не менее технология воздействия на процесс одна и та же. Это, как сказал бы Геннадий Зюганов, домашнее политбюро, пытающееся воздействовать на вождя. С точки зрения технологической ничем не отличаются схемы воздействия на процесс принятия решения. Да и люди, через которых эти решения доводятся до уха нашего президента, одни и те же — семья, поэтому лишь можно говорить, что идет довольно напряженное выяснение отношений внутри этой президентской команды. Есть разные подходы, но все подходы "к телу" через влияние, оказываемое на президентскую команду.

Есть, конечно, кроме предвыборных соображений, еще и страна, международные финансовые организации, с которыми нужно договариваться. События сегодняшнего утра позволяют сделать вывод, что Михаил Задорнов, будучи освобожденным с должности первого вице-преьера, получит-таки портфель переговорщика с МВФ. Это свидетельство того, что нужно соблюсти правила приличия и нужно довести переговоры с МВФ, Всемирным банком и клубами кредиторов на тех условиях, которые были согласованы в апреле, и есть понимание, видимо, того, что лучше, если эти переговоры будут доводить те люди, которые эти обязательства брали на себя и которые также брали обязательства по продвижению соответствующего пакета законов через Государственную Думу. Вот если эти люди не справятся с взятыми добровольно на себя месяц назад обязательствами, вот тогда можно, видимо, будет сделать окончательные оргвыводы. Поэтому, я думаю, что в процессе формирования правительства будут приняты какие-то компромиссные решения, чтобы обеспечить выполнение тех задач, о которых я говорил, в том числе концентрацию ресурсов перед выборами, но в то же время довести до конца некоторые схемы, в том числе переговорные схемы с кредиторами и с международными финансовыми организациями. Поэтому чрезмерно экзотических назначений, наверное, не будет. Другое дело, что очень важно сейчас, кроме некоторого прагматизма, восстановить доверие к правительству, которое, безусловно, за последнюю неделю утеряно. Утеряно потому, что премьеру, к сожалению, пока не удастся продемонстрировать своему народу и внешним партнерам то, что он является самостоятельной политической фигурой и может решать такие вопросы, как состав своего кабинета, как ответственность кабинета перед страной.

Мне кажется, что для Сергея Степашина сейчас наступает момент истины. От итогов его встречи с президентом зависит, какой премьер-министр у нас будет, будет ли он частью президентской команды, но не играющей самостоятельной роли, либо все-таки председатель правительства, оставаясь лояльным президенту, будет вести свою линию. Безусловно, для Сергея Степашина очень важно определить, сумеет ли он влиять и на президента, и на процесс принятия решений внутри президентской команды и ближнего круга. Сейчас страна нуждается в сильной власти, нуждается в том, чтобы была предсказуемая политика. Если у нас будет

чересчур много экзотики с кадровыми назначениями, не исключено, что нам придется с этой экзотикой в ближайшее время иметь дело и в политике. В частности, пошли слухи о так называемом третьем сроке президента через БРЮ (Беларусь—Россия—Югославия) и другие трехбуквенные конструкции. Возникла идея, буквально вчера вечером выплыла, о возможном продлении полномочий на два года всех ветвей власти, включая Государственную Думу и президента и так далее.

Очень важно, чтобы мы жили все-таки в рамках Конституции, поскольку сложность ситуации в России не позволяет, на мой взгляд, обходить Конституцию, даже ссылаясь на народное волеизъявление, различного рода референдумы. Такого рода решения могут спровоцировать и государственные перевороты, и установление диктатуры и так далее, и так далее. В равной степени слабая власть может спровоцировать дезинтеграционные процессы, может спровоцировать процесс веймаризации России, то есть передачу власти диктатору мирным путем, демократическим путем, как это было в Германии в 30-е годы.

Поэтому мы, как никогда, сейчас нуждаемся в законной, конституционной, но сильной власти, и прежде всего в сильном правительстве. Поэтому хотелось бы, чтобы налет, флер скандальности, который сейчас преобладает над процессом формирования правительства, отошел несколько в сторону и мы занялись бы реальными делами.

Пожалуйста, ваши вопросы.

ВЕДУЩИЙ. Спасибо, Александр Николаевич.

Коллеги, прежде чем приступить к вопросам, информирую вас, что мы ведем пресс-конференцию напрямую на сайте компании "Инфо-Арт". Там можно будет найти все материалы при техническом и технологическом содействии компании "Инфо-Арт" и "Телеком Центр". Естественно, преимущество задать вопросы будет отдано вам.

Пожалуйста, прошу вас.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, скажите, пожалуйста, у нас есть люди, которые могут вести международные переговоры по финансам. Среди них называли вашу фамилию неоднократно. А вот сегодня какие-то временные люди получают на переговорах, единства нет. Черномырдин ведет переговоры по Югославии, Задорнов — по финансам... Скажите, пожалуйста, есть ли возможность, пути реализации этих переговоров или нет перспектив? Спасибо.

ШОХИН А. Н. Я бы не называл многих людей случайными, например Михаил Задорнов. Я был категорически против сохранения его на посту министра финансов после 17 августа, предлагая ему переместиться на любой другой пост — министра ли сельского хозяйства, министра без портфеля и так далее, с тем чтобы продемонстрировать международным финансовым организациям, прежде всего держателям наших ценных бумаг, что обман не поощряется, при том, что я признавал профессионализм Михаила Задорнова. Как вы помните, моя отставка состоялась по той причине, что я не считал возможным вести переговоры с тем же Международным валютным фондом, или с кредитором, не контролируя внутреннюю финансовую политику, не отвечая за программу выхода из финансового кризиса и не контролируя ключевые министерства. Михаил Задорнов, по сути, повторил всю мотивацию моего сентябрьского заявления об отставке. Но за этот год Задорнов вместе с Маслюковым очень сильно обучились. У нас есть такая русская народная забава — бег по граблям. Юрий Маслюков и Михаил Задорнов через восемь месяцев все-таки вышли на нормальную переговорную схему, и сейчас очень важно новых людей туда не запускать либо надо вернуться к старым переговорщикам, которые, действительно, знают этот процесс, знают людей. Чубайс, Лившиц, Шохин, Задорнов и так далее — это в данном случае дело вкуса президента, правительства. Но ясно, что не имеем мы права сейчас заниматься обучением новых людей. Как бы ни относиться к Николаю Аксененко, я бы не рекомендовал брать ему на себя ответственность за переговоры с финансовыми международными организациями. Конечно, через полгода с учетом динамизма его характера и он обучится, может быть, даже гораздо быстрее Юрия Маслюкова, но у нас счет на дни идет. Послезавтра очередной платеж по еврооблигациям, еврооблигациям по Лондонскому клубу, по процентным вексельным платежам в рамках Лондонского клуба, при том, что мы задержали декабрьские платежи прошлого года. Страна стоит на грани формального дефолта. То, что она в

фактическом дефолте почти год находится, — это уже ни для кого не секрет, но до сих пор наши партнеры шли на то, чтобы вести переговоры и не принимать официального решения о дефолте, о банкротстве России как заемщика, руководствуясь прежде всего заявлениями России, что она будет платить. А в этих условиях даже любая схема реструктуризации уже реструктурированных долгов лучше, чем судебная процедура банкротства, поскольку в результате судебной процедуры достанется гораздо меньше кредиторам.

Кроме того, кредиторы все-таки ждут наших договоренностей с МВФ. Сейчас велика опасность, что переговоры с МВФ перекочат на осень в силу того, что пока не просматривается определенной схемы принятия законов, на которых настаивает МВФ. Напомню, что те законы, которые внес Примаков, не соответствуют требованиям МВФ и обязательствам примаковского правительства, а именно обязательствам Задорнова и Маслюкова, данным ими в Вашингтоне месяц назад. Если бы все эти законы были приняты, то МВФ на совете директоров принял бы решение о возобновлении кредитования. Но кроме того, придется еще договариваться с МВФ и изыскивать резервы, чтобы перекрыть недовнесенные законы и перекрыть те корректировки законов, которые сделаны самим правительством. А ведь еще и Дума может внести эти корректировки. Так, даже при благоприятном развитии событий очень трудно рассчитывать на июньский совет директоров МВФ как на Совет, который примет решение о предоставлении кредита. Тем более что сейчас появилось много дополнительных вводных, таких, как неясный состав правительства, неясность очертания тех законов, которые будут внесены окончательно, то есть перевнесены правительством, не совсем ясно, как Государственная Дума на них отреагирует. Ведь Дума тоже вступила в предвыборный режим, и она "антинародные" законы принимать не будет, например закон, связанный с повышением акцизов на водку, — это антинародный, с точки зрения Думы, закон, который ведет к тому, что электорат почувствует повышение цен на любимый товар народного потребления. В равной степени это касается и повышения акцизов на бензин или налога на бензоколонки и так далее.

Поэтому Дума будет корректировать законы таким образом, чтобы дешевая водка не дорожала, чтобы бензин тоже не сильно дорожал. Если машины будут дорожать, то только с большим объемом двигателей и так далее и тому подобное.

В результате этих корректировок мы можем принести в МВФ гораздо меньшую доходную базу, ее повышение, чем было согласовано. Согласится на это МВФ, согласится ли он с тем, что можно это списать на изменения в политической ситуации? Я не уверен. Почему? Потому что МВФ ведь не ради жесткости настаивает на этих требованиях, а ради того, чтобы были найдены дополнительные доходы для индексации зарплат, для повышения пенсий и так далее. МВФ тут стоит на страже интересов россиян и заставляет российское правительство изыскивать дополнительные доходы с учетом того, что за месяцы этого года реальные доходы россиян снизились на треть. Вот в чем смысл конфликта, если можно так сказать, между российским правительством и МВФ. Поэтому я не исключаю, что МВФ будет требовать еще и дополнительных мер, а это как минимум июль. А учитывая, что в МВФ тоже люди работают, они любят в отпуск уходить, и если не успел к концу июля, то, значит, — уже сентябрь. А за это время кредиторы должны определиться, согласны они с предоставлением отсрочки или реструктуризации долгов или нет.

Я напомню вам одну вещь. Еще месяц назад, в апреле, мы говорили, что договорились об отсрочке 16 миллиардов долларов долгов. И тот пакет, о котором заявляли Маслюков и Задорнов, возвратившись из Вашингтона, выглядел где-то в 22—23 миллиарда долларов на оставшиеся полтора года — 1999—2000 годы, при этом 6—7 с небольшим миллиардов — это МВФ, Мировой банк и японское правительство, а 16 миллиардов — это отсрочка платежей по долгам, приходящимся на 1999—2000 годы. А в мае появилась у российского правительства новая позиция, более скромная. С чем пропавший без вести министр финансов Касьянов ездил в Лондон, еще будучи первым замом министра? Он ездил с одной просьбой — дать отсрочку на полгода для проведения переговоров, то есть кредиторы, оказалось, не готовы 16 миллиардов долларов реструктурировать, еще раз переоформить их в новые бумаги и тем самым дать достаточно устойчивую, осязаемую передышку в России. Речь идет о так называемом roll-over'e, то есть о предоставлении двух 90-дневных отсрочек на период ведения переговоров. С Лондонским клубом мы так жили 6 лет, с 1991 года, когда начали переговоры с

Лондонским клубом по долгам бывшего СССР и коммерческим банкам. Лондонский клуб предоставлял нам только 90-дневные отсрочки по уплате, и этих отсрочек, легко подсчитать, за эти 6 лет было предоставлено около 25.

Так вот речь идет о том, чтобы еще две отсрочки получить уже по реструктурированному долгу и за это время, за эти два раза по 90 дней, договориться о какой-то внятной схеме реструктуризации платежей, приходящихся на 1999—2000 годы. Это минимальное требование, это, по сути, крик о помощи: "Не объявляйте нас банкротами, не объявляйте дефолт!" Ничего другого в этом требовании России нет и никакой победы на переговорах здесь не будет, если кредиторы согласятся. Это лишь как бы нежелание кредиторов объявлять дефолт, который они не объявят, наверное, пока мы не заявим, что платить не будем, либо пока не станет ясно, что мы не можем договориться с МВФ. Я хотел бы напомнить, что дефолт — это объявление страны банкротом не только по просроченным платежам, к тому или иному моменту, но по всему долгу, по всей сумме накопленного долга. В момент объявления дефолта кредиторы предъявляют все обязательства к погашению. 216 миллионов по облигациям в июне не платим, а на всю 30-миллиардную сумму долга Лондонскому клубу банки-кредиторы предъявляют требование к России одновременно. Вот в чем трагедия дефолта. То есть не заплатили сотни миллионов, а требования возникают на десятки миллиардов долларов.

Конечно, сложность этих задач требует того, чтобы преемственность была, и понятно, хорошо бы Михаил Касьянов вел переговоры и дальше, если и тот же Михаил Задорнов должен довести переговоры с МВФ, то есть мой подход такой — ответственность должна лежать на тех людях, которые в принципе должны отвечать за финансовую ситуацию в стране, и в том числе за возможный дефолт. Если останутся те же люди в правительстве, то мы сможем через пару месяцев увидеть, есть ли результат их работы или нет. Но если подход будет иной, договариваться не могут, зато хорошо разруливают финансовые потоки в предвыборной ситуации, тогда авторитет власти и правительства, безусловно, будет утерян и никакая концентрация финансовых и административных ресурсов не поможет партии власти победить на предстоящих выборах.

ВОПРОС.

Судя по той модели власти, которая сейчас складывается, в нее не вписывается Виктор Геращенко. Какова может быть его судьба?

ШОХИН А.Н. Виктор Геращенко, действительно, человек самостоятельный, и вряд ли можно им манипулировать, тем более что сейчас Центральный банк поставлен в довольно сложное положение. Он выполняет главную функцию правительства в нынешних условиях: обслуживает внешний долг правительства за счет резервов Центрального банка. Как вы знаете, на протяжении этого года мы в основном обслуживаем внешние долги за счет ЦБ. Закон, который принят в первом чтении Государственной Думой, о том, чтобы разрешить Центральному банку прокредитовать правительство на дополнительные несколько миллиардов долларов, — это продолжение именно этой практики. Если Центральный банк будет обслуживать внешние долги вместо правительства, то это означает, что даже при относительно благоприятной конъюнктуре мирового рынка резервы могут истощиться и дойти до уровня, как говорят на жаргоне, железа, то есть до уровня золотых запасов, а с реализацией золота сейчас дело обстоит очень сложно. Цены падают, это во-первых, а во-вторых, крупные игроки выходят на рынок: МВФ продает большой золотой запас, с тем чтобы закрыть долги наименее развитых стран перед самим собой, перед МВФ, выходит ряд других государств — Великобритания, Швейцария, поэтому большие партии золота не продашь без потрясений на этом рынке. Стало быть, Виктор Геращенко будет наверняка отстаивать позиции Центрального банка, доказывая, что неограниченны возможности за счет резервов покрывать обязательства правительства. Почему? Потому что другая главная задача Центрального банка — стабильность национальной валюты, а если все резервы пойдут на внешний долг, то трудно будет за счет интервенции удерживать приемлемый обменный курс национальной валюты. Поэтому не исключено, что может объективно возникнуть конфликт между требованиями правительства и позицией Центрального банка. Это во-первых.

Во-вторых, если верна гипотеза, что модель правительства — это модель достаточно послушных чиновников либо людей, которые готовы присягнуть работать на команду, какие бы от этой команды ни поступали указания, тогда,

безусловно, Виктор Геращенко не очень вписывается в эту модель и может возникнуть желание иметь более послушного председателя Центрального банка. Но центрального банкира утверждает Государственная Дума, и вряд ли она, не имея никаких последствий при отрицательном голосовании по кандидатуре председателя ЦБ, пойдет на любой кадровый вариант. Здесь у президента есть запасной ход, а именно: если принудить нынешнего центрального банкира подать в отставку под тем или иным предлогом, то можно иметь исполняющего обязанности председателя ЦБ сколь угодно долго. Закон не оговаривает никаких временных рамок, в отличие от жесткой фиксации буквально по дням процедуры утверждения председателя правительства.

Так что исключать каких-то кадровых решений, безусловно, нельзя, хотя я считаю, что было бы глупо сейчас, не имея устойчивой финансово-экономической части кабинета, ни устойчивой программы этого кабинета, внятной программы, наваливаться на Центральный банк, пытаться расставить там нужных людей. Это сильно подорвет доверие к России, не позволит выйти на те же договоренности с международными организациями и с кредиторами.

ВЕДУЩИЙ. Александр Николаевич, если можно два вопроса из сайта "Инфо-Арта", из Интернета. Они как раз по кадровой чехарде. "Как вы относитесь к постоянной чехарде в российском правительстве и не приведет ли эта чехарда к срыву переговоров", — спрашивает Борис Ваничев из Питера и в унисон Марилина из Калуги: "Имеет ли смысл вести переговоры при той неразберихе, которая имеет место в нашем правительстве? Целых три министра финансов". Так ставится вопрос.

ШОХИН А.Н. Больше министров хороших и разных — эпитафия к тому правительству можно применить. В принципе кадровая чехарда вообще не способствует успеху переговоров. Это, безусловно, так. Переговоры ведутся не только на формальных основаниях, есть всегда личные компоненты в любых переговорах — доверяют кредиторы или представители международных организаций конкретным людям. Ведь даже хорошие переговорщики в прошлом обманывали партнеров. Подписывали ту или иную программу, брали на себя обязательства, а потом не выполняли, и даже хвастались, что и не собирались выполнять. Главное было — деньги получить.

Здесь элемент доверия конкретным людям имеет очень большое значение. Доверие конкретному человеку и вера в то, что он может реализовать свои слова, — это значит, что тот человек, который ведет переговоры, должен обладать реальной властью, поэтому я категорически всегда был противником (начиная с июня прошлого года, когда к дню рождения Анатолия Борисовича Чубайса ему был предложен пост спецпредставителя по международным финансовым организациям) того, чтобы этот спецпредставитель находился вне правительства. Это должен быть действительно вице-премьер, отвечающий за финансово-экономическую политику, и, ведя переговоры, договариваясь, он должен обладать полномочиями по реализации достигнутых договоренностей, поэтому, когда возникла идея завести спецпредставителя, кто бы им ни был — все равно, если этот человек стоит отдельно от правительства, не внутри правительственной команды и не несет ответственности за деятельность правительства, к нему доверие будет не очень высокое. Не случайно даже, при том что Анатолий Чубайс — человек известный, и то в прошлом году, когда он начинал переговоры как спецпредставитель, ему задавали вопросы, каковы его полномочия не по переговорам, а по реализации политики, может ли он гарантировать исполнение того, о чем договаривается, будет ли это реализовано правительством. Правда, тогда неформальное лидерство Анатолия Чубайса в правительстве было зафиксировано. Сергей Кириенко не возражал подчиниться по этим вопросам Чубайсу. Как сложится сейчас? Пока мы еще не знаем, поскольку не известно, кто будет в кабинете.

Если "Правое дело" возьмет на "подряд" экономическую часть правительства, скажем, представители "Правового дела" будут вице-премьер-ствовать, другие представители либералов "спецпредставлять" президента, а всем этим как бы неформально будет руководить Анатолий Борисович Чубайс, может быть, через некоторое время переговорщики с той стороны согласятся, что это — единая команда. А если команда будет сформирована как бы эклектическим путем, переговоры будет вести один специально обученный представитель, финансовую программу выработать другой, то, я думаю, что переговоры, безусловно, тогда затянутся. Но в любом случае кадровая чехарда — не лучший способ внушить

доверие к преемственности позиций. Ведь сейчас для той стороны, для наших партнеров, очень важно, как новая команда зафиксирует свои обязательства, которые раньше были зафиксированы Маслюковым, Задорновым в Вашингтоне месяц назад. Полная преемственность или корректировка какая-то будет.

До того, как будут зафиксированы эти базовые позиции, будет преобладать позиция выжидания.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, что касается российской банковской системы. Как вы считаете, недавно созданному Агентству по реструктуризации удастся что-либо изменить в этой области или же нет?

ШОХИН А.Н. Агентству что-то удастся, но не думаю, что здесь агентство может все сделать. И даже если законы о реструктуризации банковской системы будут быстро приняты и вступят в силу, то следующий вопрос — ресурсы "АРКО". Те 10 миллиардов, которые обещаны, для "АРКО" явно недостаточны, чтобы за счет собственных ресурсов решить проблему реструктуризации всей банковской системы. Это во-первых.

Во-вторых, "АРКО" не обладает политическим ресурсом и авторитетом, чтобы принимать самостоятельные решения о банкротстве крупных банков. Эти решения будут приниматься все равно за пределами "АРКО", на уровне Центрального банка и правительства, может быть, даже на более высоком уровне. Это тоже один из моментов, который не позволяет рассчитывать на высокую эффективность этого агентства.

Было бы правильно, если бы соответствующие решения принимались на таком деполитизированном уровне, чтобы были четкие, заранее известные критерии у отзыва лицензии, начала процедуры банкротства банков. У нас же сейчас очень сложная ситуация. Можно лицензию отобрать у банка, но тогда он будет функционировать как финансовая компания, все равно его обанкротить сложно даже с отобранной лицензией. Значит, нужна понятная процедура, в том числе и быстрого банкротства банков. При этом важно понять, что речь идет не только о банкротстве банковской системы и не столько об этом, а сколько о повышении эффективности банковской системы, о восстановлении доверия к ней. Здесь масса вопросов, которые носят политический характер, например о допуске банков-нерезидентов на российский рынок и, в частности, о предоставлении права работать с физическими лицами. Сейчас, как известно, они такого права лишены.

Хотелось бы, чтобы Агентство по реструктуризации кредитных организаций, используя закон как норму прямого действия, имело бы возможность все эти вопросы решать, тогда, безусловно, при наличии достаточных финансовых ресурсов это агентство может реально санировать и оздоровить банковскую систему. Пока что расчет на это хоть и есть, но не очень высокий.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, не могли бы вы все-таки озвучить свое политическое пристрастие на сегодняшний день. Все-таки осталось не так много времени до выборов. К чему вы сейчас склонны, к какому политическому движению?

ШОХИН А.Н. Сейчас очень важно не посадить страну на качели, как в 1996 году, когда раскачка шла по принципу: коммунисты — назад, в прошлое, объединенные демократы во главе с Ельциным — вперед, в будущее. Сейчас есть вероятность того, что эта схема будет востребована вновь, и тогда макиавеллевский принцип — цель оправдывает средства — будет преобладать. Коль цель благородна — не пустить коммунистов во власть, то все средства хороши.

Мне не хотелось бы, чтобы наша демократическая часть властной элиты руководствовалась этим заветом. А хотелось бы, чтобы несколько романтизированное представление о демократии как о том, ради чего затевались реформы в начале 90-х годов, чтобы эти идеалы как-то пробивались. Нужно, на мой взгляд, организовывать демократическое сопротивление коммунизму как силе, все-таки реальной в обществе, и олигархическому направлению в демократии, причем под олигархией я не имею в виду финансистов, которые влияют на процесс принятия решения. Здесь, скорее всего, надо использовать древнегреческое понятие олигархии. Так вот, не хотелось бы, чтобы у нас сложилась такая модель власти, которая под прикрытием демократии будет на самом деле реализовывать олигархический тип управления страной. Поэтому, честно говоря, нужно объединяться не только правым и либералам, которые готовы и на либеральную диктатуру, и на авторитарно-номенклатурный тип демократии и так далее, но надо

ширить и нормальное демократическое сопротивление как коммунизму, так и этому номенклатурно-олигархическому типу российской демократии.

Кто представляет эти силы? На самом деле, к сожалению, этот отряд демократического сопротивления немногочислен и разрознён ещё больше, чем праволиберальные силы. Но посмотрим, удастся что-то сделать или нет. Пока я ещё остаюсь романтиком и верю в то, что можно, не действуя по формуле "Цель оправдывает средства", чего-то добиваться в обществе, в том числе и недопущения большинства коммунистов в следующей Думе и так далее.

ВЕДУЩИЙ. Два вопроса из Интернета. Андрей Павшин из Ставрополя спрашивает: "Сколько Россия должна клубам? Какая часть долга российского, а какая осталась от СССР? Сможем ли мы когда-нибудь рассчитаться по долгу или это будет, действительно, на наших внуках?"

"Возможно ли полное списание долгов СССР?" — спрашивает Мария Иванова из Москвы.

ШОХИН А.Н. По структуре задолженности мы должны около 150 миллиардов долларов. Точную цифру назвать трудно, поскольку Минфин, Счетная палата, разные организации выдают отличающиеся цифры. Но это не потому, что у нас реальных цифр никто не знает, потому что есть разные методики счета. Считать ли задолженность в рамках бывшего СЭВа или нет. Считать ли долги фирмам — поставщикам товаров бывшему Советскому Союзу или нет. Кроме того, идет постоянная работа с долгами, в том числе по схеме "виу-васк", то есть переуступки долгов. Она не афишируется, что-то рассасывается, поэтому цифры плюс-минус вокруг 150 миллиардов. Могут быть названы и более точные цифры, просто надо знать, как они считаются и на какую дату.

Две трети от этого долга — это советский долг, одна треть — российский. Но если сравнивать не накопленную сумму долгов, а платежи по обязательствам советским и российским, то они равны. Половину мы выплачиваем по советским долгам, половину — по российским. Почему так происходит? Дело в том, что советские долги реструктурированы примерно на четверть века в результате договоренностей с Парижским и Лондонским клубами.

Я напомню, что Парижский клуб объединяет страны-кредиторы, а Лондонский клуб объединяет банки-кредиторы. По договоренности с этими клубами мы реструктурировали, то есть рассрочили, всю сумму накопленного долга, а из них несколько лет — это льготный период, когда мы не выплачиваем основной долг, выплачиваем проценты.

Если посмотреть график на ближайшее время, то в следующие пять лет сохраняется эта пропорция, то есть расходы на обслуживание собственно российского долга составят примерно 50 процентов от всех расходов на внешний долг. Поэтому когда мы говорим о "грузе" долгов, то прежде всего надо говорить о российских долгах, поскольку именно российские долги на нас давят очень сильно.

Российские долги политически реструктурировать невыгодно — это признание политического банкротства нынешней власти. Советские долги — другое дело, мы по ним не платим уже полгода, и, в общем-то, никто не воспринимает это как банкротство России, поскольку это долги другого, не существующего государства и по ним более мягкое отношение у кредиторов, нежели по чисто российским обязательствам. Кроме того, некоторые чисто российские долги, так сказать, по инструментальному оформлению не реструктурируются. Скажем, еврооблигации. Не было еще примеров реструктуризации еврозаймов. Почему? Еврооблигации размещены среди многочисленных, в том числе мелких, инвесторов, частных лиц. Если банки, тем более государства могут договориться и дать какую-то отсрочку по возврату, то конкретный гражданин, который держит облигации России у себя дома и рассчитывает на получение дохода или на погашение этой облигации, может не согласиться на отсрочку, мало ли какие у него обстоятельства. Он может подать в суд, суд может, приняв решение в пользу держателя этой облигации, создать прецедент, и тогда все остальные кредиторы — держатели этих бумаг будут предъявлять требования к России. Почему? Представьте себе, несколько частных инвесторов предъявили иск к России и начали получать возмещение в полном объеме, а не только в объеме просроченных долгов. Остальные держатели этих бумаг начинают нервничать, а вдруг Россия, действительно, неплатежеспособна и тот, кто обратится раньше в суд, получит сполна, а кто не поторопится, не займет очередь — он ничего не получит. В результате все начинают обращаться в суды и требовать погашения всей суммы долга. Вот это и порождает ситуацию дефолта —

формальное признание страны банкротом, поэтому по российским долгам очень сложно, безусловно, договариваться о реструктуризации и центр тяжести обычно падает на советские долги.

Кстати, сейчас может быть создан один прецедент, это модель Пакистана. Он сейчас находится на грани дефолта и по обязательствам в отношении МВФ, и по собственным обязательствам, среди которых преобладают еврооблигации. Международный валютный фонд советует Пакистану обратиться с просьбой о реструктуризации еврооблигаций. Если это случится, то будет первый прецедент, и нам надо будет посмотреть, чем такие дела кончаются. Но здесь МВФ явно лукавит: он говорит — реструктурируйте все, что хотите, только нам заплатите. То есть каждый кредитор ведет себя эгоистично и не факт, что если Пакистан заплатит МВФ, а потом обратится с просьбой о реструктуризации еврооблигаций, то он не окажется в состоянии формального дефолта и его не начнут таскать по судам. Но МВФ это не интересует.

В равной степени, наверное, не очень интересовало МВФ и 17 августа, когда мы пошли на дефолт по ГКО, а МВФ сказал, что если нам заплатите, то остальное не так страшно. На основании такого ответа мы долго ссылались на то, что все согласовано с МВФ. Но с фондом это не могло быть согласовано. МВФ сказал, что это ваше личное дело. Главное, чтобы вы аккуратно платили по своим обязательствам перед фондом.

Что касается списания советских долгов. Да, это возможно, но время безбожно уходит. Дело в том, что, кроме наших долгов перед Парижским, Лондонским клубами, у нас есть финансовые активы. Финансовые активы — это кредиты, которые предоставлял Советский Союз странам так называемой социалистической ориентации. По официальным цифрам, при вступлении в Парижский клуб у нас было 120 с лишним миллиардов долларов финансовых активов, но, вступая в Парижский клуб, на правах кредитора, мы договорились с этим клубом, что вся сумма финансовых активов будет засчитана нам и использован официальный курс рубля на момент предоставления этих кредитов. Это нам удалось, но в обмен Парижский клуб потребовал осуществить так называемое глобальное дисконтирование суммы финансовых активов и сумма долга уменьшилась почти в три раза, по крайней мере сумма финансовых активов сейчас составляет не больше 50 миллиардов долларов. Это первое.

Второе. Мы, вступив в Парижский клуб, обязались работать со своими должниками по тем же схемам, которые реализует Парижский клуб. Никаких самостоятельных схем мы реализовывать не будем — это условие нашего приема в Парижский клуб в качестве кредиторов. Что это значит? Это значит, с учетом платежеспособности и бедности этих стран — наших должников мы должны в среднем эти 50 миллиардов долларов реструктурировать по схемам Парижского клуба, то есть половину списать, а другую половину лет на 25—30 рассредоточить, реструктурировать с предоставлением большого льготного периода.

Есть такое понятие — чистая приведенная стоимость. Вот если все эти схемы реализовать (реструктуризация, списание и так далее) и перевести в единомоментный платеж на сегодняшний день, по моим прикидкам, все наши финансовые активы стоят где-то 5—7 миллиардов долларов. Это из 120. Правда, эти 5—7 миллиардов долларов не учитывают долги таких стран, как Куба, Сирия, Ливия и Ирак. С ними можно работать отдельно. Вступая в Парижский клуб, мы эти страны и Индию оставили за скобками.

Что делать в этой ситуации? Надо торопиться. Мало того, что чистая приведенная стоимость наших финансовых активов на порядок ниже той номинальной величины, с которой мы вступили в Парижский клуб, но Парижский клуб постоянно предлагает наименее развитым странам все более и более льготные схемы. Одна из них будет обсуждаться в июне в Кельне. Это инициатива президента Клинтона. У него сейчас много инициатив после известных скандалов: и Югославия, и списание долгов. Так вот, он предложил на 100 процентов списать долги наименее развитым странам (это около 45 стран) по так называемым льготным кредитам и на 90 процентов списать остальные межправительственные кредиты беднейшим странам-должникам. Существенная часть наших должников попадает в эту категорию, и мы должны им предложить те же схемы. Два года назад мы пошли на такую технологию, сейчас она не обсуждается либо нам надо выходить из Парижского клуба. Это значит, что от тех 5—7 миллиардов долларов останется, что называется, "шиш да кумыш", поэтому надо торопиться и решать

вопрос на политическом уровне. Чехарда в правительстве отнюдь не способствует тому, что с нами будут договариваться по этим политическим схемам списания долгов.

Что можно было бы сделать? Я предложил традиционную для российской финансовой системы схему взаимозачетов, даже письмо Ельцину и Примакову в марте писал. Положить в один пакет наши финансовые активы, о величине которых вы теперь знаете чуть больше, чем раньше, и наши долги, прежде всего Парижскому клубу, а может быть, и частично Лондонскому клубу. В результате этого взаимозачета мы можем списать советские долги либо полностью, либо процентов на 75, либо при удачном раскладе полностью расчистить площадку платежей по советскому долгу. Тем более надо иметь в виду, что самые лакомые кусочки, а именно долги Индии, Ливии, Ирака у нас остаются и с ними еще можно работать.

Это схема политическая, безусловно, она в технико-финансовом отношении достаточно сложна, но ею никто не занимается, к сожалению. Вместо этого мы предлагаем схемы типа "дайте на полгода отсрочку на период проведения переговоров". Если мы кельнский саммит проходим без обсуждения схемы конверсии долгов — наши долги на долги нам, то дальше будет поздно, потому что от наших финансовых активов ничего не останется в результате этих льготных схем, которые предлагают кредиторы наименее развитым странам с наибольшим бременем внешней задолженности.

Других технологий на самом деле нет. Дело в том, что Россия не проходит ни по одному показателю страны с высоким бременем задолженности или страны наименее развитой. Мы вполне отлично выглядим по доходам от экспорта и по общему отношению долга к ВВП и так далее. Даже по показателям ВВП на душу населения мы к малоразвитым странам не относимся. Стало быть, никакие стандартные схемы, которые находятся в портфеле Парижского клуба (называются они "меню" Парижского клуба), к России не подходят. Ближе всего к России стоят схемы 50-процентного списания долга Польше и Египту. Это были политические схемы. Польша получила списание за прорыв социалистической системы, Египет — за участие в мирном ближневосточном урегулировании. Вполне можно было бы, ввязываясь в югославское урегулирование и беря на себя обязательство уговорить Милошевича на те или иные условия, включая введение международного воинского контингента (конечно, не под флагом НАТО, а под флагом ООН), ставить вопрос о цене участия России, в частности добиться списания долга по схеме Египта и Польши. Эта возможность пока еще не утеряна. Хотелось бы думать, что такой прагматичный человек, как Виктор Степанович Черномырдин, ведя сложные переговоры со Строубом Тэлботтом, с Ахтисаари, с Милошевичем, все-таки не забывает, что он — хозяйственник, и где-то у него хотя бы в "подкорке" есть идея о том, как "продать" участие России в качестве посредника. Если таких идей нет, то, честно говоря, обидно, потому что национальный интерес России должен заключаться не только в том, что мы остановим бомбардировки, но и в том, что решим какие-то свои проблемы, в частности финансовые. И кроме списания долгов СССР, здесь можно было бы настаивать на участии российских компаний в восстановлении Югославии и Косово, в частности.

Поэтому о списании можно говорить, но говорить просто о том, что спишите нам 50 или 75 процентов, нельзя. Таких схем России никто не предложит. Значит, только на основе каких-то политических увязок, политического давления можно добиваться этого списания. И Президент Ельцин, если авторитет его среди "семерки" не понизится в результате последних событий, — это единственный человек, который может добиваться такого рода схем.

ВЕДУЩИЙ. Александр Николаевич, есть два вопроса. "Ястребы" у нас появились в Москве. Нужны ли вообще эти переговоры с Лондонским клубом? "Может быть пожестче — не отдадим и все?" — спрашивает Алексей из Москвы. И Александр Лапушкин: "Что произойдет, если Россия выйдет из Лондонского клуба?"

ШОХИН А.Н. Россия — не член Лондонского клуба. Нас приглашают туда как должника. Клуб объединяет кредиторов. Мы члены Парижского клуба. Почему? Потому что мы страна-кредитор. Нас приняли как кредитора, но одновременно мы входим в Парижский клуб как должник, как бы пересаживаемся с одной стороны стола на другую в процессе обсуждения разных пунктов повестки дня.

Можно ли не платить? Были такие прецеденты, когда некоторые страны не платили. Ничего хорошего из этого не получалось. Почему?

Если мы публично заявляем, что платить не будем, то объявляем дефолт, объявляем себя банкротом. Мы должны иметь в виду, что все наши зарубежные активы оказываются под арестом. Это и собственность за рубежом, это и газ в трубе, поскольку "Газпром" принадлежит частично государству, это и экспортные поставки нефти тех компаний, в которых есть доля государства. Все эти экспортные поставки попадут под так называемый предварительный обеспечительный арест. После этого суды будут выяснять, а поставки этих компаний постоянно попадать под арест до тех пор, пока суд не установит конкретную схему возмещения убытков кредиторов. Стало быть, это схема изоляции.

Я думаю, что вести переговоры можно о том, что Россия не в состоянии платить по этим долгам, но вести переговоры — это не значит заявить, что мы не платим. Схема должна быть такая, что мы платим из последних сил. Если мы будем платить в полном объеме, то российская экономика "надорвется", общество начнет маргинализироваться (кстати, мы эту схему традиционно используем), тогда либо коммунистическая диктатура, либо националистическая — зачем вам это нужно?

Сейчас этот аргумент все меньше и меньше работает. Если мы его и дальше будем использовать, то популярными станут идеи санитарных кордонов вокруг России. Если вы нас пугаете, что у вас может быть маргинальная власть после ближайших выборов, если вы нас пугаете боеголовками и ядерными реакторами, значит, все надо делать для того, чтобы попытаться отгородить остальную часть от России, и, если надо, использовать югославскую схему. Зачем самих себя загонять в этот угол. Но договориться с кредитором на политическом уровне о том, что Россия будет платить лишь столько, сколько по силам ее больной экономике, скажем, не больше 3 процентов от ВВП, и как только экономика встанет на ноги, мы можем платить и больше. Но можно этого не делать, а списать долги по той схеме, о которой я говорю, — вот это нормальная цивилизованная схема. Я думаю, что в основном ею надо пользоваться.

Кстати, можно, даже не меняя договоренности с клубами — Лондонским и Парижским, — предложить схему, при которой Россия начнет платить в полном объеме не в определенный год, как сейчас по новым графикам платежей, по графикам реструктуризации, а при достижении определенного условия, например темпов экономического роста не ниже чем три процента в год, начинает увеличивать платежи по внешнему долгу.

Я в свое время предлагал эту схему кредиторам, напомнив им об одном прецеденте, который у них глубоко засекречен, но который я пытаюсь сделать достоянием гласности, — это схема реструктуризации долгов Германии. После окончания первой мировой войны Германии были предъявлены долги. Она была разорена войной, платить не могла даже контрибуций. Были выпущены, по-моему в году 1927, облигации по плану Янга. Эти облигации начали уже обслуживаться, но Гитлер, придя к власти, отказался от долгов предшественников. И только правительство Аденауэра после второй мировой войны взяло на себя вновь все обязательства довоенной Германии. В 1953 году Лондонская конференция по урегулированию долговых проблем Германии пришла к такому решению, что Германия начнет выплачивать эти долги на следующий год после объединения. Когда я вспомнил эту схему, наши партнеры испугались, что мы будем платить долги СССР после восстановления Советского Союза. Я их успокоил (это было почти лет пять назад) и предложил схему, что Россия начнет выплачивать долги после достижения определенных экономических результатов, соблюдения определенных условий. Лучше, если это будет возобновление экономического роста на достаточно высоком уровне.

Можно даже предложить такую схему. Не меняя договоренности с клубами, в условиях нулевого или минусового роста мы не платим долги или платим на минимальном уровне, то есть обслуживаем только российские долги, а советские долги, если мы их не списываем и не реализуем схему взаимозачета, начинаем обслуживать только после того, как российская экономика встанет на ноги. Если это случится через 20 лет — значит, через 20. Схема реструктуризации долгов Германии оказалась растянутой почти на сто лет. В 1990 году "Дойче бундес банк" выпустил облигации по погашению кайзеровского долга, последняя дата погашения 2010 год — итого 92 года. Может быть, тогда не детям и внукам, а правнукам оставить этот долг.

Но еще раз подчеркну, что лучше от советских долгов избавиться как можно быстрее. И самое главное — не делать новых долгов. К сожалению, правительство

на одном из первых заседаний не смогло рассмотреть этот вопрос, но тем не менее заимствовали мы уже после первого января 1992 года безобразно много. Эффективность использования кредитов межправительственных, финансовых, связанных, инвестиционных, торговых и так далее не поддается никакой критике. Мы разбазарили все эти деньги.

Сейчас надо резко снижать объем заимствований, обеспечивать первичный профицит федерального бюджета и заимствовать вновь только для одной цели — возвращать старые долги и рассосать это бремя накопленного долга. Это не означает, конечно, румынского варианта. Румыния в свое время напряглась, это плохо кончилось для президента Румынии. Я не думаю, что у нас повториться, но в то же время заставлять народ страдать и затягивать пояса после девяти лет жизни с затянутыми поясами все-таки не гуманно. Я думаю, что по этой схеме в полном объеме идти нельзя, но повышать эффективность заимствований, безусловно, нужно.

ВОПРОС.

Не могли бы вы еще раз вернуться к теме взаимосвязи событий в Югославии и наших долгов в таком аспекте: известна ли на данный момент сумма экономического ущерба, который понесла Россия в результате действий США, Англии, Франции и так далее, и планируется ли полноценное участие России в восстановлении экономики Югославии? Каким образом вообще это может отразиться на наших переговорах, прежде всего с Парижским клубом?

ШОХИН А.Н. Если говорить об оценке ущерба для российской экономики, то у меня такое впечатление, что никто этот ущерб не подсчитывал и даже никто не знает, в какой форме он может проявиться.

Мы должны посмотреть разные варианты окончательного урегулирования конфликта. Если урегулирование конфликта будет идти в форме активного участия России в поддержке югославского режима, включая военно-техническое сотрудничество, военные поставки, то здесь на нее будут распространены санкции, которые сейчас действуют в отношении Югославии, поэтому выгоды от экспорта оружия будут перекрыты потерями от участия России на стороне Югославии в военных действиях, не говоря о том, что это может привести к новому развороту событий в отношениях с НАТО, включая и какие-то прямые формы ущерба для российской экономики. Это первое.

Второе. Если говорить об ущербе для российской экономики в случае мирного урегулирования, то этот ущерб возникает в случае, если мы сейчас, ведя трудные переговоры в качестве посредника, не обговариваем участие российских компаний в восстановлении косовской и сербской экономик.

Вы знаете, что минимальная оценка ущерба, нанесенного Югославии, составляет 50 миллиардов долларов. Именно на такие цифры ориентируется Европейский Союз при составлении нового бюджета. Но есть же и другие источники, в частности Соединенные Штаты, поэтому цифра в 100 миллиардов долларов не является завышенной. Будут ли российские компании участвовать? Хотелось бы. Но я обращаю ваше внимание, что Россия все время опаздывает. Мы громче всех защищали иракский и ливийский режимы, но в случае снятия санкции с Ливии давайте просто посмотрим, кто окажется первым в очереди на возврат долгов, на контракты по строительству тех или иных объектов на территории Ливии? Не факт, что российские компании. То же самое может повториться и с Ираком, то же самое может повториться и с Югославией.

Я считаю, что это происходит из-за того, что мы нечетко фиксируем свой национальный интерес, когда начинаем активно вмешиваться в урегулирование того или иного конфликта, защищая, как правило, сторону, которая противодействует ООН или мировому сообществу. Национальный интерес должен иметь осязаемую форму. Это не только борьба за соблюдение универсальных принципов ООН, международного права, гуманизма и так далее, но это и прагматичный подход к оценке своего участия в урегулировании. Ведь, как правило, мы защищаем своих партнеров, своих друзей, которые нас по старинке еще иногда называют "старшим братом", но также, как правило, эти наши партнеры, "братья меньшие", на финальных стадиях разрешения конфликта выходят напрямую без посредников на Соединенные Штаты, на НАТО, на другие великие державы. Почему? Потому что они от них хотят получить гарантии личной безопасности, как в случае с Милошевичем (сейчас очень важно Милошевичу, идя на переговоры, добиться отмены решения Международного трибунала по Югославии и отменить

ордер на арест). В равной степени решение об экономической помощи зависит от Европейского Союза и Соединенных Штатов, и Милошевичу важно без посредников договариваться о суммах, в том числе и о схемах участия тех компаний, которые он номинирует в деле восстановления экономики.

Поэтому нас, что называется, "кидают" часто на финальных отрезках урегулирования того или иного конфликта те, кого мы защищаем "с пеной у рта". Это значит, что, формулируя цели национальной внешней политики, надо не забывать об экономической компоненте. Надо не забывать о том, что эта экономическая компонента у наших партнеров, в том числе у тех, кого мы защищаем, как правило, ярко выражена и они ее не скрывают, и нам, наверное, вряд ли ее нужно скрывать.

Если удастся договориться по схеме вовлечения российских компаний, я бы считал, что мы не меньше трети заказов должны были бы взять на себя по восстановлению югославской экономики при том еще, что участие России в мирном урегулировании (если мы Милошевича уговорим на схему большой "восьмерки") должно еще быть оценено в форме политического подхода к проблеме списания советских долгов. В сумме если оценивать, то это десятки и десятки миллиардов долларов при удачной реализации нашей внешнеполитической линии, которая, еще раз повторю, обязательно должна содержать экономическую компоненту. Спасибо.

ЧЕРНОМЫРДИН ДОЛЖЕН

УСТУПИТЬ ЛИДЕРСТВО, А НДР - СТАТЬ МЛАДШИМ ПАРТНЕРОМ
(«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА», 7 ИЮЛЯ 1999 ГОДА, ИВАН РОДИН)

Депутат Государственной Думы Александр Шохин состоит в не очень длинном списке настоящих политических долгожителей Российской Федерации. Несколько лет он был одним из лидеров движения "Наш дом — Россия", в последнее время консультировал, хотя и не слишком успешно, самарского губернатора Константина Титова по поводу создания им некоего регионального блока. Поэтому именно г-на Шохина корреспондент "НГ" и попросил прокомментировать перспективы гипотетической праволиберальной коалиции, о возможности создания которой сообщили в Зальцбурге представители НДР, "Правого дела", "Голоса России" и "Новой силы".

—Александр Николаевич, как вы оцениваете перспективы создания коалиции между "Правым делом", "Новой силой", "Голосом России" и НДР с точки зрения как вероятности этого события, так и его необходимости?

—Необходимость, безусловно, есть. Понятно, что ни одна из партий, лидеры которых поехали в Зальцбург и объявили о намерении создать предвыборный блок, в Думу самостоятельно не проходит. Опросы общественного мнения устойчиво показывают, что эти партии имеют от одного до трех процентов. Однако простого сложения рейтингов этих партий, как вы понимаете, не получается. Конечно, в ряде случаев политическое сложение имеет место, но в других случаях срывает и политическое вычитание. И те, кто был готов проголосовать, например, за "Голос России", в случае его вхождения в праволиберальную коалицию, могут переориентироваться на "Отечество" и "Всю Россию" Шаймиева — Яковлева.

Те же, кто был готов голосовать за правых либералов, увидев там, скажем, того же Черномырдина, отдрейфуют к Явлинскому, и так далее. Поэтому дело неблагодарное — сейчас гадать, сколько же процентов голосов получится у этой "коалиции на четверых". Это станет более понятным только после жесткой фиксации соглашения о ее создании и его условий, в частности конструкции федерального списка этой коалиции.

А моя оценка такая: эта коалиция имеет шанс переползти пятипроцентный барьер и получить от 5 до 7 процентов голосов. Это, наверное, максимум того, что можно было бы сделать в случае формирования широкой праволиберальной коалиции. И, более того, сейчас, видимо, можно говорить о максимальном числе возможных участников. Я, консультируя "Голос России" и губернатора Константина Титова, говорил ему, что у "Голоса" есть такой выбор: присоединиться к региональным партиям или к праволиберальным. К последним, кстати, "Голос России" продвигает идеология его лидера Константина Титова, а к первым — его статус губернатора

одного из крупнейших российских регионов. Такая альтернатива в равной степени была естественной и для "Нашего дома — Россия".

—Однако же между участниками возможной праволиберальной коалиции существуют и непростые персональные взаимоотношения.

—Конечно, затруднения здесь, на мой взгляд, были персонального свойства, и связаны они больше с осью Черномырдин — Кириенко, ведь им надо было как-то разойтись в оценках событий 17 августа. Кириенко всегда давал понять, что у него другого выхода не было, поскольку наследство ему досталось тяжелое: та пирамида государственного долга, которую выстраивал Черномырдин, должна была рухнуть, а ему уже ничего не оставалось делать, как объявлять дефолт по ГКО и частично по внешнему долгу. Черномырдин же неоднократно заявлял, что стоило ему на пять месяцев отлучиться, как тут же развалили все, будто "Мамай прошелся". Чисто объективно здесь явно не выстраивались персональный диалог и совместная деятельность, потому что велико было желание у каждого из экс-премьеров найти виноватого друг в друге.

—Другая линия — это Черномырдин — Титов?

—Да, также с трудом выстраивалась схема взаимодействия между этими двумя людьми, поскольку в сентябре 1998 года последний явно выступил против Черномырдина как кандидата на пост премьера. А их полемика насчет залысин, конечно, всем памятна до сих пор. Так что не такие простые личные отношения между возможными участниками коалиции, хотя с точки зрения идеологии эта команда, безусловно, совместима. И тот факт, что все лидеры "Правого дела" когда-то работали в правительстве Черномырдина — и Немцов, и Федоров, и Чубайс, и Гайдар, — показывает, что принципиальных расхождений по идеологии нет. Но есть некоторые конструкции политического свойства, которые когда-то разве ли отдельных лидеров.

Впрочем, известно, что коалиции потому и не случаются, что единомышленники — близкие по программным установкам люди — не договариваются из-за некоторых субъективных соображений. Для этой же коалиции ключевым вопросом, в частности, является место Черномырдина. Я могу так предположить, что эта коалиция выстроится неким определенным образом, если будет реализован мой тезис ноября—декабря прошлого года, когда я предложил Виктору Степановичу обязательно выступать коалицией, но не требовать в ней первого места для НДР и его лидера. И у меня такое впечатление, что ЧВС, реализовав еще одно мое давнее пожелание — он все-таки согласился на то, чтобы стать председателем совета директоров ОАО "Газпром", что ему предлагалось сделать еще в апреле 1998 года, но он отказывался, — сейчас стоит перед следующим этапом. Он должен решить, как реагировать на мою тоже старую идею о том, что НДР — это младший партнер в коалиции, по крайней мере с точки зрения места его лидера в федеральном списке. Мне кажется, что Виктор Степанович должен занять позицию, похожую на ту, которую занимает Чубайс по отношению к "Правому делу", то есть дистанцироваться и стать "кукловодом" или своего рода Дэн Сяопином, то есть быть человеком, без которого ни одно решение не принимается, но который стоит за кулисами, а не демонстрирует себя на сцене. Если это случится, то Черномырдин с Чубайсом выступят в роли организаторов этого праволиберального блока, но сами выдвигаться не будут, а значит, тогда появляется возможность сговориться крупным партиям. И если от НДР в лидеры будет двигаться Рыжков или Аяцков, то их можно уговорить идти не во главе списка, а где-нибудь в составе тройки. Однако, я думаю, проблема может возникнуть между Титовым и Кириенко, каждый из которых при таком раскладе будет претендовать на первое место. Так что если эти граждане между собой разберутся и сумеют отстроить первую тройку списка так, чтобы в нее вписались лидеры "четверки" — вот где беда! — то коалиция в принципе возможна. Если же эту проблему не решить, то именно она и может помешать договориться.

И если Черномырдин, который дал понять, что он не на сто процентов уверен, что вся эта коалиция нужна ему — именно нужна, а не возможна, — вот если он отбросит все свои "но", то все может в принципе получиться — и получится в первую очередь преодоление пятипроцентного барьера блоком праволиберальной ориентации. Я считаю, что противовес в виде праволиберальной, радикальной фракции в Государственной Думе очень нужен — он хотя бы как-то станет уравновешивать коммунистов и националистов. Поэтому я бы двумя руками приветствовал создание такого рода коалиции, которая сумеет преодолеть

пятипроцентный барьер и привести таких заметных и влиятельных политиков в Государственную Думу.

Но то, что это не решение главной проблемы предстоящих в декабре выборов, — вполне очевидный факт. Надо иметь в виду, что этот право-либеральный блок будет оттягивать голоса у других некоммунистических партий и движений, у того же "ЯБЛОКА" например, или у других центристов и либералов. Электорат коммунистов это, безусловно, никак не задевает либо затрагивает совсем чуть-чуть в том случае, если либералы станут противостоять именно коммунистам, то есть попытаются воспроизвести ситуацию 1996 года.

—Александр Николаевич, вы упоминали региональную альтернативу и для "Нашего дома", и для "Голоса России". А что вы конкретно имели в виду?

—А может быть, НДР сольется и со "Всея Россией", и с тем же "Голосом" в единый предвыборный региональный блок — что тоже было возможно и что, кстати, пока не является окончательно отвергнутым вариантом. Тот же ЧВС, например, обещал собрать политсовет НДР, прежде чем принимать решение о коалиции с правыми либералами. И если политсовет, к примеру, решит, что надо объединяться с Шаймиевым — Яковлевым и с Титовым, но в рамках центристской региональной платформы, то, с точки зрения электоральных перспектив, это объединение имеет тоже не меньше 7 процентов голосов, а то и все 10. А поскольку такой союз будет более центристским, то при хорошей работе он сможет забрать голоса и у левого центра, и даже у самих левых. Такое объединение в плане противостояния коммунистам, без сомнения, более эффективно.

ТЕХНИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ МОЖЕТ СТАБИЛИЗИРОВАТЬ СИТУАЦИЮ

(СТЕНОГРАММА БЕСЕДЫ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н.
В ПЕРЕДАЧЕ "СЕЙЧАС" РАДИОСТАНЦИИ "ГОВОРIT МОСКВА",
9 АВГУСТА 1999 ГОДА, Э. МАЛИКОВА)

Мы возвращаемся к основной политической теме недели. Депутаты Государственной Думы вновь поставлены в условия выбора. Сегодня в прямом эфире нашей программы Александр Шохин, депутат Государственной Думы. С ним беседует Эльмира Маликова. Тема дня — "Актуальное интервью".

—Александр Николаевич, действительно, эта тема недели — отставка правительства, и сегодня в лице Александра Вешнякова, председателя энтризбиркома, власть вновь продемонстрировала свою твердую волю провести собственную идею относительно того, чтобы наша страна в дальнейшем развивалась как надо, от президентской может быть администрации. Если Государственная Дума в ближайшее время в течение трех раз не утвердит кандидатуру Владимира Путина, то судьба выборов опять под вопросом.

—Кстати, действительно, мы отставку правительства превратили в тему недели. Так часто правительство уходит в отставку, что больше недели эта тема не держится в средствах массовой информации. Сегодня прошли всего лишь сутки, но мы уже перестали обсуждать судьбу правительства Степашина и обсуждаем совсем другие темы. Александр Вешняков, безусловно, прав: если Государственная Дума трижды отклонит кандидатуру, представленную президентом, а судя по всему, это будет кандидатура Путина, нет оснований считать, что Борис Николаевич, провозгласив Владимира Владимировича своим престолонаследником, вдруг перед третьим голосованием (если Дума дважды отклонит его кандидатуру) внесет какую-то новую фамилию. Хотя год назад он, предлагая кандидатуру Черномырдина на пост председателя правительства, также заявил, что видит в нем своего преемника и продолжателя, и, в частности, говорил о том, что лучшего кандидата для 2000 года не найти. Но перед третьим голосованием он сменил стратегию и предложил пост премьер-министра Евгению Примакову.

Та схема годичной давности была связана с тем, что президент не был намерен распускать Государственную Думу. Сейчас же все наоборот. Судя по всему, вариант роспуска Государственной Думы сильно устроил бы Кремль. Почему? Прежде всего потому, что депутаты в день роспуска Государственной Думы оказываются рядовыми гражданами, которым нельзя уже использовать и трибуну

Государственной Думы, и служебные телефоны, включая "вертушки", и казенные деньги на командировочные для избирательной кампании. Кроме того, между роспуском Думы и регистрацией кандидата в депутаты пройдет какое-то время, две-три недели, может, месяц, и тогда каждый из нынешних депутатов оказывается один на один с властью. Я не исключаю, что кое у кого из депутатов есть и какие-то грешки, можно возбудить против них даже уголовное дело.

—То есть они лишаются того самого иммунитета.

—Да, и поэтому депутаты, безусловно, не пойдут на то, чтобы отклонить кандидатуру, предложенную президентом по крайней мере в третьем голосовании. А если это произойдет, то легко подсчитать сроки выборов.

По Конституции в случае роспуска Думы выборы должны быть организованы в течение трех месяцев. Другая статья Конституции гласит о том, что новая Дума собирается на первое заседание через месяц после выборов. Вот эти две даты дают возможность составить четкий график. Тридцатого августа третье отклонение (если, конечно, оно состоится) кандидатуры Владимира Путина, тридцатого ноября выборы, а тридцатого декабря Дума соберется на первое заседание. Возможны какие-то колебания плюс-минус несколько дней, но базовый график выглядит таким образом. Дело не в том, что выборы состоятся на двадцать дней раньше, что первое заседание придется на новогодние праздники и депутаты не захотят портить себе Новый год работой, производственными заседаниями, а дело в том, о чем я уже сказал — они не захотят рисковать. Рисковать прежде всего противостоянием с властью, когда каждый окажется один на один с властью и не все это испытание выдержат. Кроме того, в этот период мало ли что может произойти. Допустим, вынесут тело Ленина из Мавзолея, коммунисты возмутятся, выйдут на улицу. Но они, уже не обладая депутатскими мандатами, будучи рядовыми гражданами, могут оказаться под прессингом закона, если, скажем, посягнут на основы конституционного строя. Можно тогда и КПРФ запретить. Вот все это, по-моему, дает веские аргументы в пользу того, что Дума не пойдет на отклонение кандидатуры Путина и, более того, есть серьезные аргументы в пользу того, что его кандидатура будет проголосована с первого раза.

—Если с первого раза, то тогда Дума распишется в собственной политической проституции, если уж называть вещи своими именами.

—Она уже однажды расписалась, когда пятнадцатого мая с ходу проголосовала кандидатуру Сергея Степашина. В принципе для левой оппозиции Степашин и Путин как близнецы-братья. Геннадий Зюганов ровно об этом и сказал: Путин и Степашин и по ментальное™, и по происхождению (оба родом из Питера), и по причастности к спецслужбам — это, в общем-то, практически одно и то же. Поэтому нет никаких оснований, утверждая Степашина с первого захода, отказывать в этом Путину, который является его как бы правопреемником во всех ипостасях. Но кроме того, голосуя с первого раза, депутаты дадут понять, что вопрос технический. Они премьера не рассматривают как судьбоносную политическую фигуру. Они борются с президентом, а с президентом можно бороться, только победив на парламентских выборах и победив на президентских выборах.

—Таким образом получается взаимный шантаж. То есть Кремль шантажирует Думу предварительными выборами, переносом сроков выборов, а Дума шантажирует президента тем, что сейчас голосует за фактически техническое правительство.

—Да, Дума дает понять, что она рассматривает правительство как техническое или, говоря более резко, как карманное правительство Президента Ельцина и не будет тратить сил на то, чтобы бороться с этим правительством. Это первый аргумент. И второй аргумент. Дума, все фракции не захотят брать на себя ответственность за безвластие в стране. Действительно, напряженная ситуация на Северном Кавказе, действительно, есть опасность того, что, если затянутся процедура утверждения премьера и формирование правительства, мы можем оказаться в сложном положении с пресловутыми траншами Международного валютного фонда и Всемирного банка, с переговорами по долгам и так далее. Ответственность на себя за негативные последствия политического кризиса, думаю, Дума брать не захочет, парламентские партии не захотят. Поэтому они переведут все это в другую плоскость: правительство техническое, а главное — сменить режим, а это победа на выборах. Парламентские фракции все будут делать для того, чтобы не поддаться на провокацию, если можно так сказать.

—Говоря о том, что это правительство карманное и техническое, значит ли, что ему

отпущен совсем короткий срок? Если правительство Примакова удержалось полгода, теперь у нас идет такая динамика — три месяца, а это до новых выборов в Думу, или оно все-таки додержится до новых президентских выборов?

—Вообще, конечно, правительству Степашина не позавидуешь. Есть традиционный срок жизни любого правительства или политика — сто дней. После Наполеона первоначальный стодневный период является базой отсчета успехов или неудач. Сергею Степашину не дали пробыть сто дней у власти, тем не менее, действительно, его правительство не сделало никаких крупных ошибок, довело многие начинания предшественников до логического конца (в частности, те же переговоры с МВФ и кредиторами) и как бы его особо не за что ругать. Правительство Путина поэтому провозгласит (оно уже провозгласило устами исполняющего обязанности премьера), что оно будет продолжать дело правительства Степашина.

Кстати, Степашин говорил, что он будет продолжать дело Примакова, а Кириенко говорил, что он будет продолжать дело Черномырдина, Черномырдин говорил, второй раз став и. о. премьера, что он будет продолжать дело самого себя, и так далее. У нас все продолжают дела предшественников, но очень часто почему-то меняются правительства, и всех президент благодарит за хорошую работу. Ну это отдельная тема. Какова судьба это го правительства? Я вообще считаю, что даже в интересах Владимира Путина объявить себя техническим правительством, которое не будет ставить перед собой амбициозные политические планы, а будет пытаться удержать экономическую и политическую ситуацию под контролем. В экономике — это недопущение инфляции и падения курса рубля, в политике это недопущение конфликтов, таких, как война на Северном Кавказе.

Если к декабрьским выборам правительство справится с этими задачами, оно сможет удержаться и при новой Думе, то есть критические дни для этого правительства (я не терминами нашей телевизионной рекламы пользуюсь) наступят после того, как следующая Дума соберется на первые свои заседания. Дело в том, что следующая Дума ничем не рискует, если дважды вынесет вотум недоверия правительству. Скажем, один раз в феврале, второй раз в мае, перед президентскими выборами. Почему она не рискует? Дело в том, что, согласно Конституции, если Дума в течение трех месяцев дважды голосует вотум недоверия правительству, президент обязан либо распустить Думу, либо отправить правительство в отставку.

Но по Конституции же президент не имеет право распускать Думу по мотивам недоверия правительству в первый год после выборов. Дума защищена Конституцией. И если правительство не справится с экономической и политической ситуацией в стране и будет сформировано более-менее внятное думское большинство со своим кандидатом в президенты, оно завалит любого престолонаследника-премьера, вынеся ему дважды в течение трех месяцев вотум недоверия. Представьте себе кандидата в президенты, который за месяц до первого тура президентских выборов покидает пост премьера, поскольку Дума большинством выразила недоверие ему и недоверие его политике. Вряд ли в этих условиях он сумеет пройти во второй тур президентских выборов. Поэтому правительству Путина и самому Владимиру Владимировичу, конечно, предстоит очень тяжелая работа, чтобы выполнить указания Бориса Николаевича Ельцина, а именно: ему нужно не только выдвинуться кандидатом в президенты, но и как минимум выйти в финалисты президентской гонки. Удастся ему это или нет, будет зависеть во многом от успехов в политике этого правительства как технического правительства, которое сумеет удержать ситуацию под контролем. Это во-первых. И, во-вторых, будет зависеть от итогов парламентских выборов. Если по итогам парламентских выборов будет сформировано непрезидентское большинство, а шансов у президента получить свое большинство практически нет, то тогда, безусловно, это непрезидентское большинство сумеет выдвинуть своего единого кандидата в президенты.

—Напомню, Александр Шохин, депутат Государственной Думы в программе "Сейчас". По поводу антипрезидентского большинства, так называемого оппозиционного большинства в Государственной Думе. Ведь все разговоры о том, что Дума может быть распущена, или опять же очередное заявление господина Вешнякова о том, что все-таки будут проверены документы Министерством юстиции по регистрации политических партий и движений накануне выборов. Оно, по-видимому, направлено на то, чтобы не пропустить, не подпустить к

парламентским выборам те коалиции, которые создавались в течение этого года или начиная с девятнадцатого декабря года минувшего, вот такой прямой намек на "Отечество", на "Всю Россию".

—Вы знаете, "Вся Россия" ведь еще не зарегистрирована как политическая предвыборная организация, с сегодняшнего дня такая регистрация возможна. Как известно, "Всю Россию" учредили две политические структуры, имеющие право участвовать в выборах. "Отечество" само является таковой. И поэтому блок по ныне действующему законодательству возможен между "Отечеством" и теми двумя политическими силами, которые учреждали "Всю Россию", но если вдруг выяснится, что "Отечество" зарегистрировалось позже положенного на день, что год кончается восемнадцатого декабря, а "Отечество" девятнадцатого к вечеру зарегистрировалось, если, скажем, партии, учреждавшие "Отечество" (там не сколько партий и движений), учредят вместе с теми двумя партиями, которые учреждали "Всю Россию", предвыборный блок, то основная опасность будет подстерегать чисто организационная. Этот блок все равно будет зарегистрирован. Но если окажется, что одна из партий, учреждающая этот избирательный блок (допустим, он будет также называться — "Отечество — Вся Россия"), выйдет из этого блока, то регистрация аннулируется. "Отечество" могло идти самостоятельно на выборы, оно зарегистрировано. В случае другого толкования сроков регистрации "Отечество" будет зависеть от тех партий, которые его учреждали. Вдруг там появятся новый Рогозин и Конгресс русских общин, которые хлопнут дверью на следующий день после регистрации. Регистрация будет аннулирована.

Можно оказаться в сложной ситуации, хотя и не факт, что чисто процедурными, так сказать, приемами можно кого-то не допустить к выборам, но усложнить жизнь, безусловно, можно...

—Отравить...

—...сформировать ситуацию, когда неопределенность будет до последнего момента, безусловно, можно. То есть жизнь будет, конечно, не очень сладкой для тех партий, которые будут зависеть от своих учредителей, а учредители получают возможность шантажировать своих вождей.;

Они будут торговаться за большее число мест в федеральном списке, за большее число одномандатников в округах и так далее. Но это уже внутреннее дело каждой партии, каждого движения отрегулировать этот вопрос. Я считаю, что рассчитывать на то, что кого-то удастся снять с пробега, причем такие крупные силы, как "Отечество" или партию губернаторов "Вся Россия", не стоит. Разбить их блок приемами вот такого технико-правового что ли характера довольно трудно. Могут быть, конечно, и политические склоки, и разрывы, и так далее, но это уже зависит от искусства политиков, входящих в ту или иную предвыборную коалицию. На мой взгляд, Кремль может питать лишь одну иллюзию или надеяться на один благоприятный для себя результат, если в Думу пройдут пять, шесть, семь, восемь партий, каждая из которых не будет иметь большинства, а будет иметь, скажем, от сорока до восьмидесяти депутатов и конфигурация Думы будет очень сложной. Там будет и "Отечество" с губернаторами, там будет и "ЯБЛОКО", и КПРФ, и аграрии, и "Правое дело", и может быть, еще кто-то. ЛДПР тоже как бы не последняя партия при этих раскладах. И тогда у Кремля появляется возможность для маневра, для работы с этими многочисленными фракциями Государственной Думы. На мой взгляд, расчет может быть только на этот вариант.

—Раздробить как можно больше вот это...

—Это единственная возможность "рулить" или "разводить". Вот площадка, на которой Кремль может, что называется, проявить себя, поддерживая большое число избирательных блоков. Но отрубать кому-то возможность участвовать в избирательной кампании или запрещать какие-то партии и так далее — это дело безнадежное. В 93-м году запретили КПРФ после октябрьских событий, через пару недель разрешили им участвовать в выборах, и они набрали неплохие результаты. Борис Николаевич в апреле этого года, если память мне не изменяет, на вопрос: "Надо ли запрещать КПРФ?" ответил: "Запретишь, а народ их пожалеет и проголосует за них. Ведь у нас же жалостливый народ".

—Александр Шохин, депутат Государственной Думы в программе "Сейчас". О жалости. Сергей Степашин имеет теперь приставку не премьер-министр, а экс-премьер-министр. Его политическая карта, как многие говорят, совершенно не бита. Таким образом, освободившись от государственной должности, он может занять некие посты в тех или иных организующихся блоках или уже прийти в

готовое движение. Как вам кажется может сложиться судьба Степашина?

—Если исходить из того, что Степашин отправлен в отставку не по капризу Бориса Николаевича и не потому, что Путин ему показался более надежным, нежели Степашин, а по какому-то многоходовому политическому сценарию, то тогда, вообще-то говоря, могут появиться интересные сюжеты. В частности, попытка "опустить" рейтинг Примакова. Степашин за три месяца сделал не меньше, чем Примаков за восемь месяцев. Примаков долго не мог определиться по отношению к МВФ, к кредиторам, долго заигрывал с левыми, только где-то к марту—апрелю вырулил на нормальные переговоры с этими организациями. Степашин не тратил время и быстро договорился и с МВФ, и с кредиторами, и стабильность рубля также удержал. В итоге после отставки Степашина оказалось два экс-преьера с примерно одинаковым прошлым, а именно: они ни в чем не провинились, никак отрицательно не повлияли на ситуацию в стране, но оба были обижены Кремлем. Рейтинг Степашина ниже, чем у Примакова, но тем не менее появились два игрока одного типа. В принципе если у кого-то там была задача попытаться Евгения Максимовича немножко подвинуть, то она в принципе удалась, осталось только решить, как теперь дальше играть и как не допустить того, чтобы два этих обиженных экс-преьера не оказались в одной партии. Если они окажутся вместе, то это будет слишком много для Кремля новых проблем и очень выигрышно для той партии, которая их сумеет залучить.

Если этой партией окажется "Отечество — Вся Россия", безусловно, они на этой операции только выиграют. Тогда все увидят, что Кремль на многоходовые комбинации не способен. Но если Степашина политически разыграют в другом сценарии, скажем, он возглавит либеральный блок или с другим экс-премьером объединится, тем же Черномырдиным.

—Или Кириенко.

—Сейчас куда ни пойдешь, везде увидишь экс-преьера — пойдешь в "Отечество" и "Всю Россию" Примакова можешь увидеть. Пойдешь в "Правое дело" — там Кириенко...

—Направо пойдешь — там Кириенко, налево — Примаков...

—...в НДР, прямо пойдешь, там Черномырдина увидишь. Самостоятельную партию, безусловно, Степашин просто не успеет отстроить. Есть один сценарий (я его еще нигде не обнародовал), при котором такие люди, как Примаков и Степашин, могут повлиять на выборы, на исход выборов, не вступая ни в какую партию. Они могли бы образовать своего рода виртуальную партию здравого смысла.

—Не присоединяться...

—...не присоединяться никуда, но, формируя свой список кандидатов, наиболее достойных с их точки зрения. Тогда такие уважаемые в народе люди, как Примаков и Степашин, могли бы повлиять на персональный состав Думы, невзирая на партийную принадлежность. Они бы выбирали среди многочисленных кандидатов в депутаты конкретного Иванова, конкретного Петрова, Сидорова и говорили бы, что с этими людьми можно входить в двадцать первый век. Вот такая виртуальная партия Примакова, Степашина, а может быть, там могли бы оказаться и Его святейшество Патриарх Всея Руси и такие творческие люди, как академик Лихачев, Никита Михалков и так далее, которые бы, не претендуя на приход к власти, могли бы повлиять на исход выборов. Другое дело, что пока нет оснований считать, что эти люди не мечтают о власти.

—С другой стороны, в подобную виртуальную партию могут вступить и Черномырдин, и Кириенко.

—Запросто. Партия экс-премьеров...

—...партия экс-премьеров просто будет замечательной находкой для нашей политической жизни. А не может ли так случиться, что господин Степашин будет претендовать также и на пост президента? Уже вброшена кандидатура Путина, который должен опять же расколоть это президентское движение, оттянуть на себя голоса и участвовать в какой-то шахматной партии. Собственно Степашин тоже личность известная.

—Степашин — личность известная. И Примаков — личность известная, но личности в президентских выборах не участвуют. Я не раскрою никакого секрета, если скажу, что, для того чтобы победить на выборах, нужны огромные ресурсы: властные, финансовые, организационные и так далее. Нужны свои политические силы поддержки партии, движения, коалиции. Нужна поддержка спонсоров, крупнейших магнатов и олигархов, и так далее. Степашин, Примаков, Путин сейчас

в разных весовых категориях. Почему? Примаков, если ответит положительно на призыв Лужкова и Шаймиева возглавить блок, пойдет туда для ресурса, у него личный рейтинг — главный ресурс, но личным рейтингом надо распорядиться еще умно, у Степашина рейтинг ниже лужковского, ему нужно что-то добавить намного большее, чем Примакову, чтобы выйти на эту авансцену политической жизни. Это не только финансовая поддержка, но это и поддержка тех же губернаторов и так далее. Начнут ли эти люди — Примаков, Степашин, Лужков, Путин — раздирать губернаторский корпус, раздирать нашу бизнес-элиту и так далее, формируя многочисленные лагеря. В принципе это было бы не так плохо. Это другая альтернатива. Я полностью согласен с Виталием Третьяковым, который сегодня поместил в "Независимой газете" идею создания другой альтернативы. В 96-м году мы имели дело с альтернативой: коммунисты — и тогда назад, демократы — и тогда вперед. Нам в рамках демократической альтернативы нужно иметь сильных кандидатов. Лужков, Примаков, Явлинский, Степашин и Путин вполне могут быть альтернативами в рамках некоего демократического выбора. И тогда люди будут выбирать не по принципу страха перед будущим, а по принципу свободного выбора — кто лучше сумеет решить те задачи, которые стоят перед страной, перед каждым избирателем. Если Ельцин сумеет своими на первый взгляд неуклюжими шагами и поведением, похожим на поведение слона в посудной лавке, создать вот такую альтернативу, я готов ему аплодировать, если же тут совсем другие сценарии — просто подготовить страну к какому-нибудь ГКЧП или перенести сроки выборов и так далее, что легче воспринимается как задумка президента.

—Привычней.

—Привычней, конечно, но аплодировать тут, мягко говоря, нечему.

—Говоря о чрезвычайном положении. Вчера, я думаю, очень многие посмотрели программу "Герой дня", в которой впервые перед нами предстал в таком большом объеме наш новый исполняющий обязанности премьер. И очень часто там произносилось заклинание. С одной стороны, журналистка Светлана Сорокина спрашивала, будет ли чрезвычайное положение, на что Путин отвечал, что не будет чрезвычайного положения. А с другой стороны, Путин сказал: если люди выйдут на рельсы, то сядут. Мы их посадим.

—А может он имел в виду на рельсы, чтобы они не лежали на рельсах, а сидели?

—Насколько вам кажется, что господин Путин, сменивший Степашина, более мягкого человека, привнесет жесткость в нашу внутреннюю и внешнюю политику?

—Я Владимира Путина знаю года с 94-го, когда он был первым вице-мэром города Санкт-Петербурга, а я был вице-премьером. Мы, совместно правительство и мэрия, проводили большое мероприятие в Петербурге. Это годовое собрание Европейского банка реконструкции и развития. Было несколько тысяч банкиров, бизнесменов, чиновников и так далее. Он отвечал за это мероприятие. Я лишь позже узнал, что он из разведки, из чекистов, из "Большого дома" на Литейном, как в Питере говорят.

—Но это высший уровень профессионализма, когда сразу не подумаешь.

—Если рассматривать с этой точки зрения отличия Степашина и Путина, я, честно говоря, их не вижу. Ведь Степашин потому и появился в мае, что он олицетворял собой силовые структуры, способность регулировать ситуацию на Северном Кавказе, обеспечить соблюдение законности при проведении выборов и так далее. Представим себе, чтобы сейчас был не Путин, а Черномырдин. И все равно бы досужие голоса говорили о том, что Черномырдин поставлен президентом только для того, чтобы ввести чрезвычайное положение и так далее. По сути, оценивается не только и не столько личная жесткость, а степень лояльности. Кто более лоялен? Исходим все время из того, что президент решил ввести ЧП и он ищет более лояльного и преданного человека, который не будет задумываться о нюансах и деталях технологии введения чрезвычайного положения. Оценивается именно степень личной лояльности Президенту Ельцину.

—Способность провести его линию?

—Конечно. Степашин оказался почти случайно премьером. Вы помните эту анекдотичную историю, с перепалкой между спикером Государственной Думы Селезневым и представителем президента в Думе Котенковым, когда внесена была кандидатура Степашина, а Селезнев говорит, мне вот только что президент звонил, я с мытыми ушами сидел как раз в этот день и хорошо слышал, что президент назвал фамилию Аксененко.

Но в тот же день фамилия изменилась, то есть решение принималось спонтанно, в

течение минут и часов. Что касается выбора кандидатуры Путина, оно было более фундированным и основательным. Владимир Владимирович признался сам, что первый раз он получил это предложение в четверг на прошлой неделе — как минимум три дня вместо трех часов шел выбор кандидатуры. Это означает серьезные раздумья президента. Сергей Степашин оказался вброшенным почти случайно, в последний момент, когда была уже названа другая фамилия, пришлось переигрывать, даже публично пытаясь замаять неловкость в Государственной Думе. Кстати, Степашин поэтому чувствовал себя относительно независимым — вспомним его постоянные трения с администрацией, и даже с самим президентом по поводу некоторых назначений, и те кадровые скандалы с отставками, полуотставками и с пропавшими министрами, которые, не зная, будут ли они утверждены окончательно или нет, старались не попадаться на глаза журналистам. А сейчас этого, видимо, не будет. Проговорена какая-то другая технология, и именно поэтому Путин может рассматриваться как более верный "ленинец". Поэтому я думаю, что изначальная технология не позволяла президенту рассчитывать, что премьер Степашин будет на 120 процентов лоялен, он только на 99,9 был лоялен.

— Не хватило.

— Не хватило одной десятой.

— Александр Шохин, депутат Государственной Думы, был сегодня в программе "Сейчас". И напомню, что в ближайший понедельник, 16-го числа, Дума соберется на свое внеочередное заседание, для того чтобы обсудить кандидатуру Владимира Путина на пост премьер-министра России. Поживем — увидим, а чем дальше, тем страшнее, как в лесу.

— Да нет, поживем. И главное — выживем.

ФИНАНСОВЫЙ СКАНДАЛ КАК ПРИНУЖДЕНИЕ ВЛАСТИ К ОЧИЩЕНИЮ

(СТЕНОГРАММА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА
А.Н. ИТАР-ТАСС, 6 СЕНТЯБРЯ 1999 ГОДА)

ВЕДУЩИЙ. Мы рады приветствовать вас в ИТАР-ТАСС, в нашем доме. И особенно рады тому, что, после бурного празднования здесь 95-летия нашего агентства, сегодня у нас такой интересный гость. Первый гость после этого самого юбилея Александр Николаевич Шохин. Я предоставляю вам слово.

ШОХИН А.Н. Спасибо. Пользуясь случаем, хотел бы поздравить коллектив ИТАР-ТАСС с юбилеем. Если переходить к теме заявленной пресс-конференции, то я прежде всего хотел бы сказать о том, что фактически с этой темы начался политический год. Другие политические события идут еще подспудно, идет формирование избирательных списков, коалиций, блоков, и, видимо, только через неделю-другую выборный аспект политической жизни выйдет на публику. Скоро начнет работать Государственная Дума. Первые пленарные заседания будут проходить в новом предвыборном режиме, когда Дума будет по три дня в неделю работать на пленарных заседаниях, а первую и последнюю недели месяца депутаты будут разъезжаться по округам, готовить себя к избранию в новую Государственную Думу. Поэтому сегодня, естественно, приходится говорить не о бюджете, не о блоках-коалициях, а о финансовых скандалах, о которых нас оповестили зарубежные средства массовой информации. Я сегодня высказал гипотезу, в интервью НТВ, о том, что есть истинные, глубинные, долгосрочные мотивы финансового скандала, который в основном разворачивается на страницах американских газет, много конкретных скандальных историй, каждая из которых имеет свои причины, мотивы, но все это в большой клубок сплелось. Многие аналитики и политики, анализируя публикации в "Нью-Йорк тайме", "Файнэншл тайме", "Интернэшнл геральд трибюн", пришли к разным выводам. Некоторые на

первый план выдвигают внутривластную борьбу в Соединенных Штатах Америки. В частности, министр иностранных дел, министр внутренних дел, директор Федеральной службы безопасности России, экс-премьер Евгений Примаков акцентировали внимание на том, что кому-то очень хочется подставить ножку Альберту Гору как кандидату в президенты от демократической партии и, в частности, его конкуренты, республиканцы, такие, как господин Форбс и Буш-младший, очень заинтересованы в том, чтобы вывести из игры Альберта Гору как человека, ответственного за российское направление американской политики, как многолетнего (шестилетнего) сопредседателя комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству, которая была сначала известна как комиссия Гор — Черномырдин, затем как Гор — Кириенко, Гор — Примаков, Гор — Степашин, Гор — Путин и так далее. Эта причина, безусловно, имеет место, но она не может, на мой взгляд, быть глубинной причиной этого скандала, причиной публикации — это, скорее всего, использование скандала заинтересованными политическими структурами. Михаил Ходорковский высказал гипотезу, что истинной причиной скандала является желание американских крупных компаний вывести из игры российский бизнес, причем крупный российский бизнес. На мой взгляд, эта причина тоже может иметь место, но опять-таки трудно говорить о том, что это основной движущий мотив скандала. Хотя мы наблюдаем на нескольких примерах, как некоторые западные структуры пытаются бороться с конкретными конкурентами. В частности, в процессе скандала возник "накат", скажем, на "Юкос" (в этом многие подозревают конкурента "Юкоса" — Дарта, который, наверное, воспользовался случаем, с тем чтобы поквитаться со своим конкурентом), когда его пытаются отеснить от российского бизнеса. Можно говорить, например, о желании американско-британского нефтяного бизнеса отеснить, скажем, Тюменскую нефтяную компанию от Самотлорского месторождения и так далее. Можно называть и другие причины такого рода. Они, наверное, частично имеют место, но в то же время, как мне кажется, это не основная пружина финансового скандала. Кстати, сама механика, сама технология раскручивания скандала такова, что легко увидеть, как его инициаторы, не обладая всеми фактами, в логических построениях их додумывают, не смущаясь тем, что их аргументация часто оказывается недолговечной. В частности, в первые дни скандала основная логика была такая: в "Бэнк оф Нью-Йорк" работают сотрудницы, у которых российские мужья, в частности называлась Наташа Гурфинкиль-Кагаловская, у которой муж Константин Кагаловский — известный российский бизнесмен. Вот вам как бы закрутка на тему отмывания российских денег крупным российским бизнесом. Эта схема понадобилась и для того, чтобы впутать в скандал МВФ. Фамилия Константина Кагаловского была упомянута, как мне кажется, потому, что он был директором России в Международном валютном фонде на протяжении двух лет — с 92-го по 94-й. И поехало: не использовались ли деньги МВФ на счетах "Бэнк оф Нью-Йорк" и не завязана ли в этих операциях российская власть, которая деньги МВФ использует нецелевым образом. МВФ отреагировал, с одной стороны, заявив о том, что это не может быть, потому что этого не может быть никогда, а с другой стороны, направил свою миссию в Москву (сегодня она прибывает), которая будет заниматься технической, аудиторской проверкой Центрального банка и операций других монетарных властей на предмет выяснения вопроса о том, не могло ли быть какого-либо нецелевого использования денег МВФ. Некоторые схемы быстро умирают, по прошествии нескольких дней отбрасываются. В частности, в субботу "Файнэншл тайме" уже заявила о том, что Наташа Кагаловская никакого отношения к операциям со счетами, о которых идет речь, не имеет. Логично предположить, что и Константин Кагаловский ни при чем. Эта схема отпала, но она уже сыграла свою роль: появилась возможность в течение недели обсуждать тему МВФ, нецелевого использования его денег и роли крупного российского бизнеса. Мне кажется, что задача инициаторов этого скандала заключается в том, чтобы на плаву продержаться эту тему до середины сентября. Запущена она была в середине августа, как раз под годовщину российского дефолта, и должна, по моим расчетам, продержаться на первых полосах крупнейших газет, таких, как "Нью-Йорк тайме", "Файнэншл тайме" и так далее, до середины сентября, когда российская делегация встретится с делегацией Лондонского клуба кредиторов и будет обсуждать конкретную схему отсрочки российских долгов. Здесь мы подходим, как мне кажется, к истинным мотивам этого скандала. Я еще раз подчеркну, это не значит, что те или иные факты не имеют места, это не значит, что не надо вскрывать те

проблемы, которые, действительно, существуют, — проблемы отмывания денег, проблемы утечки капитала и так далее. Но очень редко бывает, чтобы крупнейшие газеты на первых полосах подряд в течение не одной недели освещали одну и ту же тему. Стало быть, похоже на то, что кому-то нужно, действительно, чтобы эта тема повлияла на исход каких-то важных событий. Я напомним, что год назад Россия, объявив дефолт, оказалась не в состоянии выполнить свои обязательства по Лондонскому клубу, частично по Парижскому клубу, а также по форвардным контрактам (это обязательство не российских властей, а российских коммерческих банков). Если суммировать эти обязательства, то общая сумма получится около пятнадцати миллиардов долларов. Всего же по долгам бывшего СССР мы должны 100 миллиардов долларов. Не надо специально анализировать материалы этого скандала, чтобы убедиться в том, что эти цифры назывались во всех публикациях. В частности, председатель банковского комитета конгресса Джеймс Лич прямо заявил, что, по его оценкам, отток капитала (нелегальный в том числе) из России сто миллиардов долларов. Когда анализировался скандал в "Бэнк оф Нью-Йорк", то называлась цифра от 4,2 миллиарда долларов до 10 миллиардов, потом еще была добавлена пятерка миллиардов по другим банкам и получилась цифра 15 миллиардов долларов — ровно та цифра, которую задолжали российские банковские структуры и государство в рамках Лондонского клуба. Опять-таки известно, что американские финансовые инвестиционные институты занимали самую жесткую позицию. Именно эти институты настаивали на объявлении формального дефолта России, и министру финансов России Михаилу Касьянову приходилось уговаривать в Нью-Йорке в июле эти структуры — инвестиционные банки и финансовые фонды Соединенных Штатов Америки, которые не являются членами Лондонского клуба, но являются собственниками российских обязательств (они их купили на вторичном рынке). Именно они настаивали на объявлении дефолта, в то время как члены Лондонского клуба готовы были подождать. Тогда Михаилу Касьянову пришлось пообещать американцам, что раз в месяц российская сторона будет с ними встречаться и обсуждать ход исполнения обещаний российской стороной. Очевидно, что речь шла о том, чтобы при новой реструктуризации обязательств по Лондонскому клубу эти финансовые и инвестиционные структуры получили бы компенсацию в каких-то других вопросах. В каких? Утверждать не берусь, но, видимо, они хотели бы получить и более твердые гарантии того, что российская сторона остановит утечку хороших активов банков-должников. Известно, что после 17 августа и даже перед 17 августа хорошие активы банков-банкротов, в том числе банков, которые задолжали огромные суммы по форвардным контрактам западной стороне, стали утекать и в другие российские структуры, и за рубеж. На протяжении всего этого года наши кредиторы настаивали на том, чтобы здесь была жесткая позиция российской стороны — никакой утечки активов должников не должно происходить, с тем чтобы в случае банкротства должников кредиторы могли что-либо получить взамен. Нельзя исключать, что кредиторы рассчитывают и на какие-то схемы типа конверсии долгов в собственность, хотя эти схемы с юридической точки зрения не отработаны и, по некоторым оценкам, могут привести к тяжелым последствиям, в частности, если одним кредиторам дать возможность конвертировать долг в собственность, то и другие кредиторы потребуют того же самого, поскольку действует правило равного отношения ко всем кредиторам. Но тем не менее вполне возможно, что давление по этому направлению имеет место. Я считаю, что одна из основных, быть может, причин длительности этого скандала (не самого появления на страницах печати соответствующих материалов, но длительности этого скандала) и высокой его тональности что ли заключается в том, что финансовое западное сообщество хочет добиться от России если не платежей в полном объеме по долгам Лондонскому клубу, по другим обязательствам российских структур, то по крайней мере определенных уступок в этом направлении.

Главный результат этого скандала, на мой взгляд, достигнут. Никто не отрицает того факта, что утечка капитала из России носит устойчивый и объемный характер. Как ни оценивать отток капитала — по официальной статистике или по различным прикидкам, — он ежегодно составляет миллиарды долларов. В частности, если использовать самую примитивную методику и просуммировать цифры по статье "Пропуски и ошибки" платежного баланса, то мы начиная с 1991 года и по 1999 год включительно можем получить цифры порядка 50 миллиардов долларов. Ежегодно по этой статье проходит цифра от 5 до 8 миллиардов долларов. Специалисты вам

скажут, что, как правило, в статью "Пропуски и ошибки" входит утечка капитала. Смею вас уверить, не все проходит даже через статью "Пропуски и ошибки", есть много технологий оттока капитала, который не фиксируется в платежном балансе, — это и фиктивные экспортно-импортные операции, когда экспортные и импортные цены занижаются, это и псевдокредитные операции, когда российские структуры расплачиваются по кредитам, которые никогда не предоставлялись, это и оплата финансовых услуг, которые не оказывались, и так далее, и так далее. И поэтому масштабы оттока капиталов больше тех цифр, которые проходят по вышеназванной статье платежного баланса. Вчера бывший спецпредставитель президента Михаил Задорнов назвал в интервью программе "Зеркало" цифру 1 — 1,5 миллиарда в месяц — это значит 18 миллиардов в год. Это, действительно, очень крупные цифры. Не берусь судить о достоверности цифр, названных Михаилом Задорновым (надо анализировать ме-, тодику), но очевидно, что сейчас и российская сторона, и западная сторона сошлись на том, что в России деньги есть, что они просто утекают из России по разным каналам, в том числе по каналам отмывания денег. Наверное, отмывание денег от преступного бизнеса — не самая большая часть этой утечки, а самая большая часть — это "серая утечка" капитала: уход от налогообложения, от фиксации, регистрации и так далее. Это не криминальный бизнес типа незаконной торговли оружием, международной проституции или контрабанды наркотиков — это обычные экспортно-импортные и финансовые трансакции, которые просто не регистрируются частично, скрываются и так далее. При этом смею вас уверить, что большая часть этих операций не связана с отмыванием денег в западных банках. До середины 1998 года все эти деньги отмывались в России. Напомню вам, что с 1996 года не существовало никаких запретов на работу нерезидентов, то есть иностранных инвесторов, на российском финансовом рынке, на рынке государственных ценных бумаг. Сейчас этого рынка нет, поэтому говорить об ограничениях не приходится, но тем не менее до дефолта любой иностранный инвестор мог работать на рынке ценных бумаг и, очевидно, главными иностранными инвесторами были деньги российских структур в оффшорных компаниях, которые сначала уходили из России, а потом под видом денег нерезидентов возвращались в Россию, работали на российском рынке ценных бумаг. Накануне дефолта 17 августа или после дефолта они уходили уже легально с российского рынка ценных бумаг на счета различных банков: будь то "Бэнк оф Нью-Йорк", "Ре-паблкан нэшнл бэнк" или другие иностранные банки, и законность происхождения этих денег была очевидна: они пришли с российского рынка ГКО — это Россия должна была проверять законность происхождения этих денег. Поэтому я считаю, что здесь нам не приходится кивать на западные структуры, банки, что они чего-то недосмотрели, мы сами недосмотрели, а иногда даже поощряли этот отток капитала.

Что делать? Прежде всего мы не должны занимать высокомерную позицию и пытаться доказать, что этот скандал — это внутривосточная проблема Соединенных Штатов, они разбираются между собой и выдвинули этот международный скандал, чтобы завалить одного из кандидатов в президенты. Схемы слива компромата, столь популярные у нас, имеют место и в Соединенных Штатах, они любят поливать друг друга не меньше чем мы, но все-таки я склонен считать, что это не главное. Мы должны гарантировать мировому сообществу, что будем бороться с отмыванием грязных денег, преступных денег, будем бороться с оттоком капитала. Почему нам нужно бороться с оттоком капитала? Во-первых, для того, чтобы решить свои внутренние финансовые проблемы за свой счет, а не за счет кредитов МВФ или других структур, и, во-вторых, мы будем бороться с оттоком капитала, чтобы расплатиться по своим внешним долгам. Действительно, сопоставление цифр показывает, что если ежегодно из России уходит 18 миллиардов долларов (не знаю, случайно ли Задорнов назвал эту цифру или нет), то она точь-в-точь совпадает с цифрой наших обязательств по внешнему долгу в 1999 году, до запятой фактически. Стало быть, деньги в России есть для обслуживания внешних долгов, и нас подталкивают к тому, чтобы мы эти деньги сумели проконтролировать. Я думаю, что можно было бы предложить мировому сообществу и нашим кредиторам следующую схему: мы разрабатываем совместную программу борьбы с оттоком капитала и отмыванием грязных денег. Естественно, эта программа должна базироваться не только на административных запретах, не только на жесткости уголовных наказаний, а прежде всего на создании соответствующей финансовой и налоговой среды в России. Часть найденных денег,

прежде всего незаконно вывезенных из России, должна идти на выплату наших внешних долгов. По схеме 50 на 50 или по иной схеме, но ясно, что здесь должны быть внятная программа и внятные стимулы. Каждый доллар, найденный совместными усилиями, будет делиться в пропорции 50 на 50 между социальными нуждами России, российского бюджета и обязательствами по внешним долгам, то есть обе стороны должны реализовать тут очевидный и понятный интерес. Вот такого рода программа, на мой взгляд, нужна, и нужно запускать эту программу с конкретных проектов, и в частности с подключения российских правоохранительных структур к конкретному скандалу, с пресечения утечки российских денег по каналам организованной преступности. Здесь нужно, чтобы наши спецслужбы, действительно, работали вместе с ФБР, с английской криминальной разведкой и с другими структурами. Мы подписали не одно соглашение по борьбе с отмыванием грязных денег в рамках, в частности, группы FATF, которая находится в Париже, нужно повышать статус, видимо, службы валютного и экспортного контроля, давать ей законом новые полномочия. Но ясно, что нас заставили признать эту проблему, ее огромные масштабы и что без решения проблемы преодоления утечки капитала и отмывания денег, уходящих из России, в том числе преступным путем, мы свои финансовые проблемы решить не сможем. Кроме того, мне кажется, что нас подталкивают еще к другому, а именно к тому, чтобы внутренние коррупционные скандалы тоже были доведены до логического конца, чтобы расследование завершилось, чтобы соответствующие дела передавались в суд. Российская власть, президент, правительство должны продемонстрировать готовность не только сотрудничать в международном масштабе по борьбе с отмыванием грязных денег, но должны коррупционные скандалы в России перевести из русла скандала, разворачивающегося в средствах массовой информации, в русло нормального расследования, и все препятствия на пути соответствующих расследований должны быть сняты. Это тоже один из итогов, на мой взгляд, этого скандала, который разворачивается в западных и российских средствах массовой информации. И в этом смысле скандал с публикациями в "Коррьере делла сера" тесно связан с публикациями в американских, английских СМИ по поводу "Бэнк оф Нью-Йорк" и возможностей отмывания денег в американских банках российскими криминальными структурами и так далее. Российская власть лишь тогда сможет защищать российский бизнес, в том числе от необоснованных нападков (они сейчас имеют место), когда она сама будет честной и чистой до конца. А сделать она это может не только заявлениями о готовности бороться с коррупцией, но и доведением соответствующих громких дел до завершения, до передачи этих дел в суд. Российская власть должна очиститься, и тогда она получит моральное право вникать во внутривнутриполитические "разборки" в тех же Соединенных Штатах. Сейчас морального права, на мой взгляд, у российских политиков нет, для того чтобы в качестве основной причины этого скандала называть внутривнутриполитическую ситуацию в США. Я думаю, что это вполне подходит для вступительного слова, если у вас вопросы есть, я постараюсь ответить.

ВЕДУЩИЙ. Александр Николаевич очень подробно остановился на различных аспектах нашей сегодняшней темы, но тем не менее вопросы. Пожалуйста, называйте себя.

АГЕНТСТВО "BLOOMBERG".

Можно уточнить по поводу цифры, которую вы назвали, — 15 миллиардов, это включает долги Лондонскому клубу, или это форварды, или что? Это первый вопрос. А второй вопрос: можете ли вы объяснить, как это все повлияет на политическую обстановку в России, какое будет воздействие на ситуацию? Спасибо.

ШОХИН А.Н. Когда я называл цифру около 15 миллиардов долларов, прежде всего я, конечно, имел в виду объем обязательств российских коммерческих структур по форвардным контрактам. Эта цифра гуляла по различным СМИ: в прошлом году называлась цифра от 10 до 15 миллиардов. К этому нужно добавить текущие обязательства по Лондонскому клубу, не суммарное обязательство, а текущие обязательства. Сюда нужно добавить и невыполненные обязательства России по внутреннему валютному займу (по "вэбкам", по третьему траншу), он тоже реструктурируется. Но нельзя забывать о том, что до сих пор элемент недовольства западных банков и инвесторов в российские ценные бумаги сохраняется и многие банки до сих пор не теряют надежды реализовать какие-то конверсионные схемы, в

частности банк CSFB давно вынашивает идею создания инвестиционного фонда — "Никитски фонд" (этот проект известен под этим именем), с тем чтобы можно было обесценившиеся реструктурированные ГКО инвестировать в российскую экономику и минимизировать потери для западных инвесторов — держателей ГКО. Поэтому я суммировал эти виды потерь, и можно считать, что где-то в этом объеме западные инвесторы хотели бы удовлетворить свои претензии, договариваясь о новой реструктуризации по Лондонскому клубу и не препятствуя финансовой поддержке России по линии Международного валютного фонда, Всемирного банка и так далее. Ясно, что это не могут быть прямые выплаты. Это могут быть те или иные формы участия иностранных инвесторов в приватизации государственных пакетов акций. Если будут новые продажи госпакетов "Газпрома" или РАО "ЕЭС" и так далее, то обладатели российских долговых обязательств хотели бы получить какой-то приоритетный доступ к акциям этих компаний. Ясно, что эта форма не просто дележа того, что лежит на счетах российских банков. Хотя тот факт, что некоторые американские политики, в частности упоминавшийся мной Джеймс Лич — председатель банковского комитета Конгресса, заявили о том, что надо заморозить российские деньги на счетах в американских банках до завершения расследования, позволяет сделать и такой вывод: если вдруг окажется, что не будет доказана законность происхождения какой-то части российских средств на счетах в американских банках, то эту часть, источники происхождения которой окажутся неизвестными, можно будет пустить на компенсацию обманутых американских вкладчиков — вкладчиков в российскую экономику. Исключать этого нельзя. Любопытен сам факт, что очень быстро этот скандал вышел в политическую плоскость и активность Конгресса здесь очень велика. Надо сказать, что в Соединенных Штатах и без того не мало противников оказания помощи России, и мотивы, которые сейчас вышли на первый план, в частности то, что утечка капитала из России огромна и стоит ли помогать России, которая не может сама эффективно использовать свои собственные ресурсы, могут укрепить их. Эти политики получили сейчас дополнительные аргументы, к ним можно отнести и председателя комитета по иностранным делам Конгресса Хелмса, лидера республиканского большинства, и ряд других политиков. Та скорость, с которой сформулирована политиками тема возможного законопроекта, а именно законопроекта о замораживании российских денег на счетах в американских банках до завершения расследования, позволяет говорить о том, что и какие-то прямые формы компенсации могут иметься в виду, а именно использование этих денег, источники происхождения которых не будут доказаны, на погашение российских долгов. Так что здесь последствия могут быть у этого скандала самые разнообразные, в том числе и связанные с такими, я бы сказал, коммунистическими формами: найти и поделить. Что касается внутривнутриполитических последствий этого скандала — пока есть разные течения. С одной стороны, наметилась такая патриотическая волна — волна защиты России от возможных посягательств западных СМИ и западных политиков: вы разберитесь, дескать, сначала у себя, а потом уже...

Повторю, чтобы не допустить огульных обвинений России и российского бизнеса, нужно четко заявить свою позицию и по конкретным коррупционным делам, и по конкретным делам, связанным с отмыванием денег, и так далее. Я считаю, что у российской власти только один способ защищать свой бизнес, честный бизнес (он, безусловно, есть в России) — это все случаи известной коррупции и незаконного бизнеса быстро выводить на свет, доводить до суда и показывать всем потенциальным участникам такого рода дел, желающим что-то отхватить от государства, чем это кончается. С другой стороны, безусловно, нельзя отрицать и возможности для оппозиции (а к оппозиции сейчас относятся практически все партии и блоки, которые намерены участвовать в парламентских выборах; трудно найти, честно говоря, хоть одну, которая готова задрать штаны бежать за президентом или Кремлем: и либералы, и коммунисты, и центристы, и социал-демократы — все они будут критиковать власть в той или иной форме: мягче, жестче, слева, справа и так далее) найти свой угол атаки на Кремль и Белый дом в связи с этим скандалом. Поэтому Кремлю и Белому дому, конечно, не позавидуешь, но еще раз подчеркну, здесь только реальная борьба с коррупцией, с утечкой капитала и с отмыванием денег может помочь власти сохранить лицо.

ВЕДУЩИЙ. Пожалуйста.

ГУТМАН. НЕМЕЦКАЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Ваша позиция, которую вы высказали сейчас, что надо вести следствие, исключает,

что после ухода от власти Ельцину и его окружению можно прощать то, что было написано в газетах, что они коррумпированы и занимались отмыванием денег и так далее. Или надо тоже после ухода от власти Ельцина вести следствие против него и против его окружения?

ШОХИН А.Н. Мне кажется, что лучше не дожидаться лета 2000 года и не выстраивать такую схему: до 2000 года затягивать расследования коррупционных скандалов, а после 2000 года "как карта ляжет". Если преемник станет президентом, тогда можно будет все положить под сукно, а если вдруг не повезет и кто-нибудь из оппозиции станет президентом — Лужков, Примаков, Явлинский, Степашин, Лебедь или еще кто-то, — тогда можно с повинной идти. Эта схема самая неправильная из всех возможных, на мой взгляд. У нынешней власти, у того же Президента Ельцина есть единственная возможность помочь своему преемнику, какова бы его фамилия ни была, — это расчистить площадку. Президент — это единственный человек, который может сейчас расчистить площадку для президентских выборов и помочь тем политикам, которые в принципе идеологически стоят на тех же позициях, что и президент, помочь им завоевать достаточно голосов в Государственной Думе и поучаствовать по крайней мере со своим кандидатом в президентских выборах таким образом, чтобы повлиять на исход президентских выборов, пусть заняв не первое, а почетное третье место. Известно, что бронзовый призер у нас влияет часто на исход второго тура. Добиться этого президент может, лишь, скажем, несколько дистанцировавшись от своего ближнего окружения и заняв достаточно жесткую позицию по тем делам, которые так или иначе ассоциируются с ближним окружением. Здесь не надо никого сдавать специально на растерзание оппозиции, нужно лишь сказать правду. Честный разговор с народом, с избирателями — это мощный рычаг у Президента Ельцина повлиять на исход парламентских и президентских выборов, и делать это нужно сейчас, в сентябре, до того, как оппозиция раскрутит маховик критики президента и властей, связанных и с коррупцией, и с отмыванием денег, и со счетами за рубежом, и так далее. Если есть в чем-то виниться власти, надо покаяться, если не в чем, нужно найти виноватых в раздувании скандалов, если под ними ничего нет, надо, действительно, доводить и это до конца. Ведь часто бывает так, что напраслину взводят на пустом месте. Вот конкретный пример. Следователь швейцарской прокуратуры составил список из 24 фамилий и направил этот список в банки Швейцарии с просьбой ответить на вопрос: есть ли счета, открытые на имена этих российских граждан, в швейцарских банках, были ли операции по этим счетам? Все. Как интерпретирует пресса: опубликован список 24 коррупционеров. Ведь нет этого. Надо еще найти счета и операции по ним. То же и с Кагаловскими: состоят в связи (женаты) — значит, совместно отмывают. Так опорочить можно честных людей. Просьба к журналистам: внимательнее интерпретировать те или иные факты, иначе скандальность будет возобладать над анализом истины. Я не исключаю, что кто-то из упомянутого списка может оказаться со счетами и операции по счетам проходят, но пока сама швейцарская прокуратура, да и российские следователи не делают этих далеко идущих выводов, поэтому и прессе не нужно это делать. Но там, где будет доказана чья-то вина, защищать, безусловно, ни в коем случае нельзя, иначе восприятие российской политической системы будет как коррумпированной системы и ни чем мы не будем отличаться от африканских государств типа Нигерии, о коррумпированности которых ходят легенды (будем, правда, от Нигерии отличаться только тем, что у нас есть атомная бомба). "ИНТЕРФАКС".

Александр Николаевич, вы упомянули Лондонский и Парижский клубы в связи со скандалом, а им в какой-то степени был выгоден этот скандал, можно ли говорить, что они его раскрутили?

И второй вопрос: каким образом это может повлиять на переговоры с МВФ?

ШОХИН А.Н. Я не думаю, что Лондонский и Парижский клубы были инициаторами этого скандала. Если анализировать даты, то вообще информация об этом скандале могла бы утечь намного раньше. Сами переводы, трансакции по счетам фирмы "Бэнэкс" в "Бэнк оф Нью-Йорк", насколько я могу судить из прессы, относятся к периоду с октября 1998 по март 1999 года. Скандал с Семеном Могилевичем мог выплеснуться на страницах прессы где-то в июне, все это было известно спецслужбам, и утечки из расследований ФБР или Британской криминальной разведки могли произойти и раньше, но не происходили. Почему? То ли они аккуратно соблюдали тайну следствия, то ли ближе к августу появились

заинтересованные лица, чтобы выплеснуть со страниц прессы эту информацию, эти данные. Безусловно, Парижского и Лондонского клубов там не могло быть. Прежде всего Парижский клуб уже согласился на реструктуризацию платежей, приходящихся на 1999 и 2000 годы, и ему незачем было вмешиваться в эти дела. В Лондонском клубе ситуация такова, что члены этого клуба относятся к идее предоставления новой отсрочки лояльно. А вот обладатели российских облигаций по Лондонскому клубу, не являющиеся его членами, относятся жестче. Так вот, категория нечленов Лондонского клуба, которые "прикупили" где-то 15—20 процентов российских облигаций, — это прежде всего американские инвестиционные и иные фонды. Они занимают самую жесткую позицию, их приходится ублажать. Я уже говорил, что Касьянов ездил с ними разговаривать, обещал к сентябрю поговорить еще. Тут нужно иметь в виду еще одно обстоятельство: финансовый год в Соединенных Штатах заканчивается 30 сентября, и многие банки и финансовые компании, которые вложились в Россию, целый год вели переговоры в надежде закрыть финансовый год не очень большой дыркой. И они могут предпринимать эту последнюю отчаянную попытку что-то выцарапать из России. Какие-то если не деньги, то уступки по вопросам, связанным с возможной конверсией этих долгов в собственность, в акции или еще во что-то, чтобы закрыть баланс. Ведь финансовые институты, пенсионные фонды и так далее управляют деньгами клиентов, чужими деньгами. Банки — члены Лондонского клуба более или менее застрахованы, с нами они давно ведут переговоры. А вот новые покупатели российских облигаций, особенно фонды, управляя деньгами клиентов, должны на годовом собрании по итогам финансового года отчитаться о том, куда они вложили эти деньги. И им хочется (это нормальное поведение менеджмента этих структур) отчитаться так, чтобы их не уволили за растрату клиентских денег. Поэтому они будут просто обязаны пытаться надавить на российских должников, с тем чтобы что-то из них выцарапать. Мне не хотелось бы, чтобы мои слова о возможной заинтересованности финансовых структур США в раскручивании скандала воспринимались как некое обвинение. Я пытаюсь анализировать возможные движущие мотивы и не хотел бы кого-то обвинять. Но, суммируя все возможные причины, я прихожу к выводу, что это наиболее убедительный мотив, который удерживает этот скандал на плаву на протяжении уже двух-трех недель. Хотя, еще раз подчеркну, сами факты возникли раньше, просто утечек не было. Но компоновка этих фактов, подключение политических структур, подключение ведущих газет, с тем чтобы они удерживали этот скандал на плаву, позволяют говорить о появлении заинтересованности конкретных финансовых структур, но это не значит, что они сами инициировали этот скандал.

РАДИОСТАНЦИЯ "МАЯК".

Вы сказали, что все партии сейчас являются в оппозиции к партии власти. Можно ли эту ситуацию объяснить тем, что все оппозиционные партии как бы сложились, импичмент, который не прошел, президенту на этот раз переведен в финансовое русло и этот скандал будет протекать до тех пор, пока президент сам не уйдет в отставку? И второй аспект: к какой партии вы себя причисляете и каковы ваши взгляды?

ШОХИН А.Н. Мои взгляды самые правильные, естественно, поэтому я ни к какой партии пока не принадлежу. Я буду баллотироваться по одномандатному округу, не исключая, что при поддержке нескольких партий, которые считаю близкими по духу. В течение недели, максимум двух я вам смогу более внятно ответить на этот вопрос.

Действительно, получилось так, что все участники скандала, связанного со счетами российских высокопоставленных чиновников в швейцарских банках, сейчас показывают на Россию, стрелка переведена на Россию, но в то же время следователь Волков заявил, что в российской Прокуратуре никаких данных об этих счетах нет, они их даже не видели и поехал он в Швейцарию только затем, чтобы оформить запрос в Федеральную суд Швейцарии, с тем чтобы эти документы были переданы в российскую Прокуратуру. Очень много таких оговорок, которые можно интерпретировать так: неизвестно откуда скандал-то появился и, вообще, не "липа" ли все это. Я бы так сказал, что хорошо бы, как в случае с американским, так и со швейцарским скандалом, чтобы вся информация шла от правоохранительных органов. Это единственный способ узнать истину. Еще ведь ни ФБР, ни другие правоохранительные органы США не сделали никаких развернутых заявлений по поводу, скажем, скандала, связанного с "Бэнк оф Нью-Йорк". В основном идет

публикация информации, часто покоящейся на некоторых фактах, частично на домыслах, на догадках и логических построениях авторов публикаций, создающих эту картину, которую многие интерпретируют как истинную. Поэтому вообще-то нужно дожидаться результатов расследования, помогать этому расследованию елико возможно, с тем чтобы в максимально короткие сроки получить какую-то информацию, объективную и официальную, об этих делах. В равной степени это касается и российско-швейцарского скандала. При желании опорочить кого-либо можно и копию паспорта, и личную подпись сканировать и так далее и даже счет за кого-то в банке открыть. При желании это возможно. Не думаю, правда, что здесь именно такой случай, но тем не менее мне кажется, что лучше было бы, если власть, условно говоря, дала зеленый свет этим расследованиям и активно помогала бы им, с тем чтобы возможность толкований минимизировать. Если торможение будет иметь место, то схема вынесения уголовного импичмента президенту может быть вполне реализована, то есть схема принуждения к отставке через критику всеми политическими партиями нынешней власти. Может вполне так случиться, что этот импичмент окажется более удачным, то есть подтолкнет президента к добровольной отставке, если сложится в стране такое общественное мнение, что власть коррумпирована и нужно начинать с чистого листа. Президент не имеет права допустить этого и обязан сам расчищать площадку — но не путем действий, после которых он будет убран с политической сцены как человек, поощряющий и покрывающий коррупцию. Он должен сделать все для того, чтобы уйти с поста президента и войти в историю все-таки как человек, который выстроил основу, скелет (не тот, который в шкафу, а остов) демократической, правовой системы, рыночной системы и так далее. Насколько я понимаю, для Президента Ельцина это имеет большое значение — с каким имиджем он уйдет с поста президента. Поэтому нужно эту пуповину, соединяющую его с кем-то из людей, которые не заинтересованы в расследованиях, в быстром завершении следствия по этим вопросам и доведении их до судебных дел, видимо, перерезать. Захочет президент избрать именно эту схему или нет — его дело, но сейчас уже личных проблем не должно быть — это проблема спасения имиджа государства: либо имидж начнут спасать партии и блоки, стремящиеся завоевать большинство в парламенте и получить там свое достойное место, либо президент предпримет попытку защитить имидж страны. Иначе через некоторое время будем обсуждать тогда другую схему: какая форма ухода президента позволит сохранить равновесие в стране, не допустить хаос и так далее. Может дойти до такого.

"ИНТЕРФАКС".

Вы все время говорили об экономической подоплеке скандалов и не говорили о политической. Ее нет или вы ее просто опускаете, если она есть...

ШОХИН А.Н. Безусловно, она есть. Я ни в коем случае не хочу сказать, что та или иная версия, которая гуляет в СМИ или высказывается политиками, нашими или западными, не имеет вообще никакого места, никакого основания под собой. В частности, попытки обвинить Альберта Гора в том, что он что-то проморгал. В наших газетах этого не пишут, но в одной из западных газет я прочитал более подробную версию этого обвинения. В 1995 или в 1996 году, то ли ФБР, то ли ЦРУ положило на стол Гору доклад о коррупции в России с упоминанием конкретных лиц, с упоминанием фамилии его партнера по комиссии Гор — Черномырдин. Гор положил этот доклад под сукно, не дал ему ходу и никакого нового расследования не было. Вот это сейчас вменяется в вину Гору — то, что он остановил три года назад расследование о коррупции в России и об отмывании денег. Обвинение, действительно, серьезное. И было видно, что американская администрация заерзала. Тот факт, что первая реакция Лар-ри Самерса, министра финансов США, была жесткой, а именно то, что США выступят против предоставления очередного транша кредитов МВФ, пока не завершится проверка целевого использования ранее предоставленных денег, означает, что Ларри Самерс попал в ту же самую ловушку, что и Гор. На протяжении восьми лет Самерс, сначала как заместитель, затем как министр финансов, всегда был в курсе российских дел. С ним советовались многие российские реформаторы, в том числе и в августе прошлого года, и в принципе он мог бы воспринимать эту критику в свой собственный адрес, но поспешил занять жесткую позицию. Потом она стала немного помягче, когда выяснилось, что не все в тех публикациях, которые всплыли, является истинным: в них много наносного, много пены, и позиция стала на глазах смягчаться, что помощь будем оказывать, но целевой характер использования проверять. В частности, техническая миссия МВФ,

которая сегодня прибыла в Москву, — это и его компромисс. Поэтому нельзя заранее сказать, повлияет или не повлияет это на исход президентской гонки в Соединенных Штатах. Наверное, каким-то образом повлияет. Понимаете, президент Клинтон по определению "хромая утка" не только из-за попытки импичмента, но просто президент, который не имеет права по закону избираться на следующий срок, становится "хромой уткой" по определению. И если его сильный вице-президент тоже становится по другой причине "хромой уткой", естественно, правящая партия может потерять очень много. Понятно желание любого другого конкурента перевести на соперника публичные разборки: у Джорджа Буша-младшего нашли компромат, связанный с тем, что когда-то он то ли нюхал, то ли курил травку, то ли в детстве, то ли в студенчестве, то ли еще когда-то, поощрял какой-то бизнес: или похоронный, или еще какой-то. Понятно, что скандал с "Нью-Йорк тайме" более громкий, нежели все эти мелкие нападки на Буша, тем более приятнее перевести стрелки на конкурента. У Форбса, который активно участвует в этой кампании, используя свои собственные финансовые и информационные возможности, явно есть желание валить и того и другого: и Буша как представителя своей партии, и Гора как представителя конкурирующей партии. Все это, видимо, нормальная предвыборная ситуация. Я, честно говоря, когда оказался в США в предыдущем туре президентских выборов, включил телевизор, диву давался, как кандидаты поливают друг друга. Причем используют любую, самую маленькую зацепку, любое мелкое пятнышко в биографии для того, чтобы "замочить" конкурентов. А здесь грех не воспользоваться. Так что внутривластная ситуация в США, безусловно, имеет отношение к этому скандалу, но я бы так сказал, что это не причина этого скандала, а причина удержания его на плаву в течение достаточно длительного времени. Но если бы истинные заказчики были республиканцами, они бы не сейчас запустили этот скандал. Хотя бы весной следующего года, когда до выборов всего полгода, этот скандал так или иначе уйдет и надо будет искать новые скандальные истории. Так что демократы даже больше заинтересованы в том, чтобы скандал выплеснулся сейчас. Политические последствия в России, безусловно, тоже имеют место. Понятно, что лучшей подножки для власти, для партии власти, чем обвинения в огромных утечках капитала, в том числе связанных с отмыванием денег организованной преступностью, и одновременно в коррупции в высших эшелонах власти, не найти. И здесь все зависит от того, насколько изящно действующая власть сумеет, будучи загнанной, если угодно, в угол, не кинуться сразу на всех, а найти выход из этого сложного положения. Еще раз подчеркну, выход один — честный разговор с народом, с избирателями и доведение всех коррупционных и иных скандальных дел до логического завершения и полная кооперация и сотрудничество с правоохранительными органами других стран, в том числе и по схеме, о которой я говорил, — все, что будет найдено незаконного, поделим пополам: половина в Россию вернется, половина уйдет на выплату долгов. Мне кажется, что сейчас, если говорить о внутривластной ситуации в России, для власти настал момент истины. Хотя до выборов всего год и можно было бы многие вещи "замотать" или бочком попытаться проскользнуть, но все-таки придется смотреть в глаза своему народу и объяснять, что происходит и как власть намерена выходить из этого кризиса. Конечно, сейчас множественный кризис — это и война в Дагестане, которая может привести к непредсказуемым последствиям, в том числе и к введению чрезвычайного положения в одном из регионов России, а может, и в России в целом; это и кризис власти, связанный с этими скандалами; это и неустойчивость исполнительной власти, связанная с постоянными сменами кабинета; это и процесс трансформации политической системы общества.

Я под занавес выскажу одну гипотезу: сейчас парламентские выборы в России гораздо важнее, чем президентские. Повторения схемы 1996 года не будет, когда от выбора президента зависел выбор политического строя. Выбор политического строя зависит от парламентских выборов. Так или иначе, но по итогам декабрьских выборов будет сформировано большинство Государственной Думы, которое сумеет сформировать свое правительство до президентских выборов либо устранил правительство президента с политической сцены как сильного игрока, и это большинство сумеет провести своего кандидата в президенты. Будет ли это большинство "Отечества — Всей России" как новой партии власти, как ее уже окрестили, либо это будет коалиция большинства: Лужков с Явлинским или еще как-то. Но тем не менее такое ощущение, что последний год у нас происходит

именно трансформация полупрезидентской республики (а наша республика по Конституции, если ее анализировать, и по фактическому поведению основных ветвей власти является полупрезидентской) в парламентскую. Раньше Россия была полупрезидентской республикой с креном в сторону президента, после декабря она будет полупрезидентской в пользу парламента. И в течение нескольких месяцев после парламентских выборов страна может окончательно стать парламентской республикой. Вероятность очень высокая, я не ставлю здесь никаких оценочных знаков — хорошо это или плохо, но это произойдет с вероятностью гораздо большей, чем 80 на 20. Процентом 90, на мой взгляд, в пользу того, что эта трансформация произойдет. И в этой ситуации большинство Государственной Думы (скорее это будет коалиция большинства) сумеет подавить любое, условно говоря, сопротивление президентской стороны до президентских выборов. Делается это очень просто: Дума в течение первого года после выборов не распускается по мотивам вотума недоверия правительству. За полгода до выборов ее вообще нельзя распустить. Стало быть, если президент не будет сотрудничать с этой Думой, в том числе в деле подбора кандидата на пост премьера, любое правительство президента будет отправлено в отставку. Двойной вотум недоверия в течение трех месяцев при моратории на роспуск Думы в течение первого года вынуждает президента отправить свое правительство в отставку. У президента есть возможность назначить своего премьера, даже если Дума трижды отклонит его кандидатуру на пост премьера. Ну назначит президент этого премьера, и тут же его в течение месяца Дума отправит в отставку. То есть нет никакого конституционного ресурса у президента свое правительство при наличии большинства в Государственной Думе держать. Именно поэтому так легко Дума сейчас идет на назначение любого премьера: Степашин, Путин и так далее. Она ждет выборов, которые позволят через большинство повлиять на процесс формирования правительства, сдвинув страну в сторону парламентской республики. И остается уповать на то, что это большинство Государственной Думы будет здравомыслящим. Но это уже другая тема.

ПОЧЕМУ БОРИС ЕЛЬЦИН НЕ УШЕЛ В ОТСТАВКУ 19 СЕНТЯБРЯ

(ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ШОХИНА А.Н. В АГЕНТСТВЕ "АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ", 20 СЕНТЯБРЯ 1999 ГОДА)

. ВЕДУЩАЯ. Уважаемые коллеги! Сегодня в гостях у информационного агентства "Аргументы и факты — Новости" Александр Николаевич Шохин. Тема нашей пресс-конференции: "Почему Борис Ельцин не ушел вчера в отставку?" Александр Николаевич, вам слово.

ШОХИН А.Н. Поскольку тема пресс-конференции заявлена была в пятницу именно с этим названием: "Почему Президент Ельцин не ушел вчера в отставку?" — вы понимаете, что я не верил в то, что 19 сентября Борис Николаевич пойдет на этот шаг. Так оно и случилось. Это уже первый точный прогноз, который дает основание полагать, что и основной мой прогноз может оказаться недалеким от истины. Если вы помните, то в мае я давал прогноз того, когда уйдет правительство Примакова в отставку. Ошибся на один день. Та же газета "Сегодня" публиковала статью за неделю до отставки под названием "Правительство Примакова уйдет 13-го", а оно ушло 12-го. Специализируясь в области политических прогнозов, я действую не как адефейский оракул, а пытаюсь делать анализ, основанный на политических оценках и на точном знании российского законодательства. Последнее обстоятельство имеет большое значение для оценки возможности и целесообразности отставки Президента Ельцина и досрочных выборов. Политические спекуляции по поводу возможной отставки Президента Ельцина покоятся прежде всего на том, что Борис Николаевич захочет вмешаться в ход президентских выборов. У него не так много возможностей повлиять на исход выборов, с тем чтобы провести на этот пост своего преемника. Уже достаточно давно считалось, что, пожалуй, единственный способ повлиять на исход президентских выборов — это совместить президентские и парламентские выборы. Что выигрывает в этом случае кандидат в президенты, намеченный нынешним

Президентом Ельциным? Прежде всего он выигрывает то, что в лагерях его конкурентов возникает замешательство, и те политики, которые отложили выяснение вопроса о том, кто из них более достоин поста кандидата в президенты от той или иной политической силы, вынуждены будут заниматься решением этого вопроса не в следующем году, ближе к президентским регулярным выборам, а уже сейчас, накануне парламентских выборов. Это, безусловно, может расколоть существующие блоки, внести напряженность между ведущими политиками, входящими в эти блоки. Кроме того, по здравому смыслу очевидно, что если один и тот же политик одновременно баллотируется на пост, скажем, губернатора или мэра и выдвигается в президенты, то терпит фиаско. Избиратели захотят узнать: на какой все-таки пост он избирается, и этому политику придется, безусловно, выбрать один из двух постов. Собственно, на этом и строились прогнозы о том, что Борис Николаевич может подать в отставку 19 сентября, с тем чтобы назначить досрочные президентские выборы на 19 декабря этого года. И так же было очевидно, что этот ход является антилужковским по определению, поскольку Юрий Михайлович Лужков, заявивший о своем намерении баллотироваться в мэры города Москвы, в этих условиях в один день не сможет баллотироваться на два поста, поскольку избиратели захотят четкого и точного ответа: куда же он пойдет. Кроме того, 19 декабря как дата президентских выборов, как я уже говорил, заставляет все остальные партии и движения тоже выяснять отношения: кто же идет в президенты, кто же идет в Думу. Это касается и Степашина с Явлинским, и Зюганова с Селезневым, и так далее. И пожалуй, что не принималось во внимание, так это юридическая сторона вопроса. А я не поленился и прочитал все законодательство о выборах, которое сам, собственно, принимал как депутат Государственной Думы. Выборное законодательство принималось на протяжении последних лет. Скажем, Закон о выборах президента принимала вообще предыдущая Дума, а некоторые законы принимались буквально несколько месяцев назад и ориентировались, естественно, не на схему возможного совмещения парламентских и президентских выборов, а, скорее, на технологию формирования предвыборных блоков. Очень много внимания уделялось тому, как формировать первую тройку, может ли политик, входящий в первую тройку, покидать список и так далее. В итоге оказалось, что законодательство о выборах, в которое входят Конституция Российской Федерации, базовый закон о гарантиях избирательных прав, прав граждан на участие в референдуме, а также частные законы, такие, как Закон о выборах депутатов и Закон о выборах президента, — эти законы в некоторых местах пересекаются таким образом, что делают невозможным одновременное участие в различных выборах. В частности, Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права участия в референдуме граждан Российской Федерации" (статья 32, часть 7) прямо запрещает регистрировать кандидатов более чем в одном избирательном округе. На первый взгляд формула безобидная и может относиться, скажем, к выборам депутатов в Государственную Думу. Действительно, нельзя более чем в одном округе баллотироваться по мажоритарному округу, по федеральному округу, по спискам кандидатов, нельзя по двум партийным спискам регистрироваться, нельзя в двух одномандатных округах регистрироваться. Тем более что эта же статья делает исключение из этого правила и разрешает в случае депутатских выборов в Государственную Думу баллотироваться одновременно по списку и мажоритарному округу. Но это исключение подтверждает правило, поскольку в этом исключении упомянуты понятия "одновременные выборы", "выборы по федеральным партийным спискам" и "выборы по одномандатному округу". Допускается такое совмещение избирательных округов. Остальные случаи под запретом. Остается узнать, что же такое избирательный округ в соответствии с этим законом. Избирательным округом в соответствии с Федеральным законом "Об основных гарантиях избирательных прав..." (статья 2-я этого закона) является территория, которая образована в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации и от которой непосредственно гражданами Российской Федерации избираются депутаты или выборные должностные лица. Таким образом, по Федеральному закону "Об основных гарантиях избирательных прав..." оказывается невозможным одновременно быть зарегистрированным, я подчеркиваю специально, по федеральному округу по выборам в президенты, по федеральному округу по выборам в Государственную Думу и по другим округам, к коим могут относиться и округа, совпадающие с территорией субъектов Федерации по выборам

руководителей субъектов Федерации. Что из этого следует? Из этого следует, что на момент регистрации кандидатов в президенты кандидат не должен быть зарегистрирован в другом избирательном округе, будь то выборы в Думу или выборы в губернаторы или мэры. Если он оказывается зарегистрированным в другом округе, тогда Центральная избирательная комиссия может отказать ему в регистрации в качестве кандидата в президенты. Чтобы этого не допустить, любой кандидат в президенты может выйти из списков кандидатов в депутаты Государственной Думы. Но здесь вступает в действие другая статья другого закона, а именно Закона о выборах депутатов Государственной Думы, которая запрещает представителю федерального списка, входящему в первую тройку, покидать эту тройку без негативных последствий для избирательного объединения. В этом случае Центризбирком аннулирует регистрацию избирательного объединения. Таким образом, если регистрация на выборы в Государственную Думу уже завершена (а завершение этой регистрации относится на 24 октября, именно за 55 дней до выборов в Государственную Думу Центризбирком и окружные комиссии прекращают принимать документы о регистрации избирательных объединений и депутатов по одномандатным округам), а кто-либо из политиков захочет выйти из первой тройки и зарегистрироваться кандидатом в президенты, это будет означать, что Центризбирком будет обязан аннулировать регистрацию этого избирательного объединения. Это будет иметь последствия и для партийного списка, и для всех кандидатов по одномандатным округам, которые выдвинуты этим объединением. Теперь подойдем с другой стороны к вопросу о досрочных президентских выборах. Если вдруг Борис Николаевич задумал реализовать какой-то "коварный план", план воздействия на итоги выборов, то он должен иметь в виду и сроки регистрации кандидатов в президенты. По Закону о выборах президента документы со списками избирателей в поддержку того или иного кандидата нужно передать в Центризбирком за 60 дней до выборов президента, а Центризбирком должен за 50 дней до выборов зарегистрировать кандидата или отказать кандидату в регистрации. В случае досрочных выборов сроки этих действий сокращаются на четверть. Стало быть, документы на регистрацию кандидаты в президенты должны передать в ЦИК за 45 дней до выборов, и за 37,5 дня ЦИК должен зарегистрировать кандидатов в президенты. Вот если эти 37,5 дня (будем считать округленно 38) придутся на середину декабря, Центризбирком может отказать в регистрации любому кандидату в президенты, который уже зарегистрирован в качестве кандидата в депутаты в Государственную Думу, в качестве кандидата в мэры или в качестве губернатора и даже в качестве кандидата в органы местного самоуправления. В принципе эта норма правильная. Это гарантия избирательных прав граждан. Гражданин должен точно знать, куда он избирает конкретное лицо. И если это конкретное лицо одновременно баллотируется в несколько мест, то закон защищает избирателя. Он как бы принуждает кандидата в президенты, в губернаторы, в депутаты выбрать одно из этих мест. Причем это не запрет на баллотирование туда или сюда, а это, по сути, разведение по времени — одновременно нельзя быть зарегистрированным во всех местах. Понятно, что эти нормы закона могут быть истолкованы. Толкований может быть несколько: одно толкование может дать Верховный Суд, другое может дать Конституционный Суд. Понятно, что, если Центризбирком воспользуется той версией толкования, которую я сейчас предложил, любой кандидат в президенты имеет право подать в Суд. По закону Верховный Суд должен в пятидневный срок рассмотреть этот вопрос. Я считаю, что если президент и его команда будут использовать ту технологию, о которой я говорю, надо дать возможность рассмотреть все эти дела в Верховном Суде, поскольку в нем зафиксированы четкие временные рамки рассмотрения споров по выборам — 5 дней. Отсчитаем от 19 декабря пять дней — получаем 14 декабря — день завершения регистрации. Прибавим к 14 декабря 38 дней и, имея в виду, что это должно быть воскресенье (выборы проводятся в воскресенье), получаем примерную дату досрочных президентских выборов — это 23 января. Поэтому та цифра, которая была названа в сегодняшней моей статье "Президент уйдет 19 октября", может быть скорректирована. Хотя здесь в этой же статье сказано, что это условная цифра, она скорее перекликается с цифрой 19 сентября, которая на протяжении последних недель находилась в центре аналитических обзоров, догадок и предсказаний политиков. Президент может уйти в отставку, если захочет, конечно, реализовать эту схему, не позже 29 октября, поскольку досрочные выборы назначаются через три месяца после прекращения полномочий, но

обязательно в первое воскресенье до истечения трехмесячного срока (первое воскресенье до истечения трехмесячного срока — это 23 января). Можно запустить эту схему и немногим раньше 24 октября, поскольку если уж президент задействует эту технологию, то ему нужно дать возможность избирательным объединениям перерегистрироваться, выдвинуть новые списки и так далее. 19 октября — самый ранний срок при условии, что президентская команда будет вести себя благородно и даст хотя бы гипотетическую возможность избирательным блокам попытаться перерегистрироваться. Даже это может использоваться в качестве "пиаровского" и избирательного технологического хода, поскольку суэта в избирательных объединениях может в короткие сроки развалить многие из них. Я еще раз подчеркну, что тот прогноз, который я делаю, покоится на тех аналитических и прогнозных разработках, которые так часто в последнее время появлялись в средствах массовой информации, и, естественно, это не призыв к Президенту Ельцину досрочно покинуть свой пост, а это, скорее всего, анализ тех последствий, которые будут иметь место, если он это сделает. Если он решается на этот ход, то с точки зрения использования всех тех возможностей, которые заложены в законодательство о выборах, это дает максимальный эффект воздействовать на исход этих выборов в пользу своих преемников (будет это Владимир Путин или еще кто-то, мы этот вопрос не рассматриваем в рамках заявленной темы). Что из этого следует? Смысл моего анализа сегодняшней пресс-конференции заключается не только в том, чтобы показать, какой я умный (это не требует доказательств, на мой взгляд), а в том, чтобы подтолкнуть основные политические силы и элиты к тому, чтобы они начали договариваться между собой. Оказывается, что у всех политических сил есть очень мощные рычаги воздействия на ситуацию. Многие политики призывают Президента Ельцина покинуть пост, взять на себя ответственность за то, что делается в стране: и за неудачные реформы, и за коррупцию, и за взрывы, и так далее, и освободить, что называется, площадку, с тем чтобы ее можно было раньше занять другим политикам. Но у Президента Ельцина есть, оказывается, тоже очень мощный рычаг воздействия на ситуацию, который его трудно, конечно, измерять в тротиловом эквиваленте, но который может оказаться мощным политическим взрывом. И если президент воспользуется им, то в принципе не позавидуешь ведущим политикам. Поэтому нужно выйти на другую предвыборную технологию, которая будет включать в себя элемент политического договора между основными политическими силами.

Цель обнародования сценария, до которого я довел свои исследования, заключается в том, чтобы подтолкнуть основные политические силы к выработке политического договора. Скорее всего, он будет включать в себя такой элемент, как подталкивание Президента Ельцина к тому, чтобы он весь конституционный срок до лета следующего года провел в своем офисе. Он должен включать в себя такое правительство, которое обеспечивает спокойствие и предсказуемость политической и экономической ситуации до президентских выборов. На мой взгляд, мы нуждаемся именно в этом. Именно поэтому я занялся этой разработкой и именно поэтому довожу ее до сведения общественности. Спасибо. Ваши вопросы, пожалуйста.

ВЕДУЩАЯ. Спасибо, Александр Николаевич. Пожалуйста.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, а вот что касается выборов мэра и выборов в Госдуму. Лужков идет в первой тройке "Отечества — Всей России" и в то же время собирается баллотироваться в мэры. Это никак не входит в противоречие?

ШОХИН А.Н. На мой взгляд, входит. Поскольку по Закону о выборах мэра города Москвы избирательный округ Москвы — это территория Москвы и жители Москвы. А по букве Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав..." — это один из округов, в которых нельзя регистрироваться одновременно с другими округами. Строго говоря, опасность Ю. М. Лужкова заложена в самой схеме одновременных выборов мэра и выборов депутатов Государственной Думы. В равной степени это касается и тех губернаторов, которые обсуждают сейчас возможность переноса выборов со следующего года на 19 декабря этого года. В частности, были разговоры о возможности переноса выборов в губернаторы Санкт-Петербурга с июня на декабрь, тогда и губернатор Санкт-Петербурга может оказаться в той же ситуации, когда ему придется выбирать. Возникает естественный вопрос: если внимательное чтение всех этих законов приводит практически к однозначным выводам, почему же избирательные штабы, которые работают не один

месяц, пропустили эту формулировку? Прежде всего потому, что в частных законах — в Законе о выборах депутатов и в Законе о выборах президента — нет никаких прямых запретов на то, что можно одновременно баллотироваться по разным округам. Этот запрет находится в другом законе — Федеральном законе "Об основных гарантиях избирательных прав..." — это во-первых. Во-вторых, в том же Законе о выборах президента есть прямое упоминание о том, что отказ от регистрации кандидатов в президенты может иметь место лишь в случае, если нарушается Конституция по технологии выдвижения (если умалишенный, например, выдвигается кандидатом в президенты, либо лицо, не жившее в России), либо из-за нарушения самого Закона о выборах президента. Может быть, это расслабило внимание юристов и орговиков соответствующих штабов. Но если опять-таки обратиться к Федеральному закону "Об основных гарантиях избирательных прав...", мы увидим, что там есть четкая запись, что в случае противоречия между этим законом и другими избирательными федеральными законами и законами субъектов Федерации действует Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав...". Он является базовым законом. Кроме того, во всех частных законах, таких, как Закон о выборах президента и Закон о выборах депутатов, прямо упоминается закон "Об основных гарантиях избирательных прав..." как составляющая часть избирательного законодательства применительно к данным выборам. Поэтому можно сделать вывод в пользу той версии, которую я здесь изложил. Конечно, еще раз подчеркну, каждый политик, задетый таким развитием событий, имеет право подать в Суд, и я убежден, что эта схема будет задействована. Обязательно нужно оставить какой-то временной разрыв между всеми этими действиями, чтобы у всех участников этого процесса была возможность обратиться в Верховный Суд. Я хоть и не юрист по образованию, но законодательством занимаюсь давно (6 лет) как депутат Государственной Думы и убежден, что здесь норма прямого действия и ее трудно будет обойти. Задетые этой версией возможного варианта развития событий политики могут обратиться и в Конституционный Суд, поскольку в Конституции России нет упоминания одновременной регистрации в нескольких округах как запретительного условия участия в президентских выборах. Но Конституционный Суд (в отличие от Верховного Суда, который должен по закону в пятидневный срок рассмотреть спорный вопрос) такие вопросы будет рассматривать в порядке очередности. Если он рассмотрит весной или летом следующего года этот вопрос и истолкует его в пользу возможности одновременной регистрации — это будет иметь значение только для последующих выборов.

Толкование Конституционного Суда будет иметь силу закона, но обратной силы не имеет, только работает вперед. Поэтому, честно говоря, мне не очень понятно, почему упущена такая возможность интерпретации. Я не исключаю, что и президентские аналитики могли ее не видеть, хотя в это не верю. Поскольку цель моего заявления, моих публикаций не в том, чтобы показать, что я могу сделать хороший прогноз и просчитать варианты в том, чтобы подтолкнуть политиков выработать согласованную стратегию и тактику действий на ближайшие месяцы, почти на год, то считаю, что все должны знать, что такая возможность есть и такой рычаг, такой инструмент у Президента Ельцина есть, и политикам нужно с ним договариваться. Более того, я не считаю, что президенту нужно задействовать такой мощный рычаг воздействия на ситуацию. Но он вполне теперь в состоянии вести переговоры, коль скоро этот рычаг существует. Думаю, что о нем он знал без моих заявлений, еще раз подчеркну, я не пользуюсь никакими утечками, не делаю заявлений, чтобы слыть за информированную персону, которая обнародует раньше времени заготовки власти. Как правило, я угадываю чуть раньше тех, кому прямо поручено разрабатывать соответствующие схемы.

ВОПРОС.

Лужков идет не по одномандатному округу в Госдуму, а по списку своей партии. Это противоречит разве законодательству — если он одновременно пойдет в мэры? ШОХИН А.Н. В законодательстве о выборах депутатов в Думу есть разные понятия избирательных округов. Есть федеральный округ, который мы в народе называем партийными списками, и есть одномандатные округа. И то и другое — округа, а в Федеральном законе "Об основных гарантиях...", на который я ссылаюсь, есть абстрактное понятие округов — это территория, от которой избирается тот или иной депутат или выборное лицо. Стало быть, по партийным спискам федеральный округ — это вся страна. Избирательный округ по выборам президента — это вся

страна. Но это не один и тот же округ, поскольку выборы разные. Стало быть, мы имеем факт существования двух федеральных избирательных округов. Они совпадают территориально и по численности населения избирателей, но не совпадают по цели выборов. В одном случае — выборы президента, в другом случае — выборы депутатов в Государственную Думу. Значит, это разные избирательные округа. Выборы мэра — это третий избирательный округ. Он тоже округ, и с формальной точки зрения избирательная комиссия должна отказать в регистрации кандидату в мэры, если он уже зарегистрирован кандидатом в депутаты по федеральному округу от избирательного объединения (по спискам). Но если московская избирательная комиссия регистрирует кандидатом в мэры зарегистрированного кандидата в депутаты, то не исключено, что Центризбирком может, сделав соответствующий запрос конкретному лицу и получив от него, например, отказ снять свою кандидатуру по выборам в мэры, может лишить регистрации весь избирательный блок. Трудно предвосхитить, как будет действовать избирательная комиссия: лояльно ли по отношению к властям, если они ее будут подталкивать, либо, наоборот, попытаются эту бомбу обезвредить заранее. Здесь возможны различные варианты поведения, но опять-таки если у власти есть желание доводить это дело, как говорится, до конца, то и власть может подавать в Верховный Суд. В любом случае, окончательная интерпретация, конечно, за судебными властями. Но вероятность толкования, которую я здесь изложил, существует, и она очень высока, если вообще это не является однозначным толкованием. На мой взгляд, надо исходить из этого.

ВОПРОС.

Вы базируетесь в расчетах на соображениях выгоды, которую получает президентская команда, но учитываете ли вы такое обстоятельство: а способен ли Ельцин в принципе уйти добровольно в отставку?

ШОХИН А.Н. Трудно представить, что Борис Ельцин сам и варианты рассматривает, и пасьянсы раскладывает, и когда найдет оптимальный, скажет: о, на этом варианте останавливаемся, ведь он дает преимущество моему ставленнику, преемнику и так далее. Конечно, трудно поверить, что таким образом идет работа. Хотел бы посмотреть и на того человека, который доложит Борису Николаевичу, что ему нужно досрочно уйти в отставку, поскольку вырисовывается замечательный сценарий. Поэтому есть, безусловно, ограничение, о котором вы говорите. Но, еще раз подчеркну, то, о чем я говорю, — это попытка ответить на вопрос: вообще, возможен ли вариант досрочной отставки Ельцина? Я занялся этим вопросом после того, как появилось очень много слухов, особенно неделю назад, о том, что Борис Николаевич уйдет 19 сентября, с тем чтобы совместить выборы парламента и президента. Я стал анализировать все законодательство, чтобы ответить на этот вопрос: зачем ему уходить 19 сентября? И получилось, что незачем уходить 19 сентября в отставку, потому что вариант совмещения выборов в декабре кое-какие дивиденды Кремлю дает, но не решает главного вопроса, а именно: все равно, перестроившись, все его оппоненты перейдут и к парламентским и к досрочным президентским выборам более стройными рядами, чем ряды, отстроенные Кремлем. То есть нет никакого смысла и с учетом психологического обстоятельства, что президенту не так легко решиться на добровольную отставку, он сросся с понятием "власть". Оказывалось, что это идея возможного совмещения выборов и ухода именно в сентябре не очень плодотворна для Кремля. Но тем не менее слух этот был, он был достаточно устойчивым. И стало быть, по принципу: дыма без огня не бывает — надо было проанализировать, возможен ли такой вариант, который может побудить Ельцина сделать этот не свойственный ему шаг. То, к чему я пришел в ходе анализа, позволяет говорить, что это есть аргумент, который его может подвигнуть к этому решению. Когда все уже отстроились, заявили о своих намерениях, его заявление поставит всех в неловкое политическое положение: все должны перестраиваться и иногда даже менять не только тональность, но и содержание своих заявлений. Те, кто говорил, что мы в президенты не хотим, вынуждены заявить о своем желании идти в президенты. Надо будет выяснять отношения в двойках лидеров в каждом блоке, а блоки сформировались у нас ключевыми двойками: Примаков — Лужков, Степашин — Явлинский, Зюганов — Селезнев. Все оказываются, действительно, в достаточно неудобном положении, но если это делается 19 сентября, за месяц с небольшим можно реализовать любую новую технологию: зарегистрироваться по-новому, отработать. Чересчур длинный срок до парламентских и совмещенных с ними президентских выборов, чтобы здесь

что-то выиграть. Выигрыш для Кремля, может быть, если найденная мной схема будет реализована. Захочет президент Ельцин воспользоваться ей или нет, я не знаю, но то, что все элиты (кроме Кремля) не заинтересованы в реализации этого сценария, — это тоже факт. Именно поэтому мне кажется, что всем сейчас выгодно сесть за "круглый стол" и договориться о правилах поведения. В частности, подписать общественный договор о правилах поведения властей и политических элит на период подготовки и проведения парламентских и президентских выборов. Это очень нужно, особенно сейчас. Все разговоры о консолидации власти, может быть, окажутся и местными именно потому, что жизнь заставляет их всех договариваться и консолидироваться. Это тоже один из мотивов, который заставил меня эту схему обнародовать, — подтолкнуть элиту к консолидации.

"РАДИО-1".

Александр Николаевич, почему некоторые аналитики заявляют о том, что Ельцин уйдет 7 ноября и что параллельно будет вынесено тело Ленина из Мавзолея, то есть Ельцин войдет в историю как могильщик коммунизма. Как вы рассматриваете эту перспективу и будет ли отставка Ельцина предваряться отставкой премьера?

ШОХИН А.Н. Когда я называю цифру 23 января как дату возможных выборов, я исхожу из того, что если выборы состоятся позже — на две недели, то все кандидаты в президенты, которые одновременно баллотируются в Государственную Думу и на выборные должности руководителей субъектов Федерации, из этой ловушки успевают выскочить. Они подают все документы на регистрацию после 19 декабря как кандидаты в президенты. В Центризбиркоме регистрируют их как кандидатов в президенты, которые уже являются депутатами, мэрами, а вовсе незарегистрированными кандидатами. Этой коллизии уже нет, "мертвая зона" существует всего несколько дней. Поэтому 7 ноября — это богатая политическая дата: и если вынести тело Ленина и спровоцировать коммунистов на какие-то уличные действия, которые можно потом интерпретировать как посягательство на конституционный строй, то тогда новый сценарий вырисовывается. Я этот сценарий не рассматривал, не считаю его предметом своих упражнений в юриспруденции и в политическом анализе. Но если исходить из буквы законов, которые я назвал и которые лежат на столе передо мной, то досрочные президентские выборы не могут состояться позже 23 января. (30 января как дата выборов — это чересчур жесткий вариант, так как он исключает рассмотрение споров о Верховном Суде.) Если спровоцировать ЧП, запрет КПРФ и так далее — это совсем другой сценарий. Я его вообще не хочу рассматривать, поскольку речь веду о схеме, которая может заставить власти консолидироваться.

"РАДИО-1".

А что касается премьера?

ШОХИН А.Н. Отставки, вы имеете в виду?

"РАДИО-1".

Да. Будет ли отставка президента предварять отставку премьера?

ШОХИН А.Н. Вы знаете, поскольку Борис Николаевич выбирает преемника довольно интенсивно — смотрины продолжаются от двух до трех месяцев в последнее время. Исходя из этого можно делать выводы. Но опять-таки если запускается сценарий, о котором я вам поведал, то понятно, что в течение ближайшего месяца президент должен определиться: делает ли он ставку на этого премьера, на Владимира Владимировича Путина, либо будет еще смотреть варианты, среди коих последнее время часто называется Александр Лебедь (иногда — Егор Строев). Я хочу отдать должное Владимиру Владимировичу Путину: он делает все для того, чтобы силами Государственной Думы и Совета Федерации Лебеда как возможного "сменщика" с пробега снять. Это и жесткая позиция обеих палат парламента по отношению к хасавюртовскому соглашению (хотя они уже не работают после известного договора от мая 1997 года, но тем не менее в историю мирный договор с Чечней вошел как хасавюртовский, инициированный генералом Лебедем). Сейчас его уже все политики осудили как договор, который позволил Чечне мирно вползть в Россию, а потом взрывать ситуацию в ней. В равной степени Владимир Владимирович борется и с другим оппонентом на возможных досрочных выборах — Юрием Михайловичем Лужковым более грамотно, чем до этого делал Кремль. Правда, я не уверен, что можно и нужно дивиденды собирать на выяснении вопроса, кто несет большую ответственность за взрывы: федеральные правоохранительные органы, московские и так далее. Ясно, что "все хороши", и виноватого будут называть люди, а вовсе не чиновники и не политики. Главное,

чтобы новых взрывов не было. Я не могу ответить на вопрос, что взбредет в голову Борису Николаевичу накануне, скажем, принятия решения об уходе в отставку. Можно рассматривать и самый живописный вариант — это введение ЧП, уход в отставку и передача власти преемнику. Но по смыслу этим преемником должен быть полноценный премьер-министр, а не исполняющий обязанности. Потому что Конституция не предусматривает формулу, что обязанности президента исполняет исполняющий обязанности премьера. Стало быть, при этой гипотезе речь идет не только об отставке Путина и о том, что на его место придет новый премьер-преемник, речь идет о том, чтобы назначить полноценного председателя правительства, а это, как известно, предполагает согласие Думы. Как минимум три попытки Дума может использовать, и если она даже с третьего раза утвердит председателя правительства — это будет уже, условно говоря, ноябрь, и тот сценарий, о котором я сейчас говорю, реализовать будет трудно.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, если можно такой вопрос. На сколько вам кажется не с точки зрения российского законодательства, а с точки зрения законов жизни и жизненных реалий, что выборы президента пройдут без основных претендентов на этот пост? Или выборы в Государственную Думу пройдут без участия объединений, представляющих большинство населения России, например. То есть не является ли сценарий, вами описанный, силовым не с формальной точки зрения, а с практической?

ШОХИН А.Н. Я согласен с вами, что это чересчур резкое изменение политического российского ландшафта, это хоть и законный, но силовой вариант. Я уже сравнивал его с политической бомбой. В этой связи я считаю, что, поскольку все политические элиты, кроме кремлевской, не заинтересованы в этом варианте развития событий, они должны вступить в переговоры с Президентом Ельциным, в равной степени Президент Ельцин не должен этот сценарий рассматривать как основной вариант развития событий, а вправе рассматривать его как переговорную позицию, отталкиваясь от которой можно договориться о каких-то компромиссах в политическом поведении основных участников событий. Если, действительно, основные партии, которые по рейтингам занимают электоральное пространство, где-то процентов на семьдесят сойдут с пробега и вместо КПРФ придет Анпилов с Тюлькиным, скажем, вместо "ЯБЛОКА" — другой фрукт, то придут новые партии с неизвестными намерениями и, самое главное, с неизвестностью относительно политических действий, в этой связи это действительно будет большая неопределенность, хотя для разруливания ситуации такая аморфная Дума, состоящая из большего числа фракций депутатских групп, будет более управляемой со стороны Белого дома и Кремля, и интерес, безусловно, может быть к такому варианту развития событий. Я считаю, что это было бы, безусловно, неправильно, хотя технология замещения уже была опробована в 1993 году. Если вы помните, выборы проводились после введения особого положения и запрета КПРФ. И избирательная кампания началась без КПРФ, буквально через 12 дней после начала кампании, если память мне не изменяет, запрет был аннулирован, и коммунисты пошли под собственными знаменами на выборы, хотя до этого работали через аграриев. Кстати, аграрии по инерции именно поэтому в первой Думе получили такое большое количество голосов и сформировали большую фракцию. Не по той причине, что они пользовались большой популярностью, а по той причине, что маховик закручивался в пользу аграриев как на новую вывеску коммунистов. Как только все они стали действительно самостоятельно выступать, у них сразу пошло вниз. Сейчас вряд ли найдутся какие-то способы представительства интересов больших партий через малые и так далее. Поскольку все списки будут зарегистрированы, одномандатные депутаты будут выдвинуты, то возможности такого маневра уже практически не будет. Поскольку мы 6 лет формировали свои предпочтения по отношению к действующим партиям (они в основном сформировались в начале 90-х годов, к 1993 году), это неправильно и по отношению к избирателю: бросить совсем других людей, совсем с другими намерениями, которых они не видели ни живьем, ни в Думе, ни на митинге, нигде, заставлять их рисковать еще раз отдавать свои голоса за еще неизвестных политиков, которые лишь обещают реализовать их надежды, чаяния. Поэтому это силовой вариант развития событий и лучше его не допускать.

"АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ".

Вы говорите, что политическая элита должна договариваться с Кремлем. Понятно,

почему элите не выгоден взрыв этой бомбы. Но Кремлю зачем эти переговоры и на какие дивиденды он может рассчитывать?

ШОХИН А.Н. Речь идет, конечно, о Кремле как о Президенте Ельцине, хотя можно говорить о Кремле как о пресловутом ближнем круге и интересы этих двух Кремлей могут не совпадать. Интерес Президента Ельцина, на мой взгляд, должен состоять даже не в гарантиях личной безопасности, о чем часто говорят, а в том, чтобы он ушел с политической сцены в качестве и демократа, и реформатора, и человека, о котором сохраняются, по крайней мере в глазах и умах политической элиты, добрые воспоминания. Это возможно при условии, что все будут оценивать поведение Бориса Ельцина в последние месяцы пребывания в офисе в Кремле как поведение взвешенное: мог взорвать политическую бомбу, но не взорвал, мог не договариваться со всеми, но договорился. И это имеет гораздо большее значение, чем гарантии личной безопасности, которые могут дать все участники политического процесса, лишь бы он не взорвал эту бомбу. На мой взгляд, портрет Ельцина как политика, имя которого ассоциируется со всеми нашими проблемами, достижениями и бедами в 90-е годы, может иметь в большей степени светлые тона, нежели темные, но лишь при условии, что он эту бомбу не взорвет. Пойдет ли на это ближний круг, в интересах ли его советников такой вариант развития событий реализовывать либо им интересней взорвать эту бомбу, я не знаю. Не исключаю, что им интересней как раз взорвать эту бомбу и заставить, условно говоря, всех ползти в Кремль, договариваться на условиях, которые Кремль выдвинет: и политических, и экономических, и иных. Но этот вариант чреват противостоянием и новыми взрывным и силовым способами выхода из этой ситуации.

ВОПРОС.

Александр Николаевич, если вы говорите, что досрочные выборы состоятся 23 января, то когда отставка президента?

ШОХИН А.Н. Проанализировав текст закона о президентских выборах, легко отсчитать дату. Если президент уйдет 19 октября, как сказано в моей сегодняшней статье в газете "Сегодня"— значит, он дает несколько дней политическим силам на возможность перерегистрации. Это тот мягкий способ, когда президент, взрывая ситуацию, все-таки дает возможность, посуетившись, попытаться перерегистрироваться, на первый-второй рассчитаться — кто в Думу, кто в президенты и так далее. Это самый мягкий вариант, потому что пять дней до закрытия регистрационного процесса, до подачи документов в Центризбирком, и некоторые партии сумеют, наверное, провести соответствующую организационную работу. Если говорить о всех других вариантах, то наиболее подходящий день 24-е число, тем более это воскресенье. Все судьбоносные решения Борис Николаевич принимает в воскресенье, а самый последний день 29 октября, потому что если он 29-го подаст в отставку, то все равно мы выходим на 23 января. Досрочные выборы должны состояться через три месяца, но в ближайшее воскресенье до истечения трехмесячного срока. Вот вам диапазон. Наиболее вероятно это с 23, 24 по 29 октября, сроки до 23—24 — это чересчур деликатные, скажем так, намеки на то, что у него есть этот инструмент. Кстати, это тоже один из вариантов договоренности. Это тоже влияние на ситуацию, поскольку перестройка на марше многих избирательных объединений может привести к каким-то потерям. И даже в этом случае президент выигрывает что-то и его преемник выигрывает. Но стоит ли затевать весь сыр-бор из демонстрации только вежливого поведения — это вопрос. Поэтому если жесткий вариант, то 24—29. Хотя еще раз подчеркну, что лучше идти на вариант выработки совместной технологии обхода и обезвреживания мины, заложенной в действующем российском законодательстве.

Александр Шохин
Диалог с четвертой властью
Художник АЛ. Сушина
Компьютерная верстка Д.Ю. Карпов
Корректоры Л.А. Костылева,
И.А. Мушникова
Ответственный за выпуск И.В. Совкова
Заказ № 736. Подписано в печать 20.10.99. Печать офсетная. Бумага офсетная №
Формат 70 x 100 1/16. Объем 40 печ. л. + 2 печ. л. вкл. Усл. печ. л. 52 + 2,6.
Тираж 3000 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов при содействии ООО "Воентехлит" в ОАО
"Астра семь"